

РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОССІЯ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

1902 г. Августъ.

№ 10

ДВА ПИСЬМА РАБОЧАГО-РЕВОЛЮЦІОНЕРА *)

I. Письмо къ рабочимъ.

Товарищи! Завтра я иду выполнить приговоръ Боевой Организациі нашей Партіи надъ однимъ изъ деснотовъ — харьковскимъ губернаторомъ. Мнѣ потомъ уже нельзя будетъ говорить съ вами, а я хочу, чтобы вы знали, почему я рѣшилъ идти и почему я нахожу, что это дѣло, которое стоитъ, чтобы за него жертвовать жизнью. Много говорить мнѣ некогда, скажу только самое главное, чтобы вы меня поняли.

Я тринадцать лѣтъ рабочимъ и около шести лѣтъ принимаю участіе въ рабочемъ движеніи. Еще года четыре тому назадъ я такъ считалъ, что рабочій народъ скоро свернетъ самодержавіе и добьется другого порядка. Каждую стачку мы считали чуть ли не революціей и кромѣ стачекъ ничего не знали. Но потомъ, когда я сталъ больше присматриваться и больше читать, я началъ убѣждаться, что мы узко смотримъ на вещи. Дѣйствительно, стачки скоро начали прекращаться, наши рабочіе не только о стачкахъ не могутъ думать, но всячески стараются удержаться на мѣстѣ, и намъ самимъ стало смѣшно, что мы думали стачками перевернуть порядокъ Россіи.

Тутъ начались демонстраціи. Демонстраціи мнѣ и моимъ товарищамъ были по душѣ. Тутъ уже борьба! Тутъ прямо встрѣча со врагомъ. Но скоро я въ демонстраціяхъ разочаровался и еще больше, чѣмъ въ стачкахъ. Я думалъ, что мы на демонстраціяхъ воевать идемъ, а оказывается, что только подставляем спину подъ нагайки и головы подъ кулаки и ружейные приклады. Когда я вернулся съ одной демонстраціи, я плакалъ отъ досады и обиды. На насъ налетѣли казаки, мы продержались минуточку-другую, и потомъ разбѣжались во все стороны, а казаки насъ догоняли и били нагайками. А приставъ хохоталъ — „ишь зататы задали!“ А потомъ еще въ Екатеринославѣ демонстрантовъ въ участкахъ били и всячески издѣвались надъ ними. А мы все молчали, и правительство почувствовало, какъ оно сильно, и что напрасно съ нами церемонились.

Стыдно мнѣ стало за себя, стыдно мнѣ стало за товарищей. Мы хотимъ порядокъ всего государства измѣнить, а даемъ себя бить, какъ самые пропащіе люди. Я такъ полагаю, что, если мы идемъ на борьбу, то должны бороться, какъ полагается честнымъ рабочимъ. И раньше всего мы

*) Нашъ товарищъ, членъ Боевой Организациі Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, взявшій на себя выполнение приговора Боевой Организациі палачу харьковскихъ крестьянъ, кн. Оболенскому, оставилъ два письма — одно къ рабочимъ, другое — къ крестьянамъ. Опубликовавъ эти письма, мы по конспиративнымъ соображеніямъ вынуждены пока воздержаться отъ сообщенія какъ имени товарища, такъ и свѣдѣній о его жизни, цѣликомъ отданной дѣлу служенія революціи.

должны такъ держать себя, чтобы насъ уважали друзья и враги. А враги не только чтобы уважали бы, но и боялись. И когда я года полтора тому назадъ встрѣтился съ рабочими, которые говорили, что они социалисты-революционеры, я скоро перешелъ къ нимъ, такъ какъ и они смотрѣли такъ же, какъ и я. И такъ прошелъ почти годъ, пока наконецъ я узналъ, что уже въ Партіи образовалась Боевая Организация. Тогда я только и думалъ, какъ бы туда попасть, но меня долго не принимали, и только послѣ того, какъ Балмашевъ застрѣлилъ министра, меня, наконецъ, приняли; мы предложили, согласенъ ли я идти на харьковского губернатора, который нещадно застрѣлывалъ крестьянъ и продѣлывалъ ужасныя звѣрства и за это былъ награжденъ нашимъ царемъ наградой. Я съ радостью согласился, такъ какъ нахожу, что наша Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ имѣетъ правильный взглядъ на крестьянскій вопросъ.

Я самъ, какъ и большинство рабочихъ, — изъ крестьянъ и мнѣ всегда больно было, какъ многие рабочіе повторяли слова интеллигентовъ, что отъ крестьянъ нечего ожидать, что крестьяне всегда темными останутся и проч. Это не правда, и говорятъ они потому, что крестьянской души жизни не знаютъ. Крестьянину, какъ и нашему брату — рабочему надо только разъяснить, а тамъ уже онъ пойдетъ такъ что почище нашего будетъ. А притомъ, пока крестьянство спитъ, намъ рабочимъ ничего не добиться. Насъ-то горсть, а они — вся Россія. Да и по человѣчеству нельзя оставить безъ вниманія почти что сто милліоновъ, которые по волѣ правительства лишены не только всякихъ правъ, но и хлѣба, и потому я увѣренъ, что наша партія правильно поступаетъ, что ведетъ и крестьянское движеніе. Но крестьянину приходится отъ правительства еще хуже, чѣмъ намъ: когда они поднялись въ Харьковской губерніи, ихъ такъ безчеловѣчно избивали, а потомъ еще заставилъ 800 тысячъ руб. помѣщикамъ уплатить. Наша Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ поднимала крестьянъ и она же должна защитить ихъ отъ всѣхъ опричниковъ и палачей. Крестьяне тогда увидятъ, что они не одни, что есть кому за нихъ заступаться, а для насъ должно быть все одно: заступиться ли за рабочихъ, за крестьянъ и за интеллигенцію. Когда крестьяне узнаютъ, что за нихъ заступился рабочій, они убѣдятся, что они и рабочіе — братья, и что нужно другъ за друга заступаться, другъ за друга стоять и правительство тогда убѣдится, что противъ него весь народъ. Вотъ, товарищи, почему я рѣшилъ, что я, рабочій, долженъ идти за крестьянъ, точно такъ, какъ интеллигентъ Балмашевъ шелъ за весь рабочій народъ.

Я, конечно, не думаю, что послѣ того, какъ я убью харьковского губернатора, крестьянъ не будутъ избивать. Но вѣдь мы совершенно такъ же не думаемъ, что послѣ одной демонстраціи мы уничтожимъ самодержавіе. Если

ТѢХЪ, КТО ТАКЪ РВАЛСЯ ВПЕРЕДЪ....

Пусть же живеть о нихъ память народная.
Долгіе, долгіе дни!
Пусть ихъ прославить отчизна свободная —
Славы достойны они!

III. На славномъ посту.

Скоро ли сбросишь ты иго тяжелое,
Милая родина-мать?
Скоро ли будешь ты солнцу веселос —
Солнце свободы встрѣчать?

Долго терпѣла ты, родина милая,
Гнета великій позоръ...
Рабства народа картина унылая
Чей не туманила взоръ?

Много ты въ жертву святую, великую
Лучшихъ дѣтей принесла,
Ненависть правую, ненависть дикую
Въ насъ эта жертва загла!

Сколько отважныхъ борцовъ надрываются
Цѣпи твои разорвать!
Ржавыя кольца скрипятъ, разрываются,
Бодро работаетъ рать...

Ранять имъ руки осколкомъ тяжелые,
Лица въ кровавомъ поту...
Что жъ говорить намъ ихъ взоры веселые?
— "Славно на славномъ посту!"

Z.

ГИРЦУ ЛЕКЕРТУ

Und der schwarzen Dunst der Schmach
Spricht der Rache Flamme nach!

Lena.

Въ героѣ ненависть сплывается съ любовью...
Къ чему и жизньъ ему, коль живъ еще злодѣй,
Когда не смыть его нечистой кровью
Позоръ замученныхъ подъ розгами людей?
Герой-рабочій! Надъ твоей могилой
Стояли мы съ нѣмой тоской:
Въ ней нашу гордость, нашъ покой
Судба навѣкъ похоронила...

Ты, Богъ моихъ отцовъ, ты, мести Богъ!
Тебя отвергъ я въ гордомъ самомнѣнн...
Не то — теперь... Теперь я изнемогъ
Отъ рабскихъ слезъ, въ безсильной жадѣ мщенья!
Какъ въ дѣтствѣ, я передъ тобой
Готовъ смиренно преклониться,
Готовъ просить, готовъ молиться
Съ такой же пламенной любовью...

Дрожалъ я въ дѣтствѣ, слушая, какъ ты
Тамъ, въ книгѣ древней и могучей,
Въ сияньи гнѣвной красоты
Грозами говорилъ изъ тучи,
Ты нечестивцевъ поражалъ
Стрѣлами молній съ небосвода,
О, какъ ты гналъ, какъ истреблялъ
Враговъ, избранника народа!

Но если ты — не сонъ, не лживый сонъ,
Зачѣмъ же твой народъ-избранникъ
Такъ бесконечно оскорбленъ,
Онъ — жалкій нищій, бѣдный странникъ?
И если ты не сонъ, не сказка, — отчего,
Скажи, унижены такъ все мы,
Сыны народа твоего,
И на призванный волю его
И ты молчишь, и люди нѣмы?

Да, доля рабства и гоненья
Въ удѣлъ страдальцу суждена,

И пьеть онъ чашу униженья,
И далеко еще до дна!
Когда же онъ терпѣть не хочетъ и не можетъ —
Его раздавить грязнымъ сапогомъ,
И надругаются надъ связаннымъ врагомъ,
И опозорять, уничтожать...

И подъ солдатскими ногами,
Бездомный гость чужой земли,
Онъ задыхается въ пыли,
Смоченной жгучими слезами,
И солнце полуденнымъ зноемъ
Его безжалостно палитъ,
И смерть одна своимъ покоемъ
Его страданья утолитъ...

Но нѣтъ, онъ живъ — онъ живъ, народъ родимый!
Въ его рядахъ борцы-герои есть!
Пускай они порой незримы —
Имъ дорога поруганная честь,
За кровь избитого, униженного брата,
За все мученье, весь позоръ,
У палача потребовать расплаты
Еврей-рабочій. Злобный приговоръ
Надъ нимъ свершенъ. Но если на отчизнѣ
Не все умереть въ безжалостной борьбѣ —
Она воскреснетъ къ новой жизни,
И не забудетъ о тебѣ!

Да, ты погибъ. Но вновь я полонъ вѣры,
Что мой народъ несчастный не умретъ,
Онъ, презираемый, униженный безъ мѣры,
Но героическій народъ!
Прости, товарищ! Пѣсней прощальной
Почтимъ мы все страданья твои,
Послѣдней пѣсней — скорбной и печальной —
Борцу за дѣло братства и любви!

Еврей.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ И НАШІ ТАКТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ

Въ рабочемъ движеніи за послѣднее время даетъ себя чувствовать нѣкоторая замѣнка. Не доходитъ въ такой степени, какъ прежде, извѣстій о массовыхъ стачкахъ, распространяющихся все шире и шире, захватывающихъ все новые и новые фабрично-заводскіе районы, о тысячахъ и даже десяткахъ тысячъ забастовщиковъ, множествѣ агитационныхъ листовокъ, формулирующихъ требованія рабочихъ, о суматохѣ среди хозяевъ и фабричныхъ инспекторовъ, о сношеніяхъ мѣстныхъ властей съ центральной властью относительно размѣра возможныхъ уступокъ. И эта замѣнка, это затиханіе успѣло уже породить среди извѣстной части революціонной интеллигенціи тревожныя, пессимистическія мысли. Какъ это чаще всего бываетъ, самое сильное и наиболѣе угнетающее впечатлѣніе испытываютъ тѣ, кто раньше особенно восторгался гигантскимъ ростомъ рабочаго движенія и широтой его охвата. Стачка одного времени сдѣлалась въ ихъ глазахъ такъ бы символомъ рабочаго движенія и, незамѣтно для нихъ самихъ, заняла совершенно непропорціональное мѣсто въ ихъ міровоззрѣніи и въ ихъ программѣ дѣятельности. Недаромъ въ социально-революціонной литературѣ второй половины 90-хъ годовъ было отмѣчено, что социалдемократизмъ на русско-й почвѣ грозитъ окончательно выродиться въ чистый *стакизмъ*.

Ростъ стачечнаго движенія въ глазахъ многихъ социалдемократовъ того времени, дѣйствительно, являлся точнымъ показателемъ степени развитія классового сознанія русскаго фабрично-заводскаго пролетаріата. Они не замѣчали, что, какъ разъ наоборотъ, незаметный и быстрый ростъ стачечнаго движенія свидѣтельствуетъ обычно лишь о *первомъ пробужденіи* рабочихъ, о дѣтски-незрѣлой фазѣ рабочаго движенія; они не замѣчали, что первое увлеченіе стачками во всѣхъ странахъ на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія быстро смѣнилось болѣе осмысленнымъ, осторожнымъ и трезвымъ отношеніемъ къ значенію и къ силѣ этого орудія борьбы. Возьмемъ, напримѣръ, классическую страну социалдемократизма — Германию. Въ 1890 году, на партконференціи въ Галле, въ порядкѣ дня стоялъ какъ разъ вопросъ

о стачках и бойкотах, как оружійхъ борьбы. Докладчики Клош и Гриленбергеръ, резолюція которыхъ была принята единогласно, рекомендовали очень сдержанное отношеніе къ стачкамъ, ибо «стачка есть обоюдоострое оружіе, которое легко можетъ нанести раны какъ разъ тому, кто имъ хочетъ защищаться». Такое отношеніе къ стачкамъ нѣмецкаго социал-демократія разсматривала, какъ необходимый результатъ болѣе зрѣлаго состоянія всего движенія, въ противоположность своему первому незрѣлому увлеченію стачками. «Многія стачки послѣднихъ лѣтъ — говорилъ докладчикъ — были возбуждены рабочими, которые являлись еще совершенно неорганизованными или организованными чрезвычайно недавно, или еще только собирались организоваться. До нѣкоторой степени это стачечное движеніе можетъ быть уподоблено внезапному пробужденію отъ сна, когда пробудившійся не въ состояніи сразу сообразить и ориентироваться въ дѣйствительныхъ условіяхъ. Рабочій чувствуетъ смутное недовольство, неудовлетворенность, не знаетъ хорошенько, какое средство можетъ оказывать дѣйствительнымъ для устранения этой неудовлетворенности, и вѣрить, что путемъ стачки онъ разомъ сможетъ улучшить свое положеніе». Въ это время достаточно рабочимъ услышать живое слово какого нибудь агитатора, прочитать наскоро сфабрикованный кружкомъ молодежи листокъ, чтобы началось броженіе. Рабочіе, такъ долго относившіеся индифферентно къ окружающему, сразу и рѣзко переходятъ къ всплывшій и не находятъ ничего лучшаго, какъ точь-въ-точь забастовать.

И ростъ стачечнаго движенія въ Россіи въ 90-хъ годахъ былъ именно признакомъ этого смутнаго, первоначальнаго броженія. Русскій рабочій классъ просыпался, потягивался, разминался, ощущая, какъ «переливается силушка по жилушкамъ», и наслаждался этимъ новымъ, неизвѣданнымъ ощущеніемъ. Къ тому же, съ этимъ моментомъ въ развитіи рабочаго движенія по времени совпала преходящая лихорадка промышленнаго подъема. Какъ разъ въ это время возводилось «на несицѣ» грандіозное зданіе, которое должно было велѣть затѣмъ рухнуть съ шумомъ и трескомъ въ ту пропасть промышленнаго кризиса, изъ которой мы никакъ не можемъ выкарабкаться вплоть до самого послѣдняго времени. При недостаткѣ въ Россіи технически обученныхъ, профессионально-подготовленныхъ рабочихъ, спросъ на ихъ трудъ быстро росъ, условія борьбы за повышение заработной платы и улучшеніе другихъ условій найма являлись исключительно-благоприятными. На этой почвѣ быстро выросло и среди рабочихъ, и среди извѣстной части революціонной интеллигенціи тяготѣніе къ узкому, исключительно, профессионально-пролетарскому движенію, къ пересадкѣ на русскую почву тредъ-юнизма на англійскій манеръ. Одинокіе голоса, предостерегавшіе отъ этой узости и исключительности, оставались долгое время гласомъ вопіющаго въ пустынь. Даже хуже: когда единичные представители социально-революціоннаго направленія говорили противъ «стачкизма», противъ сведения всего движенія къ борьбѣ изъ-за прибавки пятачка на рубль, въ этой критикѣ стремились видѣть лишь злокозненное намѣреніе какъ нибудь дискредитировать рабочее движеніе, лишь проявленіе неуваженія къ нему и невѣрія въ силу рабочаго класса.

Прошло нѣкоторое время — и все перемѣнилось... Тѣ рѣчи, въ которыхъ раніе усматривалось «оскорбленіе величества рабочаго движенія» приобрѣли право гражданства даже въ социалдемократической литературѣ и теперь едва ли уже не пользуются общимъ признаніемъ... Этотъ поворотъ заставила сдѣлать сама жизнь. Разными путями она привела самихъ рабочихъ къ неудовлетворенности тактикой голаго стачкизма. Въ однихъ мѣстахъ, какъ напр. Западный край, среди еврейскихъ ремесленныхъ рабочихъ, стачка изъ новаго, поражающаго явленія, стала явленіемъ слишкомъ обычнымъ; съ ней свыклись, какъ съ самымъ простымъ и понятнымъ аксессуаромъ повседневной жизни: рядовой ремесленникъ-рабочій оцѣнилъ выгоды въ время начатой и хорошо подготовленной стачки; даже «независимые-зубатовцы» вводили стачку въ свою программу. Для передовыхъ рабочихъ, стремящихся къ максимуму революціоннаго воздѣйствія на окружающую среду, стачки перестали служить столь же широкой, какъ прежде, ареной приложения исключительно ихъ силъ; все чаще и чаще передъ ихъ сознаніемъ вставалъ тревожный вопросъ — «что же дальше?».

Съ другой стороны, въ собственно-фабричныхъ районахъ

самыя внѣшнія условія перемѣнились въ неблагопріятную для стачекъ сторону. Промышленный кризисъ вызвалъ задержку въ ростѣ производства, и мѣстами, въ пнххъ вѣтвяхъ индустріи, привелъ даже къ сокращенію его размѣровъ, къ сокращенію спроса на рабочія руки. Одновременныя голодовки въ деревнѣ, между тѣмъ, выбросили сразу на рабочій рынокъ громадное число жаждущихъ работы хотя бы и за безцѣнокъ. Занятымъ рабочимъ приходилось силѣе прежняго дорожить своимъ мѣстомъ и держаться за него; меньше стало шансовъ на удачу стачекъ и на уступчивость хозяевъ. Во всеѣ времена и во всеѣхъ странахъ эпохи промышленнаго расцвѣта являлись эпохами численнаго роста пастанательныхъ рабочихъ забастовокъ; и, наоборотъ, эпохи кризиса суть преимущественно эпохи стачекъ оборонительныхъ, острыхъ фабричныхъ волненій, вызванныхъ невозможностью побудить хозяевъ къ уступкамъ, эпохи locout'овъ, — искусственно вызванныхъ самими хозяевами недоразумѣній съ рабочими и приостановокъ работы; какъ предлогомъ достигнуть повышенія цѣнъ на свои продукты. Естественно, такія эпохи настраиваютъ рабочихъ къ болѣе скептическому отношенію, къ меньшей вѣрѣ во всемогущество стачки.

Соединенное давленіе двухъ этихъ факторовъ нанесло «стачкизму», или, согласно другой терминологіи, «экономизму», — смертельный ударъ. «Экономизмъ» сразу исчезъ, словно испарился, улетучился или провалился сквозь землю. Въ его чурокъ, все отъ него отрещиваются — его пѣсенка надолго спѣта.

Изъ сказаннаго, однако, не нужно заключать, будто эпоху усиленнаго стачечнаго движенія мы считаемъ безплодной. Ничуть не бывало. Напротивъ, огромное агитаціонное значеніе періода стачекъ для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ взволновалъ и затронулъ — хотя мѣстами и слишкомъ поверхностно — широкія массы рабочихъ и послужилъ исходнымъ пунктомъ для ихъ дальнѣйшаго политическаго развитія, какъ ни мало иногда работали для этого руководители движенія. Но одно дѣло — влияніе стачечнаго движенія, другое — влияніе узости и односторонности «стачкизма», которое сказалось очень скоро далеко не въ пользу революціоннаго дѣла.

Не находилъ болѣе исхода въ стачечной борьбѣ, обостренное надвинувшейся безработицей, получивъ неожиданно новый и сильный импульсъ со стороны, отъ бурнаго взрыва студенческаго движенія и первыхъ ударовъ партизанскаго террора — недовольство рабочихъ массъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ русскихъ городовъ нашло совершенно самостоятельно новую форму проявленія. Вспыхнули первые уличные безпорядки и демонстраціи, неорганизованныя, неподготовленныя, чисто-импульсивныя. Тѣмъ заразительнѣе, однако, было ихъ дѣйствіе на массу. Одна демонстрація порождаетъ другую — «волна на волну набѣгала, волна погоняла волну».

Большинство революціонныхъ организацій, еще такъ недавно всю свою миссію видѣвшихъ въ руководствѣ стачечнымъ движеніемъ, были застигнуты врасплохъ, «отчасти — затѣмъ это скрывать? — и въ дѣствіе извѣстной коности, свойственной всякой организаціи, приносившейся къ опредѣленному роду и темпу дѣятельности»). Отсюда и та растерянность, и та разногласица, которая царилла по вопросу объ отношеніи къ демонстраціямъ среди извѣстной части русскихъ революціонеровъ. Одна изъ социалдемократическихъ группъ такъ описываетъ это состояніе. «Тысячныя толпы народа, точно выросшія изъ нѣдръ земли, съ восторгомъ встрѣчали насъ — «студентовъ», какъ вождей своихъ, предлагали намъ силу и руки. «Господа студенты, ведите насъ; прикажите только намъ, и мы сейчасъ сомнемъ эту сволочь!» кричала намъ Московская улица, съ ненавистью выстроившіеся противъ защитниковъ престола и отечества. «Господа студенты, прикажите — мы разнесемъ арсеналъ» — писали въ манежъ запертымъ тамъ интеллигентамъ петербургскіе рабочіе. А мы? — мы позорно молчали и притались за спины другъ друга, не находя въ себѣ ни силъ, ни способностей къ роли вождей... Поддержка народныхъ массъ только ошеломила насъ, но не подвинула впередъ, не вложила новаго меча въ наши ножины... Мы совершенно не сумѣли откликнуться на эту товарищескую поддержку и воспользоваться боевымъ настроеніемъ массъ...»^{*)}

*) Б. Кричевскій, «Историческій поворотъ» (изд. Рабочаго Дѣла).

**) «Письмо къ товарищамъ-пропагандистамъ», изд. Загран. Лиги Русск. Революціонной Соціалдемократіи.

Такъ было вначалѣ. Затѣмъ жизнь взяла свое. Послѣдовалъ рѣзкій и крутой поворотъ. Вкусъ къ стачкамъ утратился. «Теперь время такое, что бросаны работъ никто стоять не станетъ — писала одна работница: теперь всё въ хочется больше, всё въ на улицу хочется»...

И было увлеченіе стачками готово ужъ было смѣниться новымъ увлеченіемъ, столь же крайнимъ и исключительнымъ. Любопытно, что именно среди того крыла русской социалдемократіи, которое раньше такъ переопредѣляло значеніе «стачкизма» и экономической борьбы, наибольшей интенсивности достигла и переопредѣлка демонстрацій. Люди, для которыхъ чрезвычайный ростъ стачечнаго движенія служилъ точнымъ мѣриломъ вообще роста самосознанія рабочаго, въ пріостановкѣ стачечнаго движенія и переходѣ его въ движеніе демонстраціонное увидѣли прямое начало революціи. — Рабочій классъ созрѣлъ и выходитъ на улицу, чтобы штурмовать крѣпость самодержавія: надо стать во главѣ массъ и вести ихъ на этотъ штурмъ, иначе мы — банкроты! Такъ разсуждали представители этого теченія и въ порывѣ увлеченія редижировали новый приказъ по арміи пролетариата — «стройтесь въ штурмовыя колонны!»).

Но моментъ рѣшительнаго массоваго штурма крѣпости самодержавія оказался гораздо дальше, чѣмъ думали. И всё тѣ, кто готовъ былъ видѣть въ рядѣ демонстрацій непосредственный прологъ революціи, только готовилъ себѣ горькое разочарованіе. Чрезмѣрный неосновательный оптимизмъ и такой же неосновательный пессимизмъ — родные братья, изъ которыхъ одинъ необходимо ведетъ за собой слѣдомъ другого. И эти вѣчные переходы, эти вѣчные скачки и метанья изъ стороны въ сторону, къ сожалѣнію, слышномъ давно и слышномъ долго характеризуютъ собой наше движеніе, являясь признаками несомнѣнной политической незрѣлости...

Выступивъ рѣшительно за демонстраціи еще въ то время, когда онѣ не пользовались популярностью, мы однако всегда отказывались видѣть въ нихъ какую то панацею. Наше отношеніе къ демонстраціямъ оставалось такимъ же, какъ и отношеніе наше къ стачкамъ. При опредѣленныхъ условіяхъ мы признавали и за тѣми, и за другими громадную роль — хотя болѣе агитаціонную, чѣмъ непосредственно-практическую. Но мы отнюдь не полагали, чтобы или стачки, или демонстраціи, превращенныя въ какую то самодовлѣющую систему, являлись всеразрѣшающимъ, универсальнымъ средствомъ. И стачка, и демонстрація были въ нашихъ глазахъ подходящимъ оружіемъ борьбы; но ни та, ни другая не казалась намъ какой то разрывъ — травой, отпирающей всѣ замки и всѣ запоры.

Признаніемъ стачекъ, и далѣе — переходомъ къ демонстраціямъ — съ нашей точки зрѣнія, вопросы не разрѣшались, а лишь ставились. Стачечное движеніе только выясняло невозможность обойти политическую борьбу, необходимость поставить на очередь вопросъ о выступленіи не только противъ хозяевъ, но и противъ правительства; демонстраціи только выясняли необходимость поставить на очередь дальнѣйшій вопросъ — объ *отторгъ* правительственнымъ репрессіямъ, о непосредственной борьбѣ, борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и о различныхъ возможныхъ формахъ этой борьбы.

Пока невозможно массовая вооруженная демонстрація, пока мы не можемъ вывести на улицу рабочіе батальоны, съ категорически выставленными требованіями и угрозой поддержать эти требованія силою оружія, — до тѣхъ поръ неумолимый законъ борьбы будетъ накладывать на насъ роковую необходимость партизанской самозащиты и партизанскихъ нападеній. Нашъ взглядъ на пользование террористическими средствами борьбы уже выясненъ. Намъ остается добавить къ нему нѣсколько словъ о вооруженной самозащитѣ во время демонстрацій.

Мы различаемъ *вооруженную демонстрацію* отъ *вооруженной индивидуальной самозащиты* при демонстраціяхъ. Въ первомъ случаѣ вооруженная масса демонстрируетъ свою готовность силою оружія отстаивать и поддерживать свои требованія. Иными словами, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ примыка угрозы насильственной революціи, возстаніемъ. Во второмъ случаѣ мы просто имѣемъ дѣло съ актомъ индивидуальной предосторожности со стороны значительной части, можетъ быть, даже большинства участниковъ демонстрацій, запасавшихся оружіемъ, чтобы не давая себя звѣрски избить любо-

му полицейскому, которому отсутствіе сопротивленія только придаетъ наглости. Нелѣно и недопустимо, чтобы участника демонстрацій до полусмерти избивали пагайками, кулаками, шашками, топтали ногами, волочили по землѣ, а онъ могъ бы защищаться только зонтикомъ или снятой съ ноги калошей. Такое неравенство шансовъ можетъ обратить усмиреніе демонстрацій въ простой веселый спортъ для любителей кулачныхъ боевъ изъ числа полицейскихъ. Рабочіе уже въ настоящее время протестуютъ противъ того, чтобы ихъ вели только подставляя свои бока и спины подъ пагайки. Уменьшеніе числа участниковъ во время послѣднихъ демонстрацій вполне понятно. Демонстраціи потому и выходятъ не такъ импозантны, толпа потому и проявляетъ такъ мало смѣлости, рѣшительности и стойкости, что именно самые энергичные и рѣшительные элементы громко выражаютъ свое согласіе идти на демонстраціи лишь въ томъ случаѣ, если имъ данъ будетъ лозунгъ — идти не съ пустыми руками. И если мы теперь безусловно не можемъ взять на себя громадную отвѣтственности, связанной съ призывомъ къ вооруженной демонстраціи, которая теперь, при неравенствѣ силъ, кончилась бы ужасной бойней — то мы можемъ для настоящаго времени опредѣленно высказаться только лишь за необходимость индивидуальной вооруженной самообороны при демонстраціяхъ, въ случаяхъ наиболѣе звѣрскихъ и варварскихъ избиеній, когда безъ такого сопротивленія демонстраціи могутъ перестать быть факторомъ возбуждающимъ, революционизирующимъ, и зрѣлище избиенія разбѣгающейся, охваченной паническимъ ужасомъ толпы, которая и не пробовала сопротивляться, можетъ даже подѣйствовать на многихъ *деморализующимъ* образомъ.

Все это каждый разъ необходимо взвѣсить, если демонстрація организуется революціонными группами. Другое дѣло, если демонстрація вспыхиваетъ помимо революціонной инициативы, стихійно, если она вызывается какимъ нибудь изъ ряду вопъ выходящимъ случаемъ, сильно взволновавшимъ рабочую массу. Революціонеры должны помнить, что во всѣ трудныя минуты жизни рабочей массы они должны быть въ ея переднихъ рядахъ. Здѣсь уже не можетъ быть мѣста запоздалымъ соображеніямъ благоразумія. Пусть иной разъ разсчитливѣе было бы еще потерпѣть, повременить: но если у рабочей массы терпѣніе дошло, если она бросается даже въ безнадежную, отчаянную борьбу, какъ это было съ обуховскими рабочими — революціонеры не исполнятъ своего долга, если не будутъ въ самомъ огнѣ. Здѣсь благоразумное воздержаніе равносильно преступленію. Оно было бы разрывомъ глубокой, кровной связи между передовыми бойцами рабочаго дѣла — революціонными социалистами — и рядовыми великой формирующейся арміи труда. А ничто не можетъ быть гибельнѣе для дѣла, ничто не можетъ быть чревато худшими опасностями, чѣмъ подобный разрывъ, или даже надрывъ этой кровной связи...

Неумѣстно слишкомъ сдержанное отношеніе къ вопросу о демонстраціи еще и тогда, когда рѣчь идетъ о *сочувственной* демонстраціи, когда демонстрація въ данномъ мѣстѣ является лишь сочувственнымъ откликомъ на какой либо другой революціонный актъ. Предположимъ такой случай: произошли демонстраціи въ Петербургѣ, Москвѣ, еще двухъ-трехъ крупныхъ центрахъ. Быть можетъ, въ Кіевѣ или Харьковѣ при другихъ условіяхъ лучше было бы избрать для демонстрацій иное время: она выиграла бы въ импозантности. Но тутъ-то и необходимо помнить, что мы ведемъ не узко-мѣстную, а обще-національную политику, мы имѣемъ дѣло съ общимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ демонстраціонный потокъ, взятый въ цѣломъ; мы должны глядѣть на дѣло шире, не сжигать своего кругозора границами даннаго прихода. Мы должны помнить, что даже не особенно удачная демонстрація въ данномъ мѣстѣ имѣетъ громадное значеніе для поддержки *общаго* движенія.

Сказанное выше имѣетъ не меньшее значеніе и для случаевъ поддержки другихъ революціонныхъ актовъ. Сочувственная демонстрація во время вспышки крестьянскаго возстанія въ нѣсколькихъ уѣздахъ, сочувственная демонстрація послѣ кружнаго террористическаго акта имѣютъ огромное значеніе, далеко неизмѣримое обычною, повседневною мѣркой — числомъ участниковъ, организованностью, стойкостью и т. д. Въ этихъ случаяхъ для отдѣльных мѣстъ часто можетъ возникнуть задача — организовать какую бы то ни было демонстрацію, организовать ее во что бы то ни стало.

*) См. *ту же*, очень краснорѣчиво написанную прокламацію «Историческій поворотъ».

Таковы оговорки, которые безусловно необходимо иметь в виду при соблюдении общего правила — относиться к устройству демонстраций не легкомысленно, а сдержанно, осторожно, каждый раз взвешивая все шансы успеха или неуспеха, все возможные последствия открытого выступления на улицу и отпора звѣрским насильямъ.

И, считаясь с тѣмъ, что царское правительство всегда пытается выставить революционеров подстрекателями, подводящими толпу под луи и розги и прячущимися за чужими спинами — мы должны помнить, что въ случаѣ кроваваго исхода того или другого вызваннаго нами массоваго движенія мы должны быть непремѣнно въ первыхъ рядахъ, мы должны показывать примѣръ героическаго самопожертвованія.

*
*
*

Итакъ, въ то самое время, когда одни начинаютъ значительно разочаровываться въ демонстраціяхъ, а другіе — свысока, съ пренебреженіемъ относиться къ «мелочной» стачечной борьбѣ, какъ «нишей формѣ» рабочаго движенія — мы, далекие и отъ того, и отъ другого, можемъ только еще разъ настаивать на правильности нашей прежней точки зрѣнія.

Намъ не приходится разочаровываться въ демонстраціяхъ, ибо мы и раньше ихъ не переоценивали, ибо мы и при ихъ возникновеніи не смотрѣли на нихъ, какъ на начало непосредственнаго, рѣшительнаго штурма бастионовъ самодержавія. Мы считали ихъ могучимъ агитаціоннымъ средствомъ, мы считали ихъ комбинированіе со всеми прочими видами напора на правительство чрезвычайно желательнымъ и необходимымъ. Опытъ послѣдняго времени могъ только подтвердить эту желательность и необходимость.

Намъ не приходится вдаваться въ крайности, принимая значеніе стачечной борьбы, ибо противъ односторонняго и и узкаго *стачкизма* мы были всегда, положительной же роли стачекъ не отрицали никогда. Еще въ программѣ «подготовительной работы партіи Народной Воли» говорилось, что «въ рабочей средѣ должна усиленно вестись пропаганда: 1) социалистическихъ идей (чѣмъ шире, тѣмъ лучше), 2) политическаго переворота. Рядомъ съ пропагандой должна идти организація рабочихъ массъ, имѣющая цѣлью сплотить ихъ, развить въ нихъ сознаніе единства и солидарности интересовъ. Организація рабочихъ можетъ быть ведена на всякой почвѣ, начиная съ артелей, товариществъ, кружковъ саморазвитія, стачекъ и кончая чисто-революционными сообществами».

Въ значеніи стачекъ намъ не приходится разочаровываться, ибо мы никогда не были ими особенно «очарованы». Это для насъ — одно изъ орудій агитаціи и организаціи рабочихъ въ ряду другихъ орудій, подходящее при однихъ условіяхъ мѣста и времени и неподходящее при другихъ. Оно не можетъ односторонне концентрировать на себѣ всѣхъ нашихъ мыслей; но оно нисколько не виновато и въ томъ, что иные революціонеры, нѣкогда слишкомъ имъ увлеченные, теперь, по закону реакціи, готовы перегибать черезчуръ палку въ противоположную сторону.

Соціально-революционная партія не можетъ отказаться отъ руководства экономической борьбой пролетаріата только ради того, чтобы рѣзче подчеркнуть свою противоположность «экономистамъ» или «стачкистамъ». Борьба за насущныя и повседневныя матеріальныя нужды — слишкомъ важное явленіе въ жизни рабочаго класса, чтобы ее можно было беззаказно недооценивать. Не отдѣльные моменты вспышекъ прочіе всего воспитываютъ и закаляютъ для борьбы, а повседневная жизнь, практика постояннаго, непрерывнаго отставанія шаговъ за шагомъ своихъ хотя бы мелкихъ, частичныхъ и мѣстныхъ интересовъ. Изъ этихъ «мелочей» складается вся жизнь рабочаго. «Мелочами» они являются для постороннихъ, у самого рабочаго онѣ затрогиваютъ самую чувствительную струну сердца, самые кровные интересы. Эта экономическая борьба, эти стачки, эти артели и товарищества суть необходимые спутники рабочаго движенія во все времена, а не просто низшая форма этого движенія, въ извѣстный моментъ переживающая себя и уступающая мѣсто другой, высшей формѣ. И если соціально-революционная партія не хочетъ отчужденія отъ массоваго движенія вообще, она не можетъ разсматривать и руководство экономической борьбой, какъ чужое для себя дѣло. А руководство это потому то и необходимо, что и стачка, и артель, и товарищества могутъ быть «обособоострымъ оружіемъ, наносимымъ раны какъ разъ тому, кто имъ хочетъ защищаться». Легализаторскія стремленія Зубатова и зубатов-

цевъ — лучшее тому доказательство, и революціонеры не могутъ и не должны своимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ «низшимъ, элементарнымъ формамъ рабочаго движенія» отдавать ихъ тѣмъ самымъ на произволъ судьбы и зубатовцевъ.

Этого мало. Не покидая ни демонстрацій, ни руководства экономической борьбой пролетаріата, мы за этими способами *антированія* рабочихъ массъ не должны забывать и о идущей вглубь *пропагандѣ*. Нашимъ лозунгомъ должно быть развитіе рабочаго движенія не только ширию, но и вглубь.

Соціалъдемократическая работа среди рабочихъ началась съ кружковой пропаганды, — и, надо сознаться, нѣрѣдко весьма доктринерской пропаганды. Первые пионеры этого дѣла настойчиво противопоставляли себя народолюбцамъ, у которыхъ, будто бы, не революція была для рабочихъ, а рабочие для революціи. Въ противоположность мнимому стремленію народоловцевъ «только разжечь» рабочихъ, они выдѣли свое отличіе въ томъ, что воспитываютъ въ рабочихъ прочное и глубокое классовое самосознаніе. На дѣлѣ же они черезчуръ увлеклись одностороннимъ культивированіемъ въ кружкахъ отдѣльныхъ социалъдемократически мыслящихъ единицъ, и скоро увидѣли, что вслѣдствіе этого получаются совершенно нежелательные результаты. Наиболее способные и даровитые рабочие отрываются отъ массы, изъ нихъ искусственно, съ громадными затратами времени и силъ, фабрикуется точныя копии интеллигентовъ-пропагандистовъ, люди, выходящіе изъ рядовъ массы, становящіеся ей чужими. И по социалъдемократическимъ рядамъ проносится новый лозунгъ: агитація, агитація и агитація! Наши первые шаги были ошибочны — необходимо какъ можно скорѣе рѣзко измѣнить тактику! Нужно не отнимать у рабочей среды ея даровитѣйшихъ представителей, фабрикуя изъ нихъ типичнѣйшихъ интеллигентовъ по своему образу и подобию, нужно поднимать уровень всей массы, всю ее приводить въ движеніе черезъ посредство передовыхъ рабочихъ!

И тактика была измѣнена. Но и здѣсь большинство интеллигентовъ-пропагандистовъ не удержалось отъ того, чтобы не впасть въ противоположную крайность. Во многихъ мѣстахъ пропаганда была заброшена, началось усиленное прииспособленіе къ данному уровню развитія рабочихъ. Все сводилось къ растространенію среди возможно болѣе широкихъ массъ двухъ-трехъ элементарныхъ идеекъ о пролетарской солидарности, о противоположности интересовъ рабочихъ и хозяевъ, о необходимости борьбы съ хозяевами. Расширеніе движенія во что бы то ни стало, хотя бы въ ущербъ его глубинѣ — таковъ былъ общій кличъ. Среди многихъ рабочихъ стало зрѣть серьезное недовольство тѣмъ, что ихъ высшіе умственные запросы остаются неудовлетворенными, что съ этой стороны имъ слишкомъ мало и даже ничего не даютъ. На этотъ разъ такихъ жаждавшихъ «глубокаго и прочнаго классового самосознанія» стали уже встрѣчать упреками, обвиненіями въ умственномъ аристократизмѣ и т. п. А между тѣмъ они были въ значительной степени правы. Было нехорошо, когда рабочая интеллигенція выдѣлялась въ оторванную отъ массы умственную аристократію, но не лучше стало и тогда, когда почти прекратилась самая выработка «рабочей интеллигенціи» въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ этого слова, когда революціонное воздѣйствіе стало охватывать болѣе широкія массы, но затрогивать ихъ слишкомъ неглубоко, поверхностно, а потому и непрочно.

Словомъ, общій недостатокъ въ постановкѣ рабочаго дѣла до сихъ поръ — недостатокъ, отъ котораго и необходимо намъ наконецъ отдѣлаться — заключается въ слѣдующемъ: вмѣсто широкаго и всесторонняго синтеза пропаганды и агитаціи, руководства экономической борьбой и политическихъ демонстраціямъ, подготовительной дѣятельности и непосредственной борьбы — мы имѣли рядъ скачковъ, рядъ рѣзкихъ переломовъ, метаній изъ одной стороны въ другую, отъ одного односторонняго увлеченія къ другому, столь же узкому, исключительному и одностороннему.

Эти метанія изъ стороны въ сторону превосходно изображены въ одномъ письмѣ рабочаго, приведенномъ въ № 14 «Искры». «Раньше, чѣмъ больше зналъ рабочихъ, тѣмъ лучше: съ каждымъ носился, какъ съ писанной торбой; сму и журналы, и книги — читай, голубчикъ! а сейчасъ, какъ рабочій больше понимаетъ, такъ и за рабочаго не почитаютъ; имъ, видите-ли, «массоваго» нужно: все они отъ массы оторваны болѣе. Сначала только и свѣта, что въ кружкахъ;

рабочие мариновались на «культуру» и «стоимости»; потом кружки ничего стоять не стали, а весь смысл дѣла въ агитации. Кружка больше не допросишься... Тутъ время стачкамъ пришло, нѣтъ стачекъ — нѣтъ и жизни; теперь стачки свой вкусъ потеряли, нужны демонстраціи, только про нихъ и есть разговоръ»...

Намъ могутъ возразить, что каждое изъ этихъ увлеченій въ свое время имѣло большой смыслъ, что самая его односторонность и исключительность была полезна, ибо благодаря этому всѣ силы концентрировались на самой важной и существенной задачѣ данного момента, а не раздроблялись, не разбрасывались въ разныя стороны. Таково обычное возраженіе, возраженіе странное и основанное на недоразумѣніи.

Вѣдь если проводить послѣдовательно этотъ способъ разсужденія до конца, то пришлось бы дойти до абсурда. Въ настоящее время—это признаютъ теперь едва-ли уже не всѣ—необходимо обратить серьезное вниманіе на работу въ крестьянствѣ. По неужели, чтобы достигнуть въ этомъ направленіи необходимыхъ результатовъ, сдѣдуетъ превознести крестьянство выше дѣсу стоячаго, чуть пониже облака ходячаго? Неужели для этого необходимо воскресить всѣ иллюзіи 70-хъ годовъ и принизить передъ крестьянствомъ елико возможно и революціонную интеллигенцію, и рабочихъ, и т. д.? Или другой примѣръ. Одна изъ насущныхъ задачъ времени—отпоръ на правительственные репрессіи террористическими средствами; но неужели для введенія ихъ въ программу и практику революціоннаго движенія необходимо предварительно всѣ другія формы революціонной работы и борьбы предать закланію на алтарь бога-Террора?

Мы думаемъ, что напротивъ. Мы убѣждены, что всякая крайность, односторонность и исключительность въ проведеніи хотя-бы здоровой идеи способны лишь многихъ отгнать, вызвать массу липшихъ недоразумѣній, разногласій и расколовъ, — и только затруднить принятіе здороваго зерна, лежащаго въ основѣ данного увлеченія.

Вы боились разбросаться, раздробить силы, принять слишкомъ широкую и разностороннюю программу дѣятельности; и вотъ изъ-за этой боязни вы раскололи эту цѣлостную программу на обрывки, между этими обрывками фактически раздробили, раскололи силы, да еще вызвали междоусобную борьбу во имя одного обрывка противъ другого. Вы боились разбросаться — и ради этой боязни вы заставляли въ узенькихъ рамкахъ, пока жизнь своимъ властнымъ потокомъ не врывалась къ вамъ, не разбивала вашихъ узенькихъ рамокъ и не заставляла васъ врасплохъ. Вы боились разбросаться, и ради этой боязни вы обрели себя на метанъ и скачки изъ стороны въ сторону, лишили ваше движеніе правильного, послѣдовательнаго роста и превратились въ трость, колеблемую вѣтромъ...

Какого еще горькаго урока нужно для того, чтобы осудить безповоротно и навсегда сектантскую боязнь широкаго и смѣлаго революціоннаго синтеза?

По жизни сильнѣе доктринерскихъ предрасудковъ, и каждый новый ея шагъ приближаетъ насъ къ торжеству широкой и разносторонней социально-революціонной программы, такой программы, которая дастъ мѣсто всѣмъ видамъ революціонной энергіи, всѣмъ силамъ, склонностямъ и способностямъ, гармонически объединивъ въ одномъ многостороннемъ и рѣшительномъ напорѣ на правительстве всѣ формы и методы борьбы, вплоть до самыхъ грозныхъ и рѣшительныхъ!

ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ХРОНИКИ.

Правительство Николая II проявляетъ кипучую дѣятельность. Одна за другою принимаются экстренныя мѣры, одно за другимъ появляются правительственные распоряженія и сообщенія, начиная съ царскихъ рескриптовъ министрамъ и указовъ сенату и кончая губернаторскими рѣчами, обращенными къ крестьянамъ. Все ярче и полнѣе обрисовывается въ этихъ распоряженіяхъ общая программа дѣятельности, принятая правительствомъ. Тѣмъ любопытнѣе, конечно, остановиться на нихъ и опредѣлить то отношеніе, какое устанавливается между запросами народной жизни и дѣйствіями правительства.

Ни для кого не тайна, что страна переживаетъ въ настоящій моментъ глубокое и острое экономическое разстройство, которое заставляетъ себя знать трудящимся массамъ. Десятки гу-

берній едва оправляются отъ послѣдствій жестокаго голода минувшей зимы. Цынга и голодный тифъ съ полной силой свирѣпствуютъ еще въ изголодавшихся деревняхъ и вальтъ съ ногъ сотни тысячъ обезсильныхъ крестьянъ. Два-три факта, заимствуемые нами изъ легальныхъ газетъ, могутъ показать, какъ мало преувеличенія въ этой фразѣ. Въ пяти уѣздахъ Казанской губ., по свѣдѣніямъ губернской земской управы, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ больныхъ цынгою было 5.219 ч. въ 450 селеніяхъ. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губ. въ началѣ марта больныхъ цынгою было зарегистрировано 2.723 чел. Къ началу апрѣля эта цифра возросла до 6.815 ч. Въ двухъ волостяхъ Глазовскаго уѣзда (Вятской губ.) командированный въ этотъ уѣздъ въ маѣ мѣсяцѣ помощникъ врачебнаго инспектора нашелъ болѣе 40.000 цынготныхъ. Не менѣе тяжелыми оказались и другія послѣдствія голодовки этого года. Крестьянскій скотъ во многихъ мѣстахъ, благодаря недостатку кормовъ, подвергся массовому падежу. Мѣстами и поля остались незащищенными, частью изъ-за отсутствія рабочаго скота, частью по отсутствію сѣмянъ, такъ какъ выданный на обсеменение полей хлѣбъ былъ сѣденъ умиравшими съ голоду крестьянами. Тамъ, гдѣ поля были засѣяны во время, земледѣльцу блеснула была надежда на хорошій урожай, но, повидимому, и эта надежда готовится обмануть, и надъ Россіей нависаетъ гроза новаго неурожая, обещающаго и новый голодъ. Немогимъ лучше и положеніе рабочей массы въ городахъ. Промышленный кризисъ, тяготящій надъ страной въ послѣдніе годы, непрерывно расширяетъ свою область, почти съ одинаковой силой давая себя чувствовать на югѣ и на сѣверѣ, въ центральномъ и сѣверо-западномъ промышленныхъ районахъ. Подъ давленіемъ этого кризиса немало фабрикъ и заводовъ уже закрылось и еще большее количество сократило свое производство. Заработная плата въ промышленныхъ центрахъ упала до минимума, но не смотря на это, толпа безработныхъ все еще растетъ съ каждой недѣлей, переполняя города. Тысячи рабочихъ, не находящихъ себѣ труда, волей-неволей возвращаются въ голодную деревню, но оттуда навстрѣчу имъ стремится новый потокъ людей, ищущихъ работы, чтобы не умереть съ голоду.

Народное разореніе даетъ себя знать во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ фактахъ повседневной жизни Россіи, но самодержавное правительство, своею хищническою политикой создавшее это разореніе, не желаетъ и впредь считаться съ нуждами народа. Оно готово помогать казенными заказами фабрикантамъ и заводчикамъ, готово предоставить средства Государственнаго банка въ распоряженіе неудачныхъ биржевыхъ спекулянтовъ, но народу оно рѣшительно отказывается въ помощи. Въ виду тяжелыхъ бѣдствій, потрясающихъ страну, оно не перестаетъ завѣрять, что все обстоитъ благополучно. Съ безработными и голодными оно борется, какъ съ революционерами и злоумышленниками. По отношенію къ безработнымъ правительство продолжаетъ примѣнять мѣру административной высылки, усиленно практиковавшуюся при Сипягинѣ: рабочихъ, скопившихся въ какомъ-либо районѣ въ большомъ количествѣ и не находящихъ себѣ труда, мѣстныя власти принудительнымъ порядкомъ отправляютъ на родину. — ту родину, откуда они бѣжали въ поискахъ за работой, которая помогла бы имъ избавиться отъ ужаснаго голода. Правда, официального голода уже не существуетъ. Какъ сообщено было въ газетахъ, въ началѣ іюня, «министръ внутреннихъ дѣлъ въ виду окончанія продовольственной кампаніи намеренъ возмозжнѣе прекратить періодическія телеграфныя донесенія о положеніи пострадавшихъ отъ неурожая губерній въ продовольственномъ отношеніи». Не безъ конца же въ самомъ дѣлѣ баловать мужика нищенской ссудой. Пускай деревни еще полны больными, пусть крестьяне еще пухнутъ отъ голода. «Не бѣда, что попустить мужикъ». Такъ ведущее насъ Провидѣніе указало... Да онъ и привыкъ»...

Повидимому, однако, мужикъ начинаетъ отвыкать отъ терпѣнія. Измученные, изголодавшиеся крестьяне не въ силахъ болѣе терпѣть и терпѣть. Они начинаютъ понимать, что не отъ правительства надо имъ ждать улучшенія своей участи, начинаютъ жадно прислушиваться къ рѣчамъ революционеров, еще недавно столь чуждымъ для нихъ. Крестьянскія волненія въ рядѣ губерній весьма недвусмысленно показали правительству, насколько оно можетъ разсчитывать на терпѣніе и «консерватизмъ» крестьянъ. Въ свою очередь Плеханъ не затруднился разъяснить крестьянамъ, на что они могутъ

разсчитывать, имѣя дѣло съ самодержавнымъ правительствомъ. Крестьянскія волненія залиты кровью, задавлены пулями, штыками и розгами. Въ Полтавской и Харьковской губ. на всѣ крестьянскія общества, члены которыхъ участвовали въ волненіяхъ, наложена особая контрибуція въ пользу пострадавшихъ отъ безпорядковъ помѣщиковъ, и начало взысканія этой контрибуціи съ свирѣлымъ цинизмомъ пріурочено ко второй половинѣ текущаго года, т. е. къ тому времени, когда крестьяне еще не успѣютъ оправиться отъ послѣдствій только-что пережитаго голода. Впрочемъ въ перемежку съ экзекуціями правительство прибѣгаетъ и къ слову увѣщанія. Во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ происходятъ или ожидаются аграрныя волненія, губернаторы пытаются удержать крестьянъ въ повиновеніи, обращаясь къ нимъ лично или черезъ посредство земскихъ начальниковъ. Въ короткое время успѣла создаться цѣлая литература губернаторскихъ рѣчей и циркуляровъ. По содержанию своему литература эта необыкновенно монотонна. Губернаторы наперерывъ другъ предъ другомъ пугаютъ крестьянъ примѣромъ кары, постигшей полтавскихъ и харьковскихъ «бунтовщиковъ», напоминая, что Александръ III и Николай II при своей коронаціи совѣтовали крестьянамъ слушаться предводителей дворянства и не вѣрять «вздорнымъ и недѣльнымъ слухамъ о даровыхъ прирѣзкахъ земли», говорятъ о необходимости подчиняться закону и заканчиваютъ увѣреніями въ своей готовности помогать крестьянамъ, если... крестьяне ничего не будутъ требовать. Но, должно быть, ораторы по неволѣ и проповѣдники законности по недоразумѣнію сами плохо вѣрятъ въ силу своихъ аргументовъ и мало надѣются на то, что крестьяне добровольно согласятся на «законный» голодовки. Ибѣ-нѣтъ, и среди увѣреній въ любви и восхваленій закона прорывается рычаніе дикаго звѣря: «Если,—говорилъ черниговскій губернаторъ крестьянамъ с. Ущерныя,—вы будете стремиться или даже только думать рѣшать какія бы то ни было дѣла своими умомъ, я не задумаюсь принять строжайшія мѣры къ тому, чтобы васъ отучить отъ подобныхъ повадокъ» («Черниговскій Губ. Вѣдомости»). Свирѣпый черниговскій сатрапъ, надо думать, съ особымъ наслажденіемъ произносилъ эту угрозу. Но дѣло все-таки не въ личныхъ чувствахъ губернаторовъ. И болѣе культурные изъ нихъ роковымъ образомъ вынуждены прибѣгать къ тѣмъ же угрозамъ, къ тѣмъ же насиліямъ. Разъ самодержавное правительство рѣшительно заявляетъ, что оно не намѣрено заботиться объ улучшеніи жалкаго положенія разореннаго крестьянства, разъ оно открыто ставитъ себя по отношенію къ этому крестьянству въ положеніе завоевателя, единственнымъ средствомъ для поддержанія порядка въ крестьянской средѣ остается, конечно, лишь грубая сила. И намъ, мечтающимъ объ освобожденіи русскаго народа, приходится приветствовать въ лицѣ открытыхъ губернаторовъ своихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ раскрытія глазъ народу. Время, когда сила могла отучить народъ «рѣшать дѣла своимъ умомъ» прошло безвозвратно. Теперь примѣненіе силы уже не отучитъ крестьянъ отъ «подобныхъ повадокъ»; оно только дастъ лишній толчекъ народному уму и чувству, только выдѣлитъ изъ народной массы людей, готовыхъ подписать смертный приговоръ самодержавію, подъ страхомъ тяжкихъ каръ обрекающему цѣлый народъ на безмысленное существованіе голоднаго скота.

Крестьянскія волненія послужили для правительства поводомъ и въ другомъ отношеніи полиѣ развернуть свою программу. Унаслѣдовавъ мысль Сипягина объ уничтоженіи земской статистики, Плеве для начала въ 12 губерніяхъ безусловно воспринялъ земскимъ статистикамъ разбѣды по деревнямъ, а въ остальныхъ поставилъ такіе разбѣды въ зависимость отъ разрѣшенія губернаторовъ, мотивировавъ эту мѣру тѣмъ, будто статистики подстрекаютъ крестьянъ къ волненіямъ. Едва-ли однако въ средѣ самого правительства найдется много наивныхъ людей, готовыхъ повѣрить такому обвиненію. Уничтоженіе земской статистики является лишь новымъ шагомъ на томъ пути постепеннаго истребленія мѣстнаго самоуправленія, по которому давно и неуклонно идетъ правительство. Выбѣтъ съ тѣмъ послѣднее мечтаетъ закрыть доступъ въ деревню всѣмъ «постороннимъ» элементамъ, предостанитъ крестьянамъ общеніе лишь съ урядникомъ, попомъ, земскимъ начальникомъ и кулакомъ-помѣщикомъ. Отъ попытокъ осуществленія такихъ мечтаній его не удерживаютъ даже наиболѣе реальныя государственныя интересы. Въ своемъ докладѣ царю Плеве указываетъ, что уничтоженіе

земской статистики замедлитъ работу переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ, крайне важной въ виду разстроенныхъ финансовъ государства, но — прибавляетъ заботливый министръ — «мѣры, преслѣдующія интересы государственнаго порядка, должны быть осуществлены во всякомъ случаѣ». Такимъ образомъ существующій «государственный порядокъ» самими министрами внутреннеки дѣлѣ признается несомѣстимымъ не только съ самымъ скромнымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, но и съ мѣрами, необходимыми для упроченія и развитія финансового хозяйства государства. Господину Плеве нельзя, по крайней мѣрѣ, отказать въ откровенности.

Въ интересахъ все того же «государственного порядка» правительствомъ принята еще одна крупная мѣра. 10-го іюня состоялся царскій рескриптъ на имя новаго министра народнаго просвѣщенія — Зенгера. Передаютъ, что этотъ рескриптъ написанъ Мещерскимъ, и какъ безграмотность этого документа, такъ и его содержаніе дѣлаютъ вѣроятнымъ такое предположеніе. Содержаніе царскаго посланія министру въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно любопытно. Работы по преобразованію средней школы поставлены рескриптомъ на новый путь. Выработанный при Ванновскомъ планъ, въ основу котораго легла мысль о созданіи единой средней общеобразовательной школы, внизу сдѣланной съ школой начальной, верху съ университетомъ — пошелъ на смарку. Теперь министерству народнаго просвѣщенія указана иная цѣль — создать нѣсколько типовъ школъ съ различными программами и лишь небольшую часть учащагося юношества допускать въ privilegiрованную школу, открывающую доступъ въ университетъ. Не трудно догадаться, что задняя мысль этого плана заключается въ стремленіи сдѣлать образованіе сословной или, по крайней мѣрѣ, классовой привилегіей. По такъ какъ само по себѣ образованіе, безъ соотвѣтствующаго воспитанія, признается все-таки вреднымъ, то при всѣхъ школахъ предполагаются еще воспитательныя пансіоны.

Въ сущности и этотъ планъ, и его мотивировка не являются новостями въ исторіи русской школы. Еще въ 1826 г. министръ Шишковъ создалъ для Николая I совершенно такой же планъ. Въ немъ точно также проектировалось устроить школы разныхъ типовъ для разныхъ классовъ общества, точно также предполагалось ограничить доступъ въ университеты и «смягчить вредъ образованія воспитаніемъ въ духѣ вѣры и преданности Престолу». Однако въ и причины, породившія этотъ планъ. Николай I схватился за него отъ страха передъ декабристами, Николай II — отъ испуга передъ Балмашевымъ. По и въ крѣпостной Россіи 76 лѣтъ тому назадъ такой планъ оказался неисполнимымъ. То, что не удалось Николаю I, едва-ли удастся его жалкому правнучку. Торжественно возвышенный имъ планъ пересозданія школы является лишнимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ несомѣстности русскаго самодержавія съ развитіемъ просвѣщенія въ странѣ. По трудности осуществленія этого плана граничить съ невозможностью. Недаромъ въ Петербургѣ расказываютъ, что даже ревностный Зенгеръ растерялся отъ рескрипта 10 іюня и что остальные министры усердно охраняютъ Николая II отъ посященія Мещерскаго, опасаясь, какъ бы послѣдній не написалъ и имъ рескрипта въ такомъ же духѣ.

Какъ бы то ни было, правительство выбрало свой путь. Оно упрямо идетъ по той же дорогѣ, по которой шло, не желая считаться съ самыми неотложными нуждами народа, отказывая въ удовлетвореніи самыхъ настоятельныхъ потребностей страны. Судорожно цѣпляясь за свою власть, оно рѣшительно отказывается подчинить свою дѣятельность идеѣ народнаго блага и не желаетъ допускать развитія живыхъ общественныхъ силъ. Оно готово карать голодный народъ, отказывать ему въ помощи, готово закрыть обществу доступъ къ знанію, лишь бы не пропустить къ нему вредныхъ идей. Новый глава и вдохновитель правительства, Плеве, сознательно воспринялъ программу Сипягина и проводитъ ее съ похвальной послѣдовательностью и откровенностью. Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ онъ, какъ намъ передавали, писалъ недавно: «Я — сторонникъ крѣпкой власти во что бы то ни стало. Меня ослѣпляетъ врагомъ народа, но пусть будетъ, что будетъ». Ослѣпляетъ его «врагомъ народа» прядиль, однако, есть надобность. Онъ самъ уже сдѣлалъ это. Но жизнь показала, что у русскаго народа есть не только опасные враги, но и самоотверженные друзья. Съ глубокой вѣрой въ силу ихъ ангажизма мы повторяемъ: «будь, что будетъ».

МАЛЮТА ФОНЬ-ПЛЕВЕ И ЕГО СПОДВИЖНИКИ.

Фигура поваго министра внутренних дѣлъ уже успѣла обрисоваться во весь свой ростъ передъ русскимъ обществомъ. Тяжелое наслѣдіе оставилъ своему преемнику Сипягинъ, и возможны были только два пути: или принять все это наслѣдство цѣликомъ, или подумать о ликвидаціи...

Выборъ фонь-Плеве показалъ, какимъ путемъ рѣшило идти наше правительство. Плеве, который «по влеченію сердца» нѣкогда оставилъ постъ юриста-законника, блюстителя правосудія, для поста главы русскаго сына; Плеве, который выдвинулся на политическихъ травляхъ въ Варшавѣ; Плеве, который создавалъ свою карьеру на борьбѣ съ Народной Волей; Плеве, который продолжалъ се травлей финляндцевъ — этотъ самый Плеве, этотъ самый полицейскихъ и сыскныхъ дѣлъ мастеръ принимаетъ въ свои твердыя руки бразды правленія, выпавшія изъ рукъ Сипягина.

Фонь-Плеве, ведущій обрусительную политику; фонь-Плеве, занимающийся травлей инородцевъ; фонь-Плеве — опора и блюститель православія... Какъ все это хорошо гармонируетъ между собою! Впрочемъ, такихъ господъ не спрашиваютъ о томъ, какой они сами національности, какой вѣры и т. д. Они, какъ гласитъ поговорка, той вѣры, за которую больше сала даютъ. Но что сказать объ томъ общественномъ порядкѣ, который не можетъ найти себѣ иныхъ защитниковъ? Что сказать о томъ политическомъ режимѣ, которому приходится быть столь неразборчивымъ въ выборѣ своихъ служителей? Только то, что этотъ порядокъ вырождается, что онъ разлагается заживо.

Специалистъ по сыску въ роли вершителя всей внутренней политики — вотъ до чего мы дожили. Прежде къ людямъ, одѣтымъ въ посинѣвшіе мундиры и съ веревками на плечѣ, принято было относиться съ нѣкоторой гадливостью, какъ къ прокаженнымъ или сифилитикамъ: не то, чтобы ужъ такъ сильна опасность заразиться жандармской болѣзью, а просто чувство естественной брезгливости говорило во всякомъ честномъ человѣкѣ, даже не имѣвшемъ ничего общаго ни съ какими революціями. Но теперь, когда самъ царь устроилъ брудершафтъ съ жандармами, все должно идти по новому. Именно такіе люди теперь и нужны самодержавію. При рожденіи на свѣтъ русскаго царизма нужны были Малюты (Скуратовы, чтобы расчислить ему дорогу, закрѣпить его господство. Такие же Малюты (Скуратовы) нужны царизму и теперь, когда предчувствіе близкой смерти заставляютъ его судорожно метаться и врать все кругомъ направо и налево. Недаромъ реакціонныя газеты съ такимъ вкусомъ, причмокивая и облизываясь, передавали и комментировали первую рѣчь новаго великаго визири Николая II. Въ ней уже ясно прорывались звѣринныя потки. Онъ не могъ выдержать взятаго было сначала спокойнаго и приличествующаго высокому званію тона. Старый заплеванный дѣлъ мастеръ вновь почувалъ власть и кровь. И онъ оправдалъ ожиданія и унованія реакціонныхъ газетъ, съ жадностью долго постигнагося человѣка накинутаго на розги и вѣшалки...

Какъ ни вспомнить при этомъ яркую историческую фигуру, являющуюся прообразомъ фонь-Плеве, —

Пѣз-за стола онъ, Малюта, новыскакиваетъ,

Опрокидываетъ онъ пятьдесятъ скамей,

Пятьдесятъ скамей бѣлодубовыхъ;

Затыкаетъ онъ, собака, полы за поясъ,

Засучаетъ онъ, собака, руки по локоть...

Если Плеве пришелъ ко двору камарилѣ Зимняго Дворца, то и самъ Плеве въ своихъ новыхъ обязанностяхъ почувствовалъ себя какъ разъ въ своей тарелкѣ. Слѣды этого настроенія особенно ясно проглядываютъ въ бульварно-репортерскомъ отчетѣ о разговорѣ съ Плеве сотрудника «Matin». Министръ то опускаетъ очи долу, то потираетъ руки, то выдаетъ въ неудержимое чисто-хлестаковское хвастовство. Крестьянскія волненія? Это пустяки, одно недоразумѣніе. Они уже усмирены. Мы вѣдь добры, мы не хотѣли стрѣлять въ мужиковъ, и потому пустили въ ходъ розги: это средство всеобщаго понатѣе грубому простолыну. Рабочее движеніе? — Ну, это когда еще будетъ. Студенческіе протесты? Студенты первые поймутъ ихъ безполезность. — Но могутъ быть покушенія, заговоры? Э, полноте, министры такъ хорошо охраняются! Далѣе Плеве не безъ скромности похваляется, что онъ, организовавъ въ 80-хъ годахъ политическую полицію, въ два мѣсяца раскрылъ всю тайную организацию Народной Воли, а ее создателя такъ даже обратилъ на путь истинны. Какъ ви-

дите, Плеве не смущается. Французскому ли репортеру знать, былъ ли когда нибудь Левъ Тихоміровъ создателемъ народно-вольческой организации? Проверки тутъ можно не опасаться. Вотъ только насчетъ похвалы борьбой противъ Народной Воли вышло менѣе ловко, хвачено черезъ край. Правда, въ то злобщее время Плеве и Судейкинъ хватили кого попало, не стѣнялся ничѣмъ въ стремленіи «вывести крамолу». Однако, и тогда, при сравнительно слабыхъ силахъ революціонеровъ, всевѣдущая полиція не счѣла сдѣлать самого главнаго — охранить жизни царя. Несмотря на всѣ тайныя и явныя охраны даже и преемникъ убитаго долженъ былъ долгое время то сидѣть узникомъ въ Гатчинѣ, то скрываться на нелегальномъ положеніи между финляндскими шхерами, то спасаться въ эмиграціи у тестя въ Даніи. Да и у самого Плеве врядъ ли особенно пріятныя воспоминанія связаны съ тѣмъ временемъ, когда и ему угрожала участь его сподвижника Судейкина, когда онъ избѣжалъ этой участи только благодаря тому, что временно сошелъ съ авансцена и затерялся въ дальнихъ рядахъ защитниковъ самодержавія... Но что вышло особенно недовольно, такъ это смѣлое утвержденіе, что охрана личности министра гарантирована. Даже для французскаго репортера не достаточно импонируютъ такіе слова, когда они вылетаютъ изъ устъ министра, только что занявшаго кресло убитаго предшественника. Правда, Плеве сваливаетъ всю вину на бездѣятельность Зволянскаго и обѣщаетъ черезъ два мѣсяца, при новомъ главѣ охраны, дать русской землѣ «настоящую» полицію. Но кому же неизвѣстно, что дѣло обстоитъ гораздо проще, и что Плеве только сводитъ старые сче-ты съ Зволянскимъ, съ которымъ у него такъ давно идетъ жестокая личная вражда? Вообще, весь разговоръ нашего министра съ сотрудникомъ «Matin» представляетъ собою, быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ образецъ смѣши Хлестаковщины съ Ноздревщиной.

Труднѣе прискать имя для другого дѣянія новаго министра — дѣянія, достойнаго кисти великаго мастера. Потребованъ военнаго суда надъ Балманевымъ, обрѣкши его до суда на смерть, герой нашъ, чтобы удивить безстыдствомъ и Питеръ, и Москву, и всю Россію — торжественно отправляется говѣть къ Сергію Радонежскому...

Ой, и грѣхъ же вамъ, отцы святыя, монахи троицкіе! Не порадили вы о казніи преподобнаго! Какой случай упустили вы! Не часто выпадаютъ такіе случаи даже въ нашей странѣ «попехонскаго волшебства» и всяческихъ чудесъ и неординарностей. Какъ не догадались вы загодя заказать экстренные поѣзда и звать всѣхъ за хорошую плату смотрѣть, какъ господинъ православный фонь-Плеве будетъ передъ ракой святителя съ умиленной душою и сокрушеннымъ сердцемъ очищать молитвой и постомъ душу свою отъ грѣховъ. Много чудесъ на святой Руси, но этикихъ не выдумать и нарочно. Настоятель отлучаетъ грѣхъ будущаго убійства и прежде, нежели убійца отбѣдаетъ крови живого человѣка, предлагаетъ ему, натопающъ, принять тѣла Христова и вкусить источника безсмертнаго. Даже и «Новое Время» въ своемъ воскресномъ приложеніи какъ то не догадалось дать изображеніе господина министра внутреннихъ дѣлъ, оскверняющаго гробъ великаго печальника земли русскаго, посылавшаго своихъ монаховъ биться за освобожденіе Руси отъ татарскаго ига. Да, были на Руси когда то Сергіи и Филиппы, то было время искренней, наивной и простоудинно-поэтической вѣры. Дмитрий Донской глубоко вѣрилъ, что благословеніе Сергія поможетъ ему въ борьбѣ съ повелителемъ всея Руси, татарскимъ ханомъ, Иванъ IV дѣйствительно побывалъ смѣлаго митрополита Филиппа. Но теперь православіе настолько усовершенствовалось, сдѣлало такіе успѣхи, что къ тому же Сергію съ необыкновенной развязностью является новый Малюта и постъ усерднаго говѣнныя и поста отправляется на разговорѣ въ Полтавскую и Харьковскую губ. досѣкать голодныхъ мужиковъ. Что бы подумала старая Русь, если бы Сергіи благословили Мамаю на походъ противъ русскихъ мужиковъ, отказавшихся платить дани и прогнавшихъ ханскихъ баскаковъ? Все минулось — и вѣра, и Христовы святители, званіе Русь на бунтъ противъ пререканной власти хана Золотой Орды и удерживавшіе руки царя-палача отъ казни и убійствъ — одинъ застѣнокъ остался...

Владычество Плеве стремится затмить собой даже эпоху диктаторства Сипягина. Хорошо процоветствовалъ голодающихъ Сипягинъ съ Краснымъ Крестомъ; такъ закармливать, что мужики укъ начали похлѣть (злые языки говорятъ — пухнуть отъ голода). Но Оболенскій, Плеве, самъ Государи

Императоръ нашли еще лучший, еще болѣе простой и дешевый способъ — кормить голодающихъ розгами, «березовой кашей», какъ привыкли они мило выражаться про этотъ любезный ихъ сердцу способъ. Въ Евангеліи злымъ называется тотъ, кто вмѣсто хлѣба дать голодному камень, а вмѣсто рыбы — змѣю. Какъ же назвать тѣхъ, кто голодающихъ мучить, истязуетъ, насыпаетъ на нихъ орды разбойниковъ и мучителей? Въ евангеліи имъ нѣтъ имени. Такого звѣрства, такой безчеловѣчности въ ту пору не могли предвидѣть и придумать. Но вѣдь со временемъ все усовершенствуется... У насъ однако не довольствуются и этимъ. Мало натѣшиться надъ голодающими за то, что они не хотѣли молча умирать вмѣстѣ съ дѣтьми. Надо еще взять въ наказаніе у нищаго послѣднюю суму, надо отнять его имущество на дуванъ помѣщикамъ. И вотъ, оглуомъ на цѣлыя сельскія общества, не разбирая правого отъ виноватаго, накладывается контрибуція въ 800 тысячъ рублей. Правящее самодержавное чиновничество хорошо затвердило, что мужицкое имущество все равно, какъ солдатскіе бакенбарды — чѣмъ чаще ихъ брѣютъ, тѣмъ гуще они отрастаютъ. Теперь изобрѣтенъ легкій способъ восполненія земельлѣдѣльцамъ. Стаю возможнымъ отагожить даже расхищеніе дворянами Сибири, — въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ же ссылать дворянъ въ Сибирь, гдѣ у каждаго мужика есть винтовка — когда прекрасно можно устроиться съ расхищеніемъ и дома?

Сипягинъ запрещалъ писать о голодѣ. Фонъ-Плеве собирается перешеголять его и здѣсь. Онъ дальновидѣе, онъ знаетъ, что и по статистическимъ табличкамъ можно услѣдить, какъ разоряется мужикъ. Языкъ «живыхъ цифръ» биваетъ порою краснорѣчивѣе словъ, особенно когда эти слова можно выговаривать только взоповскимъ языкомъ. Не смѣй же считать, не смѣй спрашивать, не смѣй записывать — не мѣшай грабить! Благо, крестьянскія волненія дали хорошии предлогъ покончить со статистиками: они де разбрасываютъ прокламаціи. Объ этомъ во весь голосъ воилили всѣ современные Собакевичи и Коробочки, которымъ эта статистика, эти оцѣнки дворянскихъ имуществъ поперекъ горла стали. Безсмысленность обвиненія никого не смущала. Всѣмъ извѣстно, что статистики при разбѣздахъ заняты съ утра до ночи, что всѣ ихъ разговоры и опросы произносятся на міру, на глазахъ у всякаго мѣстнаго начальства, что каждое брошенное слово, каждый ихъ шагъ на виду у всѣхъ. Всѣмъ извѣстно, что крестьяне къ статистикамъ относятся недовѣрчиво: прѣхалъ какой то баринъ, на земскихъ подводахъ — значить начальство: спрашиваетъ про посѣвъ, скотъ, заработки — значитъ собираются обобрать. Но что до этого гг. помѣщикамъ! для нихъ крестьянскія волненія — хорошии поводъ раздѣлаться со статистикой. Безъ нея легче будетъ утаивать дворянскую копейку и взвизгивать тяжесть земскихъ сборовъ на мужицкую мощну!

Россия, при помощи Плеве и его присныхъ, собирается окончательно оправдать свою репутацію страны кнута. Сѣкли крестьянъ въ голодающихъ губерніяхъ, сѣкли стачечниковъ на Воткинскомъ заводѣ, сѣкли демонстрантовъ въ Вильнѣ, сѣкли демонстрантовъ въ Екатеринбургѣ. Если прежде, рекомендуя рабочимъ демонстраціи, можно было желать для нихъ только большей многочисленности участниковъ и лучшей организованности, то теперь этимъ ограничиваться уже нельзя. Трехдневная осада на Выборгской сторонѣ, перестрѣлка съ одной стороны трехлинейными винтовками, съ другой — камнями — ясно доказываютъ, что у рабочихъ нѣтъ недостатка ни въ массовой солидарности, ни въ стойкости, ни въ геройской рѣшимости; но когда предъявляющихъ самыя скромныя требованія рабочихъ усмиряютъ, какъ за открытые возстаніе, атаками кавалеріи, залпами, пріемами въ штыки; когда до полусмерти запарываютъ плѣнныхъ — то неужели твердить все тотъ же одинъ выводъ: «надо, чтобы демонстраціи были многочисленнѣе, надо, чтобы демонстраціи были организованныѣе...» Многочисленныя и организованныя демонстраціи необходимы, но они должны сопровождаться и еще кое-чѣмъ. Нельзя же сводить все провиденціальное назначеніе революціонеровъ къ пріученію людей идти на убой, идти събѣся, идти подставлять свою грудь подъ штыки и пули безъ малѣйшаго сопротивленія. Теперь на усмиреніе демонстрантовъ власти смотрятъ приблизительно такъ, какъ на охоту за зайцами. Любители этого спорта врядъ ли предавались бы ему съ такой беззаботной веселостью, если бы была опасность иной разъ напороться на зубы медвѣдя. Необходимо должно быть сопротивленіе — вотъ тотъ выводъ, который неизбежно под-

сказывается жизнью. Не всегда можно оказать это сопротивление, выступая большими массами въ открытомъ полѣ. Но въ такихъ случаяхъ остается еще партизанская война, которую вѣдь тоже можно вести настойчиво, организованно, планомерно...

Кромѣ кнута и розогъ, современный режимъ выдумалъ еще одно средство для укрощенія строптивыхъ рабочихъ: пресловутую зубатовщину. Видимое дѣло, эта затѣя начинается все болѣе и болѣе терять кредитъ въ высшихъ сферахъ — какъ это, впрочемъ, и должно было быть. Фонъ-Плеве, сотоварищъ Судейкина, знаетъ, насколько опасны такіе политическія шалости. Пробовали играть на этой дудочкѣ люди не чета Зубатову: и французскій императоръ изъ бѣглокаторжныхъ, и померанскій помѣщикъ Отто-фонъ-Бисмаркъ; но, какъ извѣстно, все кончилось у нихъ очень скверно, и пришлось имъ только припомнить старую мораль —

Сколь ни придумывай пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Но вѣкъ нельзя носить личинъ
И истина должна открыться.

Чтобы продолжать свою игру во что бы то ни стало, Зубатовцы должны были въ послѣднее время пуститься во всѣ тяжкія: и деньги на поддержку стачечниковъ изъ секретныхъ жандармскихъ фондовъ употребляютъ, и нелегальныя газеты на рабочихъ собраніяхъ вслухъ читать и опровергать, и съ фабрикантами московскими въ серъезъ перессориться, и 19-го февраля праздновать — словомъ, заварить такую кашу, что даже неизвѣстно, какъ и кому ее расхлебывать. Чѣмъ еще поддержать падающій престижъ зубатовской политики? По всему видно, что дѣло становится плохо, приходится сыграть поворотъ отъ воротъ. И давно пора: рабочихъ взбулгачили достаточно, самыхъ равнодушныхъ заставили толковать вкривь и вкосъ о политикѣ. Теперь пора очистить сцену, убрать декорации и свалить ихъ въ темный чуланъ. Надолго все равно сцена не останется незанятою: для революціонеровъ на ней откроется самое широкое поприще. Чѣмъ далѣе и наглѣе обманывали рабочихъ, тѣмъ сильнѣе будетъ ихъ негодованіе, когда они поймутъ обманъ. А ждать этого уже недолго. Нѣтъ сомнѣнія, что «сердечное попенченіе» о рабочихъ будетъ столь же быстро слано въ архивъ, какъ и «сердечное попенченіе» о студентахъ.

Увѣряютъ, что своего будущаго преемника Зенгера вытащилъ за уши самъ Ванновскій. Старый солдатъ нуждался въ въ помощникѣ съ хорошо повѣненнымъ... языкомъ, который могъ бы состязаться въ этомъ искусствѣ съ самимъ Побѣдоносцевымъ. Зенгеръ скоро блестяще оправдалъ свое прозвище Григорія Многослова. У нашего Мойсея напелся Ларонтъ. Но когда его ораторскіе таланты на студенческихъ сходкахъ произвели такое сильное впечатлѣніе, что онъ былъ оснѣжанъ въ трехъ университетахъ, то онъ, повидимому, разсудилъ, что служить Побѣдоносцеву не въ примѣръ выйдете, чѣмъ Ванновскому. Разсудилъ, и за это сталъ министромъ. Здѣсь его краснорѣчіе получило полный просторъ, и потому его министерство можно смѣло назвать министерствомъ пустословія, или, если угодно, суетловія. Безсодержательная болтовня, обиліе жалкихъ словъ, постоянное пріятіе имени Божія все — вотъ его основныя особенности. Судя по примѣру Побѣдоносцева, Зенгеръ сообразилъ, что на имени божіемъ легко можно составить карьеру. Побѣдоносцевъ выхалъ на немъ въ оберъ-прокуроры синаода и въ великіе инквизиторы всей Россіи. Зенгеръ упустилъ изъ виду одно — Побѣдоносцевъ пользовался именемъ божіимъ умѣть, и потому не пусту, безъ пѣли этого орудія въ дѣло не пускаетъ. Когда онъ заговоритъ, напримѣръ, о милосердіи Господнемъ, то вастъ невольно подираетъ морозъ по кожѣ: вы ясно видите, что это — первая посылка, а въ видѣ заключенія будутъ сконнанные цѣныя духоборы, ихъ разграбленные дома, ихъ изнасилованныя жены и дочери, допросы съ пристрастіемъ, христолобная анаѣма въ церквахъ и прочіе подвиги воскреснннаго средневѣковья. Въ устахъ же Зенгера имя божіе — пустая погремунка, употребляемая по обязанностиамъ службъ или для закругленія періода. И гдѣ же, кого же вздумалъ удивить Зенгеръ перковнославянскими оборотами? Въ Москвѣ, передъ ученымъ синиклотомъ профессоромъ, которымъ и безъ того объ этомъ колокола сорока-сороковъ всѣ уши прожужжали! Что онъ, всѣ московскіе колокола хотѣтъ перекричать своимъ торжественнымъ «да хранитъ васъ богъ», что ли? Добро бы еще Побѣдоносцевъ закончилъ свою рѣчь профессорамъ, а

кой фразой; по крайней мере, она имела бы ясный смысл: «только развѣ богъ и можетъ спасти тебя отъ моихъ лапъ, а на человѣковъ ужъ не надѣйся!»

И рѣчи министра-сладкоглагола, и его пустоозвонная программа для среднихъ учебныхъ заведеній съ подсыпкой только-что было изгнаннаго греческаго языка покончирюють даже съ высочайшимъ рескриптомъ на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія — рескриптомъ, начертаннымъ, какъ известно, рукою князя Менцерева. Тамъ процѣкають тѣ же жалкія слова во вкусь щедринаго Іудушки Головлева, та же безвкусная жвачка на тему о необходимости построить всю школу на впушеніи юношеству любви къ царю, престолу и отечеству, одобренная попыткой «подпутить слезу» и выдать изъ себя жалостное увѣреніе о всевыносящей любви, которой полно родительское сердце монарха по отношенію къ увлекающемуся, строптивому, но все таки горячо любимому имъ юношеству...

Итакъ, съ одной стороны — порка, стрѣльба, живодерство, издѣвательство, казни, раздѣленіе ризъ и метанія жребія о животнищакъ и мѣдныхъ грошахъ мужика, — а съ другой жлестаконская хвастливість, прѣсное іудушкино пустословіе и жалкія слова самозваннаго «родителя»...

Вотъ она, та «твердая и благодѣтельная работа», которую обѣщали намъ Плеве, вотъ тѣ «дѣла, а не слова», достойныя «серьезнаго положенія современной Россіи», за которыя онъ рѣшилъ взяться. А, какъ отвѣтъ жизни на увѣренія Плеве, что теперь все успокоено, все обстоитъ благополучно — послѣднія извѣстія все говорятъ объ одномъ: массовое ислодовольство растетъ, броженіе среди крестьянъ ширится и охватываетъ почти всю земледѣльческую Русь, провинція пробуждается... Революціонное сарпаніе Россіи коснулось даже самыхъ глухихъ угловъ, и его не остановить ни вѣстичи истинно-русскаго человѣка и патріота фонъ-Плеве, ни пусто-словіе истинно-русскаго человѣка и патріота Зенгера.

ОСЛОЖНЕНИЯ ВЪ ЗУБАТОВСКОЙ ПОЛИТИКѢ.

Наши реакціонные Кифы Мокіевичи уже не одинъ десятокъ лѣтъ пытаются доказать, что Россія представляетъ собою страну совершенно особую, для которой не писаны никакіе законы «гнилаго Запада», т. е., попросту сказать, мировой культурной эволюціи; и что, напр., наше самодержавіе отнюдь не есть всѣмъ извѣстный и пережитый болѣе передовыми народами фазисъ политическаго развитія — или, вѣрнѣе, недоразвитости, — а вѣчное и неизбѣжное начало всей нашей общественной жизни, словомъ, что-то въ родѣ закона всеобщаго тяготѣнія.

Съ своей стороны, знатокъ государственнаго права, проф. Ковалевскій, въ своихъ недавнихъ лекціяхъ о «русскихъ политическихъ учрежденіяхъ», читанныхъ имъ въ Чикагскомъ университетѣ и вышедшихъ отдѣльной книжкой, съ нескрываемой ироніей говоритъ о «воинственномъ настроеніи нашей бюрократіи по отношенію къ такъ называемымъ «европейскимъ племямъ» и ея готовности поддержать старинныя русскіе принципы, которые, какъ увидитъ самъ читатель, являются не столько русскими, сколько татарскими, византійскими, старо-французскими и старо-шведскими» (М. Kovalevsky, Russian Political Institutions; Чикаго, 1902, стр. IX предисловія).

Нѣтъ въ сущности ничего вѣрнѣе этого ироническаго замѣчанія. Уже самая теорія о самобытности и неизбѣмости русскаго государственнаго строя взята нашими «патріотическими» философами и публицистами на прокатъ у западноевропейцевъ, главнымъ образомъ у пѣвцевъ, которые не только поставляли намъ болѣе или менѣе фальсифицированныхъ Романовыхъ, но и ученія объ особахъ историческихъ судьбахъ русскаго націи. Только у нѣмцевъ все это было умнѣе, носило болѣе философскій характеръ, отличалось хотя и педантичностью, но все же громадскою эрудиціей. А у нашихъ «патріотовъ своего отечества», тускло свѣтившихъ отраженными и столько разъ преломившимися свѣтомъ германскихъ изслѣдователей «народнаго духа» и «исторической миссіи»... какого нибудь герцогаства саксенъ-гильдбургхаузенскаго или княжества изенбургъ-бирштейнскаго, — у этихъ, говоримъ, патріотовъ соответствующія теоріи о величій русскаго самодержавія поражали своею наивною, невѣжествомъ и ребячествомъ политическаго мышленія.

Нечего уже говорить о томъ, что если такова была теоретическая подкладка нашего официалнаго и оффиціознаго патріотизма, то практическое выраженіе его, т. е. строй Императорской Россіи былъ и того грубѣе и нелѣпѣе. Подобно тому почтовому рожку знаменитаго вряля Мюнхгаузена, который лишь много поз-

же, оттаявши, провозносилъ раньше сказанныя въ него слова, и русскій политическій режимъ является ни болѣе ли менѣе, какъ запоздалымъ эхомъ, неудачнымъ и педантическимъ обезьянничаньемъ старыхъ, давно отжившихъ формъ запада. Можно даже указать на одно любопытное обстоятельство: если въ чемъ и выражалась у насъ извѣстная самостоятельность при обработкѣ западноевропейской темы, то исключительно въ области тѣхъ явленій, на которыхъ лежала печать либеральнаго и демократическаго направленія; все же, что якобы измѣнялось нашими охранительными лагеремъ, вся эта мнимая отсѣбятина была ничѣмъ инымъ, какъ ученическими и притомъ безаладанно-алаяповатымъ копированіемъ западноевропейскихъ уже вышедшихъ изъ моды образцовъ.

Спеціалисты могутъ, напр., находить еще кой-какія самостоятельныя варіаціи на основной заимствованный мотивъ въ нашихъ такъ называемыхъ «великихъ реформахъ», хотя бы въ судебной. Но уже все наши бюрократическія реакціонныя мѣропріятія, лучше сказать, весь нашъ политическій режимъ представляетъ собою неуклюжій и непродуманный сколокъ съ стараго чужого оригинала. Въ нашемъ царѣ каррикатурно воскресаетъ византійскій императоръ; въ нашей служило-помѣстной системѣ изслѣдователи видятъ прямое вліяніе татарско-магометанскаго *иттаа*, или надѣленія войною землею; Швеція, Франція, Германія и послѣдовательно, и вмѣстѣ снабжали Россію абсолютическою бюрократіей; наше дѣйствующее законодательство о печати съ собачьей вѣрностью и лишь въ усугубляющей формѣ воспроизводитъ соответствующіе законы второй французской имперіи; въ нашемъ земскомъ начальникѣ отыскали остатки средня вѣковаго смѣшенія судебной и административной властей, какъ мы это видимъ въ англійскихъ Justices of the peace, и т. д. Всюду мы втрачаемся съ каррикатурной и страшно запоздалой поддѣлкой подъ западноевропейскіе образцы; и въ этомъ смыслѣ русскій политическій строй является громаднымъ археологическимъ музеемъ, или вѣрнѣе лавкой старьевщика, заключающей въ себя всякую ветхую дрянь и рухлядь, перелъ которой однако грубая сила заставляетъ преклоняться и молиться великій русскій народъ.

Удивительно ли поэтому, что и въ болѣе частныхъ случаяхъ и по требованіямъ момента наша бюрократія всегда вдохновляется западноевропейскими оригиналами и по обыкновенію недолго и грубо копируетъ ихъ? Удивительно-ли, что и наша рабочая политика самодержавія — все тотъ же

Съ живою картинъ списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Устами робкихъ ученицъ?

Недавно, напр., напутѣла у насъ новая тактика борьбы съ растущимъ рабочимъ движеніемъ, тактика, извѣстная по имени ея духовнаго отца и вдохновителя, подъ названіемъ «зубатовской рабочей политики». Читатели революціонеры, конечно, черезчуръ знакомы съ приемами этой политики, чтобы надо было особенно распространяться о ней: смыслъ ея заключается въ томъ, чтобы, вселя въ рабочемъ классѣ вѣру въ самодержавіе, какъ естественнаго, стоящаго внѣ классовъ защитника «разумныхъ» профессиональных требованій пролетаріата, отвѣтъ послѣдній отъ политической борьбы и вооружить его противъ революціонеровъ, толкающихъ его именно на эту борьбу. Зубатовъ, считаемый въ кой-какихъ правительственныхъ кругахъ чуть не гениемъ, получилъ отъ властей до нѣкоторой степени *carte blanche* на проведеніе своей политики; или вѣрнѣе, при ужасномъ хаосѣ, паршемъ теперь въ нашемъ центральномъ управленіи, часть нашихъ высшихъ администраторовъ съ одобреніемъ и симпатіями слѣдила за попыткой шпіонскаго соціолога перехитрить историческій процессъ русскаго общественной жизни, неумолимо ведущій къ разгрому самодержавія, и списывать живою водою разлагающійся трупъ.

Зубатовъ старался заводить въ рабочихъ центрахъ организаціи «независимыхъ» пролетаріевъ, т. е. такихъ близорукихъ рабовъ труда и каторжной жизни, которые изъ-за обѣщанія великихъ и богатыхъ милостей со стороны клеветовъ царя соглашались плестись въ хвостъ шпіонской арміи защитниковъ самодержавія. Пусть читатель припомнитъ «рабочую агитацію», поданную полковникомъ Васильевымъ въ Минскѣ.

Зубатовъ старался прикрыть свою третьестепенскую соціологію изидиннымъ покрываломъ чистой науки и успѣлъ временно одурачить нѣсколько профессоровъ, которые съ гордостью ученыхъ канареекъ вскакивали на полицейскую жердочку и, не подозрѣвая всей мизерности своей роли, напѣвали передъ рабочей аудиторіей на пыльных бесѣдахъ ари, внушавшіяся имъ новымъ змѣемъ искусителя. Эта игра въ заправскую, «строгую, а не

демагогическую науку" продолжалась, впрочем, до тѣхъ поръ, пока глаза не открылись даже у нашихъ наивныхъ катедеръ капареекъ, и „строгая наука“ не обратилась въ бѣгство, подальше отъ вдохновляющей зубатовской шарманки.

Наконецъ, Зубатовъ задумалъ повести широкую игру, и ареной ея избралъ Первопрестольный. Въ одномъ изъ номеровъ „Революціонной Россіи“ мы рассказали, какъ Зубатову удалось перегнать на сторону своей политики Сергѣя, и какъ они вдвоемъ задумали заняться правительственной агитаціей среди рабочихъ; какъ они организовали манифестацію 19-го февраля, и какъ Сергѣй радушно принималъ въ своемъ дворцѣ рабочую депутацію; и какъ вдохновленные Зубатовымъ „Московскія Вѣдомости“ распространялись о необходимости союза между самодержавіемъ и пролетаріатомъ на почвѣ „законныхъ потребностей“ рабочихъ. Мы хотѣли бы прибавить къ этой картинѣ шпионской демагогіи еще нѣсколько штриховъ, на основаніи крайне любопытныхъ документовъ, которые намъ пришлось жить въ рукахъ. Эти документы — горестныя письма, адресованныя двумя крупными московскими фабрикантами-французами къ французскому же журналисту въ Парижъ въ первый моментъ испуга, охватившаго иностранныхъ капиталистовъ въ Москвѣ при необычайномъ аршинѣ полицейскаго „покровительства труду“. Пикантность этихъ писемъ заключается особенно въ томъ, что ихъ почтенные авторы не подозревали всей роли, какую игралъ въ ихъ судьбѣ сыщикъ Зубатовъ, и приписывали злоключенія, испытанныя ими, лицамъ свѣше и вообще цѣлой правительственной системѣ.

„Вы спрашиваете меня, дорогой N. N., — пишетъ первый фабрикантъ, — какъ идутъ мои дѣла, и пострадалъ-ли я отъ кризиса? Нисколько. Мало того. Моя вѣтвь промышленности не только не потерпѣла, но обнаруживаетъ сильную склонность къ расширенію, я буду у меня возможность работать, какъ я желалъ бы, а бы могъ бросить на рынокъ вдвое больше товаровъ. Спросъ невѣроятный, и мнѣ лишь не хватаетъ надежныхъ рабочихъ... Да, не смѣйтесь этому: единственная черная точка на свѣтломъ фонѣ моей отрасли производства, это утѣвляемо филантропическая политика русскаго самодержавія и государственныя социализмъ министра финансовъ г. Витте. Вы не можете себѣ представить, до какой степени этотъ чертовскій человекъ (ce diable d'homme) — казалось бы, такой умный и практичный — помѣшанъ на покровительствѣ труду и своимъ милѣйшимъ русскимъ рабочимъ. У меня вышла съ ними въ последнее время очень неприятная исторія: правда и юридическая и моральная на моей сторонѣ; и что же? я рѣшительно ничего не могу сдѣлать. Они хотятъ вести противъ меня процессъ и, какъ мнѣ сказали свѣдущіе люди, навѣрно выиграютъ: за ихъ спиной стоитъ самъ г. Витте и подталкиваетъ ихъ жаловаться на меня. Это невыносимо; у насъ во Франціи, я ручаюсь, и социализмъ — Милляранъ этого ни за что не сдѣлаетъ. Но въ этой странѣ все возможно: и кнутъ по спинамъ ходить, а послѣ кнута начать обвинять грязнаго рабочаго и утѣшать всевозможными привилегіями, — разумѣется, на нашъ, фабрикантовъ, счетъ“.

Второй сѣтуетъ такъ: „дѣла мои собственныя очень хороши, но съ рабочими справиться нельзя. Неуживчивы стали, безобразно нахальны и заражаются социализмомъ все болѣе и болѣе. По моему глубокому убѣжденію, въ этомъ последнемъ виноваты даже не столько агитаторы, — ихъ сравнительно еще мало, — а сами правительственные чиновники, именно фабричные инспектора, говорятъ, подстрекаемые министромъ финансовъ. На каждомъ шагѣ протоколъ; пристають, почему у меня условія заработной платы и жизни вообще гораздо хуже у русскіхъ, чѣмъ у моихъ французовъ; но вѣдь тѣ артисты своего дѣла, а русскіе — большіе и притомъ злые ребята. Фабричные инспектора въ последнее время пронохиваютъ все, что дѣлается на фабрикѣ по части нарушеній, — этихъ мизерныхъ необходимостей ремесла (ces misérables petites nécessités du métier), — отъ агентовъ тайной политической полиціи, а этимъ рассказываютъ все каналъ рабочіе. Мнѣ кажется, что между ними есть даже настоящіе агенты, которые не за тѣмъ посылаются на фабрику, чтобы ловить подстрекателей, какъ слѣдовало бы, а подписывать фабриканта; и не знаю, чѣмъ все это кончится; а какая непочтатая страна, какое спитъ богатство повсюду, и какъ можно было бы здѣсь хорошо и быстро наживать крупный капиталъ честнымъ человѣку“...

Чего не знали почтенные французскіе капиталисты, которымъ надоѣдала „филантропическая политика самодержавія“, такъ это того, что въ этой политикѣ не только что царь, но даже и „чертовскій человѣкъ“ не повиненъ, а весь сыръ боръ загорѣлся изъ за Зубатова. Успѣвъ убѣдить Сергѣя въ гениальности своихъ замысловъ, Зубатовъ повелъ рабочую агитацію въ широкихъ раз-

мѣрахъ, и изъ дѣла Гужона читатель могъ уже узнать, что рабочіе поддерживали нашъ социаль-шпионъ. Съ другой стороны, московскіе фабричные инспектора, дѣйствительно, одно время нѣсколько меньше стали смотрѣть сквозь пальцы на всевозможныя фабричныя нарушенія, услышавъ, что въ предѣлахъ Сергѣева генералъ-губернаторства власти „любятъ рабочаго человѣка“ и въ столкновеніяхъ труда съ капиталомъ стараются по возможности поддерживать „разумныя требованія“ пролетаріата.

Но увѣ! за кулиминаціонной точкой зубатовской политики кривая социаль шпионства пошла по нисходящей вѣтви параболы, и скоро чувствительная нахлобучка положила предѣлы любленію „рабочаго человѣка“. Покойный Сипягинъ незадолго до своей смерти призналъ вредность тактики Сергѣя и Зубатова и секретнымъ циркуляромъ укротилъ реформаціонный пылъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Оклеветанный французскими капиталистами какъ социалистъ Витте, и на этотъ разъ совершенно незаслуженно вызвалъ къ себѣ гнѣвъ иностранцевъ. Вся его дѣятельность — это борьба за интересы нашей капиталистической промышленности, поскольку ее можно превратить въ новую дойную корову для вѣчно ищущей денегъ казны. Эти хлопоты Витте уже неоднократно приводили его и въ комитетъ министровъ, и въ государственномъ совѣтѣ къ столкновеніямъ съ защитниками земледѣльческихъ или чисто-полицейскихъ интересовъ. Еще въ 1898 г. (въ вопросѣ объ установленіи расцѣнокъ заработной платы) Витте пришлось сражаться съ первыми попытками Горемыкина успокоить рабочее движеніе „правительственной заботливостью“. Горемыкинъ исходилъ „изъ тѣсно понятой роли администраціи, обязанной по закону принимать всѣ мѣры къ предупрежденію безпорядковъ и стачекъ на фабрикахъ“. Но Витте, очевидно, находилъ, что у полиціи есть достаточно средствъ для „предупрежденія безпорядковъ“ и рѣшительно высказался противъ всякихъ самодѣльныхъ пополазновеній на карманъ капиталистовъ. „Представители общей администраціи, — заявилъ Витте, — не имѣютъ критеріа для сужденія о справедливомъ(!) размѣрѣ вознагражденія за трудъ; они были бы вынуждены руководствоваться, главнымъ образомъ, соображеніями объ охраненіи порядка и спокойствія. При этихъ условіяхъ, очевидно, владѣльцы предпріятій лишились бы увѣренности въ устойчивости своихъ хозяйственныхъ расцѣтовъ, чѣмъ, разумѣется, былъ бы нанесенъ тяжелый, трудно поправимый ударъ нашей промышленности“. Такое грозное предостереженіе не могло не оказать желаннаго Витте впечатлѣнія. Комитетъ министровъ постановилъ, что „установленіе заработной платы зависитъ только отъ свободнаго соглашенія, и надзоръ правительственной власти долженъ адѣсь имѣть задачей именно огражденіе этой свободы отъ постороннихъ посягательствъ“).

Мы остановились на этомъ эпизодѣ не только для того, чтобы возстановить честь оклеветаннаго французскими министра, но и потому, что уже тогда ясна стала „невозможность широкаго примѣненія ко всей промышленной Россіи зубатовскаго „соціализма“.

До перваго удобнаго случая, Витте приходилось сквозъ пальцы смотрѣть, какъ нарушается „свобода договора“ въ одномъ центрѣ промышленности, въ царствѣ мужелюбиваго Сергѣя. Впрочемъ, онъ не сильно скорбѣлъ душою, пока дѣло шло о лекціяхъ шпионскаго университета и прочихъ „падстройкахъ“. Но какъ только зубатовская игра стала затрагивать столь нужный ему самому карманъ московскихъ капиталистовъ, какъ только являвшаяся къ нему депутація биржевого комитета объяснила ему, что охрана самодержавія нарушается (въ дѣлѣ Гужона) священные права собственности. Витте устремился въ бой. Онъ объяснилъ подробно депутаціи трудность своего положенія. Онъ-де не можетъ ни открыто выступить противъ всеяго въ своемъ царствѣ Сергѣя, ни „дружески“ увѣщевать его. Остается одно: пусть депутація поасть на него, Витте, жалобу государю. Тогда — въ своихъ объясненіяхъ — онъ сдѣлаетъ уже направить дѣло, какъ слѣдуетъ.

Такъ, — по словамъ нашего корреспондента, — и было устроено. Витте ловкимъ ходомъ поборолъ третьестепенскую демагогію и успокоилъ судорожныя сжиманія сердца и кошелька уже всѣхъ московскихъ и вообще русскіхъ фабрикантовъ. А преемникъ Сипягина, Плеве, обшався въ два мѣсяца извести всякую революцію въ Россіи, говорятъ, крайне рѣзко отнесся къ политикѣ Зубатова и безусловно воспретилъ всякое потаканье рабочимъ. Въ „Моск. Вѣд.“ такъ рьяно взявшихся за пропаганду шпионскаго социализма, все рѣже стали появляться статьи по рабочему во-

*) Цитируемо по доставленной намъ „Выпискѣ изъ журнала комитета министровъ 12 мая 1898 г.“ Цѣлкомъ этотъ секретный документъ будетъ опубликованъ въ ближайшемъ № „Вѣстника Русской Революціи“. Digitized by Google

просу. Вдохновитель всего дѣла, Зубатовъ, стоитъ въ недоумѣніи: продолжать ли игру съ огнемъ или заняться болѣе свойственнымъ ему дѣломъ? Онъ еще не утратилъ окончательно вѣры, еще не можетъ оторваться отъ одурченныхъ имъ рабочихъ механическаго производства. Послѣ долгаго перерыва лекціи въ зубатовскомъ университетѣ возобновились. Но-увы — лекторами являются ужъ не катедеръ канарейки, стремившіяся сочетать службу и Богу и черту, а извѣстные реакціонные попы à la Фудель, которые близко знакомы съ катехизисомъ третьяго отдѣленія. Такъ-что будетъ спокойнѣе и для властей и для капитала стоить. На Фудель трогательно примирится и Витте и Зубатовъ. А рабочимъ, даже очень неразвитымъ, легче станетъ куда имъ идти, гдѣ имъ друзья и враги...

Ну, не говорили ли мы, что всегда и во всемъ русскій политическій режимъ лишь копируетъ западноевропейскія отжившія формы и неумѣло подражаетъ старѣющимъ приемамъ? Ибо въ сущности то, что Зубатовъ поставилъ во главу угла своей тактики, является каррикатурнымъ воспроизведеніемъ въ свое время болѣе широко заиманныхъ на Западѣ плановъ затормозить революціонное рабочее движеніе и направить его свѣжія волны подъ мельницу отживающаго строя. Тотъ, кто знакомъ съ политикой „соціального императорства“, Наполеона III, который смотрѣлъ первое время сквозь пальцы на Интернаціоналъ и поощрялъ сближеніе французскихъ рабочихъ съ англійскими на почвѣ профессиональных интересовъ; тотъ, кто не забылъ „соціального королевства“, которымъ въ началѣ 80-хъ годовъ козырялъ Лотаръ Бухеръ, стараясь поддержать юнкерскую политику Бисмарка, обшавшаго приникъ добрымъ рабочимъ и кнутъ злымъ исчадіямъ социаль-шпіоновъ, — тотъ безъ труда узнаетъ въ зубатовскомъ социаль-шпіонствѣ слабую пародію на старую игру съ народомъ. И для него нисколько не покажется удивительнымъ плачевный финалъ третьестепенскаго социализма. Все, что такъ или иначе пробуждаетъ сознаніе въ рабочемъ, заставляетъ его думать, хотя бы надъ нелѣпо поставленными вопросами, двигаться, хотя бы и въ ложномъ направленіи, несетъ въ самомъ себѣ возмездіе для вдохновителей такой политики. И невольно сравниваете нашихъ социаль-шпіоновъ съ восточнымъ магомъ въ легендѣ, который съумѣлъ вызвать заклинаніями грознаго духа, но не знаетъ, какими словами прогнать его, и раздавленъ имъ, какъ жалкій червь. Такова мораль зубатовской „политики“!

ЗА КУЛПСАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА. КОНСПИРАЦИИ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ.

Министерство Финансовъ. — Учрежденія по части Торговли и Промышленности. — Отдѣлъ Промышленности. — Отдѣленіе Фабрично-заводское. — Столъ I.

Циркулярно. — Секретно.

2 іюля 1901 г.

Гг. старшимъ фабричнымъ инспекторамъ.

Циркулярнымъ предписаніемъ отъ 25 февраля 1900 г. № 248 бывшимъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ предложено было чинамъ фабричной инспекціи доставлять въ дополненіе къ донесеніямъ о забастовкахъ и безпорядкахъ среди рабочихъ карточки, дающія общую характеристику забастовокъ.

Въ виду неаккуратнаго доставленія нѣкоторыми изъ чиновъ фабр. инспекц. означенныхъ карточекъ, отдѣлъ промышленности долгомъ считаетъ подтвердить необходимость ихъ доставленія. Въмѣстѣ съ симъ, въ цѣляхъ разработки статистическаго матеріала по сему вопросу, Отдѣлъ Промышленности проситъ гг. старшихъ фабричныхъ инспекторовъ составить, въ предѣлахъ возможности, такія-же карточки по всѣмъ прежнимъ безпорядкамъ, начиная съ 1895 года; причѣмъ особое вниманіе должно быть обращено на возможно точное указаніе продолжительности забастовки и числа принимавшихъ въ ней участіе рабочихъ.

Управляющій отдѣломъ (подписать) Н. Ланговой.
За начальника отдѣленія (скрѣпить) Я. Рагозинъ.

ЦИРКУЛЯРЫ ГЛАВНАГО УПРАВЛ. ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

16-го мая 1902 г.

№ 4135.

Главное Управленіе по дѣламъ печати предлагаетъ гг. редакторамъ безцензурныхъ газетъ и журналовъ не помѣщать въ редактируемыхъ ими изданіяхъ безусловна никакихъ сообщеній о выѣздѣ за границу Его Императорскаго Высочества Велик. Кн. Павла Александровича.

Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Зибревъ.

Запрещеніе вызвано нежеланіемъ правительства, чтобы въ публ-

ку проникло извѣстіе о любовной связи великаго князя съ г-жой Пистелькоретъ, получившей въ даръ отъ Павла Александровича «фамиліи» брилліанты, которые украшали ее на придворномъ балу, скандализируя императорскую семью, и затѣмъ уѣхавшей съ великимъ княземъ за границу, гдѣ, по слухамъ, онъ хотѣлъ на ней жениться.

26-го мая 1902 г.

№ 4369.

Главное Управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію г. Министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаетъ гг. редакторамъ безцензурныхъ періодическихъ изданій, впредь до особаго распоряженія, не допускать печатанія въ редактируемыхъ ими изданіяхъ никакихъ свѣдѣній и сообщеній, касающихся лицъ служебнаго персонала и воспитанницъ Петербургскаго сиротскаго института Императора Николая I.

Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Зибревъ.

Этимъ циркуляромъ запрещено извѣстіе о томъ, что инспекторъ Николаевскаго женскаго института увезъ съ собой за границу одну изъ «сиротъ», вѣрнѣешихъ его попеченію...

8-го іюня 1902 г.

№ 4827.

Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г. Министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаетъ гг. редакторамъ безцензурныхъ періодическихъ изданій не дозволить перепечатаніе, какъ полностью, такъ и въ извлеченіи, помѣщенной въ № 20 журнала «Русскій Врачъ» отъ 8-го сего іюня статьи подъ заглавіемъ «Наканунѣ отмены тѣлесныхъ наказаній въ Россіи».

Начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Зибревъ.

Со стороны В. К. Плеве исполнѣе логично запретить газетамъ и журналамъ цитировать статью д-ра Жбанкова, который въ распоряженіяхъ министра юстиціи по тюремному вѣдомству объ отменѣ розогъ и плетей по отношенію къ арестантамъ нѣкоторыхъ категорій усматривалъ «наканунѣ» отмены тѣлесныхъ наказаній въ Россіи вообще. Докторъ забылъ о неважныхъ свѣденіяхъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ и въ г. Вильнѣ, заслужившихъ Высочайшее одобреніе по представленію министра внутреннихъ дѣлъ. До кануна отмены тѣлесныхъ наказаній въ Россіи еще очень далеко.

НОВОЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО ОБЪ УСПѢХАХЪ РЕВОЛЮЦІИ*),

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. — Департаментъ полиціи. — По 3-му дѣлопроизводству. — 21 мая 1902 года. № 5506. — Секретно. — Циркулярно. — Гг. губернаторамъ.

Въ виду происходившихъ за послѣднее время въ нѣкоторыхъ южныхъ и юговосточныхъ губерніяхъ крестьянскихъ безпорядковъ, сопровождающихся нерѣдко вооруженнымъ нападеніемъ на экономіи и усадьбы землевладѣльцевъ, въ циркулярномъ предложеніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ гг. губернаторамъ, отъ 15 іюня 1898 года за № 4894, преподаны указанія по вопросу о принятіи мѣръ къ предотвращенію и подавленію всякихъ насильственныхъ дѣйствій со стороны сельскаго населенія и привлеченіи виновныхъ въ самоуправствѣ и насиліи къ законной отвѣтственности.

Независимо сего, въ циркулярномъ предложеніи отъ 6-го іюля и 1-го августа 1900 года указано гг. губернаторамъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ возникающихъ среди крестьянъ безпорядковъ, на стремленіе группы людей, именующихъ себя „соціалъ-революціонерами“, пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для ознакомленія крестьянства со своими преступными дѣлами въ видахъ привлеченія сознательныхъ сторонниковъ изъ наиболѣе развитой части сельскаго населенія къ противуправительственной дѣятельности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ гг. губернаторы были ознакомлены съ ближайшими задачами намѣченнаго къ устройству среди крестьянъ тайнаго общества „Братства для защиты народныхъ правъ“, а равно и тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ названное общество намѣрено было добиваться своихъ цѣлей.

При этомъ было указано на стремленіе злостныхъ лицъ организовать подобныя братства въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи для объединенія ихъ въ будущемъ въ одинъ общій „союзъ защиты народныхъ правъ“, съ цѣлью устройства, въ случаѣ необходимости, коллективнаго аграрнаго бунта одновременно во всей Россіи. Въ виду приведенныхъ данныхъ обращено было особое вниманіе гг. началь-

*) Перепечатываемъ изъ № 6 листковъ «Жизни» этотъ интересный циркуляръ, показывающій, какъ давно забочено правительство работой нашихъ товарищей въ деревнѣ. Съ содержаніемъ этого циркуляра, впрочемъ, читатели наши уже отчасти знакомы по его пересказу въ секретномъ циркулярѣ (архивскаго губернатора земскимъ начальникамъ, напечатанномъ въ № 8 «Революціонной Россіи»)

никовъ губерній на установление возможно тщательнаго наблюдёнія за возникновениемъ подобныхъ организацій, дѣятелями коихъ преимущественно являются лица такъ называемыхъ свободныхъ профессій, несущія извѣстную общественную службу и близко соприкасающіяся съ народной средой.

Тѣмъ не менѣе, рекомендованныя означенными циркулярными предложеніями мѣры наблюдёнія за настроениемъ крестьянскаго населенія и за находящимися въ губерніи неблагонадежными элементами, повидимому, не вездѣ примѣнялись съ достаточной тщательностью, причемъ мѣстныя власти, повидимому, не были своевременно освѣдомлены съ настроениемъ крестьянскаго населенія. Такъ, вслѣдствіе недостаточной дѣятельности властей, послѣднее время въ Полтавской губерніи произошло серьезныя нарушенія крестьянскимъ населениемъ общественного порядка и спокойствія, которыя, вслѣдствіе недостаточно быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ ихъ подавленію, успѣли распространиться и на смежный уѣздъ Харьковской губерніи.

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что подобные крестьянскіе безпорядки, угрожая правильному теченію жизни сельскаго населенія, ни въ какомъ случаѣ терпимы быть не могутъ, я признаю необходимымъ вновь обратить вниманіе гг. губернаторовъ на необходимость неотступнаго исполненія изложенныхъ въ вышеупомянутыхъ циркулярахъ указаній; имѣть съ тѣмъ покорнѣйше прошу гг. губернаторовъ поручить земскимъ начальникамъ, непосредственнымъ членамъ крестьянскихъ присутствій, мировымъ посредникамъ и чинамъ полиціи имѣть наблюдёние за настроениемъ мѣстнаго крестьянскаго населенія и принимать самыя энергичныя мѣры къ возможно быстрому прекращенію возникающихъ волненій. При этомъ названнымъ должностнымъ лицамъ надлежитъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться ко всякимъ нежелательнымъ проявленіямъ общественной жизни мѣстнаго крестьянскаго населенія и въ случаѣ замѣченнаго ими учащенія этихъ проявленій принимать мѣры къ немедленному обслѣдованію обстоятельствъ, вызывающихъ таковыя явленія, и тѣмъ устранять возможность ихъ повторенія и развитія на почвѣ волненій и безпорядковъ.

На ряду съ этимъ считаю не лишнимъ сообщить гг. начальникамъ губерній для свѣдѣнія и соображеній, что въ послѣднее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получены указанія на стремленіе злонамѣренныхъ лицъ организовать кружковую пропаганду среди крестьянскаго населенія. Съ этою цѣлью въ кружокъ избираются или наиболѣе развитые, даровитые и энергичные крестьяне, которымъ сообщаются различныя научныя свѣдѣнія, преимущественно по исторіи, социологіи и рабочему движенію, причемъ главнымъ средствомъ ознакомленія членовъ кружка съ указанными свѣдѣніями является широкое распространёніе среди крестьянъ какъ тенденціозныхъ, такъ и нелегальныхъ изданій.

Не касаясь того вреда, который имѣетъ для народа проникновеніе въ его среду изданій подпольной прессы, надлежитъ имѣть въ виду, что раздача сельскому населенію книгъ, даже воплоти легальныхъ, даетъ возможность неблагонадежнымъ лицамъ вступать въ частныя и тѣсныя сношенія съ народомъ, создаетъ между ними оживленный обмѣнъ мнѣній и сближаетъ ихъ съ крестьянствомъ. Опредѣляя путемъ такого общенія развитіе крестьянъ даннаго села, ихъ отношеніе къ различнымъ сторонамъ общественной жизни, упомянутыя лица избираютъ изъ среды крестьянъ наиболѣе развитыхъ и склонныхъ къ усвоенію революціоннаго ученія, ведутъ съ ними особыя занятія, готовятъ изъ нихъ вожаковъ крестьянскаго движенія. Кроме того общедоступная народная литература въ подборѣ тенденціозныхъ изданій, создаетъ искусственное политическое броженіе въ деревнѣ, такъ какъ изображаетъ различныя темныя стороны крестьянской жизни, бѣдствія и нищету народа и тѣмъ усиливаетъ въ народѣ элементы недовольства.

Распропагандированные члены кружковъ являются въ свою очередь пропагандистами среди своихъ односельчанъ, и такимъ образомъ кружокъ такихъ крестьянъ полагаетъ основаніе будущему «крестьянскому боевому союзу», привлекая къ себѣ съ теченіемъ времени все новыхъ и новыхъ членовъ. Изъ тѣхъ-же свѣдѣній усматривается, что неблагонадежныя лица заводятъ связи съ деревнями въ боль-

шинствѣ случаевъ черезъ учащуюся молодежь духовныхъ и учительскихъ семинарій, фельдшерскихъ училищъ, учениковъ училищъ садоводства и др., а въ будущемъ стремятся образовывать кружки изъ сельскихъ учителей, учительницъ, намѣреваясь для ознакомленія съ ними воспользоваться съѣздами ихъ на организуемые лѣтомъ педагогическіе курсы. Кроме того преступные агитаторы для развитія пропаганды пользуются крестьянами тѣхъ селъ, гдѣ вредная дѣятельность ихъ уже окрѣпла, причемъ для этой цѣли крестьяне эти разсылаются въ видѣ батраковъ, книгоношъ, торговцевъ и тому подобное въ тѣ мѣстности, гдѣ предполагается посѣять противоправительственныя идеи. Объ изложенномъ признаю необходимымъ сообщить Вамъ, милостивый государь, для свѣдѣній и соображеній въ видахъ наиболѣе успѣшнаго осуществленія наблюдёній за настроениемъ сельскаго населенія въ вѣренной вамъ губерніи.

Подписать: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ
статсъ-секретарь П л е в е .
Скрѣпилъ: Н.-д. Директора Департамента Л о п у х и н ѣ .

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ИЗЪ БЮРОКРАТИЧЕСКИХЪ СФЕРЪ (Письмо изъ Петербурга). — Наконецъ то мы имѣемъ новаго случайнаго временщика, по всѣмъ своимъ качествамъ вполне достойнаго эпохи декаданса и вырожденія русскаго самодержавія. Князь В. П. Мещерскій, издатель Гражданина, имѣющій прочную репутацію юрлудиваго отъ реакцій — въ настоящее время одна изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ персонъ въ государствѣ. Какъ извѣстно, Мещерскій былъ въ началѣ 90-хъ годовъ изгнанъ отъ царскаго двора за самое скандальное распутство. Уличенный въ мужеложствѣ, онъ ушелъ въ опалу, чтобы высоко нести знамя свободнаго консерватизма. Кому же, какъ не героямъ грязнаго разврата, болѣе всего приличествуетъ эта великая миссія! Подвиги Мещерскаго на новомъ поприщѣ вновь проложили ему дорогу къ придворной карьерѣ. Д. С. Сипягинъ, незадолго передъ смертю успѣвъ примирить чопорно-фарисейскій дворъ съ «маленькими слабостями» главы «дикихъ помѣщиковъ» изъ Гражданина и вернуть ему благорасположеніе царя. По случаю тридцатилѣтія своей журнальной дѣятельности издатель «Гражданина» получилъ особую аудіенцію у Государя, а затѣмъ и ренту въ 24 тыс. руб. въ годъ. Опытный царедворецъ и ловкій интриганъ, князь Мещерскій принялся со всѣмъ искусствомъ старой придворной лисицы, что называется, «обхаживать» царя и вкорѣ сдѣлался излюбленнымъ его совѣтникомъ. Пойдя такимъ образомъ путь къ сердцу и уму Николая II, Мещерскій началъ заодно съ «сипягинскимъ» дѣйствовать противъ Ванновскаго. Къ начатой такимъ образомъ интригѣ присоединился охотно и Зенгеръ. Послѣ убійства Сипягина, когда на верхахъ царилъ смертельный страхъ, Мещерскій принялся дѣйствовать болѣе рѣшительно. Онъ подалъ направленную противъ Ванновскаго обширную записку по вопросу о реформѣ образованія. Записка имѣла успѣхъ. Тогда съ своей стороны выступилъ съ особой запиской и Зенгеръ, пробивая себѣ дорогу къ министерскому креслу, на мѣсто стараго солдата-министра, показавшагося слишкомъ либеральнымъ «въ наше тревожное время». Безвольный и безличныи, Николай II со свойственной безхарактернымъ людямъ внезапностью и рѣзкостью поворотовъ рѣшилъ удалитъ Ванновскаго и написалъ ему крайне грубое, недѣлкатное и рѣзкое письмо, весьма недвусмысленно рекомендуя ему удалиться на отдыхъ... Мало того, при послѣднемъ приемѣ, когда старикъ пытался серьезно поговорить съ государемъ о реформѣ средней школы, Николай сталъ высказывать явные признаки нетерпѣнія и демонстративно глядѣть то и дѣло на часы. На вопросъ Ванновскаго, — не торопится ли куда нибудь Его Величество — онъ отвѣтилъ: «Да, дядя Дмитрій Константиновичъ общалъ мнѣ нынче показатъ двухъ жеребцовъ... я и тороплюсь». Старикъ вылетѣлъ бомбой изъ кабинета и рыдался, какъ ребенокъ, въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ ждалъ приема министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ...

Въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ В. П. Мещерскій снова успѣлъ учесть усиленіе своего вліянія на Государя, исключивъ себѣ пособіе въ 90 тыс. рублей. Какъ ни протестовалъ, какъ ни унижался С. Ю. Витте, пособіе было выдано. А съ назначеніемъ Зенгера Мещерскому былъ пожалованъ орденъ Владимира 3-й степени. Словомъ, спаситель отечества охулки на руки не кладъ.

Записка Мещерского о реформѣ образованія такъ плѣнила Государя, что ему же онъ велѣлъ составить и текстъ высочайшаго рескрипта на имя новаго министра народнаго просвѣщенія. Мещерскій усердно принялся за дѣло и вскорѣ представилъ проектъ рескрипта. Онъ былъ очень великъ и подробнѣйшимъ образомъ излагалъ всю потребную на взглядъ Мещерскаго реформу. Это были мысли «Гражданина», перенесенныя изъ его «дневниковъ» и украшенныя подписью Государя. Двѣ недѣли — вплоть до 1-го юня — шла въ немногочисленномъ кругу совѣтниковъ Государя упорная борьба. Зенгеръ долженъ былъ повернуть противъ своего недавняго союзника и чуть не на коленяхъ умолять Государя не издавать такого рескрипта, такъ какъ, намѣчая въ подробностяхъ всю будущую реформу, онъ исключалъ бы всякую возможность дальнѣйшаго ея обсужденія и разработки въ обычномъ законодательномъ порядкѣ. Рескриптъ, былъ, наконецъ, сокращенъ, но мещерскій духъ цѣлкомъ остался. Особенно горячо поддерживалъ Мещерскаго графъ С. Д. Шереметьевъ, почти единственный изъ придворныхъ, имѣющій огромное влияние на царя. Шереметьевъ — опять таки человекъ «скорбный главою» и способный только туго войти о необходимости ежевѣхъ рукавицъ и бараньяго рога. Въ значительной степени его влиянію приписываютъ и передачу дѣла Балмашева военному суду, на что Плеве, какъ говорятъ, согласился безъ особенной охоты.

Въ послѣднее время «князь-гражданинъ» чуть-ли не ежедневно представляетъ Государю докладныя записки по различнымъ вопросамъ. Ничего не будетъ мудренаго, если мы въ скоромъ времени прочитаемъ новыя рескрипты, написанныя «Содомирскимъ княземъ и гражданиномъ Гоморры»!

Вообще, Содомирскій князь пріобрѣтаетъ послѣдователей. Нѣкогда, еще при Александрѣ II, одинъ крупный полицейскій чинъ, выслушавъ мнѣніе о необходимости очистить Петербургъ отъ проституціи, отвѣтилъ, пожавъ плечами, что для этого пришлось бы начать съ Зимняго Дворца. Съ тѣхъ поръ придворныя круги прогрессировали еще болѣе. Трудно себѣ вообразить, до какой степени подверглись высшіе круги процессу нравственнаго гніенія. Скадальное поведение почти не скрывается. Вотъ одинъ изъ послѣднихъ примѣровъ въ этомъ родѣ. Графъ Ламздорфъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, подобно очень многимъ высшимъ чинамъ, отличается особенно нервнодушіемъ... къ молодымъ мужчинамъ. Нынѣ его «фаворитомъ» является бывший камеръ-концертъ, теперь церемоніймейстеръ Савинскій, извѣстный въ Петербургѣ подъ болѣе простымъ именемъ «графини Ламздорфъ». «Чувства» къ нему графа оказались настолько сильны, что онъ по вопросу о назначеніи своего любимца церемоніймейстеромъ поставилъ кабинетный вопросъ, т. е. грохнулъ выходомъ въ отставку, пока императоръ не далъ своего Высочайшаго соизволенія. И подобные господа, виртуозы наглої, циничной раснущенности, говорятъ громкія слова о необходимости поддерживать престижъ власти и т. п. Наши высшія бюрократическія и придворныя сферы представляютъ собою отвратительнѣйшую, грязную клоаку, о которой невозможно говорить безъ омерзѣнія, которую нельзя наблюдать безъ тошноты...

Невыразимо жалкое впечатлѣніе производить самъ фиктивный глава этой бюрократической клики, Николай II. Безсильный, безвольный, запуганный съ дѣтства, необразованный и не имѣющій никакого понятія о Россіи и о томъ, что въ ней дѣлается, онъ ходитъ на реакціонныхъ помочахъ все время, начиная съ своей знаменитой рѣчи о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», написанной, какъ это вполне достоверно извѣстно, К. П. Побѣдоносцевымъ. Какъ рупоръ феографа, онъ повторяетъ на всю Россію нелѣпыя фразы кабинетныхъ реакціонеровъ, растерянню и раздраженно видитъ, что оппозиціонныя и революціонныя силы почему то не сломенны, хотя онъ нѣсколько разъ отдавалъ соотвѣтственныя распоряженія и получалъ въ отвѣтъ доклады, на которыхъ ему приходилось только писать — «прочелъ съ удовольствіемъ, благодарю». Все его царствованіе носитъ какой то несчастный и зловѣщій характеръ, начиная съ первыхъ дней коронаціи — съ ужасной Ходынки. Демонстраціи, бунты, волненія, голодовки, промышленныя кризисы, всемірная комедія съ Гагской конвенціей, сдѣлавшей «мирнаго царя» всеобщимъ посмѣшищемъ, неудачи въ иностранной политикѣ, наконецъ, неудачи въ семейной жизни.

Было время, когда русскіе либералы, любящіе разсчитывать на блага намѣренія высокопоставленныхъ особъ, надѣялись,

что новая царица Александра Федоровна будетъ, въ качествѣ образованной гессенской принцессы, содѣйствовать водворенію въ Россію правоваго порядка. Но супруга Николая II коварно обманула эти надежды. Она предпочла заняться не водвореніемъ законности въ пріютившей ее странѣ, а безперервнымъ удовлетвореніемъ своихъ капризовъ на общественный счетъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ императрицѣ вздумалось завести себѣ садъ у Зимняго Дворца. Дворцовое управленіе, недолго думая, захватило часть городской Дворц. площади и, отгородивъ эту часть стѣной, стало устраивать садъ. Столичная дума, узнавши о захватѣ уже послѣ того, какъ онъ совершился, нашла нужнымъ лишь оформить его и послѣдила выдать разрѣшеніе на уступку дворцовому вѣдомству захваченнаго участка, хотя никто такого разрѣшенія не спрашивалъ. Такой удачный опытъ распоряженія имуществомъ столицы разлакомилъ царицу, и теперь она покушается захватить еще участокъ городской земли, впрочемъ уже не для себя, а для ближняго.

Есть въ Спб. докторъ Горнъ, занимающійся главнымъ образомъ массажемъ высокопоставленныхъ лицъ. Массируетъ онъ и царицу, которая очень довольна его услугами. И вотъ какъ-то во время массажа онъ повѣдалъ высокой пациенткѣ мечту своей жизни. Онъ хотѣлъ бы построить ортопедическій институтъ, но у него нѣтъ денегъ, чтобы купить землю. А между тѣмъ у города Спб. много земли, и докторъ-мечтатель даже присмотрѣлъ подходящій для него участокъ недалеко отъ Мытишинской набережной. Александра Федоровна, любящая благодѣлать на чужой счетъ, нашла дѣло очень простымъ и взялась помочь бѣдѣ. Она позвала Плеве и передала ему свое желаніе, чтобы городъ пожертвовалъ Горну просимый имъ участокъ. «Благожелательный» Плеве, въ свою очередь, позвалъ петерб. голову Делянова и сообщилъ ему о желаніи царицы. Однако даже Деляновъ ахнулъ: дѣло въ томъ, что участокъ, который высмотрѣлъ мечтательный докторъ, стоитъ около 900.000 руб. Но на это указаніе Плеве отвѣтилъ: «это ужъ не мое дѣло». И онъ, конечно, правъ: дѣло министра внутр. дѣлъ бороться съ революціей, а не охранять городскую землю отъ расхищенія. Смущенная столичная управа попыталась поторгаться съ Горномъ и предложить ему другой участокъ городской земли, не столь ужъ дорогой. Но Горнъ естественно, отказался: зачѣмъ ему брать меньше, когда онъ можетъ взять больше? Тогда управа рѣшилась обратиться къ самой царицѣ съ смиреннымъ представленіемъ, что просимый Горномъ участокъ слишкомъ дорогъ и нуженъ самому городу, и что управа готова пожертвовать Горну другой участокъ. Быть можетъ, Александра Федоровна и сжалится надъ столицей и не станетъ грабить ее вплотную. Но возможно и то, что она предпочтетъ крикнуть: «кошелекъ или жизнь». Тогда отцы города, конечно, смирятся и подпишутъ ей кошелекъ.

Молодая Императрица не оправдала, однако, не только ожиданій русскихъ либераловъ — она не оправдала и ожиданій правящихъ сферъ. Отсутствие наслѣдника представляетъ жестокою трагедію въ ея жизни, какъ и въ жизни самого Николая, все помыслы котораго въ послѣдніе мѣсяцы — юнь и юль — сосредоточены на томъ, — что то прінесетъ съ собой сентябрь, когда императрица должна будетъ опять разрѣшиться отъ бремени. Наслѣдникъ — это *idée fixe* Николая II. Онъ одинокъ, какъ одиноко психически-больной... Удивительно ли послѣ этого, что привезенный великой княгиней Милицей Николаевной гадалщикъ M-r Philippe, престижизаторъ и оккультистъ, пользуется теперь особеннымъ расположеніемъ и вниманіемъ Государя? Николай II съ жаднымъ любопытствомъ прислушивается къ тому, что говорятъ вызываемые Филиппомъ духи, что предсказываютъ они ему о наслѣдникѣ, о министрахъ и т. п. Это ли не характерныя черты вырожденія и послѣдыша царской династіи?

Однимъ изъ немногихъ болѣе умныхъ и разсчитливыхъ людей въ правящихъ сферахъ является Плеве. Недавно, въ прошломъ юнѣ мѣсяцѣ, онъ принималъ одного извѣстнаго писателя-финансиста. На горячіе доводы послѣдняго о необходимости уступокъ обществу Плеве отвѣчалъ въ высшей степени сдержанно и дипломатично. Онъ сказалъ между прочимъ, что онъ — другъ земства (!), но что ни о какихъ уступкахъ со стороны самодержавія въ его прерогативахъ не можетъ быть и рѣчи. Плеве, впрочемъ, сдѣлалъ знаменательное признаніе, а именно, что правительство чувствуетъ полное отсутствіе опоры въ странѣ. «Мы ищемъ, на кого бы опереться, но нѣтъ ни одного вполнѣ надежнаго круга!» Несомнѣнный

факт того, що Плевє получив від Государя приказ раздати оппозицію во что бы то ни стало. Плевє, какъ умный человекъ, понимаетъ, что однимъ кнотомъ «Государева дѣла» не сдѣлаешь. Онъ былъ бы не прочь разыграть кое-какую комедію, вытаскивъ вновь изъ архива какія нибудь «либеральныя» приманки для уловленія известной части общества и отвлечения ея отъ революціи, по правилу — *divide et impera*. Въ этомъ духѣ Плевє представилъ даже особый докладъ, но только напугалъ правящую сферу. Тамъ теперь смертельный страхъ передъ уступками. Государю все мерещится призракъ Людовика, начинающаго съ уступокъ и кончившаго эшафотомъ...

Мораль всѣхъ этихъ фактовъ такова, что врядъ ли освобожденіе Россіи обойдется безъ большой и рѣшительной ампутаціи... Слишкомъ ужъ велика и не податлива инымъ методамъ дѣянія правительственная гангрена...

ПРОБУЖДЕНІЕ ПРОВИНЦІИ (письмо съ юго-востока). — Теперь смѣло можно сказать, что въ Россіи нѣтъ города, нѣтъ деревни, нѣтъ угла, самаго захолустнаго, гдѣ бы не интересовалась послѣдними событіями и гдѣ не шевелилась бы въ бытовыхъ норахъ пробуждающаяся мысль. Революционная идея растетъ въширь и въглубь и проникаетъ въ такіе глухіе закоулки, въ которые, кажется, никогда раньше не заглядывалъ лучъ свѣта. Въ уездныхъ земскихъ управахъ, въ городскихъ думахъ и «упрощенныхъ» управленіяхъ, въ училищахъ низшихъ и среднихъ въмѣсто традиціонныхъ разговоровъ о выпивкѣ и картахъ ведутся оживленные бесѣды объ убійствѣ Сипягина, о крестьянскихъ и студенческихъ волненіяхъ, читаются революціонные листки и прокламаціи, обсуждаются политическія событія, передаются разные слухи, которые у насъ въ Россіи часто замѣняютъ газету и до полноты такъ называемыя «правительственныя сообщенія». Общественное начальство уже не пытается бороться съ этимъ бурнымъ потокомъ проснувшейся мысли и проситъ только объ одномъ: не расклатывать по столамъ вѣстѣ съ «исходящими» и «входящими» бумагами нелегальную литературу и, по крайней мѣрѣ, «не очень громко говорить». — По рукамъ ходятъ безчисленное множество гектографированныхъ, печатныхъ и рукописныхъ прокламацій, воззваній, стихотвореній, каррикатуръ, и даже бѣдственное око холопствующихъ надзирателей, директоровъ и инспекторовъ не въ состояніи услѣдить за тѣмъ, чтобы революціонный ядъ не проникалъ въ стѣны учебныхъ заведеній. Крошечные «приготовишки» — и тѣ проникаются духомъ протеста, выражая свое недовольство иногда въ весьма комичныхъ формахъ. Мнѣ извѣстенъ случай, когда изъ гимназій одного губернскаго города были исключены ученики *приготовительнаго класса* за то, что во время перемены онъ крикнулъ: «да здравствуетъ анархія!». А весной этого года, когда разнеслись слухи о томъ, что опять будутъ введены экзамены и каникулы сократить, — одинъ изъ мальчуганъ громко заявилъ: «ну ужъ это извините, мы тогда сами пойдемъ и Зенгера укокошимъ». — Въ Воронежской гимназій въ мартъ этого года у трехъ гимназистовъ 7 го класса были произведены обыскы въ присутствіи гимназическаго начальства и жандармъ офицера Ничего особеннаго не нашли, но гимназистовъ отдали подъ строжайшій надзоръ начальства, и теперь каждый изъ нихъ, отправляясь куда нибудь, долженъ предварительно зайти къ инспектору и доложить объ этомъ. Такъ какъ ходитъ имъ приходится мимо гимназій, а инспекторъ живетъ тутъ же и цѣлый день сидитъ у окна, то для сокращенія времени гимназисты не заходятъ въ гимназію, а кричатъ съ улицы: «Михаилъ Петровичъ, я въ лавочку иду!» — «Михаилъ Петровичъ, я вернулся!». — У гимназистовъ тоже были обыскы, причемъ жандармы забирали у нихъ дневники и переписку. Въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній ученица IV класса принесла въ классъ студенческую прокламацію, которую читала вслухъ подругамъ. Это было замѣчено классной дамой, и прокламація была отобрана, а на вопросъ, гдѣ ученица взяла ее, — та отвѣтила: «на улицѣ нашла!». Студентъ, осужденный на демонстрацію 9-го февраля, въ количествѣ 20 человекъ привезенные въ Воронежскую тюрьму, встрѣчаютъ всеобщее сочувствіе, и тѣ изъ Воронежскихъ обывателей, у которыхъ есть между ними родственники, гордятся своими родственниками съ пострадавшими. Страхъ передъ ссылкой, передъ острогомъ и жандармами ослабѣлъ до того, что посѣлъ многочисленныхъ апрѣльскихъ и мартовскихъ обысковъ и арестовъ, нѣкоторые изъ обывателей открыто признавались, что «теперь стыдно быть не обысканнымъ». — Когда вѣсть объ убійствѣ Сипягина дошла до провинціи, изъ всѣхъ грудей, безъ преувеличенія, вырвался валомъ облетѣнія, и даже самые мирные обыватели и обывательницы крестились и говорили «слава Богу!» Я самъ лично былъ свидѣлемъ подобныхъ фактовъ. Нѣкоторые признавались, что

въ день смерти Сипягина чувствовали себя такъ, какъ будавались отъ какой то тяжкой и опасной болѣзни.

Таково въ общихъ чертахъ настроеніе города, — заглянешь въ деревню. Что думаетъ, что чувствуетъ, что дѣлаетъ перъ этотъ сфинксъ, этотъ «святой мужичекъ», который, г. раженію Базарова, «еще самъ себя не понимаетъ»? Царствовали тамъ по прежнему «въковая тишина», или безмолвный сф тоже начинаетъ прислушиваться къ отдаленному грому прѣжащей грозы? Да прислушивается, и не только прислуется...

Вотъ что пашутъ мнѣ изъ одной деревни Саратовскаго «Разскажу вамъ, что подѣлываютъ мои дяди». Вчера одинъ изъ нихъ былъ въ городѣ и привезъ отсюда студенческую прокламацію по поводу избіенія 4-го марта. Сейчас же на заві (клубъ своего рода) собралось человекъ 20, и прокламацію жественно прочли. Сильное впечатлѣніе произвело то, что демонстраціи принимали участіе рабочіе. «Нашъ братъ-мужъ поперъ!» съ восхищеніемъ сказалъ дядя-Иванъ. — Помните самый, который огорчался, что всѣхъ мужиковъ въ книжка раками выставляютъ? Другой дядя (40 лѣтъ, домохозяйинъ) думался и пришелъ ко мнѣ совѣтоваться: «или ужъ мнѣ к продать, да въ Питеръ податься, студентамъ помогать»? Я дядя его, что пока этого не нужно. Прокламація ходила по селу и столько разговоровъ вызвала, что до сихъ поръ опоз ся не можемъ. Жалуютъ, что рѣдко попадаются такіе книжки зеты, изъ которыхъ можно бы было узнать всю правду. — На нелегаліи у насъ плохо. Есть кое что изъ Толстовскихъ даний, изъ которыхъ особенно читается «Царство Божіе в насъ самихъ», но этого мало. Дяди постоянно осаждаютъ просьбами о книгахъ, и когда я предоставляю въ ихъ рас женіе мою скудную библиотечку, они долго рожются въ ней сожалѣніемъ говорятъ: «нѣтъ, это что, это мы я сами бы до а вотъ нѣтъ ли у тебя чего нибудь запрещеннаго!» Тотъ же респондентъ сообщилъ мнѣ въ другой разъ. «Въ послѣднее я у насъ замѣчается антагонизмъ между «дядями» и мооло. Последніе совсѣмъ отъ насъ отделились, собираются одни, ютъ что то свое, а о насъ говорятъ такъ: «нѣтъ, вы дядя компанія неподходящая. — мы вотъ говорите противъ посп сами вы все таки въ церковь ходите, а зачѣмъ это? Ужъ за правду стоять, такъ стоять до послѣдняго! А насъ не рѣш...» Когда я въ свое оправданіе говорю имъ, что мн неволѣ приходится подчиняться нѣкоторымъ обрядамъ, п что меня иначе лишатъ учительскаго мѣста и прогонятъ изъ они говорятъ: «а что же, нешто ты въ другомъ мѣстѣ не мо за правду стоять? Нѣтъ отстали вы отъ насъ... — Посоветъ что мнѣ дѣлать и укажите, какія есть нелегальныя книги дд рола»...

Въ Воронежской губ. глухое недовольство своимъ положеніемъ стало замѣчаться среди крестьянъ, особенно южныхъ уѣз ене дѣломъ прошлаго года, когда страшная засуха уничто несъ урожай, а продовольственное дѣло было передано въ царскихъ чиновниковъ. Въ августѣ мнѣ писали оттуда: «у въ воздухѣ виситъ что то зловѣщее: каждый день на горн: зарево пожаровъ; по землѣ седелется кровавый туманъ, шется и живетъ трудно, точно передъ грозой. Мужикъ уг молчитъ, а если и заговоритъ иногда, то такъ, что мороз шкурѣ подираетъ. Что мы будемъ дѣлать, когда разразится стояшій голодъ?» — И голодъ разразился. Уже къ весн года въ нѣкоторыхъ уѣздахъ появилась пынга и куриная слѣ отъ голодовки. Последняя болѣзнь приняла такое теченіе, люди совсѣмъ лишались арнія. Въ одномъ уѣздѣ (если не баясь, въ Бобровскомъ) было зарегистрировано 22000 пынгот больныхъ. Общество Кр Кр. устраивало столовыя, въ котор на 400 человекъ варилось 50 фунтовъ мяса. Не даромъ Ник II состоитъ покровителемъ Гомеопатическаго О - ва! И въ же самое время изъ Воронежа побѣдоносно выступили сол для усмиренія крестьянъ села Курлака, и вагоны съ пынными с перами мчались по Ачинской ж. д. Передъ выступленіемъ походъ вызывались охотниковъ изъ вольноопредѣляющихся, ж ющие участвовать при экзекуціи, но согласился только одинъ къ сожалѣнію, фамилію этого негодяя не могу разобратъ въ ш мѣ. Во время похода отличался вице-губернаторъ Хвостовъ, торый явился на экзекуцію въ поимѣшечей коляскѣ и, подра Николаю I Незабвенному, крикнулъ: «шапки долой!» Кресть встрѣтили его сначала насмѣшками и бранью, тогда овъ авторично подъ охраной солдатъ, которые выстроились въ ан и навели ружья на толпу. Несмотря на то, что вышесказанн ственныхъ дѣйствій со стороны крестьянъ не было...

ли только отложить дело до суда, который должен был разобрать их претензию на помещичью землю, эскиция все таки состоялась. Драли авьрки, и помещик Станкевич (владелец спорной земли) распорядился даже намочить предварительно розги въ солоной водѣ. Выбѣченные крестьяне гогорили: „все таки земля наша, и судиться мы будемъ“. Нѣкоторые изъ офицеровъ, присутствовавшихъ на эскиции, рассказывали потомъ, что мужики держали себя „какъ агнцы“, несмотря на то, что ихъ было гораздо больше, чѣмъ солдатъ, и, если бы они захотѣли, они могли бы истребить всю эту царскую свору съ Хвостовымъ во главѣ. Общее сочувствіе было на сторонѣ крестьянъ, и много неслыханнаго гогорилось въ обществѣ по адресу Хвостова, что не мѣшало ему, однако, вскорѣ по возвращеніи съ дикой расправы быть въ концертѣ и съ сладкой улыбкой на мирной физиономіи слушать сладкіе романсы. Зато одинъ изъ очевидцевъ порки былъ до такой степени потрясенъ этимъ возмутительнымъ зрѣлищемъ, что заболѣлъ нервнымъ расстройствомъ, и до сихъ поръ не можетъ безъ ужаса вспомнить о свирѣпыхъ дѣйствіяхъ палача Хвостова, очевидно, ожидавшаго награды за свое усердіе. Говорятъ, однако, награды никакой не послѣдовало, потому что, зарвавшись въ своемъ холопскомъ рвеніи, Хвостовъ преуменьшилъ власть и выдѣлалъ георгіевскаго кавалера. Малахова, который былъ ходокомъ отъ крестьянъ и хлопоталъ по ихъ дѣлу. Въ настоящее время волненіе среди крестьянъ продолжается и захватило уже нѣсколько уѣздовъ. Въ концѣ марта и въ апрѣлѣ по селамъ появилось много прокламацій, которыя крестьяне называютъ „волашевыми бумажками“ и читаютъ на улицахъ и по избамъ. Встревоженные становые и урядники рыскали по деревнямъ, дѣлали обыски и требовали у крестьянъ выдачи „волашевыхъ бумажекъ“, но крестьяне отказывались, говоря: „ищите сами“. По всѣмъ волостнымъ правленіямъ разослао секретное предписаніе — вскрывать всѣ пакеты и письма, адресованныя крестьянамъ, учителямъ и священникамъ. Въ связи съ появленіемъ этихъ прокламацій въ концѣ апрѣля въ Воронежѣ были новые обыски и аресты, причемъ обыскивали даже земскую управу, ища пишущую машинку, на которой были напечатаны прокламаціи. Изъ Бобровскаго уѣзда броженіе перешло въ Валуйскій, Нижнедѣвическій и Воронежскій уѣзды. Вездѣ крестьяне являются къ помещикамъ и требуютъ добровольно отдать имъ землю, хлѣбъ и скотъ, говоря, что все это принадлежитъ имъ, и что объ этомъ даже пишутъ въ книжкахъ, и угрожая въ случаѣ отказа сжечь усадьбы и поджечь землю по своему. Такой участи, между прочимъ, подвергся помещикъ Паренаго Вор. уѣзда, у котораго мужики поджечь нѣсколько дѣтъ жгутъ сѣно и хлѣбъ. Ему было предложено отдать землю, и онъ поспѣшилъ ухажать изъ мѣстъ, приславъ въ сто себя станового и урядника. Нѣкоторымъ монастырямъ, владеющимъ довольно значительными угодьями въ Вор. уѣздѣ, были сдѣланы такіе же предложенія. Губернаторъ успокоилъ крестьянъ обѣщаніемъ, что онъ разберетъ ихъ претензіи, и теперь всѣ ждуть, чѣмъ кончится это дѣло. Я съ своей стороны убѣжденъ, что это не конецъ, а только начало.

Тамбовская губернія переживаетъ то же самое. Одинъ управляющій сообщаетъ мнѣ: „Должно быть, скоро намъ придется собирать свои пожитки и уходить съ насиженныхъ мѣстъ... Голодъ у насъ отчаянный и на урожай нѣтъ надежды. Каждый день въ усадьбу являются толпы мужиковъ и требуютъ хлѣба. Все, что было можно, они уже забрали подъ работу, и положеніе ихъ по истинѣ безнадежное. Они прямо заявляютъ: или дадите, или мы сами возьмемъ. — Недавно одинъ крестьянинъ пошелъ изъ отъ голода. По селамъ идетъ говоръ: „прежде хотѣ столовые были, кормили насъ, а теперь ничего нѣтъ, хотѣ умирай“. — Въ 20 верстахъ отъ насъ крестьяне явились въ обществѣ съ телѣгами и мѣшками, отверли общественный магазинъ и увезли хлѣбъ. То же было въ другихъ мѣстахъ... Жить въ деревнѣ становится невыносимо: и ихъ жалъ, и себя жалъ...“ Другой помещикъ пишетъ: „Надо бѣжать, пока не сожгли или не повѣсили на воротахъ. Происходитъ какая то пугаченщина. По деревнѣ нельзя пройти, не услышавъ вслѣдъ угрозы. По сосѣдству на дняхъ сожгли весь хлѣбъ и ригу у земскаго начальника. Говорятъ, что надѣяться на царя нечего, — надо идти самимъ и отбирать землю у богатей. Надъ тѣми, которые все еще надѣются на царскую милость и чего то ждуть, — открыто насмѣхаются и говорятъ: „Да жди, такъ онъ тебѣ и дасть! Нѣтъ ужъ, долго мы ждали, теперь, видно, ждать печего“.

СТИХИЙНОЕ БРОЖЕНІЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЯ ПОПЫТКИ
(Письмо изъ Бессарабіи). — Напряженное состояніе всѣхъ классовъ общества и народной массы, созданное стеченіемъ нѣсколькихъ возмутительныхъ фактовъ насилія надъ демонстран-

тами, вызвало сильнѣйшее требованіе на нелегальную литературу. Правительство своими мѣрами, направленными на подавленіе легальной печати, пріучило общество и народъ искать отвѣтовъ на волнующіе вопросы и разъясненія фактовъ политической и экономической жизни на столбцахъ революціонной прессы, которая читается на расхватъ. Къ сожалѣнію, къ намъ на югъ до послѣдняго времени проникло далеко не столько изданій, сколько способно поглотить населеніе. Въ виду этого мѣстные революціонныя силы прилагали постоянно массу энергіи на созданіе мѣстной литературы. Всякій случай политическаго или общественнаго значенія служилъ причиною появленія массы листовъ и прокламацій: но и рабочіе, и общество въ послѣднее время стали у насъ относиться къ нимъ нѣсколько скептически: „дайте намъ постоянную газету, которая удовлетворяла бы насъ и достаточнымъ количествомъ проверенныхъ свѣдѣній, и свободнымъ освѣщеніемъ ихъ“ — вотъ что приходилось всегда часто слышать. Подъ давленіемъ все чаще раздававшихся требованій съ одной стороны, и слабого (сравнительно съ спросомъ на нее) притока литературы изъ за границы и центральной Россіи — съ другой, у одной изъ южныхъ группъ, по строю своихъ взглядовъ близкихъ къ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, возникла мысль объ изданіи двухнедѣльнаго органа, посвященнаго свободному обсужденію явленій русской и заграничной жизни. Мысль эта нашла живую поддержку, и немедленно-же приступлено было къ собранію матеріала и печатанію перваго номера „Свободнаго Слова“. Возбужденіе, вызванное какъ разъ въ это время геройскими поступками Балмашева и Лекерта, побудило поспѣшить изданіемъ перваго номера, посвятивъ его памяти великихъ борцовъ за жизнь и свободу русскаго народа.

№ 1 „Листка Свободнаго Слова“ заключаетъ въ себѣ вслѣдъ за поясненіемъ редакціи о причинахъ изданія „Листка“ вмѣсто газеты, передовую статью програмнаго характера. Въ ней редакція выясняетъ, почему группа лицъ, объединившихся около „Свободнаго Слова“ считаетъ себя соціалистами, революціонерами и демократами, чѣмъ она отличается себя отъ социаль-демократовъ и, наконецъ, выясняетъ свое отношеніе къ террору. Не имѣя возможности подробно передать содержаніе этой статьи, отмѣтимъ лишь два момента. Во первыхъ она высказывается за необходимость и полную своевременность социалистической и революціонной пропаганды въ крестьянствѣ; во вторыхъ же въ ней аргументируется неизбежность и целесообразность террора, фатально вызываемаго условіями современной жизни: при отсутствіи какихъ-бы то ни было иныхъ средствъ охраненія личнаго достоинства — оскорбляемымъ остается прибѣгнуть къ физическому силѣ, къ самозащитѣ и непремѣнно самозащитѣ организованной. За этой статьей слѣдуетъ статья, посвященная франкорусскимъ торжествамъ 7-го мая. Въ ней авторъ выясняетъ всю позорность союза съ Россіей для французовъ и весь его вредъ для освободительной борьбы русскаго народа съ самодержавіемъ. Далѣе слѣдуетъ рядъ писемъ изъ различныхъ городовъ.

Къ несчастію, первую же попытку названной группы постигла крупная неудача. 2000 экземпляровъ „Листка“ было арестовано 12 іюня въ Кишиневѣ на вокзалѣ при попыткѣ переправить грузъ. Арестована пѣлка г-жа Красилекая, которой жандармы безъ достаточныхъ основаній предъявили обвиненіе въ томъ, что она привезла этотъ грузъ въ Кишиневъ.

Но надо думать, что группа на этомъ не остановится. Насколько намъ извѣстно, она уже приступила къ собранію матеріала для печатанія слѣдующаго номера въ той же типографіи „Соціалистовъ-революціонеровъ“.

Волненіе въ Полтавской и Харьковской губерніи отозвалось и въ другихъ районахъ юга Россіи. Въ Херсонской, Екатеринославской и Бессарабской губ. началось глухое броженіе, и мѣстнымъ помпандурамъ пришлось порядкомъ побороться. Такъ въ Хотинскомъ и Аккерманскомъ уѣздахъ, Бессарабской губерніи, начались стихійныя волненія, кончившіяся однако весьма быстро. Свѣдѣнія объ этихъ волненіяхъ тщательно скрываются. Въ самомъ Кишиневскомъ уѣздѣ мѣстами крестьяне обращались къ своимъ излюбленнымъ лицамъ съ вопросомъ, скоро-ли намъ слѣдуетъ начать дѣлить землю и имущество по душамъ по примѣру полтавскихъ крестьянъ. Населеніе настроено такъ, что не будетъ ничего удивительнаго, если возникнутъ крупныя волненія и даже возстаніе, помимо вліянія какихъ-бы то ни было организацій. Понимая всю невыгодность такихъ опытовъ, мѣстная интеллигенція въ

Бессарабии задумывается над изданием некоторых брошюр Лиги на молдавском языке. Но тут она наталкивается на почти непреодолимую трудность — почти полную безграмотность населения — этот благотворительный результат присоединения Бессарабии под Российский скипетр, для которого грамотность населения слишком опасная вещь. Земских школ в крае мало, церковно-приходские заняты обучением детей коренного молдавского населения древнему церковно-славянскому ивиту и распространением здравых понятий на счет неприкосновенности права собственности и божественного происхождения власти. Гораздо шире революционное движение в городской рабочей массе южных городов, где группы самых разнообразных отбывков теоретической мысли под давлением обстоятельств ведут в настоящее время наряду с экономической и чисто политической агитацией и пропаганду. Отрицательное отношение некоторых групп к террору не находит сочувствия в широких слоях рабочих. Напротив, рабочих, пожалуй, приходится удерживать от самостоятельной работы на этом пути, в виду опасности превращения неорганизованной самопомощи в анархию, чего, конечно, местные силы совершенно не желали бы. Отсутствие в последнее время демонстраций объясняется не тем, что рабочие испуганы бешеным террором, а необходимостью, по тактическим соображениям, временно удерживать массу от демонстраций с оружием в руках, к чему рабочий народ рвется. Несомненно, что, если правительство не откажется от услуг своего обер-палача Плене и его субъ-палачей — губернаторов, то мы в недалеком будущем окажемся свидетелями целого ряда кровавых столкновений. Кризис в промышленности и опасность нового неурожая (появилась масса жучков, гессенской мухи, сусликов, гусеницы и пр.), конечно вновь выдвинет стачечное движение, недостаток безработных в городах и брожение в деревнях; — а справиться с ними правительству будет совсем не легко.

ВЪ ХРОНИКУ РАБОЧАГО ДВИЖЕНИЯ.

ВИЛЬНА. — После майских событий, которые слезали наш город известным всему миру, злобой для у нас стала безработица. Фабрично-заводская промышленность развития у нас чрезвычайно слабо, а безработица вызвана почти полнейшим отсутствием в этом году построек, благодаря тому, что здешний земельный банк сократил значительно выдачу ссуд под ново строившиеся дома. Вследствие этого все те рабочие, которые обыкновенно работают при постройках (каменщики, столяры, красильщики и т. п.) остались в этом году без работы. За исключением каменщиков, большинство которых призывает из центральной России на лето сюда, все остальные упомянутые рабочие — здешние уроженцы и в значительной, если не большей части, евреи. Так как все, что осталось в их карманах после последнего строительного сезона, было израсходовано в течение зимы, то положение этих рабочих, начиная с весны, стало прямо безвыходным, и почти четыре тому назад на здешнем базаре безработные раскидали съестные припасы. Поводом к этому послужил ответ пристава 1 го уч., Снитко, на просьбу хлеба со стороны рабочих: „А разве на базаре мало хлеба?“. Полиция, которой после майских событий не очень то легко на душе, прибегла к очень ловкому, с ее точки зрения, маневру, чтобы отвлечь внимание безработных от себя. Так как большинство безработных евреи, полицеймейстер пригласил к себе главного еврейского проповедника и попросил его, чтобы еврейское общество слезало что-нибудь для безработных. Проповедник созвал тогда собрание местной еврейской знати и до того картинно, должно быть, изложил собранным все те ужасы, на которые способны рабочие вообще и „стачечники“ (так называют у нас организованных рабочих) в частности, что в несколько дней собрано было около 3000 рублей. Тем не менее образовавшийся комитет для оказания помощи безработным, в сущности, ничего не мог подзаты с широко разлитой нуждой. Безработица не такая вещь, против которой можно бороться грошевой благотворительностью. Надо иметь в виду, что в данном случае речь идет о „парях“ среди пролетариата, как чрезвычайно мило называл Каутский еврейских рабочих. Благодаря исключительным законам, существующим для евреев (большинство их изданы, как временные правила), еврейский раб. находится в гораздо худшем положении, чем его христианский товарищ. Он, во-первых, лишен возможности уйти в деревню, где крестьянин находит, по крайней мѣ-

ру, кой какой уголок; он не может получить работы в казенных заведениях, мастерских и т. п.; даже мостить улицы в последние годы запрещено евреямъ здешней полицией. Если, таким образом, область, в которой евреи могут найти приложение своих сил, чрезвычайно узка, благодаря политическим причинам, то она еще более суживается тем, что уровень потребности еврейского рабочего выше христианского, отчасти благодаря традициям, вытекающим из еврейского ритуала и, главным образом, благодаря тому, что еврейский пролетариат нашего края значительно опередил, в смысле сознания своих классовых интересов, окружающих его христиан. Этим, понятно, пользуются хозяева и заманивают „стачечников“ евреев рабочими христианами. Так, недавно на одном кожаном заводе, где работали христиане и евреи, последними была устроена стачка. Так как рабочие не согласились на плату, которую предлагал хозяин, последний нанял христиан, и в результате получилось, что евреи остались без работы и умирают с голоду, в то время, как хозяин выгадал значительную сумму на заработной платѣ.

Все это вышедшее внятое довели наших еврейских рабочих до такого состояния, что мы можем ожидать у нас в скором времени чего-нибудь вроде знаменитых восстаний ткачей в Лионе и Силезии, понятно, в меньшем масштабе. Тенденция к этому замечается уже теперь. Некоторые дисциплинированные заводы открыли в последние годы столярные мастерские, в которых окна, двери, полы, изготовлявшиеся до этого времени столярами, теперь изготовляются машинным способом со значительным сокращением расходов. Таким образом наша армия безработных еще более увеличилась. Столяры требуют теперь, чтобы эти мастерские были закрыты, и угрожают в противном случае прибегнуть к насилью. На рабочей бирже рабочие говорили: „Чего Леккерта пошел стрелять в губернатора? Надо убить Х. и У. (содержателей упомянутых мастерских) — это поможет!“ Удастся ли удержать рабочих от выполнения этого намерения — это большой вопрос. Администрация была бы, конечно, очень рада, если бы гнев рабочих с нею перешел на предпринимателей: оно и безопасней для нея, и есть повод попытаться на время задержать рабочее движение кровопусканием по знаменитому бисмарковскому рецепту.

Теперь еще находят кой какой заработок при ремонтных работах, но что будет осенью и особенно зимой — трудно предвидеть. Вышеупомянутый „Комитет для помощи безработным“, понятно, не смог оказать существенной помощи. Он выдает бесплатно талоны на хлеб. Записанных безработных насчитывается свыше 500 чел., талоны на хлеб берет 300-350 чел., причем надо прибавить, что среди записанных чернорабочих имеется много и профессиональных нищих, так как в этом разряде рабочих контроль не возможен; в то время как ремесленники (столяры — 130 чел., красильщики — 150 чел. и т. дал.) подавали списки через своих представителей. В настоящее время разряд безработных сократился в сравнении с началом лета, но осень и зима будут тревожны.

С мая месяца у нас постоянно дежурят свыше 1000 солдат с 60 ю боевыми патронами у каждого. Они в течение 10 минут могут явиться туда, куда их вызовут.

8 (21) июля 1902 г.

КАМЕНЕЦЪ ПОДОЛЬСКЪ — Каменец-Подольск — губернский город с 60 тысячами жителей, по лишенный железной дороги, представляет собою один из самых захолустных уголков. Фабрик и заводов нет, рабочие ремесленники находятся в самом невинном состоянии.

Только весной пекари неожиданно нарушили покой. Положение пекарей можно сравнить только с положением каторжников при алом начальник. Оно скверно во всех городах, и сквернее, чем во всех городах, в нашем. И так как всему на свете бывает конец, то настал конец и терпению пекарей. Пекари стали. Обыватель остался без хлеба, и в городе поднялось великое смятение. Полициеймейстер на второй день стачки созвал к себе стачечников (все евреи), грозил им тюрьмой, Сибирью, всеми египетскими казнями, арестовать главарей. Рабочие выслушали грозного начальника очень внимательно, разошлись, но на работу не пошли, пока не выполнят их требования. В городе есть, кроме еврейских булочных, несколько христианских, которые должны были эти дни крайне усиленно работать, чтобы кормить весь город. Тогда возроптали христиане-рабочие. Полициеймейстер пригласил их к себе, обласкал, уговаривал „работать не слушаться пьяниц-жидов, которые се бунтуют и за это пойдут в Сибирь.“ „Я ведь вас знаю, вы

ребята славные, не то, что тѣ жида." Славные ребята почесали затылки, покряхтели и... стали за работу. Еврейскіе рабочіе продолжались еще 2 дня, пока хозяева не уступили.

"Славные ребята" тогда смеялись, что сгруппили, но уже было поздно.

КІЕВЪ. — У насъ временное затишье. Весна закончилась, какъ всегда, переполненіемъ тюрьмы. Но Драгомировъ, у котораго въ старую вѣчная грызня съ Новицкимъ, сообщилъ въ Петербургъ, что послѣдній терроризируетъ населеніе массовыми арестами. Новицкаго вызвали туда, уговорили брать не сотнями, а десятками. Генералъ вернулся разъяренный, но — служба службой, — пришлось подчиниться, и въ концѣ мая большинство было выпущено. Кіевская тюрьма на время освободилась, но свято мѣсто пусто не бываетъ. 30 іюня въ дѣсу (за Деміевкой) было рабочее собраніе, на которомъ участвовало до 70 чел. Оно было выдано провокаторомъ и къ концу окружено полиціей и переписано. Часть успѣла скрыться. Оставшихся арестовали и... любопытный и простой способъ выставлять рабоче движенье исключительно еврейскимъ. Въ рабочіе христіане, къ великому изумленію, были отпущены домой, а евреи препровождены въ тюрьму. Такъ пишется исторія.

Въ среднѣхъ числахъ іюня были стачки въ 3-хъ иконостасныхъ мастерскихъ. Властѣльцы мастерскихъ, очевидно, поглощены мыслями о святости ихъ дѣла и вполне основательно рассуждаютъ, что рабочіе должны уже быть счастливы тѣмъ, что дѣлаютъ святыя образа. Небесное съ земнымъ соединить трудно, и хозяева стараются дѣлать изъ рабочихъ святыхъ схимниковъ. Этимъ только можно объяснить невѣроятно тяжелыя, съ земной точки зрѣнія, условія жизни рабочихъ иконостасныхъ мастерскихъ. Пища отвратительная, рабочій день невозможно длинный.

Первыми поднялись рабочіе мастерской Мурашко (15 чел.). Требования улучшенія пищи и сокращенія работы на 1 часъ. Рабочіе держались дружно, и хозяинъ уступилъ. Черезъ недѣлю забастовали рабочіе мастерской Маленуго (25 чел.). Требования тѣ же. Стачка кончилась неуспѣшно. Вслѣдъ затѣмъ была стачка въ мастерской Вента, кончившаяся удачно.

Мѣстнымъ комитетомъ П. С. Р. въ іюнѣ было предпринято и удачно выполнено массовое распространеніе литературы среди крестьянъ въ Шполѣ и чигиринскомъ уѣздѣ. Распространены изданія Партии и А. С. Лиги.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ГУБ. Новозыбковъ. — Мирные обыватели удивленно протираютъ себѣ глаза, глядя на то, что дѣлается въ нашихъ краяхъ. Наши рабочіе, еще недавно фатально вращавшіеся между фабричнымъ станкомъ и тракторомъ и не имѣвшие никакой заботушки, кромѣ работы и выпивки, стали задумываться богъ въстѣ о какихъ вопросахъ, а отъ задумчивости перешли къ другимъ порокамъ: появилось у нихъ чувство собственнаго достоинства, втемяшилась въ башку мысль о 8-часовомъ рабочемъ днѣ и проч. Понятно, фабрикантамъ это не втерпѣе стало. То и дѣло слышныя жалобы въ такомъ родѣ: "вотъ уже два мѣсяца, какъ мы на фабрикахъ не хозяева! Обыски у насъ не прекращаются, а прокламаціи каждый день все появляются. Съ другихъ мѣстъ рабочихъ не принимаемъ. Прежде думали на "жидовъ", такъ сейчасъ ихъ тоже нѣтъ, а дѣло идетъ по прежнему. Народъ совѣмъ неузнаваемъ: чортѣмъ смотритъ".

Власти, конечно, еще болѣе переполошились: въ нашъ городокъ, гдѣ прежде и одному жандарму дѣлать нечего было, прислано теперь 54 жандарма, выискана тайная полиція и пр. Поможетъ ли?...

ИЗЪ КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ — Въ мѣстечкахъ Кельмахъ и Варне были большія стачки рабочихъ. Забастовщики демонстративно прошли по улицамъ съ краснымъ знаменемъ и пѣньемъ революціонныхъ пѣсень. Смятеніе администраціи не поддается описанію. — Растерявшіеся власти доходятъ иной разъ до геркулесовыхъ столбовъ. Такъ напр. въ городѣ Россіецахъ передъ ярмаркой (24 іюня) власти распространили слухи о готовящемся избіеніи администраціи. Долгое время городъ напоминалъ военный лагерь. Появилось громадное количество полиціи, была вызвана сотня казаковъ, но напрасно — все было тихо...

БАТУМЪ. — Батумская исторія вступила въ новый фазисъ. Слѣдствіе о произведенномъ у насъ разстрѣлѣ безоружныхъ гурійцевъ-рабочихъ и публички закончено, и 40 человекъ изъ числа этихъ безоружныхъ предано суду по обвиненію въ сопротивленіи властямъ. Я сказалъ "слѣдствіе"; следовало бы сказать "слѣдствія", потому что ихъ бы-

ло два, и оба велись одновременно: судебная власть вела свое, а военная — свое. Судебное слѣдствіе открыло, что всѣхъ потерпѣвшихъ отъ солдатскихъ пуль было не 13 убитыхъ и нѣсколько раненыхъ, какъ официально было объявлено, а 80 человекъ, изъ которыхъ до 30 убито. Слѣдователями цифра эта оказалась нешуточною и они стали доискиваться какъ причинъ большаго числа жертвъ, такъ и причинъ самого движенія. Но военныя власти иначе взглянули на дѣло. Выпущено было, говорятъ они, 140 зарядовъ; а такъ какъ теперешняя пуля пробиваетъ трехъ человекъ и болѣе, то оно находить, что число жертвъ — 80 — слишкомъ незначительно, и произвело слѣдствіе для раскрытія виновныхъ въ недостаточномъ кровопролитіи!

Сообщаю нѣсколько подробностей, быть можетъ, неизвестныхъ вамъ. На управляющаго заводомъ Ротшильда, первоначальнаго виновника возникшихъ волненій (онъ понизилъ заработную плату и развилъ штрафы до того, что рабочимъ пришлось работать, въ сущности, даромъ!) было сдѣлано (уже послѣ "усмирения") три покушенія, но всѣ три — неудачно; затѣмъ онъ бѣжалъ изъ города. Террористическое настроеніе съ неудержимой силой овладѣваетъ сердцами. Приказъ стрѣлять въ толпу былъ данъ одновременно помощникомъ военнаго губернатора и офицеромъ, командовавшимъ воинской силой. Первый увѣряетъ, что онъ скомандовалъ стрѣлять на воздухъ, но стражники (бывшіе подъ его командой), не поняли. Офицеръ — по фамиліи Антадзе, самъ гуріецъ родомъ, — скомандовалъ "пли", не обратившись предварительно къ толпѣ ни съ какими предупрежденіями, и его командѣ послѣдовали какъ солдаты, такъ и стражники. Онъ оправдывается теперь тѣмъ, что такъ какъ онъ былъ раненъ камнемъ въ лицо, и толпа гурійцевъ напирала на войска, то онъ, "какъ честный офицеръ", обязанъ былъ по воинскому уставу пустить въ ходъ оружіе. Но соотечественники Антадзе, очевидно, понимаютъ законы чести нѣсколько иначе: по крайней мѣрѣ домъ его въ Гуріи былъ взорванъ порохомъ, и семья его едва успѣла спастись. Люди, знающіе гурійцевъ, предсказываютъ, что и самому Антадзе не сдобровать. Повидимому, онъ и самъ это чувствуетъ, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что-де "честно исполнилъ свой долгъ". До какой степени могутъ извращаться подъ вліяніемъ кастоваго военнаго духа всѣ понятія о чести! Если-бы — такъ рассуждаетъ Антадзе — онъ не скомандовалъ стрѣлять, то былъ бы зато преданъ суду, лишенъ чина и орденовъ и, вѣроятно, сосланъ въ каторжныя работы; теперь-же (положивъ на мѣстѣ около тридцати человекъ — въ томъ числѣ женщину, ребенка на рукахъ у матери, и посторонняго зрителя на балконѣ — и ранивъ свыше тридцати!) онъ, по крайней мѣрѣ, оставитъ дѣтямъ "честное имя".

Бѣдныя дѣти! пусть имъ никогда не придется услышать отъ своихъ соотечнѣй горькаго попрека тѣмъ, что ихъ отецъ былъ наемный убійца, для котораго одобреніе начальства было выше кровной связи съ роднымъ племенемъ, выше любви къ людямъ...

БАКУ. — Послѣдніе рабочіе безпорядки въ Батумѣ и первомайская манифестация въ Баку, гдѣ демонстранты прошли по городу съ краснымъ знаменемъ, сильно напугали мѣстныхъ дѣльцовъ и воротилъ. Въ Баку носятъ слухи про какую то таинственную организацію, которая собирается съжечь нефтяныя промыслы, разграбить городъ и т. п. Усиленіе промышленной полиціи тремястами казаковъ не только не успокоило "нефтяныхъ королей", но, наоборотъ, привело къ противоположному результату: слухи, къ которымъ прежде относились недоувѣрчиво, приобрѣли этимъ какъ-бы реальное основаніе. На этой почвѣ разыгралась недавно вблизи Баку, на нефтяномъ промыслѣ товарищества "Ароматъ" слѣд. исторія. Управляющимъ промысла состоитъ итѣкъ Моргуловъ, окончившій дѣшной институтъ, ревностный армянскій патриотъ. Недавно, послѣ сведенія годовыхъ отчетовъ, онъ рѣшилъ выдать штатнымъ служащимъ обычныя награды. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до служащихъ, многие изъ нихъ рѣшили отпрать депутацію къ Моргулову, просить его на будущее время вмѣсто наградныхъ, получаемыхъ, кстати, очень несправно, увеличить имъ соответственно мѣсячные оклады. Настроеніе служащихъ было мирное и даже слишкомъ мирное, если принять во вниманіе, что многие изъ нихъ, при страшной дороговизнѣ принасовъ на промыслахъ и ужасно тяжелой работѣ,

получают 20 и даже 18 рублей въ мѣсяцъ. Выбранная депутация отправилась къ управляющему и въ ожиданіи расположилась въ корридорѣ его дома. Но Моргуловъ сумѣлъ въ этомъ поступкѣ усмотрѣть „бунтъ“. Вооружившись револьверомъ, онъ бросился на мирно бесѣдовавшихъ депутатовъ „бунтовщиковъ“, угрожая перестрѣлять ихъ, если они не выдадутъ главныхъ виновниковъ. Напрасно депутаты и собравшіеся на крикъ служащіе доказывали ему свое мирное настроеніе, хотѣли даже разойтись по домамъ, чтобы доказать свое миролюбіе, — ничто не помогало. Моргуловъ стоялъ на своемъ и требовалъ выдачи „подстрекателей“. Тѣмъ временемъ явился вызванный по телефону мѣстный полицеймейстеръ Хомичъ въ сопровожденіи казаковъ и полицейскихъ. Долго Хомичъ бесѣдовалъ со служащими, старался дойти до „нитей“, но найти ихъ не могъ. Кое-какъ успокоивъ управляющаго, онъ повернулъ отрядъ и уѣхалъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Рѣшивъ, что полицеймейстеръ ничего въ отысканіи нитей не понимаетъ, Моргуловъ рѣшилъ вызвать изъ Баку болѣе свѣдущаго по части крамоль жандармскаго полковника. На другой день три власти: жандармскій полковникъ, полицеймейстеръ и Моргуловъ обыскивали при общемъ недоумѣніи квартиры. Однако „крамола“ была найдена. По крайней мѣрѣ одинъ контроричъ-армянинъ былъ арестованъ и уже съ мѣсяцъ сидитъ въ тюрьмѣ. Говорятъ, что у него что-то нашли. Что это за таинственное „что-то“ — никому неизвѣстно. Такъ кончился, а можетъ быть только начался бунтъ въ Баку.

Вся эта исторія возбудила сильное ожесточеніе противъ Моргулова среди дотогѣ совершенно мирныхъ рабочихъ и служащихъ. Начали даже поговаривать о расправѣ съ нимъ. Носятся слухи, что предупредительное начальство рѣшило убрать Моргулова на другой заводъ. Такъ наше начальство чуть не силокомъ загоняетъ самыхъ спокойныхъ служащихъ въ ряды недовольныхъ и вынуждаетъ ихъ на крайнія средства.

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ ВЪ КРЕСТЬЯНСТВѢ.

ДЕРЕВЕНСКИЕ СЛУХИ И ТОЛКИ (Письмо съ дороги). — Слухи о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Полтавской губ. распространились по всей Россіи и волнуютъ крестьянство. Правительствомъ, отлично сознавая опасность примѣра полтавцевъ, всѣми силами стремится ослабить произведенное ими впечатлѣніе. Оно старается такъ или иначе натравить крестьянство на „агитаторовъ“ и „подстрекателей“, которые-де суются не въ свое дѣло, сѣютъ смуту, а потомъ исчезаютъ, предоставивъ крестьянамъ расплачиваться своими боками. Благодаря разъясненіямъ земскихъ начальниковъ и другихъ опекуновъ деревни, у многихъ крестьянъ создалось представленіе о какомъ-то „врагѣ-нѣмцѣ“, который переодѣлся исправникомъ и мутитъ народъ. Но дѣло, начатое полтавцами, слишкомъ близко, слишкомъ понятно крестьянскому уму и сердцу. Вездѣ, куда проникали сколько нибудь вѣрныя свѣдѣнія о полтавскихъ событіяхъ, крестьяне высказывались по отношенію къ нимъ крайне сочувственно и обнаруживали живой интересъ ко всѣмъ подробностямъ. Крестьяне жадно спрашиваютъ проходящихъ, правда ли, что въ Полтавской губ. отбирали землю у пановъ, вѣрно ли, что одинъ панъ роздалъ всю свою землю крестьянамъ; допытываются, сколько пановъ убили и т. д. Когда рассказываешь, что крестьяне, напротивъ, многихъ пановъ, которые подобре, предупреждали о безпорядкахъ и прятали въ укромныхъ мѣстахъ, часто слышишь въ отвѣтъ: „А вотъ напихи не то что прятать, а еще привести и указывать на то мѣсто, куда запрятались, — право, стоило бы!“ Чтеніе, напр., майскаго циркуляра херсонскаго губернатора производить двойное впечатлѣніе. Крестьяне, которые „барышуютъ“, т. е. занимаются скупкой яицъ, куръ и т. п., а также успѣвшіе приобрѣсти черезъ крестьянскій банкъ въ личную, подворную собственность болшіе участки въ 150 — 200 дес., охотно соглашаются съ тѣмъ, что всякая собственность должна быть священна и неприкосновенна. Наоборотъ, другіе, которые побѣди, относятся къ дѣлу иначе. Иная старуха, поминая еще крѣпостное право, нѣтъ-нѣтъ, да и скажетъ: „Нѣтъ, видно, правды на бѣломъ свѣтѣ — кусокъ хлѣба мужики у пана взяли и ихъ порютъ, а какъ раньше насъ паны на собакъ обмѣнивали, то имъ ничего не было“. Стоитъ только ближе сойтись съ крестьянами, чтобы убѣдиться, что мысли объ отобраніи и раздѣлѣ помѣщичьихъ земель и т. п. у нихъ

отнюдь не навѣяны извѣтъ, что нѣлпо думать, будто ихъ кто то только со стороны наущаетъ на безпорядки. Имъ болѣе близко знакомо настроеніе крестьянъ восточной части Екатеринославской губ. Уже въ прошломъ году особенно часто слышались вопросы, правда ли, что земля къ намъ отъ помѣщиковъ отойдетъ. Состояніе деревни вообще было крайне тревожное, напряженное. Къ осени, послѣ крайне сухого лѣта, во множествѣ деревень началась настоящая эпидемія поджоговъ. Главнѣйшая причина — недоразумѣнія изъ-за попасовъ, штрафовъ за поправу и т. п. Вблизи станціи Дебальцево Звѣревской линіи почти нѣтъ деревни, гдѣ бы не были подожжены постройки экономій или скрды сѣна и соломы. Иной разъ поджоги производились по нѣскольку разъ, съ особыми приспособленіями, съ примѣненіемъ затравнаго фитиля съ динамитомъ, употреблявшимся для рудничныхъ работъ. Эти поджоги, распространившись на прилегающую часть Донской области, вызвали тамъ со стороны окружающаго атамана дикую мѣру, напоминающую времена крѣпостного права. Онъ заставилъ крестьянъ Новопавловки и другой деревни, гдѣ были поджоги, наряжать поочередно ночной караулъ по 4 человѣка къ экономіи и столько-же въ поле. Когда крестьяне отказались исполнять эту повинность, то ослушниковъ стали по десятку отправлять въ Таганрогъ на высылку до 2-хъ недѣль. Это вызвало среди крестьянъ крайнее возбужденіе, и они составили жалобу-протестъ министру, гдѣ указывали, что теперь нѣтъ крѣпостного права, чтобы такъ наказывать крестьянъ.

Часто, совершенно случайно, приходится встрѣчать отдѣльных крестьянъ, которые съ полною ясностью и очень трезво развиваютъ идею націонализациі земли.

Эта идея уже далеко ушла впередъ отъ смутныхъ мечтаній о черномъ передѣлѣ и т. п., мечтаній, издавна широко разлитыхъ въ массы. Говоришь, напр., крестьянину, что съ какой стати брать землю у пановъ, когда теперь и среди крестьянъ есть многоземельные собственники. — Нѣтъ, съ живостью не пребываетъ собесѣдникъ, — земля вся отойдетъ въ казну, и панская, и крестьянская, и моя 2 десятины; надо развѣстать такъ, чтобы всякій имѣлъ столько земли, сколько подъ силу ему съ семьей ее обработать. Въ казніи все-таки лучше, тамъ не такъ, что сегодня 5 р. за десятину аренды, а завтра 8 р., а ужъ цѣна одна, и по силѣ положить. — Возражаешь, что казна, если бы и захотѣла, то помѣщики не пустятъ перевести всю землю въ казну. — А водка? — торжествующе восклицаетъ собесѣдникъ, — вѣдь были заводчики, а она теперь казенная! И такихъ самобытныхъ социалъполитиковъ встрѣчаешь не одного и не двухъ. Попадаются отдѣльные лица, обладающие пытливымъ умомъ, вырабатывающие самостоятельное міросозерцаніе и относившіеся критически къ окружающему. Будучи по натурѣ упорными пропагандистами, они замѣтно вліяютъ на повышеніе уровня сознательности въ деревнѣ. Въ результатѣ — учащаются набѣды жандармеріи въ деревню, производятся обыски и аресты наиболѣе выделяющихся своей инициативой и вліятельностью крестьянъ.

Таковы отдѣльные штрихи и признаки идущаго все болѣе скорымъ темпомъ разложенія стариннаго уклада деревенской Руси, и внутренняго броженія, результатомъ котораго являются настроенія и идеи, совершенно новыя для старой, патріархальной деревни.

ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ. — Со всѣхъ концовъ губерніи доносится извѣстія о глухомъ броженіи среди крестьянства. Страшно оживились толки о прирѣзкѣ земли, объ отобраніи ея у помѣщиковъ. Стремленіе крестьянъ къ землѣ выражается въ разнообразныхъ формахъ. Такъ въ Козловскомъ у. въ деревняхъ, прилегающихъ къ огромному имѣнію кн. Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, по поводу парѣжки господскихъ полей на сороковые круги, крестьяне заявили, что парѣзка дѣлается по приказу царя, для передачи земли крестьянамъ. Исправнику крестьяне, между прочимъ, показали въ календарѣ предсказаніе Брюса объ «открытіи новыхъ земель», — пояснивъ, что это, конечно, говорится о прирѣзкѣ новыхъ земель для крестьянъ. . .

Крестьяне с. Борцовки Араповской вол. Тамбовскаго уѣзда составили такой приговоръ: просить «казначейство» отобрать отъ помѣщицы Никитиной и наследниковъ Лебедевой принадлежащія имъ земли, передать эти участки названному обществу крестьянъ, оставивъ для помѣщиковъ столько земли, сколько имъ будетъ нужно. За отобранную и переданную землю, сказано въ приговорѣ, заплатитъ долженъ крестьянскій Поземельный Банкъ. Понятно, такого приговора земскій начальникъ не ут-

вердилъ, но крестьяне и до сихъ поръ увѣрены и ждутъ, что вскорѣ прѣдутъ нарѣзать для нихъ землю.

Въ концѣ юня произошли аграрные беспорядки въ с. Андросовѣ Усманскаго у. Туда выѣзжалъ губернаторъ Ржевскій, однако безъ войскъ, и дѣло обошлось безъ экзекуцій. Уговаривая крестьянъ, онъ, между прочимъ, сказалъ: «Скажите слава богу, что я не такой губернаторъ, который съчтетъ; другой вѣсь перепоролъ бы, какъ въ Харьковѣ и Полтавѣ».

Какъ ни нелѣпы подчасъ формы, въ которыхъ проявляется стремленіе крестьянъ къ землѣ, мы придаемъ имъ огромное значеніе, какъ показателю, что стремленіе это приобрѣтаетъ все большую и большую напряженность и готово вылиться въ формѣ активныхъ дѣйствій крестьянъ. Задача революционеровъ — осмыслить этотъ стихійный напоръ и направить его противъ главной помѣхи народному благу — противъ царскаго самодержавія, не давая крестьянскому движенію разрядиться въ безплодныхъ разрозненныхъ мѣстныхъ вспышкахъ.

ПОЛТАВСКАЯ ГУБЕРНІЯ. — Въ Полтавской тюрьмѣ къ іюлю оставались 27 интеллигентовъ и 4 крестьянъ. Крестьяне, кромѣ того, сидятъ еще въ арестантскихъ ротахъ. Насколько велика вѣра крестьянина, что земля принадлежитъ имъ, видно изъ того, что послѣ того, какъ въ Ковалевкѣ на ихъ глазахъ застрѣлили трехъ человекъ, они все же продолжали ждать чьего то прѣзда, который отдастъ имъ землю. Къ сѣченію крестьяне отнеслись разнo: были такіе, которые просили прощенія, но были и такіе, какъ Трофимъ Задол (изъ Ковалевки). Послѣдній, вставъ послѣ наказанія, поклонился палачамъ и сказалъ: «То, что вы мнѣ сдѣлали, засохнетъ, а то, что я сдѣлалъ, не засохнетъ и пойдетъ дальше».

САРАТОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ. Камышинскій уѣздъ. Въ маѣ въ с. Ахматѣ была разбросана разная нелегальная литература. Одну какую то брошюру баба принесла волостному писарю. Тотъ дня черезъ два препроводилъ ее станному приставу. Наѣхали власти, началось дознаніе. Сельскій писарь, подкапываясь подъ волостного, сочиняетъ разныя клеветы. Волостного писаря подвергаютъ строгимъ допросамъ, причемъ ставятъ ему въ вину то обстоятельство, что онъ только черезъ два дня прислалъ брошюру, и то не мѣстному уряднику, а приставу. Обыски, допросы крайне раздражаютъ и надоедаютъ крестьянамъ, тѣмъ болѣе, что властей, наѣзжающихъ въ деревню, приходится поить и кормить все тѣмъ же крестьянамъ. Подозрѣніе властей съ самаго начала пало на студента Мейснера, занимавшагося на сосѣднемъ рыбномъ промыслѣ опытами оплодотворенія рыбъ. Чтобы получить противъ него какія нибудь улики, приставъ и жандармъ перерываются, пускаютъ въ ходъ парики и бороды, и подъ видомъ родственниковъ сельскаго писаря, вмѣстѣ съ послѣднимъ, являются на промыселъ. Заказываются уха, появляется водочка, завязываются разговоры съ рабочими на промыслѣ. Рабочіе, ничего не подозревая, рассказываютъ, какіе разговоры вѣль съ ними студентъ. Веселые гости сами подсказываютъ желательные для нихъ отвѣты. Когда рабочіе достаточно разговорились, гости явились передъ рабочими въ настоящемъ своемъ видѣ. Составили протоколъ, студента арестовали. Однако скоро слѣдствие показало, что студентъ не имѣлъ никакого отношенія къ нелегальной литературѣ, а его разговоры съ рабочими не имѣли въ себѣ ничего преступнаго. Черезъ нѣсколько дней его выпустили. Виновики же всего этого переполоха промелькнувъ въ протоколахъ дознанія въ видѣ таинственнаго незнакомца, который ходитъ по градамъ и весямъ, базарамъ и ярмаркамъ и съѣтъ „преступное“ сѣмя.

Общество крестьянъ с. Верхней Добринки купило еще при крѣпостномъ правѣ участокъ земли десятины въ 900. Купчая, по законамъ того времени, была совершена на имя помѣщика. Во время освобожденія обществу пришлось доходить до Комитета министровъ, чтобы отстоять свою землю отъ притязаній помѣщика, г. Полякова — и отстояли таки. Послѣ того землю подѣлили на души между всѣми общественниками. Благодаря отсутствію передѣловъ и развившейся въ обществѣ скупки паевъ, земля понемногу сосредоточилась въ рукахъ наиболѣе зажиточныхъ, которые и составили между собою товарищество. Постепенно крестьяне стали забывать о своихъ правахъ, и земля считалась какъ бы товарищеской. Но вотъ года два назадъ нѣкоторымъ общественникамъ пришло въ голову проверить права товарищей. Документы были утеряны довѣрен-

ными, ведшими дѣло съ помѣщикомъ въ бо-ые годы. Пришлось добывать копій съ нихъ изъ присутственныхъ мѣстъ. Изъ копій общество убѣдилось, что земля куплена всѣмъ обществомъ и принадлежитъ ему. Тогда общество порѣшило подѣлить землю на наличныя души и составило объ этомъ приговоръ. Товарищи подали прошеніе объ отмѣнѣ его. Съѣздъ земскихъ начальниковъ приговоръ общества отмѣнилъ и предложилъ ему возстановить свои права судомъ. Однако крестьяне составили второй приговоръ о передѣлѣ, основывая свое право на 34 ст. Общ. Пол. о Крест., и подали губернатору. Уполномоченные общества ѣздили въ Саратовъ, бесѣдовали съ непрѣмнымъ членомъ Губ. Пр. В. Д. Юматовымъ и получили отъ него отвѣтъ, что, по документамъ, земля принадлежитъ обществу, и что противъ намеренія общества приступить къ передѣлу онъ ничего не имѣетъ. На основаніи такого отвѣта, крестьяне весной этого года начали передѣлъ земли подъ яровой посѣвъ, а затѣмъ и пахоту. Но тутъ вмѣшалось начальство, которое, повидимому, само не знало, что дѣлать. Прѣхалъ приставъ, жилъ цѣлую недѣлю, грозилъ уполномоченнымъ общества, обвинялъ ихъ въ подстрекательствѣ къ смутамъ, однако отъ объясненій со сходомъ уклонился и уѣхалъ, когда весь сходъ тронулся къ съѣзжей квартирѣ, гдѣ онъ стоялъ. За приставомъ прѣхалъ исправникъ и уговаривалъ общество начать дѣло судебнымъ порядкомъ. Сходъ предложилъ обращаться къ суду тѣмъ общественникамъ, которые считаютъ себя обиженными дѣйствіями общества. Исправникъ просилъ не пахать земли; но отъ выдачи письменнаго запрещенія пахать и разрѣшенія пахать товариществу отказался. Разговоры исправника съ отдѣльными крестьянами, выѣхавшими пахать землю, также не привели ни къ чему. Дня черезъ два послѣ отъѣзда исправника неожиданно явились въ село двѣ роты солдатъ подъ руководствомъ члена Губ. Присутствія Юматова. Впоследствии оказалось, что солдаты были высланы по доносу мѣстныхъ толстосумовъ — товарищей, что будто бы въ селѣ начались беспорядки, слѣдствиемъ которыхъ было, дескать, два смертныхъ случая. На самомъ дѣлѣ никакихъ насилій надъ лицами произведено не было. Юматовъ объявилъ сходъ, что общество должно начать дѣло судебнымъ порядкомъ или покончить дѣло съ товарищами полюбовно, и далъ день для размышленія. Размышлять пришлось въ одиночку, такъ какъ послѣ распушенія схода собиравшіяся группы разогнались. Не смотря на это, и на слѣдующій день сходъ стоялъ на своемъ. Тогда Юматовъ вызвалъ по запискѣ изъ толпы 9 человекъ и тутъ же прочиталъ имъ свое постановление объ арестѣ за подстрекательство. Арестованные тутъ же были окружены солдатами и съ барабаннымъ боемъ отправлены изъ села. Но и послѣ этого общество продолжаетъ стоять на своемъ. Были арестованы уполномоченные и другіе крестьяне, выдѣлившіеся во время продолжительныхъ переговоровъ съ начальствомъ.

Арестованнымъ губернаторъ заявилъ, что они не будутъ выпущены до тѣхъ поръ, пока не дадутъ подписки, что поведутъ свое дѣло судебнымъ порядкомъ. 6 человекъ такую подписку дали и были освобождены; 3 — на отрѣзъ отказались и сидятъ до сихъ поръ.

Сердобскій уѣздъ. — Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Хованшинѣ, близъ с. Беково, произошли серьезные беспорядки. Здѣсь у крестьянъ велась хлопота о спорной землѣ. По приказанію исправника урядникъ отобралъ у повѣреннаго крестьянъ, въ его отсутствіе, документы, по которымъ крестьяне отыскивали у помѣщика землю. Крестьяне за это урядника, становаго пристава и земскаго начальника сильно избили. У становаго сломано три ребра и онъ врядъ ли останется живъ. Для усмиренія прѣзжалъ губернаторъ Ангельгардтъ съ пѣхотою и казаками. Крестьяне не расходились, и казаки разгоняли толпу силой. Нѣсколько человекъ, въ которыхъ предполагаютъ зачинщиковъ, арестовано.

Другіе, довольно серьезные беспорядки, произошли въ с. Владыкинѣ, гдѣ крестьяне потребовали отъ землевладельца Олсуфьевой передать имъ землю по опредѣленной въ мірскомъ приговорѣ арендной цѣнѣ. Сюда опять таки явился губернаторъ съ казаками. Пронсходила порка, а за тѣмъ губернаторъ изъяснялъ крестьянамъ на сходѣ, что ихъ подбиваютъ на бунтъ враги Россіи, ея завистники.

Балашовскій уѣздъ. — Въ с. Макарово дл

предупреждения безпорядков во время ярмарки было прислано 50 казаков. Один крестьянин замахнулся на казака метлой, казак ответил нагайкой. Поднялся крик: „наших бьют“. Сбежался народ и произвел жестокое избиение казаков.

Ожидать губернатора с войсками для усмирения.

КОВЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ. — Пробуждение крестьянских масс, вызванное хроническими голодовками, полными беззакониями деревни и произволом администрации, начавшееся уже давно, теперь, под влиянием различных причин, принимает более определенные формы. Часто довольно самого незначительного повода, чтобы вызвать «крестьянский бунт». Ряд таких «бунтов» был и в нашей губернии. Ковенская губ. вообще мало плодородна, и положение крестьянина-собственника далеко не завидно. Кроме того отсутствие общины и интензивная система земледелия в крупных хозяйствах породили значительное число безземельных батраков, положение которых прямо граничит с рабством. За 40-50 руб. в год такой батрак поступает в полное владение помещика с обязательством работать «от зари до зари»... Доведенные до крайности, измученные голодом, оскорбляемые на каждом шагу, крестьяне наконец не в силах долгие беззакония сносить гнет произвола и капитала. В имении Нарышкина (Шавельского у.) помещик распорядился закрыть необходимую крестьянам дорогу. Не видя другой возможности отстоять свое право, крестьяне устремляются в усадьбу, требуют от помещика объяснений, заявляют, что заборы, построенные для ограждения дороги, ими сняты, и... конец таких протестов, вопли законных с точки зрения здравого смысла и преступных с точки зрения жандармов, известны, слышком хорошо известны.

В местечке Шидлов картина несколько иная. Во время ярмарки пристав, вопреки закону, разрешил поставить балаган около самого костела. Местное население чрезвычайно религиозно, и возмущение было всеобщее. Приставу пришлось заплатить за слишком безцеремонное отношение к народным обычаям своими боками.

ГОЛОСА ИЗ ДЕРЕВНИ. — Особенности деревенской жизни — вся та масса притеснений и гнета, которым подвергается русское крестьянство преимущественно перед другими социальными — особенно часто выковыывают из наиболее способных людей боевые, решительные натуры, рвущиеся к непосредственной борьбе, хотя бы самыми крайними средствами. Такие крестьяне, раз обратившись в революционеров, быстро дѣлаются настолько ярыми террористами, что руководителям-интеллигентам приходится их обычно удерживать. Нестерпимая атмосфера современной, всецело подавляющей и угнетенной деревни развивает в передовых крестьянах слишком много ненависти к угнетателям, и в то же время сознание необходимости поднять дух своих братьев-крестьян примѣром энергичной, решительной борьбы. «О покушении на Тренова и узнав из «Вира». Вѣдом.» и об избиении сектантов в Богодуховѣ, — пишет один из таких крестьян, бывший сектант. — Опять за наказание мучителей. Революционеры должны понять пословицу «куй железо, пока оно горит». Великий человек, который съел бахчу, старается первые, хотя и не советам зрѣлые, арбузы срыгать и нести на базар, потому что сначала и за незрѣлые выручить больше, чем через мѣсяц за самые хорошие зрѣлые получить меньше и, если не воспользуется ранним, то получить убыток.... И кроме того между зрѣлыми много окажется переспѣлые, которые непременно нужно выбрасывать, иначе они будут заражать другие!

«... Народ давно готов, только ожидает, ведите его, и он будет разрушать то, что создали его же руки для дармовой панов и попов, вѣдь есть на лицо много фактов. И во всяком предпринятии нужно ожидать и неудачу, тогда человек одерживает победу или выигрывает дѣло, который терпеливо переносит неудачи и не огорчается ими.

«Развѣ если революционеры проповѣдуют, и за это проповѣдь сколько тысяч они теряют своих товарищей? А правительство, которое обладает всеми средствами, развѣ оно настолько глупо, как многие думают? Правительство отлично понимает, как можно усмирить, нагайками! саблями! и зуботычинами! И за это время оно выловит большую часть людей, способных бороться, и сгноит их в тюрьмах, а для остальных даст некоторые уступки, а

все же усмирить народ. Вѣдь стоит дать крестьянам небольшой надѣл земли, и сдѣлать временную уступку рабочим, и они, утомленные ожиданием палить своей глѣздой на тиранов, подголодные, страдающие от безработицы, и разувѣются в своих проповѣдниках, которые им все обѣщают «скоро настанет день», а этот день так медленно приближается, как второе пришествие Христа, и через эту медленность люди возьмут то, что им дадут, и тому будут благодарны. Можно надѣяться, что теперь дѣло обстоит иначе, но от медленности можно ожидать гибельных послѣдствій».

Прочитав некоторые статьи теоретиков «медленного шага», тот же крестьянин решительно нападает на них, говоря, что «такая работа революционеров никогда не годится, и с такими их программами, планами и дѣйствиями не только русское правительство, которое имѣет на лицо миллионы войска, и безчисленное множество шпионов, полиціи, жандармов, попов и прочей дрянн, но и покойный татарин Наби*), имѣя в сто человек шайку, переловит, наполнит тюрьмы, будет казнить, вѣшать и заставит покориться ему и платить дань. Такой своей работой они только причиняют безчисленные страдания себѣ и всему народу, и в концѣ концов народ, претерпѣвшій адскія страдания и напряженно ожидавшій избавления от этого страданія, и увидит, что эти книжники ни куда не способны, плюнет на них, и с благодарностью примет дарованный царем льготы, и извинится перед ним за причиненныя безпокойства, и выйдет так: «прости мене мила, что ты мене била», и послѣ будут метить этимъ проповѣдникамъ, будут ловить ихъ какъ зайцевъ и предавать въ руки полиціи, тогда если и спасутся некоторые заграницу, «то какъ бы пѣз огня», и этого они дождутся, если не воспользуются временемъ. Будемъ надѣяться, что горькій опытъ научить многихъ измѣнить планъ и образъ дѣйствія, или же найдутся другие, болѣе решительные».

В другом письмѣ выставляется то же требование решительныхъ дѣйствій, и въ отвѣтъ на возраженіе, что не все еще готовы къ такимъ решительнымъ дѣйствіямъ, приводится въ примѣръ библейское сказаніе о Гедеонѣ. Когда Гедеонъ собралъ 10 тысячъ войска, то—говоритъ легенда—Богъ приказалъ ему подвести солдатъ къ рѣкѣ и скомандовать имъ напиться: тогда одни будутъ зачерпывать воду рукою, другие же прямо припадутъ на четверенькахъ къ рѣкѣ и будутъ «лакать» по собачьи. Богъ и велѣлъ Гедеону оставить всѣхъ «лакающихъ» въ резервъ, а съ остальными смѣло броситься на врага. Не безъ колебаній выполнилъ Гедеонъ этотъ советъ, такъ какъ оказалось, что черпали воду рукою всего триста. Но съ этими тремя стами онъ нанесъ врагу решительный ударъ, а когда врагъ былъ поколебленъ, на него съ другой стороны бросился резервъ и обезпечилъ окончательную побѣду. Такой же способъ дѣйствій, по мнѣнію автора письма, практиченъ и въ революціи: долженъ быть на лицо и решительный авангардъ, и резервъ, въ который входитъ вся масса до нерешительныхъ и колеблющихся включительно; для перваго и для втораго должны быть и разные способы дѣйствія. Таковъ общій смыслъ его пространнаго разсужденія, воспроизвести который цѣлкомъ мы по недостатку мѣста не можемъ. Авторъ особенно рѣзко нападаетъ на современную постановку демонстрацій, гдѣ смѣшаны въ одну кучу и резервъ, и авангардъ, а потому ничего и не выходитъ путнаго. «А демонстраціи, самая глупая, неудавшаяся демонстрація обходитъ народъ въ 200—500 человекъ арестованными или избитыми, а некоторыми поротыми розгами и нагайками, даже повѣшенными безъ суда въ тюрьмахъ, и объявлено, что самъ повѣшенъ. Настоящая уличная демонстрація въ Россіи, они похожи на татарскія «Шахсей**), только не достаетъ, чтобы надѣвали бѣлые чистые рубахи и брили головы, чтобы казаки скорѣй разбѣжали кожу и кровь стекла на бѣлую рубаху. Если демонстрація, то она должна быть демонстраціей дѣйствительною, а не показатъ на улицѣ красный флагъ и разбѣжаться, а казаки, полицейскіе и жандармы налетаютъ и избиваютъ, разбѣгающихся до полусмерти, и сотни людей забираютъ въ участокъ, а тамъ порятъ розгами до безчувствія и даже болѣе, опять приводятъ въ чувство и опять порка! Послѣ такой порки бросаютъ въ

*) Одинъ изъ извѣстныхъ разбойниковъ Закавказья.

**) Праздникъ шиптовъ, когда они надѣваютъ бѣлые рубахи и идутъ по улицѣ, истязуя во славу Аллаха сами себя.

тюрьмы и тамъ издѣваются надъ несчастными жертвами. Это-ли революціонеры называютъ путь къ освобожденію народа, никогда этимъ они ничего не достигнутъ!»

По мнѣнію автора этого письма, бѣда не только въ томъ, что на послѣднихъ демонстраціяхъ становится все меньше и меньше народу. Дѣло не въ количествѣ только, а въ качествѣ. Пусть даже удастся повлечь въ городскую демонстрацію или деревенскій бунтъ многихъ колеблющихся, нерѣшительныхъ («лакающихъ») — отъ этого много пользы не будетъ. «Допустимъ, что бунтъ сдѣлать возможно, въ которомъ будетъ участвовать масса народу, который не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ. Конечъ этого бунта будетъ такой: тысячи людей погибнутъ, и все же войско одержитъ побѣду, усмиритъ народъ! Начнутся аресты! Суды! Кто будетъ судить? Тотъ же народъ — вчера кричалъ, оралъ! дрался вмѣстѣ съ другими! Завтра будетъ присяжнымъ засѣдателемъ и виновныхъ въ подстрекательствахъ осудитъ на вѣчную каторгу!»

Авторъ писемъ рѣшительно настаиваетъ на томъ, что безсознательные и малосознательные элементы лучше должны оставаться позади, въ видѣ резерва, изъ котораго черпаются новыя, свѣжія силы. «А это другое дѣло, если неопытный резервъ идетъ впередъ — его калѣчатъ и тысячами берутъ въ плѣнъ! Остаются жены и дѣти, голодные и холодные. Но, что хуже всего и мучительно, это то, что эти голодные всю вину своего голода свалютъ на проповѣдниковъ революціи, а не правительство, которое ихъ грабитъ. И народъ не вытерпитъ долгаго страданія! Онъ перейдетъ на сторону правительства и будетъ помогать ему ловить своихъ друзей, и тогда дѣло будетъ проиграно».

Но особенно рѣшительно нападаетъ авторъ на необходимость давать отпоръ на особенно звѣрскія притѣсненія и усмирения. Въ случаѣ безнаказанности за нихъ онъ бонтея, что уныніе и малодушіе овладѣютъ малосознательной массой. «Мнѣ кажется, что люди эти отчасти правы. Всѣ опричники свободно расхаживаютъ по домамъ, дѣлаютъ обыски, арестовываютъ совершенно свободно безъ всякаго страха, два-три человѣка могутъ перервать весь домъ и безнаказанно. Конечно, они наводятъ страхъ на жителей, которые нерѣшительные и не могутъ противиться силѣ опричниковъ. Много разъ собирався спросить васъ: для чего эти «голодовки» заключенныхъ, безъ того искалѣченныхъ на улицахъ безпорядкахъ, да и тюремное заключеніе само ихъ можетъ довести до истощенія. Не лучше-ли, если выйдемъ на улицу, умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели быть искалѣченнымъ нагайками, а потомъ умирать голодною смертью въ тюрьмѣ?... Не понимаю такого примѣненія».

Въ числѣ способовъ отпора авторъ на видное мѣсто ставитъ террористическія средства или, какъ онъ выражается, имѣя въ виду войну буровъ съ англичанами, партизанскую войну. «Развѣ необходимо нужно народу вступать въ открытую борьбу съ войскомъ, чтобы отвоювать себѣ право? Не лучше-ли объявить правительству партизанскую войну изъ-за свободы? Кажется въ настоящее время подобная война признана болѣе полезной, чѣмъ открытая война народа и солдатъ. Партизанскую войну разумно такую: должно быть, существовать анонимное общество людей, борющихся за свободу и покровительствующее обиженнымъ. Ихъ обязанность должна быть такая: вредить, портить правительственный механизмъ безъ открытой борьбы, уничтожать всѣхъ усердныхъ служака и тирановъ народа! Необходимо, чтобы существовало «Христово войско» и вступилось бы за своихъ братьевъ, и наказало бы мучителей! Словомъ, всѣ должны знать, что есть покровители безъ нужды обиженныхъ, пусть каждый, дѣлающій зло другому, оглядывается и помнитъ, что онъ живетъ только до извѣстнаго случая!»

Эти выдержки изъ писемъ чрезвычайно характерны, какъ показатель настроенія многихъ передовыхъ и энергичнѣйшихъ крестьянъ. Они склонны увлекаться и доходить до крайностей въ этомъ направленіи, но наряду съ увлеченіями въ ихъ настроеніи всегда бываетъ много жизненнаго чувства и здраваго практическаго смысла. Вотъ почему всегда слѣдуетъ чутко прислушиваться ко всѣмъ подобнымъ «голосамъ изъ деревни».

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ХРОНИКИ.

САРАТОВЪ. — Въ ночь со 2-го на 3-е апрѣля въ Саратовѣ было произведено нѣсколько обысковъ. 3-го апрѣля въ городѣ распространилось извѣстіе о смерти Д. С. Сипягина, а 4-го

апрѣля — слухъ, что Сипягинъ убитъ саратовцемъ, быв. студентомъ Кіевскаго Университета Степаномъ *Балашовымъ*. Слухъ этотъ исходилъ изъ источниковъ, повидимому, самыхъ компетентныхъ — отъ администраціи. Такъ какъ, однако, оказалось, что такого въ Саратовѣ нѣтъ, а есть Степанъ Валеріановичъ Балашевъ, живущій у насъ подъ надзоромъ и затѣмъ неожиданно исчезнувшій, то оставалось заключить, что слухъ относится именно къ нему — какъ это впоследствии и оправдалось. Подтвержденіемъ догадки служилъ и тотъ фактъ, что обыски въ ночь со 2-го на 3-е апрѣля были произведены какъ разъ въ той квартирѣ, гдѣ жилъ Балашевъ до своего исчезновенія изъ Саратова, да еще у его родственниковъ. Обыски, очевидно, были произведены по особому распоряженію, свѣшной телеграммой изъ Петербурга. Розыски жандармеріи, естественно, прежде всего направились на Саратовъ, такъ какъ Балашевъ жилъ здѣсь незадолго до происшествія 2-го апрѣля.

Подозрѣнія полиціи «въ сопричастности» Саратова къ этому дѣлу были еще болѣе усилены благодаря тому, что съ этими розысками совпалъ одинъ не совсемъ обыкновенный случай. 3-го апрѣля, на слѣдующій день послѣ смерти Сипягина, на Московской улицѣ поздно вечеромъ былъ поднятъ израненнымъ (теперь уже выздоравливаетъ) одинъ изъ лучшихъ сыщиковъ, — присланный изъ Москвы. Онъ усиленно слѣдилъ за какимъ-то господиномъ среднихъ лѣтъ, очень прилично одѣтымъ, который показался ему чрезвычайно подозрительнымъ. Въ рукахъ у этого господина были два свертка. Замигивъ, видимо, за собою слѣжку, господинъ пытался уйти, и въ этотъ-то моментъ сыщикъ попробовалъ его задержать. Улица была безлюдна — свидѣтелей разыгравшейся сцены было только извозчикъ, котораго предусмотрительный сыщикъ заблаговременно нанялъ и которому велѣлъ слѣдовать за собой — чтобы доставить «куда слѣдуетъ» задержаннаго. Но арестуемый оказалъ сильное сопротивленіе. Сыщикъ не хотѣлъ его выпустить, и началась отчаянная борьба. Сыщикъ былъ сильнѣе, но арестуемый вооружился большимъ перочиннымъ ножомъ, которымъ и сталъ наносить нападающему удары за ударомъ въ шею; со своей стороны сыщикъ зубами въпилился въ другую руку арестуемаго, схватилъ его одной рукой за горло а другой напалъ на лицо. Озадаченный извозчикъ былъ пассивнымъ свидѣтелемъ этой схватки, не понимая, въ чемъ тутъ дѣло; онъ даже принялъ было сыщика за простого грабителя. Въ это время борьба кончилась — сыщикъ упалъ на землю, обливаясь кровью, а его противникъ, къ довершенію недоумѣнія извозчика, поспѣшно скрылся, оставивъ на мѣстѣ схватки одинъ изъ двухъ узелковъ, съ которыми онъ былъ. По вскрытіи узла сѣжавшейся полиціей, въ немъ оказалось 50 экземпляровъ «Революціонной Россіи» и нѣкоторое количество шрифта.

Началась усиленная погоня... Укушенный палецъ, исцарапанное лицо и горло, окровавленная одежда казались достаточными уликами, чтобы открыть «преступника». Вокзалъ ж. д. былъ оцепленъ и наводненъ тайной и явной полиціей; сыщики и полиція ходили по подозрительнымъ дворамъ, разспрашивали прислугу, тягали хозяевъ. Начались обыски, аресты. Ничто не помогло. Разыскиваемый бесцѣдно скрылся, точно въ воду канулъ.

Въ числѣ первыхъ и навлекшихъ на себя самыя серьезныя подозрѣнія былъ арестованъ студентъ СПб. Унив., С. Д. Львовъ. Этотъ послѣдній жилъ здѣсь поднадзорнымъ, весной получилъ приговоръ — 3 года ссылки въ Вятскую губ. и ожидалъ начала навигаціи, чтобы уѣхать, какъ вдругъ получается телеграмма объ арестѣ и болѣзні одной изъ его близкихъ знакомыхъ. Львовъ, немедленно, не сказавшись полиціи, помыслилъ въ СПб. Это было въ послѣднихъ числахъ марта. Въ СПб. онъ засталъ свою знакомую уже освобожденной и лежащей въ больницѣ. Нѣсколько дней Львовъ провелъ почти безвыходно въ больницѣ. Какъ только разнеслась вѣсть о выстрѣлѣ Балашева, онъ немедленно выѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ тотчасъ же былъ арестованъ въ качествѣ обвиняемаго въ соучастіи съ Балашевымъ.

Въ то же время въ Саратовъ пріѣхали тов. прокурора СПб. Суд. Палаты Силинъ и бывш. здѣшній жанд. полк. А. П. Ивановъ специально для разслѣдованія дѣла Балашева. Эта коммиссія привезла сюда изъ Выборга финляндца съ женою — содержателей гостиницы, гдѣ останавливался Балашевъ. Имъ предьявляли массу саратовцевъ, и главнымъ образомъ арестованныхъ за демонстрацію, стараясь выяснитъ, не ока-

жется ли среди них «миловидного блондина», бритаго, съ усам, который по словамъ финляндцевъ навѣщать Балмашева. Имъ же былъ показанъ и Львовъ, котораго для вѣщаго сходства заставили даже обриться. Но ни финляндцы, ни хозяинъ оружейнаго магазина, гдѣ былъ купленъ Балмашевымъ знаменитый отнынѣ револьверъ Бруннингъ, не признали его. Замѣчательно нахальство, съ которымъ велъ допросъ Силингъ: онъ увѣрялъ Львова, что фактъ соучастія для нихъ не подлежитъ никакому сомнѣнью и ихъ интересуетъ лишь вопросъ о степени сознательности этого соучастія, т. е. знали ли Львовъ, для какой цѣли былъ нуженъ военный мундиръ Балмашеву (Львова почему то обвинили именно въ доставкѣ Балмашеву мундира). А черезъ три дня послѣ этого категорическаго утвержденія Львовъ былъ безъ всякихъ послѣдствій освобожденъ и благополучно уѣхалъ въ свою Вятку.

Такъ комиссія и уѣхала ни съ чѣмъ изъ Саратова. Единственнымъ результатомъ ея разслѣдованія явилось причисленіе къ Мин. Вн. Дѣлъ начальника саратовск. Жанд. Упр. Дьякова, замѣненнаго теперь воронежскимъ Померанцевымъ.

КУРСКЪ. — Нашъ городъ взволнованъ безобразнымъ выходкой полиціи. 26 іюня проѣхалъ мимо нашего города Л. Н. Толстой, возвращавшійся изъ Крыма въ Ясную Поляну. Учительская молодежь, собравшаяся въ Курскъ на курсы со всѣхъ концовъ европейской и азиатской Россіи въ небываломъ количествѣ, узнавъ о томъ, что на вокзалѣ Толстой, хлынула туда и устроила ему шумную овацію. Полиція набросилась на мирную толпу и стала разгонять ее съ ничѣмъ не оправдываемою грубостью. На Толстого картина расправы съ народными учителями произвела крайне удручающее впечатлѣніе.

Только благодаря вышестоящему предводителю дворянства Долгорукаго, расходившаяся жандармерія была сокращена. Въ тотъ же вечеръ учителя составили и послали Толстому очень теплую привѣтственную телеграмму.

Если сравнить впечатлѣніе, которое выносишь отъ теперешняго учительскаго сѣзда, съ прошлыми, невольно обращаешь вниманіе на то, какъ поднялся общій уровень учительскаго персонала въ деревнѣ. Много встрѣчаешь теперь славныхъ, развитыхъ, бодрыхъ, идейныхъ работниковъ, довольныхъ своею жизнью въ деревнѣ и желающихъ работать для деревни.

Начальство уже обезпокоено курсами. Директоръ народныхъ училищъ рветъ и мечетъ, что допустилъ такое скопленіе народу (помилуйте, учителя доходили до такого героизма, что даже пѣшкѣмъ пришли изъ сосѣднихъ и болѣе далекихъ губерній!) Пріѣзжалъ попечитель учебнаго округа познакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Носятся слухи, что курсы будутъ закрыты.

КОВНО. — Бунтъ въ тюрьмѣ. Начальникъ ковневской тюрьмы Мих. Набоковъ давно уже извѣстенъ своимъ звѣрскимъ обращеніемъ съ арестантами. Онъ собственноручно бьетъ всѣхъ, сажаетъ въ карцеръ за всякую мелочь на 7 дней. Всѣ 8 карцеровъ постоянно заняты наказанными. Однажды Набоковъ посадилъ въ карцеръ одного уголовного-силача. На послѣдняго надѣли смырительную рубашку, самъ начальникъ крѣпко затянулъ на его спинѣ узелъ и связаннаго билъ до тѣхъ поръ, пока этотъ силачъ не свалился съ ногъ. Немудрено, что звѣрства Набокова вызвали «бунтъ» уголовныхъ. Въ каждой камерѣ наиболѣе вліятельнымъ «Иванамъ» была взята съ товарищей подписка, что они будутъ участвовать. Вечеромъ 28 апрѣля одного арестанта повели въ карцеръ и, по обычаю, били. Онъ поднялъ крикъ: «братцы! помогите!» Тогда всѣ уголовные стали кричать, бить стекла, ломать нары... Тотчасъ были вызваны войска и пожарная команда. Сбѣжалась масса народа. Явился самъ губернаторъ Ватацъ. Губернаторъ распорядился высѣчь тутъ же на глазахъ у всѣхъ обитателей тюрьмы 9 уголовныхъ. Давали по 25 ударовъ, а одному (Кухневичу) 50 ударовъ. При сѣченіи присутствовалъ врачъ Желтовскій. Вскорѣ затѣмъ вспыхнулъ такой же бунтъ въ повѣзжской тюрьмѣ. Туда также ѣздилъ губернаторъ и тоже сѣкъ.

ГОМЕЛЬ. — Въ концѣ мая по городу были расклеены въ большомъ количествѣ прокламаціи Боевой организаціи по поводу убійства Снягина. Прокламаціи были перенесены мѣстной группой Соц.-Рев. Полиція странно растерялась, бросилась было срывать, но прокламаціи были такъ крѣпко при-

клеены, что срывались съ большимъ трудомъ. Тогда полиція достала какія то объявленія и заклеила ими прокламаціи. Такъ послѣднія и остались на столбахъ.

НОВГОРОДЪ. — Въ нашей губернской Земской Управѣ произошелъ недавно характерный случай: по распоряженію Управы былъ уволенъ служащій въ отдѣлѣ статисти- ки (!) г. Рекстинъ, формально уличенный во вскрытіи писемъ, адресованныхъ въ Управу. Интересно, что г. Рекстинъ былъ принятъ на земскую службу по рекомендаціи губернатора графа Медема. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Рекстинъ не долго останется безъ мѣста. Въ этомъ особенно убѣждаетъ тотъ фактъ, что нашъ городъ только что осчастливленъ нововведеніемъ: при полицейскомъ управленіи организуется особое «сыскное бюро», на учрежденіе котораго уже ассигновано на первыхъ порахъ 2.000 руб. На всякій случай, однако, если бы г. Рекстинъ предпочелъ вновь возобновить, при помощи столь же вліятельныхъ рекомендацій, свое «служеніе земству» въ какихъ бы то ни было мѣстахъ, рекомендуемъ всѣмъ, кому слѣдуетъ, запомнить хорошенько это имя.

СЕВАСТОПОЛЬ. — Нынѣшній годъ — тревожный и для нашей мѣстности. Среди портовыхъ и доковыхъ рабочихъ весною и лѣтомъ замѣчалось сильное броженіе. Обнаружено было распространеніе среди нихъ въ большомъ количествѣ различныхъ изданій Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Броженіе передалось и въ матросскую среду. Были произведены большіе обыски и аресты среди рабочихъ; въ портовомъ управленіи арестованъ былъ военный писарь по обвиненію въ печатаніи листовъ Партіи С. Р. Обыски страшно взбудоражили рабочую массу. Пришлось производить обыски, привлекая, для внушительности, солдатъ. Они были встрѣчены крайне недружелюбно: парни и подростки бросали въ нихъ даже камнями. Нѣкоторыхъ арестовали и за вызывающее поведение во время ареста посадили и въ то же время уволили изъ порта. Въ концѣ марта былъ по этому случаю опубликованъ приказъ капитана порта, приправленный нравоученіями... Вообще, нравоучительно-официальная литература у насъ процвѣтаетъ. Вице-адмиралъ Гильдебрандтъ особенно излюбилъ въ видѣ приказовъ угощать матросовъ цѣлыми пастырскими поученіями, уснащенными огромнымъ количествомъ цитатъ изъ библіи и евангелія... Особенно пространный приказъ*) посвященъ доказательству того, что матросы не должны читать нелегальныхъ изданій, ибо составляютъ они нерусскими людьми, врагами Россіи. Какъ видите, г. Гильдебрандтъ считаетъ себя большимъ патріотомъ и «крававымъ русскимъ». Но увы! Его доказательство отъ писанія, что нѣтъ власти не отъ Бога, встрѣтили суровую критику со стороны многихъ матросовъ, зараженныхъ сектантствомъ. Какъ знатоки свѣд. писанія, они легко нашли массу примѣровъ, когда Богъ одобрялъ возстанія противъ властей и даже приказывалъ возставать и убивать нечестивыхъ царей. Пропаганда съ помощью свѣд. писанія такъ озадачила г. Гильдебрандта, что онъ издалъ новый приказъ, гдѣ также многоглаголиво выяснялъ огромный вредъ, проистекающій для матросовъ черноморскаго флота отъ неумѣлаго самостоятельнаго чтенія писанія безъ надлежащаго руководства и, въ видѣ заключенія, предписывалъ немедленно отобрать отъ матросовъ евангелія на русскомъ языкѣ. Отнынѣ это — нелегальная, запрещенная книжка для матросовъ флота... До самого послѣдняго времени мы живемъ все тою же тревожною жизнью. Въ срединѣ іюня были аресты среди молодежи, теперь — среди рабочихъ. Нашъ городъ постигло буквально шпionское наводненіе. Повидимому, это объясняется отчасти исканіями «корней и нитей» Балмашевского дѣла — Балмашевъ одно время жилъ подъ городомъ, верстахъ въ тридцати, на хуторѣ брата Софьи Перовской, Василія.

БАТУМЪ. — Начавшаяся 26 февраля 1902 г. стачка на печатныхъ заводахъ Ротшильда, окончена 23 іюня, продолжалась она непрерывно и рабочіе держались дружно. Дѣло зашло такъ далеко, что пароходовъ некому было разгружать.

*) Приказъ этотъ своевременно былъ опубликованъ въ бюллетеняхъ «Изъ Матеріаловъ Революціонной Россіи». Его пространности помѣщала намъ перепечатать его въ нашемъ органѣ цѣлкомъ. (Ред.)

Когда же один капитанъ заставилъ своихъ матросовъ нагружать пароходъ, то рабочіе однажды вечеромъ, подъ прикрытіемъ темноты, напали на него и жестоко избили. Результаты стачки слѣдующіе: всѣмъ рабочимъ увеличена плата въ день на 20 копѣекъ, полчаса дано на завтракъ, по субботамъ работа прекращается въ 4 часа (раньше она прекращалась въ 6 часовъ); въ возмѣщеніе потери за время стачки рабочіе моложе 19 лѣтъ получаютъ 20 рублей, а старше 19 лѣтъ — 40 рублей, что равняется полуторамѣсячному жалованью мѣстнаго рабочаго. Нужно замѣтить, что рабочіе требовали отъ дирекціи выдачи полного жалованья за все время стачки, въ чемъ имъ отказали, но обѣщали устроить имъ квартиры. Старый директоръ Вашигейтъ, удаленія котораго требовали рабочіе, уѣхалъ въ Петербургъ, на его мѣсто пріѣхалъ новый директоръ Гюйонъ. Стачка эта, такимъ образомъ, показала, что даже въ теперешнее неблагоприятное время, при наличности промышленнаго кризиса, рабочіе могутъ успѣшно бороться съ хозяевами — конечно, если дѣйствуютъ достаточно рѣшительно и энергично. Къ стачкамъ не нужно относиться слишкомъ легко, но разъ начавши стачку, надо быть готовыми стоять до конца, не отступая передъ мѣрами устрашенія въ случаѣхъ, подобныхъ тому, который разыгрался съ слѣдующимъ усерднымъ пароходнымъ капитаномъ.

ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ. — Крестьянскія волненія повсюду здѣсь все чаще и чаще (особенно за послѣдній годъ) вспыхивая то тамъ, то здѣсь, почти не прекращаясь. Достоверно извѣстно, что на Рождество были крупныя волненія въ с. Андрушавкѣ (Жит. уѣзда) было очень много арестовано; весной возлѣ г. Кременца и почти одновременно въ Новоградволынск. уѣздѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прибѣгали къ содѣйствію военныхъ силъ и пороли. Но что, кромѣ перечисленныхъ, волненія, не прекращаясь, происходятъ и въ другихъ мѣстахъ губерніи, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующій фактъ (за достоверность ручаюсь:) 23 августа въ Замавскомъ уѣздѣ въ с. Бачмановкѣ начались волненія крестьянъ. Обратились въ Шубково (сборный пунктъ, гдѣ стоитъ лѣтомъ 30 тысячъ войскъ) за поддержкой военной силы. И такъ какъ стараются избѣгать посылать вторично, полкъ, бывший уже на «успокоеніи крестьянъ», то перебравши весь военный корпусъ, направили одинъ полкъ, не бывший еще на такого рода военныхъ упражненіяхъ, и 3 эскадрона Чугуевского драгунскаго полка форсированнымъ маршемъ выступили въ с. Бачмановку добывать трофеи.

Изъ партійной дѣятельности.

Въ исполненіе приговора Боевой Организациі Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ 29 іюля въ г. Харьковѣ, въ саду Тиволи, было произведено покушеніе на жизнь харьковскаго губернатора кн. И. М. Оболенскаго.

Въ 10 ч 15 м. вечера членъ Боевой Организациі, которому было поручено приведеніе приговора въ исполненіе, одѣтый въ крылатку, быстро подошелъ къ Оболенскому и выстрѣлилъ въ него. Выстрѣлъ слегка контузилъ губернатора въ шею; промахъ произошелъ вслѣдствіе того, что стрѣлявшій, опасаясь ранить стоящую рядомъ даму, направилъ выстрѣлъ выше ея головы. Второй выстрѣлъ тоже оказался неудачнымъ, такъ какъ стрѣлявшій былъ схваченъ дамой за руку. Слѣдующіе два выстрѣла были произведены нашимъ товарищемъ уже изъ подъ навалившихся на него чиновъ полиціи. Четвертая пуля ранила въ ногу полиціеистра Безсонова, стоявшаго за губернаторомъ. Послѣдній успѣлъ скрыться. Выстрѣлы были произведены изъ револьвера, на металлическихъ частяхъ котораго было вырѣзано: на одной сторонѣ — «за пролитую крестьянскую кровь», на другой — «смерть царскому палачу и врагу народа». Обратившись къ окружающимъ, стрѣлявшій успѣлъ сказать имъ: «помнимъ, господа, такъ наша партія будетъ поступать съ врагами народа». Выстрѣливъ, нашъ товарищъ бросилъ въ лице губернатора слѣдующій приговоръ:

ПРИГОВОРЪ

Харьковскому губернатору князю И. М. Оболенскому.

Съ перваго же дня назначенія на постъ губернатора кн. Оболенскій направилъ свою дѣятельность къ подавленію земскаго самоуправленія и самымъ безсмысленнымъ угнетеніямъ крестьянъ и рабочихъ. Еще въ бытность свою херсонскимъ губернаторомъ кн. Оболенскій прославился

преслѣдованіемъ частныхъ лицъ и обществъ, желавшихъ прійти на помощь голодающимъ крестьянамъ.

При возникновеніи крестьянскихъ беспорядковъ въ Харьковской губ., кн. Оболенскій, пользуясь неограниченной властью, примѣнялъ къ крестьянамъ, искавшимъ хлѣба, такія звѣрскія мѣры, которыя мыслимы лишь въ дикой странѣ, управляемой неограниченнымъ деспотомъ.

Ужасающія избиенія безоружныхъ крестьянъ плетью и розгами, отдача трудящагося населенія въ полное распоряженіе казаковъ, поражающій произволъ и волюющее насиліе, положенныя кн. Оболенскимъ въ основу своей административной дѣятельности, выдвинули передъ Боевой Организацией Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, принимающей на себя охрану интересовъ борющейся трудящейся массы, вопросъ о необходимости прекращенія административной дѣятельности кн. Оболенскаго, какъ безусловно вредной и опасной для трудящагося населенія.

Лишенная, въ силу условій русскаго государственнаго строя, возможности смѣстить и призвать къ общественному суду кн. Оболенскаго за всѣ совершенныя имъ преступленія, глубоко возмущенная наглымъ вызовомъ, брошеннымъ всей мыслящей и трудящейся Россіи Николаемъ II, выразившимъ кн. Оболенскому за его расправу надъ крестьянами высочайшую благодарность, Боевая Организациа находитъ себя вынужденной выполнить лежащій на ней гражданскій долгъ и смѣстить кн. Оболенскаго, такъ поддерживаемаго царемъ, единственнымъ оставшимся въ ея распоряженіи средствомъ — **с м е р т ь ю**.

Приведеніе въ исполненіе приговора поручается члену Боевой Организациі.

Боевая Организациа
Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

С.-Петербургъ, 22 іюля 1902 г.

Покушеніе вызвало въ мѣстныхъ властяхъ панику. Въ садъ была вытребована вся полиція и сотня казаковъ въ полномъ вооруженіи. На улицѣ собралась толпа народу, повсюду раздавались сожалѣнія о неудачѣ.

Стрѣлявшій, подъ сильнымъ конвоемъ, былъ отправленъ въ ближайшую полицейскую часть. На вопросъ о своей личности онъ далъ такое показаніе: «Рабочій, членъ Боевой организациі Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Больше намъ знать обо мнѣ нечего». Приведенный на второй допросъ, онъ отвѣчать на отдѣльные вопросы отказался, заявивъ, что готовъ записать свое показаніе. Вотъ текстъ этого показанія: «Я—членъ Боевой Организациі Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, по постановленію Организациі долженъ былъ убить харьковскаго губернатора, какъ яркаго представителя деспотическаго режима, за тѣ дикія жестокости, которыя онъ примѣнялъ къ крестьянамъ. Наша Партія знала крестьянъ на борьбу и наша нравственная обязанность защищать ихъ отъ беззаконія и насилія высшихъ властей. Какъ социалистъ-революціонеръ, я считалъ это и своей нравственной обязанностью; какъ рабочій, я считалъ необходимымъ поддерживать и защищать крестьянъ. Лично князя Оболенскаго не зналъ. Убийство наша партія считаетъ нежелательнымъ способомъ борьбы, но до тѣхъ поръ, пока правительство не дастъ намъ возможности вести социалистическую пропаганду мирнымъ путемъ, и до тѣхъ поръ, пока народъ не будетъ имѣть возможности защищаться отъ жестокости властей, наша партія не сложитъ оружія. Кн. Оболенскій подписалъ себѣ смертный приговоръ, когда началъ съѣзъ крестьянъ, и подписалъ этотъ приговоръ царь, выразивъ ему благодарность. Даю эти показанія, чтобы правительство не извратило причинъ совершеннаго покушенія. Давать какія бы то ни было показанія, равно какъ и называть свое имя, не желаю, такъ какъ не желаю помогать жандармамъ. Права судить за вами не признаю. Приговоръ по моему дѣлу будетъ присланъ вамъ изъ Петербурга. Весь допросъ, слѣдствіе и судъ считаю пустой комедіей, въ которой я принимаю участіе не желаю. Наша партія будетъ объяснять народу подробно причины покушенія. Въ нашихъ прокламаціяхъ и газетахъ можете найти все. Я же съ жандармами ни въ какіе разговоры вступать не желаю. — Членъ Боевой Организациі Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ».

Пока, по соображеніямъ конспиративнаго характера, мы, къ сожалѣнію, не можемъ ничего больше сообщить объ этой сильной самоотверженной личности рабочаго, такъ высоко понимавшаго обязанности революціонера и отдавашаго свою жизнь за крестьянское движеніе. Онъ оставилъ Боевой Организациі, членомъ которой онъ состоялъ. Нашему товарищу, опасавшемуся ранить женщину, не удалось довести до конца принятое на себя дѣло, но рабочіе и крестья-

будущи сами хранить память о человеке, ценою своей жизни оставившего крестьянское и рабочее движение.

Находим не лишним сообщить нашим читателям некоторые сведения о возникновении и первых шагах деятельности Боевой Организации. — Конечно, в предлах, допускаемых конспиративными соображениями.

Наша партия в принципе давно признавала возможность, целесообразность, в иные моменты даже необходимость борьбы террористическими средствами. Сложные и трудные были вопросы: какой момент избрать для выступления на это поприще? Как организовать пользование террористическими средствами борьбы, чтобы достигнуть наибольших результатов при наименьших затратах сил? Кому взять на себя инициативу в этом направлении — партии, как таковой, или групп добровольцев из числа ее членов?

Вопросы эти были чрезвычайно важны, при их решении требовалась особая осмотрительность и осторожность, особенно в виду очень распространенных предубеждений и предрассудков относительно террора, будто бы фатально ослабляющего массовую организацию, отдающего и поглощающего слишком много сил и т. д. Неудачное, несвоевременное, плохо организованное выступление могло скомпрометировать самую идею борьбы террористическими средствами, и партия признавала всю величину ответственности, которую ей приходилось взять на себя.

Съ другой стороны, опыт всего нашего революционного движения был лучшим доказательством того, что "боевые организации", "дезорганизаторские группы" и даже "Исполнительные Комитеты" не создаются декретами, не выходят готовыми, как Минерва из головы Юпитера, из заботливых таких нибудь съездов, а вырабатываются в самом процессе борьбы, складываются путем самостоятельного естественного подбора из оных битвы. И вот почему несколько членов партии, руководясь ее положительными, благоприятными решениями вопроса о терроре в принципе, решили организовать строго обособленную конспиративную группу для деятельности в духе этого партийного решения. Такая группа должна была взять на себя инициативу, и первыми шагами доказать, что она не только может взять на себя ответственность возобновления слабой деятельности Исполнительного Комитета Народной Воли, но и действительно может, действительно способна взять на себя эту ответственность. Только после этого группа могла быть облечена представителями полномочиями со стороны всей партии и из инициативной боевой группы зародившейся в рядах партии, превратиться в центральный боевой орган — в Боевую Организацию Партии Социалистов-Революционеров.

Въ сентябрь 1901 г. эта инициативная группа (или "Боевая Организация Социалистов-Революционеров" — как она подписывалась впоследствии под своим своим прокламацией) была совершенно сформирована, и первый же смертный приговор был вынесен министрам Сипягину и Победоносцеву.

Но приступить къ немедленному исполнению приговора Боевая Организация не могла, так как, по общему мнению ее членов, террористические удары должны были наноситься въ моменты, благоприятные для демонстраций и других форм выражения массового сочувствия таким фактам.

Осень 1901 года была признана в этом отношении моментом крайне неблагоприятным. Отношение студенческой массы к новому курсу "сердечного попечения" еще не определилось. Студентство только въ ноябрь начало организовываться. Въ большинстве университетов началось брожение, но оно должно было по необходимости прерваться из-за рождественских каникул. Въ рабочей среде, въ осень и безъ того — неблагоприятное время для движений. Такъ какъ малая въ город дешовых деревенских рукъ заставляла вѣрноп держаться за мѣсто, въ этомъ году положение крайне ухудшилось из-за кризиса.

Такъ какъ партия решила мобилизовать свои силы для совместного выступления рабочих и студентов на улицу 19 февраля, Боевая Организация пришла къ убеждению, что исполнение приговора лучше всего отложить до первых чисел февраля.

Наступившия события изменили все. 19 февраля студентству не удалось организовать и приберечь свои силы къ определенному моменту. Возвращение въ Харьковскомъ Ветеринарномъ Институтѣ, разнравившееся совершенно неожиданно и преждевременно, вызвало рядъ уличныхъ демонстраций въ Харьковѣ, сопровождавшихся

съ взрывкой расправой полици. Студентская организация, несмотря на первоначальное решение приурочить свое выступление къ 19 февраля — вместе съ рабочими, — вынужден был въ первых же числах января поддержать протестъ противъ насили надъ харьковскими и екатеринославскими товарищами. Киевская революционная и студентская организация назначаетъ демонстрацию на 2 февраля; въ Москвѣ студентство выступаетъ 8-го февраля, въ Петербургѣ — 8-го же февр. совершенно неожиданно разыгрывается возмутительное избиение студентовъ въ Народномъ Домѣ.

Такимъ образомъ, волна демонстраций прокатывается съ юга на северъ, прокатывается не планомерно, застигая врасплохъ революционные организации, не давая возможности подготовительнымъ работамъ въ фабричной средѣ принять надлежащие размеры. Участие въ движении рабочихъ оказывается далеко не столь внушительнымъ, какъ имъ могло бы быть, если бы революционнымъ организациямъ же пришлось действовать такъ на скоро.

Какъ бы то ни было, уже въ первыхъ числахъ февраля ясно было, что къ 19 февраля широкаго массового движения не состоится, что силы будутъ раздроблены и настроение недостаточно приподнято.

Боевой Организации приходилось или выбирать другой моментъ, или, не рассчитывая на массовую поддержку, совершить свой актъ, полагаясь на сочувствие широкихъ общественныхъ круговъ, возмущенныхъ всеми ужасами только что совершившихся сипягинскихъ репрессий, передъ которыми блѣднѣли его преступления, за которые онъ уже былъ приговоренъ къ смерти Боевой Организацией.

Она склонилась сначала ко второму решению, къ немедленной казни Сипягина и Победоносцева, но скоро перемѣнила это решение, несмотря даже на то, что возмутительное избиение демонстрантовъ 3 марта въ Петербургѣ и вскорѣ затѣмъ пошедшія извѣстія объ ужасномъ батумскомъ убійствѣ безоружныхъ рабочихъ — вызвали къ отошнѣнію.

Дѣло въ томъ, что Боевая Организация получила изъ вѣрнаго источника новыя свѣдѣнія. Сипягинъ, воспользовавшись демонстраціей 3 марта, настаиваетъ на получеіи чрезвычайныхъ полномочій для борьбы съ революціей. Въ хорошихъ освѣдомленныхъ кругахъ Петербурга говорили, что въ ближайшіе дни будетъ произведенъ всероссійскій погромъ, чтобы съ корнемъ вырвать крамолу.

Боевая Организация рѣшаетъ, что убивать двухъ главнейшихъ реакцій наканунѣ готовящагося разгрома неудобно, такъ какъ общество приняло бы этотъ разгромъ за результатъ убійства. 7-го марта принимается рѣшеніе проверить основательность сообщенія. Въ случаѣ, если разгромъ предполагается въ ближайшемъ будущемъ, — то изолировать и обезопасить главный составъ Боевой Организации и нападеніе на Сипягина и Победоносцева совершить на второй же день послѣ разгрома.

Несмотря на всѣ старанія, въ теченіе цѣлой недѣли удавалось получить только самыя разнорѣчныя данныя, и только 17 марта получило достоверное извѣстіе, что вопросъ о разгромѣ еще окончательно не рѣшенъ.

Скорѣ получилось другое, въ высшей степени важное свѣдѣніе, что положеніе Сипягина сильно пошатнулось. На засѣданіи государственнаго совѣта, кажется, по поводу введенія земства въ дворянскихъ губерніяхъ, между Сипягинимъ и киевскимъ ген. губ. Драгомировымъ произошло бурное столкновленіе, послѣ котораго Сипягинъ мчитъ во дворецъ съ заявленіемъ, что при такихъ условіяхъ онъ служить не можетъ. Николай на это заявленіе ничего опредѣленнаго не отвѣчаетъ, — и на другой день, въ Петербургѣ, говоритъ о томъ, что положеніе недавняго временщика сильно пошатнулось. Къ этому присоединилось столкновленіе съ московскимъ Сергѣемъ, козни оспаривающаго его лавры, Витте и т. п. Въ придворныхъ кругахъ ухлыло разсерженнаго Сипягина считается очень вѣроятнымъ.

Убѣдивъ Сипягина послѣ отставки Боевая Организация, конечно, не могла, не оставить безнаказанными всѣ преступленія человека, залитого слезами и кровью опозоренной имъ Россіи, — было бы тяжелымъ ударомъ для общественной совѣсти.

Революционеру важна не дѣяна Сипягина какими нибудь другими министромъ. Не для этого Боевая Организация остановилась на Сипягинѣ своей выборъ. Мы боремся не съ личнымъ, а съ системой. Наши удары могутъ направляться на лицъ лишь попутныхъ, поспешныхъ, въ нихъ воплощается и больше или меньше олицетворяется система. Возможность ухода Сипягина политической волѣ, поэтому, не можетъ остановить караванъ рус-

волюции. Напротив — Боевая Организация не считает возможным более медлить и решает приступить к выполнению давнего решенного приговора.

Что касается организации самого дела 2-го апреля, то — по соображениям конспиративного характера — мы должны обойти большинство подробностей, особенно же все, что относится к совершенно случайно неудавшемуся нападению на Полядоносцева. Мы ограничимся теми сведениями, которые ничего не могут прибавить к тому, что уже известно нашим врагам об организации этого дела.

Осенью 1901 года, как мы уже говорили, Боевая Организация была совершенно сформирована, и правильность ее внутреннего устройства была испытана впоследствии тем, что она могла исполнить свою первую задачу в такой момент, когда весь Петербург подвергся яростному разгрому, и притом таким образом, что правительству не удалось ничего существенного раскрыть и не произвести ни одного ареста, имевшего какое-либо отношение к делу 2 апреля. И это несмотря на то, что приходилось довольно долго следить за министрами, так как первые же наблюдения показали, что обычным путем к ним проникнуть не было никакой возможности.

Когда члены Б. О., которые должны были произвести нападение, были уже намечены, поступило (в сентябре 1901 г.) предложение принять нового члена на активную роль, С. В. Балмашева.

Свидание члена организации со С. В. произошло на первом сильном, неотразимом впечатлении. В этом еще очень молодом человеке чувствовалась громадная вкра в свое дело, непоколебимое решение отдать ему свой только что расцветающую жизнь. Несмотря на свои годы, он уже много работал на революционном поприще, но еще больше передумал и перестрадал. Он знал, что может еще много работать в качестве рядового революционера, но считал, что в настоящий серьезный момент русской жизни нужны люди, готовые отдать сразу всего себя в жертву, чтобы добиться максимального результата. Раз дойдя до этого решения, он уже стремился осуществить его всеми силами своей души... В этом заключался теперь для него лично — весь смысл его жизни. Он понимал, что нужно обладать большим умением, способностью, чтобы жить честно в наше ужасное время. Но теперь его влекло к себе другое: умереть с сознанием, что ты дал так много, много общему делу...

Обо всем этом не было сказано ни слова ни при первом свидании, ни при дальнейших продолжительных беседах. Но это сквозило во всем движении Степана, во его добрых задумчивых срых глазах, в ясной улыбке, озарившей его бледное, схимническое лицо, в дрожи его громкого грудного голоса, в характерном сотряхивании его головы, покрытой длинными, тонкими блокуриными волосами, во всей прекрасной фигуре этого «старовра», как называли его товарищи.

Об этом не говорилось, так как ему самому это казалось таким простым и естественным, что об этом и говорить то нечего.

При первом же свидании выяснилось, что один из предназначенных к нападению должен будет уступить на время свой мученический венец Степану Валерьяновичу. Он с энтузиазмом страстно стремился к этому, он с трепетом ждал решения, боясь, что его молодость будет препятствием... Все время, пока наводилась справка, пока не был ему окончательно сообщен результат, Степан находился в угнетенном состоянии. Но когда в конце января он был вызван в один город, где ему было заявлено, что вскоре он должен будет осуществить задуманный план, он сразу повеселел и не терял уже до конца жизни своего свѣтлаго, радостного настроения.

В средние числа февраля Балмашев скрылся из Саратова, а 24 марта прибыл в Петербург.

План — явиться в Госуд. Совѣтъ, в качестве адъютанта Сергея, — был принят Степаном восторженно. Он судил полный успех. С изумительным хладнокровием он обсуждал все детали этого плана. Ни на минуту не останавливался он на мысли о спасении, боясь, что это может сильно повредить осуществлению. Он несколько не сомневался, что будет казнен, относясь к этому даже юмористически, — и выражал сожаление, что перед нападением не успел закрывать голову саваном...

Когда ему предложена была одна новая комбинация, при которой он мог бы помочь ему скрыться, он сильно обрадовался: «Потом! — я мог бы тогда сам взять на себя и Полядоносцева». И это было все, чем порадовал его новый план!

Когда же ему разъяснили, что подобная комбинация, со стороны решительнее, оказалась от этой комбинации, так как при ней невозможно было бы обеспечить успешный исход покушения.

Жить в Петербурге до 2 апреля Балмашеву было тяжело, так как это было разрыв с жизнью: охрана шпионы рыскали повсюду, во всех воротах стояли дворники. То были разгрома петербургского разгрома. После того, как план был вкратце изложен, топография места нападения стала ему дорожной картой, Балмашев уехал в Выборг. Принять были в Выборге меры, чтобы пребывание его здесь стало известно — посыл арестованных, так как это давало возможность навести полицию на ложную дорогу и не дать ей возможности раскрыть что-либо по следам следов в Петербурге. И действительно — после 2 апреля все принявшие участие в деле, чувствовали себя вполне спокойно, так как, что в Петербурге, при покушении никаких вещей, бездельничать только один Балмашев, в котором и разгрома не могли дать полиции никаких новых указаний.

Вот все, что мы можем сообщить товарищам о деле 2-го апреля.

Убийство Сипягина своей своевременностью, обдуманностью и соответствием с общественным настроением, произвело такое сильное впечатление на революционные круги и общество, впрочем о террористической борьбе приняв такую конкретную форму, что общественное решение не заставило себя долго ждать: 2-го апреля была рождавшаяся первая прокламация, изданный русское общество о свершении революционного приговора над Сипягиным. Под ней была подписана «Боевая Организация Социалистов-Революционеров». А уже через несколько дней Партия Социалистов-Революционеров формально передала заветное всей непосредственно боевой террористической деятельностью в руки столь успешно начавшей дело боевой группы, таким образом превратившейся в постоянный орган партии и получившей от нее вполне определенные и широкие полномочия на будущее время. И все следующие, повторные издания названной выше прокламации подписывались уже «Боевой Организацией Партии Социалистов-Революционеров».

В № 7 «Революционной России» мы уже говорили про две особенности в постановке террористической борьбы нашей партией: борьба террористическими средствами сосредоточивается в руках специальной, обособленной боевой группы, поддерживающей связь непосредственно с центральным комитетом партии, но отнюдь не исполняющей одновременно (подобно Исполнительному Комитету Народной Воли) функций этого центрального комитета, или вообще каких-либо иных функций, и 2) эта борьба отнюдь не является самодовольной системой, а ставится в теснейшую связь с ходом и потребностями массового рабочего движения, как его органическое дополнение.

Таким самым определялись и дальнейшие необходимые шаги Боевой Организации. Их диктовала сама жизнь.

Борьба рабочих масс в городе сопровождалась особенно яркими и возмутительными способами подавления и расправы в Вильне, где надругался над еврейскими рабочими демонстрантами палач фонтан-Валь; борьба рабочих масс в деревне сопровождалась в еще более широких размерах зверствами, насилиями и надругательствами над усмирными крестьянами со стороны мясника Оболенского. Эти два лица более всего выдвинулись из числа непосредственных руководителей усмирений в сознании широких народных масс, как их истязатели и палачи. Действия этих лиц не могли остаться безнаказанными. Террористические акты против каждого из этих лиц, конечно, ближе всего понятны широким слоям населения и лучше всего могут покрывать массовую борьбу.

Но в Вильне, под свѣжим впечатлением события, тотчас же истинными силами было спѣшно организовано покушение на фонтан-Валь. Успех покушения, правда, был только частичный, и, тем не менее, нравственное удовлетворение и подъем революционного настроения рабочих масс был огромный...

Боевой Организации нашей партии оставалось, таким образом, свести революционные счета с Оболенским. Тот факт, что он во главе военной силы мог издвигаться сколько угодно над усмирными крестьянами, мог бы вызвать в деревне истинную подавленность, унижение и даже деморализацию, если бы его преступление сошло ему с рук, если бы единственной

наградой за его позорные деяния остались царское „спасибо“, орден св. Владимира, да восторженная признательность крепостников-дворян. Мало того. Воспользовавшись тьмой, что крестьянство находилось в угнетенном состоянии послѣ поражения, начальство всячески старалось использовать это настроение въ своихъ видахъ, и, арестуя повсемѣстно деревенскихъ пропагандистовъ, въ то же время иезуитски внушало мужикамъ, что революционеры смотрятъ на нихъ, какъ на пушечное мясо, подводятъ ихъ подъ розги и пули, а сами благообразно прячутся. Если гдѣ либо и прививались яловитыя сѣмена подобной клеветы, то подвигъ самопожертвованія нашего товарища, отдаваго свою жизнь для наказанія палача неповинныхъ крестьянъ, прогремѣлъ по всей деревенской Руси, кокъ лучшій отвѣтъ правительству на все его лживушину! Пусть все крестьянство знаетъ, какой награды считаютъ достойными народныхъ мучителей русскіе цари и какой—русскіе революционеры: это ясное многихъ пространныхъ разъясненій дастъ отвѣтъ деревенскому люду на вопросъ—кто его враги, лицемерно прикидывающіеся иногда его друзьями, опекунами и покровителями, и кто его истинные друзья, готовые въ случаѣ нужды положить свои головы за народное дѣло, за торжество попранный справедливости, за воздаяніе по заслугамъ царскимъ опричникамъ и палачамъ.

Несмотря на вѣсь чрезвычайныя мѣры предосторожности, при нятыя кн. Оболенскимъ для охраненія своей жизни, эта жизнь уже однажды вышла на волосокъ и только случайность спасла его отъ рокового конца. Но приговоръ ему провознесенъ, и надѣяться на повтореніе каждый разъ подобныхъ случайностей врядъ ли возможно. Мы говоримъ это съ твердой вѣрой въ энергію и самоотверженіе нашихъ товарищей, поднявшихъ тяжелый крестъ борьбы—неумолимой и безпощадной.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

КІЕВЪ. — Въ Лукьяновской тюрьмѣ сидятъ: Шварцманъ, уч. рис. инж. ар. 29 мая; Семинуха Л., семин., 31 мая; Покость Ш., раб. за сходку въ роуфѣ, 31 мая; Блошинскій А., 1 июня; Ковалевскій, 6 мая; Волжскій, раб., 7 июля; Жуковъ, раб., 7 июля; Шлакъ, раб., 10 июля; Левинскій, студ., 17 июля; Гальперинъ Р., студ. 28 июля; Гайковскій Я., раб., Шичанскій А. Влад. техн., Аксельродъ, раб., Пикаревичъ Татьяна, раб., Шинель Фёдоръ, раб., Бурштейнъ Вѣра, раб., Лейченко Фёдоръ, раб., Шухманъ, Доли, Дыминъ Р., раб., Бѣликова Е., раб., Гольяскій Ф., Кеснеръ А.; всѣ 1 июля. Попельскій Вацлавъ, инж.-техн. 1 июля; Банниъ, берлинск. студ. ар. на границѣ 22 июля. 21, 22 июля ар. 4 рабочіихъ, фамиліи неизвѣстны. Выбыли изъ тюрьмы въ июлѣ: Гукоскій Е., Гоппинъ П., Тамановъ Н. (перев. въ Московск. тюрьму), Ольшанскій К., Гинзбургъ И. З., Короленко М. МОСКВА. — Въ июлѣ выпущены: Я. Селюкъ, Кл. Селюкъ, В. Бѣляевъ.

КІШИПЕВЪ. — 21 июня выпущены послѣ голодовки: Розалія Розенблюмъ; нѣсколько ранѣе: Полина Гордонъ, учителя Бонивуръ, Годлевскій съ женою, Гельманъ. Сидятъ (по дѣлу о типографіи): Риманъ съ женою и ребенкомъ. Кромѣ нихъ еще 7 человѣкъ.

ВІЛЬНА. — Въ тюрьмѣ въ Вильнѣ сидятъ московскіе студенты (на 6 мѣс.): Шульцъ, Ковальскій, Паркевичъ, Иванцевичъ.

ПОПЕВЪ. — Въ здѣшней тюрьмѣ отбываетъ наказаніе Собинскій, студ. Моск. сел.-хоз. инст.

На границѣ арестована Елизавета Харикъ.

ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНОСКОГО. — Въ июлѣ арестованъ и увезенъ въ Новохоперскую тюрьму В. П. Зубриловъ, вернувшійся года 4 тому назадъ изъ Сибири. З. въ 1879 г. былъ осужденъ Харьковскою Суд. Палатою на каторгу по дѣлу о пропагандѣ среди крестьянъ. Въ Сибири З. пробылъ болѣе 20 лѣтъ. Последнее время онъ проживалъ въ имѣніи своихъ братьевъ.

САРАТОВЪ. — Въ концѣ июля арестована вторично фельдшерница Р. Б. Бархина изъ с. Ключей Балаховскаго у. Одновременно въ с. Ключахъ произведены обыски у земскаго врача А. П. Ермолова и 6 крестьянъ. Въ Саратовѣ арестованъ недавно вернувшійся изъ ссылки Б. С. Еремѣевъ.

КАЗАНСКАЯ ГУБ. — Въ Чистополевскомъ у. арестованъ крестьянинъ Минаевъ, * котораго дѣтъ 7 тому назадъ былъ уже обыскъ.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. — 30 июня были обыски у конц. гимназій: дочери купца Ф. П. Зильберманъ. Найдены № 6 Рев. Россіи и № 3 Лот. Листка Р. Р.; у Е. Двайресъ—учен. зуб. школы въ Кіевѣ и зубн. врача Ольги Дрибинъ, найдены 2 брошюры. Въ слѣдующую ночь—у вдовы Софьи Зарской, купца Л. Брошштейна—60 л.; нѣсколько дней спустя у студента Кіевск. ун. Якова Дикера. Зильберманъ арестована.

ТАМБОВЪ. — Въ ночь на 15 июля были обыски у б. студ. С. Н. Самгина, только что выпущеннаго подъ надзоръ изъ Сиб. Д. П. З. и въ семьѣ Дубровинныхъ. Обыски дѣлались прѣжними изъ Сиб. жандармами и стоятъ въ связи съ арестомъ А. П. Гладиліна.

КОВНО. — Въ здѣшней тюрьмѣ находились въ июлѣ отбывающіе наказаніе: Странинскій, Урбисъ, Ловмянскій, Войцукъ, Беркишко, студенты-москвичи за демонстрацію. Вѣдский, литовецъ,

гимн. 8 кл. Либавской гимн. на 8 мѣс. Петровицъ, Бялопетровицъ — оба на годъ за разбрасываніе польскихъ прокламаций. Сигизмундъ Ревковскій, по одному дѣлу съ ними, переведенъ въ Сиб. Подсѣдственныя: Кацъ, уч. берл. конс., Диканайскій, ст. берл. ун. Оба арестов. на границѣ. Рабочие-евреи: Смешковичъ, Кагановичъ, послѣдній изъ Витебской губ. ар. въ Плавль за участіе въ стачкѣ. Орловскій, 15 л., Кетлеръ, 14 л., выходцы изъ «ешиботъ», школы подгот. раввиновъ. Перваго обвиняютъ въ агитаціи и сношеніяхъ съ Лескертомъ. Рабочие-литовцы: Квашинъ, имя неизв., сидитъ вторично разъ обвин. въ агитаціи, Антошъ Квашинъ, Іосифъ Кривневичъ, портной арестованъ на демонстраціи.

Партіей Соціалистовъ-Революционеровъ выпущены отдѣльными брошюрами: «Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго социализма въ Россіи» отъ Крестьянскаго Союза П. С. Р.» и «Ко всему русскому крестьянству». Отъ Крест. Союза П. С. Р.»

Вышелъ въ свѣтъ отдѣльный оттискъ изъ № 3 «Вѣстника Русской Революціи»: «Эволюціи русской социалистической мысли».

Вышелъ въ свѣтъ № 1 «Народнаго Дѣла», органа Партіи Соц.-Р. Содержание: 1. Народное дѣло. 2. Нужны-ли демонстраціи? 3. Гдѣ были социалисты? 4. Какъ началось просвѣщеніе крестьянъ. 5. Неожиданная помощь (изъ воспоминаній стараго революціонера). 6. Волховскаго. 7. Дѣй силы. 7. Внутреннее обозрѣніе. 8. Иностранное обозрѣніе. 9. Галиційскіе крестьяне и ихъ борьба съ помещиками. 10. Отъ редакціи. 11. О вновь вышедшихъ изданіяхъ.

Вышелъ и продается въ Складѣ Фонда Вольной Русской Прессы (15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.).

Первый выпускъ издае. Фондомъ «Исторической Библіотеки»: Записки Революціонера П. А. Кропоткина, съ предисловіемъ Брандеса къ англійскому изданію и новымъ предисловіемъ автора къ русскому изд. Книга имѣется въ двухъ формахъ: 1) на англійской бумагѣ, съ фото-гравированнымъ портретомъ автора, въ переплетѣ — цѣна 10 шилл. 6 пенсовъ и 2) на обыкновен. бумагѣ, съ портретомъ-фотогравіей, въ бумажной обложкѣ—цѣна 6 шилл. 6 пенсовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Почитателю Броунинга. Что же не сообщаете адреса, по которому можно было бы писать вамъ непосредственно?

Автору «Долой полицію». Три брошюры получены и выйдутъ въ серіи «Народной революціонной библіотеки», изд. Партіи Соціалистовъ-Революционеровъ и Аграрно-Соціалистической Лиги. Усиленно просимъ о сотрудничествѣ въ «Народномъ Дѣлѣ».

Составителю внутр. обозр. въ «Голосѣ Труда». Ждемъ отъ васъ статей для «Народнаго Дѣла».

Автору «Борьбы за право». Просимъ прислать намъ вашу рукопись для изданія въ серіи «Библіотека Народнаго Дѣла» или «Народной Революціонной Библіотеки».

Чиновнику П. К. Ждемъ дальнѣйшихъ присылковъ.

О литовскомъ с.-д. движеніи пойдетъ въ хроникѣ № 11.

Отрывокъ изъ частнаго письма пойдетъ въ № 11.

Саратовъ. Подробности о крестьянскомъ движеніи пойдутъ въ № 11, также прокламация аткарскаго крестьянина.

Комитетамъ и группамъ социалистовъ-революционеровъ. Повторимъ еще разъ нашу просьбу доставлять редакціи Рев. Россіи образцы всѣхъ листовъ, брошюръ и прокламаций, выпускаемыхъ на мѣстахъ, отъ какихъ бы фракцій они ни исходили.

Получено: Отъ «скихъ» студентовъ съ вечеринки 36 ф. 55 али Партіи и 36 ф. 55 али А.-С. Лиги. Въ счетъ будущихъ взносовъ изъ Д.—13, 20. По листку № 89 отъ А. М.—24, 62 (20 мар.). Изъ Цюриха—собрано на изд. «Нар. Дѣла» 25 фр., за литер. 35 ф. Изъ Лозанна—28, 20 (рек.) и 17 (лит.). По листку № 34: X—25 ф., 10 ф., 5 ф. s—5 ф., 142—10 ф.; классикъ (дн. Б. О.)—15 ф. Отъ С. К. М.—2 ф. Отъ русской колоніи въ Я.—40 ф. Отъ нѣмца съ русской душой на П. Д.—5 ф. Отъ Андришки—4 ф. 20. (2 гульд.). Отъ доктора—40 м.

ЗАЯВЛЕНІЕ. На многочисленныя запросы, какъ пересылать въ редакцію корреспонденціи, статьи и пр. лицамъ, не имѣющимъ конспиративныхъ адресовъ, спѣшимъ отвѣтить, что таковыя могутъ передаваться членами мѣстныхъ комитетовъ нашей партіи, или можно пользоваться лицами, будущими за границу, откуда все можетъ быть направлено по адресу:

A la redaction du «Messager», Société Nouvelle de Librairie et d'Édition, 17, rue Cujas, Paris.

Въ самыхъ письмахъ слѣдуетъ подписывать: «Для Револ. Россіи».

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССІЯ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

№ 50

1 Августа 1904 г.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

15-го іюля 1904 г., по постановленію Боевой Организации Партии Соціалистовъ-Революціонеровъ, въ г. С.-Петербургѣ разрывнымъ снарядомъ убитъ министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве.

Оцѣнку событія и выясненію мотивовъ приговора Боевой Организации посвященъ специальный № „Летучаго Листка Революціонной Россіи“, изданный въ С.-Петербургѣ.

ДВѢ ВОЙНЫ.

Онѣ продолжаютъ двѣ войны, о которыхъ говорятъ въ данный моментъ мыслящіе существа не только въ Россіи, но повсюду, гдѣ только живетъ интересъ къ событіямъ мировой политики: война внѣшняя, которую имперія царей ведетъ противъ Японіи на Дальнемъ Востоку; и война внутренняя, война гражданская, которую самодержавіе ведетъ противъ живыхъ силъ націи на всемъ широкомъ пространствѣ русской земли. Одна продолжается едва полъ-года, и уже всякій мало мальски понимающій наблюдатель видитъ, что сѣверный колоссъ шатается на своихъ глиняныхъ ногахъ передъ тѣмъ, какъ оковчательно рухнуть среди крови и грязи. Другая длится болѣе вѣка, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ русская мысль навсегда порвала съ самодержавіемъ и въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей ведетъ непримиримую оппозиціонную борьбу противъ царскаго деспотизма. Последніе три года, особенно въ дни правленія Плеве, этотъ гражданскій пожаръ принялъ самыя рѣзкія неслыханныя дотолѣ формы. И однако ни одинъ мыслящій умъ, даже изъ категоріи наиболѣе проинициальныхъ не видитъ исходъ его и задается. — хотя и въ лучшей формулировкѣ и съ болѣе яснымъ пониманіемъ вещей, — тѣмъ самымъ вопросомъ, который полъ-вѣка тому назадъ уже тревожилъ мысль А. де-Виньи:

Молчаливый народъ и гигантъ-властелинъ,

Поглощенные жаркой нѣмою борьбой;

При Петрѣ началась роковая дуэль,—

Скоро-ль будетъ конецъ ей положенъ судьбой?

Мы убѣждены однако, что совпаденіе и параллелизмъ обѣихъ войнъ, поскольку мы можемъ наблюдать ихъ въ ихъ послѣднемъ фазисѣ, даютъ очень ясное указаніе и подсказываютъ категорическій отвѣтъ на важные вопросы внѣшней и внутренней политики Россіи. Здѣсь и тамъ, врагъ, отличающійся болѣе современнымъ характеромъ, долженъ восторжествовать надъ допотопнымъ режимомъ, осколкомъ былыхъ временъ, который образуетъ страннѣйшій анахронизмъ среди цивилизации нашихъ дней. Обновленная Японія, вовлеченная въ вихрь интернаціональнаго движенія, полная творческаго энтузіазма, подобнаго тому, который воодушевлялъ великихъ

революціонеровъ XVIII вѣка во Франціи, эта Японія скоро расправится съ татарско-византійско-московской имперіей, какъ сама русская нація, ринутая впередъ порывомъ революціоннаго социализма, который идетъ во главѣ ея, пошлетъ ко всемъ чертямъ православнаго ада скипетръ и вѣнецъ неограниченнаго монарха. Развѣ вы не видите, что престижъ имперіи царей безвозвратно погибъ извнѣ, какъ внутри страны, и что самодержавіе представляетъ лишь жалкую тряпку, неистово развѣивающуюся подъ ураганомъ событій, чреватыхъ все болѣе и болѣе послѣдствіями и обступающихъ ее со всѣхъ сторонъ? О, Немезида, грозная Немезида исторіи, наконецъ-то раздастся звучный шагъ твоихъ желѣзныхъ сандалій и твое прерывистое дыханіе уже жжетъ затылокъ преслѣдуемыхъ тобою трижды проклятыхъ Романовыхъ!...

И вотъ прежде всего уроки внѣшней войны. Друзья и враги официальной Россіи намъ прожужжали уши, двадцать лѣтъ повторая одни и тѣ же слова: «да, мы согласны, что внутренняя политика царей недѣла, что она противорѣчитъ самому духу времени. Но абсолютная власть имѣетъ большія преимущества надъ представительнымъ режимомъ во внѣшней политикѣ, потому что она обезпечиваетъ странѣ большую послѣдовательность дѣйствій, несравненное единство политики въ сношеніяхъ съ другими государствами. Царская дипломатія, свободная отъ докучливаго контроля парламентарныхъ болтуновъ, можетъ лучше хранить свои тайны и умѣетъ лучше пользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы дѣлать рѣшительные ходы на шахматной доскѣ міра, между тѣмъ, какъ императорская армія, скрѣпляемая желѣзной дисциплиной и обожающая своего монарха, словно бога, образуетъ страшное орудіе господства царей... И что же! мы видѣли, на дѣлѣ видѣли, парскую дипломатію и царскую армію, и мы можемъ сказать, что цѣлые двадцать лѣтъ вся Европа жила гигантской и въ то же время смѣшной легендой о военной мощи московской Имперіи.

Есть ли на свѣтѣ что нибудь болѣе плохо освѣдомленное, болѣе нескладное, болѣе разрываемое на части личными распрями, чѣмъ царская дипломатія, которая ничего не видитъ, ничего не знаетъ, которая совсѣмъ даже не замѣчаетъ долгихъ приготовленій Японіи и которая въ тоже время перемишляваетъ, какъ попало, фигуры своей азартной игры на Крайнемъ Востоку, пуская въ ходъ столь же насильственную, сколько вѣроломную политику? Найдется ли въ мірѣ что нибудь болѣе жалкое, чѣмъ всѣ эти любимцы царя, всѣ эти Безобразовы и всѣ эти Алексѣевы, которые вызываютъ войну ради своихъ личныхъ интересовъ, интригуютъ тайно отъ министровъ и дипломатовъ своей отчизны, которые пользуются привилегіей прямо вступать въ сношенія съ царемъ, черезъ голову его формальныхъ совѣтниковъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе одурачить его и еще болѣе затемнить его и безъ того тупое пониманіе? А наши сухопутные и морскіе Аники-воины, Макаровы и Куропаткины, Засуличы и Миценки, не имѣющіе ни плана, ни рѣшимости дѣйствовать, поражающіе феноменальнымъ невѣжествомъ въ своей же специальности, обнаруживающіе или безтолковое бравированіе или бредущее ощуще-

малодушие, словомъ, представляющие притчу во языцѣхъ и помѣшанные военные писатели всего міра? А эта борьба честолюбія между намѣстникомъ и генералиссимусомъ нашихъ армій? А это безумное расточеніе человѣческихъ жизней, эти избиенія бѣдныхъ русскихъ солдатъ, организуемые самими же начальствомъ безъ толку и основанія, въ виду выполненія нелѣпыхъ военныхъ операцій? А эти перекрещивающіеся между собой противорѣчивые приказы, эти пушки, которые не богъ знаетъ, какъ опасны для врага, вслѣдствіе малой дальности, и эти подводныя мины, которыя, наоборотъ, очень опасны для насъ самихъ, ибо взрываютъ собственные наши корабли? А этотъ недостатокъ провіанта и амуниціи, жалкое состояніе санитарныхъ частей, пресловутая сибирская жел. дорога, по единственной колѣѣ которой поѣзда катятся съ ужасающей быстротой — плохой извозчикъ или? Наконецъ, эта бессмысленная, вызывающая тактика, практикуемая по отношенію къ иностраннымъ державамъ пиратами добровольнаго русскаго флота, которые плаваютъ, то подъ коммерческимъ, то подъ военнымъ флагомъ и которые кончатъ тѣмъ, что будутъ пущены ко дну вмѣстѣ съ своими смѣхотворными скорлупами, нагруженными кучами чудотворныхъ иконъ, первымъ хорошимъ залпомъ какой нибудь цивилизованной эскадры, раздраженной поноженіями этихъ морскихъ разбойниковъ?

Вещь, исполненная зловѣщаго комизма: между этими печальными героями злополучной войны мы встрѣчаемъ всѣхъ тѣхъ, которые раньше наиболѣе отличились на поляхъ междоусобной войны, во время жестокихъ репрессалій, которыя самодержавіе пускаетъ въ ходъ внутри имперіи противъ своихъ вѣроподданныхъ.

Куропаткинъ, тотъ самый Куропаткинъ, съ которымъ Куроки играетъ точно копка съ мышью, началъ политику оцѣпной русификаціи Финляндіи. Келлеръ, пришибленный японской бомбой, залилъ Екатеринославъ кровью безоружныхъ стачечниковъ. И звѣри-казаки, пагайки которыхъ торжествовали надъ сопротивленіемъ безоружныхъ манифестантовъ или «взбунтовавшихся» студентовъ, бѣгутъ безъ оглядки, разсыпаясь, словно стаи воробьевъ, подъ выстрѣлами японскихъ пѣхотинцевъ и «разочаровывая» самого генералиссимуса недостаткомъ воинскихъ качествъ.

Невольно возникаетъ вопросъ въ мысли тѣхъ, которые способны видѣть и рассуждать: ну, а что-же та, другая, гражданская, внутренняя война, война самодержавія противъ націи, когда-же и она сведется къ тому-же результату, къ такому-же подрыву царизма, какъ война внѣшняя, война на Дальнемъ Востоцѣ, сливая съ нею свои угрожающія волны? Многозначительные признаки показываютъ, что и здѣсь передъ абсолютизмомъ пропасть раскрывается все глубже и грознѣе. Самая грубая, самая насильственная политика каково-либо правительства можетъ, конечно, продолжаться довольно долго, если оно опирается по крайней мѣрѣ на нѣкоторые интересы и на нѣкоторые общественные слои, пустившіе болѣе или менѣе прочные корни въ почву страны. Примѣръ, почти двадцатилѣтнее царствованіе Наполеона III. Но наше самодержавіе сблало въ послѣднее время все, что только было въ состояніи сблать, что только могъ ему напечатывать демонъ тираническаго безумія, чтобы вооружить противъ себя всю націю.

Въ теченіе долгаго времени оно покровительствовало нашимъ крупнымъ заводчикамъ и фабрикантамъ, и оно возбудило тѣмъ страшную неприязнь между рабочими, съ которыми оно безчисленное множество разъ расправлялось самымъ звѣрскимъ образомъ въ угоду капиталу; равно какъ оно-же успѣло развить духъ ворчливой оппозиціи въ землевладѣльцахъ, которые стремятся къ таможенному тарифу, менѣе ограничительнаго характера въ къ иностраннымъ болѣе дешевымъ земледѣльческимъ машинамъ.

Пороку, продѣлывая лицемѣрную перемѣну фронта, самодержавіе дѣлало видъ, что покровительствуетъ рабочимъ путемъ карикатурнаго фабричнаго законодательства и даже своеобразной полицейской демагогіи à la Зубатовъ. И политика нашихъ социалъ-шніоновъ привела въ этой области лишь къ тому, что возбудила негодование отечественныхъ желѣзныхъ и хлопчатобумажныхъ королей и въ то-же самое время вызвала среди пролетаріата серьезные безпорядки, потопленные въ волнахъ крови самими-же инициаторами царской демагогіи, которые, впрочемъ, скоро будутъ сметены рабочимъ возстаніемъ...

Самодержавіе пожелало также дать осязательныя привиле-

гій крупной земельной собственности или, лучше сказать, нашему дворянству. И учрежденіемъ государственнаго дворянскаго банка, кассъ даровой помощи дворянамъ, «института» земскихъ начальниковъ, — представляющихъ старую восточную юстицію и барскій произволъ, едва-едва смягченный нѣсколькими неопредѣленными формулами сомнительной законности, — самодержавіе создало живѣе чувство вражды къ благородному сословию, какъ со стороны землевладѣльцевъ не дворянъ, такъ и крестьянъ, питающихъ вѣчную ненависть къ своимъ прежнимъ господамъ.

Въ теченіе 1881—1886 годовъ, послѣдовавшихъ за смертью Александра II и отмѣченныхъ такъ называемой народолюбческой политикой, самодержавіе рѣшило бросить прикормъ страшному чудю деревенъ, мужику, въ видѣ государственнаго крестьянскаго банка. Но оно просто на просто содѣйствовало развитію сельской буржуазіи, точно такъ же, какъ обезпечило, путемъ функционированія этого учрежденія, продажу по очень высокимъ цѣнамъ помѣстій разорившихся дворянъ, продолжая съ другой стороны, въ особенності поддавленіемъ Плеве, ожесточать большинство крестьянскаго населенія фискальнымъ вымогательствомъ, свирѣпымъ подавленіемъ малѣйшаго аграрнаго движенія и актами дикаго насилія новой сельской полиціи, специально созданной для усмирения мужика. Этимъ способомъ само самодержавіе сблало все, что только было въ его власти, чтобы проявить сознательное стремленіе разрушить въ умѣ крестьянства многовѣковую легенду о царѣ — отцѣ своего народа; и возмущеніе пока, носящее мѣстный характеръ, уже проходитъ глухой грозой по русскимъ нивамъ.

Самодержавіе обратило свое столь гибельное для него же самого вниманіе на интеллигенцію различнаго общественнаго происхожденія и разнообразныхъ мнѣній. И здѣсь оно успѣло благодаря своей нелѣпой войнѣ противъ всего того, что выражаетъ мысль и совѣсть націи, усилить новыми притоками ненависти и отвращенія общее теченіе оппозиціи. Мы уже не говоримъ о варварскихъ преслѣдованіяхъ различныхъ фракцій социализма и прежде всего социалстовъ-революціонеровъ: это въ порядкѣ вещей, и сама буржуазія цивилизованныхъ странъ неоднократно ознаменовала себя жестокостями борьбы противъ нашихъ западныхъ братьевъ. Но что сказать о презрѣнн, которое самодержавіе высказываетъ по отношенію къ профессорамъ и публицистамъ самыхъ умѣренныхъ либеральныхъ взглядовъ, возлагая на нихъ уничижительную повинность прославлять на всѣ лады неувядающія красоты и вѣчныя истины абсолютизма? Что сказать о вынужденномъ или добровольномъ изгнаніи за границу лучшихъ представителей русской науки, о вакантныхъ кафедрахъ и пустынныхъ аудиторияхъ? Что сказать о подлой императорской цензурѣ, которая наказываетъ газеты самымъ жестокимъ образомъ даже за грѣхъ молчанія, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о какомъ-либо актѣ царскаго вандализма, который совѣсть не позволяетъ одобрять, а правительство запрещаетъ критиковать? Что сказать о ненавистной войнѣ, которую, всего за нѣсколько дней до своей казни, Плеве велъ противъ представителей нашихъ земель, завѣдомыхъ монархистовъ, нераскаянныхъ царлюбовъ, проводя по всѣмъ этимъ головамъ невинныхъ идеологовъ или сторонниковъ политики микроскопическихъ реформъ тяжелый катокъ деспотизма? Что сказать о правительственнымъ запрещеніи земствамъ организоваться исключительно ради подаанія помощи несчастнымъ солдатамъ, отправившимся на войну и ихъ обнищавшимъ семьямъ?

И это не все. Императорская Россія насчитывала въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, Польшѣ, на Кавказѣ, среди евреевъ, не мало лояльныхъ подданныхъ царя, которые зачастую порпали всякую революціонную дѣятельность противъ абсолютизма даже со стороны лицъ, принадлежавшихъ къ господствующему населенію. Нѣмцы сѣверо-западной Россіи съ гордостью смотрѣли на остатки средневѣковыхъ корпорацій и плоды германской науки на почвѣ Имперіи. Финляндцы, съ высоты своей конституціи, клятвенно подтвержденной императорами, взирали съ чувствомъ замѣтнаго пресвосходства на русскихъ, какъ на народъ, который еще не созрѣлъ для практики представительнаго правленія. Люди польской, армянской, еврейской буржуазіи находили очень политичнымъ ужкиваться съ царскими преслѣдованіями, на правленными противъ большинства своихъ соотчичей, лишь бы получить отъ самодержавія осязательныя экономическія выгоды. И что же? Абсолютизмъ рѣшилъ открыть войну даже противъ этихъ различныхъ національностей, пустивъ въ

ходъ со времени востшествія на престолъ Александра III политику насилія, достигшую своего высшаго пункта въ царствование Паве; и онъ успѣлъ оченъ удачно сгруппировать вплоть до самыхъ консервативныхъ элементовъ среди этихъ различныхъ народностей, объединивъ ихъ общей ненавистью къ царизму.

И теперь времена назрѣли; революція становится неизбежной, ибо эта гражданская война можетъ кончиться лишь побѣднымъ возстаніемъ. Паве перейдетъ въ исторію, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ сѣятелей вѣтра, который взойдетъ бурей для царизма. Отнынѣ никакая полицейская ловкость не въ состояніи предотвратить паденія русскаго абсолютизма. Да и сама династія мажордомовъ фонъ-Паве прервалась на Вячеславъ Первомъ: мы не видимъ подобныхъ ему. И отмѣчая историческое сочетаніе двухъ войнъ, войны внѣшней и войны гражданской, которые несутъ поражение царизму, мы можемъ воскликнуть съ великимъ Гейне: «ты медлишь грянуть, о громъ моей отчизны, но когда ты грянешь, я увѣренъ, что то будетъ, какъ слѣдуетъ!...»

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ.

Die Kampfweise von 1848 ist heute in jeder Beziehung veraltet.

Fr. Engels

Баррикады устарѣли... баррикадная борьба народа съ войсками теперь немислима... На широкихъ и прямихъ улицахъ современныхъ городовъ каждая баррикада можетъ быть издана снесена однимъ пушечнымъ выстрѣломъ... Народу теперь гораздо труднѣе вооружиться, а правительство сильнѣе, чѣмъ когда либо: чудеса военной техники дѣлаютъ стальное чудовище милитаризма необходимыми въ открытой борьбѣ... Звать народъ къ уличному возстанію, вести его противъ войскъ — чистѣйшее безуміе и революціонный авантюризмъ...

Эти и подобные разговоры теперь постоянно на устахъ у современныхъ революціонеровъ, особенно у современныхъ марксистовъ, опирающихся при этихъ разговорахъ вѣчно на одинъ и тотъ же авторитетъ — Энгельса. Считаая его аргументацію непоколебимой, они естественно переходятъ къ идеѣ о «революціи со скрещенными на груди руками», къ преувеличенію шансовъ мирной, «невооруженной революціи», къ переоцѣнкѣ законности и парламентаризма — къ той переоцѣнкѣ, которую, въ ея крайнихъ формахъ, Марксъ уже чрезвычайно давно окрестилъ «парламентскимъ кретинизмомъ» — или, наконецъ, къ убѣжденію въ томъ, что революція разлагается «сама собою», «стихийно», такъ что думать о техникахъ непосредственно-революціонной борьбы, обсуждать стратегически средства, орудія и приемы возможныхъ революціонныхъ битвъ особенно не приходится. На этой почвѣ развивается своеобразная психологія: революція, въ смыслѣ рѣшительнаго столкновенія, когда въ ходъ пускаются всѣ ресурсы и силы, вплоть до физической, вооруженной мощи — эта революція кажется многимъ современнымъ социалистамъ «прыжкомъ въ неизвѣстное» — въ совершенно темное, загадочное неизвѣстное, гдѣ они будутъ «безъ кормила и весла». Польскій социалистъ Люсия охарактеризовалъ это своеобразное настроеніе, какъ «страхъ передъ революціей и стремленіе не думать и не говорить объ ней», откуда и вытекаетъ, съ другой стороны, стремленіе «увѣрить себя и другихъ въ томъ, что революція можетъ и должна быть безоружной (unbewaffnet)». Поддаваться и впредь этому настроенію значило бы, по мнѣнію другого автора, Парвуса, «играть въ прятки» и «вести партію съ завязанными глазами къ краю пропасти».

Именно «съ завязанными глазами» предпочитаютъ идти къ революціонному финалу и русскіе социалъдемократы. Уже сколько разъ жизнь ставила передъ ними ребромъ вопросъ о формахъ и методахъ непосредственнаго революціоннаго нападенія на современный режимъ или хотя бы отпора, защиты отъ его примыхъ насильственныхъ нападеній, отъ его полицейскаго и военнаго террора, — и ни разу не смогли они на эти «проклятые вопросы дать отвѣты намъ прямые». Самое придирчивое и ожесточенное критиканство по отношенію къ предлагаемымъ нами, социалистами-революционерами, методамъ борьбы, — и полная, абсолютная собственная неспособность къ положительному творчеству въ этой области; вотъ

«роковой итогъ» всѣхъ ихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Былъ, правда, еще недавно моментъ, когда, казалось, готвился произойти крутой переломъ. Это было во время знаменитыхъ всеобщихъ стачекъ на югѣ и юго-западѣ Россіи.

«Теперь сама жизнь заставляетъ думать о путяхъ и способахъ революціи» — писала «Искра» въ № 53, т. е. вскорѣ послѣ этихъ неожиданныхъ, но поучительныхъ событій. Золотыя слова... но увы, они остаются только словами и мало отражаются на дѣлѣ. Прошелъ моментъ, остыла кровь и думы «о путяхъ и средствахъ» улетучились. Wo sind hin?... Очевидно исчезли навсегда, чтобы болѣе не смущать вновь успокоившихся въ расѣ и предавшихъ болѣе «современнымъ» дѣламъ стратеговъ «центрального органа русской социалъдемократической партіи». И даже самонадеяннѣйшій кризисъ русской жизни, чреватый самыми глубокими революционными всплесками и потрясеніями, — кризисъ, вызванный войной съ Японіей, — не способенъ, повидимому, пробудить стратеговъ русской социалъдемократіи отъ ихъ равнодушія къ этому вопросу. Они не тѣмъ заняты. У нихъ слишкомъ много накопилось счетовъ другъ съ другомъ, у большинства съ меньшинствомъ, у Гусева съ Дейчемъ, у Ленина съ Мартовымъ, у Лидова съ Плехановымъ и т. д., и т. д. Имъ некогда, и пролетаріатъ, во имя котораго они сводятъ всѣ свои счеы, напрасно будетъ ихъ вопрошать на счетъ «путей и способовъ революціи». Что наша русская революція не за горами, что открытое массовое движеніе *можетъ* разразиться гораздо скорѣе, чѣмъ это многие думаютъ, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ событій и безмѣрнаго горя, разливающихся теперь по всему лицу земли русской съ быстротою огромнаго потока, — объ этомъ *знаютъ* публицисты нашего социалъдемократическаго органа, объ этомъ они пишутъ изрядныя статьи почти въ каждомъ номерѣ своей газеты. Но о «путяхъ и способахъ» приближающагося народнаго революціоннаго взрыва нельзя найти у нихъ ни одной строки, ни одного словечка, — полнѣйшій мютизмъ, — словно въ ротъ воды набрали, или словно признали, что уже «свершили въ предѣлахъ земномъ все земное», согласившись, что «сама жизнь заставляетъ думать» и т. д. Признаніе это вырвалось у нихъ, правда, въ № 53, а теперь, — на примѣръ въ № 63, въ статьѣ «Грядущій кризисъ», — у нихъ вырываются признанія, звучащая уже нѣсколько иначе. Не додумавшись, очевидно, до какого либо положительнаго результата, революціонные стратеги «Искры», рѣшили по примѣру иныхъ изъ ихъ пѣмечныхъ товарищей, тоже «играть въ прятки» и повести русскій пролетаріатъ съ зажмуренными глазами на завоеваніе неприступныхъ высотъ русскаго абсолютизма. А именно, въ № 63 мы читаемъ уже, что «въ какую форму выльется стихійный взрывъ — почти (!) не зависитъ отъ насъ... Все что мы — по состоянію нашихъ силъ — можемъ сдѣлать въ этомъ направленіи, это употребить всѣ усилія, чтобы разъяснить рабочему классу невозможность разсчитывать въ эпоху кризиса на стачку, какъ на орудіе завоеванія непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ, съ одной стороны, и указать на опасность изолированныхъ, малолюдныхъ, не руководимыхъ ясно сознаннымъ цѣлью насильственныхъ взрывовъ, съ другой». И только. Форма революціоннаго взрыва будетъ — де почти стихійной, «и съ этой стихійной формой намъ придется считаться, какъ съ данною»... Что же, такимъ образомъ, предлагается здѣсь, какъ не полное отрицаніе всякой цѣлесообразной, заранее выработанной и популяризированной революціонной стратегии, какъ не возведеніе стихійности въ революціонной борьбѣ въ верховный руководящій принципъ, его же не преидеши?

Что стихійный элементъ въ революціяхъ играетъ громадную роль — это несомнѣнно; но кому и какую именно службу онъ сослужитъ — вотъ вопросъ, благоприятное разрѣшеніе котораго для революціи можетъ быть достигнуто не *слышкой на стихійность, а организованнымъ использованием* всѣхъ тѣхъ стихійныхъ элементовъ движенія, которые могутъ быть предвидѣны. Возьмемъ примѣръ изъ живой современности. Вслѣдствіе войны съ Японіей въ настоящее время возникъ цѣлый рядъ патологическихъ измѣненій въ народной жизни, грозящихъ серьезными всплесками. Въ деревняхъ стоитъ стоить и плачь. Усиленный, удвоенный рекрутскій наборъ, призывъ запасныхъ и резервистовъ наноситъ тяжкіе удары крестьянству. Начинаются случаи вспышекъ, открытаго неповиновенія. Проводы забранныхъ въ солдаты вызываютъ скопленія возбужденной толпы въ городахъ; непопулярность войны и неурядицы въ ней подливаютъ масла въ огонь. Съ другой ст-

роны, сокращение торговли и производства, обострение кризиса и застой въ дѣлахъ по случаю войны ведутъ за собою безработицу, скопления впроголодь живущаго или прямо голодающаго рабочаго люда, которому положеніе его дѣлается нестерпимымъ. Но кризисъ и безработица не разъ въ исторіи западно-европейскихъ государствъ приводили къ выступленію на улицахъ толпищъ безработныхъ, съ рѣшительнымъ требованіемъ — «жить, работая, или умереть, сражаясь!» Вотъ — два стихійныхъ элемента, представляющихъ угрозу современному режиму Россіи. Но что же? Развѣ ссылка на нихъ устраняетъ вопросъ о «путяхъ и средствахъ революціи»? Напротивъ — наличность ихъ только обостряетъ постановку даннаго вопроса. Манифестаціи безработныхъ, естественное стремленіе ихъ *заставить* прекратить работы повсюду; отказъ поставлять рекрутовъ и попытки массоваго освобожденія забранныхъ — вотъ что можетъ послужить хорошимъ поводомъ, средствомъ для мобилизаціи недовольныхъ, протестующихъ, готовыхъ къ борьбѣ, часто просто доведенныхъ до отчаянія элементовъ. Мы можемъ дать сигналъ къ этой мобилизаціи, и можемъ помѣститься въ «хатѣ съ краю»; можемъ дѣйствовать и можемъ выжидать, отводя себѣ старое, традиціонное, славное мѣсто — опять «въ хвостѣ движенія». Но если эта послѣдняя перспектива намъ не улыбается, если мы готовы дѣйствовать, то какъ можемъ мы дать сигналъ къ мобилизаціи недовольныхъ силъ, хотя бы путемъ манифестаціи безработныхъ и сопротивленій властямъ при наборѣ рекрутовъ и призывѣ запасныхъ, если для насъ не рѣшенъ вопросъ — а что же дальше? Какова будетъ позиція, какова будетъ тактика нашихъ социальнo-революціонныхъ элементовъ, въ рядахъ волнующейся, стихійно-возмущенной толпы? Будемъ ли мы просто «плыть по теченію», будемъ ли мы уповать на то, что насъ выручитъ мгновенное навіе въ разгарѣ любого критическаго событія — или мы, какъ партія, попытаемся сдѣлать движеніе планомѣрнымъ, т. е., сдѣлать заранѣе учетъ своимъ ресурсамъ, расчитавъ заранѣе возможное соотношеніе сознательныхъ, полусознательныхъ и безсознательныхъ элементовъ движенія, распредѣливъ свои силы опредѣленнымъ образомъ, дадимъ имъ строго конкретное, боевое назначеніе, — и смѣло ринемся, какъ инициативная революціонная сила, въ потокъ событій?

Вотъ вопросъ, котораго не разрѣшили общими фразами о томъ, что наша роль заключается вообще во «внесеніи сознания» и «организованности» въ стихійное движеніе. Здѣсь уже идетъ рѣчь не только о «сознательности вообще»; здѣсь рѣчь идетъ о спеціальному видѣ *богемой* организованности, *революціонно-стратегической* подготовленности и сознательности. То общее «политическое воспитаніе» авангарда рабочаго класса, на которое такъ напиралъ «Искра», считая его особенно важнымъ въ тѣ немногіе дни, которые еще отдѣляютъ насъ отъ открытаго проявленія пролетарскаго протеста не можетъ и не должно исчерпывать собою всей нашей задачи «нанануть революціи». Необходимо, неотложно необходимо становится здѣсь спеціальное *стратегическое воспитаніе* этого авангарда, т. е. подготовленіе его къ умѣлому и находчивому *богемому руководству* народными массами въ моментъ ихъ революціоннаго возстанія. Въ такіе критическіе моменты, подлѣ непосредственной угрозой массовыхъ арестовъ и разстрѣловъ, немпожко неумѣстно отлагать до каждаго конкретнаго случая задачу обдумывать и рѣшать великій вопросъ: *что дѣлать?* въ такіе моменты поздно уже тѣмъ или инымъ представителямъ народнаго авангарда бѣгать въ комитеты за все новымъ рѣшеніемъ и перерѣшеніемъ этого вопроса. Революція это часъ *дѣйствія*, а не размышленія, это моментъ быстрыхъ — да, возможно болѣе быстрыхъ и рѣшительныхъ ударовъ могучему противнику, — ударовъ *по всей линіи*, мѣткихъ, смѣлыхъ, неожиданныхъ. Въ революціи побѣждаетъ масса, ко масса, имѣющая многочисленные, сознательные, опытные, подготовленные передовые боевые кадры. Паучить, вразумить активнѣйшіе элементы массы, какіе методы, приемы и средства революціи устарѣли и какіе должны заступитъ ихъ мѣсто; вывести ихъ изъ современнаго безнадежнаго состоянія стратегической, такъ сказать, невинности и наивности, которая однихъ можетъ привести къ дѣтской самонадѣянности и революціонному легкомыслію, другихъ — къ столь же необоснованному старчески-дряблему пессимизму; наконецъ, внушить имъ всю рѣшающую, грандіозно-трагическую важность приближающейся революціонной схватки съ современнымъ милитаристическимъ чудовищемъ, — значитъ наполовину уже обезпечить благоприятный исходъ ея для народа.

Было бы, конечно, очень плохо, если бы рабочій народъ въ эпоху взрыва слѣпо и безъ всякихъ разсужденій ухватился за какіе нибудь устарѣлые методы борьбы, только потому что они освѣщены исторической традиціей. Мы знаемъ, что въ зависимости отъ вооруженія, состава, количества и качества войскъ мѣняются и способы наступленія, употребленія сомкнутого и разсыпного строя, темпъ и характеръ нападенія и защиты, укрѣпленія позицій и штурма. Революція есть та же война — только гражданская война — и съ этой точки зрѣнія она есть не только обще-соціологическая, но и спеціально-техническая задача.

И если, опираясь на Ангельса, критикуютъ, какъ устарѣлые, революціонные методы 48-го года и, на первомъ планѣ, баррикадную борьбу, — то противъ этого ничего нельзя имѣть, если только эта критика не ограничивается отрицательной работой, а чревата чѣмъ нибудь положительнымъ. Развѣ «методы 48 года» суть единственно мыслимые методы революціонной борьбы? Развѣ постройка баррикады — единственно возможная, универсальная форма народнаго возстанія? И мы вовсе не предлагаемъ слѣпо, некритически копировать нашихъ революціонныхъ предшественниковъ. Но значить ли это, что всѣ приемы революціонной борьбы стараго времени не годятся? Значить ли это, что, въ иной комбинаціи, соответствующимъ видоизмѣненными и дополненными, они не могутъ сыграть роли въ тѣхъ революціонныхъ битвахъ, которые принесетъ намъ грядущее? Значить ли это, что слѣдуетъ отбросить ихъ цѣликомъ и огульно, какъ непріемлемые для пролетариата, «буржуазные методы революціи»?

Конечно, нисколько не значить. Но въ томъ то и дѣло, что въ области политики никогда не бываетъ недостатка въ охотникахъ выплеснуть вмѣстѣ съ водой изъ ванны и ребенка. Считать, что уличное возстаніе и, какъ его средство, баррикада есть тотъ мечъ, которымъ можно, по методу Александра Македонскаго, «очень просто» разрубить Гордіевъ узелъ, — конечно, нелѣпо. Но откуда этотъ скачекъ, это умозаключеніе, что баррикадное, уличное возстаніе есть вообще анахронизмъ?

Быть можетъ, такая борьба теперь просто *недостаточна*: быть можетъ, она пуждается теперь лишь въ кое-какихъ усовершенствованіяхъ и дополненіяхъ, соответствующимъ новымъ, болѣе усовершенствованнымъ орудіямъ противника; быть можетъ, баррикада, эта единственная ultima ratio прежнихъ революціонеровъ, способна занять въ предстоящей рѣшительной борьбѣ хотя и скромное, но все же свое вполне опредѣленное мѣсто среди цѣлаго ряда другихъ, новыхъ и старыхъ, средствъ и приемовъ революціи? Чтобы рѣшить эти вопросы, посмотримъ, со словъ тѣхъ же марксистовъ, чѣмъ была, какую собственно роль играла баррикада въ прежнихъ революціяхъ?

Какъ Ангельсъ въ своемъ извѣстномъ предисловіи къ «Классовой борьбѣ во Франціи», такъ и Парвусъ въ своей статьѣ о «Политической массовой стачкѣ» (въ ж. Die Neue Zeit, XIV, № 36 и слѣд.), такъ и Каутскій въ своихъ недавнихъ статьяхъ объ «Allerhand Revolutionären» въ томъ же журналѣ единогласно утверждаютъ, что не баррикадой an und für sich прежние революціонеры побѣждали враждебныя имъ силы войска, а ея, такъ наз., *моральнымъ*, точнѣе — *дезорганизующимъ* вліяніемъ. Ни въ какой еще революціи, даже самой побѣдоносной, инсургенты не превосходили своей чисто-матеріальной силой организованнаго и многочисленнаго противника. Въ численномъ, организаціонномъ, военно-стратегическомъ отношеніи правительство — всякое, какъ старое, такъ и современное — всегда несравненно могущественнѣе революціонеровъ, и послѣдніе никогда не выходили бы побѣдителями въ неравной борьбѣ, если бы имъ не удавалось вносить въ ряды своихъ противниковъ сильнаго *дезорганизующаго элемента*. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для этого служила въ прежнія времена баррикада. Ангельсъ пишетъ объ этомъ такъ:

«Даже въ классическую эпоху уличныхъ сраженій — баррикада дѣйствовала болѣе морально, чѣмъ матеріально... Но не будемъ предаваться относительно этого никакой иллюзіи: настоящая побѣда возстанія надъ войскомъ въ уличной борьбѣ, побѣда какъ бы въ битвѣ между двумя арміями, принадлежить къ величайшимъ рѣдкостямъ. Но на это столъ же рѣдко разсчитывали и сами инсургенты. Ихъ задача сводилась лишь къ тому, чтобы путемъ моральныхъ воздѣйствій внести въ войско духъ нерѣшительности. Удастся имъ это, войска откажутся дѣйствовать или начальники ихъ потеряютъ голову, и возстаніе побѣждаетъ».

Но спрашивается: въ чемъ именно заключается моральное дѣйствіе баррикады въ революціонной борьбѣ? «Она задерживала марширующія войска — говоритъ Парвусъ — и тѣмъ самымъ приводила ихъ въ замѣшательство, давала имъ время придти въ себя, одуматься». Последній психологическій моментъ играетъ, по его мнѣнію, значительную дезорганизирующую роль въ такихъ случаяхъ. Изъ уже упомянутой выше статьи его мы читаемъ:

«Говорятъ, что разъ только мы склонили на свою сторону **головы** солдатъ, то тѣмъ самымъ мы приобрѣли и штыки. Этимъ формально правильнымъ силлогизмомъ должно пользоваться на практикѣ съ крайней осторожностью. Уже одно занесеніе «головъ» является довольно сомнительнымъ дѣломъ (ist eine recht eigene Sache). Мы не должны закрывать глаза на то, что степеніи сознанія, которая можетъ быть приобретена народомъ, въ условіяхъ капиталистическаго общества, крайне ограничена. Хотя социалдемократическая программа, какъ тому учитъ насъ опытъ, необходимо быстро проникаетъ въ пролетарскія массы, но уже это одно доказываетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло болѣе съ настроеніемъ, чѣмъ съ убѣжденіемъ...»

Отсюда Парвусъ заключаетъ, что такое оппозиціонное **настроenie**, проникшее и въ ряды солдатъ, легко подавляется цѣлой системой мѣръ военной муштровки, дисциплины и организаціи; но за то сравнительно столь же легко оно вновь возрождается при столкновеніи съ вліяніями, противоположными и враждебными казарменнымъ внушеніямъ. Пробудить **дз** солдатъ, выведенныхъ противъ инсургентовъ, такое оппозиціонное настроenie, пробудить ихъ отъ гипноза военной дисциплины, заронить въ нихъ духъ рефлексіи, сомнѣнія, жалости и т. д. — такова была, главнымъ образомъ, задача старо-революціонной баррикады. Не побѣдить, а дезорганизовать врага — было ея важнѣйшей миссіей. Въ чисто стратегическомъ отношеніи, — говоритъ Парвусъ, — она и прежде не играла никакой роли, скорѣе наоборотъ: «Кажется парадоксальнымъ, а все же **тактическая** польза баррикады значительно слабѣе для народа, чѣмъ для командировъ войскъ. Первому она даетъ лишь очень слабое прикрытіе, для послѣднихъ она является весьма подходящимъ (willkommen) пунктомъ нападенія...»

Что же отсюда слѣдуетъ? Если вся или главная сила баррикады не въ ея матеріальномъ или военно-стратегическомъ значеніи для защищающихся, а въ ея моральномъ, дезорганизующемъ воздѣйствіи на нападающихъ, то спрашивается: почему бы ей и теперь не сыграть подобную же роль въ столкновеніи съ войсками, особенно если принять во вниманіе, что оппозиціоннаго **настроения** въ рядахъ этихъ послѣднихъ можно, думается намъ, ожидать теперь съ еще большимъ основаніемъ, чѣмъ какихъ либо сто или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ?

Но противъ этого у Парвуса и Каутскаго имѣются довольно вѣскія соображенія. Вѣдь, при теперешнихъ примыкахъ широкимъ улицамъ большихъ городовъ, — говорятъ они, — да при современныхъ военно-техническихъ усовершенствованіяхъ «каждая баррикада могла бы быть сметена на самомъ далекомъ разстояніи (aus der Weitesten Ferne)». «Ужъ если даже въ сороковыхъ годахъ — говоритъ Парвусъ — тактический перевѣсъ во время уличной борьбы былъ на сторонѣ войска, то было бы слѣпымъ безуміемъ при крайне утонченной оружейной техники нашего времени захотѣть рискнуть насильственнымъ сопротивленіемъ противъ войска». Парвусу вторитъ Каутскій: «Сегодня паразитъ правительство вооруженнымъ сопротивленіемъ — говоритъ онъ — стало невозможнымъ даже по отношенію къ самому слабому, безголовому режиму, въ виду современнаго вооруженія. Сегодня не только оружія войска значительно страшнѣе, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но и народъ значительно безоружнѣе. Въ наше время нельзя уже самому лить пули къ ружьямъ; даже если-бы удалось захватить ружья въ какомъ либо арсеналѣ, они бесполезны безъ особыхъ къ нимъ патроновъ... Нельзя потому ожидать, — заключаетъ отсюда Каутскій, — что вооруженное возстаніе народа могло бы произвестъ еще то громадное нравственное вліяніе, которое необходимо для того, чтобы правительство потеряло голову...»

Итакъ, уличное вооруженное возстаніе еще не такъ страшно для правительства, чтобы заставить его потерять голову: оно чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы расправиться съ нимъ. Ну, а если движеніе выйдетъ за предѣлы большихъ городовъ, если одновременно съ уличными манифестаціями въ

крупныхъ центрахъ будутъ происходить движенія въ деревняхъ? Не заставитъ ли это правительство страшно раздробить свои силы, не ослабитъ ли это его? И развѣ долгія маршировки изъ деревни въ деревню для усмирения не представляютъ достаточно психологическихъ моментовъ для раздумья, рефлексіи, пробужденія сомнѣній, колебаній, словомъ, выражающа на языкѣ военныхъ, «деморализація» войска? Развѣ навстрѣчу этому не можетъ пойти прямая пропаганда среди солдатъ, приспособленная къ ихъ психологіи, образу жизни, непосредственнымъ страданіямъ? Да, наконецъ, развѣ нѣтъ непосредственныхъ орудій и методовъ внесенія дезорганизаціи въ правительственный механизмъ? Порча телеграфовъ, телефоновъ, путей подвоза войскъ, уничтоженіе пороховыхъ складовъ, нападеніе вооруженныхъ группъ, боевыхъ дружинъ на отдѣльныхъ наиболѣе видныхъ «полководцевъ» правительственной репрессіи и на цѣлыя правительственныя учрежденія — развѣ все это не средства произвести необходимое замѣшательство? Говорятъ, что современная военная техника дала огромныя орудія въ руки милитаризма. Но развѣ эта техника не можетъ быть обращена на службу революціи? Македонскіе революціонеры взрывами повозовъ умѣли парализовать передвиженіе войскъ; армянскіе революціонеры взяли Оттоманскій Банкъ и бомбами осыпали нападающихъ, создавъ себѣ цѣлую импровизированную крѣпость. Террористическія средства борьбы могутъ быть примѣнены не только къ единичнымъ покушеніямъ, но и къ дѣйствіямъ вооруженныхъ группъ, самымъ непосредственнымъ образомъ связаннымъ съ движеніями массъ. Порою можетъ оказаться достаточнымъ снять хорошии выстрѣломъ начальника отряда, чтобы наступило моментальное замѣшательство, которымъ толпа можетъ воспользоваться, смѣшавшись съ солдатами, разсѣдая ихъ, избѣгая при этомъ, однако, ихъ провоцировать. Когда критикуютъ вооруженное возстаніе, то обычно стремятся упростить картину до нелѣпости: выходятъ какое то заранѣе назначенное рандеу между народомъ и войсками; липомъ къ лицу становятся, съ одной стороны, солдаты, конница, пѣхота и артиллерія, съ другой толпа кое-какъ вооружившагося народа; затѣмъ дается сигналъ, происходитъ битва — и, конечно, войско побѣждаетъ. Но развѣ въ войнѣ всегда дѣло рѣшается одними открытыми сраженіями, наступленіемъ сомкнутымъ строемъ? При извѣстныхъ условіяхъ, гораздо выгоднѣе утомить противника партизанскою войной, ночными вылазками, нападеніями въ обходъ и съ тылу, неожиданными диверсіями; и революціонеры, передъ которыми, какъ въ Россіи, стоитъ неизбѣжная перспектива насильственнаго переворота, конечно, должны быть крайне осторожны и расцѣтливы съ непосредственными атаками большой толпой своихъ противниковъ; для такихъ атакъ, во всякомъ случаѣ, должна быть заранѣе подготовлена почва цѣлымъ рядомъ предварительныхъ цѣлесообразныхъ организованныхъ актовъ, каждый изъ которыхъ можетъ быть выполненъ сравнительно небольшимъ, но заранѣе спѣвшимся отрядомъ участниковъ. Итакъ, организація боевыхъ дружинъ, имѣющихъ цѣлью подготовить и облегчить задачи массоваго движенія, особенно въ стихійно благоприятныя для него моменты; организація этихъ дружинъ, ставящихъ себѣ цѣлью внести замѣшательство и дезорганизацію въ управленіе боеваго механизма современнаго государства; координированіе дѣятельности этихъ дружинъ прочнымъ центральнымъ органомъ — вотъ что, несомнѣнно, можетъ содѣйствовать силѣ впечатлѣнія, производимаго непосредственными волненіями массъ на воротилъ «предержащей власти».

Что касается специально войска, то самъ же Каутскій признаетъ — въ своемъ спорѣ съ Люсней — полную возможность и солдатскихъ бунтовъ, и кровавой вооруженной борьбы между двумя фракціями войска. Да и странно было бы не допустить этого. Развѣ при всѣхъ революціяхъ не имѣло мѣсто братанье народа съ частью солдатъ? Развѣ теперь пропаганда идетъ не шире, чѣмъ раньше? Развѣ болѣе короткій срокъ военной службы не облегчилъ дѣло пропаганды среди солдатъ, не сдѣлалъ менѣе могучимъ гипнозъ «дисциплины»? Развѣ всеобщая воинская повинность не подорвала кастоваго духа прежнихъ войскъ? При такихъ условіяхъ революціонное возстаніе народа способно произвести «моральное» и дезорганизующее вліяніе на войско не менѣе, чѣмъ пятьдесятъ и сто лѣтъ тому назадъ. А разъ только мы предположимъ это, то, спрашиваясь, почему жъ такъ безнадежно смотрѣть на вооруженную инсurreкцію народа? Откуда этотъ пессимизмъ? Почему исключена возможность, что войска частью окажутся бездѣльными и пассивными, частью будутъ дѣйст-

новать крайне вяло, а то прямо примкнуть нѣкоторую свою часть къ оставшему народу, помогутъ ему добыть не только достаточно ружей, но и «особыхъ къ нимъ патроновъ»?) Почему исключена возможность, что въ особыхъ подходящихъ къ тому пунктахъ города, гдѣ какъ-ни-какъ, все же не безъ узкихъ и извилистыхъ переулковъ, баррикада могла бы сыграть свою защитительную и дезорганизирующую роль; почему представлять себѣ такъ называемую баррикадную борьбу исключительно въ традиционной, стереотипной формѣ; почему, напр. изъ подходящихъ частныхъ или общественныхъ, даже правительственныхъ зданій не могутъ быть также устроены своеобразные «баррикады» своего рода *forts Chabrol*, которые не такъ то легко «смести на далекомъ разстояніи». Вѣдь, сами же Каутскій и Парвусъ увѣряютъ насъ, что въ такихъ случаяхъ важно, главное, выиграть время, дать солдатамъ, пригнаннымъ изъ казармъ непосредственно на улицы, одуматься, прийти въ себя; что въ чисто военно-техническомъ отношеніи баррикада никогда не имѣла никакой роли, что «взять» ее никогда, собственно не представляло затрудненія, но что *не въ этомъ заключалась сущность дѣла*. А потому упадать въ крайность и отрицать даже и за «баррикадой» *ея* значение въ предстоящей революціонной борьбѣ нѣтъ никакого основанія; но еще менѣе есть основаніе изъ устарѣлости баррикадной борьбы, какъ *исключительно* метода революціи, заключать о полной невозможности, бесполезности «даже безумнѣ» вооруженнаго возстанія вообще, о необходимости «во что бы то не стало» *невооруженной* революціи, революціи «со скрещенными на груди руками». Какъ будто кромѣ баррикады предстоящая революція не можетъ располагать еще другими средствами защиты и нападенія!

У самого Каутскаго вырывается подъ часъ полу-признаніе въ невозможности «мирной» революціи въ наше время, но такое полупризнаніе дѣлается такъ *en passant*, мелькомъ, какъ не важное, или же облекается въ туманную «дипломатическую» форму, допускающую самыя противоположныя толкованія. Такъ, въ своей известной брошюрѣ о социальній революціи, въ главѣ посвященной «формамъ и орудіямъ» этой революціи, Каутскій пишетъ: «Приближающаяся революція будетъ походить менѣе на внезапное возмущеніе противъ правительства и болѣе на *продолжительную гражданскую войну*, менѣе приближаться къ типу французской революціи и болѣе къ типу реформаціонныхъ войнъ (*Reformationskämpfe*)». Читая это признаніе проникаешься уже изумленіемъ, какъ тотъ же Каутскій въ самоновѣйшихъ своихъ статьяхъ о революціи можетъ рисовать намъ картину предстоящей революціи въ самыхъ «мирныхъ» краскахъ, въ формѣ простой массовой стачки при строгомъ соблюденіи «цѣлесознательной пассивности». Вѣдь, прочтя вышеприведенныя строки, невольно вспоминаешь болѣе близкую къ намъ революціонную картину *Парижской Коммуны* 71-го года, этотъ по-истинѣ «новый типъ», — если хотите «пролетарскій методъ», — революціи; невольно представляешь себѣ эту наступающую революцію въ видѣ Парижской Коммуны *en gros*, т. е. повсемѣстной разлившейся яркимъ заревомъ по всѣмъ городамъ и всѣмъ, вооруженной съ головы до ногъ... Вѣдь говорить же Каутскій о «продолжительной гражданской войнѣ». Но мало ли что *говоритъ* Каутскій, — надо послушать еще, какъ онъ свои же слова точно же *отвѣчаетъ*: съ этими словами (т. е. «продолжительной гражданской войнѣ») «не слѣдуетъ» — пишетъ онъ — соединять понятія о настоящихъ войнахъ и бояхъ (*Gemetzel*); такая война возможна-де «и безъ вооруженныхъ инсurreкцій, безъ баррикадныхъ битвъ, — по крайней мѣрѣ, не имѣть будетъ принадлежать рѣшающая роль» (см. брошюру о социальной революціи, стр. 48.)

Итакъ, понимай, какъ знаешь: то тебѣ говорятъ, что предстоящая революція будетъ продолжительной войнѣю на подо-

бие той, какъ имѣла мѣсто въ періодъ реформаціи (крестьянскія войны, Иоаннъ Лейденскій и т. д.), то тутъ же въ слѣдующей строкѣ оговариваются — *но безъ вооруженныхъ инсurreкцій и баррикадныхъ битвъ*, мирно, благородно; то послѣднія допускаются безъ «рѣшающаго» лишь значенія; то единственной формой пролетарской революціи провозглашается мирная — во что бы то ни стало! — массовая политическая стачка... Подумаешь, сколько языковъ-то выросло во рту у современныхъ ортодоксальныхъ марксистовъ! сколько рѣшеній — взаимно исключающихъ — даютъ они на вопросъ первостепенной важности, требующій неспрѣмѣннаго определеннаго рѣшенія!

* * *

Но какъ ни спутанны, туманны и противорѣчивы слова и разсужденія современныхъ марксистовъ, симпатій, тенденцій и надеждъ ихъ много определеннѣе и яснѣе: онѣ всецѣло принадлежатъ «цѣлесознательной пассивности», массовой миролюбивой стачкѣ, безкровной революціи. Что массовая стачка можетъ сыграть чрезвычайно важную роль въ смыслѣ подготовленія революціоннаго возстанія, для насъ несомнѣнно. Но мы считаемъ всеобщую стачку лишь *прологомъ* революціи, а не *ея замѣной*. Не такъ смотрятъ на дѣло современные марксисты. Имъ все хотѣлось бы *замѣнить* революціонно-массовую стачку.

«Что не можетъ уже болѣе удачи баррикадной борьбѣ, — читаемъ мы у Каутскаго въ его статьѣ «*Allerhand Revolutionen*», стр. 694, — то должна осуществить политическая стачка, а именно дезорганизовать правительство и принудить его къ отступленію. Она обратится въ испытаніе силы (*Kraftprobe*) между государственной и пролетарской организаціей. Однимъ ударомъ все производство приостанавливается, массы рабочихъ выступаютъ на улицы, мелкая и крупная буржуазія исполняется безумнаго ужаса, ужаса за свою жизнь, ужаса за свою собственность; вся вооруженная сила принуждается къ постоянной, изнуряющей дѣятельности, ибо всякій собственникъ въ странѣ требуетъ отъ нея защиты, и масса праздныхъ рабочихъ повсюду и нигдѣ, избѣгая всякаго столкновенія съ вооруженной силой, повсюду собираясь, гдѣ нѣтъ этой последней (!). Всякій слѣдующій день такой стачки усиливаетъ антагонизмы, раздвигаетъ рамки стачки въ тѣ мѣста сельскихъ округовъ, гдѣ встрѣчается индустрія или крупное землевладѣніе, умножаетъ число угрожаемыхъ пунктовъ, напрягаетъ усилія войскъ, обостряетъ страданія и разжигаетъ страсти стачечниковъ (NB. Здѣсь Каутскій понимаетъ, очевидно, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, а не крестьянъ, ибо о нихъ напр. у него ни слова. Люсяня относитъ ихъ къ противникамъ революціи), усиливаетъ страхъ собственниковъ, переполохъ правительства, которое въ одномъ мѣстѣ прибѣгаетъ къ жесточайшимъ и бессмысленнѣйшимъ насиліямъ (NB!), въ другомъ — къ трусливой уступчивости, безпрепятственно со всѣхъ сторонъ осаждаемое просьбами положить конецъ всему этому тѣмъ или инымъ способомъ и не располагающее никакой возможностью подавить пассивное сопротивление, къ которому нигдѣ нельзя придаться (!) и которое все же парализуетъ его (правительство) на всѣхъ углахъ и перекресткахъ... Удастся стачечникамъ сохранить свое единство и свою цѣлесознательную пассивность (*ihre zielbewusste Passivität*), до тѣхъ поръ, пока они дезорганизовали правительственную власть въ какомъ либо пунктѣ, тѣмъ ли, что имъ удастся переманить къ себѣ факторы (*Faktoren*), въ которыхъ правительство нуждается (?), или тѣмъ, что само правительство своими *ordres, contreordres, desordres* порождаетъ слабость и растерянность въ средѣ своихъ агентовъ, — тогда пролетаріатъ на пути къ побѣдѣ; имущіе классы теряютъ увѣренность, что правительство въ состояніи ихъ защитить, среди нихъ растетъ опасеніе, какъ бы дальнѣйшее продолженіе сопротивленія не принесло имъ бѣды, они осаждаютъ правительственную власть совѣтами, просьбами уступить, они оставляютъ ее на произволъ судьбы... И наоборотъ, если правительство настолько сильно, что въ состояніи противостоятъ стачкѣ до тѣхъ поръ, пока сила рабочихъ истощится, пока имъ останется лишь альтернатива — или вновь вползаетъ въ яро или искать въ отчаянномъ насильственномъ дѣяніи того успѣха, котораго они не могли завоевать революціей скрещенныхъ рукъ, — тогда торжество правительства *вѣроятно*...»

Хорошо расписываетъ Каутскій! Не все только въ его «расписаніи» гармонируетъ другъ съ другомъ. Онъ самъ же въ

*) Насколько мнимы многія препятствія, непреодолимость которыхъ такъ легко признается Каутскимъ — можно видѣть хотя бы на этомъ частномъ пунктѣ его аргументаціи. Вотъ что читаемъ мы въ № 175 «Русск. Вѣд.»: 7-го іюня кавказскимъ военно-окружнымъ судомъ въ Александрополѣ разбиралось дѣло о кражѣ патроновъ изъ Александропольскаго оружейнаго склада. 25 декабря 1903 г. въ складѣ были похищены боевые патроны: 1) Бердана 437 ящиковъ съ 503.389 патроновъ. 2) Пабоди 30 ящиковъ съ 30.000 патр., 3) револьверныхъ Смитъ и Вессона 46 ящиковъ съ 66.240 патр., и кромѣ того 30.115 гильзъ съ вставленными капсюлями для холостыхъ бердановскихъ патроновъ... Похищенное не разыскано и главные виновники — также. По всей видимости похищенное пошло на дѣло армянскаго революціоннаго движенія. Осуждено судомъ нѣсколько рядовыхъ армянъ, при посредничествѣ которыхъ произошло похищеніе.

других мѣстах говорить, что всеобщая стачка не может длиться очень долго; а здѣсь онъ ждетъ отъ нея такихъ результатовъ, для порождения которыхъ нуженъ очень большой промежутокъ времени. Онъ самъ говоритъ о необходимости мирнаго, строго легальнаго поведенія стачечниковъ; и самъ же вводитъ въ свой расчетъ панический страхъ за свою жизнь и собственность, который невѣдомо съ чего долженъ охватить имущихъ съ самаго начала стачки. Онъ ухитряется одновременно ввести въ свой расчетъ и «пассивное сопротивление», къ которому никакъ нельзя придаться и «разжигание страстей стачечниковъ», при которомъ «всякій собственникъ въ странѣ требуетъ защиты». И въ концѣ концовъ всѣ надежды возложены на «авось»; авось правительство растеряется, нагнунитъ, оттолкнетъ отъ себя всѣхъ своихъ защитниковъ — и тогда дѣло въ шляпѣ. Эдмундъ Фишеръ совершенно справедливо замѣтилъ по этому поводу въ «Soc. Mon.», что размалевывать подобные планы революціи хорошо лишь, сидя у себя дома за печкой. Въ действительности же, какъ на это не менѣе справедливо указалъ В. Гейне въ томъ же журналѣ, «въ Германіи всякая всеобщая стачка, хотя бы самая мирная въ началѣ, спустя нѣсколько часовъ, привела бы къ нападенію вооруженной силы на безоружныя массы». По его мнѣнію, всякая массовая политическая стачка была бы прелюдией къ насильственной революціи; кто не хочетъ послѣдней, не долженъ хотѣть и первой. Поэтому то всѣ германскіе социалдемократы-оппортунисты, за исключеніемъ Эд. Бернштейна, противъ всеобщей стачки; они боялись стачки, ибо превосходно знаютъ, къ чему бы она повела. Даже самъ Каутскій допускаетъ возможность «жесточайшихъ и безмысленнѣйшихъ насилій» со стороны правительства въ отвѣтъ на мирную, легальную стачку. Такія насилія и провокаціи будутъ, конечно, на каждомъ шагу: на карту будетъ вѣдь поставлено «быть или не быть» всего стараго режима. Но и изъ среды самыхъ рабочихъ классовъ можно ожидать штрейкбрехеровъ; неорганизованные рабочіе, безработные, люмпенпролетаріатъ будутъ вербуемы правительствомъ въ явный ущербъ конечному успѣху стачки. Можно ли надѣяться, что и тутъ стачечники сохранятъ спокойствіе и не прибѣгнуть къ насилію надъ измѣнниками общему дѣлу? Да можно ли и желать этого? Кромѣ того, уже и теперь правительство въ Италіи, Австріи и Голландіи милитаризируетъ цѣлыя категоріи рабочихъ (особенно желѣзнодорожныхъ) въ видахъ предохраненія себя отъ опасной перспективы всеобщей стачки. Стакнувшіеся рабочіе, состоящіе въ резервѣ, принуждаются уже въ качествѣ солдатъ исполнять тѣ самыя работы, которыя они оставили, какъ рабочіе. Что тогда? Не повиноваться? Но, вѣдь, это значитъ совершить крупнѣйшее дисциплинарное преступленіе, особенно если правительство объявитъ военное положеніе; это — такое же дезертирство, такой же актъ возстанія, какъ и отказъ всякаго вообще солдата отъ повиновенія своему начальству. Мы не считаемъ такого отказа невозможнымъ; но тотъ, кто поставитъ голову на карту, когда рѣчь пойдетъ о рѣшительномъ ударѣ, поколеблется, когда вопросъ пойдетъ о проблематическомъ значеніи его неавки, въ качествѣ солдата, на предписанныя ему работы. Вотъ почему случаи отказа здѣсь бывають лишь единичными и изолированными. Итакъ, цѣлый рядъ работъ станетъ исполняться солдатами, подкрѣпленными, къ тому же, добровольческой буржуазной молодежью. Вообще, къ массовой политической стачкѣ современнаго правительства сумѣютъ превосходно подготовиться, съ такой стачкой сумѣютъ они и сравнительно легко справиться, *разъ они будутъ уже заранее парализованы* въ благонаправленномъ поведеніи стачечниковъ, въ ихъ «цѣлесознательной пассивности» во что бы то ни стало. Вѣдь, что ни слѣдай тогда правительство, все стерпится, — и насилія, и издѣвательства, и провокаціи, и истребленіе вождей движенія; вѣдь настанетъ благодарная пора массоваго «пролетарскаго» непротивленія злу насиліемъ! Возможна ли, осуществима ли вся эта новѣйшая пролетарская толстовщина? Возможна, полагаетъ Парвусъ. Въ «хладнокровіи» и выдержкѣ народа онъ не сомнѣвается. «Общественный классъ, — говоритъ онъ, — который уже заранѣе организованъ, способенъ выдержать въ своемъ пассивномъ сопротивленіи». Но и *материально* рабочей классъ, по его мнѣнію, способенъ провести всеобщую стачку до успѣшнаго конца, *не прибѣгая къ какимъ бы то ни было насильственнымъ мѣропріятіямъ*; стачечныя кассы, симпатіи среднихъ бюргерскихъ слоевъ съ ихъ обильными пособіями, кредитъ лавочниковъ, потребительныя общества... Но спрашивается: а если всего этого все таки не

хватитъ, если возникнетъ голодъ, объявятся болѣзни? А если лавочники, добровольно или подъ давленіемъ правительства, закроютъ кредитъ? А если средніе бюргерскіе слои не станутъ жертвовать на стачку, сажающую цѣлѣмъ революціи пролетаріата? Вѣдь это по меньшей мѣрѣ возможно! А если потребительнымъ обществамъ кто нибудь помѣшаетъ исправлять ихъ вспомогательную роль? Что тогда?... Послушаемъ, напримѣръ, что по этому поводу пишетъ голландскій социалдемократъ Vliegen, ставшій изъ приверженца всеобщей стачки (онъ же былъ и членомъ стачечнаго комитета въ послѣдней голландской массовой стачкѣ) ея самымъ рѣшительнымъ противникомъ:

«Какую цѣль преслѣдуетъ всеобщая стачка? чѣмъ она можетъ произвести давленіе на господствующіе классы? На это отвѣчаютъ: прекращеніемъ производства. Но спрашивается: кто первый будетъ страдать отъ этого? у кого перваго не хватить нищи? кто первый станетъ мерзнуть? Пролетаріи... Мы видѣли это здѣсь, въ Амстердамѣ, въ апрѣлѣ этого года. Портловые рабочіе забастовали, товарное движеніе на желѣзныхъ дорогахъ было приостановлено. Буховники не работали. И каковъ былъ результатъ? То, что имущіе закупили во всемъ городѣ съѣстные припасы, и женамъ рабочихъ пришлось выносить страшное повышеніе цѣнъ... Словомъ, всеобщая стачка дѣлаетъ жизнь невозможной, но смерть стучится прежде всего въ двери пролетарія. Чтобы спасти самого себя, пролетаріатъ долженъ опять приступить къ работѣ.

«Наши утопическіе адепты всеобщей стачки — продолжаетъ Vliegen — любятъ возражать на это указаніями на наши кооперативныя товарищества. Но что можетъ помѣшать правительству конфисковать пролетарскіе магазины и заключающіеся въ нихъ припасы употребить на «общую пользу, хотя бы уже затѣмъ чтобы такой мѣрой переманить къ себѣ люмпенпролетаріатъ?...»

Такъ говоритъ человѣкъ *практикъ*, знающій суровую реальную действительность, какъ свои пять пальцевъ, и потому не способный увлекаться утопическими иллюзіями многихъ ортодоксально-марксистскихъ литераторовъ, бросающихся изъ одной односторонности въ другую. Имъ мало признать всеобщую стачку лишь *однимъ изъ средствъ* революціонной борьбы съ правительствомъ, крайне, конечно, важнымъ, дающимъ съ одной стороны возможность мобилизовать въ самый краткій моментъ и въ сравнительно безопасной формѣ громадныя массы народа, чтобы двинуть ихъ на атаку враждебнаго имъ режима, съ другой — парализирующимъ врага посредствомъ экономическаго бездѣйствія рабочихъ, ихъ отказа отъ исполненія болѣе или менѣе важныхъ для него производительныхъ функций. Но въ качествѣ единственнаго и исключительнаго средства революціонной борьбы, да при томъ непремѣнно «мирнаго», законнаго, недопускающаго никакихъ иныхъ, дѣйствительныхъ средствъ, хотя бы это было удаленіе силою штрейкбрехеровъ или даже защита своихъ потребительныхъ магазиновъ, массовая политическая стачка есть розовая мечта все болѣе тяготящаго къ маниловщинѣ марксистскаго революціонизма. Чрезмѣрная, крайне оптимистическія надежды Каутскаго, Парвуса и другихъ на *такую* стачку уже и теперь разбиваются въ прахъ суровыми уроками окружающей насъ действительности. Въ Бельгіи мирная массовая стачка принесла частичный политическій успѣхъ лишь въ первый разъ, когда командующіе классы не успѣли еще приспособиться къ этому новому средству пролетарской оппозиціи. Во второй разъ, два года тому назадъ, всеобщая стачка потерпѣла самое постыдное фiasco и притомъ именно потому, что поставила на очередь перспективу вооруженнаго столкновенія, передъ которою бельгійскіе социалисты растерянно отступили. Полнымъ пораженіемъ закончилась и новѣйшія стачки въ Голландіи и Венгріи. Шведская политическая стачка для завоеванія всеобщаго избирательнаго права закончилась, сравнительно, удачно, но замѣчательно: весь центральный комитетъ шведской социалдемократіи, съ Брантингомъ во главѣ, доводитъ теперь до всеобщаго свѣдѣнія (см. Die Neue Zeit, № отъ 11 іюня 1904 г. стр. 346), что въ случаѣ возможнаго въ будущемъ повторенія подобной же стачки, шансы на побѣду будутъ уже значительно меньшіе, — буржуазія не ожидала-де этой стачки, да и рассчитана была эта послѣдняя всего на нѣсколько дней, и, въ сущности, одной лишь мирной демонстраціей и т. п.

Замѣйте, что въ приведенныхъ примѣрахъ шла рѣчь о за-

*) См. его интересную статью объ этомъ предметѣ въ жур. «Die Neue Zeit», 1903, № 6.

воевании всеобщей стачкой тѣхъ или иныхъ *частичныхъ* политическихъ правъ или экономическихъ выгодъ, а не о захватѣ рабочимъ классомъ всей государственной власти, не о социальной революціи. Понятно, что противодѣйствіе господствующихъ классовъ всеобщей стачкѣ въ послѣднемъ случаѣ было бы несравненно болѣе рѣшительно, а шансы торжества рабочихъ сократились бы прямо до нуля.

Въ частности, у насъ, въ Россіи, надо по-истинѣ свихнуть-ся прежде, чѣмъ мечтать о такомъ чисто - аркадскомъ методѣ крупнаго государственнаго переворота. Послѣдній можетъ быть у насъ осуществленъ лишь цѣлой системой мѣръ и средствъ чисто-революціоннаго характера, всеобщимъ вооруженнымъ возстаніемъ, какъ городского, такъ и сельскаго пролетаріата въ тѣсномъ плѣкосознательномъ союзѣ съ трудовымъ крестьянствомъ. *Пролетарскій* методъ революціи, методъ парижской коммуны и всеобщей стачки въ гармоническомъ соединеніи съ *крестьянскимъ* методомъ революціи всеобщаго и непосредственнаго «чернаго передѣла» и съ испытаннымъ террористическимъ методомъ «Народной Воли», направляющимъ свои удары непосредственно въ наиболѣе ответственные и руководящіе центры вражескаго лагеря, — такова въ общемъ та система мѣръ, которой можно надѣяться нанести рѣшительный и вѣрный ударъ россійскому самодержавно-буржуазному царству, *такое въ своей сложности методъ, выдвигаемый нами, русскими социальными-революционерами*

Всеобщая забастовка городского пролетаріата, превращеніе части городскихъ фабрикъ и заводовъ въ революціонныя батіоны, закладніе общественными и правительственными зданіями, провіантскими магазинами и складами, баррикадная борьба въ соотвѣствующихъ тому мѣстахъ; воззванія, плакаты, собранія; женское и дѣтское населеніе, все, неспособное принять активное, боевое участіе въ борьбѣ, наполняетъ городскія площади и улицы, внося въ сердца солдатъ жалость и смущеніе; уничтоженіе телефонныхъ и телеграфныхъ сношеній между правительственными зданіями и агентами, перерываніемъ проволокъ и истребленіемъ аппаратовъ; цѣлый рядъ внезапныхъ террористическихъ ударовъ, исполняемыхъ специально къ этому подготовленными боевыми группами; перенесеніе возстанія въ пригороды, села и деревни, поднятіе многочисленнаго крестьянства во имя земли и воли; привлеченіе на свою сторону хотя бы небольшихъ отаѣльных солдатскихъ взводовъ и баталіоновъ, и при всемъ томъ — быстрота и натискъ, смѣлость и рѣшительность. «Возстаніе есть искусство, — писалъ въ 1852 г. Карлъ Марксъ, — все одно какъ война или другія искусства и подчиняется оно извѣстнымъ правиламъ, пренебреженіе которыми ведетъ къ гибели партіи, провинившейся въ таковомъ... Во-первыхъ, никогда не слѣдуетъ играть возстаніемъ, если нѣтъ рѣшимости противостоятъ всемъ послѣдствіямъ такой игры. Возстаніе есть вычисленіе съ неопредѣленными величинами, которыя измѣняются каждый день. Боевыя силы, противъ которыхъ придется бороться, имѣютъ преимущества организаціи, дисциплины и традиціоннаго авторитета всецѣло на своей сторонѣ; и если нельзя будетъ выдвинуть противъ этого достаточно крупныхъ силъ, то возстаніе будетъ разбито и уничтожено. Во-вторыхъ, разъ возстаніе начато, надо дѣйствовать съ величайшей рѣшимостью и перейти къ наступательной тактикѣ (ergreife die offensive). Пассивно-оборонительная тактика есть смерть всякаго вооруженнаго возстанія; въ этомъ случаѣ оно будетъ проиграно еще раньше, чѣмъ удастся помѣряться съ врагомъ. Застигнутъ врасплохъ противникъ, пока ихъ силы раздроблены, разбѣяны, подготавливать изъ дня въ день новые успѣхи, хотя бы и незначительные; поддерживать тотъ моральный перевѣсъ, который даетъ первая удача; привлекать на свою сторону тѣ коблѣющіеся элементы, которые всегда слѣдуютъ лишь наиболѣе могущественному толчку и заботятся о своей безопасности; принудить врага отступать, пока онъ еще не успѣлъ собрать противъ насъ все свои силы; словомъ, употреблять выраженіе Дантона, величайшаго изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ знатоковъ революціонной тактики, — *смѣлость, смѣлость и еще разъ смѣлость!*» (Revolution und Kontrerevolution in Deutschland)...

ОПЯТЬ ИЗМѢНА!

(Письмо въ редакцію)

Въ борьбѣ съ «революціонной гидрой» наше абсолютистское правительство перепробовало многоразличныя средства,

отъ порки демонстрантовъ до «религіознаго единенія монарха съ народомъ» у quasi-мошей Серафима Саровскаго, отъ «временныхъ правилъ» до каторги и висѣлицы. Одни изъ этихъ средствъ — оригинальный продуктъ полицейскаго генія нашихъ господъ министровъ, другія вытасканы изъ пыли историческаго архива и пущены въ оборотъ, какъ уже не разъ испытанное оружіе. Война съ вѣишимъ непріятелемъ относится къ числу послѣднихъ.

Наше правительство упало рѣшилось поставить на карту борьбы съ врагомъ «хитрымъ, смѣлымъ и сильнымъ» насущнѣйшіе народныя интересы, чтобы въ искусственно-раздутымъ патриотизмъ найти себѣ поддержку, отвлечь общественное вниманіе отъ развѣдающихъ нашу родину лэвъ и въ громкихъ побѣдахъ явить доказательство своей «мощи».

Старый и, казалось бы, давно всѣми оцѣненный по достоинству фокусъ, отчасти, удался. Кое-кого правительству удалось провести. Народныя массы очень глухо отозвались на «патріотическія» зазыванія, или, если хотите, завыванія. Какъ и кѣмъ устраивались «народныя» манифестаціи, теперь всѣмъ извѣстно, кромѣ, развѣ, «обожаемаго монарха». (Даже инныя изъ легальныхъ «независимыхъ» газетокъ проговаривались на этотъ счетъ характерными признаніями.) Народъ словно чуть-емъ угадалъ, какую скверную игру затѣвали съ нимъ его благодѣтели изъ «управы благочинія».

Не дано было этого понять лишь цѣлѣ русской «хорошаго» общества, нашимъ либераламъ. Огромное большинство ихъ, отъ «консервативныхъ» (есте такіе удивительные «либералы!») до крайнихъ, отъ г. С-на изъ «Нет. Вѣд.» до г. Т. изъ «Освоб.», приняли посильное участіе въ «патріотической» вакханаліи. Конечно, въ различной степени и въ разной формѣ. Одни, пародируя Мининыхъ и Пожарскихъ, зычно вопіютъ: «Заложимъ женъ и дѣтей нашихъ, взбодримъ новый флотъ, ляжемъ костями за... Манджурію и Корею!» И несутъ свои сердца и кошельки (чаще чужіе!) къ подножью престола.

Другіе, поумнѣе, при всемъ пониманіи безцѣльности, вреда затѣянной войны, поражаются недумомъ косноязычія и хромотой на оба колѣна, какъ только пытаются установить вполнѣ опредѣленное отношеніе къ ней. «Война не нужна», — ясно начинаетъ литераторъ-освободитель, но... «да здравствуетъ армія!» прибавляетъ онъ, уже заплетающимся языкомъ. «Стыдно и грѣшно бросать трудовыя народныя деньги въ мрачную пасть алчнаго бога войны», но «вполнѣ паріотично», бормочетъ нашъ либералъ далѣе, — «ухлопать ихъ на правительственный Красный Крестъ, на помощь вольнымъ и невольнымъ сотрудникамъ Алексѣева и К^о.»

«Наша родина тысячами голосовъ зоветъ къ себѣ залѣчить уже нанесенной ей раны: внутри страны, а не въ степяхъ невѣдомой Манджуріи, мѣсто истиннымъ радѣльцамъ! Уидѣмъ изъ Манджуріи, отдадимъ Портъ-Артуръ, — не нуженъ онъ намъ!», — слышите вы убѣжденный голосъ. На минуту предъ вами истинный гражданинъ, котораго отъ «либерально-консервативныхъ» трибуновъ «Нет. Вѣд.» отдѣляетъ цѣлая пропасть. Но «мигъ одинъ» — и нѣтъ передъ вами гражданина, и вы уже слышите болѣе или менѣе печленораздѣльныя заявленія о томъ, что «разъ война началась, нельзя на войну не идти», при чемъ работа въ роли врачей и санитаровъ особенно усиленно рекомендуется, какъ самая самая невинная форма положить на алтарь отечества и свою «лепту вдовицы». Лже-патріотическій и лже-филантропическій туманъ застилаетъ слабый свѣтъ политическаго сознанія нашего оратора. Съ прочно занятой позиціи онъ быстро катится по наклонной плоскости внизъ и понадеваетъ въ радужныя объятія г. С-на и К^о.

О необходимости «обуздать разъ навсегда» Японію и Китай (!) и т. д. здѣсь, правда, нѣтъ рѣчи, но колѣнопреклоненіе передъ подгнившимъ самодержавнымъ треномъ совершается не менѣе явное и не менѣе постыдное.

Неистовства «патріотическихъ» чувствозіязвленій идутъ по всей линіи россійскаго либерализма! Земство, думы, напереры, спѣшатъ повергнуть къ стопамъ коронованнаго недоросля свои холонскія чувства, ташать въ его кассу десятки, сотни тысячъ и даже миллионы*). Недавние ярые оппозиционеры связываютъ теперь свое дѣло съ дѣломъ правительства, организуютъ санитарныя отряды, ѣдутъ сами лѣчить, ухаживать за ранеными.

*) Послѣднимъ обстоятельствомъ гг. земцы и думцы совершаютъ двойное преступленіе противъ своихъ плащальщиковъ: жертвуютъ средства, на военныя нужды вовсе непредназначенныя, и, совершая этотъ «патріотическій» актъ, не думаютъ посчитаться съ мнѣніемъ заинтересованной стороны.

«Что же их гонит? Судьбы ли вельнія», умысел ли тайный, неразумие ли открытое? И въ чемъ суть, въ чемъ соль той чечевичной похлебки, за которую либералы разныхъ отъѣзжиковъ продаютъ теперь свои политическія права: право ясно, опредѣленно, рѣшительно ставить правительству широкія требованія, рѣзко отмежевывать его авантюры отъ народныхъ интересовъ?

Отбросивъ невѣдомыя намъ вельнія судьбы, мы не ошибемся, если признаемъ наличность здѣсь и умысла, и неразумія, т. е. пережитковъ националистическаго предрасудка, отсугубляющаго широко понятнаго патристическаго чувства.

Сначала о послѣднемъ. Странѣ брошенъ дерзкій вызовъ. Какая то ничтожная Японія, страна коричневыхъ карликовъ осмѣливается загорудить дорогу первоклассной военной державѣ. Вдобавокъ, при первомъ же нападеніи диллппутовъ нарушены священнѣйшія (!) права (!) войны. Нельзя не отвѣтить коварному азіату сокрушающимъ ударомъ. Забѣта національная честь. Надо стать за нее грудью. Надо, слѣдовательно, кричать «ура» «державному вождю» арміи и флота. Ибѣтъ нужды, что его правительство само напросилось на этотъ вызовъ, само вовлекло страну въ опасный конфликтъ. Неважно также и все остальное: истощенность народныхъ средствъ, призракъ недаткаго финансоваго краха, ненужность новыхъ территорій. Какъ бы тамъ ни было, надо помочь Алексѣевымъ и К^о въ ихъ авантюристской игрѣ. Благородная гордость (читай: мизерное самолюбие) мѣшаетъ принять единственно честное и разумное рѣшеніе: смѣшать карты бесчестныхъ игроковъ, лишить ихъ всякаго довѣрія. Не хватаетъ яснаго гражданскаго сознанія, чтобы повторить по адресу высокопоставленныхъ авантюристовъ громовой окрикъ Герцена: «Куда ведутъ они насъ въ потьмахъ? Они сошли съ ума — долой ихъ съ козла, если не хотите съ ними грохнуться о землю!»

Но «престижъ Россіи будетъ подорванъ!» вопятъ вамъ на это «патріоты». И кѣмъ же подорванъ? Какой то тамъ Японіи! Ибѣтъ, въ бой! Трепите, барабаны, гремите, трубы!...

Престижъ Россіи... Но поймите же, наконецъ, господа, что имѣется матерьяльная разница между престижемъ страны и ея правителей. И если чья гордость будетъ уязвлена, чей кредитъ потерянъ, то только нашего жалкаго, неспособнаго, зарвавшагося правительства. Престижъ народа, сознаващаго, наконецъ, свои истинные интересы и заклеившаго игру въ темную своихъ слѣпыхъ вождей, только выростетъ. Вѣдь, всему міру извѣстно, до чего рѣзко политика «Императорскаго» правительства расходится съ запросами и нуждами народными. Извѣстно это и вамъ, господа. Вы подчасъ робко шепчете даже въ легальныхъ газетахъ о «печальномъ несоответствіи между остротою народныхъ нуждъ и способами ихъ удовлетворенія». Слѣдовало бы вамъ также знать, что бывають моменты, когда торжество правительства равносильно поражению народа, а рѣшительный разрывъ съ нимъ — единственное спасеніе. Исторія полна этими примѣрами. Стюарты, Бурбоны, Наполеонъ III, Меттернихъ, Николай I обезсмертили себя подвигами во вредъ своимъ народамъ. Николай Послѣдній стремится теперь побить рекордъ на этомъ почетномъ поприщѣ. Не видѣть, не понимать ихъ игры могутъ только слѣпые да Грингмутъ съ Мещерскимъ. Слѣдовательно, нечего вопить о паденіи престижа Россіи.

Однако несумѣнимъ отблѣить честь народную отъ престижа шайки звѣздоносныхъ бандитовъ тайна поведенія гг. либераловъ не можетъ быть разъяснена всецѣло. «Умыселъ» тутъ былъ — вотъ что съ несомнѣнностью явствуетъ изъ ихъ писаній. Однако опредѣлить его со всею точностью и взвѣсить во всю мѣру значенія очень трудно. Поскольку вождствія и тайные мотивы Талейрановъ либерализма поддаются уловленію, уразумѣнію, — они до крайней степени робки, наивны и утопичны.

Земства и думы, видите ли, потеряли всякій кредитъ въ глазахъ правительства своей оппозиционностью. Теперь самый удобный моментъ показать, въ какой степени «земля» способна стать на дѣло защиты «отечества» и его «Державнаго Вождя». Естественно «Высочайшее довѣріе» снова будетъ завоевано, кредитъ спасителей престижа выродившагося царька сразу поднимется, компетенція ихъ будетъ расширена, а, можетъ быть, ихъ даже «призовутъ»... Братски объединенные «въ годину всенароднаго бѣдствія», присяжные «забѣзжатели» изъ Мин. Вп. Дѣлъ и хронически «забѣзжаемые» Мирабо всякихъ ранговъ заработаютъ тогда во всю... Никѣ-Мишуѣ на славу, Грингмутамъ на утѣшеніе, отечеству на

посрамленіе, то бишь, на пользу. Традиціонныя, туманныя, бездоказательныя и воистину бессмысленныя мечтанія!

Въ чемъ гарантія этого грядущаго сотрудничества? Откуда явствуетъ, что послѣ побѣды надъ Японіей господамъ либераламъ преподнесутъ «права», а не угостятъ Всемиловнѣйшимъ пипкомъ и не вытолкаютъ, за ненадобностью, изъ переднихъ Зимняго дворца въ три шеи?!

Неисправимые фантазеры! Сколько разъ вы принимались строить грандіозные планы, спекулируя на завоеваніе «довѣрія» и отрекаясь отъ солидарности съ истинно-революционными элементами страны! И сколько пипковъ и дикихъ окриковъ значится въ багажѣ полученныхъ вами «монаршихъ милостей»? И все вамъ неймется!

Что вышло изъ вашихъ почтительнѣйшихъ адресовъ 78-го года, которыми вы сочувственно откликнулись на мольбу царя о помощи ему въ борьбѣ съ крамолой? Повальные аресты и ссылки! Что дала вамъ въ 80-хъ годахъ усердная травля народовольцевъ, въ почетномъ сотрудничествѣ съ молодцами 3-го отдѣленія? Васъ помазали по губамъ многообещающими разговорами да половинчатыми прожектами въ духѣ маргаритовой «народной политики». А окрикъ 95-го года, въ отвѣтъ на изъявленіе вѣрнопопдадническихъ чувствъ, и послѣ десяти лѣтъ революціоннаго воздержанія, — онъ не звенитъ еще въ вашихъ ушахъ несмыслимой обидой? Ужели и его успѣли забыть вы въ чаду внезапно обuviaвшихъ васъ военныхъ грезъ? Горько же будетъ ваше пробужденіе, господа, подъ дождемъ бичей и скорпіоновъ абсолютизма, которыми онъ обрушится на васъ, какъ только пройдетъ «година испытанія», и ему незачѣмъ станетъ носить маску.

Утопія о «довѣрії» нашла себѣ яркое выраженіе на страницахъ нашей легальной либеральной «прессы». Литераторамъ «Освобожденія» она, повидимому, чужда. Здѣсь кричатъ: «да здравствуетъ армія», въ цѣляхъ отысканія общей съ широкими народными слоями почвы, и рекомендуютъ работу въ Красномъ Крестѣ изъ филантропическихъ побужденій.

До крайности слабая позиція! Вѣдь, виваты арміи какъ разъ поддерживаютъ и усиливаютъ въ ней шовинистическій духъ. Въ нихъ косвенное освященіе преступной правительственной военной авантюры, призывъ къ побѣдамъ и одолѣніямъ, кои вовсе намъ не нужны, по признанію самого Струве. Въ нихъ затемненіе народнаго сознанія, а не просвѣщеніе. И неужели неоглядное море народныхъ страданій и неуклонная, смѣлая защита слабыхъ отъ произвола сильнаго недостаточно широкая почва для редактора «Освобожденія»? Неужели въ самомъ дѣлѣ нужно искать другой, сгибающейся въ перегибъ, изыскавая въ потугахъ обоюдострой дипломатіи? Неужели нужно играть, приспособляясь съ страстишкамъ простонародной и интеллигентной толпы, вмѣсто того, чтобы неустанно бороться съ ними? Ибѣтъ. Тыслчу разъ, нѣтъ!

Ясный, рѣшительный кликъ: «да здравствуетъ освобожденный народъ, и долой его палачей» уже нашелъ себѣ торный путь къ народному сердцу, — зачѣмъ же его мѣнять? А кому онъ неразумителенъ, предъ тѣмъ г. Струве — смѣемъ его увѣрить — все мечетъ цѣпты своего либеральнаго краснорѣчія и измышляетъ лозунги: нынѣшній союзникъ, его слушатель, завтра же, «отрезвившись», обратится противъ «смутьяна и соблазнителя», чтобы растерзать его...

Посмотримъ еще на силу и глубину либеральной филантропії. Находя зазорнымъ, негуманнымъ прямо участвовать въ манджурскомъ разбоѣ, многие считаютъ верхомъ гуманности, идя въ арьергардъ разбойниковъ — ибо, вѣдь, это чистый разбой — хозяйничанье на чужой территоріи! — косвенно способствовать организаціи и успѣху его. Не бѣда, что всѣми этими заботами о лазаретахъ и санитаріи, продовольствіи и прокормленіи отвлекаются и безъ того неизобильныя силы и средства за внутренняго театра войны, гдѣ онъ всего нужнѣе, гдѣ борются за коренное уничтоженіе самой возможности подобныхъ военныхъ авантуръ и соединенныхъ съ ними бѣдствій. «Гуманный» либералъ съ спокойнымъ сердцемъ покидаетъ поле сраженія съ самымъ абсолютизмомъ и спѣшитъ врачевать раны безчисленныхъ жертвъ его преступленій, его вольныхъ и невольныхъ пособниковъ. Это ли не узость филантропическаго чувства, это ли не близорукость во всѣхъ отношеніяхъ!

Намъ, господа, не мѣнѣе вашего жаль несчастныхъ дѣтей народа, слѣпо идущихъ на раны и смерть за чуждые имъ интересы, но спасеніе ихъ мы видимъ въ скорѣйшемъ и полномъ уничтоженіи нашего общаго врага — деспотизма, а не въ устройствѣ лазаретовъ. Пусть мертвые хоронятъ своихъ

мертвецовъ, — намъ не время! Изъ безчисленныхъ задачъ, навязываемыхъ жизнью, надо выбрать важнѣйшія, съ рѣшеніемъ коихъ падаютъ многія другія, а не разбрасываться въ разныя стороны: ковшомъ ручья не вычерпашь, если не уничтоженъ его источникъ!

Забывають также г-да близорукіе политики и филантропы, какъ важно для правительства ихъ якобы филантропическая дѣятельность, какъ гордо оно приливомъ вѣроподданническихъ пожертвованій и услугъ господъ оппозиціонеровъ! Urbi et orbi правительство узурпаторовъ торопится заявить, какъ народъ(!), общество, безъ различія партій, спѣшатъ внести свою лепту въ общее дѣло, стать вокругъ престола въ минуту опасности. Неужели вамъ не ясно, какимъ ореоломъ окружаете вы титулованныхъ проходимцевъ? Да и матеріальная поддержка тоже что нибудь значитъ: безъ Краснаго Креста немисливо теперь ни одно серьезное военное предприятие. Неужели и это трудно понять? Если да, то не ридитесь, господа, въ тоги единственно-истинныхъ выразителей народныхъ интересовъ. Вамъ мѣсто не въ рядахъ общественныхъ борцовъ, а въ губернаторскихъ благотворительныхъ комитетахъ, среди дамъ «просто пріятныхъ» и «пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ»!

Подведемъ итоги.

Въ серьезную минуту острой борьбы народныхъ и правительственныхъ интересовъ, осложненной важными военными обстоятельствами, либералы явили обычную неспособность отъѣхать положеніе, занять правильную позицію по отношенію къ борющимся партіямъ. Снова и снова послушно идутъ они на удочку туманныхъ полуубѣжденій и вздорныхъ приращеній нововременскихъ и иныхъ сивиллъ. Снова — близорукая политика, оргія лжепатриотизма, на благо абсолютизма и на погибель народа. Опять явная или скрытая измѣна народному дѣлу, и довести его до конца опять становится задачей исключительно однихъ революціонеровъ.

Однако, можетъ быть, это и къ лучшему. И во всякомъ случаѣ хорошо, что роли выяснились, когда еще не взвился занавѣсъ надъ сценой послѣдняго акта. Было бы гораздо больнѣе убѣдиться въ негодности союзника въ моментъ трагической развязки.

Большихъ надеждъ на либеральную оппозицію en masse мы никогда и не возлагали, считая вѣрнымъ товарищемъ лишь лучшую часть интеллигенціи — революціонно-соціалистическую. Однако, временами казалось, что годы политическихъ испытаній не прошли для оппозиціи даромъ и сдѣлали ее зрѣлѣе, умнѣй и смѣлѣй. Увы! Это былъ и есть лишь миражъ: за 25 лѣтъ наши либералы «ничего не забыли и ничему не научились!» Тѣмъ постыднѣе и тѣмъ хуже для оппозиціи. Наиболѣе умные и рѣшительные элементы ея теперь, мы надѣемся, отрясутъ либерально-оппозиціонный прахъ отъ ногъ своихъ и пополнятъ ряды революціонеровъ, ибо ихъ собственная партія непростительно обманула ихъ.

Оставьте же ее въ жертву ея собственной импотенціи, всѣ вы, въ комъ живо стремленіе идти прямымъ путемъ, — вамъ не товарищи эти «люди съ двоящимися мыслями, какъ трости, колеблемыя вѣтромъ, нетвердыя въ путяхъ своихъ!» Ихъ участь рѣшена, ихъ роль выяснена, судъ исторіи тяготеетъ надъ ними.

«Горе сердцамъ страшливымъ, и рукамъ ослабленнымъ, и грѣшникамъ, ходящимъ на двѣ стези!»

Группа съмыслныхъ социалистовъ-революціонеровъ.

ЧЕРЕЗЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ.

«Двѣнадцать разъ луна мѣнялась,
Луна восходила въ небесахъ,
А все осада продолжалась,
И поле смерти расширялось
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ».

*Написъ на памятникъ Нахимова
въ Севастополь.*

Помните ли вы тѣ дивныя страницы, въ которыхъ Толстой съ такой ужасающей простотой разсказалъ «эпопею Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій»?... Если онъ хоть немного поблѣднѣли въ вашей памяти, восстановите ихъ, восстановите обязательно — это будетъ теперь такъ кстати. Переживите опять всѣ тѣ ужасы и страданія, продумайте значеніе того моря крови, которое русский народъ пролилъ и ко-

торымъ онъ заплатилъ въ Севастопольскую кампанію за злые грѣхи и преступленія николаевского самодержавія. Повторяю, — это теперь будетъ такъ кстати. Вѣдь тамъ — за далекими тысячами верстъ — въ тотъ самый моментъ, когда вы читаете эти строки, такъ же льется кровь, которою русский народъ долженъ опять расплачиваться за чужіе счета по волѣ нынѣ неблагополучно царствующаго Николая II. Такъ же, какъ 50 лѣтъ тому назадъ, въ угоду и для выгоды власти имущихъ, широкой рѣкой льется красный потокъ крови и встаетъ всѣ ужасы смерти, убійства и войны. Рука самодержавнаго деспота въ одно мгновенье ока перебросила многія тысячи русскихъ жизней на Дальній Востокъ, поставила ихъ противъ открытыхъ жерлъ пушекъ, извергающихъ смерть и опустошеніе — и сколько крови, сколько слезъ, сколько невыносимыхъ страданій вызываетъ она теперь каждый день. Каждый часъ, каждую минуту. Насмѣшливая судьба какъ будто нарочно устроила этотъ кровавый пиръ какъ разъ въ пятидесятилѣтній юбилей Севастопольскаго избиенія. И изъ-за кроваваго тумана, окутывающаго событія при Чемульпо, Тюрнентѣ и Вафангоу, вырисовывается страшный Портъ-Артуръ, который до такихъ мелочей напоминаетъ Севастопольскіе батіоны. Неужели у насъ будетъ еще «эпопея Портъ-Артура»?

Если вы попадете теперь въ Севастополь, всѣ навѣрное охватятъ такіе же мысли, а когда вы посмотрите на поблѣднѣвшіе уже теперь слѣды севастопольскихъ ужасовъ, то негодование невольно обратится противъ тѣхъ, кто вызвалъ это приближающееся повтореніе Севастополя. Зачѣмъ самодержавію суждено передъ своей смертью совершить еще это преступленіе? Каждая капля крови, проливаемая теперь на полѣ битвы, должна пасть на головы виновниковъ войны, и, если такъ, то какой потокъ крови долженъ низринуться на русское самодержавіе! Нужды нѣтъ, что и теперь русский солдатъ умираетъ съ радостью «за царя-батюшку» — героизмъ часто соединяется со слѣпотой, и наша задача — задача всѣхъ революціонеровъ, искренно желающихъ блага своей родинѣ — заключается въ томъ, чтобы снять съ русскаго народа его слѣпоту. Всю свою энергію, всѣ силы мы должны теперь направить на то, чтобы разъяснить народу противъ кого и за кого онъ идетъ теперь на Дальній Востокъ. Мы должны выяснить общіе народныя интересы и интересы самодержавія, затронутые этой войной и такъ чудовищно перепутанные лживымъ официальнымъ языкомъ русскаго правительства. Мы должны требовать прекращенія войны, должны добиться того, чтобы слѣпо направленные теперь по приказанію злой воли самодержавія русскіе штыки, обратились противъ самого самодержавія, противъ настоящихъ враговъ русскаго народа. Это нашъ долгъ и наша обязанность, и этотъ долгъ налагается на насъ съ удвоенной силой настоящимъ историческимъ моментомъ.

127.583 русскихъ жизней погибло на Севастопольскихъ батіонахъ. Если вы умѣете читать по безмолвнымъ памятникамъ и по полустершимся слѣдамъ прежней жизни сможете возсоздать живыя и полныя трагизма картины прошлаго, — то побродите по севастопольскимъ холмамъ, гдѣ 50 лѣтъ тому назадъ рядами высились грозные батіоны, загляните въ музей севастопольской обороны и обязательно сходите на Братское кладбище. Кремлевныя ружья, зазубренныя и заржавѣвшія сабли, черныя чугунныя ядра, портреты севастопольскихъ героевъ и бѣлые ряды безмолвныхъ могильныхъ плитъ на братскихъ могилахъ съ высѣченными на нихъ крестами — разскажутъ вамъ много, много поражающаго, ужаснаго. Здѣсь, подъ каждой плитой, лежитъ 100-200 загубленныхъ жизней и исторія не написала на могилѣ ихъ именъ. Здѣсь именно лежитъ народъ русскій, который по выраженію Толстого былъ «героемъ эпопеи Севастополя». Какія ужасныя жертвы нужны были для хотя бы частичнаго возрожденія русской жизни, какую дорогую плату нужно было уплатить за черную Николаевскую реакцію...

Когда я выходилъ за ограду Братскаго кладбища, вниманіе мое невольно обратилъ на себя слѣдой, но на видъ еще бодрый старикъ, въ которомъ видна была какая то особенная николаевская муштра. И догадка моя оправдалась, — это, дѣйствительно, былъ николаевскій солдатъ, герой севастопольской эпопеи. 76 лѣтъ прожилъ старикъ на бѣломъ свѣтѣ и слѣпо служилъ вѣрой и правдой «царю-батюшкѣ» съ 47 г.! Не даромъ онъ и удостоился трехъ медалей и мѣста сторожа при кладбищѣ — это ли мало?

«И-и, Батюшка, какъ же не помнить, — вотъ, значить, былъ я при пушкѣ на тѣхъ самыхъ холмахъ въ 4-омъ батіонѣ».

нѣ (помните, читатель, что рассказываетъ объ этомъ «страшномъ четвертомъ бастіонѣ» Толстой?), а вопъ тамъ — видите, гдѣ лѣсокъ темнѣетъ, французы стояли. Все вотъ сейчасъ какъ живое вижу. Страхо то это, спервоначалу, а потомъ привыкаешь, да и какъ же, извините, не бояться? Идешь это, а рядомъ товарища убиваютъ, ажно кровь то горячая на тебя такъ и брызнетъ — сколько вотъ сюда товарищѣ прово-диль», и старикъ махнулъ рукой на кладбище. — «А вотъ и пушечка, значитъ, со шкуны, при которой я служилъ», — онъ погладилъ стоявшее рядомъ у воротъ чугунное чудовище, «какъ же, вмѣстѣ служили». — «Ну, французы — ничего, народъ хороший, храбрый, мы потомъ послѣ войны съ ними дружбу водили, ко мнѣ потомъ и въ гости часто ходили, такъ, бывало, много разговаривали. Вотъ тоже, знаете, сударь, когда у насъ это перемирие двухчасовое было, такъ вѣдь какъ ласково встрѣчались то, разговоры разговаривали. Ромомъ насъ угощали, колетой закусывали, ну а мы, конечно, что-же — не сухарь же гнилой имъ давать. Рюсю, говорятъ, боне, француз, — боне, инглишъ — не боне, туркъ — тѣфу! Народъ они славный, ласковый. А что подѣлаешь — мы для нихъ хороши, они для насъ хороши, а приказываютъ, вотъ и дерешься, — и они то вѣдь также. Служба». И старикъ покачалъ укоризненно головой. «А что, баринъ», вдругъ ожилъ онъ, «какъ теперь наши то тамъ? Бьютъ ихъ, сказываютъ? Да вотъ и вчера газету читалъ — наступленіе на насъ производятъ. Помоги имъ, царица небесная!» и онъ перекрестился.

Да, приказываютъ — и дерешься! Мы для нихъ хороши и они для насъ хороши, а приказываютъ! Жестокая сила, расчеты, выгоды власть имѣющихъ калѣчатъ и уродуютъ лучшія народныя чувства. Для злого дѣла совершаются великіе подвиги. А вечеромъ на Севастопольскомъ бульварѣ играла по обыкновенію музыка, по городу разносились нѣжные звуки вальса, пахло душистой бѣлой акаціей, пестрѣла веселая толпа гуляющихъ и пламя фонарей тихо колебалось, выглядывая изъ зелени. А съ неба глядѣли робкія звѣзды и таинственную вѣчную пѣсню пѣли, разбиваясь о берегъ, морскія волны. И кто изъ присутствующихъ вспоминалъ въ этотъ моментъ разыгравшуюся здѣсь 50 лѣтъ тому назадъ драму, кто изъ нихъ думалъ объ еще можетъ быть болѣе кровавой драмѣ, которую пушки разыгрываютъ теперь на берегахъ Тихаго океана? «По изрытой свѣжими взрывами, обсыпанной землѣ вездѣ валялись искорененные лафеты, придавившія человѣческіе, русскіе и вражескіе, трупы, тяжелыя, замолкнувшія навсегда чугунныя пушки, страшной силой сброшенныя въ ямы и до половины засыпанныя землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревенъ, блиндажей, и опять молчаливые трупы въ сѣрыхъ и синихъ шинеляхъ. Все это часто содрагалось еще и освѣчалось багровымъ пламенемъ взрывовъ, продолжавшихъ потрясать воздухъ» (Л. Н. Толстой).

Проѣзжіи.

ЗА КУЛИСАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА.

Русско-Турецкій союзъ.

М. В. Д.

Совершенно секретно.

Эриванское Жандармское Управление.

Копія съ секретнаго отзыва помощника Начальника Эриванскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія отъ 29 апр. 1904 г. Эривань.

По полученнымъ свѣдѣніямъ около 250 армянце перебрались изъ Турціи въ передѣлы Эриванской губ. и изъ нихъ 50 человѣкъ остались въ Сурмалинскомъ уѣздѣ, по армянскимъ селеніямъ, а остальные направились въ прочіе уѣзды Эриванской губ. Всѣ эти армяне вооружены и прибыли съ цѣлью группировать армянскую молодежь въ революціонныя банды, но пойдутъ ли они въ Турцію или остаются для безпорядковъ въ Эриванской губ. не выяснено. Главными дѣтелями группированія молодежи въ революціонныя банды и по сбору денегъ состоятъ жители селъ Игдиръ Сурмалинскаго уѣзда: Арташесъ Пахлавуні; онъ же предсѣдатель революціоннаго комитета въ селѣ Игдиръ «Газара петъ», Арташесъ Сусановъ и Вагаршакъ, сынъ Саака Бабадшалова, онъ же предсѣдатель другого районнаго комитета въ Сурмалинскомъ уѣздѣ. Вышеизложенное сообщая для свѣдѣнія Вашего на предметъ установленія въ районѣ вѣреннаго Вамъ надлежащаго наблюденія, на случай появленія армянъ-Сасунцевъ, съ цѣлью группировки армянской молодежи въ революціонныя банды.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ...

М. В. Д.

Секретно

Эриванскій губернаторъ.

Копія съ секретнаго предписанія Эриванскаго Губернатора 16 февр. 1904 г., № 24.

Александропольскому Уѣздному Начальнику.

По доходящимъ свѣдѣніямъ члены террористической армянской партіи пытаются пропагандировать среди населенія мысль, чтобы оно не обращалось къ сельскимъ властямъ по своимъ дѣламъ, а обращалось къ членамъ партіи, которые сумѣютъ рѣшить дѣло, а гдѣ нужно покарать виновнаго. Давая объ этомъ знать В. В., обратитъ серьезное вниманіе на пропаганду этого рода, и въ случаѣ, будутъ добыты свѣдѣнія о ней, принять всѣ мѣры къ задержанію виновныхъ и немедленно о каждомъ случаѣ мнѣ довести.

Подлинное подписали: Губернаторъ графъ Тизенгаузенъ и правитель канцеляріи Варченко.

Отъ Карскаго Военнаго Губернатора

Копія.

Совершенно секретно. Циркулярно.

Начальникамъ участковъ Карскаго Округа.

Начальникъ Эриванскаго Губернскаго Жандармскаго управленія, отзывомъ отъ 10-го сего апрѣля за № 702, увѣдомилъ Военнаго губернатора, что по указанію агента партіи военно-революціонной армянской организаціи въ городѣ Тіаисѣ сѣдѣлись съ разныхъ городовъ до 150 человѣкъ, принадлежащихъ къ означенной организаціи, и пробывъ нѣсколько дней, уѣзжаютъ въ Нахичевань Эриванской губерніи; по ихъ разсказамъ, въ Эриванской губерніи въ Карской области до 35 тысячъ, изъявившихъ желаніе войти въ составъ бандъ, при чемъ часть таковыхъ должна перейти въ Турцію непосредственно и черезъ Персію, а другая часть должна будто бы, произвести безпорядки въ предѣлахъ Россіи къ 1 мая сего года.

Давая объ этомъ знать, предлагаю г. начальникамъ участковъ вѣреннаго мнѣ округа принять самыя энергичныя мѣры къ обнаруженію формирующихся армянскихъ бандъ и къ недопущенію безпорядковъ во вѣренныхъ мнѣ районахъ.

О послѣдствіяхъ довести мнѣ.

(подпись.)

М. В. Д.

Карскій Военный Губернаторъ.

Копія съ совершенно секретнаго предписанія, 9 апр. 1904 г.

По добытымъ изъ достовѣрныхъ источниковъ свѣдѣніямъ, турецкимъ властямъ областей Малой Азіи, населенныхъ армянами, еще прошлою зимою стало извѣстно, что послѣдніе успѣли пріобрѣсти значительно количество оружія, патроновъ и динамитныхъ бомбъ, для производства возмущенія и вступленія въ борьбу съ своимъ правительствомъ съ весны текущаго года. Наиболѣе опаснымъ и малодоступнымъ центромъ, по изобилію горъ и лѣсовъ, гдѣ находятся въ настоящее время отъ 12 до 17 тысячъ вооруженныхъ армянъ, считается мѣстность Сасунъ. Турецкое правительство рѣшило уничтожить собравшихся въ Сасунѣ армянъ, если только путемъ переговоровъ съ главами партій, послѣдніе не выдадутъ оружіе. По этому турецкія войска стягиваются къ Сасуну и, по свѣдѣніямъ, приблизительно въ половинѣ сего мѣсяца или нѣскольکو позже произойдетъ столкновение ихъ съ Сасунскими сборщиками. Изложенное хорошо извѣстно руководителямъ армянскаго движенія въ Россіи и вообще армянскому населенію, почему первые рѣшили послать помощь въ Сасунъ въ видѣ вооруженныхъ партій; если же они по дорогѣ въ эту мѣстность будутъ обнаружены турецкими войсками, то при помощи мѣстнаго армянскаго населенія должны дѣйствовать противъ нихъ, дабы отвлечь ихъ отъ Сасуна и тѣмъ ослабить ударъ на Сасунцевъ.

Партіи, численностью каждая отъ одной до трехъ тысячъ человѣкъ должны перейти въ Турцію приблизительно въ половинѣ сего мѣсяца или немного позднеѣ, когда пути черезъ пограничный горный хребетъ значительно очистятся отъ снѣга по тремъ направленіямъ: двѣ черезъ Кагизманскій округъ, изъ нихъ одна черезъ Хорасанскій участокъ и одна черезъ Эриванскую губернію; по другимъ же свѣдѣніямъ изъ двухъ первыхъ партій одна перейдетъ черезъ Харасанскій участокъ, другая черезъ Олтинскій округъ. По свѣдѣніямъ, партіи имѣющія перейти черезъ Кагизманскій округъ, формируются въ Александрополь, въ Карсѣ, и въ Карскомъ округѣ и члены ея ко времени перехода сосредоточатся у границы, какъ это было осенью прошлаго года. Партіи получаютъ оружіе по дорогѣ, но неизвѣстно гдѣ.

Границы предполагаютъ перейти въ каждомъ направленіи въ нѣсколькихъ (2—4) пунктахъ, но одновременно. Давая объ этомъ знать предлагаю Вашему Высокоблагородію принять самыя энергичныя мѣры къ недопущенію формированія во вѣренномъ вамъ районѣ, армянскихъ вооруженныхъ партій и движенія таковыхъ къ границѣ. Кромѣ того, армянами въ первыхъ числахъ мая предполагается въ г. Карсѣ произвести безпорядокъ, о чемъ мною предложено Карскому полиціеистеру принять строжайшія мѣры и наблюденіе за армянами. О всемъ изложенномъ, заслуживающемъ уваженія, имѣете доносить мнѣ.

Вѣренн. губернаторъ: Самойловъ.

ВОЛЧІЙ ВИЛЕТЪ.

М. В. Д. Департаментъ полиціи по 3 дѣлопроизводству, 12 марта 1904 г. № 3486.

Совершенно секретно. Циркулярно.

Г. г. Губернаторамъ, Градоначальникамъ и Оберъ-Полицеймейстерамъ.

По сообщенію Тверскаго Губернатора въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, тотчасъ по вступленіи въ должность состава назначенной отъ правительства земской управы, одновременно, демонстративно отказались отъ службы нижепоименованныя лица медицинскаго персонала и завѣдывающіе различными хозяйственными операціями Новоторжскаго уѣзднаго и Тверскаго губернскаго земства, а именно: 1. Врачи: 1) Бердичевскій, Александръ Леонтьевъ. 2) Зайцевъ, Михаилъ Егоровъ. 3) Бирнштейнъ, Авалій Давидовичъ. 4) Кашенко, Всеволодъ Петровичъ. 5) Брауде, Нехамъ Овсѣевъ. 6) Попова, Софья Зосимъ. 7) Веревкина, Марія Дмитріевна. 8) Лопатина, Эмилія Николаевна. 9) Розанова, Серафима Матѣевна. 10) Монтвилло, Стопанъ Юрьевъ, ординаторъ Бурашевской колоніи для душевно-больныхъ. 11) Абрамовичъ, Францъ Викентьевичъ, старшій врачъ земской больницы. 12) Моклецовъ, М., земскій ветеринарный врачъ. 13) Зайцева, А., акушерка-фельдшерка. 14) Золотарева, Е., акушерка. 15) Грѣшнова, Клавдія Максимовна, фельдшерка-акушерка. 16) Рачинская, Р., фельдшерка-акушерка. 17) Рачинская, Ф., тоже. 18) Шуляковская, Г., тоже. 19) Чарова, Н., лѣкарская помощница.

II. Лица, служащіе въ земскихъ учрежденіяхъ: 1) Юрловъ, Александръ Степановичъ, завѣдывающій канцеляріей страхов. отдѣла. 2) Борисовъ, Иванъ Петровъ, помощникъ завѣдывающаго канцеляріей того же отдѣла. 3) Федуловъ, Михаилъ Васильевичъ, столоначальникъ того же отдѣла. 4) Слуховскій, Иванъ Осиповичъ, завѣдывающій отдѣленіемъ страхов. статистики. 5) Корженевскій, Степанъ Николаевичъ, завѣдывающій санитарнымъ отдѣломъ. 6) Дьячкова, Лидія Алексѣевна, счетчица того же отд. 6) Абрамовичъ, Марія Викентьевна, счетчица того же отд. 8) Ливановъ, Николай Ильичъ, счетчикъ статистическаго отд. 9) Андреевскій, Николай Ивановичъ, инженеръ по Зубцовскому у. 10) Барклай, Эдуардъ Яковлевичъ, помощникъ провизора земской аптеки. 11) Клевезаль, Евгений Робертъ, секретарь Губернской Земской Управы. 12) Потаповъ, Василій Петровичъ, писецъ въ конторѣ Бурашевской колоніи. 13) Андреевъ, К. Л., инженеръ. 14) Шилинъ, А. Ф., техникъ. 15) Коганъ, В. С., агрономъ. 16) Суховъ, В., помощникъ агронома. 17) Смирновъ, А., десятникъ. 18) Квашенинникова, Е., завѣд. Промухинскою читальнею. 19) Балкашина, Н., зав. кустар. отд.

Увѣдомляя объ изложенномъ, Департаментъ Полиціи, по приказанію Его Высокопревосходительства Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, имѣть честь покорнѣйше просить Васъ, М. Г., сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ вышепоименованныя лица, демонстративно покинувшія занимаемыя ими должности, въ случаѣ ихъ ходатайства объ опредѣленіи вновь на государственную или общественную службу, на таковую не допускались, а принятые уже были немедленно уволены отъ занимаемыхъ должностей. Подписать: Директоръ Лопухинъ, сcribes: дѣлопроизводитель Лемтюжниковъ.

ВОЙНА.

Наши официальные депеши съ театра войны стали предметомъ ядовитыхъ насмѣшекъ не только англійскихъ и нѣмецкихъ, но даже и французскихъ газетъ. Петербургскій корреспондентъ Matin, напримѣръ, называетъ «положительно ребячествомъ» (un véritable enfantillage) попытку главнаго штаба скрыть отъ публики такой фактъ, какъ взятіе японцами Кайпинга. Въ опубликованной штабомъ телеграммѣ ген. Сахарова подробно разсказывается ходъ военныхъ дѣйствій вплоть до 6 час. достопамятнаго дня, но умалчивается объ исходѣ битвы. Съ своей стороны Times сопоставляетъ тѣ-же телеграммы съ соотвѣтственными японскими и параллель куда не лестна для нашихъ предводителей. «Японскій генералъ (Оку) извѣщаетъ въ кратчайшихъ выраженіяхъ о характерѣ операцій и о ихъ результатѣ. Онъ опускаетъ не мало кое-чего такого, что весь свѣтъ, а въ особенности русскіе, желали бы знать; но то, что онъ выполняетъ, онъ излагаетъ въ выраженіяхъ, въ смыслъ которыхъ нельзя ошибиться... Не дается ни одного имени занимаемыхъ позицій или дѣйствующихъ полковъ; ни одного намека на характеръ мѣстности, войскъ или тактики. Непріятель, какъ бы ни былъ онъ проницателенъ, не сможетъ извлечь ни малѣйшаго полезнаго для него

свѣдѣнія изъ этого сухого, но вполнѣ яснаго отчета о томъ что сдѣлано... Съ другой стороны, русскій предводитель наговорилъ очень много, но не сказалъ почти ничего. Его обширныя телеграммы напичканы именами деревень и рѣкъ, которыхъ (какъ жалуются наиболѣе интеллигентная публика Петербурга), невозможно найти даже на самыхъ подробныхъ картахъ. Онъ не опускаетъ глазъ съ часовъ и отмѣчаетъ съ удручающей точностью время когда различныя части его силъ были принуждены отступать съ одной невыразимой алфавитомъ позиціи къ таковой же слѣдующей. И тѣмъ не менѣе онъ нигдѣ не говоритъ просто и ясно именно того, что составляетъ весь интересъ сообщенія — что онъ вытѣсненъ изъ Кайпинга, который теперь въ рукахъ японцевъ. Собственно, этотъ фактъ подсказывается всѣмъ его писаніемъ, но онъ закутанъ въ цѣлую тучу подробностей, многія изъ которыхъ имѣютъ мало значенія». А между тѣмъ, указываетъ далѣе корреспондентъ, ген. Сахаровъ — быть можетъ невольно — дѣлаетъ нѣкоторые разоблаченія; такъ, изъ его реляцій ясно, что русскія войска нигдѣ не въ состояніи были противустоять напору непріятеля свыше трехъ-четырехъ часовъ.

Корреспондентъ Matin намекаетъ на тѣ же стороны сахаровскаго донесенія, называя его «въ высшей степени куріознымъ документомъ, который не говоритъ ничего, а между тѣмъ разоблачаетъ все».

Вообще «благонадежный» корреспондентъ Matin недоволенъ скудностью свѣдѣній, сообщаемыхъ нашимъ военнымъ вѣдомствомъ. По поводу официального сообщенія о сраженіи при Да-ши-цзяо онъ пишетъ: «Послѣдняя телеграмма генерала Куропаткина поразила всѣхъ. Намъ обыкновенно сообщаютъ въ двухстахъ строкахъ о стычкахъ на аванпостахъ, объ убійствѣ какого нибудь часового или о раненыхъ лошадяхъ. И вотъ телеграмма въ пять строкъ о сраженіи, которое продолжалось два дня. Я могу съ достовѣрностью сообщить вамъ, что документъ этотъ содержалъ по крайней мѣрѣ тысячу словъ. И вотъ все, что намъ дали. Правда, и изъ этихъ пяти строкъ ясно видно, что войска генерала Келлера должны были отступить къ Ляо-Янгу».

Ошибочный расчетъ главной квартиры. По мнѣнію военнаго критика Frankfurter Zeitung, (помѣщающаго статьи за подписью «Старый Прусскій Офицеръ») и извѣстнаго за знатока военнаго дѣла, теперешнее положеніе русской арміи въ Манджуріи отчаянное и становится со дня на день хуже. Куропаткинъ, говоритъ онъ, находится въ несчастномъ положеніи полководца, который прикованъ къ мѣсту, не можетъ двинуться вслѣдствіе полнаго бездорожья, тогда какъ Куроки медленно, но вѣрно его обходитъ, отрывая отъ Мукдена, т. е. отъ подкрѣпленій и продовольственной базы. Такое положеніе создано, прежде всего, непониманіемъ въ русской главной квартирѣ мѣстныхъ топографическихъ и климатическихъ условий. Тамъ рассчитывали, что періодъ дождей, въ теченіи которыхъ выпадаетъ 74% годового количества влаги, — на мѣсяцы, если не дольше, остановить движеніе японцевъ, и тѣмъ дать нашему главнокомандующему время выждать подкрѣпленій изъ Россіи. Но царскіе стратеги забыли, что японцы находятся въ совершенно отличномъ отъ насъ положеніи: они размѣстились въ горахъ, каменная почва которыхъ не размочаетъ и съ которыхъ вся страшная масса воды, выпадающей въ это время, устремляется бурными потоками на глинистую равнину, гдѣ находятся русскія войска. Китайскія грунтовыя дороги представляютъ углубленіе въ почву (и умышленно такъ дѣлаются сельскимъ населеніемъ, которому прежде всего нуженъ стокъ съ полей) и потому превращаются въ водные каналы, часто значительной глубины; остальная почва размочаетъ и дѣлается липкимъ болотомъ; движеніе людей, обозовъ, артиллеріи — становится невозможнымъ. Японцы знали все это заранее. И вотъ, не смотря на начавшіеся ливни, они сосредоточили массу войскъ на югѣ и на востокъ отъ русской арміи, а передовые разѣзды Куроки появились на дорогѣ между Ляо-янгомъ и Мукденомъ. Появленіе японскихъ войскъ въ тылу русской арміи только и было возможно въ этомъ мѣстѣ, у Чангъ-Тай-цзе, ибо тутъ только манджурскія горы тлутся по сѣверному берегу рѣки Тай-цзе: по горамъ-то Куроки и прошелъ, почти безъ сопротивленія взявъ всѣ горные проходы, пока русскія силы были прикованы къ мѣсту раскисшей почвой. Тогда, понявъ дѣло, и Куропаткинъ кинулся на востокъ отнимать проходы; — кинулся въ надеждѣ смѣлой диверсіей разстроить японскія планы: но напелъ, что японцы слишкомъ сильны для него и дол-

женъ былъ снова отступить. Въ официальныхъ русскихъ депешахъ эти попытки отобрать назадъ проходы представляются не болѣе, какъ рекогносцировки; но военный критикъ Fr. Z. резонно говоритъ, что рекогносцировки предпринимаются не ночью (какъ было сдѣлано при попыткѣ отбить проходы), а днемъ, когда можно видѣть силы и расположеніе непріятеля, и что при рекогносцировкахъ никто не станетъ дѣлать упорныхъ приступовъ, стоящихъ большихъ жертвъ людямъ. «Рекогносцировками» попытки эти — пробиться на востокъ — названы потому, что онѣ не удались.

Англійскіе военные писатели вполне сходятся съ нѣмецкимъ относительно оцѣнки положенія Куропаткина, которое они называютъ «отнюдь не завиднымъ». Даже французскіе критики, увѣренные въ боевыя способности русскаго главнокомандующаго, признаются, что положеніе его «крайне трудное».

Значеніе потери Кайпинга. «Впрочемъ событіе это не имѣетъ никакого стратегическаго значенія» — такова фраза, предлагаемая отечественной публикѣ на закуску и официальными телеграммами, и «патріотической» прессой чуть не каждый разъ, какъ японцы выбьютъ насъ съ какой нибудь позиціи, заберутъ пушки и отправятъ къ праотцамъ нѣсколько сотъ, а то и тысячъ русскихъ людей. Но даже такой безусловно вѣрщій въ куропаткинскія способности «союзный» органъ, какъ Temps, совершенно иного мнѣнія о пораженіи у Кайпинга. «Потеря русскими Кайпинга», говоритъ парижская газета, «неизбѣжно влечетъ за собою потерю Ньючангга: послѣдняя же является фактомъ огромнаго политическаго и стратегическаго значенія. Утвердившись въ Ньючанггѣ, японцы будутъ отдѣлены отъ китайской территоріи однимъ лишь теченіемъ р. Ляо-го; въ ихъ рукахъ будетъ желѣзная дорога, оканчивающаяся на правомъ берегу этой рѣки, — дорога, на которой японцы имѣютъ множество своихъ агентствъ среди завѣдывающихъ ея эксплуатаціей; всѣ ресурсы этой мѣстности, одной изъ наиболѣе населенныхъ въ Манджуріи (80 жителей на квадратный километр), будутъ къ ихъ услугамъ; наконецъ, изъ Монголіи они въ состояніи будутъ подучать скотъ и лошадей. Хотя сѣтъ дорогъ въ нижнемъ теченіи Ляо-го и далека отъ совершенства, но все же безконечно благоприятнѣе для активныхъ операцій, чѣмъ та горная страна, гдѣ японской ярміи приходилось до сихъ поръ дѣйствовать. Перейдя на этотъ новый театръ военныхъ дѣйствій, она окажется въ близкомъ соосѣдствѣ съ войсками китайскаго генерала Ма. Всякому извѣстно, какія послѣдствія можетъ вызвать такого рода соосѣдство; вотъ почему не только Россія, но весь свѣтъ будетъ слѣдить за этими послѣдствіями съ большимъ безпокойствомъ».

«До сихъ поръ Ньючанггъ стоялъ во главѣ цѣлой системы русскихъ сообщеній и доставки продовольствія моремъ для Портъ-Артура. Этотъ важный источникъ теперь будетъ закрытъ для крѣпости, а военныя операціи на сушѣ восполнить дѣйствія японскаго флота въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ его наблюденіе за водами Ляотунгскаго залива было не вполне дѣйствительно».

Дорогая игра въ солдатики. Не разъ уже появлялись въ газетахъ извѣстія о томъ, что будто Николай II, въ интересахъ единства военныхъ дѣйствій на Востокѣ, убираетъ отсюда адмирала Алексѣева. Всѣ эти телеграммы оказываются, какъ и слѣдовало ожидать, благожелательными выдумками. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, взять Никѣ-Мишуѣ здраваго смысла на такой шагъ? А если бы кто и подсказалъ ему эту мѣру, то разнѣ онъ посмѣетъ идти противъ разъ посаженнаго себѣ на шею адмирала, грузнаго своими придворными связями? И вотъ теперь мы узнаемъ отъ ньючанггскаго корреспондента берлинскаго Localanzeiger, что Алексѣевъ продолжаетъ играть въ солдатики, не мало тѣмъ способствуя нашимъ поражениямъ. Телеграфируя отъ 11 іюля, этотъ корреспондентъ сообщаетъ, что Алексѣевъ велѣлъ устроить навѣсъ или крышу надъ тѣмъ роскошнымъ вагономъ, въ которомъ онъ живетъ (очевидно для символизациіи его готовности каждую минуту ринуться на японцевъ!), а вокругъ приказалъ развести цѣвники. Признаки осѣдлости, однако, отнюдь не означаютъ нежеланія намѣстника принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Совершенно наоборотъ: онъ отмѣняетъ приказанія Куропаткина и его штаба, задерживаетъ прибывающія изъ Россіи подкрѣпленія, которымъ дѣлаетъ смотръ, и посылаетъ начальника своего штаба два и три раза въ недѣлю въ Та-

ши-чяо для инспектированія распоряженій и диспозицій Куропаткина. Все это, увѣряетъ корреспондентъ, страшно раздражаетъ лучшихъ офицеровъ въ Мукденѣ; они готовы были бы открыто возмутиться противъ Алексѣева, «если бы не сознание, что отъ представителя царя не приходится освобождаться насильственными средствами». Ну, еще-бы! «Лучшее» офицерство, воспитанное въ понятіяхъ «военной чести» естественно считаетъ болѣе благороднымъ обречь на ненужную, бессмысленную смерть тысячи своихъ сѣрыхъ соотечественниковъ, падающихъ жертвами Алексѣевской игры въ солдатики, чѣмъ «нарушить воинскую присягу», арестовавъ Алексѣева. Это естественно. Когда, во время франко-прусской войны, въ главній квартиръ Базена всѣмъ стало ясно, что дальнѣйшее оставленіе его на посту главнокомандующаго означаетъ измѣну интересамъ націи и гибель арміи, то капитанъ Россель пытался составить заговоръ съ цѣлью ареста маршала, но не могъ найти достаточнаго количества офицеровъ: такой coup de main былъ обязательнъ съ точки цивической чести: но онъ былъ противенъ специальной «военной чести».

Вражда между Алексѣевымъ и Куропаткинымъ дошла до того, что Алексѣевъ издалъ указъ, по которому всѣ войска, которыя придутъ въ Мукденъ послѣ 1-го іюля, будутъ находиться въ полномъ его распоряженіи и, слѣдовательно, не будутъ состоять подъ вѣдомствомъ Куропаткина.

Повидимому и Скрыдловъ не пользуется симпатіями Алексѣева. Вскорѣ послѣ прибытія Скрыдлова въ Владивостокъ издатель «Харбинскаго Вѣстника» перепечаталъ изъ «Новаго Времени» горячую статью по поводу назначенія Скрыдлова на Дальній Востокъ. Намѣстникъ тотчасъ вытребовалъ къ себѣ издателя и задалъ ему головомойку за то, что онъ осмѣлился напечатать хвалебную статью Скрыдлову.

Численность и усиленіе арміи. Тотъ же корреспондентъ, настроенный, въ общемъ, весьма оптимистически, выражаетъ увѣренность, что такъ какъ Сибирская жел. дорога приведена теперь въ порядокъ, то къ осени ген. Куропаткинъ получитъ подкрѣпленія въ 200,000 человекъ и, «если, въ то же время, желѣзныи путь сможетъ также доставить необходимый провантъ и аммуницію для этихъ подкрѣпленій», то царскія войска могутъ взять верхъ. И такъ, вопросъ объ удачѣ или окончательномъ пораженіи, опять таки, технически, вертится на провозоспособности желѣзной дороги.

Расчеты этого корреспондента болѣе, чѣмъ подтверждаютъ царскимъ министромъ путей сообщенія кн. Хилковымъ, который наканунѣ заявилъ интервьюэру, что теперь Сибирская жел. дорога перевозитъ отъ 4000 до 5000 солдатъ въ день.

Но вотъ въ Temps, газетѣ крайне осторожной и благопріятствующей официальной Россіи, появилось письмо «европейца, который только что былъ въ Харбинѣ», и оно рисуетъ намъ совсѣмъ иную картину.

«Европеецъ» утверждаетъ, что ни одна изъ враждебныхъ попытокъ повредить жел. дорогу — какъ со стороны японцевъ, такъ и со стороны китайцевъ — не причинила желѣзнодорожному движенію серьезныхъ затрудненій. Нѣсколько мостовъ, испорченныхъ или разрушенныхъ непріятелемъ, были почти тотчасъ же возобновлены. Не таковы затрудненія, представляемая самою природой. «Въ теченіи пятнадцати дней, примѣрно съ 25 апрѣля по 10 мая н. с., не прибыло ни одного военнаго поѣзда на театръ военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе вскрытія льда на Байкалѣ, а также, можетъ быть, и потому, что у Кайлара дождями снесло мостъ»). Сезонъ манджурскихъ дождей протянется не мало времени, и если принять во вниманіе, говоритъ путешественникъ, что рельсы уложены въ Манджуріи безъ балласта, то надо ожидать размывовъ».

«Сибирскую жел. дорогу можно теперь считать въ полномъ дѣйствіи. Для урегулированія ея движенія посланы сюда лучшие люди». При всемъ томъ, понадобилось 28 дней, чтобы перевезти одинъ только четвертый корпусъ (Сибирскій!). Такъ какъ численность его равна 45,000 человекъ, то выходитъ, что желѣзныи путь доставлялъ въ Ляонгъ, среднимъ числомъ, по 1600 чел. въ день. Я полагаю, что можно разсчитывать на перевозку, въ день, въ среднемъ, 1500 чел. и даже, быть можетъ, чуть-чуть больше». (Мы знаемъ со словъ одного изъ

*) По сообщеніямъ же нѣмецкаго полковника Гэдкэ, находящагося въ Мукденѣ, кризисъ продолжался до 23 дня — съ 15 апрѣля по 7 мая!

строителей дороги, что и эта цифра преувеличена. См. Рев. Рос. № 49, стр. 12).

«Меня уверяли, что ген. Куропаткин имѣлъ къ седьмому июню отъ 110,000 до 120,000 человекъ (конечно, не считая войскъ въ Портъ-Артурѣ)*). Считаю по одному новому корпусу въ мѣсяцъ (а мы видѣли, что онъ можетъ надѣяться имѣть даже нѣсколько больше), у него будетъ къ 15 сентября три лишнихъ корпуса, т. е. 130-140 тысячъ свѣжихъ войскъ, а всего — армія въ 250,000, которая дастъ ему возможность перейти въ наступленіе».

Улита ѣдетъ, когда то будетъ!... а въ три мѣсяца многое можетъ случиться, особенно, если принять во вниманіе, что у японцевъ уже сейчасъ на театрѣ военныхъ дѣйствій не менѣе 200,000 войска, безъ сравненія превосходная артиллерія, образцовый комиссариатъ, развитое въ офицерахъ чувство ответственности передъ общественнымъ мнѣніемъ, и что ген. Куроки уже обходитъ Куропаткина. Во всякомъ случаѣ цифры, вполнѣ благожелательнаго корреспондента Temps, показываютъ, что свѣдѣтельство кн. Хилкова было предназначено, какъ выражаются англичане, «для домашняго употребленія», т. е. для отечественной публики.

Составъ русской арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій описывается слѣдующимъ образомъ корреспондентомъ парижскаго Le journal, осмотрѣвшимъ лично русскія позиціи отъ Мукдена и Ляоянга до аванпостовъ къ югу отъ Кайпинга: «Если русскому флоту не удастся захватить въ свои руки господство на морѣ, то, полагаютъ, Россія не въ состояніи будетъ одержать верхъ; развѣ только она немедленно сдѣлаетъ чрезвычайныя усилія, чтобы доставить на Дальній Востокъ нѣсколько армейскихъ корпусовъ, составленныхъ изъ наилучшихъ европейскихъ войскъ. По мнѣнію экспертовъ, войска, набранныя въ Сибири, храбры; но тѣ, которыя до сихъ поръ были въ дѣлѣ, скорѣе могутъ быть названы милиціей, чѣмъ регулярными войсками, такъ какъ состояли преимущественно изъ запасныхъ или малообученныхъ рекрутовъ. Нѣкоторыя изъ артиллерійскихъ частей получили скорострѣльные орудія всего два мѣсяца тому назадъ. Полковники чистосердечно признаются, что ихъ солдаты не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, обращаться съ этими пушками... Даже постороннему наблюдателю ясно, что особая нужда чувствуется именно въ усиленіи артиллеріи и въ болѣе опытныхъ артиллеристахъ. Кавалеріи слишкомъ много; часто она совершенно бесполезна, такъ какъ страна гориста; напротивъ того, пѣхоты и артиллеріи не хватаетъ». Корреспондентъ далѣе положительно утверждаетъ, что Портъ-Артуръ не можетъ разсчитывать ни на какую диверсію со стороны русской арміи ранѣе сентября, и что это отлично извѣстно японцамъ.

Слишкомъ поздно! Авторитетный военный обозрѣватель «Frankfurter Zeitung», извѣстный «старый прусскій офицеръ» пишетъ: «Слишкомъ поздно! Эти слова можно было бы написать по поводу всѣхъ русскихъ предпріятій въ теченіе настоящей войны. Слишкомъ поздно ген. Куропаткинъ рѣшился двинуть отрядъ войска на югъ для освобожденія Портъ-Артура. Слишкомъ поздно задумалъ онъ снова занять Модулинскій проходъ. Слишкомъ поздно также замѣтилъ онъ необходимость эвакуировать Да-ши-цзяо и Нью-Чжуанъ. А главное слишкомъ поздно убѣдился онъ въ необходимости общаго отступленія на сѣверъ; это единственный путь спасенія, и я сильно боюсь, что этотъ путь уже не свободенъ».

Объяснивъ далѣе, какую страшную угрозу, для отступающаго русскаго войска, представляютъ войска Куроки, приближившія уже къ гористымъ окрестностямъ Мукдена, авторъ замѣчаетъ: «Въ настоящее время должно быть обращено все наше вниманіе не на положеніе Портъ-Артура, а на положеніе самого Куропаткина. Рѣшительно безразлично, падетъ ли Портъ-Артуръ сегодня или черезъ нѣсколько недѣль. Это не окажетъ никакого вліянія на ходъ войны, тогда какъ участіе Куропаткина будетъ имѣть огромное значеніе. Отъ участія этого генерала зависить дальнѣйшее поведеніе Россіи, которая, въ качествѣ азіатской державы, въ случаѣ крайней необходимости, быть можетъ, для временнаго своего спасенія увидитъ выходъ въ томъ, чтобы вызвать общую войну».

*) Корреспондентъ Таймса, свѣдѣнія котораго до сихъ поръ всегда оправдывались дѣйствительностью, и эту цифру считаетъ преувѣличенною: по его словамъ, 28 июня (н. с.) у Куропаткина было всего 20,000 въ строю.

Это послѣднее опасеніе высказывается не однимъ только «старымъ прусскимъ офицеромъ». Безцеремонный захватъ и уничтоженіе торговыхъ судовъ нейтральныхъ націй вызвали въ послѣднее время во многихъ органахъ европейской прессы опасеніе, что русское правительство потеряло надежду на удачный исходъ войны и потерявъ голову, старается создать всевозможныя осложненія, вызвать всеобщую суматоху и втянуть въ войну и другія державы.

Заботливость ген. Штакельберга о раненыхъ. Послѣ сраженія при Вафангоу оказалось такое огромное количество раненыхъ, что рѣшительно не знали куда ихъ помѣстить. Такъ какъ у ген. Штакельберга имѣется свой собственный поѣздъ, то хотѣли было помѣстить тамъ часть тяжело раненыхъ офицеровъ, но генералъ энергично воспротивился этому. Ему, видите ли, самому нездоровилось; во вторыхъ, онъ приберегалъ этотъ поѣздъ для своей жены и сестры, которыя сопровождаютъ его на войнѣ и ухаживаютъ за нимъ. Кромѣ того, часть одного вагона занята короной, которая повсюду слѣдуетъ за генераломъ и его семьей. Во время большихъ жаровъ генералъ приказываетъ постоянно поливать крыши его вагоновъ свѣжей водой, которую, какъ мы уже сообщали, очень трудно достать, такъ что ее приходится возить съ собою въ особыхъ вагонахъ-цистернахъ. Пусть раненые глотаютъ свою собственную слюну, въ то время, какъ водою будутъ поливать крышу, чтобы его превосходительству не было жарко.

Измѣна. По свѣдѣніямъ европейскихъ газетъ, съ мѣсяцемъ тому назадъ покончили съ собою въ Петропавловской крѣпости офицеръ Ивковъ, содержавшійся тамъ, по обвиненію въ продажѣ иностранной державѣ важныхъ документовъ и плановъ. Вообще, чувство специально военной чести, «чеги мундира», — столь усердно культивировавшееся въ арміи со времени Александра III — до поощренія офицерскихъ дуелей включительно — оказывается пахотымъ суррогатомъ обыкновенной, общечеловѣческой чести, какъ это показываетъ не только лѣзущее изъ всѣхъ щелей обкрадываніе солдатъ, раненыхъ, казны въ трудную для государства минуту, но и необыкновенно участившіеся случаи государственной измѣны, предательства съ корыстной цѣлью.

Съ театра войны. Изъ-подъ Ляо-яна сообщаютъ, что тамъ зимой прибывающіе войска располагались прямо въ открытомъ полѣ. — Ни палатокъ, ни землянокъ, ничего. Спали люди прямо на снѣгу. Потомъ стали рыть землянки: вырываютъ аршинъ въ землю, сверху покрываютъ жердями и землей. Сыро, холодно въ этой собачьей норѣ. — Тутъ живутъ русскіе солдаты. Половина хвораетъ и отправляется по лазаретамъ прежде, чѣмъ увидитъ непріятеля.

Въ портъ-артурской арміи солдатамъ только разъ въ недѣлю давали горячую пищу. Изнуренный народъ не выдержалъ и возмущился одинъ баталіонъ. Алексѣевъ, говорятъ, велѣлъ десятого разстрѣлять и такъ усмирить бунтъ.

Штабъ Алексѣева состоитъ изъ 150 человекъ; штабъ Куропаткина — изъ 100 человекъ, а Ливенчика — изъ 50 человекъ. А солдаты живутъ въ собачьихъ норахъ и ѣсть имъ нечего.

Духъ неподчиненія въ войскахъ. Соціалистическій Naprzod, издаваемый въ Краковѣ и демократическій Courier Lwowski сообщили о въ высшей степени важныхъ происшествіяхъ на югѣ Россіи. Призванные на дѣйствительную службу запасные 33, 34, 35 и 36-го стрѣлковыхъ полковъ, расположенныхъ въ Полтавѣ, Харьковѣ и Кременчугѣ, отказались идти на Дальній Востокъ. Почти каждая рота, говорятъ сообщенія, заявила своему командиру, что она не пойдетъ въ Манчжурію. Въ одномъ Харьковѣ число мѣтежныхъ солдатъ простиралось до 1800. Происшествія эти, естественно, вызвали величайшую тревогу въ Военномъ Министерствѣ и въ официальныхъ сферахъ вообще. Въ соответственные мѣста послали изъ Кіева ген. Сухоминовъ, начальникъ юго-западнаго военнаго округа; изъ Одессы былъ спѣшно вызванъ ген. Каульбарсъ, который и явился въ Полтаву за два дня до пріѣзда туда царя съ послѣднимъ. Въ то-же время приняты были мѣры къ усмирению. Въ Кіевѣ шесть полковъ были предварительно «оздоровлены», т. е. всѣ евреи, вольноопредѣляющіеся и грамотные солдаты были отдѣлены и оставлены въ казармахъ, а безграмотные направлены въ Харьковъ, Кремен-

чугъ и Полтаву. До усмирення, однако, дѣло не дошло, ибо, по увѣренію сообщеній, запасные въ концѣ концовъ сдались на увѣщанія генераловъ и самого царя, который за этимъ-то и разбѣжалъ по упомянутымъ выше и другимъ городамъ. Пока о преданіи военному суду ничего не слышно; да и едва-ли оно возможно въ виду огромнаго числа мятежныхъ солдатъ.

Московский корреспондентъ Morning Leader'a подтверждаетъ сообщенія польскихъ газетъ. «Эти многознаменательныя событія», говоритъ онъ, «стали съ тѣхъ поръ всепоглащающимъ предметомъ разговоровъ въ военныхъ кругахъ. ...«Великобѣпныя встрѣчи» царя (въ Кременчугѣ, Полтавѣ и Харьковѣ) были устроены оффиціальными усилиями, а «проявленія народнаго восторга» въ этихъ трехъ мѣстахъ — не болѣе, какъ необузданная беллетристика, выходящая изъ-подъ пера придворныхъ и оффиціальныхъ хроникеровъ».

Недостатокъ въ деньгахъ у русскаго правительства сказывается все съ большей и большей силой. Сдѣланный заемъ не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ военнымъ министерствомъ для веденія войны, — теперь ужъ не на парижской, а на нѣмецкой биржѣ циркулируютъ слухи о нуждахъ русскаго правительства, о его предложеніяхъ и о высокихъ процентахъ которые, оно будетъ платить...

Въ № 24 нѣмецкаго биржеваго органа «Plutus» появилась слѣдующая характерная замѣтка:

«Россия хочетъ испытъ до дна всю чашу новыхъ займовъ. Нѣтъ никакой сомнѣнія въ томъ, что она нуждается въ новыхъ денежныхъ средствахъ и что слѣдующій заемъ совершится въ Германіи.»

Все снова и снова выплываетъ слухъ, что переговоры о займѣ въ полномъ ходу. Еще на дняхъ пущенъ былъ въ свѣтъ пробнаго шара слухъ о томъ, что представители банковъ Мендельсона и Варшауера были приглашены въ Петербургъ. Что потомъ это было опровергнуто, само собой понятно. Дѣло шло вѣроятно лишь о попыткѣ выяснить настроеніе общественнаго мнѣнія въ Германіи.

Наше общественное мнѣніе держитъ себя съ бросающейся въ глаза сдержанностью, — и всетаки наступило время говорить. Давно пора. Тотъ фактъ, что Плене, интеллектуальный виновникъ еврейскихъ погромовъ въ Кишиневѣ, вдругъ объявляетъ русское законодательство о евреяхъ неудовлетворительнымъ и нуждающимся въ измѣненіи, кажется намъ столько-же подозрительнымъ, сколько и появившіяся извѣстія о скоромъ заключеніи русско-германскаго торговаго договора. *) Похоже на то, что Россія за сдѣланный у насъ заемъ, готова намъ заплатить наши высокіе пошлины. Понятно, намъ слѣдуетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы заключить выгодный договоръ... И если графъ Бюловъ теперь не счѣмъ за жечъ свой дипломатическій огонь, то онъ его и никогда не счѣмъ за жечъ. Другой вопросъ совершенно — не будетъ ли слишкомъ высока та цѣна, которую мы заплатили Россіи, осчастлививъ наше общество новымъ русскимъ займомъ.

Во всякомъ случаѣ — выразительница общественнаго мнѣнія — пресса должна все сдѣлать, чтобъ выяснитъ нашимъ капиталистамъ качество русскихъ займовъ».

Благовѣщенскъ (на Амурѣ). Когда началась война, слѣшно стали собирать запасныхъ. При этомъ обнаружилось два характерныхъ явленія: съ одной стороны, выяснилась полная наша неподготовленность; съ другой, — запасный оказался не такимъ безответнымъ, какъ новобранецъ. Для запасныхъ помѣщеніе отдели сырое. Мебели никакой. Кормили соленой рыбой. Даже чаю не давали. Имъ давали, какъ сами запасные увѣряютъ, только половину положеннаго, а остальное офицеры кляли себѣ въ карманъ. По этому поводу запасные говорятъ, что какъ только дѣло дойдетъ до открытаго сраженія съ японцами, первыя пули будутъ направлены на своихъ офицеровъ.

На этой почвѣ стали возникать недоразумѣнія между солдатами и офицерами. Одного солдата приговорили къ розгамъ. Четверо товарищей отказались произвести экзекуцію. За это ихъ предали военному суду.

Когда отсюда отпирался первый эшелонъ на войну еще зимнимъ путемъ, старшій сопровождавшій офицеръ слишкомъ изнурялъ солдатъ большими переходами. Младшій офи-

церъ эшелона попробовалъ урезонить старшаго; произошла ссора, въ результатѣ младшій застрѣлилъ старшаго.

Съ открытіемъ навигаціи отправляли отсюда запасныхъ на пополненіе убыли въ дѣйствующей арміи. Наканунѣ отправки запасныхъ посадили на баржу и отвели отъ берега: не дали даже съ семьями проститься. Поднялся шумъ. Многие бросались въ воду. Когда пришелъ батальонный командиръ, его затюкали. Появился губернаторъ. Его встрѣтили свистками. Тогда баржу подвели къ берегу, выбрали 47 человекъ и выпоролы, а затѣмъ отправили на войну.

Одинъ офицеръ Вржосекъ ударилъ въ казармѣ запаснаго унтеръ-офицера. Солдаты расшвырнули и бросились на Вржосека со штыками. Но ему удалось отбиться и уйти. Трехъ солдатъ приговорили къ расстрѣлу. Будетъ-ли приведено въ исполненіе, неизвѣстно.

Щигры, Курской губ. Къ 3 или 4 іюня въ Щиграхъ собралось болѣе 3 тысячъ (по другимъ свѣдѣніямъ — болѣе 5 тысячъ) запасныхъ. Въстѣ съ родственниками число ихъ доходило до 8 тысячъ человекъ. Съ самаго начала мобилизаціи они обнаруживали рѣзкое недовольство своимъ положеніемъ: впереди — хорошо знакомая солдатчина со всѣми ея прелестями, позади — осиротѣлая семья, брошенная на произволъ судьбы въ такое время, когда «большакъ» особенно нуженъ ей. Возмутительный произволъ городскихъ и сельскихъ властей въ вербовкѣ солдатъ еще болѣе усиливаетъ раздраженіе. Докторъ Длянченко, произведшій осмотръ новобранцевъ, воинскій начальникъ Цвинитitze, дѣлопроизводитель, писарь, волостные старшины и писаря брали и отпускали направо и налево. Говорятъ, что число освобожденныхъ и неявившихся по тѣмъ или другимъ причинамъ доходило до 300 чел. Ко всему этому присоединились еще и всевозможныя злоупотребленія по продовольствію солдатъ. Ихъ кормили вмѣсто говядины — легкими и печенками, да и то многимъ не доставалось. Если прибавить еще, что «монопольки» были закрыты, а припасы съѣстные удвоились въ цѣнѣ, то причины бунта будутъ ясны.

Бунтъ начался 5-аго днемъ — кажется, съ того, что городской ударилъ одного запаснаго, а тотъ схватилъ оглоблю и бросился за нимъ. Къ нему присоединились другіе, и вымгъ бунтовской нылъ охватилъ толпу. Тревожные свистки надзирателя (дѣло происходило около асти) не помогли, и онъ далъ тягу; городовые удрали на каланчу. Тутъ то и началось... Избили какого-то урядника, затѣмъ пошли гулять по городу. Всѣ лавки моментально закрылись. Во главѣ бунтарей стали: пьяный соборный пѣвчій Овечкинъ, Балаховскій — тоже мѣстный житель и какіе то рабочіе, изъ которыхъ особенно отличался рослый дѣтина, прозванный Куропаткинымъ. Армія «Куропаткина» двинулась на магазинъ купца Голева (который долженъ былъ идти на войну, но по какимъ то причинамъ зачисленъ былъ только въ ратники ополченія). Перепуганный на смерть Голевъ удовлетворилъ ихъ какой то суммой. Въ то же время осадѣ подверглась бучанная Полякова. Поляковъ черезъ заборъ побросалъ толпѣ весь свой хлѣбъ, колбасу и пр.

Вечеромъ толпа кинулась на одну изъ казенныхъ лавокъ. Лавка осталась въ цѣлости, но за то былъ разбитъ находившійся при ней винный складъ и оттуда растащено ящикомъ семь вина. «Водка царская и мы царіе — говорили солдаты — такъ какъ же намъ ее не пить?» Всѣ эти сцены происходили при безчисленномъ множествѣ зрителей, которые болѣе или менѣе одобрительно встрѣщали каждую выходку солдатъ. Надо замѣтить, что особаго буйства запасные не производили. Нѣкоторые очевидцы сообщали даже, что бунтари вели себя съ нѣкоторымъ тактомъ, объясняя свое поведеніе какъ протестъ противъ начальническаго произвола и своего стѣсненнаго положенія. Вообще, въ бунтѣ было больше комическаго, нежели трагическаго.

Между тѣмъ «власти» пришли въ паническій ужасъ. Въ Курскъ было послано требованіе прислать солдатъ для усмирення. Протопопъ (или вѣрнѣе — протоіезуитъ) Гавріилъ Васюктинъ вздумалъ было успокоить новобранцевъ кроткими увѣщаніями и съ этою цѣлью прошелъ съ крестомъ въ рукахъ къ городскому саду, куда собралась толпа запасныхъ въ намѣреніи разбить бучетъ. Но его встрѣтили рѣзкими насмѣшками и какъ онъ не заговаривалъ насчетъ повиновенія властямъ, которые отъ Бога поставлены, толпа колко обрывала его. Попъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и, наконецъ, вынужденъ былъ позорно бѣжать.

На другой день озлобленной толпѣ попался писарь. Онъ

*) Договоръ этотъ уже заключенъ.

взялъ деньги съ нѣкоторыхъ, но не освободилъ. Теперь у него потребовали обратно эти деньги. Писарь какъ-то замаялся. На него набросились и жестоко избили. Какимъ то чудомъ ему удалось бѣжать. Тутъ же поволокли еще какого то восточного старшину.

Дошло до того, что стали гоняться за всѣми, у кого была фуражка съ гербомъ.

Прослышали запасные, что одинъ изъ нихъ посаженъ въ часть; немедленно бросилась къ части огромная толпа и потребовала освобождения арестованнаго. Перегнанная полиція принуждена была уступить. Этимъ не кончилось бы, еслибы не слезныя просьбы исправника. Онъ безъ шапки ходилъ въ толпѣ, дѣловалъ солдатъ и раздавалъ имъ деньги, упрямывая ихъ успокоиться. Деньги и небывалая кротость начальства подѣйствовали. Толпа умилилась, подняла исправника на руки и носила его по улицѣ...

Но уже прѣхало изъ Курска человекъ 50 солдатъ. Гдѣ-то раздавалъ нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ и безпорядка какъ не бывало. Запасныхъ стали спѣшно разсаживать по вагонамъ.

Нѣсколько человекъ было арестовано и въ томъ числѣ Балахановъ и Овечкинъ. Теперь они уже всѣ выпущены, за исключеніемъ Овечкина.

Такъ кончились Щигровскіе «іюньскіе дни».

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Послѣднія жертвы Плеве. Какъ прошлые №№, такъ и этотъ, намъ приходится заполнять въ значительной степени свѣдѣтельствами о все усиливавшейся реакціи, проявляющейся въ возмутительномъ обращеніи съ политическими ссыльными и въ провокаціи съ ихъ стороны мѣръ сопротивленія. Старая кровавая политика палача Плеве и — его послѣдніе достойные шаги.

Около Нохтуйска, партіи политическихъ, слѣдовавшихъ по Ленѣ на паузкахъ (родъ большой крытой лодки), пришлось пережить тяжелую драму. Начало ея читатель увидитъ изъ прилагаемаго письма Шаца къ товарищамъ на волѣ, живущимъ на пути слѣдованія партіи и повидаться съ которыми Шалу не удалось. «Дорогіе, врядъ-ли увидимся. Почему, — очень много пришлось бы говорить. Тотчасъ по прѣздѣ въ Якутскъ я вамъ напишу. Въ дорогѣ пришлось много пережить: страшно много было столкновеній, столкновений кровавыхъ*). У насъ есть тяжело раненый. Ко всему надо добавить, что нашъ офицеръ самодуръ и нравственный уродъ. На дняхъ, въ 3 часа ночи они послали двухъ солдатъ привести ему одну изъ нашихъ женщинъ и приказалъ въ случаѣ нашего сопротивленія взять ее силой, а насъ бить прикладами. Солдаты отказались исполнить его требованіе. Мы послали объ этомъ телеграмму, заявленіе въ Петербургъ и Иркутскъ».

А вотъ и краснорѣчивый текстъ телеграммы: Срочная. Петербургъ. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, копія Иркутскому Генералъ-Губернатору. Поручикъ запаса Сикорскій, сопровождающій отдѣльнымъ паузкомъ партію политическихъ, вышедшую изъ Александровска 15 мая, производитъ самыя возмутительныя издѣательства надъ всѣми, особенно надъ женщинами. 4 іюля, вызвавъ политическую Ревекку Вайнерманъ на свой паузокъ, закрывъ двери, дѣлалъ гнусныя предложенія, предлагалъ деньги, грозя силой. Снявъ дверной крючокъ Вайнерманъ вырвалась, сопровождаемая гнусными ругательствами. 7 іюля въ 3 ч. ночи черезъ солдатъ Полканова и Борзова приказалъ привести Вайнерманъ немедленно хотя-бы связанной, сопровождаая приказаніе циническими указаціями, какъ бить ее; остальныхъ политическихъ удерживать ударами прикладовъ и штыковъ. Приказаніе пока не исполнено. Поручикъ настойчиво повторяетъ приказаніе. Отношенія обостренныя. Предлагаемъ Вашему Высокопревосходительству обезопасить насъ отъ позорящихъ выходовъ и поступковъ офицера. Малѣйшее проявленіе насилія вызоветъ самое отчаянное сопротивленіе. Староста партіи М. Лурье».

*) Изъ другого письма редація можетъ дополнить краткое указаніе тов. Шаца. При остановкѣ паузковъ въ селѣ Чечуйскѣ, стараясь не допустить встрѣчи съ живущими или находящимися здѣсь политическими, стража устроила зѣвское избиеніе конвоируемыхъ, при чемъ т. Либманъ получилъ 3 головныхъ раны и глубокую рану въ бокъ. Шинкаревская — въ руку, Лившицъ — головную рану и т. д. Солдатами сдѣлано около 36 выстрѣловъ надъ головами политическихъ.

Какъ теперь доходятъ слухи, настоящая телеграмма произвела впечатлѣніе даже на Плеве и будто-бы отдано было приказаніе замѣнить въ Нохтуйскѣ поручика Сикорскаго другимъ офицеромъ. Но было поздно, катастрофа разразилась 11-го іюня Сикорскій уже собственной персоной отправился въ помѣщеніе нашихъ женщинъ и былъ убитъ въ двухъ шагахъ отъ женской каюты выстрѣломъ изъ револьвера, сдѣланнымъ однимъ изъ товарищей. У Сикорскаго были «въ рукавѣ хлыстъ, за поясомъ револьверъ, сбоку шпaga, за голенищемъ финскій ножъ, — настоящій разбойникъ» (изъ письма). Выстрѣлами солдатъ были тотчасъ за этимъ убиты Нафтоль Шацъ и раненъ тов. Минскій.

Впереди еще судъ, а, можетъ, и казни... Весь составъ партіи проситъ передать «быть можетъ послѣдній привѣтъ отъ всѣхъ всѣмъ товарищамъ, друзьямъ и роднымъ».

Въ партіи находились: 1) Слуцкина Татьяна, до приг., по дѣлу Екатеринос. с.-р. ком., дантистка; 2) Рѣшетовъ Егоръ, на 5 л., слесарь, по д. Иркут. с.-д. к.; 3) Либманъ Левъ, на 3 г., по Варш. дѣлу Бунда, интеллигентъ; 4) Домостроевъ Н. на 3 г., по дѣлу Тифлис. с.-д. ком., интел.; 5) Гиндинъ, 4 г., по Бакин. дѣлу; 6) Гаубинъ Д., на 3 г., слесарь, по Киевск. с.-д. дѣлу; 7) Рубинштейнъ, на 4 г., по д. Кишеневск. с.-д. южн. гр., маляръ; 8) Сысинъ Алексѣй, на 4 г., студ. М. У. по Нижегород. с.-д. ком.; 9) Рузеръ Леонъ, на 4 г., по Одесской демонстраціи 1902; 10) Миша Осипъ, кончившій срокъ ссылки, но вновь сосланный изъ Усть-Кута за будто-бы устройство побѣга, сапожникъ; 11) Законъ Хаймъ, на 3 г., по Варшавскому дѣлу Бунда, жестяникъ; 12) Михтинъ Соломонъ, на 3 г., по дѣлу Симфероп. с.-д. к.; 13) Розенфельдъ Бористъ, на 3 г., по Варш. д. Бунда; 14) Баскинъ Абрамъ, до приговора, по дѣлу Одесскихъ с.-р.; 15) Вологитинъ Акимъ, 5 л., по Моск. с.-д. д., литейщикъ; 16) Китаевъ Иванъ, на 4 г., по Иваново-Вознесен. с.-д. дѣлу, слесарь; 17) Кирилловъ Михаилъ, на 4 г., по Екатеринос. с.-д. дѣлу, слесарь; 18) Бернштейнъ Алекс., на 4 г., заграничный студентъ, по Одесскому с.-д. к.; 19) Этингофъ Абрамъ, на 3 г., по Витебскому с.-д. д.; 20) Шинкаревская Рахиль, на 3 г., по дѣлу «Юж. Раб.», портниха; 21) Лившицъ Ной, на 3 г., по Варш. д. Бунда, литографчикъ; 22) Вайнерманъ Ревекка, на 3 г., фармацевтъ изъ Ковно; 23) Коганъ Лиза, на 3 г., по Виленскому дѣлу Бунда, перчатчица; 24) Дашовскій Ефимъ, по Елизаветград. с.-д. дѣлу, на 5 л., слесарь; 25) Биндеръ Давидъ; 26) Шацъ Нафталъ; 27) Минскій; 28) Лурье Михаилъ.

Кишиневъ. Въ ночь съ 25-го на 26-ое іюня изъ мѣстной тюрьмы бѣжали 4 политическихъ: Давидъ Кацъ (по д. Бунда Антоноу Гамаюкъ, Станиславъ Шашекъ (по д. типографин С. Р.) и Михаилъ Чекановъ (по д. с. д. Екатеринославскихъ телеграфистовъ). Бѣжали изъ помѣщенія, примыкающаго къ масгерекимъ. Перепиливъ рѣшетку, бѣжавшіе очутились въ первомъ дворѣ. Заранѣ подобраннымъ ключемъ открыли калитку, а черезъ второй высокій заборъ перебрались по веревкѣ. Когда первые два перебрались черезъ заборъ, ихъ замѣтилъ проходившій мимо ночной сторожъ и поднялъ тревогу. Вся тюремная свора бросилась за бѣжавшими двумя и дворъ совершенно опустѣлъ, тогда двое оставшихся по крышамъ поднялись на заборъ, откуда (съ трехсаженной высоты) и прыгнули внизъ. Изъ бѣжавшихъ удалось арестовать одного Михаила Чеканова; остальные всѣ благополучно скрылись. Полиція была вся на ногахъ, было произведено масса обысковъ у лицъ заподозрѣнныхъ въ соучастіи и подготовкѣ побѣга. Арестованы: Левъ Шварцъ, Аронъ Музесъ, Яковъ Бѣленскій, Фипель Кріулянский, Абрамъ Паратиновъ, Израиль Фихманъ. Самуилъ Дайкисль, Роза Бернштейнъ и Хая Бойко. Черезъ 2 дня всѣхъ, кромѣ Фихмана и Бойко, у которыхъ была найдена литература, выпустили на свободу. Арестованъ также тюремный назиратель по обвиненію въ содѣйствіи и столяръ Купиниръ. Дѣло о побѣгѣ передано слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Въ городѣ много толковъ о побѣгѣ, о храбрости и ловкости политическихъ.

Изъ Сибири. (Май 1904 г.). Фактическая сторона Якутскаго сопротивленія властямъ пятидесяти политическихъ ссыльныхъ вамъ, конечно, уже извѣстна; извѣстно и то, что вопросъ о гражданскомъ судѣ надъ сопротивлявшимися рѣшенъ, повидимому, окончательно. Генералъ-губернаторъ Кутайсовъ, изъ-за бесмысленно жестокихъ циркуляровъ котораго вслыхнула вся исторія, конечно, жаждалъ крови и настаивалъ безусловно на военномъ судѣ. Въ дѣло вмѣшлася прокуратура

Ераковъ и совѣтовалъ гражданскій судъ (этотъ послѣдній судъ тоже вѣдъ достаточно испытанъ въ послѣднее время!). Дѣло восходило до Петербурга, и въ результатѣ штатское правосудіе восторжествовало. Интересны мотивы, по которымъ въ высшихъ сферахъ не хотѣтъ военнаго суда: во первыхъ, война — неловко подымать шумъ о русскомъ варварствѣ; во вторыхъ, какъ быть съ висѣльщиками? — Вѣдь, если судить по военному, безъ висѣлицы нельзя; между тѣмъ въ данномъ дѣлѣ виноваты одинаково всѣ 50 человекъ. Какъ-то неловко повѣсить такъ много! Генералъ Кутайсовъ оказался послѣдователѣмъ высшихъ сферъ: онъ готовъ былъ всѣхъ повѣсить. Богатый матеріалъ даетъ это дѣло защитнику: очень ужъ ярко и полно отражаютъ весь нашъ деспотическій режимъ реформы генерала Кутайсова, вызвавшія взрывъ въ Якутскѣ. Онъ началъ ссылать по преимуществу въ самыя отдаленныя мѣста Иркутской области; онъ терроризируетъ всю администрацію и полицію края, требуя самаго жестокаго отношенія къ ссыльнымъ, изгоняя безъ суда и расправы каждаго, маломальски замѣченнаго въ «попустительствѣ» ссыльнымъ; онъ издалъ знаменитый циркуляръ о томъ, чтобы за политическими ссыльными особые шпіоны тщательно слѣдили и ежедневно доносили по начальству о каждомъ шагѣ и каждомъ словѣ ссыльнаго; выработалъ и особую инструкцію для этихъ шпіоновъ; онъ запретилъ ссыльнымъ встрѣчать протѣжающихъ товарищей; онъ въ 24 часа выгонялъ тюремныхъ врачей, надзирателей за то, что кормили заключенныхъ болѣзненной пищей; онъ запретилъ освѣдѣтельствовање ссыльныхъ на пути врачами; при немъ конвойные бьютъ и вяжутъ ссыльныхъ въ партіяхъ; за отлучку на нѣсколько верстъ высылаютъ въ Колымскъ и Верхоянскъ и прибавляютъ нѣсколько лѣтъ ссылки. Словомъ, человекъ какъ будто затѣмъ только пріѣхалъ сюда, чтобы тяжелое положеніе политическихъ ссыльныхъ сдѣлать совершенно невыносимымъ, при помощи цѣлаго ряда звѣрскихъ, бессмысленныхъ жестокостей. Очевидно, онъ хорошо и свято помнитъ непрестанно благословляющую его длань фонъ-Плеве.

Начальство боится покушеній. Добродушный иркутскій жандармскій полковникъ Левитскій, котораго держитъ въ страхѣ божьемъ начальникъ охраны, Гавриловъ, пустилъ слухъ, что на него готовится покушеніе. Не стоитъ, полковникъ!

Генералъ Кутайсовъ окружилъ себя охраной (сзади ходитъ окологочный и шпіоны, а вокругъ дома бродятъ шпіоны). Онъ всѣмъ направо и налѣво говоритъ, что «жиды» хотѣтъ убить его за Якутскую исторію.

Въ Иркутскѣ проживалъ одинъ изъ старыхъ ссыльныхъ, кончившій всѣ сроки, Любимовъ. Обремененный семьей, онъ сильно бѣдствовалъ. Въ послѣднее время не могъ получить никакой работы, такъ какъ въ паспортѣ была отмѣтка: «изъ бывшихъ государственныхъ». Съ такой отмѣткой никто не принималъ на службу: такъ силенъ кутайсовскій терроръ. Долго мыкался больной старикъ по разнымъ канцеляріямъ, въ хлопотахъ объ уничтоженіи отмѣтки; наконецъ, доведенный до отчаянія бѣдственнымъ положеніемъ, когда его вывели изъ себя въ канцеляріи губернатора, ударилъ губернатора Моллеріуса. Дали знать Кутайсову. Тотъ, предвкушая сладость повѣшенія, примчался на мѣсто происшествія и завопилъ: «военный судъ!... въ 24 часа!...» и проч. — по положенію. Опять вмѣшалось штатское правосудіе. Какому-то прокурору было лично извѣстно, что Любимовъ эпилептикъ и, значитъ, могъ совершить свой поступокъ въ невмѣняемомъ состояніи. Прокуратура воспротивилась военному суду, губернаторъ не хотѣлъ казни, жандармскій полковникъ удивлялся, какъ можно требовать военнаго суда за оскорбленіе для эпилептика... но Кутайсовъ былъ твердъ. Казенному врачу Маковецкому онъ деликатно предложилъ признать Любимова здоровымъ, тотъ, конечно, призналъ. Но, къ счастью, нашлись врачи, которые высказались иначе, и въ результатѣ — гражданскій судъ за оскорбленіе должностнаго лица! Пока еще суда не было.

Въ Иркутскѣ арестованы Знаменскій, Бронштейнъ, Шнейдерманъ, Руданскій, Макасовъ, Григорьевъ, У многихъ были обыски, въ томъ числѣ у одного 13-лѣтняго гимназиста.

Красноярскъ. 12 февраля на общемъ собраніи политическихъ ссыльныхъ, находившихся въ Красноярской тюрьмѣ, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какъ отнестись къ товарищамъ, подавшимъ прошенія о зачисленіи въ дѣйствующую армію на основаніи извѣстной монаршей телеграммы отъ 7-го февраля. Собраніе всѣми голосами противъ одного при одномъ

воздержавшемся, Домбровскомъ, — постановило: считать подачу прошенія о поступленіи въ дѣйствующую армію равносильнымъ подачѣ прошенія о помилованіи, исходя изъ тѣхъ мотивовъ, что за царемъ и его чиновниками не признаютъ — ни право миловать, ни наказывать, и ссылкѣ покоряются лишь, какъ акту грубой силы и насилія. Тюремное начальство, явившееся съ пресловутымъ «правительственнымъ распоряженіемъ», было освистано и выгнано.

Однако, двое, Бродовиковъ и Домбровский, основываясь на томъ, что въ распоряженіи нѣтъ никакихъ словъ о «раскаяніи» и «патріотическихъ чувствахъ» — подали прошенія о зачисленіи ихъ въ санитарный отрядъ дѣйствующей арміи. Благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ не удалось устроить по этому поводу собранія до 2 марта. До этого времени отношенія къ нимъ были различныя: одни прекратили съ ними сношенія, другіе поддерживали. Собраніе единогласно признало: что студенческое движеніе, какъ переросшее уже академическія требованія и вышедшее изъ стѣнъ университета, нужно считать движеніемъ революционнымъ, и къ Б. и Д., какъ арестованнымъ за студенческую демонстрацію, относиться, какъ къ революционерамъ, считая подачу ихъ прошеній нарушеніемъ элементарнѣйшихъ требованій — исключить ихъ изъ своей революционной среды; далѣе, допуская возможность ошибки со стороны Б. и Д. въ оцѣнкѣ значенія совершеннаго ими поступка — предложить имъ или подать контрпрошенія или сдѣлать свои заявленія по этому поводу въ нелегальной печати. Б. и Д. протестовали противъ того, что ихъ судили заочно, не выслушавъ ихъ объясненія. Дѣло было пересмотрѣно. Объясненія Бр. и Д. сводились къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: 1) въ «правительственномъ распоряженіи» не было ничего уничижительнаго для революционера, 2) они просили зачислить ихъ не въ рядовые, дабы совершать братоубійственное дѣло, а — зачислить въ санитарный отрядъ, чтобы уменьшить и облегчить эти жертвы правительственнаго преступленія, и, хотя они сознаютъ, что здѣсь есть маленький компромиссъ, но это одинъ изъ тѣхъ компромиссовъ, подобно которымъ всѣ постоянно совершаютъ. Собраніе признало, что Бр. и Д. добросовѣстно заблуждались въ общественной оцѣнкѣ совершеннаго ими факта и, оставивъ въ силѣ свою прежнюю резолюцію, предложили имъ загладить ошибку указанными уже способами. Бр. и Д. обѣщали постараться сдѣлать все возможное, чтобы ихъ поступокъ не былъ принятъ за раскаяніе.

Такъ какъ отношенія къ нимъ установились не товарищескія, то оба удалились въ другой баракъ.

Пріамурская область. Губернаторомъ области состоитъ Путята — совершенная безличность. Областью управляетъ жена его — амурская Мессалина. Окружила она себя цѣлымъ штатомъ всякаго рода хищниковъ, грабящихъ безъ всякаго стѣсненія направо и налѣво. Чтобы легче было хищничать, выхлопотали себѣ усиленную охрану.

Сама Мессалина развратничаетъ совершенно открыто. А ей ближніе получаютъ за то разныя оброчныя статьи. Главнаго изъ нихъ — Стипуренко — назначаютъ пограничнымъ комиссаромъ. Здѣсь съ безотвѣтныхъ китайцевъ можно брать сколько угодно. Пользующиеся меньшимъ вниманіемъ Мессалины получаютъ менѣе доходныя статьи. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть врача Хомера, шарлатана первостепеннаго. Для него на общественныя средства устроенъ родильный пріютъ, около котораго онъ и кормится.

Вице-губернатору Таскину, чтобы молчалъ и лучше душилъ мѣстную печать, дана постройка колесной дороги изъ Хабаровска на Благовѣщенскъ. Онъ и кормится, молчитъ и душитъ печать. Дорога строится уже много лѣтъ, но ѣздить по ней никто не рѣшается.

Весной нынѣшняго года въ мѣстной духовной семинаріи ученики устроили обструкцію. Участіе приняли первый и третій (выпускной) классы. Ихъ всѣхъ уволили. Остался одинъ второй классъ. Причина обструкціи — неудовольствіе противъ ректора, который ночью ходилъ по спальнямъ и производилъ обыски. Говорятъ, у одного семинариста нашли нелегальную литературу и уволили. Это вызвало обструкцію.

Была у насъ патріотическая демонстрація, устроенная по инициативѣ, кажется, Мессалины. По крайній мѣрѣ извѣстно, что флаги были изготовлены у нея. Былъ праздникъ. Въ общественномъ собраніи днемъ демонстрировался кинематографъ. Было много дѣтей. Въ это-же время въ церковной школѣ шла какая-то бесѣда. Въ четыре часа дѣти высыпали на ули

цу. Въ это время выступил на средину улицы известный здѣсь жуликъ Августовскій — пивной заводчикъ, съ нѣсколькими пьяными чиновниками и стали созывать на демонстрацію. Приѣхалъ пьяный адъютантъ и привезъ кучу флаговъ и военную музыку. Такъ образовалась демонстрація: человекъ тридцать пьяныхъ чиновниковъ и обывателей, до полсотни мальчиковъ, которые рады были позабавиться. Это-то у насъ называли «грандиозной демонстраціей».

И самая демонстрація, и хвалебные гимны ей одной изъ мѣстныхъ газетъ достигли диаметрально-противуположныхъ результатовъ: обыватель воочию увидѣлъ, какъ мало здѣсь кванта патриотизма.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ГОРОДАХЪ И ДЕРЕВНЯХЪ.

Петербургъ. Письмо рабочаго. Въ нашемъ рабочемъ районѣ за Нарвской заставой возникла новая организація, именующаяся «Обществомъ фабрично-заводскихъ рабочихъ», которая пытается возродить Зубатовщину. Организаторомъ сего учрежденія является одинъ молодой попъ, окончившій академію и проникшійся зубатовскою мудростью. Это общество поставило своей цѣлью — «объединеніе всѣхъ русскихъ рабочихъ и ознакомленіе съ ихъ нуждами». При обществѣ учреждается касса, которая намѣрена выдавать пособія во всѣхъ затруднительныхъ для рабочихъ случаяхъ. Въ районѣ Нарвской заставы уже снято помѣщеніе для собраній, лекцій и чтеній. Тамъ же устроена бібліотека и буфетъ. Уже состоялось нѣсколько собраній новаго общества. На первомъ собраніи присутствовалъ градоначальникъ. Рабочіе-ораторы произнесли нѣсколько рѣчей, въ которыхъ, не смотря на очевидное стараніе, не смогли все таки скрыть своихъ затаенныхъ намѣреній и надеждъ — «просверлить дырку въ самодержавномъ pedestalъ». Второе собраніе ознаменовалось полученіемъ привѣтственной телеграммы отъ самого Ники-Милуши, въ которой онъ благодарилъ собраніе «за идею» (!?).

Догада береть и въ то же время жалко тѣхъ товарищей, которые еще способны вѣрить въ возможность мирныхъ путей....

Рабочій.

Витебскъ (іюнь 1904 г.). Въ началѣ іюня было за городомъ массовое собраніе части организованныхъ рабочихъ. Собрались отъ 80—100 чел. Приѣзжій ораторъ въ своей рѣчи коснулся значенія 1-го мая и политической свободы на Западѣ, перешелъ къ разсмотрѣнію тѣхъ условий, при которыхъ приходится бороться въ Россіи рабочимъ и трудовому крестьянству. Указалъ на связь экономики и политики, обосновалъ необходимость совмѣстной дружной борьбы трудовыхъ слоевъ деревни и города съ политическимъ режимомъ и буржуазіей, подчеркнул основные пункты нашей программы, ея революціонность и жизненность и перешелъ къ оцѣнкѣ событій текущей общественной жизни въ Россіи и выяснилъ значеніе войны и наше къ ней отношеніе. Послѣ перерыва говорили по вопросамъ о федеративномъ началѣ въ организаціи государственнаго строя, въ примѣненіи къ различнымъ національностямъ и о федераціи рев.-соц. партій въ борьбѣ противъ общаго врага. Читались революціонныя стихотворенія, написанныя, главнымъ образомъ, читавшими ихъ авторами-рабочими. Разошлись лишь рано утромъ. Поляція хотя и знала о собраніи, но прозвѣдала его, несмотря на поставленные ею заставы и запасенную роту солдатъ. Одинъ изъ приставовъ избилъ нѣсколькихъ полицейскихъ въ ярости за пропущенное собраніе.

Въ концѣ іюня была агитаторская сходка изъ 35 человекъ. Былъ прочитанъ рефератъ на тему объ основн. точкѣ зрѣнія при разработкѣ программы и тактики рев.-соціалистической партіи, въ данномъ случаѣ П. С. Р. Были разобраны нѣкоторые положенія книги Каутскаго «Agrarfrage», выяснялся національный вопросъ. Разбирались позиціи с.-д. и с.-р. въ аграрномъ вопросѣ съ точки зрѣнія социализма. Затѣмъ говорили о цѣнности политической свободы на Западѣ, о несовершенствѣ парламентарнаго режима, опредѣлялись отношенія къ будущему земскому собору. Преллагались вопросы присутствующимъ и давались отгѣты на нихъ. Собравшіеся, солидарные во всемъ изложенномъ, остались чрезвычайно довольны рефератомъ и общей бесѣдой. Радостно было принято

извѣстіе о начавшей функционировать Сѣв. Зап. Областной Организаціи, въ которую входитъ и наша группа. У насъ же число организованныхъ рабочихъ все растетъ. Число интеллигентовъ по сравненію съ массой рабочихъ — совершенно незамѣтная часть, тонущая въ рабочей массѣ. Настоятельная нужда въ литературѣ.

Въ тюрьмѣ у насъ сильное броженіе; тюремное начальство своими притѣсненіями перешло всякія границы; заключенные ропшутъ. Была голодовка. Кончилась разсылкой части заключенныхъ по мелкимъ городкамъ и мѣстечкамъ. Между прочимъ, были попытки избіенія заключенныхъ; такъ, въ присутствіи прокурора начали бить одного заключеннаго, бывшаго гимназиста Л., причемъ тотъ, защищаясь, разбросалъ троихъ насильниковъ и спасся въ тюремной канцеляріи; за это онъ обвиняется въ оскорбленіи дѣйствіемъ тюремнаго начальства — этой новой угнетенной невинности.

Нѣжинскій уѣздъ Черниговской гув. (28 мая). Въ селѣ Володьковой Дѣвицѣ, находящемся въ 12-ти верстахъ отъ Нѣжина произошли на дняхъ крупныя аграрныя «безпорядки». Волненія въ этомъ селѣ приобрѣли характеръ хроническаго. Чуть ли не изъ года въ годъ повторяющагося явленія. Происхожденіе ихъ таково. Въ крѣпостное время помѣщикомъ селъ Дѣвицы, княземъ Голицынымъ въ видѣ вознагражденія за барщинную работу были розданы крестьянамъ участки земли въ 2, 3, 4 десятины. Помѣщикъ выдалъ имъ въ этомъ росписки. Наканунѣ объявленія воли росписки эти были отобраны, но почему то не уничтожены, зашнурованы въ одну общую книгу съ планомъ, гдѣ размѣнены эти участки. Новый управляющій, замѣнившій умершаго крѣпостного управляющаго, вскорѣ поссорился съ помѣщикомъ, и уходя со службы, взялъ съ собой книгу съ росписками, о которой помѣщикъ или ничего не зналъ, или позабылъ. Лѣтъ 10 тому назадъ предъ смертью управляющій позвалъ къ себѣ дѣвицкихъ крестьянъ, отдалъ имъ книгу съ росписками и посовѣтовалъ требовать землю судомъ. Съ тѣхъ поръ село Дѣвица явилось прекраснымъ полемъ для дѣятельности множества различныхъ «аблакатовъ», стоявшихъ крестьянамъ многихъ тысячъ. Нѣсколько разъ крестьяне начинали волноваться, но властямъ удавалось какъ то ихъ успокоить.

На этотъ разъ безпорядки приняли гораздо болѣе серьезный оборотъ. Крестьяне въ теченіе послѣднихъ лѣтъ стали снимать спорную землю — около 5 тысячъ десятинъ — въ аренду. Пока арендная плата была сравнительно невысока, они платили, хотя считали несправедливымъ платить за свою собственную землю. Но въ послѣднее время управляющій имѣніемъ сильно возвысилъ арендную плату, такъ что крестьяне перестали платить, хотя и продолжали пользоваться землей. Наконецъ помѣщикъ, чтобы окончательно раздѣлаться съ крестьянами надумалъ продавать землю отдѣльными участками. Тогда крестьяне рѣшили протестовать, считая, что никто не въ правѣ продавать ихъ землю. 17 мая крестьяне вышли на спорное поле и запаляли его. Немедленно прибылъ изъ Нѣжина исправникъ Фалковский, но его приняли очень непривѣтливо и онъ убрался во свояси, пригрозивши губернаторомъ и поркой.

Настроеніе крестьянъ было очень возбужденное, дѣйствовали всѣ единодушно.

Въ ночь съ 20 на 21 были разбросаны прокламаціи на малорусскомъ языкѣ, гдѣ крестьянамъ разъяснялось, какъ утопичны ихъ надежды на возвращеніе имъ земли судебнымъ порядкомъ. Напрасно, говорилось въ прокламаціи, нѣкоторые изъ нихъ надѣются на царя, интересы котораго совпадаютъ съ помѣщичьими интересами. Дальше, указывая на то, что силы одного села слишкомъ ничтожны для борьбы съ войскомъ, прокламація призывала къ единенію, къ организаціи для совмѣстной борьбы всего крестьянства съ самодержавіемъ и капиталистическимъ строемъ.

На другой день въ село прибылъ подъ командой черниговскаго помощника полиціи-мейстера и нѣсколькихъ становыхъ отрядъ стражниковъ и урядниковъ въ 300 человекъ. Немедленно были арестованы 9 человекъ зачинщиковъ и заперты въ погребе имѣнія, но тысячная толпа крестьянъ выломала двери и освободила заключенныхъ. Черезъ нѣсколько времени помощникъ распорядился о томъ, чтобы крестьяне вышли на спорное поле, куда будто-бы пріѣдетъ для переговоровъ вице-губернаторъ. Почти всѣ взрослые мужчины вышли въ поле. Въ это время подпоенные урядники и стражники, нѣкоторые съ саблями на голое бросились въ избы и стали ломать сун-

дуки, переворачивали вверх дномъ всю крестьянскую рухлядь, искали прокламаций и литературы. Упорно говорятъ, что при этомъ похищались найденные въ сундукахъ деньги. Въ это время пришелъ въ село изъ Нѣжина ополченецъ; возмущенный представившейся его глазамъ картиной раззорения, онъ обратился за разъясненіями къ одному уряднику; тотъ его ударилъ, произошла драка, во время которой урядникъ выстрѣлилъ. Тутъ какъ разъ возвратились съ поля обманутые крестьяне и, увидѣвъ, что произошло въ ихъ отсутствіе, страшно возмущенные, набросились на ретировавшихся полицейскихъ. Произошла драка, скорѣе сраженіе, съ обѣихъ сторонъ стрѣляли. Въ результатѣ оказалось нѣсколько тяжело раненныхъ крестьянъ, нѣсколько легко раненныхъ полицейскихъ, одному уряднику раскроили черепъ и одному стражнику всадили пулю въ животъ. Раны двухъ послѣднихъ смертельны. На другой день изъ Чернигова пришли 2 роты солдатъ. Ждали и. д. черниговскаго губернатора Хвостова, но онъ, какъ говорятъ, боялся ѣхать, пока не прибыли казаки. Онъ пробылъ два дня въ Нѣжинѣ и здѣсь основалъ свою штабъ-квартиру. Изъ Нѣжина въ Дѣвицу то и дѣло мчались конные урядники. Когда одинъ изъ нихъ мчался изъ Дѣвицы въ Нѣжинъ, кто-то въ него выстрѣлилъ: пуля прошла подъ сѣдломъ лошади. Урядникъ будто-бы хотѣлъ повернуть назадъ, чтобы погнаться за покушавшимся, но раненная лошадь помчалась и мчала сѣдока до самаго города.

Настроение въ народѣ и обществѣ — въ Нѣжинѣ и въ окрестностяхъ — было очень сочувственное къ бунтовщикамъ и всѣ съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдили за происходившимъ въ Дѣвицѣ. Мужественное поведение крестьянъ и вооруженный отпоръ, данный ими стражникамъ, вызвали общее удивленіе и сочувствіе.

26-го мая прибыло въ село три сотни казаковъ, и только теперь, когда въ Дѣвицѣ войскъ и полиціи собралось до 800 человекъ, Хвостовъ рѣшился, подъ сильнымъ конвоемъ казаковъ, въ сопровожденіи жандармскаго ротмистра и чиновника особыхъ порученій, ѣхать въ Дѣвицу.

По прибытіи губернатора, сейчасъ были созваны крестьяне и губернаторъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой урезонивалъ ихъ отказаться отъ всякихъ надеждъ на землю, затѣмъ спросилъ, кто отказывается отъ своихъ претензій. Выступило всего три человека, остальные молчали. Тогда губернаторъ приказалъ пороть. Начали съ волостного писаря, главного зачинщика, а затѣмъ вызывали по фамиліямъ одного за другимъ еще 11 человекъ. Давали по 30 ударовъ. Одинъ молодой крестьянинъ, гигантъ, оказалъ долгое сопротивленіе, и только десятка полтора набросившихся на него казаковъ одолѣли его.

Послѣ того какъ выпороли этихъ 12 человекъ, крестьяне попросили приостановить порку и дать имъ время подумать. Послѣ долгихъ споровъ партія мира взяла верхъ и крестьяне заявили, что отказываются отъ своихъ претензій.

Сейчасъ-же 60 человекъ крестьянъ было арестовано и отправлено подъ конвоемъ казаковъ и стражниковъ въ нѣжинскую тюрьму. Отсюда ихъ отправили дальше, говорятъ, — въ Харьковъ и Полтаву. Теперь идетъ волостной судъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника Гржимайла надъ 200 человекъ. Крестьяне крайне озлоблены; многіе изъ нихъ событія раскрыли глаза, и они высказываютъ вслухъ, что и царь заодно съ помѣщиками и чиновниками, и что все дѣлается съ его вѣдома и одобренія. Характеренъ слѣдующій слухъ. — Губернаторъ будто-бы посылалъ телеграмму къ царю съ вопросомъ, что дѣлать, на что отъ царя получился отвѣтъ: «пороть».

Окрестныя села съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за событіями, крестьяне сильно волновались, помѣщики и полиція труслили. Что будетъ теперь, трудно сказать. Одно можно сказать: почва для социалистической пропаганды и политической агитаціи крайне благоприятная.

Крестьяне ждутъ здѣсь мобилизаціи и многіе запасные говорятъ, что не пойдутъ на войну: «лучше здѣсь пропадать».

ОВВИНТЕЛЬНОГО АКТА

коимъ предаются суду Виленской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей мѣщане Евронимъ Ицковъ Ицковичъ 22 л. Шевичъ Шемелева Конъ 18 л. и Шпринца Ханюмова Чеслеръ 16 лѣтъ, обвиняемые въ государственномъ преступленіи и содержащіеся подъ стражей. 20-го іюля 1903 года около 6 час. вечера, пристава 1-го ста-

на Бѣлостокскаго уѣзда Бандарукъ, по приказанію Бѣлостокскаго уѣзднаго исправника Иванова, отправился въ лѣсъ вблизи города Бѣлостока, съ цѣлью выслѣдить сходку рабочихъ, которая, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, была назначена на этотъ день въ упомянутомъ лѣсу. Пробѣжавъ немного лѣсомъ, Бандарукъ дѣйствительно неважелятъ отъ казармъ Харьковскаго Драгунскаго полка встрѣтилъ двигавшуюся по направленію къ городу Бѣлостоку большую толпу евреевъ рабочихъ приблизительно въ три тысячи человекъ, вооруженныхъ палками и колыями. Приставъ Бандарукъ сталъ уговаривать толпу разойтись, но увѣщанія его не подѣйствовали и когда онъ сошелъ съ тарантаса, толпа окружила его и изъ нея начали раздаваться крики: «убить его», и только появленіе нѣсколькихъ солдатъ, вышедшихъ изъ казармъ, избавило пристава отъ нападенія толпы. Вслѣдъ за тѣмъ, толпа, оставивъ Бандарука и давъ ему возможность уѣхать, двинулась далѣе по направленію къ городу. Освободившись отъ толпы, пристава Бандарукъ, вмѣстѣ съ ѣхавшими съ нимъ ученикомъ Бѣлостокскаго коммерческаго училища Александромъ Шелковичемъ, отправился въ городъ доложить начальству о движеніи рабочихъ и по дорогѣ о появленіи толпы сообщилъ въ лѣсу «Звѣринепъ» околоточному надзирателю Малицкому, для передачі по телефону полиціимейстеру, а самъ поѣхалъ къ квартирѣ жандармскаго подполковника фон-Гросс-Гейма, сообщилъ ему о своей встрѣчѣ съ толпою. Полиціимейстеръ г. Бѣлостока, Метленко, получивъ свѣдѣніе о движеніи толпы и взявъ съ собою пристава Полховскаго, помощниковъ пристава Горева и Мыца, нѣсколькихъ околоточныхъ надзирателей и городовыхъ, отправился на встрѣчу толпѣ и встрѣтилъ ее въ пригородной деревнѣ «Слободкѣ» и въ 120 шагахъ отъ городской черты. Толпа, состоявшая изъ молодыхъ евреевъ и евреекъ, двигалась стройными рядами, при чемъ надъ нею развѣвался большой красный флагъ съ какою-то бѣлою надписью. Полиціимейстеръ Метленко, остановившись отъ толпы шагахъ въ 50, приказалъ толпѣ разойтись, но въ отвѣтъ на это, раздались крики: «долой правительствомъ», «долой самодержавію», «бей этихъ царскихъ собакъ», въ чиновъ полиціи полетѣли изъ толпы палки, вслѣдствіе чего полицііе были принуждены обнажить шапки; тогда толпа раздѣлилась на двѣ части и всѣ бывшіе въ ней мужчины и женщины бросились бѣжать съ крикомъ: «ура», а чины полиціи начали задерживать бѣгущихъ и прятывшихся по двоямъ участниковъ демонстраціи, при чемъ одна половина демонстрантовъ разбѣжалась, а другая двинулась по Песчаной и сосѣднимъ улицамъ въ городъ и на Песчаной улицѣ была встрѣчена Бѣлостокскимъ уѣзднымъ исправникомъ Иванонымъ, приставомъ Бандарукомъ и жандармскимъ подполковникомъ фон-Гросс-Геймомъ. Назначенныя должностныя лица, при содѣйствіи околоточнаго надзирателя Ходоровскаго, городовыхъ Савичкина, Нормантовича, Задираева и рядовыхъ Казанскаго полка Михайлова, Звѣдина, Томилина и Маслова, стали задерживать бѣгущихъ демонстрантовъ, но послѣдніе, совместно съ нѣкоторыми изъ сосѣднихъ жителей евреевъ, продолжали бросать камнями въ чиновъ полиціи и рядовыхъ съ цѣлью отбить арестованныхъ и успѣли отбить 2-хъ евреевъ, задержанныхъ околоточнымъ надзирателемъ Ходоровскимъ за бросаніе камней: при сопровожденіи же въ полицію управление дѣлушки, задержанной подполковникомъ фон-Гросс-Геймомъ за несеніе флага, нападеніе сдѣлалось настолько энергичнымъ, что околоточный надзиратель Ходоровскій вынужденъ былъ стрѣлять изъ револьвера въ воздухъ и только послѣ этого толпа отступила; при этомъ были ранены камнями нижніе чины Казанскаго полка Михайловъ, Звѣдинъ и Чепгуновъ. При производствѣ по этому поводу дознанія, въ порядкѣ 1035 Уст. Угол. Суд., изложенныя обстоятельства удостовѣрены показаніями свидѣтелей полиціимейстера Метленко, уѣзднаго исправника Иванова, пристава Полховскаго, помощниковъ пристава Горева и Мыца, околоточныхъ надзирателей Малицкаго и Иосифова, городовыхъ Шухайло, Шеймана, Лагунскаго, Савочкина, Нормантовича и нижнихъ чиновъ 64-го пѣхотнаго Казанскаго полка Михайлова, Звѣдина, Маслова и Чепгунова, изъ коихъ, Звѣдинъ и Чепгуновъ получили довольно серьезныя поврежденія въ голову, а Михайловъ былъ раненъ въ ногу. Въ частности, относительно лицъ, не только находившихся въ толпѣ, но и принимавшихъ своими дѣйствіями наиболѣе видное участіе въ описанной противоправительственной демонстраціи, дознаніемъ выяснено слѣдующее: нижепоименованные свидѣтели на дознаніи удостовѣрили: 1) пристава 1-го стана Бѣлостокскаго уѣзда Георгій Бандарукъ, что, когда онъ встрѣтилъ въ лѣсу толпу евреевъ демонстрантовъ, то замѣтилъ, что въ серединѣ ея молодая еврейка несла красный флагъ, что вся толпа была вооружена колыями и палками и стройными рядами направлялась въ городъ, что, когда онъ хотѣлъ остановить движеніе толпы и сталъ уговаривать разойтись, посылались направленные противъ него возгласы: «убить его», но нѣкоторые изъ толпы возражали противъ насильственныхъ дѣйствій и кричали: «пусти себѣ ѣхать свою дорогую, а мы пойдемъ въ городъ», вѣ что та дѣвушка, которую онъ видѣлъ несущую флагъ, была задержана подполковникомъ фон-Гросс-Геймомъ при входѣ толпы въ городъ. 2) крестьянинъ Михайлъ Загорскій, — что онъ, идя 10 іюля по своимъ дѣламъ въ городъ, видѣлъ упомянутую толпу евреевъ и обратилъ вниманіе на молодую еврейку, несшую флагъ и дойдя за толпою до города, указалъ на нее шедшему навстрѣчу толпѣ подполковнику фон-Гросс-Гейму, вслѣдствіе чего она и была задержана и 3) воспитанникъ Бѣлостокскаго коммерческаго училища Александръ Шелковичъ, что онъ сопровождалъ пристава Бандарука въ его поѣздкѣ 20 іюля и видѣлъ толпу евреевъ въ двѣ, три тысячи человекъ, среди которой несли нѣсколько флаговъ, при чемъ онъ замѣтилъ еврейку съ рыжеватыми волосами, несущую красный флагъ, ту самую, которая была задержана уже въ предѣлахъ го-

рода, по указанию свидетеля Загорского и что он слышал угрозы убить Бондарюка, раздававшихся из толпы послѣ того, как Бондарюк стал уговаривать толпу разойтись. По предъявлении свидетелем Загорским и Шелковичем, въ числѣ другихъ шести женщинъ, задержанной подполковникомъ фон-Гросс-Геймомъ, по указанию Загорского, мѣшавш. Шпринца Хановой Геслеръ, оба названные свидетеля удостоверяли, что Геслеръ именно та самая дѣвушка, которую они видѣли въ толпѣ несущую красный флагъ. Допросомъ свидетелей Бѣлостокскаго полиціеімейстера Метленко, пристава Полховскаго, помощниковъ пристава Мытца и Горева и околотоčnýchъ надзирателей Малицкаго и Іосифова выяснено, что, кромѣ Геслеръ, дѣятельное участіе въ демонстраціи принимали мѣщане Ефреимъ Ицковичъ и Шевка Шемелева Канъ, изъ коихъ первый по удостовѣренію свидетелей Метленко, Полховскаго и Мытца, подобно Геслеръ, несъ въ толпѣ красный флагъ, а вторая — Канъ — лично извѣстная свидетелямъ Гореву, Малицкому и Іосифову, какъ состоящая подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, по удостовѣренію послѣднихъ трехъ свидетелей, когда полиціеімейстеръ приказалъ толпѣ разойтись, кричала: «бей полицію, бей царскихъ собакъ», бросала камнями въ полицейскихъ чиновъ, подавала ихъ другимъ участникамъ демонстраціи, воодушевляла ихъ и подстрекала къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ полиціи и стыдила тѣхъ, изъ демонстрантовъ, которые отступали. По предъявленіи свидетелямъ Метленко, Полховскому и Мытцу, въ числѣ другихъ шести мужчинъ, Ефреима Ицковича, они признали въ немъ того молодого еврея, который несъ въ толпѣ демонстрантовъ красный флагъ. Привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ мѣщане: мѣстечка Дерезинъ, Слонимскаго уѣзда Ефреимъ Ицковичъ 22 л., гмины Кудраны, Сейнскаго уѣзда Шевка Шемелева Канъ 18 л., и г. Василькова, Сокольскаго уѣзда Шпринца Ханмова Геслеръ 16 л., не признавая себя виновными, пояснили: Ицковичъ, — что онъ 20 іюля въ деревнѣ Слободкѣ и въ лѣсу на сходкѣ не былъ и краснаго флага въ толпѣ демонстрантовъ не несъ, задержанъ же былъ безъ всякой причины около 7 час. вечера, когда возвращался домой съ Кладбищенской улицы отъ своей тетки Фейги Любечной; Канъ — что она 20 іюля въ лѣсу на сходкѣ рабочихъ и въ деревнѣ Слободкѣ во время демонстраціи не была и находилась все время безотлучно дома, но доказать этого не можетъ и Геслеръ — что 20 іюля она на сходкѣ рабочихъ не была, краснаго флага не несла, но выйдя въ 5 час. по полудни изъ дому на прогулку, встрѣтила на Суражской улицѣ толпу людей, бѣжавшихъ съ поля въ городъ, толпа увлекла и потащила ее, за симъ на какой то улицѣ съ ней встрѣтился жандармскій подполковникъ фон-Гросс-Геймъ, которому немаловажныя ей двое христіанъ заявили, что она будто бы несла въ толпѣ флагъ, вслѣдствіе чего была арестована, безъ всякаго основанія. Допрошенная посылкъ обвиняемаго Ефреима Ицковича, свидѣтельница тетка его Фейга Любечная слѣдланной на нее ссылки не подтвердила, показавъ, что 20 іюля Ицковичъ, дѣйствительно, къ ней заходилъ, но ранѣе 5 час. и въ означенное время и весь вечеръ 20 іюля она его не видѣла. Определеніемъ Гродненскаго Окружнаго Суда отъ 11 мая 1904 г. обвиняемые Шпринца Геслеръ, не достигшій 17 л. возраста во время совершения преступленія, признана дѣйствовавшей при совершеніи преступленія съ разумѣніемъ. На основаніи вышеизложеннаго, мѣщане Ефреимъ Ицковичъ 22 л., Шпринца Ханмова Геслеръ 16 л. и Шевка Шемелева Канъ 18 л. обвиняются въ томъ, что 20 іюля 1903 г. близъ г. Бѣлостока, явившись на сходку рабочихъ, составленную съ противоправительственными цѣлями, они затѣмъ насильственно приняли участіе въ дѣйствіяхъ толпы, числомъ около трехъ тысячъ человекъ, собравшейся близъ г. Бѣлостока, съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго закономъ образа правленія, каковая цѣль и была выражена нѣкоторыми находившимися въ толпѣ лицами криками: «долгой самодержавіе», «долгой правительству», «бей царскихъ собакъ» и рядомъ насильственныхъ дѣйствій въ отношеніи Бѣлостокскаго полиціеімейстера и другихъ чиновъ полиціи и нижнихъ воинскихъ чиновъ, принимавшихъ участіе въ водвореніи порядка, въ каковыхъ лицъ толпа бросала камнями и палками, при чемъ обвиняемые Ицковичъ и Геслеръ несли въ толпѣ красные флаги, и обвиняемая Канъ подстрекала участниковъ демонстраціи, къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ полиціи, подавая камни другимъ и крича: «бей царскихъ собакъ» и сама бросала камни въ чиновъ полиціи — т. е. преступленіи, предусмотренномъ 2 ч. 251 ст. Улож. о нак. — а потому и на основаніи 2 п. 1030 ст. Уст. Угол. Суд. они, Ицковичъ, Геслеръ и Канъ, предаются суду Виленской Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ въ городѣ Вильнѣ 2 мая 1904 года.

ИЗЪ-ЗА РЫШЕТКИ.

Смоленскъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ были арестованы двѣ интеллиг. Н. Костюшко и Ж. Ратнеръ и съ ними 3-ое рабочихъ. Костюшко и Ратнеръ сидятъ въ женской тюрьмѣ. Отъ показаній на допросѣ онѣ отказались. Въ одинъ прекрасный день жандармамъ и шпионамъ, рыскавшимъ около тюрьмы, показалось, что съ политическими переговариваются прохаживающіе; сейчасъ-же послѣдовало распоряженіе перевести Костюшко и Ратнеръ въ другія камеры (ужасно сырыя) и заколотить совершенно окна. Затѣмъ ихъ лишили прогулокъ.

Послѣ этого сидѣніе въ тюрьмѣ стало невыносимымъ. На заявленія заключенныхъ и ихъ многочисленныя просьбы о прогулкѣ не обращали никакого вниманія. Заключенныя нѣсколько разъ предупреждали, что ихъ вынудятъ перейти къ энергичному протесту. Отъ жандарма былъ одинъ отвѣтъ: «по собраніи свѣдѣній по слѣдствію». По всему видно было, что жандармы не дадутъ прогулки, пока заключенныя не дадутъ показаній, (тов. прокурора напримѣръ, говорилъ одной, чтобъ она давала показанія, а то слѣдствіе продолжится 5 мѣсяцевъ). Безъ прогулки было очень тяжело. Появились страшныя головныя боли, ноги стали отекаютъ, аппетитъ все уменьшался. Заключенныя рѣшили показать, что онѣ не чурбаны безчувственные, надъ которыми жандармскій генералъ Громъ можетъ издѣваться. Предупредивъ тюремную администрацію, онѣ 1-аго мая начали пѣть революціонныя пѣсни. Пришелъ начальникъ, пригрозилъ карцеромъ и забилъ послѣднюю форточку. Тогда всѣ четверо политическихъ выбили по два стекла въ окнѣ, чтобъ продолжать пѣть. Къ Костюшко пришелъ помощникъ начальника и, грозно спросивъ, по какому праву она выбила стекла, предложилъ ей итти въ карцеръ, при чемъ не позволилъ надѣть верхней кофточки. Карцеръ представляетъ нѣчто ужасное. Низкій, каменный, страшно сырой погребъ въ подвальномъ этажѣ тюрьмы—5 маленькихъ шаговъ длины и 3 ширины, безъ всякихъ оконъ, поэтому совершенно темный. Ходить нѣтъ возможности въ этомъ «мѣшкѣ», такъ какъ въ темнотѣ боишься наткнуться на холодныя сырыя стѣны; стоишь посерединѣ, дѣлаешь гимнастику — ничто не помогаетъ,—сырость и холодъ проникаютъ во всѣ суставы и сковываютъ ихъ; сядешь, свернувшись, на полъ—съ пола дуетъ. На слѣдующій день къ Костюшко пришелъ начальникъ и сказалъ, что она можетъ выйти изъ карцера, если не будетъ пѣть и стучать. Такъ какъ у заключенныхъ было рѣшено на завтра перейти къ голодовкѣ, то она рѣшила выйти. По выходѣ, Костюшко хотѣла посоветоваться со здѣшними врачамъ Ковренпомъ; но послѣдній ни разу не выслушалъ, ни посмотрѣлъ, а просто далъ каятія по пилули.

На четвертый день голодовки въ тюрьму пріѣхалъ губернаторъ Звегинцевъ; онъ довольно мягко бесѣдовалъ съ заключенными, обѣщалъ устроить прогулку, но просилъ не шумѣть, ибо это значитъ восвать съ нимъ, а «этого онъ не совѣтуетъ». Послѣ него пріѣхалъ тов. прокурора, образецъ уточненнаго и изыщнаго живодера. Онъ цѣлыхъ 2½ часа уговаривалъ заключенныхъ бросить голодовку, указывая, что при такихъ обстоятельствахъ жандармскому начальнику невозможно дать прогулку—«это выйдетъ уступкой». Заключенные согласились прекратить голодовку, если имъ дадутъ общаніе, что онѣ получатъ прогулку. Тов. прокурора «высказывалъ предположеніе», что прогулка будетъ дана, если голодовка прекратится. Наконецъ, заключенныя рѣшили попробовать положиться на общаніе губернатора и «предположеніе» тов. прокурора и начали ѣсть, предупредивъ товарища прокурора, что если черезъ три дня не получатъ прогулки, то снова начнутъ голодовку.

Теперь, послѣ голодовки, всѣ — насколько позволяетъ тюремная обстановка — начали поправляться; одна Хейфецъ, которая уже сидитъ очень долго въ тюрьмѣ, слегла.

Послѣ голодовки тюремное начальство измѣнило свою тактику. Окна отбиты у всѣхъ. 8-го мая Костюшко и Ратнеръ уже гуляли по полчаса. Камерами онѣ имѣютъ право мѣняться по очереди.

Вѣлостокъ. Черезъ бѣлостокскую тюрьму — и безъ того переполненную — въ настоящее время проходитъ столько пересыльныхъ, что въ небольшую камеру сажаютъ по 40 чел. Спать негдѣ и не на чемъ. На всѣ наши требованія и протесты отвѣчали отказомъ. 21 мая при проверкѣ заключенные потребовали прокурора. Начальникъ тюрьмы пообѣщалъ вызвать вмѣсто прокурора полицію для избиенія. Заключенные отвѣчали стукомъ. Явился конвой. Начальникъ вызвалъ якобы къ прокурору тѣхъ, кого онъ считалъ зачинщиками. Первый изъ вызванныхъ, увидѣвъ въ корридорѣ конвой, бросился было обратно въ камеру, по конвойные и надзиратели бросились на него, и изъ корридора послышались душу-раздирающіе крики. Было уже 11 час. вечера. Политическіе и пересыльные подняли стукъ и стали долать окна. Начальникъ растерялся. Бить перестали, но стукъ продолжался. По телефону вызвали полицію, а тѣмъ временемъ начальникъ, перебѣгая

отъ камеры къ камерѣ, упрасивалъ прекратить стукъ, «такъ какъ никого не бьютъ», и просилъ избитаго успокоить товарищей. Стукъ стихъ. Но, не сомнѣваясь, что скоро явится полиція, 9-ая камера забаррикадировала нарами дверь (дверь открывается въ камеру). Предосторожность оказалась не лишней: скоро весь корридоръ наполнился городовыми съ полицеймейстеромъ во главѣ. Заглянуть въ волчекъ, полицеймейстеръ спросилъ, зачѣмъ приставлены нары къ дверямъ. Ему отвѣчали, что эта предосторожность принята, чтобы дикіе звѣри не ворвались въ камеру. Ни слова не говоря, онъ удался. На слѣдующій день заключенные потребовали прокурора и, когда онъ явился, предъявили ему требованіе объ улучшеніи пищи, о разрѣшеніи получать приношенія и заявили жалобу на надзирателя, нанесшаго одному изъ заключенныхъ рану. Приношенія были разрѣшены, о побояхъ былъ составленъ протоколъ, но относительно пищи прокуроръ сказалъ, что это его не касается. Тогда заключенные заявили, что, въ случаѣ отказа, они начнутъ голодовку. Прокуроръ уѣхалъ, обѣщая дать отвѣтъ.

Изъ партійной дѣятельности.

По поводу событія 15 іюля Воевой организацией П. С. Р. выпущенно извѣщеніе переизданное многими комитетами П. С. Р.

Центральный Комитетъ П. С. Р. выпустилъ по поводу событія 15-го іюля прокламацію «Ко всѣмъ рабочимъ» и, на французскомъ языкѣ, «Возваніе къ гражданамъ цивилизованнаго міра».

О событіи 15 іюля выпущены прокламаціи: Комитетами: — **Тверскимъ, Волынскимъ, Тамбовскимъ и Черниговско-ю группой.** П. С. Р.

Волынский Комитетъ П. С. Р. выпустилъ прокламацію «Первое мая».

Московский Комитетъ П. С. Р. выпустилъ въ іюлѣ прокламацію «Къ обществу» объ общемъ значеніи переживаемаго историческаго момента (800 экз.).

Кіевскій Комитетъ П. С. Р. выпустилъ прокламацію «Война и ея жертвы».

Вѣлостокская организация П. С. Р. выпустила прокламацію «Къ русскому воинству» (2000).

Пензенскій Комитетъ П. С. Р. выпустилъ прокламацію «О войнѣ съ Японіей».

ОТЧЕТЪ ЗАГРАНИЧНАГО КОМИТЕТА П. С.-Р.

іюнь 1904 года.

(Во франкахъ). Остатокъ съ мая — 869.75, отъ идеалиста — 500, съ бала въ Г. — 127.65, отъ сочувствующей — 265, изъ Нижняго отъ К. П. П. — 53, отъ Дубльве-эль — 132.50 (50 руб.), изъ Цюриха — 55, возвратъ долга — 20, съ реферата въ Бельгіи — 21, изъ Америки — 515, черезъ проѣзжаго — 50, изъ Фрейбурга пожертвовано — 58.45, отъ ближняго — 100, съ реф. въ прошломъ мѣсяцѣ — 42, изъ Астрахани — 82.05, отъ проѣзжаго въ Антверпенъ — 10 велосипедистъ изъ Л. — 26.70, за карточки въ Льежѣ — 11, въ Антверп. — 8, еще съ вечеринки въ Льежѣ — 57.75, съ предпріятія — 13.30, съ бала въ Бернѣ — 160.45, съ реф. Ж. — 94, А-го — 6.35, Сем. — 8.10, съ двухъ — 13, членскіе взносы — 46.50. Черезъ Центральный Комитетъ — 2000. За литературу: фр. — 6.25 и 81.55, Льежѣ — 16.95, Антв. — 0.50, Нанси — 10, Цюрихъ — 60.50, Бернъ отъ Т. — 10, Бернъ — 94.20, Лондонъ — 2.65, Д. — 2, Женева — 16.25, Россія — 2.50, отъ Б. изъ М. — 15, Лозанна — 30, Франциско — 5.

Итого — 5700.40. Расходъ — 4916.85. На іюль остается въ кассѣ — 783.55.

Получено отъ Женевской кассы помощи ссыльнымъ и заключеннымъ для ссыльных — 42 и 146 и специально для якутянъ — 20.

ОТЧЕТЪ КАССЫ АГРАРНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛНГН.

(съ 1 января по 1 августа 1904 г.)

(Во франкахъ.) Остатокъ отъ 1903 г. — 2994.65. Приходъ отъ Х***: — 50, пріѣхавъ отъ дальнихъ — 80, съ женевскаго спектакля — 480, проценты — 10.10, членскіе взносы — 962. Итого — 4576.75.

Расходъ: 2-ое изданіе брошюры «Воля царская и Воля народная» — 959.50; проценты въ пользу эмигрантской кассы — 80; почтовые расходы — 8. Итого — 1047.50.

СТЧЕТЪ ТАМБОВСКАГО КОМИТЕТА П. С.-Р.

(Въ рубляхъ) Приходъ: отъ предшественниковъ — 85.00, членскіе взносы — 120.25, отъ предпріятій и вечеринокъ — 244.92, сборъ — 619.71, отъ сочувствующей — 20.00, за мѣстные изданія — 7.00, высланнымъ на Востокъ и Сѣверъ — 198.90, отъ АБВГДЕ — 75.00, отъ П — 6.10, отъ Рабочаго Союза — 7.50, за литературу — 29.00 отъ Х X — 2.00. Итого — 1415.38.

Расходъ: нелегалы. литерат. — 129.70, легалы. литерат. — 121.58, заключеннымъ и ихъ семьямъ — 304.36, высланнымъ на Востокъ и Сѣверъ — 308.00, расходы по печати и почтѣ — 99.92, безработнымъ — 13.00, поѣздки — 195.92, нашимъ въ П. — 50.00, Рабочему Союзу — 20.00, организация собраний и вечерокъ — 11.90. Итого — 1233.38.

Находится въ долгахъ 127 руб. Итого въ кассѣ на 2-ое іюля числится 162 руб., фактически же 35 руб.

Распространено литературы: I. Брошюры: Ко всему русск. крестьянству 456 экз., Какъ министръ заботится о крестьянахъ 101, Дюриновскій паръ 197, Царское правительство и рабочий народъ 116, Въ-спыи о землѣ 200, О царѣ Симеонѣ 99, За вѣру, царя и отеч. 102, Неправильное устройство Русскаго Госуд. 91, Народный герой 116, Батумская бойня 94, Толстого О землѣ 28, Неужели такъ надо 17, о власти 14, Вторая воля 22, Рабочее дѣло 82 16, О податяхъ и налогахъ 12, Царь-Голодъ 15, Возстаніе въ Горан. 26, Подъ солнцемъ Юга 24, Соц.-м. и 1 мая 16, Рассказы изъ русской исторіи 37, Горе русскаго пахаря 13, Солдат. Памятка 18, Русский ткачъ 37, Обвин. актъ по дѣлу Балашева 41, Эволюція рус. соц. мысли 38, Журналъ Народное дѣло 82 19, Законы 231, Хитрая механика 203, Правда о бѣдствіяхъ рус. народа 76, О Венгрии и венгерцахъ 85, Воля царская и Воля народная 1, За хлѣбъ и землю 1, Народное дѣло № 4-2, Жизнь въ Шляссельб. крѣпости 1, Сибирь и ссылка Цебриковой 2, С. Крайчинскій и кружокъ чайковцевъ 4, Кончился Поляванова 2, Лаврова Жизнь и смерть и Задача и долгъ по 1 экз., Въ темную ночь 1, С. Л. Перовская 9, Кабальничъ 9, За волю и землю 1, Былое № 4 — 1, Былое № 3 — 3, По вопросамъ программы и тактики 5 (съ возвр.), Что говорятъ соц. демок. деревенской бѣднотѣ 9, Крестьян. союзы въ Сибири 1 (съ возвр. 2), Записки револ. Кропоткина 1, Револ. движ. въ Россіи Туна, Памяти Лаврова, Тифлис. движ., Царская казнь, Отправка студен. въ Сибирь, Голодъ и самодержавіе, Почему стрѣляли въ Харьков. губернатара, Рус. политич. строй и рабочіе, Письма Кавелина, Мала птичка а коготъ востеръ, Не убій, Изъ жизни духовен., Возрожденіе революціонизма въ Россіи по 1-му экз. II. Листки: Хорошо 249, Терроръ въ Россіи, 4 Оберханжа 17, Террорист. элем. въ нашей прогр. 8. Всего — 2672 экз. III. №№ Револ. Россіи съ 1 по 37 включительно во многихъ экз. IV. Выпущено прокламацій: Ко всему рус. крестьянству 350, Къ рабочимъ Егоровск. мельницамъ 65, Отъ Рабочаго Союза 381, отъ него же о Борисоглѣб. забастовка. 166, Къ почтовымъ чиновн. 37, отъ боевой организации по пов. казни Богдановича 60, Отъ П. С.-Р. 200, Новогодняя 200, Отъ Рабочаго Союза на 19 февр. 370, Къ новобранцамъ 240, Къ крестьянамъ 148, Вражья сила въ деревнѣ 95, Ко всѣмъ народнымъ учителямъ 104, 40 лѣтъ Брешковской (брошюра) 102, Въ сумеркахъ (брошюра) 115, Письмо Архангел. товарищамъ о приглашеніи ихъ подъ пули японцевъ 125, Къ деревенской бѣднотѣ 450, Къ запаснымъ 1480 экз. Всего 4639.

ХРОНИКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ ГОНЕНІЙ.

РЯЗАНЬ. Арест. въ апр. Моисей Абрамовичъ и Н. Ильинъ освобождены подъ залогъ въ 1000 руб.; Шиловскій (по д. с.-р. сидѣвъ въ Архангельскѣ) высланъ на 3 г. въ Астраханскую губ.; Челуваъ Петращевичъ приговор. къ 10 г. Якутской обл. по случаю войны высланъ въ Петрозаводскъ Олонечкой губ. **АРЗАМАСЬ.** 10 іюня ст. ар. статистикъ Владимиръ Ивановичъ Потѣхинъ. Въ **КИШИ-НЕВСКОЙ** тюрьмѣ находятся Бардалянъ Александръ, студ.; Дюмо Алекс., вольноопр. инж. команды арестованъ въ Вендерахъ; Гаманюковъ Петръ раб.; Тихомировъ Вас. раб.; Людкевичъ Игн. раб.; Триколевъ Василій раб.; Грачевъ Иванъ раб.; Уршиной Степанъ раб.; Завязкинъ Потапъ раб.

Въ **МОСКОВСКОЙ** городской тюрьмѣ (Таганка) къ 22 іюля содержались: Александровскій Борисъ, Авдѣевъ Николай, Андреевскій Николай, Акрамовскій Сергій, Бурштейнъ Хаимъ, Бернштейнъ Лейба, Бауманъ Николай, Булановъ Арсеній, Батыревъ Валентинъ, Барышниковъ Поліакъ, Борисовъ Іосифъ, Воротишниковъ Павелъ, Гиммеръ Николай, Горшкова Антонина, Гурвичъ Николай, Деминъ Александръ, Дубачевъ Александръ, Езерская Лидія, Емельянова Ольга, Жбанковъ Леонъ, Замятинъ Петръ, Загорскій Василій, Карпинская Валерія, Качаловъ Александръ, Кирѣевскій Семенъ, Ключарева Варвара, Кнуниязъ Богданъ, Короставскій Яковъ, Костецкій Михаилъ, Котельниковъ Константинъ, Крумбюгель Леонидъ, Кублановскій Бор. Лазаревъ Иванъ, Лапушкинъ Николай, Лебедевъ Владимиръ, Лещинскій Моисей, Надежинъ Николай, Орловъ Александръ, Отрошенко Лидія, Отрошенко Нина, Павловъ Дмитрій, Печковскій Николай, Подицкій Ворисъ, Розенфельдъ Леонъ, Ривкинъ Григорій, Рѣштовъ Сергій, Савельевъ Максимиліанъ, Сапожниковъ Николай, Смирновъ Александръ, Соболевскій Николай, Соловьевъ, Сорневъ Ярославъ, Стасова Елена (Беклемешева), Суринъ Михаилъ, Сучковъ Тимофей,

Седовъ Андрей, Тюленевъ Василій, Фудель Павелъ, Хренкова Софія, Черномордикъ Соломонъ, Шнейерсонъ Фанни, Шатерникова Софія, Циллеръ Артуръ. — Надеждинъ получалъ 3 г. Арханг. губ.

ШЕИЗА. Ар. 1 марта П. Метальниковъ, освоб. 24 апр.; въ концѣ апр. осв. А. Метальниковъ (сидѣлъ 8 мѣс.). Получили приговоры: А. А. Архангельскій—5 лѣтъ Архангельской губ.; трое крестьянъ изъ с. Литонина — по 5 лѣтъ ссылки; Гальберштадтъ (акучи), — 4 года, крест. Силантьевъ—4 года сѣв. губ. В. Д. Альферовъ (инт.) 3 года. Я. К. Карповъ и Любовь Гольберштадтъ отданы на 3 г. подъ надзоръ полиціи въ мѣстахъ жительства родителей. А. А. Бѣляевскому заочно предв. содер. подъ стражею. Кромѣ того выслано въ сѣверный губер. чечовѣкъ 6 крестьянъ изъ разныхъ селъ, сидѣвшіе въ уздѣнныхъ тюрьмахъ. АРХАНГЕЛЬСКЪ. были обыски у Поддубнаго, Петрова, Глекскѣ и Гудая.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. 2 апр. на Новомъ Планѣ, на глазахъ многочисленной публики, было арестовано цѣлое семейство Рубинштейновъ. Аресту предшествовали слѣдующія обстоятельства. На границѣ кто то выдалъ мужика, везшаго транспортъ литературы. Переодѣтые жандармы слѣдили за мужикомъ до Каменца. Лишь только мужикъ успѣлъ зайти въ дворъ къ Рубинштейнамъ и сложить литературу, нагрянула полиція и всѣхъ арестовала. Мужикъ бросился было убѣгать, но нѣсколько выстрѣловъ, пущенныхъ ему въ спину, заставили его остановиться. У Рубинштейновъ нашли только что привезенные 4 пуда литературы соц.-рев. На другой день г-жа Рубинштейнъ и младшій сынъ были выпущены, а черезъ нѣсколько дней освободили и старшаго сына — вѣнскаго студента Давида Р. Такимъ образомъ, сидѣть еще Исаакъ Рубинштейнъ и арестованный въ связи съ нимъ Иванъ Козицкій (рецидивистъ). Рубинштейна обвиняютъ еще и въ отправкѣ шпрота черезъ Юго-Западную контору. Привзванный въ тюрьму содержатель конторы Лихтманъ на очной ставкѣ подтвердилъ, что Рубинштейнъ, дѣйствительно, отправлялъ чеходанъ со шпретомъ. 10 апр. произошелъ второй провалъ. Привезли въ Каменецъ Стто Перкнера (эстонецъ) изъ Риги и Ивана Оземскаго, взятыхъ на границѣ съ 6 пудами литературы соц.-дем.

СУДЖА, Курской губ. Въ концѣ января въ Суджаской земской управѣ былъ произведенъ обыскъ. Пріѣхавшій изъ Курска товарищъ прокурора Фрилантъ и жандармскій полковникъ Петровъ съ мѣстными исправникомъ Зариннымъ обыскали въ управѣ отдѣлы народнаго образованія и музей наглядныхъ пособій. Ничего не нашли. Послѣ обыска въ управѣ отправились на квартиру земскаго служащаго Анонина и въ его отсутствіе (онъ былъ въ Москвѣ) обыскали квартиру: нашли брошюры И. Вольнаго «За вѣру царя и отечество» и какое то гектографированное стихотвореніе М. Горькаго. Черезъ два дня, когда Анонинъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Суджу, онъ былъ тотчасъ арестованъ и привезенъ въ курскую тюрьму. Догадываются, что обыскъ и арестъ произведенъ по доносу сторожа управы Овчаренко, бывшаго полиційскаго городского.

ПОБѢГИ: изъ Архангельской губ. — Бибиковъ и Марашко (дѣв.) изъ Архангельска; Бѣлый раб.; Шкловскій инт.; Вороничинъ инт.; Голдендеръ раб.; Алекс. Ивановъ б. студ.; Б. Торгашевъ инт.; Мих. Андѣевъ и Миршова (работница).

ТОВАРИЩИ, ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТЪ ПОКАЗАНИЙ!!

ОВВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

По дѣлу Алексѣя Владиміровича Милашевского.

Осенью 1902 года негласнымъ путемъ были получены указанія на практическую работу члена Саратовской Городской Управы, отставнаго титулярнаго совѣтника Милашевского къ преступной дѣятельности тайнаго противуправительственнаго сообщества, присвоившаго себѣ наименование «Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ». По этому поводу, въ ночь на 1 ноября того же года, въ принадлежащемъ Милашевскому въ г. Саратовѣ домѣ № 30, по Вознесенской улицѣ, былъ произведенъ обыскъ, по коему ничего предосудительнаго не найдено. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, поступили негласныя свѣдѣнія о томъ, что въ означенномъ домѣ имѣется скрытое помѣщеніе, въ кот. хранятся произведенія нелегальной литературы.

Вслѣдствіе сего 9 го декабря 1902 г. усадьба Милашевского была осматриваема болѣе тщательно, причемъ въ кухнѣ одного изъ трехъ его элягелей, въ то время необитаемаго, удалось замѣтить прорѣзанную въ полу подземную дверь, ведущую, какъ оказалось, въ досчатый погребъ съ двумя переносными полками, на одной изъ которыхъ стояли дѣв. банки съ вареньемъ. Когда означенныя полки были сняты, въ сѣнѣ погребѣ обнаружилась потайная дверца, обитая съ внутренней стороны войлокомъ и закрывавшая собой вырубленное въ землѣ и обложенное досками углубленіе шириною въ одинъ аршинъ 6 верш. въ ширину 17 верш. и глубиною болѣе 2 аршинъ.

Вслѣдствіе, при производствѣ дознанія по настоящему дѣлу, осмотра погребѣ, въ которомъ была устроена описанная выше ниша, и установленія въ нее ящика, выяснено, что въ устройствѣ этого приспособленія принимало участіе нѣсколько рабочихъ, при чемъ изъ нихъ два полка элягеля, для помѣщенія въ нишѣ ящика, было удалено 27 в. зовъ земли. Упомянутый же ящикъ, по заключенію эксперта, изготовленный весьма тщательно, былъ сработанъ специалистами столярнаго въ оборудованной надлежащими инструментами мастерской и въ виду своихъ размѣровъ, около 5 пудовъ вѣса, могъ быть установленъ въ погребѣ только усилиями нѣсколькихъ лицъ.

Въ вышеописанномъ помѣщеніи были обнаружены хранившіе тамъ нижеслѣдующіе предметы:

1) три мѣдныхъ печати, на одной изъ коихъ вырѣзаны слова: «Парт Соціалистовъ Революціонеровъ» на другой «Саратовскій Комитетъ Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ», и на третьей «Крестьянскъ Союзъ Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ», а также металлическія корбочка съ подушкой, пропятаюю красною штемпельною краскою

2) 11 тюковъ, наглухо зашитыхъ въ джутовые мѣшки и пронумерованныхъ разными цифрами, заключающихъ въ себѣ: 156 экз. № издаваемого «Партіей соціалистовъ революціонеровъ» журнала «Революціонная Россія», 294 экземпляра № 9 того же журнала, 655 оттисковъ чатанныхъ въ типографіи названнаго общества брошюръ подъ заглавіемъ «Ко всему русскому крестьянству отъ Крестьянскаго союза партіи соціалистовъ революціонеровъ», 338 экз. книжки подъ заглавіемъ «За Вѣру, Царя и Отечество», изданной, «Партіей соціалистовъ революціонеровъ и аграрно социалистической лигой», и 250 брошюръ того же изданія, озаглавленныхъ словами: «Царское пресвителство рабочій народъ», а также три вскрытыхъ неполныхъ уже джутовыхъ тюковъ, въ которыхъ оказалось 130 оттисковъ упомянутой книжки «Ко всему русскому крестьянству», 58 брошюръ подъ заглавіемъ «За Вѣру, Царя и Отечество» и 38 экз. сочиненія «Царское правительство и рабочій народъ».

3) 14 пустыхъ джутовыхъ мѣшковъ, совершенно сходныхъ по формѣ матеріи и проставленной на нихъ нумераціи съ тѣми, въ коихъ заключались вышеуказанныя нелегальныя сочиненія.

4-15) слѣдующія печатныя изданія (идетъ перечисленіе разныхъ листовъ и прокламаций главнымъ образомъ Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ, Аграрно Соціалистической Лиги и т. п.)

16) Написанный, какъ это установлено экспертизою сличенія почерковъ, государственнымъ преступникомъ С. Балмашевымъ («Очерки подъ заглавіемъ «Рѣшеніе Николая», въ коемъ изложены мотивы побуждѣнія послѣдняго сдѣлаться террористомъ и убить Мин. Внутр. Дѣлъ. Въ 5 главѣ названнаго сочиненія, между прочимъ, говорится: «Прошло еще два такихъ же мучительныхъ дня и онъ, т. е. Николай, уже ясно нащупывалъ ооформившуюся, завладѣвшую всѣмъ его существомъ мыслью о тайномъ, изъ за угла, нападеніи на представителя правительственнаго гнета. Онъ рѣшился». 6 же глава начинается словами: «12 лѣтъ уже сидѣлъ Николай за убійство шефа рус. жан. въ одиночномъ заключеніи... Предстояло еще 13 лѣтнее заключеніе». Три тетради учебнаго формата, въ коихъ рукою Балмашева написаны статьи по разнымъ вопросамъ.

17) написанный гектографическими чернилами, печатными буквами на особыхъ четвертушкахъ бумаги, съ одной стороны каждой изъ нихъ, брошюры: «Царское самовластіе въ Россіи» и «Окружающая дѣйствительность», въ коихъ многія страницы отсутствуютъ, а также первый 9 страницъ брошюры «Правда и Кривда» и 13 страницъ сочиненія революціоннаго содержания «Венгрія и венгерцы». По заключенію, экспертовъ означенныя рукописи представляютъ собою подлинники, приготовленные для снятія съ нихъ посредствомъ гектографа копій.

18) рукописная статья, представляющая собою, повидимому, корреспонденцію въ какое либо нелегальное изданіе и имѣющая своимъ содержаніемъ описаніе развитія социально революціонной пропаганды въ Саратовской губерніи, статья тенденціознаго характера подъ заглавіемъ: «Къ офицерамъ русской арміи» и т. д. (слѣдуетъ перечисленіе нѣсколькихъ замѣтокъ). И обширное, написанное нѣсколькими различными почерками сочиненіе тенденціознаго направленія, подъ заглавіемъ «Что такое православіе», съ надписью «Посвящается Л. Н. Толстому».

19) 9 портретовъ вышеупомянутаго государственнаго преступника С. Балмашева, изданныхъ Партіей соціалистовъ революціонеровъ и три фотографическихъ его карточки, 5 листовъ бумаги съ изображеніями государственныхъ преступниковъ, Желязова Перонской и другихъ, а также портретъ Вѣры Фигнеръ, изданный «Союзомъ русскихъ социалистовъ», печатный рисунокъ, тенденціозно изображающій угнетенность рабочаго населенія въ Россіи, 6 фотогр. снимковъ съ той же картины и рисунокъ, на коемъ представлено сожженіе на кострѣ гр. Л. Н. Толстого православнымъ духовенствомъ.

20) 2 чистыхъ паспортныхъ книжки и 4 незаполненныхъ паспортныхъ бланка, 2 обертки отъ паспортныхъ книжекъ Уфимскаго Полицейскаго Управленія съ подписями должностныхъ лицъ, подлинная паспортная книжка на имя Лейбы Авербека и семь такихъ же паспортовъ, выданныхъ правительственными установленіями въ Варшавѣ, Вильнѣ, Архангельской и др. губ. на имя разныхъ лицъ, главнымъ образомъ крестьянъ, острочка, выданная Минусинскимъ окружнымъ полиційскимъ Управл. крестьянину Всеволодскому, обрывокъ паспорта крестьянина Ромашниной, аттестатъ о хорошемъ поведеніи писаря 3 батареи 6 артиллерійской бригады Михаила Чернухина, удостовѣреніе о старости с. Квасникова, Новоузенскаго у. отъ 6 октября 02 г. на имя Маріи Ивановой Карасевой (Гуныкиной), находившейся въ услуженіи у Милашевского вырѣзанные изъ паспортовъ куски бумаги съ оттисками штемпелей Московской и Петербургской полицій о являющихся въ жительство, подобныя же вырѣзки съ оттисками подлинныхъ печатей Подборскаго волостного Правленія Писнежскаго у., Кологривско Слѣпцовскаго Вол. Упр. Аткарскаго уѣзда, 3 оттиска печати Саратовскаго полиційскаго Управл. в. клочки бумаги съ подписями на одномъ Полиційскостера и Секретаря, члена управы и Письмоводителя, а также обрывокъ бумаги съ оттискомъ подложной, какъ установлено экспертизою, печати Харьковской мѣщанскаго Управы, пропѣніе на имя Саратовскаго Общества попомненія о бѣд-

ных, одною изъ дѣятельныхъ котораго состояла его жена, Марія Ивановна Милашевская, и написанная рукою послѣдней записка, относящаяся, повидимому, къ дѣламъ того же учрежденія. Кроме того въ томъ же складѣ, во флигелѣ Милашевскаго, найдены: цинковая доска длиною 8 и шириною 5 вершковъ со слѣдами краски, съ одной стороны на доску наклеена бумага, также покрытая краскою. Доска эта была вложена въ бумагу, и 2) кусокъ красной пропускной бумаги, и т. д. (слѣдуетъ перечень еще нѣсколькихъ принадлежностей для мимеографа).

Въ томъ же складѣ у Милашевскаго обнаружено еще: 1) листъ почтовой бумаги, сильно измятый, на которомъ карандашомъ печатными буквами написана: «убѣдительная просьба проштемпелевать. Умолимъ прислать 7, нѣтъ на одного у насъ. Прислайте для всего округа по старому адресу не менѣе 500. 2) письмо, начинающееся словами: «Изъ Тамбовской губ.», авторъ коего благодаритъ за его «просьбы» и проситъ прислать побольше книгъ: «О податяхъ и налогахъ», «О томъ, какъ помы поработить народъ въроу Христову», «О волѣ, данной 19 февраля 1861 г.» «О второй волѣ», «Красное знамя», «Горе пахарю», «Братство», и «Правда и кривда» (упомянутыя раньше революціонныя изданія). Оканчивается письмо словами: «Эти книги хороши и полезны для насъ мужиковъ. Пожалуйста, побольше, 5 сѣль и 6 деревень.» и 3) 2 почтовыхъ конверта, на коихъ отпечатано: въ... Городъ. Комитетъ Почечительства о народной трезвости.

22 августа 1902 г. въ городѣ Минскѣ, по обыску у привлеченнаго шпія при Кіевскомъ губерн. жад. управ. къ дознанію по дѣлу объ обнаруженной въ г. Житымирѣ 17 декабря того же года тайной типографіи Партіи социалистовъ-революціонеровъ мѣщанина Калмана Овсянника, найдены два письма обвиняемаго по тому же дѣлу Дмитрія Филипова, въ одномъ изъ которыхъ изложена просьба, какъ можно скорѣе достать 10 книжекъ (повидимому паспортныхъ), изъ коихъ 3 должны быть чистыхъ и 5 «нечистыхъ». Другое же письмо было частью зашифровано и, будучи разобрано, оказалось заключающимъ въ себѣ слѣдующій текстъ: «Кіевъ проситъ немедленно выслать приету 4 пуда циперо и 1 заглавныя, выслать скорой скоростью черезъ агентство «Побѣда», квитанцію выслать Саратовъ, городская управа, Комитетъ народной трезвости. Все это исполните аккуратно и скорѣй. Книжки вложите туда же. 3 книги пришлите совсѣмъ чистыя. Скорѣй отвѣчайте. Жму руку.»

Между тѣмъ пазъ показанній свидѣтеля Петра Никольскаго, занимавшаго должность Саратовскаго городского почечительства о народной трезвости съ 21 сентября 1901 г. и по сентябрь 1902 г., видно, что заведующимъ дѣлами комитета въ то время былъ Милашевскій, которымъ было отдано Никольскому распоряженіе: поступающую въ упомянутый комитетъ почту не вскрывать, а передавать ему Милашевскому, что поэтому Никольскій никогда никакихъ пакетовъ, адресованныхъ въ комитетъ народной трезвости, самъ не вскрывалъ, и что канцелярія означеннаго комитета помѣщалась въ зданіи Саратовской городской управы, въ кабинетѣ члена управы Милашевскаго. Въ такомъ же положеніи находилось дѣло и при новомъ дѣлопроизводителѣ комитета, Петрѣ Гусевѣ, замѣнившемъ Никольскаго. По показанію Гусева, поступающая на имя народной трезвости переписка, согласно распоряженію Милашевскаго, шла нераспечатанною къ послѣднему, при чемъ всѣ пакеты клались на его столъ, онъ самъ вскрывалъ ихъ, а Гусевъ, по его словамъ, лично никогда ни одного пакета на имя Комитета не вскрывалъ.

Изъ приложеннаго къ дѣлу протокола осмотра производимаго при Кіевскомъ жандармскомъ управленіи дознанія о «Кіевскомъ Комитетѣ Партіи социалистовъ-революціонеровъ», видно, что 1 нояб. 1902 г. изъ г. Саратова черезъ контору «Россійск. Общест. транспортнаго кладеи» была отослана въ г. Кіевъ корзина, отправитель которой, назвавшійся П. И. Кириченко заявилъ, что въ ней находятся вещи домашнія. 12 ноября 1902 г. корзина эта была получена въ г. Кіевѣ дворянкою Евгеніею Герасимовою Терепиной и задержана въ то время, когда Терепина везла ее на пзвозчикъ. По осмотру, въ корзинѣ этой оказалось: незаполненная (чистая) паспортная книжка, 211 экз., № 7 и два № 9 журнала «Рев. Рос.», 7 оттисковъ изданія «Народное Дѣло», 2 воззванія «Партіи соц.-рев.» по поводу предстоящаго 4 ноября 1902 г. засѣданія Саратовской судебной палаты по дѣлу объ уличной демонстраціи, 8 прокламацій подъ заглавіемъ «Кто врагъ внутреннихъ?», 2 брошюры «Голосъ труда», 1 воззваніе «Саратовской объединенной группы социалистовъ-революціонеровъ и социалъдемократовъ» и 9 книжекъ «Горе русскаго пахаря».

Сличеніемъ поименованныхъ нелегальныхъ произведеній, съ обнаруженными въ г. Саратовѣ у Милашевскаго, установлено, что № 7 «Рев. Рос.», оказавшійся въ корзинѣ у Терепиной въ числѣ 211 экз., остался въ количествѣ только 3 экз., а № 9 той же «Рев. Рос.», два экземпляра, которыхъ найдены въ корзинѣ, сохранились въ складѣ у Милашевскаго въ числѣ 261 экз. Въ томъ же складѣ имѣлись и всѣ остальные нелегальныя изданія, обнаруженныя въ корзинѣ Терепиной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по дѣлу удостовѣрено, что на вышеупомянутыхъ воззваніяхъ и на прокламаціяхъ, отправленныхъ въ Кіевъ изъ Саратова, сдѣланы красные оттиски печати «Сарат. Ком. Партіи соц.-рев.». Кроме того замѣчено, что на паспортной книжкѣ, найденной въ корзинѣ Терепиной на первой страницѣ цѣна книги 50 коп. зачеркнута, а внизу выставлена краснымъ штемпелемъ 15, а на 12 стр. той же книжки въ графѣ: «мѣсто для наклеиванія паспортныхъ марокъ» наложено штемпелемъ «отбѣнено», при чемъ при осмотрѣ и сличеніи обнаружилось, что оттиски 15 и отбѣнено, наложены тѣмъ же са-

мымъ штемпелемъ, что и на одномъ изъ паспортовъ, найденныхъ въ г. Саратовѣ въ складѣ Милашевскаго.

Допрошенные въ качествѣ свидѣтелей крестьяне Кулагины, проживавшіе въ усадьбѣ Милашевскаго съ сентября 1901 г. по 1902, удостовѣрили, что тотъ флигель, въ которомъ было обнаружено вышеописанное хранилище, до середины поста 02 г. занималъ отецъ Милашевскаго, причемъ означенной его квартиры за все время его тамъ жительства никто не посѣщалъ. Весной же послѣ его отъѣзда флигель этотъ остался незамѣченнымъ, по искорѣ окна его были тщательно закрыты черными занавѣсками, въ указанный домикъ стали часто, какъ въ теченіи дня, такъ и по вечерамъ, ходить Милашевскій и нѣкоторые изъ его знакомыхъ, причемъ оставался тамъ по 2 и по 3 часа. По показанію кр. Миловидова, весной 02 г. жена Кулагина однажды передала ему найденную по ее словамъ во дворѣ Милашевскаго записку на имя Ал. Влад. приблизительно такого содержанія: Московское и Ярославское землемѣстество шлютъ Вамъ свой привѣтъ. Что вы спите. Народъ угнетенъ. Надо ему помочь. Если мы не поможемъ народу выйти изъ его ужаснаго положенія, то потомство насъ будетъ проклинать. Записку эту онъ тогда не уничтожилъ, причемъ тогда же услышалъ отъ Кулагинъ, что незадолго передъ тѣмъ ее дѣти, забравшись въ погребъ Милашевскаго, нашли въ стоявшихъ тамъ кадкахъ книги, каковыми обстоятельствомъ домовладѣлецъ былъ очень недоволенъ. Узнавъ тогда же отъ Кулагинъ, что въ домѣ Милашевскаго часто бывали гости, мужчины и женщины, которые по вечерамъ переходятъ во флигель, заинтересовавшись этимъ, онъ въ іюнѣ 02 г., спрятавшись противъ калитки означеннаго дома, дѣлѣ ночи наблюдалъ, какъ во дворъ къ Милашевскому входили люди, причемъ въ первый разъ прошло такимъ образомъ 22 лица, а во второй — 27.

Запасный писаръ Черемухинъ вышеупомянутое свидѣтельство, котораго оказалось въ описанномъ погребѣ Милашевскаго среди паспортовъ разныхъ лицъ, удостовѣрилъ, что документъ былъ имъ врученъ М., опредѣлившему его на должность смотрителя ночлежнаго дома въ Саратовѣ. Оставивъ эту службу 1 іюня того же года, онъ немедленно сталъ просить М. возвратитъ ему свидѣтельство, но послѣдній этого не исполнилъ, говоря, что не могъ розыскать такового.

Обвинительный актъ констатируетъ, что все это свидѣтельство объ участіи Милашевскаго въ «преступномъ сообществѣ», присвоившемъ себѣ названіе Партіи Социалистовъ-Революціонеровъ».

Анализируя изданія соц.-рев., актъ заключаетъ, что организація эта объявила, что главною ея цѣлью является «перестройство общества на социалистическихъ началахъ», а ближайшее уничтоженіе самодержавія и достиженіе свободы слова, вършовсповѣданій, печати, собраній и союзовъ». Для достиженія указанныхъ цѣлей сообщество въ видѣ «подготовительной дѣятельности» стремится «организовать революціонныя силы», орудіемъ для чего служить устная и печатная пропаганда, распространение во всѣхъ слояхъ населенія идеи политической свободы на основаніи критики существующаго строя и «формированіе отдѣльныхъ союзовъ и группъ». Признавая далѣе, что дѣло освобожденія Россіи можетъ быть рѣшено только системною террористическою, фактомъ, поддержаннымъ рабочими манифестациями, и что самодержавіе и терроризмъ—два логически неизбежно связанныя явленія, организація объявляетъ, что ея средствами въ борьбѣ съ правительствомъ является систематическій терроръ совместно съ другими формами открытой массовой борьбы (фабричныя и аграрныя бунты и пр.), получающими только при террорѣ огромное рѣшающее значеніе, и что террористическая дѣятельность прекратится лишь съ побѣдою надъ самодержавіемъ, лишь съ полнымъ достиженіемъ политической свободы. Изъ вышеупомянутыхъ, обнаруженныхъ у Милашевскаго брошюры и воззваній, а равно изъ статей, помѣщенныхъ въ №№ 7, 8, 9 и 11, журнала «Революціонная Россія» видно, что Партія социалистовъ-революціонеровъ, слѣдуя указанной программѣ, успѣла и дѣла и распространить весьма значительное количество произведеній агитационной литературы, направленной во всѣ слои населенія, а сформировала особыя группы, именующіяся: Крестьянскимъ Союзомъ и Боевой Организацией Партіи социалистовъ-революціонеровъ.

Въ листкѣ, выпущенномъ отъ имени «Боевой организаціи социалистовъ революціонеровъ» 3-го апрѣля 02 года, т. е. на слѣдующій день послѣ убійства Мин. Вн. Дѣлъ Сипягина, по поводу этого событія между прочимъ сказано: «Мы считаемъ не только своимъ правомъ, но и своей священной обязанностию на насиліе отвѣчать насиліемъ, за проливаемую народную кровь платить кровью его угнетателей... Свистъ пули — вотъ единственный возможный теперь разговоръ съ нашими министрами». Въ № 11 за сентябрь 02 годъ журнала «Революціонная Россія» помѣщена статья подъ заглавіемъ «Безпримѣрный поступокъ» въ которой въ отвѣтъ на вышеизложенное въ подпольной газетѣ «Пискара» сомнѣніе въ томъ, что Балашевъ принадлежалъ къ «Боевой организаціи», заявляется, что «убійство Сипягина есть дѣло «Боевой Организации» и «обдуманый политическій актъ, за который партія социалистовъ революціонеровъ беретъ на себя нравственную отвѣтственность передъ всей страной». Прокламаціей той же «партіи» «Ко всему русскому народу» объявлено, что Фома Калуга, совершившій 29 іюля 02 года покушеніе на жизнь Харьковскаго Губернатора, былъ, подобно Балашеву, членомъ «Боевой Организации» этого сообщества и «стрѣлялъ въ князя Оболенскаго по указанію партіи социалистовъ революціонеровъ», какъ наиболее вреднаго, заслуживающаго кары, врага народа».

Привлеченный къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго отставной титул. совѣтникъ, бывший членъ Саратовской Городской Управы Ал. Из.

Милашевский, не признавая себя виновным в принадлежности к какому бы то ни было противоправительственному сообществу и отказываясь назвать кого либо из лиц, с которыми он находился в сношениях, объяснял, что послѣ убійства Балашовымъ Мпп. Ви Дьял Сипягина онъ, обвиняемый, заинтересовался партией революціоннаго движенія въ Россіи и сталъ получать нелегальныя изданія, причемъ, въ видахъ безопасности, устроилъ для таковыхъ специальное хранилище. Мысль о послѣднемъ возникла у него лишь лѣтомъ 02 года, когда приглашенными плотниками былъ построенъ подъ однимъ изъ флигелей погребъ, въ которомъ затѣмъ онъ, обвиняемый, установилъ собственноручно ящикъ и замаскировалъ его полками, причемъ работа эта была закончена лишь въ октябрѣ. Предполагая, что послѣ произведеннаго у него въ домѣ 1 го ноября безрезультатнаго обыска, всякія подозрѣнія съ него сняты, онъ, по просьбѣ одного знакомаго, сноталъ въ указанномъ помѣщеніи обнаруженные тамъ 9 декабря печати и мимеографъ и произведенія нелегальной литературы, которыми были къ нему доставлены въ теченіе ноября въ нѣсколько примовъ. Утверждая затѣмъ, что кромѣ его, Милашевскаго, въ означенный флигель никто не имѣлъ доступа, что тамъ никакихъ работъ на мимеографѣ не производилось, что кнопки фабрики Каранца, оказавшіяся въ его квартирѣ, если и сходны съ кнопками на доскѣ мимеографа, то это не доказываетъ, что онъ самъ накладывалъ кнопки на доску, такъ какъ подобныя кнопки всюду встрѣчаются одиѣ и тѣ же, и что печатей къ нелегальнымъ изданіямъ онъ не прикладывалъ и послѣднихъ не распространялъ, обвиняемый заявлялъ, что изъ упомянутого склада имъ былъ вынесенъ и переданъ лишь одному лицу небольшой свертокъ произведеній революціонной литературы; что перенесенъ подпольныхъ изданій, найденныхъ въ погребѣ, написанъ не его рукою и что ему не было извѣстно о нахожденіи у него, въ числѣ частныхъ тайно хранившихся предметовъ, рукописей Ст. Балашова, съ которыми онъ не былъ знакомъ. Не отрицая, наконецъ, того обстоятельства, что вся корреспонденція, адресованная въ Саратовскій городской комитетъ о народной трезвости, поступала непосредственно къ нему, Милашевскому, послѣдній показалъ, что никакихъ писемъ конспиративнаго содержанія онъ по этому адресу ни для себя, ни для другихъ лицъ не получалъ.

На основаніи вышеизложеннаго Милашевскій, 37 лѣтъ, обвиняется 10 1 въ томъ, что въ 1902 году состоялъ членомъ присвоившаго себя наименованіе «Партіи социалистовъ революціонеровъ» преступнаго сообщества, поставившаго себя цѣлью перемѣну въ Россійской Имперіи образа правленія и проявившаго умыселъ дѣйствовать для достиженія указанной цѣли насильственно, а во вторыхъ въ томъ, что въ городѣ Саратовѣ въ 1902 г. въ видѣ осуществленія цѣли названнаго сообщества составлялъ и распространялъ сочиненія, воззванія и изображенія, возбуждающія населеніе къ явному неповиновенію власти верховной и дерзостно порицающія установленный государственными законами образъ правленія, при чемъ устроилъ въ своемъ домѣ тайное помѣщеніе для воспроизведенія вышеупомянутыхъ сочиненій, воззваній, и изображеній, приобрьлъ для сего мимеографа и хранилъ упомянутыя изданія въ упомянутомъ помѣщеніи, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотренныхъ 1 ч. 250, 1 ч. 251 и 252 ст. Ул. о наказ.

Вслѣдствіе сего и на основаніи 2п. ст. Уст. Угол. Суд. титулярный Софтиникъ А. В. Милашевскій подлежитъ суду Саратовской судебной палаты въ усиленномъ составѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей.

Составилъ 8 апрѣля 1904 года въ г. Саратовѣ

Товарищъ прокурора Саратовской судебной палаты Тимиръ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

въ редакцію «Революціонной Россіи».

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ по поводу того, что я на судѣ отрицаю свою принадлежность къ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Въ рукахъ судебной палаты не было никакихъ вещественныхъ доказательствъ для обвиненія какъ въ принадлежности къ партіи, такъ и въ техническомъ участіи въ работахъ тайной типографіи. Кромѣ того, въ моментъ совершенія „преступленія“ мнѣ было только 17 лѣтъ. Вотъ почему товарищи настойчиво убѣждали меня не признаваться ни въ чемъ, полагая, что приговоръ въ такомъ случаѣ будетъ очень слабый. Я уступила этимъ настояніямъ. Сдѣлала я это только во имя того дѣла, которому хотѣла отдать остальную часть жизни своей.

Но теперь, повинаясь голосу своей революціонной совѣсти, а также въ интересахъ истины, я считаю своимъ долгомъ публично заявить слѣдующее:

Къ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ принад-

лежала; въ типографіи очутились по предложенію одного члена П. С. Р., сдѣланному мнѣ еще раньше, чѣмъ стало извѣстно, что въ типографіи будетъ работать Б. Шатино. Въ своей рѣчи на судѣ я сознательно не коснулась всего того, что могло бы свидетельствовать о моей прежней революціонной дѣятельности, а говорила только о своемъ сочувствіи революціонному движенію. Надѣюсь, что товарищи поймутъ... и не осудятъ меня... И надѣюсь также, что мое введеніе послужитъ урокомъ для товарищей въ аналогичныхъ случаяхъ, и они не пойдутъ ни на какой даже малѣйшій компромиссъ, а открыто на судѣ признаютъ свою принадлежность къ партіи и вполне исполняютъ свое положеніе въ агитаціонномъ смыслѣ.

Теперь, уходя въ далекій и чуждый мнѣ край, въ холодную и суровую Сибирь, идѣ погибло и погибаетъ такъ много лучшихъ сыновъ русской земли, я по прежнему напряженно буду слѣдить за развитіемъ революціоннаго движенія въ Россіи, каждый успѣхъ котораго близко и дорого моему сердцу.

Порывая связь съ живымъ міромъ, сохраняю прежнюю вѣру въ близкое торжество русской революціи и жизненность программы Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Шлю всемъ товарищамъ прощальный привѣтъ и самыя искреннія, душевные пожеланія.

Ц. Каменецкая.

Лукьяновская тюрьма

25 апр. 1904 г.

Мы получили замѣтку о приготовленіи гектографа, съ которою считаемъ нелишнимъ познакомиться товарищамъ.

Въ выпущенной Вами брошюрѣ «Помогите волной печати» изложено способъ приготовленія гектографа. Я предлагаю иной способъ, испытанный долготѣйшей практикой.

Въ одномъ стаканѣ воды, подогрѣвая ее на легкомъ огнѣ, распускаютъ четверть фунта желатинны и постепенно вливаютъ затѣмъ два съ половиною фунта глицерину. Смѣсь эту все время перемѣшивают не снимая съ огня и не давая закипать. Когда она сдѣлается достаточно однородной, вливаютъ ее въ чайный подносъ, разбѣромъ немного больше половины листа обыкновенной бумаги. Затѣмъ листомъ бумаги споняютъ пузырьки на поверхности массы въ краяхъ подноса, такъ, чтобы поверхность была гладкой, и даютъ остыть часова въ 5. Послѣ этого гектографъ годенъ для употребленія.

Рукопись пишется на плотной, проклеенной, разграфленной на клѣтки бумагѣ. Писать нужно печатными буквами, не сильно нажимая. Чернила предпочитаютъ черныя, (фабрики Леонард). Когда рукопись просохнетъ, ее накладываютъ на поверхность гектографа, прижимаютъ, не нажимая, платкомъ и держатъ 15 минутъ. Затѣмъ ее осторожно снимаютъ, и начинаютъ печатать только 15 минутъ спустя послѣ того, какъ снятъ манускриптъ. Бумага, разграфленная на поллисты, накладывается на массу, прилагивается платкомъ и сминается по возможности скоро. Такой гектографъ при аккуратной работѣ даетъ 200—250 хорошихъ оттисковъ. Когда работа окончена, массу переплавляютъ на легкомъ огнѣ (огнию не прибавляя воды) вливаютъ на подносъ, даютъ остыть и продолжаютъ работу въ томъ же порядкѣ. Сминать гектографа ни въ какомъ случаѣ не надо. Чтобы работа не задерживалась, хорошо имѣть сразу 2—3 гектографа. Послѣ 10 (приблизительно) разъ переплавки, когда масса начнетъ пачкать бумагу, ее замѣняютъ новою. Мужикъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Корлову. Письмо получено. Зинѣ. Рѣшительно ничего не получаемъ. Пуху. Отвѣстите. Въ просьбѣ были своевременно исполнены. Ростовъ. Свободомыслиящему. Если нѣтъ знакомыхъ въ Россіи, можете съестись изъ заграницы по адресу приложенному въ концѣ «Рев. Россіи».

Лица не имѣющія конспиративныхъ адресовъ, могутъ обращаться изъ-за границы въ редакцію «Революціонной Россіи» по слѣдующему адресу: H. N. Aimsford, Esq. 11, Brunswick Square. London, W. C. England.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОССІЯ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

51

25 Августа 1904 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОН- ГРЕССЪ ВЪ АМСТЕРДАМЪ.

воскресеніе утромъ, 11-го августа, въ громадномъ и ро-
мномъ залѣ Концертнаго Дома (Concertgebouw) г. Амстер-
состоялось открытіе международнаго социалистическаго
ссса. Почти весь генеральный штабъ современнаго меж-
однаго социализма былъ здѣсь на лицо. Германія была
тавлена Бебелемъ, Каутскимъ, Кларой Цеткинъ, Моль-
ромъ, Штадгагеномъ и нѣсколькими десятками другихъ,
или менѣе извѣстныхъ, представителей политическихъ
идеальныхъ рабочихъ организацій (былъ и Бернштейнъ,
ый, однако, старался стушеваться). За французскимъ
мъ сидѣли между прочими Гедль, Вайянь, Делори, Дюб-
Жоресъ, Бріанъ, Чиприани, Ренодель, Аллеманъ; за ав-
скимъ — Адлеръ, Эленбогенъ, Пернерсторферъ, Брет-
дери; за швейцарскимъ — Ситгъ, Рапэнъ, Райманъ,
ъ, Моръ. Далѣе выдѣлялись Брантингъ изъ Швеціи,
сенъ изъ Дани, Далинскій изъ Галиціи. Голландія была
тавлена Ванъ-Колемъ, Трельстрой, Флигенемъ, Анриетой
тъ; Бельгія — Вандервельдомъ, Апседе, Фюрнемономъ;
ія — Гайдменомъ, Бельфортомъ Баксомъ, Макдональ-
и Бернсомъ. Новинкой для конгресса были двѣ делега-
одна, японская, состоявшая всего изъ одного представи-
Катаями, и другая — русской партіи социалстовъ-ре-
ціонеровъ, впервые выступившей на международномъ со-
стическомъ конгрессѣ въ качествѣ особой, вполнѣ опре-
ившейся и организованной фракціи русскаго социалисти-
аго движенія, образовавшей особую секцію, отдѣльно
соціалдемократическихъ группъ.*)

кое разнообразіе лицъ, тенденцій, настроеній, какое бо-
го революціонныхъ темпераментовъ, но и какое единство
общей конечной и завѣтной цѣли, какая солидарность въ
зи и ненависти! Это единство проявилось уже при самомъ
пленіи въ занятія конгресса — прорвалось наружу громъ,
протестующимъ хоромъ противъ русско-японской вой-

Русскіе социалисты-революционеры на предъидущемъ Париж-
комъ конгрессѣ 1900 г. были представлены тремя делегатами загра-
наго Союза Русскихъ Соціалстовъ-Революціонеровъ, имѣвшими
аты отъ русскаго Союза Соціалстовъ-Революціонеровъ (группа,
сгившая «Наша Задача») и делегатами отъ Группы Старыхъ
довольцевъ. Отдѣльной секціи они не составляли.

кція П. С. Р. на Амстердамскомъ конгрессѣ состояла первонач-
но изъ 12 делегатовъ: Е. К. Брешковская, Ф. В. Волховскій, Ю.
енинь, В. С. Гоць, Н. Григоровичъ, А. Гроссъ, Е. Е. Лазаревъ,
Маноръ, И. А. Рубановичъ, К. М. Терешковичъ, Е. Устиновъ и Л.
Пишко. Они имѣли 29 мандатовъ отъ комитетовъ и группъ на-
партій и 1 мандатъ отъ Агр. Соц. Лиги. Затѣмъ къ секціи при-
ицился представляющій латышскаго соц. дем. союза тов. Ролду-
ція избрала отъ себя въ составъ президентскаго бюро конгресса
С. Брешковскую, и въ подготовительныя комиссіи 1) по вопросамъ
аментской тактики — И. А. Рубановича, 2) социальной политики
1) Григоровича, 3) колониальной политики — Ф. Волховскаго,
просъ о всеобщей стачкѣ — Е. Устинова и 5) вопросъ о трестахъ
Л. Лазарева.

ны на Дальнемъ Востокѣ. Въ ту самую минуту, когда, быть
можетъ, двѣ враждебныя арміи занимались истребленіемъ
другъ друга гдѣ-либо далеко на поляхъ Манчжуріи, представи-
тели двухъ націй, делегаты двухъ рабочихъ классовъ —
Японіи и Россіи — взаимно протянули другъ другу руки въ
знакъ мира и солидарности. Съ точки зрѣнія буржуазно-на-
ціоналистической морали — актъ «государственной измѣны»
на международномъ социалистическомъ конгрессѣ принялъ
характеръ великой, небывалой демонстраціи новой, социали-
стической морали, новаго общественно-политическаго идеала.
И никакія гаагскія конференціи, никакія общества мира не
въ состояніи были показать всему міру такую, чарующую по
своей нравственной красотѣ, лучезарную картину грядущаго
международнаго братства. Въ эту знаменательную минуту ре-
волюціоннаго энтузіазма всего конгресса стало ясно, чѣмъ
когда-либо, какая глубокая пропасть лежитъ между двумя
борющимися мірами — старымъ, буржуазнымъ и новымъ, со-
циалистическимъ. Никакихъ мостовъ между ними быть не мо-
жетъ, никакихъ соглашеній и компромиссовъ: пропасть съ
каждымъ днемъ становится все глубже и непроходимѣе...

Таковъ, повторяемъ, былъ первый демонстративный актъ
Амстердамскаго конгресса, первое величавое проявленіе объ-
единенной воли международнаго социализма. Эта воля нашла
и свое формальное выраженіе въ слѣдующей, предложенной
французскими социалистами-революціонерами и единогласно
принятой конгрессомъ, резолюціи:

«Принимая во вниманіе, что соглашеніе и солидарная работа рабо-
чихъ и социалстовъ всѣхъ странъ является наиболѣе существенной
гарантіей всеобщаго мира, — въ тотъ самый моментъ, когда царизму
угрожаютъ одновременно война и революція, конгрессъ посылаетъ
свой братскій привѣтъ русскимъ и японскимъ пролетаріямъ, пада-
ющимъ жертвами преступленій какъ капиталистовъ, такъ и правитель-
ства. Конгрессъ приглашаетъ социалстовъ и рабочихъ всѣхъ странъ
всѣми силами противиться всякому расширенію войны».

То же тяготѣніе въ сторону революціонной непримиримости
сказалось и въ занятіяхъ его по вопросу объ интернаціональ-
номъ регулированіи социалистической тактики, т. е. по во-
просу о министериализмѣ и союзахъ съ буржуазными парті-
ями. Комиссіонная работа по этому поводу была своего рода
«гвоздемъ» всего конгресса, — она привлекла къ себѣ на-
болѣе крупныя умы международнаго социализма и наиболѣе
выдающихся ораторовъ. Исходной точкой комиссіонныхъ пре-
ній по этому вопросу была Дрезденская резолюція, осуждаю-
щая, какъ извѣстно, всякія оппортунистическія тенденціи въ
современномъ социализмѣ и отвергающая всякія союзы съ
буржуазіей. Въ неимовѣрныхъ, можно даже сказать, титани-
ческихъ усиліяхъ Жореса оправдать свою позицію и спасти оп-
портунистическую тактику безжалостно разбивались о дружное
настроеніе всего конгресса.*) Съ изумительнымъ талантомъ

*) Здѣсь не лишнее будетъ замѣтить, что конгрессъ отнюдь не хо-
тѣлъ сдѣлать шагъ къ сектантству и нетерпимости, не хотѣлъ ни
отлучать отъ церкви, ни исключать Жореса и его партію. Съ точ-
зрѣніемъ конгресса направленіе Жореса можетъ имѣть свой гласъ
французскомъ и международномъ социализмѣ, но при условіи со

и съ бурной страстью защищалъ онъ, одинъ противъ всѣхъ, каждый шагъ своей политики, перечислялъ ея выгоды и всѣ положительныя результаты; указывалъ на вѣроятныя ея шансы въ ближайшемъ будущемъ; отъ защиты переходилъ къ нападенію, необычайно искусно использовалъ всѣ оппортунистическія прегрѣшенія нѣмецкой социалдемократіи — но увѣ! использовалъ ихъ лишь для того, чтобы прикрыть ими еще большія оппортунистическія прегрѣшенія своей партіи; съ большимъ искусствомъ выдвинулъ, въ видѣ резерва, то общее для оппортунистовъ положеніе, что де международный социалистическій конгрессъ не компетентенъ императивно рѣшать тактическіе вопросы каждой отдѣльной страны, а потому не вправѣ осуждать или отвергать тотъ или иной практическій шагъ данной національной организациі, и долженъ быть въ высшей степени остороженъ въ начертаніи интернаціональных нормъ социалистической политики. Жоресъ, далѣе, предпринималъ довольно искусную диверсію въ сторону Россіи, выставивъ перспективу вмѣшательства международнаго социалистическаго конгресса въ рѣшеніе такого чисто-національнаго спора, какой ведется теперь «между російскимъ террористическимъ направлениемъ и его социалдемократическимъ противникомъ Плехановымъ». На представителя партіи социалистовъ-революціонеровъ въ данной комиссіи, тов. Рубановича, выпала, такимъ образомъ, задача отпарировать этотъ аргументъ Жореса, что онъ и сдѣлалъ, заявивъ, что наша партія всегда готова принять на какомъ угодно интернаціональномъ конгрессѣ споръ о согласованности или несогласованности своей тактики съ общими социалистическими принципами; мы убѣждены, что такой споръ неминуемо кончится въ нашу пользу, и поручкой въ этомъ служить то всеобщее сочувствіе, которымъ, со временъ Народной Воли, была окружена террористическая борьба среди передовыхъ и, въ особенности, социалистическихъ круговъ всей Западной Европы. Товар. Рубановичъ напомнилъ отзывы Маркса и Энгельса о террорѣ, напомнилъ и слова Либкнехта, что онъ въ русскихъ условіяхъ сталъ бы самъ употреблять тѣ средства борьбы, которые пользуются столь пугающею европейскіхъ буржуа русскіе «нигилистъ».

Делегация партіи социалистовъ-революціонеровъ занимала крайнюю лѣвую позицію во всемъ этомъ спорѣ. Обсудивъ предварительно въ своей средѣ данный вопросъ, она — почти единогласно — пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. Принятая на Парижскомъ конгрессѣ резолюція Каутскаго совершенно справедливо высказывается противъ «министріализма» и противъ постоянныхъ союзовъ съ существующими партіями. Но, выгнавъ оппортунистическую тактику въ дверь, она выпускаетъ ее въ окно: установивъ правило, она тотчасъ дѣлаетъ «исключеніе», допуская въ какихъ то, недостаточно определенныхъ, случаяхъ возможность введенія — подъ контролемъ партіи — социалиста въ буржуазное министерство. Вопросъ долженъ быть поставленъ ребромъ. Если социалистическая партія входитъ въ составъ правительственнаго большинства, если она вводитъ своего члена въ составъ правительства, то тѣмъ самымъ она лишается свободы дѣйствій: она должна совместно съ другими группами большинства выработать одну общую линію поведения, одну общую политику; она должна отстаивать эту политику и брать на себя прямую, непосредственную, оффиціальную отвѣтственность за нее. Но вѣдь въ опредѣленіи этой линіи поведения социалистическая партія можетъ имѣть лишь частичное вліяніе; эта общая линія поведения будетъ равнодѣляющей между тенденціями всѣхъ группъ большинства, и, слѣдовательно, пройдетъ посредствѣ между лѣвыми и правыми ея элементами. Въ своемъ существѣ политика будетъ *буржуазная*, правда, прогрессивно-буржуазная, но все таки буржуазная; участіе социалистовъ придастъ лишь болѣе послѣдовательности и силы либерально-прогрессивнымъ тенденціямъ буржуазіи. Очень возможно, даже несомнѣнно, что всѣ прогрессивныя реформы этого прогрессивно-буржуазнаго правительства выгодны для

денія социалистической дисциплины, т. е. свободно защищая свои взгляды, но подчиняясь въ своихъ дѣйствіяхъ разѣ принятымъ рѣшеніямъ международныхъ или національных — каждыхъ въ предѣлахъ ихъ компетенціи — конгрессовъ. Вотъ почему была единогласно принята резолюція, предложенная Бебелемъ, Каутскимъ, Адлеромъ, Ферри и Вандервельдомъ, приглашающая къ объединенію «на почвѣ установленныхъ международными конгрессами принциповъ» всѣ нынѣ враждующія социалистическія фракціи, предлагающая для облегченія этого объединенія посредничество какъ интернаціональнаго социалистическаго бюро, такъ и социалистическихъ партій тѣхъ странъ, гдѣ единство уже существуетъ.

социализма, могутъ быть использованы имъ. Но использованы онѣ могутъ быть лишь при одномъ условіи: если социалистическая партія не будетъ свертывать своего знамени, будетъ дѣйствовать не со связанными, а съ развязанными руками. будетъ безпощадно разоблачать всю недостаточность, все безсиліе палліативовъ буржуазно-прогрессивныхъ партій. Но не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что социалистическая партія, разѣ она входитъ въ составъ постояннаго, правильно-организованнаго правительственнаго большинства (bloc) разѣ она совместно съ другими группами этого большинства участвуетъ въ выработкѣ *общей, союзной* политики, проводимой соотвѣтствующимъ министерствомъ — нѣтъ сомнѣнія, говоримъ мы, что въ такомъ случаѣ социалистическая партія *не можетъ* нарушать гармоніи дѣйствій «блока», тѣмъ болѣе, что эта гармонія всегда непрочна, дается съ большимъ трудомъ и требуетъ крайне бережнаго отношенія къ себѣ. Вотъ почему мы убѣждены, что хотя социалистическая партія должна брать всѣ уступки со стороны буржуазныхъ партій, должна толкать ихъ къ такимъ уступкамъ, можетъ поддерживать, отъ случая къ случаю, передовые элементы буржуазіи въ ихъ борьбѣ съ реакціонными, — но лишь при одномъ неперемѣнномъ условіи: не связывая себѣ рукъ, не входя въ составъ организованнаго правительственнаго цѣлаго, *не принимая на себя отвѣтственности* за политику такого правительства, на которое социалистическая партія можетъ оказывать лишь *частичное* вліяніе. Если въ правительственномъ «блокѣ» — а тѣмъ болѣе въ министерствѣ — социалистическій элементъ является меньшинствомъ, то общая политика его не можетъ не носить ясно выраженнаго буржуазнаго характера, и освящать его социалистической санкціей означало бы для социализма отказъ отъ своей собственной духовной и революціонной сущности.

Итакъ, вопросъ долженъ стоять ребромъ: есть ли буржуазный парламентъ арена сотрудничества или арена борьбы? Идетъ ли въ него социалистическая партія для того, чтобы совместно съ буржуазными партіями сообща выработать буржуазно-прогрессивное законодательство, или же для того, чтобы передъ лицомъ всей страны противопоставить свой идеалъ, свою концепцію, свои принципы буржуазнымъ? Нѣтъ сомнѣнія, социализмъ всегда готовъ своимъ давленіемъ вынудить у буржуазныхъ классовъ тѣ или ниня уступки; нѣтъ сомнѣнія, *парламентъ и парламентская социалистическая фракція есть также механизмъ для передачи этого давленія*; но для насъ несомнѣнно и то, что сила этого давленія прямо пропорціональна независимости ея. Вотъ почему для насъ вопросъ стоитъ ребромъ: революціонный социализмъ или правительственный реформизмъ? И вотъ почему насъ не совсѣмъ удовлетворяла Парижская резолюція Каутскаго, про которую одинъ изъ делегатовъ остроумно заявилъ: «Kautsky-Resolution ist Kautschuk-Resolution» — «резолюція Каутскаго — резолюція каучуковая». Вотъ почему мы внесли свою собственную резолюцію, которая объявляла совершенно недопустимымъ социалистическое санкціонированіе буржуазной по существу политики, путемъ ли участія социалистовъ въ отвѣтственномъ и солидарномъ буржуазномъ министерствѣ, путемъ ли вхожденія социалистической парламентской фракціи, какъ меньшинства, въ составъ организованнаго правительственнаго «блока». И только убѣдившись, что наша резолюція не имѣетъ шансовъ быть принятой, мы присоединились къ дрезденской резолюціи, какъ представляющей сравнительно болѣе всего гарантій противъ оппортунистическихъ теченій въ современномъ социализмѣ. Сдѣлать это было необходимо, ибо болѣе мягкая и расплывчатая резолюція Вандервельда-Адлера едва не была принята, и дрезденская резолюція была вотирирована незначительнымъ большинствомъ, при множествѣ воздержаній. Если бы мы воздержались или голосовали противъ изъ-за мелкихъ, частичныхъ несовершенствъ этой резолюціи, мы только сгинули бы на руку оппортунистамъ.

Здѣсь не мѣсто входить во всѣ перипетіи жаркихъ дебатовъ по этому вопросу. Замѣтимъ лишь, что далеко не всегда могли мы быть довольными аргументаціей Гэда, Бебеля и Каутскаго, отстаивавшихъ Дрезденскую резолюцію. Такъ, они стали на весьма шаткую и рискованную почву, проводя параллель между французской буржуазной республикой и прусско-германской «союзной монархіей», и отгнѣя въ нѣкоторыхъ пунктахъ преимуществъ послѣдней передъ первой. Такъ, далѣе, на весьма рискованную почву всталъ Каутскій, защищая свою резолюцію отъ обвиненія въ «каучуковомъ» характерѣ. Допуская, какъ исключеніе, вхожденіе социали-

овъ въ буржуазное министерство—говорилъ онъ—я имѣлъ въ виду лишь такіе крайніе, критическіе моменты національной жизни, когда, напримѣръ, всей странѣ угрожаетъ опасность, когда передъ ней стоитъ вопросъ—быть или не быть—при нашествіи вѣшняго врага.—Но неужели, совершенно праведливо возразилъ Жорестъ, буржуазное «отечество» дорожаетъ рабочему классу, чѣмъ внутреннія реформы? Неужели милитаризмъ такъ легко сдѣлать ортодоксальнымъ—простой ривавкой нѣкоторой дозы национализма? Каутскій выступалъ въ этомъ пунктѣ болѣе минималистомъ, чѣмъ Жорестъ, и на эту почву мы не могли за нимъ послѣдовать.

Подробнѣе о всемъ ходѣ прений мы ознакомимъ нашихъ читателей въ особомъ отчетѣ Амстердамской делегаціи П. С. Р., который будетъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Русской Революціи». Пока же, въ объясненіе нашей принципиальной позиціи, амѣтимъ еще слѣдующее.

На конгрессѣ была замѣтна тенденція, рѣзко выразившаяся въ рѣчи Анзееде, отрицать въ вопросахъ парламентской тактики компетентность социалистовъ тѣхъ странъ, гдѣ или еще не завоевана политическая свобода, или социалистическая партія еще не является вліятельнымъ факторомъ парламентской жизни. Странное пониманіе интернациональной социалистической солидарности! Охотно входя въ составъ буржуазно-прогрессивнаго «блока» данной страны, социаль-реформисты, видимо, вообще съ недовѣріемъ относятся къ международному социалистическому «блоку». Но неужели они не понимаютъ, насколько едина армія революціоннаго социализма, насколько дѣйствія каждаго ея отряда отзываются на дѣйствіяхъ другихъ отрядовъ? Когда Мильеранъ участвовалъ въ торжественной встрѣчѣ русскаго царя свободной, республиканской Франціей—развѣ это не укрѣпляло престижа и позицій паризма? Когда итальянскимъ социалистамъ, лишшнимъ царя «права вѣзда въ Италію», и создавшимъ для него въ Европѣ впервые ограниченную «черту осѣлости», Жорестъ совѣтовалъ бросить свою непримиримую тактику и видѣть въ царѣ не царя и деспота, а абстрактнаго представителя «Россіи», какъ нація—развѣ это было не ударъ нашей заграничной протувоваристской агитаціи? Развѣ это не спутывало всѣхъ понятій, выставляя порабителю русскаго народа—его воплощеніемъ и олицетвореніемъ? Когда при Мильеранѣ разстрѣливали рабочихъ-стачечниковъ—развѣ это не отозвалось на Россіи, развѣ это не было козыремъ въ рукахъ нашихъ Зубатовцевъ?

Да, мы еще не завоевали политической свободы, да, мы еще не представляемъ вліятельнаго фактора въ законодательствѣ. Болѣе того, намъ еще предстоитъ сдѣлать немало немаловажныхъ усилій, принести не мало жертвъ, дорогихъ жертвъ жизни и кровью, чтобы подняться на высшую культурно-историческую ступень. Но именно поэтому намъ особенно дорого, намъ особенно важно, чтобы наша трудная задача не затруднялась еще болѣе оппортунистическою тактикою нашихъ западно-европейскихъ братьевъ; чтобы еще не завоеванная, но уже дорого стоящая, свобода и возможность вліянія на законодательство не компрометировалась заранѣе социалистической санкціей грѣхопаденій буржуазно-парламентскаго правительства, а тѣмъ болѣе прямымъ соучастіемъ социалистовъ въ этихъ грѣхопаденіяхъ. Всякое изъ нихъ есть лишь вода на колеса Зубатовскихъ мельницъ, распространяющихъ среди рабочихъ политическій индиферентизмъ, недоувѣріе къ политической свободѣ, къ политическимъ партіямъ, къ социалистической интеллигенціи: это, далѣе, вода на колеса того догматическаго анархизма, который, механически переноса на русскія условія ожесточенную критику еще не завоеваннаго парламентскаго строя, теряетъ изъ виду всякую историческую перспективу, оставляетъ въ тѣни преимущества этого строя сравнительно съ самодержавнымъ и превращается, благодаря этому, въ беспочвенную, оторванную отъ жизни и мертвую доктрину, которая принесла бы много вреда рабочему движенію, если бы имѣла хоть какіе нибудь шансы распространиться и укрѣпиться.

Нѣтъ, говоримъ мы: мы болѣе, чѣмъ кто-либо, заинтересованы въ томъ, чтобы парламентскій режимъ и социалистическій оппортунизмъ, вліяніе социалистовъ на законодательство и отреченіе отъ революціонной сущности социализма не сдѣлались синонимами. Интернациональная социалистическая солидарность для насъ не пустое слово, и мы всегда первые будемъ стоять за то, чтобы противъ уклоненій отъ основъ революціонной, по своему существу, социалистической тактики, были выдвинуты твердыя интернациональныя нормы, обеспе-

чивающія единое, цѣлостное и гармоническое развитіе всемірнаго революціоннаго социализма!

Слѣдующимъ по важности и злободневности вопросомъ, подлежащимъ обсужденію конгресса, была всеобщая стачка. Конгрессу предстояло высказаться, признаетъ-ли онъ всеобщую стачку или, точнѣе, массовую политическую стачку однимъ изъ методовъ революціонной борьбы рабочаго класса. Обсужденію конгресса подлежали двѣ концепціи массовой стачки—съ одной стороны французская, нашедшая свое болѣе или менѣе точное выраженіе въ резолюціяхъ Рабочей Соціально-Революціонной Партіи Франціи (аллеманисты) и Соціалистической Партіи Франціи (Unité Socialiste Revolutionnaire, т. е. бланкисты и гэдисты), съ другой стороны, нѣмецко-голландская концепція, сложившаяся лишь недавно и выраженная въ соотвѣтственной голландской резолюціи. Французская концепція шире, реалистичнѣе, ибо не исключаетъ и другихъ возможныхъ средствъ социальной революціи, какъ напр. вооруженнаго возстанія рабочихъ массъ; наоборотъ, эта концепція считаетъ такое возстаніе весьма вѣроятнымъ продолженіемъ и дополненіемъ всеобщей стачки. Что-же касается нѣмецко-голландской концепціи, то она, подъ вліяніемъ новѣйшихъ статей Каутскаго, смотритъ на мирную всеобщую стачку, какъ на *единственное* средство, имѣющее въ распоряженіи пролетаріата, какъ для защиты отъ реакціонныхъ соудъ d'état господствующихъ классовъ, такъ и для нападенія на нихъ съ цѣлю завоеванія политической власти. Въ обоснованіи голландской резолюціи всякая возможность и цѣлесообразность вооруженнаго возстанія народа догматически отрицается. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, и побудило нашу делегацію голосовать за обѣ французскія резолюціи.*) Голландская резолюція по тексту нѣсколько лучше, чѣмъ по обосновкѣ въ докладѣ. Послѣ нѣсколькихъ «съ одной стороны нельзя не признаться, съ другой нельзя не сознаться» она говоритъ, что стачка, распространяющаяся на значительное число отраслей производства... явится наилучшимъ средствомъ осуществить социальныя замѣненія огромной важности». Нѣмецкіе делегаты и русскіе социалдемократы голосовали за голландскую резолюцію. Большинство нѣмецкой делегаціи, повидимому, лишь съ большою неохотою вотировало за всеобщую стачку, ибо, несмотря на статьи Каутскаго объ этомъ вопросѣ, старое мнѣніе—«Generalstreik ist Generalunsinn»—все еще господствуетъ въ социалдемократическомъ средѣ Германіи. Нѣмецкая делегація дружно аплодировала Флигену, говорившему противъ всеобщей стачки вообще. Но, очевидно, даже въ атмосферѣ нѣмецкой ортодоксіи чувствуется въ послѣднее время какой-то, хотя еще и не крутой, но все таки замѣтный поворотъ: характерно, что германскіе делегаты, volens nolens, все-же голосовали—въ первый разъ въ своей жизни!—за всеобщую стачку. Да и то сказать, голландская резолюція отличается одновременно и такимъ оптимизмомъ и такимъ утрированнымъ благоуміемъ, что, собственно, ни къ чему опредѣленному и не обязываетъ. При голосованіи этой резолюціи мы, вмѣстѣ съ большинствомъ сторонниковъ французской резолюціи, воздержались, отиѣчая этимъ ея расплывчатость и неясность. Мы предпочли этотъ способъ вотированія *противъ* резолюціи потому, что, во первыхъ, для ортодоксальныхъ марксистовъ эта резолюція все таки шагъ впередъ, а, во вторыхъ, въ резолюціи высказано много вѣрныхъ, хотя и азбучныхъ, вещей: невозможность далѣе замалчивать всеобщую стачку, необходимость предварительной организаціи рабочаго класса, несогласіе съ анархистскою—исключительной—концепціей всеобщей стачки, какъ универсальнаго средства, дѣлающаго излишней политическую организацію рабочаго класса и т. п. Мы надѣемся, что дальнѣйшіе конгрессы сдѣлаютъ новые шаги въ смыслѣ болѣе смѣлой и правильной оцѣнки значенія всеобщей стачки.

Не лишены были интереса работы и другихъ комиссій—соціальной политики и рабочаго страхованія, колоніальной политики. Вопросы, разбиравшіеся въ комисіи о колоніальной политикѣ, имѣли для насъ особенную важность, такъ какъ

*) За Аллемановскую резолюцію мы голосовали послѣ того, какъ въ комисіи они согласились замѣнить слова «всеобщая стачка» есть самое дѣйствительное средство осуществленія требованій рабочихъ» словами «одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ».

Резолюція бланкистовъ указывала на возможность, при извѣстныхъ условіяхъ, перехода всеобщей стачки въ революціонный взрывъ, при чемъ социалистическія партіи должны выполнить свой долгъ во все его полнотѣ.

они были первоначально поставлены в тѣсную связь съ такими общими положеніями марксизма, которыя для насъ были совершенно непріемлемы.

Съ большимъ удовлетвореніемъ отмѣчаемъ, что, послѣ преній, перешедшихъ одно время въ рѣзкое столкновение между Гайндманомъ и Бернштейномъ, Ванъ-Коль долженъ былъ взять назадъ свою резолюцію ультра-марксистскаго характера. Ванъ-Коль пытался сначала поставить вопросъ такимъ образомъ: 1) нужны-ли колоніи или не нужны? 2) должны-ли всѣ страны проходить по послѣдовательнымъ этапамъ развитія капитализма и концентраціи производства? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на оба эти вопроса, — а Ванъ-Коль не сомнѣвался, что отвѣтъ будетъ утвердительнымъ, — пришлось-бы заключить, какъ и говорилось въ его резолюціи, что въ наши задачи входитъ облегчать и толкать впередъ развитіе капитализма въ колоніяхъ, хотя-бы при этомъ и пришлось жертвовать, напримѣръ, остатками общинныхъ формъ собственности. Характерно, что докладъ Ванъ-Коля, доказывавшій, что гипотеза Маркса о возможности минованія для отдѣльных странъ или отраслей производства капиталистической стадии развитія опровергнута жизнью, — этотъ докладъ былъ помѣщенъ въ органѣ ревизионистовъ, *Soz. Monatshefte*, и встрѣтилъ въ комиссіи поддержку Бернштейна. Французскіе социалисты-революціонеры (гл. обр. бланкисты) справедливо находили, что резолюція Ванъ-Коля ставитъ социалистамъ задачи, ничего общаго съ социализмомъ не имѣющія. Гайндманъ и другіе ораторы, въ томъ числѣ тов. Волховскій, находили, что въ основу резолюціи ни въ какомъ случаѣ нельзя положить столь спорныя, абстрактныя и отчасти неясныя положенія, какъ положенія доклада Ванъ-Коля, въ которомъ и самая постановка вопроса — напримѣръ, нужны-ли (кому?) колоніи — отличается двусмысленностью.

Послѣ того какъ самъ Ванъ-Коль взялъ обратно свою резолюцію, приняты были двѣ другія: частная, относительно Индіи, составленная Гайндманомъ, и общая, предложенная де-Брюкеромъ. Въ обихѣ рѣзительно осуждалась современная колониальная политика буржуазно-капиталистическаго пошиба, со всеми ея послѣдствіями — мѣрами «предварительнаго накопленія», империализмомъ, милитаризмомъ и т. д. Задачей социалистическихъ партій было признано воздѣйствіе на законодательство съ цѣлью прогрессивнаго расширенія автономіи колоній и проведенія въ нихъ мѣропріятій, поднимающихъ населеніе на высшую культурную ступень (образование, сооруженія и работы общепользнаго характера, предохраненіе природныхъ благъ отъ хищническаго хозяйства и т. п.).

Въ основу резолюціи о рабочемъ страхованіи легли двѣ идеи: право каждого на существованіе (*das Recht auf die Existenz*) и введеніе прогрессивно-подходящаго налога для основанія фонда рабочихъ страховыхъ премій. Безъ преній принята была резолюція, ставившая на видъ необходимость по-всеобщаго празднованія 1-го мая. Вопросъ объ эмиграціи и иммиграціи, возбудившій серьезныя разногласія, былъ отложенъ до слѣдующаго конгресса.

Безъ дебатовъ была принята также резолюція Дрезденскаго партейтага, обязывающая социалистическія партіи требовать избирательнаго права для женщинъ.

Подводя итоги работамъ Амстердамскаго конгресса, слѣдуетъ признать, что цѣлый рядъ сложныхъ и насущнѣйшихъ проблемъ современнаго рабочаго движенія нашелъ въ немъ самое серьезное, самое внимательное и разностороннее разсмотрѣніе. Къ сожалѣнію, значительная часть этихъ работъ прошла незамѣченной для публики. Краткость срока, отведеннаго для конгресса, вмѣстѣ съ многочисленностью и сложностью подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ привели къ тому, что центр тяжести работъ былъ перенесенъ въ подготовительныя комиссіи, и на публичныя собранія конгресса въ его цѣломъ выносились, въ тѣхъ случаяхъ, когда достигалось соглашеніе, лишь окончательный итогъ, результатъ комиссіонныхъ преній, тогда какъ самый процессъ выработки его оставался для публики скрытымъ. Отъ этого, разумѣется, для лицъ, не присутствовавшихъ на засѣданіяхъ комиссій, многое терялось. Нужно, напр., было лично присутствовать въ засѣданіяхъ комиссій по социальной политикѣ и рабочему законодательству, гдѣ особенно блистали своимъ поистинѣ колоссальнымъ и всестороннимъ знаніемъ нуждъ, условій жизни, способовъ защиты интересовъ рабочаго класса Молькенбуръ и Вурмъ, а изъ французовъ — молодая, недавно выдвигавшаяся сила, Поль Луи; безъ этого рѣшеніе конгресса могло показаться простою формальностью. Нужно было присут-

ствовать въ комиссіонныхъ работахъ и для того, чтобы отмѣтить тенденцію, которая несомнѣнно проявилась на послѣднемъ конгрессѣ, хотя могла ускользнуть отъ вниманія публики, посѣщавшей только общія собранія: это пробивающееся убѣжденіе, что самая рѣзкость и обостренность спора между министріалистами и антиминистріалистами есть симптомъ другой слабости современнаго движенія: увлеченія внѣшней парламентской тактикой, съ ея преходоющими, поверхностными комбинаціями, въ ущербъ и за счетъ органической работы въ странѣ, въ глубь идущей пропаганды, прочной, боевой какъ экономической, такъ и политической организаціи рабочаго класса. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что плоды этихъ работъ конгресса скажутся неотвратимо въ ближайшее-же время.

* * *

Что касается насъ, социалистовъ-революціонеровъ, то мы не только можемъ быть довольны многими результатами работъ конгресса, поскольку они выразились въ принятыхъ принципиальныхъ резолюціяхъ. Мы имѣемъ еще и специальный поводъ зарегистрировать этотъ конгрессъ, какъ новый успѣхъ нашего движенія, нашей партіи. На этомъ конгрессѣ мы впервые заняли въ семьѣ социалистическихъ партій мѣсто, соответствующее значенію нашей дѣятельности, нашей программы и тактики: впервые, образовавъ особую секцію социалистическаго интернаціонала, мы получили, черезъ своего представителя въ бюро, право голоса въ рѣшеніи всѣхъ его текущихъ дѣлъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ новый успѣхъ, новый шагъ впередъ въ быстромъ развитіи нашей партіи былъ сдѣланъ не безъ борьбы. Въ статьѣ «Къ Амстердамскому конгрессу» («Искра», № 71) русская социалдемократія торжественно обѣщала выяснить «для нашихъ западноевропейскихъ товарищей, что интересы всемірнаго социализма представлены въ Россіи только социалдемократами». «Наша партія — заявляла Искра — на конгрессѣ, какъ и въ европейской печати, выступитъ, конечно, противъ... безразличнаго отношенія къ нашимъ отечественнымъ «фракціямъ» и будетъ отстаивать для русской социалдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетариата интересовъ русскаго сознательнаго рабочаго движенія».

Во исполненіе этого обѣщанія русскіе социалдемократы изготавили для конгресса свой отчетъ, напечатанный на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ отчетѣ не разъ приводятся «факты» и «примѣры» затемнѣнія нами классового сознанія рабочихъ; дѣлается тотъ выводъ, что мы есть «фракція буржуазной демократіи», при томъ еще «не имѣющая никакихъ твердыхъ политическихъ принциповъ» и вносящая «элементы явной дезорганизаціи въ дѣло развитія классового самосознанія и самостоятельной политической организаціи рабочаго класса». Далѣе слѣдуетъ донесеніе по начальству, что мы въ своемъ органѣ не перестаемъ «нападать на теоретическіе принципы и политическую практику не только русской, но и интернаціональной социальной «демократіи», почему и является протестъ противъ того, чтобы мы «были приняты въ семью социалистическихъ партій, ибо это «усилитъ нашъ престижъ» и «несомнѣнно повредитъ развитію классового сознанія и самостоятельной организаціи русскаго пролетариата».

Для большей убѣдительности, на нѣмецкій языкъ была переведена и резолюція противъ насъ II-го съѣзда Р. С. Д. Р. П., гдѣ, какъ извѣстно, сказано, что мы вредимъ не только дѣлу рабочаго класса, но и дѣлу обще-демократической борьбы противъ абсолютизма; что мы стремимся держать рабочихъ въ состояніи безформенной массы, которая можетъ быть простымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи, и т. д., и т. д.

Наконѣцъ, прибывъ на конгрессъ, мы получили (дорого яичко къ христову дню) свѣжій № *Vorwärts* съ со статьей противъ насъ, подписанной именемъ Г. Плеханова. Тамъ, разумѣется, насъ обличаютъ во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ и перешеновываютъ изъ социалистовъ-революціонеровъ въ «соціалистовъ-реакціонеровъ».

Всѣ эти маневры только увѣнчивали собою предъидущій походъ, который вели противъ насъ русскіе социалдемократы на страницахъ нѣмецкой социалдемократической прессы. Эти страницы были, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, широко открыты для г. Плеханова и его друзей и совершенно закрыты для насъ. Если въ первое время нашего выступленія на политическую арену «*Vorwärts*» и далъ о насъ

нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ, которымъ вторили и многие другіе провинціальныя органы, то затѣмъ все вдругъ рѣзко перемѣнилось. Систематически на столбахъ «Neue Zeit», «Vorwärts», «Leipziger Volkszeitung» и др. стали появляться фактическія сообщенія, замѣтки и статьи, словно только что сорвавшіяся со страницъ «Искры», тогда какъ наши попытки отвѣчать на худшія вылазки, направленные противъ насъ, оставались втунѣ. Вѣжливо, «съ социалъдемократическимъ привѣтомъ» извѣщали насъ, что, къ сожалѣнію, по тѣмъ или инымъ причинамъ (не всегда было легко понять, по какимъ) редакция не считаетъ удобнымъ помѣстить нашъ отвѣтъ.

Теперь случайно изъ одной рѣчи Бебеля въ рейхстагѣ мы узнаемъ, почему вдругъ такъ рѣзко измѣнилось отношеніе къ намъ нѣмецкой социалъдемократической прессы. Касаясь надвигавшагося Кенигсбергскаго процесса, въ которомъ противъ россійскихъ социалъдемократовъ было выдвинуто обвиненіе въ подстрекательствѣ къ политическимъ насильственнымъ дѣйствіямъ, и доказывая, что Плехановъ — ярый противникъ террора, Бебель подкрѣпилъ свою аргументацію слѣдующимъ интереснымъ фактическимъ сообщеніемъ. Оказывается, что однажды, когда Бебель гостилъ въ Цюрихѣ, къ нему специально пріѣхалъ Г. Плехановъ и нарисовалъ ему примѣрно слѣдующую картину. Русская социалъдемократія переживаетъ крайне трудный періодъ: она находится въ періодѣ сложной, организаціи; она работаетъ въ крайне тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, правительство ведетъ противъ нея свирѣпую борьбу; въ довершеніе всего, такую же отчаянную борьбу, такой же отчаянный походъ противъ нея, съ другой стороны, ведутъ русскіе террористы, эти политическіе революціонеры мелко-буржуазнаго пошиба, ничего общаго съ рабочимъ классомъ не имѣющіе. И вотъ, въ такомъ то плачевномъ положеніи «Vorwärts», не зная обстоятельствъ дѣла, неосторожностью своею вредитъ русскому рабочему дѣлу, помѣщая сочувственные отзывы и сообщенія о злѣйшихъ врагахъ социалъдемократіи въ Россіи! — Бебель, которому, очевидно, и въ мысли не пришло, что самая фактическая сторона сообщенія «лидера русской социалъдемократіи» можетъ нуждаться въ существенныхъ поправкахъ, отвѣтилъ кратко и просто, что онъ «приметъ мѣры», и что «отнынѣ этого болѣе не будетъ»... Такова оказалась разгадка рѣзкаго поворота въ поведеніи нѣмецкой социалъдемократической прессы...

Разумѣется, россійскіе социалъдемократы широко воспользовались создавшимся для нихъ монопольнымъ положеніемъ. Да, они воспользовались, и не только своевременно перенесли на страницы органа Каутскаго все когда либо измысленныя досужими искровскими кумушками сплетни о С. В. Балмашевѣ и Боевой Организациі, но и успѣли еще не такъ давно превосходно «ознакомить» нѣмецкихъ социалъдемократовъ съ дѣломъ Гершуни... съ видомъ наивной доверчивости, точно излагая дѣло по такимъ «аутентичнымъ» источникамъ, какъ сборникъ прокурорско-предательскихъ клеветъ, носящій названіе «обвинительнаго акта по дѣлу такъ называемой Боевой Организациі». Русскій читатель легко себѣ представитъ, въ какомъ видѣ предстали передъ нѣмецкими товарищами русскіе террористы! И каково получилось положеніе Vorwärts'a, благодаря напечатанію этой позорной статьи! Центральныя органы нѣмецкой социалъдемократіи во время суда надъ самоотверженнымъ героемъ революціи явились послушнымъ эхомъ его клеветниковъ!

Мы понимаемъ, конечно, что нѣмецкіе социалъдемократы, въ громадномъ большинствѣ своемъ плохо знакомые съ русскими условіями, часто не могутъ самостоятельно, критически отнестись къ получаемымъ ими фактическимъ сообщеніямъ. Неудивительно, поэтому, что слушая только одну сторону, они вынуждены рабски повторять все, что ни заблагоразсудятъ имъ сообщить тенденціозные «информаторы». И вотъ почему они могутъ спуститься даже до напечатанія такихъ статей, какъ о процессѣ Гершуни: «не вѣдаютъ бо, что творятъ».

За то превосходно это «вѣдаютъ» ихъ корреспонденты изъ «Искры». Они поступаютъ сознательно, и цѣль ихъ ясна. Все дѣло состояло въ томъ, чтобы помѣшать нашей партіи быть допущенной «въ семью социалистическихъ партій», какъ теперь нѣсколько необходимо и преждевременно — заявила во всеуслышаніе редакция «центрального органа Р. С.-Д. Р. П.» И она наивно вѣрила, будто отъ ея маневровъ, ея агитаціи зависятъ допущеніе или недопущеніе насъ на международный социалистическій конгрессъ! И она воображала, будто, исто-

рическое значеніе нашей борьбы, нашей тактики, существованія нашей партіи вообще — можетъ быть аннулировано действиемъ хлесткихъ статей, сила вліянія которыхъ гарантируется недопущеніемъ возраженій, зажиманіемъ рта противнику!

Жалкая, неаппетитная иллюзія! Она разбилась болѣе быстро и безсильно, чѣмъ этого можно было ожидать. И первымъ же плачевнымъ сюрпризомъ для нашихъ иллюзионистовъ было то, что даже Vorwärts, помѣстивъ статью Плеханова противъ нашей партіи, не могъ не сопроводить ея нѣсколькими весьма существенными оговорками.

Vorwärts констатируетъ, конечно, прежде всего, что современная социалъдемократія отвергаетъ террористическіе акты, какъ средство политической борьбы; но, начавши такимъ образомъ какъ будто за упокой, онъ кончаетъ за здравіе:

«Однако, актъ такого рода, какъ тотъ, который былъ направленъ противъ Плеве, кажется намъ событіемъ, съ необходимостью (курсивъ подлинника) вытекающимъ изъ ужасныхъ условій существованія современной Россіи. И намъ представляется, что вовсе не утрата вѣры въ пролетарское рабочее движеніе вызываетъ въ настоящее время покушенія, по опыту, показавшія, что, если рабочее движеніе не станетъ пользоваться также и этими средствами, то у него не будетъ возможности дѣйствительно развиваться при господствѣ царскаго абсолютизма. Намъ кажется, что наряду съ отчаяннымъ озлобленіемъ противъ позорныхъ дѣяній царскихъ опричниковъ, людьми, рѣшающимися на террористическіе акты, руководятъ также и ожиданіе, что такимъ образомъ — и только такимъ образомъ — наконецъ будетъ проложена дорога для настоящаго рабочаго движенія.

Не надо забывать и того, что при современномъ положеніи вещей въ Россіи такіе акты, хотя и не обезпечиваютъ сами по себѣ на продолжительное время дѣло освобожденія, но для каждаго даннаго момента облегчаютъ тяжесть ужаснаго проклятія, подавляюще дѣйствующаго на умы, внушаютъ новую надежду утратившимъ ее, пробуждаютъ въ обезпеченныхъ то чувство собственного достоинства, которое во что бы то ни стало они должны себѣ вернуть».

Отвергая терроризмъ, социалъдемократія не имѣетъ никакого основанія предавать проклятію тѣхъ, кто признаетъ его для Россіи. Ясно и рѣзко отрицая себя отъ терроризма, социалъдемократія однако не можетъ отказать въ чувствѣ почтительнаго изумленія тѣмъ, кто отдастъ свою жизнь съ такимъ героическимъ самопожертвованіемъ».

Эти оговорки, столь неожиданныя со стороны умѣреннаго и аккуратнаго Vorwärts'a, были первымъ предостереженіемъ. Русскіе социалъдемократы вняли ему. И, несмотря на угрожающіе возгласы «Искры» — «Иду на вы!», несмотря на протестъ противъ нашего приѣма «въ семью социалистическихъ партій», опубликованный въ представленномъ конгрессу докладѣ о дѣятельности Р. С. Д. Р. П., — несмотря на все это, социалъдемократическая делегація не рѣшилась и замкнуться передъ конгрессомъ или предъ его бюро о неутвержденіи полномочій нашей делегаціи. Она опротестовала лишь валидированный нами мандатъ присоединившагося къ нашей делегаціи представителя латышскаго соц.-дем. союза, тов. Ролау; мы защищали его, и, несмотря на поступившій протестъ, огромнымъ большинствомъ голосовъ мандатъ тов. Ролау былъ утвержденъ.

Все предразсудки и предубѣжденія противъ нашей партіи, еще существующіе въ нѣкоторой части западно-европейскихъ социалистовъ (преимущественно среди ортодоксальныхъ догматиковъ марксизма) могли, такимъ образомъ, проявиться и показать свою силу лишь въ вопросѣ о предоставленіи намъ права имѣть своего делегата въ интернаціональномъ социалистическомъ бюро. Здѣсь могли русскіе социалъдемократы вознаграждать себя, хотя бы до известной степени, за отступленіе отъ борьбы въ вопросѣ о приѣмѣ насъ «въ семью социалистическихъ партій». Положеніе затруднялось для насъ тѣмъ, что на вакантное второе мѣсто въ бюро*) заявилъ свои притязанія еще и Бундъ. И все таки подавляющимъ большинствомъ голосовъ, болѣе чѣмъ двумя третями (15 противъ 7) были торжественно утверждены наши права на активное участіе черезъ особаго представителя во всѣхъ текущихъ дѣлахъ современнаго Интернаціонала.

И это рѣшеніе бюро, и все поведеніе социалъдемократической делегаціи на конгрессѣ создаетъ совершенно странное, противорѣчивое, ненормальное положеніе въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между русскими социалъдемократами и социалистами-революціонерами. И кардинальный пунктъ всей

*) Каждая нація имѣетъ въ бюро двухъ представителей. Россію представляли делегаты отъ двухъ враждующихъ направлений въ русской соц. демократіи: Г. Плехановъ и Б. Кричевскій. Съ побѣдой направленія «Искры» надъ «рабочедѣльцами» Б. Кричевскій долженъ былъ «выйти въ отставку».

этой путаницы — резолюция против насъ, принятая на второмъ съѣздѣ русскихъ социалдемократовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь возникаетъ дилемма; одно изъ двухъ: или социалдемократы стоятъ на точкѣ зрѣнія резолюции II-го съѣзда — тогда они оказались на конгрессѣ либо измѣнниками дѣлу рабочаго класса, либо трусами. Какъ! «Въ семью социалистическихъ партій» являются люди, стремящиеся держать рабочій классъ въ состояніи безформенной массы, способной быть оружіемъ въ рукахъ буржуазіи, т. е. лишь пушечнымъ мясомъ, — и русскіе социалдемократы молчатъ! Какъ! Въ дѣлахъ рабочаго интернаціонала принимаетъ участие мелко-буржуазная партія, ничего общаго съ социализмомъ не имѣющая; неудовлетворяющая своему назначенію даже, какъ демократическая, политически-освободительная сила; называющая себя революціонной, но на дѣлѣ являющаяся реакціонной, — и настоящие выразители интересовъ сознательнаго рабочаго движенія допускаютъ такую профанацию международнаго рабочаго движенія? Развѣ это — не измѣна народному дѣлу? Развѣ это — не принесеніе въ жертву интересовъ дѣла — опортунистическому страху оказаться въ меньшинствѣ, потерпѣть пораженіе?

Или же, наоборотъ — социалдемократы дѣйствовали на конгрессѣ правильно; но тогда значитъ, что они сами не принимаютъ въ серьезъ своей собственной резолюции. Однако, принимать несерьезныя резолюции въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ могутъ только люди несерьезные.

Русскіе социалдемократы могутъ выбирать любой изъ этихъ двухъ выходовъ. И тотъ, и другой ихъ не мало не украшаетъ. *И только скорѣйшая отмена нелѣпой резолюции II съѣзда можетъ вывести ихъ изъ этого противорѣчиваго, жалкаго и нелѣпнаго положенія.*

Но отмена этой резолюции можетъ быть лишь полной ликвидаціей всей той, убійственной для интересовъ революціи, полосы въ исторіи нашихъ междупартийныхъ отношеній, которая была создана усиліями «Искры».

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Кризисъ народнаго правосознанія и нео-бюрократические эксперименты.

Кризисъ народнаго правосознанія замѣчается теперь, конечно, не только въ одной Россіи, но и въ другихъ странахъ. Народная мысль, воспитанная вѣками въ атмосферѣ сперва патриархально-авторитарнаго, затѣмъ индивидуалистическо-капиталистическаго режима, столкнулась въ послѣднія десятилѣтія съ широкой волной социалистическихъ идей, расшатываящихъ все старое, традиціонное и бросающихъ совершенно новый свѣтъ на межчеловѣческія отношенія. Кризисъ замѣчается во всемъ строе народнаго мысли, — между прочимъ и въ сферѣ народнаго правосознанія. Что право и что неправое въ юридическомъ смыслѣ, стало теперь для многихъ довольно сложнымъ и трудно разрѣшимымъ вопросомъ; право семейственное, вещное, наследственное и т. д. наполняется мало-по-малу, по крайней мѣрѣ, въ сознании наиболѣе передовыхъ социальныхъ группъ, новымъ содержаніемъ, вступающимъ во все болѣе острые, хотя и не всегда явные, конфликты съ дѣйствующими законами. Но эксплуатируемые, трудящіеся классы еще не призваны къ творчески-законодательной работѣ, а господствующіе классы уже рѣшительно неспособны къ ней. Насущная потребность нашего времени въ глубокихъ всеобновляющихъ законодательныхъ реформахъ удовлетворяется пока-что всяческими неудобоваримыми суррогатами, «снимается съ очереди» мертворожденными бюрократически-юридическими экспериментами.

Но нигдѣ, ни въ какой другой странѣ кризисъ народнаго правосознанія не принялъ такихъ острыхъ виѣшнихъ формъ и не проникъ такъ глубоко въ самый организмъ народнаго жизни, какъ въ Россіи. И неудивительно. Общинно-трудовая начала народно-обычнаго права, — начала, не имѣющія на Западѣ уже давно никакой реальной силы, — вторгаются еще могучимъ и дивноеобразнымъ аккордомъ въ общій всенародный протестъ личности противъ стѣсняющихъ ее оковъ патриархально-абсолютистскаго строя, осложняя этотъ протестъ и идя, въ свою очередь, настрѣчу новымъ, антииндивидуалистическимъ началамъ социализма. То, что Западъ продѣлывалъ въ теченіе вѣковъ, Россія переживаетъ въ теченіе десятилѣтій; то, что было раньше длиннымъ и рѣзко различающимся по своимъ стадіямъ общественнымъ процесомъ,

становится теперь, сравнительно, кратковременнымъ переживаніемъ, проходящимъ всѣ эти стадіи или этапы *одновременно, ступенно*.

Буржуазно-капиталистическій этапъ не принялъ и *не принимаетъ* у насъ, въ Россіи, той своей чистой, западно-европейской формы, благодаря которой *борьба за индивидуальность* противъ патриархально-абсолютистскаго режима стала въ дѣйствительности борьбой за индивидуальность, за воплощеніе въ формы социальной жизни началъ эгоизма и конкуренціи. У насъ-же борьба за *индивидуализмъ* возникаетъ не только на почвѣ общинно-трудовыхъ началъ общинно-народной жизни, но и въ благотворно-живительной атмосферѣ социальнореволюціонной пропаганды и агитаціи. У насъ борьба за индивидуальность является, такимъ образомъ, прежде всего борьбой не за индивидуалистическій, буржуазный, а за социалистическій, трудовой строй человѣческаго общежитія, хотя она и осложняется цѣлымъ рядомъ чисто индивидуалистическихъ мотивовъ.

Какъ-бы тамъ однако ни было, очевидно, что въ силу специфическихъ условий русской жизни кризисъ народнаго правосознанія долженъ былъ принять у насъ характеръ и формы, совершенно отличные отъ того, что мы видимъ на Западѣ, тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ весь крестьянскій многомилліонный міръ руководствуется въ своихъ внутреннихъ — имущественныхъ и другихъ — отношеніяхъ не ясно выраженнымъ, такъ наз. *писаннымъ*, закономъ, а обычаемъ, и даже не обычаемъ, а цѣлымъ множествомъ обычаевъ, различныхъ не только въ зависимости отъ столь сложнаго у насъ этнографическаго состава населенія, но и сплошь и рядомъ въ двухъ сосѣднихъ, въ племенномъ отношеніи однородныхъ мѣстностяхъ. Крѣпостная зависимость и натуральный строй жизни тормозили развитіе цѣлыхъ институтовъ правовой народной жизни, которая оказалась, въ концѣ концовъ, совершенно неподготовленной — въ смыслѣ юридическомъ — къ тѣмъ новымъ, «купоннымъ», отношеніямъ и порядкамъ, которые нагрянули на нее съ паденіемъ крѣпостного права. Народное правосознаніе стало все болѣе теряться въ осложняющейся вокругъ него социальной жизни; обычно-правовыя воззрѣнія и X томъ Свода законовъ оказались двумя совершенно непримиримыми юридическими категоріями, вступившими другъ съ другомъ въ борьбу при первомъ-же соприкосновеніи, борьбу — о, ужасъ! — все болѣе непримиримую, все болѣе обостренную, переходящую на нашихъ-же глазахъ въ настоящую гражданскую войну между трудовыми крестьянствомъ и командующими классами. Крестьянская совѣсть протестуетъ противъ несправедливыхъ законовъ и противъ полнаго безправія какъ и чѣмъ можетъ; протестъ выливается въ самыя различныя формы, начиная отъ аморфно-индивидуальныхъ и кончая коллективно-организованными. Сохраняя и до сихъ поръ еще преимущественно стихійный характеръ, безъ яснаго сознанія цѣли и средствъ, крестьянская «борьба за правду» становится однако уже и теперь угрозой всему существующему строю. Много интересныхъ данныхъ о такой борьбѣ было приведено въ херсонской корреспонденціи № 49 «Рев. Рос.», а также въ напечатанной въ томъ-же номерѣ замѣткѣ: «изъ деревенскихъ впечатлѣній».

Но особенно интересна и поучительна общая картина современной жизни и практики, нарисованная участниками: такъ наз. сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Извлеченія изъ записокъ, отѣтовъ и докладовъ этихъ комитетовъ, приводимыя напр. «Правомъ» въ его послѣднихъ номерахъ, обнаруживаютъ передъ нами, какъ нельзя лучше, глубокую и, повидимому, безвыходную правовую анархію въ современной русской деревнѣ, вступающей съ каждымъ днемъ во все болѣе обостряющийся конфликтъ съ современнымъ правовымъ порядкомъ. «Нѣтъ мѣста, гдѣ-бы не попиралось право собственности, — говорилось напр. въ Рославльскомъ комитетѣ: — непрерывные земельные захваты, кражи лѣса, воровство сельско-хозяйственнаго инвентаря, воровство въ огородахъ, садахъ, поляхъ и дугахъ, порча насажденій... можно было-бы перечислить безъ конца. Изъ года въ годъ все это прогрессируетъ; грабежи среди бѣлаго дня толпами, состоящими изъ сотенъ людей, предводимыми ихъ законными выборными начальниками... «Всѣвозможные захваты пограничной земли, читаемъ въ одномъ докладѣ Гродненскаго комитета, порубки, погромы, самовольная пастьба скота вошли у крестьянъ въ привычку... Неуваженіе къ чужой собственности стало обычнымъ явленіемъ въ деревенской жизни... И такъ, что ни комитетъ, то цѣлый рядъ жалобъ и нарекаій на полную эфемерность

и непрочность «правовых гарантий» в современной русской деревнѣ. И жизнь и имущество командующихъ классовъ, даже простыя «богатѣи», находятся теперь среди крестьянъ въ опасности. Чтобы научить крестьянъ уваженію къ «гражданскому правопорядку», многими членами сельск.-хоз. комитетовъ рекомендовались прямо таки «драконовскіе законы». Противъ «моднаго либерализма», рекомендующаго культурныя средства для борьбы съ преступностью, выдвигались самыя разнообразныя аргументы. «Человѣку, близко знакомому съ русскимъ народомъ», — говорилъ напр. одинъ изъ членовъ Рославльскаго комитета, — никогда и въ голову не придетъ, что нашей толпой руководить идея... Поколѣніе крестьянъ выросло слабохарактерное, буйное, лѣнивое, вороватое, упрямое, трусливое въ одиночку, нахальное и неистовое, какъ звѣрь, въ толпѣ... Русский крестьянинъ не желаетъ понять, что чужая собственность есть святыня, и посягательство на нее именуется воровствомъ... Но спрашивается: какъ-же все-таки объяснить такое странное «нежеланіе понимать», такіе слабыя собственническіе инстинкты въ средѣ того самаго общественнаго класса, члены котораго обладаютъ якобы «антиколлективистскими черепами» и пропитаны «мелко-буржуазными инстинктами»? Предъ нами, конечно, явленіе крайне сложнаго характера, и объяснить его лишь однимъ какимъ-либо факторомъ было-бы неразсудительно. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что общинно-трудоваго традиціи русскаго крестьянина толкаютъ его на болѣе или менѣе острую борьбу съ вѣдряющимися въ русскую деревню буржуазно-собственническими началами. «Основной причиной аграрныхъ правонарушеній — даже по мнѣнію нѣкоторыхъ комитетовъ (Чебоксарскаго, Пермскаго, Чистопольскаго) — является своеобразие крестьянской жизни, въ частности общинный укладъ ея. При общинномъ владѣніи крестьянинъ въ сущности не понимаетъ, что такое собственность и не можетъ воспитать въ себѣ уваженія къ этому институту. Поэтому прежде всего слѣдуетъ измѣнить существующія законоположенія о крестьянахъ и всячески поощрять переходъ къ подворному владѣнію» (см. «Право», № 23).

Руководясь тѣми-же мотивами, Винницкій комитетъ постановилъ ходатайствовать объ уничтоженіи волостного суда и объ учрежденіи всесословной волости. Волостной судъ, руководящійся обычнымъ правомъ, является-де факторомъ, поддерживающимъ своеобразие крестьянской жизни и народнаго правосознанія: для смарки послѣдняго необходимо уничтожить особое крестьянское судопроизводство.

На встрѣчу вѣтвѣ такимъ собственническимъ и охранительнымъ вождѣльникамъ и идуть въ настоящее время выработанные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проекты новыхъ законоположеній о крестьянахъ. Правда, проекты эти ревниво оберегаютъ сословную обособленность крестьянъ постольку, поскольку это необходимо въ интересахъ административной регламентаціи и произвола; но въ то-же время они обнаруживаютъ явную тенденцію привить нашему народному правосознанію собственническія начала, приобщая его къ такъ наз. общегосударственнымъ нормамъ писаннаго закона.

Подлежащими пересмотру редакціонная коммиссія опредѣляетъ лишь тѣ законоположенія, которыя касаются крестьянскаго самоуправления, сословнаго суда и способовъ землепользованія. Сельскіе сходы должны быть замѣнены собраниями выборныхъ, право участія въ нихъ должно быть ограничено; волостные суды сохраняются, «остаются лишь снабдить ихъ твердыми правилами писаннаго закона». Правда, ни X томъ дѣйствующаго свода законовъ, ни вновь составляемое гражданское уложеніе, во всемъ ихъ объемѣ, не признаются для этого пока пригодными; но коммиссія признала все-же за благо издание особаго «сельскаго гражданского устава», въ основу котораго должны быть положены тѣ-же начала, какими проникнуты общіе гражданскіе законы. То-же самое должно быть продѣлано и по отношенію къ гражданскимъ законамъ и къ процессуальному праву. Что-же касается крестьянскаго землепользованія, то коммиссія не только высказалась за сохраненіе закона 8 іюня 1893 года о передѣлахъ мірской земли, нанесшаго тяжкій ударъ общинѣ, но и выступила съ самостоятельными предложеніями, имѣющими въ виду дальнѣйшее ослабленіе общиннаго землевладѣнія.

Такимъ образомъ, противъ настоящаго, очутившагося на крутомъ распутии, народнаго правосознанія, инстинктивно и конвульсивно борющагося за выстѣпленіе начала права и справед-

ливости, готовится со стороны законодательства новый индивидуалистическій походъ, долженствующій приучить наше волнуемое крестьянство къ «гражданскому правопорядку» и внушить ему «уваженіе къ чужой собственности». Тенденція, во многомъ сходная съ другими индивидуалистическими походами, предпринятыми по отношенію къ нашему крестьянству российской соц.-дем. партіей, взявшей на себя задачу «введенія деревни въ буржуазно-капиталистическія условія существованія». Мы не вѣримъ не только въ цѣлесообразность, но и въ жизненность всѣхъ этихъ какъ нео-бюрократическихъ, такъ и нео-марксистскихъ экспериментовъ. «Пересматривать» въ наше тревожное время какіе-бы то ни было законы о крестьянствѣ есть то-же самое, что перестраивать хижины на кратерѣ проснувагося вулкана. Волны народнаго недовольства и возмущенія растутъ съ неизмѣримою быстротой и грозятъ завтра-же снести, какъ картонныя домики, всѣ искусственныя построенія доктринерско-бюрократической идеологіи. Завтрашняя революція принадлежитъ «антисобственническимъ инстинктамъ»: она пошлетъ къ черту всѣ эти хваленныя «элементарныя гражданскія права» до «прирѣзковъ» включительно и потребуетъ земли, — всей земли! — и воли. Наша задача въ современномъ мучительномъ кризисѣ народнаго правосознанія сводится къ поддержанію въ немъ общинно-трудоваго началъ, сохранившихся еще въ обычномъ правѣ, къ охраненію его отъ индивидуалистической заразы, откуда-бы послѣдняя ни исходила, и къ вѣдренію въ него новыхъ, болѣе широкихъ, началъ правды и справедливости.

КЪ ТОВАРИЩАМЪ-РАБОЧИМЪ.

(Объ отношеніяхъ между рабочими и интеллигенціей).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Товарищи! Все чаще и чаще за послѣднее время возникаютъ недоразумѣнія между рабочими и интеллигентами; все громче и громче раздаются жалобы рабочихъ на интеллигентовъ; все рѣзче и рѣзче обостряются ихъ взаимныя отношенія, угрожая въ будущемъ принять еще большіе размѣры. То и дѣло приходится слышать такія рѣчи и сужденія: «Нѣтъ, такъ работать, какъ до сихъ поръ работали, мы больше не можемъ. Такая работа насъ больше не удовлетворяетъ: она является непроизводительной тратой силъ; не даетъ тѣхъ результатовъ, которые должна была бы давать. Надо иначе поставить дѣло, перестроить весь планъ существующей организаціи, самимъ входитъ всюду, перестать быть на побѣгушкахъ у интеллигентовъ, дѣлать лишь то, что они намъ прикажутъ... интеллигенты не знаютъ нашей жизни, не знаютъ души рабочаго человѣка, не понимаютъ того, что намъ надо, чѣмъ болитъ наше сердце... Они являются по отношенію къ намъ не товарищами, а какими то начальниками, командирами, пользуясь своимъ матеріальнымъ и научнымъ преимуществомъ. Намъ надо создать «рабочихъ-интеллигентовъ», которые ближе бы стояли къ намъ, знали бы и вѣдали всѣ наши нужды, отвѣчали бы на всѣ наши запросы и требованія... Не оставалась бы работа тогда, когда интеллигенты разѣзжаются на дачи» и т. д.

Попробуемъ же, хотя нѣсколько, разобраться во всемъ этомъ, выяснитъ насколько справедливы подобныя утвержденія. Дѣйствительно, виноваты ли только одни интеллигенты во всѣхъ неурядицахъ? Нѣтъ ли какихъ нибудь другихъ причинъ? Не кроется ли корень зла гораздо глубже? И, наконецъ, можно ли устранить всѣ эти недоразумѣнія?

Что дѣло организаціи у насъ поставлено въ настоящее время еще плохо и заставляетъ желать очень и очень многого, съ этимъ, я думаю, согласится каждый изъ насъ. Никто навѣрно не станетъ оспаривать и того, что многія лица, какъ изъ рабочихъ, такъ и изъ интеллигентовъ, приступаютъ къ революціонной дѣятельности не совсѣмъ подготовленными и осведомленными, отъ чего сама работа много теряетъ въ своей продуктивности. Вѣрно также и то, что часто интеллигенты, вступая въ среду рабочихъ для занятій и пропаганды среди нихъ, мало знаютъ эту среду и потому не могутъ отвѣтить на назрѣвшіе вопросы и удовлетворить насущнымъ требованіямъ, отъ чего и возникаютъ различныя неудовольствія. Но здѣсь прежде всего виновато проклятое русское самодержавіе, которое на каждомъ шагѣ гнететъ и душитъ насъ своей желѣзной лапой, ставитъ насъ въ ужасныя, невыносимыя условія, среди которыхъ мы должны жить и работать

Въ то время, какъ въ распоряженіе жандармовъ предоставлена вся современная наука, вся техника, неограниченныя суммы награбленныхъ съ народа денегъ, цѣлыя полчища шпионовъ и провокаторовъ, когда они владѣютъ накопленнымъ десятками лѣтъ опытомъ въ сыскѣ и выслѣживаніи революціонеровъ, каждаго шага, движенія, приѣма и тактики, не говоря уже о томъ, что они могутъ перехватить каждое письмо и корреспонденцію, ворваться въ квартиру въ каждую минуту дня и ночи, перервать, переломать, все поставить вверхъ дномъ, хватать людей направо и налево по одному только подозрѣнію, цѣлые годы томить ихъ въ тюрьмахъ и крѣпостяхъ... У насъ, революціонеровъ бываетъ силѣю и рядомъ: арестуютъ болѣе или менѣе свѣдущаго въ дѣлахъ человѣка — и исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ тотъ опытъ и знаніе, которые онъ приобрѣлъ за время своей дѣятельности. Иногда просто не остается даже и слѣда тамъ, гдѣ онъ работалъ. И опять приходится все начинать съ начала, поступать каждому такъ, какъ ему кажется лучше... Снова погромъ, снова приходится начинать все сначала. Спросъ на интеллигентныя силы постоянно такъ великъ, что въ ряды революціоннаго авангарда приходится вводить такихъ лицъ, которые съ удовольствіемъ ждали бы большей политической подготовки и практической сноровки, еслибы русская безобразная дѣйствительность не представляла бы такъ властно свои права на нихъ въ столь ранніе годы... Можно ли послѣ всего этого удивляться тому, что дѣло поставлено у насъ такъ неудовлетворительно? Нѣтъ, не этому приходится удивляться, а той отвагѣ и энергіи, которую проявляютъ революціонеры, trotzъ ихъ жизнеспособности и мощи рабочаго движенія, тѣмъ широкимъ размахомъ, которыхъ оно достигло за послѣднее время, не смотря на всѣ ужасныя препятствія и преграды. Но я нѣсколько уклонился въ сторону. Прежде всего остановимся на томъ, что такое «интеллигентъ» и «интеллигентъ-рабочій». Признаюсь, на этотъ послѣдній вопросъ, затрудняюсь отвѣтить, такъ какъ я вообще не понимаю такого дѣленія. Когда, напримѣръ, говорятъ интеллигентъ, интеллигентъ-рабочій, то смыслъ вполне ясенъ, но «рабочій-интеллигентъ», какъ хотите, понятіе слишкомъ растяжимое. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить такое различіе названій, то пришлось бы создать цѣлую новую терминологию: интеллигентъ-рабочій, интеллигентъ-приказчикъ, интеллигентъ-попъ, интеллигентъ-шпионъ, и такъ безъ конца можно было бы перечислять. Надо разъ на всегда отрѣшиться отъ такого смутнаго представленія объ интеллигентности. Подъ словомъ «интеллигентъ» подразумѣвается человѣкъ, вполне развитой умственно и нравственно, т. е. сознательно относящійся къ жизни и стремящійся достигнуть возможнаго счастья для большинства людей. Только такого человѣка можно считать интеллигентнымъ, безъ всякаго отношенія къ тому, какимъ трудомъ добываетъ онъ себѣ кусокъ хлѣба: физическимъ или умственнымъ. Подводить же подъ понятіе интеллигентовъ всѣхъ тѣхъ людей, которые не занимаются физическимъ трудомъ, а имѣютъ иную профессію, будетъ не только ошибочно, но прямо невѣрно. Есть три разряда людей: интеллигенты, грубые дикари и дикари культурные, безразлично въ какую шкуру послѣдніе не рядились бы — въ шкуру ли студента, доктора, инженера, профессора. Вотъ почему, когда рѣчь заходитъ о такомъ дѣленіи, какъ «интеллигентъ» и «интеллигентъ-рабочій», то невольно возникаетъ мысль: люди не имѣютъ яснаго представленія о томъ, о чемъ говорятъ. Если же имѣютъ, то дѣлаютъ такое различіе не искренно, съ какой то заднею мыслью. Отсюда можно вывести такое заключеніе, что только рабочій и способенъ быть истиннымъ, настоящимъ революціонеромъ, что онъ отъ природы такимъ рожденъ и надѣленъ всѣми качествами. А интеллигентъ, который не занимается физическимъ трудомъ, имѣетъ профессію учителя, доктора, адвоката — нигде не годится. Онъ не можетъ понимать нужды и желаній рабочихъ. Если же интеллигенты принимаютъ участіе въ рабочемъ движеніи, то только потому, чтобы порисоваться и покомандовать надъ рабочими. Поэтому къ чорту интеллигентовъ! Вѣдь это наше рабочее движеніе, слѣдовательно, сами рабочіе должны вести его, никого, никакихъ интеллигентовъ намъ не нужно, и безъ нихъ обойдемся... Такъ часто рѣшаютъ тѣ рабочіе, которые бѣгло и поверхностно успѣли ознакомиться съ революціоннымъ движеніемъ, не сумѣли достаточно глубоко оцѣнить сущности его и тѣхъ задачъ, которыя оно ставитъ себѣ. Разсмотримъ же насколько основательны эти аргументы. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мы—рабочіе должны препятство-

вать вступленію въ ряды борющагося пролетаріата интеллигентамъ, вообще, всѣмъ тѣмъ людямъ, которые не хотятъ мириться съ существующимъ зломъ и неправдой, съ парящимъ гнетомъ, произволомъ и насиліемъ, а протестуютъ, становятся подъ залитые слезами и кровью красное знамя рабочихъ, отдають на служеніе великому дѣлу освобожденія свои силы и знаніе, молодость и жизнь, переносятъ всѣ лишения и невзгоды, идутъ въ тюрьмы, Сибирь, на каторгу и на висѣлицу? Если бы это было такъ, еслибы рабочіе дѣйствительно препятствовали интеллигентамъ становиться въ ихъ ряды на томъ основаніи, что они не занимаются физическимъ трудомъ, рабочее движеніе очень много потеряло бы въ своей глубинѣ и ширинѣ. Оно лишилось бы всѣхъ тѣхъ интеллигентовъ, которые научно обосновываютъ революціонное движеніе, теоретически разрабатываютъ программу и принципы революціонной партіи, чего при настоящихъ условіяхъ сами рабочіе не въ состояніи дѣлать, а если и принимаютъ участіе въ этой борьбѣ и теперь, то пока очень слабое. Рабочее движеніе утратило бы свое обаяніе и привлекательность, оно перестало бы быть революціоннымъ движеніемъ, ибо не могло бы оно носить характера великой освободительной борьбы всѣхъ страждущихъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, а выродилось бы въ узкую профессиональную борьбу, борьбу изъ-за прибавки пятака на рубль. Если въ настоящее время въ ряды борющагося рабочаго класса и становится все, что есть живого, неподкупнаго, благороднаго и честнаго, то только потому, что рабочій классъ, благодаря особымъ историческимъ сложившимся для него обстоятельствамъ, является болѣе революціоннымъ и способнымъ къ воспріятію того идеала справедливости, братства и красоты, къ которому стремились и стремятся всѣ лучшіе мыслители человѣчества; что ему, поработанному и ограбленному, выпала сланная, историческая задача — провести и воплотить въ жизнь этотъ идеалъ, послужить той тропой, черезъ которую пройдетъ въ царство свѣта и свободы изстрадавшееся человечество. И это нужно помнить намъ всѣмъ, товарищи! Мы не должны забывать изъ-за возникающихъ недоразумѣній той конечной цѣли, къ которой мы стремимся и которая выставлена на красномъ знамени рабочаго класса; мы не должны дробить силъ, а сплотить ихъ всѣ воедино, стараться избѣгать всѣхъ тѣхъ недоразумѣній и раздоровъ, которые существуютъ! Я не говорю устранить, ибо при теперешнихъ русскихъ условіяхъ они неизбежны. Устранить всѣ возникающія недоразумѣнія возможно будетъ только тогда, когда будетъ широкое выборное начало, свобода собраній, печати, гдѣ только и можно всесторонне освѣтить и разобрать каждое недоразумѣніе. За послѣднее время рабочее движеніе приняло широкіе размѣры, предъявляетъ такія требованія, удовлетворить которыя положительно нѣтъ никакой возможности. Приходится напрягать всѣ силы, разрываться во всѣ стороны, а сыскъ, какъ я уже говорилъ, съ каждымъ днемъ специализируется и усиливается. Срокъ работы революціонера въ рабочемъ движеніи все становится короче и короче. Происходитъ частая смѣна людей, замѣня арестованныхъ становятся новыя лица, часто мало знающіе другъ друга, устанавливаются поэтому чисто служебныя отношенія. Чувствуется какая то отчужденность, какъ среди интеллигенціи, такъ и среди рабочихъ, отсутствіе близкаго товарищества, недоверіе другъ къ другу. Въ особенности чувствуется это въ тяжелыя минуты жизни, когда хочется подѣлиться съ кѣмъ нибудь своими чувствами и мыслями, излить и набобѣвшую душу, хочется и въ то же время не рѣшаешься... А ну, какъ тотъ, кому я повѣдаю все, станетъ смѣяться надъ моимъ малодушіемъ и чувствами... Какъ помочь, какъ устранить такое положеніе? Вопросъ слишкомъ трудный! Если что и можетъ послужить къ сближенію революціонеровъ другъ съ другомъ, то это прежде всего искренность, преданность и любовь къ дѣлу, которому они служатъ; каждый долженъ выставлять себя такимъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности со всѣми своими положительными и слабыми сторонами безъ всякой рисовки. Но это между прочимъ. Остановимся на томъ, почему возникаетъ недовольство и раздоры между рабочими и интеллигентами, и какіе поводы вызываютъ ихъ. Поводовъ, конечно, найдется много. Не явился интеллигентъ въ кружокъ на занятія, вотъ и недовольство. «На кой же онъ чортъ обманываетъ, не приходитъ. Не хочетъ или боится? Пусть такъ и скажетъ, что не можетъ, нечего за носъ тянуть. А въ мастерской цѣлый день отработали, устали: сюда пришли, какой конецъ отмѣрили, и все напрасно. Если бы знали, лучше на квартирѣ это

время что нибудь почитали!» Недовольство вполне справедливое: взялся за гуш, не говори, что не дюж; действительно, откажись лучше, когда не можешь. Хотя въ большинствѣ случаевъ это происходитъ по независящимъ обстоятельствамъ, но фактъ остается фактомъ. Или же не доставилъ интеллигентъ къ обѣщанному сроку литературу, запоздали съ печатаніемъ листовъ, вышли плохіе листки, не соответствующіе требованію рабочихъ — опять расстройство и недовольство: почему такіе бесодержательные листки, почему не посоветовались, не пригласили рабочихъ, когда ихъ составляли и т. д. Почему, наконецъ, рабочіе не входятъ въ составъ комитета и имъ не доверяютъ болѣе отвѣстныхъ порученій? Но если и существуютъ такіе неурядицы, то не одни интеллигенты во всемъ виноваты, а рабочіе правы; нѣтъ, они столь же повинны въ этомъ, какъ и интеллигенты. Повинны въ этомъ также и тѣ условія русской действительности, которыя далеко не всегда даютъ намъ возможность быть «господами» положенія: лопнулъ гдѣ нибудь маленький винтикъ, а вся революціонная машина остановилась — тутъ и запозданіе и неаккуратность. Предвидѣть же всѣ случайности далеко не всегда возможно, вотъ почему и возникаютъ вполне законныя недовольства. Не совсѣмъ вѣрно также и то утверждение, что рабочимъ не доверяютъ болѣе отвѣстныхъ порученій. Можно было бы привести много фактовъ, если бы это допускали конспиративныя условія, когда рабочіе не только входили въ составъ комитета, но почти весь комитетъ состоялъ изъ рабочихъ. Наконецъ, сколько было взято типографій, которыми завѣдывали исключительно рабочіе — для примѣра укажу, хотя бы на послѣдній процессъ, разбиравшійся въ Кіевѣ, по дѣлу типографіи П. С. Р. Привлеченные всѣ рабочіе — Криницкій, Шапиро и Каменецкая. Если же дѣйствительно интеллигентамъ приходится исполнять самыя отвѣтственныя функціи, то этого требуютъ, во первыхъ конспиративныя условія, во вторыхъ неподготовленность рабочихъ къ выполнению такихъ важныхъ порученій. Словъ нѣтъ, есть среди интеллигентовъ и такіе, которые халятно относятся къ дѣлу и лишь только слава, что участвуютъ въ революціонномъ движеніи, но развѣ среди рабочихъ нѣтъ такихъ субъектовъ? И если мы хотимъ, чтобы дѣло шло у насъ какъ слѣдуетъ, то раньше всего мы должны сами подтянуться, взятыя за дѣло и горячо. Довольно взваливать всѣ невзгоды на интеллигентовъ, ходить все время на помочахъ, ждать, чтобы другіе за насъ все дѣлали. Сами должны обо всемъ позаботиться, а то только обвиняемъ интеллигентовъ, что они плохо ведутъ дѣло, не понимаютъ насъ, не знаютъ нашей жизни, нашихъ нуждъ! Но откуда имъ узнавать обо всемъ этомъ, если не отъ насъ? Вѣдь очень часто обращаются интеллигенты къ рабочимъ съ просьбой дать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ мастерской, въ заводѣ, или фабрикѣ, какіе тамъ существуютъ порядки, нарушенія, прижимки, мошенничества, какъ къ этому относятся рабочіе, какъ они на нихъ реагируютъ, какое вообще настроеніе среди рабочихъ и т. д. Вотъ вы и пишите корреспонденціи обо всемъ такъ, какъ умѣете; не смущайтесь тѣмъ что плохо, лишь бы отвѣчало действительности, а исправить всегда можно, если что не такъ. Вѣдь изъ такихъ свѣдѣній и корреспонденцій устанавливается взаимная связь рабочихъ, создается извѣстное представление о данной мѣстности и лицахъ. Нѣтъ, не хотятъ, находятъ разныя отговорки, оправданія, вродѣ того, что не удалось, забылъ, не успѣлъ, некогда было и т. п. Такъ же обстоитъ дѣло съ денежной помощью, не говоря уже о сборѣ на нелегальную литературу. Арестовываютъ товарища, надо поддержать его семью, а тутъ никакъ не соберешь, хотя бы нѣсколько рублей. Одни рабочіе рвутся, изъ кожи лѣзутъ вонъ, послѣднее, что называется, отдають, а другіе опять отговорки находятъ. У самого, молъ, страшная нужда, или опять валять на интеллигентовъ. Они, молъ, должны помогать! Вѣдь есть разные буржуи, которые ничего не дѣлають, пусть хоть деньгами помогаютъ. Отговорка, нечего сказать. «Должны!» а мало ли кто намъ долженъ да еще всецелю срокъ не наступилъ, чтобы предъявлять его! Часто бываетъ такъ: составился кружокъ, заниматься негдѣ, квартиры не имѣются, денегъ нѣтъ, чтобы комнату снять. Опять претензія на интеллигентовъ, они, дескать, не заботятся. Выходитъ какой нибудь споръ или недоразумѣніе по организационному дѣлу — вѣсто того, чтобы постараться выяснитъ все и уладитъ, человекъ уходитъ въ сторону, заявляя, что при такихъ условіяхъ болѣе не согласенъ работать. И стоитъ онъ себѣ въ сторонѣ, выражая только свое недовольство:

благо предлогъ нашелся, которымъ прикрыться можно. Нужно замѣтить, что въ послѣднее время выработался особый типъ рабочаго — рабочаго-перебѣжчика изъ одной организаци въ другую. Онъ нигдѣ не уживается, вѣчно жалуется, чего то ищетъ, вѣчно всѣмъ недоволенъ, разжигаетъ и свѣтъ недовольства между другими товарищами. Въ созданіи такого продукта безусловно виноваты интеллигенты, тѣ интеллигенты, которые стоятъ во главѣ движенія. Своей фракціонной враждой, своей далеко не всегда честной полемикой, своими враждебными, не товарищескими отношеніями другъ къ другу, они способствовали такому печальному явленію. А результаты отъ этого получаются весьма неблагоприятныя: тормозитъ и дезорганизируетъ все рабочее движеніе. Между двумя организациями установились такіе отношенія, что нѣтъ положительно никакой возможности навести справки о человекѣ, который раньше работалъ въ другой организаци, даже тогда, когда упорно начинаютъ циркулировать слухи о томъ, что онъ провокаторъ. Обращаешься къ людямъ, знавшимъ его въ прежней организаци и получаешь такой отвѣтъ: да онъ у насъ работалъ раньше, ушелъ или мы его исклучили, а по какимъ причинамъ объяснить вамъ не желаемъ. Или просто отвѣчаютъ, что не хотятъ имѣть съ вами никакихъ дѣлъ. Я обращаюсь ко всѣмъ сознательнымъ товарищамъ-рабочимъ и предлагаю имъ серьезно подумать надъ этимъ и положить конецъ такимъ враждебнымъ, нетоварищескимъ, партійнымъ отношеніямъ, если они искренно хотятъ, чтобы революціонная работа шла болѣе продуктивно. Пора понять, что отъ такихъ отношеній выигрываетъ только нашъ заклятый врагъ — русское самодержавіе. Пора понять, что тѣ или другія разногласія не даютъ намъ нравственнаго права вносить деморализацію въ революціонную среду, не даютъ намъ права предоставить нашимъ врагамъ черпать силу въ нашемъ разединеніи. Письмо мое слишкомъ затянулось, оно подходит къ концу, но чувствую, что не высказалъ и третьей доли и всего того, что хотѣлъ бы сказать по затронутымъ мною вопросамъ. Чувствую, что не въ состояніи не только рѣшить ихъ, но и подойти къ ихъ рѣшенію. Рѣшеніе ихъ далеко не по силамъ одному человекѣ, а требуетъ коллективнаго труда. Но мнѣ все таки хочется сказать нѣсколько словъ по вопросу о созданіи и выработкѣ интеллигентныхъ рабочихъ. Вопросъ этотъ я считаю особенно важнымъ и неотложнымъ вопросомъ. У насъ создается широкое рабочее движеніе, создается революціонный боевой духъ среди рабочихъ, но за то движеніе потеряло въ своей глубинѣ. Это наглядно показала всеобщая забастовка на югѣ въ прошломъ году. Вопросъ о созданіи интеллигентныхъ рабочихъ является очень трудной задачей, но ее во чтобы то ни стало необходимо рѣшить... Прежде всего объ этомъ надо заботиться самимъ рабочимъ; сознательные рабочіе должны стремиться къ развитію среди товарищей жажды знанія, пониманія всего окружающаго, заинтересовать ихъ всестороннимъ развитіемъ. Намѣчая среди мало-развитыхъ рабочихъ наиболѣе способныхъ, они должны снабжать ихъ, кромѣ нелегальной литературы, и легальными книгами, стараться развить у нихъ вкусъ къ чтенію, заговаривая съ ними о различныхъ вопросахъ, подбирать и указывать книги по тому или иному предмету. Книги, конечно, должны быть доступны и популярны. Если рабочіе сами не въ состояніи этого сдѣлать, то слѣдуетъ обратиться къ какому нибудь болѣе свѣдущему или знающему интеллигенту. Пусть такіе рабочіе составляютъ кружки самообразования, хотя бы по пять человекъ и занимаются сами; когда же они будутъ болѣе или менѣе подготовлены, то выбираютъ изъ нихъ наиболѣе способныхъ для занятія въ нелегальныхъ кружкахъ. Намъ недостаточно знать теоріи трудовой и прибавочной стоимости и нѣкоторыя изъ основныхъ социалистическихъ положеній. Намъ нужно знать гораздо больше и имѣть представление обо всемъ, что кругомъ насъ дѣлается, чтобы избѣгать лишннихъ ошибокъ и промаховъ, чтобы мы могли ориентироваться въ трудную минуту жизни, различать, кто нашъ врагъ и кто другъ. Мы должны умѣть критически относиться къ каждому совершившемуся факту, умѣть обсудить и взвѣснить все, прежде чѣмъ принять то или другое рѣшеніе, всѣми силами стараться избѣгать раздоровъ и недоразумѣній, а помнить, что у насъ есть врагъ поважнѣе — врагъ заклятый и непримиримый — русское самодержавіе въ союзѣ съ буржуазіей. На него то намъ нужно направить всѣ свои силы, не забывая того, что оно, пользуясь нашими раздорами, точно хищная акула, набрасывается на насъ, чтобы пожрать окончательно насъ и задушить всякій проблескъ свѣтлой мысли. Подадимъ

же, товарищи, братски другъ другу руки, сплотимъ воедино всѣ наши силы, и да здравствуетъ тѣсный, братскій союзъ всѣхъ тѣхъ, кто служитъ на пользу великому дѣлу освобожденія, кто держитъ высоко знамя социализма, кто, не смотря на всѣ препятствія и лишенія, на всѣ страданія и невзгоды, мужественно прокладываетъ дорогу къ царству свободы и свѣта.

Рабочій.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Товарищи! Въ первомъ своемъ письмѣ я коснулся трехъ существенныхъ вопросовъ: о возникновеніи недоразумѣній между рабочими и интеллигентами, о неудовлетворительной постановкѣ революціоннаго дѣла и о созданіи интеллигентныхъ рабочихъ. Теперь я попытаюсь подойти практически къ рѣшенію послѣднихъ двухъ вопросовъ. Здѣсь прежде всего необходимо считаться съ условіями окружающей насъ жизни и той дѣйствительности, среди которой приходится намъ работать. Неограниченная монархія не мирится съ существованіемъ въ странѣ легальной революціонной партіи, она старается всячески преслѣдовать и тормозить ея дѣятельность. А потому, какъ бы велики ни были силы революціонной партіи, работа ея, организаціонная по существу своему, не можетъ не оставаться скрытой, тайной—она должна быть приспособлена къ тому полицейскому сыску, который растетъ изо дня въ день. Вотъ почему очень важно чтобы внутри организаціи не проникали провокаторы, которые имѣя возможность открыть наши тайныя карты, фактически приносятъ намъ больше вреда, чѣмъ сотни шпионовъ. Съ другой стороны жизнь все уходитъ впередъ и предъявляетъ новыя требованія. То, что было возможно и осуществимо какой нибудь годъ тому назадъ, теперь уже невозможно. Нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что срокъ участія каждаго работника въ революціонномъ движеніи становится все короче, а въ будущемъ еще сократится—при прочной же организаціи отдѣльные провалы будутъ нечувствительны. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, очень важно существующимъ организаціямъ придать такую постановку, которая была бы въ состояніи отвѣтить на всѣ назрѣвшіе вопросы и требованія. Я самъ, какъ демократъ, противникъ всякой централизаціи и высказался бы за самое широкое выборное начало, если бы не подлая русскія условія и настоящій моментъ, который по чисто конспиративнымъ условіямъ властно требуетъ примѣненія на дѣлѣ организаціи съ типомъ централизма. Я не могу не находить его болѣе соответствующимъ условіямъ мѣста и времени, а потому высказываюсь за проведение его, по крайней мѣрѣ, хотя бы въ мѣстной организаціи даннаго города или района: если въ настоящее время въ нѣкоторыхъ организаціяхъ «юридически» и существуетъ демократическое выборное начало, то фактически оно далеко не примѣняется, да и не можетъ примѣняться. Высказываясь за централизацію, я считаю необходимымъ оставить неизмѣнными прежнія организаціи, какъ то кружки, районныя группы, агитаторскія и центральныя сходки, союзъ пропагандистовъ и т. д. Разница лишь будетъ та, что для выполненія каждой функціи человѣкъ будетъ не выбираться, а назначаться болѣе опытными людьми, сообразно способностямъ, умѣнію, энергіи и преданности дѣлу. Каждый членъ организаціи, начиная съ той или иной функціи, соответствующей его силамъ и знанію, пріобрѣтаетъ современемъ нужный опытъ и постепенно готовится къ выполненію болѣе самостоятельныхъ, серьезныхъ и отвѣтственныхъ порученій. Каждый представитель группы или сходки долженъ руководить и слѣдить за ходомъ работы ввѣреннаго ему района; онъ же доставляетъ литературу и исполняетъ всѣ данныя ему порученія. Являясь въ центральную сходку, онъ долженъ давать отчетъ о томъ, какъ обстоятъ дѣла его района, излагать всѣ нужды и потребности своего района. Между членами центральной сходки происходятъ, благодаря этому, живой обмѣнъ мыслей. Тутъ же обсуждаются различныя практическія и принципиальныя вопросы, которые предлагаются затѣмъ на усмотрѣніе комитета. Но всѣ эти учрежденія ни въ коемъ случаѣ не должны быть бюрократическими, отдѣленными другъ отъ друга, связанными между собою лишь докладами и отчетами, а между ними должна быть самая тѣсная связь. Потому слѣдуетъ вести дѣло такимъ образомъ, чтобы каждый членъ организаціи, насколько это возможно, постепенно ознакомился бы съ выполненіемъ различныхъ функцій. Созданію живой связи между различными группами значительно могутъ спо-

собствовать пропагандисты изъ интеллигенціи, которые входятъ въ составъ ея; они должны знакомиться съ повседневной жизнью рабочихъ, стараться войти съ ними въ болѣе тѣсныя и близкія отношенія, особенно съ агитаторами, у которыхъ всегда можно получить подробныя свѣдѣнія, присутствовать при составленіи кружковъ, давать практическія совѣты и т. д. Агитаторы съ своей стороны должны обо всемъ совѣтоваться съ пропагандистами, бывать на сходкахъ и собраніяхъ, гдѣ говорить опытные ораторы, учиться у нихъ приемамъ, дополнять все то, что по мнѣнію агитатора, не высказалъ ораторъ, пробовать самимъ составлять рѣчи на подобныя темы. Теперь перейду къ вопросу о подготовкѣ сознательныхъ рабочихъ. Можно поступать двоякимъ образомъ, принимая, конечно, во вниманіе предѣлы возможности. Во-первыхъ, созывать массовыя собранія, но мѣриломъ ихъ должно быть не количество, а степень сознательности, и производить передъ ними рѣчи по самымъ жгучимъ и интереснымъ вопросамъ. Рѣчи эти должны носить систематическій характеръ, составляться въ видѣ лекцій, которыя слѣдуютъ одна за другой. Во-вторыхъ, выбирать болѣе способныхъ и энергичныхъ рабочихъ и составлять изъ нихъ кружки, хотя бы въ ограниченномъ количествѣ. По конспиративнымъ условіямъ срокъ занятій въ такихъ кружкахъ приходится доводить до минимальнаго предѣла, потому и весьма важно, чтобы программа занятій была выработана заранее. Она должна быть систематической и цѣльной, давать хотя бы нѣкоторое общее представленіе обо всемъ. Съ этимъ особенно слѣдуетъ считаться, ибо сплошь и рядомъ у насъ тратится зря очень много времени. Часто бываетъ такъ, что ходитъ одинъ пропагандистъ нѣкоторое время въ кружокъ, а потомъ, почему либо болѣе приходить не можетъ. На смѣну ему является другой, который начинаетъ опять съ начала и такъ, какъ ему кажется лучше. Если же заранѣе имѣется опредѣленная систематическая программа, то новый пропагандистъ можетъ начать съ того момента, или съ той лекціи, на которой остановился его предшественникъ. Я съ своей стороны хочу предложить слѣдующую программу занятій, которую я примѣнялъ за послѣднее время, и, насколько мнѣ извѣстно, рабочіе оставались ею довольны. Правда, программа эта будетъ не совсѣмъ полная — она даетъ только схему развитія и смѣны формъ жизни человѣчества. Каждый интересующійся товарищъ можетъ впослѣдствіи самъ пополнить пробѣлы по тому или иному вопросу, изучитъ болѣе подробно, была бы только охота, возможность всегда найдется. Программа, предлагаемая мною, слѣдующая. Ораторъ или пропагандистъ, являющийся на массовую сходку, изъ которой впослѣдствіи намѣчаются рабочіе для кружковъ, долженъ познакомить всѣхъ собравшихся съ приемами, принципами конспираціи, объяснить, какъ слѣдуетъ держать себя и что отвѣтить въ томъ случаѣ, если явится полиція. Затѣмъ изложить возможно выпукло и ярче всю несправедливость существующаго строя, гнетъ эксплуатаціи капиталистовъ и правительства, необходимость борьбы рабочихъ съ существующимъ строемъ, той борьбы, на которую зовутъ ихъ социалисты, что такое социалисты, почему они себя такъ называютъ и чего они хотятъ. Во вновь оставленномъ кружкѣ занятія ведутся такъ: объяснить еще разъ болѣе подробно, что такое социалисты, социальдемократы, социалисты-революционеры, и почему они такъ именуются. Монархическая, конституціонная, республиканская, формы правленія, чѣмъ они другъ отъ друга отличаются, подоходные, прямые и косвенные налоги. Что такое капиталъ, почему онъ такъ называется? Что такое стоимость и чѣмъ она измѣряется? Что такое прибыль и откуда она получается? (На этомъ много останавливаться не надо. Излишне цитировать Маркса, а достаточно изложить по двумъ брошюрамъ: «Царь-Голодъ» и «Кто чѣмъ живетъ» Дикштейна.) Торговые, промышленные кризисы и безработица, почему это происходитъ? Милитаризмъ, чѣмъ онъ поддерживается? Войны, чѣмъ и изъ-за чего онѣ ведутся, каковыя послѣдствія ихъ. (Для пониманія всего этого слѣдуетъ познакомиться хотя бы въ общихъ чертахъ съ развитіемъ человѣчества и смѣной тѣхъ формъ, которое оно переживало, и съ причинами ихъ.) Первобытный человѣкъ, его жизнь, пища, орудія, первобытный коммунизмъ. (Пособіемъ можетъ служить довольно хорошо изложенная книжка: «Какъ жили люди въ старину», Д. Кудрявскаго.) Матріархатъ, причины его появленія, исчезновенія, патриархатъ, патриархально-родовые союзы, откуда произошла власть. Патриархатъ, происхождение частной собственности и рабства. Переходъ къ осѣдлой жизни. Осѣдлая жизнь, земельная об-

щина, распаденіе этой общины, причины этого распаденія и возникновеніе феодализма. Римъ, его могущество и паденіе. Экономическія причины паденія его. Возникновеніе христіанства: среди кого оно впервые возникло, чѣмъ было въ началѣ и чѣмъ стало въ послѣдствіи. (Знакомство съ этимъ періодомъ я считаю очень важнымъ: оно поможетъ разобраться въ религіозномъ вопросѣ и дастъ хорошее орудіе въ борьбѣ съ попами и невѣжествомъ массы. Матеріаломъ для этого можетъ служить: «Общественное движеніе въ средніе вѣка», — переводъ Базарова и Степанова.) Паденіе феодализма, мелкое ремесло, цеховые союзы, мануфактура и развитіе капитализма. Великая французская революція, причины, вызвавшія ее, застрѣлки ея, кто совершилъ и кто воспользовался побѣдами. Почему это такъ случилось? Первые социалисты. Бабефъ. социалисты-утописты. Марксъ и Энгельсъ, Коммунистическій Манифестъ. О Русской исторіи и исторіи русскаго революціоннаго движенія. Знакомство съ заграничными революціонными партіями. Подробное ознакомленіе съ программами С. Р. и Соц.-Дем.

Замѣчу мимоходомъ, что каждый пропагандистъ долженъ быть подготовленнымъ по тому вопросу, о которомъ собирается говорить слушателямъ своимъ. Слѣдуетъ помнить, что рабочій приходитъ обыкновенно на занятія усталый, послѣ работы, и чтеніе по книгѣ для него утомительно и скучно. Необходимо вести занятія живо и интересно, не останавливаясь первое время много на програмныхъ вопросахъ, разъ еще не усвоены слушателями основныя социалистическія положенія и нѣтъ еще правильнаго пониманія русской дѣйствительности. Для правильнаго веденія занятія важно еще, чтобы кружки были составлены однородно. Изъ-за этого возникаютъ часто недоразумѣнія, но дѣло то въ томъ, что отдѣльные вопросы, которые предлагаются рабочимъ и будто бы не къ дѣлу, ибо не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ затронутой темѣ, еще не свидѣтельствуютъ о разногласности кружка. Это не вопросы празднаго любопытства, какъ склонны думать нѣкоторые, а самое искреннее желаніе все знать. И этого желанія не слѣдуетъ убивать, а по возможности удовлетворять.

И кончилъ. Убѣдительно прошу всѣхъ товарищей, близко стоящихъ къ дѣлу, высказаться по затронутымъ мною вопросамъ и внести соотвѣтствующія поправки и дополненія.

Рабочій.

ПРЕСМЫКАЮЩАЯСЯ ПРЕССА О ГИБЕЛИ ПЛЕВЕ.

Само собою разумѣется, что русская легальная періодическая пресса должна быть единодушна въ своей оцѣнкѣ недавняго трагическаго эпизода давней борьбы живыхъ силъ страны противъ мертвящихъ оковъ абсолютизма. Смѣшно было бы и думать, чтобы въ этой прессѣ могъ быть поднятъ хотя бы какой нибудь одинокій голосъ противъ уханья и завыванія газетныхъ совѣ, филиновъ и гienъ реакціоннаго лагеря. Какъ необычайно откровенно выражается органъ князя Мещерскаго, «неужели они не понимаютъ, эти «идейные» люди, что государство не вправе разрѣшить свободно дѣйствовать преступной пропагандѣ, не должно допускать противогосударственную, безправственную пропаганду? О, конечно, «идейные» люди понимаютъ это. Они понимаютъ и то, что, съ точки зрѣнія абсолютистскаго государства, будетъ преступно выразить хоть малѣйшую тѣнь сочувствія той изъ борющихся сторонъ, которая послѣднимъ ударомъ революціоннаго правосудія, какъ и раньше,

Поднимаетъ гордо правды знамя,
И на немъ, какъ лозунгъ, тѣ слова,
Отъ которыхъ ярче жизни пламя,
Даль свѣтлѣй и выше голова!

Да, сочувствовать этой борющейся сторонѣ, ея тяжелой работѣ, ея суровой борьбѣ—противогосударственно и преступно. Между тѣмъ, — и это законъ исторіи русской литературы — «вторить ей наша муза свободная, вторить ей — или *честно молчать*». Молчать, и предоставляешь другой, несвободной, вдохновяемой «властью имущими сферами» Музѣ извлекать «звукъ невѣрный» изъ своихъ струнъ, раболовствуя добровольно или изъ трусости, за опредѣленныя вѣсемыя блага или безкорыстно, изъ прирожденныхъ холопскихъ чувствъ. «Патріотично» въ такіе минуты лишь колотить головой объ полъ въ жесточайшей реакціонной истерикѣ, и притомъ ежеминутно помня, что нужно стараться перекричать всѣхъ другихъ консервативныхъ кликушъ — иначе рискуешь пока-

заться недостаточно пламенѣющимъ или даже недостаточно искреннимъ. И особенно нужно помнить объ этомъ тѣмъ, кто имѣлъ несчастье навлечь на себя раньше подозрѣніе въ недостаткѣ вѣроподданническаго усердія. Отъ нихъ потребуются не простое раболѣпство, а раболѣпство квалифицированное, на которое способенъ не всякій...

Г. Нотовичъ и есть именно этотъ «не всякій». О, это способный человекъ. Онъ ухитрился написать такую статью, что ему, только что передъ тѣмъ подпавшему подъ тяжелую руку Плеве, сейчасъ же послѣ этой статьи разрѣшили вновь розничную продажу. «Ты съ приданнымъ, губернантка, веселись и торжествуй — ретроградка иль жоржзандка, — все равно теперь ликуй!» Какъ извѣстно, «Новости» невозможно «жоржзандка», но такая, что въ иные моменты ей любая «ретроградка» позавидуетъ. А впрочемъ, ей это «все равно» — да здравствуетъ розничная продажа, веселись, торжествуй и ликуй, если удалось ее «выколоть, выжить»!

Подвигъ г. Нотовича тѣмъ болѣе былъ труденъ, что конкуренты у него были серьезные. Каково было ему, блѣдно-либеральному и филосемитическому сиротѣ, заставить сверху услышать свои хвалы автору кишиневско-гомельскаго погрома и земско-либеральнаго разгрома, когда вокругъ раздаются такіе оглушительные голоса? «Наши пропагандисты — просто умственное и нравственное отребье! У нихъ наличность полараго одичанія разума и совѣсти! Это ясно, какъ день!» вопіетъ «Гражданинъ». «Раньше всего — избавленіе родины отъ банды лицъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого, дорогого, отъ людей, утратившихъ подобіе Божіе! Пора избавиться отъ дикаго звѣря, ворвавшагося въ нашу обитель!» — истерически восклицаетъ «Кіевское Слово». «Страшное время, жестоковѣйное поколѣніе... Звѣрски обставленное событіе... дни святотатственныхъ злодѣяній и грознаго внутренняго недуга...» — охаетъ и вздыхаетъ въ глубочайшей меланхоліи бѣдная вдовица — «Петербургскія Вѣдомости». — «Шайка гнусныхъ убійцъ... мерзкое злодѣйство... потерянная шайка, именующая себя русскою революціонною партіею... какъ она гнусна и жалка... терроръ и шантажъ, въ сущности, одно и то же» — шипятъ «Московскія Подколонныя Вѣдомости». — «Отъявленные враги Россіи! Маньяки политическаго бедлама!» — молодцевато развязывается «Новое Время». — «Отщепенцы, не признающіе Бога, не имѣющіе отечества и въ сущности являющіеся не людьми, а какими то отбросами человѣчества» — казенно-сухоннымъ языкомъ рапортуетъ «Варшавскій Дневникъ». Въ этомъ хорѣ Нотовичъ долженъ былъ взять особенно сложную и высокую фюриттуру, чтобы его не заглушили сосѣди. И онъ постарался. Онъ прежде всего пролилъ слезу объ «оскорбленіи началъ человѣчества» и заявилъ, что возмущено его «нравственное чувство»; затѣмъ, тономъ убѣжденнаго марксиста, обвинилъ насъ въ «посяганіи на ходъ исторіи»; потомъ, вставъ на общенациональную точку зрѣнія, заступился за «безопасность государства»; далѣе, примѣривъ мантию прокурора, обозвалъ насъ «убійцами» и оплакалъ «попранную законность»; потомъ, послѣшно перемѣнивъ эту мантию на штатскій сюртукъ психіатра, поговорилъ о «безуміи фанатизма»; и наконецъ, просто входя въ роль безграмотнаго маргариново-либеральнаго редактора, поохалъ объ «улучшеніяхъ государственнаго быта», которыя «не могутъ истекать изъ вопіющаго факта присвоенія себѣ кроваваго произвола по отношенію къ государственнымъ дѣтелямъ»... и откуда видно, что г. Нотовичъ отнюдь не противъ «кроваваго произвола», а протестуетъ лишь противъ присвоенія его частными людьми, царскимъ закономъ на то не уполномоченными. Кровавый произволъ — это «чужая собственность», и потому ся не касайся, а оставь ее «государственнымъ дѣтелямъ». Вотъ какъ хорошо онъ понимаетъ вещи. Да, г. Нотовичъ сдумѣлъ блеснуть всѣми цвѣтами радости — я чуть было не сказалъ, всѣми цвѣтами хамелеона. Но не сердиться придется на него — какъ сердиться на казанскаго сироту, у котораго дѣлаются спазмы въ желудкѣ отъ голода по розничной продажѣ? Въмѣсто этого, лучше пожалѣемъ его — «подойдемъ къ нему, да разспросимъ: какъ дошелъ ты до жизни такой?»

А впрочемъ, можно и не подходить — неинтересно. Вѣдь мы и безъ того знаемъ, что это будетъ «не длиненъ и не новъ разсказъ». Сколько ихъ, этихъ газетныхъ «жертвъ государственно-полицейскаго темперамента!» Лучше выбрать какой нибудь другой, болѣе оригинальный экземпляръ и присмотрѣться къ нему на мѣстѣ его преступления — полюбоваться какъ виртуозно выплываетъ онъ свой газетный «веселъ

грѣхъ» сдѣлки—или, лучше сказать, раздѣлки—съ совѣстью...

Такимъ интереснымъ экземпляромъ является, несомнѣнно, маститый откровенный дѣл мастеръ, А. С. Суворинъ. «Маленькія письма» этого ренегата вершковскаго либерализма, нынѣ стража развязной въ своей посредственности и непосредственно-развязной «золотой середины» либеральнаго консерватизма, выдѣляются изъ другихъ произведеній «задающей тонъ» легальной политической литературы. Къ тому же, на первый взглядъ, онъ выступаетъ предъ публикой не на подобіе кн. Мещерскаго, которому по неграмотству нечѣмъ прикрыть духовную наготу свою и приходится выходить, въ чемъ мать родила. Нѣтъ, сравнительно съ другими, абсолютно ничими духомъ, которымъ приходится просто «гольемъ врать» — г. А. С. Суворинъ, по распространенному мнѣнію, очень прилично одѣтъ: среди нихъ это, можно сказать, «стоитъ попокъ, и на немъ сто ризокъ». Пересмотримъ же слегка эти пышные газетныя ризки.

Исходный пунктъ аргументація Суворина чрезвычайно общій и многообъемлющій. «Кто убиваетъ — кратко и рѣшительно говоритъ онъ — тотъ врагъ того развитія, которое совершается ростомъ самого общества, врагъ тѣхъ необходимыхъ, назрѣвшихъ реформъ, которыми удовлетворяется большинство». Итакъ — «не убій». Какъ видится, г. Суворинъ сдѣлался толстовцемъ. И это не плохо. Но ужъ толстовство, такъ толстовство. Когда Богдановичъ велѣлъ войскамъ «убить» нѣсколько десятковъ стачечниковъ, объявляя ли его Суворинъ «врагомъ реформъ»? Когда Плеве приказалъ «убить» Балмашева и Лекерта, провозгласилъ г. Суворинъ его «врагомъ общественнаго развитія»? Когда правительство, вдохновляемое всей барабанно-патріотической прессой, съ Сувориннымъ въ томъ числѣ, посылало солдатъ на Дальний Востокъ «убивать» — твердилъ ли г. Суворинъ, что это есть актъ, направленный противъ «роста самого общества»?

Нѣтъ, говорливость нападаетъ на г. Суворина не тогда, когда революционеры, рабочіе, крестьяне сами падаютъ, убиваемые и разстрѣливаемые, а лишь тогда, когда они изъ наковальни превращаются въ дробящій молотъ, когда они убиваютъ своихъ убійцъ. Г. Суворинъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы по мановенію владыки тысячи людей шли въ качествѣ пушечнаго мяса на войну. Онъ полагаетъ, что иныя войны могутъ быть и справедливыми. И эта мысль его правильна. Война за уничтоженіе рабства въ южно-американскихъ штатахъ, напимѣръ, была шагомъ впередъ на пути «органическаго роста самого общества». Бываютъ и гражданскія войны, возстанія, которыя можно назвать справедливыми, бываютъ и такія, которыя явно несправедливы. Вандея вела гражданскую войну противъ республиканской Франціи. Парижская Коммуна вела войну противъ Франціи реакціонной. Въ каждой изъ этихъ войнъ обѣ стороны «убивали». Печально, конечно, что изъ положенія не было иного выхода, кромѣ очищенія кровью, какъ печально, что иная болѣзнь требуетъ опасной операціи. Операція не есть часть нормальнаго роста организма; но она есть средство вывести организмъ на дорогу нормальнаго роста. Что же, будетъ г. Суворинъ утверждать, что государственно-общественный организмъ нашъ здоровъ? Или о здоровьи свидѣлствуютъ взрывы народнаго недовольства повсюду? И развѣ не официальные врачи удостовѣрили, что Россія переживаетъ болѣзненный, ненормальный періодъ, періодъ «смуты»?

Но послушаемъ г. Суворина дальше.

«Должно ненавидѣть всякое убійство, какъ простое, такъ и политическое, совершается ли оно въ революціонное время, какъ орудіе партіи, захватившей власть въ свои руки и терроромъ, страхомъ желающей укрѣпиться, или совершается для внесенія въ общество смуты и переполоха...»

Боюсь, что г. Суворинъ недостаточно звѣдѣлъ свои слова. Боюсь, что въ его слова читатели могутъ вложить такой неожиданный для него смыслъ, что авторъ въ ужасѣ отшатнется отъ нихъ...

Мы живемъ, несомнѣнно, въ бурное, революціонное время, или «въ эпоху смуты», какъ выражается правительство. Въ это революціонное время мы имѣемъ партію, которая, уже давно «захвативши власть въ свои руки», и раньше, и теперь «терроромъ, страхомъ желаетъ укрѣпиться». Это — «правительство бѣлаго террора», самымъ яркимъ выразителемъ котораго и былъ Плеве. Своими драконовскими мѣрами, массовыми арестами, разгромами всякой, даже самой скромной оппозиціи она «вносила въ общество смуту и переполохъ», и, «какъ орудіемъ» пользовалось нерѣдко, какъ единичными

(Лекертъ, Балмашевъ), такъ и массовыми (Уфа, Кіевъ, Ватумъ, Кишиневъ и т. д.) политическими убійствами. Ужъ не его ли дѣянія призываетъ «ненавидѣть» г. Суворинъ?

Или онъ скажетъ, что правительство наше не есть клика, или «партія, захватившая» власть, а законно ее получила по наслѣдству? Но наслѣдство не есть первоисточникъ объективнаго владѣнія. Наслѣдство не создаетъ новыхъ правъ, а лишь передаетъ раніе имѣвшіяся права. Откуда же «есть пошла» власть самодержавія? Мы всѣ знаемъ, какими средствами содалась она. Мы знаемъ, какъ «собирали землю» будущіе цари московскіе. Не лучше, чѣмъ нынѣ Нотовичъ ухитряется выколотъ и вымѣнить себѣ розничную продажу, исхитрились и они, ползая передъ татарскими ханами, заслуживая ихъ благоволеніе низкопоклонствомъ и холопской угодливостью; они доносили другъ на друга не хуже, чѣмъ теперь взаимно это дѣлаютъ Петербургскія и Московскія Вѣдомости; они насылали ханскія войска грабить удѣлы своихъ же князей-сосѣдей, какъ теперь реакціонныя газеты доносами насылаютъ полицейскихъ на конкурентовъ изъ либеральнаго лагеря; наконецъ, по разложеніи татарскаго царства, унаслѣдовали отъ бывшихъ своихъ патроновъ, обратившись противъ нихъ, всю ихъ безграничную, деспотическую власть надъ обращенною въ рабство страной, какъ Плеве унаслѣдовалъ имущество своего пріемнаго отца, котораго онъ выдалъ Муравьеву-вѣшателю, или какъ Зубатовъ, спихнувъ своего покровителя Бердяева, унаслѣдовалъ его должность. Ужъ на что былъ умѣренный и блѣдный консервативный либераль А. Толстой, но и тотъ вложилъ своему своему Тугарину въ уста прощальскія слова —

Но время пройдетъ,

Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ.

И землю единый изъ васъ соберетъ

И... самъ же надъ ней будетъ ханомъ!

И вотъ, теперь всероссійскому хану и его визириамъ воскурятъ «фиміамъ» гг. Суворины, и, «дѣла дающаго хотя законный видъ и толкъ», пускаютъ въ ходъ всѣ свои духовныя ресурсы, чтобы дискредитировать въ глазахъ общества ихъ противниковъ...

По мнѣнію Суворина, мы «враги тѣхъ реформъ, которыми удовлетворяется большинство». А отсюда и выходитъ, что мы — враги мирнаго, органическаго развитія, сторонники крови для крови, политическихъ кризисовъ ради политическихъ кризисовъ, враги измѣненія общественнаго строя путемъ реформъ. «Реформы!» Но вѣдь такъ какъ и введеніе земскихъ начальниковъ, и учрежденіе корпуса жандармовъ, и послѣднія измѣненія въ земскомъ положеніи—все это «реформы», то гениальный умъ Суворина и требуетъ преклоненія передъ ними отъ всѣхъ сторонниковъ реформъ, превращая несогласныхъ во враговъ «органическаго развитія». Его сокрушительная логика уничтожаетъ врага единымъ ударомъ, не оставляя путей для отступленія...

И какъ превосходенъ этотъ новый критерій истины: то, чѣмъ въ данный моментъ удовлетворяется большинство... О, вы всѣ, новаторы, піонеры будущаго! Какъ?! Вы смѣете пролагать какія то собственныя дороги? Вы ищите новыхъ путей, новой правды, новой красоты, новой нравственности? Преступленіе! Своевольство! Бунтъ! Да здравствуетъ средняя норма, да здравствуетъ золотая середина, да здравствуетъ хорошая улица — прислушайтесь къ нему и повторяйте за нимъ, не мудрствуя лукаво! Пригибайте вашу мысль, ваше чувство, вашу совѣсть — къ общепринятому, къ наиболѣе распространенному, наиболѣе ополченному — и благо вамъ будетъ!...

Поистинѣ, кличъ — достойный публицистовъ изъ увеселительно-литературнаго заведенія подъ вывѣской «Чего изволите?» Одно бѣда: по забывчивости, они повторяютъ эту пѣсню даже тогда, когда средний уровень, настроеніе большинства уходитъ далеко впередъ, обгоняетъ существующія формы общественной жизни, и когда приспособить ихъ вновь къ «настроению большинства», значитъ—сдѣлать революцію...

Да, г. Суворину еще надобно доказать, что тѣми реформами, которыми мы недовольны — дѣйствительно въ настоящее время все еще «довольствуется большинство». Объ этомъ доволѣ, что ли, свидѣлствуютъ недавнія южныя стачки? Довольство демонстрировали крестьяне, отбирая имущество у помѣщиковъ? Довольство свое продолжаютъ они подтверждать тѣмъ, что чуть не повсемѣстно жгутъ и выкуриваютъ изъ своихъ деревень помѣщиковъ? Довольство доказывали армяне массовымъ сопротивленіемъ указу объ отобраніи

школьных капиталов, и финляндцы — новому военному закону?

«Должно быть, взбунтовалась,
«Въ избыткѣ благодарности,
«Деревня гдѣ нибудь!»

— иронизировалъ некрасовскій помѣщикъ, завидѣвъ марширующую куда то походомъ воинскую команду. Г. Суворинъ, повидимому, не то самъ хочетъ представиться наивною инстинктушкой, не то своихъ читателей представляетъ себѣ такими, и хочетъ заставить ихъ иронію некрасовскаго помѣщика принять «въ серьезъ». Но при такой серьезности не согласится ли г. Суворинъ, кстати ужъ, предложить вершителямъ нашихъ судебъ созвать всенародный земскій соборъ для того, чтобы этотъ «избытокъ благодарности» могъ уже не въ розницу, а оптомъ излиться на головы всѣхъ этихъ людей, не менѣ заслужившихъ благодарность, чѣмъ уже получившіе ее Боголюбовъ, Сипягинъ, Богдановичъ, Валь, Андреевъ, Метленко, Плеве...

Г. Суворинъ — расторопный малый, и призываетъ на помощь себѣ даже исторію. Само собою разумѣется, что онъ обращается съ ней болѣе, чѣмъ развязно — словно съ дѣвщей легкаго поведения. «Тотъ ореолъ, которымъ окружаютъ политическаго убійцу его единомышленники», — свидѣтельствуешь онъ за исторію, — «никогда(!) еще не раздѣлялся обществомъ, и убійцамъ памятниковъ не ставили и не поставятъ». Вотъ какъ! Не пожелаетъ-ли г. Суворинъ совершить экскурсію въ Швейцарію и полюбоваться тамъ на многочисленные памятники Вильгельму Теллю? А между тѣмъ, Телль — это легендарная, мифическая фигура, и памятники ему — памятники болѣе, чѣмъ конкретной личности — это мавзолей чистой идеѣ, абстрактному воплощенію терроризма! Или не захочетъ-ли г. Суворинъ побывать «подъ плѣнительнымъ небомъ Италіи» и посмотреть тамъ на домъ, въ которомъ жилъ когда-то Орсини — онъ обращенъ въ общественный памятникъ и къ нему, при всенародномъ торжествѣ, прибита металлическая доска съ надписью въ честь этого человѣка, покушавшагося на жизнь императора! Или не пожелаетъ-ли г. Суворинъ полюбоваться въ Парижѣ не только на различныя увеселительныя мѣста, столь привлекающіе приверженцевъ «откровеннаго» направленія, но хотя-бы на памятники одного изъ дѣятелей эпохи террора, великаго Дантона, на Севъ-Жерменскомъ бульварѣ? А вѣдь красные террористы великой французской революціи для г. Суворина, по его-же собственному опредѣленію, также должны быть названы «убійцами»...

Итакъ, политическимъ убійцамъ, террористамъ «памятниковъ никогда не ставили», — какъ видно изъ предъидущихъ примѣровъ, — «и не поставятъ», — какъ за это ручается намъ новѣйшій пророкъ-чревоушитель изъ «Новаго Времени». Это — вѣрно, такъ-же вѣрно, какъ вѣрно (должно быть, по Бельиринову) великое, неслыханное историческое открытіе, сдѣланное тѣмъ-же Суворинымъ и въ той-же статьѣ, а именно, что «въ первой половинѣ XIX вѣка политическихъ убійствъ почти не знали»...

Но г. Суворина не смутитъ ничѣмъ. Безъ слѣдовъ краски на лицѣ — онъ продолжаетъ: «Даже легендарный мститель за свободу, Брутъ, померкъ передъ своею жертвою, Цезаремъ, и самая судьба наказала его и принесла Риму бездну несчасть». Перстъ Божій, да и только!

«И ты, Брутъ!» восклицаетъ Суворинъ. «Даже и ты померкъ!» И только нежелание забывать своихъ противниковъ примѣрами мѣшаетъ ему прибавить: «Даже самоотверженные Дамонъ и Фитій померкли передъ Діонисіемъ, тираномъ Сиракузскимъ; даже героическій Муцій Сцевола померкъ передъ гордымъ Тарквиніемъ; даже великіе террористы французской революціи померкли передъ бѣднымъ толстенькимъ Людовикомъ; даже Вильгельмъ Телль померкъ передъ Гесслеромъ»...

Довольно, г. Суворинъ! Вы показали передъ всѣмъ міромъ, какъ ярко сіяете вы умомъ, талантомъ, знаніями, логикой, высотой нравственнаго чувства... Идите... и носите гордо ваши сто ризокъ. Носите ихъ такъ же гордо, какъ тотъ король, — читали-ли вы эту прелестную сказку Андерсена? Памятевъ ли вамъ тотъ король, который, выйдя со всей своей свитой, дѣлалъ видъ, что отлично видитъ то мнимое необычайно тонкое платье, которое «принесъ» ему шутникъ-портной, заявившій, что это чудесное платье не дано видѣть только дуракамъ? Памятевъ ли вамъ также и конецъ этого стихотворенія? Даже среди придворныхъ умниковъ этого корвля

нашелся человѣкъ, который наконецъ закричалъ: «Да, вѣдь, король то голый!» И всѣмъ стало стыдно, и всѣмъ захотѣлось провалиться сквозъ землю... А что, если и въ общественномъ кругу, къ которому обращается г. Суворинъ, найдется случайю кто нибудь такой же дерзкій, и однимъ возгласомъ разрушитъ очарованіе?

Впрочемъ нѣтъ, г. Суворинъ можетъ этого не бояться. Тамъ всѣ на подборъ — умные... Они никогда не увидятъ моральной наготы г. Суворина...

Отъ «атики» пресмыкающейся прессы перейдемъ къ ея «политикѣ». Первое чувство, охватившее какъ правящіе круги, такъ и газетныхъ выразителей ихъ политики, была растерянность и тревога. «Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ, и волнуются гагары» — шумныя, говорливыя газетныя гагары, которыя съ подозрительнымъ усердіемъ на всѣ лады кричатъ и повторяютъ, что террористовъ никогда — абсолютно никогда — никто, вотъ такъ таки рѣшительно никто, и нисколько — ни вотъ даже настоятельно — не боится. «Новое Время» доказываетъ на всѣ лады, что «стремленіе утратить, запугать, потрясти общество и правительствѣ» есть совершенно «химическая цѣль». «Варшавскій Дневникъ» восклицаетъ: «Пусть эти отщепенцы не мнятъ, что имъ удастся внести смуту въ населеніе и подорвать твердость духа среди лицъ, отдающихъ свои силы осуществленію государственныхъ предначертаній! Смерть на служебномъ посту никогда никого не страшилась, не утратить и впродѣ». «Русь» надрыдается въ доказательствахъ того, что «ничто не измѣнитъ и ничто не передѣлается» отъ этого факта, который повтому напрасно повсюду произвелъ «глубокое, громадное впечатлѣніе». «Гражданинъ» призываетъ на помощь всю свою способность аргументировать, чтобы по настоящему, глубоко-философски обосновать ненужность террора для самихъ террористовъ. «Преступленіемъ ничего добиться нельзя... А главное — смертью запугать нельзя. Отъ смерти не убѣжишь, рано или поздно она бываетъ неизбежна. Она и естественная бываетъ нерѣдко неожиданна. Смерть насильственная часто смерть мгновенная, менѣе тяжелая, чѣмъ отъ недуговъ...» и т. д., и т. д., слѣдуютъ на цѣлый столбецъ столь же глубокомысленныя размышленія, въ результатъ которыхъ выходитъ, что умереть отъ руки террориста — одно удовольствіе, и что изъ ненависти къ власти имѣющимъ террористы не должны бы этого удовольствія имъ доставлять. «Хорошо поетъ, собака, убѣдительно поетъ!» Въ другомъ родѣ, но въ томъ же духѣ, подвизаются «Московскія Вѣдомости» — тѣ ужъ прямо со слезой въ голосѣ вопіютъ: «неужели среди этой потерянной шайки, именующей себя русской революціонной партіей, нѣтъ никого, кто сумѣлъ бы сказать товарищамъ-злѣбамъ, что подобными средствами невозможно измѣнить направленіе государственной жизни?» И похоже, что «Московскія Вѣдомости» готовы сказать про такого добраго совѣтника, какъ Вольтеръ про Бога: «если бы его не было, то нужно было бы его выдумать»...

Но — живъ Богъ, жива душа моя! Не нужно намъ, слава Богу, ничего выдумывать и изобрѣтать, не нужно намъ ни Вольтера, ни нѣмца, который всегда можетъ обезьяну выдумать, ибо и безъ ихъ помощи можетъ «собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ» российская земля рождалась. Давно уже среди русскихъ революціонеровъ ведется устная и печатная антитеррористическая проповѣдь, и если-бы живое общественное движеніе можно было запрудить горами печатной бумаги, то террористическая борьба давнымъ давно отошла-бы въ область преданій, ея «слава — пропала, подвиговъ громкихъ мова — сказкой казарменной стала»... Но увы! Недаромъ въ увѣщаніяхъ «Московскихъ Вѣдомостей» по адресу террористовъ слышатся безнадежныя слезы, недаромъ отрицаніе реакціонной прессы всякаго дезорганизующаго и устрашающаго вліянія террора производится съ такимъ подозрительнымъ усердіемъ, что оно способно «вести въ соблазнъ» даже самаго яраго антитеррориста...

Надо сказать, что мы далеко не исчерпали всей аргументаціи реакціонной прессы. Видное мѣсто въ ней занимаютъ обычные казенные приемы, которые всегда приходятъ на помощь людямъ, чувствующимъ себя въ затруднительномъ положеніи. Слабое мѣсто, ахиллесову пятку слѣдуетъ прикрыть наивозможно болѣе громкой, пышной фразой. А такія пышныя, «парадные фразы въ ложно-классическомъ стилѣ», какъ всякая мѣтко называетъ ихъ одинъ специалистъ въ этомъ родѣ краснорѣчія, всегда имѣются въ достаточномъ количествѣ къ

услугамъ всѣхъ желающихъ. «Русская земля», гордо заявляютъ «Московскія Вѣдомости» — богата преданными царю и народу государственными людьми, которые, по первому зову своего монарха, поспѣшатъ занять мѣсто выведеннаго изъ строя государственнаго человѣка». «Но мало-ли у русскаго царя — восклицаетъ «Южный Край» — испытанныхъ и талантливыхъ государственныхъ людей, которые сочтутъ за честь и за счастье, не думая о послѣдствіяхъ, замѣнить В. К. фонъ-Плеве? А во слѣдъ имъ надрываются и мелкія газетныя сошки шумнымъ перезвономъ на ту же тему, что еще не оскудѣла русская земля слугами за страхъ и совѣсть престоль-отечеству. Читая эти гордыя, вдохновенныя строки, любой русскій консерваторъ будетъ готовъ изобразить изъ себя живую иллюстрацію къ двухстишію: «гусаръ, на саблю опираясь, въ глубокой гордости стоялъ». — Будетъ готовъ... если только въ критическую минуту не явится, какъ это часто бываетъ, какой-нибудь enfant terrible и совершенно непочтительно, наперекоръ своимъ литературнымъ лидерамъ, не заявить, что парадныя фразы — суть только парадныя фразы, и что ложно-классическій стиль — это штука стара, ее бросить пора...

Есть и въ реакціонномъ лагерѣ такой enfant terrible: это князь Мещерскій. Онъ тоже слабъ на языки и тоже частенько неосторожно выхватываетъ очень большіе секреты. «Съ минуты, когда первое впечатлѣніе ужаса отъ преступленія 15-го іюля стихло» — пишетъ онъ — «всѣ обратились къ вопросу, кто будетъ преемникомъ второго убитаго министра внутреннихъ дѣлъ? Начали произноситься имена. По странному противорѣчію съ дѣйствительностью, коею отличительною чертою есть (sic) безлюдіе, никогда не приходилось слышать такого многочисленнаго перечня именъ, какъ сегодня, въ отвѣтъ на вопросъ: кто вѣроятный кандидатъ на должность министра внутреннихъ дѣлъ? Оказалось по счету, что называють 15 кандидатовъ. Я помню давно бывшее время: открывалась вакансія на должность министра внутреннихъ дѣлъ, называли ихъ два, три; теперь, когда со всѣхъ сторонъ слышишь слова «людей нѣтъ», и когда должность министра внутреннихъ дѣлъ стала неизмѣримо труднѣе, чѣмъ она была прежде, и требуетъ особенно выдающагося для нея государственнаго человѣка, — ихъ насчитываютъ цѣлыхъ 15».

Да, Мещерскій правъ — небывалый случай... Ну, а развѣ «бывалый» это случай, что до настоящаго времени, — а теперь, когда мы пишемъ эти строки, на дворѣ уже стоитъ 22-ое августа, — т. е. втеченіи болѣе мѣсяца мы не имѣемъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, такъ что шутники даже говорятъ, что если и будетъ назначенъ новый министръ, то конспиративный, съ сокрытіемъ его имени отъ публики?

«Кто-нибудь покойнаго смѣнить, да никто не замѣнить» — такова мысль, красной нитью проскальзывающая по всѣмъ органамъ реакціонной прессы... Чувствуется, что въ лицѣ Плеве способность современнаго порядка къ самозачитѣ достигла своего крайняго предѣла. Пущены были въ ходъ всѣ ресурсы, забрели въ тупой переулочекъ... Большаго, чѣмъ сдѣлано, для охраны современнаго порядка сдѣлать нельзя. Путь въ гору конченъ — даже такой кучеръ, какъ Плеве, ничего болѣе не могъ подѣлать — начинается путь подъ гору... Плохо, трудно спускаться, нужны твердыя, ловкія руки, чтобы хоть немного замедлить спускъ, — того и гляди, начнется не спускъ, а бѣшеная скачка, сорвется карета и полетитъ неужеримо внизъ, кувыркомъ, безъ удержки, безъ спасенія... Кого-же сажать на козлы, кто лучше подходитъ для этой перспективы? Всѣ или никто — пятнадцать, двадцать, тридцать кандидатовъ для этой цѣли одинаково подходящи, или, лучше сказать, одинаково неподходящи...

И хотя политика фонъ-Плеве обанкротилась, хотя самая гибель его была однимъ изъ частныхъ проявленій и свидѣтельствъ банкротства его политики, но первые видимые успѣхи ея заставляютъ теперь богѣзненно сжиматься сердца реакціонеровъ по тяжелой утратѣ... «Прямота, неуклонная твердость въ достиженіи намѣченныхъ задачъ, безъ всякаго уклоненія въ сторону... — основныя черты политики В. К. Плеве. Это былъ человѣкъ съ начертаннымъ ранѣе планомъ, каждое дѣйствіе его строго соотвѣтствовало системѣ и являлось необходимымъ элементомъ ея» — вздыхаютъ «Виржевыя Вѣдомости». «Государственный умъ, соединенный съ громадной эрудиціей и опытностью... Одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и стойкихъ борцовъ за торжество и всестороннее упроченіе русской государственной идеи» — восхваляется «Петербургская Газета». «Энергичный и даровитый представитель строгаго порядка, не шедшій ни на какой уступки и съ рѣдкимъ

воодушевленіемъ исполнявшій свой долгъ» — вторитъ Петербургскій Листокъ». «Погибъ человѣкъ выдающихся качествъ, человѣкъ нужный и полезный для государственнаго управленія!» оплакиваетъ его «Кіевское Слово». «Тяжелая, великая утрата для Россіи!...»

«Онъ былъ человѣкъ долга, умственной дисциплины и упорнаго, огромнаго трудолюбія. То, что онъ считалъ неизбежно-вѣрнымъ, то и было его рѣшеніемъ, и онъ шелъ къ поставленной цѣли, не колеблясь и принимая на себя всю отвѣтственность» говоритъ «Котлинъ». «Ясность мысли, желѣзная энергія» — перечисляетъ Spectator въ «Моск. Вѣд.» качества Плеве. «Онъ тотчасъ же находилъ вѣрное рѣшеніе трудныхъ, запутанныхъ задачъ, проявляя при этомъ такую живую инициативу и такіе оригинальные приемы (не намекъ ли на Кишиневъ?), что онъ ими иной разъ озадачивалъ людей, привыкшихъ къ болѣе шаблонной рутинѣ въ своей государственной дѣятельности... Мы понесли въ немъ, дѣйствительно, незамѣнимую утрату!» Со своей стороны «Гражданинъ» — не замѣчая, на какую скользкую нравственную почву онъ при этомъ становится, — особенно подчеркиваетъ способность Плеве развиваться, сообразно обстоятельствамъ. «Сложность личности — восхищается онъ — есть обыкновенно неотъемлемая принадлежность человѣка, совершающаго столь быстрое восхождение на высоты іерархіи, какимъ была карьера В. К. Плеве, когда главная духовная работа происходитъ въ головѣ», и эта голова умна... Когда онъ былъ директоромъ департамента полиціи при Лорисъ-Меликовѣ, покойный В. К. былъ гораздо менѣе сложенъ, чѣмъ наканунѣ его кончины; но если затѣмъ принять въ соображеніе его переходъ отъ Лорисовской эпохи къ игнатьевскому министерству, совсѣмъ другого запаха, и вскорѣ опять къ совсѣмъ иному міру графа Толстого, и затѣмъ прослѣдить спокойный періодъ его жизни, въ должности государственнаго секретаря, до перехода на боевое мѣсто статсъ-секретаря Финляндіи, и, наконецъ, до самаго труднаго, самаго сложнаго и самаго боевого поста министра внутреннихъ дѣлъ, послѣ убитаго Д. С. Сипягина, то можно не удивляться, что личность покойнаго В. К. постепенно усложнялась, по мѣрѣ расширенія его должностныхъ отношеній къ жизненнымъ сферамъ». Реакціонная пресса отрицаетъ и то, что онъ, этотъ «сложный» человѣкъ, «благодарно влиялъ также и на другія отрасли государственнаго управленія и придавалъ имъ то единство, въ которомъ нуждается управленіе всякой великой страны». И недаромъ «Варшавскій Дневникъ» сознается, что извѣстіе о смерти Плеве во всѣхъ вѣроподобныхъ сердцахъ «готовится леденящимъ ужасомъ». Недаромъ и «Московскія Вѣдомости» говорятъ: «нельзя достаточно оцѣнить потерю, которую несетъ дѣло государственнаго управленія... Да, если враги (царско-чиновничьей) Россіи хотѣли нанести ей великій ущербъ, они не могли выбрать среди ея гражданъ лучшей жертвы».

Мы очень благодарны почтенной реакціонной газетѣ и за ея невольные откровенные комплименты нашему политическому такту, и за ту невольную слезу въ ея голосѣ, съ которой она взываетъ къ помощи анти-террористической пропаганды въ самой революціонной средѣ. Да, реакціонная пресса бываетъ иногда весьма понятлива въ тѣхъ вопросахъ, которые касаются ея жизненныхъ интересовъ — болѣе понятлива, чѣмъ иные Симеоны Столпники анти-террористической ортодоксіи. Реакціонные круги отлично понимаютъ, что дѣло режима, системы, иногда бываетъ неразрывно связано съ конкретными носителями системы, наиболее энергичными и талантливыми выразителями основныхъ тенденцій режима; что, нанеся удары этимъ лицамъ, мы наносимъ ущербъ и системѣ, которая этия же не въ безвоздушномъ пространствѣ надъ людьми, а живетъ въ людяхъ и дѣйствуетъ черезъ людей, причемъ иные люди являются главными нервными узлами, центрами всей системы. Понимаютъ они и то, что терроръ не только переимѣну одного лица другимъ вызываетъ, но хватаетъ гораздо дальше, и что глупо террористовъ представлять себѣ наивными людьми, борющимися не противъ системы, а противъ лицъ, и удовлетворяющимися смѣщеніемъ одного лица — другимъ. «Террористамъ вовсе неужна смерть того или другаго губернатора или министра: имъ только нужно, чтобы *властительство смутилось* передъ цѣлымъ рядомъ убійствъ, и чтобы общество замѣтило это смущеніе», говорятъ

*) Какъ видите, кн. Мещерскій твердо убѣжденъ что иногда «главная духовная работа» можетъ происходить и не въ головѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

«Московск. Вѣдом.», и, переходя къ данному конкретному акту — устраненію Плеве — продолжают: «Цѣль у нихъ, очевидно, была двоякая: 1) они хотѣли избавиться отъ противника, охранявшаго Россію отъ ихъ преступной пагубной дѣятельности, и 2) они надѣялись ошеломить всю (официальную) Россію, лишивъ ее столь выдающагося радѣтеля о ея благодѣ, дабы вызвать въ ней такую поголовную растерянность, которою могли бы воспользоваться какъ ея внутренніе, такъ и вѣншіе враги». Оставляя въ покоѣ «вѣншіхъ враговъ», которымъ важнѣе та дезорганизация, которую вносятъ въ правительственный и военный механизмъ подкупность, неспособность и авантюризмъ самой нашей правящей бюрократіи, мы, конечно, не можемъ не одобрить «Московскихъ Вѣдомостей» за ихъ понятливость въ другомъ пунктѣ. О да, конечно, дезорганизующее вліяніе террора для насъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе готова вся армія «внутреннихъ враговъ» самодержавія воспользоваться каждымъ моментомъ смятенія, переполоха и растерянности наверху. Только глупцы могутъ отворачивать массовую силу революціоннаго движенія отъ использования остраго оружія террора, отъ взаимной поддержки первымъ — втораго и обратно. «Московскія Вѣдомости» совершенно справедливо видятъ въ этомъ взаимодействіи грозную опасность для своего дѣла. Они совершенно резонно, со своей точки зрѣнія, стараются явно замаскировать свой страхъ передъ этой опасностью. Напрасно они только не выдерживаютъ этой тактики и вѣчно проговариваются. Напрасно проговаривается и г. Суворинъ, который въ другихъ случаяхъ такъ старательно афишируетъ свое пренебреженіе къ безсилію террора. Уже надобно бы и стоять на этомъ твердо. А то вдругъ боязнь заразительнаго вліянія, которое окажетъ примѣръ активной, самоотверженной борьбы на всю массу, перебиваетъ, и г. Суворинъ начинаетъ вопить: «общество должно сознать ту опасность, которая грозитъ ему, грозитъ его жизни и безопасности, ибо эта эпидемія можетъ дойти до размѣровъ ужасающихъ, до убійствъ массовыхъ, чему уже были примѣры». Да, именно это и грозитъ вамъ — гроза всенароднаго движенія, гроза революціи, которую вы зовете «массовыми убійствами», забывая, что весь вашъ современный режимъ, вся ваша внутренняя политика и есть политика сплошныхъ массовыхъ убійствъ, которымъ мы хотимъ, наконецъ, положить предѣлъ. Вы дрожите передъ грозой революціи, — мы зовемъ ее, мы восклицаемъ съ повѣтомъ — «пустъ сильнѣе грянетъ буря!»

Душно! безъ счастья и воли
Ночь безконечно темна...
Буря бы грянула, что ли!
Чаша съ краями полна...

Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи, —
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!

ВОЙНА.

Пораженіе подъ Ліао-Янгомъ и агонія Портъ-Артура. Послѣ почти одновременнаго пораженія Портъ-Артурской и Владивостокской эскадры, подоспѣлъ и рѣшительный ударъ на сушѣ. Предсказанія громаднаго большинства западно-европейскихъ военныхъ специалистовъ сбылись. Куропаткинъ долженъ былъ спѣшно опочасть «неприступныя» Ліао-Янскія позиціи, угрожаемый обходнымъ движеніемъ Куроки. Что особенно характерно въ этой послѣдней военной неудачѣ русскаго оружія, такъ это вотъ что. Преимущества русскихъ войскъ въ этой битвѣ, какъ оказывается, заключались не только въ превосходныхъ, укрѣпленныхъ позиціяхъ, но и въ численности. Противъ приблизительно двухсотъ тысячной русскаго арміи японцы выдвинули 160 тысячъ. Почему же побѣда осталась за японцами? Сами они объясняютъ это себѣ такимъ образомъ: русскіе солдаты дрались храбро и проявили громадную выносливость; но военная выучка ихъ значительно ниже японской. Особенно силенъ перевѣсъ японской артиллеріи. Во вторыхъ, личный составъ офицерства и командировъ, а также весь организационный механизмъ, какъ военный, такъ и провіантскій, у японцевъ значительно выше. Впечатлѣніе, произведенное пораженіемъ при Ліао-Янгѣ на западно-европейскую прессу, огромно. Даже французскія бур-

жуазно-руссифильскіе и націоналистскіе органы, до сихъ поръ яро защищавшіе славу русскаго оружія и предрекавшіе эфемерность японскихъ побѣдъ, серьезно смущены и впали въ пессимистскій тонъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже рѣзко перемѣнили позицію. Теперь находятъ положеніе Куропаткина плачевнымъ и укоряютъ его въ отсутствіи военныхъ способностей.

Положеніе Портъ-Артура становится теперь совершенно безнадежнымъ. Агонія его еще будетъ длиться, онъ еще будетъ по прежнему отвлекать значительную часть японскихъ силъ, но главная русская армія лишена возможности этимъ воспользоваться. Что касается пресловутой Балтійской эскадры, то мы по прежнему держимся того мнѣнія, что въ тихоокеанскихъ водахъ она и не побываешь. Мы полагаемъ, что на нее не разчитываютъ и само правительство, и всѣ столь шумно рекламируемыя въ европейской прессѣ мѣры по ея снаряженію — лишь маневръ для поддержанія курса и для лучшей реализаціи займа. Можетъ быть, эскадра когда-нибудь для видимости даже и отправится въ свое долгое плаваніе, но только для того, чтобы съ подорожи благополучно вернуться во-своади.

Отголоски войны (письмо изъ Подольской губ.). Послѣднія события у Портъ-Артура, непрерывные штурмы и легендарныя боины, — взвинтили наши нервы до состоянія, при которомъ перестаешь спать по ночамъ. Начинаютъ слышаться жалобы по адресу ни въ чемъ неповинныхъ газетъ въ такомъ родѣ, что лучше, молъ, совсѣмъ ихъ не выписывать — по крайнѣй мѣрѣ, на сердцѣ спокойнѣе будетъ. Если бы война теперь закончилась хотя бы «позорнымъ» миромъ, мы вздохнули бы съ облегченіемъ. Громъ пушекъ и вѣяніе знаменъ пока остаются только въ нашемъ воображеніи, но «пострадавшіе» начинаютъ появляться и на нашемъ горизонтѣ. Недавно привезли въ нашъ уѣздъ полусумасшедшаго студента-медика III курса, отправленнаго весной на Дальній Востокъ добровольцемъ при санитарномъ отрядѣ. Несчастный, вмѣсто того, чтобы по ночамъ спать, занимался до полного истощенія силъ и крайняго нервного разстройства уборкой раненыхъ съ поля сраженія... А эта работа богата такими эпизодами, что самыя крѣпкіе нервы не выдерживаютъ и подчасъ здоровые мужчины впадаютъ въ истерику. При видѣ такихъ жертвъ войны мрачныя предчувствія относительно оставшихся на полѣ брани охватываютъ окружающихъ... А вотъ «вселенскіе пейзажики» противоположнаго характера. Изъ 5-й артиллерійской бригады была выдѣлена и отправлена на Дальній Востокъ 4-ая батарея. Командиръ ея, извѣстный пьяница подполковникъ Бѣлякъ, неприминнулъ, недозжая до Мукдена, заболѣть отъ запоя, а три младшихъ офицера слегли въ Харбинѣ болѣе сифилисомъ. Товарищи подшучиваютъ надъ ними и похваиваютъ ихъ. Охотниковъ-добровольцевъ теперь и днемъ съ огнемъ не сыщешь. Офицеры тянутъ жребій и ждуть своей очереди. Ихъ вызываютъ по мѣрѣ надобности по порядку вытянутыхъ номеровъ. Въ пятой артиллерійской бригадѣ такихъ офицеровъ восемь. Учащіяся за-границей, повидимому, пользуются общей льготой и освобождены отъ призыва.

Рожденіе наслѣдника прошло безъ должнаго эффекта подъ громъ японскихъ пушекъ. Даже убійство Плеве не сосредоточило всецѣло на себѣ общественнаго вниманія: такъ напряжено вниманіе къ трагедіи, разыгравшейся вокругъ Портъ-Артура и Ліао-Янга. Даже обыкновенные обыватели холодно отнеслись къ манифесту и къ факту рожденія наслѣдника, который заинтересовалъ, главнымъ образомъ, дамскій элементъ. Но и здѣсь провинціальныя пересуды о томъ, что царица родила наконецъ царевича и что событие это связано съ какими то предсказаніями — черезъ какихъ-нибудь 2-3 дня совершенно затихли. Не до этого! Ни усилія «ликующей» прессы, ни обширѣйшій царскій манифестъ не въ состояніи поднять наши притупившіеся нервы. Молчать и народъ, затнтый начинающейся у насъ мобилизаціей. Но въ этомъ гробовомъ молчаніи чувствуется недоброе настроеніе...

Извѣстія о войнѣ и общественное настроеніе (Письмо съ дороги). Новая вѣсти о нашихъ пораженіяхъ повсюду, гдѣ ни приходилось мнѣ бывать, встрѣчены какъ то апатично, какъ нѣчто уже привычное. Кровавыя гекатомбы на Дальнемъ Востокѣ принимаютъ такіе размѣры, что прочувствовать ихъ, какъ слѣдуетъ, слишкомъ тяжело — никакіе нервы не могутъ этого выдержать. «Вздумалъ бы плакать — заплакалъ бы море», какъ говоритъ поэтъ.

Но психология среднего обывателя — это все таки нечто весьма своеобразное. Такъ, о безчисленных покражахъ въ Красномъ Крестѣ извѣстно всѣмъ и каждому; разскажутъ о нихъ — тысячи, вѣрныхъ и невѣрныхъ; и, однако, пожертвованія еще даютъ, потому что «нельзя не давать». Правда, пожертвованій становится все меньше и меньше, но все таки... Множество легендъ ходитъ и относительно подкупности властей. Дѣйствительныхъ случаевъ продажности и воровства такъ много, что любая легенда безъ труда найдетъ себѣ вѣру. Изъ числа ходячихъ слуховъ отмѣтимъ, на примѣръ, такой, что гибель Петропавловска произошла отъ измѣны, и что вел. кн. Кириллъ получилъ за это отъ японцевъ 5.000.000 іенъ; что выстрѣлъ въ Куропаткину, слѣданный вел. кн. Борисомъ, объясняется также подкупомъ, и т. п. Многие обыватели этому вѣрятъ, тѣмъ болѣе, что множество извѣстій о скандальныхъ похищеніяхъ вел. кн., приставахъ извѣстнаго рода къ сестрамъ милосердія и т. п. циркулируетъ повсюду. Письма военныхъ къ Дальняго Востока кратки и безрадостны. Боясь писать откровенно, они даютъ между строкъ понять, что обстановка, окружающая ихъ — ужасна...

Итакъ, мы ко всему притерпѣлись, привыкли. Зная и догадываясь о многихъ промахахъ и даже мошенническихъ проделкахъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, мы, конечно, недовольны этимъ. Но что подѣлать? Мы возмущались бы, если бы знали, что наше возмущеніе принесетъ какую-либо пользу. Но мы больше пессимисты и, кромѣ того, ходимъ во тьмѣ. Критика высшихъ сферъ предполагаетъ интересъ къ общегосударственнымъ дѣламъ и нѣкоторое пониманіе ихъ. Но общегосударственная дѣла кажутся намъ такими далекими, хитрыми и недосягаемыми! Мы слишкомъ далеко стоимъ отъ политики и отъ «дѣла», чтобы какая-либо широко-взятая общественная идея была для насъ чѣмъ-либо большимъ, чѣмъ книжная, полувоздушная теорія. Въ концѣ концовъ, мы предпочитаемъ думать о чемъ-нибудь болѣе веселомъ, чѣмъ нависшая надъ нами туча. Состояніе это, наивно и откровенно, было высказано мнѣ, между прочимъ, однимъ солдатикомъ, съ которымъ я случайно разговаривалъ. Кончая въ этомъ году срокъ своей службы и опасаясь, что по случаю затягивающейся войны его не отпустятъ въ запасъ, онъ сказалъ мнѣ: «Нѣтъ, мы не читаемъ газетъ. И безъ того на душѣ тошно. Напрасно раздражать себя.»

«Культурное общество» приуныло. Застой въ дѣлахъ начинается констатироваться все болѣе и болѣе открыто. Разговоръ не обходится безъ того, чтобы не было упомянуто о какомъ-либо мѣстномъ крахѣ, котораго никто не ожидалъ. Я знаю въ уѣздѣ два очень солидныхъ предпріятія, которыя ликвидировали свои дѣла. Всѣ сокращаютъ расходы. Въ нашей мѣстности къ тому же предвидится неурожай. Слухъ о «передѣлѣ» земли *несомненно* имѣетъ большую популярность. Простонародье грезится на пановъ и спрашиваетъ, правда ли, что царь будетъ на этотъ разъ твердо стоять за мужика, который льетъ за него свою кровь. Что дѣлать съ подобной вѣрой? Вражда противъ пановъ, хотя бы пока только въ формѣ нелестныхъ разговоровъ о нихъ, рѣшительно готова сдѣлаться самой популярной идеей въ народѣ. Любопытно знать, найдется ли теперь такой человекъ въ Россіи, который бы не считалъ ея знакомымъ временемъ.

То и дѣло слышишь разсказы въ такомъ родѣ: недавно мужички сожгли помѣщику два сарая и конюшню. Въ другомъ селѣ идетъ вѣчная война за выпасъ. Мужички сидятъ въ тюрьмѣ и говорятъ буквально: «Мы сгнемъ, наши бабы будутъ пасти у тебя (т. е. у помѣщика). Бабы переморшисъ, будутъ сыны и внуки.»

Къ страху «передѣла» для нашей вѣчно трепещущей обывательницы прибавляется еще болѣе непосредственный страхъ правительственной узды, которая во многихъ случаяхъ заставляетъ ее держать языкъ за зубами. «Молчаливость» ея въ иныхъ случаяхъ очень рѣзко бросается въ глаза. Наше простонародье, которое еще не догадывается о хитрой выдумкѣ, называемой «шпіонствомъ», гораздо откровеннѣе. Нижніе чины попадались мнѣ тоже разговорчивые, но тотъ изъ нихъ, кто поначитанѣе, да еще имѣетъ нашивки, всегда остро роженъ и непріятно трусливъ. Но патристическаго одушевленія, во всякомъ случаѣ, нигдѣ ни капли — всюду открытое или скрываемое недовольство.

Изъ разговоровъ про войну. Едва ли наше правительство когда нибудь вело войну менѣе популярную, чѣмъ нынѣшняя. Когда улеглось искусственно вдутое «патріоти-

ческое» воодушевленіе первыхъ дней, уныніе или равнодушіе стало все сильнѣе охватывать широкіе общественные слои. Унываетъ Россія, ноетъ Петербургъ, скверно настроена провинція, — неоднократно созывавшаяся «Петерб. Вѣд.» (за что кажется, и получили соответственную нахлобучку). Та же легальная пресса порой даетъ картинки съ натуры, рисующія отношенія къ войнѣ народныхъ слоевъ; нѣкоторыя изъ нихъ приводились уже на страницахъ «Революціонной Россіи». Популярности войны въ этихъ слояхъ нѣтъ и слѣда. И въ самомъ дѣлѣ, сталкиваясь случайно съ представителями разныхъ общественныхъ группъ, положительно не наблюдаешь военнаго задора, не слышишь оправданій затѣянной бойни. Приведу на выдержку нѣсколько случайныхъ разговоровъ съ обывателями.

Вотъ крестьянинъ изъ смысленныхъ, грамотный, но не прочитавшій ни одного нелегальнаго листка.

— «Про войну читаете... слышно что-нибудь?» спрашиваетъ его — «Какъ же, читаемъ». — «Ну, что, какъ тамъ дѣла идутъ?» — «Да, что, мало мнѣ трогательна эта война: бьются говорить, нашижъ помногу, а мнѣ будто и не жалко... Такъ не трогательно что-то...»

А вотъ запасной флотскій, тоже изъ сыновъ деревни. Онъ навеселѣ; костюмъ трапезантъ, фуражка съѣхала на затылокъ.

— «Господинъ, — обращается онъ почему-то къ вамъ съ просительной улыбкой, — прикажите монополю открытъ... Выпить хочется, а она значить закрыта» — «Я не имѣю права. Да и зачѣмъ вамъ: вы уже выпили...» — «Можетъ, у васъ акцизный знакомый, али сидѣлецъ, — продолжаетъ упрашивать подгулявшій. Вѣдь, все равно, пропадать идемъ, погибать однимъ словомъ, за вѣру, царя и отечество. Вѣдь, правилы я говорю? Пропадемъ, уже это мы знаемъ! Такъ какъ тутъ не выпить... Прикажите, похлопочите, насчетъ, чтобы монополию открыли! Вѣдь, ежели пропадать, такъ ужъ надо выпить...»

Случайно забредаетъ къ вамъ солдатикъ, тоже изъ запасныхъ, которому ошибочно указали адресъ казармъ. Входитъ мертвенно блѣдный, съ какимъ то тупымъ, остановившимся взглядомъ. Впечатленіе не то очень больного, не то тронутаго.

«Гдѣ тутъ казармы?» спрашиваетъ убитымъ, еле слышнымъ голосомъ и понуривъ голову.

— «Казармы? Вотъ тамъ-то. А зачѣмъ вамъ?» невольно любопытствуетъ вы.

— «Надо... Запасные мы... На войну идемъ... Вотъ пришелъ...»

И опять свѣсилъ голову и стоитъ, словно потерявъ предположеніе о томъ, куда ему идти и зачѣмъ. Приходится повторить адресъ казармъ.

«Пойду», еле выдавливаятъ онъ сквозь стиснутые зубы и медленнымъ, нерѣшительнымъ, совсѣмъ не военнымъ шагомъ, уходитъ. Вотъ онъ зашелъ за уголъ все съ опущенной на грудь головой, словно думая какую то непонятную для него тяжелую, грустную думу. Вы долго смотрите ему вслѣдъ, и сердце переворачивается въ груди, и просятся яростныя проклятія тѣмъ, кто заварилъ эту кровавую кашу...

«Что про войну слышно?» спрашиваете случайнаго сосѣда на пароходѣ — купчика, простоватаго, невзрачнаго на видъ человека.

— «Да опять, пишутъ, нашихъ два корабля японцы разбили», отвѣчаетъ онъ совершенно безучастно. «Гдѣ вы читали? Это, кажется, только слухъ? Можетъ быть, въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» уже есть?» — «Нѣтъ, изъ Питера писали. А въ «Губернскихъ» развѣ все пишутъ? Что губернаторъ велитъ...»

Вы зондируете другого, третьяго, изъ того-же 3-го сословія. — «Дума жертвуетъ, а мы распахиваемъ, вздыхаетъ одинъ. — «Вотъ теперь «Петропавловскъ» затопился, — опять курсъ упадетъ», поддерживаетъ другой. И ни одного патристическаго словечка!

— «Совсѣмъ, совсѣмъ напрасно такъ далеко залѣзали. На кой чортъ нужна намъ эта Корея да Манджурія!» откровенничаетъ съ вами (безъ свидѣтелей) чинущъ «съ положеніемъ». «Зарвались, надо сознаться... Вотъ, еслибы Турцію разгромить», неожиданно прибавляетъ онъ, «это бы за живое зашло. А Корея съ Манджуріей!»... и особа пренебрежительно машетъ рукой.

Да, трудненко будетъ довести до «благополучнаго» конца правительству Николая Последняго свою кровавую затѣю, при такомъ настроеніи общества.

Изъ Мамадышскаго уѣзда. Казанской губ. (Изъ письма сельскаго обывателя). «Совершается у насъ самое беззастѣнчивое вымогательство жертвъ на военныя потребности. Угрозы и обѣщанія выманиваютъ послѣдніе гроши изъ крестьянскихъ общественныхъ кассъ. Земскіе начальники говорятъ крестьянамъ: жертвуйте, — за это получите благодарность отъ самого царя! Крестьяне отвѣчаютъ: нечего дать, потому что не имѣемъ даже чѣмъ обсеменить яровое поле (въ прошломъ году яровые хлѣба не уродились, а въ правительственной ссудѣ на обсеменение было отказано), добрая половина земли остается пустовать или сдается за безцѣнокъ болѣе состоятельнымъ людямъ. На это возражаютъ: «но какъ-бы худавамъ не было; всѣ сельскія общества что-нибудь да пожертвовали, только отъ васъ ничего нѣтъ — могутъ подумать, что... обратить вниманіе!» и крестьяне даютъ. Послѣ первой жертвы приступаютъ съ требованіемъ опять, обѣщая, что будетъ милостивый манифестъ и т. п. Такимъ образомъ собираются копейки и даже куриныя яйца.

«Что пишутъ въ газетахъ о подъемѣ патристическаго чувства и о духѣ войскъ — чистѣйшій вздоръ. По Камѣ на Пермь ежедневно возятъ на пароходахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ. 4 іюня былъ такой случай: въ с. Челнахъ на пароходѣ бр. Каменскихъ «Отецъ» была посажена партія около 250 человекъ запасныхъ. Пройдя г. Елабугу, въ третьемъ часу ночи, одинъ изъ солдатъ, татаринъ Мензелинскаго уѣзда Уфимск. губ., отворилъ дверь на бортъ парохода и бросился въ Каму. Спасти несчастнаго не успѣли и тѣла не нашли. Можно себѣ представить душевное состояние утиновцаго солдата, въ какомъ онъ провелъ эту роковую ночь! И сколько ихъ — близкихъ къ отчаянію съ момента объявленія мобилизаций — проводятъ такіа мучительныя, бессонныя ночи! Хотя война не запрещается магометанскимъ вѣроисповѣданіемъ, но человекоубійство вообще противно человѣческой природѣ. Патриотизмъ въ смыслѣ желанія своему народу всякихъ благъ, а чужому — всякаго зла — чувство постыдное, совершенно несомнѣстимое съ христіанскимъ міросозерцаніемъ: не дѣлать другому того, что для себя не годится»).

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Саратовъ. Казнь Плеве произвела у насъ потрясающее впечатлѣніе: вчера всѣ поздравляли другъ друга. При встрѣчахъ обыватели говорили только объ этомъ. Всѣ радужно настроены. Люди поздравляютъ другъ друга телеграммами. Даже губернаторъ Столыпинъ вздохнулъ съ облегченіемъ: и они устали отъ гнета. Плеве всѣхъ заставлялъ быть неутомимыми сторожевыми псами самодержавія, и среди администраціи, предпочитающей спокойствіе, и мало способной вдохновляться своей миссіей, слышался ропотъ. Ни одного соболѣзнованія не слышно было. Приведу одинъ изъ многихъ типичныхъ обывательскихъ разговоровъ. Въ группѣ крестьянъ и другихъ больныхъ, въ одной больницѣ завязывается споръ. — «Это все проклятые господа бунтуютъ», замѣчаетъ одинъ. — «Когда богъ разумомъ обидѣлъ, обрываетъ его другой, такъ молчалъ бы лучше». — «А може мужикъ за Полтаву мстятъ?» вмѣшивается третій. — А въ Вильнѣ я былъ, — такъ тамъ рабочихъ здорово поролы, загоняютъ сотню, да и всѣхъ и перепорютъ, и женщинъ, и дѣтей. А одинъ и пошелъ стрѣлять въ фонъ-Валю, да не попалъ. Его два мѣсяца держали, чтобы выдалъ — молчалъ. А казнили ночью, я былъ солдатомъ — вывели насъ въ поле, развернули каре въ двѣ стороны; пріѣхала карета, живо поставили висѣлицу, повѣсили, тутъ же закопали и давай солдатъ гонять, чтобы значить, и слѣда его не нашли. А доктора позвали къ больному, да и выпороли здорово». — Эти и подобные разговоры ведутся совершенно публично, и нерѣдки случаи, когда съ самой неожиданной стороны слышишь одушевленное «Да здравствуетъ Боевая Организация!»

Николаевъ. (25 іюля). Казнь Плеве встрѣчена здѣсь въ рабочей средѣ съ большимъ восторгомъ. Объ интеллигентныхъ слояхъ населенія и говорить не приходится. Даже соц.-дем. не скрываютъ своей радости. Менѣе интеллигентные и простые обыватели также довольны, что покончили съ этимъ черберомъ, съ которымъ всѣ имѣли свои счеты. Такое явное ликование заставило полицію насторожиться и усилить свою

сыскную часть. Шпіоны стали массами шнырять по улицамъ.

На слѣдующій день послѣ убійства Плеве, 16 іюля, мѣстная рабочая организція соц.-рев. выпустила прокламацію «Смерть палача». 18 іюля взяты за печатаніемъ Сергѣй Гончаровъ — рабочій. Были обыски у И. Демьяненко и П. Шаманина (оба рабочіе); 20 іюля на пристани обысканы пріѣхавшіе изъ Одессы Д. Каганъ — студ.-политехникъ и Л. Пригожинъ — инт.; ничего не найдено. 22 іюля было распространено гектографированное заявленіе Боевой Организациі въ количествѣ 170 экз. Заявленіе это разошлось среди рабочихъ на расхватъ, и въ виду того, что выпущено было такъ мало, въ городъ оно проникло только въ единичныхъ экземплярахъ. Среди активныхъ рабочихъ замѣчается теперь подъемъ настроенія и жажда дѣятельности.

Одесса. На дняхъ у Жевахиной горы захвачена рабочая массовка. Арестовано свыше 150 человекъ. Полиція вообще на сторожѣ. Дѣло въ томъ, что въ началѣ августа ожидается пріѣздъ «самого» Николая. Въ сѣрой, обывательской публикѣ по этому поводу ахаютъ и удивляются храбрости царя. «Помилуйте, въ такое время — и не боится пріѣзжать!»

Полиція усиленно ищетъ слѣдовъ Порознева (съ паспортомъ на это имя жилъ убившій Плеве). Стало извѣстно, что здѣсь проживалъ одно время человекъ съ этой фамиліей. Поэтому тотчасъ же были сдѣланы цѣлый рядъ обысковъ, которые не дали рѣшительно никакого результата. Тѣмъ не менѣе отсюда по этому поводу отправленъ въ Петербургъ съ какими то данными одинъ полицейскій чинъ.

Гибель Плеве произвела огромное впечатлѣніе. Восторгъ былъ всеобщій. Не говорю уже о рабочихъ и революціонной интеллигенціи, но даже либералы и вся болѣе или менѣе порядочная часть культурной публики, которая обычно побаивается вызываемаго терроромъ обостренія политической борьбы, на этотъ разъ была совершенно завоевана значеніемъ событія. И то сказать, Плеве сдѣлалъ возбудить ненависть во всѣхъ, кто только не является прямымъ прислужникомъ деспотизма за страхъ и за совѣсть.

На дняхъ мѣстная полиція и жандармерія была очень обкуражена слѣдующимъ фактомъ: у неожиданно скончавшагося редактора мѣстной газеты «Южное Обозрѣніе» Н. П. Цакни (бывш. эмигрантъ, осужденный по дѣлу 193-хъ) нашли въ карманѣ сюртука №№ «Освобожденія», «Рев. Россіи» и прокламаціи мѣстнаго комитета П. С. Р. «Несвоевременную» находку полиція унесла съ собой, но, въ концѣ концовъ, рѣшила не возбуждать никакого дѣла... противъ покойника.

На фабрикахъ ваксы Жако рассчитано десятка два рабочихъ за нежеланіе работать въ праздникъ. Исторія этого расчета и предшествовавшихъ ухищреній фабриканта весьма характерна и интересна. И такъ какъ она произвела на рабочихъ довольно сильное впечатлѣніе, результаты котораго могутъ сказаться еще позднѣе, то мы напишемъ о ней въ слѣдующій разъ подробнѣе.

Архангельскъ. 15 іюля вызвало сильное возбужденіе. Люди забыли свои разногласія, какъ партійныя, такъ и личныя, поздравляли другъ друга, устроили импровизированную овацію социалистамъ-революціонерамъ. Всѣхъ, всѣхъ объединяла радость и гордость, что отъ руки революціонера палъ всевластный тиранъ. Но это единодушіе продолжалось недолго: вѣрные себѣ ортодоксы очнулись отъ «гипноза» и начали высказывать порицаніе «слабымъ умамъ». «Чему-же, собственно, радоваться и выражать такъ безумно свой восторгъ», говорили «стойкіе». Но возбужденіе не проходило, такъ что социалъдемократамъ пришлось выпустить прокламацію, въ которой они устанавливаютъ, какъ должны правовѣрные марксисты отнестись къ такому событію. Группа Соц.-Рев. также выпустила прокламацію, въ которой дается характеристика личности Плеве, оцѣнка его дѣятельности, мотивировка съ политической точки зрѣнія значенія акта 15 іюля. Говорятъ, городъ былъ наводненъ этими прокламаціями; попали онѣ и на заводы, и въ портъ, попали, какъ говорятъ, и къ губернатору, который такъ разсвирѣпѣлъ, что и посейчасъ не успокоился. Гнѣвъ его разразился массой обысковъ и арестовъ, причѣмъ онъ даже лично пріѣзжалъ въ тюрьму для допроса. Имѣющие знакомыхъ среди здѣшней публики рассказываютъ, что вездѣ смерть Плеве встрѣчена радостно. — «Однимъ негодяемъ меньше», говоритъ лавочникъ; «и на нихъ находится управа», вторитъ мастеровой. Богатые и «люди съ вѣсомъ» также выражаютъ благодарность и удивленіе смѣлому юношѣ. Въ ихъ средѣ много «отцовъ» оплакиваетъ своихъ со-

*) Печатаемъ письмо съ сохраненіемъ выраженной подлинника. Ред.

сланных сыновей. Все согласны, что моментъ выбранъ удачный.

Съ дороги. Грандіозная новость, съ которой начинаю, и которая, съ получениемъ этого письма, будетъ давно известной вамъ, — смерть Фонтъ-Плеве. Она сдѣлалась известной у насъ сначала лишь очень немногимъ, — главнымъ образомъ, служащимъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, черезъ которыхъ прошла роковая телеграмма. Я узналъ о ней совершенно случайно, вчера ночью, проѣзжая одну изъ станцій Н-ской желѣзной дороги, гдѣ у меня имѣется знакомый служащій. Я нашелъ его очень встревоженнымъ и даже растеряннымъ. Поговоривъ со мной о войнѣ и собравъ отъ меня свѣдѣнія относительно нашихъ неудачъ и неурядицъ на Востокѣ, онъ таинственно приблизилъ ко мнѣ свое лицо и шепотомъ спросилъ: «Вы слышали насчетъ Плеве?» «Нѣтъ.» «Убить сегодня бомбой.» Сообщая такую новость, онъ, дѣйствительно, могъ рассчитывать на эффектъ: мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы не поразить его взрывомъ самой необузданной радости. «Къ чему мы идемъ, на что можемъ рассчитывать?» продолжалъ онъ трогательно-улыблѣннымъ голосомъ. И, смѣшивая представленіе объ освобожденномъ движеніи въ Россіи съ понятіемъ о тяжелыхъ условіяхъ вообще, въ которыхъ находится страна, и которыя выражаются для него прежде всего въ «притѣсненіяхъ по службѣ», онъ закончилъ жалобами на безконечные поборы и прижимы по случаю войны, съ одной стороны, и вслѣдствіе «соціалистическаго безумія» — съ другой. Психологія его понятна: война вызвала урѣзки въ жалованьи, о которыхъ онъ выражается: «не знаемъ, не перестанутъ-ли скоро совсѣмъ платить». «Соціалистическому безумію» онъ приписываетъ затрудненія въ окончаніи войны, отъ которой онъ радъ бы отбѣлѣться на какихъ угодно условіяхъ, а также объясняетъ имъ стѣснительное положеніе: приходится быть постоянно осторожнымъ, молчать, чего-то бояться и ждать въ невѣдѣніи всего ужаснаго. Во первыхъ, благодаря социалистамъ завелись и шпіоны, и строгости по части разговоровъ; во вторыхъ, за ихъ выходки легко поплатиться и невинному человѣку. «И такъ, молъ, не легко, а тутъ еще социализмъ выдумали. И чего только они хотятъ?» На этотъ вопросъ я нашелъ отвѣтъ у одной мелкопомѣстной землевладѣлицы. «Увидите, — сказала она мнѣ зловѣщимъ голосомъ, — перерѣжутъ мужики пановъ, тѣмъ и кончится.»

Разговоры эти довольно характерны для настроенія тѣхъ общественныхъ круговъ, изъ которыхъ не часто долетаютъ вѣсти до революціоннаго лагеря. Къ сожалѣнію, не всегда и не со всѣми бываютъ сообщительны эти люди. Такъ, дальнѣйшей дорогой, — а я побывалъ во многихъ мѣстахъ — мнѣ не особенно везло. Знакомые чиновники, которыхъ я пытался вызвать на разговоры, большею частью молчали, какъ будто набрали въ ротъ воды. И въ ихъ молчаньи несомнѣнно было нѣчто таинственное и растерянное.

Изъ обывательскихъ разговоровъ. (Москва) — Слышты, министра внутреннихъ дѣлъ Плеве убили! — Ну!? скажи на милость, какіе смѣлые... А за что это, братцы? — За что... эка дура, — нешто за хорошее убьютъ? А, это онъ, значитъ, былъ министромъ, который всей внутренностью Россіи управляетъ, — вотъ за это самое его и убили студенты — дрянно, молъ, управляешь. — И не студенты вовсе его убили, а есть партія такая. Намъ наемдѣи на деревнѣ псаломщикъ сказывалъ — есть, говорятъ, въ Россіи такая партія — называется партія революціонеровъ, которая, значитъ, всѣхъ которыхъ министровъ убиваетъ. — Во-о, ловко, паря... — Да, и собирается эта партія въ такой особенной комнатѣ, — вся она оружіемъ по стѣнамъ изувѣшана. И значитъ бросаютъ они между собой жребій, — можешь, говорятъ одному, убить? Нѣтъ, молъ, не могу — потому я трусъ. Бацъ его изъ леволверта; другому говорятъ, можешь? Могу, молъ, когда угодно, — и идетъ. — И откуда они такіе храбрые? — Бомбой его ударило — кучера тутъ же убило. — И-и, кучера то вотъ бѣднаго жалко, — вѣдь ни за что его, да вѣдь и лошадамъ то бѣднымъ досталось... — А потому бомбой — управляй по христіански... — Самъ то, который съ бомбой, — вѣдь какъ мучить то, пытать будутъ, ужъ поди померъ бы лучше... жалъ его, какой смѣлый...

Такіе разговоры можно было слышать въ средѣ самой простой, сѣрой публики. Въ первые дни вѣсть о смерти Плеве заслонила собой всѣ политическіе и общественные интересы — забыта была даже война, только и разговоровъ, что о пе-

тербургскомъ взрывѣ. Всюду радостныя, улыбающіяся физіономіи осмѣлѣвшихъ русскихъ гражданъ и сосредоточенное выраженіе на лицахъ полицейскихъ и шпіонствующихъ чукъ... Телеграмму рвутъ изъ рукъ, платятъ баснословныя деньги. Культурная «улица» пассивно радуется, потираетъ руки и уже начинаетъ «уповать». «Слыхали, батенька?» — «Да, здорово!» «Теперь ждите чего нибудь». На улицахъ усиленные наряды городовыхъ и околоточныхъ, изобиліе блестящихъ пуговицъ и синихъ мундировъ на вокзалахъ... Всюду — въ поѣздахъ, на конкахъ, въ правительственныхъ мѣстахъ и конторахъ оживленные разговоры. «Только такъ что, Иванъ Ивановичъ, говорятъ объ этомъ очень много, а тужителей то мало. Почти вездѣ только одно и слышишь: туда, молъ, и дорога». Прочитавъ телеграмму, какой то сѣдовласый мужъ не выдержалъ и воскликнулъ на весь вагонъ — «Слава тебѣ, Господи! наконецъ то прикончили!» чѣмъ вызвалъ сочувственныя улыбки сосѣдей и злобный взглядъ какого то полицейскаго, ничего однако не сказавшаго. Нигдѣ абсолютно никакого негодования противъ самаго факта убійства и даже мало удивленія — всѣ приняли извѣстіе, какъ давно ожидавшійся фактъ. Въ первую минуту даже «Московскія Вѣдомости» растерялись и ничего не могли придумать, кромѣ злобнаго шипѣнія и киванія въ сторону за-границы... «Я не понималъ раньше террора и считалъ его безполезнымъ, говорилъ одинъ мелкій служащій, теперь же я всецѣло раздѣляю взгляды террористовъ... Если бы вы видѣли, что дѣлалось у насъ въ присутствіи послѣ получения телеграммы, — всѣ забывали какъ угорѣлые отъ одного къ другому — и дѣла забыли. Всюду смѣхъ, радость. Даже самые заплѣтые рутинеры говорили — убили скотину, какую то теперь другую скотину назначать? Да, насодили намъ Плеве — у насъ его всѣ ненавидѣли».

Говорятъ, на югѣ въ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ сѣрая толпа устраивала оваціи каждому проходившему по улицѣ студенту — «вѣдь студенты его убили».

«Не понимаю, чего хотятъ эти революціонеры?» — говорилъ одинъ близко стоявшій къ Плеве человѣкъ. «Они сами не знаютъ, что дѣлаютъ, вѣдь Вячеславъ Константиновичъ самъ готовилъ имъ конституцію!» Удивительно, какъ не надоесть людямъ повторять все одну и ту же сказку про бѣлаго бычка, какъ не надоесть имъ лгать, и лгать еще притомъ такъ глупо... И кто теперь такой лжи повѣритъ? Кто будетъ слушать эти сказки? Если публика — и культурная, и сѣрая — ждетъ теперь съ чѣй нибудь стороны вѣскаго слова, такъ это отъ революціонеровъ. Прокламации рвутся на расхватъ и этимъ надо пользоваться: ковать желѣзо, пока оно горячо.

Намѣренно пишу вамъ о вчерашнѣйшихъ въ самой далекой отъ революціонеровъ, незатронутой какой либо пропагандой средѣ. Что касается до рабочей среды и до революціонной интеллигенціи, то охватившія ее восторгъ и энтузіазмъ не поддаются описанію. Не даромъ правительство, чтобы хоть вначалѣ сколько нибудь уменьшить силу перваго впечатлѣнія, усердно распускало всевозможные завѣдомо невѣрные слухи, вродѣ того, что убійство Плеве есть дѣло поляковъ и т. п. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ провинціи сообщаютъ о томъ же. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ долгая неизвѣстность помѣшала устройству сочувственной демонстраціи. Въ будущемъ этого рода пробѣлъ долженъ быть устраненъ.

Съ каждымъ террористическимъ актомъ необходимо связывать широкою агитаціею, разъясненіемъ и освѣщеніемъ данное событіе съ точкой зрѣнія содержанія всей нашей политической и соціальной программы. Помимо прекраснаго повода эта агитация, которая собственно должна доходить вплоть до демонстраціи, будетъ психологически необходимыми раздраженіемъ той активной энергіи и желанія борьбы, которая создается подобными событіемъ въ массѣ. Демонстрація должна связать индивидуальныя акты съ той массовой почвой, на которой онъ каждый разъ фактически стоитъ, должна ободрить революціонное сознаніе и укрѣпить въру въ неизбежность приближающейся побѣды.

Варшава. 2 августа состоялось засѣданіе Варшавскаго военнаго суда по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи при арестѣ типографіи Польской С. Д. Партіи. Предсѣдательствовалъ ген.-лейт. Стрѣльницкѣвъ (тогда самый, который въ 1885 г. предсѣдательствовалъ въ процессѣ партіи «Пролетаріатъ»). На скамьи подсудимыхъ сѣдѣли Мартинъ Каспшакъ и инженеръ Бенедиктъ Гуруманъ. Защищали: Каспшакъ — Станиславъ Патець, Гурумана — Кіевскій изъ Варшавы и Андреевскій

изъ Петербурга. Первоначально дѣло было направлено въ гражданскій судъ, но, по настоянію генералъ-губернатора Черткова, было передано военному прокурору, который подвѣлъ дѣло подъ 279 ст. военного судопроизводства, грозящую подсудимымъ смертною казнью. Въ самомъ началѣ засѣданія защита возбудила вопросъ о компетенціи военного суда, основываясь на новомъ законѣ о направленіи политическихъ дѣлъ въ Судебную Палату. Судъ не согласился съ доводами защиты и приступилъ къ разбору дѣла.

Фактическая сторона этого дѣла, какъ она выясняется изъ обвинительнаго акта, такова: 14-го апрѣля въ 9 часовъ утра Каспшакъ отправился на квартиру сапожника Павлюка, гдѣ находилась тайная типографія Польской Соц.-Демократіи. Партиі; нѣсколько позже туда пришелъ студентъ политехники Владиславъ Файнштейнъ и инженеръ Гуруманъ. Файнштейнъ скоро оставилъ типографію и направился въ городъ, гдѣ и былъ арестованъ на улицѣ. Жандармерія, боясь, чтобы объ этомъ арестѣ не узнали оставшіеся въ типографіи, отправила туда ротмистра Виничука съ однимъ полицейскимъ -ентомъ. Одновременно съ этимъ туда-же направился штабсъ-капитанъ Орлановскій съ отрядомъ городскихъ.

Виничукъ съ управляющимъ дома вошли въ квартиру, гдѣ помѣщалась тайная типографія, въ тотъ моментъ, когда Каспшакъ былъ занятъ наборомъ. При появленіи ротмистра, Каспшакъ закрылъ наборную кассу листомъ бумаги, который ротмистръ сорвалъ. Тогда Каспшакъ выстрѣломъ въ упоръ убилъ Виничука наповалъ. Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ Орлановскій, Каспшакъ повернулся къ нему, и, однимъ выстрѣломъ уложивъ его, выбѣжалъ въ переднюю. Здѣсь на него набросилось десять полицейскихъ. Но Каспшакъ двумя выстрѣлами смертельно ранилъ двухъ городскихъ, послѣ чего остальные разбѣжались. Одинъ изъ бѣжавшихъ, Бовбилъ, человѣкъ геркулесовой силы, вернулся сейчасъ-же обратно, кинулся на Каспшака и свалилъ его на земь. Последнему удалось, однако, еще разъ выстрѣлить и ранить Бовбиля въ руку. Бовбилю удалось наконецъ вырвать револьверъ, но тутъ Каспшакъ схватилъ лѣжавшій вблизи него ножъ и нанесъ широкую рану въ лицо Бовбиля. Бовбилъ оставилъ его и вторично бѣжалъ. (По словамъ Бовбиля, на которыхъ основываются все обвиненіе, именно въ этотъ-то моментъ подбѣжалъ Гуруманъ и схватилъ его за шиворотъ, давъ этимъ возможность Каспшаку бѣжать. Оба обвиняемые категорически отрицаютъ это показаніе). Каспшакъ бросился на задній дворъ дома, гдѣ и былъ наконецъ схваченъ полицейскими. Гурумана поймали уже на улицѣ.

Несмотря на то, что событие 14 апрѣля произошло на глазахъ у многочисленной публики — обвиненію не удалось достать свидѣтелей, кромѣ полицейскихъ чиновъ и управляющаго Доброжинскаго. На судѣ, кромѣ обвиняемыхъ, присутствовала жена Каспшака и ближайшіе родственники Гурумана. Однако все варшавское общество сильно занято этимъ процессомъ, особенно трагической судьбой Каспшака.

Защитникъ Каспшака въ часовой рѣчи доказывалъ необходимость прежде, чѣмъ приступить къ судебному слѣдствію, освидѣтельствовать состояніе умственныхъ способностей Каспшака черезъ психіатровъ. Судъ, послѣ краткаго совѣщанія, согласился съ защитой и дѣло было приостановлено впродолженіе освидѣтельствованія Каспшака. Испытаніе психической нормальности Каспшака займетъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ времени. Общее мнѣніе объясняетъ уступчивость судей впечатлѣніемъ отъ смерти Плевѣ: думаютъ, что дѣло Каспшака болѣе не вернется въ военный судъ.

Остальныхъ арестованныхъ по дѣлу 14 апрѣля судятъ обычнымъ судомъ за тайную типографію.

Изъ Закавказья. Сообщаемъ нѣсколько вполнѣ провѣренныхъ фактовъ, ярко рисующихъ новѣйшій русско-турецкій союзъ «въ дѣйствіяхъ».

2 іюля армянская чета «федаевъ» (— гайдуковъ, въ переводѣ «самоотверженные») около 60 чел. перешла границу близъ Ольты Карской обл. Пограничные казаки замѣтили ее уже послѣ перехода и, давъ знать командиру, перешли сами границу и на разстояніи 3-4 вер. настигли чету, уже вступившую въ бой съ турецкими войсками. Казаки стали стрѣлять въ армянъ, все ближе и ближе подступая къ нимъ. Четникамъ было строго воспрещено отвѣчать на выстрѣлы казаковъ. Начальникъ четы съ цѣлью выясненія казачьему офицеру, что чета имѣетъ памѣтьеніе сражаться только съ турками, послалъ двухъ парламентаровъ, одного за другимъ, къ коман-

диру казаковъ. Командиръ арестовываетъ обоихъ парламентаровъ и приказываетъ продолжать стрѣлять въ армянъ. Послѣ этого направляется къ казакамъ священникъ-федай, высоко поднявъ крестъ. Русская пуля убиваетъ его на подорогѣ. Тѣмъ не менѣе начальникъ четы приказываетъ своимъ товарищамъ сражаться только съ турками и вовсе не стрѣлять въ казаковъ. Наконецъ, видя безвыходное положеніе, начальникъ четы идетъ къ казакамъ, поднявъ бѣлый флагъ и проситъ прекратить огонь. Но командиръ убиваетъ его; такимъ образомъ русскими было убито 27 четниковъ. Мало того, трупы убитыхъ ночью перетащили на русскую территорию, привязавъ веревками за ноги. Утромъ можно было видѣть эти трупы, но въ какомъ они были видѣ? Все оголены, ограблены, съ разбитыми членами, у двухъ были отрезаны головы, у нѣкоторыхъ были выколоты глаза и т. п. Одного плѣннаго казака передали туркамъ, и тѣ въ присутствіи казаковъ зарѣзали его.

12 іюля чета въ 100 человекъ, пробравшись въ Турцію близъ Игдыра, послѣ жаркой битвы съ турецкими войсками, возвращалась къ русской границѣ. Недалеко отъ границы часть четниковъ присѣла отдохнуть, вдругъ сзади раздали выстрѣлы: то были русскіе казаки и русско-подданные курды. Они собрались съ цѣлью встрѣтить армянскую чету. Несмотря на то, что армяне вслѣдствіе давали знать, что съ русскими они никакого дѣла не имѣютъ, казаки и курды продолжали стрѣлять въ не отвѣчающихъ на ихъ выстрѣлы армянъ, и убили изъ нихъ 16 чел. Впослѣдствіи оказалось, что казаки заранѣе условились съ турецкими войсками и курдами о помощи другъ другу въ случаѣ появленія армянъ.

Таковы эти послѣдніе подвиги русскихъ властей, совершенные наканунѣ гибели главнаго ихъ вдохновителя, яростнаго армянофоба В. К. фонъ-Шеве.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ГОРОДАХЪ И ДЕРЕВНЯХЪ.

Кіевъ. Нашъ городъ представляетъ ужасающую картину безработицы и голода. Усиленный притливъ изъ деревень еще болѣе угнетаетъ насъ, и безъ того переполненный, рабочій рынокъ. Постоянно прогрессирующее сокращеніе промышленности и прогараіе мелкаго производства, ставшія хроническими въ Кіевѣ, даютъ предпринимателямъ возможность совершенно не церемониться съ рабочими. Старые, опытные рабочіе безъ стѣсненія увольняются съ фабрикъ и на ихъ мѣсто за ничтожную плату набираются голодающіе новички. Для увольненія пользуются всевозможными предлогами: удаляютъ, напр., за опаздываніе на 10-15 минутъ. Глушенье надъ рабочими самое ужасное, особенно надъ работницами. Такъ, директоръ гильзовой фабрики бр. Когенъ, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ работниковъ, угрозою удаленія, обращаетъ ихъ въ своихъ наложницъ.

Общее недовольство создаетъ благоприятную почву для социальна-революціонной пропаганды. Спросъ на соц.-рев. литературу — громадный. Выпущенная Кіевскимъ комитетомъ П. С.-Р. прокламация: «Въ память прошлагоднихъ событий») вызвала переполохъ среди кіевской администраціи. Полиція ждала безпорядковъ 23-26 іюня. За это время всѣ участки близъ окружены усиленными нарядами городскихъ и конными патрулями. Было произведено много обысковъ и арестовъ; взятыхъ держали нѣсколько дней въ участкахъ и только по прошествіи тревожнаго времени стали постепенно освобождать. Въ это время была арестована типографія Бунда. Въ двадцатыхъ числахъ іюля были распространены прокламации Боевой Организациі о событіи 15 іюля и «Надгробное слово временщику» Центральнаго Комитета П. С.-Р. Усиленное распространеніе листковъ П. С.-Р. заставило мѣстный смекъ приложить сугубыя старанія къ изловленію социалистовъ-революціонеровъ. Однако, при распространеніи листковъ арестовъ не было.

По случаю рожденія наслѣдника, полиціи прибавилось работы: всюду слышатся остроты и насмѣшки по поводу «радостнаго событія»; простой народъ отъ рожденія царевича предвидитъ одно несомнѣнное слѣдствіе: увеличеніе расходовъ на царствующій домъ, а слѣдовательно усиленіе налоговой тяжести. Въ одномъ изъ трактировъ, въ рабочей компаніи за-

*) Редакціей не получена. Просимъ выслать.

взялся громкий разговор на эту тему. Разговор был подслушан шпиками, явился городской и поклеил одного рабочего въ участок. Однако, по дорогѣ рабочій отбился отъ городского и скрылся. По слухамъ, шпики установили его личность и усиленно, но тщетно разыскиваютъ.

Одесса. Въ понедѣльникъ 5 июля здѣсь хоронили товарища портного. Провожать его собралось человекъ 60-70. На могилѣ однимъ изъ товарищей-рабочихъ было произнесено нѣсколько теплыхъ, прочувствованныхъ словъ. Охарактеризовавъ личность умершаго и указавъ на козенную виновницу его смерти — войну и виновника послѣдней — самодержавіе, ораторъ призвалъ къ борьбѣ съ этимъ гнуснымъ самодержавіемъ. Въ заключеніе былъ прочитанъ листокъ Центрального Комитета П. С.-Р.: «Еще одно преступленіе царскаго правительства», который былъ покрытъ возгласами: «Долой самодержавіе!» — «Да здравствуетъ политическая свобода!»

Во время обряда обмыванія тѣла группа рабочихъ, человекъ 15, подошла къ могилѣ Бенямина Юсовича (умеръ въ здѣшней тюрьмѣ 6 января 1904 г.) и спѣла стройнымъ хоромъ пѣсню на его смерть, сочиненную однимъ рабочимъ въ здѣшней тюрьмѣ. Затѣмъ, однимъ изъ присутствующихъ была охарактеризована личность покойнаго и заклѣпаны тѣ гнусныя условія, благодаря которымъ умеръ товарищъ.

Рабочій.

Курскъ. Съ 9 на 10 июля у насъ были разбросаны прокламаціи П. К. П. С. Р. — «Еще одно преступленіе царскаго правительства» — по всѣмъ окраинамъ города, во всѣхъ многолюдныхъ мѣстахъ, между солдатами, на фабрикахъ и заводахъ. Одновременно такія-же прокламаціи были разбросаны въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ и даже въ деревняхъ. Прокламація произвела глубокое впечатлѣніе не только на тѣхъ, кому она предназначалась, но и на высшія военныя и полицейскія власти, также и на фабрикантовъ. 10 июля утромъ въ неурочный часъ раздался барабанный бой, призвавшій всѣхъ солдатъ къ сбору. На сборномъ пунктѣ оказался самъ генералъ со всѣмъ штабомъ. Обнаружилось, что утромъ не всѣ прокламаціи были подняты солдатами, а нѣкоторые попали въ руки офицерамъ; послѣдніе доложили объ этомъ куда слѣдуетъ. Всѣхъ солдатъ обыскали, прочтена была имъ нотація, ругали «проклятую бумажку», говорили о врагахъ отечества, и въ заключеніе объявили, что кто будетъ имѣть такія бумажки, тому не слобоватъ. Солдаты посмѣялись про себя и разошлись по своимъ палаткамъ. Прокламаціи-же у многихъ изъ нихъ остались; даже черезъ три дня видѣли солдатъ, читавшихъ эту прокламацію за городомъ на берегу рѣки.

Высшее начальство приказало теперь ставить часовыхъ на ночь, чего раньше не было. Наши мелкіе и ничтожные заводчики не могутъ издавать такихъ приказовъ, но за то они сами дѣлаются сторожами. Такъ было на одномъ пивоваренномъ заводѣ Вильма. Когда тамъ были разбросаны прокламаціи, то 10-го утромъ явился на заводъ приставъ и долго говорилъ о чемъ-то съ хозяиномъ завода. Хозяинъ ожесточенно размахивалъ руками, и рабочіе изъ всего разговора разслышали только одну фразу изъ устъ хозяина: «Я всю ночь спать не буду, на найду виновныхъ». Наиболее радикальное средство нашелъ хозяинъ другого завода (Каменевскаго): онъ объявилъ тому рабочему, который найдетъ злодѣя, 75 рублей въ награду. И полиція не обошла фактъ разбрасыванія прокламацій: ночные сторожа вмѣсто того, чтобы выходить къ 10 часамъ, (какъ раньше), теперь выходятъ въ девять.

Изъ Тверскаго уѣзда. Однимъ за другимъ быстро и рѣшительно, вѣрно подъ давленіемъ своего невыносимаго положенія и подъ вліяніемъ революціонныхъ идей пробуждаются мѣстные крестьяне для сознательной борьбы съ «проклятыми порядками». Деревня за деревней, село за селомъ отрываютъ съ себя «чары томительно долгаго, мучительнаго сна» и вовлекаются въ разливающійся все шире потокъ революціоннаго движенія. «Запрещенныя» книжки читаются съ жадностью, и спросъ на нихъ во много и много разъ превышаетъ довольню таки, къ сожалѣнію, скудное предложеніе. Книжки очень нравятся, въ особенности, конечно, потому, что въ нихъ «о землѣ правильно написано». Вообще надо сказать, что если намъ приходилось и сейчасъ приходится сталкиваться со многими крестьянами, которые, прочтя одну какую нибудь изъ нашихъ брошюръ, выражали «сумлѣніе насчетъ царя», то ни разу ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ не пришлось столкнуться съ крестьяниномъ, въ которомъ было бы какое либо

«сумлѣніе» на счетъ «правильности» разрѣшенія П. С.-Р. земельнаго вопроса.

«Земли мало, да и та худая — вотъ что душить, парень, — говорила мнѣ одна старая крестьянка съ изможденнымъ отъ безпрерывнаго съ раннихъ лѣтъ тяжелаго труда лицомъ, но еще довольно бодрая и крѣпкая. Какъ ни беися, какъ ни крутись, ничего не выколотишь съ нея (земли). Приходится посылать робятъ въ городъ. А тамъ тоже одна печаль. Вонъ энтотъ — она указала на молодого парня, лѣтъ 19-ти, съ симпатичнымъ лицомъ — чернорабочимъ на Морозонской фабрикѣ. Работа чужелая, а всего 12 руб. А что съ ними сдѣлаешь? Такъ кое-какъ перебиваемся. Да, трудно жить крестьянину, это правда наша. Вотъ онъ (она указала на того же парня) тоже много говорилъ мнѣ о социалистахъ, что хотятъ они, чтобъ не было богатыхъ и бѣдныхъ, чтобъ землю крестьянамъ, значитъ, отдать, а у помѣщиковъ отобрать. Что же, хорошее это дѣло, справедливое, только будетъ ли, сумлѣваюсь я немного. Жалко мнѣ васъ, а все таки попробуйте; можетъ и выйдетъ какое облегченіе». Да, измѣнились времена — думалъ я, простившись съ этой крестьянкой. Какъ же мы слѣзши, какъ ребячески-наивны, когда идемъ къ крестьянину съ книжкой, съ громаднымъ запасомъ горячихъ словъ, съ практическимъ совѣтомъ открыть глаза на насилія и беззаконія, если старая крестьянка говоритъ намъ: попробуйте бороться! Нѣсколько времени тому назадъ въ селѣ Заборовѣ произошелъ слѣдующій случай. Одинъ крестьянинъ отказался уплатить недоимки. «Какъ, на какомъ основаніи?» спрашиваетъ пораженное начальство. «А мнѣ не съ чего» — спокойно отвѣчаетъ крестьянинъ. «Дайте мнѣ земли побольше, чтобъ быть я сытъ, одѣтъ, обутъ, тогда можетъ и буду платить. А теперь не стану» — и онъ на глазахъ у начальства порвалъ сборную книжку. Недоумѣвающее начальство пожало плечами и заявило ему, что черезъ нѣкоторое время прійдетъ взять его козу. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время начальство пріѣхало и потребовало козу. «Я ее зарѣзалъ» — спокойно сказалъ крестьянинъ. «Какъ зарѣзалъ?» — «Да такъ, я ее растилъ, поилъ, кормилъ, я и съѣлъ. А вы бы хотѣли чужимъ добромъ обжираться». Такъ начальство и уѣхало безъ козы. Книжку она перевела на жену этого крестьянина.

Насколько прочно и глубоко воспринимаются мѣстными крестьянами социалистическія идеи можно судить уже по тому, что сами крестьяне принимаютъ живое активное участіе въ дѣлѣ пробужденія «сермяжныхъ массъ», безъ руководства какихъ либо интеллигентовъ. Объединенный въ прошломъ году Тверской Группой соц.-револ. кружокъ крестьянъ продолжалъ свою дѣятельность послѣ того, какъ у крестьянъ порвались связи. Не связанный ни съ одной организаціей, съ небольшимъ количествомъ литературы, безъ всякаго руководства, этотъ кружокъ крестьянъ энергично велъ пропаганду и агитацію, устно и посредствомъ распространенія листовъ и книжекъ. Возобновленіе нынѣшней весной связей съ Т. Г. С. Р., преобразовавшейся недавно въ Комитетъ Партіи, было встрѣчено съ восторгомъ. Недостатокъ въ литературѣ сильно тормозитъ работу. Спросъ на нее прямо громаденъ. Прокламаціи Т. Г. С. Р. «Къ трудовому русскому народу», «Къ запаснымъ нижнимъ чинамъ»), которые были въ количествѣ — первая 3000, а вторая 3500 экз. распространены болѣею частью по деревнямъ, произвели большое впечатлѣніе, въ особенности вторая.

Изъ брошюръ пользуются особаннымъ успѣхомъ: «Хитран механика», «Бесѣды о землѣ» и «Воля царская и воля народная».

Подольская губ. Общественный интересъ для нашего уѣзда представляетъ открытіе нашей новоиспеченной «уѣздной по земскимъ дѣламъ управы». Въ настоящее время любимое дѣтище фонъ-Павле пускаетъ первые молодые побѣги на исторической почвѣ нашей благословенной Подоліи. Первое засѣданіе, 6-го августа, произошло при участіи мѣстныхъ помѣщиковъ и волостныхъ старшинъ, созданныхъ по личной инициативѣ предсѣдателя управы гр. Гейдена, любезно предоставившаго имъ — не знаю, на долго ли — совѣщательный голосъ. Начали съ молебна. Батюшка произнесъ рѣчь, въ которой похвалилъ правительство за его готовность даровать народу реформы. Предсѣдательствующій глухо, но все таки выразилъ сожалѣніе, что новое учрежденіе даровано не въ полномъ его объемѣ. Обсужденіе текущихъ дѣлъ началось съ вопроса, имѣющаго въ нашемъ краѣ особенно острый и зло-

бодневный характеръ. Въ общегити онъ называется вопросомъ о «размежеваніи», въ печати — «пастбищнымъ сервитутомъ», а въ засѣданіи 6-го августа его выдѣлили подъ именемъ «хуторскаго хозяйства». Происхождение его восходитъ ко времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права, однако неудобства его съ особенной силой сказались только въ послѣднее десятилѣтіе, благодаря стремленію помѣщичьихъ хозяйствъ перейти отъ трехпольной системы къ многопольной такимъ образомъ, что крестьяне при этомъ естественно лишаются права выпаса на тѣхъ помѣщичьихъ земляхъ, которыя не остаются болѣе подъ паромъ, а постепенно засѣваются. При этомъ, съ одной стороны, право крестьянъ пользоваться помѣщичьимъ паромъ, какъ выпасомъ, которое раньше помѣщику ничего не стоило, теперь становится ему въ тягость, такъ какъ не допускается его воспользоваться ежегодно третьей частью его земли, а съ другой — крестьяне, свыкшіеся съ традиціоннымъ выпасомъ, не могутъ примириться съ мыслію, что этотъ выпасъ у нихъ отнимутъ. На этой почвѣ разыгрались и разыгрываются въ нашемъ краѣ безконечныя столкновенія крестьянъ съ помѣщиками, кончающіеся иногда очень печально, какъ, напримѣръ, въ мѣст. Стрижевкѣ, Виницкаго уѣзда (им. гр. Грохольскаго), гдѣ въ 1898 году былъ вызванъ цѣлый «бунтъ» съ телеграммой Драгомирову, присылкой солдатъ и «экзекуціей». Обычай совѣстнаго выпаса на незапаханной землѣ имѣетъ виѣшнимъ своимъ выраженіемъ то обстоятельство, что помѣщичьи, равно какъ и крестьянскія земли, дѣлятся, обыкновенно, на три смѣны, — каждая смѣна отдѣльно. Такимъ образомъ, если бы помѣщикъ, не желая придерживаться трехпольной системы, захотѣлъ бы обрабатывать и ту часть земли, которая обыкновенно находилась подъ паромъ, онъ не могъ бы избѣжать порчи и уничтоженія своихъ посѣвовъ, такъ какъ они оказались бы окруженными со всѣхъ сторонъ крестьянскими паромъ и, слѣдовательно, крестьянскими стадами. Охранять отъ подобныхъ «нашествій» смѣну, лежащую отдѣльно, и нѣрѣдко на значительномъ разстояніи отъ другихъ смѣнъ, представляется дѣломъ довольно затруднительнымъ. Вотъ почему излюбленной мечтой нашихъ помѣщиковъ является стремленіе собрать всѣ свои разрозненные смѣны въ одинъ кусокъ, окопавъ ихъ глубочайшимъ ровомъ, построить посреди ихъ крѣпкую сторожку и не пускать къ себѣ даже крестьянской курлицы. Мечта эта называется вопросомъ о размежеваніи помѣщичьихъ съ крестьянами. Однако недружелюбное отношеніе крестьянъ, проявленное ими не одинъ разъ въ отвѣтъ на всѣ эти затѣи барской предприимчивости, заставляютъ въ настоящее время помѣщиковъ относиться къ дѣлу болѣе осторожно. Затронутое въ собраніи нашихъ «земцевъ» 6-го августа, оно получило характеръ солдѣствія крестьянамъ въ хуторскомъ, фермерскомъ хозяйствѣ, «гдѣ вся земля будетъ при одномъ кускѣ», на что и ассигнованы соотвѣтственные средства. Отживающая патріархальная система хозяйства оставила нашимъ помѣщикамъ еще одно неудобство. Въ эпоху освобожденія крестьянъ, когда разрѣшался вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между помѣщикомъ и крестьянами, съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы взаимныя соглашенія, которыя въ настоящее время, когда интенсивность сельскаго хозяйства имѣетъ тенденцію повыситься, являются для «жаждущаго свободы дѣйствія» помѣщика тяжелымъ обязательствомъ. Примѣромъ можетъ служить также самая уже упомянутая Стрижевка, гдѣ обширная площадь земли находится въ совмѣстномъ владѣніи крестьянъ и помѣщика такимъ образомъ, что лѣсъ принадлежитъ помѣщику, а выпасъ — крестьянамъ. Въ одно прекрасное утро, когда помѣщику явилась охота культивировать по всѣмъ правиламъ науки свой лѣсъ на крестьянскомъ выпасѣ, онъ окопалъ его ровомъ, отвѣтилъ на угрозы крестьянъ вызовомъ солдатъ и перепоролъ лучшихъ людей въ мѣстечкѣ. Съ тѣхъ поръ прошло 6 лѣтъ, а обѣ стороны попрежнему не примирились. Крестьяне сидятъ въ тюрьмѣ и грозятъ помѣщику своими сыновьями и внуками. Примѣры подобнаго рода «совладѣнія» разсыяны у насъ повсюду, равно какъ и примѣры непримиримаго отношенія крестьянъ къ помѣщику и традиціонной крестьянской мести — поджоги. Такимъ именно образомъ были подожжены въ этомъ году помѣщичьи экономіи въ селахъ Байковкѣ и Писаревкѣ (Вин. у.). Отсюда и жалоба нашихъ помѣщиковъ, что у крестьянъ въ нашемъ краѣ, вообще, мало развито уваженіе къ собственности, *покаже собственности*. Жалоба эта напла себѣ мѣсто и въ земскомъ засѣданіи 6-го августа и была встрѣчена общимъ сочувствіемъ. Какимъ бы языкомъ

заговорили они, если бы кто нибудь изъ присутствующихъ провозгласилъ бы землю «Божьей»? А будь въ земствѣ настоящіе, а не фиктивные крестьянскіе выборные, безъ этого дѣла бы не обошлось...

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

Болгарія и русско-японская война.

Племенное родство болгарскаго народа съ русскимъ, скрѣпленное въ придачу еще и единствомъ народной вѣры, цѣпкая историческая традиція еще съ VIII столѣтія — если не раньше, отводившая Россіи, олицетворенной въ легендарномъ образѣ могучаго «дѣда Ивана», роль естественной защитницы поработенныхъ славянскихъ народностей; наконецъ, Освободительная война, положившая конецъ долгой ночи турецкаго ига, и открывшая Болгаріи новую эру свободнаго и независимаго національнаго существованія, — все это успѣло заложить въ болгарской народной душѣ чувства глубокой и искренней признательности къ «Великой освободительницѣ». «Эти чувства были заложены въ ней такъ прочно, что ихъ не сумѣли вполнѣ искоренить ни русскіе генералы вродѣ Соболева и Каульбарса, почти также свободно прилагавшіе свои помпадурско-бурбонскіе методы управленія въ конституціонной Болгаріи, какъ ихъ коллеги и братья по духу прилагали и продолжаютъ прилагать въ самодержавной Россіи; ни преступныя интриги русскихъ официальныхъ представителей, открыто сѣявшихъ въ неокрѣпшей еще странѣ сѣмена смуты, политическихъ интригъ и гражданской войны; ни, даже, коварное лицемеріе русской дипломатіи, неизмѣнно выступавшей противъ Болгаріи во всѣ критическіе моменты ея современной исторіи, начиная съ Соединенія и сербской войны въ 1885 г. и кончая македонскимъ кризисомъ послѣдняго времени. Осадокъ горечи, порожденный этими разочарованіями, не смогъ еще иссушить запасы инстинктивнаго руссофилства въ сердцахъ простодушныхъ и невѣжественныхъ народной болгарской массы. Эта масса и теперь — какъ и 25 лѣтъ тому назадъ — остается проникнутою чувствомъ благодарной преданности къ «великому братскому русскому народу», который она въ своей наивности не умѣетъ еще отличить отъ русскаго правительства. Этимъ чувствомъ и руководится она въ своемъ отношеніи къ событіямъ, разыгрывающимся теперь на Дальнемъ Востокѣ. Она не разсуждаетъ, не анализируетъ, не задается вопросами о томъ, на чьей сторонѣ въ данномъ случаѣ право и справедливость. Она всей душою негодуетъ противъ «дерзкой» Японіи, сочувствуетъ «великой» Россіи и вѣритъ въ ея близкое и рѣшительное торжество. Россія въ ея глазахъ — рыцарь безъ страха и упрека, который не можетъ быть не правъ, который не знаетъ, и не можетъ знать, что такое — пораженіе.

Совсѣтъ иначе обстоятъ дѣло съ болгарскою интеллигенціею. Болгарскіе политики — а въ Болгаріи почти всякій интеллигентъ есть въ тоже время и политиканъ — менѣе всего въ области политики доступны вліянію чувствъ. Это — замѣчательно выдержанные практики, у которыхъ все, даже ихъ увлеченія, расчитано, которые во всемъ ищутъ своей выгоды, которые во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ подчиняются почти исключительно соображеніямъ и мотивамъ политическаго расчѣта. Говоритъ поэтому о болгарскомъ руссофилствѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ любятъ говорить о немъ разные современные славянофилы можно лишь по недоразумѣнію. Болгарское руссофилство является теперь во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ чисто политической спекуляціею, и искать въ немъ элементовъ искренняго чувства по отношенію къ Россіи и къ русскому народу было бы совершенно бесполезно. Типичный болгарскій руссофилъ — исключеніе слѣдуетъ одѣлать лишь для немногихъ стариковъ, вынесшихъ свою преданность Россіи еще изъ темной эпохи рабства и изъ первыхъ свѣтлыхъ дней освобожденія — очень мало интересуется предметомъ своего демонстративнаго политическаго обожанія. До самой Россіи ему, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла. Онъ руссофилъ — для себя, для своей партіи, для своей Болгаріи, наконецъ. Руссофилство для него политическій капиталъ, съ помощью котораго онъ пытается воздѣйствовать, съ одной стороны, на наивную массу болгарскихъ избирателей по старой традиціи — все еще руссофильскую, съ другой — на русскую дипломатію, благорасположеніе которой столь по его мнѣнію важно для успѣховъ

внѣшней политики болгарскаго княжества, надо добывать путемъ замаскивающей лести и лакейскаго угодничества. Эти то узко-партизанскія или національно-эгоистическія соображенія и составляютъ главную подоплеку болгарскаго руссофилства въ наше время. Только ими и держится оно; только они и даютъ ему — этому жакалому выкидышу болгарской исторіи — видимость жизненности и силы; только они и прикрываютъ собою отсутствіе въ немъ какого бы то ни было внутренняго содержанія. Но такое, какимъ я изобразилъ его, — невѣжественное по отношенію ко всему касающемуся истинной Россіи, которая существуетъ для него лишь постольку, по скольку она сливается съ Россіею официально; игнорирующее въ ней все, что не носитъ на себѣ печати правительственнаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, одобренія; нависно смѣшивающее въ одну нелѣпую кучу Тургенева и Каткова, «Русское Богатство» съ «Русскимъ Вѣстникомъ», русское общество съ русскимъ правительствомъ, высокомерное по отношенію къ первому и низкопоклонничающее по отношенію ко второму, — оно является однимъ изъ самыхъ сильныхъ теченій въ политическомъ мірѣ современной Болгаріи. А этимъ обстоятельствомъ и обуславливается, главнымъ образомъ, преобладающій характеръ отношенія болгарскаго «образованнаго общества» къ русско-японской войнѣ. Это — отношеніе совершенно подхалимовское, отношеніе добровольнаго лакея, не останавливающагося ни передъ какими пошлостями и униженіями, расчитанными на пріобрѣтеніе благосклонности господина. Восторженные, чуть не истерическіе крики о русской доблести и о гениальности русскихъ генераловъ; вопли негодованія по адресу «дерзкаго и коварнаго» врага, для котораго здѣсь не существуетъ другихъ терминовъ, кромѣ такихъ, какъ «япошки», «обезьяны», «макаки» и т. п.; безграничная готовность вѣрить всякимъ сказкамъ, распускаемымъ русскими и о ихъ побѣдахъ и успѣхахъ, и столь же безграничное презрѣніе къ извѣстіямъ, идущимъ изъ «продажныхъ» англійскихъ американскихъ источниковъ; уличная ругань по адресу всѣхъ западно-европейскихъ народовъ, которые не снѣшась присоединиться къ лакейски-хвалебному хору русскихъ прихвостней и, надъ всѣмъ этимъ, лицемерные и глупые вопли о «славянскихъ интересахъ», великодушную заштитицей которыхъ въ восточной Азіи является «могущественная мать славянства» — Россія, — вотъ тѣ черты, которыя характеризуютъ собою официальную позицію, занятую болгарскимъ «общественнымъ мнѣніемъ» по отношенію къ русско-японскому конфликту. Первую скрипку при этомъ играютъ, конечно, послѣдователи старика Цанкова, претендующіе на монополію «истиннаго руссофилства» въ Болгаріи и не безъ остроумія, названные когда-то знакомымъ болгарскимъ дѣлѣ, Амфитеатровымъ, «прихлебателями Азіатскаго Департамента», но въ ихъ тонѣ стараются пѣть и всѣ другія партіи, не исключая даже и самихъ стамбуловистовъ, по старой памяти именуемыхъ еще иногда руссофобами. Они тоже распинаются за честь и славу русскаго оружія, и когда какъ то разъ ихъ официальный органъ «Новъ Вѣкъ» позволилъ было себѣ въ высшей степени робко заикнуться о томъ, что Японія была вынуждена къ войнѣ насущнѣйшими національными интересами, эта робкая попытка взглянуть на вещи объективно была встрѣчена въ болгарской печати дружнымъ хоромъ негодующихъ голосовъ и была провозглашена не болѣе и не менѣе, какъ измѣнническою...

Нечего и говорить, что, предаваясь руссофильскимъ изліаніямъ, на видъ вполне искренно и страстно, болгарскій политиканъ всегда посматриваетъ однимъ глазомъ на «Его Превосходительство», русскаго дипломатическаго агента въ Софіи, Бахметьева, а другимъ — на своихъ наивныхъ сельскихъ избирателей. Когда же онъ знаетъ, что на него не смотрятъ, онъ ведетъ себя совершенно иначе. Тогда онъ позволяетъ себѣ подчасъ даже роскошь злорадства по адресу «Великой Освободительницы». Даже патристическія газеты, врождъ «Вечерней Почты» не рѣдко съ какимъ то особеннымъ смакомъ сообщаютъ своимъ читателямъ о случаяхъ, въ которыхъ проявляется въ настоящемъ свѣтѣ некомпетентность, продажность, неподготовленность русскихъ военныхъ властей.

Но если такъ относятся въ глубинѣ души къ Россіи сами болгарскіе политиканы — даже изъ руссофильскаго лагеря, — легко себѣ представить, какъ должна относиться къ ней та часть болгарской передовой интеллигенціи, которая стоитъ внѣ партійнаго политиканства и въ болѣе или меньшей степени тяготеетъ къ социализму или, хотя бы, къ демократическому радикализму. Эти элементы — а такихъ здѣсь не

мало: къ нимъ примыкаютъ чуть не всѣ болгарскіе народные учителя, учащаяся молодежь, сознательные рабочие и т. п. — давно уже освободились отъ обаянія традиціоннаго руссофилства и усвоили себѣ правильную точку зрѣнія на Россію, въ которой прекрасно отличаютъ русскій народъ отъ русскаго правительства, русскую общественную культуру отъ русскаго бюрократизма. Они давно уже научились ненавидѣть и презирать русское самодержавіе, въ которомъ видятъ палача прогресса и свободы не только въ самой Россіи, но и вездѣ, куда только достигають его длинныя цѣпкія лапы; которое всюду несетъ съ собою ядовитое дыханіе мракобѣсія и чловѣконенавистничества, которое живетъ коварствомъ, интригами и международнымъ разбоемъ. Эти же знакомыя черты нашло оно въ русской политикѣ на Дальнемъ Востокѣ, и это обстоятельство съ самаго же начала позволило имъ заключить, что война съ Японіею была дѣломъ русскаго правительства, а не русскаго народа, что это — лишь новый примѣръ международнаго разбоя, которымъ вотъ уже нѣсколько столѣтій съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ занимается на разныхъ концахъ свѣта официальная Россія. Эти соображенія и опредѣляютъ отношеніе передовой болгарской интеллигенціи къ русско-японской войнѣ. Это отношеніе — поскольку оно имѣетъ въ виду Россію, — вполне отрицательное. Люди оплакивають тяжелыя жертвы, которыя приходится нести теперь русскому народу, но тѣмъ строже и рѣшительнѣе осуждаютъ виновниковъ «манджурской авантюры», для которыхъ не находятъ ни оправданія, ни даже смягчающихъ вину обстоятельствъ. И чѣмъ дальше развиваются событія, чѣмъ очевиднѣе становится то преступное легкомысліе, съ которымъ русское правительство пустилось въ эту «авантюру», тѣмъ безпопалнѣе и смѣлѣе становятся осуждающие его голоса, тѣмъ меньше протестовъ и возраженій вызываютъ они со стороны руссофильствующихъ болгарскихъ политикановъ.

Прекрасною иллюстраціею переменъ, замѣчаемой въ настроеніи болгарскаго общества по отношенію къ русско-японской войнѣ, могла бы послужить публичная лекція объ этой войнѣ, прочитанная недавно въ Софіи однимъ изъ дѣятелей болгарской социалдемократіи, докторомъ Раковскимъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ — въ самомъ началѣ конфликта — аналогичная попытка, сдѣланная было здѣсь однимъ журналистомъ, окончилась полнымъ фiasco. При первомъ слухѣ о ней добровольные лакеи русскаго консульства съорганизовали шайку головорѣзовъ, которые должны были устроить скандалъ и, сорвавъ объявленное собраніе, обратиться въ руссофильскую «народную» манифестацію. И шайка оказалась настолько многочисленною, что отъ лекціи пришлось отказаться. Нѣсколько спустя въ здѣшнемъ «экономическомъ дружествѣ» былъ прочитанъ рефератъ о русско-японской войнѣ, причемъ авторъ постарался остаться объективнымъ. На этотъ разъ дѣло обошлось безъ шайки, но вѣдь и рефератъ былъ прочитанъ въ тѣсномъ кружкѣ, передъ нѣсколькими десятками слушателей. И при всемъ томъ «смѣлая» инициатива автора — одного изъ членовъ «Дружества» — была встрѣчена всеобщимъ неодобреніемъ какъ среди присутствующей публики, такъ и въ прессѣ. И вотъ теперь Раковский прочелъ свою лекцію въ громадной, переполненной публичной залѣ и, несмотря на то, что его лекція была сплошнымъ обвинительнымъ актомъ противъ официальной Россіи, она имѣла полный успѣхъ. Собравшаяся публика — на 3/4 интеллигентная — демонстративно встрѣтила и проводила лектора аплодисментами, и присутствовавшіе при этомъ триумфѣ сбирѣ и клеветы русскаго консульства не только не помѣшали ему, но не осмѣлились даже заявить о своемъ присутствіи. И что еще болѣе замѣчательно: ни одна изъ газетъ не дерзнула потомъ поднять перчатку и выступить на защиту русскаго царскаго правительства.

А вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что все прошлое Болгаріи должно бы было предрасполагать ее къ чувствамъ искренней и глубокой привязанности къ Россіи! Но такова уже поразительная способность русскаго правительства даже самую привязанность къ русскому народу превращать у людей въ чувство подозрѣнія и ненависти къ официальной, царской Россіи...

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ РАБОЧИХЪ.

Интернациональное социалистическое бюро извѣстило насъ о слѣдующемъ проявленіи интернациональной солидарности рабочихъ. Digitized by Google

Мѣсяцъ тому назадъ среди бельгійскихъ ткачей въ Вервѣ разразилась стачка, съ цѣлью добиться болѣе справедливаго распредѣленія труда и устраненія ряда хозяйскихъ злоупотребленій. Капиталисты, будучи не въ состояніи преодолѣть организованное сопротивление рабочихъ, отправились въ поиски за ткачами въ Италію. Но привезенные ими въ Вервѣ итальянцы, узнавъ, въ чемъ дѣло, и ради чего ихъ выписали, тотчасъ же рѣшительно отказались замѣщать своихъ бельгійскихъ товарищей.

Нѣмецкіе ткачи также общались бельгійцамъ свою моральную поддержку и пришли на помощь выписаннымъ изъ Италіи товарищамъ для того, чтобы дать имъ матеріальную возможность вернуться на родину.

Интернаціональное социалистическое бюро извѣстило объ этомъ всѣ социалистическія организации, изъ которыхъ, конечно, многія посѣдуютъ примѣру нѣмецкихъ ткачей и матеріально поддержать итальянскихъ рабочихъ, завезенныхъ такъ далеко отъ родины и оставшихся безъ всякихъ средствъ и безъ возможности вернуться домой.

Изъ партійной дѣятельности.

По поводу событія 15 іюля, кромѣ прокламацій, указанныхъ въ № 50 Р. Р., изданы еще слѣдующія: **Центральнымъ Комитетомъ** — «15 іюля» (общаго содержанія), «Ко всему русскому крестьянству» и «Надгробное слово временщику»; **мѣстными комитетами:** **Московскимъ** (двѣ), **Харьковскимъ**, **Одесскимъ** (въ 3000 экз.), **Сѣверо-Западнымъ** (въ 8000 экз.), **Тамбовскимъ** три: къ обществу, къ рабочимъ и къ крестьянамъ, **Архангельскому** и **Вакинскому Группамъ**, **Бѣлостокскому Организациі** (3000), **Николаевской Рабочей Организациі** («Смерть палача»).

Центральнымъ Комитетомъ изданъ печ. листокъ: «Еще одно преступленіе царскаго правительства» (10000) — по поводу войны съ Японіей.

Пензенскій Комитетъ издалъ печ. листокъ «Во что обходится народу содержаніе царя».

Харьковскій Комитетъ издалъ прокламацію по поводу убійства Бобрікова.

Одесскій Комитетъ переиздалъ на мимеографѣ «Наши Задачи» изъ № 2 «Бѣлостокскаго Раб. Листка» и «Безъ адреса» изъ № 46 «Рев. Россіи».

Кіевскій Комитетъ выпустилъ прокламацію «Въ память прошлогоднихъ событій».

Вакинская Группа издала свой печ. отчетъ за іюнь 904.

Черниговская Группа издала воззваніе «Къ народнымъ учителямъ».

Центральный Комитетъ выпустилъ къ Амстердамскому конгрессу на франц. и англ. языкахъ докладъ о возникновеніи и дѣятельности П. С. Р.

Сѣверо-западная областная организациа П. С. Р. Въ концѣ апрѣля с. г. состоялся съѣздъ мѣстныхъ организаций нашей партіи, находящихся въ сѣверо-западномъ краѣ. На съѣздѣ было положено начало сѣверо-западной областной организациа П. С. Р.

Въ эту организацию вошли: Бѣлостокская рабочая организациа, Виленская группа, Двинская группа, Витебская группа, Смоленскій Комитетъ, Брянскій Комитетъ, Гомельская группа, Минскій Комитетъ, а также группы въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ сѣв.-зап. района, находящіеся въ связи со многими селами и деревнями. Избранный на съѣздѣ Областной Комитетъ «является выразителемъ стремленій объединенныхъ организаций, регуляторомъ работающихъ силъ и ведетъ при поддержкѣ всѣхъ общую всѣмъ хозяйственную часть».

Въ своемъ обращеніи «Ко всѣмъ», напечатанномъ въ типографіи Комитета (5000 экз.), Областной Комитетъ заявляетъ: «Что же касается нашей программы, то мы выяснимъ ее въ популярномъ изложеніи рядомъ дальнѣйшихъ нашихъ изданій, какъ она въ существеннѣйшихъ чертахъ ясно намѣчена нашимъ центральнымъ органомъ — «Революціонной Россіей», здѣсь же считаемъ необходимымъ высказаться о руководящей отправной точкѣ зрѣнія въ нашей дѣятельности. — Мы признаемъ принципиально и практически важнымъ — проводить идеи социализма въ трудовыя массы рабочихъ и крестьянъ, этихъ двухъ родныхъ братьевъ, связанныхъ общими интересами труда и борьбы, выносящихъ на своихъ плечахъ всю тяжесть современной жизни человѣчества». — «Считая

трудоваго крестьянина и индустріальнаго рабочаго тѣмъ элементомъ, который революціоннымъ путемъ замѣнить для себя капиталистическій строй жизни, замѣнивъ его социалистическимъ, — мы, защищая интересы труда, стоимъ на неизбѣжномъ фундаментѣ. Являясь по своему составу партіей трудящагося класса, мы принимаемъ въ наши ряды лишь ту интеллигенцію, которая оторвалась отъ буржуазной среды, восприняла социалистическое ученіе и посвятила себя борьбѣ за интересы социализма. — Наше отношеніе къ политическимъ свободамъ единое, прямое и ясное. Считая завоеваніе политическихъ правъ необходимою и неизбѣжною временною цѣлью борьбы, понимая соотношеніе политики и экономики, ихъ взаимозависимость, мы поведемъ борьбу по всей линіи, въ обоихъ направленіяхъ. — «Не отказываясь брать вырванные у буржуазіи уступки, мы смѣло пойдемъ революціоннымъ путемъ, все впередъ и впередъ въ борьбѣ за наше лучшее будущее безъ компромиссовъ, безъ затухиваній и замалчиванія — прямымъ путемъ къ ясно поставленнымъ цѣлямъ. — Мы знаемъ недостатки западно-европейскаго парламентарнаго режима и у насъ въ Россіи выскажемся лишь за такое предствительство, которое явится дѣйствительно народнымъ. — Не откладывая на завтра, будемъ постоянно разъяснять народнымъ массамъ истинный смыслъ социальной жизни, будемъ неуклонно содѣйствовать пониженію сознательности массоваго бойца, чтобы такимъ образомъ обезпечить торжество идей социализма и нашихъ путей къ нему, т. е. нашей программы и тактики. Дѣло освобожденія трудящихся массъ должно быть ихъ дѣломъ — нашимъ дѣломъ».

Минскій Комитетъ Сѣв. Зап. Обл. Орг. П. С. Р. съ своей стороны опубликовалъ 12 іюля въ 4000 экз. печатное обращеніе «Къ гражданамъ» программнаго характера.

Привѣтствуя образованіе Сѣв. Зап. Областной Организациа, какъ новый шагъ въ дѣлѣ развитія организационной жизни нашей Партіи, мы обращаемъ вниманіе нашихъ сѣверозападныхъ товарищей на необходимость болѣе точной и строгой формулировки программныхъ положеній. Особенно важное значеніе имѣетъ точность формулировки нашего отношенія къ политической свободѣ. Въ этомъ отношеніи, мы, стоя на почвѣ принциповъ международнаго социализма, не только придаемъ политической свободѣ значеніе средства для достиженія социалистическаго строя, но и цѣнимъ въ ней самостоятельное благо, какъ необходимаго условія планомерной общественной самодѣятельности, обезпечивающей всестороннее развитіе личности въ интересахъ человѣчества. Поэтому въ своей программѣ мы и требуемъ установленія демократической республики, прямого, тайнаго, равнаго, всеобщаго права голосованія для всякаго гражданина не моложе 20 лѣтъ, безъ различія пола, религіи и національности; пропорціональнаго представительства, прямого народнаго законодательства (референдума и инициативы). Отмѣчая несовершенство современнаго западноевропейскаго парламентаризма, не слѣдуетъ забывать его положительныхъ сторонъ, въ развитіи которыхъ лежитъ залогъ прогрессивнаго общественнаго движенія. Это особенно важно въ виду анархической критики политическо-правоваго строя, критики страдающей обычными недостатками всякаго догматизма, выбрасывающаго изъ ванны вмѣстѣ съ водою и ребенка.

Намъ, социалистамъ-революціонерамъ, необходимо ясно и рѣзко ограничиваться отъ догматизма, какъ марксистско-ортодоксальнаго, такъ и анархистскаго.

ХРОНИКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ ГОНЕНІЙ.

Приговоръ по Якутскому дѣлу. 7 и 8 августа Якутскимъ Окружнымъ Судомъ разсмотрѣно было при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію 59 административныхъ осмыленныхъ, по 263 и 268 ст. ул. о нак., въ вооруженномъ возстаніи противъ властей, сопровождавшемся убійствомъ двухъ солдатъ. Приговоромъ суда М. М. Бройдо, В. П. Бодневскій, Д. А. Вилкеръ, Г. Ф. Вардоянцъ, Д. Ф. Виноградовъ, З. Ш. Гельманъ, Н. Л. Гельфандъ, А. М. Гинзбургъ, М. Д. Габронидзе, М. Д. Добрыгенидзе, Л. Н. Джохадзе, П. М. Дроновъ, А. Д. Добромысловъ, А. Ф. Журавель, А. М. Залкиндъ, З. С. Зараховичъ, М. З. Законъ, А. О. Израильсонъ, И. И. Костолицъ, П. Н. Кудринъ, В. К. Курнатовскій, А. А. Костюшко-Валюжаничъ, М. Ш. Каммермахеръ, Ш. М. Лейкинъ, М. К. Лаговскій, М. В. Лурье, Г. Ш. Лурье, Н. Я. Каганъ, А. И. Мисюкевичъ,

А. П. Мёдяникъ, Г. Ш. Ольштейнъ, М. З. Оржеровскій, О. И. Погосовъ, И. С. Ржанца, И. Г. Ройзманъ, Д. А. Ройтерштейнъ, П. И. Розенталь, В. Я. Рабиновичъ, Л. Ф. Рудавскій, Л. Я. Соколинскій, К. К. Солодуха (онъ же В. Д. Перазичъ), Л. В. Теслеръ, П. Ф. Тепловъ, Т. Т. Трифоновъ, З. Л. Фриль, И. Г. Хацкеленичъ, И. С. Центерадзе, М. М. Цукеръ, П. Е. Айзенбергъ, Г. Б. Викеръ, С. Ф. Жмуркина, А. В. Розенталь, Р. М. Рубинчикъ, Е. М. Ройзманъ, Ш. Б. Шрифтеликъ, — приговорены къ 12 годамъ каторги, Л. Л. Никифоровъ къ заключению въ арестантскія роты на 1 годъ, И. Л. Виленикинъ, М. С. Зеликманъ и С. В. Померанецъ оправданы.

АРХАНГЕЛЬСКЪ. За июль черезъ Архангельскую тюрьму прошли и получили назначеніе слѣдующіе лица. Лейзеръ Андружовскій село Чекуево Онежскаго уѣзда, Антонъ Новоходко село Кузомино Александровскаго уѣзда, Янкель Рысовскій с. Керель Кемскаго уѣзда, Вячеславъ Степановъ г. Кемь, Мендель Шиеманъ с. Лапино Кемск. уѣзд., Платонъ Канинадзе сл. Семеновское Шенк. уѣзд., Францъ Лоренцъ сл. Благовѣщенское Шен. уѣзд., Владиміръ Падченко сл. Семеновское, Игнатій Яковлевъ г. Александровскій, Михаилъ Орѣшникъ городъ Кола, Роза Рабиновичъ городъ Кола, Петръ Ильинкинъ сл. Мохча Печорскій уѣзд., Станиславъ Мишинъ сл. Койнасъ Мезен. уѣзд., Шмерко Соринъ сл. Бакуры Печор. уѣзд., Ципа Левина сл. Поргольское Мезен. уѣзд., Люпианъ Рудникий сл. Копочено Холм. уѣзд., Юсифъ Файнштейнъ пока въ Арханг., потомъ въ Ижма, Рашевская г. Хомигоры, Галактионъ Гецадзе Трифонова Гора Пин. у., Роза Левина сл. Мохча Печор. уѣзд., Яковъ Моргенштейнъ сл. Бокуры Печор. уѣзд., Мовша Лившицъ сл. Несь Мезен. уѣзд., Кравецъ (женщина) сл. Ижма Печор. уѣзд., Абрамъ Пидзеньверъ сл. Балабанъ Печор. у., Гиршъ Сударскій сл. Сизыабскъ Печор. уѣзд., Фурманъ сл. Усть Кожма Печор. уѣзд., Ааронъ Валькенштейнъ сл. Сизыабскъ Печор. уѣзда, Нохимъ Гольландъ с. Пустозерское Печор. уѣзд., Станиславъ Колепкий городъ Александровъ, Шмуль Куоманъ село Поньчма Кемскаго уѣзда. Эталъ 14 іюля. Николай Надежинъ сл. Сура Пинеж. уѣзд. 3 г., Израиль Шнеерсонъ сл. Чукуево Онежск. уѣзда 5 л., Теофилъ Башинскій сл. Усть Цыльма Печор. у., Залманъ Чернинъ сл. Мохча Печор. у. 6 л., Сементъ Карчевскій г. Кемь 5 лѣтъ, Андрей Балуевъ сл. Посадное Онежскаго уѣзда 3 года. **КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ.** При переходѣ пограничной рѣчки Збручъ близъ деревни Гуковки 18 іюля арестованъ Александръ Ивановъ, бѣжавшій изъ Архангельской губерніи. При этомъ «переводчикъ» раненъ въ плечо стражникомъ. Ивановъ препровожденъ въ Каменецъ-Подольскую тюрьму. Тамъ же сидятъ: Теръ Арутюновъ съ женою, арест. при возвращеніи изъ за-границы; при обыскѣ были найдены прокламаціи; Шейнштейнъ взятъ въ Каменецъ-Подольскъ съ нѣсколькими брошюрами, получивъ приговоръ 3 г. Арханг. г.; Тамылина, бѣжавшій изъ Сибири, взявъ на границѣ; Азенбловскій, Штернбергъ Отто, Козницкій, Рубинштейнъ, Гольдманъ, Назарьевъ, судившійся за транспортъ «Красн. Знамени» и получившій два съ половиною г. арестантскихъ ротъ. **СЕВАСТПОЛЬ.** 30 іюля Александру Степановичу Гриневскому объявлено, что дѣло о с. пропагандѣ среди артиллерійскихъ солдатъ передано въ Симеопольское жандармское управленіе. Дѣло же о пропагандѣ среди матросовъ Черноморскаго флота передано прокурору Военно-Морского Суда. Къ этому же дѣлу привлекается нѣсколько матросовъ. Гриневскій арестованъ въ ноябрѣ 1902 г., подъ именемъ Григорьева въ г. Севастополѣ на улицѣ 3-мя солдатами-предателями. **АРЗАМАСЪ.** Въ началѣ іюня на вокзалѣ арестованъ съ литературою уѣздный земск. статистикъ Владиміръ Карловичъ Гехтъ. Въ то же время были арестованы помощникъ статистика Владиміръ Потѣхинъ, но черезъ нѣсколько дней онъ былъ освобожденъ. Гехтъ отправленъ въ нижегородскую тюрьму. Въ мартѣ 1903 г. у Гехта былъ произведенъ обыскъ по дѣлу кружка нижегородскихъ статистиковъ. **КІЕВЪ.** 19 чел., арестованныхъ въ декабрѣ 1903 и январѣ 1904 г., объявлено о преданіи ихъ суду по обвиненію въ принадлежности къ П. С. Р., въ томъ числѣ: Бычковскому, Медокусу, Равичу, Суховыху, (политтехникъ), Рабиновичу, Чернихову (инт-ы), Бѣляеву, Кацу, Новохатъ, Чертову (работѣ), Берманъ, Малиновскій, Крыжановскій, Шлемензонъ (интеллигентки), Свѣтъ, Золковеръ (женщ. зуб. врачъ). **МОСКВА.** 2-го іюля закончилось слѣдствіе по дѣлу 29 января. Дѣло это было направлено по новому законоположенію и слѣдовательно подлежитъ суду съ сословными представителями при закрытыхъ дверяхъ. Изъ нѣсколь арестованныхъ по этому дѣлу лицъ осталось въ заключеніи только двое: интеллигентъ Ривкинъ и зубной врачъ Езерская. Нѣкоторые совершенно освобождены за недостаткомъ данныхъ—въ томъ числѣ Надежинъ и Горшкова; эти двое получили приговоръ только по прежнимъ дѣламъ, а именно: Надежинъ — 3 года Архангельской губ., Горшкова — выслана на родину въ Козловъ подъ надзоръ полиціи. Зелененко высланъ въ Таганрогъ, жена его въ Тулу, Зауеръ высланъ изъ Москвы съ правомъ жить, гдѣ угодно, кромѣ Москвы и Петербурга, Никифоровъ высланъ въ Саратовъ, Ермолова и Висоцкій въ Ярославль, Жѣбунева сидѣла недѣлю двѣ и оставлена въ Москвѣ. Колендо, Слудскій, Менарь, Рышкова — освобождены. Жандармы, повидимому, очень недовольны новымъ законоположеніемъ: имъ приходится освобождать по ихъ словамъ заведомыхъ революціонеровъ только за недостаточностью уликъ, потому что теперь показанія шпионовъ во вниманіе не принимаются. Ихъ мнѣніе таково, что тяжесть наказанія по суду отобьетъ охоту у революціонеровъ зани-

маться своей «подпольной дѣятельностью». Къ праву политическихъ свидѣтельствъ показанія жандармы относятся также крайне неодобрительно и изыскиваютъ разные мотивы, чтобы возможно меньше ихъ показывать; приходится отвоивать интересныя показанія, а обыкновенно они отбываютъ, что это прямого отношенія къ вамъ не имѣетъ» и т. п. Получилось впечатлѣніе, что къ суду будутъ привлечены только двое оставшихся въ Таганкѣ, потому что и въ присланной бумагѣ о переходѣ дѣла къ прокурору палаты упоминается о сообществѣ только этихъ двухъ лицъ. Съ 15 іюля въ Таганку изъ частей привезены: Емельянова Марія (арестованная 25 мая), Сорока Евгения (25 мая), Радіоновъ (15 іюня), Кузьмина (19 іюня), Загайная Сесья (арест. 19 іюня), Залычниковъ (арест. 19 іюня).

Выпущены: Розенфельдъ, Ключарева, Загорскій, Карпинская, Павелъ Фудель, Андрей Сѣдовъ, Сергій Рѣшетовъ; Максимъ Савельевъ подъ залогъ 2.000 руб.

ПОВЪГИ. Изъ Якутской области бѣжалъ товарищъ В. И. Волинскій, сосланный на 5 л. по дѣлу февральской демонстраціи въ гор. Одессѣ 1902 г. При побѣгѣ ему было оказано содѣйствіе однимъ изъ комитетовъ Бунда. Товарищъ въ настоящее время въ опасности.

Въ ночь на 2 августа изъ Саратовской тюрьмы бѣжалъ товарищъ Петръ Бѣляевъ, обвинявшійся по дѣлу о типографіи Саратовскаго Комитета П. С. Р. Въ тотъ же день изъ психіатрической лечебницы скрылся содержавшійся тамъ тов. Михаилъ Севастьяновичъ Аретъ-евъ, обвинявшійся по тому же дѣлу.

ТОВАРИЩИ, ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТЪ ПОКАЗАНИЙ!!

ОТЧЕТЪ ОДЕССКАГО КОМИТЕТА П. С. Р.

За июнь 1904 г.

(Въ рубляхъ). Приходъ: Остатокъ къ 1-му іюня — 9.20, отъ Николаевича — 12, отъ тоскующей — 25, отъ финансовой комиссіи — 45, отъ благодарной ученицы — 26.50, отъ читателей — 8, отъ кружковъ — 80, черезъ мужика — 8.30, заморозочно — 20. Итого — 228.50.

Расходъ: На печатаніе — 77.20, конспиративный 27.90, нелегальные и помощь товарищамъ — 57, рабочая организація 25, поѣздки и мелкіе расходы — 13.40. Итого — 200.50. Остается къ 1-му іюлю — 28.

ОТЧЕТЪ БАКИНСКОИ ГРУППЫ П. С. Р.

За июнь 1904 г.

(Въ рубляхъ). Приходъ: Отъ П. Н. — 20, Д. — 1, Н. — 1, В. — 1, Е. — 30, отъ горскаго кружка — 4, въ возвратъ долга — 8.65, за карточки — 20, Биби-Эйбатскій районъ, отъ кружка «Памяти Балмашева» за май 5, отъ предпріятія — 57, случайныхъ — 55. Остатокъ на 1-ое іюля 94.31. Итого: 242.51.

Расходъ: Фот. карточки — 8, фот. бумага — 1.30, дорожные расходы — 15, конспиративные — 21.28, бумага — 20.40, на типографію — 42, обмундировка — 5, два станка — 16, Центральному Комитету за литературу — 10. Итого — 143.98. Остатокъ на 1-ое іюля — 98.53. Баку 13 іюля 1904 г.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Смѣлому рабочему. — № 1 полученъ, продолжайте. Е. и ч. у. — Всѣмъ, что отъ васъ получаемъ пользуемся въ Рев. Рос. Понимому прямо изъ вашего города ничего не доходитъ. Молодежнику. — Письма получены. Віѣ. — Какъ видите, отъ васъ не все доходитъ. На вопросъ отвѣтимъ статьей. Т. и о. о. е. у. — Ваша просьба исполнена въ № 50. Всѣмъ. — При перепискѣ не забывайте ставить условленные №№, шифра и подписи. При посылкѣ прокламацій необходимо обозначать количество изданныхъ экземпляровъ, время и мѣсто распространянія. Желательно получение изданій другихъ организацій. № 266. — Ваше письмо не разобрано. Очевидно сгустились ключи. Товарищу изъ Крапцъ. — Б-скій адресъ получить. Необходимо знать, кто проситъ. Писать слѣдуетъ закрытымъ письмомъ. Фіалкѣ. — Письмо о болѣзни получено. Сообщите подробности о положеніи дѣла. Поводжанамъ и Уралъцамъ. — Съ васъ ровно ничего не получаемъ. Центральнымъ Комитетомъ отъ тамбовскаго фактора 312 руб. получены.

Въ денежномъ отчетѣ Боевой Организациі (см. Летучій Листокъ, № 4), при обозначеніи пожертвованія «отъ земцевъ 1, 2, 3...—80», пропущены слова «въ память убишаго Писев».

Лица не имѣющія конспиративныхъ адресовъ, могутъ обращаться изъ-за границы въ редакцію „Революціонной Россіи“ по слѣдующему адресу: Н. Н. Aimsford, Esq. 11, Brunswick Square, London, W. C. England.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОССІЯ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

№ 52

15 Сентября 1904 г.

ДВУЛИКІЙ ЯНУСЪ САМОДЕРЖАВІЯ.

(По поводу назначенія кн. Святополка-Мирскаго).

У римскаго, давно уже умершаго бога Януса было два лица, — одно смѣющееся, другое мрачное и гнѣвное. Римскій божокъ теперь прочно забытъ всѣми, онъ не забытъ только въ Зимнемъ Дворцѣ. Авгуры самодержавія издавна переняли его двойную личину, они свято хранятъ ее, — въ ней эмблема ихъ мудрости, въ ней ихъ якорь спасенія и въ ней же священные завѣты монархій всѣхъ временъ и народовъ.

Первый «ликъ» русскаго бога намалеванъ чисто по московски. Въ немъ все грубо и рѣзко. Это Малюта Скуратовъ на работѣ въ кремлевскихъ застѣнкахъ, Царь Іоаннъ, истязующій непокорныхъ бояръ, Павелъ I, посылающій прямо съ парада цѣлый полкъ шагомъ маршъ въ Сибирь. Византійская жестокость не блещитъ здѣсь фальшивымъ лоскомъ европейской цивилизаціи и до-петровскія пытки не маскируются заповѣдами международныхъ конференцій. Ясно и безапелляціонно диктуется воля «обожаемаго монарха», ибо «нѣтъ власти еще не отъ бога» и не царю лицемѣрить передъ «подлыми его, Великаго Государя, людишками». И воля эта, — истинно православная воля татарскаго хана, — штыки и плети, кандалы и нагайки, висѣлицы и пули.

Второй «ликъ» сложнѣе, его черты сдѣланы по европейскому образцу, въ нихъ нужно вглядѣться, онѣ обманчивы. Это — Шенковскій, поющій акаенсты сладчайшему Іисусу, Бенкендорфъ, утирающій слезы вдовъ и сиротъ, европейскій Gentleman, выхоленной рукой указующій путь къ усовершенствованной гильотинѣ. Сладкія рѣчи ничѣму не мѣшаютъ, и умывающій руки Пилатъ иногда стоитъ дороже того, кто, казня, не вѣдаетъ, что творитъ.

Сходство обоихъ ликовъ разительно, хотя краски положены разныя. Такъ и должно быть: оба «лика» одинаго и нераздѣльнаго русскаго бога вышли изъ подъ кисти одного и того же сукзальскаго богомаза. Возросшее на вѣковыхъ парадоксахъ русской исторіи, вспоенное потомъ, кровью и слезами многомилліоннаго народа, окруженное лѣсомъ штыковъ и стѣною пушекъ, русское самодержавіе не нуждается ни въ какой политикѣ и ни въ какой морали. Его политика — Петровско-авловская крѣпость, его мораль — Сергіева лавра, его традиціи — Грановитая палата. Самодержавіе само въ себѣ цѣль, оно альфа и омега многосложной жизни Россіи, и громадная страна — не болѣе, какъ вотчина царская, освященная церковью и богомъ.

Да и какъ же иначе? Вѣдь судьба всего міра въ рукахъ Всероссійскаго Самодержца, вѣдь Россія та «жена, облеченная въ солнце», которой суждено явить Западу новое слово. Она носитъ въ себѣ драгоцѣнность; драгоцѣнность эта — православье. Она хранитъ въ себѣ истину, «истинную истину» образа Христова, затемнившася во всѣхъ другихъ вѣрахъ и во всѣхъ другихъ народахъ. Идеалы ея сильны и чисты. Они сложились подъ малиновый звонъ московскихъ колоколовъ, ими жили настоящіе сыны Россіи, съ вѣрою въ нихъ умирали Феодосій Печерскій, Алексѣй митрополиты и Серафимы

Саровскіе. Русскій народъ противопоставитъ своевольной свободѣ Запада свое истинно христіанское терпѣніе, развращенная наука уже гнѣющей Европы преклонится передъ чудотворными мощами монастырскихъ старцевъ и въ грядущіе судные дни, русскій народъ, народъ-страстотерпецъ и народъ-искупитель, явится безкорыстнымъ спасителемъ бѣдныхъ, заблудшихъ и упорствующихъ въ своемъ заблужденіи народовъ. Вѣдь «у милліоновъ европейскаго демоса на первомъ мѣстѣ, во главѣ всѣхъ желаній стоитъ грабежъ собственниковъ» т. е. развратъ и насиліе. Кто укажетъ этимъ милліонамъ бездну ихъ грѣховнаго паденія, кто направитъ всемірную жизнь въ тихое русло христіанской мудрости и догматовъ православной церкви? Только власть, поставленная отъ бога, только безмѣрная сила опирающася на свой народъ. Государя всея Россіи можетъ спасти заблудшее стадо. Самодержавіемъ родилась Россія, и самодержавіемъ суждено ей спасти міръ. Горе злобствующимъ и еретикамъ: Государь покараетъ ихъ на землѣ, какъ Господь Богъ покараетъ на небѣ.

Такова вычурная философія единой власти и таково теоретическое обоснованіе самодержавія во что бы то ни стало. Ясно, что уступокъ не можетъ быть никакихъ. Кто мечтаетъ спасти Европу, тотъ обязанъ оберегать своей, еще покорный народъ отъ ея глетворнаго вліянія. Всякій проблескъ свободы — шагъ назадъ и измѣна священному долгу. Плеве и Лорисъ-Меликовъ, Дуббельтъ и Малюта Скуратовъ — всѣ одинаково хороши и одинаково пригодны. Всѣ они служатъ царю, только одинъ за страхъ, а другой — за страхъ, за ложь и за лицемѣрье.

Жизнь не слушается кабинетныхъ теорій. Она смѣется надъ ними и топчетъ въ грязь всѣ великія миссіи и всѣ священные завѣты. Кто вѣритъ теперь въ безумный бредъ молитвословящихъ старцевъ и юродствующихъ монаховъ? Развѣ Горемыкину, Сипягину и Плеве не безразличны были судьбы Россіи, Европы и всего міра? Туманные образы апокалипсическаго будущаго не закрывали отъ нихъ настоящаго, того настоящаго, которому дѣла нѣтъ ни до «жены, облеченной въ солнце», ни до страстотерцевъ и искупителей. Блага земныя дороже благъ небесныхъ. Пусть кто угодно спасаетъ многомилліонный западноевропейскій демосъ, демосъ русскій слыхомъ явно напоминаетъ о себѣ, что-бы думать еще и объ Европѣ. Да и кому нужны басни самодержавія? Ужъ не Плеве ли, распечатывавшій писема къ царю, вѣрилъ во власть, поставленную отъ Бога, ужъ не Витте ли чтитъ «истинно — истинный» идеалъ того «молодого человѣка», о которомъ онъ отзывался съ такимъ небрежнымъ презрѣніемъ? Или Алексѣевъ и Безобразовъ, Побѣдоносцевъ и Муравьевъ, — эти циничные авгуры самодержавія, — не смѣются въ душѣ надъ единой и нераздѣльною властью? Вѣдь даже Зубатовъ хихикалъ надъ своимъ господиномъ... О, каждый изъ этихъ господъ на своемъ мѣстѣ: они знаютъ, гдѣ плохо лежатъ и знаютъ также, что рано или поздно народъ неизбежно потребуетъ отъ нихъ отчета. Значитъ, да здравствуетъ самодержавіе, самодержавіе во что бы то ни стало! Вѣдь пока правитъ слабоумный царь Николай, — на нихъ нѣтъ суда, какъ нѣтъ и расправы. И развѣ

могутъ быть здѣсь уступки? Независимый судъ принесетъ имъ скамью подсудимыхъ, свобода печати — позорную кличку и свобода собраний — приговоръ къ смерти. Нѣтъ, живѣ Богъ земли русской! Двуклкій Янушъ самодержавія спасалъ ихъ не разъ, — въ немъ ихъ вѣра и на него ихъ надежда. Вчера душилъ Плеве, сегодня будетъ лгать Святополкъ-Мирскій.

Въ этой вѣчной игрѣ, въ этой смѣнѣ лжи и насилия — тайна и сила русскаго самодержавія. Екатерина, II увлеклась Дидро и Вольтеромъ и раздавала казаковъ разнымъ Потемкинамъ и Орловымъ, «ангелъ во плоти» Александръ I началъ съ тайнаго комитета и кончилъ Аракчеевымъ и Магницкимъ, Александръ II одной рукой освобождалъ «сверху» крестьянъ, а другой подписывалъ приговоръ Чернышевскому и Антону изъ Бездны. Двуклкій Янушъ вертѣлся, какъ на шарнирахъ, — то въ лицѣ Павла, Николая и Александра Мирового, на наго и откровенно душилъ и рѣзалъ, то, когда душилъ и рѣзалъ становилось небезопаснымъ, вѣспалъ устами наивнаго Лориса сладкія рѣчи о томъ, чего никогда не бывало. Крови, конечно, было больше, чѣмъ лжи, но и лжи было довольно. Ей вѣрили пока была вѣра. Теперь ей не вѣрять никто, кромѣ безнадежно слѣпыхъ и тѣхъ, кому выгодно вѣрять. Пусть сильные своей оппозиціи Стаховичи и Шиповы ждутъ милостей отъ руки, наказующей ихъ, — русскій народъ проклинаетъ самодержавіе. Страна глухо волнуется, она ждетъ освобожденія, она требуетъ земли и воли. Въмѣсто хлѣба ей даютъ камень и вмѣсто свободы нагайку и слакія рѣчи. Къ чему приведетъ ложь и чѣмъ завершится насилье? Вѣдь сегодня не похоже на вчера, и сильное 20 лѣтъ тому назадъ самодержавіе держится теперь исключительно терпѣніемъ массъ и малодушіемъ общества. Его уже ненавидятъ, но еще боятся, уже проклинаютъ, но еще не научились презирать. И, быть можетъ, уже близко тотъ день, когда возставшій народъ смететъ со своего пути и Зимній Дворецъ, и его обитателей, и вѣковые усты православья, татарщины, лжи и отеческаго попеченія.

Понимаетъ-ли это преемникъ г. ф.-Плеве? Знаетъ-ли онъ, что народъ уступить не можетъ, а если не уступить народъ, то придется уступить самодержавію? Отдаетъ-ли онъ себѣ отчетъ въ томъ, что громъ пушекъ у Портъ-Артура и Ляоянга разбудилъ даже и мирно спавшихъ, и что зарево манчжурскихъ деревень освѣтило всѣ медвѣжьи углы русской деревни? Или, не рассуждая и повинувъ слѣпо, онъ по зову не достойнаго уваженія царя просто явится княжить и владѣти нами, не справляясь о томъ, что изъ этого выйдетъ, и твердо вѣру лишь во всемогущество русскаго бога, въ силу сладкихъ рѣчей и въ крѣпость тюремныхъ засововъ?

Какъ бы то ни было, двуклкій Янушъ снова сдѣлалъ крутой поворотъ. Плеве былъ откровененъ и прямъ. Ему было позволено все, и онъ не считалъ нужнымъ надѣвать маску кротости и смиренія. Онъ просто насилуетъ, убиваетъ и грабитъ. Это было его ремесломъ, и, какъ хорошій мастеръ, онъ не заботился о мнѣніи толпы — *odi profanum vulgus!* Да и сму-ли, устроителю Кишиневской бойни, палачу Леккерта и Балмашева, вдохновителю Оболенскаго, Клейгельса и Валя, было играть сентиментальными фразами *quasi*-либерализма. Или, быть можетъ, переживъ поражение Зубатовской лжи, онъ не нашелъ въ себѣ отваги постронуть планъ государственнаго управления на шаткомъ принципѣ универсальной, всероссійской, единой и всеобнимающей провокаціи. Планъ этотъ хранился въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, — Лорисъ-Меликовъ, самъ не вѣдая, что творить, однажды пытался примѣнить его къ жизни. Неужели новый вершитель судебъ Россіи, кн. Святополкъ-Мирскій, не послѣдуетъ, «пыль отъ хартій отряхнувъ», примѣру славнаго «побѣдителя подъ Карсомъ»?

Вѣдь крови было слишкомъ довольно, вѣдь Плеве слишкомъ хорошо игралъ свою роль. Пора перейти ко лжи. Пора «пойти на уступки» и начать, обѣщая однимъ, мучая другихъ, напѣвая дѣтскія сказки третьимъ, развращать тѣхъ, кого можно развратить и за ломанный грошъ покупать совѣтъ людей, которые продаютъ ее распивочно и на выносъ. Покупатель всегда въ барышѣ, — вѣдь слова такъ дешево стоятъ и ужъ никакъ не мѣшаютъ разорять, сыпать и вѣшать. «Программа моя — сообщаетъ Святополкъ-Мирскій сотруднику *Echo de Paris* — уже указана въ манифестѣ Его Величества отъ 26 февраля 1903 г. Моя дѣятельность будетъ построена на принципахъ истиннаго и широкаго либерализма — постолько, конечно, поскольку либерализмъ этотъ не поведетъ къ измѣнѣ существующаго теперяшняго порядка. Какъ провинція, я

люблю провинцію, гдѣ прошла большая часть моей служебной карьеры. Я, исполняя волю Государя, готовъ дать губернскимъ и уѣзднымъ земствамъ широкія полномочія во всѣхъ вопросахъ, касающихся народнаго образованія, продовольственнаго дѣла, дорогъ и т. п. — Внутреннее положеніе страны, если не исключительно серьезно, то и не можетъ не внушать опасеній. Зачѣмъ игнорировать это? Хорошей постановкой земскаго дѣла мы избѣгнемъ парламентаризма, оказавшагося несостоятельнымъ вездѣ, кромѣ одной только Англіи. Объ отвѣтственности министровъ не можетъ быть и рѣчи; Россія не доросла до этого. Министры зависятъ только отъ Государя, получившаго власть отъ Бога (*qui est souverain par grâce de Dieu*); необходимо сохранить за нами ихъ настоящее положеніе — только, пользуясь имъ, они въ состояніи исполнять истинную волю монарха. Я врагъ религиозныхъ гоненій, я убѣжденный сторонникъ возможно большей свободы совѣсти, но, конечно, съ нѣкоторыми ея ограниченіями. Я дамъ людямъ разные исповѣданія возможность мирно жить рядомъ на всемъ пространствѣ нашей обширной Имперіи. Я не врагъ еврейскаго народа, но если мы уравниемъ евреевъ въ правахъ съ православными, они могутъ стать слишкомъ требовательными (*ils pourraient prendre rapidement trop d'impertance*). Я рѣшилъ относиться къ нимъ съ большимъ снисхожденіемъ и постараюсь облегчить положеніе бѣднѣйшихъ слоевъ еврейскаго народа. Добротою можно достигнуть многого. Мы поставлены въ необходимость защищать себя отъ террористовъ, но лично я не буду строгъ къ молодежи, увлеченія которой часто смѣняются раскаяніемъ. Нужно указать молодымъ людямъ добрые пути и доказывать безрезультатность ихъ оппозиціонныхъ волненій. Я другъ студентовъ. Въ сущности, съ годами ихъ пыль проходитъ и они становятся прекрасными дѣтелями. Какъ хотите вы, чтобы я былъ противъ прогресса, — вѣдь прогрессъ облагодѣтельствуетъ Россію. Я сторонникъ возможно большаго увеличенія числа народныхъ школъ. Мой товарищъ и другъ, министръ народнаго просвѣщенія генералъ Глазовъ, вполне согласенъ со мною въ этомъ вопросѣ. Невозможно избѣгнуть прогрессивныхъ теченій. Если мы будемъ ихъ давить, они ускользнутъ отъ насъ. Паскільки же лучше признать ихъ и помочь имъ осуществиться въ жизни».

Сышите ли вы сладкія рѣчи о прогрессѣ, свободѣ совѣсти и самоуправленіи? Кто говоритъ ихъ? Безотвѣтственный министръ, исполняющій волю, богомъ поставленнаго Николая, того самаго Николая, съ вѣдомъ и одобренія котораго десять лѣтъ терзаютъ Россію, того Николая, который лично благодарилъ «молодцовъ-фанатричей» и, имѣя огромную власть, до сихъ поръ не остановилъ несправедливой, позорной и стоющей слишкомъ много жертвъ войны съ Японіей. Можно ли ждать добра изъ Назарета? И не Шенсковскій ли, поющій акаѣсти и не Бенкендорфъ ли, утирающій слезы вдовъ и сиротъ, снова представляютъ передъ нами?

Человѣкъ привыкаетъ ко всему. Нуженъ былъ Спартакъ, чтобы рабы наконецъ возмущились. Мы неграждане, мы даже не подданные, мы не имѣемъ никакихъ правъ и несемъ всѣ обязанности. Мы «гесъ» римскаго права, вещь, которую можно продать, заложить и совсѣмъ уничтожить. И потому, когда насъ грабятъ, мы благодаримъ небеса, что насъ только грабятъ, когда сѣкутъ, мы веселимся, что не убиваютъ до смерти, а когда не сѣкутъ, не грабятъ и не убиваютъ, мы отъ полноты души и умиленнаго чувства кричимъ «ура!» и готовы привѣтствовать послѣдняго пса и опричника. Святополкъ-Мирскій либералъ по своимъ убѣжденіямъ, но онъ не допуститъ реформъ и «избѣгнетъ» парламента и свободы. Онъ за земство, но лишь поскольку оно не противорѣчитъ дряхлой идее царя и самодержавія. Онъ не противъ евреевъ, но онъ будетъ ихъ душить, ибо иначе «требованьямъ ихъ не будетъ конца». Онъ «другъ молодежи», но для «нераскаявшихся» готовы тюрьмы, висѣлицы и Нижне-Колымски. А печать, а крестьянство, а рабочий вопросъ? Или онъ случайно забылъ о нихъ въ своемъ интервью съ представителемъ шестой великой державы? Да вѣдь это насмѣшка надъ нами! Вѣдь февральскій, православно-самодержавный манифестъ продиктовалъ ф.-Плеве и написанъ рукою кн. Мещерскаго. Вѣдь страна иззола слезами, вѣдь тысячами жизней своихъ лучшихъ сыновъ она платитъ за одну только надежду, — за надежду народа увидѣть себя счастливымъ и свободнымъ. Нѣтъ, передъ нами даже не Лорисъ, совершавшій побѣды и одолевъшій и на старости лѣтъ сочинившій салонную конституцію — эту чисто московскую пародію на американскую конституцію, а

человѣка. Передъ нами просто «другъ генерала Глазова», бывший командующій отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ и товарищъ министра внутреннимъ дѣломъ въ одинъ изъ самыхъ емкихъ періодовъ русской жизни.

Да и кто, въ дѣйствительности, править Россіей? Опереточный царь Николай? Тотъ или другой изъ поочередно выдвигающихся фаворитовъ, членовъ анонимнаго общества, клички Зимняго Дворца? — Никто въ отдѣльности и всѣ они вмѣстѣ. Это тѣсно сплоченный кружокъ, это круговая порука людей, равно виновныхъ и равно боищихся наказанія. Они должны защищаться. Министръ внутреннихъ дѣлъ — это ихъ «пора», стражъ ихъ интересовъ, ихъ главный повѣренный въ дѣлахъ: какъ таковому ему предоставлена громадная власть, и уже отъ его личной воли зависитъ стать самодержцемъ: вонхъ хозяевъ или прожить свои дни незамѣтнымъ присазнымъ подъячимъ. Если онъ жандармскій шефъ по призыванію, если онъ Плеве или Муравьевъ-Вѣстатель, онъ получитъ всѣ полномочія, онъ будетъ облеченъ неограниченной властью, онъ станетъ вторымъ царемъ, хотя и не вѣнчаннымъ короной. Если онъ только солдатъ, унтеръ-офицеръ съ тройною нашивкой, человѣкъ угодлиности и послушанія, словомъ, если онъ Витте или Горемыкинъ, онъ, сохраняя всѣ ордена и знаки отличія, будетъ простой марионеткой въ опытныхъ рукахъ двора и закулисныхъ министровъ. Если же онъ человѣкъ убѣжденія, наивный Донъ-Кихотъ кастрированной конституціи, — его заключутъ черные вороны самодержавія какъ нѣкогда заковали Сперанскаго, какъ нѣкогда заковали и пародію на него — Лорисъ-Меликова. C'est la fatalité! и добрыми намѣреніями вымошенъ адъ.

Пусть ликуютъ нововременскіе молодцы, — эти распутные представители бюрократической фронтды, — пусть «полученное новымъ министромъ высшее военное образование» даетъ имъ отрадную увѣренность въ его «гуманномъ взглядѣ и доброжелательствѣ», — много ли нужно А. С. Суворину? Онъ давно и не дешево продалъ все, что имѣлъ и, прикажутъ, завтра опять прославить фонтъ-Плеве. Пусть сдержанно привѣтствуютъ новаго хозяина «почтенные земцы», безъ солиднаго либерализма которыхъ, пожалуй правительствѣ и не пошло бы на важныя «уступки». Но вѣдъ эти уступки только приснились Шинковымъ и К^о, какъ щедринскому барану однажды во снѣ приснилась свобода, — завтра опять настанетъ эпоха «безсмысленныхъ мечтаній» и наше малодушное, говорящее рабскимъ языкомъ русское общество, снова обрушитъ свой гнѣвъ на тѣхъ, кто не съ нимъ и кто противъ его, лояльной «Его Императорскаго Величества» оппозиціи. Пусть, словомъ, русскіе либералы всѣхъ чиновъ и ранговъ, благополучные россияне всѣхъ цѣтотъ и оттѣнковъ, предвкусываютъ уже милости новаго вершителя ихъ судьбы, — двуликий Янусъ самодержавія достаточно показалъ себя всѣмъ, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть. Плеве или Святополкъ-Мирскій, Лорисъ-Меликовъ или графъ Игнатъевъ, — не безразлично ли, въ сущности, это? Развѣ отъ смѣны именъ русская деревня станетъ богаче, русскій крестьянинъ грамотнѣе, русскій рабочий культурнѣе? По прежнему, вѣрнопопдаанный-рабъ, и по прежнему штыки и пушки, нагайки и тюрьмы къ услугамъ терзающаго Россію самодержавія. Не будемъ же убаюкивать себя золотыми мечтами. Универсальная провокація соблазнить только тѣхъ, кто и такъ соблазненъ въ глубинѣ сердца. Святополкъ-Мирскій защищаетъ внутренній Портъ-Артуръ, защищаетъ ложью, защищаетъ отъ насъ. Удастся ли ему защитить его или онъ, какъ Стессель передъ японцами, спуститъ флагъ и капитулируетъ передъ надвигающейся грозой революціи?

Горе тѣмъ, кто не холоденъ и не горячъ, а только тепелъ. Горе тѣмъ, кто не вѣрять въ себя и не чувствуетъ признаковъ времени. Слышите ли вы раскаты далекаго грома? Это встаетъ народъ, грозный въ своемъ величій, необходимый въ гнѣвѣ, незнающій страха и ничего не забывшій. Самодержавію ли, подкупнымъ ли слугамъ царя, остановить его побѣдоносное шествіе? Имъ ли утишить его боль и зацѣпить его раны? Ночь уже таетъ и заря давно заблестѣла на небѣ. Еще усиліе, — и солнце свободы ярко освѣтитъ мракъ. теперь наводящій ужасъ. Горе же тѣмъ, кто не съ народомъ и кто противъ него, — народъ суверенъ и народъ самодержецъ не забудетъ своихъ павшихъ за свободу дѣтей, какъ не проститъ враговъ и измѣны.

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІЙ.

Пазначеніе Святополкъ-Мирскаго вызвало со стороны реакціонной прессы полное одобреніе. И заявленіе его, что основы внутренней политики останутся прежнія, и заявленіе его, что онъ будетъ проявлять «доброту» — доброту къ земцамъ, доброту къ заблуждающимся неопытнымъ юношамъ, доброту къ инородцамъ, доброту ко всѣмъ подданнымъ вообще — всѣ эти заявленія одинаково удостоились одобренія. И хотя заявленіе о «добротѣ» смахиваетъ на «сердечное попеченіе» старика Ванновскаго, противъ котораго, особенно подъ конецъ его неудачнаго опыта, реакціонеры и рвали, и метали; хотя раньше тѣ же реакціонеры требовали во всеуслышаніе замѣнить Плеве человѣкомъ, который бы также безпощадно и безъ малѣйшаго послабленія «привелъ къ одному знаменателю» всѣхъ недостаточно пламенѣющихъ и безповоротливо истреблялъ всѣхъ тѣхъ, «кои угрюмымъ очертаніемъ лица смущаютъ сердца благомыслящихъ обывателей», — однако, полугора-мѣсячные поиски боевого министра внутреннихъ дѣлъ, не увѣнчавшіся успѣхомъ, настроили ихъ болѣе спокойно. Что дѣлать! На нѣтъ и суда нѣтъ. Послѣ такого «оригинала», какъ Плеве, имѣть его блѣдную копію, въ концѣ концовъ, даже и не выгодно: не произведетъ никакого впечатлѣнія. Надо дать «вѣрнопопдааннымъ» хоть маленькую передышку, — ну, а послѣ такой передышки даже и ординарный подражатель Плеве такъ солонъ придется, что обывателю небо съ овчинку покажется...

Въ самомъ дѣлѣ, ради вящаго преуспѣнія «внутренней политики» для самодержавія необходима періодическая и «благовременная» смѣна двухъ типовъ администраторовъ. За Иваномъ Ивановичемъ, сгибающимъ въ бараній рогъ, долженъ слѣдовать Петръ Петровичъ, проливающийъ бальзамъ утѣшенія, затѣмъ снова Иванъ Ивановичъ, и такъ далѣе, «докопѣ не исполнятся неисповѣдимые Божіи пути». Все только сгибать въ бараній рогъ нецѣлесообразно: обыватель одервенѣетъ и утратитъ всякую восприимчивость, такъ что дальнѣйшее примѣненіе бараняго рога и ежевыхъ рукавицъ будетъ происходить уже всуе: не чувствуетъ и къ тому же черствѣетъ и ожесточается. Съ другой стороны, все только противъ бальзамъ утѣшенія тоже не годится: обыватель обязательно прикичится и станетъ требовательнымъ, безъ конца будетъ желать увеличенія порціи живительнаго бальзама, пока окончательно съ жиру не сбѣсится. Другое дѣло, когда благо временно одинъ методъ управления смѣняется другимъ. Послѣ сгибанія въ бараній рогъ каждая капля бальзама утѣшенія будетъ оцѣнена обывателемъ на вѣсъ золота; утѣшеній же и смягченій обыватель снова въ полномъ объемѣ восчувствуетъ каждое властное прикосновеніе ежевыхъ рукавицъ. Такъ оба эти метода взаимно подкрѣпляютъ другъ друга, такъ, несмотря на видимую противоположность, внутренне они едино суть, какъ едино суть оба полюса — положительный и отрицательный — магнита. И давно пора понять всю незамысловатую сущность этого «государственнаго магнетизма»...

Геніальныи провидѣцъ, покойный великій нашъ сатирикъ, Салтыковъ-Щедринъ, разъ навсегда далъ тѣ художественныя формы, въ которыхъ съ несущественными индивидуальными видоизмѣненіями, нѣчто выдвигаются конкретныя историческія фигуры русскихъ административныхъ самодержцевъ. Смѣна Толстого Лорисъ-Меликовымъ, Боголѣзова — Ванновскимъ, Плеве — Святополкъ-Мирскимъ, — все это лишь варіаціи на старую Щедринскую тему о дружеской конкуренціи между Тебеньковымъ и Плешивцевымъ...

«И Тебеньковъ и Плешивцевъ — оба раздѣляютъ человѣчество на пасущихъ и пасомыхъ. Но Плешивцевъ видитъ въ этомъ раздѣленіи простое требованіе устава благоустройства и благочинія, а Тебеньковъ и тутъ ухитряется примостить «любви дѣйство» («доброта» Святополкъ-Мирскаго). Плешивцевъ кратко говоритъ: «всѣ не могутъ повелѣвать; надо, чтобы кто нибудь и повиновался». Тебеньковъ говоритъ: «нѣтъ, это не такъ, это слишкомъ сухо, черство, голо». И предлагаетъ въ основаніе раздѣленія людей на повелѣвающихъ и повинующихся положить принципъ «любви». Повелѣвающіе повелѣваютъ «любви ради», а покоряющіеся покоряются тоже «любви ради». И это первыхъ ободриетъ, а послѣднихъ утѣшаетъ».

«Для тебя животворящій принципъ — палка! говоритъ Тебеньковъ Плешивцеву: «а для меня этого мало. И палка, сударь, нѣма, коли въ ней любви дѣйство не проявляется!»

«Оба эти человѣка иногда серьезно взаимно считаютъ себя

противниками; тогда оба от полноты сердца являют друг друга и отнюдь не догадываются, что только счастливые недоумки не позволяют им видеть, что оба они, в сущности, дѣлают одно и тоже дѣло, и узавлениями своими не разбивают, а, напротивъ того, подкрѣпляютъ друг друга... Я думаю даже, что въ ихъ разномыслии скорѣе играетъ роль различіе темпераментовъ, нежели различіе убѣждений. Плешивцевъ прямолинеенъ и нетерпѣливъ; Тебенъковъ разсудителенъ и сдержанъ. Плешивцевъ охотно лѣзетъ на стѣну; Тебенъковъ предпочитаетъ пролѣзть въ подворотню. Плешивцевъ проникаетъ въ человѣческую душу посредствомъ взлома; Тебенъковъ дѣлаетъ то же самое съ помощью подобранныго ключа. Вотъ и все.

И кто знаетъ эту главу изъ естественной исторіи русскихъ министровъ, того не введетъ въ обманъ никакая перемена декораций на сценѣ, гдѣ разыгрывается оффиціальная трагикомедія россійскаго богопомазаннаго самодержавія...

Мы все знаемъ, что дружины всего показного «комедійнаго дѣйства» правительственной политики кроются за кулисами, скрытыя отъ глазъ поверхностнаго наблюдателя. Тамъ, за кулисами, и режиссеръ, выпускающій на сцену фигурантовъ или дающій имъ знакъ уйти — правая приворная партія; тамъ и сценаръ, подсказывающій, что говорить и дѣлать — тѣ привилегированные слои, которые служатъ опорами и вмѣстѣ эксплуататорами «престола-отчества»; тамъ и тѣ невидимые чернорабочіе, которые на своихъ спинахъ, своими мозолистыми руками притащили и водрузили на своихъ мѣстахъ все декорации, все сложное и богатое убранство сцены, подняли крѣпкія тяжелыя занавѣсы, и, если бы захотѣли, могли бы, къ суматохѣ актеровъ, неожиданно опустить его въ самомъ разгарѣ игры и грубо прервать все это, слишкомъ затянувшееся и скверное представление...

И такъ какъ мы это хорошо знаемъ, то на перемену декораций мы не обращаемъ и не можемъ обращать никакого вниманія. Что, по существу дѣла, измѣнилось? Ровно ничего. Есть ли основаніе намъ мнѣять свое поведение? Конечно, ровно никакого.

Измѣнились лишь подробности. Разыгрывавшаяся передъ нами сцена вся вращалась вокругъ одного лица, взявшаго на себя самую ответственную роль. Все остальные роли были только фономъ, отгнѣсившимъ эту центральную роль, вокругъ которой вертелся весь интересъ дѣйствія. Теперь произошла децентрализація ответственности. Тотъ ступль, на которомъ сидѣло еще такъ недавно главное дѣйствующее лицо, теперь занятъ сѣрой безличностью. Соответственно этому могутъ придвинуться къ авансценѣ одни лица, отступитъ въ глубь сцены другія. Все это не останется, конечно, безъ вліянія на дальнѣйшее теченіе пьесы, но не въ этихъ случайныхъ поверхностныхъ комбинаціяхъ движущій элементъ ея. Конечныя пьесы предопредѣлены болѣе глубокими закулисными вліяніями.

Фактическія отношенія силы, существующія въ странѣ, — если говорить, отбросивъ всякія метафоры, — вотъ гдѣ центр тяжести событий. И вся наша работа, все безъ исключенія наши дѣйствія имѣютъ въ виду перемѣщеніе въ нихъ центра тяжести съ одной стороны на другую.

Но фактическое отношеніе силъ опредѣляется не одной численностью ихъ, и даже не одной численностью и сознательностью. Не меньшее значеніе имѣетъ ихъ организованность и боевая подготовленность.

Объ организованности говорятъ много. Иногда даже обращаютъ ее въ какой-то самодовлѣющій вопросъ, тѣмъ самымъ лишая ее всякаго смысла, всякаго рациональнаго содержанія. Забываютъ, что организація есть не самостоятельная цѣль, а средство, характеръ котораго опредѣляется такъ или иначе въ зависимости отъ цѣли, которой оно служитъ. Одного рода нужны организаціи для пропаганды, другого рода — для агитаціи, третьяго — для непосредственныхъ боевыхъ дѣйствій. Нельзя просто поставить себя цѣлью «прежде всего организоваться». Организируются только для дѣла и на самомъ дѣлѣ: организація пропагандистовъ создается организаціей дѣла веденія пропаганды; организація, подборъ голыхъ для непосредственнаго боя силъ создается организаціей непосредственной боевой дѣятельности.

Повышеніе боевой способности и готовности къ борьбѣ тѣхъ силъ, которыя въ то-же время формируются другими отраслями нашей дѣятельности, утилизируются всякаго пріоритета этихъ силъ для усиленія нашего давленія на существующій режимъ, усиленія наносимыхъ ему ударовъ, — вотъ на-

ша насущная задача, постановка которой нисколько не мѣняется, въ своемъ существѣ, отъ разныхъ варіантовъ на ту-же основную тему — разныхъ методовъ охраны нашими противниками основъ существующаго самодержавно-плутократическаго режима. Могутъ мнѣяться, конечно, конкретные объекты, болѣе непосредственно ощущающіе удары, направленные черезъ ихъ головы въ центръ правительственнаго защитнаго механизма — но вѣдь это только частности, относительно которыхъ никакія публичныя дискуссіи вести не приходится. Эти частности зависятъ отъ постоянно мѣняющихся условій времени, отъ той роли, которую то или иное лицо фактически играетъ въ общей экономіи системы правительственнаго боевого механизма, держащаго въ своихъ тискахъ страну. Пока органическая работа созиданія, накопленія и организаціи социалистическихъ силъ подавляется насильственными мѣрами, только глупцы могутъ ожидать, что на насилія правительства мы перестанемъ давать отпоръ силой. И обыватели, которые при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ готовы провозгласить славный лозунгъ: «надо погодить» — будутъ напрасно готовить себя излишній разочарованія, если будутъ съ нашей стороны ждать какого-либо иного отношенія къ событіямъ.

А впрочемъ... а впрочемъ, не излишни-ли все эти разговоры? Вѣдь если Тебенъковъ-Мирскій и помахалъ, какъ фокусникъ, вѣткой мира передъ наивнымъ обывателемъ, то онъ же заявилъ, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ онъ будетъ Божьимъ министромъ. Такъ, онъ нашелъ нужнымъ особо заявить — кратко, но тѣмъ болѣе вѣско: «мы будемъ бороться съ террористами». И, почему знать — не придется-ли, въ иные моменты этой борьбы, вспомнить худшія времена смѣннаго Тебенъковымъ и отошедшаго въ вѣчность Плѣшивцева?

На вопросъ о томъ, кто изъ нихъ лучше, покойный сатирикъ отвѣчалъ: «Но, по моему, они оба равно симпатичны. Правда, я достоверно знаю, что если Плѣшивцеву придется кого-нибудь преслѣдовать, то не мудроно, что онъ или на дыбу того человѣка вздернетъ, или на кострѣ изжаритъ. Но я знаю также, что если и Тебенъкову выдастся случай кого-нибудь преслѣдовать, то онъ тихимъ манеромъ, кроткими мѣрами... но все таки того человѣка изведетъ. Затѣмъ, если кто предпочитаетъ перспективу дыбы или костра перспективѣ тихаго и постепеннаго изведенія, или наоборотъ, — то это ужъ дѣло личнаго вкуса...»

Что касается насъ, — а мы имѣемъ дерзость думать, что можемъ въ этомъ вопросѣ смѣло говорить отъ лица всехъ боевыхъ элементовъ проснувагоса рабочаго народа, — то вкусы наши на этотъ счетъ довольно странны. Тотъ или другой соусъ, подъ которымъ насъ желаютъ зажарить и скушать, насъ — представьте себѣ — нисколько «не увеселяетъ». И такъ какъ всевозможные методы изведенія и оживанія насъ со свѣту намъ равно несимпатичны, то мы считаемъ дозволительнымъ одинаково энергично бороться противъ каждаго изъ нихъ. Только и всего, а потому — *vogue la galère!*

ИЗЪ ИТОГОВЪ ВОЙНЫ.

Облетѣли цвѣты, догорѣли огни... манчжурской кровавой трагикомедіи и православно-патріотическихъ восторговъ... Оргія общественнаго самопожрѣнія пришла къ концу. Оффиціальная вакханалія самохвалѣбныхъ звуковъ, лицемѣрныхъ лозунговъ и фальшивыхъ депешъ затихаетъ, уступая свое мѣсто трусливому отрезвленію и растерянности. «Die Lüge — говорятъ нѣмцы — hat kurze Beine», т. е. у лжи короткія ноги, а у всякой оффиціальной лжи и того короче. Потухли ослѣпляющіе огни взвинченнаго патріотизма, осыпались искруственные цвѣты полицейскаго энтузіазма, — и очнувшееся русское общество увидѣло вокругъ себя все ту же старенькую, убогую дѣйствительность, все тѣ же Авгіевы конюшни безправія, разврата и продажности.

Да, за похмѣлемъ послѣдовало отрезвленіе, и какое горькое отрезвленіе! Послѣднія событія на Востокѣ показали все превосходство японской народной культуры надъ россійскимъ оффиціальнымъ варварствомъ. Пресловутый «народный учитель» сыгралъ и подлѣ Лао-Янгомъ ту же роль, какую ему приписали тридцать съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ въ франко-прусскомъ столкновеніи. Но еще большую роль въ систематическихъ пораженіяхъ нашихъ войскъ сыграла «непролазная грязь» всеобщаго растлѣнія и дезорганизаціи, проникшихъ во все поры россійско-оффиціальнаго сферъ и грозя-

пишет этимъ послѣднимъ болѣе, чѣмъ всѣ жестокіе удары японской арміи, самымъ печальнымъ будущимъ. Это готова «почти» признать даже г-жа В. Тихомирова въ «Моск. Вѣд.», пишущая, что «мы были не готовы къ войнѣ не только въ военномъ, но и въ нравственномъ отношеніи». Да и какъ было ей (и ея почтенному «охранному» органу) не признать этого, если даже «одинъ изъ истинныхъ борцовъ Православія и Россіи», преосвященный Иннокентій, пребывавшій все это время на Дальнемъ Востоцѣ, въ самыхъ яркихъ краскахъ повѣдалъ міру о той моральной грязи, которая цѣлыми потоками вторгается теперь изъ Россіи въ когда-то мирныя и патриархальныя края Манчжуріи.

«Живя въ городѣ Дальнемъ,—пишетъ онъ, между прочимъ, (цитируемъ по «Моск. Вѣд.», №229), — я удивлялся и скорбѣлъ душой о той безнечности и непробудномъ разгулѣ, который царилъ тамъ наканунѣ самыхъ военныхъ событій... Впослѣдствіи, когда загремѣли пушки, всѣ пришли въ неописанный ужасъ: всѣ потеряли голову, все побѣжало». Но всякій разъ, какъ только смолкали на время «страшные раскаты орудій, народъ (?) пополнялъ непотребныя мѣста». «Я помню удручающую картину, — живописуетъ Иннокентій дальше, — когда были изъѣзжены изъ воды тѣла погибшихъ моряковъ на «Енисей», неоплаканныя, полунагія, лежавшія въ кучахъ, на подобіе дровъ, и въ тоже время красовались на улицахъ афиши, приглашавшія публику на танцевальныя вечера... Изъ Дальняго епископа переселился въ Харбинъ, и тамъ намѣтелъ еще худшую картину: «уличная непролазная грязь вполне гармонировала съ полной нравственной распущенностью города». Еще дайте тотъ же «борецъ православія» повѣствуетъ о «всеобщемъ разединеніи», о «цѣлыхъ полчищахъ публичныхъ женщинъ»... и т. д., и т. д.

Какъ недавно еще русскіе патриоты восторгались блестящимъ феерверкомъ трескучихъ фразъ о «культурѣ», «христіанствѣ», о «желтой опасности» и т. д. Но опять таки догорѣли огни... и къ ушамъ одурманенныхъ обывателей доносятся теперь трезвый голосъ ихъ же духовнаго «пастыря», гласящій: «Перѣѣзжая изъ новыхъ русскихъ городовъ въ китайскіе, невольно приходится убѣдиться въ нравственномъ перевѣсѣ послѣднихъ надъ первыми. Или: «такой грубый развратъ не могъ не вызвать въ туземныхъ жителяхъ отвращенія къ русскому человѣку, стремящемуся просвѣщать инородцевъ»... Что же касается самой арміи, то послѣднія — если вѣрять тому же неожиданно раздавшемуся пастырскому голосу — быстро и безжалостно сифилизируется: «8/10 всѣхъ больныхъ поражены секретными болѣзнями». Въ офицерствѣ парятъ трусость, недовольство, уныніе, усугубляемое къ тому же — и послѣднее для пастыря чуть ли не горше всего — платоническимъ кокетничаніемъ съ толстовскою моралью. Общій итогъ писаннаго нашего добродѣтельнаго пастыря гласитъ кратко: дезорганизация и деморализация, нравственная и физическая гангрена!...

Такъ одинъ изъ итоговъ первой стадіи «славной» русско-японской войны, закончившейся безчеловѣчными, душу возмущающими гекатомбами при Лиаонѣ. Спрашивается: какова будетъ вторая стадія? Общается ли она намъ возстановленіе «чести русскаго оружія», несетъ ли намъ образцы героизма и патристическаго самоотверженія, дастъ ли намъ лучшіе нравы?

Не надо быть пророкомъ, чтобы отвѣтить уже теперь на всѣ эти вопросы отрицательно. И въ самомъ дѣлѣ: кого можетъ еще воодушевить эта безмысленнѣйшая изъ войнъ, это преступнѣйшее преступленіе русскаго правительства? Теперь нѣтъ уже ни одного русскаго человѣка, который бы не уразумѣлъ, если не всего вреда, то всей безполезности этой чудовищной войны, и каждый сѣдующій день будетъ вразумлять его въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе. Свободная пресса проникаетъ теперь во всѣ углы и закоулки нашей родины, открывая ея бѣднымъ, одурманеннымъ обывателямъ глаза на всѣ преступленія царизма, на всю гибельность и безплодность начатой имъ войны. Но и наша подцензурная и подколотная пресса не способна уже болѣе внушать русскому обывателю «сузальское» настроеніе — она сама становится и поетъ... Даже рептильные органы «дружественной» иностранной прессы стыдятся въ послѣднее время объяснять всѣ наши пораженія какимъ то таинственнымъ «планомъ» Куропаткина и должны признать совершенную негодность его тактики и стратегіи. И когда одинъ изъ такихъ органовъ рѣшился на отчаянный шагъ и вздумалъ было объяснить недавній самоубійственный выходъ въ море Портъ-Артурской

эскадры, якобы послѣдовавшей «перемѣной морской базы», то на него обрушились съ насмѣшками и негодованіемъ. «Gil Blas» писалъ по этому случаю (цитируемъ по №15 «Листка Освобожденія»):

«Это бѣство «флота изъ Портъ-Артура, окрещенное вчера однимъ изъ нашихъ торжественно-настроенныхъ собратій деликатнымъ терминомъ «перемѣна морской базы», привело въ нѣсколько часовъ къ такому ослабленію русскаго флота, которое равняется почти полному уничтоженію.

«Вотъ вамъ — перемѣна базы... Развѣ нѣтъ арѣлща болѣе омерзительнаго, какъ видѣть, что кто-нибудь говоритъ своему другу, на котораго напало 5—6 человѣкъ, выбили ему уже одинъ глазъ, сломали пять-шесть зубовъ, вывихнули руку и сломали ногу: «Браво, пріятель, превосходно! Продолжай въ томъ же духѣ... Охъ, какъ они здорово вырываютъ у тебя оба уха!... такъ, такъ, надбавляя жару, ужъ имъ больше и дуть-то тебя не почемъ...»

«Отъ этого вѣтъ убійственной ироніи».

Всѣ такіе и другіе, подобные же имъ, моменты способны еще болѣе дезорганизовать русскую армію и обратить вторую стадію войны въ цѣлый рядъ еще болѣе (если это возможно) позорныхъ отступленій и пораженій. Недовольство въ рядахъ солдатъ усиливается. Мы уже сообщали немало фактовъ этого рода, и наши свѣдѣнія находятъ себѣ полное подтвержденіе въ корреспонденціяхъ и сообщеніяхъ другихъ органовъ свободной зарубежной прессы. «Солдаты, стоящіе въ Самарѣ, — пишутъ въ «Освобожденіи», — прямо грозятся черезъ-чуръ строгимъ офицерамъ местью въ Манчжуріи... Вообще ропотъ на начальство въ отправляющихся войскахъ былъ сильный». Не вспомнить ли при этомъ читатель о донесеніяхъ Куропаткина относительно чуть не поголовной гибели офицеровъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ, и не станетъ ли ему теперь нѣсколько понятнѣе это явленіе? Вотъ онъ, «патристическій духъ» въ войскахъ, ихъ жажда скорѣе «свести счеты съ врагами», о которой писали рептильные органы... «Для характеристики духа отправляющихся на театръ войны войскъ — читаемъ мы тамъ же — отмѣчу, что во время прохода солдатъ на самарскомъ вокзалѣ поднимался такой ревъ, что не выдерживали желѣзные нервы: плачутъ жены и дѣти отправляемыхъ, плачутъ родители ихъ, плачутъ голосомъ сами солдаты, плачутъ, наконецъ, не выдерживая этой сцены, и постоянные зрители. Картина потрясающая!...

Да, кошкѣ игрушки, мышь слезки! Такихъ слезъ проливаются теперь цѣлыя «рѣченки бездонныя», но имъ никогда не смыть всей «непролазной грязи» русскаго самодержавнаго режима съ лица земли родной; въ нихъ никогда не потопить безграничнаго народнаго горя: для этого нужны не слезы, даже не рѣки слезъ, а великій русскій потокъ социальнаго революціи! Духъ озлобленія и противленія, духъ личной отвѣтственности за все происходящее, духъ революціоннаго героизма да проникнетъ въ ряды всѣхъ этихъ плачущихъ и униженныхъ и разольется кровавымъ пожаромъ отъ Вислы до Амура и Ялу включительно, толкая всѣхъ этихъ отцевъ, женъ и дѣтей на подвиги революціоннаго протеста и внося въ ряды самого войска духъ заговора и пронуциamento! Не платоническихъ рыцарей двусмысленной толстовской морали желаемъ мы теперь русской арміи, а доблестныхъ эпигоновъ Пестеля, Муравьева, Гилькса, способныхъ поднять знамя возстанія, не доходя полей Манчжуріи, готовыхъ повернуть пушки противъ внутренняго врага, противъ «желтой опасности» русскаго буржуазно-самодержавнаго режима. Пусть хотя бы часть русскихъ войскъ пресытилась совершенно ненужными никому, кромѣ парской шайки, человѣческими гекатомбами, и двинулась въ новый, въ истинно-славный походъ во внутреннюю Россію для освобожденія ея отъ вѣковѣчной національной опречины и татарщины! Всякая, даже неудачная попытка въ этомъ родѣ дезорганизовала бы въ концѣ наши официальные сферы и нанесла бы непоправимый ударъ царизму.

И правительство чувствуетъ это. Въ «писемъ военнаго» изъ Мукдена, напечатанномъ въ 15 «Листкѣ Освобожденія», можно найти кое-какіе слѣды того страха, какимъ проникнуты наши правящія сферы по отношенію къ «неблагонадежнымъ элементамъ» крайняго Востока. «Изъ Петербурга — пишетъ онъ — все ѣдутъ новыя и новыя жандармы. Ими положительно наводнили и Забайкальскую, и Китайскую дорогу, и они чинятъ чисто-турецкія звѣрства. Все ищутъ революцію... Другой корреспондентъ той же газеты пишетъ: «Въ войскѣ царитъ духъ неудовлетворенности и отрицательнаго отношенія къ войнѣ... Многие офицеры прямо стараются не попасть

въ бой»... При такихъ условіяхъ надѣяться на побѣды русскихъ войскъ было бы болѣе, чѣмъ наивно. Одна лишь побѣда возможна еще для русской арміи, побѣда нравственная, а именно — рѣшительный отказъ отъ безчеловѣчной и бессмысленной войны, отъ холопскаго служенія самымъ темнымъ силамъ нашей родины. Такой отказъ былъ бы побѣдой истиннаго патриотизма надъ шовинизмомъ, побѣдой великой русской революціи надъ русскимъ варварствомъ...

Чего бояться вамъ, солдаты? Чего бояться и вамъ, лучшіе изъ офицерской среды? Неудачи? Но васъ ведутъ на неудачи, на позорныя пораженія. Казни? Но въ битвѣ подъ Мiao-Янгомъ побѣдители-японцы разомъ должны были похоронить свыше трехъ тысячъ русскихъ солдатъ и офицеровъ, и никакія, самыя свирѣпыя казни, въ случаѣ подавленія народнаго и солдатскаго возстанія, не сравнятся съ кровавыми гекатобами на Дальнемъ Востока. Разница только въ томъ, что на поляхъ Дальняго Востока вы гибнете, какъ обезчеловѣченныя машины, какъ слѣпое пушечное мясо, ради кровавой прихоти жалкаго коронованнаго ничтожества, — если же вы погибнете въ возстаніи, вы погибнете за великое дѣло, для торжества котораго никакая цѣна не дорога — за дѣло обновленія, возрожденія рабочей, народной Россіи, за дѣло освобожденія ея живыхъ, не убитыхъ, а лишь скованныхъ современнымъ режимомъ силъ... Погибнуть вы можете и здѣсь, и тамъ; но здѣсь, погубивъ тѣло, вы спасаете душу, а тамъ вы и душу свою губите въ той «непродолажной нравственной грязи», которую развело самодержавіе и о которой съ ужасомъ начинаютъ кричать даже столпы Россійской церкви, этого духовнаго чиновничества всероссійскаго...

Терять вамъ нечего — спасти же вы можете свою жизнь, свою честь, свободу и счастье народа!

Только подумайте: самые черствые люди не могутъ удержаться отъ слезъ, впечатлительныя натуры сходятъ съ ума отъ ужасовъ, которые приходится имъ видѣть въ больницахъ, амбулаторіяхъ, на поляхъ Дальняго Востока, гдѣ повелительница Смерть, на службѣ Николая Ничтожнаго, жатву жизни безжалостно и жестокосердно косить, косить и косить... а жалкій, царственный дегенератъ, этотъ послѣдышъ, этотъ ублюдокъ всѣхъ возможныхъ выродившихся династій, игрой въ карты и семейными радостями наполняющій пустоту своего животнаго прозябанія, становится въ позу и, копируя Александра I, провозглашаетъ всему міру, что «пока у него останется послѣдній солдатъ и послѣдній рубль въ государственномъ казначействѣ — т. е. послѣдній пятакъ въ дырявой мужицкой кошнѣ — до тѣхъ поръ онъ, царь, не перестанетъ отправлять людей на убой, не перестанетъ расточать народное достояніе, кровь народную «для поддержанія своего престижа»!

И это можно далѣе терпѣть? Или мы хуже послѣдняго пса, который изъ элементарнаго животнаго инстинкта когтями и зубами будетъ защищать свою жизнь? Или мы сами обречены на вырожденіе, на политическую и духовную смерть, — и коронованный нуль можетъ играть нашими жизнями въ карты и проливать кровь челоуѣческую до конца, не опасаясь самому въ ней захлебнуться?

«Лучше умереть какъ люди, чѣмъ жить какъ дикіе звѣри», — гласитъ одно изъ элементарнѣйшихъ требованій челоуѣческой морали. Вамъ же, Россійскіе воины, предстоитъ даже не жить, а умирать какъ дикіе звѣри. Стало быть, ни выбора, ни колебаній тутъ быть не можетъ...

Да здравствуетъ война противъ войны, война противъ внутреннего врага Россіи — царя и его опричниковъ!

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА

передъ судомъ социалистической прессы.

Подлежитъ ли террористическая тактика партіи социалстовъ-революционеровъ суду международнаго социализма? Имѣлъ ли право хотя бы, напримѣръ, послѣдній Амстердамскій социалистическій конгрессъ подвергнуть своему авторитетному контролю примѣненіе въ Россіи террористическихъ средствъ борьбы и постановить по этому вопросу обязательное для насъ рѣшеніе?

Вотъ вопросъ, который мимоходомъ выдвинутъ былъ Жоресомъ, вѣроятно, съ единственной цѣлью, чтобы внушить возможно большому числу національных социалистическихъ партій недоуменіе и опасеніе передъ вмѣшательствомъ — быть можетъ, неосторожнымъ — международныхъ конгрессовъ въ «домашнія» дѣла отдѣльныхъ странъ. Маневръ Жореса не тался. Взятый имъ примѣръ оказался очень неудачно вы-

браннымъ, ибо на данномъ примѣрѣ разграниченіе сферы компетенціи международныхъ и національных социалистическихъ конгрессовъ вырисовывается особенно ярко и рельефно.

Вопросъ о томъ, принять или отвергнуть террористическую тактику — для социалистической партіи естественно распадается на двѣ составныя части. Во первыхъ — допустима ли террористическая тактика принципиально, и во вторыхъ — допустима ли она съ точки зрѣнія цѣлесообразности, при данныхъ условіяхъ времени и мѣста. Первый вопросъ сводится вотъ къ чему: заключаетъ ли въ себѣ, по самому существу своему, террористическая тактика такіе элементы, которые не согласимы съ принципами международнаго социализма, которые рѣшительно противорѣчатъ его стремленіямъ и духу? Если бы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, то отсюда слѣдовало бы, что каковы бы ни были конкретныя политическія условія той или иной отдѣльной страны, о цѣлесообразности или не цѣлесообразности этой тактики не можетъ быть и рѣчи. Она ни при какихъ условіяхъ нецѣлесообразна, ибо недопустима по столь общимъ соображеніямъ, которыя высоко поднимаются надъ всякими преходящими мѣстными и временными комбинаціями, которыя перевѣшиваютъ на чашкѣ вѣсовъ всѣ возможныя минутныя выгоды, какъ бы непосредственно-осязательными ни были эти послѣднія.

Если же вывода о такой общей, абсолютной, принципиальной недопустимости террористической тактики не дѣлается, то приходится опредѣлить тѣ условія, при которыхъ такая тактика *принципиально допустима*, — что еще не значитъ непременно: выгодна, цѣлесообразна. Вопросъ о принципиальной допустимости, о согласованности террористической тактики съ основными принципами международнаго социализма — есть вопросъ, который полноправно и безапелляционно рѣшаетъ только международный социалистическій конгрессъ. Въ этой сферѣ — въ сферѣ установленія общихъ руководящихъ принциповъ социалистической тактики — рѣшенія послѣдняго обязательны, и оставляютъ для всякой партіи лишь два выхода: *подчиниться* или *удалиться*. Именно такъ. Всякой социалистической партіи, тактика которой оказалась въ противорѣчій съ установленными международными конгрессами нормами, остается лишь завѣсить: пожертвовать ли нѣкоторыми элементами своей тактики, чтобы сохранить свое мѣсто въ рядяхъ сложившагося социалистическаго Интернационала; или пожертвовать связью съ этимъ Интернационаломъ, чтобы сохранить цѣликомъ избранную ею тактику. Иного выхода нѣтъ, если рабочій Интернационалъ для насъ — не пустое слово.

Но рѣшеніе вопроса о принципиальной допустимости, при извѣстныхъ условіяхъ, какихъ либо — въ данномъ случаѣ террористическихъ — способовъ борьбы, не есть еще рѣшеніе вопроса о дѣйствительной выгоды, цѣлесообразности, своевременности ихъ примѣненія — не говоря уже о томъ, въ какомъ объемѣ, какого рода и противъ какихъ именно частей вражескаго лагеря признать нужнымъ употребленіе этихъ средствъ борьбы. Вся эта сторона вопроса предполагаетъ такое всестороннее знаніе мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, такой учетъ какъ собственныхъ силъ, такъ и силъ противника, такую оцѣнку вѣроятнаго поведения возможныхъ союзниковъ и вѣроятнаго оборота стихійнаго хода событій, что въ данной области компетентна — а потому и полноправно рѣшаетъ — лишь та самая національная социалистическая партія, которая дѣйствуетъ въ предѣлахъ данной страны, даннаго государства. Въ вопросахъ этого рода, мнѣніе социалистическихъ партій другихъ странъ, или хотя бы мнѣніе ихъ лидеровъ, имѣетъ лишь совѣтательное значеніе. Конечно, и совѣтательный голосъ крайне важенъ, и его нельзя игнорировать. Каждый совѣтательный голосъ обладаетъ извѣстнымъ авторитетомъ; но это авторитетъ чисто моральный, и вліяніе на дѣла онъ можетъ оказывать лишь косвенно — поскольку ему удастся или не удастся переубѣдить круги, призванные самостоятельно и полноправно рѣшать данные вопросы.

Понятно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, перспектива вмѣшательства интернациональнаго социализма, въ лицѣ одного изъ его конгрессовъ, въ русскіе споры о террористической тактикѣ, вопреки надеждамъ Жореса, напугать насъ нисколько не могла, и своей позиціи во всемъ вопросѣ объ интернациональномъ регулированіи, объ интернациональныхъ нормахъ политики отдѣльныхъ социалистическихъ партій мы не измѣнили. Да, великой идеей международной социалистиче-

ской солидарности не должно противопоставлять идею индивидуалистически-национальной особенности; да, великой круговой порукой, связывающей отдельные национальные отряды в одну международную революционную армию, живущую одним духом, исполненную одной надеждой, не может быть чужда тактика ни одной из органических составных частей этой армии. Пусть же по чьей бы то ни было, дружеской или вражеской, инициативе в программу занятий одного из будущих конгрессов войдет обсуждение вопроса о терроре, — мы смело примем спор о нем на платформе международного социализма. Тем более, что нам, в противоположность «жоресистам», с одной стороны, и русским марксистобразным софистам, с другой, нечего было бы бояться вмешательства революционного интернационала в наши домашние споры и его осуждения или одобрения. Света гласности и свободного, всестороннего обсуждения своей тактики с точки зрения общих принципов социализма наша партия не страшится. Она глубоко уверена в санкционировании ее тактики как совести, так и мыслью международного социализма, пока он останется верным своим лучшим революционным традициям. Если у тех или иных отдельных представителей современного социализма и замечается недоброе отношение к нам и нашей тактике, то причина его кроется или в недостаточном знакомстве со всем идейным характером нашей партии или же в знакомстве с ним на основании одних лишь басен и инсинуаций, распространяемых о нашей партии в иностранной, преимущественно — германской прессе нашими идейными противниками. Все эти сказки быстро развеялись бы при свете гласности интернационального конгресса, тем более что он *и теперь уже почти разблужился* благодаря одному лишь активному участию нашей делегации в Амстердамском съезде. Число легковых, полагавшихся всецело на отзывы об нас наших идейных противников, теперь быстро сокращается, и даже сам центральный орган германской социалдемократии, — т. е. наиболее недобриво относящийся к нашей партии, — берлинский «Vorwärts», по собственной инициативе, счел необходимым, как мы уже видели, противопоставить Плехановской статье против нас ильское мѣтихъ объективных поправок «от редакции», весьма огорчивших «Искру». Таким образом, еще одно-два усилия и партия наша встрѣтитъ со стороны международного социализма такое же отношение, какое раньше встрѣчали наши идейные отцы и предшественники — партия Народной Воли. Народовольчество, с его террористической тактикой, в свое время также было подвергнуто «обсуждению» самых светлых голов европейского интернационала, — *обсуждению*, но не *осуждению*. Напротив, Народная Воля, как известно, провозглашена была Марксом и Энгельсом «передовым авангардом международного социализма», играющим роль революционного фермента не только в одной России. Русский, народовольческий террор не только, как оказывается, не вредил делу русской и международной революции, не только не затемял «классового самосознания» рабочих, но, наоборот, — как писал даже Каутский в своей статье «Славяне и революция», — оказал «самое глубокое влияние на социалистическое движение всех культурных стран». Наряду с возстаніем и геройской смертью парижской коммуны, — говорит Каутский, — наряду со сказочным ростом германской социалдемократии, ничто не повлияло так плодотворно на социалистическое движение 70-х и 80-х годов, ничто не придало ему столько воодушевления и самоотверженности, как отчаянная борьба, которую безстрашно и подчас с величайшим успехом вела горсть русских революционеров против страшной силы самодержавия».

Европейский пролетариат понимал, таким образом, смысл и цель террористической борьбы в России, вдохновлялся ею, чувствовал ее связь даже со своим массовым движением.

Так было двадцать с лишним лет тому назад. Так это должно быть и сегодня. Так это и будет завтра же.

Уже и сегодня, послѣ событія 15-го іюля, замѣчается повсюду въ международном социализмѣ знаменательный поворотъ симпатій и интереса въ нашу сторону; уже и сегодня вся социалистическая пресса всех цивилизованных народов проявила нескрываемую радость и выразила восторженное изумление предъ самоотверженными борцами нашей партии по поводу ее новейшаго террористического акта. Правда, выражения такого изумления и такой радости въ некоторых

социалдемократических газетах сопровождались разными оговорками и резервами, окутывались въ форму одного лишь так наз. «морального сочувствия», которое не должно де смѣшивать съ принципиальным или политическим одобрением; но по всему видно, что въ основѣ всехъ такихъ оговорокъ и резервовъ лежить или какое-либо крупное недоразумѣніе, подчасъ даже явное незнаніе или непониманіе ни нашей цѣли, ни нашей тактики, или же идейная нерѣшительность, естественная при господствующихъ въ иныхъ западно-европейскихъ партіяхъ тенденціяхъ къ легализму, тенденціяхъ, сравнительно съ которыми, конечно, рѣзкимъ контрастомъ является наша террористическая борьба; или же, наконецъ, просто партійная предубѣжденность ихъ авторовъ, à priori уже склонныхъ держать, такъ сказать, сторону нашихъ политическихъ оппонентовъ — русскихъ социалдемократовъ. Но даже и эта нерѣшительность и эта пристрастная предубѣжденность не препятствуютъ тому, чтобы отношеніе всехъ этихъ западно-европейскихъ марксистскихъ органовъ къ нашей партіи и, въ частности, къ ее тактикѣ стояло несравненно выше того, которое проявляется систематически и упрямо идейными выразителями и руководителями російскаго социалдемократизма.

Нашъ обзоръ отзывовъ заграничной социалистической прессы мы начнемъ съ крайнихъ полюсовъ ее — съ органовъ какъ крайняго оппортунистскаго крыла, такъ и ортодоксально-марксистскаго крыла. Те и другие, по самому существу своему, разумеется, менѣе всего склонны одобрить нашу тактику съ должной рѣшительностью и послѣдовательностью. Органъ Бернштейна Das Neue Montagsblatt, начинаетъ свою замѣтку о террорѣ въ Россіи съ ряда оговорокъ самаго пошло-филистерскаго характера, назначеніе которыхъ — демонстрировать передъ всемъ буржуазнымъ міромъ глубину политической умудренности, умѣренности и аккуратности ихъ автора. Здѣсь и презрительные выходы по поводу «революціоннаго романтизма», и глубокомысленныя изреченія вроде того, что «жизнь своей пожертвовать счѣмѣтъ и каждый мамелюкъ», и тому подобныя сужденія съ высоты оппортунистскаго Олимпа о рѣшеніи сложныхъ вопросовъ общественности при помощи такихъ «грубыхъ» вещей, какъ кинжалъ, бомба и револьверъ. И однако... и однако, послѣ всехъ этихъ вступительныхъ пошлостей, которыя сдѣлали бы честь даже «Искрѣ», редакция вынуждена признаться, что Россія — статья особая, и что въ ней насильственно-революціонныя мѣры, столь нелюбимыя нѣмецкими оппортунистами, къ сожалѣнію, неизбежны... И вотъ почему относительно статьи Плеханова органъ Бернштейна заявляетъ, что былъ бы «вполнѣ съ ней согласенъ, если бы могъ руководиться въ данномъ вопросѣ одними только движеніями чувства. Но — читаемъ мы далѣе и просимъ читателя обратить на это мо особенное вниманіе, — но бываютъ въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдельныхъ лицъ, положенія, гдѣ мы принуждены дѣйствовать въ духѣ «первобытнаго состоянія природы», разъ только мы не хотимъ погибнуть. Это признаетъ даже сегодняшній законъ, устанавлиющій право необходимой самообороны. Переходитъ угнетеніе, нарушеніе правъ народа извѣстныя границы, тогда и здѣсь наступаетъ der Urstand der Natur; и такъ какъ сопротивленіе массъ противъ организованныхъ армій не такое ужъ простое дѣло, то можно будетъ, при такихъ условіяхъ, выступленіе единичныхъ лицъ въ качествѣ мстителей за поправное ногами право привѣтствовать въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ былъ издавна уже восхваляемъ сдѣланный — къ тому же еще изъ-за угла — выстрѣлъ Вильгельма Телля. И міръ всегда умѣлъ въ подобныхъ случаяхъ отличать, имѣлъ ли онъ дѣло съ однимъ голымъ актомъ произвола, или же съ дѣяніемъ, отразившимъ въ себѣ стихійное настроеніе всего народа. Дѣянія послѣдняго рода повтому отнюдь не всегда являются политически безслѣдными... Будь Бернштейнъ менѣе заботливъ о своей репутаціи «благоразумнаго» и «умудреннаго» политика, и слѣдуй онъ свободно логическому теченію этихъ собственныхъ мыслей, онъ говорилъ бы болѣе смѣлымъ и болѣе достойнымъ социализма языкомъ...

На другомъ полюсѣ социалдемократической прессы Запада, въ «Sozialdemokratische Zeitung-Korrespondenz» Парвуса, т. е. въ одномъ изъ ортодоксальнѣйшихъ и радикальнѣйшихъ (по-скольку это возможно въ тѣсныхъ рамкахъ ортодоксіи) органовъ Германіи, мы тоже не находимъ болѣе того догматическаго безусловно-отрицательнаго отношенія къ террору въ Россіи, которое отличало до сихъ поръ многихъ нѣмецкихъ

«ортодоксовъ». Парвусъ безъ обиняковъ говоритъ, что «всякій террористическій актъ въ Россіи дѣйствуетъ какъ избавленіе и подобно лучу надежды». Политическая система, правда, остается отъ этого нетронутой, — говоритъ онъ далѣе, — но гибель той или иной личности поднимаетъ все же чувство человѣческаго достоинства у всѣхъ униженныхъ и поработанныхъ и очищаетъ до извѣстной степени атмосферу всеобщей вынужденной подчиненности. «Каждый террористическій актъ всякій разъ показываетъ, что нельзя задуть въ народѣ стремленіе къ свободѣ...» Спрашивается, развѣ всего этого еще мало, чтобы включить терроръ въ число другихъ средствъ революціонной борьбы съ абсолютизмомъ? Политическая система, — говоритъ Парвусъ, — остается все же непоколебимой; но, вѣдь, то же самое можно сказать и о всякой отдѣльной демонстраціи, стачкѣ, о всякомъ, вообще, агитационномъ или пропагандистскомъ средствѣ современной революціонной борьбы въ Россіи. Каждое изъ этихъ средствъ конечно, не способно разрушить системы, но нашу партію менѣе всего, кажется, можно упрекнуть въ тактической односторонности. «Терроръ — говоритъ далѣе Парвусъ, отдавая дань позабытой было имъ ортодоксіи — изолируетъ себя отъ массъ, остающихся лишь зрителями...» Но зачѣмъ же массамъ оставаться *только* зрителями? Почему бы имъ не откликаться на террористическіе акты сочувственными демонстраціями? Развѣ терроръ мѣшаетъ этому? Напротивъ, помогаетъ, хотя бы уже однимъ тѣмъ, что — по словамъ Парвуса — «поднимаетъ чувство человѣческаго достоинства у всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ» и очищаетъ «атмосферу всеобщей подчиненности». Кто же мѣшаетъ вспыхнуть активности массъ новымъ пламенемъ именно въ такіе моменты? Да тѣ же «революціонные» противники террора, которые боятся, чтобы массовая поддержка не усилила значенія террористическихъ актовъ; которые не отступаютъ ни передъ какими средствами, чтобы уменьшить силу впечатлѣнія этихъ актовъ, (клеветническія выходки въ дѣлѣ Балмашева — лучшее тому свидѣтельство); которые всячески стараются подорвать престижъ силы террористической организаціи; которые, наконецъ, всячески стараются увѣрить рабочихъ, что терроръ — чуждое для нихъ дѣло. А, сдѣлавъ все для того, чтобы воодушевляющее дѣйствіе террора на массы не имѣло серьезныхъ революціонныхъ послѣдствій, они послѣ этого имѣютъ еще мужество террору, какъ таковому, ставить въ вину то, что массы остаются лишь зрителями! Но подобные маневры шиты слишкомъ бѣлыми нитками, и готовность Парвуса поддѣлывать въ этомъ пунктѣ русскимъ социалдемократамъ не дѣлаетъ чести его проникательности. Однако, всѣ эти маневры годятся только до поры, до времени! Съ своей стороны, мы безъ сомнѣнія постараемся о томъ, чтобы массы впредь не оставались въ своей пассивной роли въ подобные моменты русской жизни, и мы убѣждены, что нашъ голосъ не останется «гласомъ вопіющаго въ пустынь». Тѣмъ болѣе, что самъ Парвусъ охотно признаетъ внутреннюю «идеальную» связь между террористической тактикой нашей партіи и «всеобщимъ политическимъ настроеніемъ въ странѣ». «*Терроръ въ Россіи былъ бы невозможенъ, не имѣлъ онъ за себя общественнаго мнѣнія*», — говоритъ Парвусъ. Понимаетъ ли Парвусъ всю глубокую важность своихъ словъ, все ихъ угрожающее значеніе для родственной ему по духу, но глухо запирающейся отъ новыхъ запросовъ жизни, русской соц.-дем. партіи?

Горе той партіи, которая начинаетъ терять внутреннюю духовную связь «со всеобщимъ политическимъ настроеніемъ въ странѣ»!...

Но еще большія симпатіи къ нашей тактикѣ мы встречаемъ въ пѣломъ рядѣ органовъ, занимающихъ болѣе независимое положеніе по отношенію какъ къ ветхозавѣтно-ортодоксальному радикализму, такъ и къ ревизионистскому оппортунизму, — а именно въ берлинскомъ Vorwärts'ѣ, въ центральномъ органѣ австрійской социалдемократіи Arbeiter Zeitung, въ центральномъ органѣ итальянской социалистической партіи Avanti!, въ брюссельскомъ Peuple'ѣ, въ парижской Action, въ Женевскомъ Peuple de Genève и т. д. Отзывы этихъ газетъ, полные энтузіазма и глубокаго уваженія къ борцамъ нашей Боевой Организациі, приведены уже своевременно въ другомъ мѣстѣ (см. Летучій Листокъ Рев. Россіи № 4), и потому мы не станемъ останавливаться на нихъ подробно. Характерно въ особенности то мѣсто брюссельскаго Peuple'я (№ 212), гдѣ «запрещается» называть борца, отъ руки котораго пал Плечетъ, *убійцей*: это «одинъ изъ тѣхъ судьбъ, которые, жертвуя собою для блага общаго, заставляютъ тиранію одаться и завоюютъ

для страны свободу». «Да, — продолжаетъ далѣе тотъ же центральнѣйшій органъ бельгійской рабочей партіи, — да, если бы мы были въ Россіи, мы бы стояли рядомъ съ неизвѣстными героями, которые, съ спокойнымъ самоотверженіемъ, пожертвовавъ заранее своею жизнью, рѣшили не отступать ни передъ чѣмъ, чтобы свергнуть тиранію». На «глубокомысленныя» заявленія политикановъ «Искры», что де террористическая борьба противъ отдѣльныхъ лицъ не колеблетъ самой «системы», можно отвѣтить словами центрального органа австрійской рабочей партіи «Arbeiter Zeitung»: «подобныя покушенія несомнѣнно способны ослабить насильственный строй, расшатывать его самоуверенность, приводить въ замѣшательство его организацію... Правда, та же газета, считаетъ необходимымъ, тутъ же сдѣлать оговорку, что де эти покушенія несутъ съ собой опасность зарожденія суевѣрія, будто «одно измѣненіе персонала въ деспотическомъ правительствѣ играетъ рѣшающую роль въ борьбѣ за будущее народа». Но всякій видитъ, что это возраженіе, во первыхъ, основано на полномъ незнакомствѣ съ русскими революціонерами, приобѣгающими къ террору; только наивные люди, только совершенные дѣти въ политическомъ смыслѣ способны смѣивъ одного лица въ правительствѣ другимъ приписывать «рѣшающую роль» въ опредѣленіи будущаго, а русскіе революціонеры никогда такими дѣтьми не были. Во вторыхъ, это возраженіе не по существу: оно имѣло бы еще смыслъ при отсутствіи всей нашей современной агитационной и пропагандистской работы въ разныхъ слояхъ народа, вполне предохраняющей движеніе отъ вышеупомянутаго суевѣрія и разъясняющей, почему терроръ есть оружіе борьбы, предлагаемое не *вмѣсто* другихъ средствъ напора на правительство, а *вмѣстѣ* съ ними, почему самая сила и вліяніе террористическихъ дѣйствій прямо пропорціональна силѣ одновременнаго массоваго напора на существующій режимъ.

Но, наиболѣе знаменателенъ тотъ поворотъ симпатій въ нашу сторону, который обнаружился въ послѣднее время въ центральномъ органѣ германской рабочей партіи, въ Vorwärts'ѣ. До сихъ поръ онъ не *успѣвалъ* помѣщать на своихъ столбцахъ какія либо замѣтки или реплики, илущія съ нашей стороны, или даже собственныя соображенія, клонящіяся, хотя бы въ самой скромной степени, въ нашу пользу, — объ этомъ, какъ извѣстно, постарался въ свое время самъ Августъ Бебель, по спеціальному ходатайству Георга Плеханова, — и вотъ, вдругъ, тотъ же Vorwärts нарушилъ запрещеніе и сопроводилъ новое Плехановское произведеніе о «соціалдемократіи и терроризмѣ», помѣщенное въ № 187 этой газеты, интереснымъ «примѣчаніемъ отъ редакціи». Чтобы понять содержаніе этого примѣчанія, надо знать, хоть вкратцѣ, содержаніе Плехановской статьи. Впрочемъ, содержаніе это незатѣливо и скроено по обычному шаблону «искровскихъ» статей противъ нашей партіи. Называя насъ «социалистами-реакціонерами», авторъ ея пытается увѣрить нѣмецкаго читателя, будто у насъ, въ Россіи, «терроризму симпатизируютъ лишь тѣ, кто потерялъ вѣру въ массовое движеніе»; будто терроръ, не подорывая самой системы абсолютизма, влечетъ за собой всякій разъ еще худшую реакцію и тѣмъ затрудняетъ агитационную и пропагандистскую работу въ массахъ; далѣе, онъ упрекаетъ социалистовъ Запада, «хотя и не признающихъ террора въ качествѣ средства политической борьбы, но говорящихъ о террористахъ, какъ о герояхъ par excellence», тогда какъ въ дѣйствительности дѣятельность агитатора и пропагандиста требуетъ при русскихъ условіяхъ «значительно большаго самоотверженія» и т. д., и т. д. Бѣлые нитки, которыми была шита эта болѣе чѣмъ неумная статья, бросились въ глаза даже редакціи Vorwärts'a — чаша терпѣнія послѣдней, повидимому, переполнилась, — и вотъ почему редакція рядомъ оговорокъ, вѣжливо, но твердо сыпала съ себя отвѣтственность за содержаніе статьи г. Плеханова.

Такого реприманда «Искра», очевидно, не ожидала и теперь меланхолически объясняетъ тотъ фактъ, что Vorwärts «оспариваетъ» данную В. Г. Плехановымъ характеристику нашихъ социалистовъ-революціонеровъ и ихъ тактики «ничѣмъ инымъ, какъ «царлищимъ» въ Европѣ незнакомствомъ съ русской жизнью» (№ 187). Это послѣднее объясненіе особенно великодушно. Да, дѣйствительно, многіе западно-европейскіе социалисты — особенно же нѣмецкіе социалдемократы — мало знакомы съ русскими дѣлами; но они мало съ ними знакомы именно потому, что ознакомлялись съ ними до послѣдняго времени крайне односторонне, почти исключительно изъ русскихъ социалдемократическихъ источниковъ. Но если *несмотря* на

это одностороннее знакомство, самостоятельная мысль наших имбецильных товарищей успевает подняться над тенденциозными извращениями нашей революционной физиономии, успевает из дѣл наших болѣе или менѣе вѣрно угадать истинную нашу революционную физиономию — что остается дѣлать теперь нашимъ неудачникамъ? Что имъ дѣлать, когда наша партія получаетъ цѣлый рядъ новыхъ путей онакоими европейскихъ товарищей съ нашей программой и тактикой?

Ну, что-ж! пусть еще попутаются эти слишкомъ далеко зашедшіе распространители завѣдомой для нихъ самихъ двуединой неправды-несправедливости и неправды-лжи, пусть еще разъ попытаются своего счастья. Пусть еще разъ Георгъ Плехановъ совершитъ поѣздку въ Цюрихъ къ Бебелю, пусть вновь станетъ жалобно просить его сдѣлать надлежащее внушение Vorwärts'у за его дерзкое ослушаніе и поддерживать российскую социалдемократическую партію въ «и безъ того трудной борьбѣ съ социалистами-революционерами». Мы же будемъ неуклонно идти своей дорогой, какъ шли и до сихъ поръ, не обращая вниманія на клеветы нашихъ соперниковъ по влиянію на рабочія массы, и на встрѣчу новымъ гоненіямъ и новымъ жертвамъ, но и новымъ побѣдамъ надъ царскимъ абсолютизмомъ...

Не помѣшала «Искра» усиленію интереса и симпатій къ нашей партіи со стороны всѣхъ революционныхъ партій Запада, не помѣшаетъ она усиленію политическаго влияния и росту нашей партіи въ самой Россіи. Въ статьѣ своей: «Терроръ и массовое движеніе» (№ 70), написанной по поводу убійства Плеве, передовикъ «Искры» говоритъ, между прочимъ, что «каждый террористическій актъ долженъ дать намъ новый поводъ разяснять пролетариату и другимъ революционнымъ общественнымъ элементамъ нелесообразность террора, какъ метода политическаго борьбы для партій народныхъ массъ». Но вотъ замѣчательно, что чѣмъ болѣе российскіе социалдемократы «разясняютъ» всѣмъ революционнымъ элементамъ нелесообразность террора, тѣмъ болѣе симпатіи къ нему усиливаются, тѣмъ болѣе общественное мнѣніе всей Россіи — какъ сознается Парвусъ — склоняется въ пользу террористовъ и санкционируетъ ихъ боевые акты. Не имѣемъ-ли мы поэтому здѣсь дѣло съ «напрасной тратой» русскими социалдемократами «драгоценной энергіи», — тратой, «отвлекающей силы» и «отрывающей партію отъ массъ», въ которой «Искра» обвиняетъ сторонниковъ террористическихъ средствъ борьбы? И не эта-ли безцѣльная трата силъ, вмѣсто того, чтобы деморализовать и дезорганизовать насъ, внесла дезорганизацию и деморализацию въ лагерь нашихъ идейныхъ противниковъ?

«Искра» поступила-бы умнѣе, еслибы совсѣмъ прекратила «трату драгоценной энергіи».... Тѣмъ болѣе, что она, очевидно, истощила всѣ свои аргументы и собираетъ послѣднія, жалкія крохи, которыя стыдно поднести даже въ видѣ подаанія нищему. И плоско, и не ново...

Новы развѣ лишь тѣ «невольныя признанія», которыя мы нашли въ настоящей статьѣ «Искры» противъ террора, и которыя еще болѣе разоблачаютъ всю чисто-доктринерскую искусственность ея основной аргументаціи. Люди, подготовившіе и совершившіе покушеніе, уже не зовутся здѣсь болѣе — ни «авантюристами», ни «реакционерами», а наоборотъ — «мужественными революционерами»; ихъ уже не обвиняютъ въ кражѣ мертвыхъ тѣлъ и въ козыриньи таковыми; далѣе, «совершенныи въ трудную для самодержавія минуту, — чистаемъ мы тамъ-же, — этотъ актъ (т. е. убійство Плеве) можетъ внести и, навѣрное, внесетъ сильную деморализацію въ ряды правящей клики и подниметъ настроеніе протеста въ кое-какихъ... общественныхъ кругахъ»; еще далѣе, «пролетаріатъ встрѣтитъ съ чувствомъ непосредственнаго удовлетворенія извѣстіе, что бомба революціонера убила человѣка, отвѣтственнаго за кровь многихъ тысячъ пролетаріевъ» и т. д. Казалось-бы, чего-же лучше: одна лишь бомба, одинъ лишь террористическій актъ оказывается способнымъ и дать нравственное удовлетвореніе российскому пролетариату, и «сильно» деморализовать его заклятаго врага — самодержавное правительство, и поднять духъ протеста въ разныхъ слояхъ общества!

Съ точки зрѣнія передовика «Искры», однако, все это, въ сущности, «плевое» дѣло. Взять хотя бы эту самую деморализацію, вносимую терроромъ въ ряды правительства. За чѣмъ она? Нѣтъ никакой нужды въ лишннихъ дезорганизационныхъ актахъ — генералъ Куроки и адмиралъ Того заботятся о томъ, чтобы ихъ было достаточно, а генералъ Куропаткинъ и адм. Алексѣевъ самоотверженно

принимаютъ на себя скорѣйшую передачу этихъ дезорганизаторскихъ толчковъ по назначенію... Такимъ образомъ, «въ лучшемъ случаѣ — заключаетъ «Искра» — терроръ является напрасной тратой драгоценной энергіи».

О да, зачѣмъ дѣйствовать революционными бомбами! Подождемъ, не приведутъ ли къ паденію самодержавія японскія торпеды...

Какъ хорошо, однако, что мы живемъ не въ мирное время, а во время войны на дальнемъ Востокѣ! Вѣдь иначе у насъ не было бы этого спасительнаго «японскаго» аргумента! Намъ не на кого было бы свалить одну изъ элементарнѣйшихъ обязанностей революціонера!

Таковъ первый argumentum desperationis передовика центрального органа российской социалдемократической рабочей партіи — настоящій фокусъ-покусъ діалектическаго жонглера, способнаго въ одно мгновеніе она совершать самыя невѣроятныя логическія метаморфозы. Но такими фокусами импонируютъ въ средѣ, привыкшей самостоятельно судить и мыслить. И замѣчательно, что та же «Искра», въ той же своей статьѣ, гдѣ на Куроки и Того возлагается миссія дезорганизации правительства и деморализации его агентовъ, упрекаетъ не себя, а насъ въ томъ, что мы «возлагаемъ всѣ свои надежды на такое измѣненіе современнаго режима, которое явится результатомъ вынужденной внѣшними обстоятельствами безболѣзненной передачи политическаго наслѣдія Николая Романова Стаховичу и К^ю».

Какъ?! Люди, ищущіе только, какъ бы отдѣлаться отъ трудной революционной обязанности, люди, которые рады свалить ее со своихъ плечъ хотя бы на плечи Куроки и Того, и «козыряющие» противъ насъ именами японскихъ полководцевъ — эти самыя люди насъ же обвиняютъ въ пассивной, жалкой, дряблой надеждѣ на то, что «внѣшнія обстоятельства» сдѣлаютъ вмѣсто насъ, что требуется!

Поистиннѣ, трудно лучше иллюстрировать поговорку: съ больной головы да на здоровую!...

Но послушаемъ еще дальнѣйшую аргументацію «Искры», аргументацію противъ... своихъ же собственныхъ, отмѣченныхъ нами выше, признаній. Терроръ... да, онъ деморализуетъ и дезорганизуетъ, — говорится въ означенной статьѣ, — онъ могъ бы имѣть даже агитаціонное значеніе, но «такіе новые дезорганизаторскіе удары только усложняютъ наше дѣло. Мы, революционеры, — жалобно поетъ «Искра», — не можемъ агитаціонно использовать» уже имѣющіеся матеріалъ, «даваемый намъ крупнѣйшими фактами повседневно совершающагося процесса разложенія самодержавія», а потому «искусственно вызывая новые поводы для такой агитаціи значить, опять таки, только еще болѣе затруднять свою собственную задачу»... Словомъ, больше ударовъ самодержавію — намъ больше работы по ихъ использованию; а мы и съ этой, какая теперь есть, не справляемся; пусть же будетъ меньше этихъ ударовъ... Браво, браво! Сколько ума, сколько логики, сколько политической мудрости! Второй аргументъ — если только это возможно — еще лучше перваго, «японскаго аргумента». Терроръ не нуженъ, ибо онъ даетъ слишкомъ много поводовъ для агитаціи; невѣста нехороша, потому что она слишкомъ красива!

* * *

Ну, а почему мы не использовали достаточно и тѣхъ агитаціонныхъ поводовъ, которые уже имѣются? На этотъ вопросъ передовая статья «Искры» — къ чести ея да будетъ сказано! — прямо и откровенно приписываетъ вину въ такой трагическій отсталости агитаціи отъ новыхъ запросовъ жизни — самой своей партіи, ея внутреннимъ раздорамъ и ея сравнительному бездѣйствію. «Наша партія — говоритъ она — ...еще менѣе, чѣмъ въ предшествующіе критическіе моменты, выполнила все то, чего вправѣ былъ ожидать отъ нея пролетаріатъ». Но въ такомъ случаѣ вините же себя и только себя, а не терроръ, якобы затрудняющій и осложняющій ваши задачи. Не будь у васъ вѣчныхъ внутреннихъ раздоровъ — а вы сами сѣяли вѣтеръ, сами же за то и пожинаете бурю — хотя ваши раздоры и разрозненность могутъ быть названы такъ только въ смыслѣ «бури въ стаканѣ воды», — не были бы вы вынуждены пожинать теперь отравленные плоды вашей «работы» — не было бы и такого обилія накопленнаго и неиспользованнаго вами агитаціоннаго матеріала, а наши террористическіе акты могли бы тогда явиться для васъ новымъ благодарнымъ матеріаломъ для массовой «экстазиации». Тѣмъ болѣе, что вы же сами, въ концѣ кон-

цовъ, пишете, все въ той же статьѣ: «Въ политической обстановкѣ данного момента удачно проведенный террористическій актъ можетъ вызвать такое передвиженіе фигуръ на государственной сценѣ, которое само по себѣ дастъ богатый матеріалъ для серьезной политической агитаціи, приучающей пролетаріатъ ориентироваться въ общественной жизни и закаляться для рѣшительной борьбы активнымъ выступленіемъ въ ней.»*)

Спрашивается: не означаютъ ли эти слова опять таки вполне опредѣленнаго признанія за терроромъ извѣстнаго политическаго значенія, извѣстной пользы для массоваго революціоннаго движенія?

Нѣтъ, не означаютъ, — говоритъ «Искра», — ибо все это, видите ли, лишь одна сторона дѣла, не исчерпывающая всего вопроса. А если посмотреть съ другой стороны, то окажется, что терроръ имѣетъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ его политической задачи, что историческимъ опытомъ подтвержденная объективная тенденція террористической борьбы въ Россіи заключается въ толканіи самодержавія въ объятія къ либераламъ, и что поэтому партія соц.-рев. «беретъ на себя самоотверженную роль загонщика на службѣ у либеральнаго общества», и т. д., и т. д., словомъ, ничего, кромѣ вреда, терроръ, въ общемъ итогѣ, не приноситъ.

Вотъ тебѣ и разъ! «Искра» изображаетъ изъ себя, однако, съ большимъ искусствомъ двуликаго Януса. Въ одно и то же время устами Плеханова въ Vorwarts'ѣ она ставитъ въ вину террору то, что онъ загоняетъ самодержавіе въ крайности реакціи; и въ то же самое время, устами своего передовика въ № 70, она ставитъ въ вину террору, что онъ загоняетъ самодержавіе въ объятія либерализма. Непоможно не выжется все это между собою... Но «Искрѣ» вѣдь и не нужно, чтобы выжало: въ одномъ она увѣряетъ нѣмцевъ, въ другомъ — русскихъ...

Что за удивительная аргументація! Оба эти положенія въ столь общей формѣ, отдѣльно взятые, разумѣется, несостоятельны. Они введены лишь для того, чтобы запутать самую элементарную и очевидную истину. Конечно, всякая опасность побуждаетъ самодержавіе или бѣшено бросаться въ крайности реакціи, или идти на такія уступки, которыя бы обезпечили ему союзниковъ противъ революціи — хотя бы въ лицѣ умѣренныхъ либераловъ. Но вѣдь если мы хотимъ, чтобы изъ-за насъ правительство не вздумало ни удариться въ реакцію, ни заигрывать съ либералами, то намъ не терроръ только нужно бросить — намъ нужно бросить всякую борьбу, намъ нужно перестать быть революціонерами... и, подобно русскимъ либераламъ, ждать не только «дезорганизаціи правительства», но и всего обновленія Россіи не отъ собственныхъ силъ, а отъ чего нибудь вродѣ... японскихъ торпедъ — отъ «труса, глада, огня, меча, нашествія иноплемennыхъ»... Но горе той партіи, которую логика ея поведенія влечетъ въ эту сторону. Ея революціонная безсилія и безплодія надолго не прикроетъ никакая революціонная фразеологія и никакое пережевываніе «съ ученымъ видомъ знатока» азбучныхъ истинъ вродѣ необходимости организоваться, пропагандировать, агитировать, и даже демонстрировать... Вмѣсто дѣйствительной революціонной жизни ей придется все болѣе и болѣе создавать себѣ призрачную жизнь въ видѣ шумныхъ расколовъ изъ-за выгденнаго яйца, въ видѣ столкновеній маленькихъ диктаторовъ, изъ которыхъ каждый «мнитъ, что онъ въ подсолнечной гремѣть — а онъ дивитъ свой только муравейникъ», — словомъ, въ видѣ всевозможныхъ искусственныхъ «буръ въ стаканѣ воды»... Но удѣлъ, къ которому неизбѣжно влечется партія, ставшая на эту дорогу — есть политическое ничтожество...

«Мы — пишете «Искра» — еще не утратили влияния на всѣ недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего влияния уже сужился относительно за послѣдніе годы». Знаменательное признаніе! И нелегко было констатировать этотъ фактъ фракціи, которая еще недавно угрожала немедленно смести насъ съ лица земли, такъ, чтобы мы погибли, «аки Обры, ихъ же нѣсть племени и слѣда»; фракціи, каждый изъ лидеровъ которой своевременно упражнялъ на насъ свои истребительныя способности, и своевременно же

«изъ Геркулеса становился Омиромъ и самъ летѣлъ трубить свои побѣды по лѣсамъ». И въ результатѣ... горькое, неизбѣжное признаніе, предтеча еще болѣе горькихъ признаній...

Завидный итогъ! Немудрено, что эти мильтиадовскіе лавры не даютъ спать и маленькому Фемистоклосу изъ «Вѣстника Бунда». Какъ ни избобрѣтательна была «Искра» со своими ортодоксальными аргументами, до «японскаго» включительно, но «Заграничный Комитетъ Бунда» превзошелъ ее въ ортодоксіи.

Видали ли вы, читатель, людей, мыслящихъ, такъ сказать, кверху ногами? Нѣтъ, вы не видали людей, мыслящихъ кверху ногами. А если не видали, то загляните въ № 4 «Вѣстника Бунда».

До сихъ поръ люди, предпочитавшіе мыслить въ своейственной вообще человѣку позѣ — головой вверхъ, ногами внизъ — относительно террора говорили такимъ образомъ. — Какъ люди, по человѣчеству, мы, конечно, питаемъ отвращеніе къ крови, къ убійству; и только суровая политическая необходимость, только желѣзные законы неизбѣжной войны съ народными врагами заставляютъ насъ преодолѣть это естественное человѣческое чувство, и — *salus populi suprema lex*, — чтобы воздвигнуть алтарь народной свободы, пролить кровь народныхъ враговъ, въ то же время купить свободу своею собственною кровью.

Такъ, естественно, рассуждали до сихъ поръ. Не такъ рассуждаетъ «Вѣстникъ Бунда».

«Мы не сомнѣваемся — пишетъ онъ — въ томъ, что убійство Плеве не имѣетъ никакого серьезнаго политическаго значенія». Но, тѣмъ не менѣе, констатируя общій «взрывъ ликованія, которымъ сопровождалась его смерть», органъ Загран. Комитета Бунда прибавляетъ: «Мы присоединяемся къ этому ликованію. «По человѣчеству» рады мы, какъ люди, получившіе нравственное удовлетвореніе. «По человѣчеству» же отдаемъ мы должное и той ловкости, съ какой было организовано покушеніе, и героизму его исполнителя. «По человѣчеству». Но не больше! Одно дѣло — субъективное, моральное удовлетвореніе; совсѣмъ къ другой области относится политическая оцѣнка факта».

...И мы невольно переносимся на устланную обломками площадь близъ Варшавскаго вокзала. Подбѣжавшій однимъ изъ первыхъ къ самому мѣсту трагедіи одинъ изъ товарищей, съ сжавшимся сердцемъ, могъ разглядѣть, какъ только разбѣлся дымъ, слѣдующую, навсегда вѣзавшуюся въ его сердце, картину:

«Шагахъ въ четырехъ отъ тротуара, почти противъ подъѣзда Варшавской гостиницы, опираясь лѣвой рукой о землю, подулелжалъ залитый кровью товарищъ изъ Боевой Организаци. Кровь струилась по его лицу и по форменной желѣзнодорожной тужуркѣ, и у ногъ сливалась въ сплошную багряную лужу. Саженьхъ въ двухъ отъ него, ближе къ Обводному мосту, почти по срединѣ улицы, лежалъ совершенно изуродованный трупъ выброшеннаго силой взрыва изъ кареты министра. Еще дальше — трупъ кучера Филлипова». ... И, хотя взрывчатая сила снаряда была рассчитана на ограниченный, строго необходимый районъ разрушенія, однако все таки — *à la guerre comme à la guerre* — пострадали — хотя и не серьезно — еще кой какіе случайные прохожіе. ... А полиція уже суетилась, оцѣпляла мѣсто, и, подъ руководствомъ жандармовъ и слѣдователей, искала жертвъ для рисуемыхъ въпередъ мрачными слухами висѣлицъ...

Да, «по человѣчеству» не легко вступить твердою стопою на этотъ тернистый путь; тяжело и занести руку на человѣка, кто бы онъ ни былъ, и еще болѣе тяжело глядѣть, какъ одинъ за другимъ уходятъ туда, откуда нѣтъ возврата, товарищи — и какіе товарищи! проливается кровь — и порой какая святая кровь!.. И не всегда боль и раны сердца легко утишить даже мыслью о томъ, что эта кровь, эти жертвы — не пропадутъ напрасно, что «есть времена, есть цѣлые вѣка, въ которые нѣтъ ничего нужнѣе, желаннѣе — терноваго вѣнка»; что «капли крови ихъ горячѣе, какъ искры вопыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта!»

И вотъ, являются люди, которые утверждаютъ, что это утѣшеніе — миражъ, фантомъ. Они навѣрное знаютъ — вѣдь всѣ убѣжденія ихъ «научны», — что вся эта тяжелая, кровавая трагедія у Варшавскаго вокзала — есть чистѣйшій нуль въ политическомъ смыслѣ; но за то — за то! — у нихъ, кромѣ «научности», есть еще и «человѣчность»; и вотъ, глядя на людей, напрасно загубившихъ жизнь свою и цѣною нрав-

*) Немного выше мы читаемъ еще болѣе опредѣленное заявленіе: «наша партія должна использовать ихъ (т. е. террористическіе акты) въ интересахъ приближенія всенароднаго возстанія противъ нынѣшняго порядка».

ственных страданий преодолѣвшихъ естественное чувство отвращенія отъ крови и убійства, эти господа «по человѣчеству» ощущаютъ «острое чувство радости и моральнаго удовольствіе» отъ трагическаго событія у Варшавскаго вокзала.... Какая сложность и утонченность интеллектуальной организации! Какая нравственная чуткость... недостижимая и непостижимая для насъ, простыхъ смертныхъ!

Почему же, спрашивается, не имѣетъ политическаго значенія террористическій фактъ? Даже Загр. Комитетъ Бунда теперь уже говоритъ о «минутномъ замѣшательствѣ», которое «удачное покушеніе можетъ вызвать въ рядахъ правящей клики». Но дѣло въ томъ, что «не стоятъ еще наготовѣ тѣ общественныя силы, которыя одні лишь могутъ совершить дѣйствительный общественный переломъ». «Трагично то, что не сплотились еще рабочіе батальоны», «разрозненна наша армія, разбросаны революціонныя кадры, не мобилизованы резервы».... Да, трагично. Но если элементы, работающіе, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, надъ поддержаніемъ, даже надъ обостреніемъ этой разрозненности, и не собираются прекращать своей работы даже въ самый критическій моментъ народной жизни, не воспользоваться которыми для нанесенія удара врагу — преступленіе, — неужели вы думаете, что для насъ это будетъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы послѣдовать славному кличу, освященному еще щедринскимъ Глумовымъ, «надо погодить»? Нѣтъ, и тысяча разъ нѣтъ! Пусть зовутъ къ насущной, неотлагательной борьбѣ не только слова наши, но и дѣла, и мы глубоко вѣримъ, что эти дѣла будутъ звучать еще громче словъ боевымъ лозунгомъ: «vivos voco!»

И «живъ человѣкъ» откликнется.... Откликнется, ибо боевой кличъ заставляетъ зашевелиться даже тѣхъ, кто старательно и не безъ успѣха мертвилъ въ себѣ душу живу, здоровое революціонное чувство и жажду смѣлаго почина уводящими, затрепанными, обвѣшанными формулами заученной догматики....

Уже не мало сторонниковъ этой догматики, «наспунивъ бровь, наморщивши чело», перебирали всѣ стороны возможнаго вліянія террористическихъ актовъ, чтобы ихъ раскрыть и отвергнуть. И особенной критикѣ подвергалась та сторона вліянія террора, которая была зарегистрирована и записана во «входящія» и «исходящія» революціоннаго филистерства подъ именемъ «эксципативнаго» значенія террористическихъ актовъ. Но — такова судьба критиковъ террора — они сами всегда представляють лучшее доказательство отвергаемыхъ ими положеній нашей программы. И если послѣ убійства Шлеве даже «Искра» начала призывать рабочихъ чуть-чуть не на баррикады, какъ нѣкогда даже Кричевскій и товарищи послѣ убійства Боголюбова призывали рабочихъ «строиться въ штурмовыя колонны» — то какое еще можетъ быть придумано лучшее свидѣтельство «эксципативнаго» вліянія террора?

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Кое-что о великихъ царскихъ милостяхъ и реформахъ.

Наша реакціонная пресса уже повѣдала міру о чрезвычайно важномъ событіи. Въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, царствованія же Николая II Обманова въ десятое, въ 11-й день августа просіяло надъ лицомъ земли русской красное солнышко царской «милости», согрѣвшее всѣхъ холодныхъ и униженныхъ, приласкавшее всѣхъ голодныхъ и обиженныхъ и развѣсившее густой мракъ русскаго горя и беззаконія. Воздавъ благодареніе Всевышнему, устрояющему судьбы Царствъ, русскій царь, въ радостный день святого крещенія сына своего первороднаго, Алексѣя, вспомнилъ о вѣрной ему Промыслѣмъ великой семьѣ русскаго народа и, слѣдуя «постоянному влеченію сердца» своего, порѣшилъ придти, наконецъ, «на помощь вѣрнымъ подданнымъ облегченіемъ ихъ неотложныхъ нуждъ».

Правда, не родилъ у царя сынъ, а родилъ дочь, царскихъ милостей, выраженныхъ въ манифестѣ, не послѣдовало бы, и «великой семьѣ русской» пришлось бы терпѣливо дожидаться... новыхъ родовъ: вѣдь, судьбы народа въ Россіи рѣшаются не по волѣ самого народа и не въ какихъ-либо непригодныхъ для Россіи представительныхъ учрежденій или «Соборахъ», а нѣсколько проще: въ царской опочивальнѣ, по волѣ таинственнаго фзіологическаго случая... Сынъ или дочь? дочь или сынъ? Колоссальный вопросъ, отъ того или иного

рѣшенія котораго зависить удовольствіе или неудовольствіе насущныхъ и даже «неотложныхъ» народныхъ нуждъ! И долго приходилось ждать многотерпѣливымъ русскимъ подданнымъ, продолжавшимъ въ глубинѣ души хранить свои былия «безсмысленныя мечтанія», столь безцеремонно отпарированныя десять лѣтъ тому назадъ свѣже-испеченнымъ самодержцемъ.

Осуществленія своихъ мечтаній русскій обыватель ожидалъ вначалѣ отъ «постоянныхъ влеченій сердца» государева въ строгомъ смыслѣ этихъ словъ, а въ послѣднее время воѣ свои надежды онъ возложилъ на «постоянныя влеченія» другихъ сторонъ императорской природы и впервые въ своей жизни сталъ интересоваться той отраслью естественныхъ наукъ, которая называется — *эмбриологіей*. Политическія проблемы замѣнились фзіологическими, нашедшими, наконецъ, свое счастливое разрѣшеніе въ событіи, нашедшемъ себѣ отраженіе въ «высочайшемъ манифестѣ» отъ 11-го августа сего года.

Крѣпко билось сердце и сильно дрожала рука несправимаго всероссійскаго либерала, когда онъ приступилъ къ чтенію манифеста. Правда, Петръ Струве увѣряетъ теперь въ своемъ почтенномъ органѣ, что «ни малѣйшихъ надеждъ русскій либерализмъ относительно манифеста и не питалъ». Намъ думается, однако, что г. Струве заблуждается, и это заблужденіе вытекаетъ изъ хронической иллюзіи редактора «Освобожденія», черезчуръ поспѣшно приписывающаго русскому либерализму свои собственныя и при томъ лучшія мысли, чувства и тенденціи. Г-нъ Струве и «русскій либерализмъ» не совсѣмъ одно и то же; въ цѣломъ рядъ случаевъ отношеніе между тѣмъ и другимъ уподобляется тому, какой существуетъ между требовательнымъ учителемъ-педагогомъ и неодавленнымъ отъ природы ученикомъ, которому никакими средствами не удалось нѣкоторыя, казалось бы, самыя элементарныя истины. Нѣтъ, русскій либераль неосомнѣнно надѣялся и трепеталъ въ ожиданіи новаго перерѣшенія эмбриологической проблемы, какъ несомнѣнно и то, что онъ съ вѣрой и надеждой принялся за чтеніе всемістивѣйшаго манифеста. Вѣдь допускаетъ же одинъ, тоже, повидимому, близкій сотрудникъ «Освобожденія», нѣкто г. П. С., возможность, что русское правительство, подъ вліяніемъ военныхъ и другихъ неудачъ «частію станетъ на путь уступокъ» (см. «Осв.» № 55, стр. 84). Лучшаго же повода доказать или показать свою «честность», какъ рожденіе наслѣдника (хотя бы ему и предстояло довольно проблематическое наслѣдство), русское правительство не имѣло и врядъ ли имѣть будетъ. Ему представилась единственная въ своемъ родѣ возможность «и со всѣхъ стороны, и капиталъ приобрести», — даровать «горячо любимому отечеству» нѣкоторыя реформы, — на худой конецъ хоть бы тѣ самыя, которыми русскій царизмъ одарилъ было своихъ подданныхъ 40 лѣтъ тому назадъ, — но, одаривши, одумался и постепенно взялъ чуть не всѣ обратно... Тѣмъ самымъ царизмъ, какъ и раньше, могъ бы укрѣпить нѣсколько свою позицію, хотя бы даже только въ глазахъ русскіихъ либераловъ.

Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, не вышло ни того, ни другого. Всѣ милости и реформы, содержащіяся въ царскомъ манифестѣ, оказались отъ начала до конца «племени», и у безсмысленныхъ мечтаній русскіихъ либеральныхъ обывателей была отнята послѣдняя надежда — надежда *эмбриологическая*. Лучи «краснаго солнышка», просіявшее было надъ головами обывателей, оказались негрѣющими и обманчивыми, проскользнувшими безъ слѣда мимо голодныхъ и обиженныхъ, мимо разоренныхъ и униженныхъ. Высочайшій манифестъ оказался лишь новой попыткой царизма одурочить русскій народъ; его повстинѣ немовѣрная длина представляетъ яркій рѣзкій контрастъ съ его дѣйствительнымъ внутреннимъ содержаніемъ; и этимъ то упрощеннымъ способомъ царизмъ хотѣлъ отдѣлаться отъ тѣхъ грозныхъ запросовъ, которые русская дѣйствительность поставила теперь передъ русскимъ абсолютизмомъ....

Правда, манифестомъ отиѣняются тѣлесныя наказанія. Но какъ? У волостныхъ судовъ и инородческихъ управленій отнимается право примѣнять къ сельскимъ обывателямъ «мо закону» тѣлесныя наказанія, но манифестъ ничего не говоритъ о запрещеніи губернаторской и другимъ административнымъ властямъ беззаконно (на основаніи извѣстнаго секретнаго постановленія Комитета Министровъ въ 1883 году) подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ не только отдѣльных лицъ, но и цѣлыя деревни и волости. «Мы обра-

тили внимание — говорится во введении к манифесту — на сохранившееся в сельском быту применение крестьянскими учреждениями телеснаго наказания... Между тем, о гораздо более тяжких и варварских случаях сечения крестьян высшими учреждениями не упоминается в манифесте ни слова. Порка по суду отменяется, сечение и застѣвание людей без суда остаются въ силѣ.

Таковъ основной характеръ этой царской «реформы» — самой крупной «милости», находящейся въ манифестѣ. Русский либерализмъ, на сей разъ въ лицѣ своего лидера, П. Струве, приписываетъ такой «отмѣнѣ» телеснаго наказания «крупное политическое значеніе». «Это значеніе — читаемъ мы въ № 55 «Освобожденія» — заключается и въ томъ общемъ моральномъ дѣйствіи, которое долженъ оказать на душу народа торжественный (!) и безповоротный (!) отказъ власти (?) отъ сечения (?), и въ специальныхъ политическихъ слѣдствіяхъ этого отказа. Между тѣмъ, немного ниже въ той же статьѣ мы читаемъ, что «самодержавіе не сможетъ и не захочетъ перестать примѣнять порку, какъ мѣру возстановленія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». Шуйца П. Струве не всегда справляется съ тѣмъ, что пишетъ десница, и наоборотъ. Столь же преувеличенной кажется намъ дѣлаемая «Освобожденіемъ» оцѣнка этой мѣры съ точки зрѣнія агитационной: «Разъ нельзя — говорится тамъ — сечь по приговорамъ суда, административнаго порка, порка безъ суда, окончательно становится беззаконіемъ»... Ну, а раньше она развѣ не «окончательно» была беззаконіемъ? Къ несчастію, русский народъ такъ ужъ привыкъ къ беззаконію какъ въ судѣ, такъ и внѣ суда, и административный произволъ до такой степени развѣлъ всѣ устои русской правовой жизни, что существенной, принципиальной разницы между судебной и административной поркой русский мужикъ не пойметъ. Для него, вѣдь, что судъ, что безсудье, — «что въ лобъ, что по лбу — все едино» — все — одно беззаконіе, и либеральный тонкости ему покажутся эфемерными. И — увы! по существу онъ будетъ правѣ, чѣмъ юридически-образованный редакторъ «Освобожденія»; онъ уже теперь сложилъ поговорку: «законъ закону розъ, а иной хоть вовсе брось», и для него иной юридической законъ есть воплощеніе беззаконія. И когда законъ лишь юридически закрѣпляетъ «усмотрѣніе» его угнетателей — то какая здѣсь разница отъ усмотрѣнія вѣзаконнаго?

«Мы шли вольнымъ аллюромъ и разсуждали что лучше: благосклонная ли легальность безъ послабленій, или благожелательный произволъ, тоже безъ послабленій? И все какъ то у насъ выходило: все равно».

Это еще персонажи Щедринской «Современной Идилліи» такъ разсуждали, г. Струве. Правда, когда они очутились на территоріи Тверской губерніи, то духъ мѣстнаго либерализма сошелъ на нихъ и осѣнилъ ихъ, и они стали уже находить, что далеко не все равно, и что «легальность безъ послабленій есть уже какъ бы заря правового порядка». Таковъ ужъ російскій либерализмъ, такова и вѣрная его носительница — Тверская губернія. «Исконно она вопіетъ: наказывайте! жмите изъ насъ масло! но по закону! — И ее наказываютъ».

Всѣ попытки редакціи «Освобожденія» отнять у оставшейся въ силѣ административной порки «всякую правовую опору» отдають крайне рафинированной юридической казуистикой, совершенно неумѣстной по отношенію къ той организованной системѣ абсолютнаго административнаго произвола, которая зовется русскимъ государствомъ. Еще Пушкинъ писалъ: «въ Россіи нѣтъ закона, — въ Россіи столбъ, а на столбѣ корона». О законѣ, о правѣ не можетъ быть рѣчи въ томъ государствѣ, гдѣ не существуетъ никакихъ *параметровъ* ихъ правительнаго функционирования и осуществленія.

Розга, какъ средство борьбы съ мелкими крестьянскими проступками, исчезаетъ, съ тѣмъ, чтобы очистить мѣсто для гораздо болѣе грозной розги, какъ одного изъ средствъ борьбы съ крестьянскимъ и, вообще, народнымъ революціоннымъ движеніемъ. И только это послѣднее вырветъ сей позорный остатокъ московско-татарскаго варварства изъ рукъ остервенѣвшихъ отъ страха и злобы царскихъ опричниковъ. А время это уже не за горами...

Еще менѣе дѣйствительны и другія милости расчуживающаго монарха, выраженные въ манифестѣ. «Считаемъ необходимымъ прекратить впредь наложеніе телеснаго наказания въ сухопутныхъ и морскихъ войскахъ», — гласитъ 4-ый абзацъ введенія къ манифесту. Но спрашивается: не усилится ли этого, въ соответственной степени, неотмѣненныя

мордобитія, глубоко вкоренившіяся въ наши — и не только военные — нравы?

«Мы остановились, хотя и съ ущербомъ для казны, на рѣшеніи совершенно сложить всѣ накопившіяся на крестьянскихъ земляхъ недоимки»... Но эта милость есть не болѣе, какъ вынужденный обстоятельствами отказъ отъ совершенно безнадежныхъ долговъ, и потому о какомъ-то якобы «ущербѣ казны» тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Не «изъземлетъ» манифестъ отъ своей милости и государственныхъ преступниковъ, но лишь при условіи «раскаянія въ совершенныхъ ими преступленіяхъ» и *доброго поведения*, да и то еще не безусловно: *примѣненіе* «милостей» этихъ предоставляется генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ по принадлежности, отъ произвольнаго усмотрѣнія которыхъ и должна зависѣть всецѣло судьба «помилованныхъ». Тѣ-же дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, по закону давности не подлежащія, которыя по день рожденія наслѣдника «въ теченіе пятнадцати лѣтъ оставались безгласными», манифестъ повелѣваетъ предать забвенію... Этотъ послѣдній пунктъ манифеста вызвалъ въ иностранной прессѣ не мало насмѣшекъ и негодованій. «Отъ всемилостивѣйшихъ актовъ царизма, пишетъ, на примѣръ, Arbeiter Zeitung, — вѣетъ тѣмъ-же духомъ жестокой безпощадности и хладнокровнаго презрѣнія къ Человѣку, какъ и отъ другихъ актовъ русской деспотіи. И дѣйствительно, стоитъ лишь вспомнить хотя-бы ужъ одно то обстоятельство, что дорогіе наши мученики — Лопатинъ, Вѣра Фигнеръ, Ашенбренеръ и другіе, замурованные вотъ уже *двадцать лѣтъ* въ стѣнахъ царской Бастиліи, не получили ни малѣйшаго облегченія по манифесту, чтобы призвать справедливость приведенныхъ только что словъ австрійской рабочей газеты».

Тѣмъ-же, чисто царскимъ, великодушіемъ проникнуты и статьи манифеста, касающіяся «обынателей Великаго Княжества Финляндскаго». Такъ, на примѣръ, избѣгшимъ военной повинности путемъ недозволенной отлучки изъ предѣловъ края «разрѣшается» вернуться на родину. Финляндскому генералъ-губернатору поручается «войти въ соображеніе» тѣхъ мѣръ, которыя могутъ быть приняты для смягченія участи лицъ, нарушившихъ государственный порядокъ и общественное спокойствіе въ Финляндіи... Здѣсь имѣются въ виду, разумеется, не истинные нарушители государственнаго строя въ Финляндіи, т. е. не господа Бобриковы, Карлstedты, Плевѣ и самъ «великій князь финляндскій», но наоборотъ, — что за циничная насмѣшка надъ истиннымъ смысломъ словъ! — тѣ лучшія силы и граждане этой страны, которые такъ или иначе боролись противъ такого нарушенія. И что за остроумно-иезуитскія выраженія: «войти въ соображеніе»!... Одна нѣмецкая газета мѣтко замѣтила, что здѣсь волку поручается «сообразить, не желаетъ-ли онъ оставить овецъ въ живыхъ»...

Объ остальной части манифеста говорить не стоитъ: почти вся она посвящена различнымъ категоріямъ уголовныхъ преступниковъ — воровъ, мошенниковъ, лицъ, присвоившихъ или растратившихъ ввѣренныя имъ казенныя или общественныя имущества и т. д. Слѣдуетъ признать, что по отношенію къ *этимъ* «вѣрнымъ подданнымъ» манифестъ оказался наиболѣе милостивымъ: ихъ участь, очевидно, болѣе всего безпокоила растроганное сердце любвеобильнаго монарха; для ихъ помилованія не требуется предварительное «раскаяніе», «исправленіе», «доброе поведение» и т. п. Зачѣмъ-же, они и такъ хороши при современномъ порядкѣ вещей: по Сенькѣ и шапка!

Царскій манифестъ нанесъ еще одинъ — и тяжкій — ударъ жалкимъ остаткамъ того престижа, какимъ до сихъ поръ пользовались русскія официальные сферы на Западѣ. Даже самые умѣренные представители общественнаго мнѣнія во Франціи, Германіи и въ другихъ странахъ произнесли самый суровый приговоръ надъ русскимъ царизмомъ по поводу его самонаибѣйшихъ милостей. Даже такой снисходительный судья русскаго правительства, какъ извѣстный писатель Анатолій Леруа-Болле, присоединился къ всеобщему хору негодованія, заявивъ, между прочимъ, въ своей, напечатанной въ № 145 газ. L'Europeen, статьѣ, что «эта милость царская должна была показаться многимъ иностранцамъ своего рода исповѣдью, бросающей кровавыя пятна на административную и на весь режимъ русскаго государства». По мнѣнію этого писателя, самое меньшее, что могло заключаться въ манифестѣ отъ 11-го августа, — въ виду того внѣшняго и внутренняго кризиса, какой переживаетъ нынѣ Россія, — должно было состоять въ возвращеніи Финляндіи въроломно отнятыхъ у нея политиче-

ских прав и преимуществ и въ реставрировании въ самой Россіи судебныхъ и другихъ реформъ имп. Александра II, «Освободителя». Всего этого — говоритъ Леруа-Болье — Николай II «не понималъ», и не странно-ли, что въ томъ самомъ государствѣ, которое претендуетъ быть на Дальнемъ Востока предъставителемъ западной цивилизаціи, растроганное отцовское сердце самодержца даруетъ своему народу, какъ знакъ особой милости, отъѣму плетей и розогъ...

Тѣ-же психологическія качества русскаго абсолютизма, т. е. крайне низменный интеллектуальный уровень, упрямство въ своей основной тенденціи, хотябы она вела его прямо въ пропасть, жестокость и злопаметство души, присущи и всѣмъ новѣйшимъ милостямъ и «реформамъ» русскаго правительства. Послѣдовавшій 11 августа «именной высочайшій указъ» относительно евреевъ является такимъ-же актомъ политическаго лицемерія, какъ и манифестъ. При ближайшемъ ознакомленіи съ этими якобы «облегчительными» мѣрами приходится — говоритъ газета «Право» — убѣдиться, что изъ одиннадцати пунктовъ, содержащихся въ указѣ, «лишь одинъ вноситъ болѣе существенное измѣненіе въ законоположенія объ евреяхъ», а именно п. 7-ой, приравнивающій — относительно правъ охотности — евреевъ солдатъ, сражающихся на Дальнемъ Востока, къ остальнымъ нижнимъ чинамъ. Но при еще болѣе ближайшемъ ознакомленіи съ этимъ седьмымъ пунктомъ приходится удостовериться въ его эфемерности: оказывается именно, что въ то время, какъ отставнымъ нижнимъ чинамъ право повсемѣстнаго жительства предоставлено самимъ фактомъ службы, отъ евреевъ-солдатъ требуется еще, чтобы они «удостоились пожалованія знаками отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ». Но спрашивается: гдѣ взять еврею доказательствъ своей «безпорочной службы» и передъ кѣмъ придется ему доказывать? Что-же касается остальныхъ пунктовъ, то они «лишь возстановляютъ правильное примѣненіе дѣйствующихъ законовъ, которымъ Правительствующій Сенатъ въ послѣдніе годы давалъ *неправильное толкованіе*» (см. «Право», № 35), т. е. другими словами возстановляетъ правильное примѣненіе законовъ, которые систематически нарушались самимъ правительствомъ. Но и тутъ можно спросить себя: гдѣ-же *гарантия* тому, что спустя короткое время эти законы опять не станутъ нарушаться правительственными агентами? Да и можно-ли, вообще, толковать о *законахъ* тамъ, гдѣ все въ послѣдней инстанціи рѣшаетъ произволъ?

Такимъ же мыльнымъ пузыремъ является и опубликованный недавно законъ «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ по примѣненіи къ онымъ постановленийъ новаго уголовного уложенія», короче — такъ наз. *законъ 2 іюня 1904 года*. «Этотъ законъ» читаемъ мы въ «Искрѣ» (№ 71) — приходится признать несомнѣнной *жизнью революціоннаго движенія*. «Судъ идетъ! — воскликнулъ Л. М. въ этой газетѣ. — Судъ Шемякинъ, мало отличный отъ суда жандармскаго застѣнка, но все таки судъ(!), на которомъ, хоть въ какой-либо мѣрѣ, будетъ возможна для обвиняемыхъ тяжба съ безчестными обвинителями, разоблаченіе полицейской системы, борьба съ жандармеріей»...

Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? или это только проявленіе легкомысленнаго отношенія къ дѣлу, эфемерный продуктъ случайнаго «побѣднаго» настроенія г. Л. М., соблазнившего его усмотрѣть «побѣду» революціоннаго движенія тамъ, гдѣ въ дѣйствительности, быть можетъ, мы имѣемъ лишь новую мѣру борьбы съ нимъ?

Мы думаемъ, что вѣрно послѣднее, и только удивляемся, — неужели нужно еще доказывать такіа азбучныя вещи социалистическому органу?

Даже такой, сравнительно, малотребовательный органъ русско-свободной мысли, какъ «Освобожденіе», заявилъ въ своемъ послѣднемъ (№ 55) номерѣ, что законъ этотъ «всецѣло ограничивается формальными переѣмками и не только не колеблетъ, но, наоборотъ, стремится укрѣпить потрясенныя основы полицейскаго государства. Онъ уничтожаетъ послѣднія гарантіи правосудія, оставшіяся въ политическомъ процессѣ отъ судебныхъ уставовъ 1864 года и превращаетъ въ норму практику административнаго произвола... Этотъ законъ, якобы общающій вывести политическія дѣла изъ угрюмой тѣмы жандармскаго застѣнка на свѣтъ судебного разбирательства, встрѣченъ русскими обществомъ съ холоднымъ равнодушіемъ. Даже рабоблѣпотующіе органы печати не испустили хотя-бы сиплага «ура» и ограничились формальнымъ: «здравія

желаю»... Такимъ образомъ, одна лишь «Искра» впадала въ это странное недоразумѣніе, которое было-бы забавно, еслибы не было такъ вредно.

Въ самомъ дѣлѣ, соответственно такому своему отношенію къ новому закону о политическихъ дѣлахъ, центральный органъ русской социалъдемократіи объявляетъ, что — въ виду возможности «разоблаченій полицейско-шпionскаго хозяйства» — теперь «активное участіе въ судебномъ слѣдствіи является обязательнымъ для привлекаемыхъ къ суду политиковъ, какъ бы имъ стремились урѣзать это участіе прокуратуры и судьи». Мы-же, съ своей стороны, полагаемъ, что «обязывать» къ участію въ судебномъ слѣдствіи при всѣхъ обстоятельствахъ — болѣе, чѣмъ странно. Мы обращаемъ вниманіе нашихъ товарищей хотя-бы на то, что говорилъ Гершуни во время своего процесса. Упомянувъ о томъ, что «вслѣдствіе совершенно своеобразнаго способа, по которому въ Россіи ведется политическій процессъ, намъ остается только одно: отказываться отъ дѣчи показаній, дабы не дѣлаться участниками юридической комедіи, устраиваемой жандармами во время предварительнаго слѣдствія», Гершуни прибавилъ: «*Судебное слѣдствіе здѣсь, на судѣ, является не чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ жандармскаго дознанія*». Фактически мы должны какой бы то ни было возможности возстановленія истинной подкладки дѣла по той простой причинѣ, что какъ бы ни были дикіи и бессмысленны инсинуаціи и оговоры, мы ничего имъ противопоставить не можемъ: всякаго свидѣтеля, котораго мы бы пригласили сюда, мы сами предаемъ въ руки жандармовъ», и разъ судебное слѣдствіе является лишь вторымъ изданіемъ жандармскаго дознанія, то не будетъ ли въ массѣ случаевъ уклоненіе отъ участія въ немъ спасительнымъ? Можно ли *еще* рекомендовать участвовать въ этомъ слѣдствіи? Не является ли оно комедіей? И почему терять смыслъ демонстративный отказъ отъ участія въ этой комедіи, почему такой отказъ запрещается, почему участіе является обязательнымъ? Надо имѣть еще въ виду, что при массѣ мелкихъ процессовъ агитационное значеніе попытокъ всеобщаго участія революціонеровъ въ ходѣ судебного слѣдствія будетъ крайне невелико, въ силу хотя бы крайняго однообразія характера и результатовъ такихъ попытокъ. И вотъ почему здѣсь, какъ и на жандармскомъ дознаніи, общее правило можетъ быть только одно: «Товарищи, отказывайтесь отъ показаній!», и лишь въ немногихъ совершенно исключительныхъ случаяхъ отклоненіе отъ этого правила можетъ оказаться необходимымъ и целесообразнымъ. — Другое дѣло — право пользоваться заключительнымъ словомъ. Тѣ, кто можетъ, кто способенъ «глаголомъ жечь сердца людей», воспользуется имъ для произнесенія агитационной рѣчи или исповѣданія програмнаго credo, обращеннаго черезъ головы судей ко всему обществу, къ народу, къ странѣ; другіе воспользуются имъ, чтобы бросить въ лицо судьямъ свое презрѣніе и заявленіе своей вѣры въ торжество революціоннаго социализма. И въ томъ и въ другомъ случаѣ не будетъ никакого компромисса, не будетъ никакого признанія, никакой санкціи той юридической комедіи, смѣлый протестъ противъ которой гораздо важнѣе тѣхъ сомнительныхъ, проблематическихъ выгодъ, которыя можетъ даже въ благопріятнѣйшихъ случаяхъ дать самое всестороннее участіе въ судебномъ слѣдствіи. Итакъ, товарищи, — особенно же вы всѣ, молодые товарищи, — оставайтесь во время всѣхъ возможныхъ юридическихъ комедій вѣрными старому, испытанному лозунгу: «Товарищи, отказывайтесь отъ показаній!»

Р. S. Въ нашу прежнюю статью изъ русской жизни о «Кризисѣ народнаго правосознанія», напечатанномъ въ 51 номерѣ «Р. Р.», вкрались въ самомъ существенномъ мѣстѣ крупныя опечатки, совершенно искажившія его смыслъ. Приводимъ это мѣсто въ исправленномъ видѣ:

«Буржуазно-капиталистическій этапъ не принялъ и не приметъ у насъ, въ Россіи, той своей чистой, западно-европейской формы, благодаря которой борьба за индивидуальность противъ патріархально-абсолютистскаго режима стала въ дѣйствительности борьбой за индивидуализмъ, за воплощеніе въ формы социальной жизни началъ эгоизма и конкуренціи. У насъ же борьба за индивидуальность возникаетъ не только на почвѣ общинно-трудовыхъ началъ народной жизни, но и въ благотворно-живительной атмосферѣ социальнo-революціонной пропаганды и агитаціи. У насъ борьба за индивидуальность является, такимъ образомъ, прежде всего, борьбой не за индивидуалистическій, буржуазный, а за

социалистический, трудовой строй человеческого общежития, хотя она и осложняется цѣлым рядом чисто-индивидуалистических мотивовъ.

ОТГОЛОСКИ ПЕЧАТИ.

«Московскія Вѣдомости» время отъ времени продолжаютъ невольно возвращаться мыслями къ событію 15-го іюля, къ смерти Плеве, котораго «растерзала злодѣйская рука, направленная гнуснымъ террористическимъ обществомъ заговорщиковъ». «Мы—восклицаетъ газета—виноваты въ томъ, что не смогли охранить этого могучаго государственнаго дѣятеля!» «Сколько леденящаго ужаса въ томъ, что вѣдь всѣ знали, что «эти господа» «охотятся» за В. К. Плеве. Кто съ ужасомъ, кто съ нескрываемымъ волненіемъ, а то такъ и съ любопытствомъ (а бывало и еще хуже) ждали катастрофы, ждали паденія этой сильнѣйшей, единственной почти, правительственной крѣпости. И крѣпость пала».

Далѣе, съ обычной своей неосторожностью, «Московскія Вѣдомости» проговариваются, что всѣ ихъ пышныя заявленія о множествѣ силъ, которыя смогутъ безстрашно замѣнить Плеве на его «славномъ посту» — не болѣе, какъ «парадная фраза въ ложно-классическомъ стилѣ». Именно, вотъ что они говорятъ о «гарнизонѣ крѣпости», которую отстаивалъ Плеве.

«Гарнизонъ состоялъ изъ недостаточно-сплоченной, почти разрозненной дружины русскихъ страстотерпцевъ, — правда, людей долга, людей подвига, но — что грѣха таить! — людей нерѣдко подавленнаго мужества»...

А съ другой стороны, «гнусное» и «ничтожное» «террористическое общество заговорщиковъ» — въ другомъ неосторожномъ признаніи почтенной газеты вырастаютъ въ хитраго и опаснаго не менѣе японцевъ «врага внутренняго со своими искусными полководцами, со своимъ нафанатизированнымъ войскомъ»...

Да, плохи дѣла... И не даромъ въ томъ же самомъ № газеты нѣкій протоіерей Восторговъ жалобно умоляетъ общество отвернуться отъ «озвѣрѣвшихъ служителей анархіи», увѣщаетъ самихъ террористовъ, что «жалкое безуміе думать», будто они «убійствами могутъ достигнуть своей цѣли», не хуже иного марксиста изъ кожи выдѣлая въ доказательствахъ, что «терроръ, на который они (т. е. мы) рассчитываютъ, можетъ существовать лишь самое короткое время, пока отъ имѣть за себя иллюзію силы и дѣйствія».

Кажется, что же изъ того? И самому отцу Восторгову, и собрату отца Восторгова по газетѣ оставалось бы только восторгаться по поводу того, что ихъ «опасный врагъ» избралъ для себя такое негодное оружіе. И вдругъ... вмѣсто этого, выдавая себя головой, «Московскія Вѣдомости» въ глубочайшей меланхоліи признаются, что уже теперь среди драгоцѣннаго ихъ сердцу малочисленнаго гарнизона крѣпости «обнаруживается зловѣщая степень отчаянія, когда благоразумные умы начинаютъ утомляться, поддерживая то ту, то другую часть порядка, и безнадежно отказываются разрушать преграды, не по днямъ, а по часамъ возводимыя правильному теченію государственныхъ дѣлъ».

А протоіерей Восторговъ, перечисливъ всѣ террористическіе акты послѣдняго времени — въ Россіи, Финляндіи, на Кавказѣ — молитъ своего небеснаго патрона «да мимо идутъ эти громы и выстрѣлы убійствъ», не смущая «спокойной работы слугъ царя и отечества» и слезливо восклицаетъ: «О мечъ, мечъ! Доколы сѣчи будешь? Доколы не упокоишься? Вниди въ ножны своя, почій, почій и успокойся!» (Перем. XVII, 6).

Не надѣйтесь, Ваше Преподобіе!

«Гимназисты усыпали цвѣтами путь Монарха. Народъ толпился близъ коляски плотной стѣной, желая ближе запечатлѣть священные черты лица Божьяго помазанника. Многіе старожилы, при вѣсти о посѣщеніи Новгорода Государемъ, проводили ночи въ постѣ и молитвѣ, чтобы удостоиться «чистой душой» видѣть вѣнценоснаго вождя. Общій восторгъ по поводу пережитаго счастья.... Не правда ли, читатель, вамъ было неловко и вы краснѣли, когда пробѣгали глазами эти удивительныя строки, передающія 6 іюля изъ Новгорода по телеграфу во всѣ русскія газеты? Но одного стыда здѣсь, конечно, слишкомъ мало. До какого нравственнаго паденія и позора нужно дойти человѣку, чтобы сочинить такую торжественную телеграмму! Какая бедна хамства заключена въ этихъ немногихъ строкахъ — право, мы не можемъ повѣрить, чтобы здѣсь дѣло обошлось безъ творчества генерала Богдановича. Это его стиль, его слова, его безгранично хамскія

чувства, такъ хорошо знакомыя русской читающей публикѣ, вынужденной читать развращенныя пензурой газеты, которыя обязаны печатать телеграммы его превосходительства.

Хамство, собственно говоря, явленіе довольно распространенное. Всегда находились низкія души, готовые продать на наличныя или въ кредитъ свои самыя святыя чувства и торговавшія своей совѣстью оптомъ или въ розницу, расписочно и на выносъ. Психологически раболовство объясняется тѣмъ, что, для воскуривающихъ фиміамъ властямъ предрѣжающимъ, характеръ и цѣнность убѣжденій находятся въ полной зависимости «отъ соотношенія силъ» — кто сильнѣе, тотъ и правѣе, вѣдь выгоды не оскуривать фиміамъ и подхалимствовать силъ, потому что отъ силы можно рассчитывать получить кое-когда и подачку. Но коммерческій расчетъ — не единственная психологическая пружина хамства. Другая пружина — это трусость. Всѣ хамы — трусы, всѣ хамы преклоняются передъ властью и шепчутъ ей на своемъ гадкомъ извивающемся языкѣ лесть, потому что боятся этой власти и трепещутъ при мысли, что сила, предъ которой они преклоняются, можетъ ихъ раздавить съ ихъ деньжишками и дѣтишками въ одно мгновеніе ока. Расчетъ и трусость — это, такъ сказать, два естества хамской души. Характеръ ихъ взаимнаго отношенія опредѣляется, пожалуй, чисто историческими и общественными условіями. Взять хотя бы русскую жизнь. Хамство въ ней играетъ громадную роль, любоблюдищество и угодищество процвѣтаютъ въ зависимости отъ общихъ условій нашей жизни. Право сильнаго — а въ связи съ нимъ безмѣрная наглость власти — являются для русскаго хама рѣшающимъ психологическимъ моментомъ, — а въ связи съ нимъ въ его хамской душѣ трусость имѣетъ большое значеніе, чѣмъ расчетъ. И если вы съ точки зрѣнія такого, приближительнаго, психологическаго анализа русской хамской души взглянете на внутреннюю жизнь русскаго общества, то въ какомъ оригинальномъ и яркомъ свѣтѣ предстанетъ она предъ нами. Наше общество извѣстно «своими добродѣтелями» — оно извѣстно своей добротой, своей искренностью, своей благотворительностью и сердечностью. Всѣ благія начинанія ползуютъ у насъ большимъ успѣхомъ, наши общественные дѣятели, наши земцы, профессора и врачи извѣстны своимъ благородствомъ.... но почему вся внутренняя жизнь этого общества, почему это самое общество пропитано все-таки насильемъ этимъ гадкимъ, унижающимъ человѣческое достоинство духомъ хамства? Въ укромныхъ уголкахъ либеральныхъ гостиницъ, въ задуманныхъ разговорахъ пріятелей оно произноситъ шепотомъ благородныя, негодующія противъ мрака и насилія рѣчи и умоляетъ на улицѣ, теряется передъ толпой. Мало того — смиренное молчаніе превращается въ раблѣпствующій лепетъ, когда поднятый кверху палецъ предрѣжающей власти строго грозитъ «нарушившимъ благочиніе». Сколько хорошихъ и честныхъ порывовъ видѣли мы уже со стороны русскаго общества и сколько разъ эти порывы при первомъ же грозномъ окрикѣ власти превращались въ низкую угодищность, готовую пойти навстрѣчу всѣмъ желаніямъ начальства. Припоминается при этомъ всегда собака, которая чувствуетъ себя въ чемъ-то провинившейся передъ своимъ хозяиномъ — она униженно виляетъ своимъ хвостомъ, подбодрастно глядитъ въ глаза и сочтетъ за счастье, если хозяинъ дастъ ей полизать свою руку.

Да, въ русской жизни слишкомъ много хамской трусости! Все шире и шире развѣтывается революціонная борьба, все смѣлѣе и отчаяннѣе бросаются революціонеры на поле битвы, — а просвѣщенное, либеральное общество все такъ же боязливо сторонится отъ нея, съ замираніемъ сердца слѣдя за исходомъ борьбы. Заинтересованное въ борьбѣ революціонныхъ массъ съ самодержавіемъ, оно хочетъ безъ жертвъ и безъ страданій пожать плоды побѣды, добытой другими. Либеральное, такъ называемое, «сочувствующее» общество готово скорѣе обвинять реакціонеровъ въ донкихотствѣ и мальчишествахъ, чѣмъ оказать имъ дѣйствительныя услуги. Оно охотно будетъ давать намъ совѣты, съ удовольствіемъ будетъ читать гдѣ-нбудь въ безопасномъ мѣстѣ наши прокламаціи, но будетъ боязливо жаться при мысли, что и ему нужно дѣйствовать. Эти люди живутъ не только на счетъ чужихъ рабочихъ рукъ, но и на счетъ чужой нравственности, на счетъ чужихъ жизней и счастья — они не идутъ на лишенія и смерть, потому что они трусы и хамы. Вмѣсто сего они посылаютъ туда своихъ дѣтей, и потомъ въ нихъ же бросаютъ камнемъ презрѣнія. Хамство, безъ конца хамство! Трусость, безграничная трусость!

И какой стократно, тысячекратно преступной становится эта трусость теперь, именно теперь!

ВОЙНА.

«**Великий полководец Куропаткинъ**». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщена въ №218 берлинскаго с.-д. «Vorwaerts» а передовая статья о талантахъ, или, вѣрнѣе, о безталанности «великаго полководца Куропаткина», какъ его величаютъ нѣкоторыя нѣмецкія газеты, особенно консервативныя. «Въ величайшую заслугу зачитывается ими Куропаткину то обстоятельство, — говоритъ «Vorwaerts», — что (трудно при этомъ сохранить серьезность), онъ не попалъ со всей своей арміей въ плѣнъ японцамъ. Ойямъ же, побѣдителю при Ляоянѣ, выражаются порицанія за то, что онъ не приготовилъ Куропаткину «Седана». Но спрашивается: при какихъ условіяхъ Седанъ сталъ возможенъ? Во первыхъ, французская армія была, точно клинъ, втиснута между нѣмецкой арміей, съ одной стороны, и бельгійской, а равно люксембургской границей — съ другой, тогда какъ Куропаткинъ имѣлъ въ своемъ тылу русскую область. Во вторыхъ, при Седанѣ генералъ фонъ-Молтке располагалъ болѣе, чѣмъ 7 1/2 армейскихъ корпусовъ, французы же только немногимъ болѣе четырехъ. Между тѣмъ, Куропаткинъ былъ при Ляоянѣ столь же силенъ, какъ японцы. По сообщенію японскаго посольства въ Парижъ, его армія превышала численно японскую на 40,000 человекъ. Кромѣ того, французы не имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ для укрѣпленія окрестностей подлѣ Седана; Куропаткинъ же имѣлъ время и возможность укрѣпить свою позицію и изучить топографію мѣстности. Наконецъ, на улицахъ и почвѣ вокругъ Седана нѣмцы могли значительно легче двигаться, чѣмъ японцы въ непролазной манчжурской грязи... Такого вождя, какъ Куроки, нѣмецкая армія не имѣла, быть можетъ, ни въ 1866, ни въ 1870 году. И очень сомнительно, дѣйствовалъ ли бы нѣмецкій военный аппаратъ такъ безупречно при тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, съ какими приходится считаться японской арміи.

«Впрочемъ, далеко еще не достовѣрно, избѣжить ли дѣйствительно, армія Куропаткина капитуляціи. Прусская армія ускользнула отъ Наполеона подлѣ Иены и Ауэрштедта и все таки она должна была въ концѣ концовъ капитулировать...»

«Въ сущности, Куропаткинъ представляетъ собою комичное явленіе, и будь онъ не русскимъ, а французскимъ или англійскимъ генераломъ, то его осмѣяли бы въ Германіи самымъ жестокимъ образомъ. Не наобѣщалъ ли онъ всевозможныхъ вещей и ничего не сдержалъ? Въ самомъ началѣ онъ заявлялъ, что надо запастись только терпѣніемъ, и тогда онъ навѣрное побѣдетъ японцевъ. Перваго сентября прошло ровно четыре мѣсяца, какъ японцы въ первый разъ скрестили свои оружія съ русскими, и въ теченіи этихъ четырехъ съ половиной мѣсяца, Куропаткину пришлось получить одни лишь жестокие удары. При этомъ японцы въ послѣднее время не имѣли уже болѣе за собой численнаго перевѣса. Сколько времени надо еще ждать, чтобы Куропаткинъ выказалъ наконецъ, свой полководческій талантъ?...»

Съ театра войны. (Письма врача). Въ Ляоянѣ я не пробылъ и сутокъ. Меня отправили въ N-ый подвижной лазаретъ на лѣвый флангъ. Такимъ образомъ, съ 4-го апрѣля я въ пути, а съ 18-го мая въ походѣ. Мы наступали и отступали, и куда пойдемъ — совершенно никому неизвѣстно. Когда мы отправляемъ отрядъ на развѣдки или начинаемъ наступать на японцевъ, они исчезаютъ, будто сквозь землю... А то вдругъ съ горъ, изъ лѣса наши войска начинаютъ обсыпаться пулями и даже артиллерійскими снарядами невидимые, неуловимые и потому неуживимые враги... Поэтому-то я и говорю, что куда мы двинемся — неизвѣстно. Я не былъ-бы удивленъ, еслибы вдругъ нашъ лѣвый флангъ оказался отрѣзаннымъ отъ главной базы въ Ляоянѣ. Не удивился-бы также, еслибы и вся армія вмѣстѣ съ Ляояномъ оказалась отрѣзанной отъ Харбина и, слѣдовательно, отъ Россіи. Всѣ сѣверныя дороги со средняго теченія Ялу на Гиринь и къ ж. дор. между Мукденомъ и Харбиномъ — свободны. Насъ здѣсь гореть, а японцевъ — цѣлая армія. Какая цѣль этой арміи и куда она идетъ — всѣ гадаютъ, какъ богъ на душу положитъ. А между тѣмъ эта армія стоитъ уже мѣсяцъ, высылая по нашему направленію отряды большей или меньшей силы. Вѣдь дѣлается-же японская армія что-нибудь, и, навѣрное, имѣетъ какое-нибудь опредѣленное и разумное назначеніе. А мы только наугадъ гадаемъ. Развѣ мы знаемъ что-нибудь? Развѣ мы можемъ знать?!

Абсолютно нѣтъ, и вотъ почему. Картъ подробныхъ и вѣрныхъ у насъ нѣтъ. (У японцевъ всѣ офицеры снабжены прекрасными, подробными и новѣйшими картами съ обозначеніемъ домовъ, холмовъ, деревьевъ даже въ открытой мѣстности). Населеніе говоритъ на чуждомъ намъ языкѣ и относится къ намъ если не прямо враждебно, то все-же далеко не дружелюбно. Мы сносимся съ населеніемъ черезъ нанятыхъ переводчиковъ-китайцевъ и для добытія большаго количества свѣдѣній не брезгуемъ подчасъ пускаться въ ходъ бамбуки и нагайки. При такихъ условіяхъ невозможно полагаться ни на слова допрашиваемаго китайца, ни на вѣрность перевода его показаній на русскій языкъ. У японцевъ роскошно организованное военное шпіонство. До войны японскіе офицеры генеральнаго штаба жили въ Харбинѣ, Ляоянѣ и другихъ мѣстахъ въ видѣ торговцевъ, ремесленниковъ, прислуги и т. п. Теперь ихъ шпіоны ходятъ подъ видомъ мирныхъ китайцевъ, которыми переодѣваются часто корейцы. Этимъ шпіонамъ подъ видомъ «мирныхъ» китайцевъ ничего не стоитъ проникнуть въ нашъ лагерь. Японцы-же не пускаютъ къ себѣ китайцевъ, кромѣ опредѣленныхъ лицъ.

Потомъ у насъ для развѣдокъ употребляются казаки, большей частью забайкальскіе. Прежде всего отмѣчу, что забайкальскіе казаки очень недовольны войной. Третья мобилизація за послѣдній годъ совершенно разорила богатое прежде Забайкалье. Какой-нибудь понятію для каждаго человека идеи, могущей воодушевить на самопожертвованіе, въ эту войну не вложено. Поэтому казаки большей частью только «несутъ службу» изъ подъ палки, жалѣя и себя, и своихъ лошадей. Поѣдутъ нѣсколько казаковъ на развѣдку, отойдутъ нѣсколько верстъ и расположатся въ укромномъ уголкѣ на отдыхъ. Ну, а черезъ нѣкоторое время воротятся и донесутъ о результатахъ поѣздки, что задумается. Бывали и такіе, что прострѣливали фуражку, чтобы показать, что были въ бою. Ну, трудно за все это и винить казаковъ. Мнѣ приходилось говорить о развѣдкахъ съ казачьими офицерами. Въ этой гористой мѣстности конныя развѣдки не могутъ дать результатовъ. Ѣздить долинами — ничего не увидишь и не узнаешь. Лазить по горамъ — лошади только стѣсняють и подвергають лишнимъ опасностямъ развѣдчиковъ...

...Это второе письмо я пишу со ст. Куачендзы Манчж. ж. д. Первое я долженъ былъ оборвать, такъ какъ пришлось экстренно выѣзжать на дышущиныйскій перевалъ встрѣтить раненныхъ послѣ сраженія подъ Аминемъ. Послѣ этого нашъ отрядъ отступалъ. Пришелъ въ Ляоянъ нашъ лазаретъ и, простоявши тамъ мѣсяцъ, былъ отодвинутъ на 400 в. къ сѣверу, въ виду предполагающагося общаго отступленія на сѣверъ къ Харбину. Японцы обходятъ Ляоянъ и Мукденъ... Они тѣснятъ насъ шагъ за шагомъ. Ихъ и больше гораздо, у нихъ организовано все гораздо лучше. Да и духъ у нихъ совершенно другой. У насъ въ войскахъ убійственный духъ: никакого воодушевленія, ни малѣйшаго желанія сражаться, критика и недовольство.

Недавно, зайдя на вокзалъ въ Ляоянѣ, я былъ пораженъ сценой, которая врѣзалась неизгладимыми чертами въ мою память. Публика въ булетѣ сидѣла исключительно военная, если не считать 2-3 лицъ изъ Краснаго Креста, да трехъ сестеръ милосердія. Поднимается полковникъ генеральнаго штаба и говоритъ: «Я предлагаю тостъ за нашу дорогую Россію и за побѣду ея надъ Японіей! Ура-а-а!» И это ура... замерло, никѣмъ изъ «господъ офицеровъ» не поддержанное...

Все чаще и чаще попадаются типы — изъ молодыхъ офицеровъ — отрицающіе официальный патріотизмъ и не видящіе въ проигрышѣ войны никакого вреда для Россіи. «Народная польза — вотъ польза Россіи. Въ народѣ — все. Россія — это народъ. Будетъ то, что народъ захочетъ. Государь-же не имѣетъ никакого значенія. Что такое государь: сегодня онъ есть, а завтра нѣтъ. Вотъ на настоящаго государя было-же уже три покушенія(?) за весну и лѣто 1904 года. Страна — это народъ».

Подобные типы попадаются все чаще и чаще. Это — знаменіе времени.

...Мы упорно отступаемъ. Какъ слышно, будемъ отступать до Харбина и, если понадобится, то хотя бы до Иркутска, чтобы «заманить» японцевъ вглубь и, растянувъ ихъ коммуникаціонную линію, ослабить ихъ и, при ихъ будущемъ отступленіи и нашемъ наступленіи, бить ихъ по пятамъ, не давая имъ, какъ говорится, ни отдыха, ни сроку. Это нашъ планъ. Заманить японцевъ вглубь, такъ же, какъ въ 12-омъ году Кутузовъ заманилъ Наполеона въ Москву, и устроить новую

«Березину». Это наш план. Мы забываем только, что то дѣло было въ Россіи, а это въ Манчжуріи. Мы отступаемъ по почти намъ враждебной странѣ, которая скоро будетъ объята боксерскимъ движеніемъ, и намъ въ тылу арміи придется, да и приходится уже, вести войну съ партизанскими отрядами. А японцы, кто знаетъ, можетъ быть, если и будутъ отступать, то шагъ за шагомъ, поддерживаемые мѣстнымъ населеніемъ.

Нѣтъ, наше положеніе гораздо уже больше напоминаетъ Седанъ и Франко-прусскую кампанію. Наши отступленія, большей частью, не плановѣры, а просто «бѣгство» при вѣсти о приближеніи японцевъ. Какой-нибудь батальонъ или полкъ японцевъ въ воображеніи командировъ вырастаетъ въ дивизію, корпусъ, армію, является боязнь быть «отрѣзаннымъ», и начинается отступление съ позицій, которыя чуть не вчера клялись «не сдавать, а умереть». Главнокомандующій шлетъ телеграммой приказъ не отдавать Дашичао безъ ожесточеннаго боя. Дашичао отдаютъ съ боемъ, но совсѣмъ уже не упорнымъ, а только «для виду». Главнокомандующій, получивъ такое заявленіе, говоритъ: «вотъ какъ разъ и исполняется мой планъ. Мнѣ было очень важно, чтобы японцы заняли Дашичао». Дашичао очищено... очищено потому, что, по слухамъ, японцевъ было болѣе 200 тысячъ, а у насъ только 1½ корпуса, значитъ, тысячъ 50-70. А оказалось послѣ, что у японцевъ было всего 2 дивизіи, ну, тысячъ 30. Между тѣмъ съ потерей Дашичао мы потеряли послѣднюю связь съ моремъ, лишившись подвоза моремъ провіанта, и сообщенія съ Портъ-Артуромъ. Японцы остались хозяевами въ морѣ и въ южной Манчжуріи...

Маленькіе недостатки механизма. (Письмо съ Дальняго Востока). По сибирской желѣзной дорогѣ мнѣ пришлось проѣзжать въ срединѣ іюня старого стиля. Такъ какъ я ѣхалъ изъ Сибири въ Россію, то мнѣ не пришлось испытывать никакихъ задержекъ, въ то время, какъ ѣдущимъ въ Сибирь нерѣдко приходилось цѣлыми днями просиживать на узловыхъ станціяхъ (особенно въ Челябинскѣ) въ тщетномъ ожиданіи свободныхъ мѣстъ. Движеніе пассажирскихъ поѣздовъ (не говоря уже о товарныхъ) было до крайности ограничено, но, несмотря на это, въ день проходило только 8 воинскихъ поѣздовъ. Да и то, по моимъ наблюденіямъ, только въ трехъ изъ нихъ помѣщались исключительно люди, въ остальныхъ же поѣздахъ въ большинствѣ случаевъ были одновременно вагоны съ припасами, людьми, лошадьми, военными снарядами. Въ это время шли солдаты запаса Тульской, Орловской, Калужской и другихъ губерній Московскаго военнаго округа. Большинство солдатъ съ лихорадочнымъ негерпшіемъ стремилось узнать лишній разъ какія либо извѣстія о войнѣ. При встрѣчѣ съ нашимъ поѣздомъ изъ всѣхъ почти солдатскихъ вагоновъ, часто даже на ходу поѣзда, высовывались солдаты и выпрашивали телеграммы или газеты. На вопросы о томъ, жаждутъ ли солдаты идти на войну, они почти всегда отвѣчали: «Посылаютъ, такъ надо идти... «Чтожь подблещетъ, разъ начали войну, такъ кто нибудь же и воевать долженъ» и т. п. Когда же я упоминалъ, что поди жалко было разставаться съ семьями, они только молча вздыхали. Какого либо воодушевленія не было въ поминѣ, наоборотъ, въ словахъ солдатъ слышалась безнадежная покорность судьбѣ. Что же касается сибирскихъ солдатъ, съ которыми мнѣ приходилось раньше встрѣчаться въ Красноярскѣ, то они прямо выражали свое неудовольствіе изъ-за того, что имъ второй разъ приходится отбывать мобилизацію. Видъ у пробѣжавшихъ солдатъ былъ довольно плохой и возникшее предположеніе о дурной пищѣ подтверждало то обстоятельство, что на вокзалахъ зачастую можно было видѣть солдатъ, просящихъ милостыню и боязливо оглядывающихся въ то же время, чтобы ихъ не замѣтилъ офицеръ. Просившіе милостыню обыкновенно указывали на недостатокъ отпускаемой имъ пищи и на дурное качество ея. Самымъ лучшимъ подтвержденіемъ ихъ словъ можетъ служить фактъ, имѣвшій мѣсто въ Красноярскѣ, приблизительно въ мартѣ-апрѣлѣ мѣсяцѣ. Тамъ въ это время скопилось значительное количество солдатъ, изъ которыхъ нѣскольکو тысячъ было разбѣшено въ домахъ частныхъ лицъ. Кормили солдатъ очень дурно: помимо того, что они получали пищу въ самомъ ограниченномъ количествѣ, качество ея было ужасно. Въ мѣдныхъ *налуженных* котелкахъ (только по настоянію солдатъ котелки были спустя долгое время послѣ выдачи ихъ вылужены) отпускали имъ жидкую бурду, въ которой можно было замѣтить слабые признаки

крупы. Нѣкоторые изъ богатыхъ обывателей, замѣтивъ, что за пищу дается солдатамъ, обратились къ мѣстному военному начальству съ ходатайствомъ разрѣшить имъ на свой счетъ устроить что нибудь вродѣ даровыхъ столовыхъ для солдатъ или, по крайней мѣрѣ, улучшить, что дается. Начальство возразило, что пища превосходна, что ужъ лучшей для солдатъ требовать нельзя. Очевидно, оно исходило изъ тѣхъ соображеній, что разъ предполагаютъ улучшить пищу, то, слѣдовательно, считаютъ ее дурной, тогда какъ она должна быть превосходна, какъ и все, что поставляется официальными лицами. Однако, мѣстному военному врачу Коновалову все же было поручено освидѣтельствовать пищу, но, онъ, вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, призналъ ее хорошей, возмущался не деликатнымъ поступкомъ тѣхъ лицъ, которые предлагали за свой счетъ увеличить солдатскіе пайки и выражали тѣмъ самымъ косвенно недоверіе къ администраціи. Такъ на этотъ разъ пища и не была улучшена. Отчасти въ связи съ этимъ, отчасти по другимъ причинамъ въ красноярскомъ обществѣ циркулировали долго рассказы о кражахъ, совершаемыхъ интендантскимъ вѣдомствомъ и о недобросовѣстномъ поведеніи военного начальства. Говорили также о различныхъ мошенническихъ дѣлакахъ купцовъ съ администраціей при сдачѣ порядковъ на поставку провіанта, упоминали и объ отправленіи спеціального ревизора для разслѣдованія всѣхъ злоупотребленій. Не знаю, насколько достовѣрны были всѣ эти рассказы — проверить ихъ частному лицу невозможно. Но они во всякомъ случаѣ характерны, какъ показатель недоверія къ правительственнымъ мѣропріятіямъ. Солдаты же шли гораздо дальше. Ихъ озлобленіе выразилось въ томъ, что они исколотили мѣстнаго коменданта (фактъ, прошедшій безъ послѣдствій для солдатъ) и въ разговорахъ въ своемъ кругу грозились расчистываться съ офицерами ужъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Разговоры такого характера мнѣ приходилось слышать самому. — Въ апрѣлѣ прибыли въ Красноярскъ человѣкъ 500 солдатъ и добровольцевъ*) съ юга Россіи, главнымъ образомъ, изъ Кіева. Эти были болѣе независимы въ обращеніи съ начальствомъ, чѣмъ солдаты, идущіе по обязанности, да и взыскивали съ нихъ не такъ строго, какъ съ тѣхъ. Вскорѣ же по прибытіи, одинъ изъ добровольцевъ, по своей инициативѣ, рѣшилъ требовать, если не улучшенія пищи, то хоть выдачи ея въ установленномъ размѣрѣ. Онъ послѣдовательно заявлялъ о своихъ требованіяхъ, начиная съ фельдфебеля и дежурнаго по ротѣ и кончая батальоннымъ командиромъ, призвалъ въ качествѣ свидѣтелей многихъ товарищей и, наконецъ, добился своего. Послѣ разслѣдованія пища была значительно улучшена, стали выдавать солдатамъ сахаръ и чай, а въ бурдѣ, замѣнявшей супъ, уже не попадался керосинъ и тому подобныя примѣсы, какъ нерѣдко случалось до этого, потому что, по небрежности, всѣ продукты безъ разбору лежали въ амбарахъ въ общей кучѣ.

По дорогѣ же мнѣ сразу бросилась въ глаза слѣдующая странность: въ поѣздѣ, идущемъ изъ Сибири, была масса солдатъ, не выдавшихъ еще войны и возвращавшихся уже обратно. Оказывается, благодаря ужаснымъ условіямъ перевозки (зимой, до 40 челомъ въ вагонѣ въ душной атмосферѣ) многие заболѣвали тифомъ и принуждены были, едва поправившись, возвращаться обратно. По сибирскимъ лазаретамъ также лежало много больныхъ, захворавшихъ въ дорогѣ. Нѣкоторые же, оказывается, были взяты въ солдаты при мобилизаціи, несмотря на болѣзни, которыя по закону освобождаютъ отъ военной службы. Мнѣ пришлось втеченіе нѣсколькихъ дней ѣхать съ однимъ солдатомъ Курской губ., страдавшимъ выпаденіемъ прямой кишки. Онъ, не смотря на всѣ протесты, былъ признанъ годнымъ для военной службы, принужденъ былъ отправиться вмѣстѣ съ своимъ полкомъ на Дальній Востокъ и только въ Читѣ его освободили и разрѣшили отправиться на родину. Этотъ же солдатъ мнѣ рассказывалъ, что одновременно съ нимъ отправили обратно нѣсколько человѣкъ, имѣвшихъ грыжу и оставили на испытаніи многихъ, страдавшихъ болѣе или менѣе серьезными болѣзнями, приобретенными еще до начала войны. — Въ томъ же поѣздѣ, въ которомъ ѣхалъ я, было нѣсколько человѣкъ, возвращавшихся съ Дальняго Востока. Они рассказывали, что при объявленіи войны на Дальнемъ Востокѣ не было ни войскъ, ни снарядовъ, что растерянность при извѣстіяхъ о

*) Т. е. тѣхъ рядовыхъ изъ мѣстностей, гдѣ еще не было мобилизаціи, которые откликнулись на вызовъ начальства — идти на театръ военныхъ дѣйствій.

первых успѣхахъ японцевъ была политѣйшая. Одинъ приказчикъ, прѣхавшій изъ Владивостока, потому что его чуть было не заставили вступить въ отрядъ охотниковъ-«добровольцевъ», рассказывалъ мнѣ, что при первомъ появленіи японской эскадры и при бомбардировкѣ ею Владивостока, русскія батареи молчали, вовсе не изъ желанія замаскировать свое мѣстонахождение, а потому, что не было ничего готово, не было ни пушекъ въ требуемомъ количествѣ, ни снарядовъ, ни оковъ и японцы могли бы смѣло подойти ближе, не встрѣтивъ сколько нибудь серьезнаго сопротивленія. Тотъ же приказчикъ рассказывалъ, что владивостокскіе офицеры никуда не годятся, только кутятъ и безобразничаютъ, и что всѣ надежды на Куропаткина. Вообще я замѣтилъ на этомъ приказчикѣ и на другихъ лицахъ, что первое недоразумѣніе по поводу того, что какъ это бытьъ насъ, русскихъ, какіе то японцы, смѣнилось желаніемъ отыскать истинныхъ виновниковъ поражений и глухимъ недовольствомъ. Мнѣ кажется, ничѣмъ инымъ, какъ этимъ желаніемъ, нужно объяснять циркулированіе въ народѣ многочисленныхъ слуховъ объ измѣнѣ того или другого изъ генераловъ, о подкупѣ японцами начальствующихъ лицъ, слуховъ, ни на чемъ не основанныхъ, кромѣ возбужденной народной подозрительности. И что мудреного? Я думаю, что у каждого бы подорвали вѣру въ русскую армию хотя бы картинки изъ путешествія нашихъ офицеровъ на Дальній Востокъ. По рассказамъ одного моего знакомаго, ѣхавшаго въ поѣздѣ, гдѣ было нѣсколько офицерскихъ вагоновъ, офицеры пьянствовали всю дорогу. Почти ни одинъ изъ нихъ за весь путь по Сибири не заинтересовался взглянуть на карту Манчжуріи, чтобы хоть сколько нибудь познаться съ мѣстностью, гдѣ имъ предстояло дѣйствовать. Большинство не имѣло картъ совсѣмъ. А вѣдь нѣкоторые изъ нихъ должны были сразу по прѣѣздѣ вступить въ командованіе цѣлыми отрядами! Половина вагоновъ второго класса въ этомъ поѣздѣ, такъ же, какъ и въ другихъ офицерскихъ поѣздахъ, была занята дамами подозрительнаго свойства, сопровождавшими офицеровъ на Дальній Востокъ, между тѣмъ, какъ многимъ пассажирамъ второго класса приходилось ѣхать въ третьемъ, а иногда и совсѣмъ оставаться безъ мѣста.

Нужно ли послѣ всего этого удивляться тому отношенію къ войнѣ, которое все больше и больше распространяется среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія?

Изъ-подъ Ліао-Янга. (22 мая) Пишу вамъ изъ большой глуши. Я нахожусь въ подвижномъ лагерѣ Краснаго Креста. Онъ называется также летучимъ отрядомъ. Но не только летучестью, но даже какой бы то ни было самостоятельной подвижностью онъ не обладаетъ. Нашъ лазаретъ и персоналъ сюда привезенъ военнымъ транспортомъ, который и ушелъ. Въ нашѣмъ же распоряженіи пять верховыхъ клячъ и одна верховая китайская лошадь. Мы находимся въ тылу дѣльнаго фланга нашей арміи и, въ случаѣ отступленія, наиболѣе вѣроятный исходъ — попадемъ въ плѣнъ къ японцамъ, если будутъ раненые. Если же раненые будутъ увезены, то, оставивъ имущество, уѣдемъ на клячахъ. Пока у насъ нѣтъ ни больныхъ, ни раненыхъ. Мы устраиваемъ лазаретъ въ разгромленной китайской фанзѣ, бывшей притономъ хунхузовъ. Мы живемъ въ великолѣпной мѣстности, которая поспоритъ съ лучшими мѣстами Швейцаріи. Мало удивляемся и мало задумываемся надъ своимъ положеніемъ, такъ какъ заботъ по горло. Ожидаемъ первый транспортъ раненыхъ, и надо спѣшить хотя кое-какъ приготовиться къ приему ихъ и избавиться хоть мѣстами отъ грязи, накопленной отъ вѣка китайцами въ своихъ домахъ и дворахъ.

(8-го іюня). Послѣ того, какъ я началъ писать письмо, много воды утекло въ море. Мы устроили свой лазаретъ, принимали больныхъ,—потомъ приняли партію раненыхъ, человекъ въ 80, и перевязавъ ихъ, накормивъ и отправивъ въ Ліао-Янгъ, сами отступили на Н-скій... этапъ. Здѣсь мы опять раскинули лазаретъ, приняли до 30 человекъ и вслѣдствіе новаго наступленія нашихъ войскъ отправили всѣхъ больныхъ въ Ліао-Янгъ, а сами приготовились къ отправкѣ снова въ Н. Но тамъ сидимъ уже 6-ой день въ ожиданіи отправки, такъ какъ у «подвижнаго лазарета» нѣтъ своихъ средствъ передвиженія, военныхъ транспортовъ намъ не присылаютъ, а обывательскихъ подводъ негдѣ нанять. Были у насъ больные и офицеры и даже генералъ. Приходилось говорить и съ массой здоровыхъ людей. Всюду только и слышенъ ропотъ, да яроническое отношеніе къ «побѣдо-

носному концу» войны и къ собственной участи. Генералъ Грековъ, казачій генералъ, георгіевскій кавалеръ, выѣхалъ изъ Ліао-Янга вмѣстѣ съ нами 18 мая, какъ начальникъ отдѣльнаго отряда, долженствовавшаго наступать на правый флангъ японской арміи. Японцевъ здѣсь масса, а у Грекова 4 баталіона (около 3-хъ тысячъ человекъ), одна горная батарея, которая стрѣляетъ не дальше $\frac{1}{2}$ версты (старого образца), да казачья батарея, не могущая двигаться въ силу выбытія изъ строя массы лошадей больныхъ и истощенныхъ. Кромѣ наступленія, этими же силами отрядъ долженъ охранять и содержать линію сообщенія съ Ліао-Янгомъ, болѣе 100 вер. Но въ виду исполнѣя опредѣленнаго, категорическаго приказанія наступать, мы наступили и скоро попали въ ловушку къ японцамъ, въ 2 или 3 раза превосходившимъ насъ силами. Потерявъ убитыми и ранеными болѣе 100 чел., отрядъ отступилъ. Надо отдать дань справедливости и 23 стр. полку и Грекову: отступление было сдѣлано спокойно и въ полномъ порядкѣ. Это новостъ въ настоящей кампаніи. Послѣ Ялу было паническое бѣгство...

Въ генеральномъ штабѣ (безъ осмотра на мѣстѣ, какъ говорятъ) по картѣ былъ намѣченъ пунктъ, какъ неприступная позиція: горный перевалъ Фын-шун-линь. Это (я не видавъ, сужу по словамъ офицеровъ, Грекова и по своимъ собственнымъ соображеніямъ) позиція трудно приступная и для своихъ и для чужихъ. Но.... бѣда въ томъ, что японцамъ нѣтъ надобности брать эту позицію, такъ какъ ее проще обойти. Поэтому Грековъ отступилъ и выбралъ позицію ближе къ Ліао-Янгу, въ 75 верстахъ отъ него, — позиція болѣе приспособленная для русскихъ войскъ. За это Грекова отозвали, а отряду приказали наступать, приславъ генерала и 4 пушки (горныя оружія пограничной стражи). Хорошо отдавать приказанія, но каково тѣмъ, которымъ приходится ихъ исполнять, заранѣе зная, что исполнить ихъ нельзя. Японцевъ много, насъ — мало; у японцевъ знаніе мѣстности, хорошо организованная развѣдка, шпіонство, связь (посредствомъ хунхузовъ) съ населеніемъ, карты и т. д. Мы же находимся въ мѣстахъ намъ совершенно неизвѣстныхъ, безъ вѣрныхъ картъ, среди ограбленнаго нами и чуждаго намъ населенія въ горахъ, къ которымъ приноровиться не могутъ ни начальники, ни солдаты.

Мы ходимъ, какъ въ потемкахъ, по долинамъ, размытымъ дождями, а японцы по горамъ. Японцы знаютъ наши передвиженія. Наши же развѣдчики никакъ не могутъ найти или, чтобы не слушать нареканій, казаки доносятъ то, что имъ въ голову придетъ. Казаки сажаютъ... а губить себя и лошадей своихъ собственныя не хотять. Да и что можетъ сдѣлать развѣдками кавалеріи въ горахъ? Лошади ихъ только стѣсняють. У японцевъ пѣшіе развѣдки и хунхузы, корейцы, китаицы.

Японскій солдатъ несетъ только ружье, патроны и нѣсколько фунтовъ рису. У нашихъ же солдатъ грузъ на 70 фунтовъ. У японцевъ къ тому же прекрасная дальнобойная артиллерія. Вотъ тебѣ и наступай!... Слышенъ всюду ропотъ, ропотъ и ропотъ. Скоро не будетъ, къ тому же, чего ѣсть, ни для людей ни для лошадей, ни для китаицевъ. Скоро опять начнутся дожди, и отряды будутъ почти отрѣзаны одинъ отъ другого, начнутся болѣзни, партизанская война и нападенія хунхузовъ, подкрѣпленныхъ обнищавшими и ограбленными мирными жителями, взявшимися съ отчаянія за оружіе... Невеселая перспектива. Войска у насъ наберется здѣсь — хорошо, если 150 тысячъ, а у японцевъ «комариная сила». Мы потеряли уже до 91 орудія — и ни одной побѣды. Это дѣйствуетъ на войска убійственно.

Третьяго дня ожидали нападенія хунхузовъ на лазаретъ и этапъ. Но вѣроятно это была ложная тревога. Въ этотъ же день къ намъ принесли двухъ раненыхъ хунхузами казаковъ, изъ которыхъ одинъ (съ прострѣломъ печени и желудка) скорѣ умеръ.

Вчера студенты (въ отрядѣ есть студенты) весь вечеръ пѣли. Хорошіе голоса у многихъ. До сихъ поръ звучитъ въ ушахъ припѣвъ одной пѣсни: «Сбейте жъ оковы, дайте мнѣ волю, я научу васъ свободу любить».

Костромская губ. Мѣстное чиновничество и вся обывательская публика ропщеть по случаю того, что съ нихъ вычитаютъ «проценты» на флотъ и раненыхъ, вовсе никакъ добровольно не жертвованные. Даже учительницы наши пострадали въ этомъ отношеніи: инспекторъ прислалъ «предложеніе», а онѣ, бѣдажки, отдра ради только расписались

что на 2% вычета «согласны». Крестьянство наше при чтении газет удивляется, как это бог не может до сих пор обратить должного внимания на «наших» и в конце расстрелять «поганных нехристей». Вбра въ окончательную нашу побѣду очень сильна. О послѣдствіяхъ войны едва ли многіе имѣютъ представление, а между тѣмъ уже сейчасъ война сильно сказалась на всемъ народномъ хозяйствѣ. Многіе фабрики сократили производство на $\frac{1}{3}$ - $\frac{1}{5}$, масса рабочихъ безъ заработка; заработки въ столицахъ сократились, о чемъ особенно плачутъ наши костромичи (они занимаются отхожими промыслами). Банкирскія конторы одна за другой «выворачиваютъ шубу» (контора Осипова и Леченкина). Биржа наша работаетъ плохо, бумаги все больше обезцѣниваются, покупательная способность народа значительно сократилась, отчего даже мелкіе торгаши вздыхаютъ. — Вообще война гнететъ всѣхъ, хотя далеко не всѣ сознаютъ дѣйствительныя причины «застоя въ дѣлахъ». Въ Костромской губ. у насъ мобилизованъ только флотъ, ждутъ и сухопутной мобилизации. Нужна литература, соответствующая потребностямъ момента.

Изъ Уфы пишутъ, что въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ некому убирать полей, и, несмотря на прекрасный урожай, население грозитъ голодъ. 7000 челов. призвано подъ знамена и отослано на убой въ Манчжурію. Одинъ Киргизъ, призванный на службу, явился въ Военное Присутствіе, предварительно перерѣзавъ семью, — «все равно имъ безъ меня съ голоду подыхать»... «Энтузіазмъ призванныхъ подъ знамена необычайный» — такъ пишетъ холостяцкая пресса, а на самомъ дѣлѣ, стоишь, причитаньямъ и отчаянію нѣтъ конца. Въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль былъ цѣлый рядъ случаевъ самоубійства.

Одесса (7 сентября). И нашего города коснулось всероссийское несчастье: мобилизация. По улицамъ ходятъ толпы припугнутыхъ запасныхъ, обнявшись, и плачутъ, отъ плача женщинъ душа содрогается, старики — отцы запасныхъ — падаютъ въ обморокъ на улицахъ, дѣти цѣпляются за платья обезумѣвшихъ отъ горя матерей, оставленныхъ мужьями. Не жизнь, а адъ! Одна старуха умерла отъ разрыва сердца узнавши, что сынъ взятъ. Взяли запаснаго, у котораго было 5 душъ дѣтей и жена въ родахъ. Когда жена узнала о постигшемъ ее несчастьѣ, у нея сдѣлался параличъ сердца и она умерла. Брали совершенно беззубыхъ, а когда они обращали вниманіе кого слѣдуетъ на свой недостатокъ, имъ заявляли, что де «все равно вѣстъ нечего на Дальнемъ Востоцѣ, а японцу все равно, проколотъ ли тебя сытѣмъ или голоднымъ». За 200-300 рублей многіе запасные освобождались отъ службы. Евреевъ отбѣлили отъ христіанъ и всячески надъ ними глумились. Христіанъ-вольноопредѣляющихся «съ протекціей» примостили къ хорошимъ мѣстечкамъ; еврей-вольноопредѣляющійся, недавно принявшій лютеранство, Зусманъ, опредѣленъ въ помощники госпитальнаго смотрителя съ 75 руб. жалованья и 100 руб. подъемныхъ. Брали больныхъ, брали многосемейныхъ съ 7-8 дѣтьми: самодержавіе никого не щадитъ!

Вчера, 6 сентября, въ Судный день, собрали 600 человекъ евреевъ и незначительное число христіанъ и послали эту первую группу въ Иркутскъ для пополненія полковъ. На вокзалъ сбѣжались, естественно, отцы, матери, жены и дѣти отпавляемыхъ. Но вокзалъ опѣнила полиція и не подпускала никого изъ близкихъ и родныхъ солдатъ къ вокзалу. Тогда между запасными поднялся ропотъ, и они обратились съ требованіемъ пустить на вокзалъ родныхъ. Жандармы мотивировали отказъ тѣмъ, что градоначальникъ не велѣлъ пускать. Тогда запасные завопили: «такъ пусть же онъ идетъ на войну, а мы здѣсь останемся», переломали барьеры, выбили стекла въ дверяхъ, избивъ жестоко полицію, выпустили паръ изъ паровоза и требовали градоначальника. Когда пришелъ помпадуръ, въ него полетѣли камни, отъ проклятій стоиалъ воздѣхъ. Когда запаснымъ пригрозили наказаніемъ, они начали кричать: «преступниковъ ссылаютъ въ Сибирь, а насъ туда же да на убой!» Двумя камнями Нейдгартъ былъ сильно ушибленъ въ руку и бѣжалъ. На мѣсто происшествія явился възводъ солдатъ съ заряженными ружьями, казаки и жандармы. Черезъ часъ послѣ этого случая поѣздъ тронулся въ путь, увозя людей на бойню, во славу самодержавія, православія и народности.

На забранныхъ во время мобилизации лошадей мѣстнаго богача Конельскаго (стоимостью по 300 руб. каждая) катаетъ теперь семья одного очень высокаго генерала.

Бѣгутъ люди за границу, бѣгутъ массами, запасаясь паспортами на чужое имя.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Изъ бюрократическихъ сферъ. Вдали отъ чиновнаго, бюрократическаго Петербурга мнѣ пришлось пробывать около трехъ лѣтъ. Но до какой же степени измѣнилось настроеніе петербургскаго «культурнаго общества», вплоть до средняго, иногда даже довольно крупнаго чиновничества! Люди, которые три года тому назадъ были убѣжденными монархистами и ярыми поклонниками самой личности Николая II, люди, которые всякими правдами и неправдами старались оправдать всякую новую несправедливость, всякій грѣхъ и всякую низость, допущенную или совершенную правительствомъ, — эти самые люди въ настоящее время съ пѣной у рта кричатъ о «придворномъ мандаринатѣ», о «китайскомъ болванчикѣ, управляющемъ миллионами жизней», и вслухъ, не стѣсняясь даже прислуги, — только подумайте, что это значитъ при обычной трусости такого рода «либераловъ», — выражаютъ пожеланія, вродѣ слѣдующаго: «хоть бы рухнуло все это насквозь прогнившее зданіе!» Вотъ членъ судебной палаты, пріѣхавшій недавно въ Петербургъ строгимъ консерваторомъ: онъ говоритъ, что столько насмотрѣлся вошіющихъ фактовъ, происходящихъ «за кулисами правительственнаго механизма», что не только утратилъ всякое довѣріе къ лицамъ, стоящимъ во главѣ государства, но и совершенно утерять вѣру въ самый строй. Вотъ молодой юристъ, еще недавно болѣе чѣмъ консерваторъ — прямой реакціонеръ; состоя на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, онъ, постепенно такъ эволюционировалъ, что Плеве уже началъ смотрѣть на него какъ на «анархиста». Вотъ еще крупная фигура, изъ лицъ «либеральныхъ профессій», раньше весьма умѣренный и осторожный «свободомыслищій», — этотъ уже превратился прямо въ яраго революціонера, оказывающаго крупныя услуги нелегальной дѣятельности. Вотъ свѣтская гостинная, гдѣ раньше не позволили бы сказать ни одного не совсѣмъ почтительнаго слова о государѣ, — теперь въ ней можно слышать рѣчи почтеннаго мужа, чиновника судебного вѣдомства, что Николай — это «трюпка, дуракъ и скотина...» Все это далеко не единичные случаи, нѣтъ, это признакъ времени, это наудачу выбранные примѣры изъ многихъ подобныхъ...

Нельзя не признать, что личность самого Николая много помогаетъ этому повороту въ общественномъ настроеніи. Вотъ какъ характеризовалъ его мнѣ одинъ сенаторъ: «онъ — тупъ, совершенно необразованъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что творится на блѣмъ свѣтѣ и даже, въ частности, что творится въ Россіи. Онъ любитъ семейную жизнь, дѣтей. Въ то время, какъ Россія переживаетъ серьезный кризисъ, онъ преспокойно отдается патриархальной семейной идилліи. Утромъ они всѣ вмѣстѣ пьютъ чай или кофе, потомъ Александра Федоровна сама наскоро собираетъ со стола, и они вдвоемъ садятся играть въ карты. Если въ это время придетъ какойнибудь министръ съ докладомъ, то ужъ лакеи, чтобы подслужиться, просятъ обождать или придти въ другой разъ, такъ какъ «Его Величество заняты и принять не могутъ». Доклады онъ подписываетъ, не читая; онъ даже (sic!) «Новаго Времени» въ руки не беретъ! Правда, Александръ III былъ тоже не уменъ, но тотъ хоть любилъ военное дѣло, а этотъ и здѣсь ничего не смыслитъ... Изъ министровъ онъ слушается того, кто съ нимъ грубъ, кричитъ на него, — Николай очень трусливъ и его легко запугать... Витте былъ съ нимъ развязенъ и безцеремоненъ, и Николай его долго во всемъ слушался; но еще грубѣе былъ Плеве, которому легко удалось вытѣснить Витте и превратить Николая въ послушнаго школьника...»

Неправда ли, какъ это хорошо рисуетъ самодержца fin du siecle и окружающую его атмосферу?

Событіе 15-го іюля произвело сильное впечатлѣніе въ здѣшнихъ бюрократическихъ сферахъ. Многія лица, которые могли бы занять освободившійся постъ, не рѣшались на это. Происходила какая то противная вакханалія: сподвижники Плеве — очевидно, по пословицѣ «мертвымъ тѣломъ хотѣ заборъ подпирать» — всѣ хоромъ сваливали на него отвѣтственность за всѣ репрессіи послѣдняго времени, въ томъ числѣ за всѣ собственныя продѣлки, предпринятыя «не только за страхъ,

но и за совесть»... Дурново чрезвычайно любезен съ просителями и дѣлаетъ всевозможныя послабленія, подчеркивая, что при Плеве ничего подобнаго нельзя бы было добиться. Даже ген.-губ. Кутайсовъ въ разговорѣ съ одной просительницей по поводу Якутской бойни выразился, что во всемъ этомъ «мерзавецъ Плеве» виноватъ...

Когда убившаго Плеве привезли въ больницу, то оказалось, что кромѣ головы и нижней части живота онъ былъ сильно раненъ въ ногу. Последняя рана была сильно загрязнена, и была большая опасность заражения крови. Когда зашивали рану на головѣ, и доктора тщательно дѣлали свое дѣло, «чиня», все время вертѣвшийся вокругъ нихъ, умолялъ: «Ради Бога, вылѣчите его!» А другой прибавилъ: «на одну недѣлю! Только бы одну недѣлю прожилъ!»

Когда раненый сталъ приходить въ себя, то первыми его словами, сказанными еще почти въ безсознательномъ состояніи, были: «ну, слава богу... мерзавецъ убитъ!»

Онъ проявилъ поразительное спокойствіе, разговаривалъ съ врачами совершенно хладнокровно втеченіе болѣзненной операциі, отвѣчалъ ясно и обстоятельно на всѣ ихъ вопросы относительно его ощущеній — гдѣ болитъ и какаѣ боль. На вопросъ врача «сколько вамъ лѣтъ?» — онъ сказалъ: «на это я вамъ не отвѣчу». Не отвѣтилъ онъ также и на вопросъ — былъ-ли боленъ когда-нибудь раньше. Когда посреди разговора съ нимъ о болѣзни, кто-то изъ постороннихъ неожиданно спросилъ его: «какъ ваше имя?» — онъ, улыбнувшись, отвѣтилъ: «неужели вы думаете, что, взявши на себя выполнение такого дѣла, я не сумѣю молчать?»

Доктора въ теченіи долгаго времени опасались, что онъ умретъ отъ заражения крови, но теперь, кажется, болѣзнь приняла нормальное теченіе.

Въ публикѣ здѣсь одно время широко, вдругъ, распространилась легенда, будто Сазоновъ на другой же день послѣ событія былъ похищенъ, увезенъ и скрытъ революціонерами... Непонятно, откуда могла исходить подобная вѣсть. Говорятъ, что фамилія Сазонова была открыта такъ быстро потому, что его узналъ по карточкѣ уфимскій губернаторъ.

Полиція послѣ покушенія страшно растерялась, и это сказалося на всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Къ дѣлу 15-го іюля, кромѣ Сазонова, она привлекла еще двухъ человѣкъ — Бронштейна и Сикорскаго. Первый — помощникъ присяжнаго повѣреннаго, и на него заводилось самое серьезное обвиненіе: именно, будто онъ занялъ въ организаціи мѣсто Гершуни. Увѣренность полиціи была такъ велика, что, арестовавъ Бронштейна въ Кіевѣ, его привезли въ Петербургъ закованнымъ въ кандалы. Что касается Сикорскаго, то его, какъ говорятъ, арестовали по указанію лодочника, доложившаго, что онъ, переѣзжая каналъ вскорѣ послѣ покушенія, опустилъ или бросилъ въ воду какой-то предметъ. Повидимому, къ этому факту относится глухое сообщеніе «Руси», что «лодочникъ Кондратьевъ за услугу, оказанную полиціи, получилъ вознагражденіе въ 100 руб.» Но полиція слишкомъ поторопилась со своими шедротами: мѣсто, гдѣ, по указанію лодочника, Сикорскій бросилъ что-то въ воду, было тщательно изслѣдовано водолазами, но ничего законопреступнаго найдено не было. Бронштейну, Сикорскому, Гершуни и Сазонову были устроены общій допросъ или очная ставка, которая также не дала никакихъ результатовъ. Въ настоящее время Бронштейнъ уже выпущенъ, а Сикорскій еще сидитъ. Передъ Бронштейномъ полиція даже сочла себя вынужденной извиниться за «недоразумѣніе».

Дѣло о «террористическомъ сообществѣ» въ Москвѣ, послѣ 18-ти мѣсячнаго слѣдствія, закончилось: М. Д. Сладкопѣвцевъ получилъ 3 г. Креста и 5 л. В. С., Н. Н. Авдѣевъ — 2 г. Креста и 5 л. В. С., Семенъ Кирѣевскій и Израиль Шнеерсонъ по 5 л. Архангельской губ. По этому дѣлу 18-го марта прошлаго года было арестовано въ Москвѣ до 30 чел., главнымъ образомъ среди студентовъ Тамбовскаго земства, среди котораго Сладкопѣвцевъ и Авдѣевъ якобы вербовали себя членами для террористической группы. Было выставлено, между прочимъ, обвиненіе въ сношеніи съ Гершуни: послѣдній будто бы велъ переговоры съ Сладкопѣвцевымъ и Авдѣевымъ объ ихъ вступленіи въ Боевую Организацию, но соглашенія не состоялось. Авдѣеву было имъ будто-бы предложено убить тогдашняго Харьковскаго губернатора Оболенскаго и пр. — Уликъ противъ всѣхъ арестованныхъ не было никакихъ, не считая того, что и Сладкопѣвцевъ и Авдѣевъ были взяты нелегальными, а первый, кромѣ того, привлекался раньше по дѣлу «Рабочей группы политическаго освобожденія

рабочаго класса» (теперь примкнула къ соц.-рев.), въ программу которой входилъ терроръ *).

Назначеніе князя Святополка-Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ ярко иллюстрируетъ положеніе нашего самодержавія, зашедшаго въ тупикъ, не знающаго какъ изъ него выбраться. Не успѣла закончиться ара крови и желѣза, эра жестокаго реакціоннаго подавленія всякой общественной самодѣтельности,—политика, тѣсно связанная съ именемъ В. К. фонъ-Плеве, — какъ самодержавіе бросается уже на новое средство, пытается, какъ и послѣ выстрѣла Карповича, открыть новую эру сердечнаго попеченія, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ. И если вы спросите вдохновителей Николая II, что ими руководитъ, какія перспективы рисуются имъ для будущаго Россіи, они отвѣтятъ вамъ полнымъ недоумѣніемъ. Недавно, одинъ видный членъ государственнаго совѣта обратился съ вопросомъ къ великому князю Александру Михайловичу, самому умному изъ великихъ князей (что само по себѣ, конечно, еще очень немного), съ вопросомъ: какой выходъ изъ всѣхъ нашихъ военныхъ и внутреннихъ затрудненій? — «А какъ-нибудь выберемся», отвѣтилъ князь. «Какъ-нибудь», это все, что можетъ дать современная бюрократія. Какое море крови прольется при этомъ «какъ-нибудь» — это ихъ мало интересуетъ...

Кстати, еще объ Александрѣ Михайловичѣ. Къ этой фигурѣ приходится присматриваться внимательнѣе, такъ какъ она стремится занять все болѣе выдающееся положеніе въ управленіи Россіей. Вся исторія съ торговымъ мореплаваніемъ была имъ затѣяна только для того, чтобы на правахъ министра пробраться и въ комитетъ министровъ, въ государственный совѣтъ, чтобы имѣть возможность быть au courant всѣхъ интригъ, всѣхъ винтиковъ бюрократической машины. Нѣкоторые считаютъ Александра Михайловича человѣкомъ просвѣщеннымъ и даже склоннымъ къ либерализму. Но въ сущности это настоящій азіатъ-самобытникъ. Вотъ вамъ маленькіе, но характерные фактики. А. М. осматриваетъ извѣстный судостроительный заводъ въ Николаевѣ. На жалобы директора завода по поводу неполученія казенныхъ заказовъ, А. М. отвѣчаетъ: «Вамъ то отъ этого какая бѣда? Пусть бельгійскіе акціонеры разорятся, тогда русскіе капиталисты за безцѣнокъ купятъ заводы», — и не понимаетъ, какой смыслъ имѣетъ такая фраза, обращенная къ довѣренному лицу бельгійскихъ акціонеровъ. Или — происходитъ засѣданіе подъ его предсѣдательствомъ. Онъ вноситъ какое-то предложеніе, противъ котораго долго и убѣдительно возражаетъ одинъ извѣстный ученый. По окончаніи рѣчи ученаго, А. М. съ улыбкой заявляетъ: «А мы все таки поступимъ по своему».

Что же говорить о другихъ совѣтчикахъ? Николай II изъ его семьи! Сознаніе ответственности этихъ совѣтниковъ все болѣе проникаетъ въ наши общественныя верхи. Недавно одинъ извѣстный присяжный повѣреннй встрѣчается на Невскомъ велик. кн. Алексѣя Александровича въ коляскѣ, и поднявши прямо передъ его лицомъ кулакъ, со злобою воскликнулъ: «вотъ этимъ мерзавцамъ мы обязаны гибелью русскаго флота». Великій князь посмотрѣлъ на него своими ослѣженными глазами и, очевидно ничего не понявъ, поѣхалъ дальше.

Расчитывать на планомерную, дѣятельную оппозицію этихъ словесъ было бы, конечно, безразсудно, — они способны только на минутныя вспышки и выходы, вродѣ приведенной выше, подъ влияніемъ чувства, — но несомнѣнно, что каждый новый мѣсяцъ войны сильно «расшатываетъ» самодержавные устои. Если Николай II расчитываетъ своимъ заявленіемъ передъ Баттенбергскимъ принцемъ (объ этомъ заявленіи много говорятъ): «я не прекращу войны, пока у меня не останется хотя одинъ солдатъ и одинъ рубль въ казнѣ», произвести такое же патристическое вѣнчательное, какъ нѣкогда Александръ II, то онъ жестоко ошибся. Такое заявленіе вызываетъ только негодованіе къ человѣку, съ легкимъ сердцемъ ведущему Россію на погибель. Уже если говорить объ историческихъ аналогіяхъ, то каждому скорѣе вспоминается Николай I, вынужденный отравиться, чтобы дать возможность своему преемнику заключить миръ...

Терроръ на Кавказѣ).** Башибузукскій режимъ, создан-

*) По этому дѣлу Сладкопѣвцевъ высидѣлъ 25 мѣс. подъ слѣдствіемъ; болѣе 20 мѣс. въ крѣпости...

**) Сообщеніе доставлено «Армянской революціонной «федераціей», которой мы здѣсь и выражаемъ за это нашу искреннюю благодарность.

ный Плевел, поддерживался соответствующим правительственным механизмом, под гнетом которого стонала и продолжает еще стонать вся Россия «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды».

«Плевел» — собирательное имя для цѣлой плеяды большихъ и малыхъ, умныхъ и глупыхъ, талантливыхъ и бездарныхъ изувѣровъ, чинившихъ и продолжающихъ еще чинить судъ и расправу во имя «престола и отечества».

«Плевел» — это священный лозунгъ, объединявший и продолжающий пока объединять въ психологически стройное цѣлое всѣ темныя силы русской бюрократіи, состоящей изъ легіона самодержцевъ различнаго калибра.

«Плевел» — это гнилой наростъ на изможденномъ тѣлѣ того гиганта, имя котораго русское самодержавіе, — наростъ, заражавший и продолжающий дальше заражать обреченный на смерть организмъ.

Неудивительно, что операція, блестяще выполненная «Боевой Организацией» Партии социалистовъ-революционеровъ, на время затмила рядъ другихъ операцій, произведенныхъ хирургами далекой окраины Кавказа, съ цѣлью своеговременнаго устраненія болѣе мелкихъ, также зловредныхъ, наростовъ: въ волнахъ облегченнаго вздоха, пронесшагося по всей России послѣ убійства Плевел, потонули не менѣе радостные вздохи жителей Елизаветполя и Игдыра, испытавшихъ на собственной шкурѣ прелести того режима, который былъ созданъ волею и творческимъ вдохновеніемъ нынѣ «въ боѣзъ почившаго» временщика.

Вице-губернаторъ Андреевъ и уѣздный начальникъ Богославскій, убитые по приговору армянской террористической организаціи на Кавказѣ, были мелкими, но очень типичными представителями самодержавной бюрократіи, вѣрными исполнителями воли Плевел и его сподвижниковъ, вродѣ полоумнаго кн. Голицына.

Андреевъ и Богославскій — это маленькіе Плевел по складу мыслей и направленію воли, и въ то же время — неограниченные самодержцы въ предоставленныхъ имъ распоряженію районахъ. Такими самодержцами переполнена вся Россия, а потому знакомство съ ихъ подвигами — дѣло далеко не лишнее.

Андреевъ продержался на вице-губернаторскомъ престолѣ г. Елизаветполя всего три года, но успѣлъ проявить себя за это время блестящимъ образомъ: проводилъ «русскую политику на Кавказѣ» стремительно и неуклонно — направлялъ татарское населеніе на армянъ, изымалъ «крамолу», писалъ доносы, производилъ массовые обыски, аресты и высылки и до того распустилъ полицію, что та подъ угрозою арестовъ и ссылкой усердно приумножала свои богатства на счетъ заподозренныхъ въ политической неблагонадежности обывательскихъ кармановъ. И многотерпливые армяне несли покорно на «алтарь отечества» свои трудовые гроши, такъ какъ отлично знали, что самодержавная полиція, дѣйствующая по волѣ закона, сама находится внѣ закона.

Но вотъ подошло постановленіе 12-го іюня объ отобраніи армянскихъ церковныхъ имуществъ; армяне встревожились, зароптали и населеніе Елизаветполя; въ городѣ была устроена мирная демонстрація, и Андрееву представился случай показать себя во всю.

Демонстранты собирались ужъ расходиться, когда на площади показался вице-губернаторъ съ казаками. Болѣе тактичный администраторъ далъ бы, разумѣется, возможность демонстрантамъ мирно разойтись по домамъ. Но Андреевъ жаждалъ подвиговъ и потому... отдалъ приказаніе бить «бунтарей» и стрѣлять въ нихъ. Казаки нѣсколько мгновеній колебались. Тогда «герой», чтобы сломить минутное колебаніе «толпы» и увлечь ее своимъ примѣромъ, схватилъ револьверъ и выстрѣлилъ первый въ демонстрантовъ: вице-губернаторская пуля уложила на мѣстѣ одного юнаго армянина. Примѣръ оказалъ должное дѣйствіе. Дикая орда казаковъ ринулась на демонстрантовъ, и началась настоящая бойня, въ которой было убито 14 и ранено болѣе 40 человѣкъ.

Это произошло въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1903 г., а 4-го іюля настоящаго года виновникъ Елизаветпольской бойни понесъ должную кару за всѣ свои доблести: въ воскресный день, на одной изъ шумныхъ улицъ города, среди бѣла дня, онъ палъ отъ руки армянина-террориста, направившаго противъ него пять револьверныхъ выстрѣловъ.

«Убійца» — если можно такъ назвать человѣка, являющагося исполнителемъ возмущенной совѣсти общества — скрылся и до сихъ поръ не разысканъ...

Уѣздный начальникъ Богославскій «благополучно» царствовалъ цѣлыхъ 12 лѣтъ. Куралесилъ и безчинствовалъ онъ на весь уѣздъ, но центромъ для совершаемыхъ имъ безобразій являлся городъ Игдырь — столица его маленькаго царства. Этотъ Плевел въ миниатюрѣ называлъ себя публично «богомъ Игдыра». Татары окрестили его именемъ «джанаваръ», что значитъ чудовище, армяне величали «мартагеломъ», т. е. гѣной, русские — «дантистомъ», въ виду усиленно практиковавшагося имъ мордобитія съ сокрушеніемъ skulls и зубовъ. Всѣ эти клички уже сами по себѣ въ достаточной степени характеризуютъ какъ личность уѣзднаго самодержца, такъ и «полезную» для отечества дѣятельность его. Однако кличка — всего звукъ пустой въ сравненіи съ вопиющимъ безобразіемъ совершенныхъ помпадуромъ подвиговъ. Нечего и говорить, что весь антуражъ «русской политики» на Кавказѣ занимался въ дѣятельности Богославскаго самое видное мѣсто: искусственно-возбуждаемый антогонизмъ между различными національностями, усиленные доносы шпіоновъ, аресты, высылки — болѣе вліятельныхъ въ уѣздѣ армянъ, преслѣдованія дѣйствительно мѣрныхъ обывателей за несуществующія политическія провинности — все это пускалось въ ходъ «богомъ Игдыра» въ интересахъ прочности какъ собственнаго престола, такъ и того режима, при которомъ возможно существованіе всѣхъ вообще уѣздныхъ, губернскихъ столичныхъ «боговъ». А что участь игдырскаго владыки тѣсно связана съ судьбою всѣхъ «боговъ» России, это долженъ былъ, если не понимать, то по крайней мѣрѣ инстинктивно чувствовать самъ Богославскій: сколько разъ жители подчиненнаго ему уѣзда жаловались на безчинства своего начальника и губернатору, и помощнику главноначальствующаго на Кавказѣ, г. Фрезе, и самому главноначальствующему Голицыну, но безуспѣшно. Кн. Голицынъ оттрепалъ за бороды почтенныхъ старцевъ г. Игдыра, явившихся къ нему въ качествѣ деутатовъ отъ всего уѣзда съ жалобой на Богославскаго, и грозилъ *сослать есѣ уѣзде въ Сибирь за непопеченіе начальству*; а ген. Фрезе оставалъ не разъ такіа жалобы «безъ послѣдствій», вдохновляемый и обескураженный тенденціознымъ вниманіемъ «игдырской богини». Развѣ это не должно было укрѣплять Богославскаго въ мысли о гармоніи интересовъ «боговъ» всей России? И несомнѣнно, что не только личная злая воля Богославскаго, но и увѣренность въ трогательной связи его личныхъ интересовъ съ интересами правящихъ слоевъ диктовали ему тѣ бессмысленные и циничные акты своеволия и разнузданности, которыми онъ ознаменовалъ свое двѣнадцатилѣтнее пребываніе въ званіи уѣзднаго начальника. А разнузданности и самодурства, несчитающагося даже съ элементарнымъ уваженіемъ къ человѣческой личности, было тутъ не мало. Оглохшій отъ побоевъ извозчикъ, избитый до смерти десятилѣтній мальчикъ, десятки другихъ умершихъ и искалѣченныхъ отъ кулачной расправы людей, кошунственная ругань по адресу армянской религіи, незнающее никакихъ границъ издѣвательство надъ служителями ея, взятки,*) штрафы, наказанія, аресты, — всего и не перечтешь! — вотъ славныя дѣянія Богославскаго и его исполнительныхъ сподвижниковъ. Чтобы ярче отбѣднить индивидуальность этого негодая и своеобразный «методъ» его дѣйствій, достаточно указать на слѣдующіе три факта.

Когда въ Эривани или въ сосѣднемъ уѣздѣ возникали какія либо волненія на почвѣ недовольства мѣстнымъ начальствомъ или правительственными распоряженіями, Богославскій, съ цѣлью гарантировать уѣздъ свой отъ «заразы», запрещалъ всѣмъ «подданнымъ» своимъ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, выѣзжать за предѣлы своихъ владѣній...

Узнавши однажды о готовящейся на него жалобѣ губернатору, онъ приказалъ казакамъ разрушить одну изъ стѣнъ строящейся въ Игдырѣ русской церкви, а самъ на другое утро поскакалъ къ губернатору съ доносомъ на армянъ, которые молятъ «бунтуютъ» и даже издѣваются надъ «православной святыней»...

Желая проучить двухъ строптивыхъ крестьянъ, онъ приказалъ ихъ запрячь вмѣсто быковъ въ плугъ и заставилъ такимъ образомъ пахать поле. Эта мѣра практиковалась имъ не разъ.

Кажется, всего этого вполне достаточно, чтобы вывести даже агнцевъ изъ терпѣнія... И террористы рѣшили покончить съ этимъ извергомъ. Онъ былъ убитъ вечеромъ на площади, — тутъ оказалось достаточнымъ одной пули.

*) Послѣ смерти его однихъ ковровъ найдено въ его домѣ на сумму 13,000 рублей.

Смерть Богославского вызвала ликование не только в подвластном ему уезде, но всюду на Кавказе, куда успела проникнуть слава об его деяниях.

«Убийца» скрылся...

За последние два-три месяца убийства политического характера на Кавказе участились. Так в г. Пахичеване убит днем правительственный агент-шпион, в Карсе — жандармский чиновник, в нескольких селах — полицейские чины, известные в качестве шпионов. И всюду такого рода убийства встречают в населении сочувствие, а совершившие их — признательность и даже, в случаях надобности, поддержку. Все это разумеется, бодрит и подымает дух оппозиционно и революционно настроенных элементов кавказского населения.

Вакх. Убийство Плеве вызвало здесь всеобщий восторг. Прокламация Боевой Организации была расклеена, разбросана и роздана здесь к 15 августа в 2000 экз. На другой день появились казаки с нагайками. Но, несмотря на это, в тот же день вечером в губернаторском саду в присутствии казаков и полиции удалось при криках «долой самодержавие!» бросить в толпу в нескольких местах пачки этих прокламаций. Одновременно с этим в театре, во время представления (шла итальянская опера), с галерки также полетели вниз прокламации. Полиция и казаки усердно отнимали их у публики (блестителей было человек 50). Несколько человек арестовано и рассажено по участкам. После самого события восторг выражался тем, что многие поздравляли друг друга, как с самыми дорогими праздниками. Не совсем доволен остался только местный комитет Российской Социалдемократической Партии, выливший свои чувства в особой прокламации от 22-го июля: «Новый враг русского правительства и террор». «Новый враг» это — «земская буржуазия», «передовые слои промышленного капитала», «окраины» и «высшие учебные заведения». «И вот все перечисленные выше слои и группы, кто как умрет, начинают свою кампанию против всех(?) одинаково ненавистного царского правительства. Большинство этих иущих словес пока дальше глухой легальной оппозиции не идет; но(?) все они одинаково радуются, если какому-нибудь ублюдку(?) — смельчаку удастся нанести царскому правительству более сильный удар, если только, конечно, этот удар не подкал(?)ывается под священнейшие права собственности. Таким наиболее любимым и безобидным для буржуазии всех видов приемом борьбы и является путь террора...»

...Только к чему вводить в заблуждение своим якобы пролетарским социализмом рабочих? Ведь этот социализм им (не подумайте, читатель, что под «ими», — так это вытекает из грамматического строя фразы, — разумеются рабочие — ить, бакинские социалдемократы хотели это сказать про социалистов-революционеров) так же к лицу, как бакинским нефтепромышленникам, истребившим от радости, при получении известия об убийстве Плеве, все(!) бакинские запасы шампанского».

Удививши читателей своей точной статистикой запасов бакинское шампанского и потребления его; обругавши — очевидно, по «Гражданину» — убившего Плеве «ублюдком»; окончательно скомпрометировавши нас радостью по поводу убийства Плеве бакинских нефтепромышленников — бакинские социалдемократы нанесли нам еще один, последний, окончательно добивающий нас удар: они заявили, что кроме бакинских нефтепромышленников, рады убийству Плеве («наиболее любимому и безобидному для буржуазии всех видов приему борьбы») еще... сами бакинские социалдемократы.

«И мы, конечно, порадуемся, что с убийством фон-Плеве одной гадюкой в этой шайке преступников стало меньше, и мы порадуемся, временному, разумеется, смятению, произведенному убийством в рядах наших врагов...»

Да, бакинские социалдемократы вполне заслужили прижку за безпорочную службу направлению «Искры».

Киев. За июнь-август нашим комитетом были распространены прокламации Центрального Комитета II. С. - Р. 1) «Новое преступление русского правительства». 2) «Казнь временщика». 3) «Ко всем рабочим». 4) «Ко всему крестьянству» и др., а также две прокламации Боевой Организации. Кроме того, были распространены и свои прокламации: 1) Война и ее жертвы (mimeogr.). 2) По поводу убийства Плеве (печатн.). 3) В память годовщины прошлогодних июльских дней (гектогр.). 4) Новая мобилизация (печатн.)

Что касается местной жизни, то лето прошло, в смысле работы, довольно тихо. Аресты велись «исправно» и даже усиленно — очевидно, в это лето жизнь шла побыстрее. Были аресты в июне, июле и августе. Забирали собрания, сходки и отдельные лица. После 15-го июля были арестованы помощ. присяж. пов. Бронштейн и акушерка Рабинович — по подозрению в соучастии по делу убийства Плеве. Обоих увезли в Петербург — Бронштейна даже в кандалы заковали; все оказалось вздором и их вернули. Удивительно безцеремонное обращение с российскими обывателями! Схватать, заковать в кандалы и потом... ошиблись! Дальше такого безправия идти, кажется, некуда.

Число заключенных в тюрьмы выше 120 человек. Денег мало. Убедительно просим товарищей рабочих и всех вообще, сочувствующих делу борьбы за свободу, оказать посильную помощь Красному Кресту (общество помощи слабым и заключенным).

Товарищи, не забывайте своих братьев, сидящих в тюрьмах! Помните об их нужде! Окажите помощь идущим в ссылку! Все они боролись и будут бороться за общее и дорогое нам дело свободы! Надо сказать правду: среди рабочих почти ни копеей не собирают для помощи слабым и заключенным. А, ведь, большинство их — рабочие!

Сильно оживило рабочую среду нашего города появление первого № нового периодического издания нашего комитета «Рабочее Слово». При современном развитии движения вширь, получаемая транспортом литература никим образом не может удовлетворить всей потребности. Безусловно необходимым популярный листок, сообщающий и распространяющий возможно шире важнейшие известия, а также дающий общее освещение важнейшим очередным событиям и вопросам.

Особо следует упомянуть успехи пропаганды в нашем городе среди солдат. Удачное распространение нелегальной литературы в 33-ей пехотной дивизии принесло желаемый успех. Из книжек наиболее охотно читались: «За вѣру, царя и отечество» Ивана Вольного и «Солдатский подвиг» Митронова; распространяют много прокламаций. Появление брошюр, специально описывающих солдатскую жизнь со всеми ее невзгодами, прокламации, разъясняющие причины войны и положение дела на Дальнем Востоке, — все это произвело громадное влияние на солдат и всколыхнуло сѣрую солдатскую массу. Представьте себе только казармы или лагери со всей муштровкой, маршировкой и «учением», вникните, какая там царит затхлая умственная атмосфера, и вдруг — нелегальные книжки, прокламации. И все о своем: о солдате, о войне. Надо было также видеть, с какой жаждой набрасывался какой-нибудь солдатик на листок, на книжку. Их читали на перебой, при помощи своих же «спропагандированных» устроили кружки, где объясняли непонимающим, в чем дело. Работа закипела. Особенно быстро пошла дела летом; были и обыски. В конце июля был арестован ефрейтор Херсонского полка, отлучившийся с дежурства; у него нашли 2 нелегальные книжки. Также был обыск в Бессарабском полку. Трусилы тряпки и всякую рухляк в солдатских сундуках, но ничего не нашли. В Бендерском полку дежурный офицер изругал солдата за какую-то оплошность площадной бранью и ударил его по физиономии. Солдат не стерпѣл и в свою очередь размахнулся и избил офицера физиономией. Солдата арестовали.

7-го августа были обыски в Тираспольском и Бендерском полках; солдат всех вызвали из палаток, никому не позволили входить, а офицеров поставили сторожить у выгребных ям, солдатских клозетов — чтобы кто-нибудь не успел уничтожить нелегальщину. Нашли нелегальную литературу.

9-го августа сѣдлали внезапный обыск в Бессарабском полку. Солдат выстроили перед палатками, тщательно искали в солдатских сундуках. Нашли несколько брошюр и листов у ветеринарного фельдшера и еще у двух рядовых. Всех троих отправили в крѣпость.)

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ГОРОДАХЪ И ДЕРЕВНЯХЪ.

Вильно. Рабочее движение в нашем крае, в частности

*) См. «Рабочее Слово», № 1, от 1 сентября, изд. Киевского Комитета II. С. - Р.

въ Вильнѣ, несомнѣнно переживаетъ нѣкоторый кризисъ. Послѣ бурныхъ событій 1902 года, послѣ того колоссальнаго подъема революціоннаго настроенія, которымъ эти событія сопровождались, движеніе не можетъ развиваться въ прежнихъ рамкахъ. Такъ что, съ внѣшней стороны, въ движеніи замѣчается какъ будто нѣкоторое затихше. Но никто не станетъ отрицать наличности сильнаго революціоннаго, террористическаго настроенія въ еврейской рабочей массѣ. Это настроеніе сказалось особенно сильно въ статьѣ «Зубъ за зубъ» въ № 3 газеты «der Bund». Статья призываетъ рабочихъ не оставлять безнаказаннымъ ни одного насилія, ни одного оскорбленія со стороны полиціи. Она объявляетъ недостойнымъ имени революціонера и социалиста всякаго, кто не отвѣчаетъ на насилие насилиемъ, кто молчаливо сноситъ оскорбленія со стороны царскихъ слугъ. Но такъ какъ фактически только наша партія идетъ навстрѣчу росту революціоннаго настроенія въ рабочей массѣ, то мы твердо убѣждены, что только мы и можемъ продолжать здѣсь дѣло политическаго воспитанія рабочаго класса. Наша группа съ самаго своего образованія вызвала сильный интересъ среди бундовскихъ рабочихъ. Наша литература быстро распространялась. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи совершенно не было литературы на жаргонѣ, да и на русскомъ языкѣ ея было слишкомъ недостаточно. Мы не могли въ достаточной степени познакомить массу съ нашей программой и тактикой, и представленіе рабочихъ о нашей партіи иногда грѣшитъ даже нѣкоторой фантастичностью. Во всякомъ случаѣ, даже у людей, очень смутно знакомыхъ съ нами, представленіе о нашей партіи связано съ представленіемъ о расширеніи движенія, о чемъ то, можетъ быть, рискованномъ, можетъ быть, даже лишнемъ, но несомнѣнно новомъ, несомнѣнно выходящемъ изъ рамокъ шаблонности. Интересно въ этомъ отношеніи то, напримѣръ, что вопросъ о работѣ въ крестьянствѣ нѣрѣдко связывается съ вопросомъ о работѣ среди рабочихъ-христіанъ, т. е. вообще о расширеніи сферы воздѣйствія передовыхъ слоевъ еврейскаго пролетаріата. Рабочіе бундовцы, съ которыми намъ приходилось сталкиваться ближе, всѣ безъ исключенія симпатизировали той или иной формѣ террора. За то по части неизбѣжности «капитализации-пролетаризации» обнаруживали немалое упорство. Нечего и говорить, какимъ важнымъ моментомъ въ жизни нашей организаціи была казнь Плеве. Весело было работать въ атмосферѣ, насыщенной динамитомъ. И если намъ удалось, наконецъ, послѣ долгихъ усилій создать ядро рабочихъ агитаторовъ, то цементомъ, сплотившимъ ихъ, несомнѣнно было событіе 15-го іюля. О впечатлѣніи, произведенномъ казнью Плеве, не приходится распространяться. Въ городѣ чувствовалось что-то праздничное, глубоко радостное и глубоко торжественное. Что касается еврейскихъ рабочихъ, то достаточно было бы «кликнуть кличъ», и Вильна увидѣла бы небывало праздную манифестацію. Къ сожалѣнію, наша организація была слишкомъ слаба. Отношеніе къ намъ сознательныхъ бундовскихъ рабочихъ послѣ 15-го іюля замѣтно измѣнилось къ лучшему. Громъ взрыва заглушилъ трусливый лепетъ марксистоподобныхъ доктринеровъ, онъ звалъ къ смѣлости, и не только въ активной борьбѣ, но и въ теоретическихъ построеніяхъ. Схематическая архитектура социалъдемократическихъ головъ, съ капитализацией и пролетаризацией, потерпѣла чувствительное пораженіе. Интересъ къ нашей программѣ растетъ, растетъ и желаніе и способность понимать насъ. Въ концѣ іюля и въ началѣ августа мы удачно распространяли прокламаціи Областнаго комитета, Минскаго комитета и Бѣлостокской рабочей организаціи. Чувствуется настоятельная потребность въ жаргонной литературѣ, преимущественно программнаго характера, и преимущественно по аграрному вопросу.

Кіевъ (письмо рабочаго съ типографіи Акц. общ. Корчакъ-Новицкаго). Трудно живется рабочимъ въ нашей типографіи; очень велика эксплуатація, очень мала расцѣнка работъ. Штрафы очень велики, вычеты разные и всякія прижимки со стороны администраціи типографіи. Въ особенности отличается завѣдующій переплетной Михаѣль Фомичъ Артыновъ. Въ мастерской работаютъ между прочимъ и дѣвушки. Чуть кто изъ нихъ придетъ тотчасъ послѣ свистка,—Артыновъ запишетъ полчаса, а то и часъ «прогула», даже штрафуетъ за это. Жалованье имъ небольшое—отъ 7 до 12 руб. въ мѣсяцъ. Изволь работать за эти гроши цѣлый день! Къ тому же Артыновъ безъ стѣсненія ругаетъ дѣвушекъ, ведетъ себя безобразно, позволяетъ себѣ даже бить ихъ планкой отъ обрѣ-

ной машины. Переплетчикамъ установилъ сдѣльную плату (и очень низкую) вмѣсто мѣсячнаго жалованья. Хорошій подмастерье зарабатываетъ самое большее 15—18 руб. Рабочіе недовольны, но они безсильны, потому что разрознены. Товарищи, пора намъ сплестись вмѣстѣ, дружно бороться за свои права и интересы. Только дружной борьбой добьемся мы себѣ лучшей доли. Не бойтесь жертвъ, не бойтесь гоненій и преслѣдованій. Даромъ ничего не дадутъ, все возьмемъ съ бою. Да здравствуетъ рабочій союзъ! Въ единеніи наша сила! Рабочій.

Сормово.—13 августа началась забастовка, очень дружная и отличавшаяся мирнымъ характеромъ. Отказавшись работать, рабочіе мирно разошлись по домамъ. На четвертый день объявили, что всѣхъ рабочихъ уполняютъ. Всѣмъ рабочимъ производятъ расчетъ (рабочихъ около 15.000). Забастовка произошла на почвѣ штрафовъ, установленныхъ еще года три тому назадъ, но до послѣдняго времени «штрафныя правила» значились только въ книжкахъ, и приведеніе ихъ въ исполненіе зависѣло отъ завѣдующаго цехомъ; такимъ образомъ возможно было путемъ личныхъ объясненій съ завѣдующимъ очень часто отстранить грозящую опасность штрафа. Нынѣ по распоряженію администраціи завода былъ приставленъ особый стражъ для исполненія «закона о штрафахъ». Послѣднее обстоятельство и послужило непосредственнымъ поводомъ къ забастовкѣ. Арестовано много рабочихъ.

Гомель. Въ одномъ селѣ нашего уѣзда произошелъ курьезный и характерный эпизодъ, который стоить разсказать вкратцѣ. Въ началѣ весны крестьяне пригласили попа освятить у нихъ поле. По тотъ запросилъ съ нихъ слишкомъ дорого, и крестьяне, потолковавъ между собой (при чемъ раздавались довольно вольнодумныя рѣчи), отказались отъ его услугъ и сѣяли на неосвященномъ полѣ. Священникъ грозилъ «маловѣрнымъ» божьею карою и неурожаемъ, но это на нихъ не подѣйствовало. И вотъ, въ заключеніе всего, на неосвященномъ полѣ теперь оказался такой урожай, какой случается не часто. Этого, на первый взглядъ, ничтожный случай, произвелъ серьезное броженіе среди окрестныхъ крестьянъ. Вообще, мысль мужика начинается усиленно работать, не только не обходя вопросъ вѣры, но, напротивъ, часто съ нихъ и начинала. Первые шаги пробуждающейся мысли сказываются въ освобожденіи отъ гнета нависшихъ и скрывавшихъ умъ традиціонныхъ вѣрованій, покорности голосу «церкви» и т. под. Не мѣшало бы имѣть литературу, приспособленную для крестьянъ, и дающую историческую критику «аутентичности» такихъ источниковъ, какъ Библія и Евангеліе. Нѣкоторые мѣстные попы крайне встревожены. «Теперь, вмѣсто Бога-то, съ позволенія сказать, въ удобреніе вѣрують!» — уныло ворчалъ одинъ встревоженный «служитель алтаря». Но мысль крестьянина хватаетъ уже гораздо далѣе этихъ элементарныхъ вещей, и не одни попы имѣютъ всѣ основанія настраиваться на тревожный ладъ...

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ НА ЗАПАДѢ.

Третій конгрессъ социалистической партіи Франціи (P. S. de F.) въ Лиллѣ.

За нѣсколько дней до Амстердамскаго международнаго конгресса состоялась въ Лиллѣ сѣзды «социалистической партіи Франціи», образовавшейся, какъ извѣстно, въ 1902 г. на конгрессѣ въ Commeny изъ двухъ французскихъ социалистическихъ фракцій — гелистской (ортодоксально-марксистской) и блиакстской. Это крайнее лѣвое крыло французскаго социализма, ревниво оберегающее лучшіе заветы революціоннаго интернаціонала противъ парламентарнаго оппортунизма Жорестской фракціи, съ одной стороны, и антиполитическаго анархизма или «одного лишь синдикализма», съ другой, переживаетъ въ настоящую историческую минуту довольно тяжелый кризисъ. Антиклерикальная политика кабинета Комба привлекаетъ къ правительству симпатіи широкихъ слоевъ мелкой буржуазіи и демократически-настроенные слои пролетаріата. Болѣе умѣренно настроенные слои рабочихъ классовъ, симпатизирующие социализму, подчиняются влиянію Жореса и его фракціи, не смотря на всѣ ея сомнительные тактические шаги, какъ въ стѣнахъ парламента, такъ и внѣ его. Благодаря Жоресу и его фракціи, въ большинствѣ своемъ идущей еще дальне своего лидера и компрометирующей въ глазахъ болѣе революціонно настроенныхъ рабочихъ парла-

ментарную тактику социализма, усиливается во Франции недовольство к «политикѣ», принимающее форму чисто-экономическаго, синдикальнаго и анархистскаго теченія. Очевидно, что бороться со всеми этими «новыми методами» социалистической партіи Франции не легко, тѣмъ болѣе, что славленная изъ двухъ не совсѣмъ однородныхъ элементовъ сама эта партія не проявляетъ ни особеннаго единства ни энергіи, что сказалось между прочимъ, и на послѣднемъ ея съѣздѣ въ Лиллѣ.

Въ числѣ иностранныхъ гостей-делегатовъ своихъ партій на этомъ конгрессѣ находились и нашъ товарищъ Рубановичъ, уполномоченный специально для этого заграничной организацией П. С. Р. Привѣтственное слово, произнесенное имъ, было встрѣчено бурными рукоплесканиями. Уже одно появленіе его на трибуну вызвало цѣлый взрывъ аплодисментовъ, сопровождавшихся криками: «Долой Паря!»

Привѣтственная рѣчь тов. Рубановича сводилась вкратцѣ къ слѣдующему: «Русская Партія социалистовъ-революционеровъ сочла своимъ долгомъ послѣдовать приглашенію социалистической партіи Франціи и отрядить на ея конгрессъ своего делегата. Между социально-революционными партіями Россіи и Франціи господствуетъ уже давно полнѣйшая солидарность идей и цѣлей. Такое же единство замѣчается и по отношенію обѣихъ партій къ русско-японской войнѣ. Извѣстный лозунгъ Вальяна: «лучше возстаніе, чѣмъ война!» встрѣтилъ живой откликъ въ русскихъ сердцахъ. Въ настоящее время мы замѣчаемъ глубокое пониженіе военнаго престижа русскаго абсолютизма, и мы надѣемся, что однимъ изъ послѣдствій этой войны будетъ паденіе царизма. Но Россія ведетъ въ данную минуту еще и внутреннюю войну, войну противъ абсолютизма и капитализма въ одно и то же время, ибо въ Россіи нѣтъ революціонной буржуазіи. Социалистическая борьба опирается на всѣ революціонно-настроенные слои города и деревни, находящіеся въ состояніи броженія. Конечно, и у насъ существуютъ различныя социалистическія фракціи, но никто не сможетъ сказать, что одна какая-либо изъ нихъ не стоитъ на почвѣ классовой борьбы, ибо у всѣхъ насъ одинъ и тѣ же учителя — Марксъ, Энгельсъ, Лавровъ, преподававшіе намъ основныя начала научнаго социализма... Что же касается современной террористической борьбы нашей Партіи, то она есть лишь отвѣтъ на правительственный терроръ. Вашъ долгъ — поддерживать насъ въ этой мучительной борьбѣ»... (Бурныя рукоплесканія).

Предсѣдательствующій *Гюкьеръ* произноситъ по адресу тов. Рубановича нѣсколько привѣтственныхъ словъ, проситъ его вѣрить въ полнѣйшую солидарность социалистической партіи Франціи съ русскими революціонерами. «Низверженіе абсолютизма — восклицаетъ онъ, между прочимъ—будетъ зарей социальной революціи въ Европѣ».

Въ послѣдовавшей затѣмъ рѣчи *Лафарга* важно отмѣтить слѣдующее мѣсто, относящееся къ русско-японской войнѣ и ея послѣдствіямъ. «Эта война, — сказалъ Лафаргъ, — являлась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ счастливымъ событіемъ. Это освободительная война, между прочимъ, и для Франціи. Послѣдуетъ пораженіе Россіи, — что останется тогда отъ патріотическихъ превозношеній русскаго алліанса. Русское пораженіе ускоритъ паденіе царизма и государственное банкротство Россіи. Русская революція откажется, разумеется, отъ уплаты долговъ царя, подобно французской революціи, объявившей государственное банкротство. Это означаетъ, однако для Франціи, вслѣдствіе ея милліардныхъ займовъ, разореніе безчисленнаго множества мелкобуржуазныхъ существованій. Тогда всѣ эти обмороченные идеи франко-русскаго патріотизма сознаютъ, что социалисты, съ ихъ предостереженіями противъ русскихъ займовъ, доказали ясное пониманіе вещей. Вообще, паденіе царизма ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться безъ глубокихъ послѣдствій для Запада. И тогда мы овладѣемъ не только городскимъ управленіемъ (намекъ на недавніе выборы. Ред.), но и политическою властью и всеми орудіями производства».

Что касается предметовъ занятій настоящаго конгресса, то особенный интересъ, въ числѣ ихъ, представляетъ *вопросъ о всеобщей стачкѣ*, по поводу котораго возгорѣлись въ Лиллѣ самыя оживленныя пренія. При чемъ обнаружилось двѣ тенденціи, соотвѣтственно двумъ подъ-фракціямъ социалистической партіи Франціи. Гедисты были противъ всеобщей стачки, бланкисты за нее. Приводимъ вкратцѣ послѣдовавшіе по этому поводу дебаты:

Вальяна требуетъ вполнѣ опредѣленнаго положенія по отношенію ко всеобщей стачкѣ, а именно, признанія ея «какъ

одного изъ революціонныхъ средствъ борьбы съ современнымъ обществомъ».

Гедъ: «Прежде чѣмъ мы выскажемся по этому вопросу, слѣдуетъ точно опредѣлить, что мы разумѣемъ подъ всеобщей стачкой. Во Франціи всеобщая стачка была впервые — на Турскомъ конгрессѣ профессиональныхъ рабочихъ синдикатовъ въ 1895 г. — объявлена въ качествѣ законнаго средства борьбы, долженствующаго замѣнить собою политическую революцію. Вообще, съ самаго же начала всеобщая стачка была противопоставлена политической борьбѣ и стала настоящимъ маневромъ противъ политической методы современнаго социализма. Позднѣ всеобщая стачка была объявлена средствомъ социальной революціи: отъ 4 до 5 милліоновъ рабочихъ должны будутъ оставить фабрики и мастерскія и тѣмъ самымъ привести въ бѣсиліе 400-500 тысячъ разбросанныхъ по всей странѣ солдатъ. Но вѣдь это дикая фантазія! Совершенно непрактично, чтобы милліоны рабочихъ были готовы умереть за свой классъ съ голоду, въ то время какъ они не хотятъ даже подать за свой классъ голосъ во время выборовъ!... Кромѣ того, надо имѣть въ виду еще и крестьянъ: не перейдутъ ли они, потерпѣвъ отъ всеобщей стачки городскихъ рабочихъ, на сторону буржуазіи? Между тѣмъ, безъ крестьянъ совершить революцію мы не можемъ... Слово «всеобщая стачка» породило уже много вреда. Всеобщая стачка! слѣдовательно, не зачѣмъ болѣе и организоваться. Всеобщая стачка! не зачѣмъ, значитъ, голосовать во время выборовъ. Всеобщая стачка! и распространяется презрѣніе къ политиканамъ, желающимъ де существовать на счетъ рабочихъ. Теперь фразы о всеобщей стачкѣ вредятъ социализму болѣе, чѣмъ министерализмъ, который самъ себя дискредитируетъ въ глазахъ рабочихъ. Должны ли мы въ виду этого еще съ своей стороны поддерживать этотъ призракъ, разрушать наше дѣло, колебать основы нашей партіи, и то еще въ Амстердамѣ... (Аплодисменты. Кто то кричитъ Геду: а какъ вы представляете себѣ социальную революцію?). Революціи всегда и вездѣ совершались по одному шаблону, всегда вмѣстѣ съ арміей и никогда противъ нея. Такъ же побѣдимъ и мы. Но особенное вниманіе мы должны обратить на избирательныя кампаніи и смотрѣть на нихъ, какъ на подготовленіе революціи».

(Бурныя аплодисменты).

Сортъ (женщ.): «Если мы вычеркнемъ всеобщую стачку изъ нашей тактики, то рабочіе все болѣе станутъ избѣгать насъ и переходить въ лагерь анархизма».

Ландрувъ: «И я, конечно, отвергаю всеобщую стачку въ качествѣ исключительнаго средства революціи, но я за нее, какъ за одно изъ революціонныхъ средствъ. Аргументація Геды противъ всеобщей стачки можетъ быть примѣнена съ такимъ же правомъ и противъ революціи вообще. Тѣ самые рабочіе, которые не имѣютъ мужества или не хотятъ вотировать за социалистическаго кандидата, подвергаются, съ другой стороны, зачастую голоду лишь бы принять участіе въ стачкѣ противъ предпринимателя. Политически остальные рабочіе могли бы превосходно принять участіе во всеобщей стачкѣ... Въ мѣ жалуюсь на наше слабое вліяніе на рабочія массы; противъ этого можетъ помочь лишь сближеніе съ профессиональными рабочими синдикатами. Но разъ мы отвергнемъ всеобщую стачку, мы еще болѣе углубимъ ту пропасть, которая существуетъ теперь между партіей и синдикатами. Вытѣснить анархистовъ изъ рабочихъ биржъ будетъ намъ не трудно, разъ только мы объявимъ всеобщую стачку однимъ изъ средствъ социальной революціи».

Вальяна: «Я совершенно согласенъ съ Гедомъ, что мы, какъ политическая партія, должны предпочитать политическую акцію. Но и всеобщая стачка способна вызвать глубоко захватывающее, революціонное народное движеніе. Мы не можемъ вполнѣ точно предугадать будущее. Возможно, что всеобщая стачка послужитъ средствомъ завоеванія политическихъ правъ или защиты противъ реакціонныхъ покушеній на наши права. Въ разныя эпохи революціонеры боролись разными средствами. Мы должны бороться противъ идеи всеобщей стачки, понимаемой въ качествѣ панацеи; мы не должны усматривать въ ней ни единственное, ни даже наиболѣе вѣрное средство революціи, но все же какъ одно изъ возможныхъ революціонныхъ средствъ».

Лафаргъ: «Центромъ теченія въ пользу всеобщей стачки является Парижъ; въ провинціи не замѣчается ничего подобнаго. Кто инициаторы этой идеи? Господа Бріаны и Пеллутте, честолюбцы, желающіе противъ социалистической партіи образовать свою собственную! Слово «всеобщая стачка» поддаетъ

ся различнымъ толкованіемъ и потому опасно. Соціалисты не должны придавать всеобщей стачкѣ значеніе революціонныхъ средствъ. Единственное, что мы можемъ сказать въ нашей резолюціи, такъ это то, что *въ случаѣ* возникновенія всеобщей стачки, мы должны будемъ стать на сторону рабочихъ, т. е. такъ же, какъ и въ случаѣ обыкновенныхъ стачекъ...

Лето: «Нѣтъ спору, что крупная стачка можетъ имѣть революціонныя послѣдствія, но развѣ отсюда слѣдуетъ, что мы должны систематически и сознательно вызывать ее? Динамитный аттентатъ тоже, вѣдь, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ странахъ вліять революціонно, но слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны бросать бомбы? Всеобщій стачкизмъ и социализмъ несомнѣстимы. Всеобщая стачка есть «баррикада пассивныхъ людей». Революціи могутъ быть совершены меньшинствомъ, всеобщая стачка — никогда. Нашей резолюціи слѣдовало бы указать на насильственную, инсurreкціонную форму революціи»...

Въ концѣ концовъ объ тенденціи примирились на резолюцію, объявляющей всеобщую стачку однимъ изъ возможныхъ революціонныхъ средствъ, на ряду съ вооруженнымъ возстаніемъ. Бланкисты, такимъ образомъ, оказались побѣдителями...

Изъ партійной дѣятельности.

Харьковский Комитетъ П. С.-Р. выпустилъ прокламацію «По поводу послѣднихъ событій» (Пораженія русской арміи, рожденіе наслѣдника). За іюль мѣсяцъ Харьковскимъ Комитетомъ изданы прокламаціи: «Съ Дальняго Востока» (125), «Къ обществу» (125), «Къ русскому народу» (200), переиздана «Рѣчь Г. А. Гершуни» (100).

Вѣлостокская Организация П. С.-Р. распространила за іюль и августъ: прокламаціи Сѣв.-Зап. Областного Комитета «Ко всѣмъ» (1000) и «15 іюля» (1000), Минскаго Комитета «Ко всѣмъ гражданамъ» (500) и Вѣлостокской Организаци «По поводу убійства Плева» (3000).

Кіевскимъ Комитетомъ за іюль и августъ выпущены были прокламаціи: 1) Война и ея жертвы (mimeogr.), 2) По поводу убійства Плева (печ.), 3) Въ память годовщины прошлогоднихъ іюльскихъ дней (гектогр.), 4) Новая мобилизація (печ.). Въ сентябрѣ комитетомъ выпущенъ № 1 періодическаго листка «Рабочее Слово». Содержаніе: 1) статья по поводу царскаго манифеста, 2) стихотвореніе рабочаго, 3) Внутреннее обозрѣніе (событія на Дальнемъ Востоцѣ, внутреннія репрессіи, новый законъ о судѣ надъ политическими, убійства Бобрікова и Плева). 3) Хроника революціонной борьбы, 4) Мѣстная хроника (корреспонденціи), и 5) Денежный отчетъ Кіевск. Ком. П. С.-Р.

Желаемъ отъ всего сердца успѣха литературному предпріятію Кіевскихъ товарищей, своевременность и необходимость котораго не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Одесскій Комитетъ выпустилъ прокламаціи: 1) Кто главный виновникъ войны? (печ., 3000 экз.), 2) О царскомъ манифестѣ, 3) Къ солдатамъ Одесскаго округа — по поводу мобилизаціи (печ., 3000 экз.) и 4) Къ народу — о войнѣ и послѣднихъ событіяхъ (печ., 5000 экз.).

Въ послѣдней прокламаціи комитетъ, между прочимъ, выставляетъ основныя требованія, немедленнаго проведенія которыхъ въ жизнь добивается партія, и заключаетъ:

«Нѣтъ! не нужна намъ царская милость, намъ нужна справедливость. Къ борьбѣ за свои права мы и призываемъ рабочий народъ.

«Товарищи! Въ борьбѣ хороши всѣ средства, которыя ведутъ къ цѣли. И мы, социалисты-революціонеры, принимаемъ всѣ средства, ослабляющія силы врага и увеличивающія силу народа, начиная отъ бомбы, которой недавно убитъ временщикъ и любимецъ царя, Плева, и кончая вооруженнымъ возстаніемъ, въ которомъ народъ выразитъ твердо и ясно волю свою!

«Но мы хотимъ борьбы, а не однихъ праздныхъ рѣчей и разговоровъ о ней и призываемъ всѣхъ — къ оружію!

«Мы увѣрены, что въ трудныя минуты, переживаемыя нашей родиной, рабочий народъ найдетъ въ себѣ силы для такой борьбы.

«Будьте же готовы, товарищи, — часть расплаты съ врагами не за горами!»

Игуменскій Крестьянскій Союзъ С.-Р. выпустилъ въ августѣ двѣ прокламаціи къ товарищамъ-крестьянамъ.

Житомирская Рабочая Организация Волинскаго Коми-

тета П. С.-Р. выпустила заявленіе о своемъ сформированіи. Заявленіе начинается съ краткаго историческаго очерка роста рабочаго движенія въ Житомирѣ, излагаетъ, какъ и почему рабочіе, вначалѣ недовѣрчиво относившіеся къ революціонной пропагандѣ, стали примыкать къ социалистамъ.

«Съ возникновеніемъ Волинскаго Комитета Соціалистовъ-Революціонеровъ, революціонное дѣло пошло у насъ успѣшнѣе — примыкали новые рабочіе, возникали кружки, рабочіе занимались съ увлеченіемъ. Среди насъ мало по малу начали выработываться сознательные опытные пропагандисты, которые энергично повели свое родное дѣло. И теперь Волинскій Комитетъ находитъ необходимымъ выдѣлить особую рабочую организацию, которая будетъ заниматься дѣлами рабочихъ на Волини.

«Товарищи! Объявляя организацію утвержденной, мы не можемъ не надѣяться, что эта организація удесятеритъ нашу энергію, что мы съ новыми силами двинемся дружно впередъ за святое дѣло свободы.

«Мы зовемъ насъ всѣхъ угнетенныхъ рабочихъ въ ряды Соціалистовъ-Революціонеровъ.

«Мы хотимъ вамъ открыть широкие горизонты того міра, гдѣ не будетъ голодныхъ, обиженныхъ, угнетенныхъ, — міра труда, равенства и свободы.

«Мы укажемъ вамъ пути, которые ведутъ къ этому міру всеобщаго счастья и равенства.

«Да здравствуетъ же рабочее дѣло и да погибнетъ самодержавіе — первое препятствіе на нашемъ пути!

Красноярская Группа С.-Р. переиздала и распространила партійную прокламацію «Кто виновать?»

ОТЧЕТЪ ЗАГРЯНИЧНАГО КОМИТЕТА П. С.-Р.

За іюль 1904 года.

(Во франкахъ). Остатокъ съ іюня — 783.55, тетка — 123, изъ кармана — 60, Кляба — 246, инженеръ — 19.80, литературное предпріятіе — 1785.40, Цюрихъ: съ вечера — 211.20, съ предпріятія — 3.20, карточки — 6, Б.: С. — 39.35, Г. — 25, Льежъ: карточки и предпріятіе — 8.65, Парижъ: съ рѣзер. — 57, неавз. — 3, Саня — 5, К. — 3, Москвичка — 20, Митя — 20, неизвѣстная — 12, благодарный жертвователь — 10, Освобожденецъ — 20, №№ — 0.25, Е. — 15, открытки — 17.50, на изданіе книги Лаврова — 15.20, изъ Р.: А. — 110, С. — 100 и 120, А. — 95, Капа — 66.25, изъ Америки — 515, возвр. долгъ — 25.85, изъ М. — 1300, М-ко — 132.50, математикъ — 165, карточки — 5, черезъ Л. — 100, Ближній — 100, пожертвовано для отправки Р. Р. — 200, членскіе взносы — 148.80, черезъ Центральный Комитетъ — 2000, За литературу: Цюрихъ — 99.90, Б. — 56.75, Льежъ — 22.05, Памси — 20, М.з. Парижъ — 143.45, Африка — 2.85, изъ Россіи — 265, изъ Г. — 11.10, Женева — 27.95, Лозанна — 45, Леобенъ — 19, Д. — 4.75, изъ магазина — 0.40, Бернъ — 10, Римели — 194, Вей — 10, Итого — 9613.70. Расходъ — 8123.05. На августъ остается въ кассѣ — 1490.65.

Бельгійская Рабочая Партія устроила праздникъ въ народномъ домѣ въ Брюсселѣ въ пользу русскихъ политическихъ ссыльныхъ. Доходъ съ этого праздника — 283 фр. 90 с. полученъ нами съ просьбой половину передать въ общую кассу помощи ссыльнымъ и половину въ пользу ссыльныхъ социалистовъ-революціонеровъ. Выражаемъ свою глубокую благодарность бельгійскимъ товарищамъ за это проявленіе интернаціональной солидарности.

ХРОНИКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ ГОНЕНІЙ.

БѢЛОСТОКЪ. — Послѣ манифестаціи 3 августа въ продолженіе 3-хъ дней производились аресты на улицахъ, причемъ было арестовано до 40 чел. 12 августа, послѣ объявленія манифеста, всѣ были освобождены. Въ тотъ же вечеръ аресты возобновились. Снова арестовано свыше 40 чел. СЕВАСТОПОЛЬ. — Въ началѣ августа арестованы: Кучеръ, Каютенко (штурманъ), Щенетевъ (штурманъ), Шидловскій и неизвѣстный въ трактирѣ, гдѣ онъ читалъ прокламацію. ШЕН-КУРСКЪ Архангельской губ. — Арестов. Кирилловъ, КИШИНЕВЪ. — Въ здѣшней тюрьмѣ сидятъ: Петръ Гуманюковъ (по дѣлу транспорта), Василій Стреколичъ (по дѣлу типографіи), Степанъ Примичой (за храненіе литературы), Баладианъ берл. студ. (арестованъ на вокзалѣ), Николай Онуферіевъ (телеграфистъ) и Николай Долголевъ (инт.) — задержаны въ Слесѣ; всѣ обвиняются въ принадлежності къ с. р. организаціи. ВОЛОЧИСКЪ. — При перѣздѣ черезъ границу въ Россію арестована Ольга Алексѣевна Галикина съ тремя дѣтьми, — одного, грекъ и семи лѣтъ. Тутъ же на ст. арестованы встрѣчавшіе ее сестра съ мужемъ, Бремзе. Всѣ препровождены въ Житомирскую тюрьму. Возмутительный фактъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Сѣрному 13. Корреспонденція о Путявѣ получена, пойдеть въ слѣд. №. Получено также «Изъ побѣды Зиновьева». Въ іюль и августъ изъ К. ничего не получали. Вѣрному Другу. Получили. А. А. Мы не получали вѣсточка отъ Б. Б.; имѣете ли вы о немъ свѣдѣнія, живъ ли онъ? Сѣрному. Рукопись «Ко всему русскому народу» получена и передана въ ред. «Народнаго Дѣла». Кіевъ. Письма и все проч. получено. «Раб. Слово» № 1 полученъ въ 2 экз., по-здравляемъ и желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ. «Программа» издан. Группы Студентовъ-Революціонеровъ получена. «Рабочему П. С. Р.» Рукопись по религіознымъ вопросамъ получена.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССІЯ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

№ 53

30 Сентября 1904 г.

НА ДВА ФРОНТА.

Процессъ внутренняго гніенія, вырожденія, саморазложенія самодержавія быстрыми шагами подвигается впередъ. Подтачиваемый червоточиною изнутри, современный политическій режимъ долженъ напрягать всѣ свои силы, одновременно выдерживая упорную борьбу, упорную и ожесточенную войну на два фронта: войну внѣшнюю, съ провинциальной г-дами Алексѣевыми и К^о Японіей, и войну внутреннюю, съ провинциальной г-дами Плеве и К^о собственной страной. И въ той, и въ другой войнѣ самодержавное правительство не разъ громко похвалялось чуть не въ 24 часа раздавить, уничтожить, покорить подъ ножи свои враговъ и супостатовъ; и въ той, и въ другой войнѣ оно терпѣло въ послѣднее время рядъ ударовъ, рядъ постигшихъ неудачъ, свѣдѣтельствующихъ о полной его неспособности, о полномъ его банкротствѣ даже въ той области, гдѣ оно считало себя особенно сильнымъ — въ кровавомъ ремеслѣ истребленія и усмирения своихъ враговъ.

Рѣдко посматривая исторію такіе благопріятные моменты для того, чтобы ускорить неизбежную гибель, чтобы прикончить смѣлыми революционными ударами самодержавнаго спрута, обвиняемаго своими длинными и пѣвческими инуальцами всю страну и сдавливающего ее въ мертвахъ, холодныхъ объятіяхъ. Не понять такого момента — несчастіе; сознательно пропустить его — преступленіе; проявить неспособность имъ воспользоваться — смертный приговоръ для партій.

Почему же, по мѣрѣ прогрессирующаго вырожденія и разложенія самодержавія, мы не видимъ одновременнаго усиленія натиска на него *со стороны* революціонныхъ силъ? Почему не крикнуть со всѣхъ сторонъ удары по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ врагъ? Или мы хотимъ дать ему переждать трудное время, окружить, собраться съ силами? Или мы утратили всякое чутье дѣйствительности? Или мы застыли, пораженные на смерть революціонной импотенціей? Или, наконецъ, нашей доброй волѣ стали поперекъ дороги неумолимые «неизмѣняющія обстоятельства»?

Увы, все свалить на «неизмѣняющія обстоятельства» невозможно. Нѣтъ сомнѣнія, что внутренніе дефекты самого революціоннаго движенія играютъ въ современномъ положеніи дѣлъ не послѣднюю роль. Не только самодержавіе ведетъ внѣшнюю войну со связанными руками, обезсилѣнное и парализованное «внутренней смутой»; много остается желать въ этомъ смыслѣ и вся совокупность враждебныхъ ему силъ. Это не единый лагерь, это, на первый взглядъ, даже не сплоченная армія. Для поверхностнаго наблюдателя можетъ даже показаться иной разъ, что это — пестрый конгломератъ партій, фракцій, группъ и подгруппъ, тинующихъ въ разные стороны, раздѣленныхъ исторической враждой, занятыхъ междоусобной борьбой, сведеніемъ своихъ давнишнихъ счетовъ, а иногда — увы! даже и накопленіемъ мелочныхъ дрязгъ. Конечно, такое сужденіе было бы слишкомъ поверхностнымъ и одностороннимъ, но — дыму безъ огня не бываетъ... И, несомнѣнно, расцѣлъ партійныхъ раздоровъ въ части революціоннаго лагерь дошелъ до такой степени, а представители

расколовшихся фракцій погрузились, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, въ такую бессодержательную, мелочную и лично озлобленную полемику, что многіе изъ нихъ могли бы вспомнить, если бы обладали необходимой для этого искренностью и глубиной чувства, покаянные слова поэта —

Выводи на дорогу тернистую!

Разучился ходить я по ней,

Погрузился я въ тину нечистую

Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей...

А между тѣмъ исторія не ждетъ, время не терпитъ и быстро обгоняетъ въ своемъ теченіи партій, выкинутыя на историческую отмель внутренняго междоусобія и вынужденнаго ими бездѣйствія...

Конечно, нельзя сказать чтобы всѣ партійныя и фракціонныя дѣленія были искусственны, или раздуты. И прежде всего, въ лагерьъ противниковъ самодержавія можно провести первую и основную грань: между партіями, являющимися и желающими быть чистыми выразительницами интересовъ опредѣленнаго общественнаго класса, а тѣмъ самымъ и социологическаго принципа, носителемъ котораго является этотъ классъ, — и партіями промежуточными, партіями умѣреннаго прогресса, вводящими въ свою программу лишь отступленіе отъ которыхъ — безспорно, весьма важныхъ, но слишкомъ общихъ, — общихъ весьма разнообразнымъ и даже антагонистическимъ слоямъ потребностей; партіями, вынужденными балансировать, осторожно обходить всѣ наиболѣе острые и сложные вопросы великой социальной тяжбы труда и капитала; партіями, неизмѣнно занимающими во всѣхъ этихъ вопросахъ позицію «золотой середины», находящейся между двухъ стульевъ. Это — партія, ставящая своей цѣлью или исключительную защиту нѣкоторыхъ «общенациональных» интересовъ, или интересовъ «общегражданской» свободы и правового порядка.

Но и въ самомъ лагерьѣ социализма могутъ быть — и дѣйствительно существуютъ — крупныя принципиальныя, программныя и тактическія разногласія. Въ странахъ, гдѣ существуетъ полная свобода развитія, организаци и политической дѣятельности социалистической партіи, эти разногласія могутъ и не нарушать единства партіи, ибо есть верховная инстанція для рѣшенія всѣхъ тяжбъ и споровъ: это — единый и правильно организованный рабочій классъ данной страны. Къ нему апеллируютъ лидеры идейныхъ и практическихъ теченій, его рѣшенія ждутъ они, его приговору подчиняются во имя партійной дисциплины — и дѣйствуютъ, согласно установленнымъ большинствомъ партіи нормамъ, сохраняя за собою право подвергать ихъ свободной критикѣ, требовать ихъ пересмотра и перерѣшенія, склонять на свою сторону мнѣніе большинства, этого верховнаго законодателя въ вопросахъ программы и тактики.

Иное дѣло — въ странѣ, гдѣ стройная, правильная и широкая организація рабочаго класса еще невозможна, гдѣ организація по необходимости конспиративна, идетъ не снизу вверхъ, а сверху внизъ, захватывая прежде всего и болѣе всего активнѣйшіе элементы массъ, и, по мѣрѣ своего расши-

рения на большія массы, послѣдовательно теряя въ прочности, правильности и постоянствѣ. Здѣсь невозможно получить безспорное выражение воли большинства рабочаго класса по тому или другому спорному вопросу, здѣсь враждующія идейныя теченія получаютъ возможность истолковывать, каждое въ свою пользу, субъективнымъ взглядомъ схваченное настроеніе большинства — вотъ почему здѣсь крупныя разногласія рѣдко укладываются въ однѣхъ и тѣхъ же организационныхъ рамкахъ. Здѣсь только общее развитіе политическаго такта, опытности и зрѣлости могутъ являться противовѣсомъ тому, чтобы организационный ростъ и размноженіе не стали совершаться по способу, свойственному низшимъ биологическимъ организмамъ — путемъ дѣленія...

Итакъ, мы не поддаемся иллюзіямъ и не строимъ никакихъ утопій. Если мы говоримъ, что въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо для противниковъ самодержавія единство, — то мы въ тоже время хорошо знаемъ, что непримиримая вражда между арміей труда, шествующей подъ краснымъ знаменемъ социализма, и всѣми другими партіями, сколько бы уступокъ ни дѣлали они интересамъ рабочаго класса — устранена быть не можетъ и не должна. Мы въ то же время не менѣе хорошо знаемъ, что еще не пришелъ для Россіи тотъ моментъ, когда всѣ социалистическіе элементы смогутъ слиться въ единую, стройно организованную партію, и что, оставаясь на почвѣ реально-достижимаго и не сходя на почву тѣхъ абстрактныхъ благихъ пожеланій, которыми вымощенъ адъ, можно говорить лишь объ очень относительномъ единствѣ. Но дѣло въ томъ, что и нѣкотораго относительнаго единства было бы достаточно для тѣхъ практическихъ цѣлей, нуждъ и потребностей революціоннаго дѣла, которыя властно заявляютъ о себѣ именно въ настоящій моментъ.

Между социалистически-революционными и либерально-опозиционными группами, конечно, невозможенъ никакой прочный и постоянный союзъ. Онъ невозможенъ для насъ, во первыхъ, по глубокимъ принципиальнымъ соображеніямъ, о которыхъ мы имѣли случай уже не разъ высказаться. Мы не хотимъ никакой общей компромиссной политики либерально-социалистическаго «блока», мы отвергаемъ всякую мысль объ урѣзваніи своей программѣ или тактики ради внесенія гармоніи въ дѣятельность различныхъ общественныхъ элементовъ. Единственно, о чемъ бы здѣсь могла идти рѣчь — это объ опредѣленіи такихъ элементовъ и такихъ требованій, которые уже въ настоящее время общи программамъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ партій; иными словами, можетъ идти рѣчь лишь объ операціи, которая подобна математическому выдѣленію и «вынесенію за скобки» общаго множителя разныхъ величинъ. Что касается до дѣйствій различныхъ партій противъ самодержавія, то здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о координированіи ихъ по крайней мѣрѣ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они не противорѣчатъ другъ другу; иначе говоря, можетъ идти рѣчь лишь о томъ согласованіи дѣйствій, которое выражается формулой: «getrennt marchieren, vereint schlagen!» — «идти врозь, — нападать вмѣстѣ!»

Какъ видите, для согласованности дѣйствій тѣхъ враждебныхъ самодержавію партій, которыя представляютъ собою различные социальные элементы, съ противорѣчивыми классовыми интересами, — имѣется довольно узкая и ограниченная почва. Но было бы во всѣхъ отношеніяхъ неумно и вредно для интересовъ революціоннаго дѣла совершенно игнорировать ее, не понимая той простой истины, что врагъ нашего врага, — въ извѣстныхъ предѣлахъ, — намъ, если не другъ, то временный попутчикъ, случайный союзникъ; что его дѣйствія намъ, время отъ времени, слѣдуетъ, въ нашихъ собственныхъ интересахъ, поддерживать, и что, въ свою очередь, онъ, отъ времени до времени, тоже долженъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, поддерживать своими дѣйствіями нашъ натискъ на общаго врага. Не надо забывать, что врагъ этотъ еще крайне силенъ, опасенъ и безпощаденъ; и потому всякая единица силы, пропащая напрасну, благодаря некоординированности, несогласованности дѣйствій, въ итогѣ будетъ минусомъ для дѣла революціи и плюсомъ для самодержавія. И такъ какъ мы не склонны дѣлать самодержавію подарки, то вопросъ объ утилизациі всѣхъ видовъ энергіи, всѣхъ видовъ физическаго и моральнаго напора на его позиціи приобретаетъ для насъ большую важность. Еслибы этого не было, мы, можетъ быть, были бы очень горячими энтузіастами, можетъ быть, были бы даже пламенными борцами,

но оказались бы плохими стратегами. А стратегическое искусство въ такой тяжелой и сложной борьбѣ, какъ наша, не менѣе нужно, чѣмъ боевая готовность и пламенный энтузіазмъ.

Итакъ, между социалистическими и несоциалистическими партіями возможна лишь спорадическая поддержка дѣйствій, направленныхъ съ разныхъ сторонъ противъ общаго врага. Но конечныя цѣли и стремленія партій, общій, проникающій ихъ духъ, самый классовый составъ и характеръ ихъ слишкомъ различны и даже противоположны.

Въ цѣломъ рядъ сложныхъ и острыхъ вопросовъ общественной жизни они — идейные враги; ихъ вражда въ этихъ вопросахъ тѣмъ болѣе будетъ обостряться, чѣмъ болѣе возрастаетъ ихъ способность практически вліять на ходъ событій, и послѣ паденія самодержавія они, естественно, очутятся лицомъ къ лицу. Этого мы не можемъ забывать; временная и односторонняя солидарность не можетъ заглушивать общаго и постояннаго антагонизма въ цѣломъ; злоба дня не можетъ затмѣивать и оттѣнять на второй планъ «злону вѣка».

Иное дѣло — социалистическія организациі, дѣйствующія въ разныхъ мѣстностяхъ, среди различныхъ національностей, и не лишенные, какъ въ программахъ, такъ и въ тактикѣ своей, извѣстныхъ индивидуальныхъ отгѣнковъ и особенностей. Онѣ могутъ, и въ настоящій моментъ болѣе, чѣмъ когда-либо, должны составить настоящій социалистическій «блокъ», задача котораго — не внѣшне-согласованнымъ только, а общими, объединенными дѣйствіями свалить покаянное самодержавіе и въ то же время вострепатствовать постороннимъ рабочему классу элементамъ воспользоваться, въ ущербъ его интересамъ, плодами побѣды. Только объединенная, союзная дѣятельность всѣхъ дѣйственныхъ, революціонно-социалистическихъ группъ представитъ надежную гарантію противъ опасности, грозящей рабочему классу — оказаться въ положеніи чернорабочаго, пролетарія революціи, достающего изъ огня каштаны для другихъ, допускающаго этихъ другихъ загребать жаръ его мозолистыми руками.

Только созданіе такого социалистическаго «блока» приведетъ къ использованию всѣхъ оппозиционныхъ и революціонныхъ попытокъ, направленныхъ противъ самодержавія; только оно кратчайшимъ путемъ приведетъ къ уничтоженію временнаго режима; только оно дастъ возможность рабочему классу извлечь изъ предстоящей революціи тотъ максимумъ выгодъ, который окажется возможнымъ по независимости отъ нашей воли условіямъ мѣста и времени. И прѣже всего вліяніе объединенныхъ усилій этого «блока» должно сказаться въ двухъ пунктахъ: въ рѣшеніи вопроса о социальныхъ слѣдствіяхъ революціи и въ рѣшеніи національнаго вопроса.

Рабочему классу важно, чтобы послѣ ликвидаціи самодержавія завоеванная народною кровью свобода не оказалась свободой привилегированнаго меньшинства править рабочимъ большинствомъ; чтобы, по возможности, въ самый періодъ революціоннаго кризиса проявить революціонную энергію не только въ правовыхъ и государственныхъ перестройкахъ, но и въ непосредственномъ, революціонномъ измѣненіи имущественныхъ отношеній; для него ликвидація самодержавія есть лишь вступительная глава, лишь введеніе въ періодъ новыхъ битвъ, на почвѣ социального вопроса, который все болѣе и болѣе обострится, все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ. Ему важно занять въ преобразованной, освобожденной отъ паризма Россіи такія боевыя позиціи — какъ экономическія, такъ и политическія — которыя бы обезпечили ему возможно болѣе быстрый и полный успѣхъ въ этихъ надвигающихся битвахъ.

И въ этомъ же отношеніи ему крайне важно возможно болѣе цѣлесообразное и справедливое разрѣшеніе національнаго вопроса. Въ странахъ, гдѣ подъ одной государственной крышей славлено, перемѣшано, переплетено нѣсколько національностей, привилегированнымъ классамъ обычно бываетъ слишкомъ легко «раздѣляя — властвовать». Въ борьбѣ изъ-за привилегій одной національности, зависимаго и неполноправнаго положенія другой легко разгораются инстинкты расовой, національной и религіозной вражды, и въ этой античеловѣческой и антикультурной враждѣ иногда рискуетъ совершенно потонуть великая борьба труда противъ капитала — этотъ огромный, перепутывающій факторъ современнаго общечеловѣческаго развитія, современнаго мирового прогресса. Вотъ почему социализмъ особенно заинтересованъ въ томъ, чтобы при рѣшеніи этого вопроса сумѣлъ положить свой мечъ

Бренна на вѣсы исторіи, чтобы возможно скорѣе добиться установленія нормальнаго отношенія между національностями внутри данной страны. А нормальнымъ отношеніемъ можно считать лишь такое, при которомъ каждая изъ нихъ, независимо отъ ея численности и территориальнаго распределенія, рассматривается, какъ равноправный договаривающійся членъ, которому никто не можетъ ничего навязывать, который самъ имѣетъ право рѣшать свои судьбы, который можетъ даже вступать или не вступать въ договоръ съ другими національностями, и, заключивъ договоръ, можетъ его и расторгнуть. Иначе говоря, государственное сожителство національностей мы основываемъ не на насиіи, не на монополии и привилегіяхъ одной національности надъ другими, а на взаимномъ ихъ согласіи, какъ совершенно равноправныхъ коллективныхъ единицъ. И чѣмъ болѣе сдѣлаетъ социалистическая партія для разрѣшенія національнаго вопроса въ этомъ смыслѣ, тѣмъ ярче и сильнѣе проявится международная, интернациональная солидарность рабочаго класса въ его борьбѣ противъ интернациональной эксплуатаціи, тѣмъ труднѣе будетъ затемнить сознаніе этой солидарности разжиганіемъ національнаго шовинизма и слѣпой самодовольной исключительности.

Но прежде всего, въ порядкѣ непосредственныхъ дѣйствій, должно, конечно, стоять объединеніе усилий для непосредственныхъ военныхъ дѣйствій противъ боевого механизма правящихъ теперь классовъ — противъ государственной организации русскаго самодержавія. Этотъ врагъ долженъ быть сокрушенъ прежде всего. И онъ можетъ быть сокрушенъ. Его спасаетъ не столько его собственная сила, которая истощена, а не столько его собственное умѣнье и политическая мудрость, которая выдохлась, сколько инерція, пассивность широкихъ массъ, да еще разрозненность, раздробленность, неорганизованность враждебныхъ ему силъ. Силы эти уже теперь чрезвычайно велики. Но они еще слишкомъ часто страдаютъ отсутствіемъ вѣры въ себя, отсутствіемъ смѣлой революционной инициативы, преобладаніемъ сомнѣній и нерѣшительности — естественный результатъ той разрозненности, которая отвлекала ихъ вниманіе и силы отъ насущной борьбы, ослабляла ихъ мышцы, парализовала волю. Съумѣй всѣ эти силы встать въ организованное, тѣсно сомкнутое ряды и образовать одинъ фронтъ — противъ современнаго режима — и часы его существованія были бы сочтены...

Но это, конечно, въ настоящую минуту недостижимый идеалъ. Не потому, конечно, недостижимый, чтобы, даже при наличности доброй воли, поперекъ дороги ей стали бы непреодолимые препятствія. О, разумѣется, нѣтъ. Вѣдь, каждая социалистическая организація вовсе не должна для этого отказываться отъ своей внутренней самостоятельности; напротивъ, каждая могла бы остаться при всей своей интегральной программѣ, организационной автономіи, при свойственныхъ ей и соответствующихъ количеству и качеству ея силъ тактическихъ приемахъ борьбы. Каждая социалистическая организація при этомъ не должна бы была отказаться отъ отстаиванія особенностей своей программы и тактики или оспариванія особенностей программы и тактики другихъ фракцій. Единственно, къ чему ее обязало бы новое положеніе — это къ тому, чтобы не замыкаться исключительно въ культивированіи «нашихъ разногласій», но обратить вниманіе и на оборотную сторону медали: на пункты совпаденія и возможнаго объединеннаго дѣйствія. Кажется, немного...

И однако — не будемъ предаваться иллюзіямъ. Несмотря на несомнѣнную, выясненную жизнью необходимость для социалистическихъ партій, насколько возможно, сплотиться въ виду серьезности политическаго положенія, — и не только сплотиться самимъ, но и достигнуть возможно большаго координирования дѣйствій *вслѣдъ* противникамъ самодержавія — найдутся, конечно, организаціи, которыя останутся несправимо глухи къ голосу жизни. Онѣ сами создадутъ себѣ и ревниво будутъ поддерживать свое изолированное положеніе; въ сектантской непримиримости, какой бы ходъ ни принимали событія, они будутъ нести равно ожесточенную войну даже на два, а на всѣ четыре фронта. И удивительно ли? Бываютъ партіи, которыя слишкомъ ясно обнаруживаютъ тенденцію вырождаться въ закоренѣвшія секты, и которыя слишкомъ заняты догматическимъ буквѣдствомъ, внутренними раздорами и расприями изъ за выдѣннаго яйца, чтобы огдаться съ должной энергіей разрѣшенію насущныхъ боевыхъ задачъ, выдвинутыхъ самой жизнью...

Но существованіе такихъ организацій — еще не резонъ для упраздненія задачи координирования силъ для назрѣвшей борьбы. И если бы ихъ примѣромъ смутились и ему послѣдовали всѣ — чего, конечно, быть не можетъ — то это было бы равносильно нашему революціонному банкротству, и грядущее за нами поколѣніе имѣло бы полное историческое и нравственное право вспомнать насъ не добрымъ словомъ преемниковъ и продолжателей, а

... насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА И БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦІИ.

Мартирологу русской крестьянской общины, повидимому, нѣтъ конца. Удары за ударами сыпятся на нее со всѣхъ сторонъ, самые различные факторы русской жизни какъ бы сговорились задушить, раскромсать всѣ уцѣлѣвшіе еще остатки общины-трудовыхъ началъ русскаго крестьянства и замѣнить ихъ буржуазно-индивидуалистическими. Историческій грабежъ крестьянскихъ общинныхъ земель, совершавшійся безпрепятственно въ дореформенной Руси на основаніи лишь одного голаго права силы, завершился одновременнымъ и генеральнымъ всероссійскимъ грабежемъ тѣхъ же земель по волѣ дворянскаго царя-«Освободителя». За крупную сомнительную свободу, полученную крестьянами сорокъ лѣтъ тому назадъ, русская крестьянская община принуждена была отдать свои лучшіе земельные участки, истечь своей лучшей кровью и, обезсиленной, анемичной, пойти на встрѣчу цѣлому ряду новыхъ, все худшихъ испытаній.

Испытанія эти нѣвѣстны всякому, и перечислять ихъ тутъ мы не намѣрены: чуть ли не каждый годъ приносилъ все новыя, не замѣняя старыхъ, а лишь дополняя ихъ и ускоряя тѣмъ самымъ процессъ обезсиленія и разложженія общинныхъ трудовыхъ началъ крестьянской жизни. Финансовый и административный гнетъ, отчуждавшій лучше крестьянскіе элементы отъ общинно-деревенскихъ интересовъ, «купонный» строй жизни, разводявшій повсюду Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, законодательныя мѣры, потакающія зародившимся повсюду индивидуалистическимъ, анти-общиннымъ инстинктамъ и вождѣльямъ, — все это подтачивало и расшатывало, неустанно и систематически, тѣ самые начала и устои нашей народной жизни, важную политическую роль которыхъ для русской *соціальной* революціи вынуждены были признать даже такіе люди, какъ Ф. Энгельсъ*). Но ошибочно было бы думать, что общинные традиции и устои русскаго народа подорваны и распатаны уже въ такой степени, что русской революціи считаться съ ними уже болѣе не приходится. Ошибочно было бы полагать, будто за послѣднія четыре десятилѣтія русское крестьянство успѣло уже въ такой степени индивидуализироваться, т. е. проницнуться собственническими, «купонными» чувствами и идеями, что русскимъ социалистамъ-революціонерамъ не остается ничего другого, какъ отказаться отъ своихъ минимальныхъ расчетовъ и надеждъ на социализацію земли и пойти вслѣдъ за русскими марксистами, «вводитъ деревню въ буржуазныя условія существованія». Напротивъ того, цѣлый рядъ самоновѣйшихъ данныхъ, касающихся русской общины, убѣждаютъ насъ, что русскій крестьянинъ, задавленный, безправный и ограбленный, и до сего дня еще грудью борется за то, въ чемъ истинно и честно чувствуетъ социальную справедливость, крѣпко держась за излюбленную свою общину. Сбиваемый съ позиціи въ одномъ мѣстѣ, онъ стремится наверстать потерянное въ другомъ, упорно сохраняя въ своей душѣ вѣру въ конечное и даже недалекое уже торжество его взглядовъ на зе-

* Хотя Энгельсъ еще въ 1875 году былъ склоненъ думать, что русская община идетъ къ разложженію, тѣмъ не менѣе онъ очень рѣшительно утверждалъ: «Однако существуетъ неоспоримая возможность ея перехода въ высшую форму общежитія, если только она сохранится до тѣхъ поръ, когда обстоятельства позволятъ такой переходъ, и если она окажется способной къ развитію въ томъ смыслѣ, что крестьяне станутъ обрабатывать землю не подвorno, а вѣрнѣе міромъ; тогда русскіе крестьяне перейдутъ прямо къ высшей формѣ, минуя промежуточную ступень буржуазной мелкой собственности». (Фр. Энгельсъ о Россіи стр. 15-16). И въ 1894 г., незадолго до смерти, онъ писалъ, что и, зная, сохранились ли отъ русской общины такіе остатки, чтобы остаться въ силѣ его старый прогнозъ, и только подчеркивалъ, что если остатки русской общины могутъ быть спасены, то лишь подъ условіемъ низверженія царскаго деспотизма — революціи въ Россіи.

мельную собственность. Онъ ждетъ не дожидается «всеобщаго порабавленія»; въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ онъ уже пробовалъ однажды провести его; и социально-революционная пропаганда идетъ на встрѣчу его стремленіямъ, приближая наступленіе «слушнаго часа», когда повсюду раздастся, наконецъ, могучій боевой революціонный лозунгъ «Земля и Воля», и когда наступитъ пора расплаты съ народными насильниками и грабителями.

Подтвержденіемъ сказанному могутъ служить заключенія губернскихъ совѣщаній министерства Внутреннихъ Дѣлъ по вопросу объ измѣненіи законодательства о крестьянахъ, а также данныя, находимыя нами въ сводѣ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности*). Воронежское губ. совѣщаніе въ доказательство жизненности общиннаго землевладѣнія приводитъ тотъ фактъ, что даже нѣмцы колонисты Острогожскаго у. установили въ полевыхъ своихъ надѣлахъ общинное землевладѣніе. Въ Вятской губерніи земельная община «является настолько устойчивой, что жизни ея еще не грозитъ никакой опасности». Въ Самарской губ., констатируетъ губ. совѣщаніе, «общинная форма не разрушается, а, напротивъ, развивается: покупая земли у частныхъ землевладѣльцевъ, какъ отдѣльные крестьяне, такъ и сельскія общества переносятъ на вновь приобретенныя земли формы и обычаи общиннаго землепользованія». На вопросы, не обнаруживается ли стремленіе и насколько распространѣнъ переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному, большинство губ. совѣщаній сообщаетъ, что выдѣлы участковъ изъ состава общинной земли какъ у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ «весьма незначительны» (напримѣръ, въ Рязанской губ. всего 140). Въ Бессарабской губ. въ селеніяхъ бывшихъ болгаръ, колонистовъ и государственныхъ крестьянъ наблюдался переходъ отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному владѣнію, но часто не могъ состояться по несогласію 2/3. Въ Петербургской и Владимирской губ. отмѣчается, что выдѣлы производятся часто лишь для выкупа и затѣмъ выкупленная земля остается въ общемъ череполосомъ владѣнію. «Обратный переходъ отъ подворно-наслѣдственнаго къ общему владѣнію также рѣдокъ», но если принять во вниманіе, что для такого перехода нужно уже согласіе не 2/3, а *всѣхъ* членовъ даннаго селенія, то и тѣ случаи, какія отмѣчены въ этомъ отношеніи губ. совѣщаніями, имѣютъ несомнѣнный симптоматическое значеніе. «Въ Самарской губ. переселенцы переходятъ къ общинному владѣнію; выкупленные надѣлы въ 95 % оставлены въ общинномъ владѣніи». Кромѣ того, такое же стремленіе къ переходу отъ индивидуальнаго къ общему владѣнію губ. совѣщанія отмѣчаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской, Орловской, Пензенской, Тамбовской и другихъ губерній.

Не менѣе важны и интересны для насъ данныя и заявленія сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Макарьевскій у. комитетъ, въ которомъ было много крестьянъ, единогласно высказался за общинное землевладѣніе. Многие комитеты, въ которыхъ крестьянскій элементъ отсутствовалъ, высказывались противъ общины. Противники общиннаго землевладѣнія въ саратовскомъ губ. комитетѣ были того мнѣнія, что «община у насъ создана и поддерживается искусственно, особыми законоположеніями (!), съ отмѣной которыхъ она сама собой рухнетъ... Общинные порядки гнетущимъ образомъ вліяютъ какъ на земледѣльческую, такъ и вообще на самодѣятельность крестьянъ». Какъ видите, все это старыя погудки, обычныя въ устахъ аграріевъ еще со временъ Шедо-Феротти и Лиленталля. Критиковать ихъ намъ не приходится. Въ свое время Марксъ въ своихъ письмахъ къ Кугельману достаточно охарактеризовалъ этихъ господъ и ихъ аргументацію. «Поскольку дѣло касается русскаго общиннаго землевладѣнія — писалъ онъ о первомъ — то этотъ молодецъ обнаруживаетъ столько же невѣжества, сколько жонглерства. Шедо-Феротти — одинъ изъ тѣхъ господчиковъ, которые выставляютъ общинное землевладѣніе причиной бѣдственнаго положенія русскаго крестьянства (конечно, in the interest of the landlordism), совершенно также, какъ нѣкогда въ западной Европѣ прокричали, какъ причину пауперизма, отмѣну крѣпостнаго права — вмѣсто потери бывшими крѣпостными ихъ земли... Бѣдность русскаго крестьянства создана тѣмъ же, чѣмъ и бѣдность французскаго крестьянства при Людовикѣ XIV — налоговой

системой государства и платежами въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ. что же касается общиннаго землевладѣнія, то оно не только не создало бѣдствій крестьянства, но наоборотъ — только оно и смягчило ихъ». (Die Neue Zeit, XX, Bd 2, s. 415).

Весьма пессимистическій взглядъ на общинное землевладѣніе высказывался нѣкоторыми членами Псковскаго губ. комитета: «Формы ея омертвѣли, — говорили они, — и въ средѣ ея установился взглядъ на землю, какъ на личную собственность». Нечего и говорить, что эти *отмычки* не совсѣмъ гармонируютъ съ тѣми *данными*, взятыми изъ самой дѣйствительности, которыя мы привели раньше. Въ этомъ отношеніи представляютъ крупный интересъ данныя новоторжскаго комитета, гдѣ приглашены были 20 крестьянъ для рѣшенія вопроса, находятъ ли они общинное землевладѣніе и землепользованіе необходимымъ и желательнымъ. Большинство этихъ крестьянъ заявило, что уничтожить общинное владѣніе было бы «противно совѣсти». Уничтоженіе общины было бы по ихъ мнѣнію, только тогда возможно, если бы за каждымъ крестьяниномъ «было обезпечено въ настоящемъ и будущемъ такое количество земли, которое *гарантировало* бы существованіе его и его семейства не только при обычныхъ условіяхъ, но и въ случаѣ несчастія, инвалидности и смерти», т. е. другими словами, если бы введена была общественная гарантія индивидуальнаго существованія, т. е. опять таки та же общинная система, только въ еще болѣе широкой и совершенной формѣ. При этомъ сторонники сохраненія общиннаго землевладѣнія сами указывали на его темныя стороны, но всѣ эти недостатки зависятъ, по ихъ мнѣнію, не отъ общиннаго землевладѣнія, а отъ административной несамостоятельности общины, отъ недостаточности сельско-хозяйственныхъ знаній у крестьянъ и низкаго уровня ихъ общаго образованія и т. д. Защитники общины въ саратовскомъ губернскомъ комитетѣ тоже указывали, что отрицательныя стороны общины заключаются не въ самой ея природѣ, а въ современномъ юридическомъ ея строѣ и навязанныхъ ей административныхъ функціяхъ, которыя «гнетущимъ образомъ вліяютъ на индивидуальность и проявленіе инициативы крестьянина».

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что русская община, несмотря на всѣ тяжкіе удары, получаемые ею вотъ ужъ 40 лѣтъ отъ самодержавно-буржуазныхъ и «купоныхъ» порядковъ, *всѣтаки жива* и продолжаетъ, если и не развиваться, то ревниво оберегать свои основныя бастионы и редуты отъ нагло надвигающагося со всѣхъ сторонъ индивидуализма. Намъ ужъ приходилось говорить недавно (см. № 51 «Р. Р.» о *мощи* бюрократическихъ экспериментахъ, направленныхъ противъ общины, о намѣреніи подчинить всю нашу народно-правовую жизнь основнымъ индивидуалистическимъ началамъ нашего гражданскаго уложенія. Въ дополненіе къ этому, отмѣтимъ здѣсь еще и проектъ все той же редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, имѣющей въ виду содѣйствовать развитію такъ называемаго *хуторскаго* землевладѣнія. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые сельско-хозяйственные губ. комитеты (Кіевскій, Каменецъ-Подольскій и друг.) высказались за необходимость и полезность «добровольнаго расселенія крестьянъ по хуторамъ и предоставленія на надѣльные земли полной личной собственности». Къ этому взгляду всецѣло присоединились и редакціонная комиссія, исходящая отъ мысли о вредѣ многолюдныхъ селеній и необходимости облегчить расселеніе крестьянъ. Поставивъ передъ собою такую задачу, комиссія естественно задумала новый ударъ русской общинѣ, какъ такому народному установленію, которое «стѣсняетъ свободу расселенія». «Предложеніе комиссіи — читаемъ мы по этому поводу въ «Русск. Вѣд.» (№ 243) — построено именно на идеѣ поддержки въ населеніи общинъ того меньшинства, которое обнаруживаетъ стремленіе выйти изъ общиннаго уклада, хотя бы послѣдствіемъ этого выхода и явилось въ концѣ концовъ разрушеніе общины къ явному ущербу большинству ея членовъ». Въ противоположность дѣйствующему законодательству, требующему согласія не менѣе 2/3 домохозяевъ для перехода къ наслѣдственно-подворному владѣнію или для образованія выселковой части сельскаго общества на край полей, проектъ комиссіи требуетъ для этого послѣдняго случая *соотвѣтственнаго* постановленія лишь 1/5 всѣхъ домохозяевъ и даже того меньше, *т. е. самаго незначительнаго меньшинства*. Очевидно, что такой крайній индивидуалистическій, даже анархическій принципъ, положенный комиссіей въ основаніе своего проекта, не только направленъ противъ самыхъ основъ общинной жизни и естественнаго представителя ея — демократически самоуп-

*) См. М. О. Толмачевъ: «Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва. 1903.

равляющагося сельского схода, рѣшающаго всѣ дѣла по большинству голосовъ, но и создаетъ крайнюю неустойчивость правъ отдѣльных домохозяевъ на надѣльную землю въ виду абсолютнаго права меньшинства во всякую данную минуту требовать новаго передѣла и выдѣла для себя земли. Кроме того, если бы проектъ комиссіи осуществился, то группа домохозяевъ, которая пожелала бы держать въ своихъ рукахъ всю общину, во многихъ случаяхъ легко могла бы достигнуть этой цѣли, предъявляя требованіе о выдѣлѣ каждый разъ, какъ только сельскій сходъ не соглашался бы удовлетворять то или другое ея желаніе» (I*. Вѣд. ibid.).

Удастся ли осуществиться данному проекту въ жизни или нѣтъ, гадать мы не беремся; но онъ важенъ для насъ, какъ показатель тѣхъ, все усиливающихъ, индивидуалистическихъ теченій, которыя, въ общемъ итогѣ, всѣ направлены въ одну сторону — въ сторону разложенія общинно-трудовыхъ началъ русской народной жизни и приобщенія русскаго крестьянства къ буржуазно-капиталистическому культу частной собственности.

Какъ извѣстно, ту же «истинно-соціалистическую» задачу поставила себѣ въ послѣднее время и руссiйская социалдемократическая партія. И она собирается теперь въ великій индивидуалистическій походъ противъ общинно-трудовыхъ началъ русской крестьянской жизни и въ защиту — разумѣется, лишь «на время» — частной земельной собственности; и она желала бы взять подъ свое революціонное покровительство «свободную личную волю» незначительнаго индивидуалистическаго меньшинства противъ демократическаго верховенства сельского схода и общинно-настроеннаго большинства. Она идетъ даже еще дальше буржуазныхъ враговъ общины, она требуетъ для каждаго крестьянина права, не справляясь съ желаніями общины, выдѣлять изъ передѣловъ и закрѣплять въ своей частной собственности находящійся въ его пользованіи участокъ земли — что равносильно полному уничтоженію правъ общины, какъ коллективной индивидуальности. Русская крестьянская община получила себѣ, такимъ образомъ, въ лицѣ руссiйской соц.-демократической рабочей партіи, новаго врага и ждетъ отъ него новыхъ для себя ударовъ, которые будутъ, конечно, тѣмъ чувствительнѣе, тѣмъ больнѣе, что исходитъ-то будутъ они на сей разъ уже не отъ явныхъ и заявляющихъ враговъ русскаго народа, а отъ его несомнѣнныхъ друзей, искренно желающихъ ему полнаго освобожденія отъ политическаго и экономическаго рабства. Колупаевъ и Разуваевы справа, русская социалдемократія слева — цѣлая перспектива «сотрудничества классовъ» для солидарной работы на конечное разрушеніе уцѣлѣвшихъ еще общинныхъ началъ народной жизни. «Революціонный социализмъ Маркса и Энгельса — писалъ не такъ давно Г. Плехановъ — не только не старается задерживать развитіе капитализма, но, наоборотъ, является самымъ крайнимъ и рѣшительнымъ врагомъ всего, что задерживаетъ его развитіе» и идетъ «*рядомъ съ буржуазіей* тамъ, гдѣ дѣло касается старыхъ, докапиталистическихъ отношеній», т. е., между прочимъ, и русскихъ общинно-артельныхъ формъ народной жизни*). Правда, было время, когда русскіе марксисты, не исключая и самого Плеханова, высказывались на этотъ счетъ нѣсколько иначе. «Мы не держимся — писалъ тогда Г. Плехановъ — того взгляда, скорѣе навизаннаго школою Маркса, чѣмъ существовавшаго въ дѣйствительности — взгляда, по которому социалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма». «Мы думаемъ», — писалъ все тотъ же Г. Плехановъ, что, въ общемъ, русское крестьянство отнеслось съ большою симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ наз. «*націонализацию земли*» (курсивъ ведѣ нашъ). При возможности сколько-нибудь свободной агитаціи въ его средѣ, оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ социалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, *внести требованіе такого рода въ свою программу*. Но мы не преувеличиваемъ силъ нашихъ социалистовъ... Поэтому, и только поэтому, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ, на первое время, сосредоточить главное свое вниманіе на промышленныхъ центрахъ». («Соціализмъ и политическая борьба», 1883 г. стр. 76). Нѣсколько позже, въ 1885 г., Плехановъ былъ еще того мнѣнія, что Чернышевскій «доказалъ»,

что общинное землевладѣніе «можетъ при извѣстныхъ условіяхъ прямо перейти въ коммунистическую форму развитія» («Наши разногласія», стр. 11-12), и что община «можетъ мѣнѣе сопротивляться такому движенію (къ коммунизму), чѣмъ мелкое подворное землевладѣніе, даже болѣе, что она способна *«облегчать»* (курсивъ Плеханова) переходъ нашего крестьянства къ коммунизму» (ibid. стр. 11-12 и 311)... Правда, уже и тогда Плехановъ находилъ исторически полезнымъ нѣкоторое частичное разложеніе общины, но лишь потому, что образовавшимся такимъ образомъ русскій пролетаріатъ, организовавшійся въ одну рабочую партію, можетъ «послужить главнымъ оплотомъ социалистической агитаціи въ пользу экономическихъ реформъ, предохраняющихъ общину отъ повсемѣстнаго разложенія». «Тогда народническія мечты о самобытномъ развитіи нашего крестьянства осуществляются по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторой его части» (ibid. стр. 212-213, 313).

Такъ писалъ, убѣждалъ и доказывалъ Г. Плехановъ, уже будучи русскимъ социалдемократомъ и марксистомъ. Совершенно противоположное пишетъ и «доказываетъ» онъ теперь. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ считалъ и считаетъ соотвѣтственную свою точку зрѣнія единственно-научной и единственно-революціонной. Ему вторятъ хоромъ и всѣ вѣрно слѣдующіе за нимъ «ученики». Въ особенности старается въ этомъ отношеніи нашъ вновь подогрѣтый, такъ наз. «дегальный марксизмъ» въ подпавшихъ его вліянію русскихъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Прочтите, напр., въ іюльской книжкѣ журнала «Образованіе» статью, посвященную злободневной темѣ о «пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ», чтобы убѣдиться, какой глубокой неприязнью къ общинно-трудовымъ традиціямъ русскаго народа и какой любовью къ нашему старому X тому Свода Законовъ и новому гражданскому уложенію прониклись наши доморожденные марксисты. Авторъ статьи обрушивается съ горькими упреками на знакомую уже намъ редакціонную комиссію при министерствѣ внутр. дѣлъ за ея слишкомъ якобы еще большія симпатіи и пристрастіе къ обычно-правовымъ нормамъ русскаго народа, которыя, съ одной стороны, вовсе де и не существуютъ въ русской народной жизни, а съ другой — крайне вредны (!); земледѣльческая община полезна де однимъ только хозяйственнымъ мужикамъ и богатымъ, и потому ничего отъ нея, кромѣ вреда, быть не можетъ (хотя, казалось бы, за это-то «содѣйствіе» ея крестьянской буржуазіи — а, стало быть, и «внесеніе въ деревню классово-борьбы» — русская община должна бы встрѣтить симпатіи къ себѣ со стороны марксистовъ, — да вѣдь имъ не угодишь!)... «Все это народное правосознаніе — пишетъ авторъ — при ближайшемъ знакомствѣ съ жизнью оказалось источникомъ не права, а всякаго рода безправія и насилія». Вѣдь, подумайте только, — аргументируетъ г. марксистъ въ защиту этого своего положенія: «обычно-правовыя воззрѣнія народа, оказалось, недостаточно обезпечиваютъ исполненіе крестьянскими принятыхъ на себя обязательствъ по договору личнаго найма съ помѣщиками». Это ли еще не убѣдительный аргументъ въ устахъ «научнаго» марксиста?... Въ общемъ итогѣ онъ требуетъ отъ редакціонной комиссіи при всероссiйскомъ полицейскомъ министерствѣ поменьше стѣсняться съ народными общинными традиціями и замѣнить крестьянскіи обычно-правовыя нормы общегосударственными гражданскими и уголовными законами. Послѣдовательно и логично: того несомнѣнно требуетъ программа, поставившая себѣ цѣлью «введеніе деревни въ буржуазно-капиталистическія условія существованія», того требуютъ интересы какъ «наимающихъ крестьянъ помѣщиковъ», такъ и другихъ кровопийцъ русскаго народа, имѣющихъ расчистить почву для царства подготавливающаго социализмъ капитала, г. г. Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Намъ могли бы возразить здѣсь, что указъ 8-го января правительствующему сенату объ учрежденіи губернскихъ совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ требуетъ положить въ основу такого пересмотра «неприкосновенность общиннаго строя» и тѣмъ самымъ какъ бы отказываеся отъ противно-общинной политики. Но всякому, кому приходилось ближе познакомиться какъ съ самымъ этимъ указомъ, такъ и съ общимъ характеромъ работъ редакціонной комиссіи, должно быть понятно, что это — простая намышка надъ истиннымъ значеніемъ употребляемыхъ словъ: министерство внутреннихъ дѣлъ разумѣетъ подъ этими словами, собственно, сохраненіе *сословнаго* строя «при условіи — какъ гласитъ указъ — облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины». Проекты комиссіи,

* Г. Плехановъ: Новый походъ противъ русской социалдемократіи. (Женева, 1897, стр. 20)

преданные гласности, вполне подтверждають такое наше истолкование намѣреній правительства.

Но не того требуютъ истинные интересы русскаго стоимилліоннаго народа, не того требуетъ крѣпкая еще русская крестьянская община. Беря на себя трудовую революціонную борьбу за интересы всего трудящагося и эксплуатирующаго народа, партія соц.-рев. беретъ также подъ свою защиту и лучшіе его традиціи и стремленія, вынесенные имъ изъ глубины исторіи, инстинктивное стремленіе нѣкоторыхъ его элементовъ къ демократически-мірскому строю, тѣ его навыки въ области самоуправленія, въ который покойныхъ Костомаровъ усматривалъ элементы, благоприятные для устанавленія и развитія въ Россіи земско-федеративной организаціи всего государственнаго строя, тѣ взгляды на землю, какъ естественное общее достояніе всѣхъ трудящихся, и тѣ обычно-правовыя воззрѣнія, которыя путемъ логическаго развитія и обработки можно поднять до широкой идеи социализаціи земли и регулированія межчеловѣческихъ правовыхъ отношеній соотвѣтственно высшему трудовому началу общечеловѣчества.

Мы ничего не хотимъ идеализировать. Мы не скрываемъ отъ себя той горькой истины, что многое изъ всего это уже въ значительной степени подточено и изглодано «купонными» теченіями жизни и столь же многое таятся въ глубинѣ народной души въ качествѣ лишь одной потенціи, возможности, едва сказаннымъ и непродуманнымъ. Индивидуалистическая атмосфера, въ которой всего болѣе приходится дышать русскому крестьянину несомнѣнно мутитъ его сознаніе, отравляетъ его совѣсть. Но отсюда слѣдуетъ лишь, что мы всѣ русскіе социалисты-революціонеры, всѣ сочувствующіе нашимъ стремленіямъ, близко соприкасающіеся съ народомъ, должны взять на себя задачу пробуждать въ немъ лучшіе общинные инстинкты тамъ, гдѣ они заглохли, поддерживать ихъ тамъ, гдѣ они еще борются съ противоположными теченіями, указывать имъ путь-дорогу къ борьбѣ съ буржуазно-самодержавнымъ строемъ и тѣмъ самымъ готовить въ ближайшемъ будущемъ великій анти-индивидуалистическій походъ русскаго крестьянства для завоеванія земли и воли. Редакціоннымъ комитетамъ разныхъ полицейскихъ и не полицейскихъ вѣдомствъ, составляющихъ заговоръ противъ драгоценнѣйшихъ традицій и основъ русской народной жизни, мы должны противопоставить наши революціонныя комитеты, готовящіе для «слѣдующаго дня» послѣ русской революціи общинно-трудовую организацію правовой и экономической жизни русскаго крестьянства. Мы должны подвѣргнуть своему внимательнѣйшему изученію великую и крайне поучительную литературу по обычному праву русскаго народа, мы должны уже теперь составлять для него популярныя брошюры, осмысливающія для него выработанныя имъ же самыя лучшія нормы правовыхъ отношеній, мы должны стараться, чтобы всевозможными путями въ народъ проникала наша лучшая народническая литература 70 и 80-годовъ какъ беллетристическая, такъ и научная, чтобы соотвѣтственные сочиненія Златовратскихъ, Карониныхъ, Успенскихъ и т. д. нашли возможно болѣе широкое распространеніе среди крестьянской молодежи и пробуждали въ ней общинные, мірскіе интересы и стремленія. Активная и разносторонняя социально-революціонная пропаганда и агитація нашей партіи среди крестьянъ расширить эти интересы и стремленія, раскрывъ передъ ними общечеловѣческіе идеалы международнаго социализма и втянувъ ихъ въ общее великое русло всероссійской революціи. Въ борьбу общины съ развѣдающими ее вліяніями, во внутреннее распоряжкіе сельскихъ сходовъ, подавляемыхъ всякаго рода кулацкими и административными элементами, вмѣшаются распропагандированные нами рабочіе и крестьяне во имя истины и широко понятыхъ общинно-трудовыхъ идеаловъ. Тогда «выброшенный изъ деревни въ качествѣ обдѣлѣвшаго члена общины пролетарій вернется въ нее социалистическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народнои силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силой является рабочая партія и увлеченная ею обдѣлѣвшая часть крестьянства». Эти слова мы заимствуемъ изъ стараго проекта... русской *соціалдемократической* программы, который читатель найдетъ въ брошюрѣ «Чего хотятъ социалдемократы». Теперь ими составляются и пишутся проекты нѣсколько иного рода; теперь люди полагающіе, что часть распропагандированныхъ въ городѣ рабочихъ должна возвращаться въ деревни съ аграрно-общинными революціонными

программами, титулируются социалистами-реакціонерами; теперь «единственно-научными» социалистами пишутся аграрныя программы, которыя многими изъ нихъ же самихъ не признаются ни научными, ни революціонными, а просто нигде не годными *). Что касается приведенныхъ выше словъ стараго проекта социалдемократической программы, то мы, съ своей стороны, всецѣло готовы подписать ихъ съ той лишь оговоркой, что мы не видимъ причинъ отвергать самостоятельную способность русской деревни къ революціонно-социалистической инициативѣ, т. е. и помимо помощи — весьма цѣнной самой по себѣ — «выброшеннаго изъ деревни пролетарія».

Таковы, въ общихъ чертахъ, ближайшія задачи русской революціи по отношенію къ общинѣ и, въ частности, къ обычно-трудовымъ началамъ и традиціямъ русскаго народа. Наша партія является, въ этомъ отношеніи, продолжательницей и «душеприказницей» всѣхъ лучшихъ теченій русской революціи, исполнительницей ея священнѣйшихъ заветовъ. И мы не сомнѣваемся, что наша аграрная программа привлечетъ къ себѣ съ теченіемъ времени симпатіи всѣхъ искреннихъ друзей народа, всѣхъ вдумчивыхъ и самостоятельно мыслящихъ революціонеровъ. Тѣмъ болѣе мы надѣемся и вѣримъ, что она найдетъ себѣ воспримчивую почву среди самого народа.

КОНГРЕССЪ ГЕРМАНСКОЙ С.-Д. ПАРТІИ ВЪ БРЕМЕНИ.

Послѣ Дрездена — Бремень. Послѣ громовъ и молній «лѣвыхъ» противъ «правыхъ», радикаловъ противъ ревизионистовъ, — мирные, гармоничные звуки чисто-аркадской свирѣли; послѣ видимаго, вишшняго «торжества» ортодоксальнаго марксистскаго радикализма надъ умѣреннымъ и аккуратнымъ оппортунизмомъ — практическая капитуляція перваго передъ послѣднимъ...

Дрезденъ являлся какъ бы послѣдней лебединой пѣсней германскаго с.-д. революціонизма. Рѣки Бебеля, Каутскаго, Клары Цеткинъ, произнесенныя годъ тому назадъ, были какъ бы послѣднимъ взмахомъ крыльевъ бывлой непримиримой и боевой идеологіи; ея минутное торжество — пирровой побѣдой, фатально влекущей за собой фактическое отступленіе. Промывыя пренія Дрезденскаго партейтага, насыщенные, повидимому, напряженной атмосферой крайнихъ революціонныхъ лозунговъ и конфликтовъ, не могли уже болѣе обмануть внимательныхъ и чуткихъ революціонеровъ, открывшихъ въ нихъ несомнѣнные, хотя и скрытые признаки непоследовательности и нерѣшительности. Достаточно лишь вспомнить, какъ почти всѣ оппортунисты и ревизионисты голосовали, при общемъ хохотѣ, за резолюцію, направленную противъ нихъ, достаточно перечистъ известную статью Парвуса «*Aussprechen was ist*», гдѣ онъ на другой день послѣ партейтага бросилъ въ лицо радикаламъ-побѣдителямъ, Бебелю, Каутскому и товарищамъ весьма серьезныя и не совсѣмъ привычныя для ихъ ушей упреки въ непоследовательности, лавированіи и «играніи въ прятки». Если конфликты — говорите вы — неизбежны, — писалъ Парвусъ, — если они даже близки, то почему же вы не предупредите объ этомъ рабочаго класса и не подготовите его къ борьбѣ и отпору? Почему не укажете германскому пролетариату на тѣ средства революціоннаго протеста, какими онъ можетъ и долженъ въ подобныхъ случаяхъ располагать?

Дрезденъ на всѣ эти вопросы отвѣта не далъ, — онъ обошелъ ихъ молчаніемъ. Нѣкоторымъ оправданіемъ ему можетъ еще служить то обстоятельство, что эти вопросы не были поставлены предъ нимъ ребромъ или были затѣнены главнѣйшей задачей партейтага — разоблаченіемъ всѣхъ смертныхъ и безсмертныхъ грѣховъ германскаго оппортунизма. Не то — Бремень.

*) ...«Что изъ себя представляетъ программа Россійской социалдемократической партіи? спрашиваетъ «Вѣстникъ Бунда» (№ 4, стр. 21) и отвѣчаетъ: — Теоретическая ея часть есть простая перефразировка, мѣстами очень неудачная, эрзурскіе программы; практическая часть есть собраніе требованій, понадегавныхъ изъ разныхъ западноевропейскихъ социалдемократическихъ программъ и ничего специфически-русскаго въ себѣ не заключаетъ; исключеніе составляетъ пунктъ о необходимости извѣрженія самодержавія и аграрныя требованія, основанныя на «теоріи» отъѣздовъ, которые не подлежатъ ни для одной изъ окраинъ Россіи и можетъ быть (курс. въ подл.) подходить для нѣкоторой части центральной Россіи». Впрочемъ, мы убѣждены, что пресловутые «отъѣзды» въ которыхъ критика не оставила живого мѣста, будутъ въ недалекомъ времени выброшены за бортъ самими социалдемократами.

Бременский партейтаг сознательно и добровольно отвернулся от рѣшенія нѣсколькихъ насущнѣйшихъ революціонныхъ задачъ, которая были поставлены передъ нимъ нѣкоторыми изъ делегатовъ, вѣрными голосу и требованіямъ самой жизни; оппортунисты, на сей разъ въ тѣсномъ единодушіи съ «радикалами», снимали съ очереди рядъ вопросовъ самой существенной важности и забрасывали немногие безпокойные головы, ставившія такие вопросы, пыльнымъ градомъ насмѣшекъ и оскорбленій. Даже болѣе, — такъ называемые оппортунисты оказывались подчасъ радикальнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ ихъ правые брѣвныя противники... Все, что выходило изъ узкаго круга мелкихъ злободневныхъ заботъ и второстепенныхъ вопросовъ программы и организаціи, все, что имѣло тенденцію напомнить конгрессу кое-какіе *недорѣченные* еще проблемы «старой испытанной тактики», — проблемы, на которыя намекалъ еще Парвусъ въ своей, упомянутой выше, статьѣ, — все это вызывало какой-то нервный, нетерпѣливый и даже гнѣвный отпоръ со стороны, какъ Августа Бебеля, такъ и Георга Фольмара — одинаково.

Таковъ общій характеръ Бременскаго конгресса германской с.-д. партіи. Теперь перейдемъ къ частностямъ, которыя послужатъ намъ превосходной иллюстраціей къ вышесказанному.

Уже въ самомъ началѣ занятій конгресса, когда обсуждался вопросъ о предметахъ, подлежащихъ обсужденію партейтага, рѣшимъ диссонансомъ врѣзалась въ общую его атмосферу легализма и умѣренности резолюція социалдемократовъ округа Эльбинга-Потсдама, требовавшая отъ партіи специальной антимилитаристской пропаганды среди молодыхъ рабочихъ передъ вступленіемъ ихъ въ войско и, особенно, издапія для нихъ брошюръ, просвѣщающихъ ихъ на счетъ ихъ обязанностей по отношенію къ такъ называемому «внутреннему врагу» въ случаѣ какихъ либо конфликтовъ его съ правительствомъ. Защищать эту резолюцію передъ лицомъ конгресса взялъ на себя молодой Либкнехтъ. Онъ былъ очень скромнень, — его, очевидно, давила тяжкая, непріятная атмосфера, сразу установившаяся въ залѣ конгресса, и пугали враждебно насторожившіяся лица Бебеля, Фольмара, Фроме, Молькенбурга, Зюдекума и многихъ другихъ, безъ различія юнаковъ и красокъ. Резолюція Либкнехта (по числу 105-ая) заранѣе была обречена гибели, и ему пришлось защищать заведомо безнадежное дѣло. Пусть не думаютъ, — осторожно огоривался онъ, — что мы имѣемъ въ виду призвать солдатъ къ нарушенію субординаціи, къ сопротивленію своему начальству или агитаціи въ стѣнахъ самихъ казармъ. Мы знаемъ, что это повлекло бы за собою цѣлый рядъ нежелательныхъ и опасныхъ конфликтовъ съ государственной властью, которые принесли бы въ общемъ итогѣ больше вреда, чѣмъ пользы. Мы имѣемъ въ виду одну лишь антимилитаристскую пропаганду среди молодыхъ рабочихъ, еще не взятыхъ въ войска, съ тѣмъ, чтобы подготовить ихъ къ возможнымъ и вѣроятнымъ въ будущемъ острымъ конфликтамъ между пролетариатомъ и государственной властью. Намъ необходимо достигнуть того, чтобы правительство не чувствовало болѣе за собой преданной и слѣпо покорной ему арміи, готовой по первому мановенію его руки стрѣлять въ дѣтей народа.

Какъ, однако, ни робко пѣлъ сынъ покойнаго «старога солдата революціи», его рѣчь вмѣстѣ съ его резолюціей встрѣтила явное осужденіе со стороны подавляющаго большинства конгресса. «Молодежь — говорилъ Рихардъ Фишеръ — есть молодежь, она должна перебѣдиться, и не для нея еще столь серьезныя задачи жизни»... «Агитація, которую вы намъ предлагаете, — восклицалъ съ своей стороны д-ръ Зюдекумъ, — не принесетъ намъ никакой пользы, но подвергнетъ опасности многихъ изъ нашихъ товарищей. Такой пропагандой вы ничего не достигнете, какъ ничего не достигаютъ ею и въ Бельгіи, гдѣ во время всеобщей стачки войска все таки стрѣляли въ безоружныхъ рабочихъ подъ влияніемъ простого военно-массового психоза»... «Военная стачка есть утопія, противъ которой всегда протестовала германская социалдемократія, — восклицалъ Молькенбургъ: съ побѣдой социализма исчезнетъ и милитаризмъ, никогда не раньше». И т. д. И напослѣднее немногочисленные сторонники 105-ой резолюціи, въ стремленіи своемъ во что бы то ни стало спасти ее, измѣняли ей редакцію, напрасно даже заявляли, что имъ хотѣлось бы только, чтобы центральный комитетъ партіи подготовилъ къ предстоящему повому конгрессу какое либо рѣшеніе даннаго вопроса, ничто не помогало. Въ защиту резолюціи выступилъ одинъ только Каценштейнъ, указавшій Зюдекуму на то обстоятельство, что разъ военный психозъ дѣйствительно су-

ществуетъ, то тѣмъ болѣе необходима антимилитаристическая пропаганда. Послѣ Каценштейна говорилъ еще Фольмаръ, — которому Бебель уступилъ свое слово, замѣтивъ, что ему не охота говорить противъ резолюціи, которая и безъ того уже подверглась смертельнымъ ударамъ. И послѣ того, какъ Фольмаръ бросилъ въ лицо сторонникамъ резолюціи гнусное обвиненіе въ «играніи огнестрѣльныхъ оружіемъ на чужой счетъ», а Фроме объявилъ рѣчь Либкнехта «крайне нагой» и всю «эту загію» *неквалифицируемой* (т. е. для которой нельзя подыскать приличнаго опредѣленія), — партейтагъ рѣшилъ отвергнуть обсужденіе этой резолюціи по существу и перейти къ порядку дня.

Слѣдующимъ по очереди стояло предложеніе группы социалдемократовъ изъ Ганновера и Шпандау включитъ въ число предметовъ занятій слѣдующаго партейтага вопросъ о всеобщей стачкѣ. Сколько ужъ разъ такое предложеніе дѣлалось съ разныхъ сторонъ какъ партейтагамъ, такъ и непосредственно центральному комитету партіи, сколько разъ отдѣльные группы напоминали руководящимъ верхамъ партіи необходимость обсужденія даннаго вопроса, и всегда — безуспѣшно. «Старая испытанная тактика» медленнаго шага и робкаго зигзага не желала терпѣть рядомъ съ собою никакихъ голововокружительныхъ «новыхъ методовъ» и, не смотря на всѣ суровыя требованія жизни, продолжала въ лицѣ своихъ ортодоксальныхъ адептовъ упрямо утверждать свою привычную погудку: «всеобщая стачка есть всеобщая безсмыслица». Кругомъ, въ другихъ странахъ жизнь бродила и рѣшала на свой страхъ и рискъ цѣлый рядъ все новыхъ проблемъ; всеобщія стачки въ Бельгіи, Голландіи, Италіи, Швеціи, даже Россіи, привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе и заставляли воѣ чувства и вдумчивыя социалистическія фракціи заново перерѣшать кое-какія насущныя тактическія задачи. Одна лишь Германія — доселѣ идеальный образецъ для всѣхъ социалистическихъ партій — оставалась въ своемъ ортодоксальномъ оцѣнѣнціи и ревниво оберегала свою умѣренную, строго легальную поведенію отъ всякихъ дерзкихъ на нее покушеній. Правда, Каутскій въ послѣднее время заговорилъ было о всеобщей стачкѣ, но мы знаемъ уже (см. № 49 «Р. Р.»), какой политической робостью, однобокостью и даже утопичностью страдаетъ его рѣшеніе даннаго вопроса. Казалось бы, центральному комитету германской социалдемократіи слѣдовало бы по собственной инициативѣ поставить на обсужденіе уже даннаго конгресса по-истинѣ животрепещущій вопросъ о всеобщей стачкѣ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Даже болѣе. Онъ не поддержалъ въ Бременѣ своимъ авторитетомъ скромнаго предложенія ганноверскихъ социалдемократовъ, о которомъ мы говорили выше, и позволилъ ему провалиться въ атмосферѣ всеобщаго невниманія и равнодушія. И это произошло въ то самое время, даже въ тѣ самые дни, когда на южномъ концѣ Европы, во всѣхъ городахъ Италіи пролетариатъ мужественно поднялся, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту разстрѣливаемыхъ сицилійскихъ крестьянъ и показалъ міру небывалый еще примѣръ всеобщей политической стачки. Вѣсти объ этой грандіозной демонстраціи самихъ пролетарскихъ массъ проникали, конечно, сквозь стѣны зданія, въ которомъ происходили засѣданія Бременскаго с.-д. партейтага, но не могли разсѣять упорнаго предубѣжденія его участниковъ. Предложеніе поставить вопросъ о всеобщей стачкѣ на обсужденіе ближайшаго партейтага было отклонено, и вмѣсто того, было принято другое предложеніе, рекомендуемое даннѣйшій вопросъ «вниманію правленія партіи». И замѣчательно — *не* Бебель, *не* Каутскій настаивали на необходимости возможно скорѣйшаго обсужденія и рѣшенія вопроса о всеобщей стачкѣ, не они рекомендовали въ Бременѣ данное средство борьбы съ компаніями классами и съ государствомъ а — *gismus teneatis, amici!* — умѣренный и аккуратный Бернштейнъ, тотъ самый Эдуардъ Бернштейнъ, оппортунизмомъ котораго возмущались такъ глубоко всѣ «радикалы» прошлагодняго Дрезденскаго партейтага. Это ли не декадансъ социалдемократическаго радикализма въ Германіи, если наиболѣе «краснымъ» на послѣднемъ Бременскомъ партейтагѣ оказывается лояльный и миролюбивый «Эдя»! «Мы — говорилъ онъ — идемъ на встрѣчу такимъ обстоятельствамъ, когда придется прибѣгнуть къ болѣе сильнымъ формамъ демонстраціи, чѣмъ только одни резолюціи на нашихъ собраніяхъ. Я въ послѣдніе годы не разъ уже говорилъ въ защиту идеи всеобщей стачки, какъ одного изъ средствъ политической борьбы, но мнѣ пришлось при этомъ плыть противъ сильнаго течения. Я слышу повсюду за «умѣреннаго» социал-демократа, и я считаю это наимено-

вание для себя честью, я охотно принимаю его, но умеренность не должно смѣшивать со слабостью, съ недостаткомъ энергіи. И правъ въ этомъ отношеніи Жоресъ, отмѣтившій на Амстердамскомъ конгрессѣ отсутствіе въ нѣмецкомъ народѣ революціоннаго инстинкта, революціонныхъ традицій. Я и самъ изумляюсь до какой степени намъ привито послушаніе полиціи, — какъ спокойно, напримѣръ, рабочіе относятся къ распушенію собраний и другимъ фактамъ. Нѣтъ, мы должны внушить рабочимъ мысль о возможности болѣе энергичныхъ формъ коллективнаго протеста, и если возникнетъ попытка отнять у насъ всеобщее избирательное право, то я надѣюсь, что нѣмецкіе рабочіе прибѣгнутъ для защиты его ко всемъ средствамъ, какими они только располагаютъ, и прежде всего — всеобщей стачкѣ. И если они всетаки окажутся побѣжденными, то ужъ лучше пасть съ честью, чѣмъ позволить отнять у себя избирательное право безъ всякой даже попытки сопротивленія...

Такъ говорилъ Эдуардъ Бернштейнъ, возбуждая своими «крайними» рѣчами недовольство правыхъ рѣчей адептовъ «старой испытанной тактики*»). Рѣчь его была, бесспорно, одной изъ лучшихъ рѣчей (а ихъ было немного) на Бременскомъ партайтагѣ, она же была, несомнѣнно, и наиболѣе радикальной. И въ этомъ то заключаются вся глубокая иронія послѣдняго партайтага, все его неразрѣшимое «внутреннее противорѣчіе». Оппортунизмъ — берущій на себя разрѣшеніе проблемъ, за пренебреженіе которыхъ Парвусъ такъ горько упрекалъ радикаловъ... Дрезденъ и Бременъ, Бременъ и Дрезденъ: роли перемѣнились, языки смѣшались...

Можно ли удивляться послѣ всего этого, если делегатъ города Марбурга, д-ръ Михельсъ, упрекнулъ Бебеля на томъ же Бременскомъ партайтагѣ въ чрезмѣрной уступчивости и нерѣшительности по отношенію къ германскимъ империалистскимъ тенденціямъ и шовинизму. Коснувшись вопроса объ извѣстномъ воздержаніи фракціи германскаго партайтага во время голосованія кредитовъ на войну съ гереро, марбургскій делегатъ выразилъ порицаніе такому оппортунистскому и двусмысленному отношенію къ этой новой милитаристической затѣй германскаго правительства. Никогда еще, мы думаемъ, не приходилось Бебелю выслушивать подобныхъ рѣчей по своему адресу, — тому самому Бебелю, который еще годъ тому назадъ, въ Дрезденѣ, спасалъ нѣкоторыя лучшія, революціонныя традиціи своей партіи.

Немногомъ выше, по своему общему революціонному уровню, оказались и дебаты по вопросу о празднованіи перваго мая. Взгляды, высказанные по этому поводу въ Бременѣ, обнаружили зарожденіе въ германскомъ организованномъ пролетариатѣ чисто оппортунистскихъ, tradé-юнионистскихъ тенденцій, выдвигающихъ на первый планъ непосредственные экоматеріальные интересы рабочаго класса и жертвующихъ этимъ интересамъ болѣе существенныя идеальныя и конечныя цѣли. Удивляться этому, конечно, нечего; всюду, гдѣ руководящіе слои рабочаго движенія систематически воспитываютъ рабочія массы въ духъ непримѣнной легальности, гдѣ лучшіе революціонные вожди начинаютъ отставать отъ новыхъ запросовъ жизни, вмѣсто того, чтобы безустанно будить въ массахъ революціонныя инстинкты, всюду и фатально въ такихъ случаяхъ зарождается въ профессиональных рабочихъ организаціяхъ стремленіе пожертвовать завтрашнимъ днемъ ради сегодняшняго, далекими идеальными задачами ради близкихъ копейныхъ интересовъ. — Зачѣмъ намъ этотъ праздникъ, 1-ое мая? — говорили представители нѣкоторыхъ профессиональных синдикатовъ на Бременскомъ партайтагѣ: пользы отъ него нѣтъ никакой, а обходится онъ нашимъ синдикальнымъ кассамъ не дешево. Да и желающихъ праздновать этотъ праздникъ становится съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Контингентъ празднующихъ набирается по преимуществу, если не исключительно, изъ безработныхъ, мелкихъ ремеслен-

никовъ, а также рабочихъ изъ партійныхъ мастерскихъ и большенныхъ кассъ; крупныя фабрики и заводы, а также каменнотопильныя копи не принимаютъ никакого участія въ этомъ праздникѣ. И хорошо дѣлаютъ, ибо что намъ можетъ дать 1-ое мая, кромѣ чѣлаго ряда репрессій со стороны хозяевъ и предпринимателей?... Бреславльскій делегатъ, Клюсъ, такъ-таки прямо и выпалилъ: «Я хотѣлъ бы, чтобы мы, вопреки всемъ рѣшеніямъ нашихъ прежнихъ и международныхъ конгрессовъ, постановили теперь отмѣнить всякое прекращеніе труда въ день 1-го мая. Такъ было бы лучше, — мы сэкономили бы деньги»... Другой делегатъ изъ Дрездена, нѣкто Kiehm, съ своей стороны заявилъ, что первымъ стремленіемъ рабочихъ синдикатовъ является теперь не борьба съ предпринимателями, а заключеніе съ ними договоровъ, и что ужъ по этому одному организованное рабочее не особенно дружелюбно относится къ затѣй перваго мая. И напрасно Рихардъ Фишеръ стремится убѣдить этихъ ораторовъ въ пренебреженіи ими *воспитательнаго* значенія этого праздника, въ забвеніи ими идеальныхъ задачъ современнаго рабочаго движенія; онъ самъ долженъ былъ въ своей рѣчи признать, что подобнаго рода тенденціи «становятся все болѣе замѣтными, хотя онъ и предпочитаетъ пока оставаться въ тѣни, вѣроятно, съ той цѣлью, чтобы тѣмъ легче привить нашимъ профессиональнымъ рабочимъ организаціямъ эту усыпительную тактику»... Къ несчастью, Рихардъ Фишеръ не замѣчаетъ, что такими «усыпительными» являются теперь не одни лишь господа Римы и Клюсы, а что пониженіе революціонности замѣчается теперь на всей линіи германскаго социалистическаго движенія, на лѣвомъ крылѣ его не менѣе, чѣмъ на правомъ. И возможно, что tradé-юнионистскій духъ, проникшій уже въ рабочее движеніе Германіи, будетъ съ каждымъ днемъ все болѣе раздѣлать — и безъ того не сильныя — революціонныя традиціи нѣмецкаго пролетариата, если въ средѣ его не появится какая-либо новая сила, новое теченіе, способныя встряхнуть и оживить все болѣе дряхлѣющій организмъ стараго, «ортодоксальнаго», застывшаго на одной мертвой точкѣ, социалдемократизма.

Резолюція, касающаяся майскаго праздника и предложенная Фишеромъ, была принята большинствомъ конгресса. Вопреки немногимъ голосамъ, раздававшимся еще до конгресса въ нѣкоторыхъ рабочихъ собраніяхъ и требовавшимъ безусловнаго и повсемѣстнаго прекращенія, въ первомайскій день, работы, партайтагъ принялъ компромиссную резолюцію Фишера, вмѣняющую рабочимъ и ихъ организаціямъ въ обязанность оставлять въ этотъ день работу лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это будетъ возможно безъ ущерба для нихъ. Послѣдняя оговорка, по своей растяжимости и неопредѣленности, даетъ полную возможность «практикамъ» продолжать ту самую «усыпительную тактику», противъ которой возставалъ авторъ резолюціи. Слѣдуя своему долгу, если это не повредитъ моему карману — такая мораль, уступка которой положена въ основаніе данной резолюціи, способна внести большую деморализацію въ ряды германскаго рабочаго движенія совершенно обезсмыслить и скомпрометировать въ глазахъ рабочаго народа декретированный для него въ 1889 году въ Парижѣ первомайскій праздникъ. Что жъ это за всемирно-революціонный праздникъ, если онъ не стоитъ даже маленькихъ, копейныхъ жертвъ каждаго отдѣльнаго рабочаго?...

Таковы характерные результаты Бременскаго партайтага. Духъ узкой практичности тяготѣлъ надъ нимъ. Много говорилось о вредѣ алкоголизма для рабочаго движенія, еще больше объ инцидентѣ Шинпеля, почти столь же много о школьномъ вопросѣ. Алкоголь былъ признанъ вреднымъ, и борьба съ нимъ — самая энергичная — крайне необходимой; хамелеону Шинпелю былъ сдѣланъ строгій выговоръ; обсужденіе школьнаго вопроса по существу отложено ad calendas grecas. «Гвоздемъ» партайтага было начертаніе основныхъ руководящихъ началъ для коммунальной политики германской социалдемократіи, другими словами — выработка и формулировка практической программы, такъ наз. муниципальнаго социализма. Не мало труда потратилъ д-ръ Линдеманъ на начертаніе проекта такой программы, но оригинальнаго находимъ мы въ ней крайне мало: она скроена по образцу англійскихъ муниципальных программъ и не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ элементарнѣйшихъ социалистическихъ требованій, которыя должны быть предъявляемы къ коммунальной политикѣ, а именно — перехода городской земли и почвы во владѣніе города. Въ этомъ отношеніи болѣе социалистическій характеръ былъ присущъ контръ-проекту муниципальной программы, предло-

*) Въ только что появившейся статьѣ К. Каутскаго о Бременскомъ конгрессѣ (см. «Die Neue Zeit», XXIII, №1) лидеръ германскаго ортодоксальнаго марксизма высказываетъ свое полное довольство «трезвой дѣловитостью» занятій партейтага; и только Бернштейнъ причинилъ ему большое огорченіе тѣмъ, что заявленія его относительно всеобщей стачки «шли слишкомъ далеко» (gingen zu weit), ибо требовали де отъ партіи примѣненія этого крайняго средства въ случаѣ отнятія у германскаго народа всеобщаго избирательнаго права: по мнѣнію же Каутскаго, «это было бы безпѣльной провокаціей нашихъ противниковъ» и ничѣмъ больше...

женному на обсуждение парттайтага небезызвестным социальдемократомъ Носч'омъ. Въ этомъ последнемъ проектѣ, имѣвшемъ въ виду не только городскія, но и сельскія общины Германіи, заключалось требованіе сохраненія и возможно большаго расширенія *сельскаго общиннаго владѣнія*, т. е. перехода въ общинную собственность лѣсовъ, полей и пастбищъ. Нечего и говорить, что такое «ревизионистское» требованіе было одно уже достаточно для того, чтобы побудить Бременскій конгрессъ отвергнуть весь конгрессъ-проектъ Носч'а и предпочесть ему резолюцію д-ра Линдемана, подвергнушую лишь незначительнымъ, второстепеннымъ поправкамъ.

Вопросъ объ измѣненіи организационнаго устава германской социальдемократической партіи тоже игралъ большую роль на Бременскомъ парттайтагѣ, но окончательное рѣшеніе его отложено до слѣдующаго раза.

Подводя общіе итоги этому конгрессу, нельзя не прийти къ самымъ печальнымъ выводамъ относительно того, — мы хотимъ вѣрнѣе: временнаго — упадка творческой энергіи и истинно революціоннаго настроенія, какой проявился съ нѣкоторыхъ поръ въ рядахъ германской социальдемократіи, но съ особенной ясностью обнаружился въ Бременѣ *). На всѣхъ занятіяхъ Бременскаго конгресса лежала печать какого то остраго художескаго и старческаго безсилія, неспособнаго справиться даже съ тѣми малыми задачами, какія онъ себѣ поставилъ. Достаточно при этомъ еще вспомнить, что вопросъ объ аграрной программѣ этой партіи вотъ ужъ десять лѣтъ ждетъ своего разрѣшенія и, не смотря на всю насущную необходимость этого послѣдняго, совершенно игнорируется парттайтагами, чтобы признать существованіе въ самомъ сердцѣ германскаго социальдемократизма глубокаго идейнаго кризиса, парализующаго его поступательное движеніе какъ въ сферѣ теоріи, такъ и въ практикѣ. Крайній консерватизмъ мысли, присущій руководящимъ сферамъ германскаго социальдемократизма и выливающийся въ специфическую форму непреклонной и неподвижной «ортодоксальности», все болѣе отчуждаетъ даже лучшихъ его дѣятелей отъ жизни и позволяетъ тѣмъ временемъ укрѣпиться *оппортунистскому* ревизионизму, подкапывающемуся подъ самыя основы революціоннаго социализма. Stillstand ist Rückgang, — говоритъ нѣмецкая пословица, т. е. всякій застой есть движеніе назадъ, и справедливость этого положенія какъ нельзя лучше сказывается теперь на примѣрѣ германской социальдемократіи. Намъ больно признаться это, ибо мы хорошо знаемъ, чѣмъ была до сихъ поръ германская социальдемократія для всего международнаго рабочаго движенія. Но признать это необходимо, какъ правды ради, такъ и для того, чтобы предохранить по возможности и наше, русское, революціонное движеніе отъ той прилипчивой заразы умѣренности и аккуратности, легальности и оппортунизма, которая производитъ столь жестокаго духовнаго опустошенія среди нашихъ нѣмецкихъ братьевъ...*)

*) То же самое явленіе замѣчается, впрочемъ, и въ рядахъ австрійской с.-д. партіи. На конгрессѣ нѣмецко-австрійской рабочей партіи, имѣвшемъ мѣсто непосредственно за Бременскимъ парттайтагомъ въ Зальцбургѣ, произошло крупное столкновеніе между революціонно-настроеннымъ меньшинствомъ, съ одной стороны, и консервативнымъ большинствомъ съ Алеромъ во главѣ — съ другой. Большинство отклонило предложеніе меньшинства обсудить на настоящемъ конгрессѣ вопросъ о всеобщей стачкѣ и подверглось самымъ ожесточеннымъ его нападкамъ... «Рабочія массы настроены революціонно, — говорилъ, напр. одинъ делегатъ изъ Вѣны, — онѣ требуютъ отъ своихъ вождей революціоннаго направленія, да, къ несчастію, мы всѣ задремали. Теперь нужны сильныя средства, а мы обходимъ ихъ, какъ кошка горячую кашу... Въ томъ же духѣ говорилъ и другой делегатъ изъ Вѣны, Винарскій. Подъ дружные аплодисменты меньшинства, онъ заявилъ, что многие социальдемократы недовольны поведеніемъ руководящихъ сферъ партіи... «Съ этой тактикой выжиданія — говорилъ онъ — мы рискуемъ потерять массы. Вы намъ указываете на необходимость организаціи. Но развѣ одно другому противорѣчитъ? Организационная работа — это хлѣбъ нашъ насущный, но ни въ какомъ случаѣ не все содержаніе нашей дѣятельности... Третій делегатъ, изъ Теплица, заявилъ: «Для организаціи рабочихъ массъ необходимо воодушевленіе, а воодушевленіе возможно лишь при существованіи вѣры въ успѣхъ. Между тѣмъ, эту то вѣру въ успѣхъ старыхъ методовъ и средствъ борьбы рабочій классъ уже потерялъ... намъ нужны болѣе рѣшительныя средства... и т. д. Отвѣтная рѣчь Алера была однимъ сплошнымъ и при томъ крайне бесталаннымъ призывомъ къ трезвости и благоразумію.

*) Насколько необходимо, показываетъ достаточно уже то, что, по мнѣнію «Искры», парттайтагу предстояло «бороться съ оппортунистическими тенденціями при разрѣшеніи отдѣльныхъ очередныхъ вопросовъ и тѣмъ сильнѣе подчеркнуть свою революціонную позицію по отношенію къ существующимъ общественнымъ условіямъ. И вотъ —

Справедливость требуетъ, однако, упомянуть здѣсь одинъ симпатичный актъ Бременскаго конгресса, близко касающійся русскаго революціоннаго движенія, а именно: единогласное принятіе резолюціи кенигсбергскихъ социальдемократовъ, вмѣняющей членамъ партіи въ обязанность содѣйствіе распространенію и транспорту русскіихъ социальдемократическихъ и всякихъ другихъ свободныхъ изданій, не грѣшащихъ ничѣмъ, по своему содержанію, противъ германскихъ законовъ. Наши партійныя изданія, какъ не удовлетворяющія этому послѣднему требованію, въ виду ихъ террористическаго направленія, сюда, конечно, въ счетъ не входятъ. Тѣмъ болѣе, что самъ Августъ Бебель не такъ давно заявилъ въ рейстагѣ, — по поводу пресловутаго кенигсбергскаго процесса, — что «всякій социальдемократъ, взявшійся за содѣйствіе распространенію и транспорту террористическихъ изданій, немедленно былъ бы исключенъ изъ партіи...») Такъ что намъ, русскимъ социалистамъ-революционерамъ, это рѣшеніе Бременскаго парттайтага никакой пользы принести не можетъ. Подвергать германскихъ социальдемократовъ опасности исключенія изъ партіи, мы, конечно, не желаемъ, такъ же какъ мы никогда не взяли бы на себя тяжкаго грѣха соврашенія лояльныхъ германскихъ подданныхъ къ неповиновенію «германскимъ законамъ». Германскіе социальдемократы приучили насъ въ послѣднее время быть по отношенію къ нимъ нетребовательными, и потому мы считаемъ все же своей обязанностью выразить имъ здѣсь, за ихъ симпатіи къ русской революціи, соотвѣтствующую широтѣ этихъ симпатій благодарность.

НА ТЕКУЩІЯ ТЕМЫ.

«Облегченіе евреевъ».

Еще при жизни ф. Плева царское правительство «вступило на путь реформъ» въ одномъ изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ русской жизни. Покойный диктаторъ, какъ извѣстно, отменилъ запрещеніе евреямъ селиться не ближе 50-верстнаго разстоянія отъ границъ. Затѣмъ циркуляромъ отъ 6-го марта 1904 г. за № 723 онъ не только приостановилъ выселеніе евреевъ изъ всѣхъ вообще мѣстъ, гдѣ они живутъ «незаконно», въ мѣста ихъ «законнаго жительства», но откровенно призналъ при этомъ, что такая мѣра, (имъ же ранѣе предписанная) — крайне несправедлива. Несправедливость эта признана, конечно, не на основаніи общечеловѣческаго принципа, обезпечивающаго каждому челоуѣку право жить на землѣ, а на основаніи частичномъ, казуистическомъ; но все же она признана. «Еврею, — говорится въ циркулярѣ, — часто поселяются въ запрещенныхъ имъ мѣстахъ только по неясности нашихъ законовъ, касающихся евреевъ. Часто одинъ законъ противорѣчитъ другому, а потому было бы несправедливымъ заставлять евреевъ терпѣть тяжелыя послѣдствія, съ которыми связано выселеніе ихъ. Тѣмъ болѣе несправедливо это теперь, когда многие евреи, принадлежащіе къ запасу арміи, мобилизованы; отчего выселеніе ихъ, рядомъ съ мобилизаціей, является для нихъ двойнымъ разореніемъ».

Со смертью Плева «облегчительныя мѣры», какъ называетъ ихъ князь Мещерскій, не прекратились. 11-го августа Николай II подписалъ манифестъ по случаю рожденія наследника, и въ этомъ документѣ въ пунктѣ 11-мъ ст. III-ей предписывается не взыскивать съ евреевъ, при наличности извѣстныхъ условій, тѣхъ «денегъ крови», которыя взымались съ нихъ, въ размѣрѣ 300 р. съ семейства, за круговой порукой, если какой-либо членъ семьи «уклонялся отъ отбыванія воинской повинности». Въ тотъ же день царь подписалъ особый высочайшій указъ «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ — о правахъ жительства евреевъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи». Изъ одиннадцати пунктовъ, которые составляють указъ, только два — 6-ой и 7-ой — дѣйствительно вносятъ «нѣкоторыя измѣненія» въ существующіе законы; остальные 9 лишь подтверждаютъ старые законы, нарушенные произвольными толкованіями сената въ ущербъ евреямъ. Пунктъ 6-ой не имѣетъ значенія, ибо относится до

полагать «Искра» — и то, и другое, въ предѣлахъ своей программы, выполнилъ Бременскій конгрессъ...

*) Правда, мы могли бы напомнить Августу Бебелю покрытыя громовыми аплодисментами слова Либкнехта на Цюрихскомъ интернаціональномъ социалистическомъ конгрессѣ, что въ русскіихъ политическихъ условіяхъ и они боролись бы средствами такъ называемыхъ русскихъ «шуглистовъ» — но къ чему компрометировать покойника! Tempora mutantur...

коммерцій и мануфактур—совѣтниковъ изъ евреевъ, т. е. можетъ быть, относительно дюжины лицъ во всей имперіи. Одинъ пунктъ 7-ой касается значительнаго, по численности, класса евреевъ, а именно евреевъ солдатъ, нынѣ сражающихся на Дальнемъ Востока. Такимъ солдатамъ, если они «удостоились пожалованія знаками отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ», предоставляется право повсемѣстнаго жительства въ имперіи. Какъ ни скaredны эти «облегченія», но все же—по крайней мѣрѣ на первый взглядъ — тенденція признанія за евреями права на болѣе человѣческое существованіе въ нихъ продолжается.

Что же все это значить? Значить ли это, что правительство колеблется въ своей привычкѣ смотрѣть на пять милліоновъ русскихъ гражданъ, принадлежащихъ къ особой расѣ, какъ на паршивыхъ овецъ и бѣшеныхъ собакъ, которыхъ нужно всегда держать въ крѣпкой загородкѣ и выпускать оттуда не иначе, какъ на короткомъ ремнѣ? Или это значить, что царское правительство, подъ влияніемъ угрожающихъ обстоятельствъ, рѣшило сдѣлать нѣкоторыя уступки и обездоленному, доведенному до отчаянія племени и громко выраженному общественному мнѣнію сознательной части русскаго народа? Или, наконецъ, есть какое-нибудь третье объясненіе факта?

Къ счастью, намъ не нужно ломать головы надъ этими вопросами. Нѣтъ надобности вдаваться въ какія бы то ни было догадки и соображенія. Покойный Плеве, который время отъ времени не стѣсняясь показывался публикѣ *au naturel*, или, въ вольномъ русскомъ переводѣ, «въ чемъ мать родила» — самъ даетъ намъ обстоятельное объясненіе, достойное, по своей откровенности, сдѣлаться историческимъ. Мы приведемъ выше лишь 1-ую половину циркуляра № 723. Вторая его половина гласитъ, буквально, слѣдующее: «Принимая во вниманіе, что *теперь желательна не только всего того, что можетъ нарушить правильное теченіе дѣла, и всего того, что можетъ вызвать неудовольствіе населенія, считая необходимымъ пока, до заключенія мира на Дальнемъ Востока, оставить въ покоѣ всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые, хотя живутъ и незаконно, но живутъ уже давно и живутъ тамъ съ семьями, и при поселеніи имѣли какое нибудь основаніе, которое со временемъ потеряло свой смыслъ.*»

Какая великолѣпная ясность духа, сквозящая въ этомъ замѣчательномъ произведеніи официального пера! Но это въ сторону. Для насъ важнѣе ясность выраженій, поистинѣ, не оставляющая ничего болѣе желать. Оставьте евреевъ въ покоѣ *«теперь»*, «пока», до заключенія мира на Дальнемъ Востока, потому что желательна *«не только всего того, что можетъ вызвать неудовольствіе населенія»*. Когда же съ заключеніемъ мира, мы развяжемъ себѣ руки, вернемъ войска съ Дальняго Востока для дѣйствій противъ собственнаго «населенія», тогда можно будетъ пренебречь «неудовольствіемъ» послѣдняго: *тогда* мы опять надѣнемъ отлагаемыя «теперь» въ сторону ежевыя рукавицы и снова приступимъ къ болѣе энергичному сгибанію въ бараній рогъ. И это касается, конечно, не однихъ евреевъ.

Какіе бы то ни было дальнѣйшіе комментаріи только ослабили бы величественную простоту признанія.

Но, отказываясь даже комментировать текстъ циркуляра, мы не можемъ не указать на то, что самъ онъ служитъ превосходнымъ и неоспоримымъ комментаріемъ къ тому настоящему и будущему, которыя глядятъ намъ въ глаза, и, въ частности — къ назначенію «доступнаго», «либеральнаго», «чувствующаго отвращеніе къ пролитію крови и суровымъ мѣрамъ», «твердаго сторонника законности» — Святопола-Мірскаго. Дѣйствительно ли онъ обладаетъ всѣми этими качествами и — въ какой мѣрѣ? вопросъ совершенно праздный и потому неинтересный. Святополкъ-Мірскій назначенъ «теперь, когда желательно избѣгать всего того, что можетъ вызвать неудовольствіе населенія». Но «по заключенію мира на Дальнемъ Востока» дѣла будутъ обстоять иначе: либеральный, гуманный «сторонникъ законности» (хотя бы даже въ предѣлахъ людоедныхъ законовъ Россійской Имперіи) окажется не нужнымъ и личныя качества нынѣшняго министра вн. дѣлъ видовзмѣнятъ процессъ перемѣны фронта лишь въ несущественной мелочи, а именно, въ томъ, *кто* лично одѣнетъ ежевыя рукавицы и вооружится плетью? Если Мірскій окажется достаточно талантливымъ и получившимъ достаточное «военное воспитаніе» для этой роли — онъ останется въ должностн; если нѣтъ — его замѣнятъ болѣе пригоднымъ субъектомъ. Вотъ и все. Но неужели намъ не все равно, изъ чьихъ рукъ принимать скорпіоны и заушенія?

Нѣтъ, довольно и тѣхъ, и другихъ. Мы не намѣрены болѣе терпѣть не только ихъ, но и малѣйшей возможности ихъ возвращенія. Поэтому мы воспользуемся урокомъ государственной мудрости, столь обязательнымъ преподааннымъ покойнымъ г. фонъ-Плеве въ циркулярѣ № 723. Твердо памятуя, что самодержавная русская бюрократія, вмѣстѣ съ ея «Петрушкой» — Николаемъ Вторымъ, дѣлаютъ, по ихъ собственному признанію, уступки только изъ страха опасности, вызываемой недовольствомъ населенія, и лишь до тѣхъ поръ, пока у нихъ связаны руки войной, столь преступно ими накликаемой на народъ, — мы призываемъ весь нашъ трудящійся людъ и всѣхъ иныхъ честныхъ людей, кому дороги свобода, справедливость и счастье родины — напрячь всѣ силы, чтобы сбросить съ себя иго самодержавія, именно *«теперь»*, «до заключенія мира на Дальнемъ Востока». Пусть испачканное кровью самодержавіе упадетъ въ ту самую яму, которую оно такъ коварно рыло для «собственного» народа. Если мы не сдѣлаемъ этого «теперь», то по окончаніи войны оно постарается затянуть петлю ту же прежняго на шею нашей общей родины.

ВОЙНА.

Результаты и отголоски войны. Кровавая драма на Дальнемъ Востока медленно, но близится къ своей неизбежной развязкѣ. Неспособность русскаго правительства умѣло провести даже то, въ чемъ до сихъ поръ оно болѣе всего надѣялось на свои силы, оказалась съ такой очевидностью, что для всякаго освѣдомленнаго съ ходомъ войны человѣка плачевный результатъ ея представится неизбежнымъ. Да, война близится къ своему концу, хотя рептильные органы и не перестаютъ завывать о необходимости сдѣлать новыя усилія, отплатить за всѣ наши пораженія и выказать въ настоящемъ свѣтѣ всему міру славу русскаго оружія. Пусть такъ! Вѣдь и шакалы, убѣгая отъ преслѣдованій болѣе сильнаго противника, оглашаютъ окрестность злобнымъ воемъ, но этотъ вой никоимъ не страшитъ уже, а лишь показываетъ степень ихъ собственнаго страха. И настанетъ время, когда все, злобно воющее и яростно выкрикивающее свои безсильныя угрозы, должно будетъ попрятаться въ отведенныя для того подворотни. Мы вѣримъ, что такое время уже не за горами, и получаемыя нами новости какъ съ театра войны, такъ и изъ разныхъ мѣстъ Сибири и Россіи по поводу ея, укрѣпляютъ въ насъ эту вѣру. Невеселыя, а порою прямо ужасныя, картины рисуютъ намъ наши корреспонденты, но тѣмъ очевиднѣе для насъ, что нависшій надъ нами кошмаръ не можетъ продолжаться слишкомъ долго, что среди темныхъ и грозныхъ тучъ насилія, безправія, обмана, продажности и полной неспособности командующихъ классовъ все чаще проскальзываютъ свѣтлые лучи пробужденія народнаго недовольства, критики, протеста. Пусть эти лучи еще рѣдки и слабы, пусть свѣтъ ихъ пока лишь свѣтъ искры, вспыхнувшей среди мрака ночи — отъ насъ, революціонеровъ, зависитъ раздуть ихъ въ яркій факелъ, который осветитъ собою все темное, жалкое, трусливо-лживое и укажетъ народу на него, какъ на главнаго виновника переживаемыхъ нашей родиной тяжелыхъ несчастій.

Подѣлимся-же съ читателями кое-чѣмъ изъ имѣющагося у насъ матеріала о войнѣ на Дальнемъ Востока. Вотъ что сообщаютъ намъ изъ Харбина о плачевномъ состояніи, въ какомъ находится сейчасъ организациія помощи раненымъ, не смотря на всѣ тѣ десятки милліоновъ, которые такой щедрой рукой сыпали въ началѣ войны разные слои русскаго общества на это дѣло.

Съ 17-го числа санитарныя поѣзда двигаются къ сѣверу одинъ за другимъ. Еще до 20 августа въ главномъ управленіи Краснаго Креста была получена телеграмма, что подлежитъ эвакуаціи изъ Ляояна 15 тысячъ раненныхъ—это исключая тѣхъ, которые остались въ рукахъ японцевъ. А сколько еще ихъ пришло послѣ 20-го! Въ самомъ Ляоянѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, гдѣ убиты студентъ и сестра и ранены врачъ и 3 сестры. Сестры изнемогаютъ отъ неосильной работы, и забота о раненыхъ среди нихъ ужасна: въ одномъ Харбинскомъ лазаретѣ лежатъ въ тѣнѣ 20 сестеръ, а еще многія изъ нихъ перемогаются и лежатъ въ общежитіи. Да и возможно ли ожидать много при такой массѣ труда, какой несетъ на себѣ медицинскій персоналъ! Въ районѣ Манджурской дѣйствующей арміи 70 лазаретовъ одного Краснаго Креста и всѣ они переполнены. Поѣзда съ ранеными не успеваютъ разгружаться. Солдаты измучены не только полученными ранами, но, быть можетъ, еще болѣе тяжелой дорогой, такъ какъ перевозятъ ихъ болѣею частью въ товарныхъ вагонахъ, гдѣ устраиваютъ раненныхъ въ 2 этажа. Перевязки дѣлаются очень

лохо, потому что раненных сдаютъ въ вагоны прямо съ поля сраженія, сдѣлать же всѣмъ перевязки въ вагонѣ положительно невозможно. На 600 — 700 человекъ ихъ всего 2 — 3 врача и отъ 4 до 8 сестеръ милосердія.

Тотъ же корреспондентъ рисуетъ намъ царящее въ войскахъ настроеніе, вызванное послѣдними событіями. Положеніе наше, по его словамъ, ужасное:

«Отняты всѣ наиболѣе важныя укрѣпленія и вѣроятно начнутъ возводить новыя между Мукденомъ и Телиномъ, что потребуетъ новыхъ огромныхъ усилий и денежныхъ средствъ. Войска перестаютъ вѣрить въ успѣшное окончаніе войны; всюду недовольство громадное, ропотъ, уныніе. Солдаты упали духомъ и говорятъ, что счастье, если только ранить или заболѣть, а то навѣрное убьютъ. Куропатникъ также видимо теряется: передъ Хайченомъ, онъ открыто заявилъ войскамъ, что положить всю армію, но не дастъ Хайчену, а черезъ два дня послѣ этого послѣдовало наше безпрерывное отступленіе къ сѣверу. Всѣ возлагали надежды на прибытіе изъ Россіи 3-хъ корпусовъ и рѣшительный бой подъ Ляонингомъ, но теперь эти надежды разбѣлись и чего будутъ ждать дальше — неизвѣстно, быть можетъ, прихода новыхъ шести корпусовъ... Даже среди лицъ, занимающихъ различные высшіе мѣста, все чаще слышишь мнѣніе, что нынѣшняя война, какъ и Севастопольская компанія, должна вызвать большое внутреннее движеніе въ Россіи, и, какъ слѣдствіе этого, рядъ реформъ, такъ какъ уже слишкомъ очевидны для всякаго непредубѣжденного человѣка обнаружившіяся всюду наше неустройство, безсиліе и полный безпорядокъ.

О такомъ же настроеніи говорятъ намъ и другіе корреспонденты. Недовольство войной и нежеланіе идти на нее проявляется у солдатъ, разнѣмъ, различнымъ образомъ, смотря по характеру каждаго и другимъ существующимъ условіямъ. У иныхъ это недовольство выливается въ формы импульсивныхъ вспышекъ противъ «начальства», въ которыхъ содрѣваютъ накупившія въ душѣ горечь и раздраженіе; у другихъ, и нерѣдко, къ сожалѣнію, проснувшееся сознаніе содрѣваетъ настолько слабымъ, что у человѣка не хватаетъ силъ на борьбу, хотя бы маленькую, но не хватаетъ также силъ и жить, и вотъ человѣкъ кончаетъ самоубійствомъ. Третьи, наконецъ, бѣгутъ отъ войны, бѣгутъ прямо со службы, бѣгутъ цѣлыми массами тѣ, которыхъ еще должны призвать. Для иллюстраціи только что сказаннаго приводимъ выдержки изъ письма одного нашего корреспондента (изъ Курской губерніи отъ 8-го сентября).

«У солдатъ былъ обыскъ, произведенный исправникомъ, помощникомъ его и дѣлопроизводителемъ. Ничего не найдено, однако вообще всюду настроеніе тревожно-чутко. Передъ отправленіемъ (запасныхъ), во время молебна, исправникъ сдѣлалъ замѣчаніе одному солдату на то, что тотъ стоялъ въ фуражкѣ и курилъ. «Убирайся отъ меня!» отчиталъ солдатъ, «а то какъ дамъ, такъ и перевернешься» (слѣд. крѣпкое слово). Исправникъ отошелъ и записалъ «амалию».

Нерѣдко такое глухое недовольство выражается въ простомъ желаніи подебширить, разбить винную лавку, разбить въ дребезги все попадавшееся на пути, какъ пишетъ тотъ же корреспондентъ.

Или вотъ сообщеніе изъ Москвы о безпорядкахъ въ Крутицкихъ казармахъ, за послѣднее время. Тамъ были разбиты полки, предназначенные къ отправкѣ на Дальній Востокъ, почему то долго затянувшейся.

Семьи, прѣхавшіе проводить своихъ родственниковъ, поистратились и не могли ни вернуться домой, ни харчеваться далѣе въ Москвѣ. Солдаты взбунтовались: «вы насъ на смерть ведете, а семьи наши съ голоду помереть должны!» И пошелъ такой мятежъ, что власти порядкомъ струсили».

Есть слухи, пока еще не провѣренные нами, также о безпорядкахъ въ Пензѣ, начавшіеся изъ за того же.

«Городовой потащилъ въ участокъ пьянаго солдата и при этомъ сильно избилъ его. Солдаты, увидѣвъ это, выбѣжали изъ казармъ и съ крикомъ: «нашихъ бьютъ!» бросились на полицію, «побѣдили» ее и затѣмъ пошли бить купцовъ. Солдаты шли по улицамъ, разрушая по дорогѣ все, что было имъ не по душѣ и произвели страшный разгромъ въ городѣ».

Часто также встрѣчаются съ тѣмъ, что солдаты вовсе вышли изъ повиновенія и и даже грозятъ офицерамъ. Въ одной изъ ротъ отправлявшагося на войну полка солдаты говорили открыто про своего командира: «погоди! не долго тебѣ изыматься надъ нами; только до Байкала дойти, а потомъ тебѣ и дороги далѣе нѣтъ». Но, какъ мы говорили выше, не рѣдки указанія и на самоубійства солдатъ и запасныхъ.

«Нѣсколько дней тому назадъ, пишутъ намъ изъ Петербурга, подъ паровозъ бросились 3 солдата Каспійскаго полка изъ Петергофа. Они были призваны изъ запаса, полкъ назначенъ на Д. В., дома у нихъ остались жены и дѣти. Машинистъ затормозилъ поѣздъ и этимъ спасъ двоихъ, одинъ уже перерѣзанъ. За день до этого въ прекрасномъ Петергофскомъ озерѣ утопили еще одинъ солдатъ этого же полка».

Другіе корреспонденты сообщаютъ о двухъ случаяхъ самоубійства запасныхъ, подлежавшихъ призыву и бросившихся съ парохода въ воду, чтобы избѣжать предстоящей участи (изъ Тоб. губ.). Интересный разсказъ о русскихъ порядкахъ и побѣгъ матроса съ транспорта «Лена» находимъ въ письмѣ изъ С. Франциска.

Американцевъ, посѣтившихъ «Лену», удивляетъ грязь, тѣснота, вообще антисанитарное состояніе помѣщеній для команды и, наоборотъ, роскошь офицерскихъ помѣщеній. Въ первый день прихода «Лены» дезертировалъ матросъ: онъ помогалъ лодочнику нагрывать на Лену провизію, по окончаніи работы отказался подняться на судно, лодка же, собственность американца, являлась американской территоріей, поэтому изъ Лены могли только послать ему въ догонку угрозы и ругательства. На берегу нашли люди, которые пріютили его; онъ жаловался на дурное обращеніе со стороны офицеровъ и на скверную пищу и говорилъ, что больша часть команды ждетъ только случая, чтобы дезертировать. Команду на берегъ не пускаютъ и, вѣроятно, не будутъ пускать и впредь, опасаясь дезертирства, офицеры внимательно слѣдятъ, чтобы матросы ни въ какомъ случаѣ не разговаривали съ посторонними. «Военные секреты» тутъ не причемъ, очевидно, просто стыдятся, чтобы американцы не узнали про броженіе между офицерами и командами на русскихъ судахъ.

О побѣгахъ сообщаетъ и нашъ Петербургскій корреспондентъ.

«Въ Кременчугѣ, во время царскаго смотря, 8 человекъ защитниковъ пара скрылись, неизвѣстно куда. Солдаты цѣлыми группами дезертируютъ съ дороги, не смотря на то, что въ полкахъ заведены шпіоны».

Не забудемъ, наконецъ, какая баснословная по количеству масса народу бѣжитъ изъ Россіи за границу, особенно изъ всей западной и юго-западной ея частей. Иностранная газета говоритъ, что дезертируютъ за границу десятки тысячъ человекъ; изъ одного Одесскаго округа бѣжало до 11 тысячъ. Въ Австріи и Румыніи, благодаря наплыву бѣглецовъ, стали дѣлать разныя притѣсненія дезертирамъ, которыхъ арестовываютъ и держатъ по нѣсколькимъ днямъ и даже недѣль въ участкахъ, хотя послѣ того и выпускаютъ на свободу. Но встрѣчались даже и попытки обратной высылки въ Россію, не удавшиеся только благодаря участію общества, главнымъ образомъ, прессы, какъ это было недавно въ Австріи.

Находимъ также указанія и на настроеніе общества и, частью крестьянской массы.

«Крестьяне далеко не тѣ патриоты-фанатики, какими ихъ рисуютъ царскіе писакі, читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ, и не всегда покорно отдають своихъ сыновей на войну. Въ одномъ изъ селъ Курской губер. они устроили съ этой цѣлью даже стачку. Была прислана рота солдатъ для усмиренія».

О настроеніи, вызванномъ мобилизаціей пишетъ и нашъ Одесскій корреспондентъ.

Городъ теперь въ сильномъ возбужденіи. 28 августа объявлена у насъ мобилизація. Среди солдатъ сильное броженіе, многіе рѣшительно заявляютъ, что не пойдутъ. Прибывшіе запасные, частью угнетены, частью возбуждены. На войну никто идти не хочетъ. Масса побѣговъ. Въ городѣ стоить ревня. Вмѣстѣ съ запасными прибыли ихъ жены и дѣти, которые ревня ревутъ, еще болѣе усиливая настроеніе солдатъ. Листки наши они читаютъ на расхватъ. Листокъ О. К. «Къ народу» произвелъ среди нихъ сильное впечатлѣніе, и они все время просили бумажекъ къ нимъ самимъ. И вотъ сегодня вышла, наконецъ, давножданная «Къ солдатамъ».

У насъ было нѣсколько смертныхъ случаевъ: умерло нѣсколько женщинъ, когда узнали, что ихъ мужья забраны. Настроеніе въ обществѣ самое, какъ говорится, горячее. Даже старики и старухи говорятъ, что они выйдутъ на «бунтъ». Народъ говоритъ, что дураки будутъ солдаты, коли не взбунтуются. Масса просится на улицу съ оружіемъ. Теперь настало время серьезно подумать о приобрѣтеніи оружія. Пора уже отъ словъ перейти къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что дѣла то сама масса требуетъ. Агитація въ войскахъ идетъ у насъ сильная. Теперь смѣло можно сказать, что и солдаты поддались и «запынствовали» нелегальщиной. Они просятъ, между прочимъ, побольше революціонныхъ пѣсенъ. Все болѣе голосовъ раздается среди солдатъ противъ войны и правительства. Довольно, говорятъ они, покоряться и терпѣть, не затѣмъ и не за что намъ мучиться. Температуру общества почувствовалъ, видно, Нейдгартъ, такъ какъ велѣлъ закрыть всѣ винныя лавки и увеселительныя заведенія и выпустилъ воззваніе, въ которомъ выражаетъ «уверенность», что каждый обыватель сочтетъ своимъ долгомъ содѣйствовать тишинѣ и спокойствію, созная всю важность настоящаго момента. Вообще власти перетрухнули, всячески заигрываютъ съ солдатами, а при каждомъ участіи заставляя казаки. Всѣ ждутъ бунта. Подробности сообщу слѣдующій разъ. За все время проваловъ у насъ не было, несмотря на небывалый ростъ массы.

По словамъ нашего московскаго корреспондента.

«Циркулируютъ слухи, что рабочіе металлическихъ заводовъ послали коллективное заявленіе на высочайшее имя. Они отказываются ид-

ти на войну, если их за это даже разстреляют. «Лучше умирать на родине, чѣмъ на чужбинѣ», говорятъ они.

О такомъ же настроеніи пишутъ и изъ Петербурга.

«Русскія побѣды (?) не привѣтствуются въ народѣ, какъ это было раньше, читаемъ въ томъ же письмѣ. Газетныя извѣстія часто встрѣчаются съ негодованіемъ и полнѣйшимъ недоверіемъ, потому что всѣ проводили о правительственной лжи, отъ которой очень скоро отпадетъ ея золотой переплетъ. Патріотическія манифестаціи запрещены, потому что якобы парю выраженіе патріотическихъ чувствъ болѣе не требуется, въ сущности же эта система пробужденія уснувшей любви къ парю даетъ результаты совершенно обратнаго характера. Наши потери встрѣчаются молча, а патріоты, и особенно газеты, всегда находятъ оправданіе своему воинству, а самые потери считаютъ сравнительно ничтожными».

Повторимъ еще разъ, что признаки пробуждающагося сознанія различныхъ слоевъ народа по отношенію къ предпринятой русскимъ правительствомъ войнѣ обнаруживаются все яснѣе и рѣшительнѣе; удручливый чадъ патріотизма все быстрѣе разнесется порывами доносящейся съ востока бури, и мы вѣримъ, что онъ разнесется окончательно тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе приложатъ къ тому усилія революціонеры всѣхъ фракцій. Мы вѣримъ этому, потому что такъ говорить намъ сама жизнь, отовсюду дающая примѣры глухого, пока еще малосознательнаго, но уже широко распространившагося повсюду ропота недовольства, которое уже ищетъ формъ, чтобы вылиться въ могучій потокъ всеобщаго протеста.

Какъ ген. Куропаткинъ переходитъ въ наступленіе.

Говоря въ началѣ нашего обзора, что война *близится* къ своему неизбежному концу, мы все же были далеки отъ мысли, что русская правительственная клика сама дастъ толчокъ, ускоряющій близость роковой развязки, сама поспѣшитъ вынуть лишнюю лопату земли изъ той глубокой ямы, которую она роетъ себѣ за послѣдніе годы. Мы говоримъ, конечно, о знаменитомъ приказѣ, съ которымъ обратился Куропаткинъ 19 сентября къ войскамъ Манчжурской арміи. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ мѣста подробно остановиться на этомъ удивительномъ документѣ, свидѣтельствующемъ о позорномъ и преступномъ малодушіи его официального автора, и ограничимся лишь немногими замѣчаніями. Куропаткинъ-Кунктаторъ, Куропаткинъ-Кузузовъ, Куропаткинъ, котораго всѣ мы привыкли уже видѣть непрерывно, упорно отступающимъ за все время настоящей кампаніи, который, можно сказать, этимъ именно постояннымъ отступленіемъ и создалъ себѣ среди широкой публики реюме великаго полководца, военнаго гения, «осторожный», «сумный», «талантливый» и «скромный» Куропаткинъ издаетъ приказъ по войскамъ, призывающій къ энергичному наступленію на сильнаго и храбраго противника. Это онъ, нашъ мудрый вожь, говоритъ, что «теперь уже настало желанное и давно ожидаемое всею арміей время идти самимъ впередъ навстрѣчу врагу; это онъ, до сихъ поръ только покидавшій «геройски обороняемые нами позиціи», теперь во всеуслышаніе объявляетъ, что «силы манчжурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе»; это онъ, не одержавшій пока ни единой побѣды, зоветъ войско проникнуться сознаніемъ важности побѣды для Россіи, особенно нужной намъ, «дабы выручить нашихъ братьевъ въ Портъ-Артуръ»...

Что же такое случилось? Развѣ на самомъ дѣлѣ за протекшій отъ Ляоянской битвы мѣсяцъ мы успѣли бросить на театръ войны эти «достаточныя для наступленія силы»? Развѣ мы и въ самомъ дѣлѣ пополнили тѣ огромнѣйшія потери, какія понесли послѣ Ляоянской битвы, пополнили въ болѣе сильной степени, чѣмъ японцы, получавшіе также все время значительныя подкрѣпленія?

Сколько можно было судить по всѣмъ газетнымъ извѣстіямъ, — ни того, ни другого не произошло. И какъ же мы, *отсутствующие* при Ляоянѣ *съ прекрасною укрѣпленною позиціей*, въ состояніи начать наступленіе сейчасъ, при худшемъ стратегическомъ положеніи нашемъ? Куда же скрылся «военный гений» Куропаткина, когда онъ издавалъ свой приказъ по арміи? Куда исчезли его осторожность, его хладнокровіе, его умѣнье не теряться при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, о чемъ такъ много наговорили намъ наши патріотическія газеты? Уже не «испортили» ли намъ японцы — эти коварные, хитрые, лживые, покрытые лишь сверху лакомъ европейской цивилизаціи японцы — нашего великаго полководца, надежду всей русской арміи и всего російскаго государства? Да, Куропаткина «испортили», его подмѣнили намъ; въ приказѣ 19 сентября передъ нами, дѣйствительно, не тотъ Куропаткинъ, какимъ мы его знали до сихъ поръ, не генералиссимусъ ман-

чжурской арміи, не признанный глава и вершитель нашихъ военныхъ судебъ на Дальнемъ Востокѣ — передъ нами жалкій, заслуживающій въ лучшемъ случаѣ лишь состраданія, песторный рабъ русской бюрократически-самодержавной клики, отдавшей ему приказъ, ради спасенія престижа, вести ввѣреннаго ему солдата на явную смерть, вести русскую армію на вѣрное пораженіе, которое и не заставило себя долго ждать. Эти извѣстія всѣхъ заграничныхъ, а частью и русскихъ газетъ, объ общемъ нашемъ «отступленіи по всей линіи», о нѣсколькихъ десяткахъ орудій, отобранныхъ непріятелемъ, объ этихъ отличившихся особенно полкахъ — а мы знаемъ, что уже это значитъ*) — объ этихъ 15 тысячахъ выбывшихъ изъ строя, по сообщенію корреспондента Руси, и о тридцати-сорока тысячахъ русскихъ, по свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ, — перечитайте все это вдумчиво и внимательно, и передъ вами раскроется вся глубина того новаго преступленія, которое совершила *наше правительство* передъ «своимъ» народомъ, передъ всей «своей» страной, «защиту достоинства» которой она ввѣрила манчжурской арміи и Куропаткину, какъ главѣ этой послѣдней. Преступленіе тѣмъ болѣе, что оно не оправдывается суровой и жестокой необходимостью, которую иногда диктуетъ сражающимся войну.

Иностранныя газеты уже полны описаніемъ тѣхъ ужасовъ, какіе внесла въ ходъ военныхъ дѣйствій перемѣна тактики генерала Куропаткина. И дѣйствительные, фактическіе результаты этой новой тактики лучше всякихъ словъ раскрываютъ всю внутреннюю живость изданнаго Куропаткинскимъ приказа по арміи. Да, это пораженіе, и въ немъ мы винимъ не столько Куропаткина, сколько нашу правительственную клику, заставляющую въ Петербургѣ и имѣющую своего главнаго атташе на Д. Востокѣ въ лицѣ неспособнаго, неумнаго, но блестящаго высокой властью наместника — Алексѣева. Мы винимъ Куропаткина въ томъ, что онъ сталъ жалкой игрушкой въ рукахъ этой жадной и трусливой банды кулачевыхъ чиновиновъ, что онъ не имѣлъ мужества смѣло, во всеуслышаніе отказаться отъ навязываемыхъ ему извнѣ предписаній, безусловно осуждаемыхъ съ стратегической точки зрѣнія и, такимъ образомъ, сталъ *фактически* виновникомъ происшедшихъ кровопролитій. Но не онъ *правительственный* виновникъ этой гнетущей душу рѣзни, которая все еще продолжается и конца которой мы еще не видимъ — а дѣйствительнымъ преступникомъ является русское правительство, пославшее на убой лучшія народныя силы, чтобы поддержать колеблющіеся подъ собой подпорки самодержавія. Русское правительство боится паденія Портъ-Артура, которое можетъ стать предтечей его собственнаго паденія. Вотъ разгадка «новаго курса» въ военной тактикѣ ген. Куропаткина. Изъ Портъ-Артура идутъ все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти, и русская самодержавная клика, прикрываясь именемъ высочайшей куклы, шлетъ генералиссимусу русской арміи приказъ *во что-бы то ни стало* идти на выручку Портъ-Артура. Тщетно современный Кузузовъ умоляетъ перемѣнить грозное приказаніе, тщетно посылаетъ онъ, по крайней мѣрѣ, 10 разъ телеграмму, что ему невозможно прийти на помощь Портъ-Артуру, что его потери настолько значительны, что нужно, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ для новой организаціи арміи, и что самое болѣе, что онъ можетъ сдѣлать — это снова занять Ляо-Янгъ; онъ готовъ на наступленіе, если это ему приказываютъ, но пусть «правительство не дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за это движеніе» (Daily Express) — въ Петербургѣ не хотятъ слышать *такихъ* резонановъ, тамъ существуютъ *другіе, свои* резоны, которые, конечно, гораздо важнѣе какихъ либо соображеній военнаго характера. А что касается отвѣтственности — ха-ха-ха, какой же еще наивный этотъ Куропаткинъ, думающій, будто наше правительство побоится отвѣтственности, которую оно легко можетъ свалить на кого угодно, быть можетъ, въ случаѣ крайности, на того же генералиссимуса манчжурской арміи. Après nous le déluge! Таковъ девизъ нашего правительства въ настоящій моментъ, и въ ожиданіи надвигающагося грознаго «потопъ» оно хватается за *всѣ* средства, какія у него только есть. Оно пожертвуетъ еще десятками тысячъ солдатъ, — уже пишутъ о новой мобилизаціи запасныхъ — оно броситъ десятки милліоновъ народныхъ денегъ, чтобы продолжать войну до послѣдней возможности, оно не задумается передъ новой ужасной бойней, если рассчитываетъ получить изъ нея хоть крупную пользу для себя — и оно сдѣлаетъ это

*) Отъ 2-хъ полковъ, какъ сообщаютъ корреспонденты иностранныхъ газетъ, осталось всего по нѣскольку человекъ.

дѣйствительно, мы въ томъ убѣждены, если самъ народъ не дастъ дружнаго и рѣзкаго отпора наглому издѣвательству и насилію надъ нимъ. Самъ народъ долженъ, наконецъ, понять, что пришла мѣра терпѣнію его, что преступно молчать, когда гонятъ на вѣрную смерть его сыновей, братьевъ, отцовъ, гибнувшихъ не за народное дѣло, а за интересы ничтожной, жадной и преступной банды, стоящей все еще по какому то недоразумѣнію во главѣ его. Вотъ почему мы страстно призываемъ нашихъ товарищей въ Россіи приложить всѣ свои силы для того, чтобы ускорить моментъ пробужденія народа; призываемъ использовать во всю тотъ важный историческій моментъ, какой переживаетъ наша несчастная, буквально залитая кровью родина, использовать во имя блага и счастья народа, пробуждая его къ сознательной жизни, къ протесту, къ дружеской борьбѣ противъ нашего общаго врага! «Смѣло-жъ, друзья, не теряйте бодрость въ неравномъ бою!...»

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Интересный документъ. Какъ извѣстно, С. В. Мартыновъ возвращенъ изъ ссылки. Но врядъ ли многимъ извѣстно, что этому возвращенію предшествовало со стороны М. сѣдующее оригинальное «посланіе» въ мин. внутр. дѣлъ:

(Романъ)

Его Высокопревосходительству г. Мин. Вн. дѣлъ.

С. В. Мартынова, высланнаго за участіе въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Прощеніе.

По Высочайшему манифесту съ 11-го августа губернаторамъ предоставлено право сокращать срокъ ссылки лицамъ, которые заслуживаютъ этого своими добрыми поведеніемъ.

Полагаю, что г. начальникъ Архангельской губерніи найдетъ возможнымъ примѣнить это право и ко мнѣ. Но не желая вводить въ заблужденіе департаментъ полиціи, а также ставить какъ самаго себя, такъ и г. Архангельскаго губернатора въ ложное положеніе, я долженъ объяснить, что будучи высланнымъ за то, что исполнялъ свой долгъ согласно своему убѣжденію и совѣсти, я до сей поры въ этомъ актѣ усмотрѣть своей вины не могу.

Если г. Архангельскій губернаторъ подлѣ добрымъ поведеніемъ будетъ позорувать отсутствіе проступковъ общественнаго характера или нарушенія благочинія, то въ этомъ я раньше виновенъ не былъ, если же здѣсь должны разумѣться мои убѣжденія, то считаю необходимымъ повторить, что мнѣнія, высказанныя мною въ комитетахъ о нуждахъ селско-хозяйственной промышленности, и теперь не считаю за ошибочные, а только продолжаю думать, что репрессивныя мѣры покойнаго г. министра вн. дѣлъ противъ лицъ, принявшихъ участіе въ комитетахъ, были противозаконны по формѣ и неправильны по существу.

Странно и несправедливо карать людей, призванныхъ при томъ самымъ же правительствомъ къ исполненію своей обязанности, лишь за то, что они исполнили свой долгъ согласно Высочайшему повелѣнію, и еще несправедливо было бы примѣнять къ нимъ Манифестъ за вину не существовавшую. Вашему Высокопревосходительству предстоитъ рѣшить, какъ отнестись къ моему заявленію, но я долженъ сказать, что въ будущемъ, при исполненіи моихъ общественныхъ обязанностей, намѣренъ слѣдовать принципамъ строгой законности, которыхъ я придерживался до момента, когда меня постигла кара административнаго воздѣйствія. Но, какъ и прежде, я буду полагать высшую добродѣль гражданина въ безпорочномъ исполненіи своего долга, и какъ прежде буду совершенно игнорировать противозаконныя и безнравственныя распоряженія чиновныхъ лицъ, какъ бы ни было высоко ихъ служебное положеніе, и какъ бы ни велика была моя зависимость отъ нихъ.

Настоящее заявленіе я дѣлаю съ тою цѣлью, чтобы не воспользоваться въ своихъ интересахъ случайно ошибочнымъ, можетъ быть, сужденіемъ мѣстной администраціи о моей нравственной личности и не подвергнуться впослѣдствіи за это вполнѣ заслуженнымъ укорамъ.

Полагаю, что вы не найдете возможнымъ согласиться съ образомъ дѣйствій бывшаго министра и признаете все происшедшее въ Воронежѣ въ 1902 г. за прискорбную ошибку, тѣмъ болѣе, что и самъ Статсъ Секретарь Плеве уже отчасти призналъ это, не найдя препятствій къ назначенію уполномоченнаго по тому же дѣлу статсъ секретаря Комитетовъ, воронежскаго губернатора на ту же должность, но лишь въ другую губернію.

Естественно возникаетъ при этомъ вопросъ и о другихъ. Вашему Высокопревосходительству извѣстно, что помимо меня есть и другія лица, которые подверглись репрессіямъ за участіе въ Воронежскомъ Комитетѣ, и павшая на нихъ кара не подлежитъ даже смягченію по Манифесту 11-го августа, хотя они также выполняли только то, что сказано въ нашихъ основныхъ законахъ, предписывающихъ точное и вѣрное исполненіе законовъ, отъ высшей власти исходящихъ.

23-го августа 1904 года.

С. Мартыновъ.

Изъ міра чиновниковъ. (Письмо изъ * * *) На нашемъ тускломъ фонѣ чиновничьей почтовой жизни почти никогда не появляются такіе событія, которые всколыхнули бы наше омертвѣвшее чиновничество. Все то, что для остального общества представляетъ живѣйшій интересъ, что заставляетъ говорить печать и волновать общество, для большинства изъ насъ кажется малоинтереснымъ, не интереснымъ, — какъ будто это происходитъ не вокругъ насъ, а гдѣ то тамъ — на другой планетѣ. Удивляться этому не приходится, если побывать въ нашей шкурѣ. Всѣмъ давно уже, кажется, стала извѣстна наша каторжная жизнь. Въ легальной печати нѣрѣдко появляются замѣтки, представляющія далеко не полную картину того, что приходится намъ, почтовымъ и телеграфнымъ чиновникамъ, выносить на своихъ плечахъ. Но достаточно и этихъ замѣтокъ, чтобы имѣть хоть нѣкоторое понятіе о нашей египетской работѣ и о томъ, какъ эта работа оплачивается.

Въ настоящемъ письмѣ я, по недостатку времени и мѣста, не буду описывать того, какъ и при какихъ условіяхъ намъ приходится работать. Но скажу лишь, что если я, живя на окраинѣ города, встаю каждый день (праздниковъ у насъ нѣтъ) въ 4 часа утра, чтобы поспѣть къ 6 ч. на службу, мчусь какъ угорѣлый по улицамъ, наводя своими отчаяннымъ аллюромъ на тревожныхъ предположеніяхъ еще не совсемъ проснувшихся стражей, прибѣгаю наконецъ на службу и съ какимъ то остервенѣніемъ хватаюсь за работу, и такъ въ продолженіи 16-17 часовъ безъ отдыха и пищи, возвращаясь въ концѣ концовъ домой и, страшно усталый, что то пережевывая, засыпаю, то спрашивается — способенъ ли теперь мой умъ и нервы при подобныхъ условіяхъ воспринимать что либо, происходящее внѣ сферы моей дѣятельности? За малымъ исключеніемъ, всѣ мы живемъ такой жизнью. Я знаю нѣсколькихъ своихъ товарищей, которые, будучи семейными людьми и живя въ одномъ помѣщеніи со своими дѣтьми, никогда ихъ не выдаты, ибо встаютъ ночью и возвращаются ночью. А тутъ еще, какъ изъ рога изобилія, сыплются на насъ всевозможные циркуляры, распоряженія, внушенія, наказы, выговоры и т. д. И если человѣкъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ начинаетъ замѣчать въ себѣ признаки переутомленія, его поспѣшно выставляютъ со службы. Точно также выставляютъ того, кто хоть очень робко начинаетъ протестовать.

Послѣ работы мнѣ не всегда удается уснуть, — очевидно, мои нервы достигаютъ своего высшаго напряженія и я лишаюсь вѣ въ этомъ послѣдняго удовольствія. Въ такіе ночи я иногда оказываюсь способнымъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что со мной происходитъ, что происходитъ вокругъ меня... Печально и тошно становится послѣ этихъ размышленій. Вся наша огромная Россія кажется мнѣ огромнымъ кварталомъ, гдѣ есть почта, много различнаго рода учреждений, не знающихъ, зачѣмъ существуетъ крестьянство; тучи полицейскихъ и всевозможнаго вѣда начальствъ съ полицейскими замашками и во главѣ всей этой плеяды чиновъ незабвенный министръ, блаженной памяти хитроумный держиморда Плеве и его вѣрный слуга Дурново. Въ нихъ то и вся цѣль моего письма. Дурново подлѣ дудочки своего патрона началъ «устранять безпорядки» на почтѣ. Вся цѣль его дѣятельности сводилась къ тому, чтобы окончательно стереть съ насъ подобіе людей и такъ какъ мы представляли изъ себя автоматовъ въ черновомъ видѣ, то ему осталось только лишь отшлифовать насъ. И признаться — на этомъ поприщѣ они достигли сообщая нѣкоторыхъ результатовъ. На насъ они своими «мѣтрами» нагнали ужасъ. И Плеве былъ въ восторгѣ отъ своего коллеги, награждая его своими звѣздами и прочей дрянью. Въ отчаяніи мы думали, когда же этому будетъ конецъ? Но вотъ случилось нѣчто, что сильно возмущало насъ, дало возможность хоть короткое время почувствовать себя людьми. Насталъ 15 день іюля. Великій день! Славный день! Этотъ день будетъ когда нибудь праздникомъ для всей Россіи. Такъ же, какъ и въ остальные дни, работали мы въ этотъ день, не разгребая спины. Какъ всегда, тяжело было на душѣ. Но часа въ три я вдругъ замѣтилъ вокругъ себя странное и небывалое оживленіе. Поднялась бѣготня. О чемъ то таинственно шепчутся другъ съ другомъ. Смотрю — въ одномъ углу читаютъ телеграмму. Думаю, ужъ не случилось ли что либо экстраординарное на войнѣ? Нѣтъ, не должно бы быть, потому что войнѣ на давнымъ давно всѣмъ надобѣла. Подхожу и спрашиваю, что случилось. «Плеве убила». — «Что-о-о!» — «Плеве убила». — «Не можетъ быть!» — «Ну, вотъ еще!».... Я все еще продолжаю не вѣрить. Наконецъ, прочелъ телеграмму — со-

мнѣнія разлетѣлись. Стало пріятно и радостно до боли. И я какъ то неестественно захохоталъ. Даже самому стало страшно своего хохота. Какъ будто гора свалилась у насъ съ плечъ. Казалось, восторгу и радостямъ не будетъ конца. Поздравляютъ другъ друга. Обсуждаютъ, что будетъ дальше, какъ пошло это «тамъ, въ Петербургѣ». Даже самые безразличные консерваторы говорили: «Да, дѣло чисто сдѣлано, такъ имъ и надо, только все равно — одну сволочь убили, другая будетъ». Да, это горькая истина, но объ этомъ не хотѣлось въ то время думать. Нѣкоторые, впрочемъ, увѣряли, что теперь, пока будетъ царить у насъ существующій порядокъ правленія, никто не пойдетъ въ министры. И въ подкрѣпленіе приводили то обстоятельство, что Оболенскій гдѣ то застрялъ на пути и боится показаться въ Финляндію. Жалѣли очень, что Дурново уцѣлѣлъ. — «Ничего, будетъ и этому такой же конецъ», говорили наши. Но впрочемъ, этотъ почтенный мужъ послѣ случившагося значительно поджалъ хвостъ. И ужъ теперь почти совсѣмъ не слышать его драконовскихъ циркуляровъ. «Струсилъ», говорятъ у насъ. Другіе же говорятъ, что это онъ просто теперь въ неопредѣленномъ положеніи безъ своего патрона и, выждавъ моментъ, не замедлитъ опять заступить насъ съ новой силой.

Долго не работало насъ послѣ этого событія. И начальство, сознавая всю важность событія, не налегало на насъ.

Я, конечно, далеко не точно изобразилъ все то, что происходило у насъ въ тѣ дни. Это для меня было бы не по силамъ, да притомъ, мнѣ кажется, что для того, чтобы суммировать всѣ тѣ разнообразныя впечатлѣнія, какія произвела на насъ казнь Плева, нужно быть очень тонкимъ психологомъ... Не будучи таковымъ, я право затрудняюсь дать что либо пѣльное и существенное по этому поводу, но скажу лишь, что сильное оживленіе овладѣло всѣмъ, начиная отъ дядювыхъ работниковъ и кончая даже кое-кѣмъ изъ мелкаго «начальства»: мы увидѣли, что можно надѣяться, что слыхомъ расходившійся сатрапъ всегда найдетъ себѣ должное возмездіе.

Почтовый чиновникъ.

Одесса. (12 сентября 1904 г.) Ежедневно отправляютъ запасныхъ. Вопль, плачъ, стenanія! Почти ежедневно ожесточенныя драки съ полиціей, кончающіяся кровопролитіемъ. На вокзалъ пропускаютъ лишь запасныхъ. При второй отправкѣ запасныхъ (о первой я писалъ вамъ) произошло жестокое избиеніе полиціей и казаками толпы безоружныхъ людей, пришедшихъ проститься съ близкими людьми, отправляемыми на убой. Запасные, видя это избиеніе, начали кричать: «долой самодержавіе», «долой полицію» и бросать камни, завернутые въ прокламаціи. Несчастныхъ запасныхъ загнали въ товарные вагоны-хлѣвы, и побѣздъ тронулся при ревѣ и свистѣ, что газетные корреспонденты приняли за «восторженные клики «ура», — судя по описаніямъ, появившимся на другой день въ нашихъ одесскихъ газетахъ.

Нашъ сатрапъ Нейдгартъ, какъ извѣстно одержимъ маіей величія. На дняхъ онъ остановилъ группу студентовъ, не поклонившихся ему, окрикомъ: «отчего вы не кланяетесь мнѣ!» Одинъ изъ студентовъ отвѣтилъ ему: «мы васъ не знаемъ». Нейдгартъ былъ возмущенъ этимъ «нахальнымъ» отвѣтомъ и велѣлъ отправить студентовъ въ участокъ. Но тѣ заявили, что отправятся къ ректору. Ректоръ, выслушавъ студентовъ, сказалъ, что они градоначальнику обязаны кланяться, и показалъ имъ инструкціи, имѣющіяся у него на этотъ счетъ. Во время разговора студентовъ съ ректоромъ раздался телефонный звонокъ. То Нейдгартъ вызывалъ ректора, которому приказалъ явиться къ себѣ со студентами. Теперь въ университетѣ вывѣшено объявленіе, гласящее, что студенты при встрѣчѣ съ градоначальникомъ должны отдавать подлѣ козырекъ.

Уже нѣсколько дней у насъ ожидаютъ пріѣзда «верховнаго вождя». Всѣмъ квартировавшимъ, имѣющимъ балконы на улицы, по которымъ пройдетъ «державный», велѣно запереть двери и окна наглухо; въ дни пребыванія «его» въ Одессѣ они не имѣютъ права, подлѣ угрозой наказанія (500 р. штрафа или 3 мѣсяца заключенія), впускать къ себѣ никого изъ постороннихъ, за исключеніемъ лицъ, являющихся съ карточками отъ полиціимейстера (сыщиковъ). Всѣ члены семействъ, имѣющіе балконы и окна на улицы, по которымъ пройдетъ «державный вождь», переписаны. Каждый околоточный надзиратель обязанъ доставить по 50 человекъ вѣрноподанныхъ, благонадежныхъ и испытанныхъ людей, кото-

рые и должны будутъ изображать «народъ» по пути слѣдованія «обожяемаго».

Сегодня держались упорно слухи, что царь не пріѣдетъ.

15 сентября. Стало извѣстно навѣрное, вопреки ходившимъ ранѣе слухамъ, что «самодержавный» пріѣдетъ сюда 17 числа. Началась уже полиційская вакханалія. Одинъ знакомый мой, домовладѣлецъ, далъ полиціи 3 подписки: первая въ томъ, что онъ заколотитъ балконы, окна и никого не впустистъ въ домъ, въ 2) въ томъ, что входы и выходы на чердаки и въ погреба будутъ тщательно забиты, въ 3), что пожарныя лѣстницы будутъ заколочены досками. Аналогичныя подписки отбираются у всѣхъ домовладѣльцевъ.

Благонадежнымъ лицамъ, которые будутъ изображать толпу, выдаются полиціей пропускные билеты, въ которыхъ указаны мѣста, гдѣ имъ стоять надлежитъ, напр.: «съ правой стороны улицы 5-ый домъ отъ бульвара, между домами № такой то и № такой то». Домовладѣльцы получили карточку на право стоянки между №, скажемъ, 68 и 72. Такимъ образомъ, полиціи предоставляется полная возможность пересчитать въѣзную ея толпу, и если замѣшется въ нее «чужакъ», то немедленно его спроводить. Остальные обыватели не будутъ имѣть права выходить изъ домовъ. Организовываются обывательскія добровольныя дружины въ помощь сыщикамъ.

Вчера начальникъ сыскающей полиціи Чебановъ устраивалъ смотръ представителямъ цеховъ, причемъ сказалъ имъ слѣдующее: «вы должны стоять смирно все время и не смѣть шелохнуться, при малѣйшемъ движеніи сосѣда, имѣйте за нимъ неослабное наблюденіе, отвѣтственность падетъ на всѣхъ».

Одного запаснаго, пытавшагося бѣжать, настигли на Успенской ул. Надзиратель и приставъ Панасикъ начали топтать несчастнаго ногами, казакъ стегать нагайкой, а жандармы бить по лицу шпорами. Несчастный не кричалъ, а ревелъ; пытавшуюся было заступиться толпу, въ которой было много плакавшихъ дамъ, обдавали потоками грязной ругани и угрожали 3-мя мѣсяцами высылки. Пострадавшій запасный находится при смерти.

16 сентября. Полицейскіе предупреждаютъ, что завтра съ 7 час. утра обыватели не будутъ выпускаться на Пушкинскую улицу. Итакъ, улицы, по которымъ пройдетъ «державный», превратятъ въ тюрьму. По всей Пушкинской, Полицейской и части Преображенской вбиваются огромныя сваи, которыя будутъ соединены проволокой и веревками; эти сваи будутъ отдѣлять вѣрноподанныхъ отъ своего господина. Организована охрана изъ обывателей, которые не имѣютъ права отказываться отъ этого «почетнаго» назначенія. Домо- и квартировладѣльцевъ заставляютъ покупать новые флаги.

Вчера осматривали всѣ водопроводные трубы и подземные ходы: нѣтъ ли динамита?

Пустовавшие номера въ гостинницахъ со вчерашняго дня опечатаны, такъ что пріѣзжіе остаются безъ крова.

Развилась торговля полиційскими билетами на право стоянки на улицахъ, по которымъ пройдетъ «вождь». Билеты котируются по 30-50 коп. за штуку.*)

17 сентября. Съ утра извѣстно стало, что царь пріѣдетъ не къ часу дня, а позже, но когда, въ точности не было извѣстно. Въ 11 час. запретили ѣздить по улицамъ Екатерининской, Пушкинской, Полицейской и части Преображенской. Толпа зѣвакъ и сыщиковъ начала стекаться на улицы въ 10 час. утра. «Педагоги» размѣстили учениковъ 1 и 2 класса по обочинамъ тротуаровъ (ученики старшихъ классовъ частью отказались пойти, другихъ же не пожелали взять, ибо съ 3-го класса ученики становятся, какъ извѣстно, «вольнодумцами») и принялись ждать «возлюбленнаго монарха». Къ 6 час. толпой овладѣло нетерпѣніе, накопилось много «уры», и она начала расточать ее на встрѣчу каждому экипажу, въ которомъ сидѣлъ военный или чиновникъ. Но вотъ показался экипажъ съ стоящимъ, лицомъ къ градоначальнику, полиціймейстеромъ; за нимъ другой экипажъ съ градоначальникомъ, который одной ногой стоялъ на подножкѣ экипажа, другой въ экипажѣ, обратъ встревоженное лицо, на которомъ застыло выраженіе безконечной «готовности», къ «самому». «Самъ» всероссійскій сидѣлъ въ экипажѣ съ братомъ Михаиломъ. Передъ встрѣчающей царя толпой промелькнуло жалкое, забитое, сконуженное лицо, которое какъ бы гово-

*) Намъ прислано изрядное количество образцовъ такихъ «красныхъ» и «зеленыхъ» билетовъ, выдаваемыхъ за печать полиційскихъ участковъ. Ред.

ило: «чего вы меня мучаете?» Именно промелькнуло, ибо экипажъ, конвоируемый черкесами, несся, какъ электрический поѣздъ. Энтузіазма не было, слышны были жалкіе крики: «ура» людей, изображающихъ «народную толпу», какъ будто толкомъ не знавшихъ даже, дозволяется ли — и насколько громко — кричать...

9 сентября, на Николаевскомъ бульварѣ былъ сдѣланъ въ Нейдгарта выстрѣлъ. Стрѣлявшій, назвавшій себя рабочимъ, былъ схваченъ. Въ газетахъ о покушеніи нѣтъ ни слова. Въ городѣ большинство выражаетъ сожалѣніе, что стрѣлявшій промахнулся (Нейдгартъ не раненъ даже). Обыватели усиленно распускаютъ слухи, что, хотя Нейдгарта не убили, но побили. Вообще симпатіи широкой публики не на сторонѣ помпадурѣ.

По поводу этого покушенія Одесскій Комитетъ П. С.-Р. выпустилъ прокламацію «Къ гражданамъ г. Одессы», въ которой указывалъ, что Нейдгартъ явился достойнымъ ставленникомъ Плева, что «изданіе дикихъ, нелѣпыхъ, а иногда и смѣшныхъ постановленій и приказовъ, неуклонное и жестокое ихъ примѣненіе ознаменовали собой дни владычества Нейдгарта въ Одессѣ». Необходимость дать отпоръ наглým издѣвательствамъ полиціи сознавалась все сильнѣе.

Въ странѣ, гдѣ молчитъ законъ, гдѣ права гражданъ не существуютъ, динамитныя бомбы и революцiонныя пули являются вполнѣ естественной и неизбежной формой отпора и протеста.

Нейдгартъ, какъ отвѣтственный глава Одесской полиціи, рано или поздно долженъ былъ быть наказанъ за всѣ ея преступленія и насилие. Его спасало до сихъ отъ суда и казни только полное ничтожество, какъ государственнаго дѣятеля, полная духовная нищета, какъ человѣка.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ не рѣшалась жертвовать жизнью своихъ членовъ ради казни такого ничтожества, какъ Нейдгартъ, но нашелся добровольецъ, который самоотверженно рѣшился принести свою жизнь для этого дѣла.

Привѣтъ тебѣ, товарищъ! Исторія запишетъ твое имя рядомъ съ именами лучшихъ борцовъ за освобожденіе народа...

Не принимая никакого участія въ покушеніи, не зная даже о приготовленіи къ нему, мы признаемъ свою полную солидарность съ твоей самоотверженной попыткой борьбы съ торжествующимъ зломъ.

Курскъ. Вы уже знаете о посѣщеніи нашей губерніи тов. мин. Зиновьевымъ. 3-го сентября окончилась ревизія курскаго земства, тянувшаяся цѣлыхъ 25 дней. Земцы проявили при этомъ обычное для русскихъ «либераловъ» рабство и угодничество, и не только не дали должнаго отпора сотруднику покойнаго фонъ-Плева, но, наоборотъ, посѣщали къ нему со своимъ «содѣйствіемъ» къ ознакомленію его превосходительства съ земскимъ дѣломъ. Предсѣдатель Управы Раевскій встрѣчалъ его на станціи, какъ желаннаго гостя, завтракалъ съ нимъ у губернатора, въ уѣздахъ земцы ставили Зиновьеву и его чиновникамъ тройки лошадей и кареты для болѣе удобнаго «ознакомленія» съ мѣстными учрежденіями. Въ отвѣтъ на эти любезности, Зиновьевъ покривлялся и генеральски дѣлалъ замѣчанія людямъ, которыхъ манифестъ 26 февраля 1903 г. величаетъ «лицами, общественнымъ довѣріемъ облеченными».

Ревизія чиновниковъ заключалась собственно въ просмотръ дѣлопроизводства и бухгалтерскихъ книгъ; цѣль ихъ была, съ одной стороны, узнать хотя бы приблизительно и наспѣхъ земское дѣло, которое въ петербургскихъ канцеляріяхъ считается нигуда негоднымъ; съ другой, вынюхать все, что можетъ пахнуть незаконностью, кривоверіемъ и «третьими элементами». Особенно занимались выслѣживаньемъ «корней и нитей» преступной земской оппозиціи чиновники Барабошинъ, Анцыферовъ и Эмме. Кромѣ бухгалтера Дружинина, всѣ чиновники обнаруживали полное незнакомство съ земствомъ и провинціей, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ уже ревизовали московское и вятское земства. Самъ Зиновьевъ разѣзжалъ по уѣздамъ, осматривалъ больницы, школы, мастерскія, случные пункты и др. земскія учрежденія; вездѣ онъ считалъ себя знатокомъ, вездѣ находилъ какія-либо мелочныя недостатки и дѣлалъ изъ нихъ преступленія, дѣлалъ громко и грубо замѣчанія, какъ выборнымъ земцамъ, такъ и наемнымъ служащимъ. Съ особой любовью онъ возился въ больничномъ бѣльѣ, предназначенномъ къ стиркѣ, всюду усматривая непорядокъ, любилъ озадачить неожиданнымъ вопросомъ и, въ случаѣ неяснаго отвѣта, громко резюмировалъ: «вы ничего не знаете!» Желчный, злобный старикъ, онъ терялся среди многосложнаго земскаго дѣла и изъ-за деревень не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть дѣла.

Единственно, что, кажется, ему пришлось по душѣ изъ все-

го видѣннаго имъ — это земская сапожная мастерская въ с. Орлиѣ (Новооскольскаго у.). Здѣсь ученики, съ мастеромъ своимъ во главу, встрѣтили Зиновьева по военному: «Здравія желаемъ, В. П-во!» и на всѣ его вопросы отвѣчали по солдатски. «Сейчасъ видно, что сюда еще не проникъ духъ врачей», замѣтило его пр.-во по уходѣ изъ мастерской, пожелавъ ей при этомъ дальнѣйшаго процвѣтанія.

Въ концѣ ревизіи Зиновьевъ узналъ, что министромъ назначили кн. Святотолка-Мирскаго. Немедленно же онъ дѣлается «другомъ земства» и объявляетъ, что самое лучшее земство — это суджанское; до этого оно безапелляционно признавалось преступнымъ, проникнутымъ вреднымъ духомъ либераловъ — кн. Долгорукова, Евреина, Усова, Волкова, Смирнова и др.; всѣхъ ихъ устранили отъ дѣятельности.

Теперь Зиновьевъ вотировалъ имъ свое довѣріе и выдаетъ имъ аттестатъ энергіи, дѣловитости и благонамѣренности...

Москва. (Письмо изъ Бутырской тюрьмы). Условія содержанія въ Сѣверной башнѣ Бутырокъ, сравнительно съ другими московскими мѣстами заключенія, очень тяжелы. Такъ что, когда кто-нибудь изъ посаженныхъ при полицейскомъ участкѣ начинаетъ «нарушать порядокъ», то смотритель обыкновенно грозитъ переводомъ въ «замокъ», т. е. въ Сѣверную башню. Сажаятъ сюда большей частью отказавшихся отъ показаній и тѣхъ изъ арестованныхъ (рабочіе, ученики ср. уч. зав.), которые, по мнѣнію жандармовъ, должны быть изолированы отъ «вреднаго вліянія» болѣе развитыхъ товарищей. Заключеннымъ въ башнѣ приходится часто сидѣть безъ книгъ, бѣлья и денегъ, такъ какъ жандармы систематически все это задерживаютъ по мѣсяцу и болѣе. Хотя при пересылочной тюрьмѣ и есть библіотека, но книги изъ нея выдаютъ только тогда, когда объ этомъ усиленно попроситъ начальника Мецнера. Однако, при разрѣшеніи пользоваться библіотекѣй, священникъ, завѣдующій послѣдней, выдаетъ книги духовно-нравственнаго содержанія, «творенія» Л. Тихомирова, Лѣскова и проч.

Администрація придерживается вообще такого правила, что заключенные имѣютъ право только просить, хотя-бы все просимое и такъ разрѣшалось. Пища и гигиеническія условія заключенія очень плохи: въ камерахъ темно, сыро и грязно; постели полны наскѣомыхъ... Въ особенности всѣ эти условія даютъ себя чувствовать рабочимъ, лишеннымъ возможности получать деньги, бѣлье и постель. По цѣлымъ мѣсяцамъ они должны слоняться изъ угла въ уголъ, не имѣя занятія. Ко всей этой обстановкѣ еще надо прибавить тюремную администрацію, съ начальникомъ Скалозубомъ-Мецнеромъ во главѣ: мелочныя придирки, постоянныя окрики, «тыканье»... Свиданій добиться очень трудно. Единственное развлеченіе — это перестукиваніе. Перестукиваться не запрещаютъ, но, конечно, со своей цѣлью: и надзиратель, и парашникъ превосходно понимаютъ тюремную азбуку. Подслушавъ разговоръ заключенныхъ, они доносятъ жандармамъ. Съ этой-же цѣлью сажаятъ шпионовъ изъ неработающихъ провокаторовъ. Такъ, напр., здѣсь цѣлый мѣсяцъ высидѣлъ К. П. Давыдовъ, провокаторъ по дѣлу с.-д. Когда онъ былъ изболѣченъ, то тотчасъ же исчезъ изъ башни. Какъ послѣ выяснилось, Давыдовъ на ночь выпускали на волю.

Вся эта атмосфера, естественно, создала довольно обостренныя отношенія съ администраціей, время отъ времени разрывавшіяся стычками. Наконецъ, эти мелкія стычки привели къ довольно внушительному столкновенію. 7-го іюля мы предъявили администраціи слѣд. требованія: вѣжливое обращеніе, увеличеніе прогулки, право передавать другъ другу бѣлья, книги и пищи, право разговаривать въ волчки, право получать книги изъ Таганской библіотеки и пр. На слѣдующій день, 8-го іюля, явился начальникъ и заявилъ, что мы требовать ничего не можемъ, а лишь просить. Мы выставили ультиматумъ: или удовлетвореніе, или же бунтъ. Срокъ былъ назначенъ на 9-ое іюля къ 3 час. дня. Къ назначенному сроку отвѣта не последовало, и мы приступили къ исполненію плана кампаніи: заставивъ двери парашами и столами, мы начали стучать и пѣть революціонныя пѣсни; изъ оконъ раздавались революціонныя возгласы: «долгой самодержавіе!» Трескъ, шумъ, пѣніе и крики, — вся эта канонада продолжалась минутъ 30-40. Съ улицы около башни собралась толпа любопытныхъ. Администрация, согласно послѣднему циркуляру покойнаго Плева, приняла свои мѣры. Группа надзирателей (человѣкъ 15) подъ предводительствомъ двухъ помощниковъ — Лебедева и Егорова — ворвалась сначала къ товарищу Тропичкову. Тотъ предупредилъ, что, если къ нему вернутся, онъ будетъ за-

щищаться. Ему пригрозили револьверомъ. Тогда Троицкий схватилъ парашу и все содержимое вылилъ на головы помощниковъ. Ведро вышибли. Онъ началъ обороняться кулаками (Троицкий обладаетъ довольно значительной физической силой), но свора надзирателей скоро сшибла его съ ногъ и, схвативъ за горло, начала неистово бить. Послышався крикъ: «бьютъ!». Остальные товарищи начали кричать въ окна: «товарищи!.. бьютъ!.. Между тѣмъ Троицкаго стащили внизъ и повели въ карцеръ. Вскорѣ надзиратели ворвались къ тов. Мазурину, избили его и тоже отвели въ карцеръ. Такъ-же поступили и съ Чураевымъ (солдатъ изъ Ломжи, обв. въ пропагандѣ среди рабочихъ еще до военной службы), Выбиковымъ и Мякишевымъ (рабочіе). Чураева били прямо-таки звѣрски: поваливъ на полъ, одинъ надзиратель схватилъ за волосы, другіе за ноги и плечи, и начали колотить. Рабочаго Барышева, чахоточнаго, совершенно больного, связали и бросили въ камеру нижняго этажа. Но онъ началъ требовать перевода къ товарищамъ въ карцеръ. Только послѣ того, какъ онъ разгромилъ и вторую камеру, его перевели; увели его съ табуреткой въ рукахъ... Вскорѣ привели къ намъ въ карцеръ тов. Вейценфельда, осужденнаго вмѣстѣ съ Гершуни на 4 г. каторги. Оказывается, что, когда Вейценфельдъ услышалъ отъ уголовныхъ объ избіеніи «сѣверянъ», онъ началъ стучать и звонить, требуя немедленно начальника. Его повели въ контору, гдѣ раззвирѣвшій начальникъ накинулся на него съ кулаками. Между прочимъ, когда Вейценфельдъ шелъ по коридору въ контору, то встрѣтившійся ему пом. нач. Егоровъ грубо крикнулъ: «шапку долой!» и, когда это приказаніе не было исполнено, кинулся и сорвалъ шапку съ головы самъ...

Въ карцерѣ мы всѣ рѣшили начать голодовку. На другой день явился къ намъ начальникъ и заявилъ, что онъ наказываетъ насъ за «бунтъ» 3-хъ сутокнимъ карцеромъ. На требованіе вызвать прокурора и прислать доктора—отвѣтилъ обѣщаніемъ, которое такъ и осталось безъ исполненія. Тутъ же, въ карцерѣ опять произошелъ инцидентъ съ Чураевымъ. «Ты—солдатъ!», закричалъ послѣднему расхолодившійся начальникъ: «встань! смирно!»... Чураевъ отвѣтилъ, что онъ обвиняется не какъ солдатъ, и что, кромѣ того, не потерпитъ подобнаго обращенія. «Дать ему въ морду!» скомандовалъ начальникъ и первый нанесъ ударъ кулакомъ. Надзиратели набросились на Чураева и избили его. Мы подняли стукъ, и истязаніе было прекращено... На четвертый день насъ выпустили изъ карцера. Послѣ карцера голодовка продолжалась еще трое сутокъ, т. е., въ общемъ, 6 сутокъ, и окончена была 15 юля—въ то самое время, когда главный виновникъ нашихъ истязаній взлетѣлъ на воздухъ.

Такимъ образомъ, всѣ формы протеста (стукъ, пѣніе, сопротивление при арестѣ, голодовка и пр.) были использованы, и все это оказалось безъ успѣха. Послѣ нашей голодовки у насъ отняли книги и письменныя принадлежности. Мы, однако, не думаемъ, что не слѣдовало и не слѣдуетъ протестовать; даже въ томъ случаѣ, если данный протестъ не приведетъ къ желательному для насъ результату, слѣдуетъ самымъ энергичнымъ способомъ начинать борьбу: администрація не захочетъ *часто повторенія* такихъ *шумныхъ* бунтовъ. Только не слѣдуетъ останавливаться на одномъ... Необходима, кромѣ того, поддержка съ воли, — въ видѣ хотя-бы выпуска прокламаций.

Тов. Вейценфельду послѣ карцера объявили, что приговоръ его вошелъ въ силу; его назначили въ Акатуйскую тюрьму и заковали въ кандалы. Содержать его въ каторжномъ корпусѣ, но отдѣльно отъ другихъ, во избѣжаніе «вреднаго вліянія» на каторжанъ. Онъ имѣетъ свиданія съ тов. Фр. Фрумкиной. Съ послѣдней обращаются грубо, на «ты». На этой почвѣ происходятъ частыя столкновенія. Какъ-то начальникъ обратился къ ней съ этимъ «ты». «Подлецъ!» крикнула Фрумкина. Ее посадили на 3 сутокъ въ карцеръ. За время своего пребыванія въ Бутыркахъ, она уже выдержала 10-ти дневную голодовку и сильно подорвала свое здоровье, но духомъ не падаетъ...

Вейценфельдъ разсказалъ намъ кое-что любопытное о процессѣ «Боевой Организациі». Мельниковъ произвелъ на него впечатлѣніе страшно нервнаго человѣка, но безусловно стойкаго. Григорьевъ, по его словамъ, — сумашедшій. Судъ отнесся къ послѣднему съ недобрымъ. Также недоброжелательно отнеслись и къ Качурѣ. Качура заявилъ на судѣ, что письма писалъ онъ самъ. На судѣ выяснилось, что предательскій протоколъ онъ не писалъ, а только подписался подъ готовымъ екстомъ, при чемъ интересно слѣдующее: когда Качуру спро-

сили, — отъ Вейценфельда ли онъ получилъ адресъ «Боевой Организациі», онъ сказалъ, что нѣтъ. Ему показали протоколъ, гдѣ было сказано: «да». Качура заявилъ, что въ протоколъ вкралась ошибка, которую онъ не замѣтилъ, когда ему читали текстъ протокола. Качуру, послѣ его суда, держали въ Шлиссельбургской крѣпости въ совершенно темной комнатѣ, въ очень тѣсныхъ, рѣзавшихъ тѣло кандалахъ. Онъ два раза голодалъ, предпочитая смерть, но до этого его не допускали. Мѣсяца за два до суда надъ Гершуни съ товарищами, Качура перевели въ Петропавловскую крѣпость и улучшили режимъ. Выглядѣлъ онъ страшно больнымъ и измученнымъ. Повидимому, было и еще что-нибудь съ нимъ, но предсѣдатель суда запретилъ касаться этихъ разоблаченій...

Москва. (Эпизодъ бутырскаго «бунта») 7-го августа перевезли изъ Сѣверной башни Бутырокъ въ Таганку В. Мазурину (арест. 25-го мая) и Мякишева (ар. 1-го мая*). Остался одинъ Барышевъ, котораго также ждутъ. Въ Часовой пересылной 11 человѣкъ. Фрумкину и Вейценфельда до сихъ поръ не отправили. Обращеніе съ ними, по крайней мѣрѣ раньше, было грубое.

Раньше сообщалось, что Троицкаго изъ больницы жандармы вызывали на допросъ, но онъ отказался ѣхать. Оказывается, жандармы хотѣли воспользоваться нервнымъ разстройствомъ и остальными. Мазурину они прислали подложную телеграмму о крайне опасной болѣзни отца и послѣ того, какъ убѣдились, что Мазуринъ совершенно разстроится (у него начались галлюцинаціи по ночамъ), его вызвали на 4-ый день на допросъ, но тутъ лишній разъ убѣдились, что ихъ система годна лишь для дряблыхъ душъ. Мазуринъ заявилъ, что если онъ раньше отказывался отъ показаній, то теперь, когда жандармы хотѣли воспользоваться исторіей и его состояніемъ въ интересахъ провокаціи, онъ и вовсе не будетъ говорить съ ними.

Рабочій Мякишевъ передаетъ, что Виссаріоновъ (товарищъ прокурора при М. Суд. Пал. по особо важнымъ дѣламъ) вызывалъ его на допросъ 15-го іюня (до бунта). Виссаріоновъ сначала доказывалъ ненужность политической борьбы для рабочихъ. Онъ говорилъ: «экономическую борьбу вы и такъ можете вести, — вамъ разрѣшаютъ собранія, стачки, для васъ устроили общества взаимопомощи (Мякишевъ — слесарь) съ кассами, чего еще вамъ нужно» и т. д., въ томъ же духѣ. Видя, что его лисе краснорѣчіе пропадетъ даромъ, онъ рѣзко перемѣнилъ обращеніе съ нимъ. Обратившись къ жандармскому офицеру, онъ, какъ бы разговаривая между собой, спросилъ его холодно участливымъ тономъ (его обычный тонъ въ такихъ случаяхъ): «Какъ вы думаете, — не позвать ли намъ сюда вахмистра съ нагайкой, тогда будетъ говорить». Мякишева это взорвало. «Вы, какъ слѣдователь, не имѣете права не только грозить мнѣ нагайкой, но и вообще чѣмъ бы то ни было». — «Это не твое дѣло», огрызнулся Виссаріоновъ. Такъ ни съ чѣмъ и остался. Рабочій Радіоновъ передаетъ, что на допросѣ Виссаріоновъ грозилъ ему «отправить въ Бутырки, — тамъ заставятъ говорить».

Передаютъ, что жандармскій офицеръ, 9 іюля приходившій въ тюрьму и вызвавшій Мазурину, который не пошелъ, сказалъ начальнику тюрьмы: «дѣлайте съ ними, что хотите». Передаютъ даже, что жандармскій офицеръ видѣлъ всю бойню. Ясно изъ всего хода, что бойня устроена съ разрѣшенія и съ вѣдома прокуратуры и жандармскаго управленія, которыя хотѣли забить честь и принудить этимъ къ показаніямъ.

Виссаріоновъ съ небольшимъ два года былъ товарищемъ прокурора при захолустномъ Вологодскомъ окружномъ судѣ. Блестящія сыскныя способности выдвинули этого субъекта: въ 1902 году онъ былъ переведенъ въ Нижегородскій окружной судъ. Здѣсь онъ примѣнилъ и развилъ свою систему, которую теперь примѣняетъ здѣсь. Въ краткихъ словахъ система эта такова: прежде всего, — говоритъ онъ мягкимъ, вкрадчивымъ, проникающимъ въ душу голосомъ, товарищески участливымъ. Онъ любитъ говорить, что «прокурорскій надзоръ ничего общаго съ жандармами не имѣетъ, — напротивъ», хмуря многозначительно брови, добавляетъ онъ, «напротивъ»... Онъ старается расположить къ себѣ, прикинувшись истиннымъ другомъ человѣчества. Довольно интеллигентный лобъ и лицо съ выраженіемъ скорби въ глазахъ на новичка дѣйствуютъ. Если это не помогаетъ, старается изолировать отъ вліянія другихъ, не даетъ книгъ или даетъ только такіа, которыя могутъ разбить вѣру въ плодотворность и необходи-

*) У Мякишева взято 30 р. литературы с.-д.

мость политической борьбы, на однихъ онъ дѣйствуетъ религиозно-нравственными, Достоевскимъ, Лѣсковымъ и др., стараясь пробудить старыя струны, на другихъ буржуазной литературы крайняго экономическаго направленія и проч., чтобы показать, что рабочій стоитъ на ложномъ пути, и т. д. При этомъ стараются истощать недостаточной пищей, системной мелочныхъ придирокъ, высмѣиванья, для чего къ услугамъ являются сговорившіеся между собой надзиратели и т. д. Если не удастся надорвать силъ такими средствами, то прибѣгаютъ къ крайнимъ мѣрамъ — карцеръ и избіенія при малѣйшемъ протестѣ. Виссаріоновъ старается использовать особенно первое время, когда человекъ не свыкъ еще съ тюрьмой. Тутъ онъ дѣйствуетъ обѣщаніемъ свободы, даже не прочь предложить денегъ и т. д., и т. д. Соперничать съ Виссаріоновымъ можетъ только Курдовъ — Курскій вице-губернаторъ изъ прокуроровъ.

Бутырской бойней 9 іюля жаппармы воспользовались по своему. Освободивши Чубаева (за окончаніемъ слѣдствія) и Бибикова, остальныхъ они стали вызывать на допросъ. Барышевъ лежалъ связаннымъ 3 дня въ полутемной камерѣ (№ 2 Сѣверной башни) за то, что требовалъ, когда всѣхъ увели въ карцеръ (онъ сопротивленія не оказалъ, но участіе принималъ — большой чахоткой), чтобы и его повели туда же. Лишь только выпустили Троицкаго, Мазурина и другихъ, его увели въ карцеръ и тамъ онъ долженъ былъ сидѣть одинъ. За что съ нимъ такъ жестоко поступили — неизвѣстно. Вѣроятно за то, что отказался на допросъ отъ показаній. 17 іюля онъ еще не оправился и его вызвали въ жандармское управленіе. Тамъ ему согласно новому законоположенію предъявили всѣ улики (слѣдствіе у него давно закончилось и держали его въ Сѣверной башнѣ, очевидно, съ дальними цѣлями). Изъ нихъ оказалась, что его выдава фабричная дѣвушка (на фабрикѣ Эймара) Гоньцова, которой онъ будто давалъ с.-д. литературу, и трое рабочихъ, также показавшихъ, что Барышевъ распространялъ литературу. Итакъ, на одного — 4 предателя. Барышевъ послѣ увоза Мазурина и Мякишева въ Таганку оставался одинъ въ Сѣверной башнѣ. Таганскіе товарищи потребовали его перевода въ Таганку. 18-го августа онъ переведенъ. Въ Сѣверной башнѣ никого теперь нѣтъ.

Подробности послышки подложной телеграммы Мазурину слѣдующія. 22-го іюля В. Мазуринъ получилъ телеграмму (написанъ на ней «Владимиру Мазурину») о томъ, что «отецъ находится въ крайне критическомъ, близкомъ къ смерти положеніи». У Мазурина отъ этой телеграммы скоро начались ночныя галлюцинаціи. 24-го іюля его перевезли въ жандармское управленіе на допросъ, но онъ отказался совершенно отъ показаній и разговоровъ. Черезъ недѣлю онъ имѣлъ свиданіе съ отцомъ — совершенно здоровымъ, тотъ и не думалъ посылать телеграммы. В. Мазуринъ запросилъ на дняхъ жанд. упр. и получилъ отвѣтъ, что это — недоразумѣніе: телеграмма была послана Павлу Мазурину — надзирателю. Такъ ухищряется Виссаріоновъ. Одному рабочему (с.-р.) онъ совѣтовалъ «лучше идти къ с.-д., — с.-р. — народъ развращенный, тѣ много лучше».

Прокуратура и тюремная инспекція рѣшили замѣять дѣло объ избіеніи. Они даже имѣютъ безстыдство говорить: «неизвѣстно, били ли ихъ»...

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ГОРОДАХЪ И ДЕРЕВНЯХЪ.

Одесса, 25 августа. На дняхъ у насъ на Слободкѣ-Романовкѣ произошло избіеніе младенцевъ. Героемъ, конечно, явился полицейскій. Дѣло было такъ. Компания рабочихъ, желая отдохнуть послѣ тяжелаго дня работы, отправилась, захвативъ съ собой гармонику, на линію желѣзной дороги въ расположилась въ укромномъ мѣстечкѣ. По дорогѣ на холмѣ, черезъ который проложены рельсы, рабочіе «спугнули» какого то парня съ дѣвницей. Произошелъ обмѣнъ «любезностей», и дѣло, казалось, закончилось этимъ. Однако возмущенный Ромео побѣжалъ въ полицейскій участокъ и донесъ, что на холмѣ собрались «соціалисты». Полиція ринулась въ указанное мѣсто, захватывая по дорогѣ всѣхъ встрѣчныхъ*. Думали, что массовка (разыгрались видно аппетиты: продолженіе этого мѣсяца провалились на Слободкѣ 6 соц.-демократ. массовокъ и одна бундовская). Въ поискахъ нашей компаніи

прошло до 2-хъ часовъ (линія тянется на десятки верстъ). Компания, напѣвшіе въ власть пѣсенъ, возвращалась по домамъ, когда вдругъ услышала сзади себя крики «лови ихъ, вотъ они!» Всѣ бросились вразсыпную и успѣли скрыться, за исключеніемъ одного больного ногами. Озвѣрѣвшіе башибузуки, предводительствуемые надзирателемъ Херсонскаго участка *Лебедевымъ* (этотъ надзиратель, встрѣчаясь съ сидѣвшими въ Херсон. уч. зимой студентами, называетъ ихъ коллегами), набросились на отставшаго, вытащили его за рубаху изъ-подъ воротъ* и принялись за «муштровку», какъ выразился одинъ изъ усердствовавшихъ стражниковъ. Болѣе всего отличился самъ г. Лебедевъ. Онъ билъ лежавшаго резиновой палкой и топталъ сапогами. Тѣло несчастнаго превратилось въ сплошную синякъ. Правая рука разбита и изувѣчена, спина въ кровоподтекахъ, нога вывихнута. Онъ нѣсколько дней не могъ сидѣть на стулѣ отъ боли въ спинѣ. Въ этотъ вечеръ во дворѣ, гдѣ происходило избіеніе, были похороны. Причинники такъ зарвались, что арестовали пришедшихъ проводить умершую старуху, а герой — Лебедевъ — грозилъ застрѣлить спрятавшагося въ комнатѣ мальчика 12 лѣтъ. Вообще полиція свирѣпствуетъ у насъ, главнымъ образомъ, на Слободкѣ и въ Михайловскомъ участкѣ. Избіенія политическихъ ежедневныя. Надзиратель Херсонскаго участка Волганецкій ежевечерно охотится на запоздавшихъ рабочихъ и страшно ихъ избиваетъ тутъ же на улицѣ. Отличается еще Соколовъ, петропавловскаго участка; его даже городовые называютъ «звѣремъ». На дняхъ въ карантинѣ городской избилъ и поранилъ шашкой 4-хъ человекъ.

Дней 10 тому назадъ арестовали на Молдованкѣ... еврейскую свадьбу, причемъ забрали даже музыкантовъ. Присутствовавшая тутъ же толпа около 4-хъ сотъ человекъ безмолвствовала все время и только къ концу набросилась было на палача, но разбѣжалась при первомъ окрикѣ полосошваго стражника. Вотъ до чего въѣзласъ въ кровь русскаго человека боязнъ передъ полиціей... И послѣ этого наши соціалъ-демократы считаютъ умѣстнымъ всетаки проповѣдывать во что бы то ни стало мирныя способы борьбы, и порицать всякія попытки выступить съ оружіемъ въ рукахъ!

Нѣтъ, въ этой атмосферѣ нужна больше всего и прежде всего дѣйственная проповѣдь вооруженнаго отпора и возмездія, восстановленія поправленныхъ правъ личности!

Одесса. Мы уже сообщили о покушеніи рабочаго В. Полякова на жизнь градоначальника Нейдгардта. Покушеніе это было подготовлено по инициативѣ, исходившей изъ самой рабочей среды, внѣ всякой связи съ существовавшими до сихъ поръ въ нашемъ городѣ комитетами и организаціями. Оно лишній разъ свидѣлствуетъ о томъ, что въ широкихъ массахъ зрѣетъ боевое настроеніе, что наиболѣе активныя натуры жаждутъ не только словомъ, но и дѣломъ, примѣромъ вовлечь массы въ непосредственную борьбу, что сама масса, даже помимо, а иногда и вопреки организаціонному воздѣйствію «сверху», начинаетъ выдвигать изъ своей среды боевыя группы и дружины.

Лучшей иллюстраціей сказаннаго является письмо, оставленное молодыми террористомъ-рабочимъ товарищамъ**):

«Дорогіе товарищи!

«Я иду исполнять свой долгъ, казнитъ нашего общаго врага, Одесскаго градоначальника Нейдгардта.

«Товарищи! при видѣ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, гоненій и униженій, которыя выносятся все трудовое населеніе Россіи, находясь подъ гнетомъ самодержавнаго правительства, гдѣ царитъ полное безправіе, произволъ и насиліе, гдѣ всякая попытка къ улучшенію жестоко наказуется, гдѣ царское правительство не останавливается ни передъ чѣмъ, начиная отъ нагайки, разстрѣливанія массами рабочихъ, тюрьмы, каторги и кончая висѣлицей, — товарищи, мы не должны молча выносить всѣ эти терзанія, мы должны за кровь платить кровью, за ударъ — ударомъ. Пусть знаютъ наши враги, что ихъ злодѣянія не останутся безнаказанными.

«Итакъ, товарищи, поэтому мы рѣшили соединиться въ рабочія боевыя дружины, въ которую и я вошелъ, и вотъ, иду выполнить свой долгъ.

«Прощайте, товарищи; можетъ быть, я болѣе съ вами не увижусь, не буду видѣть вашихъ дорогихъ лицъ, не буду жать ваши руки; но я не жалѣю своей жизни, я знаю,

* Дѣло происходило въ Слободкѣ-Романовкѣ.

** Подлинникъ письма переданъ въ архивъ редакціи «Революціонной Россіи». Исправляемъ здѣсь лишь его орфографію.

* Всего арестовано въ этотъ вечеръ до 300 чел., которые, переночевавъ въ участкахъ, были выпущены утромъ.

что когда будет убитъ этотъ паразитъ, тѣмъ слабѣе будетъ царское правительство и тѣмъ болѣе потрескается проклятое самодержавіе.

«Итакъ, товарищи, смѣлѣе: не будемъ топтаться на одномъ мѣстѣ, будемъ энергичнѣе работать, на каждый удар самодержавія будемъ отвѣчать болѣе крѣпкимъ ударомъ».

«Долой самодержавіе!»

Василій Поляковъ».

Честь и слава молодому, самоотверженному борцу...

Сормово. 13 августа на сормовскихъ заводахъ вспыхнула стачка. Ближайшимъ поводомъ къ ней послужили вывѣшенныя 10 августа правила о штрафахъ; правила эти гласили: 1) если рабочій прогулялъ день, то другой долженъ отработать за штрафъ, два—тоже, а на третій расчетъ; 2) за опозданіе на работу или уходъ съ нея за 5 мин. — 10 к., за 10 мин. — 20 к., за 15 мин. — 30 к. и т. д. Рабочіе были страшно возмущены и просили мастеровъ снять правила; тѣ отказались; тогда потребовали помощника инспектора, но онъ тоже не согласился, ссылаясь на администрацію. По требованію рабочихъ былъ вызванъ старшій фабричный инспекторъ, Селиванскій, отвѣтившій, однако, что требованія рабочихъ незаконны, и поэтому снять правила онъ отказывается. Тогда мастера сами сняли правила, но инспекторъ вынесъ другія и собственноручно повѣсилъ ихъ. Въ это время пріѣхалъ вице-губернаторъ и подошли солдаты; рабочіе всѣ вышли изъ мастерскихъ на фабричный дворъ, и заводское начальство просило рабочихъ выбрать депутатовъ и черезъ нихъ заявить свои требованія. Вышелъ депутатъ и предъявилъ 13 требованій, въ числѣ ихъ: отміна штрафовъ, отміна вычетовъ (1 к. съ заработаннаго рубля) на церковь, школу и больницу, требованіе не понижать расцѣнокъ, удалить нѣкоторыхъ мастеровъ и т. д. Когда онъ кончилъ, выступилъ другой и заявилъ, что это еще не всѣ требованія, что рабочіе требуютъ еще 8-ми часового рабочаго дня; толпа поддержала его дружнымъ крикомъ: «требуемъ!»

На этомъ кончились переговоры; толпа стала расходиться. На слѣдующій день, 14-го, всѣ вышли на работу, какъ обыкновенно, но опять стали требовать, чтобы правила о штрафахъ были сняты, и когда имъ отказали, то главная мастерская бросила работу и стала разгонять рабочихъ въ другія мастерскихъ; опять всѣ рабочіе вышли на фабричный дворъ. Снова явился вице-губернаторъ съ солдатами и приказалъ рабочимъ разойтись; когда же его не послушались, онъ обратился съ рѣчью, въ которой зывалъ къ благоразумію рабочихъ, прося не слушать тѣхъ нѣсколькихъ вожаковъ, которые подстрекаютъ ихъ. Раздались свистки; онъ просилъ замолчать и снова началъ убѣждать рабочихъ разойтись, угрожая, что въ противномъ случаѣ дѣло можетъ кончиться кровопролитіемъ. Снова раздались свистки; тогда онъ началъ кричать, не заирая на свистки, что онъ присланъ самимъ государемъ для усмиренія рабочихъ и, что если они тотчасъ же не разойдутся, — онъ прикажетъ стрѣлять и велѣлъ солдатамъ приготовить ружья. Рабочіе стали кричать: «стрѣляйте, убійцы! лучше здѣсь умереть отъ пули, чѣмъ дома отъ голоду!» Солдаты сдѣлали залпъ холостыми зарядами въ легшую на землю толпу. Толпа начала расходиться. Часть рабочихъ направилась къ другому заводу, но не успѣла дойти до него, какъ ихъ окружила толпа конной и пѣшей полиціи и начала мять; нѣсколько человекъ были ранены, 11 чел. арестованы, кромѣ того ночью арестовано 40 человекъ.

13 августа были вывѣшены объявленія, что въ этотъ день штрафъ не будетъ, но на слѣдующій день рабочіе должны явиться на работу; 14 утромъ были вывѣшены объявленія, что за неявку до обѣда тоже не будетъ штрафовъ, но такъ какъ въ этотъ день работы не было, то оторочили до понедѣльника — 16 августа.

Въ понедѣльникъ рабочіе явились въ мастерскія. У каждого станка былъ поставленъ полицейскій или солдатъ; въ мастерскія то и дѣло входило начальство и просило начать работу, но мастера ссылались на то, что работать невозможно. Въ этотъ день было тихо; разошлись въ 4 ч. вечера. Вечеромъ администрація завода вывѣсила объявленіе, что по случаю нарушенія рабочими внутренняго распорядка заводъ будетъ закрытъ, и рабочіе съ 16-го августа считаются уволенными; а за расчетомъ просить явиться 19-го августа, и съ этого часа желающіе могутъ вновь поступать. 19 августа рабочіе стали занисываться на работу, но билеты для пропуска на заводъ выдавали мастера и конторщики, которые

хорошо знаютъ своихъ рабочихъ; такимъ образомъ, всѣ, по ихъ мнѣнію, неблагонадежные не были приняты; арестованныхъ и высланныхъ на родину около 200 чел.

21 начались работы; нѣкоторые рабочіе предлагали явиться на заводы и силой прекратить работы, но это не удалось, потому что нѣкоторые цехи вооружились. Къ этому времени развилась уже страшная нищета.

Изъ Курской губ. Въ ночь на 13 августа въ Курскѣ были разбросаны прокламаціи курскаго комитета: «ко всему трудовому народу», прокламаціи Боевой Организациі «Ко всѣмъ гражданамъ Россіи» (въ подлинникѣ, а также въ перепечаткѣ Моск. Ком.), Центрального Комитета «Надгробное слово временщику Плевелю» и Моск. Ком. «Казнь Плевелю» и «Къ обществу». Прокламаціи были распространены во всѣхъ частяхъ города и, на сколько извѣстно, произвели впечатлѣніе. Между прочимъ, попали онѣ и солдатамъ въ руки, пробудивъ къ себѣ среди нихъ самый живой интересъ. Солдаты собирались на берегу рѣки пѣлыми группами и обсуждали прочитанное въ листочкахъ, которыхъ межъ ними было разбросано до 50 шт. Необычное оживленіе солдатъ не ускользнуло, очевидно, отъ вниманія офицеровъ, и до 20 прокламацій попало въ руки послѣднихъ, немедленно доложившихъ о происшедшемъ своему высшему начальству. Тотчасъ же были «приняты мѣры» — прежде всего былъ произведенъ тщательный обыскъ, при которомъ однако было найдено далеко не все, что имѣлось у солдатъ, а затѣмъ командиръ полка велѣлъ личныя «собесѣдованія» съ нѣсколькими изъ нихъ. Призвавъ къ себѣ солдатъ, онъ спрашивалъ каждого изъ нихъ: «читалъ бумажку?» Нѣкоторые отвѣчали, что не видали и въ глаза, другіе же давали утвердительный отвѣтъ. «Ну и что-жъ, ты понялъ что-нибудь?» «Никакъ нѣтъ, ваше в-діе!» «Молодецъ, братецъ!» «Радъ стараться, ваше в-діе!» Этимъ все и окончилось въ военномъ вѣдомствѣ. Что же касается городской полиціи, то она отнеслась далеко не такъ равнодушно къ появленію прокламацій. 13-го числа вся она была на ногахъ и шмыгала весь день по улицамъ, высматривая крамольниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣли даже конныхъ городовыхъ. Даже мирныхъ обывателей изъ солидной публики всполошилъ фактъ появленія прокламацій, выпущенныхъ не отдѣльными личностями, а организованнымъ обществомъ: одинъ изъ такихъ господъ, фабрикантъ, далекій отъ всякой политики, съ ужасомъ разсказывалъ знакомымъ: «представьте себѣ, какая исторія! Вхожу сегодня въ мастерскую и застаю рабочихъ за чтеніемъ какой то бумажки. Что такое? Взялъ въ руки, прочелъ немного и прямо ужаснулся: ругаютъ царя, министровъ, дворянъ, фабрикантовъ, и все такъ свободно, рѣзко. Но что всего ужаснѣе — ихъ, этихъ революціонеровъ, цѣлое общество; они такъ и подписываются: общество революціонеровъ... Чортъ знаетъ, что дѣлается! Вѣдь этакъ нельзя будетъ держать рабочихъ, они никого бояться не будутъ...» И, вѣроятно, изъ опасенія передъ «бунтомъ», какой ему уже мерещился, онъ на слѣдующій же день расчиталъ двоихъ рабочихъ, казавшихся ему, должно быть, наиболѣе опасными.

Еще большій переполохъ среди полиціи и обывателей произнело появленіе прокламацій Курск. Ком. П. С. Р. и Боевой Организациі*) (перезданіе Моск. Ком.) въ г. Путивлѣ. Прокламаціи были распространены въ ночь съ 26 на 27 августа, и уже возвращавшаяся съ базара публика толковала о томъ, что тамъ и тутъ разбросаны какія то «записки», а городные ходятъ и собираютъ ихъ повсюду. Дѣйствительно, полиціа тревожно металась по всему городу, то выбѣгала изъ участка, то снова спѣшила къ началству съ «добычей» въ рукахъ или карманахъ. Нѣкоторымъ пришлось видѣть, какъ городовые ходили съ ножами въ рукахъ и осматривали углы и заборы, отыскивая расклеенныя прокламаціи: двѣ изъ нихъ были ими обнаружены и начисто выскоблены. Благодаря изданному въ тотъ же день секретному циркуляру, приказывавшему городовымъ и ночнымъ сторожамъ собирать по городу всякія какъ-нибудь подозрительныя бумажки, уничтожая оныя или предъявляя въ полицію, на улицахъ дня черезъ три нельзя было увидѣть никакихъ бумажекъ. Однако, какъ ни старалась полиціа, но все истребить преступныхъ листковъ не удалось. По городу стали поговаривать, что тамъ и сямъ имѣются прокламаціи, гдѣ одна, гдѣ двѣ и больше, и что читаются онѣ съ захватывающимъ интересомъ и втихомолку, и даже иной разъ цѣлой компаніей, специально собравшейся для этого. И гдѣ ни приходилось слышать, отовсюду получался

*) «Ко всему трудовому народу» и «Навѣщеніе объ убійствѣ Плевелю».

самый одобрителный и сочувственный отзывъ объ этихъ бумажкахъ. «Ну, и здорово написано! восхищался почти вовсе еще нетронутый пропагандой путивльскій обыватель. Какъ разъ такъ оно и есть!...» Дѣло 15-го іюля снова стало общей темой разговоровъ для путивльскаго обывателя. Мнѣ рассказывали одинъ маленький, но интересный эпизодъ, какъ на камняхъ строящегося дома подрядчикъ нашелъ прокламацію и прочелъ ее вслухъ рабочимъ. «Повтори-ка еще разъ, чтобы покрѣпче въ головѣ засѣло», попросили тѣ, и прокламація была прочитана снова. Читали ихъ и въ думѣ, гдѣ изъ-за этого произошелъ чуть не бунтъ. Разумѣется, до полиціи доходили слухи объ этихъ неумолимыхъ прокламаціяхъ, и для полного изыятія ихъ изъ обращенія она прибѣгла къ обычному своему средству, переполнивъ горсть шпионами, какъ настоящими, такъ и приспосовивъ для этого своихъ же городовыхъ, которые, переодѣтые въ штатское платье, всюду толкались среди обывателей, прислушиваясь къ разговорамъ и слѣдя за всѣми маломальски подозрительными личностями. А по ночамъ эти новоявленные сыщики безцеремонно заглядывали въ щели ставенъ и заборовъ, высматривая, не печатаютъ ли гдѣ прокламацій. Однако, несмотря на всѣ пущенныя въ ходъ средства, полицейскій сыскъ имѣлъ на этотъ разъ очень мало успѣха.

Витебскъ. Въ августѣ мѣсяцѣ Витебская Группа П. С. Р. праздновала годовщину своего основанія.

За время годовой своей дѣятельности Группа сдѣлала очень много. Возникшая по энергичной инициативѣ нѣсколькихъ лицъ, она сорганизовала къ концу года свыше 200 ч. рабочихъ. Но, конечно, перипетіи революціонной борьбы не могли не отразиться на ея дѣятельности. Пioneры ея, основатели, сошли съ арены — иныхъ ужъ нѣтъ, они на время оторваны отъ жизни, отъ дѣятельности, другие далеко... Но живая память о нихъ не умерла. Масса хорошо помнитъ своихъ первыхъ руководителей, и теперь, когда дѣятельность Группы пустила глубокіе корни, укрѣпивъ дѣло революціонной борьбы, чествованіе годовщины явилось неотложной необходимостью.

Несмотря на всю трудность устройства праздника (по условіямъ конспиративнымъ), онъ состоялся и былъ проведенъ съ большой торжественностью. Въ громадномъ залѣ собралось около 200 человекъ. Были развернуты красныя знамена, говорили рѣчи, читались стихотворенія, привѣтственные письма заключенныхъ товарищей; публика чувствовала себя напряженно-приподнято, и такъ какъ полиція въ городѣ была на ногахъ, то однимъ изъ ораторовъ было предложено, въ случаѣ провала вечера, держаться стойко, встрѣтивъ должнымъ образомъ набѣтъ полицейской своры. Вечеръ прошелъ весьма удачно, и участники его разошлись съ бодрымъ сознаніемъ роста своей группы и крѣпнущей солидарности между ея членами.

Катавъ-Ивановскій заводъ (Уфимская губ.). Въ послѣднее время рабочіе предприняли систематическое терроризированіе служащихъ. Средство простое: избиеніе особенно нелюбимыхъ надсмотрщиковъ и т. под. Двое уже избиты, при чемъ одинъ чуть не до смерти. Третій чуть не подвергся тому же, но счастливо—до поры до времени—увернулся. Въ мірѣ хозяевъ и ихъ клевретовъ всѣ этимъ пануганы: всѣ здѣсь теперь ходятъ съ револьверами въ карманѣ, а по вечерамъ и совсѣмъ не выходятъ изъ дома. И жалобы начальству и полиціи остаются втунѣ; они (г. е. начальство и полиція) настойчиво рекомендуютъ и побитымъ, и ожидающимъ сего только терпѣнья, терпѣнья и самое мягкое обращеніе съ рабочими: слишкомъ ужъ боится, какъ-бы при скандальномъ положеніи вышшемъ не произошло еще и какихъ-либо внутреннихъ неприяностей. Тѣ же, кому приходится «терпѣть», изливаютъ душу въ жалобахъ, что отъ рабочихъ жить нельзя, ибо, «эти диаволы превосходно смѣкаютъ, въ чемъ дѣло, и безобразничаютъ во всю. Избиеніе, насилие, поджоги и т. под. чуть не каждый день. Поучительно!

Дѣйствительно, поучительно...

Станція Воярки (20 сентября). Недавно у насъ были распространены прокламаціи украинцевъ. Населенію прокламаціи понравились и вызвали массу толковъ; полиція исполнилась и начала производить массовые обыски, но ничего ей найти не удалось. Тогда на мѣсто доморощенныхъ Леконовъ были присланы настоящіе «специалисты» изъ Кіева. Тѣ припяти совершенно иную тактику. Явившись подъ видомъ рабочихъ, они всячески старались заводить съ крестьянами

откровенныя бесѣды. Прикидываясь настоящими «соціалистами», выражали сочувствіе ихъ тяжелому положенію и чутъ-ли даже не звали на борьбу съ самодержавіемъ. Но недобрычивые крестьяне сразу смекнули, въ чемъ дѣло, и на эту удочку не пошли. ... «Специалисты» должны были удалиться, потерпѣвъ полную неудачу. Крестьяне ждутъ новыхъ подходовъ со стороны начальства, которое во что бы то ни стало хотѣло открыть «корни и нити» пропаганды.

Финляндскія дѣла. Въ студенчествѣ и въ рабочемъ классѣ Финляндіи замѣчается въ послѣднее время нѣкоторое, не вполне еще опредѣлившееся, но несомнѣнно, рѣшительное оппозиціонное броженіе. Высылка изъ края нѣсколькихъ пользовавшихся общимъ уваженіемъ профессоровъ гельсингфорскаго университета (Хомена, Вреде и Эстландера), исключеніе 80 студентовъ и другіе акты насилія, совершенные надъ академическими сферами Финляндіи въ послѣдніе мѣсяцы дуумвирата Бобриксона-Плевэ, надолго взволновали общественное мнѣніе, нисколько не успокоенное дипломатическо-вкрадчивыми рѣчами поваго царскаго сатрапа, кн. Оболенскаго. Неумолимыя агитаціонныя писанія и рѣчи знаменитаго датскаго критика Георга Брандесса въ защиту Финляндіи, его новѣйшій крестовый походъ противъ насилія, совершеннаго надъ гельсингфорскимъ университетомъ, еще болѣе подливаютъ масла въ огонь, и кто знаетъ, не живемъ ли мы наканунѣ новаго и самаго серьезнаго общественнаго движенія, наканунѣ перехода къ революціоннымъ средствамъ въ этой, доселѣ столь неревoluціонной, странѣ. «Богъ въ помощь» — готовы мы воскликнуть по адресу финляндскаго народа этимъ традиціоннымъ ободряющимъ привѣтствіемъ народа русскаго, — да проникнетъ въ сердца финляндскихъ патріотовъ, страдающихъ страданіями своей родины, духъ дѣйствительнаго протеста и возмущенія и да подвигнетъ ихъ на великое дѣло самой рѣшительной революціонной борьбы противъ русскаго самодержавнаго правительства рука объ руку со всѣми остальными угнетенными имъ національностями и общественными классами. Лучшаго момента для такого рѣшительнаго шага ожидать нельзя; надо ковать желѣзо, пока оно горячо...

«Московскія Извѣстности» уже доносили на дняхъ по принадлежности о новомъ протестѣ студентовъ гельсингфорскаго университета противъ высылки профессоровъ и о коллективномъ заявленіи студенчества, что оно не признаетъ законности новаго Устава о воинской повинности; писала эта газета и другой доносъ на Максима Горькаго, «прѣзжавшаго сюда, вѣроятно, для соотвѣтственнаго воодушевленія мѣстныхъ культуртрегеровъ, встрѣтившихъ и проводившихъ пѣвца босняковъ шумными овациями.» Не рѣшилась она, однако, сообщить о болѣе интересныхъ фактахъ «крамольнаго» поведенія финляндцевъ, а именно о цѣломъ рядѣ протестовъ финляндской рабочей партіи противъ насильственныхъ и беззаконныхъ дѣйствій русскаго самодержавнаго правительства. Однимъ изъ такихъ протестовъ, остроумно задуманнымъ и умѣло проведеннымъ, было отрженіе финляндской рабочей организаціей въ Таммерсфорсѣ депутаціи къ кн. Оболенскому, прѣзжавшему черезъ этотъ городъ. Представитель этой депутаціи, Мекелінь, прозанесъ на этой аудіенціи слѣдующую рѣчь:

«Господинъ ген.-губернаторъ! Добрыя вашему заявленію, что вы намѣрены выслушивать всякое искреннее мнѣніе даже въ томъ случаѣ, если оно расходится съ нашимъ собственнымъ, соціалъдемократическіе рабочіе г. Таммерсфорса послали насъ къ вамъ, чтобы откровенно высказать небольшую часть мыслей, которыя финляндскій народъ и, въ особенности, его низшей слой вынуждены были въ послѣдніе годы таить про себя. Мы просимъ васъ принять къ свѣдѣнію, что самыя глубокіе слои народа, его самая живая часть духовно проникнута горькимъ чувствомъ недовольства на современныхъ тяжкихъ условіяхъ жизни. Мы — честный свободолюбивый народъ и поэтому не можемъ привыкнуть къ низменной шпионской системѣ, которая — къ позору нашей страны — была здѣсь введена. Въ этой странѣ, гдѣ личная свобода съ самыхъ давнихъ временъ считалась священной, мы уже не далеки отъ того, чтобы это понятіе стало совершенно забытымъ и незнакомымъ. Полиція, имѣвшая здѣсь раньше, сравнительно, мало работы, вытѣшается теперь по все и, не боясь никакой отвѣтственности, можетъ посягать на жизнь мирныхъ гражданъ и даже болѣе — регламентировать ихъ взгляды. Ферейны, дѣйствующіе на основаніи своихъ закономъ признанныхъ статутвъ и, насколько намъ извѣстно, никогда не злоупотреблявшие предоставленными имъ правами, подвергаются допосамъ, какъ самыя ужаснѣйшія преступленія. Свобода собранія, которую такъ свято хранилъ весь народъ и, въ особенности, рабочій классъ, въ силу неизвѣстныхъ причинъ похищена у насъ. Свобода прессы во всей странѣ невѣроятно обрѣзана, и несмотря на это рабочіе органы подвержены спеціальной и особенно строгой цензурѣ. Но кромѣ того, нашимъ газетамъ повелѣно измѣнять направленіе, а, въ случаѣ осужденія, имъ угрожаютъ закры-

тѣмъ даже безъ всякихъ предварительныхъ предостереженій. Однимъ словомъ, низшіе слои народа лишены всякой возможности выражать открыто свои мысли, и мы спрашиваемъ вась, г. генералъ губернаторъ, справедливо ли это?... Мы не въ силахъ болѣе выносить такое неестественное угнетеніе; мы не можемъ болѣе дышать въ этой атмосферѣ, отравляемой всякого рода искателями приключеній...

Въ заключеніи этой длинной рѣчи рабочій соц.-дем. делегатъ, Мекелингъ, просилъ генералъ-губернатора довести до свѣдѣнія царя желанія и надежды рабочихъ и ходатайствовать передъ послѣднимъ о возможно болѣе скоромъ возстановленіи полной свободы слова, собраній, союзовъ и прессы.

Намъ лично трудно и даже невозможно понять вполне специфическую, лойальную психологию рабочего класса Финляндіи, являющагося предъ лицо новаго царскаго сатрапа съ петиціями и ходатайствами по адресу Николая II Обманова. Мы объясняемъ себѣ этотъ шагъ особой *дипломатической* тонкостью финляндскаго народа, желающаго испытать послѣднее легальное средство, не столько съ вѣрою въ его дѣйствительность, — такимъ наивнымъ мы финляндскій рабочій классъ не считаемъ, — сколько для того, чтобы раскрыть карты лицемерящаго отъ страха царскаго правительства.

Оболенскій проглотилъ до дна эту — впреры, вѣроятно, слышанную имъ въ своей жизни — рѣчь рабочихъ депутатовъ. Отвѣтъ его былъ несвязенъ и безсодержателенъ: свобода-де, конечно, дѣло хорошее, да отъ свободы до самоуправления одинъ только шагъ и т. д. Многозначительно было лишь его замѣчаніе, сдѣланное въ упоръ рабочей депутаціи: «неужели вы можете серьезно думать и считать возможнымъ, что Его Величество измѣнитъ свою политику въ Финляндіи?»

Неизвѣстно, что отвѣтилъ ему на это таммерфорскіе рабочие, но мы думаемъ, что хитрый сатрапъ коснулся своимъ вопросомъ самой основной фальши всей этой дипломатической игры: Мекелингъ и товарищи ни въ какомъ случаѣ не могли серьезно вѣрить въ возможность покаянныхъ реформъ Обманова, и вся ихъ продѣлка имѣетъ значеніе одной лишь иронической демонстраціи.

Такой нашъ взглядъ подтверждается кое-какими другими демонстраціями финляндскаго пролетаріата, имѣвшими мѣсто въ разныхъ городахъ этого края въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. На одномъ изъ народныхъ празднествъ въ Остроботіи была произнесена однимъ рабочимъ рѣчь, закончившаяся слѣдующими словами: «Радость, выраженная прессой по случаю рожденія наслѣдника, не есть искренняя радость; народъ не чувствуетъ ея вовсе, ибо, если дити подобно своему отцу, то лучше было бы ему совсѣмъ не увидѣть свѣта. Долой самодержавіе! Да здравствуютъ граждане, вѣрные своимъ законамъ!» Въ сентябрѣ по всѣмъ улицамъ Гельсингфорса была расклеена прокламація «По поводу манифеста» слѣдующаго содержания:

«Заискивая у финляндскаго народа, русское террористическое правительство оупубликовало по случаю рожденія наслѣдника вѣроломный манифестъ. (Слѣдуютъ пункты манифеста, касающіеся Финляндіи)... Мы превосходно видимъ, чего хочетъ этимъ достигнуть русское правительство: чѣмъ болѣе финляндскій народъ позволитъ себя ослѣплять обманчивыми обѣщаніями манифеста, тѣмъ легче будетъ террористическому правительству похищать послѣдніе гроши народа для потребностей войны. Не замедлять скорѣй новые манифесты и указы, возстановляющіе беззаконіе и лишаящіе финляндскій народъ всякаго благополучія. Финляндскій народъ отвергаетъ съ отвращеніемъ эти вѣроломныя намѣренія русскаго правительства. Долой террористическое правительство и его орудія! Долой режимъ произвола! Да здравствуютъ законъ!»

Комитетъ пролетаріата.

Всѣ эти данныя показываютъ, сколько горячаго матеріала накопилось въ этой, доселѣ спокойной, странѣ. Дѣло старика Шаумана, — отца того самаго Евгенія III., который покаралъ предшественника кн. Оболенскаго, — перенесенное теперь на разсмотрѣніе финляндской юрисдикціи, дастъ, вѣроятно, финляндскому народу поводъ къ новымъ демонстраціямъ, враждебнымъ русскому правительству. Его лицемерно-либеральная тактика послѣдняго періода не въ состояніи болѣе обмануть даже самыхъ мирныхъ и терпѣливыхъ гражданъ, и недалекъ уже тотъ моментъ, когда оно будетъ вынуждено сбросить лисью шкуру и обнаружить волчьи когти — будетъ вынуждено протестующимъ движеніемъ, которое потребуетъ, чтобы правительство или не ограничивалось словесными туманными обѣщаніями, или совершенно бросило ихъ — такъ или иначе привело въ гармонію слова и дѣла.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ ИТАЛІИ.

Со времени кровавой расправы надъ миланскими рабочими въ 1893 году, когда картечь митральезъ и пули солдатскихъ ружей уложили около 600 убитыхъ и ранили свыше 2000 ч., не проходило полугода безъ того, чтобы въ томъ или другомъ углу Италіи вооруженная сила полиціи или войска, не «вожворяла спокойствія и порядка», нарушаемаго какой нибудь стачкой, путемъ кровопусканія. Рядомъ со стачками промышленныя рабочихъ, въ Италіи не менѣе часто встрѣчаются стачки крестьянъ и сельскихъ рабочихъ. Въ борьбѣ съ мелкими организациями «Крестьянскихъ Союзовъ», магнаты-землевладельцы и крупные арендаторы не останавливаются ни передъ какими средствами, доводя каждый конфликтъ до самаго остраго преступленія. За каждую изъ этихъ стачекъ рабочій народъ расплачивался дорогою цѣною. Въ побѣдахъ надъ невооруженнымъ людомъ армія пожинала давры, которые не умѣла добыть себѣ въ Африкѣ. На слабыя попытки протеста со стороны рабочихъ правительство не обращало никакого вниманія; оно оставляло убійцъ ненаказанными, противъ повторенія звѣрствъ не принимало никакихъ мѣръ, наоборотъ, даже поощряло ихъ. Такъ, совсѣмъ недавно, при радикальномъ министерствѣ Жюлиоти, во время мирной стачки крестьянъ въ Кондела, когда ничто не предвѣщало бури, звѣрь-капранъ вдругъ скомандовалъ стрѣлять. Произошла дикая бойня. Когда извѣстіе объ избиеніи облетѣло Италію, раздалась — въ прессѣ и на митингахъ — протесты, на правительство посыпались упреки, но Жюлиоти и ухомъ не повелъ. Онъ прикрылъ изверга своимъ авторитетомъ, выдалъ ему золотую медаль за воинскую доблесть, а подвигъ его былъ выставленъ передъ всѣмъ войскомъ, въ приказѣ по арміи, какъ образецъ для подражанія. Послѣ этого полиція и войско окончательно перестали стѣсняться. На противоположномъ полюсѣ, у рабочихъ, росло возмущеніе, накоплялась злоба. Если имъ и не удалось еще до сихъ поръ сплотиться въ сильную и вліятельную рабочую политическую партію, за то у нихъ сильно подвинулось впередъ синдикальное и кооперативное движеніе, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Возникла, такимъ образомъ, возможность организованнаго протеста рабочаго класса противъ правительственныхъ насилій надъ рабочими.

Въ началѣ сентябрю нынѣшняго года въ Буджерру (въ Сардиніи) 2500 углекоповъ, выведенные изъ терпѣнія придирками дирекціи копей, устроили стачку. Мѣстныя власти вызвали войско. При первой же встрѣчѣ, въ отвѣтъ на нѣсколько камней, брошенныхъ неизвестно кѣмъ изъ толпы и никого не задѣвшихъ, солдаты дали залпъ по стачечникамъ. Трое рабочихъ были убитыхъ и многіе ранены. Эта новая бойня вызвала взрывъ негодованія у рабочихъ во всей Италіи. Всѣ Биржи Труда протестуютъ противъ призыва войскъ во время стачекъ и устраиваютъ манифестаціи. Въ Миланѣ 11 сентаб. (нов. ст.) состоялось рабочее собраніе, на которомъ было принято рѣшеніе: въ виду бесполезности платоническихъ демонстрацій и резолюцій, предложить всѣмъ рабочимъ въ Италіи устроить всеобщую стачку черезъ недѣлю; миланской Биржѣ Труда поручаются предварительные переговоры объ этомъ съ другими рабочими центрами. Собраніе руководствовало, конечно, тѣмъ соображеніемъ, что всеобщая стачка будетъ гораздо импозантнѣе, ея значеніе, какъ угрозы и какъ выраженія воли рабочаго класса, будетъ гораздо сильнѣе, если она будетъ объявлена въ одинъ и тотъ же день по всей странѣ. Нѣкоторые требовали однако немедленнаго объявленія стачки: по мѣрѣ того, разсуждали они, какъ уходитъ время отодвигается въ прошлое, въ область воспоминаній то событіе, которое вызвало взрывъ негодованія, непосредственное ощущеніе боли и обиды стирается, тухнетъ энтузіазмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣютъ шансы на успѣхъ всеобщей стачки, на широкіе размѣры ея. 14 числа вечеромъ состоялось совѣщаніе комитета Биржи Труда*) и комитетовъ всѣхъ рабочихъ организацій. Принявъ идею всеобщей стачки, они однако не рѣшились взять на себя отвѣтственность за объявленіе ея, а возложили окончательное рѣшеніе вопроса на 160 секцій Биржи Труда, которая и были приглашены собраться на свои засѣданія въ воскресенье 18-го, чтобы стачка, если она будетъ объявлена, могла начаться въ понедѣльникъ утромъ. Отъ засѣданія къ засѣданію, отъ комиссій къ комиссіи, мно-

*) Этотъ комитетъ состоитъ изъ представителей всѣхъ синдикатовъ.

стали терять въру въ то, что движение протеста выльется наконецъ въ реальную форму грозной манифестаціи рабочаго класса.

Утромъ 15-го телеграфъ принесъ извѣстіе о новой бойнѣ. Кастеллучи (въ Синциліи) члены мѣстнаго Крестьянскаго куза собрались въ локаль социалистовъ для обсужденія вопроса о непосредственной арендѣ земли Союзомъ. Вдругъ въ лу врываются жандармы и прерываютъ засѣданіе. Старшій индурмъ требуетъ, чтобы ему выдали списокъ членовъ Союза. Секретарь, понятно, отказывается подчиниться незаконному требованію, — его арестуютъ. Товарищи протестуютъ, требуютъ его освобожденія. Въ отвѣтъ на это старшій призываетъ стрѣлять. Жандармы стрѣляютъ въ упоръ и зами ударами шапекъ разгоняютъ собраніе. Опять пролилась кровь... На этотъ разъ она переполнила чашу терпѣнія. Какъ только новое збѣрство слугъ правительства стало извѣстно въ Монца, мѣстная Биржа Труда немедленно объявила всеобщую стачку, которая и началась сейчасъ же, въ полдень. Забастовали 10.000 челов. Въ тотъ же день объявлена всеобщая стачка въ Миланѣ, затѣмъ въ Болоньѣ, Ливорнѣ, атанцаро и въ другихъ болѣе мелкихъ центрахъ. Большинство рунныхъ центровъ рѣшили начать стачку въ понедѣльникъ 8-го. Въ тотъ же день (15), вечеромъ, въ Римѣ собрался генеральный комитетъ социалистической партіи и рѣшилъ обратиться къ рабочимъ съ воззваніемъ, приглашающимъ приступить къ всеобщей стачкѣ. Напрасно глава правительства, Жюлини, въ длинной телеграммѣ туринскому синдикату сообщалъ объ арестѣ виновниковъ избиенія, о рѣшеніи правительства произвести самое строгое слѣдствіе и передать суду герцога разбоя; напрасно онъ многословно клялся никогда вырѣдъ не употреблять военной силы въ конфликтахъ между рабочими и капиталистами. Слишкомъ поздно. Пожаръ всеобщей стачки охватывалъ провинцію за провинціей. Рабочій классъ Италіи выпрямился на мгновение во весь свой ростъ: остановилъ поѣзда и трамваи, заперъ фабрики, заводы, закрылъ шахты и портовые склады, потушилъ газъ и электричество, потушилъ доменные печи и печи пекаренъ, какъ бы для того, чтобы познакомить и правящіе классы съ тѣмъ специфическимъ опущеніемъ, которое называется голодомъ. Рабочій классъ грозно выразилъ свой протестъ и свою державную волю, и показалъ, что онъ можетъ, когда захочетъ.

Всего внушительнѣе прошла стачка въ Миланѣ. Какъ только получено было извѣстіе о бойнѣ въ Кастеллучи (15-го), комитетъ Биржи Труда, бросивъ всякія колебанія, рѣшилъ объявить всеобщую стачку и, при помощи разосланныхъ во все концы города велосипедистовъ, созвалъ въ тотъ же вечеръ собраніе всѣхъ организованныхъ въ синдикаты и кооперативы рабочихъ. Собраніе, очень многолюдное и очень торжественное, постановило начать со слѣдующаго же утра всеобщую стачку, «чтобы выразить свой протестъ противъ правительственныхъ насилій и чтобы потребовать прекращенія вышательства вооруженной силы въ конфликты между трудомъ и капиталомъ». Собраніе разошлось, полное энтузіазма, съ кликами: да здравствуетъ всеобщая стачка! Толпа отправилась тотчасъ же къ типографіямъ, чтобы остановить къ слѣдующему утру выпускъ газетъ.

Пятница 16 сен. Ясный, чудный осенній день. На обычно шумныхъ улицахъ хлопотливаго Милана поразительная тишина. Разношники не выкрикиваютъ газетъ, не грохочутъ по мостовой повозки съ товарами, не снуютъ трамваи, не постукиваютъ камешники на постройкахъ, изъ дверей мастерскихъ не вырывается дымъ и лязгъ желѣза. По улицамъ разбѣгаютъ лишь велосипедисты съ повязкой на рукѣ, на повязкѣ — слово *vigilanza*: это агенты Биржи Труда, поддерживающіе связь и солидарность между стачечниками. Они исполняютъ свою миссію съ такой быстротой и энергіей, что возбуждаютъ восторгъ въ массахъ стачечниковъ и — ненавидятъ въ буржуазныхъ кругахъ. Утромъ появился манифестъ Биржи Труда, приглашающій всѣхъ рабочихъ дружно поддерживать стачку. Въ стачкѣ принимаютъ участіе около ста тысячъ человѣкъ. Синдикъ города выпустилъ воззваніе, въ которомъ воздаетъ должное благородному чувству, руководящему стачечниками, и проситъ ихъ вести себя мирно и съ достоинствомъ. Такъ какъ ни одна типографія не работала, то синдикку пришлось выпустить свое воззваніе литографированнымъ.

Утромъ около 20.000 ч. собралось въ громадномъ амфитеатрѣ Арены. Ораторы привѣтствуютъ всеобщую стачку, доказываютъ ея необходимость въ виду борьбы съ тираніей и горячо

уговариваютъ присутствующихъ направиться во все предмѣстныя города и вести тамъ агитацію въ пользу полного прекращенія работы.

Это собраніе было только подготовительнымъ къ митингу: послѣдній состоялся въ 4 часа того же дня, и на немъ присутствовало около 50.000 человѣкъ. Это колоссальное собраніе, полное воодушевленія, вело себя съ удивительнымъ достоинствомъ, импонировало серьезностью дебатовъ и прошло въ образцовомъ порядкѣ. Митингъ, одобрилъ съ энтузіазмомъ всеобщую стачку, опредѣлялъ ея цѣль: добиться отставки министровъ Жюлини и изданія закона, воспрепятствующаго вышательству войска въ конфликты между трудомъ и капиталомъ.

Въ этотъ же день синдикъ Милана поѣхалъ въ Римъ, чтобы передать правительству возмущеніе рабочихъ, ихъ протестъ и ихъ требованія.

Суббота 17 сентября. Всеобщая стачка въ полномъ разгарѣ. Не видать ни полицейскихъ, ни солдатъ: ихъ спрятали въ казармахъ и во дворахъ дворцовъ. Въ виду безобразій, совершаемыхъ наканунѣ вечеромъ темными личностями, не имѣющими ничего общаго съ рабочими, — безобразій, которые могли бы скомпрометировать достоинство рабочихъ и серьезность всеобщей стачки. Биржа Труда рѣшила взять въ свои руки заботу объ охранѣ безопасности и снарядила для этой цѣли 200 своихъ агентовъ, которые съ красивой повязкой на рукѣ разбѣжали на велосипедахъ по городу и удерживали людей отъ недостойныхъ палишествъ, отводя подвыпившихъ домой и т. д.) Городъ находился во власти рабочихъ. Стачка была всеобщая въ буквальномъ смыслѣ слова: около 200.000 не пошли на работу, а высыпали на улицы. Исключеніе составляли лишь пекари, доставляющіе хлѣбъ больницамъ, и вообще больничные служители: по настоянію Биржи Труда они не прекратили работы. Магазины закрыты. Ни трамваевъ, ни каретъ, ни автомобилей на улицахъ. Настроеніе рабочихъ бодрое, приподнятое.

Утреннее собраніе въ Аренѣ по прежнему многолюдное. Уже на прошломъ собраніи, глава итальянскихъ реформистовъ, Турані, пытался «образумить» стачечниковъ рѣчами на тему, что, дескать, всеобщая стачка — обоюдострое оружіе, и смотрите, какъ въ реакція не повернула его противъ самихъ рабочихъ. Те срь же, въ субботу, онъ выступилъ противъ требованія, касающагося отставки министерства: «Депутаты не могутъ обещать намъ отставки Жюлини или какого либо другого министра. Цюводителе свои идеи при помощи избирательныхъ бюллетеней». Успѣха онъ не имѣлъ...

Ломбардская ассоціація журналистовъ обратилась въ Биржу Труда съ просьбой, чтобы комитетъ федерціи типографскихъ рабочихъ (*La Federazione del Libro*), во имя принципа свободы печати, разрѣшилъ выходъ газетъ. Федерціи отвѣтила, что не можетъ на это согласиться, такъ какъ не желаетъ нарушить свою солидарность съ рабочими другихъ профессій. Рѣшено лишь издавать бюллетень — *Всеобщая стачка*, первый номеръ котораго и былъ тотчасъ же составленъ сотрудниками нѣсколькихъ газетъ. Это — единственный органъ, выходившій въ Миланѣ во время стачки.

Днемъ опубликована телеграмма синдиката изъ Рима: Жюлини общается уничтожить «злоупотребленіе» военной силой: виновники рѣзни арестованы, производятся слѣдствія; министръ ручается за полную свободу манифестацій и т. п. Въ заключеніе, синдикъ совѣтуетъ прекратить стачку.

На четвертомъ собраніи въ Аренѣ рѣшено продолжать стачку. На собраніи присутствуетъ делегатъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ первый же день стачки бросили работу, но затѣмъ возвратились, чтобы уговориться съ прочими товарищами. Ихъ делегатъ заявляетъ теперь, что все они примутъ участіе въ стачкѣ. (Впослѣдствіи однако оказалось, что движеніе прекратилось лишь по одной линіи сѣверныхъ жел. дорогъ. На другихъ же линіяхъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе невозможности предупредить одновременно всѣхъ, движеніе не прекращалось). Испуганные этимъ извѣстіемъ, иностранцы спѣшатъ покинуть городъ съ послѣдними поѣздами. Наступаетъ ночь. Нѣтъ электричества, почти нѣтъ газа. Городъ погруженъ въ полумракъ...

Воскресенье 18 сен. Утромъ собралась исполнительная коммисія Биржи Труда. Констатировавъ полный успѣхъ стачки какъ въ Миланѣ, такъ и во всей Италіи, коммиссія приступи-

* Въ теченіи пяти дней стачки въ Миланѣ было совершенно меньше преступленій, чѣмъ когда либо въ обычное время.

ла къ вопросу о продолженіи или прекращеніи стачки, такъ какъ въ другихъ городахъ стачка, по рѣшенію мѣстныхъ рабочихъ организаций, прекращалась въ воскресенье. Исходя изъ соображеній, что стачка имѣла въ виду лишь торжественный протестъ противъ правительства, что цѣль эта вполне достигнута, и нѣтъ, слѣдовательно, причинъ требовать отъ рабочихъ новыхъ жертвъ, что—въ случаѣ необходимости—можно будетъ поддержать дѣятельность своихъ депутатовъ новой внушительной манифестацией, — коммисія единогласно приняла резолюцію: поручить социалистическимъ депутатамъ, въ союзѣ со всей крайней лѣвой*), добиться во что бы то ни стало, хотя бы путемъ обструкціи, изданія истинно-демократическаго закона относительно конфликтовъ труда съ капиталомъ и объявить прекращеніе стачки съ завтрашняго утра.

Въ городской ратушѣ собрались 57 депутатовъ крайней лѣвой и приняли резолюцію, предложенную Турати:

Депутаты крайней лѣвой, собравшіеся въ Миланѣ, съ большимъ удовольствіемъ констатируютъ великодушное пробужденіе народныхъ силъ для защиты права работниковъ на жизнь; подтверждаютъ сознаніе депутатовъ всей крайней лѣвой въ Римѣ въ ближайшую среду; заявляютъ, что они потребуютъ немедленнаго созыва парламента для обсужденія дѣйствій и отвѣтственности правительства; заявляютъ теперь же, что послѣднія звѣрскія расправы недостойны правительства гражданъ и дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее его пребываніе у власти;

обязуются, наконецъ, предложить законодательныя мѣры, которыя слѣдуетъ впредь невозможнымъ для гражданскихъ властей злоупотребленіе военной силой; потребовать примѣрнаго наказанія виновниковъ рѣзни и настаивать на немедленномъ обсужденіи этихъ пунктовъ, пользуясь всѣми парламентскими средствами, не исключая и обструкціи, если потребуются.

Къ этой резолюціи присоединились потомъ Ферри и остальные социалистическіе депутаты. Ее принялъ и «Секретариатъ сопротивления, выбранный на первомъ собраніи въ Аренѣ и работавшій рука объ руку съ комитетомъ Биржи Труда въ продолженіе всей стачки. Генеральный совѣтъ Биржи Труда (состоящій изъ комитета Биржи Труда и соединенныхъ комитетовъ всѣхъ секцій) беретъ, опираясь на эту резолюцію, провести предложеніе о прекращеніи стачки.

Въ 4 часа состоялось пятое собраніе въ Аренѣ, собраніе очень многолюдное и очень бурное. Вносятся предложеніе Биржи Труда. Его встрѣчаютъ криками: нѣтъ, нѣтъ! Затѣмъ говорить Турати. Онъ докладываетъ о совѣщаніи депутатовъ крайней лѣвой и читаетъ приведенную выше резолюцію. При словахъ — *abuso delle armi* (злоупотребленіе военной силой) — раздаются крики: *uso, uso!* (использованіе военной силы). Турати настаиваетъ на своей резолюціи. Раздаются оглушительные свистки. Собраніе почти единогласно принимаетъ предложеніе Лабриолы продолжать стачку до среды. Собраніе прилашаетъ всѣхъ рабочихъ Италіи считать тишенными мадада тѣхъ депутатовъ крайней лѣвой, которые будутъ препятствовать проведенію выставленныхъ стачкою требованій. Собравшіеся даютъ торжественный обѣтъ *выйти на улицу* и довести болѣе широкихъ результатовъ, если правительство не исполнитъ ихъ требованій.

Понедѣльникъ 19 сентября. На шестомъ собраніи въ Аренѣ Корради сообщаетъ, что Биржа Труда остается на своемъ посту, чтобы руководить движеніемъ. Одинъ рабочий изъ округа Трапани (гдѣ находится Кастеллуццо) благодаритъ стачечниковъ за ихъ великодушное заступничество, за ихъ чудный порывъ солидарности.

Вторникъ 20 сентября. Послѣднее собраніе въ Аренѣ. Ораторы прославляютъ успѣхъ всеобщей стачки, которая составила эпоху въ исторіи борьбы труда съ капиталомъ не только въ Италіи, но и во всемъ мірѣ.

Стачка кончилась, какъ было рѣшено, во вторникъ въ полночь.

Въ другихъ городахъ Италіи стачка продолжалась лишь три дня, въ нѣсколькихъ только два. Не обошлось безъ жертвъ. Въ Римѣ полицейскій застрѣлилъ рабочаго, бросившаго въ него камень. Въ Генуѣ полиція вздумала распусить собраніе, состоящее изъ социалистовъ. Произошла бурная сцена, во время которой одинъ полицейскій ударилъ рабочаго въ лицо. Товарищи заступились. Карabinieri сдѣлали нѣсколько залповъ — 200 выстрѣловъ. Тяжело ранено 15 человѣкъ; три карabinieri получили удары ножемъ.

Въ другихъ мѣстахъ стачка прошла безъ человѣческихъ

жертвъ: правительство разослало пресектамъ строжайшій приказъ—приложить всѣ усилія, чтобы избѣжать убійствъ. Поздно опомнились...

Какъ разъ во время стачки пришло извѣстіе, что король на радостяхъ, по поводу рожденія наследника, жертвуетъ миллионъ лиръ (около 450 тыс. руб.) въ рабочую кассу страхованія старости. «На что намъ касса для старости, когда насъ разстрѣливаютъ молодыми» — говорили рабочіе.

Послѣдую стачка имѣла внушительный характеръ. Въ Римѣ не работали рабочіе всѣхъ категорій. Не видать было ни одного трамвайнаго вагона, ни одного извозчика; улицъ не подметали, хлѣба не пекли, скота не били, газетъ не печатали. За городомъ, на Савро Воаго, состоялось огромное собраніе въ 15 тысячъ человѣкъ. Между ораторами отмѣтилъ Ферри, который говорилъ о значеніи организаціи. Въ Генуѣ, въ порту, стояла мертвая тишина; городъ съ вечера погрузился въ полный мракъ; магазины были запечатны, газеты не выходили. Въ Неаполѣ, Венеціи, Мантуѣ, Болоньѣ, Пизѣ, Флоренціи, Падуѣ стачка была проведена съ большимъ воодушевленіемъ.

Въ общемъ, стачка охватила 90 городовъ, въ ней участвовало около миллиона рабочихъ. Къ городамъ присоединились деревни. По словамъ Оды Ольбергъ (*Die Neue Zeit*, № 1), къ движенію примкнули даже самыя крошечныя деревенскіе поселки, а въ сѣверо-хозяйственной провинціи Мантуѣ 120 тысячъ сельскихъ пролетаріевъ оставили свои полевые работы. Никогда еще рабочее движеніе не объединило въ одномъ революціонномъ порывѣ такую массу трудящихся. Правда, всеобщая стачка не была дѣломъ одной плѣсообразно организованной рабочей партіи, она не была выполнена по заранее условленному плану, — но тѣмъ громче говорить она о дѣйствительной солидарности интересовъ всего рабочаго класса, тѣмъ болѣе грознымъ предупрежденіемъ является она для буржуазнаго міра. Если одна простая политическая демонстрація способна была мобилизовать такую грандіозную армію рабочихъ, то чего же можно ожидать въ томъ случаѣ, когда наступитъ, наконецъ, часъ рѣшительной битвы арміи труда съ арміей капитала? «Скрепенныя руки» миллионной рабочей арміи тогда расправятся и протянутся за оружіемъ; противъ оставшихся подъ гипнозомъ дисциплины частей арміи выступитъ вмѣстѣ съ побратавшимися съ народомъ солдатами великая «народная милиція», — и это будетъ великій историческій моментъ, когда пробьетъ послѣдній часъ господства милитаризма и капитализма, когда будетъ открыта широкая дорога социальному творчеству рабочаго класса, полному переустройству всѣхъ социальныхъ отношеній.

Всеобщая стачка въ Италіи поставила, кромѣ того, на очередь цѣлый рядъ чисто-практическихъ вопросовъ, заблаговременное рѣшеніе которыхъ способно сдѣлать подобныя же демонстраціи въ будущемъ болѣе стройными и удачными. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является организація стачечниками той изумительной самодисциплины, которая — безъ всякой полиціи, вездѣ и всегда не предупреждающей, а скорѣе провоцирующей вспышки — гарантировала движеніе отъ вырожденія въ акты вандализма со стороны деморализованной современными порядкомъ части городского люмпенпролетаріата. Миланскій опытъ былъ въ данномъ случаѣ крайне интереснымъ и поучительнымъ. Вторымъ изъ такихъ вопросовъ является надлежащая организованность и дисциплинированность мобилизованныхъ народныхъ массъ, зависящая отъ личности прочно организованныхъ и авторитетныхъ руководителей силъ... Въ италіанской стачкѣ такими силами были Биржа Труда, рабочіе комитеты и федераціи, объединенные такъ наз. Генеральнымъ Совѣтомъ рабочихъ синдикатовъ. Анархическая стихійность и аморфность движенія способные только погубить дѣло. Всеобщей стачкой выдвигается также вопросъ о томъ, какія категоріи труда должны быть *исключены* изъ всеобщей забастовки—въ силу ли ихъ крайней необходимости для общества, или вслѣдствіе какихъ-либо высшихъ гуманныхъ соображеній. Таковы, на примѣръ, работы въ больницахъ, поставка молока младенцамъ, работа въ рабочихъ производственныхъ мастерскихъ и потребительныхъ обществахъ и т. д. Сюда же можно отнести и вопросъ о томъ, должны ли выходить во время стачки социалистическіе органы.

Не можетъ быть сомнѣнія, что дальнѣйшій опытъ аналогичныхъ движеній успѣшно разрѣшитъ всѣ подобныя задачи и техническіе вопросы тактики. Развиваясь, совершенствуясь и расширяясь, всеобщая стачка будетъ въ рукахъ организованнаго рабочаго класса однимъ изъ могучихъ средствъ при-

*) Республиканцы съ самаго начала стачки присоединились къ рабочимъ.

близить победу революционного социализма над старым миром гнета и эксплуатации.

Из партийной деятельности.

Центральный Комитет П. С. Р. выпустил воззвание-брошюру «Что нужно помнить трудовому крестьянству». (Содержание: условия и мотивы освобождения крестьян; мужицкие надежды и разочарования; современное экономическое положение крестьянства; сходство современного положения России с эпохой перед реформами 60-х годов; задачи ближайшего переустройства наших порядков; критика современного пересмотра законодательства о крестьянах; два течения среди землевладельцев — старые крепостники и новая буржуазия; их отношение к вопросу об общинном землевладении; точка зрения на этот вопрос соц.-дем. и соц.-рев.; возвращение «отрѣзков» или завоевание всей земли въ общественную собственность земледельческого населения? — задачи ближайшей революции).

Из тайной партийной типографии в России вышла также брошюра для крестьян: «Ирландец Джон и голодаевские мужики (не сказка)». Тема этого рассказа — выяснение значения бойкота, как средства борьбы въ деревнѣ.

Московский Рабочий Союз П. С.-Р. выпустил прокламацию «Къ московскимъ рабочимъ» о своемъ сформировании и программѣ. Прокламация заканчивается призывомъ:

«Товарищи, если вы не совѣщались забыты чиновниками, полиціей, жандармами и хозяевами, если нужда еще не совѣщала задавила насъ, присоединяйтесь къ нашему Московскому союзу партій социалистовъ-революционеровъ. Товарищи, вѣдь мы боремся за великое и правое дѣло — за дѣло освобождения русскаго народа отъ царскаго и хозяйскаго гнета. Не бойтесь никакихъ пресѣдованій со стороны царя и его полиціи и жандармовъ... Чѣмъ меньше будемъ мы трусить, чѣмъ скорѣе съорганизуемся и чѣмъ храбрѣе будемъ бороться за права трудящагося народа, тѣмъ скорѣе народная правда восторжествуетъ надъ царской и хозяйской ложью. Подбирайте же надежныхъ товарищей и присоединяйтесь, рабочіе, къ нашему союзу. Насъ много, побѣда за нами, и скоро солнце правды согреетъ насъ своими лучами».

Кіевскій Комитетъ съ 15 авг. выпустил (кроме № 1 «Раб. Слова») слѣдующія печатныя прокламации: «О мобилизации» — 800 экз., «Къ солдатамъ» — 800 экз., «Ко всѣмъ» — 3000 экз., «Къ новобранцамъ» — 5000 экз.

Приводимъ текстъ прокламации «Ко всѣмъ»:

Товарищи! Мы переживаемъ знаменательный моментъ исторіи. Мы находимся наканунѣ великихъ событій. Время подготовки къ борьбѣ съ самодержавіемъ приходитъ къ концу. Наступаетъ пора перейти отъ обороны къ прямому наступленію на главныя твердыни самодержавія и, прячущейся за его спиной, буржуазіи. Недалекъ уже и тотъ бой, послѣдній рѣшительный бой, въ которомъ окончательно рѣшится судьба русскаго самодержавія, а также тѣсно связаннаго съ нимъ финансоваго грабительства государствомъ народа въ пользу буржуазіи, и начнется свѣтлая эра социализации всѣхъ устоевъ народной жизни.

Правительство и буржуазія уже предчувствуютъ это и заранее принимаютъ свои мѣры, чтобы не допустить, или же, по крайней мѣрѣ, задержать наступление этого грознаго и невыгоднаго для нихъ момента. Мѣры эти главнымъ образомъ сводятся къ старинному правилу: «чтобы побѣдить врага, надо сначала раздѣлить его силы и уже потомъ по частямъ разбить». Поэтому-то за послѣднее время особенно и усилилось натравливаніе, со стороны нѣкоторыхъ прокламальныхъ газетъ, а также агентовъ тайной и явной полиціи, да и вообще почти всѣхъ правительственныхъ учреждений, одной народности на другую, одного слоя трудящихся на другой. Поэтому-то и устраивались еврейскіе погромы въ Кишиневѣ, Гомелѣ, а за послѣднее время и въ Ровно и Смѣлѣ. И съ этой же цѣлью создавалось и тщательно поощрялось збѣдотское «независимство». Цѣль ясна. Дѣлая все это, правительство хотѣтъ, въ видѣ труповъ, жертвъ еврейскихъ погромовъ, въ видѣ національной вражды поляка къ русскому и въ видѣ искусственно созданной якобы противоположности интересовъ рабочихъ, крестьянства и интеллигенціи, создать между всѣми ними непреодолимую преграду недобробы и даже враждебности, чтобы тѣмъ самымъ ослабить ихъ силу. Правительство прекрасно понимаетъ, что мы можемъ достигнуть чего-нибудь не иначе, какъ въ тѣсномъ товарищескомъ объединении всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ классовъ общества. Оно хорошо знаетъ, что создание социалистическихъ порядковъ немислимо при отношеніяхъ среди насъ не какъ брать къ брату, а какъ волкъ къ волку.

Товарищи! Не будемъ же играть въ руку нашихъ враговъ. Ввиду серьезности переживаемаго нами времени на всѣхъ насъ, сознательныхъ воинахъ великой социалистической арміи, лежатъ двѣ великія обязанности. Это во первыхъ, всѣми силами объяснить нашимъ еще не сознательнымъ товарищамъ о великомъ братствѣ и полной солидарности всѣхъ трудящихся и угнетенныхъ, кто бы они ни были:

поляки, евреи или русскіе, рабочіе или крестьяне. А во вторыхъ, готовьтесь сами и готовьте другихъ къ близкой и рѣшительной битвѣ съ нашими врагами. Учитѣ ихъ, какъ въ бой идти.... Объединеніе и организациія нашихъ силъ и ихъ боевая подготовка—вотъ наша самая главная и ближайшая практическая задача.

За работу, товарищи!

Пусть нашъ лѣсъ—онъ освѣщается солнцемъ социализма!

Будущее въ нашихъ рукахъ и побѣда зависитъ отъ насъ — отъ степени нашего объединенія, организованности и боевой подготовки!

Наше красное знамя уже гордо вѣетъ надъ миромъ и нашъ боевой кличъ уже и теперь заставляетъ трепетать нашихъ враговъ.

Долой самодержавіе! Долой буржуазію!

Да здравствуетъ социализмъ!

Одесскій Комитетъ перепечаталъ изъ «Летучаго Листка Революціонной Россіи» № 4 некрологъ А. Д. Покотилова и издалъ прокламацию «Къ гражданамъ Одессы», по поводу покушенія на жизнь Нейдгардта, и «Новое министерство». Рекомендуемъ другимъ комитетамъ партіи перепечатывать и распространять послѣднюю прокламацию, представляющую собою удачное разоблаченіе «новаго курса» Святополкъ-Мирскаго.

Въ Одессѣ, приблизительно одновременно, появились прокламации (мимеограф.) трехъ новообразовавшихся организаций: студенческой организации соц.-рев., организации курсистокъ соц.-рев. и соц.-рев. организации учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Первая изъ этихъ организаций какъ нельзя болѣе своевременно призываетъ все студенчество — «теперь, когда особенно дорога всякая сплотившаяся общественная группа, — вновь сорганизовать свои силы, страхнуть съ себя утомленіе отъ прежнихъ движеній и приготовиться рука объ руку съ другими оппозиционными группами къ рѣшительному бою съ самодержавіемъ». Рекомендуемъ лучшимъ элементамъ студенчества, со своей стороны, снѣшить съ такой организацией, чтобы событія не застали ихъ врасплохъ, «неготовыми къ трудной борьбѣ».

Пензенскій Комитетъ издалъ 28 авг. большую прокламацию «Къ обществу» и 1 сентября прокламацию «О войнѣ съ Японіей».

Курская группа С.-Р., преобразовавшись въ августѣ въ **Курскій Комитетъ** Партіи, выпустила прокламацию: «Ко всему трудовому народу» (о войнѣ) печ., 800 экз.; «Къ рабочему люду» отъ 13 сент., гектогр., вышлена по случаю большого стеченія народа на мѣстный праздникъ (припосѣ иконы), распространена въ толпѣ; «Кѣмъ и за что убить министръ внугр. дѣлъ Плеве» (печатн.) и отчетъ Курскаго Комитета за августъ.

Вакинская группа П. С. Р. издала 6 сентября печатный отчетъ за августъ.

Новообразовавшійся **Ватумскій Комитетъ** П. С. Р. издалъ печатную прокламацию: «Часть пробилъ!» Охарактеризовавъ лицемерную политику новаго министерства, прокламация заключаетъ:

«Но мы, товарищи, не падаемъ духомъ. Пусть только осмѣлятся новый министръ поднять грязную руку свою на рабочій народъ. Узнаетъ, что не рабы мы, а граждане грядущей россійской республики. Не ждемъ мы отъ царя, какъ ждутъ либералы, что онъ подѣлитъ власть своей съ рабочимъ народомъ. Гдѣ жъ видно, чтобы ростовщикъ раздавалъ свое имущество ограбленнымъ имъ бѣднякамъ? И не хотимъ мы такого дѣла. Близокъ часъ рассвѣта. Какъ могучая стѣна, поднимается рабочій народъ и отниметъ все, награбленное у него царской шайкой. Близокъ часъ расплаты съ правительствомъ! Революція наступаетъ!»

Екатеринославскій Комитетъ Партіи издалъ гектогр. прокламацию: 5 авг. — «Ко всѣмъ гражданамъ Россіи» (по поводу гибели Плеве, перевод.), 3 сент. — «Къ запасу арміи» (с. призывомъ — «сейчасъ же бросить грозный вызовъ правительству, сейчасъ же объявить ему волю народную — «не хотимъ войны, не хотимъ быть слѣпой игрушкой въ рукахъ ненавистнаго правительства!») и 6 сентября — «Къ гражданамъ г. Екатеринослава» (по поводу попытокъ полиціи направить. недовольство, волненія и безпорядки въ русло анти-еврейскаго погрома, съ призывомъ къ сопротивленію вооруженною силою). Комитетъ издалъ также два денежныхъ отчета.

Намъ доставлены также: «Къ русскому народу. О войнѣ и военныхъ порядкахъ» изд. **Группы Соц.-Рев.**, и «Рабочая пѣснь» изд. **Вольной типографіи П.С.Р.**

Въ г. **Володѣ**, по сообщенію «Искры», мѣстными соц.-рев. были распространены двѣ прокламации по поводу войны и мобилизаци. Такъ какъ нами эти прокламации получены не были, то просимъ товарищей выслать намъ ихъ снова.

Нѣсколько группъ и комитетовъ П. С. Р. въ Сибири обра-

зовали **Сибирский Союз Соц.-Рев.**, отъ имени котораго уже вышли двѣ печатныя прокламаціи: «Министръ Удавъ» (по поводу гибели Плєве) и «По поводу Якутской бойни».

Саратовскій Комитетъ партіи издавъ отъ 10-го августа прокламацію «Къ солдатамъ» (печ.) Передъ этимъ вышелъ печ. «Листокъ Саратовскаго Комитета П. С. Р.» (Содержание: передовая, — о войнѣ и русскихъ либералахъ; процессъ А. И. Милашевскаго; замѣтка: «Кое что о понахъ»; мѣстная хроника).

ХРОНИКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ ГОНЕНІЙ.

МОСКВА. Въ настоящее время въ Таганкѣ находится 61 чел., главнымъ образомъ по дѣламъ: 15 февр. (с. д.), 25 мая (с. р.), 19 июля (с. д.) и нѣкотор. друг. 18-го привезенъ изъ Пречистенской части А. Заваринъ. На дняхъ вызвали въ Жандармское управление Гурвича и представляли ему улики по его дѣлу, которое передается въ судъ. Оказывается, что Гурвича, какъ и рабочаго Оголева, а также нѣкоторыхъ другихъ, оговорилъ Иванъ Назаровъ, показавшій, что они давали ему книги и предлагали испустить въ Сормовскую рабочую организацію. Изъ Таганки увезены: А. Орловъ (на свободу), Калачевъ (въ Нижній), Подвинный (ар. 5 октября по дѣлу с. р.) — назывѣнъ куда, Воротынецъ (освобожденъ). — Сообщаютъ, что Сладковъ въ настоящее время въ СПВ. Домъ Пред. Закл. — у него парализъ руки. — Въ Бутырской больницѣ лежатъ И. Ладжикиновъ изъ Нижняго, обв. въ принадлежности къ с. д. комитету. Онъ перенесъ неудачную операцію (извлечение камня изъ мочевого пузыря), чувствуетъ себя слабо; ему предстоитъ вторичная операція. Связанное съ нимъ дѣло о кассѣ взаимопомощи статистиковъ (у него взятъ уставъ и списокъ нижгородскаго отдѣленія кассы, а также уставъ всей статистической организаціи) закончилось пустяками: В. Поповъ, И. Цветковъ, А. Фортановъ, И. Леноритъ, А. Кайраловъ, А. роукий и Ладжикиновъ получили по 2 недѣли ареста. **БѢЛОСТОКЪ.** 22 авг. возлѣ тюрьмы ар. Мейеръ Целевичъ, по обвиненію въ попыткѣ перебросить черезъ сѣню прокламацію С. Р. — 4-го сен. на квартирѣ Исаака Кагана ар. М. Ляшницъ, Л. Пинесъ. По слухамъ, найдены прокламаціи группы «Борьба» и какіе то адреса заграницу. За тюремные безпорядки высланы изъ Гродно и перевезены въ Слонимскую и Бѣльскую тюрьмы: Илья Шнейерсонъ, Х. Валикъ, Ч. Рабиновичъ, М. Готштейнъ, Э. Раппопортъ, А. Кисиль, М. Сакъ и А. Храболовскій. 28 авг. ар. 15 чел. на «массовкѣ»; присуждены на мѣсяць ареста при полиціи. **ВНТБЕВСКЪ.** 18 апр. ар.: бывший студ. моск. ун-в. Степанъ Михайловичъ Бипенко по смоленскому с. р. дѣлу. Теперь находитъ въ Сычевскѣ смоленской губ. Въ янв. арестованъ Л. Безносонъ (раб.); обвиняли въ распространіи крест. проклам. Просидѣлъ 6 мѣсяцевъ, освобожденъ. Въ юль снова арестованъ на кружкѣ.

Бѣжалъ вторично изъ Архангелогородскаго резервнаго батальона полит. ссыльный Насимовичъ, благополучно прибылъ заграницу. Изъ Сибири бѣжали и благополучно прибыли заграницу тов. Гомеля и Марія Осиповна Сыцанко.

По другимъ дѣламъ сидятъ: Розенбергъ (интеллигентъ), Поляковъ (телеграфистъ), Чекановъ (телеграф.), Кашеничъ (телеграф.), Сикетко (раб.), Эпельбаумъ (контрбандистъ), Рабиновъ (раб.), Порть (раб.), Рейдаль (инт.), Перестенскій (раб.), Бетя Коганъ (инт.), Рахмилъ (псевд. раб. слес.), Копель (раб.), Гурвичъ (раб.), Шуманъ (заготовщикъ), Шпринникъ (инт.), Шоръ (раб.), Либеръ (раб.). **ПЕРМЬ.** — Въ нашей тюрьмѣ въ настоящее время сидятъ: Писаревъ, Грибодовъ, Изѣйковъ, Хаустовъ, Зеленинъ, Ваппиъ, Сыромодотовъ, Огарковъ, Кузнецовъ, Мичаловъ, Селезневъ (рабочіе), Фроловъ (землемѣр. уч.), Спиридоновъ, Сыромятинскій, Лебелетъ, Посковъ. — вышущи: Рогожниковъ, Гарденинъ, Григорьевъ, Николаевскій.

ТОВАРИЩИ, ОТКАЗЫВАЙТЕСЯ ОТЪ ПОКАЗАНИЙ!!

ОТЧЕТЪ ЗАГРАНИЧНАГО КОМИТЕТА П. С.-Р.

Августъ 1904 г.

(Во Франкѣ). Остатокъ отъ юля — 1490.63, математикъ — 100, идеалистъ — 28.90, С. — 38.75, теща — 61.50, сочувствующій — 8.60, съ консула — 18.45, А. — 3.70, старый пріятель — 66.25, «Все таки» — 1250, группа помощи П. С. Р. въ Лондонѣ — 150, Скифъ — 86, остатокъ съ вѣчера по поводу 15 юля — 3, возвр. долгъ — 150 Володя — 200, Капа — 5, близкій — 100, возвр. долгъ — 265, Платоникъ — 71.60, на издание сборника Нар. Воля — 50, не журналистъ — 245.50, Шолъ — 184.50, съ бала въ Г. — 110 70, Верн. долгъ съ бала — 55, съ вечеринки — 15 10 и 5, получено — 30, членскіе взносы — 77.50. Черезъ Центральн. Комитетъ — 4000. За литературу: Льежъ — 10, Брюссель — 20 и 5, Бернъ (съ 1 юля) — 41.75, подписчики — 12.20, Ег. — 20, Румель — 39, Ло анна — 10, Женева — 29.50, Кнба — 1000. Итого — 10058 15.

Расходъ — 8842.50. На сентябрь остается въ кассѣ — 1215.95.

ОТЧЕТЪ КАССЫ ОДЕССКАГО КОМИТЕТА П. С. Р.

За августъ 1904 г.

Приходъ (въ рубляхъ) — остатокъ отъ юля 25, отъ Николаевцевъ 18, за литературу 3 р. 35 коп. Отъ Я. А. О. 5 «Я. А. О. 18». «Нейдгарта» 3. Съ предпріятія 8. Отъ Благородной Ученицы 5. Внось 10. Отъ рабочаго 50 коп. «Комитетской» 45, черезъ Мужика 6. Предпріятіе 188, р. 20 коп. Заимообразно 40. Итого 375.05.

Расходъ: (въ руб.) Типографія 74, Раб. Орг. 38, помощь тов. 26, помощь провинціальной группѣ 18, уплата долговъ 76, конспиративные расходы 40.60, разъѣзды и друг. расходы 10.25. Итого 342,85. Остается на сент. 32.20.

ОТЧЕТЪ МОСКОВСКАГО КОМИТЕТА П. С.-Р.

За июль и июль 1904 года.

Приходъ: (въ рубляхъ) — 338.00. Расходъ: типографскіе расходы — 57.63, почтовые — 26.50, за литературу — 40.00, судимымъ товарищамъ — 123.00, разъѣзды — 17.00, конспиративные расходы — 49.05. Итого — 313.20.

Осталось въ кассѣ — 24.80.

За отчетное время Комитетомъ изданы были прокламаціи: Къ обществу — 1250 экз. (изъ нихъ 600 экз. разослано по городской почтѣ), Казнь Плєве (къ интеллигенціи) — 2000, Казнь Плєве (къ рабочимъ и крестьянамъ) — 2400, Казнь Плєве (въ видѣ маленькихъ билетиковъ) — 3760, перенесена прокламація отъ Боевой Организаци: «Ко всѣмъ русскимъ гражданамъ» — 2533. Комитетомъ распространена еще прокламація Центральнаго Комитета: «Новое преступленіе царскаго правительства» 500 экз. (часть среди солдатъ, отпавляющихся на Дальній Востокъ).

Отчетъ Киевской Группы Соціалистовъ-Революціонеровъ за май и июль. Получено заимообразно 100 руб. Расходъ: конспиративное дѣло — 20 руб.; нелегальнымъ: — 10 руб., 20 руб., 42 руб.; передано Киевскому Комитету П. С.-Р. — 8 р. Итого — 100 руб.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Екатеринославъ. Ваша просьба исполняется. С. Ц. К. Посылаемъ правильно. Киевъ. Все получено. «Письмо» и пр. получено только что; удивляемся, что такіе вещи посылаются такъ неконспиративно, прохотятъ черезъ чужія руки, предварительно читаются не членами партіи и т. д., какъ это было съ посылкой, въ которой заключалось «письмо». По поводу «писемъ» напишемъ намъ подробно. Курскъ. Все получено. Все дѣлалось исправно. Саратовъ. Имѣемъ отъ васъ «Листокъ» и «Къ солдатамъ». Давно не было корреспонденцій. Пилъ и Сысойки. Выходятъ ли условленные «Р. Листки»? Сообщайте и высылайте. Ждемъ корреспонденцій. Передайте тоже сосѣднему району. Сиб. Союзу. Присылайте экз. вашихъ изданій. Сообщите, сколько вышло № № «Оглогонокъ борьбы» и содержаніе ихъ. Объ васъ узнали отъ «коккави». Все имѣемъ. Просьбы постараемся выполнить. Макс-м. Обѣ статьи получены и пойдутъ. В. К. Просьба исполняется.

Комитетамъ и группамъ партіи. Просимъ, высылая экз. прокламацій и др. изданій, не забывать упомянуть о числѣ экз., а также перечислять въ припискѣ всѣ передъ этимъ выпущенные прокламаціи (за ближайшіе мѣсяцы). Необходимо для правильной регистраціи и для проверки адресовъ.

Отъ Гг. на Р. Р. 9 фр. получены. Отъ друга 100, изъ Сибири 450, провинц. группы 10 — Ц. К. получены.

Получены и пойдутъ въ слѣд. №: Письмо Вейценфельда и Троцкаго; корр. о событіяхъ въ Саратовѣ; тюрьмѣ; корр. изъ Сибири; письма изъ тюрьмы о бойкотѣ суда (въ извлеч.); «Какъ держать себя на слѣдствіи и судѣ», зам. Вл. Муранова; корр. изъ Одессы; «Изъ Самарскихъ казармъ»; «Съ парохода»; «Правда о грузинскихъ дѣлахъ» и т. д.

Кіевъ. По сообщенію Бунда, извѣстіе нашего корреспондента объ арестѣ бундовской типографіи въ Кіевѣ лишнее всякаго основанія.

Лица не имѣющія конспиративныхъ адресовъ, могутъ обращаться изъ-за границы въ редакцію „Революціонной Россіи“ по слѣдующему адресу: Н. N. Aimsford, Esq. 11, Brunswick Square, London, W. C. England.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОССІЯ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

№ 54

30 Октября 1904 г.

СООБЩЕНИЕ.

31-го августа въ 8 час. вечера въ г. Олты, Карской губерніи, по постановленію III Центрального Комитета Армянской Революціонной Федерациі, былъ убитъ командиръ пограничной стражи полковникъ Быковъ, извѣстный герой Олтынской драмы.) Смерть была миновенная. Террористъ не розысканъ. Впечатлѣніе сильное по всему краю.*

НОВОЕ МИНИСТЕРСТВО.

15-го іюля былъ убитъ министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве и только въ концѣ августа назначенъ былъ ему преемникомъ князь Святополкъ-Мирскій. За это время, какъ, вѣроятно, помнятъ наши читатели, называли чуть ли не десятокъ разнообразныхъ кандидатовъ. Въ числѣ ихъ фигурировали и Витте, и Муравьевъ, и Оболенскій, и Клейгельсъ, и финансисты, и юристы, и палочники, и держиморды.

Достоинство и недостатки всѣхъ этихъ кандидатовъ, безъ сомнѣнія, были тщательно взвѣшены царемъ, равно какъ и «трудныя» и «запутанныя» (по признанію самихъ руководителей нашей политики) внутреннія и внѣшнія обстоятельства Россіи. Да и какъ было не задуматься, какъ не обезпечиться? Оказывается, самого Вячеслава Константиновича никогда не видѣли такимъ мрачнымъ, какъ наканунѣ смерти: онъ былъ очень доволенъ настроеніемъ Россіи и называлъ его «пестрымъ». Слѣдующій же день показалъ, что онъ все еще былъ чересъ-чуръ оптимистомъ: настроеніе Россіи оказалось далеко не «пестрымъ», когда она узнала о смерти своего тюремщика. Даже легальныя газеты вынуждены были признать, что система Плеве нигдѣ не пользовалась сочувствіемъ. Какъ было не задуматься, когда и въ обществѣ, и въ прессѣ на всѣ лады повторялось, что Россія переживаетъ критическій моментъ, отъ котораго зависитъ не только ближайшій, но и отдаленный судьбы Россіи? Какъ было не обезпечиться, когда даже по признанію Московскаго литературно-сыскаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ, конституціонная гвардія захватила не только общество, но даже проникла въ высшія бюрократическія сферы и подѣлила ихъ на партіи?

*) Читатели наши, навѣрное, помнятъ имя кап. Быкова, который, по предварительному договору съ начальникомъ турецкаго войска, перешелъ черезъ границу въ главѣ казакаго отряда и на турецкой территоріи предательски попалъ съ тылу на армянскую революціонную чету. Заранѣ рѣшившіе сражаться только съ турками, но не съ русскими, четники всѣ были перебиты безъ сопротивления; первыми пали ихъ парламентареры, въ томъ числѣ священникъ, шедшій къ казакамъ съ крестомъ въ рукахъ. Убитые были ограблены до гола, и на обожженныхъ трупахъ казаки вѣстѣ съ турками оглаживали побѣду попойкой. Фотографическій снимкомъ «облѣбителей» около тѣла «побѣжденных», выданныхъ Быковымъ за «шайку разбойниковъ», (такіе снимки представляются по начальству при докладѣ о «побѣдѣ») мы дали въ особомъ приложеніи къ одному изъ предыдущихъ №№ «Революціонной Россіи».

Ред.

15-ое іюля нарушило установившуюся рутину ежевыхъ рюкавицъ и подтягиванія. Какъ отдаленный пока громъ надвигающейся революціи, этотъ день снова поставилъ самодержавіе передъ дилеммой: пойдеши нагѣво — тронъ потеряешь, пойдеши направо — свернешь голову. И царь думалъ...

Теперь мы знаемъ его выборъ. Что же онъ судить Россіи? Что новаго извлекло самодержавіе изъ своей скудной аптечки примитивныхъ снадобій и лекарствъ для уврачеванія болѣзней, удручающихъ «дорогое отечество»? Личность кн. Святополкъ-Мирскаго не оставляетъ сомнѣній на этотъ счетъ. О, пороку князь не выдумалъ, но онъ умѣетъ «просто» разговаривать и любезно улыбаться. Его министерство есть министерство «доброты» и «любезныхъ улыбокъ», долгихъ разговоровъ и бесѣдъ «зазросто»; это — министерство косметики.

Еще не прошло 10 лѣтъ, какъ князь перемѣнилъ военную службу на гражданскую. Прослуживъ 5 лѣтъ губернаторомъ, онъ сразу попалъ въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ къ Сипягину и Плеве, и въ командиры корпуса жандармовъ. Это не мѣшало ему въ разговорахъ съ либералами не одобрять политики правительства по отношенію къ «кромолѣ», — политики, которая только распространяла кромолу при помощи административныхъ высылковъ изъ немногихъ центровъ по всему лицу русской земли. Въ 1902 году онъ совершилъ знаменитую поѣздку въ Сибирь для примиренія сосланныхъ студентовъ съ самодержавіемъ, окончившуюся такимъ позорнымъ крахомъ. Не помогли ни любезныя улыбки, ни «гуманные» разговоры. Послѣ этого онъ оказался ни къ чему не нужнымъ для Плеве, и тотъ его удалилъ, возстановивъ для него недавно упраздненное Виленское генераль-губернаторство; а на его мѣсто призвалъ отѣчественнаго пудей Виленскаго губернатора фонъ-Валя, болѣе подходившаго для режима ежевыхъ рукавицъ.

И вотъ теперь князь возвращается въ Петербургъ, но уже министромъ. Опять явился спросъ на его доброту, его гуманность, его любезныя улыбки. Къ тому же у него связи съ безпозкойной земской оппозиціей. Возвратился и уже началъ «просто» разговаривать.

О, до чего князь любезенъ! Когда выборъ царя останавливался на немъ, но еще окончательное, формальное назначеніе не было опубликовано, то князь не могъ принять корреспондента «Echo de Paris», и этимъ обстоятельствомъ любезный князь очень и очень огорченъ. Чтобы не отказать въ приѣмѣ корреспонденту, князь готовъ стать министромъ раньше своего назначенія — такъ велика его любезность. Но вотъ формальное назначеніе явилось и князь можетъ удѣлать корреспонденту нѣсколько минутъ. Князь откровененъ. Онъ далеко не съ восторгомъ принимаетъ этотъ трудный постъ. О, если бы онъ былъ физически здоровъ, онъ давно промѣнялъ бы Вилну на Ляоянгъ; но у него астма, — «и вотъ, какъ видите, я въ Петербургѣ». О, умиленные либералы! Кричите же, кричите: Да здравствуетъ астма! Шутка ли? Не будь у князя астмы, и вамъ, какъ ушей своихъ, не видѣть бы министерства любезныхъ улыбокъ. Да, князь разговариваетъ просто-совсѣмъ даже просто!

Его программа? О, она очень проста и не нова. Его программа — это манифест 26 февраля 1903 г. Князь стоит за вѣротерпимость... по съ оговоркамъ. Онъ не врагъ евреямъ, по тоже съ оговорками: вѣдь, если уравнивать евреевъ въ правахъ съ русскими, то они скоро приобретутъ слишкомъ большое значеніе. Князь стоитъ за «самую широкую свободу для земства... конечно, насколько она совместиа съ основами современнаго порядка». Безъ сомнѣнія, князь стоитъ и за столь любезную «Нов. Вр.» «разумную свободу печати въ гласности», хотя и не сказалъ этого: вѣдь она, эга разумная свобода, давно царствуетъ въ Россіи. Въ ней только для преступленія нѣтъ свободы. Это открыли еще «Моск. Вѣдом.». Только одно точное и опредѣленное слово сказалъ любезный князь: отвѣтственность министровъ при царѣ «божьей милости» была бы пустой фикціей. Этотъ урокъ давно бы пора усвоить нашимъ якобы-либеральнымъ пустомелямъ, отравляющимъ общественное сознание разными звонкими словами безъ реального содержанія.

Въ чемъ же перемѣна? Что новаго несетъ съ собою новое министерство? Вѣдь манифестъ 26 февраля былъ программой и Плеве. Вѣдь, и Плеве стоялъ и за вѣротерпимость, и за расширение земской самодѣятельности въ дѣлѣ луженія умышленниковъ, и онъ не былъ врагомъ евреямъ.

Перемѣна — реальная перемѣна — въ одномъ. Раньше правительство чувствовало себя сильнымъ — теперь оно чувствуетъ себя поколебаннымъ, свои позиціи непрочными. Раньше оно безцеремонно гнуло въ бараній рогъ всякъ противниковъ самодержавія, вплоть до самой робкой оппозиціи. Теперь ему хочется разстроить ряды своихъ враговъ, теперь оно должно привлечь симпатіи однихъ, вселить нерѣшительность въ другихъ. Оно все болѣе и болѣе боится *общаго, одновременноа, дружнаго* напора всѣхъ враждебныхъ ему элементовъ. Оно должно выгнать время. Оно должно заручиться хотя бы временной передышкой. Оно должно собраться съ духомъ, собраться съ силами. Для такого момента улыбка князя Святополка — сущій кладъ.

Мы не говоримъ, чтобы самъ Святополкъ-Мирскій хорошо понималъ лицемѣрное существо выпавшихъ на его плечи задачъ. Пусть онъ будетъ лично самымъ милымъ и добрымъ человѣкомъ, пусть онъ одаренъ и мягкостью, и благородствомъ души. Это не мѣшаетъ ему быть широкой, жалкой игрушкой, статистомъ въ комедіи, режиссеромъ которой является лицемѣрие, и антрепренеромъ — надѣленный звѣриной хитростью и злостью произволъ. Чтобы быть орудіемъ этого лицемѣрнаго произвола, не нужно самому быть жестокимъ деспотомъ или коварной лисцей. Достаточно быть слабохарактернымъ или политически недалекимъ человѣкомъ.

А эти два качества новый министръ успѣлъ уже проявить въ полной мѣрѣ. Снисходительная, вкрадчивая улыбка въ сторону либераловъ и кулакъ въ сторону революціонеровъ; таковы аксессуары этой политики. Но вѣдь, пожалуй, княжескія улыбки пробуждаютъ слишкомъ много либеральныхъ аппетитовъ? Но, чтобы этого не было, позаботятся Мещерскіе и Грингмуты, Шереметьевы и Сергіи Ходынскіе, Муравьевы и Побѣдоносцевы. И вотъ, нашъ покладистый князь вынужденъ «сыграть назадъ». Онъ, бѣдняга, проситъ представителей печати и земско-общественныхъ дѣятелей (по слухамъ, даже циркулярно) не хвалить его, ибо чрезмѣрные похвалы новому министру есть косвенное порицаніе всѣмъ остальнымъ «власть имущимъ». Эти похвалы противопоставляютъ его камарильѣ и его, пока остающимся за кулисами, духовнымъ наслѣдникамъ. Князь призываетъ къ себѣ корреспондента «Руси» и разъясняетъ ему, что его, князя, невѣрно поняли корреспонденты иностранныхъ газетъ — соединяютъ, видите ли, со словами «либерализмъ», «довѣріе къ обществу» и пр. совсѣмъ другія понятія, чуждыя «русскому духу». Въ крупныя консервативныя газеты Западной Европы сообщаются официаліи сферъ: наши уже «обезпокоены» тѣмъ, что общество и печать, перетолковывая слова министра превратно, способны «пробудить опасныя страсти», и что въ виду этого новый министръ и долженъ былъ поспѣшить съ разъясненіями, согласно которымъ онъ только снисходителенъ къ нѣкоторымъ преувеличеннымъ и чрезмѣрнымъ настроеніямъ въ обществѣ, ибо разматриваетъ ихъ, какъ психологически понятную реакцію противъ нѣкоторыхъ крайнихъ строгостей пережитаго мрачнаго — но снисходителенъ подъ тѣмъ условіемъ, что съ наступленіемъ эры «доброты», проявленія общественной нерв-

ности «должны съ каждымъ днемъ становиться все слабѣе и слабѣе».

Да, такъ вотъ оно что! Ваша цѣль — прописать обществу усыпительное лѣкарство, оставивъ суть прежней политики. Для насъ это не ново, мы это знали и раньше. Но тѣ, кто таилъ въ глубинѣ своей души разныя «безсмысленныя мечтанія», кто надѣялся на дѣйствительно «новую эру», пусть откроютъ глаза и видятъ.

Дѣло ясное: никакой дѣйствительной перемѣны не будетъ. Пора, наконецъ, понять, что у самодержавія одна политика — политика самосохраненія.

Русскій народъ растетъ и развивается и экономически, и духовно, и политически; а правительство всѣ свои силы направляетъ на то, чтобы этотъ растущій и развивающійся организмъ удержатъ въ колючкахъ самодержавія.

Вотъ вся его политическая мудрость. Мѣняется только способъ проведенія этой политики въ жизнь: то это методъ ежовыхъ рукавицъ, то «диктатуры сердца», «сердечнаго попеченія», «доброты и любезныхъ улыбокъ».

Послѣ Плеве съ его бичами и скорпіонами приходитъ Святополкъ и начинается разводитъ рацемъ: «Ахъ, мой бѣдный! Какъ ты худъ и блѣденъ! Позволь я покрою твои щеки румянами. Мой Богъ! У тебя щеки мокрыя! Ты, видно, плакалъ, мой другъ! Дай я положу немного пудры. А эти гнойныя раны, образовавшіяся подъ этими красивыми желѣзными браслетами, которые такъ къ тебѣ идутъ! Позволь, я полью ихъ розовымъ масломъ... И, поднявъ глаза къ небу, со скромной, счастливой улыбкой исполненнаго долга, добавляетъ: «добротой можно достигнуть счастливыхъ результатовъ»...

Какъ, князь, вы еще не отчаиваетесь достигнуть добротой счастливыхъ результатовъ? Вы еще надѣетесь ею одурочить русскій народъ, русское общество? И это послѣ вашего печальнаго опыта въ Сибири, когда вы такъ тщетно пытались ласковыми рѣчами вернуть посланныхъ студентовъ въ лоно самодержавія? Напрасная надежда! Русскій народъ ужъ слишкомъ насмотрѣлся и на ежовыя рукавицы и на вашу доброту. Онъ не вѣритъ ни въ сильную власть, ни въ ласковыя рѣчи, будь онѣ іезуитскими или благодушно-глупыми; онъ разувѣрился въ спасительность полицейскаго кулака и нагайки и вашей благожелательной косметики. Онъ пережилъ и диктатуру сердца Лорисъ-Меликова, и народную политику Игнатъева, и сильную власть Толстого, и законность Горемыкина, и незаконныя правила Боголюбова, и сердечное попеченіе Ванновскаго, и трижды ежовыя рукавицы Плеве. И вы все еще надѣетесь поймать его на удочку своей доброты и гуманности?

О, мудрецы! О, опытные государственные мужи, съ такимъ пренебреженіемъ смотрящіе на «непрактичныя», «утопическія» программы «красныхъ», обвиняющіе насъ въ томъ, что мы не считаемся съ реальными условіями дѣйствительности, и сами видящіе эти реальныя условія только въ Марьяхъ Петровнахъ да въ Минахъ Карловнахъ и въ группирующихся вокругъ нихъ придворныхъ «партияхъ! Разглядите ли вы когда-нибудь сквозь туманъ придворныхъ интригъ дѣйствительныя, реальныя потребности многострадальнаго русскаго народа? Поймете ли вы когда-нибудь могущественныя историческія силы, давно уже превратившія весь вашъ театръ маріонетокъ во вредный пережитокъ старины, загораживающій дорогу свободнаго развитія народа?»

Да, мы не считаемся съ вашими «реальными условіями», съ Минами Карловнами и Марьями Петровнами. Мы страстно желаемъ и страстно работаемъ надъ тѣмъ, чтобы поскорѣе приблизить тотъ желанный моментъ, когда весь вашъ ничтожный мірокъ, съ его интригами и сплетнями, съ его ежовыми рукавицами и косметикой полетитъ вверхъ тормашками.

Вы, князь, общаетесь «согласовать свои дѣйствія съ духомъ истиннаго, широкаго прогресса, по крайней мѣрѣ, поскольку онъ не будетъ въ противорѣчій съ существующимъ строемъ». Но русскому народу интересно знать, какъ вы понимаете истинный прогрессъ, и какой прогрессъ будетъ, по вашему, не истиннымъ, ложнымъ? Что, если русскій народъ усмотритъ свой истинный прогрессъ прежде всего въ уничтоженіи самодержавія? Вы будете его разстрѣливать, не такъ ли?

Вы обѣщали виленцамъ «благожелательна» прислушаться къ истиннымъ потребностямъ края. Опять истинныя! Но въ чемъ же вы ихъ видите, эти истинныя потребности? Въ поддержаніи самодержавія, не такъ ли?

Вы обѣщали «оказывать поддержку всему доброму, честному,

благородному... и ссылали и сажали в тюрьмы всех добрых, честных, благородных, желающих своему народу блага и свободы и отдающих ему свою жизнь... О, гнусная болтовня!

Нѣтъ, довольно! Намъ надѣла эта постоянная смѣна ежовыхъ рукавицъ и ласковыхъ лживыхъ словъ. Наша истинная потребность, нашъ истинный прогрессъ состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего отдѣлаться отъ всякихъ Рюриковичей, Романовыхъ, Гессенцевъ, Голштинцевъ — отъ всехъ, кто основываетъ свои права на управление нами на продолжительность грабежа. Мы сами желаемъ управлять своими дѣлами и прежде всего въ данный моментъ желаемъ сами рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ.

Вы, князь, сознаетесь, что правительство вызвало войну, не подготовившись къ ней, что военное могущество Японіи явилось для насъ «откровеніемъ». Правители наши поступили, какъ задорный мальчишка, бахвалѣвшій своей силой и не умѣющій оцѣнить силъ противника, котораго раздражаетъ своимъ вызывающимъ поведеніемъ. Мы надѣемся лучше устроиться безъ наслѣдственныхъ правителей, безъ министровъ, отѣтственности которыхъ, какъ вы признаете, является по необходимости «номинальной».

Долой же елейное министерство косметики и празднословія!

Долой самодержавіе!

Да здравствуетъ народная революція!

«НОВЫЙ КУРСЪ» И КОНСТИТУЦИОНАЛИСТЫ.

«Я въ одной изъ петербургскихъ газетъ узналъ, что мы теперь вступили въ третью по счету весну».

«Пишутъ и говорятъ о веснѣ. Почему? Потому что предвидится перемена политики и превращеніе политики консервативной... Нѣтъ, я не вѣрно выражаюсь: политики консервативной не было, надо сказать: политики антилиберальной въ политику либеральную. «Гражданинъ» № 78.

«Manchester Guardian» узналъ «изъ самаго достовѣрнаго источника», что, по докладу кн. Святополка-Мирскаго, Николай II согласился дать Россіи въ самое скорое время конституцію; а въ московскихъ «хорошо освѣдомленныхъ» общественныхъ кругахъ, напримѣръ, въ гостинной Павла Аванасьевича Фамусова, назначаютъ даже срокъ ея объявленія...

Конституція — не конституція; но что царское правительство охотно «взяло бы новый курсъ», еслибы онъ обошелся ему не болѣе, какъ въ ломаный грошъ, и если бы оно знало, какъ это одѣлать — въ этомъ ни у кого нѣтъ сомнѣній. Это ясно и изъ рѣчи новаго министра внутреннихъ дѣлъ къ своимъ чиновникамъ, которымъ онъ указывалъ на «плодотворность» искренно благожелательнаго и искренно довѣрчиваго отношенія (правительства) къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще; и изъ признаній того же министра представителю американской «Associated Press», что у него нѣтъ «опредѣленной программы», но что «въротерпимость и децентрализація» являются ея «основными принципами». Вслѣдъ за тѣмъ министръ сдѣлалъ нѣкоторые шаги, имѣющіе въ виду показать, что онъ не то, что Плеве. Лица, изъ числа имѣющихъ общественное положеніе, подвергшіеся преслѣдованію новѣйшаго Малюты Скуратова за то только, что они честно исполняли свой долгъ, частью по вызову самого правительства, — возставлены въ своихъ правахъ. Такъ, съ предсѣдателя Суджанской Управы князя П. Д. Долгорукаго снятъ запретъ общественнаго дѣятельности; сосланные члены технического сѣзда Г. Фальборгъ, Ю. Лавриновичъ и Н. Воробьевъ, тверскіе земцы В. фонъ-Дервицъ и Н. Милуковъ, литераторы Н. Анненскій и В. Чернухъ, адвокаты П. Переверзевъ и Ф. Волькенштейнъ, и, наконецъ, извѣстные дѣятели Воронежскаго сельско-хозяйственнаго комитета, Мартыновъ и Бунаковъ возвращены изъ ссылки. Газетъ «Восходъ» вновь разрѣшено выходить въ свѣтъ; девять стоковольскимъ газетамъ, ранѣе запрещеннымъ въ Финляндіи, открытъ туда доступъ, и цензурой замѣтно отпущены возжи всей вообще нашей прессы. Упорно держится

слухъ, впрочемъ, третируемый «Московскими Вѣдомостями», какъ неосновательный, что работы по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, находившіяся всецѣло въ рукахъ администраціи, предполагается перенести въ особые губернскіе комитеты съ участіемъ выборныхъ представителей отъ земства, дворянства и крестьянства.

Очевидное дѣло — банкротство «курса Плеве» признано самимъ правительствомъ, и оффиціальныя рѣшенія судьбы Россіи стоятъ на распутѣ. Было бы непростительно съ стороны людей, уставшихъ отъ самодержавія, не воспользоваться такимъ моментомъ для укрѣпленія своихъ позицій, для энергичнаго натиска на своего исконнаго врага. И прежде всего это относится къ нашимъ либераламъ. Мы, социалисты-революционеры, ждемъ спасенія *стиму*; мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что счастливое будущее будетъ завоевано не только для народа, но и *путемъ непосредственной самостоятельности* народа; а потому намъ не о чемъ — по крайней мѣрѣ въ настоящее время — вступать въ переговоры съ царскимъ правительствомъ; — все его *chassé croisé* интересуетъ насъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ интересно каждое движеніе непримиримаго врага. Не то — либералы. Они ждутъ обновленія Россіи *сверху*; они желали бы достигнуть лучшихъ политическихъ и правовыхъ порядковъ скорѣе путемъ мирной эволюціи существующихъ въ нашемъ отечествѣ государственныхъ формъ, чѣмъ посредствомъ революціоннаго потрясенія, произведеннаго вторженіемъ массы въ историческую жизнь страны. Поэтому для нихъ не только попытки непосредственнаго воздѣйствія на царское правительство, но и вступленіе съ нимъ въ нѣкоторые компромиссы — не представляетъ ничего нелогичнаго. Весь вопросъ заключается въ формахъ и предѣлахъ подобнаго воздѣйствія и въ характерѣ возможныхъ соглашеній.

Намъ могутъ, пожалуй, замѣтить, что, относясь отрицательно и къ полю дѣйствія, и къ тактикѣ либераловъ, мы теперь ставимъ праздный вопросъ. Не все-ли-де равно намъ, социалистамъ-революционерамъ, въ какія отношенія къ царскому правительству становятся либералы, разъ мы напередъ рѣшили, что весь ихъ методъ настолько нецѣлесообразенъ, что сами мы его принять не можемъ?

Но въ такой постановкѣ вопроса кроется недоразумѣніе. Наши цѣли радикально отличаются отъ общихъ цѣлей либераловъ; различіе это и качественное, и количественное; и для *того*, для *нашихъ* партийныхъ цѣлей методы либераловъ не годятся. Но вѣдь въ нашу программу входитъ, какъ одинъ изъ ея пунктовъ, *сверженіе самодержавія*, и въ сложной экономіи хода борьбы противъ этого послѣдняго совѣмъ не безразлично, какое положеніе займутъ въ ней либералы. Русскіе конституціоналисты суть люди извѣстныхъ поколѣній, люди занимающіе извѣстное положеніе; это, такъ сказать, винты и колеса въ существующемъ общественномъ и государственномъ механизмѣ Россіи и, въ качествѣ таковыхъ, могутъ или затруднить, или облегчить его ходъ. Правда, вся ихъ оппозиція легко можетъ быть вымѣнена ни во что, если самодержавіе будетъ имѣть за себя массы. Но такъ какъ революціонныя партіи Россіи взяли на себя заботу о подрывѣ самодержавнаго престижа какъ среди рабочихъ, такъ и въ крестьянствѣ и выполняютъ эту миссію успѣшно, то отъ самихъ конституціоналистовъ въ значительной мѣрѣ зависитъ — сдѣлать ли свою оппозицію дѣйствительною, или остаться на мели: если они понимаютъ зависимость своего успѣха отъ силы и степени свободы дѣйствій революціонныхъ партій — они будутъ играть замѣтную роль въ борьбѣ противъ безответственныхъ российскихъ порядковъ; если они этого не понимаютъ — они обречены исторіей на роль круглаго нуля.

Этимъ опредѣляется то положеніе, какое болѣе дальновидные и рѣшительные изъ русскихъ либераловъ стараются занять между императорскимъ правительствомъ и революционными партіями, чтобы не «остаться за штатомъ» исторіи. Они разсуждаютъ приблизительно такимъ образомъ. Само собою разумѣется, что, каково бы ни было *содержаніе* тѣхъ требованій, которыя конституціоналисты предъявляютъ колеблющемуся правительству, они должны, прежде всего, умѣть такъ себя держать, чтобы въ нихъ замѣтно было сознание собственнаго значенія, чтобы они не забывали впередъ, не спѣшили выдачей патентовъ правительственнымъ «дѣтелямъ» въ «добрыхъ намѣреніяхъ» послѣднихъ, но дали бы понять, что ихъ содѣйствіе есть вещь не безусловная и оказываемая съ извѣстной разборчивостью, — что оно зависитъ отъ соблюденія правительствомъ извѣстныхъ обязательствъ.

Но так ли поступают наши конституционалисты в разбираемом случае?

Нельзя сказать, чтобы и в общественных учреждениях, и в прессе совершенно отсутствовали голоса, удовлетворяющие указанным выше требованиям политической целесообразности. Так, предводитель дворянства Ю. А. Новосильцев, говоря, в Темниковском (Тамбовской губ.) земском собрании о рѣши министров, между прочим, сказал:

«Привѣтствуя такіе слова, намъ нельзя, однакоже, не вспомнить, что и раньше мы слышали слова довірія, обращенныя къ обществу. Но чѣмъ выразилось на дѣлѣ довіріе? Печальная участь трудовъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, еще болѣе печальная участь нѣкоторыхъ изъ ихъ членовъ, частичное упраздненіе тверскаго земства, отказъ въ утвержденіи пяти предсѣдателей губернскихъ управъ, воспрепятствованіе обще-земской организаціи въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ, систематическое неутвержденіе лицъ, служащихъ по назначенію въ земствахъ, — вотъ примѣры того довірія, которымъ дарило насъ министерство внутреннихъ дѣлъ, хотя бы въ минувшіе два года. Будемъ надеяться, что все это отошло въ прошлое безповоротню; не сомнѣваясь въ искренности словъ кн. Святополкъ-Мирскаго, будемъ надеяться, что за словами послѣдуетъ дѣло; будемъ надеяться, однимъ словомъ, что довіріе, о которомъ говоритъ министръ внутреннихъ дѣлъ, выразится въ той единственной формѣ, въ которой оно можетъ имѣть значеніе для Россіи: въ упраздненіи административнаго произвола и въ установленіи законнаго порядка при активномъ содѣйствіи общества и населенія».

Ту же ноту взяло и «Право», говоря въ своемъ 40-мъ №: «Не слѣдуетъ обольщаться надеждами: мы стоимъ лишь на порогѣ новой эпохи. Мы вступимъ въ нее, когда *отъ словъ перейдемъ къ дѣлу*» (курсивъ подлинника). Городеенское (черниговской губ.) уѣздное собраніе, разсматривая циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 15 авг., приглашающій земство къ «дружной, согласной и неустанной работѣ» по призванію семействъ нижнихъ чиновъ, сражающихся на Дальнемъ Востокѣ, между прочимъ, постановило, что для такой дѣятельности

«Необходимо громадный подъемъ духа. Къ сожалѣнію условія жизни, какъ всего нашего народа, такъ и представителей его, — довіріемъ общественнымъ обложенныхъ земскихъ дѣятелей, а также земства вообще, представляютъ чрезвычайныя препятствія, не только къ желательному подъему духа, но и къ правильному теченію земской жизни и плодотворности работы земскихъ дѣятелей. Недовѣріе, постоянно оказываемое земству устраненіемъ лучшихъ людей его отъ дѣятельности въ земствѣ, въ связи съ необезпеченностью личности русскаго гражданина вообще, — недоовѣріе, выражающееся, между прочимъ, въ установленіи предѣльности увеличенія земскихъ смѣтъ, изыятіи изъ вѣденія земства нѣкоторыхъ отраслей земского хозяйства, въ чрезмѣрной, подавляющей административной опека... искаженіе самаго понятія о земствѣ введеніемъ въ него начала сословности и назначенія гласныхъ администраціей, полное ограниченіе земскихъ собраній въ возможности высказывать свои пожеланія по вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ удовлетвореніемъ пользы и нуждъ населенія, но имѣющихъ хотя бы отдаленныя намѣки на желательныя измѣненія нѣкоторыхъ обще-государственныхъ законовъ, запрещеніе печати указывать и разъяснять всю ненормальность установившихся отношеній, — вотъ причины, которыя не только не могутъ содѣйствовать столь желанному чрезвычайному подъему духа населенія, но приводятъ къ унынію и уменьшенію энергіи лучшихъ силъ народа и его представителей въ земствѣ». (Постановленіе покрыто апплодисментами собранія).

Сумское земство выражаетъ пожеланіе, чтобы новому министру даны были силы и возможность въ ближайшемъ будущемъ «воплотить высокій принципъ довірія къ странѣ и ея органамъ управленія въ конкретныя, законодательно-опредѣленныя формы». Предсѣдатель Балашевскаго собранія С. А. Уиковскій, обрисовавъ только что пережитое время, какъ «тяжелые и мрачные дни», сказалъ:

«Много разъ, въ различныхъ случаяхъ, земскіе дѣятели возвышали свой голосъ, указывая на тяжелыя, мрачныя стороны помѣстной жизни. Въ настоящее время голосъ этотъ долженъ звучать еще сильнѣе и тверже. Въ этомъ явижу нашъ долгъ, въ этомъ есть наша главная и прямая обязанность».

Если къ этому прибавить еще двѣ-три фразы о «правомѣрности» въ государственной жизни, попадающей въ постановленія другихъ общественныхъ учреждений, то вотъ и всѣ, пока сколько нибудь опредѣленные заявленія земскихъ дѣятелей, звучація нѣкоторою твердостью и самостоятельностью. Всѣ затѣмъ остальные привѣтствія министру (и такихъ довольно много) ограничиваются голымъ заявленіемъ удовольствія земскихъ и думскихъ людей по поводу рѣшимости Святополкъ-Мирскаго оказать населенію «довѣріе» правительства. Они, такимъ образомъ, выражаютъ радость по поводу того, что волкъ, который могъ бы ихъ съѣсть, вмѣсто того благосклонно имъ улыбается. Въ лучшемъ случаѣ, такого сорта демон-

страція есть лишь поддержка самаго Святополкъ-Мирскаго, а не констатированіе собственныхъ правъ и требованій. Иными словами, это есть признаніе собственнаго безсилія и своей зависимости отъ начальственной благосклонности.

Въ прессѣ, можетъ быть, потому, что пути, которыми она связана, все такъ выходятъ за предѣлы предсѣдательскаго и губернаторскаго вѣто, слышатся ноты гораздо болѣе твердыя, чувства собственнаго достоинства и политической опредѣленности. Нарисовавъ въ самыхъ яркихъ и сильныхъ выраженіяхъ картину нашего разрома на Дальнемъ Востокѣ, «Право» спрашиваетъ устами князя С. Трубецкаго: «Кто же виноватъ въ этомъ?» И отвѣчаетъ: «Не армія и не флотъ терпѣли пораженія! То были *пораженія русской бюрократіи*». (курсивъ подлинника). «Довѣріе или недоовѣріе — середины нѣтъ», говоритъ тотъ же журналъ въ своемъ 40-мъ №; если правительство «довѣряетъ» обществу, то оно должно не только вернуться къ 60-мъ годамъ: *остановиться на 60-хъ годахъ невозможно*» (курсивъ подлинника). Необходимо идти далѣе. «Кто не знаетъ, что развитіе мѣстнаго самоуправленія невозможно до тѣхъ поръ, *пока управленіе центральное сохраняетъ бюрократическій характеръ*» (курс. нашъ). «Рус. Вѣд.» внезапно излечились отъ своего косноязычія и въ № отъ 14/27 октября пишутъ:

«Довѣріе къ обществу, такъ давно ожидаемое, уже заявлено лицомъ, поставленнымъ во главѣ вѣдомства внутреннихъ дѣлъ. Теперь необходимо, чтобы это доовѣріе изъ субъективнаго чувства отѣльнаго лица обратилось въ объективную правовую норму, обставленную настолько прочными гарантіями, чтобы отношенія правительства къ обществу не могли измѣняться въ зависимости отъ такой случайности, какъ перемѣна отѣльныхъ лицъ во главѣ управленія... Необходимо предоставленіе участія въ законодательной работѣ народнымъ представителямъ». Необходимо «прочныя гарантіи личности; общество «страдаетъ отъ неуверенности въ завтрашнемъ днѣ. Нужно, чтобы кошмаръ, который давилъ его, болѣе не повторялся».

Даже хамелеоны «Новаго Времени» сочили умѣннымъ поиграть красками своей кожи: «Если я не гражданинъ, то нѣтъ у меня отечества, думаетъ иной миллионеръ», вѣщаетъ г. Н. Меньшиковъ, «что это за странная родина, гдѣ я чужой». Чего бы не коснуться, — «это не ваше дѣло». Чье же, однако, дѣло? Если не наше, стало быть мы чужіе; стало быть гдѣ же родина, гдѣ чужбина? Этимъ суворинскій Лудушка объясняетъ тотъ фактъ, что русскіе миллионеры плохо жертвуютъ на государственныя нужды, и въ частности, на надобности войны.

Ни хамелеонамъ, ни мудрецамъ «Новаго Времени» законъ не писанъ и мы приведемъ слова апологета миллионеровъ лишь для того, чтобы показать, что «снхъ и оныхъ дѣлъ мастера» умѣютъ, когда это имъ нужно, говорить съ нашимъ правительствомъ вполне опредѣленнымъ языкомъ, безъ всякихъ «ручку пожалуйста». *) Къ сожалѣнію, этого никакъ нельзя сказать обо всѣхъ нашихъ видныхъ либералахъ. На страницахъ того же «Права», двое изъ нихъ говорятъ вещи, которыя отнюдь не могутъ служить къ украшенію «правовыхъ» столбцовъ. Та же самая статья кн. Трубецкаго, которой смѣлое и справедливое нападеніе на бюрократію мы только что цитировали, содержитъ въ себѣ слѣдующій либеральный перлъ:

«Крайнія партіи захватили въ свои руки монополію организаціи. Благодаря нашимъ законамъ о печати и дѣятельности нашей цензуры, имъ же принадлежитъ монополія слова вольнаго слова (курс. подлинника). Въ то время, какъ люди умѣренные вынуждены молчать за невозможностью высказаться въ легальныхъ органахъ печати, нелегальныя листки у насъ наводняютъ улицы и вліяніе ихъ, ничѣмъ не будучи сдержано, растетъ не по днямъ, а по часамъ. Неужели же въ этомъ заключается пѣлъ нашихъ законовъ о цензурѣ и печати! Неужели мы не видимъ вытекающую отсюда грозную опа-

*) Едва успѣли мы написать эти строки, какъ нововременскіе молодцы пустили новую фюртуру на общій мотивъ о томъ «часѣ, когда само правительство разочаровалось въ неудачной системѣ и, выяснивъ себѣ развратъ, такъ печально зарывавшій общество, рѣшило съ большой простотой, твердостью и достоинствомъ отречься отъ прежнихъ ошибокъ и призвать всѣхъ добросовѣстныхъ людей къ совѣстному исправленію нашей... дѣятельности» (Нов. Вр. отъ 18-31 окт.). Хорошо пишутъ суворинскіе добродѣтельные люди о развратѣ и добросовѣстности! — но это въ сторону: весь смакъ «Замѣтки» заключается въ томъ, что въ ней осуждаются студенческія демонстраціи — у Выборгской тюрьмы и въ Москвѣ — противъ войны, какъ «козырь» реакціи! Подъ предлогомъ формулы: когда старшія поколѣнія спустились съ привязи, то молодежь можетъ только мѣшать въ несвойственной ей области политики, сутенеры русской прессы изъ кожи вѣздутъ чтобы обезсилить, окоспить, задуть единственное средство заставить наше правительство отложить плетъ въ сторону — проявленіе народнаго недовольства, народная самостоятельность, народныхъ желаній.

сность и неужели мы когда нибудь встрѣтимъ ее такъ же, какъ были нами встрѣчены однажды японскіе миноносцы въ Портъ-Артуръ? Бюрократія и общество не должны стоять другъ противъ друга, а соединяться въ служеніи общимъ національнымъ цѣлямъ.

Японскіе миноносцы были встрѣчены полной со стороны нашихъ моряковъ безпечностью. Въмѣсто того, чтобы направить противъ нихъ пушки и потопить ихъ, ихъ, говорятъ, оклинули:... «Иванъ Ивановичъ это вы?» Либеральный кн. Трубецкой предостерегаетъ русское правительство и общество противъ подобной же ошибки относительно «крайнихъ партій». Онъ язвительно смѣется надъ императорской бюрократіей за ея полную неспособность обуздать эти партіи и предлагаетъ ей соединиться съ обществомъ для успѣшнаго противустоянія «грозной опасности».

Весьма возможно, что его либеральное сіятельство изволили временно надѣть полицейскій мундиръ лишь для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе направить Святополкъ-Мирокое на либеральную стезю. Но если даже это и такъ, это не менѣе ясно показываетъ, до какой степени нѣкоторые, даже видные наши конституціоналисты, далеки отъ пониманія той простой истины, что на конѣ, взятомъ изъ полицейскаго участка, не доведешь никуда кромѣ той же конюшни, гдѣ какой нибудь фонъ-Валъ или Зиновьевъ въ свое время ихъ выпоретъ.

Въ 41 № того же «Права» помѣщена статья И. И. Петрункевича, въ которой доказывается вѣрная мысль, что теперешняя авантюристская или «Колоніальная», какъ ее называетъ авторъ, политика, должна быть абсолютно и безповоротно оставлена, что:

«истинную и безпредѣльно важную побѣду, которую Россія несомнѣнно одержитъ, какъ бы ни кончилась ея война съ Японіей, это побѣда надъ своимъ гражданскимъ и общественнымъ бытомъ.... Такъ какъ уже теперь сѣтныя прозрѣнія и видятъ, что ему одному.... этому нравственному угнетенію человѣческой личности Россія обязана тѣми тяжелыми событіями, которыя она переживаетъ».

Все это совершенно вѣрно, и можно только пожалѣть о томъ, что и здѣсь либеральный публицистъ не могъ обойтись безъ ложки дегтя въ видѣ слѣдующаго мѣста:

«Конечно мы не можемъ предложить теперь Японіи миръ и вынуждены продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Японія не согласится положить въ основу его условій, излагаемыхъ нами, и съ точки зрѣнія нашего національнаго достоинства, и съ точки зрѣнія национальных интересовъ Россіи».

Вотъ одинъ изъ тѣхъ жернововъ, которые наши конституціоналисты добровольно и безъ всякой надобности вѣшаютъ себѣ на шею, пускаясь впасть по морю политики. Далъ ли авторъ себѣ отчетъ въ томъ, отъ чьего лица онъ говоритъ о «національномъ достоинствѣ» и «національных интересахъ» Россіи. Вѣдь «Россія» заключаетъ въ себѣ нѣсколько національностей. Неужели же полякъ или финляндецъ, или армянинъ, или грузинъ, создающіе себя таковыми, согласятся признать интересы «Россіи», т. е. Россійскаго государства, да еще *теперешняго* — самодержавнаго, хищнаго, милитарно-чиновничьяго — интересами своей національности? Еще того менѣе могутъ негосподствующія національности Россіи отождествить собственное *достоинство* съ «нашимъ», т. е. достоинствомъ національности господствующей. Такъ что если великорусскіе конституціоналисты дѣйствительно думаютъ, что «мы не можемъ предложить теперь Японіи миръ и вынуждены продолжать войну», такъ какъ иначе пострадаетъ «наше» національное достоинство, то тѣмъ самымъ они противуполагаютъ себя всѣмъ родственнымъ имъ по свободолобію элементамъ всѣхъ остальныхъ національностей Россіи. Этого мало. Они противуполагаютъ себя многимъ подобнымъ же элементамъ въ предѣлахъ *собственной*, великорусской національности. И социалисты-революционеры, и социалъдемократы, отрицая самое право на существованіе теперешняго, такъ называемаго, русскаго правительства, — отрицаая всѣхъ дѣлъ его, какъ *антинациональных*, — тѣмъ самымъ складываютъ съ себя всякую отвѣтственность за настоящую войну, требуютъ ея немедленнаго прекращенія, видятъ «достоинство нации» отнюдь не въ продолженіи безсмысленныхъ и страшныхъ по размѣрамъ жертвъ для того только, чтобы упрямо настоять на политической и нравственной ошибкѣ, да еще ошибкѣ, слѣдланной не націй, а узурпаторами власти надъ ней; совершенно наоборотъ, для этихъ элементовъ немедленное прекращеніе такого неестественнаго, безнравственнаго и безсмысленнаго положенія дѣлъ есть первѣйшая обязанность національной чести, а всякое промедленіе въ выполненіи этой обязанности служить къ стыду нации, ибо показываетъ либо слабость ея этическихъ ин-

стинктовъ, либо слабость ея воли, либо ея политическое неумѣніе.

Надо отмѣтить, что лѣвое крыло нашихъ либераловъ, представляемое «Освобожденіемъ», послѣ многихъ шатаній и колебаній, начинаетъ, наконецъ, выходить на болѣе правильную дорожку. Еще въ своихъ раннихъ №№ этотъ органъ конституировалъ устами «Гласнаго Т.», что либералы обязаны своимъ выгоднымъ политическимъ положеніемъ настоящаго времени дѣятельности революціонныхъ партій. Съ тѣхъ поръ редакція журнала не разъ напоминала представителямъ либеральнаго политическаго недомыслия, что заявленіе передъ самодержавнымъ правительствомъ своего отрицательнаго отношенія къ революціоннымъ теченіямъ есть со стороны русскіихъ конституціоналистовъ политическое самоубійство. Правильное отношеніе той же газеты къ восточной войнѣ нашло въ ея 57 № свое крайнее выраженіе: безсмысленная бойня должна быть остановлена во что бы то ни стало, и если всѣ остальные средства окажутся для этого недостаточными, — «идите хотя бы тяжелымъ путемъ революціи». Къ представителямъ «новаго курса» «Освобожденіе» обращается (№ 57) съ такимъ заявленіемъ: «мы не можемъ уже давать въ кредитъ, потому что мы сами лишимся кредита, если позволимъ себѣ это»; поэтому оно требуетъ «фактовъ» въ смыслѣ немедленной «замѣны самодержавія прямо демократіей, безъ какихъ бы то ни было переходныхъ убогодичныхъ формъ».

Все это вполне трезво и разумно, и этому можно только радоваться; ибо только при такомъ отношеніи конституціоналистовъ къ современной русской дѣятельности получатся дѣйствительное участіе этой оппозиціонной фракціи въ томъ «общемъ натискѣ на общаго врага, который можетъ ускорить паденіе самодержавія». Неглупо и то, что «освобожденные» надумались, наконецъ, обратиться за поддержкой «къ широкимъ слоямъ населенія», — выпустили свою первую прокламацію, рассчитанную на массоваго читателя; это, съ точки зрѣнія либеральныхъ интересовъ, хорошо, ибо показываетъ и пониманіе, гдѣ коренится дѣйствительная сила каждой политической партіи, и попытку серьезнаго дѣйствія.

Но вотъ что нехорошо: что въ этой самой прокламаціи утверждается, во первыхъ, будто «русскій царь не зналъ и не думалъ о томъ, что, захвативъ Мандчурію, онъ вредитъ трудолюбивому японскому народу», и, во вторыхъ, что когда будетъ въ Россіи конституція, «всякій сможетъ получить высшее образованіе, освободиться отъ всякой тѣсноты... и заживетъ въ довольствѣ». Русскій царь отлично понималъ, что онъ дѣлалъ, занимая Мандчурію; — настолько хорошо, что когда, накануне разрыва съ Японіей, одинъ изъ великихъ князей замѣтилъ, что можетъ разразиться война, то Николай отвѣтилъ: «Это мое дѣло. Японія никогда не *рѣшится начать войну*». (См. статью высокопоставленнаго русскаго чиновника — «The Tsar» — въ июльскомъ томъ Quarterly Review стр. 191). Итакъ онъ «не думалъ» лишь о томъ, что поплатится за свои дѣлишки, но прекрасно «зналъ», кому «вредить». Непонятно, зачѣмъ понадобилось представлять въ этомъ случаѣ царя невиннымъ агнцемъ. Зачѣмъ поставлено второе утвержденіе, ясно, какъ божій день, но отъ этого выдача розовыхъ басенъ за истину ни мало не выигрываетъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, авторы прокламаціи и редакція «Освоб.», безусловно одобрявая ее, вѣрятъ тому, что при конституціи *слѣдѣ* сможетъ получить всѣ тѣ блага, которыя перечислены выше? Неужели въ Англіи, Бельгіи, въ Германіи совсѣмъ нѣтъ людей — цѣлыхъ группъ — чувствующихъ какую бы то ни было «тѣсноту» и живущихъ отнюдь не въ довольствѣ? Или въ Россіи при общаеомъ выкупѣ земли жить будетъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ тѣхъ странахъ? Но если и такъ, то развѣ «всякій» будетъ, все таки, имѣть средства для обученія въ теченіе 12 лѣтъ, чтобы достигнуть высшаго образованія?... И къ чему было выдумывать невозможныя прелести конституціи, когда *дѣйствительныя* ея блага — политическая и гражданская свобода, контроль надъ финансами страны и демократическое законодательство — совершенно достаточны для ея оправданія и возбужденія охоты ее добыть?

Суммируя все сказанное ранѣе, приходится въ голову и еще одинъ интересный вопросъ: насколько «освобожденные» представляютъ собою дѣйствительно «земскую» оппозицію? Мы видѣли, какъ сильно развито положеніе, занятое «Освобожденіемъ» относительно улыбокъ Святополка-Мирскаго отъ общаго тона большинства земскихъ и думскихъ ему «привѣтствій». Спрашивается: сможетъ ли крайняя лѣвая переродить

большинство наших земцев, воспитанных чиновничьим кулаком и получивших свое политическое образование в полицейских участках? И если Святополк-Мирский помажет им губы медом так же искусно, как он это сдѣлалъ съ польскими угодовцами, то не станетъ ли внутренняя рознь въ настроенияхъ между правой и лѣвой либеральнаго лагеря еще глубже? Что сдѣлаетъ тогда крайняя лѣвая конституционалистовъ, уже теперь выражающая гласно нѣкоторыя симпатіи къ революціи и даже (не безъ обычныхъ огороховъ «трезвенныхъ» людей) — къ социализму? На эти вопросы отвѣтитъ намъ недалекое будущее.

ПО ПОВОДУ МОБИЛИЗАЦІИ.

«Высшія власти отлично сознаютъ, насколько гибельна можетъ быть для нихъ гроза въ огромныхъ массахъ крестьянства. На верху понимаютъ, что, пока не взволновалась глубина народного моря, бюрократически-самодержавному бронеосцу долго еще не будутъ страшны и самые громадные валы, вздымающіеся на поверхности. Недаромъ въ эпоху террористической борьбы однимъ изъ средствъ укрѣпить шатающійся тронъ была выдвинута «мужицкая» политика гр. Игнатъева. И во время весеннихъ манифестацій 1901 г. приходилось слышать изъ сановныхъ устъ: «Бѣда, если теперь еще деревня зашевелится. Тогда не справиться!»

С. Нечетный, «У земли», В. Р. Р. № 2.

Еще задолго до полтавско-харьковскихъ полненій, когда самая мысль о возможности въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ массоваго крестьянскаго возстанія, охватывающаго цѣлыя губерніи, могла быть сочтена химерой, нелѣпой фантазіей какой нибудь горячей головы, — пионеры социальпо-революционной пропаганды въ деревнѣ отмѣчали уже въ народной средѣ теченія въ эту сторону. Эти люди, жившіе и работавшіе «у земли», чутко прислушивались къ біенію пульса народной жизни, и, въ тогдашней атмосферѣ скептицизма, невѣрія въ революціонную восприимчивость крестьянства, смѣло и убѣжденно утверждали, что пора распроститься съ идейнымъ наслѣдіемъ старыхъ революціонныхъ неудачъ въ деревнѣ, пора пойти рѣшительными и твердыми шагами навстрѣчу новымъ восходамъ на народной нивѣ. Они утверждали, что работа въ деревнѣ будетъ носить характеръ не вскапыванья только почвы, на которой посѣетъ жатва лишь для отдаленныхъ поколѣній; нѣтъ, цѣлью нашей деревенской работы можетъ быть смѣло поставлено привлеченіе крестьянскихъ массъ къ активному участію въ надвигающейся революціи.

Крестьянству — говорили эти пионеры социально-революционной работы въ деревнѣ — «не чужда мысль-надежда на скорый и коренной переворотъ въ политическихъ и социальныхъ отношеніяхъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ даже назначаются различные сроки для этого переворота: 3 года, 7 лѣтъ и т. д. *) Какъ представляютъ себѣ крестьяне этотъ переворотъ? Для массы онъ является въ туманной формѣ «чернаго передѣла», когда всѣ частныя и казенныя земли отойдутъ крестьянамъ. Средствомъ переворота представляется порою поголовное народное возстаніе...»

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ вопросѣ объ активномъ участіи крестьянства въ революціонной борьбѣ намъ приходится особенно внимательно прислушиваться къ думамъ и чувствамъ, къ мнѣніямъ и голосу самого крестьянства. Часто этотъ голосъ есть *голосъ жизни*. И вотъ что писалъ объ идеяхъ, ходящихъ въ крестьянской массѣ, тотъ же авторъ:

«Мысль о всеобщемъ возстаніи порою, невидимому, серьезно занимаетъ крестьянскіе умы. По крайней мѣрѣ, не разъ приходилось слышать подробное обсужденіе шансовъ на его успѣхъ. Какъ на возможные кадры крестьянской арміи во время этого общаго возстанія, указывали на сборы ратниковъ ополченцевъ, да и вообще солдатъ, рисуется далеко не въ успокоительномъ свѣтѣ... Люди, близко присматривающіеся къ современному крестьянству, увѣряютъ, что стихійный взрывъ крестьянскаго движенія представляется отнюдь не невозможнымъ въ настоящее время. Слишкомъ много недовольства, горя и нужды накопилось въ деревнѣ...»**)

Въ свое время даже многимъ социалистамъ-революционерамъ эти утвержденія, конечно, могли казаться слишкомъ смѣлыми и рискованными. Какъ ни жадно, какъ ни страстно желалъ каждый изъ нашихъ товарищей, чтобы произошло наконецъ обѣтованное пробужденіе деревни къ активной массовой борьбѣ, но именно интенсивность и глубина этого желанія дѣлала нестерпимой мысль о возможности новыхъ разочарованій, настаивала иногда преувеличенно-осторожно, преувеличенно-«трезвенно».

Но прошло нѣсколько времени — и «возможность въ настоящее время стихійнаго взрыва крестьянскаго движенія» перешла въ дѣйствительность. Жизнь облекла ее въ плоть и кровь. По собственной инициативѣ, при слабомъ, сравнительно, участіи революціонной пропаганды, вспыхнувшее въ одномъ пунктѣ Полтавской губерніи, движеніе стало быстро расходиться концентрическими кругами во всѣ стороны, охватило цѣлый рядъ уѣздовъ двухъ губерній и донеслось, въ видѣ слабѣющихъ постепенно отголосковъ, до многихъ другихъ, даже отдаленныхъ мѣстностей. И къ этому же, приблизительному, времени созрѣло стремленіе политически организовать активнѣйшіе элементы деревни: было положено основаніе Крестьянскому Союзу П. С. Р., была, наконецъ, окончательно разработана, утверждена и переслана за границу для напечатанія его программа-манифестъ: «Во всемъ работникамъ революціоннаго социализма въ Россіи».

Въ этомъ программномъ воззваніи своемъ «Крестьянскій Союзъ» также стремился считаться съ мнѣніями самихъ же крестьянъ относительно способовъ вовлеченія крестьянскихъ массъ въ общую борьбу, относительно исходнаго пункта, относительно наиболѣе удобнаго *приступа* ихъ къ этой активной борьбѣ. И, въ качествѣ такихъ переходныхъ мѣръ къ возстаніямъ, частичнымъ или общеннымъ, программа Союза указывала формулировку крестьянскими словами своихъ насущныхъ политическихъ и экономическихъ требованій, а, съ другой стороны, *отказъ* отъ уплаты податей и *войскаго повинности* до тѣхъ поръ, пока эти требованія не будутъ удовлетворены. И здѣсь, слѣдовательно, моменту *своей рекрутцы, заласки или ополченцевъ* отводилось такое же видное мѣсто, какое онъ занималъ въ тѣхъ думкахъ и разсужденіяхъ передоваго крестьянства, о которыхъ мы читали въ статьѣ тов. Нечетнаго. Не нужно думать, что основатели Крестьянскаго Союза стремились при этомъ во что бы то ни стало преувеличивать, приукрашивать дѣйствительность и рисовать черезчуръ розовыя перспективы. Нѣтъ, они прекрасно понимали, что практическому дѣятелю приходится ничего не предпрѣщать, не впадать въ безпочвенныя пророчества, разсчитывать на всѣ возможности, и даже быть готовымъ къ самому худшему исходу. «Даже вполне допуская — говорили они — что въ ближайшемъ будущемъ невозможно будетъ поднять на такую борьбу большинство крестьянскаго населенія, мы придаемъ, однако, громадное значеніе тому, чтобы это произошло въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Россіи въ тотъ уже не очень отдаленный моментъ, когда интеллигенція и пролетаріатъ начнутъ рѣшительный общій штурмъ противъ самодержавія. Въ такой рѣшительный моментъ даже и не большое, но дружное движеніе хотя-бы части крестьянъ, при соучастіи нейтралитетѣ остальныхъ, будетъ имѣть огромное и моральное, и матеріальное значеніе: самодержавію придется сдаться въ тотъ моментъ, когда войска потребуются одновременно и для городовъ, и для деревень, когда, какъ можно надѣяться, и сами войска установятъ службу самовластью противъ народа...»

Революционеры не высжиживаютъ въ четырехъ стѣнахъ кабинета тѣхъ средствъ и методовъ борьбы, которыми они пользуются или разсчитываютъ воспользоваться въ будущемъ. Эти средства — не вымучены ими изъ головы, «не высосаны изъ пальца», какъ говорятъ нѣмцы. Они почерпнуты въ реальныхъ условіяхъ жизни, въ томъ опытѣ борьбы, который возникъ путемъ самозарожденія въ нѣдрахъ дѣйствительной жизни рабочихъ массъ.

Этотъ стихійно возникшій опытъ даетъ намъ живыя модели движенія какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, въ апогее его развитія. Въ деревнѣ такой крайней, высшей точкой движенія можетъ быть массовое возстаніе крестьянъ, фактически прекращающее дѣйствія установленныхъ властей, устанавливающее господство непосредственной воли самыхъ трудовыхъ крестьянскихъ массъ: эти массы диктаторски распоряжаются всѣмъ, берутъ и передѣляютъ помѣщичьи земли, выселяютъ помѣщиковъ изъ ихъ усадьбъ, конфискуютъ

*) Писано въ ноябрѣ 1901 года.

**) «У земли», стр. 66-67 курсивъ нашъ.

хлѣбные запасы, т. е. дѣлаютъ военныя реквизиціи у своихъ враговъ,—и все это не какъ голодные собаки, рвущія другъ у друга кости, а какъ организованная «громада», желающая уладить все «по справедливости», «въ порядкѣ», черезъ особъ своихъ довѣренныхъ, уполномоченныхъ. Такъ всегда поступало крестьянство, не только въ Полтавской и Харьковской губ., но и хотя бы во Франціи во время Великой революціи или въ Германіи въ 1848 г. Какъ только общій революціонный напоръ приводилъ государственный, правительственный механизмъ въ состояніе дезорганизованности и разстройства, такъ тотчасъ крестьянство пользовалось этимъ моментомъ для прямого, непосредственнаго *захвата* необходимыхъ ему имущественныхъ правъ. И когда на мѣсто разрушеннаго политическаго режима вставалъ новый, то въ области аграрныхъ отношеній передъ нимъ уже оказывался fait accompli, совершившійся, законченный фактъ. Съ нимъ нужно было считаться, его приходилось санкціонировать — или объявлять войну всему сермяжному мужицкому морю. «Что съ возу упало, то пропало» — приходилось, скрѣпя сердце, сказать диржирующимъ общественнымъ группамъ, примириться съ невозвратными утратами и отыскивать обходныхъ путей, для того, чтобы вознаградить себя за потери.

Полтавское и Харьковское движеніе, такимъ образомъ, является типомъ и для будущихъ сознательныхъ аграрныхъ движеній, конечно, съ двумя существенными оговорками: 1) это движеніе въ цѣломъ *иниціировало* центральный правительственный механизмъ, отчасти рассчитывая на его нейтрализовать — можетъ быть, благожелательный нейтралитетъ — въ борьбѣ крестьянства съ крупными землевладѣльцами; будущее движеніе должно понять, что самодержавіе есть лишь особая форма владычества имущихъ классовъ — именно *диктаторская форма* ихъ владычества; и потому, новое движеніе должно добиваться не только *земли*, но и *воли*, требовать политической свободы, какъ необходимаго условія своихъ завоеваній въ области имущественныхъ отношеній; и 2) это движеніе не достаточно выяснило себѣ, что такое тотъ передѣлъ помѣщичьихъ земель, къ которому оно приступило: есть ли это раздѣлъ «навѣчно», т. е. въ частную собственность, или же это лишь временное регулированіе *пользованія* земель, какъ общимъ достояніемъ всѣхъ трудящихся. Будущее движеніе должно усвоить себѣ совершенно опредѣленную тенденцію — конечно, не въ сторону *индивидуализма*, а въ сторону *социализма* земельной собственности.

Стихійно возникшій опытъ борьбы далъ намъ и для *города* типъ, образецъ, модель движенія въ апогеѣ его развитія. Мы говоримъ про всеобщія стачки на Кавказѣ, въ Одессѣ, Кіевѣ, Николаевѣ и Екатеринославѣ; — всеобщія стачки, приоткрывшія функционированіе основныхъ хозяйственныхъ артерій страны — желѣзныхъ дорогъ, трамваевъ, пароходовъ, телеграфа, телефона, почты — и тѣмъ надолго парализовавшія правительственный механизмъ во многихъ изъ областей стачкою мѣстности. Эти обобщенныя или «всеобщія» стачки, сопровождаемыя демонстраціями, отдавали во власть рабочихъ — правда, пока лишь на нѣсколько дней, такіе города, какъ, напримеръ, Баку. Правда, и здѣсь, въ городѣ, говоря о данномъ типѣ движенія, какъ о модели будущихъ, болѣе обширныхъ и сознательныхъ движеній, приходится сдѣлать соответствующія оговорки. И здѣсь не было, во первыхъ, достаточно выяснена повсюду политическая сторона дѣла; и здѣсь самыя экономическія требованія часто предъявлялись отдѣльными группами, какъ ихъ профессиональныя и мѣстныя требованія, къ отдѣльнымъ конкретнымъ хозяевамъ, а не облекались въ общія, политически-осознанныя и въ видѣ общихъ нормъ формулированныя *требованія класса*.

И если мы захотимъ въ сколько нибудь конкретной формѣ представить себѣ будущую русскую революцію, воплотить въ жизненные образы посѣпшія въ нашемъ умѣ идеалы этой революціи, — то мы можемъ только объединить въ одно согласованное цѣлое тѣ отдѣльные элементы, которые даетъ жизнь: широко разлитое аграрное движеніе во имя земли и воли и не менѣе широко разлитое городское движеніе въ формѣ всеобщихъ стачекъ и демонстрацій, съ тѣми конкретными цѣлями и по тому высшему типу, которые очерчены выше; и наконецъ, борьбу острыми, террористическими средствами боевыхъ группъ, вносящихъ разстройство и дезорганизацию въ тотъ боевой механизмъ имущихъ классовъ, который направленъ противъ насъ и который называется государственнымъ строемъ.

Но съ высоты идеала революціоннаго движенія пора спуститься на землю, пора перейти на твердую почву дѣйствительности. Насколько большее — или насколько малое приближеніе къ этому идеалу будетъ для насъ практически возможно въ тотъ ближайшій періодъ, который мы можемъ обозрѣть, не теряясь въ гаданьяхъ на слишкомъ отдаленное и туманное будущее — въ отвѣтъ на этотъ вопросъ «разные дѣписатели различно повѣствуютъ», или, лучше сказать, разные пророки различно прорицаютъ. Но какъ крайнія по оптимизму, такъ и крайнія по скептицизму прорицанія являются болѣе дѣломъ темперамента, чѣмъ твердыхъ данныхъ. Въ эту область, область, гдѣ господствуетъ и законодательствуетъ полнѣйшій субъективизмъ — мы не станемъ углубляться. Несомнѣнно одно: мы не располагаемъ въ настоящее время никакими средствами двинуть массы на борьбу по всей линіи тогда, когда того захотимъ; мы сами должны приспособляться къ стихійно вспыхивающимъ движеніямъ этихъ массъ; наши силы, сколько бы среди нихъ ни находилось организованныхъ рабочихъ и крестьянъ, являются все таки *революционными меньшинствомъ*. Инициативность и организованность этого меньшинства, конечно, придають ему большую силу, компенсируя до извѣстной степени недостатокъ численности. Еще болѣе имѣетъ значенія тотъ фактъ, что это инициативное меньшинство само есть плоть отъ плоти, кость отъ костей народныхъ, рабочихъ массъ. Это меньшинство яснѣе формулируетъ, послѣдовательнѣе и полнѣе выражаетъ тѣ чувства, тѣ нужды, потребности и стремленія, которыя бродятъ въ болѣе смутномъ и недодуманномъ видѣ въ массахъ; и хотя сами массы въ низахъ своихъ еще не могутъ «вмѣстить» всю полноту и послѣдовательность социалистической программы, однако, въ носителяхъ ея онѣ все болѣе и болѣе привываютъ видѣть своихъ передовыхъ бойцовъ, лучшихъ представителей и выразителей своихъ собственныхъ интересовъ. И это обстоятельство открываетъ для революціоннаго меньшинства — у насъ, какъ и вездѣ — возможность *овладѣть* стихійно возникающимъ движеніемъ, вносить въ него сознательность и опредѣленность, задавать ему тонъ, направлять въ должную сторону, накладывать на него свою печать. И надо помнить, что стихійный элементъ во всѣхъ революціяхъ игралъ огромную роль, что ни одна революція не совершалась сплошь сознательными массами, и что революціи принимаютъ ту или другую окраску въ зависимости отъ того, на чью долю выпадаетъ, по милости желѣзной логики исторіи, руководящая роль въ борьбѣ, — какая сила является тѣмъ фокусомъ, въ которомъ, подобно лучамъ, концентрируются самыя наболевшія и назрѣвшія историческія потребности самыхъ широкихъ массъ. И понимающее это революціонное меньшинство не должно питать никакихъ иллюзій относительно причинъ своего значенія и своей силы. Оно должно внимательно приглядываться къ жизни, улавливать бьющійся пульсъ ея, предугадывать и спѣшить навстрѣчу тѣмъ глубокимъ подводнымъ теченіямъ народной жизни, которыя собираются пробиться наружу, проявиться во вѣдѣ болѣе или менѣе сильнымъ волненіемъ. И насколько мы будемъ въ этомъ отношеніи прудомотрѣтельны — настолько мы избѣгнемъ участи тѣхъ несчастныхъ евангельскихъ дѣвъ, у которыхъ не оказалось масла въ свѣтильникахъ, когда — яко тать въ нощи — пришелъ давно жданный женихъ...

Но активность, рѣшительность этого революціоннаго меньшинства часто парализуется той выжидательной тактикой, которая чертѣдо усвоивается благодаря странному, метафизическому взгляду на самую сущность задачъ революціонной стратегіи. Именно, иногда предполагается, что мы должны только «конить силы» и тщательно избѣгать всякихъ столкновѣній съ врагомъ до самой «послѣдней» минуты, когда, дѣйствительно, «пробьетъ часъ» настоящей революціи, возстанія, окончательнаго штурма враждебныхъ позицій.

Это точка зрѣнія метафизическая, ибо, на первыхъ, нѣтъ того астролога, который счумѣлъ бы предсказать время наступленія этой «послѣдней минуты», этого «рѣшительнаго часа». Сколько разъ самыя осторожныя, казалось бы, расчеты терѣли полное крушеніе и безжалостная жизнь вскрывала подъ ихъ видимой оболочкой разсудительности безпочвенныя иллюзіи; и обратно — сколько разъ стремительный потокъ жизни обгонялъ и оставлялъ далеко за собой самыя смѣлыя, казалось бы, мечты и построенія... Психологія массъ еще до настоящаго времени темна и загадочна; и если много разъ самыя умѣренныя надежды на массовое движеніе въ силу какихъ то неумовимыхъ психологическихъ моментовъ терпѣ-

ли крушеніе, то за то человекъ, который незадолго до полтавско-харьковскихъ волнений или южныхъ всеобщихъ стачекъ вздумалъ бы предсказать ихъ наступленіе, былъ бы сочтенъ сумасшедшимъ фантазеромъ.

Съ другой стороны, во вторыхъ, метафизиченъ критикуемый нами взглядъ еще и потому, что странно было бы думать, будто вдругъ окажется вполнѣ способенъ произвести побѣдоносное возстаніе народъ, который до самаго «послѣдняго» момента, втеченіи всего времени до возстанія, совершенно воздерживался отъ всякой непосредственной борьбы. Какъ индивидуумъ «копнуть» силы, только упражняя свои мускулы, а не оставляя ихъ въ бездѣйствіи, такъ и партія только въ пропесѣ, въ практикѣ борьбы вырабатываетъ и накапливаетъ тѣ дѣйствительно боевыя силы, которыя могутъ съ успѣхомъ разрѣшить стратегическую задачу побѣдоноснаго возстанія. Революція есть не съ неба сваливающийся моментъ, а лишь вершина, лишь высшая точка цѣлаго процесса непосредственной борьбы, которая въ своемъ прогрессивномъ расширеніи и обостреніи создаетъ, наконецъ, данныя для окончательнаго штурма. Правда, — «не за каждымъ всплескомъ моря кормчій трепетно слѣдитъ; все рѣшитъ послѣдній, грозный — все девятый валъ рѣшитъ». Но — не менѣе вѣрно говорить поэтъ — «по чтобъ валъ пришелъ девятый, валъ послѣдній, роковой, — нужны первыя усилія, нуженъ первый валъ, второй...»

При этомъ надо замѣтить, что мы не всегда вольны въ выборѣ момента для начала болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Этотъ выборъ можетъ быть намъ навязанъ поведеніемъ нашихъ противниковъ; онъ можетъ быть навязанъ критическимъ положеніемъ, острою надвинувшихся событий; онъ можетъ быть навязанъ подземнымъ гуломъ въ глубинахъ народной жизни, предвѣщающимъ взрывъ стиснутыхъ вулканическихъ силъ. Обстоятельства могутъ требовать отъ насъ рѣшительнаго вмѣшательства въ ходъ событий въ такое время, когда — не будь этихъ обстоятельствъ — мы, можетъ быть, предпочли бы еще переждать, стянуть больше силъ, лучше и крѣпче сьорганизоваться. И какъ ни резонны мотивы этого послѣдняго желанія — нельзя забывать, что время не ждетъ, что въ острые политическіе моменты приходится организоваться не *передъ* приступомъ къ борьбѣ, а въ процессѣ самой борьбы и на самой этой борьбѣ, — что рѣшительное время создаетъ и рѣшительныхъ людей...

Необходимость болѣе активныхъ дѣйствій рѣзко и отчетливо выступаетъ уже при общемъ взглядѣ на ходъ мобилизаціи. Посмотрите, на самомъ дѣлѣ, сколько скопляется горячаго, легко воспламеняющагося матеріала, какъ осторожно приходится обращаться съ нимъ властямъ, какъ учащаются бурныя вспышки! Пересмотрите серію корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ, сосредоточенныхъ нами въ этомъ №: вы убѣдитесь, что всѣ онѣ рисуютъ настроеніе запасныхъ одними и тѣми же чертами. «Послѣдніе дни среди запасныхъ сплошное пьянство» — пишутъ изъ одного мѣста «пушечное мясо» водкой заливаемае свое горе. На дняхъ передъ отправкой изъ казармъ обезумѣвшіе отъ отчаянія солдаты стали бить стекла въ казармахъ и выбрасывать на улицу свои сундуки и другіе пожитки... Стоялъ гулъ отъ криковъ, рыданій, звоновъ стекла, пьяныхъ воплей... Изъ другихъ мѣстъ — тѣ же самые отзывы. «Многіе изъ подлежащихъ призыву прямо заявляли — не пойдёмъ! Все равно: что хотятъ, пусть и дѣлаютъ съ нами, хотъ казнятъ. Лучше здѣсь умереть, чѣмъ идти на войну». «Запасныхъ забираютъ ночью, а не днемъ, — боятся бунта». «Погляди кругомъ, одно слово — порохъ». «Кому охота идти туда? Онъ никого не боится, потому что смерть — такъ смерть». «Настроеніе таково, что можетъ развиться форменный бунтъ въ любой моментъ». «На бойню ведутъ, на зарѣзъ — такъ съ нами теперь не шути: намъ все одно, лучше ужъ на дѣйшней бойнѣ прирѣжьте, все таки на своей землѣ» говорятъ въ другомъ мѣстѣ запасные. «На бойню, на разстрѣлъ, съ голоду околѣвать везутъ... что, ребята, смотрѣть, все одно» говорятъ въ третьемъ мѣстѣ и берутъ начальство «на ура». Въ четвертомъ, крестьяне громко заявляютъ, что не пойдутъ на войну — раздаютъ громкіе крики: «долой царя! долой кровопийцу!» Изъ пятого мѣста: «почти никто не является на сборные пункты; земскіе начальники въ сопровожденіи полиціи ѣздятъ по деревнямъ и ловятъ запасныхъ», и т. д., и т. д.

Отчаяніе, злоба, вспышки слѣплого чувства безпредметной ненависти, готовой обрушиться на первый попавшійся поводъ — вотъ настроеніе низовъ этой толпы запасныхъ, ихъ родни, ихъ близкихъ. Листки, попадаая въ эту среду, идутъ

на расхватъ, такъ что во многихъ мѣстахъ комитеты среди этой толпы распространяютъ не только спеціальныя обращенія къ запаснымъ, но сюда же ухлопываютъ главную массу другихъ, болѣе общихъ прокламаций. Попытки устроить демонстраціи при продажахъ запасныхъ пока, къ сожалѣнію, одиноки. А между тѣмъ, предоставляютъ самимъ себѣ такіа движенія крайне опасно. Лишенные революціоннаго руководства, лишенные направляющаго политическаго вліянія, эти движенія почти неминуемо вырождаются. И вотъ, въ лучшемъ случаѣ дѣло ограничивается тѣмъ, что съ тоски и отчаянія запасные топчутъ горе въ винѣ, разбиваютъ казенныя винныя лавки и гонятъ отъ себя съ побоями полицію и начальство. Въ худшемъ же случаѣ подоспѣваетъ другая закулисная направляющая рука и указываетъ движенію разбухшей толпы торную дорожку антиеврейскихъ погромовъ.

Послѣднее, конечно, неудивительно. Мы знаемъ, что заграницей правительство первое время пыталось бунты запасныхъ, выдать за еврейскіе погромы. Расчетъ понятенъ и вѣренъ. Болѣе всего невыгодно правительству, чтобы за границей знали о томъ, что масса народу не хочетъ идти на войну и бунтуетъ, когда ее туда насильно гонятъ. Чѣмъ больше будутъ распространяться объ этомъ вѣсти, тѣмъ больше поколеблется и моральный престижъ, и матеріальный кредитъ правительства. Кто же будетъ ссужать деньгами на военныя цѣли такое правительство, которое уже и теперь должно брать и отправлять на войну своихъ защитниковъ, какъ арестантовъ, подъ стражей? Развѣ это — сколько пибудь вѣрное помѣщеніе денегъ? Долго ли продержится такое правительство? — вотъ тревожные вопросы, которые заставляютъ задуматься европейскія биржи. Но вѣдь деньги, кредитъ — это «нervъ войны», безъ него — бѣда, гибель! А между тѣмъ, посмотрите, насколько выгоденъ для правительства другой оборотъ дѣла. Представьте себѣ, что мрачное отчаяніе и злоба запасныхъ находятъ себѣ другой выходъ, находятъ отводный каналъ, и вмѣсто властей направляются на вѣчнаго козла отпущенія — евреевъ. Не говоря о прочемъ, это выгодно правительству еще и потому, что даетъ ему возможность представить все дѣло въ весьма приличномъ свѣтѣ передъ Европой. Все-де обстоитъ благополучно, подданные русскаго царя пылаютъ преданностью и патриотизмомъ; но такъ какъ евреи не хотятъ идти на войну, бѣгутъ, бунтуютъ, ведутъ себя, какъ внутренніе японцы, какъ измѣнники, то, естественно, охваченные негодованіемъ, истинно-русскіе люди, простые, вѣрные и преданные монарху, расправляются съ ними своими, народнымъ судомъ...

Уже въ Екатеринославѣ, гдѣ впервые разразились безпорядки запасныхъ, было замѣтно, что полиція и власти заранѣе были охвачены безпокойствомъ. Они боялись крупныхъ осложнений и, не надѣясь совершенно предупредить волненіе, занялись главнымъ образомъ мыслью, какъ бы его хотя бы локализовать, ограничить возможно болѣе узкими рамками. И мысль о томъ, чтобы запасные удовлетворились, сорвавъ свою злобу на нѣсколькихъ еврейскихъ лавкахъ, — ихъ вѣдь не жалею — такъ властно охватила умы администраціи и полиціи, что они стали съ самымъ неприличнымъ усердіемъ работать въ этомъ смыслѣ. Дѣло дошло до того, что мѣстная рабочая организація П. С. Р. сочла себя вынужденной въ особой прокламации «призвать къ порядку» провокаторовъ въ полицейскіи мундирахъ и пригрозить имъ кровавой отвѣтственностью передъ революціонерами. Но если полиціи не удалось направить движеніе всецѣло на тотъ путь, на который ей хотѣлось, то, со своей стороны, не удалось и революціоннымъ организаціямъ овладѣть этимъ движеніемъ и встать въ его главѣ. Движеніе разразилось безпорядочнымъ взрывомъ; понадало и еврейскимъ лавкамъ, и русскимъ магазинамъ, и повернувшимся въ недобрую минуту партикулярнымъ людямъ въ хорошей одеждѣ, и полицейскимъ мундирамъ. А затѣмъ пошли, по примѣру Екатеринослава, безпорядки въ Одессѣ, Богуславѣ, Кауевѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Самарѣ, Рязани, Москвѣ... Мѣстами приходилось вступать войскамъ, мѣстами раздавались выстрѣлы, падали убитые, лилась кровь... Въ двухъ-трехъ городахъ движеніе по преимуществу пріобрѣло антиеврейскій оттѣнокъ; кое-гдѣ оно сохранило безпредметно-слѣпой характеръ, направляясь главнымъ образомъ на разгромъ казенныхъ винныхъ лавокъ, чтобы безпредѣленно «завить горе веревочкой»; въ другихъ мѣстахъ оно приняло характеръ явнаго протеста противъ мясниковъ, ведущихъ запасныхъ на бойню, и сопровождалось криками «долой убійцъ! долой самодержавіе!»

Нетрудно видѣть, что это — только начало стихійныхъ движеній, которые могутъ пойти crescendo. Врядъ ли пройдетъ безъ нихъ обычный годичный рекрутскій наборъ; возможно, что не обойдется безъ нихъ и сборъ податей. Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ мѣстахъ крестьянскія семьи лишились своихъ кормильцевъ, лишились лучшихъ рабочихъ рукъ, лишились, въ ихъ лицѣ, и подсобныхъ заработковъ, и возможности обработать арендную землю, безъ которой, на собственномъ скудномъ надѣлѣ, не проживешь. Есть мѣстности, въ которыхъ крестьяне, по недостатку рабочихъ рукъ, не смогли своевременно убрать хлѣбъ съ собственныхъ полей. А между тѣмъ врядъ ли правительству окажется возможнымъ отнестись снисходительно къ недобору податей; въ виду военныхъ надобностей, деньги особенно нужны. Прибавьте еще къ этому въ рядѣ мѣстъ плохой урожай — хлѣба можетъ не хватить до ноября — и весной уже все это можетъ отразиться въ деревнѣ новымъ броженіемъ, новыми смутами. Прибавьте къ этому застой въ промышленности, благодаря которому сокращается производство, часть рабочихъ получаетъ разсчетъ, нѣкоторыя фабрики совсѣмъ закрываются, число безработныхъ растетъ, растетъ глухое, пока еще скрытое, но способное разразиться грозой недовольство...

Но всякое стихійное движеніе, въ которомъ отсутствуетъ цѣлесообразное вмѣшательство, направляющее вліяніе революціоннаго меньшинства, — всякое такое движеніе неизбежно вырождается въ эксцессы безформенной «толпы», которая подъ вліяніемъ стаднаго чувства, пойдетъ за любымъ случайнымъ «героемъ», вожакомъ, будь то безшабашная головушка, которой все равно, на чемъ ни сорвать свое сердце, или какой-нибудь фанатикъ, который съ сосредоточенной злобой пойдетъ травить гдѣ «жидовъ», гдѣ армянина или перса, гдѣ сектанта, а гдѣ и просто всѣхъ, одѣтыхъ въ приличное платье, «по городскому». Нечего и говорить, какое тяжелое, угнетающее впечатлѣніе производятъ такіе бессмысленныя всплески массовой заразы, и какой минусъ для революціоннаго движенія онѣ представляютъ собою. Еще всѣмъ вѣроятно памятно, до какой степени парализовала революціонную энергію потрясающая вѣсть о Кишиневскомъ погромѣ, до какой степени — особенно первое время — переишло всѣ карты это свалившееся, какъ снѣгъ на голову, событіе; многимъ памятно, вѣроятно, и то разочарованіе въ деревнѣ, которое вызвано было трагическими перепетіями антихолоерныхъ безпорядковъ. Мы не можемъ, мы не должны допускать, чтобы, благодаря недостатку активности съ нашей стороны, массовое недовольство вырождалось въ бессмысленные взрывы слѣпой стихіи, не разбирающей друга отъ врага; и возможность возникновенія массовыхъ движеній путемъ естественнаго самозарожденія должна заставить насъ особенно тѣсно и крѣпко сорганизоваться, сплотиться, консолидировать свои силы, чтобы овладѣть этими движеніями, чтобы вмѣшаться въ ходъ стремительно развертывающихся событий не отдѣльными, разрозненными мѣстными кучками, дѣйствующими безъ общаго плана, а единой арміей, движеніе каждой части которой строго согласовано, координировано съ движеніями всѣхъ другихъ частей.

Съ этой организаціей, которая должна быть нераздѣльна съ активнымъ вмѣшательствомъ въ стихійныя движенія массы, для которыхъ теперь создается особенно благоприятная атмосфера и почва, приходится тѣмъ болѣе спѣшить, что событія не ждутъ. Мы должны помнить и то, что въ революціонномъ отношеніи Россія далеко не однородна, что въ составъ ея входятъ мѣстности, — преимущественно окраинныя, — которые представляютъ собою гораздо болѣе горючій матеріалъ. За примѣрами идти недалеко. Возьмемъ хотя бы Кавказъ, котораго пока еще не касалась мобилизація. Возможно, что правительство и отодвигаетъ его очередь потому, что плохо надѣется на спокойный и благополучный ходъ мобилизаціи. Но когда очередь дойдетъ до него, то гарантированы ли мы отъ событий, далеко выходящихъ за рамки мелкихъ, разрозненныхъ безпорядковъ и бунтовъ? Но есть и другія окраины, гдѣ тоже настроеніе является крайне обостреннымъ, какъ хотя бы Польша. Мы не должны забывать, что революціонныя партіи этихъ земель наши естественные союзники, вспомогательные корпуса русской революціи. Мы не можемъ допустить, чтобы они одни оказались вынужденными стать лицомъ къ лицу съ силами русскаго правительства; не можемъ, во первыхъ, потому, что въ такомъ случаѣ оно получитъ счастливую возможность бить насъ по одиночкѣ; и, во вторыхъ, потому, что оно получитъ не менѣе счастливую для себя воз-

можность извратить весь характеръ борьбы, представивъ его, не какъ борьбу рабочихъ массъ съ паразитическими общественными слоями, сплотившимися вокругъ самодержавія, а какъ войну «поляковъ» или «армянъ» противъ всей «Россіи». И вотъ почему такъ важно теперь, именно теперь напряженіе всѣхъ нашихъ силъ въ соотвѣтственно-организованной формѣ, для активнаго, смѣлаго, рѣшительнаго вмѣшательства въ событія, подобныя только что разыгравшимся волненіямъ запасныхъ. И развѣ такого рода вмѣшательство — безпочвенная мечта, фантазія? Не забудемъ, что хотя бы напризмѣ въ Одессѣ у всѣхъ революціонныхъ организацій, вмѣстѣ взятыхъ, насчиталось бы такое количество организованныхъ рабочихъ, что ихъ одновременная «мобилизація», произведенная во время правительственной «мобилизаціи» запасныхъ, могла бы вписать одну изъ самыхъ свѣтлыхъ и яркихъ страницъ въ лѣтопись текущихъ политическихъ событий...

До сихъ поръ движенія города, деревни, студенчества, рабочихъ, боевыхъ авангардныхъ дружинъ и болѣе широкихъ массъ многое теряли отъ того, что происходили неодновременно, обособленно, отдѣльными, не связанными между собой порывами. Бывали различны ихъ поводы, ихъ ближайшіе лозунги, ихъ формы проявленія. Современная военная авантюра правительства, не устранивъ этого разнообразія, создаетъ однако общую почву для единовременнаго напряженія разнообразныхъ видовъ энергіи, могущихъ быть направленными противъ современнаго режима. И всѣ условія переживаемаго момента такъ форсируютъ наше активное вмѣшательство, что — мы въ это глубоко вѣримъ — наши товарищи, работающіе на мѣстахъ, не останутся глухи къ голосу жизни, поймутъ всю сложность и запутанность современнаго положенія, поймутъ всю отвѣтственность, лежащую на ихъ плечахъ, и, поставивъ всѣ точки надъ всѣми і, которыхъ намъ здѣсь пришлось коснуться лишь бѣгло, полунамеками — не замедлятъ сомкнутыми рядами врѣзаться въ водоворотъ надвигающихся событий, готовые ко всѣмъ измѣнчивостямъ революціоннаго счастья, вѣря въ конечную побѣду, хотя и не ожидая ее отъ первыхъ же революціонныхъ натисковъ. И все же эти первые натиски, эти авангардные атаки необходимы — это первые валы, идущіе цѣлой чередой, ведя за собою все новые и новые, все болѣе и болѣе сильныя, —

Пусть они пока отбьются,

Пусть они отражены,

Ждите, братья, ждите съ вѣрой

Побѣждающей волны!

В. Н. ФИГНЕРЪ.

Спѣшимъ подѣлиться съ читателями «Рев. Рос.» полученными нами извѣстіями о недавно выпущенной изъ Шлиссельбургскаго «каменнаго мѣшка» Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ, имя которой такъ дорого и близко, такъ свято для каждого изъ революціонеровъ*). 29 сентября ужасный «каменный мѣшокъ» еще разъ открылся, выпуская одну изъ немногихъ оставшихся въ немъ въ живыхъ жертвъ, и В. Н. перевезли въ крѣпость, гдѣ дали ей свиданіе со всѣми родственниками, а 17 октября она была уже въ Архангельской тюрьмѣ. Прощаніе съ товарищами и послѣдній годъ одиночества привели ее въ ужасное состояніе. Она плохо ориентирована во внѣшнемъ мірѣ; когда ей пришлось пройти черезъ мостки, она присела, чтобы ее проводили, такъ какъ вода и мостки сливались въ ея глазахъ; въ новомъ помѣщеніи она ходила съ распростертыми руками, и каждый звукъ, звонокъ приводилъ ее въ страшное нервное состояніе. На просьбу о товарищахъ ей отвѣтили, что кромѣ ея выпустятъ Василія Иванова и Ашенбреннера; а когда она очень просила за Попова, указывая на то, что онъ не террористъ и сидитъ 26 лѣтъ, и на Морозова, то ей повторили, что выпустятъ только тѣхъ, за которыхъ въ продолженіи многихъ лѣтъ хлопотали. По словамъ Вѣры Николаевны, она самая здоровая изъ всѣхъ, а между тѣмъ у нея цинга, ревматизмъ и нервное разстройство. Морозовъ такъ худъ, что похожъ на голодающаго индуса; Лопатинъ совершенно облысѣлъ: онъ полтора года просидѣлъ въ одиночкѣ, требуя, чтобы Карповича перевели на общее положеніе. Очень хворялъ: товарищи уговаривали его выйти, но онъ не

*) Въ этомъ же № мы печатаемъ отрывокъ изъ воспоминаній Н. К. Михайловскаго, который съ такимъ чувствомъ говоритъ объ обязательной личности Вѣры Николаевны, объ этомъ суживительномъ чело-
вѣкѣ.

отвѣчалъ на стукъ, не подавая признаковъ жизни, и только въ тотъ день, когда Карповичъ присоединился къ нимъ, онъ торжественно вышелъ. Но эти полтора года очень повлияли на его здоровье. 11 июля у нихъ былъ въ крѣпости митрополитъ, посѣтившій В. Н. также и въ Петропавловскѣ. Онъ сдѣлалъ такое наблюденіе, что между срочными и безсрочными узниками по вѣнѣности большая разница, и когда заключенные присмотрѣлись, то сами увидѣли, что срочные выглядятъ гораздо здоровѣе, а у тѣхъ омертвѣлое лицо, ввалившіеся глаза. Событія послѣдняго времени для нихъ были совершенно неизвѣстны. О Гершуни и Мельниковѣ и объ убійствѣ Плева она узнала только на свиданіи; объ убійствѣ же Сипягина случайно изъ вырѣзки газеты, какимъ-то образомъ попавшей къ нимъ. Назначеніе Плева привело всѣхъ въ ужасъ, такъ какъ всѣхъ ихъ онъ хорошо зналъ. Много принесли имъ съ воли Карповичъ, который, какъ говоритъ В. Н., пришелъ въ крѣпость сіяющій, раскланялся, пришелъ будто на прогулку. Онъ же имъ разсказалъ про судьбу Дегаева, а то у нихъ были свѣдѣнія, что онъ не то убитъ, не то умеръ. Разсказывала В. Н. про жизнь въ крѣпости, про товарищей*). Изъ всѣхъ ихъ одинъ Лопатинъ оказался совершенно неспособенъ къ мастерству и весь ушелъ въ науку, и даже переплетать не хочетъ, а главное, совсѣмъ не способенъ. Новорусскій оказался замѣчательнымъ часовщикомъ, поправляетъ часы и граммофоны совершенно испорченные. Сергѣй Ивановъ прекрасный садовникъ; у него есть парники, въ которыхъ выращиваютъ разные овощи и вкусныя дыни. Обыкновенно, когда поспѣвала дыня, ее приносили В. Н., она дѣлила ее на части и разносила по камерамъ (всѣ въ это время бывали на прогулкѣ или въ мастерской). Ей преподносили букеты изъ розъ, разводить которыхъ былъ мастеръ Василій Ивановъ. Антоновъ работаетъ выѣстъ съ Карповичемъ, и они очень дружны. Когда она прощалась съ товарищами, ей говорили рѣчи, приподносили подарки самодѣльнаго производства, и между прочимъ, сказали, что она была самымъ хорошимъ товарищемъ, и ей это доставило самое большое удовольствіе. О днѣ ея отправки никто не знаетъ, и никто не провожалъ въ Петербургъ, родные же оберегали ее отъ всякихъ волненій, и она сама

*) Напомнимъ читателю, что въ Шлиссельбургѣ остаются еще, кромѣ Ашенбреннера и Василія Иванова, — Поповъ, Морозовъ, Фроленко, Лукашевичъ, Новорусскій, Антоновъ, Лопатинъ, Сергѣй Ивановъ, Стародворскій и Карповичъ. Находявшійся раньше въ Петербургѣ О. Качура, какъ намъ сообщаютъ, теперь окончательно переведенъ въ заведеніе для душевно-больныхъ. Такимъ образомъ, предположеніе о его ненормальности во время суда видимо подтверждается. Что касается Г. А. Гершуни, то надо думать, что онъ содержится въ Шлиссельбургѣ изолированно.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.)*

І. ВѢРА ФИГНЕРЪ.

Дѣло было, не помню въ которомъ году, незадолго до коронаціи Александра III. Правительство было въ большомъ смущеніи, оно ожидало какого нибудь сюрприза въ моментъ коронаціи и вообще опасалось новыхъ террористическихъ предпріятій. Дѣйствительно, хотя не знаю, дѣйствовало ли, но во всякомъ случаѣ было образовано тайное противо-революционное общество, состоявшее подъ покровительствомъ Императрицы Маріи (это послѣднее мнѣ подтвердилъ председатель цензурнаго комитета Ведровъ, при объясненіи Шедринскаго «Общества проломленныхъ головъ»). Складывались и другія тайныя общества съ той же цѣлью. Однажды ко мнѣ явился Н. съ слѣдующимъ сообщеніемъ. Онъ хлопоталъ о газетѣ, которую намѣревался издавать, и не знаю, какимъ образомъ, добрался съ этою цѣлью до Воронцова-Дашкова. Тотъ сказалъ ему, что это можно устроить, можно устроить и гораздо больше. Государь настроенъ наилучшимъ, наиблагосклоннѣйшимъ образомъ, онъ готовъ дать Россіи конституцію, но надо, чтобы прежде прекратились дѣйствія террористовъ, потому что не можетъ же правительство выступить

*) Эти отрывки изъ воспоминаній покойнаго Н. К. доставлены намъ сыномъ его, молодымъ талантливымъ натуралистомъ Маркомъ Ник. Михайловскимъ — ненадолго пережившимъ отпа и недавно скончавшимся послѣ долгой болѣзни... Теперь уже не можетъ составлять тайны, что перу Михайловскаго принадлежатъ рядъ статей въ «Нар. Волѣ» и др. револ. изданій. Большинство ихъ помѣщено въ приложеніи къ брошюрѣ Ю. Гарденина «Памяти Н. К. Михайловскаго».

просила, чтобы ей не устраивали никакихъ манифестацій, такъ какъ она боится, чтобы это не повлияло на судьбу оставшихся въ Шлиссельбургѣ товарищей. При выходѣ изъ крѣпости, ей вернули переводы и конспекты, которые она дѣлала; всѣ же воспоминанія были сожжены, такъ какъ ей не позволили «выносить на волю никакихъ воспоминаній». Она написала еще романъ изъ періода хожденія въ народъ — въ противовѣсъ «Нови». — Но этотъ романъ отобранъ въ департаментъ полиціи.

17 числа В. Н. привезли съ парохода въ канцелярію архангельскаго губернатора, гдѣ продержали до 12 час. и потомъ торжественно, въ присутствіи помощника полиціймейстера и жандармскаго полковника, перевезли въ тюрьму. Въ рукахъ В. Н. былъ засохшій букетъ, который ей преподнесли на прощанье Василій Ивановъ и съ которымъ она не разставалась всю дорогу. Ворота Архангельской тюрьмы широко раскрылись, и В. Н. опять въ каменномъ мѣшкѣ. Колонія архангельскихъ ссыльныхъ узнала объ этомъ поздно, и часамъ къ шести около тюрьмы собралась группа ссыльныхъ; у многихъ на глазахъ были слезы... Не хотѣлось уходить отъ этихъ стѣнъ, гдѣ скрывался человѣкъ такой близкій, родной... Назначили ее въ самый отдаленный уѣздъ Печерскаго края, гдѣ нѣтъ ни врача, ни одного политическаго на разстояніи 50 верстъ. Еще въ Петербургѣ ей сказали, что ее изолируютъ отъ всѣхъ, боясь ея вліянія и побѣга за границу, на что она отвѣтила: «я слишкомъ люблю родину, чтобы стать эмигранткой»...

Сестра ея послала телеграмму въ Петербургъ къ брату (пѣвцу), чтобы онъ хлопоталъ о болѣе пригодномъ для нея мѣстѣ ссылки, но отвѣта пока еще нѣтъ. Сопровождали ее изъ Петербурга полковникъ охраннаго отдѣленія, долго служившій въ крѣпости смотрителемъ и знавшій ее въ лицо, и два жандарма. Сейчасъ ей даютъ ежедневныя свиданія съ сестрой и продолжительную прогулку. В. Н. просила передать всѣмъ смыльнымъ, что очень жаль, что ее изолируютъ отъ нихъ, и что ей хотѣлось бы быть ихъ товарищемъ.

Горачій привѣтъ тебѣ, безконечно дорогой товарищ! Нѣтъ словъ, слишкомъ жалокъ и бѣденъ языкъ, — чтобы выразить тѣ чувства, съ которыми обращены на тебя взоры всѣхъ революціонеровъ, вѣрныхъ лучшимъ завѣтамъ прошлой борьбы. Твой образъ всегда будетъ стоять передъ ними, какъ великій примѣръ стойкости и преданности великому дѣлу революціоннаго социализма, — стойкости и преданности, которыми и теперь, какъ прежде, внушаютъ твоимъ врагамъ злобный страхъ, смѣшанный съ невольнымъ почтеніемъ, и заставляютъ ихъ замѣнить для тебя десятилѣтія жизни въ каменныхъ мѣшкахъ Шлиссельбурга одинокимъ заключеніемъ въ убійственной тундрѣ забытаго богомъ и людьми края...

на либеральный путь подъ угрозою. «Вотъ — сказалъ онъ — примите на себя трудъ переговоровъ съ революціонерами и если коронація пройдетъ благополучно, сможете разсчитывать не только на газету, но и на многое другое. Если хотите — прибавилъ онъ — я вамъ устрою свиданіе съ государемъ, и онъ самъ вамъ скажетъ это». Въ подтвержденіе Н. показалъ мнѣ одну-двѣ записки Воронцова-Дашкова незначительнаго содержанія — приглашеніе пожаловать къ нему тогда-то и тогда-то. Н. сообщилъ, что въ дѣлѣ этомъ принимаетъ участіе Шуваловъ, не помню, который по имени, но знаю, что онъ былъ тогда личнымъ другомъ государя. Знаю также, что этотъ Шуваловъ занимался одно время химіей и затѣмъ былъ психическимъ болѣнъ, о чемъ я слышалъ отъ его учителя химіи Г. и психіатра Т., которымъ Шуваловъ самъ разсказывалъ о ниже-слѣдующей исторіи. Н., у котораго было мало связей въ революціонной партіи, предложилъ мнѣ дѣйствовать выѣстъ. Я знаю, что партія была въ это время въ упадкѣ, — кто арестованъ, кто казненъ и только Вѣра Филиппова (Фигнеръ) была изъ крупныхъ дѣятелей на свободѣ, скрываясь въ Харьковѣ. Ожидать чего нибудь на коронаціи и безъ того нельзя было, правительство этого не знало, а у страха глаза велики. Поэтому согласиться на предложеніе было лестно. Но я все-таки сначала посоветовалась съ К., съ которымъ былъ тогда очень близокъ, а Н. не особенно довѣрять. Съ К. происходили въ это время тоже какія-то заигрыванія, и мы рѣшили, что принять предложеніе слѣдуетъ, но держать ухо востро. Я поѣхалъ въ Харьковъ къ Вѣрѣ, а Н. — за границу, въ Парижъ. Онъ вернулся съ очень страннымъ результатомъ, никого не нашелъ, а не вдовѣ и совсѣмъ переселился

ВОЙНА.

Результаты и отголоски войны. Какъ известно, современники знаменитаго приказа Куропаткина мы вступили въ «новый фазисъ» войны. Еще прежде, чѣмъ раздался хотя-бы одинъ выстрѣлъ, свидѣтельствующій о дѣйствительномъ наступленіи манджурской арміи, наша реакціонная пресса, съ «Московскими Вѣдомостями» во главѣ, возвѣстила намъ о новомъ «курсѣ» въ дѣлахъ на Дальнемъ Востокѣ и заранѣе привѣтствовала должествующія послѣдовать за симъ побѣды... наши, конечно, а не японцевъ. Одинъ изъ московскихъ проповѣдниковъ, священникъ Аванасій, вдохновенно пророчилъ передъ собравшимися въ церковь православными: «Во время благоприятное Я услышалъ тебя и въ день спасенія помогу тебѣ... *Вотъ теперь время благоприятное, вотъ теперь день спасенія!*» А не менѣе вдохновенный, чѣмъ его преподобіе, поэтъ «Моск. Вѣд.», прочитавъ Куропаткинскій приказъ, восклицалъ въ порывѣ патріотическаго энтузіазма:

«И прочъ унеслись роковыя сомнѣнія!...
Наконецъ, и за нами чередъ
Развернуться по собственной волѣ!
Съ Богомъ, соколы наши, впередъ —
Отступать не приходится болѣ!»

Увы! Суровая дѣйствительность, или точнѣе, не менѣе суровые японцы скоро показали, что господа русскіе патріоты немножко рано начали дѣлать шкуру медвѣдя. Нѣсколько дней кровопролитной Мукденской битвы должны были убѣдить ихъ, что «день спасенія» еще не насталъ для насъ... очевидно, потому, что мы еще не научились ходить «путями Господними», какъ объясняетъ намъ верлѣвчивый московскій «батьюшка». Другого мнѣнія держится на этотъ счетъ болѣе практичные — и въ качествѣ таковыхъ индифферентные къ религіи — господа «новременцы». Они скажутъ вамъ, что суть дѣла не въ «путяхъ Господнихъ», а въ путяхъ земныхъ, да не только просто земныхъ, а главнымъ образомъ въ желѣзнодорожныхъ, почему и надо поспѣшить какъ можно скорѣй съ постройкой 2-го желѣзнодорожнаго Сибирскаго пути (читатель знаетъ, что на подготовительныя работы по нему предположено ассигновать 10 милліоновъ рублей); надо, кроме того, завалить верфи и заводы германскіе и французскіе своими заказами, надо купить намъ портъ какой нибудь, напр., у Голландскаго правительства, которое «вѣроятно, уступило бы намъ подходящее мѣсто за извѣстную сумму», и много другого надо намъ сдѣлать, по мнѣнію г. г. новременцевъ, для успѣшнаго продолженія нами войны и не менѣе успѣшнаго окончанія ея въ отдаленномъ будущемъ. И надо все это, видите-ли, потому, что «нынѣ дѣло идетъ о са-

момъ бытіи нашемъ, какъ великой державы» и рѣшаются такіе важные вопросы, какъ: «останемся-ли мы въ нашихъ морскихъ границахъ совершать наши міровыя задачи?» и «сохранится-ли обаяніе нашего военнаго могущества?» Немного странно только, почему же это мы раньше то не подумали, что намъ предстоитъ рѣшить на Дальнемъ Востокѣ такіе серьезные вопросы, потому что несомнѣнно, если-бы мы подумали объ этомъ раньше, то рѣшали бы ихъ хоть немного лучше, чѣмъ это происходитъ въ дѣйствительности. И «Новое Время», скрѣпя сердце, соглашается съ нами, что да, дѣйствительно, мы не подумали, что «не было съ самаго начала ясной программы и что лишь постепенно открывались глава за главою, какое напряженіе должна вынести Россія». Ай-ай, какими же «мы» легкомысленными оказались — вотъ уже вполнѣ по-русски; не спросая броду, сунулись въ воду. О нѣтъ, нѣтъ! Только не надо самообичеваній, горячо восклицаютъ новременцы, не надо унынія, сомнѣній! Не надо! Довольно! Мы должны быть энергичны, бодры, полны вѣры въ «правоту своего дѣла», ну и, конечно, имѣть деньги, потому что, вы понимаете, какой же умный человекъ ведетъ нынѣ дѣла безъ денегъ... Гдѣ ихъ достать? О, это очень легко! «Полмиллиардный заемъ будетъ дешевле нѣсколькихъ милліардовъ англо-японской контрибуціи». Наконецъ, поймите же, что «тамъ творится нами великое народное дѣла, что тамъ рѣшаются *внутреннія* (курсивъ нашъ) судьбы родины», и можно ли въ такомъ случаѣ рассуждать о деньгахъ?... И не только о деньгахъ, но даже и о людяхъ, о человѣческихъ жизняхъ. Говорятъ о громадныхъ нашихъ потеряхъ подъ Мукденомъ, которыя, будто-бы достигаютъ 30 тыс., а, можетъ быть, даже и больше. Конечно, это печально... но подѣ Мемомъ въ трехъ сраженіяхъ со стороны Германіи было 41 тыс. убитыхъ и со стороны Франціи 31600 человекъ, и представьте себѣ, что у двухъ германскихъ арій въ мексиканскій районъ дѣйствіи какъ разъ было 9 корпусовъ, т. е. ровно столько же, сколько въ нашей манджурской арміи. Выводъ отсюда ясенъ самъ собой, — это во первыхъ; а во вторыхъ, «если наши потери велики», то «можемъ съ большою достовѣрностью предположить, что за то потери японцевъ превосходятъ наши». А потому «да здравствуетъ война!» и «прочъ всѣ сомнѣнія!»

Не для полемики съ г. г. новременцами выписали мы всѣ эти красоты, а для того, чтобы показать читателю, къ чему должны прійти люди, взявшіеся рѣшать за Россію «міровыя задачи» на Дальнемъ Востокѣ. Это уже не рѣчи людей, сколько нибудь думающихъ и чувствующихъ — нѣтъ, это какое то дикое, злобное рычаніе крокодачнаго звѣря, опьяненнаго запахомъ крови... Но даже и на войнѣ требуется не одна «кроваважность», а и многое другое, благодаря отсутствію чего

изъ Петербурга на югъ, гдѣ и понынѣ (1903 г. іюнь) проживаю. Я его и въ Петербургѣ почти не видѣлъ, а послѣ перѣзда онъ у меня ни разу не былъ, хотя въ Петербургъ наѣзжалъ. Моя повѣзка въ Харьковъ (я ѣздилъ туда подъ предлогомъ устроивать своихъ книгъ у харьковскихъ книгопродавцевъ) была добычливѣе. Вѣру я разыскалъ... Этотъ удивительный человекъ очень усталъ отъ своей бурной жизни, и въ ту минуту и отъ тяжкаго положенія скрывающагося: вѣчно съ оглядкой, вѣчно подъ страхомъ быть кѣмъ нибудь узнанной. Мы рѣшили такъ: партія, которая, повторяю, и безъ того была безсильна, общается воздержаться отъ дѣйствій во время коронаціи, но мы съ своей стороны боялись, въ виду этого безсилія, предъложить какія нибудь очень большія требованія, тѣмъ больше, что не были увѣрены, что насъ не надуютъ. Поэтому, не опредѣляя ближайшимъ образомъ тѣхъ реформъ, которыя должно произвести правительство послѣ коронаціи, мы потребовали въ видѣ задатка и въ удостовѣреніе добрыхъ намѣреній правительства исполненія къ 19 февраля двухъ пунктовъ: освобожденія Чернышевскаго и разслѣдованія безчинствъ, произведенныхъ не задолго передъ тѣмъ на Карѣ. Это были болѣе, чѣмъ скромныя требованія, но вѣдь все дѣло наше было, собственно говоря, безнадёжно, много запрашивать не приходилось, при томъ же это былъ задатокъ... Справедливость требуетъ сказать, что оба требованія были исполнены, но не 19 февр., а гораздо позже: Чернышевскій былъ возвращенъ сначала въ Астрахань, а потомъ на родину въ Саратовъ, а для разслѣдованія Карійскаго дѣла былъ командированъ флигель-адъютантъ, помнится, Нардъ. На счетъ же либеральныхъ реформъ мы были обмануты. Кѣмъ

— не знаю, такъ какъ весьма возможно, что Н. передалъ Воронцову и Шувалову наши два пункта, какъ окончательные, исчерпывающіе всѣ наши желанія. По крайней мѣрѣ, Шуваловъ говорилъ впоследствии Т.: «что это, какія скромныя требованія постановили Н. и М.?» Утѣшеніемъ можетъ развѣ послужить то, что все равно никакихъ реформъ, кромѣ попятныхъ, Россія при Александрѣ III не получила бы.

Вскорѣ послѣ этого я, будучи высланъ изъ Петербурга и проживая въ Выборгѣ, услышалъ объ арестѣ Вѣры. Я былъ необыкновенно встревоженъ этимъ извѣстіемъ. Въ Харьковѣ Вѣра была устроена, какъ нельзя лучше, и, казалось, могла такъ прожить въ безопасности многіе годы. Я боялся, что именно я навелъ на ея сѣбѣ полицію, такъ какъ я состоялъ подъ негласнымъ надзоромъ, а въ Харьковѣ ѣздилъ совершенно открыто, имѣя въ случаѣ надобности объясненіе въ необходимости сношеній съ тамошними книгопродавцами. Мои опасенія оказались напрасными: Вѣру выдалъ одинъ рабочій, указавъ на нее полиціи на улицѣ. Однако администрація что то узнала, если не прямо о цѣли моей повѣзки, то объ ея общемъ характерѣ. Губернаторомъ былъ тогда въ Харьковѣ Калачевъ, переведенный потомъ губернаторомъ же въ Кострому (теперь занимаемый какой то высокой постъ въ Петербургѣ). Однажды онъ заговорилъ обо мнѣ съ моимъ зятемъ Мягковымъ, служившимъ въ костромскомъ губернскомъ правленіи и, между прочимъ, сказалъ: «вы думаете, мы не знаемъ, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Харьковъ». Но на этомъ разговоръ и кончился, такъ какъ Мягковъ ничего о моей повѣзкѣ не зналъ.

Упомянувъ В. Н. Филиппову, не могу не остановиться на этой необыкновенной женщинѣ. Я никогда не участвовалъ въ

мы и терпимъ пока непрерывный рядъ поражений. Посмотрите же, о чемъ говорятъ намъ извѣстія и событія послѣдняго времени.

Итоги Мукденской битвы окончательно подводятъ еще рано; приходится лишь сказать, что «наше *наступление* закончилось полной неудачей, и въ недалекомъ будущемъ надо ожидать вновь перехода къ испытанной уже нами «кутузовской» тактикѣ, безъ надежды однако закончить ее такъ же блистательно, какъ закончилъ старый вождь въ «отечественную войну». Единственно, чего мы достигли сейчасъ — это возможности *безопаснаго отступления*, заплативши за эту возможность не менѣе, какъ 50 тысячъ убитыхъ и раненыхъ, если вѣрить японскимъ официальнымъ сообщеніямъ о 13.333 погребенныхъ ими русскихъ: по аналогіи съ прежними битвами, 1 убитый приходится на 5 раненыхъ; слѣдовательно, при 13 тыс. убитыхъ будетъ 65 тысячъ раненыхъ. Общая цифра убитыхъ и раненыхъ при этомъ получается такая ужасающая, что хочется вѣрить, будто пропорціи между ними не такая, и мы останавливаемся на минимальной, какою должна быть, по нашему мнѣнію, общая потеря русскихъ. Во всякомъ случаѣ, она превосходитъ выставленный «Новымъ Временемъ» предѣлъ — 41 тысяча — и газета можетъ считать удовлетворенными свои кроважные инстинкты. Могутъ считать себя удовлетворенными и всѣ тѣ, которые видятъ проявленіе мужества, смѣлости, отваги и пр. въ такихъ «подвигахъ», какъ переданное всѣми газетами ночное нападеніе русскаго отряда на спавшихъ, а частью ужинавшихъ японцевъ, которыхъ они и переколоди нѣсколько батальоновъ, а послѣ того, по словамъ корреспондента, «съ удовольствіемъ докончили вкусный японскій ужинъ и легли спать, укрывшись теплыми плащами убитыхъ». Мы зовемъ это не подвигомъ, а извращеніемъ въ человѣкѣ всего истинно человѣческаго, и потому-то, между прочимъ, и боремся противъ войны, которая убиваетъ въ людяхъ это человѣческое. И не солдатъ нашихъ мы, конечно, будемъ винить за такіе «подвиги», тѣмъ болѣе, что съѣсть «вкусный ужинъ» и «укрыться теплыми плащами», видимо, не очень то часто имъ приходится. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ:

«Видѣлъ я отступление нашихъ войскъ отъ Ляояна на Телянь, видѣлъ этихъ плетущихся по шпаламъ оборванныхъ и усталыхъ голодныхъ солдатъ и безконечный обозъ. Говорятъ, что теперь войска еще лучше одѣты и съ виду вообще приличные, нежели это было послѣ Наангоу, напр., но и видѣнные мною нѣбѣ довольно жалкій видъ, настроеніе же ихъ было совсѣмъ плохое...»

По словамъ другого корреспондента:

«Въ Иркутскѣ ведутся печальные разговоры о судьбѣ денегъ, жертвованныхъ въ Красный Крестъ. Отдѣльныя партіи раненыхъ приходятъ въ Иркутскъ въ тряпкахъ вмѣстѣ бѣлыя и безъ обуви.»

террористическихъ предпріятіяхъ, никогда не разспрашивалъ о приготовленіяхъ къ нимъ, объ адресахъ подпольныхъ изданій и т. п., но пользовался довѣріемъ у многихъ изъ этого круга. Какъ ни различны они были въ отношеніи ума, дарованій, характера, но всѣ они одинаково были преданы своей идѣ до полнаго самоотверженія, и не даромъ американецъ Сальтеръ видитъ въ нихъ истинно религиозныхъ людей безъ всякой теологической примѣси. Но ни о комъ изъ нихъ не вспоминаю я съ такимъ благоговѣніемъ, какъ о Вѣрѣ Фигнеръ. Со времени ея ареста (10 февраля 1883 г.)... *(фраза въ рукописи не кончена и слова отъ послѣдней точки зачеркнуты)*... Я понимаю и тотъ страхъ передъ ней, который заставляетъ держать ее взаперти вотъ уже двадцать лѣтъ, и то почтеніе, которое оказывается ей и тюремщиками, и высшими властями.

У меня была въ рукахъ книга на французскомъ языкѣ, изданная въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ, написанная по порученію, повидимому, министерства внутреннихъ дѣлъ, кажется, Мальшинскимъ (авторъ не названъ). Не помню заглавія, но содержаніе ея — исторія русскаго революціоннаго движенія. Авторъ весьма суровъ къ дѣятелямъ этого движенія, и насколько я успѣлъ познакомиться съ книгой (она была у меня въ рукахъ всего нѣсколько часовъ) только Вѣра да еще Германъ Лопатинъ выделяются и удостаиваются чуть не панегириковъ, сопровождаемыхъ, разумеется, сожалѣніями, что такіа силы такъ дурно направлены. Да, это была большая сила, да какъ видно изъ воспоминаній людей, выпущенныхъ изъ Шлиссельбурга, и до сихъ поръ, съѣдой старухой, остается такою же. Въ чемъ состояла эта сила, это обаяніе, которымъ она пользовалась, трудно

Что нарисованная картина не преувеличена, можно видѣть даже изъ русскихъ легальныхъ газетъ, въ которыхъ все чаще встрѣчаются подобныя же описанія солдатъ манчжурской арміи «въ рваныхъ костюмахъ, безъ сапогъ и фуражекъ» (отступающихъ изъ подъ Ляояна-же) или такіа фразы, какъ «бивакъ нашъ обставленъ чудовищными условіями въ смыслѣ антисанитарномъ». Къ области этого же рода «маленькихъ недостатковъ механизма» нужно отнести и официально засвидѣтельствованный японскимъ правительствомъ фактъ переодеванія нашихъ солдатъ въ китайское платье, если не видѣть здѣсь мотивовъ иного «высшаго» характера, что энергично отрицается нашими «охранителями». Изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее, и ужъ лучше сознаться въ недостаткѣ теплаго платья для солдатъ, чѣмъ допустить обвиненія себя въ хитрости и коварствѣ, которые мы всецѣло предоставляемъ въ распоряженіе японцевъ. И дѣло тутъ не въ однихъ «ошибкахъ», неизбежность которыхъ на войнѣ такъ любятъ поддерживать наши столичные патриоты. Въ противоположность приведеннымъ сообщеніямъ, почитайте, какъ тѣ-же русскія легальныя газеты отзываются о японскихъ порядкахъ. «Поясные ремни, флаги — все удивительно хорошо». Идеальна и легкость снаряженія, и легкость платья и обуви, и все это хорошее, прочное: «по сравненію съ нашими, японцы одѣты франтомъ — чистое бѣлье, шерстяная фуфайка... По японскій солдатъ не только сытно ѣстъ, («вкусный ужинъ»), хорошо и легко одѣтъ и обутъ, онъ также хорошо обставленъ и съ одной стороны, съ какой у насъ не обставлены такъ даже офицеры. Каждый японскій солдатъ снабженъ записной книжкой и картой, а послѣднихъ у насъ хватаетъ только для полковыхъ и батальонныхъ командировъ, да и самыя карты настолько плохія, что, руководясь ими, одинъ отрядъ «во время своего отступленія къ Мукдену едва не попалъ въ плѣнъ къ японцамъ». Благодаря незнанію мѣстности (т. е. неимѣнію хорошихъ картъ), много охотниковъ попадаетъ въ руки японцевъ, и въ одномъ полку, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Рус. Вѣд.» исчезло, такимъ образомъ, «нѣсколько офицеровъ и около 150 нижнихъ чиновъ», такъ что теперь рѣдко кто изъ офицеровъ и солдатъ вызывается въ охотники добровольно. Тотъ же корреспондентъ пишетъ, что «у насъ часто не было во-время необходимаго, какъ по части провіанта, такъ и воинскаго снаряженія». Еще «лучше» порядки въ санитарныхъ отрядахъ. Изъ массы присланнаго намъ объ этихъ порядкахъ матеріала приведемъ лишь нѣкоторыя письма и выдержки.

.... Я не былъ очевидцемъ Ляоянской битвы, потому что просидѣлъ въ товарномъ вагонѣ на запасномъ пути въ Мукденъ. Передвиженіе по дорогѣ всего лишняго, нестрого необходимаго для борьбы съ

сказать. Она была умна и красива, но не въ одномъ умѣ тутъ было дѣло, а красота не играла большой роли въ ея кругу; никакими спеціальными дарованіями у нея не было. Захватывала она своею цѣлостностью, сквозившею въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ ея жестѣ: для нея не было колебаній и сомнѣній. Не было, однако, въ ней и той аскетической суровости, которая часто бываетъ свойственна людямъ этого типа. Напротивъ, когда дѣла шли хорошо, она способна была веселиться, какъ ребенокъ, и если въ послѣднее свиданіе въ Харьковѣ я нашелъ ее усталою, разбитою, то дѣла въ это время были изъ рукъ вонъ плохи, а затѣмъ въ Шлиссельбургѣ она совсѣмъ сбросила съ себя эту усталость. Въ одномъ изъ воспоминаній о шлиссельбургской тюрьмѣ я читалъ трогательное описаніе именинъ Вѣры: благодаря разнымъ случайностямъ, всѣмъ удалось собраться въ одной комнатѣ, Вѣрѣ были подарены самодѣльные подарки, а затѣмъ подъ самодѣльную музыку, чуть ли не на гребенкѣ, происходили танцы. Это напомнило мнѣ свадьбу Льва Тихомирова, конечно, подъ чужимъ именемъ, ибо это было задолго до его превращенія. Въ пушечей представительности я, будучи приглашенъ въ шафера, не помню уже, жениха или невесты, въ первый и въ послѣдній разъ былъ облеченъ во фракъ, — онъ былъ взятъ на прокатъ. Послѣ свадьбы всякомпанія отправилась въ трактиръ къ Палкину и тамъ въ большомъ отдѣльномъ кабинетѣ былъ приглашенъ, послѣ веселаго ужина, таперъ и пошли танцы, при чемъ Вѣра была, кажется, веселѣе всѣхъ.

Удивительное время было эти 70-е годы. Несмотря на всю бдительность явной и тайной полиціи, — не смотря на аресты, ссылки и казни, самыя опасныя террористы разгуливали съ

японцам, было прекращено, и тотъ отрядъ, въ которомъ нахожусь я, вызванный телеграммой и затѣмъ снабженный словесными и письменными предписаниями, предложеніями и просьбами продвинуть его впередъ на мѣсто дѣйствія, такъ и застрялъ въ Мукденѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того:

Нашъ отрядъ опять въ Мукденѣ, опять на запасномъ пути сидитъ въ томленіи отъ бездѣйствія.

Я сижу въ товарномъ вагонѣ. Грязь, такъ какъ скоро уже мѣсяцъ какъ живемъ мы въ этомъ вагонѣ, готовые каждую минуту двинуться въ походъ на позицію. Вонъ. Эта вонь происходитъ отъ кусковъ конского навоза, присохшаго (скорѣе приросшаго) къ деревяннымъ стѣнкамъ товарнаго вагона. Кругомъ навалены ящики, палатки, вещи, такъ что повернуться негдѣ и волей неволей приходится останавливаться на единственномъ удобномъ положеніи—лежаніи на кроватяхъ.

Въ довершеніе всего, приходится по 1—2 дня питаться рыбными консервами; хлѣбъ трудно достать. Всѣ эти непріятности можно было бы совершенно безропотно переносить, еслибы все это было хоть немного осмыслено. А то мы (нашъ отрядъ можетъ быть и перевалочнымъ пунктомъ, и госпиталемъ на 100—200 чел. больныхъ) находимся какъ разъ тамъ, гдѣ совершенно не нужны. Мало того, что мы не нужны — мы здѣсь бремъ, мы только загромаждаемъ своими вагонами запасные пути. Между тѣмъ, въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, слѣдуя за частями войскъ, мы были бы очень полезны.

Глупо какъ то все! Хотелось ударить отсюда куда нибудь, гдѣ проточная вода, гдѣ бьетъ струя настоящей „живой“ жизни.

По словамъ другого нашего корреспондента:

Перевозка громаднаго количества раненыхъ застала, повидимому, врасплохъ всѣ наши санитарныя организаціи; везли раненыхъ въ одномъ бѣльѣ, безъ одѣялъ и часто безъ подушекъ, на циночкахъ въ скотскихъ вагонахъ; неорганизованность дѣла доходила до того, что больные не только оставались безъ медицинскіе помощи, но по 3 дня не обѣдали. Блестящія санитарныя побѣды различныхъ имей оказались непрактичными, такъ какъ при громадномъ составѣ побѣды, въ 15 Пушмановскихъ вагоновъ, могли брать лишь 150—200 больныхъ, а для остальныхъ прицѣплялись тѣ же санитарники и конюшныи...

Сопоставьте при этомъ сообщенія легальныхъ газетъ, что санитарныя побѣды стоятъ по нѣскольку сутокъ неразгруженными, причемъ до 75 0/0 больныхъ находятся въ товарныхъ вагонахъ-теплушкахъ, прямо на доскахъ, особенно же всѣ больные дезинтерій и тифомъ; и что нѣсколько сотъ раненыхъ ожидаютъ перевязки по нѣскольку дней.

А между тѣмъ не забудемъ, что въ дѣлѣ организаціи помощи больнымъ и раненымъ приняло весьма широкое участіе русское общество и особенно наши земства, безъ чего правительственный Красный Крестъ былъ бы поставленъ въ самое жалкое, буквально безвыходное положеніе. Какъ извѣстно, отвергнутая и запрещенная раньше правительствомъ Плевне обще-земская организація санитарныхъ отрядовъ, послѣ хвалебнаго отзыва Куропаткина о земскихъ отрядахъ раз-

рѣшена нашимъ новымъ премьеромъ и, вѣроятно, повышенные приманкой правительственного «довѣрія», о которомъ сейчасъ такъ много говорятъ и пишутъ, земцы направляютъ новый потокъ людей и средствъ (изъ народнаго кармана) на Дальній Востокъ. Но пока что, сейчасъ тамъ больше дѣйствуетъ правительственный Красный Крестъ, и нельзя сказать, чтобы всегда хорошія вѣсти доходили объ его дѣятельности.

Вотъ что пишутъ намъ изъ нѣкоторыхъ отрядовъ:

Въ полтавскомъ отрядѣ Краснаго Креста, гдѣ 5 врачей, ѣдетъ, между прочимъ, нѣкій врачъ Лизогубъ, составившій себѣ раньше дурную репутацію въ бытность земскимъ врачомъ и перебивавшійся въ Красный Крестъ. Найдя себѣ поддержку въ старшемъ врачѣ отряда Василенко, онъ сразу повелъ себя съ остальными товарищами такъ, что всѣ они намѣрены уйти изъ госпиталя, какъ только прибудутъ на мѣсто. Между прочимъ Лизогубъ продѣлывалъ такіе фокусы: на многолюдной станціи, въ присутствіи массы публики, неожиданно для остальныхъ, вдругъ поднимаетъ бокалъ шампанскаго по случаю рожденія няслѣдника, а когда одинъ врачъ отказывается пить съ нимъ, то онъ заговариваетъ гимнъ и заявляетъ товарищу, что немедленно донесетъ о немъ исправнику того уѣзда, гдѣ товарищъ состоитъ на земской службѣ.

Другой случай: въ Срѣтенскѣ основался вятскій отрядъ Краснаго Креста тоже съ 5 врачами. Старшій врачъ этого отряда, Иорданскій, раньше пользовался прекрасной репутаціей, но война, очевидно, изменила его. Онъ такъ относится къ товарищамъ и сестрамъ, что изъ послѣднихъ осталось только двѣ (остальныхъ бѣжали въ другія отряды), а врачи всѣ отказываются работать съ нимъ; онъ же устраиваетъ патрістическія манифестаціи и пишетъ на товарной доносимъ.

Другой корреспондентъ говоритъ:

«...Видѣть много публики изъ летучекъ!»—студентовъ, врачей. Жалуются на то, что уполномоченные нарочно ставятъ свои отряды подъ разстрѣлъ, чтобы имѣть возможность телеграфировать о необыкновенныхъ подвигахъ храбрости и самоотверженности отрядовъ Краснаго Креста. Конечно, недостатка, часто просто въ безразсудной храбрости у персонала не было, но такіе мотивы дѣйствій г. г. уполномоченныхъ ихъ прямо приводятъ въ ярость.»

А изъ Харбина прямо сообщаютъ, что «работы масса, съ утра до ночи; наши всѣ, въ погонѣ за орденами, уѣхали на передовыя позиціи. Въ Харбинѣ-же осталось двое человѣкъ, къ вечеру вовсе изнемогающихъ отъ усталости».

Въ то же время весьма недвусмысленные слухи и вѣсти о «закулисной» сторонѣ дѣятелей Краснаго Креста приводятъ къ тому, что по собственному признанію его руководителей, «пожертвованія провинціи становятся все меньше и меньше. Кому же охота заниматься непрерывнымъ наполненіемъ бочекъ Данаидъ....

Чтобы покончить съ извѣстіями съ самаго театра военныхъ

*) Летучихъ отрядовъ Краснаго Креста.

«альшивыми паспортами совершенно открыто по Петербургу, показывались въ обществѣ, въ театрѣ, на разныхъ торжествахъ. Въ концѣ концовъ они попадались, но гуляли все таки годами, и, можетъ быть, разгадки слѣдуетъ искать именно въ этой смѣлости: не могла же полиція думать, что тѣ, кого она ищетъ по всей Россіи, расхаживаютъ тутъ же у насъ подъ носомъ. Или, можетъ быть, полиція была тогда глупѣе. Глупа она была, дѣйствительно, очень. Я упомянулъ, что состоялъ тогда подлѣ негласнымъ надзоромъ. Можетъ быть, это и до сихъ поръ продолжается, — былъ же Пушкинъ подлѣ надзоромъ и послѣ своей смерти, состоялъ же подлѣ надзоромъ Наполеонъ III, будучи уже императоромъ, — по я этого не знаю, а тогда зналъ. Однажды я былъ въ Костромѣ, собственно въ деревнѣ подлѣ самой Костромой, версты двѣтри отъ нея, у своихъ родныхъ Мягковыхъ. Поѣхали мы какъ то съ сестрой, зятемъ, племянниками въ городъ, въ театръ. Изъ одномъ изъ антрактовъ къ зятю подошелъ полицейскій чинъ и попросилъ вызвать меня. Оказалось, что я долженъ подписать только что полученную бумагу, а въ бумагѣ этой значилось, что въ Кострому имѣетъ прибыть такой то Михайловскій, за которымъ полиціи рекомендуется имѣть строгій негласный надзоръ. Когда я въ удивленіи обратилъ вниманіе полицейскаго на странность этого документа, онъ очень сконфузился, вырвалъ у меня изъ рукъ бумагу и объяснилъ, что онъ перемѣшалъ бумаги, что мнѣ ничего не слѣдуетъ подписывать, а есть другая бумага изъ Петербурга, которую долженъ подписать посланный въ Кострому Берви. Въ другой разъ у меня послѣ обыска былъ отобранъ паспортъ и взята подписка о невѣздѣ изъ Петербурга. Прошло мѣсяца два,

мнѣ понадобилось ѣздить въ Москву, и я подалъ прошеніе о возвращеніи мнѣ паспорта. Онъ былъ мнѣ возвращенъ, я открыто уѣхалъ въ Москву, ѣздивъ туда и еще нѣсколько разъ, полагая, что вмѣстѣ съ возвращеніемъ паспорта съ меня и подписка о невѣздѣ снята. Но, примѣрно, черезъ полгода меня вызвали въ полицейскій участокъ и тамъ объявили, что я могу свободно выѣзжать изъ Петербурга. Я едва воздержался отъ заявленія, что и безъ того считалъ себя свободнымъ и нѣсколько разъ уѣзжалъ. Интересно, что въ этомъ участкѣ на стѣнѣ висѣла олеографія съ извѣстной картины Соломаткина: пьяные городовые славятъ Христа въ купеческомъ домѣ. Въ памяти моей сохранились и другіе образчики полицейской глупости того времени.

Но очень ли поумнѣла полиція съ тѣхъ поръ? Сомнѣваюсь. Массовые аресты невинныхъ людей или недавно отобраніе при обыскѣ В. В. Лесевича клинтовой трубки, какъ опаснаго оружія, рядомъ безпрепятственныхъ убійства Богодѣлова, Сипягина, Богдановича, безустышность многолѣтней погони за Брешковской — также не говорятъ о большомъ умѣ. Года два тому назадъ со мной былъ такой случай. Получивъ приглашеніе пожаловать въ такой то день, въ такомъ то часу въ жандармское управленіе, я аккурратно явился, но тамъ мнѣ объяснили, что полковникъ (не помню фамилію), приглашавшій меня, нездоровъ. Я спросилъ, нѣтъ ли кого дежурнаго. «Есть адъютантъ» — «Такъ попросите его меня принять». Адъютантъ, молодой, хорошенькій, франтоватый, принялъ меня очень любезно и сказалъ, что онъ можетъ замѣнить полковника и задаетъ мнѣ два вопроса. Во первыхъ, былъ ли я на проводахъ Тана? — Проводы эти, происходившія на кпаі

дѣйствій, приведемъ еще письмо одного корреспондента, рисующаго запятія и настроеніе нашего войска.

Мы стоимъ на ст. Мукденъ. Войска подъ Мукденомъ. Мы ждемъ японцевъ. Мы хотимъ, чтобы они наступали. Это входитъ въ «нашъ планъ», какъ говорятъ г. г. штабные. «Не бѣдѣю завлечь ихъ вглубь Манджуріи, вывести ихъ армію на равнину и потомъ... потомъ, когда у насъ будетъ перевѣсъ силъ, пачать ихъ гнать и устроить имъ новую «Березину». — «Мы будемъ отступать до Харбина, говорить другой, увлекая японцевъ за собой; мы оторвемъ ихъ отъ базы въ Корей и югъ Манджуріи; Балтійская же эскадра уничтожитъ японскій флотъ. Тогда мы станемъ гнать «оторванныхъ отъ базы» японцевъ и переломимъ всѣхъ. Ни одинъ не уйдетъ живымъ! Остатки же разбитой японской арміи мы опрокнемъ въ Печилійскій заливъ».

Мы ждемъ такимъ образомъ японцевъ подъ Мукденомъ. Вѣрнѣе, мы ихъ ждали, такъ какъ въ настоящую минуту общее настроеніе — не «ожиданіе и готовность отразить врага или отступать», а — усталость и апатія. Мнѣ кажется, всѣмъ надобно «ждать». Кто занимается осматриваніемъ Мукдена, кто пьанствомъ и кутежами, кто промышляетъ дрова, разламывая для этого китайскія «чансы и кумирни. Говоря короче, всякій безпечно предается разнымъ «мирнымъ занятіямъ». — «Вотъ видите эту команду — говоритъ одинъ «озлобленный» солдатинъ — они навѣрно идутъ воровать у китайцевъ картофель или огнищадныя рамы и двери на дрова для варки чая. А если этихъ лихихъ воиновъ спросить: куда идете? — отвѣтъ будетъ: на позицію, Ваше Высокоблагородіе! — Я знаю ихъ, этихъ мерзавцевъ!» — и онъ спрашиваетъ ихъ: «куда идете, братцы?» — «На позицію, В. В!» — Встрѣчаемъ много ошечера, немного навеселѣ, казацкую команду, одного изъ многихъ уполномоченныхъ Краснаго Креста, идущаго кутить въ городъ или скупать разные китайскія бездѣлушки. У всѣхъ стереотипный отвѣтъ: — «на позицію». Мой озлобленный спутникъ оказался правъ. А между тѣмъ подъ Мукденомъ и позиціи то нѣтъ.

Сегодня пошелъ дождь. Значитъ, скоро можно ждать неожиданнаго появленія японцевъ гдѣ-нибудь, гдѣ ихъ и не ждутъ совершенно. Послѣ Японской битвы японцевъ не могли найти нигдѣ, такъ что нѣкоторые стали говорить, будто японцевъ было подъ Японіемъ совсѣмъ мало, а такъ какъ ихъ въ «волчьихъ ямахъ» погибло больше 30 тысячъ, то логически вытекать изъ всего этого то, что японцы подъ Японіемъ всѣ погибли, а мы отступаемъ зря!... Но это старая пѣсня! Послѣ каждой битвы наши развѣдчики доносятъ: японцевъ нѣтъ нигдѣ или: «японцы сидятъ въ кустахъ». Это ихъ тактика, ихъ обычай, это ихъ шаблонъ, но мы не можемъ привыкнуть къ нему. Послѣ сраженія ихъ нѣтъ нигдѣ. Поэтому мы никогда не знаемъ ни ихъ силъ, ни ихъ расположенія. Хозяевами расположенія являются всегда японцы.

Такъ какъ взятіе Мукдена входитъ въ ихъ планъ, то, несомнѣнно, они явятся и явятся съ достаточною силой. Когда? — это тотъ х, который тщетно пытаются опредѣлить наши стратеги.

Да! нельзя не восхищаться мужествомъ японцевъ! Чтобы было меньше обидно, кто-то даже пустилъ легенду, что Куроки не японецъ и не Куроки, а польскій повстанецъ, бѣжавшій изъ Сибири — Куровскій, мстившій за Польшу...

Если въ Манчжуріи такимъ образомъ съ каждымъ днемъ

обнаруживается все больше и больше наше *военное безсиліе* и развѣдающій духъ бюрократизма, расцвѣтшаго подъ сѣнью самодержавія, за то въ самой Россіи можно констатировать все большее наростаніе недовольства, и что всего важнѣе для насъ, — въ слояхъ рабочей и крестьянской массы, а также и самихъ защитниковъ «престола-отечества». О такомъ настроеніи «общества» и массы говорятъ намъ многія изъ корреспонденцій, помѣщенныхъ въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ «Р. Р.», здѣсь мы напомнимъ читателю интересное извѣстіе, появившееся въ русскихъ газетахъ отъ 1-го октября.

«Министръ вѣнскихъ дѣлъ, по соглашенію съ военнымъ, призвалъ соответственными для обезпеченія порядка, при призвѣхъ новобранцевъ, предоставить узданнымъ окружающимъ и городскимъ воинскимъ присутствіямъ лишать домашняго отпуска и немедленно передавать воинскимъ начальникамъ новобранцевъ, въ нетрезвомъ видѣ явившихся въ эти присутствія или нарушившихъ порядокъ въ мѣстѣ призыва (к. н.).

А вотъ иллюстраціи къ этому интересному документу, даваемые иностранной печатью.

Передаемъ, со словъ «Matin» слѣдующій любопытный случай...

«Въ одну деревню центральной Россіи явились чиновники «Краснаго Креста» для сбора пожертвованій. «Что же это новый налогъ?» спросилъ вызванный староста. «О, нѣтъ это дѣло милосердія. Каждый свободенъ дать, что захочетъ». Тотъ отправился собирать сходъ. Между тѣмъ чиновники показывали кое кому изъ крестьянъ на бывшей у нихъ картѣ Азіи Портъ-Артуръ, Мукденъ и другіе города. Наконецъ, собравшись ходъ. Поднялись споры, много было крику какъ всегда въ такихъ случаяхъ, но въ концѣ концовъ пришли къ соглашенію. Принято было такое занесенное сходомъ на бумагу постановленіе: «сходъ деревни X того мѣсяца, что Портъ-Артуръ надо отдать и прекратить войну, потому что Портъ-Артуръ находится не внутри границы». Это постановленіе восходило къ губернатору, который его во время задержалъ. Лишнее говорить, что эти крестьяне не ассигновали ни копейки на Красный Крестъ».

Не знаемъ, все ли правда въ сообщенномъ эпизодѣ, но можемъ лишь сказать, что, если самый фактъ переданъ и не точно, то настроеніе крестьянской массы и причины ея «непатріотическаго» равнодушія къ «своему же народному» якобы дѣлу онъ рисуетъ очень хорошо, опровергая всякія благоупотребляющія реакціонной прессы, утверждающей объ «органической связи Дальняго Востока съ судьбами русскаго народа» («Новое Время»). Въ своемъ патріотическомъ рвеніи «Новое Время» договорилось даже до того, что объявило «всякаго» культурнаго человѣка, не отдающаго теперь своего досуга на дѣло войны» ни болѣе, ни менѣе, какъ «не вѣрнымъ сыномъ своего народа»... Еще, слава богу, что хоть культурнаго только человѣка, а то пришлось бы вѣдъ зачислить въ «невѣрныхъ сыновъ народа» самый русскій народъ, тотъ «народъ».

тирѣ Калмыковой и, кажется, рѣшительно ничего особенно собою не представлявшаго, вдобавокъ имѣвшаго мѣсто года полтора перелѣтъ, почему то очень интересовали полицію, что уже само по себѣ не свидѣтельствуетъ объ ея умѣ. — Я отвѣчалъ, что не былъ. — «А Мякотинъ показалъ, что вы были», съ чрезвычайно проницательнымъ видомъ сказалъ адъютантъ. Это было, по его мнѣнію, очень хитрый приемъ. Но я, дѣйствительно, не былъ, и ничего подобнаго Мякотинъ показатъ не могъ, что я и заявилъ адъютанту. «Но, вѣдь, Мякотина же вы знаете?» все также хитро и проницательно спросилъ адъютантъ. — «Очень хорошо знаю, мы работаемъ въ одномъ журналѣ». — «И Калмыкову знаете?» «Знаю». — «Бывали ли у нея?» «Право, не помню, кажется, былъ разъ или два». — «Ну, въ такомъ случаѣ — продолжалъ мой умный собесѣдникъ, улыбаясь — второго вопроса мнѣ вамъ нечего и задавать». — «Однако, позвольте полюбопытствовать». — «Были ли Мякотинъ на этихъ проходахъ?» — Я разсмѣялся: «а этого ужъ не умѣю вамъ сказать»...

Кстати. Черезъ нѣкоторое время я былъ опять приглашенъ въ жандармское управленіе къ тому же полковнику. На этотъ разъ допросъ долженъ былъ происходить по требованію Пермскаго жандармскаго управленія и въ присутствіи товарища прокурора. Въ ожиданіи его, мы разговорились съ полковникомъ. Я сказалъ, что у нихъ должно быть очень много дѣла, потому что недавно я былъ вотъ въ этой же комнатѣ допрашиваемъ по дѣлу довольно таки странному. — «Можетъ быть, напались какія нибудь новыя данныя — возразилъ полковникъ — бываетъ: недавно, напримѣръ, нашелся новый документъ по дѣлу 1-го марта». Какъ не интересно было узнать,

что это за документъ, я, разумѣется, не рѣшился спросить о немъ полковника.

Еще маленькая подробность. У меня часто очень дрожатъ руки, и тогда я пишу очень скверно. Такъ было и при этихъ двухъ допросахъ. И когда я заявилъ объ этомъ, то полковникъ очень любезно согласился записать мои показанія самъ, только бы подпись была моя, а адъютантъ заставилъ меня писать все и потомъ съ тѣмъ же хитрымъ и проницательнымъ видомъ спросилъ — всегда ли я такъ пишу?...

Но я уклонился отъ Вѣры Николаевны. Она бывала у меня довольно часто, иногда одна, иногда въ компаніи, иногда съ Юріемъ Богдановичемъ, который числился ея мужемъ, т. е. по фальшивому паспорту, для полиціи и непосвященныхъ: въ дѣйствительности супружескихъ отношеній тутъ и въ поминѣ не было. Какимъ то образомъ объ этомъ узналъ одинъ мой знакомый, Самарскій-Быховецъ, адвокатъ. Онъ счелъ пужливымъ остеречь меня, при чемъ отозвался о Вѣрѣ, какъ о человѣкѣ не только неосторожномъ, но и болѣе чѣмъ легкомысленномъ. Вскорѣ послѣ этого онъ встрѣтился у меня съ супругами — не помню ужъ фамиліи, подѣ которой жили Юрій и Вѣра и подѣ которой я ихъ познакомилъ съ Самарскимъ. Дѣло было вечеромъ; за ужиномъ Самарскому пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрой, и они очень оживленно разговаривали. Послѣ ужина они разсыпался передо мной въ похвалахъ достоинствамъ дамы, съ которой я его познакомилъ. — «А знаете, кто она?» — спросилъ я. — «Такая то?» — «Не совѣмъ. Это Вѣра Николаевна Фигнеръ». — Ошеломленный Самарскій подумалъ съ минутой, потомъ рѣшительнымъ шажкомъ подошелъ къ Вѣрѣ и попросилъ позволенія поцѣловать

который будто бы и «ведет войну» («Армия сражается, по войну ведет народъ», изрекает газета въ той же статьѣ). Какъ смотреть на отношеніе народа къ войнѣ сами власти, конечно, болѣе компетентныя въ этомъ, чѣмъ наши петербургскіе патріоты, хорошо извѣстно изъ тѣхъ тайныхъ и явныхъ циркуляровъ, распоряженій, предписаній и напоминаній, какія щедро рассылаются теперь во всякаго рода учрежденія и канцеляріи. Знаемъ это и изъ словъ наиболѣе открытыхъ или наиболѣе наивныхъ стражей общественной тишины и спокойствія. Въ той же корреспонденціи «Matin» находимъ слѣдующій коротенькій разговоръ: «Почему вы такъ запоздали энергичнымъ вмѣшательствомъ? — спросилъ кто то у полицейскаго офицера въ городѣ, гдѣ запасные произвели безпорядки». «Почему? отвѣтилъ офицеръ. А вдругъ какъ они не захотятъ пойти!..» Эти слова, прибавляетъ корреспондентъ, прекрасно передаютъ настроеніе южной Россіи. А что если не смотря на одобренія, общіяца, лесть, раздачу иконъ, путешествія императора, они откажутся пойти, эти запасные?» Только что закончившаяся новая мобилизація въ 119 уѣздахъ четырехъ военныхъ округовъ, достаточно показала правительству, что вопросъ французскаго корреспондента былъ не такой ужъ праздный, какъ это казалось людямъ. развязно отождествляющимъ интересы «престола-отечества» съ интересами самаго русскаго народа.

Балтійская эскадра, послѣ многихъ аварій, починокъ, выступленій и возвращеній въ Кронштадтъ, Либаву и другіе порты, наконецъ двинулась въ путь на помощь Портъ-Артуру и Владивостоку и на первыхъ же порахъ ознаменовала свое плаваніе блестящей побѣдой: одно судно наѣхало потоплено, его капитанъ и одинъ изъ команды убиты, третій съ тѣхъ поръ умеръ отъ ранъ; другія суда повреждены и нѣсколько человѣкъ изъ ихъ команды ранены. Русскія суда поврежденныя отъ непріятельскаго огня не потеряли; было лишь нѣсколько легко раненыхъ, да одинъ іеромонахъ умеръ въ Танжерѣ отъ ранъ. Блестящее дѣло это произошло въ Нѣмецкомъ морѣ, въ той мелкой его части, которая извѣстна подъ именемъ Доггеръ-Банкъ, и покрыло императорское оружіе неуязвимой славой, особенно если принять во вниманіе, съ какими опасными врагомъ имѣли дѣло наши адмиралы: врагомъ этимъ оказались шотландскіе рыбаки, закидывавшіе сѣти на Доггерской мели и чистившіе на палубахъ, при яркомъ освѣщеніи, пойманную рыбу въ ночь съ 21-го на 22-ое октября и. с. Вотъ въ эту-то флотилію, состоявшую изъ нѣсколькихъ пароходовъ, принадлежавшихъ двумъ рыболовнымъ компаніямъ въ Гудлѣ, врѣзалась балтійская эскадра и стала, безъ всякихъ предувѣдомленій, палить.

у нея руку. — «Извините, что это вамъ вздумалось?» — «Я, не зная васъ, душно о васъ отзывался, теперь, узнавъ, прошу простить меня», — отвѣтилъ Самарскій и, видимо, взволнованный, тотчасъ ушелъ.

Припоминаю другой случай неотразимаго впечатлѣнія, которое Вѣра производила съ перваго же знакомства. У А. былъ воспитанникъ — полусирота: отецъ жилъ не то въ Константинополѣ, не то въ Румыніи, а мать умерла. Мы его звали въ шутку румынскимъ княземъ. Попалъ онъ къ А. маленькимъ мальчикомъ, — какъ и почему — не знаю. Постепенно изъ него выросъ огромный молодой человѣкъ, очень замѣтный, какъ своимъ высокимъ ростомъ, такъ и большимъ количествомъ угрей на лицѣ. Учился онъ плохо, но отданный, наконецъ, въ ремесленное училище цесаревича Николая, пошелъ тамъ очень хорошо, блестяще окончилъ курсъ и былъ отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія. За границей онъ видѣлся, между прочимъ съ эмигрантами, тѣ пробовали обращать его въ свою вѣру, но безуспѣшно, и вернулся онъ въ Россію, если не очень вѣрнопопдааннымъ, то во всякомъ случаѣ чуждымъ политикѣ. Однажды онъ встрѣтился у меня съ Вѣрой. Это былъ молчаливый въ обществѣ человѣкъ и въ бесѣдѣ не участвовалъ, но внимательно слушалъ. Когда Вѣра стала прощаться, онъ попросилъ позволенія проводить ее до дому. Что тутъ между ними происходило, я не знаю, но съ этого дня онъ былъ конченный человѣкъ, весь во власти открывшихся передъ нимъ перспективъ...

(На словѣ — «перспективѣ» — рукопись обрывается).

Какъ извѣстно, англичанамъ геройство адмирала Рождественскаго и его офицеровъ не поправилось (завистливый народъ!... да и вообще «англичанка намъ всегда гадить!...») и дѣло чуть не дошло до войны съ Англіей. Когда въ Гудлѣ появились раненные безоружные рыбаки, привезшіе одинъ трупъ съ оторванной головой, а другой — разбитый до неузнаваемости, а также вѣсть о потопленіи мирныхъ судовъ и о томъ, что все это сдѣлано Батійской эскадрой, то волненіе въ странѣ поднялось страшное и только быстрая мобилизація англійскаго флота вмѣстѣ съ энергичными требованіями удовлетворенія, обращенными къ царскому правительству, нѣсколько утишили народное разараженіе, не пошедшее далѣе осовѣстиванія русскаго посла (фактъ, для корректныхъ, сдержанныхъ англичанъ совершенно необычайный). Теперь, въ ожиданіи изслѣдованія всего дѣла международною комиссіею, и адмиралъ Рождественскій съ товарищами, и русскія власти, и русская легальная пресса (за немногими исключеніями) объясняютъ, что виновато во всемъ японское и англійское коварство. Есть нѣсколько версій этого коварства. По одной изъ нихъ, русское правительство получило, еще до отплытія эскадры, «достоверное» извѣстіе о томъ, что четыре японскихъ миноноски укрываются въ норвежскихъ фіордахъ, поджидая русскія корабли. Двѣ изъ этихъ миноносокъ, по увѣренію самаго Рождественскаго, его эскадра и встрѣтила около Доггеръ-Банкъ и, предупреждая собственную гибель, стала въ нихъ стрѣлять, причемъ одну потопила, а другую повредила. По этой версіи японцы первые начали враждебныя дѣйствія, чѣмъ и объясняется фактъ пораненія русскихъ моряковъ. Если же при этомъ пострадали рыбаки, то это очень жаль, но они сами виноваты, что не уберались по добру по здорову, когда имъ о томъ подавали сигналъ съ эскадры.

Однако шведское правительство заявило официально, что въ норвежскихъ водахъ никакихъ японскихъ судовъ нѣтъ и не было. Конечно, завистниками славы и силы императорской Россіи полонъ свѣтъ; однако, предположить, что шведское правительство покрываетъ японцевъ, было-бы не съ чѣмъ несообразно. Оно въ этомъ случаѣ рисковало бы нарушеніемъ нейтралитета и мстью Россіи, которой оно до того боится, что, не смотря на національную связь съ Финляндіей, недавно, въ угоду Петербургу, осудило одну изъ финскихъ газетъ, издаваемыхъ въ Стокгольмѣ, и чинить всякія затрудненія живущимъ въ Скандинавіи финляндскимъ патріотамъ. Не молчать и наши любезные союзники, французы. Изъ Коло сообщаютъ, что во время битвы при Доггеръ Банкѣ, кромѣ англійскихъ, были тамъ и французскіе шлюпы. И вотъ экипажъ одного изъ нихъ, *Мадискара*, заявляетъ, что русскіе военные корабли врѣзались въ рыбацью флотилію, не принимая никакихъ предосторожностей. Другой шлюпъ, *Фалксъ Форс*, былъ даже поврежденъ однимъ изъ русскихъ кораблей, который столкнулся съ нимъ и обрѣзалъ его сѣти. Да что союзники: сами офицеры эскадры свидѣлствуютъ далеко не въ униссонъ. Изъ этихъ свидѣтельствъ самое интересное то, которое появилось въ «Manchester Guardian». Это переводъ письма, писаннаго сыномъ своему отцу и послѣднимъ сообщенное печати. Оно имѣетъ, такимъ образомъ, вполне интимный характеръ и, стало быть, заслуживаетъ полнаго довѣрія: авторъ его — одинъ изъ младшихъ офицеровъ нашей эскадры.

Описавъ, какъ трудно послать по почтѣ письмо (оно было опущено въ ящикъ въ Шербургѣ, во Франціи), авторъ его говоритъ, что большинство людей на судахъ — какъ среди офицеровъ, такъ и среди матросовъ, — было пьяно, и этимъ объясняетъ тотъ фактъ, что наши корабли очутились у Доггеръ-Банкъ, лежащей далеко внѣ нормальнаго пути эскадры. Затѣмъ онъ продолжаетъ: «Мы знали, что отклонились отъ настоящаго курса, и боялись сѣсть на мель. Былъ даже данъ тревожный сигналъ, что флагманскій корабль адмирала уже сѣлъ, и въ происшедшемъ отсюда замѣшательствѣ три судна изъ слѣдовавшаго позади отряда столкнулись. Во время происшедшаго безпорядка мы приблизились къ флотилии, которую приняли за эскадру миноносокъ, и такъ какъ намъ былъ отданъ приказъ стрѣлять по каждому подозрительному судну, то мы живо навели пушки и пустили ко дну нѣсколько судовъ флотилии. Здѣсь, въ Шербургѣ, насъ увѣряютъ, будто суда, по которымъ мы стрѣляли, были англійскія рыболовные суда. Это возможно, такъ какъ общая путаница въ нашей эскадрѣ была въ то время большая. Мы въ отвѣтъ на наши выстрѣлы не получили, конечно, ничего; но нѣсколько позже, тою же ночью, произошелъ быстрый обмѣнъ выстрѣловъ между нашимъ кораблемъ и другимъ судномъ. Это была ошибка: мы

стрѣляли другъ въ друга; однако мы узнали это не ранѣе, чѣмъ убѣдились, что одинъ изъ снарядовъ, попавшихъ въ насъ, но не разорвавшихся, оказался русскимъ. Нѣсколько человекъ изъ нашей команды было ранено. Можете ли вы представить себѣ болѣе несчастное дѣло? Но удивитесь ему нечего. Весь экипажъ, начиная съ самого адмирала, совершенно, повидимому, деморализованъ: ни у кого нѣтъ ни надежды, ни бодрости.»

Самъ Николай Послѣдній выражаетъ всѣмъ и каждому «твердую увѣренность» въ томъ, что реляція адмирала Рождественскаго подтвердится международнымъ изслѣдованіемъ происшествія. Сверхштатное количество розовыхъ надеждъ отпущено провидѣніемъ этому монарху насчетъ нормальнаго запаса простой разсудительности. Если бы ему сказали, что коварные японцы просверлили землю насквозь и вынырнули въ Нѣмецкомъ морѣ, онъ и этому бы повѣрилъ. Правительство его, однако, не раздѣляетъ увѣренности своего суверена, ибо опубликовало официально, что заплатить награду тому, кто представитъ доказательства присугсвѣя миноносекъ на пути слѣдованія балтійской эскадры.

Весь этотъ инцидентъ сдѣлалъ русское самодержавіе и воспитанные имъ порядки посмѣшнымъ всего міра. Каждому безпристрастному человеку ясно, что насколько въ Портъ-Артурѣ наши морскія власти оказались преступно-халатными, настолько же, послѣ понесенныхъ поражений, они стали ребячески-нервны и трусливы. Къ этому присоединилась неопытность экипажа (по показанію нѣмецкихъ лодчиковъ, бывшихъ на эскадрѣ, ея матросы почти сплошь — едва обученные молодые рѣзвуга), распушенность и презрѣніе къ человѣческой жизни, вѣлѣянное всѣми нашими порядками. Особенное и справедливое негодваніе всего міра вызвать тотъ фактъ, что потопивъ рыбацкѣ судно *Спанс* и повредивъ два другихъ — *Moulmein* и *Mino*, русскіе моряки не сдѣлали никакихъ попытокъ спасти (или «взять въ плѣнъ») ихъ экипажи. Имъ было не до того! — они такъ испугались фантастическихъ японцевъ, что были озабочены однимъ — ударить бы поскорѣе самими!...

Эскадрѣ дозволено слѣдовать далѣе на Востокъ. Но за нею надзираютъ на пути то англійскіе, то испанскіе, то египетскіе военные корабли, и она слѣдуетъ подъ звуки презрительнаго хохота всего міра! Русскіе моряки должны бы поскорѣе возстать противъ самодержавія и его порядковъ хотя бы уже изъ-за того, чтобы оно не позорило ихъ имя!

МОБИЛИЗАЦІЯ.

Варшава. (Изъ частнаго письма). Варшава переживаетъ теперь періодъ усиленнаго броженія. Демонстраціи и массовыя сходки происходятъ то и дѣло. За эту недѣлю произошли 3—4. Мы лично извѣстны слѣдующія: Въ воскресенье, когда полиція была занята похоронами огравившагося гимназиста, на которыхъ ожидалась демонстрація учащихся, на Павлей улицѣ противъ Равіака (торьня), въ которой содержится много политическихъ, была устроена бурная демонстрація тысячной толпой. Затѣмъ, третью для на Дикой улицѣ, гдѣ была объявлена стачка на фабрикѣ, полиція выжидала заранѣе стачечниковъ-демонстрантовъ, но провокація не удалась. Вчера нѣсколько тысячъ человекъ демонстрировали на Бѣлянской улицѣ, видно было большое знамя.

Сильное броженіе замѣчается въ войскахъ. Агитація находитъ здѣсь благопріятную почву и даетъ хорошіе результаты. Офицеры (нѣсколько человекъ изъ нихъ сидятъ въ мѣстной Цитадели) попадаютъ чаще, чѣмъ солдаты. Въ одной изъ крѣпостныхъ солдатскихъ пивныхъ намъ пришлось недавно выслушать пѣвый рефератъ на тему о необходимости учащеннаго террора. Публики было человекъ сорокъ, были фельдфебели и взводные; съ особеннымъ азартомъ одинъ взводный доказывать примѣнимость учащеннаго террора, какъ исключительной системы борьбы. Съ неменьшимъ азартомъ бороздаты фельдфебель оппонентъ доказывалъ ему необходимость массовой агитации и борьбы.

Агитация находитъ себѣ особенно хорошую почву среди солдатъ, окончившихъ законный срокъ службы, но задержанныхъ въ полкахъ до паски въ виду ожидающейся мобилизаціи. Нечего и говорить о запасныхъ, которые, весьма вѣроятно, окажутъ коллективный отпоръ въ случаѣ мобилизаціи. Озлобленіе противъ милитаризма и ревнителей его такъ велико, что въ Варшавѣ царское правительство можетъ наткнуться на всеобщую стачку запасныхъ.

Варшава. Агентство «L'Information» телеграфируетъ ряду органовъ заграничной прессы отъ 14 ноября (нов. стиля):

«Серьезные беспорядки, театромъ которыхъ была вчера Варшава, вызваны социалистами.

«Такъ какъ на Грибовской аллеѣ, изъ среды толпы, среди которой было много евреевъ, раздали выстрѣлы, то жандармерія и полиція отвѣчали тѣмъ же. Улань, гусары и наконецъ инфантерія своимъ вышпательствомъ водворили порядокъ, прибѣгнувъ къ силѣ.

«Вечеромъ беспорядки, однако, возобновились.

«По отчетамъ медицинской помощи, зарегистрировано девять лицъ, погибшихъ отъ пули; до сорока — пострадало отъ сабельныхъ ударовъ...

«Четыре агента охраны тяжело ранены».

Письмо изъ Литвы. 22 (9) октября въ числѣ другихъ губерній была назначена мобилизація и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ литовскихъ губерній: Сувалской — Маріампольскій, Кальварійскій, Сейский и Сувалскій уѣзды и Ковенской-Зарасовской (Ново-Александровскій) уѣздъ. Отъ самаго дня объявленія мобилизаціи упорно носятся не лишенные основанія слухи, что въ Зарасовскомъ уѣздѣ почти никто не является на сборные пункты; земскіе начальники въ сопровожденіи полиціи ѣздятъ по деревнямъ и ловятъ запасныхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они оказываютъ сильное сопротивленіе; мы извѣстны убійства запасными двухъ шавельскихъ городовыхъ; немного побитъ Ковенскій губернаторъ Веревкинъ. Но интереснѣе всего, какъ отнеслась къ мобилизаціи Сувалская губ., особенно та черта, которая населена литовцами. Тамъ народъ стоитъ сравнительно на высокой степени культуры, по деревнямъ распространяется масса нелегальныхъ изданій; въ этомъ году было распространено много тысячъ литовскихъ прокламацій по поводу войны: «Война» (Karė) — изданіе Литовской Соціалдемократіи, 2) общая прокламація съ Польской Соціалистической, Латышской Соціалдемократической Партіей и Бѣлорусской Революціонной Организацией «Vytis», 3) прокламація вновь образованной организаци «Drangas» — «Нужно опомниться» (Susipraskim); кромѣ того нѣсколько гектографированныхъ прокламацій Литовской Соціалдемократической Партіи и Организацией «Drangas». Эти прокламаціи, попадаая въ самые темные уголки Литвы, произвели на читателей сильное впечатлѣніе и еще усилили ненависть къ царскому правительству вообще, и къ затѣянной имъ Манчжурской войнѣ, въ частности. Въ настоящее время, можно сказать, нѣтъ такихъ литовцевъ, которые бы поддерживали въ этой войнѣ сторону Россіи; замѣчательно, что даже и тѣ, чьи сыновья уже проливаютъ тамъ свою кровь, и тѣ радуются неудачѣ Россіи и объясняютъ это наказаніемъ божіемъ за ея грѣхи.

Вудучи близко знакомъ съ положеніемъ революціонно-соціалитическаго дѣла въ Литвѣ и съ настроеніемъ народныхъ массъ, я огорчился въ самый разгаръ мобилизаціи въ Сувалскую губернію. И что же увидѣлъ тамъ? Почти всѣ, у кого только хватало на дорогу денегъ, бѣжали за границу; многіе въ предчувствіи мобилизаціи уже давно туда утекли, нѣкоторые утекали теперь, въ послѣднюю минуту. Утекали наемные рабочіе, утекали малоземельные и средніе крестьяне, оставляя здѣсь своихъ женъ и дѣтей; многіе продали свои земельные участки; нѣкоторые сразу отправились въ Англію или Америку, нѣкоторые до поры до времени остаются въ Прусской Литвѣ. Границу часто проходили въ нѣсколько десятковъ человекъ. Если не удавалось какънибудь иначе пройти, переходили границу силою, убивая солдатъ: нѣсколько человекъ такимъ образомъ застрѣлено. Больше всего утекло изъ пограничныхъ уѣздовъ: Кауѣстскаго (Владиславовскаго) и Волковышскаго; въ нѣкоторыхъ гминахъ еще лѣтомъ во время провѣрки изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ запасныхъ остались только нѣсколько десятковъ. Въ виду этого въ этихъ уѣздахъ еще не назначена мобилизація.

Отправился я въ городъ Маріамполь; запасныхъ собралось едва половина, главнымъ образомъ изъ болѣе отсталыхъ мѣстностей уѣзда, не имѣвшихъ, на что убѣждать; евреевъ было самый малый процентъ. Здѣсь мы удалось услышать еще неслыханный дотолѣ вопль и плачъ отцовъ и дѣтей, женъ и мужей. Многіе прямо въ обморокъ падали. Нѣсколько женщинъ отъ сильнаго нервнаго потрясенія на улицѣ умерло, нѣсколько преждевременно на улицѣ родило... Ужасно! Вотъ отецъ шести дѣтей, старшему изъ которыхъ восемь лѣтъ, а мать умерла; у нихъ не остается ни кусочка хлѣба. Отецъ приходится съ дѣтьми къ воинскому начальнику, и, еле удерживаясь

на погахъ, говорить, чтобы раньше всѣхъ его дѣтей перерѣзали, а потомъ уже его, потому что все равно имъ нужно помирять съ голоду. Даже у начальника брыкнули слезы при видѣ такого ужаса. И, замѣчательно, «начальство» у насъ было очень сдержано, не бранилось, не ругало, всѣ могли свободно убѣжать въ послѣднюю минуту и многіе убѣжали уже послѣ того, какъ были приняты. Литовецъ.

Изъ дорожныхъ замѣтокъ. Мобилизація! Это словечко вы можете теперь услышать всюду — отъ Кавказа до Алтая — отъ Амура и гораздо дальше Дибра. Всюду оно, это слово, несетъ съ собой, помимо прочаго, прежде всего — сознание грядущей бѣды, насилия... Это фактъ. Сколько бы въ вагонахъ, на площадяхъ, въ церквяхъ, въ газетахъ ни толковали о томъ, что русскій человѣкъ «жаждетъ» пролить свою кровь за вѣру, царя и отечество — сколько бы ни увѣрили въ этомъ, дѣйствительность совершенно не оправдываетъ такихъ «милыхъ» иллюзий. Именно, иллюзий! Крестьянинъ, рабочий, если не трепещетъ при словѣ — мобилизація, то чувствуетъ себя не важно. — Всѣ, подлежащіе призыву, «думаютъ крѣпкую думу», думаютъ много, сознаютъ, что въ мобилизаціи есть что то такое скрытое, неясное пока, но нѣчто несправедливое, нѣчто насилующее. Прислушайтесь къ толкамъ, какіе слѣдуютъ по пятамъ развѣзжающаго по Россіи царя и вы поймете, какъ вѣрно то, что я отмѣчаю въ психикѣ русскаго человѣка.

— Вздилъ въ Одессу! говорятъ всюду про царскую поѣздку — вишь, сказываютъ, тамъ что то вышло... Такъ самъ упрасивать поѣхалъ...

Вслѣдъ за этимъ вы услышите и поясненіе того «что то», что или вышло или могло выйти.

Еще сидя въ Подволочискѣ и ожидая поѣзда, я услышалъ отъ одного выѣзжавшаго изъ Одессы за границу русскаго ни больше ни меньше слѣдующее:

— Удивительныя дѣла творятся въ Россіи — у насъ въ Одессѣ. Идетъ эта мобилизація... Такъ никто не идетъ охотно. Всюду берутъ силой... Мнѣ передавали, что нерѣдко являются на квартиру ночью и забираютъ.

— А почему же не днемъ?

— Боятся бунта.

Не важно — сколько тутъ правды, но важно то, что такіе предположенія существуютъ и въ видѣ разсказовъ о дѣйствительныхъ событіяхъ — передаются изъ устъ въ уста, отъ одного края Руси до другого. Отсюда ясно, что кое-гдѣ дѣло «по народной молвѣ» ~~можетъ~~ дойти не только до «крѣпкихъ думъ», но и до открытаго вооруженнаго протеста.

И дѣйствительно — лично, хотя я и не наткнулся въ своей поѣздкѣ по Россіи на крупныя факты, но за то слышалъ не мало такихъ рѣчей и видѣлъ не мало такихъ фактовъ, которые ясно говорятъ, что общее положеніе дѣла въ мобилизуемыхъ районахъ таково, что оно можетъ разразиться форменнымъ бунтомъ въ любой моментъ.

Было бы бесполезно теперь приводить тѣ разговоры, какіе мнѣ удавалось услышать за дорогу, но я соплюсь для подтвержденія сказаннаго на одинъ-два факта. Передъ нами Гладовка, какъ мнѣ называли, — это село съ населеніемъ въ 12 тысячъ душъ въ Херсонской губерніи Елисаветградскаго уѣзда.

Послѣдняя мобилизація въ Одесскомъ округѣ потребовала изъ этого села сравнительно большое число запасныхъ. Когда пришла вѣсть о наборѣ, когда слово «мобилизація» прокатилось по улицамъ Гладовки — народъ заводился. Многіе изъ подлежащихъ призыву прямо заявляли — не пойдемъ! Все равно — пусть, что хотятъ, то и дѣлаютъ съ нами, хоть казнить. Лучше здѣсь умереть, чѣмъ идти на войну...

Власти исполнились. Были приняты мѣры; послали чутли не за войсками, но настроеніе отъ этого нисколько не измѣнилось.

Характерно — буйствъ или чего-либо подобнаго не было.

Человѣкъ, который передавалъ мнѣ, такъ закончилъ:

— И вѣдь это не одинъ говорить — не пошу! — а много... Я такъ думаю — въ Гладовкѣ дѣло безъ бунта никакъ не обойдется!

— Можетъ быть, спрашиваю я, тамъ «студенты» подбиваютъ народъ?...

— Какіе тамъ студенты... Просто народу туго приходится... Вотъ и все въ этомъ...

— Но вѣдь говорятъ же тамъ, что война то ведется за вѣру, царя, отечество?

— Что жъ изъ этого, что говорятъ? — Конечно говорятъ. Да, вишь ты, время то не такое... И вѣдь погляди — не бунняютъ зря то — такъ будто и говорить — намъ другого не надо!

Въ Знаменкѣ, этой уловой станціи желѣзныхъ дорогъ, я на мѣстномъ рынкѣ, что возлѣ самаго вокзала, былъ свидѣтелемъ такой сцены. Призванный въ армию запасной, уже выбравшійся и благодаря этому выделяющийся изъ общей массы народа — подходитъ къ уряднику. Надо замѣтить, что запасной совершенно трезвъ.

— Шкура! обращается онъ къ уряднику. Послѣдній молчитъ и, предчувствуя что то недоброе, опирается на перила мостика. Видно, какъ сразу кровь отошла отъ его лица и послѣднее приняло почти мертвенное выраженіе.

— Шкура! Тебѣ говорятъ? Огохъ? грубо повторяетъ запасной и направляется къ уряднику.

— Чего тебѣ? спрашиваетъ урядникъ.

— Услышалъ?! Ну, такъ пошелъ отсюда прочь!

Урядникъ остолбенѣлъ.

— Прочь...

— Почему это? наконецъ выговариваетъ онъ и, оправившись, добавляетъ: — Мнѣ и тутъ хорошо.

— Врешь! Мнѣ худо! Говорю тебѣ, уходи!

— А я тебѣ говорю, что мнѣ и тутъ хорошо.

При этихъ словахъ урядникъ незамѣтно ошупываетъ саблю и безпокойнымъ взглядомъ обводитъ собравшуюся и безмолвствующую толпу.

Вдругъ что то мелькнуло въ глазахъ полицейскаго служителя.

— Что собрались? окрикнулъ онъ грозно толпу. Разойтись!

И онъ попытался по привычкѣ двинуться къ тѣмъ, что стояли поближе...

— Разойтись! Что ты еще стоишь тутъ? и онъ толкнулъ при этихъ словахъ одного парня.

— Стой! скомандовалъ запасный.

— Что присталъ? грозно и уже хватаясь по военному за саблю, крикнулъ полицменъ.

— А вотъ что!!

При этихъ словахъ запасный развернулся и далъ полицмену пощечину, потомъ другую. Толпа заводилась.

— Вайте его! Вайте его! кричалъ урядникъ, но увы!

Никто не кинулся вязать.

— Что? Что стоите? Или не принимали присяги? продолжалъ выкрикивать полицменъ.

— Я васъ! грозить онъ.

— А я тебя! отвѣчаетъ запасный и снова пощечина. Но въ это время изъ дверей одной лавки выбѣгаетъ фигура въ передникъ — очевидно, лавочникъ и, наскочивъ на запаснаго сади, валитъ его на землю.

Урядникъ страшно взволнованъ и выражаетъ нетерпѣніе «дать пинка» лежащему запасному, но не рѣшается.

— Вести его! командуетъ онъ.

— Ребята! раздается въ толпѣ — что же это такое? Нашего брата бьютъ, а мы смотримъ...

Слова подѣйствовали и пришили, какъ поворится, толпѣ «по душѣ». Запасный черезъ секунду уже былъ свободенъ, фигура въ передникѣ скрылась, а урядникъ забѣжалъ въ мануфактурную лавку.

— То-то! слышалось въ толпѣ. — Иди да оглядывайся!

А запасный, поднявъ грозно кулакъ и потрясая имъ кричитъ:

— Я вамъ! Вы теперь добьетесь своего! Будетъ вамъ!

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я одного почтеннаго мужика толпы.

— Да вотъ идетъ на войну, ну, значить, и отводить душу.

— Какъ такъ?

— И очень просто! Кому охота идти туда? А ему что теперь? Онъ никого не боится, потому смерть — такъ смерть! Полицейскій же, вотъ повѣрь моему слову, ничего и не возьметъ. Потому, погляди кругомъ — одно слово — порохъ!

Что было дальше, какъ и того, что вышло въ Гладовкѣ — я, понятно, не знаю, но уже то, что вышло — развѣ оно ни о чемъ не говоритъ? Повторяю: мобилизація, какъ правило, всюду вноситъ сознание грядущей бѣды, насилия, но не вездѣ только одно это само по себѣ — безплодное сознание. Характерно слѣдующее: всюду въ разговорахъ проскальзываетъ одна интересная черта — раньше этого не было! Старики, что помнятъ русско-турецкую войну единогласно подтверждаютъ, что тогда, хотъ «сражались» внѣ Россіи, ложились подъ непріятельскими пулями за «братушекъ», а не за «престолъ»

отечество», но всё шло иначе — как-то и охотнее, и без всяких возражений.

— Почему же теперь этого нет? говорите вы.

— Потому народ не то, он умише стал, не то дерзости в нем больше стало. И посмотрите: чем дальше, тем все хуже и хуже. По весне не было того, что ты видишь теперь. И ведь посмотрю, куда лезут? Зря то не тово, не дѣлаютъ. Да, мобилизация. Она дѣлаетъ свое дѣло.

Но къ несчастью приходится отмѣтить, что революціонныя партіи пока что совершенно не использовали всего того, что творится на всей необъятной Россіи. «Какіе тамъ студенты!» говорятъ вамъ всюду.

Я думаю, что если и дальше дѣла пойдутъ въ такомъ же видѣ, если вся дѣятельность партій будетъ ограничиваться разбрасываніемъ листовъ и неосознанностью даже о томъ, гдѣ и какъ мобилизуемые себя чувствуютъ, то намъ потомъ придется жестоко изъ такой халатности раскаться.

Мобилизация должна быть использована.

Одесса. Мобилизация въ Одессѣ вызвала нѣсколько открытыя проявленія протеста противъ войны, не говоря уже, конечно, о томъ общемъ ропотѣ отчаянія, на который натапливаешься на каждомъ шагѣ.

Первое время (въ началѣ сентября) почти при каждой отправкѣ запасныхъ на желѣзной дорогѣ у вокзала происходили довольно внушительныя столкновенья съ полиціей; каждый разъ при отправкахъ ночью (отправляютъ въ часъ ночи) собирались по нѣскольку тысячъ народу. Благодаря усиленной дѣятельности революціонныхъ организацій, съ успѣхомъ распространявшихъ массу листовъ, къ обычнымъ рыданіямъ и воплямъ провожавшихъ и провожаемыхъ на убой примѣшивались и возгласы «долой царя!» «долой самодержавіе!» «долой кровопроливцевъ», «не хотимъ войны!» Начальство распорядилось не пускать провожающихъ на вокзалъ. Казаки перевели приказаніе на языкъ нагаекъ, но получили отпоръ въ видѣ града кирпичей. При отправкѣ второго эшелона въ толпѣ находилось человекъ 150 рабочихъ, примыкавшихъ къ организаціямъ партій соц.-рев. Въ теченіе часа были дважды отбиты конные городове, около часу продолжались крики «долой царя!» пока наконецъ не подоспѣло подкрѣпленіе, въ видѣ отряда казаковъ. Распространялись и читались въ службѣ листки. Одному городовому проломилъ голову, одного казака сбросили съ лошади. Въ Еврейскую больницу было привезено 6 человекъ раненныхъ. Настроеніе самихъ запасныхъ осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ ихъ провели на вокзалъ другимъ путемъ.

Послѣдніе дни среди запасныхъ сплошное пьянство. Пущенное мясо водкой заливаетъ свое горе. На дняхъ передъ отправкой изъ казармъ обезумѣвшіе отъ отчаянія солдаты стали бить стекла въ казармахъ и выбрасывать на улицу свои сундуки и разныя другія пожитки. На Почтовой улицѣ, гдѣ это происходило, стоялъ гулъ отъ криковъ, рыданій, звона стекла, пьяныхъ воплей...

Одесса. (Понедѣльникъ). 6 сентября происходила первая отправка запасныхъ. Отправляли 800 чел. Вокзалъ съ раннего утра былъ окруженъ полиціей, казаками, солдатами карантиной стражи. Вся одесская полиція была сосредоточена вокругъ вокзала; публика съ 10 ч. утра начала собираться на улицахъ, прилегающихъ къ вокзалу. Всюду раздается плачъ родныхъ, растающихъ со своими кормильцами.

Носятся въ толпѣ слухи, что ихъ не будутъ выпускать на вокзалъ прощаться; слухи оправдались: былъ отданъ приказъ не выпускать никого кромѣ запасныхъ. Но одна группа ворвалась на вокзалъ, полиція не допустила ее къ поезду, произошла свалка, во время которой были разбиты стекла на вокзалѣ. На перронѣ были вызваны солдаты съ ружьями, но благодаря отсутствію распорядителей они не знали, какъ имъ поступить. Начальникъ станціи приказалъ машинисту ввести поездъ. Машинистъ, чтобы очистить путь, началъ обливать толпу теплой водой изъ шланга. Одинъ товарищъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ шлангъ и направилъ его на машиниста. Тотъ, по распоряженію начальника, поспѣшнѣе уѣхалъ на своемъ паровозѣ. Крики, причитанія, плачъ раздавались все время до отхода поезда и неслись ему долго вслѣдъ.

Въ среду отправляли вторую партію запасныхъ. Во избѣжаніе паники публики и могущихъ произойти столкновенья съ ней, подобно тѣмъ, которые произошли въ понедѣльникъ, рѣшили отправить эту партію въ 1 часъ ночи.

За день до отправки появились въ мѣстныхъ газетахъ со-

общенія и замѣтки, что на перронѣ и вокзалѣ будутъ пропускать только предъавшихъ особые билеты.

Въ 9 часовъ вечера запасные начали сходить къ вокзалу. Публики къ этому времени собралось очень много. На подмогу полиціи прибыли конные жандармы, которые, раздѣлившись на десятки, расположились по обѣимъ сторонамъ вокзала; пѣшие солдаты, поставивъ ружья въ козлы, стояли около садика, липомъ къ главному входу; часовые, съ ружьями на плечахъ, расхаживали около солдатъ, отстраняя всякаго, кто, приблизившись къ солдатамъ, пытался о чемъ-нибудь ихъ разспрашивать. За деревьями садика, примыкающаго къ подъѣзду третьяго класса, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, были скрыты казаки верхомъ. (Говорятъ, что казаки были скрыты также во дворѣ окружнаго суда).

По инициативѣ одного изъ «агитаторскихъ собраній» Одесскаго Комитета Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ около вокзала собралась организованная рабоче съ цѣлью воспользоваться настроеніемъ собравшихся и повернуть его противъ истинныхъ виновниковъ тѣхъ стонновъ и воплей, которые раздаются теперь по всему лицу земли русской.

Въ 10 часовъ вечера были разсыпаны листки, раздались возгласы: «Долой самодержавіе! Да здравствуетъ война противъ войны!» Сбѣжалась полиція и начала собирать листки; толпа не пускала, началась свалка, въ которой помяли дворника и разбили ему голову, раскроили черепъ городовому. — Оба были отвезены въ больницу. Запасные приветствовали манифестантовъ криками одобренія.

Видя порженіе полиціи, одинъ помощникъ пристава крикнулъ: «Подавай казаковъ!» Въ это время ловко пущенный кирпичъ попалъ ему въ голову. Одинъ казакъ ударомъ брошеннаго камня былъ сбитъ съ коня. Когда казаки прискакали, вдругъ раздались крики: «бомбы сюда, бомбы сюда!» — и казаки сразу замѣтно поколебались: ужъ не такъ усердно давили лошадыми, не такъ безцеремонно размахивали нагайками и поспѣшно удалились. Когда казаки удалились, на землѣ лежало четверо смятыхъ ими: трое подыались безъ посторонней помощи, по возлѣ одного образовалась струйка крови и онъ страшно хрипѣлъ. Его отвезли въ больницу, говорятъ, врядъ ли выживетъ. Остальные отдѣлались легче — одинъ товарищъ получилъ ударъ нагайкой по шкѣ.

На вокзалѣ нѣсколько запасныхъ обратились къ градоначальнику и просили обратить вниманіе на то, что семьи ихъ остались безъ кормильцевъ, а имъ ничего не даютъ для пропитанія... Въ отвѣтъ они услышали грозное: «Врешь!»

Въ воскресенье отправляли третью партію запасныхъ, объ этомъ стало извѣстно въ городѣ въ субботу, по городу носились слухи о предстоящей демонстраціи, говорили, что социалы-революціонеры вооружаются, но комитетъ рѣшилъ на этотъ разъ, не смотря на настоянія рабочихъ, не устраивать пока демонстраціи, мотивируя свое рѣшеніе экстренными мѣрами полиціи, присутствіемъ войска и отсутствіемъ сильнаго ядра способнаго противостоять полиціи и казакамъ.

Вечеромъ къ вокзалу собралась вся имѣющаяся въ Одессѣ полиція, конная и пѣшая, около десяти часовъ прибыли казаки. Публика и родные запасныхъ разгонились безжалостно изъ улицъ, примыкающихъ къ вокзалу, прощались на Екатеринской улицѣ, за два квартала до вокзала. Около десяти ч. начали раздаваться голоса, предлагающіе прорваться къ вокзалу, попытка было увѣнчалась успѣхомъ, цѣпь полиціи была прорвана, полиція подъ градомъ кирпичей, вырываемыхъ изъ огражденій, устроенныхъ вокругъ деревьевъ, обратилась въ бѣгство. Нѣсколько товарищей обратили вниманіе на одного человека, который велъ себя очень странно, черезъ нѣсколько времени къ нимъ присоединились товарищи и указали на этого господина, какъ на шпиона, другіе подтверждали его мнѣніе, а нѣкоторые изъ вновь прибывшихъ прямо указывали на него, какъ на шпиона, черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ сбитъ съ ногъ, на головѣ изъ двухъ большихъ ранъ текла кровь; надъ нимъ сжалились, унесли его къ дворнику въ домъ, тамъ ему умыли голову, оставовили хлѣбнымъ мякишемъ кровь.

Черезъ нѣсколько минутъ прибыли казаки, конные и пѣшие городовые, предводительствуемые верховными офицерами и надзирателями. Казаки погналы толпу по Ришельевской, городовые пробовали погнать отдѣлившіхся по Рыбной, но были отбиты кирпичами; подкрѣпленные пѣшими городовыми, они пробовали возобновить атаку, но были отбиты во второй и третій разъ, только сомкнутый строй казаковъ обратилъ въ бѣгство горсть людей безъ всякой связи межъ собой, при

полномъ отсутствіи руководителей, отбивающихся отъ пѣшихъ и конныхъ полицейскихъ.

Дворники совершенно отсутствовали, они спрятались, какъ только начали вырывать кирпичи изъ ограждений, устроенныхъ ими, съ такимъ трудомъ и стараніемъ вокругъ деревьевъ. Большинство изъ нихъ (дворниковъ) сидѣли въ подъѣздахъ, заперевъ на крѣпко ворота; нѣкоторые рискнули выйти на улицу, снявши, однако, форменную шапку и фартуки; ужъ поздно вечеромъ, когда начали расхаживать, раздались крики: «Долой войну!» Одинъ конный городской помчался на кричавшаго, но ему вслѣдъ полетѣли кирпичи и онъ вынужденъ былъ повернуть коня. На его счастье ему на помощь подоспѣлъ еще одинъ конный и ему удалось благополучно отступить. Рассказываютъ, что двухъ казаковъ, погнавшихся за нѣсколькими людьми на Старорѣзничную ул., также забросали камнями и они усаkali къ отряду, отъ котораго они отдѣлились.

Толпа вела себя иначе, нежели въ прошлые годы. Кто помнитъ, что происходило на Дербасовской улицѣ, во время первой демонстраціи, устроенной Южно-Русской Группой Соціалдемократовъ, тогда пылые городовые, дворники, сторожа подъ предводительствомъ мертвецы-пьянаго помощника пристава врывались въ самую гущу демонстрантовъ, били, сбивали съ ногъ, топтали и никто не оказывалъ никакого сопротивленія. На Греческой площади, помощникъ пристава съ двумя городовыми гнали за толпой, арестовывали; камни, наваленные кучами, для ремонта мостовой, служили для болѣе удобнаго укрытія отъ преслѣдованія полицейскихъ и не одна рука къ нимъ не протянулась, чтобы использовать ихъ надлежащимъ образомъ.

Тотъ же выводъ получится, если сравнить нынѣшнюю демонстрацію, хотя бы со второй прошлогодней демонстраціей, той же Ю.-Р. Г. С.-Д. на бульварѣ вечеромъ: тогда черезъ нѣсколько минутъ послѣ поднятія знамени, въ самое ядро кинулся жандармъ и проходившій въ это время офицеръ, и ядро разсыпалось; говорили, что офицеру порѣзали шинель, а черезъ полчаса двое городовыхъ, подъ предводительствомъ шпіона выхватывали ему почему то не полюбоившихся; правда, крики: «Долой самодержавіе!» все раздавались, но охранители спокойно продолжали свое дѣло, и ни одна рука не поднялась, чтобы отбить арестованныхъ.

И теперь полиція могла арестовать, нр она не посмѣла бы ворваться въ самую гущу, какъ она это дѣлала во время прошлыхъ демонстрацій, толпа показала, что одного окрика помощника пристава и появленіе полиціи, даже конныхъ, не обращаетъ ее въ бѣгство; она отступила только подъ натискомъ строя казаковъ, занявшихъ всю ширину улицы.

Рабочій.

Двинскъ. 16 октября, по случаю мобилизаціи, мѣстная группа соц.-рев. (образовалась недавно) разбросала по городу и распространила разными способами около 3.000 экз. прокламацій «Къ ополченію», за подписью группы (печ.). Особенно много листовъ попало въ казармы, они читались тамъ вслухъ и имѣли большой успѣхъ. Еще удачѣе прошла и прозвѣла большая впечатлѣніе слѣдующая попытка распространенія прокламацій. Когда застѣла коммиссія по приемѣ запасныхъ, то во дворѣ воинскаго начальника, гдѣ собралась большая толпа, вдругъ надъ нею взвился дождь прокламацій (около 100 штукъ). Неожиданность привела толпу сначала въ изумленіе, потомъ это изумленіе перешло въ любопытство и даже восторгъ. Раздались крики: «Листки! листки! ура! Собирайте, собирайте скорѣй!» Тотчасъ же все листки были разобраны по рукамъ, и началось наперерывъ чтеніе, часто цѣлыми кучками, вслухъ. Поднялись толки, говоръ, одобренія: «хорошо, правильно написано» — говорили мужики: «вѣрно сказано: оттого мы и голодаемъ, что землю помѣщики да начальство захватили въ свои руки; безъ этого земли бы на всѣхъ хватило, земли на Руси довольно, некуда за ней въ Манджурію перет; земля наша, а не чужая, и полное право имѣемъ мы всю ее забрать». Полиція, видя возбужденіе, огibtать листовъ не рѣшалась; боялась, какъ бы не было худя. И вотъ, собравшіеся на дворѣ тоже разнесли взятые листки по городу, и показывали ихъ товарищамъ. Поднялись повсюду толки, что въ городѣ завелось какое то общество соц.-рев., разспросы другъ у друга — читалъ ли ихъ листки. Кстати, стали припоминать, что такое же общество убило главнаго русскаго палача Плеве, и говорили: «да, у нихъ не то обыкновеніе, чтобы сидѣть и молча терпѣть, даже по писаніямъ

ихъ это видно». Полиція встревожилась, но ничего не могла раскопать; сорвала свою злость, захвативъ у двора воинскаго начальника какого то мужчину лѣтъ 40; избили его, но на слѣдующій же день, говорятъ, выпустили. Полиція ходила и по дворамъ въ поискахъ листовъ, да ужъ поздно.

Рабочій.

Самара. Съ парохода, шедшаго изъ Астрахани, сошла на пристань толпа запасныхъ солдатъ, отправляемыхъ на Дальній Востокъ. Хотя каждую такую партію встрѣчаетъ все военное начальство съ воинскими начальниками во главѣ и пароходъ во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній стоитъ очень не долго, но толпа эта успѣла раздобыться водкой и распить ее. Третій свистокъ, а толпа не трогается: пьетъ и пьетъ. Воинскій начальникъ спѣшитъ къ группѣ, мало обращающей вниманія на свистки, гонитъ ее на пароходъ и уговариваетъ упирающихся. Тонъ его ласковъ: — «Идите, идите... тамъ допьюте», — и въ это время толкаетъ ко входу одного солдата. Тотъ мрачно отмахнулся: «Ты, ваше благородіе, не толкай! Видишь я самъ солдатъ. На бойню везутъ, на зарѣзъ, а ты толкаешься. Смотри, коли я тебя толкну, такъ ты не такъ полетишь». Стали убирать сходни, большая часть пробѣжала на пароходъ, человекъ же 12-15 остались на пристани. Пароходъ отошелъ почти на аршинъ. «Прыгай, прыгай!» кричитъ воинскій начальникъ. «Прыгай самъ», — отвѣчаютъ ему оставшіеся, — «болѣно ты прыткий, коли перемахнешь». «Ну, съ кормы, ребята, корма еще не отошла». — «И валий самъ, сломи голову! Намъ, ваше благородіе, все едино — на бойню везутъ, лучше ужъ на здѣшней бойнѣ прирѣжьте, по крайности, на своей землѣ»...

Изъ Самарскихъ казармъ. (28 августа) Пришла съ нижняго Поволжья партія запасныхъ солдатъ (низшихъ чиновъ — по ихъ офиціальному званію), человекъ тысячъ до двухъ. Народъ разношерстный, низовый. Къ обѣду дали имъ щи, затѣмъ, съ конюшнимъ мясомъ и съ громаднымъ количествомъ черныхъ таракановъ. Обычная штука русскаго человека надъ гнусной пищей солдатамъ и на умъ не шли. Видимо, разные эпизоды изъ прованія ихъ съ родными не изгладившіе еще изъ памяти, видѣрты дисциплину еще начальство не успѣло, сознаніе идущаго на вѣрную смерть пушечнаго мяса толкало ихъ на протестъ. Поднялся ропотъ. «Воинскаго начальника сюда, пусть посмотритъ, такъ его разтакъ», — раздались одиночные крики, перешедшіе скоро уже въ грозный гулъ двухтысячной толпы. Дежурные офицеры смущались и дали знать по телефону начальству. Прискакалъ воинскій начальникъ, влетѣлъ... Ему подають цѣлую чашку оваренныхъ во щакъ черныхъ таракановъ, которыхъ далеко не всѣхъ выловили солдаты изъ своей пищи. «А, вы бунговать! Съ внутреннимъ врагомъ царя и отчества снюхались», встрѣтилъ тотъ депутацію съ «претензіей». — «Молчать! сейчасъ вызову полкъ солдатъ, стрѣлять прикажу! Смирно, по мѣстамъ!» Среди полного недоумѣнія молчанія прорвались одиночныя восклицанія: «Что, ребята, смотрите, все одно на бойню везутъ, да еще и голодомъ морятъ. На ура его». Въ одной сторонѣ крикнули ура. Воинскій начальникъ обернулся: «Кто кричалъ, кто смѣлъ кричать!» Но впереди все тихо, а сзади вновь раздалось еще болѣе дружное ура. Начальникъ вертѣлся, грозилъ, приказывалъ, но «ура» раздавалось все грознѣе и толпа тѣсными кольцомъ обступила его. Самъ онъ и бывшіе съ нимъ офицеры поблѣднѣли. Последнѣ шеренгой выстроились по обѣимъ сторонамъ входа въ казарму и... полковникъ постыдно побѣжалъ. Толпа ринулась за нимъ, сдерживаемая нѣсколькими офицерами. Начальникъ усакалъ на первомъ попавшемся извозчикѣ, напутствуемый страшными ругательствами и проклятіями. «Улизнулъ, такой саякой! Подняли бы мы тебя па ура». И долго еще не могли успокоиться запасные.

Въ Самарѣ солдаты просили милостыню: «истъ» нечего. «Истъ» нечего здѣсь... Что же будетъ тамъ?

Извѣстный въ Самарѣ ротный командиръ-мордобой Чекшерева былъ убитъ солдатами своей роты раньше даже, чѣмъ дохалъ до театра войны, — около Челябинска. Не утерпѣли, бѣднѣи! 3 человекъ ждутъ суда.

При проходѣ партій по улицамъ, повсюду слышится: «гонять на бойню, на зарѣзъ». Пассажиры парохода, встрѣтивши на Сызранскомъ мосту воинскій побѣздъ, слышали изъ вагоновъ только одни крики: «прощайте, умирать идемъ, на бойню везутъ». Встрѣтились, затѣмъ, два парохода, и съ идущаго снмзу несутся тѣже роковыя крики: «на бойню, на разстрѣлъ, съ голоду околѣвать!» Многія впечатлительныя

души не выносят этой увертюры-трагедии: истерика то здесь, то там. Чего же можно ожидать при финале этой трагедии, стремящейся разыгратися в один сплошной, дикий ужас.

Богуславъ (Кіевской губ.). 12 октября. У насъ въ городѣ разразились безпорядки, и при томъ въ крайне острой формѣ. Поводъ — мобилизація. Запасные разгромили мѣстечко и подожгли. Разрушили три завода, разсуждая, что имъ лучше положить голову на родинѣ. Разрушаютъ все, что попадется имъ подъ руку. Касаются эти безпорядки больше евреевъ, хотя, въ цѣломъ, это не антиеврейскіе безпорядки, а общіе, отмѣченные печатью безпредметной злобы. Во многихъ мѣстахъ евреи защищаются.

Каневъ (Кіевской губ.). Наконецъ то могу вамъ сообщить о всѣхъ тѣхъ ужасахъ, которые пришлось переносить весь вчерашній день. Вы уже знаете, что у насъ объявлена мобилизація. 12-го октября весь день запасные ходили по улицамъ съ матерями, сестрами, женами и малыми дѣтками... Лавки всѣ были заперты, такъ какъ слухъ о Богуславѣ далъ всѣмъ знать, что и здѣсь будетъ то-же. Во всемъ чувствовалась какая то придавленность. Евреи ожидали погрома, а потому многіе попрятались, поуѣзжали, многіе же рѣшили защищаться и для этого запаслись кое-чѣмъ...

Утромъ 13-го одинъ запасный разбилъ въ одномъ домѣ стекло камнемъ. Черезъ часъ послѣ этого толпа запасныхъ разбила монополию и вынесла всю водку, которую тутъ же раздѣлила. Пришли туда солдаты и стали въ нихъ стрѣлять. Убили одного и двухъ ранили (уѣздный врачъ говорилъ, что только одного ранили). Послѣ выстрѣловъ, запасные ворвались въ управу, гдѣ тогда дѣлали смотръ запасныхъ. Комиссія поспѣшила разбѣжаться, многіе изъ нихъ попрятались подъ столъ, подъ диванъ, въ погребъ. Врача военного поймали и черезъ окно выбросили. Дали телеграмму въ Кіевъ, чтобъ прислали солдатъ, такъ какъ рота, которая была въ городѣ, недостаточна, а стражники прямо заявили, что не хотятъ бить толпу, такъ какъ они, молъ, тоже люди...

Изъ управы толпа ушла на базаръ, гдѣ ранили въ голову помощника исправника. Послѣ этого толпа принялась за лавки; врывалась въ дома, требуя денегъ и водки. На мнѣ глазахъ разбили магазинъ машинъ и магазинъ музыкальных инструментовъ. Толпы пьяныхъ останавливали всѣхъ встрѣчныхъ, требуя денегъ. Женщины, дѣти ходили съ плачемъ по городу, прося помощи. Но помощи негдѣ было ожидать, такъ какъ полиція и даже офицеры нашли лучшимъ не показываться. Видно было, что стражники сочувствуютъ толпѣ. Когда толпа набросилась на помощника исправника, они смотрѣли на это, улыбаясь въ усы...

Въ 11 час. ночи стало утихать. Евреи собрались у приставы и ждали солдатъ до утра. Утромъ 14-го пришелъ цѣлый батальонъ съ приказомъ стрѣлять въ толпу, но не пришлось... По улицамъ, особенно по базару, всѣхъ обыскиваютъ. Лавки всѣ разграблены. Многіе потеряли убытку болѣе чѣмъ на 4000 руб. Удивляешься, что не найдется людей, которые направили бы этихъ несчастныхъ на дѣйствительныхъ виновниковъ ихъ бѣдъ... Говорятъ, что въ сѣдѣнныхъ деревняхъ и мѣстечкахъ было еще хуже. Подробностей пока не знаю. Передаютъ какъ фактъ (изъ разсказовъ запасныхъ), что запасные ворвались къ какому то помѣщику и взяли у него 8000 руб. Когда онъ строго застрѣлилъ, то ему «*скрутили глаза*». Гдѣ то разбили два завода. Въ селѣ Степанцы евреи отчаянно защищались и нѣсколько запасныхъ избили почти до смерти.

Орша, Могилевской губ. (Изъ частнаго письма. 13 октября) «Передаю о безпорядкахъ въ Могилевѣ со словъ бѣжавшихъ отсюда. Съ субботы свирѣпствуетъ эта стихійная разнузданность. Въ пятницу, въ 10 час. вечера, была объявлена мобилизація, а въ субботу часа въ три уже громили, въ отдѣльныхъ случаяхъ, лавки, били встрѣчавшихся евреевъ — всегдашнихъ козловъ отпущения. Впрочемъ, что безчинства начались со стороны лишь однихъ лучшескихъ мѣщанъ-босиковъ, ограничиваясь лишь отдѣльными случаями безчинствъ; но потомъ пошло crescendo. Винныя лавки были разнесены... Громили не встрѣтивъ никакихъ препятствій, — и пошла «писать губернія». Разсказываютъ о разрушенныхъ домахъ во всѣхъ концахъ города. Даже большіе магазины въ домѣ Вобовина разгромлены, и если не окончательно, то лишь благодаря вѣжательству офицеровъ, вышедшихъ изъ помѣщающагося въ этомъ домѣ военного собранія. Достаточно было одного окрика, чтобы эта обезумѣвшая, пьяная орда бро-

силась бѣжать на окраины, населенныя беззащитной бѣдною... Я не въ состоянн описать тѣхъ ужасовъ, какіе тамъ творились, и передать подробности, о которыхъ мнѣ сообщали... Много народу бѣжало оттуда, но среди бѣжавшихъ со всѣмъ почти не замѣчается мужской молодежи. Дѣвушки же бѣжали многія. Говорятъ, будто одну дѣвушку растоптали, до смерти, кажется. Говорятъ также, что жертвы вообще довольно многочисленны. Да развѣ дѣло въ *количествѣ* жертвъ?... Бѣжали сюда также и изъ Витебска, гдѣ также громятъ, и винныя лавки разграблены. Безчинствуютъ въ Смоленскѣ — попадаетъ всѣмъ безразлично, русскіе ли они, поляки или евреи. У насъ тоже ждутъ безпорядковъ, но у насъ полиціей принимаются кой-какія мѣры. Собраны также деньги, чтобы вручить проходящимъ запаснымъ.

Александрія, Херсонской губ. Во время призыва запасныхъ, здѣсь произошли безпорядки, во время которыхъ помощникъ исправника былъ битъ съ ногъ, разграблено много магазиновъ, и одинъ еврей былъ убитъ и три тяжело ранены. Безпорядки, продолжавшіеся цѣлыя сутки, были подавлены лишь на второй день при помощи присланныхъ казаковъ и пѣхоты. Несомнѣнно, это былъ протестъ за битаго голоднаго человѣка противъ ненормальной обстановки всей его жизни, но этотъ протестъ, благодаря полному умственному неврѣжеству массы, вылился въ крайне жестока и въ тоже время почти ничего не достигающія формы. Арестовано около 200 чел. Запасные, въ сопровожденн толпы, разорили дома помѣщиковъ Миханла Ярузальскаго, г-жи Кноррингъ и Демченко. Ярузальскій былъ сильно избитъ и, по слухамъ, въ настоящее время умеръ въ Кременчугѣ, въ больницѣ (Ярузальскій старикъ 75 лѣтъ). Въ домахъ было уничтожено все.

Телеграммы иностранныхъ газетъ сообщаютъ о серьезныхъ безпорядкахъ запасныхъ въ Рязани и Москвѣ. Запасные отказывались идти на войну, сопротивлялись полиціи и войскамъ; были убиты и ранены.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ ВОЙНА СЪ ЯПОНИЕЙ И ИНТЕРЕСЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ послѣднее время въ социалистической прессѣ Запада довольно оживленно обсуждался поднятый Жоресомъ въ его «L'Humanité» вопросъ о необходимости возможно болѣе дружнаго общенароднаго протеста противъ безмысленной войны между Россіей и Японіей. Поднятый Жоресомъ вопросъ коснулся столь важныхъ событій даннаго историческаго момента, что даже одно его возникновеніе, еще не предвѣщающее пока никакихъ серьезныхъ послѣдствій, уже заставило Межд. Соц. Бюро обратиться къ социалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ съ соотвѣствующимъ запросомъ, причемъ это непосредственное участіе въ дѣлѣ высшаго исполнительнаго органа международнаго социализма указываетъ на тотъ общій принципиальный характеръ, который по необходимости должно будетъ имѣть то или другое рѣшеніе, принятое каждой изъ социалистическихъ партій.

И дѣйствительно, легко видѣть, что поднятый вопросъ, въ силу поставленной имъ задачи совместнаго воздѣйствія различныхъ парламентскихъ партій и въ томъ числѣ социалистической, на общественное мнѣніе и правительства различныхъ европейскихъ странъ, представляетъ собой лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ совместнаго участія социалистическихъ и господствующихъ буржуазныхъ партій въ извѣстномъ политическомъ актѣ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь воплотившійся опредѣленный конкретный случай примѣненія къ социалистической политикѣ относящихся сюда рѣшеній международныхъ социалистическихъ конгрессовъ, причемъ самый вопросъ о союзѣ или сотрудничествѣ социалистическихъ партій съ несоциалистическими ставится здѣсь въ его наиболѣе рѣзкой формѣ, такъ какъ, по мысли Жореса, къ такому сотрудничеству приглашаются одинаково народы и правительства, социалистическія партіи и буржуазные парламены, рабочий классъ и современная преступная и іезуитски-коварная дипломатія. «Если бы парламены, — говоритъ Жоресъ*, — безъ всякаго стремленія къ какой либо воплотившійся опредѣленной формулѣ посредничества, выразили бы повсюду свою скорбь

*) См. статью его «Противъ войны» въ № 182 «L'Humanité».

по поводу этих ужасов; если бы они высказали желание, чтобы правительства и народы, не принимающие никакого непосредственного участия въ данномъ конфликтѣ, сговорились на счетъ того, чтобы дружескимъ способомъ призвать обоюдоющую націю къ миру, тогда дипломатія могла бы легче найти поводъ къ посредничеству... Международный социализмъ могъ бы содѣйствовать повсюду такой необходимой демонстраціи въ пользу мира и человечности».

Такъ идилически мечтаетъ Жанъ Жоресъ объ образованіи новаго, международного bloc'a, призваннаго объединить волковъ и овецъ въ дѣлѣ совместной защиты началъ мира и гуманности...

Но мы, русскіе социалисты-революціонеры, не можемъ оторвать вопроса о борьбѣ противъ войны отъ вопроса о низверженіи самодержавія. Мы непримиримые противники всякаго милитаризма и всякой войны, несчитаемъ, однако возможнымъ адресовать *требованіе прекращенія войны къ существующему правительству*. Да и вообще къ самодержавію мы не адресуемъ никакихъ просьбъ и никакихъ требованій, кромѣ одного: *чтобы оно не было*, чтобы оно умерло. Прекратить войну, создать условия для прочнаго мира мы хотимъ единственно рациональнымъ путемъ: уничтоженіемъ самодержавія, побѣдой внутри страны рабочаго народа. И вмѣшательство современной дипломатіи въ русско-японскій конфликтъ намъ не даетъ никакихъ гарантій для дѣла гуманности и культуры. Развѣ эта дипломатія не вмѣшлась когда то въ японско-китайскій конфликтъ? И что же изъ этого вышло? Ничего, кромѣ той запутанности отношеній, однимъ изъ результатовъ которой и была современная русско-японская война. Итъ, не извѣдъ, не со стороны различныхъ недоверчиво и враждебно глядящихъ другъ на друга буржуазныхъ націй ждемъ мы избавленія, а изнутри, отъ живыхъ силъ самой страны, отъ плѣбныхъ силъ, которыми обладаетъ организмъ самаго русскаго народа. Эти силы должны поразить восточно-манчжурскую авантюру въ самомъ ея корнѣ, въ самомъ ея источникѣ, въ лицѣ той правящей клики, которая, не справляясь съ интересами народа, ради выгодъ кучки офицеровъ безумно тратитъ драгоценныя средства страны, драгоценную кровь ея дѣтей...

И характерно, что въ Европѣ все больше и больше растетъ число людей, которые не въ посредническихъ услугахъ царю, а въ низверженіи царизма видятъ разрѣшеніе вопроса мира и гуманности; которые понимаютъ, что царизмъ и военный авантюризмъ — нераздѣльны, что мирныя тенденціи царизма — ложь и лицемеріе, что царизмъ можетъ заключать миръ лишь для того, чтобы лучше подготовиться къ новой войнѣ, что дипломатическое вмѣшательство другихъ странъ для него можетъ быть только средствомъ запутать международныя отношенія, втянуть въ конфликтъ другія державы, раздѣлить восточно-азиатскій пожаръ въ пожаръ всемірный... Ничего и говорить, что нѣкоторыя газеты даже утверждаютъ, что исходъ дипломатическаго вмѣшательства можетъ быть даже крайне неблагоприятенъ для внутреннихъ судьбъ Россіи. Такъ, Vorwärts говоритъ:

«Соціалдемократія не должна упускать изъ виду, что посредничество въ пользу мира можетъ привести къ послѣдствіямъ, — которые не дадутъ ни дѣльнаго мира, ни какой либо другой пользы человечеству. Принимая во вниманіе военное положеніе въ восточной Азіи, такое посредничество могло бы легко привести не къ чему иному, какъ къ облегченію царизму въ почетномъ отступленіи и къ утѣшечному внутреннему человѣческому убоищю въ самой Россіи. Французское правительство, вѣроятно, съ готовностью приметъ участіе въ вызванной Жоресомъ манифестаціи въ пользу мира для того лишь, чтобы спасти своего русскаго союзника отъ дѣйствительныхъ поражений. Существуетъ опасность, какъ бы столь справедливо осуждаемая Жоресомъ политика Франціи въ Германіи 1895-го года не повторилась въ новой формѣ въ ущербъ справедливымъ интересамъ Японіи. Такого рода посредничество въ пользу мира соціалдемократія ни въ какомъ случаѣ не можетъ брать подъ свое покровительство».

Къ этому мнѣнію центральнаго органа германской соціалдемократіи присоединяется и еженедѣльный органъ Эд. Бернштейна «Das neue Montagsblatt». Даже Бернштейнъ нашелъ необходимымъ въ данномъ случаѣ выступить противъ своего политическаго друга. Не во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ — говоритъ онъ — соціалистическія партіи имѣютъ такое вліятельное положеніе въ парламентѣ, какъ это мы видимъ во Франціи. Отсюда вытекаетъ опасность, какъ бы соціалистическое посредничество въ пользу мира не привело къ такому заключенію мира, которое ни въ какомъ случаѣ не дастъ того, къ чему мы, въ качествѣ социалистовъ, должны

стремиться, а именно: сверженіе русской гегемоніи въ восточной Азіи и сверженіе или конечное потрясеніе царизма въ самой Россіи.

«Жоресъ полагаетъ, — читаемъ мы далѣе въ № 26 той же газеты, — что если удары, нанесенные уже до сихъ поръ Россіи, не были достаточны для того, чтобы привести русскій народъ къ отвоєванію политической свободы, то можно сомнѣваться, побудятъ ли его къ революціонной борьбѣ еще болѣе сильныя пораженія. Этотъ вопросъ имѣетъ и для насъ рѣшающее значеніе. Но намъ кажется, что не слѣдуетъ ужъ очень спѣшить съ его рѣшеніемъ. Лишь въ тотъ моментъ, когда въ самой Россіи теченіе противъ продолженія войны оканчивается въ такой степени, что влѣзаетъ русскому народу мужество проявить свой протестъ въ активныя демонстраціи въ пользу мира, которыя тогда ужъ сами собой примутъ антицаристскій характеръ, лишь въ такой моментъ пробѣлъ бы, по нашему мнѣнію, чаша устройства международной демонстраціи. Тогда бы эта послѣдняя приняла грандіозные размѣры и, въ свою очередь, послѣдовала бы усиленію народнаго движенія въ Россіи... Наступилъ ли уже этотъ моментъ? Мы здѣсь, за границей, можемъ лишь съ трудомъ судить объ этомъ. Но именно поэтому то мы и думаемъ, что сигналъ долженъ быть намъ поданъ изъ самой Россіи. Какъ бы это жестоко ни звучало, но послѣ того, какъ уже произошло столько крови, пусть бы лучше война еще нѣкоторое время продолжалась, нежели чѣмъ мы своей преждевременной акціей въ пользу мира пойдѣмъ на встрѣчу опасности спасти царизмъ отъ того заслуженнаго наказанія, которое готовитъ ему сама же спровоцированная его же политикою война».

Въ томъ же духѣ высказались и нѣкоторые не социалистическіе газеты, какъ напр. парижскій «L'Eclair». Въ № 150 этого интереснаго изданія, въ передовой статьѣ Шарля Селайя «Противъ посредничества», мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Ни социалисты, ни либералы не должны забывать, что прекращеніе военныхъ дѣйствій въ Манчжуріи принесло бы въ Европѣ ущербъ идеямъ справедливости и свободы. Истребленіе русскаго флота, побѣды японскихъ арій были встрѣчены свободными общественнымъ мнѣніемъ съ чувствомъ глубокаго облегченія. Это былъ подрывъ того мистическаго могущества, послѣдняго оплота абсолютизма, который давалъ старый континентъ завоевательной угрозы своимъ казакъ. Не смотря на молчаніе прессы и вопреки всѣмъ обманамъ питаемыхъ Петербургомъ корреспондентовъ, пришлось наблюдать безсиліе этого обветшавшаго режима. Японскія побѣды явились для всѣхъ торжествомъ научнаго просвѣщенія надъ нечѣжествомъ и произволомъ. Это было наказаніемъ тираническаго режима, и когда за Бобриковымъ послѣдовалъ Плеве, павшій подъ ударами революціонеровъ, начало казаться, что обезоруженное правительство, всѣмъ презираемое, безъ денегъ, принуждено, наконецъ, вступить на фатальный для него путь уступокъ. И вотъ, въ такой моментъ начинаютъ предлагать посредничество въ пользу мира. Въ то самое время, когда царизмъ теряется до того, что терпитъ неизвѣстныя доселѣ проявленія свободы, возвращеніе войскъ изъ Манчжуріи дало бы ему новыя силы для тираніи и массовыхъ побойщъ. Миръ т е п е р ѣ — это укрѣпленіе гнуснаго режима, это возвращеніе къ подавленію плѣбныхъ націй и расъ, это конецъ тѣмъ надеждамъ, которыя японскія побѣды зародили въ сердцахъ еврейнацевъ, евреевъ, поляковъ, русскихъ, безчисленныхъ жертвъ режима Плеве. Нельзя, чтобы столько страданій и столько смертей остались безнаказанными; надо, чтобы всѣ дѣйствія и страданія манчжурской арміи окупились освобожденіемъ Россіи отъ внутренняго рабства. Посредничество въ пользу мира прежде, чѣмъ революція не совершила своихъ первыхъ побѣдъ въ Россіи — это будущее, опять отданное во власть тѣмъ, которые наполнили весь 19-й вѣкъ своими преступленіями. Посредничество было бы преступленіемъ противъ русскаго народа въ тотъ самый моментъ, когда его обезсиленные тираны отбываются отъ роковаго шествія свободы».

Только что приведенные здѣсь взгляды свободной зап. евр. прессы о войнѣ и посредничествѣ въ настоящемъ русско-японскомъ конфликтѣ можно считать господствующими и преобладающими въ той средѣ, которая искренно сочувствуетъ русской революціи. Социалистическія партіи Италіи и Бельгіи выразили свое сочувствіе инициативѣ Жореса лишь по столько, по сколько она касается вопроса объ организаціи народныхъ собраній и другихъ формъ манифестаціи народнаго настроенія противъ русско-японской войны. Но очевидно, что такого рода агитаціонныя протесты запад.-евр. пролетаріата противъ войны имѣетъ мало общаго съ основной идеей Жана Жореса. Какъ ни ненавистна намъ настоящая война, какъ горячо ни желали бы мы ея немедленнаго прекращенія, мы не можемъ раздѣлять тѣхъ иллюзій, которыми убаюкиваетъ себя «великій утопистъ» начала XX вѣка — Жанъ Жоресъ. Истинный, прочный миръ (а не вооруженное лишь перемиріе) можетъ намъ дать одна только русская революція. Европейская дипломатія, на которую надѣется такъ много Жоресъ, является въ дѣйствительности главной виновницей настоящей войны. Тотъ миръ между Японіей и Китаемъ, который въ 1895 году явился результатомъ ея «человѣколюбиваго» вмѣшательства и который, лишивъ Японію плодовъ ея завое-

ваній, обострил аппетиты всероссийскаго правительства на Дальнемъ Востоѣ, приходится учитывать теперь русскому (да и японскому народу) своею кровью. Такимъ образомъ, иной миръ обходится человечеству большимъ количествомъ жертвъ, чѣмъ самая кровавая война. И замѣчательно, что та самая «Франція», которую Жоресъ призываетъ теперь къ посредничеству, сыграла во всемъ этомъ Симоносекскомъ гешефтвамѣ самую некрасивую и злосчастную роль. Правда, Жоресъ увѣряетъ насъ, что теперь эта позорная исторія не можетъ уже болѣе повторяться, что теперь Японія не дастъ де себя въ обиду, но всѣ такіа увѣренія представляютъ собою не что иное, какъ *verba et voces* хорошаго человѣка, но плохого музыканта.

Повторяемъ, единственный выходъ—въ вооруженномъ революціонномъ «посредничествѣ» самаго русскаго народа въ союзѣ всѣми угнетенными и поработченными національностями русскаго государства. Русскій либерализмъ мечтаетъ о побѣдахъ русскаго оружія, какъ неперемѣнномъ условіи мира. Неудача не пожелать, — читаемъ мы напр., въ «Рус. Вѣд.» (№ 246), чтобы условія борьбы измѣнились скорѣе въ пользу Россіи настолько, чтобы возможно было подуматъ о прекращеніи войны. Тогда «мы въ состояніи будемъ снова(?) принятія за наши производительныя задачи и, въ удвоенномъ сознаніи нашей отсталости, при дружномъ взаимодействіи правительства и общества, усилить необходимую намъ культурную работу и т. д.»

Французскій официальный оппортунизмъ и русскій ручной либерализмъ, такимъ образомъ, одинаково мечтаютъ о «дружномъ взаимодействіи» взаимоисключающихъ общественныхъ силъ. Какой низменный умственный и вообще духовный уровень обнаруживаетъ, въ этомъ отношеніи, нашъ коній, но пересѣвший уже либерализмъ сравнительно съ тѣмъ высокимъ политическимъ полетомъ, какой былъ присущъ въ былое время западно-европейской буржуазіи! Во время войны монархической Германіи съ Наполеономъ, лучшие мыслители буржуазныхъ классовъ съ явнымъ энтузіазмомъ привѣтствовали разрушеніе феодально-деспотическаго государства отъ руки французовъ. Таковы были, напримѣръ, Лессингъ, Гердеръ, Фихте, Гете. «Нѣтъ ничего достовѣрнѣе, — писали, наприм., Фихте къ Рейнгольду въ 1899 г., — что, если французы не окажутся могущественными побѣдителями и не осуществятъ въ Германіи кое-какія реформы, то ни одинъ человѣкъ, извѣстный либеральнымъ образомъ своихъ мыслей, не найдетъ болѣе мѣста, гдѣ онъ могъ бы считать себя спокойнымъ». Шиллеръ былъ дезертировавшимъ военнымъ врачомъ и т. д. Они не забывали, такимъ образомъ, что всегда опаснѣе вѣшняго врага—врагъ внутренней, и что лишь въ побѣдѣ надъ этимъ последнимъ, а не въ «дружественномъ взаимодействіи» съ нимъ, заключается истинный залогъ мира и возможность культурной работы на благо родины.

По этимъ мечтамъ о «дружномъ взаимодействіи» и «совмѣстной культурной работѣ» правительства и общества, мечтамъ, высказываемымъ въ минуты приближающаго остраго политическаго кризиса; по этимъ надеждамъ не на гибель, а на *спасеніе*, путемъ военныхъ побѣдъ, своего непримиримаго политическаго врага, мы видимъ, до какой степени низокъ тотъ уровень внутренняго подъема, на какой способно наше русское культурное общество, съ его блѣднымъ и неустойчивымъ либеральнымъ настроеніемъ; и мы еще разъ убѣжденно повторяемъ: ближайшія политическія судьбы Россіи всецѣло зависятъ отъ готовности и организованности русскихъ *соціально-революціонныхъ* силъ.

Изъ партійной дѣятельности.

Центральный Комитетъ партіи издаетъ серію листовокъ: пока вышли № 1—«Положеніе русскаго крестьянства» и № 2 «Не пора ли, братцы, взяться за умъ?» (къ солдатамъ). Листовки разсчитаны на самаго неподготовленнаго, массоваго читателя. Приглашаемъ мѣстные комитеты перепечатывать ихъ и распространять въ наиболѣе болѣе широкихъ размѣрахъ, соотвѣтственно настоящему горячему времени.

Сибирскій Союзъ П. С.-Р., кромѣ отиѣченныхъ въ прошломъ № листовки «Министръ-Удаль» и «Якутская бойня», издалъ еще летучій листокъ «Дѣло Гершуни».

Одесскій Комитетъ партіи выпустилъ популярную брошюру «Что такое социализмъ и революція» (печ. 1250 экз.).

Комитетъ Союза Народныхъ учителей П. С.-Р. выпустилъ прокламацію «Къ крестьянамъ». (по поводу войны и мобилизаций).

Областной Комитетъ Сѣв.-Зап. районной организаціи П. С.-Р. выпустилъ прокламацію «Къ солдатамъ-запаснымъ» (печ., въ 12.000 экз.).

Кіевскій Комитетъ партіи выпустилъ № 2 газеты «Рабочее Слово»*) и прокламацію: «Къ мобилизованнымъ» 4000 экз. Военная Организація Соц.-Рев. выпустила прокламацію по поводу мобилизаций (2000 экз.).

Харьковскій Комитетъ П. С.-Р. издалъ прокламацію «Довольно!» (по пов. войны).

Смоленскій Комитетъ партіи выпустилъ прокламацію: «Къ ополченію» (печ. 1000 экз.).

Тульская Группа Соц.-Рев. выпустила прокламацію «Къ новобранцамъ».

Гомельскій Комитетъ П. С. Р. выпустилъ печ. прокламацію по поводу войны и мобилизаций.

Ярославская Группа П. С.-Р. выпустила прокламацію «Къ запаснымъ» (мимеогр.).

Двинская Группа партіи выпустила печати. прокламацію «Къ ополченію» (2000 экз.).

Красноярская Группа П. С.-Р. выпустила прокламацію «Къ солдатамъ».

Новозыбковская Группа выпустила печат. прокламацію по поводу мобилизаций.

Витебская Организація П. С.-Р. выпустила прокламацію «Къ ополченію» (печати. 3000 экз.).

ДОВОЛЬНО!

(отрывокъ изъ «Дневника Читателя».)

Въ № 75 «Искры» помѣщена статья «Торжество социалистовъ-революціонеровъ». Мы хотѣли было рекомендовать всѣмъ прочитатъ эту статью, чтобы убѣдиться, до чего можетъ дойти редакция Центрального Органа русской социальдемократіи,—но естественное чувство уваженія къ читателямъ остановило насъ. Однако, есть люди, которымъ мы все таки совѣтуемъ обязательно прочитатъ эту статью, потому что они *должны* ее прочитатъ. Эти люди — всѣ русскіе социальдемократы.

«Искра» есть *нашъ* органъ. «Искра» говоритъ отъ *нашихъ* имени. Это право *они* ей дали. И вотъ почему, до чего бы не дошла «Искра», они *обязаны* вложить персты свои въ ея извѣ... конечно, не имѣющія ничего общаго съ «языками гвоздичными». Уклониться отъ этого они не имѣютъ права, ибо на нихъ лежитъ моральная отвѣтственность за тѣ поступки, которые совершаетъ «Искра», въ своемъ качествѣ «Центральнаго Органа Россійской Соціально-Демократической Рабочей Партіи».

Послѣдующія строки мы пишемъ не для редакторовъ «Искры» — говоритъ съ ними о требованіяхъ политической морали было бы смѣшнымъ донкихотствомъ — а для тѣхъ рядовыхъ социальдемократической партіи, по отношенію къ которымъ еще не вѣрна похвала «Искры», будто ей удалось «притупить чрезмѣрную чувствительность товарищей» къ ея специфическимъ приемамъ.

Пусть же они открываютъ глаза свои — и видятъ...

Въ № 75 «Искры», въ статьѣ «Торжество социалистовъ-революціонеровъ», мы, между прочимъ, читаемъ:

«Съ авторами доклада» (Партія Соц. Рев. Амстердамскому Конгрессу) случился странный казусъ: недосмотръ, недоразумѣніе, внезапный параличъ памяти... что угодно, только, разумеется, не боязнъ «свѣта гласности». Какъ бы то ни было, однако, приходится съ грустью констатировать, что «революціонному интернационалу», по крайней мѣрѣ, до слѣдующаго конгресса, придется подождалъ печатнаго доклада о террорѣ «партіи социалистовъ-революціонеровъ». Ибо въ докладѣ, представленномъ Амстердамскому конгрессу, объ этомъ деликатномъ предметѣ не говорится ни слова, ну такъ-таки ни единого слова!»

Беремъ «докладъ, представленный Амстердамскому конгрессу», беремъ официальное его изданіе, въ сборникѣ, напечатанномъ ко времени конгресса Интернаціональнымъ Соціалистическимъ Секретариатомъ («L'Organisation Socialiste et Ouvrière en Europe, Amérique et Asie, par Secretariat Socialiste International, Bruxelles, 1904»), гдѣ нашимъ докладомъ заняты первыя 68 страницъ. Тамъ, на стр. 16, послѣ разсказа о возникновеніи первыхъ группъ социалистовъ-революціонеровъ, позднѣе составившихъ партію, говорится:

«Отъ другихъ русскихъ социалистовъ, принявшихъ наименованіе «социальдемократовъ», они отличались: 1) своей тенденціей придавать болѣе активный и революціонный характеръ социалистической про-

*) Нами еще не получено. Просимъ немедленно выслать.

агандъ и предпринять серію открытыхъ, насильственныхъ ападений, хотя бы по партизанскому методу, на известныхъ представителяхъ авторитарнаго режима...»*)

И дальше, на стр. 23-24 (это мѣсто, какъ особенно важное, цѣликомъ напечатано въ подлинникѣ курсивомъ):

«Отчаявшись подавить обычными репрессивными средствами революцію, которая дѣлается въ Россіи неизбежной благодаря пробужденію рабочихъ и крестьянскихъ массъ, царизмъ прибѣгаетъ, поистинѣ, къ преступленіямъ, которыя могутъ быть названы «оскорбленіемъ чести»».

«Златоустовскіе, Ростовскіе, Полтавскіе, Харьковскіе, Бакинскіе и т. д. убійства, организованныя русскими правительствомъ, вызвали крикъ ужаса цивилизованнаго міра и обилие злобѣщнымъ свѣтомъ преступную политику, проводимую гг. Плеве, Побѣдоносцевымъ и другими представителями самодержавно-бюрократическаго режима. Это — настоящая гражданская война, со всеми ея ужасными послѣдствіями, которую обрушило на Россію царское реакціонное правительство, сѣя терроръ, ужасъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, и въ средѣ рабочаго класса, и въ крестьянскихъ массахъ деревень. Этимъ то политическимъ терроромъ и обуславливается сложность тактики, къ которой фатально вынуждается партія русскихъ социалистовъ-революціонеровъ, ибо къ социалистической пропагандѣ и агитации, къ организаціи массъ, для нея присоединяется необходимость непосредственной революціонной борьбы противъ царизма. Этого рода дѣятельность, которую партія и стремится осуществить чрезъ посредство своей «Боевой Организациі», не можетъ быть понята и опѣнена безъ изученія совершенно особеннаго и своеобразнаго положенія Россіи — положенія, которое создано царизмомъ, и за которое на немъ лежитъ и останется навсегда отвѣтственность передъ исторіей и человѣчествомъ...»**)

И еще дальше, на стр. 62:

«Съ другой стороны, партія организовала: а) «Боевую Организацию», цѣль которой — карать агентовъ русскаго правительства за наиболѣе возмутительные факты произвола и насилія...»***)

И еще дальше, на стр. 63 упоминается, въ числѣ другихъ брошюръ, брошюра «L'élément terroriste dans notre programme» («Террористическій элементъ въ нашей программѣ»).

И послѣ этого редакція «Искры» рѣшается утверждать, будто въ нашемъ докладѣ о террористической дѣятельности Боевой Организациі «не говорится ни слова, ну такъ таки ни единого слова». И на этомъ лжесвидѣтельствѣ «Искра» строитъ поистинѣ чудовищное обвиненіе нашей партіи въ политической трусости, недобросовѣстности, обманѣ товарищей-социалистовъ другихъ странъ, и т. д., и т. д. *Стыдъ и позоръ, что органъ партіи, исповѣдующей социалистическія принципы, доускаетъ на своихъ страницахъ такую беззастѣличную ложь и клевету!*

Но «Искра» на этомъ не останавливается. Она идетъ еще дальше. Она говоритъ, что въ комиссіи по вопросу о международномъ регулированіи социалистической тактики товарищъ Рубановичъ изливаетъ «нескончаемымъ потокомъ» акаеизмъ святому террору — и что русскіе социалдемократы готовы были аплодировать тому, что онъ «не пряталъ въ карманъ» террора —

«Но одна мысль охладилла нашъ восторгъ. Видѣ г. Рубановичъ разливался соловьемъ о террорѣ... послѣ «Плеве», а докладъ былъ написанъ и напечатанъ до «Плеве»!

«До «Плеве» на звукомъ не упоминается ни объ одномъ покушеніи. Ни Балмашевъ, ни Гершуни, ни беззастѣнчивые уэмскіе революціонеры не нашли себѣ мѣста на страницахъ доклада...»

«Партія, отрекающаяся отъ своихъ собственныхъ героев! Партія, наскоро запикивающая ихъ трупы куда нибудь подальше, чтобы никто не увидѣлъ... трусливо сторонящаяся (чтобы не скомпрометировали) отъ тѣхъ, беззастѣнчивое самоотверженіе которыхъ только и скрываетъ нѣсколько всю неприглядную картину ея безпринципности! И все это съ цѣлью «торжественно» засѣсть въ международномъ бюро!»

Во всей этой тирадѣ вѣрно только одно: что нашъ докладъ въ «Желтой Книгѣ» Интернаціональнаго Бюро былъ написанъ и напечатанъ до «Плеве».

Во первыхъ, тов. Рубановичъ послѣ «Плеве» не пѣлъ ни-

*) «... d'entreprendre une série d'attaques à force ouverte contre certains représentants du mécanisme autocratique, ne fût-ce qu'en partisans».

**) По французски это выходитъ даже сильнѣе: «action» или «lutte révolutionnaire directe». «Lutte directe» или «action directe» обычное въ французскомъ политическомъ языкѣ выраженіе для обозначенія террористическаго метода, практикуемаго анархистами.

***) «Le Parti a organisé en outre: a) une «organisation du combat», dont le but est de punir les agents du gouvernement russe pour des faits de violence et d'arbitraire les plus révolutionnaires».

какого акаеизма террору, и въ его рѣчи (въ комиссіи конгресса) ему не приходилось говорить ни слова ни объ одномъ изъ покушеній, не приходилось упомянуть ни словомъ ни о Балмашевѣ, ни о Гершуни, ни объ уэмскихъ революціонерахъ и т. п. Онъ говорилъ о террорѣ исключительно съ той точки зрѣнія, съ какой къ этому вопросу подошелъ Жоресъ. Зная, что русскіе социалисты-революціонеры будутъ рѣшительно высказываться противъ его тактики, Жоресъ сдѣлалъ довольно ловкій ходъ. Онъ думалъ «предостеречь» насъ отъ осужденія его тактики, «припугнуть» насъ тѣмъ, что, пожалуй, въ другой разъ кто-нибудь потребуетъ, чтобы международный конгрессъ осудилъ нашу террористическую тактику. Онъ хотѣлъ соблазнить насъ своей теоріей невмѣшательства международныхъ конгрессовъ въ «домашнія» дѣла отѣльныхъ партій. Тов. Рубановичъ отъ нашего лица заявилъ, что мы нисколько не боимся осужденія нашей тактики на международномъ конгрессѣ и убѣждены, что международный социализмъ не найдетъ ее несомнѣваемой съ принципами социализма; что нѣтъ никакой аналогіи между положеніемъ русскихъ террористовъ и французскихъ жоресистовъ передъ лицомъ принциповъ революціоннаго социализма.*) Во вторыхъ, мѣста о террорѣ въ «докладѣ П. С. Р.» принадлежать перу тов. Рубановича и даже взяты цѣликомъ изъ №№ издаваемой имъ «La Tribune Russe», что легко увидѣть изъ простого сличенія. Въ третьихъ, послѣ опредѣленія въ докладѣ, изданномъ до «Плеве», цѣли Б. О. («карать агентовъ русскаго правительства» etc.) чрезъ двѣ страницы говорится, между прочимъ:

«Боевая Организациа» опубликовала прокламаціи по поводу: 1) казни министра Сипягина членомъ Боевой Организациі С. В. Балмашевымъ; 2) покушенія противъ князя Оболенскаго, харьковскаго губернатора; со стороны члена той же организациі, рабочаго Гоми Качура...»**).

Да и вообще, надо окончательно свихнуться, чтобы возвести на нашу партію вообще и на тов. Рубановича въ частности такое неслышанное, монструозное обвиненіе — въ «прятаніи въ карманъ» террора до «Плеве» и вытаскиваніи его послѣ, потому что-де тогда терроръ снова приобрѣлъ популярность, а у насъ, соц.-рев., «спросъ — господинъ предложенія». Сейчасъ же послѣ каждого покушенія, произведеннаго «Б. О.», мы извѣщали о немъ международное соц. бюро, съ просьбой передать сообщеніе другимъ социалистическимъ партіямъ; всѣ покушенія и заявленія по поводу нихъ (даже по поводу такихъ несчастныхъ случаевъ, какъ взрывъ въ Сѣверной Гостиницѣ) опубликовывались на стр. «Tribune Russe», посылаемой и въ интернаціональное бюро, и въ редакціи соц. органовъ разныхъ партій; мы нѣрѣдко непосредственно извѣщали объ этомъ разные соц. органы, и лишь послѣ того, какъ, со словъ «Искры», соотечественницы наши — В. Засуличъ въ Neue Zeit, а Роза Люксембургъ въ Leipziger Volkszeitung — объявили наши сообщенія недостоверными, мы, не получивъ возможности возстановить истину, оборвали всякія сношенія съ нѣкоторыми изъ германскихъ социалдемократическихъ органовъ... «Искра» помнитъ, конечно, что тогда сю отрицалась принадлежность къ «Б. О.» Балмашева, — того самаго Балмашева, именомъ отсутствіе имени котораго въ нашемъ докладѣ «Искра» называетъ съ нашей стороны «отреченіемъ отъ своихъ собственныхъ героев»... Тогда «Искра» утверждала, что мы «козыряемъ трупомъ» — украденнымъ нами трупомъ —

*) Предсѣдатель комиссіи дѣйствительно нашелъ, что большая экскурсія тов. Рубановича въ разсмотрѣніе русскихъ дѣлъ представляетъ уклоненіе въ сторону отъ главной темы — разногласія между французскими социалистами — но «инертныя воскликанія» со стороны присутствовавшихъ «товарищей» есть плодъ слуховой галлюцинаціи, которой, очевидно страдаетъ авторъ статьи «Искры».

Ред.

**) «L'Organisation de Combat a publié des proclamations à l'occasions: 1) de l'exécution du ministre Sipiaghine par S. W. Balmatschew, membre de cette organisation; 2) de l'attentat contre le comte Obolensky, par l'ouvrier Th. K. Katchour, membre de la même organisation...» Имя Гершуни, конечно, здѣсь не упоминается, но «Искрѣ» не беззастѣнчиво, что Гершуни на судѣ признавалъ себя членомъ П. К., но не В. О. Правда, его обвиняли въ принадлежности къ Б. О. жандармы и предатели; правда, на основаніи ихъ показаній «Искра» даже заявила, что вся Б. О. равна одному Гершуни. Но показанія шпионовъ для насъ не могутъ служить основаніемъ публикаціи, на которую не уполномочиваютъ заявленія Гершуни. Впрочемъ, это одинъ изъ пунктовъ «нашихъ разногласій» съ «Искрой»...

ю и его героя, воспитанного социалдемократическим движением; теперь оказывается, наоборот, что мы куда то «запихиваем» трупы «своих» собственных героев... Хотя бы воспоминание о бывших своих клеветнических подвигах удержало «Искру» от подвигов новых... Но нѣтъ, это воспоминание редакцію «Искры» только окрыляет и вдохновляет...

Стыдъ и позоръ, что «центральный органъ» партіи, исповѣдующей социалистическіе принципы, допускаетъ на своихъ страницахъ такую беззастѣнчивую ложь и клевету!

Но и этого мало. «Искра» еще утверждаетъ, будто въ нашемъ докладѣ Амстердамскому конгрессу

«въ числѣ дѣяній» партіи перечисляется всеобщая стачка 1903 г. и крестьянскій бунтъ 1902 года.

Справимся снова въ текстѣ «доклада». Вотъ что говорится въ немъ о всеобщей стачкѣ 1903 года:

«Прошлымъ лѣтомъ (1903 г.) агенты Зубатова, желая возстановить хоть немного свое вліяніе въ Одессѣ, гдѣ оно было сильно поколеблено благодаря весьма энергичной агитаціи всѣхъ социалистическихъ группъ, попытались организовать стачку портовыхъ рабочихъ. Но, подготавливая эту стачку, наши социаль-шпионы и не предполагали, что она разовьется въ настоящую «всеобщую стачку», которой они не смогутъ овладѣть и которая положила конецъ ихъ провокаторской дѣятельности».

Разсказавъ о репрессаліяхъ правительства въ Одессѣ и о томъ, что одновременно съ этимъ вспыхнула всеобщая стачка на Кавказѣ, а вслѣдъ затѣмъ весь югъ Россіи былъ охваченъ стачкой, отчетъ продолжаетъ:

«Наши мѣстные комитеты втѣченіе всего продолженія этихъ стачекъ прилагали свои усилія — какъ путемъ прокламацій, такъ и путемъ устныхъ рѣчей — чтобы направить движеніе на революціонный путь....

«Болѣе дѣйствительное вліяніе на ходъ событій, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, могъ оказать нашъ комитетъ въ г. Екатеринославѣ; но — въ этомъ надо признаться — въ общемъ, русскія социалистическія организаціи еще не оказались въ 1903 году достаточно сильными для того, чтобы овладѣть этимъ движеніемъ, которое разразилось неожиданно для нихъ среди рабочихъ массъ...»

Итакъ: движеніе разразилось неожиданно; его начали сами рабочіе, а въ Одессѣ такъ даже зубатовцы; не только П. С. Р., но и всѣ социалистическія организаціи, вмѣстѣ взятыя, были недостаточно сильны и не могли встать во главѣ движенія. Вотъ что говорится въ нашемъ отчетѣ. И, съ этимъ отчетомъ въ рукахъ, «Искра» утверждаетъ, будто мы выдаемъ стачку 1903 г. за «наше дѣяніе! *Стыдъ и позоръ, что центральный органъ, партія исповѣдующей социалистическіе принципы, допускаетъ на своихъ страницахъ такую беззастѣнчивую ложь и клевету!*

Можетъ быть, показаніе «Искры» вѣрно по крайней мѣрѣ по отношенію къ полтаво-харьковскимъ волненіямъ? Въ громадномъ большинствѣ русскихъ губерній мы одна только и работаемъ среди крестьянства; ужъ не вздумали ли мы представить въ своемъ отчетѣ дѣло такъ, будто это мы подняли полтаво-харьковское возстаніе? Заглянемъ въ отчетъ. Изложивъ, что движеніе 1902 г. было рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи нашего крестьянскаго движенія вообще, отчетъ нашъ указываетъ

«причины, вызвавшіе возстаніе десятковъ тысячъ людей — нищета и малоземелье съ одной стороны, и давній, обычный взглядъ крестьянъ на землю, какъ на общее достояніе трудящихся — съ другой стороны...»

Какъ очерчивается роль собственно *нашей* организаціи въ движеніи полтаво-харьковскихъ крестьянъ? Самыми скромными чертами:

«Знаменитые беспорядки въ Полтавской и Харьковской губерніи, конечно, имѣли мѣсто въ неурочный годъ; но все таки слѣдуетъ отмѣтить, что прежде всего зародились они въ тѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ уже прошли малорусскіе социаллисты, и гдѣ уже начали свою работу социалсты-революціонеры».

И далѣе идетъ указаніе на работу Алексѣенко въ исходномъ пунктѣ движенія (Лисичемъ), гдѣ онъ «распространялъ социалистическую литературу». Въ особомъ примѣчаніи отмѣчено, что въ этомъ самомъ мѣстѣ, незадолго передъ тѣмъ, въ февралѣ 1902 г., распространялись «очень энергично составленные прокламаціи Революціонной Украинской Партіи». Какъ видите, изложеніе отчета — вполне безпартійное. Мы даже не сослались на знаменитый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ чуть ли не главной причиною полтаво-харьковскихъ волненій выставляется дѣятельность «преступнаго сообщества, именующаго себя партіей социаль-революціонеровъ» — а этотъ официальный, такъ сказать,

нашъ аттестатъ, мы прежде всего могли бы привести, если бы захотѣли особенно подчеркнуть свою роль въ этихъ событіяхъ. Мы не упомянули о немъ ни единымъ словомъ, мы заявили, что только *начали* здѣсь свою работу; мы, со своей стороны, подчеркнули гораздо раньше начавшуюся дѣятельность украинскіхъ социалстовъ разныхъ фракцій. И послѣ этого «Искра» съ нашимъ отчетомъ въ рукахъ утверждаетъ, будто крестьянское возстаніе 1902 г. мы выдаемъ за «наше дѣяніе! *Стыдъ и позоръ, что центральный органъ партіи, исповѣдующей социалистическіе принципы, допускаетъ на своихъ страницахъ такую беззастѣнчивую ложь и клевету!*

Довольно. Знающіе «Искру» не удивятся ничему. Они помнятъ ея поведенія въ вопросѣ о Балмашевѣ и Гершуни; помнятъ ея многочисленныя «цитаты», и весь ея «способъ борьбы» съ П. С. Р.; помнятъ, какъ еще недавно она не менѣе усердно забрасывала грязью отдѣльных дѣятелей и цѣлыя комитеты своей же собственной партіи. Что же? Можетъ быть, «партійный миръ» въ средѣ соц.-дем. возстановляется, и, заручившись досугомъ и экономіей силъ и средствъ отъ борьбы съ «внутренней крамолой», «Искра» возвращается опять къ старымъ, получившимъ почетную извѣстность традиціямъ — къ борьбѣ, конечно, прежними приемами, противъ социалстовъ-революціонеровъ. Это ея дѣло. Но до которыхъ же поръ и до какой степени сможетъ она доводить свою беззастѣнчивость, при наивныхъ одобреніяхъ и не менѣе наивномъ довѣріи множества честныхъ рядовыхъ работниковъ революціи, причисляющихъ себя къ социалдемократическому лагерю? Или еще недостаточно отравлена окружающая атмосфера, или еще недостаточно переполнена она дряггами, ложью, клеветой, грязью всякого рода? До какой же еще степени развудаться должна эта группа лицъ, сбюкшихъ вокругъ себя нравственную притупленность, чтобы, наконецъ, опомнились, пришли въ себя рядовые той арміи, которая сама же прежде всего и болѣе всего дезорганизована всѣмъ этимъ? Неужели тѣхъ дѣяній, которыя мы уже видѣли со стороны «идейныхъ руководителей» социал.-демократ. движенія, — не довольно для того, чтобы призвать ихъ разъ навсегда «къ порядку»? Въ самомъ дѣлѣ, куда имъ идти далѣе?

Пусть маска сброшена — зачѣмъ снимать рубашку?

Пукай нѣтъ совѣсти — зачѣмъ же нѣтъ стыда?

А. Левицкій.

О памятникѣ П. С. Поливанову.

Всѣмъ читателямъ «Рев. Рос.» памятна трагическая смерть товарища П. С. Поливанова, перенесшаго двадцатилѣтнее заключеніе въ Шлиссельбургѣ, бѣжавшаго потомъ изъ ссылки за границу и застрѣливагося въ приморскомъ французскомъ городѣ Лоріанѣ, 14 августа 1903 г. По мысли лоріанскихъ рабочихъ-социалстовъ возникло предложеніе о постановкѣ памятника на могилѣ этого мученика и борца за освобожденіе рабочаго класса. Въ настоящее время уже имѣется часть необходимыхъ для этого денегъ, и братское предложеніе лоріанскихъ товарищей близится къ своему осуществленію. Между прочимъ, для этой же цѣли было получено въ настоящее лѣто 169 руб. отъ якутскихъ сысельныхъ. Для пополненія недостающей суммы мы открываемъ подписку на страницахъ «Рев. Рос.». Да не заростетъ эта дорогая могила пыльной травой забвенья...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

СТАРОМУ ОДИНОЧКѢ. Получили, спасибо, просимъ продолжать. Постараемся помочь вашему району литературой и людьми. ВИТЕБ-ЛЯНИНУ. Получили корреспонденцію, воспользуемся. Просимъ продолжать. Что касается присылки въ февралѣ и маѣ, то теперь уже трудно справиться, въ чемъ дѣло. ТИМОФЕЮ. Пакетъ № 2 полученъ. КАРСКОМУ. Большую книжку получили, поздравляемъ. Обѣ большія статьи получены и будутъ помѣщены — обѣ этомъ уже извѣщали въ почт. ящ. прошлаго №. Обвинительнаго акта по дѣлу типографіи, къ сожалѣнію, не получили; просимъ повторить.

Получено: Отъ Кишиневцевъ — 25 р., Отъ «Отцовъ и Дѣтей» 200 р., Отъ Набоковой Души (на «Нар. Волю») 300 фр., Отъ Свѣтской дамы 500 фр., Отъ Ники изъ Астрахани 75 руб.

Лица, не имѣющія конспиративныхъ адресовъ, могутъ обращаться изъ-за границы въ редакцію „Революціонной Россіи“ по слѣдующему адресу:

Mr. Aimsford, 32, Well Walk, Hampstead. London N. W.
(Исключительно для переписки).

Типографія Партіи Социалстовъ-Революціонеровъ.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОССІЯ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

№ 55

20 Ноября 1904 г.

СЪ ЦАРЕМЪ ИЛИ СЪ НАРОДОМЪ?

Только что закончился полу-легальный, полунелегальный съездъ земскихъ дѣятелей, представляющій собою важный моментъ въ развитіи русскаго либеральнаго движенія. Передъ нами лежатъ резолюціи съѣзда, среди которыхъ первое мѣсто, разумѣется, принадлежитъ резолюціи о государственномъ переустройствѣ Россіи. Это — какъ бы политическая платформа объединенной земско-либеральной оппозиціи — и намъ предстоитъ оцѣнить то значеніе, которая платформа эта можетъ сыграть въ дальнѣйшемъ развитіи политической жизни Россіи.

Намъ уже не разъ приходилось говорить, съ какой точки зрѣнія оцѣниваемъ мы попытки либеральныхъ группъ по своему подкапываться подъ устои самодержавія. И на этотъ разъ мы не будемъ снова возвращаться къ вопросу о всѣхъ тѣхъ внутреннихъ недочетахъ, которые свойственны либерализму, какъ политической системѣ — они хорошо извѣстны каждому социалисту вообще, а каждому социалисту-революционеру — въ особенности. Мы будемъ говорить здѣсь только о **мажоритарныхъ** либеральныхъ элементахъ Россіи. И такъ какъ наша пѣль — оцѣнка результатовъ, закончившагося земскаго съѣзда, то насъ въ этой статьѣ будутъ главнымъ образомъ занимать три вопроса: какой изъ возможныхъ для либераловъ методовъ политической тактики можетъ въ наибольшей мѣрѣ содѣйствовать дѣлу политическаго освобожденія Россіи? Насколько успѣли и сумѣли русскіе либералы приблизиться къ этому методу своимъ фактическимъ поведеніемъ? И какое значеніе будутъ имѣть для дальнѣйшаго развитія политическихъ событий, а, слѣдовательно, и для нашей тактики, эти новые шаги русскаго либерализма?

Остановимся сначала на первомъ вопросѣ. Наша позиція въ немъ всегда была совершенно ясной и опредѣленной. Мы всегда стремились поставить ребромъ вопросъ о нашемъ отношеніи къ либераламъ и разрѣшали его слѣдующимъ образомъ.

Чего мы хотимъ отъ либераловъ — отъ дѣйствительныхъ либераловъ, а не маргариновыхъ? Мы хотимъ, чтобы они заняли совершенно опредѣленную позицію въ тяжбѣ между царемъ и народомъ. Царь хочетъ сохранить свою власть; народъ долженъ взять ее въ свои руки. Съ кѣмъ же они — съ царемъ или съ народомъ?

Если они съ царемъ, — то пусть шушукуются съ его клевретами и сподвижниками на тему о взаимномъ довѣріи и объ «общественномъ содѣйствіи» самодержавной власти, въ дѣлѣ водворенія «порядка» на Руси. Пусть полюбовно рѣшаютъ вопросъ объ условіяхъ этого союза противъ народа — пусть выторговываютъ себѣ тѣ или иные «цензурныя» права — и прикрѣпляютъ свою политическую ладью къ кормѣ большого корабля самодержавія. Но въ такомъ случаѣ — пусть они также берегутся, какъ бы грозившая ему катастрофа не отразилась и на нихъ... Въ самодержавные броненосцы нынче даже на европейскіхъ биржахъ мало вѣры. Но если есть изъ нихъ охотники попробовать, пусть ихъ... Пусть они тогда

пробуютъ, вмѣстѣ съ ловкими дѣльцами типа Витте и наивно-сентиментальными глупцами типа Ванновскаго и Свято-полка-Мирскаго, вновь смѣшать карты политической игры, опредѣлившейся съ такою ясностью, пусть пробуютъ вновь не допустить доиграть ее до конца. Qui vivit — verget, — тогда мы посмотримъ!

Если же они съ народомъ — они должны ясно и категорически заявить свои политическія желанія. Какъ либералы и только либералы, они въ рѣшеніи социальнаго вопроса будутъ не разъ рѣзко расходиться съ нами. Но если они вѣрятъ въ жизнѣнность своей программы, они должны защищать ее честными средствами, сдѣлавши апелляціонной инстанціей въ этомъ спорѣ никого другого, какъ народъ — и при томъ на равныхъ правахъ ~~с~~с народомъ. Участіе народа въ законодательствѣ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ — разумѣется, со всѣми подразумеваемыми при этомъ гарантіями (прямое, тайное, равное избирательное право, активное и пассивное, etc.) — вотъ тотъ minimum, на которомъ они должны стоять, ибо безъ этого нѣтъ сколько нибудь полной демократизаціи государственнаго строя, а есть лишь узурпація всенародныхъ правъ въ пользу лишь нѣкоторыхъ слоевъ народа.

Какъ либералы, они, конечно, въ программѣ своихъ дѣйствій не будутъ имѣть ни народнаго возстанія, ни баррикады, ни террора, ни т. п. чисто-революционныхъ средствъ. Но, беря либераловъ такими, каковы они есть, мы, съ точки зрѣнія ихъ собственныхъ принциповъ, во всякомъ случаѣ можемъ требовать отъ нихъ того, чтобы своими дѣйствіями они не давали консервативнымъ и оппортунистическимъ элементамъ создать политическую атмосферу, напоминающую о той мутной водѣ, въ которой ловкие люди могутъ съ успѣхомъ рыбу ловить. Либералы должны поставить свои, либерально-демократическія требованія, но поставить ихъ во всю ширину и поставить ребромъ такъ, чтобы на нихъ возможенъ былъ только вполне опредѣленный отвѣтъ, утвердительный или отрицательный; но чтобы отада невозможной своеобразная правительственная диалектика — да-нѣтъ, нѣтъ-да.

Если либералы хотятъ идти съ народомъ, они не должны бояться — напротивъ, они должны желать рѣзко поставленной паризму дилеммы: капитуляція или революція.

Итакъ — съ царемъ или съ народомъ? Или «ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ», а по прежнему въ роли пассивнаго зрителя?

Передъ русскимъ либерализмомъ, какъ передъ сказочнымъ Иваномъ-Царевичемъ, лежатъ, такимъ образомъ, три равно возможныхъ для него дороги... А время не ждетъ, нельзя застывать на перекресткѣ, исторія не любитъ Симеоновъ-столпниковъ... И если русскій либерализмъ не рѣшится отдать ни одному изъ трехъ путей рѣшительнаго предпочтенія, то мы нисколько не удивимся, если онъ разорвется на три куска и пойдетъ... «по всѣмъ по тремъ»!

Каково же было фактическое поведеніе русскихъ либераловъ и каково оно теперь?

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ Россія переживала моментъ, имѣющій много общихъ чертъ съ настоящимъ. Пошатнувшееся подъ ударами партіи «Народной Воли» самодер-

жавіе раскрывало тогда свои объятія русскому обществу. Польщенные оказаннымъ имъ довѣріемъ, общественные дѣятели не усумнились заключить союзъ съ правительствомъ и охотно откликнулись на его призывъ принять участіе въ борьбѣ съ «крамолою». Лучшие земскіе люди, конечно, понимали, что враговъ правительства нельзя отождествлять съ врагами государства. Больше того: нѣкоторые изъ ихъ среды готовы были преклониться передъ этими самоотверженными борцами за волю и счастье народа. Но, увлеченные политиканствомъ, они понадеялись за призрачную услугу выторговать у правительства такъ нужные для страны вольности. Услуга оказалась, однако, далеко не призрачной. Въ умы русскаго общества была внесена смута и въ рѣшительный моментъ оно растерялось, не зная, кто его другъ и кто его врагъ. Воспользовавшись этой растерянностью, правительство и безъ общественного содѣйствія справилося съ «крамолою». Диктатура сердца кончилась. Настали трудные годы, которые у всѣхъ въ памяти...

Что могли сказать въ свое оправданіе русскіе либералы? Что имъ претятъ насильственные акты? Что выступить рѣзко противъ политической игры самодержавія имъ мѣшало опасеніе, какъ бы ихъ не обвинили въ соучастіи съ тѣми, у кого руки обогрѣны кровью? Что ихъ шокировала видимость какъ бы союза съ динамитчиками? По развѣ сотни тысячъ безкровныхъ жертвъ, которыя приносятся въ голодные годы стоять дешевле, чѣмъ жизнь нѣсколькихъ высокопоставленныхъ карьеристовъ? Развѣ не истекаетъ кровью вся страна подъ «мирнымъ» господствомъ самодержавія? Развѣ «союзъ» съ людьми, готовыми изъ за самодержавной прихоти свергнуть страну въ кровопролитѣйшую изъ войнъ — почетнѣе союза съ революционными силами пробуждающагося великана — рабочаго народа?

А между тѣмъ ради такого позорнаго союза либералы рѣшились поставить себя въ смѣшное и униженное положеніе. Свои конституціонныя вождѣнія они закутывали въ форму адресовъ, написанныхъ холопскимъ тономъ. Чтобы сломить недовѣріе «Верховной Власти», они не жалѣли словъ для порицанія «крамольниковъ» и ихъ «злодѣйствъ», — они, которыхъ только эти «злодѣйства» и выдвинули на политическую арену, сдѣлавши для самодержавія необходимымъ заигрываніемъ съ «обществомъ». Самую необходимость народнаго представительства они мотивировали тѣмъ, что при его посредствѣ нація станетъ близко къ трону для совместной борьбы противъ гидры революціи! Создалась какаля то гнусная атмосфера, въ которой свободная политическая мысль надѣвала на себя полицейскую маску, чтобы кого то обмануть и незамѣтно проскользнуть къ государственному рулю. Конечно, обмануть имъ не удалось никого, кромѣ самихъ себя. Въ награду за недостойное уважающей себя партіи поведение они получили свирѣпую и необузданную реакцію — со стороны правительства, презрѣніе и негодованіе — со стороны революціонеровъ.

То было время, когда покойный великій сатирикъ, въ порывѣ глубоко возмущеннаго чувства, взмахнулъ свистящимъ бичемъ своей сатиры, — слѣдъ рѣзкаго удара остался въ его сказкѣ о «либералѣ», который прошелъ въ своей политической жизни три стадіи; сначала его девизомъ было «въ предѣлахъ возможности», затѣмъ — «хоть что нибудь» и, наконецъ, «примѣнительно къ подлости»...

Въ настоящее время правительство опять заговорило о «довѣріи» и тѣмъ самымъ исторія опять предоставила слово либераламъ. Но какимъ путемъ самодержавіе было доведено до этихъ, пока чисто словесныхъ уступокъ? Не хроническіе голодовки милліонныхъ массъ, не промышленный кризисъ и даже не кровавыя жертвы, какія уже принесли русскій народъ въ бессмысленной и безцѣльной авантюрѣ, убѣдили русское правительство въ необходимости ослабить гнетъ. Для этого нужны были общественныя и уличныя демонстраціи, рабочія и крестьянскія волненія, террористическіе акты.

Та растущая сила, имя которой — революціонный социализмъ, на подготовленной исторіей почвѣ, произвела весь современный политическій кризисъ, наполнила смятеніемъ и колебаніемъ правящіе верхи, сгустила, какъ передъ грозой, электричество въ окружающей атмосферѣ, вслѣдствіе смѣлости даже въ робкія сердца, преобразила даже либераловъ...

Посмотрите на резолюціи послѣдняго земскаго сѣзда и сравните ихъ съ «всеподданнѣйшими адресами» 70-хъ, 80-хъ, 90-хъ годовъ. Либерализмъ отбросилъ маску, отдѣлился отъ

византийски-лестливаго стиля, не умиляется въ отвѣтъ на изліаніе «доброты» Святополка-Мирскаго, — нерѣшительность и заигрыванія правительства только придаютъ конституціоналистамъ смѣлости и силы. Земскій сѣздъ и не думаетъ по прежнему образцу списывать довѣріе власти хуленіями по адресу революціонеровъ — свое отношеніе къ послѣднимъ онъ выразилъ лишь въ резолюціи о необходимости амнистіи. Земскій сѣздъ требуетъ по существу дѣла, затѣмъ самодержавнаго режима представительными, конституционными; онъ идетъ еще дальше и провозглашаетъ, что не только личныя и гражданскія, но также и *политическія права есть гражданамъ должны быть равны*. Эта резолюція обязываетъ — она ангажируетъ земства на принятіе *всеобщаго избирательнаго права*, какъ основы государственнаго строя.

Чѣмъ это объяснить? Конечно, отчасти — тяжелымъ, горькимъ историческимъ урокомъ, который не остался безъ послѣдствій. Но еще болѣе — особеннымъ характеромъ переживаемаго историческаго момента, ростомъ въширь и въ глубину революннаго движенія. Сейчасъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ промежуточныхъ позицій между самодержавіемъ и революціей, между царемъ и народомъ. Кто не хочетъ принимать удары разомъ съ обѣихъ сторонъ — тотъ долженъ категорически и безъ отговорокъ отвѣтить на ребромъ поставленный вопросъ — *съ царемъ или съ народомъ?*

И сознаніе этого начинается чувствоваться среди либераловъ. Что рабочее и крестьянское движеніе являются огромными факторами, что социализмъ есть хотя и чуждая, но серьезная сила, съ которой нужно считаться и къ которой приходится относиться съ уваженіемъ — это сознаніе все шире и шире распространяется среди либераловъ. И даже переходъ къ рѣзкимъ, кровавымъ революціоннымъ средствамъ вызываетъ съ ихъ стороны рѣчи, полныя невольнаго признанія. Что бомба Сазонова сыграла крупную роль въ современномъ смятеніи, колебаніяхъ, дезорганизованности правительства, въ поворотѣ отъ системы Плеве къ заигрываніямъ Святополка-Мирскаго — это слишкомъ бьетъ въ глаза, и отпираться отъ фактовъ не приходится. И либеральный авторъ въ № 59 «Освобожденія» говоритъ, не безъ стѣсненности въ сердцѣ, что «бомба, и именно она произвела благотворное сотрясеніе мыслительнаго аппарата верховныхъ сферъ», и что «надо имѣть мужество это признать, даже будучи противникомъ терроризма». «Я знаю — говоритъ онъ — какъ нелегко въ этомъ сознаться не то что ужъ представителямъ верховной власти, но и всѣмъ, кто противъ террористической тактики воздѣйствія, но что дѣлать съ фактами, которые краснорѣчиво говорятъ за себя?»

Да, факты краснорѣчиво говорятъ за себя. И если на послѣднемъ земскомъ сѣздѣ либералы обнаружили столько несвойственной имъ въ былыя времена смѣлости и политической зрѣлости, то въ дѣлѣ этого «благотворнаго сотрясенія» или «мыслительнаго аппарата» также нельзя не замѣтить вліянія роста революціонныхъ силъ и роста энергіи ихъ борьбы...

Но отъ старыхъ привычекъ отстать не такъ то легко. И если послѣдній земскій сѣздъ рѣшительно превосходитъ старыя попытки политическаго выступленія русскихъ либераловъ, то въ ней все же нельзя не открыть слѣдовъ прошлаго. И оно прежде всего рѣзко сказалось на *формѣ* либеральныхъ требованій.

Характерно въ этомъ смыслѣ то, что резолюція упорно и систематически избѣгаетъ называть вещи ихъ собственными именами: ни «конституція», ни «земскаго собора», ни «учредительнаго собранія», ни «всеобщаго избирательнаго права» вы здѣсь не встрѣтите. Мы поняли бы такую воздержанность, если бы эти термины были слишкомъ неопредѣленны; но разъ этого нѣтъ, словобоязнъ здѣсь снова свидетельствуетъ о какой то неувѣренности, о какихъ то оппортунистическихъ страхахъ, съ которыми приходится считаться и которымъ приходится дѣлать уступки.

Конечно, «постоянное представительство, какъ особое выборное учрежденіе», имѣющее участвовать въ «осуществленіи законодательной власти»; или «предварительное собраніе «свободно выбранныхъ представителей народа», необходимое для того, чтобы «вывести Россію на новый путь государственнаго развитія»; или формула «политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны» — суть довольно ясныя общія описательныя формы выраженія этихъ понятій. Но отчего, откуда она взялась, эта словобоязнъ? Къ чему возведеніе ея въ систему? Чтобы меньше испугать царя, которому будутъ должены эти резолюціи? Но давно пора отказаться отъ вѣ-

ры, что сердце самодержца будет той ареной, на которой произойдет решительная борьба между реакцией и свободой. Зачѣмъ же остатокъ этой вѣры какъ будто шевелится въ глубинѣ души того самого либерала, который только что подписался подъ требованіемъ конституціи, учредительнаго собранія, всеобщаго и равнаго избирательнаго права? Зачѣмъ же самому требованію учредительнаго собранія придана старая форма — напоминающая прежнія «безсмысленныя мечтанія»? Зачѣмъ понадобилось съѣзду «выразить надежду, что *верховная власть призываетъ* народныхъ представителей, «дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь»?

Мы привѣтствовали когда то отъ всей души смѣлое рѣшеніе Пироговскаго и Техническаго съѣздовъ не обращаться ни съ какими ходатайствами къ власти, а лишь принимать принципиальныя рѣшенія, о которыхъ бы и оповѣщалась вся страна. Земскіе дѣлатели на своемъ «частномъ совѣщаніи» не избрали, однако, ни того, ни другого пути, а попытались выработать что то среднее между ними и тутъ то формула «выраженія надежды» и явилась желаннымъ компромиссомъ. Но этотъ компромиссъ вноситъ только путаницу въ дѣло. Ибо неужели земцы въ самомъ дѣлѣ «надѣются» — а не только «выражаютъ надежду», которой у нихъ нѣтъ, — будто «верховная власть» сама «признаетъ за благо» созвать народныхъ представителей? Будто на «новый путь» страну будетъ выводить сама эта «верховная власть», нуждающаяся для этого лишь въ «содѣйствіи» представителей народа? Неужели они и странѣ хотятъ внушить ту же сладкую надежду на благожелательность верховной власти? Конечно, нѣтъ. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, конечно, что приходится дѣлать уступки той части земцевъ, которая слишкомъ завязла въ традиціяхъ вѣроподобническихъ адресовъ и ходатайствъ, и все еще никакъ не можетъ отъ нихъ отрѣшиться...

Быть можетъ, намъ скажутъ, что это детали, мелочи, вопросы формы, а не сущности? Это будетъ вѣрно только отчасти. Форма и сущность должны гармонизировать другъ съ другомъ, и отсутствие этой гармоніи можетъ быть принято за признакъ какой то слабости, нерѣшительности, колебаній. А у людей болѣе недовѣрчивыхъ это можетъ возбудить даже и подозрѣнія, не кроется ли подъ неясными и окольными формулировками какая нибудь задняя мысль. Конечно, если бы эти подозрѣнія были основательны, то raison d'être окольных формулировокъ былъ бы неоспоримъ. Но если этого нѣтъ — зачѣмъ ослаблять свое собственное дѣло? Зачѣмъ уменьшать этимъ путемъ тотъ сочувственный резонансъ, безъ котораго всякія конституціонныя заявленія — только «звукъ пустой», только рѣчи, значеніе которыхъ «темно иль ничтожно»...

Неужели объ этомъ возможны два мнѣнія? Развѣ всеобщее право голосованія при выборѣ въ центральное представительное собраніе — такая деталь, частности, мелочь, что о ней не стоитъ и упоминать? Однихъ привѣтственныхъ адресовъ, обращенныхъ съ разныхъ сторонъ къ съѣзду, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы понять крайнюю важность этого пункта. Умолчаніе о немъ даетъ почву для многихъ перетолкованій — ибо «народное представительство, какъ особое выборное учрежденіе», возможно хотя бы въ видѣ представительствъ земствъ, городовъ, корпорацій, — т. е. не прямого, а лишь косвеннаго народнаго представительства. Да и вообще странная это мысль — говорить не прямо, а лишь обходами, лишь далекими намеками въ вопросѣ, который для рабочихъ масъ имѣетъ самое глущее значеніе! Зачѣмъ это нужно? Вѣдь это только можетъ вызвать подозрѣніе, что авторы выѣли какіе то мотивы, какія то основанія для того, чтобы набросить на что то вуаль, быть можетъ, достигнуть неясными фразами видимаго примиренія фактически непримиримыхъ въ этомъ вопросѣ тенденцій. Но когда люди хотятъ, чтобы имъ вѣрили, они должны лучше прямо констатировать передъ обществомъ и въ этомъ пунктѣ, какъ въ пунктѣ о законодательныхъ функціяхъ представительнаго собранія, наличность разногласій. Нечего бояться, что это подорветъ значеніе съѣзда. Во первыхъ, все равно шла въ мѣшкѣ не утаишь. А во вторыхъ, желая этого избѣгнуть, люди только подрываютъ вѣру въ политическую искренность всего съѣзда разными «фигурами умолчанія». Это значитъ прятаться отъ дождя да въ воду...

Еще болѣе важна категорическая формулировка этого требованія въ пунктѣ объ учредительномъ собраніи. Пусть либералы стоятъ даже за всеобщее прямое избирательное право въ будущей конституціи; но если учредительное собраніе, имѣющее работать надъ созданіемъ этой консти-

туціи, организовано не на основѣ всеобщаго избирательнаго права — то гдѣ для насъ гарантія, что либеральныя патіи къ всеобщему избирательному праву не окажутся благими пожеланіями того же рода, какъ и тѣ, которыми весь адъ выможенъ? И потому въ этомъ пунктѣ требуется особо подчеркнуть всеобщее избирательное право, en toutes lettres, поставивъ всѣ точки надъ і.

Словомъ, мы полагаемъ, что если русскіе либералы хотятъ играть серьезную политическую роль, они должны не ограничиваться эзоповскимъ языкомъ резолюцій, редактированныхъ какъ будто подъ Дамокловымъ мечемъ предварительной цензуры, а повторить болѣе опредѣленнымъ и категорическимъ языкомъ свое требованіе *всеобщаго избирательнаго права* (предполагая всѣ необходимыя гарантіи — прямое, тайное, равное etc.).

Есть и еще два существенныхъ пункта. Во первыхъ, въ резолюціяхъ земскаго съѣзда совершенно отсутствуетъ его программа по отношенію къ крестьянскому и рабочему вопросу. Но предположимъ, что съѣздъ не могъ разомъ охватить «политику» и «экономику», а потому остановился только на «политикѣ». И здѣсь, однако, оказывается пробѣлъ: резолюція умалчиваетъ о *національныхъ правахъ* другихъ, не великорусскихъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской имперіи. А это можетъ крайне неблагоприятно поразить население такъ называемыхъ «окраинъ», гдѣ намъ приходится встрѣчаться, напр., съ такими культурно и политически развитыми національностями, какъ польская.

Мы знаемъ, конечно, что среди либераловъ есть элементы, которымъ очень хотѣлось бы избѣжать всѣхъ тѣхъ недочетовъ и зияющихъ прорѣхъ, на которыя мы указали. Но, разумѣется, элементы эти — невольники своего положенія. Имъ хочется поднять возможно болѣе широко массу либеральной оппозиціи, а для этого приходится дѣлать уступки. Они стараются выше поднять низы этой оппозиціи, но боятся слишкомъ туго натягивать связующія нити и выпуждены сами спускаться внизъ, чтобы быть ближе къ своей аудиторіи, чтобы не оторваться, не изолироваться отъ нея. Эти передовые элементы, быть можетъ, найдутъ нашу критику слишкомъ суровой, укажутъ, что актъ съѣзда является во всякомъ случаѣ крупнымъ шагомъ впередъ, и т. д. Но мы и не споримъ противъ этого. Все сравнительно, и потому прогрессъ несомнѣненъ — онъ будетъ даже огромный, если взять щедринскій образъ либерала, не знающаго собственнаго, чего ему хочется — «не то конституціи, не то севрюжины подъ хрѣномъ», или если взять либераловъ эпохи Народной Воли, заворочавшихъ конституціонныя вождѣнія въ выраженія условнаго согласія поспѣшить на призывъ правительства къ «общественному содѣйствію» для борьбы со смутой...

Но, какъ социалисты-революционеры, какъ представители рабочаго народа, мы не исполнили бы своего долга передъ нимъ, если бы не вскрыли въ самыхъ смѣлыхъ земскихъ начинаніяхъ всѣ тѣ прорѣхи и недочеты, которые отдѣляютъ цѣлою пропастью оппозиціонеровъ привилегированныхъ классовъ отъ дѣятелей рабочей революціи, и которые тѣсно связаны съ разницей въ социальномъ характерѣ тѣхъ кадровъ, которые составляютъ либеральную и социалистическую партіи.

Подводя итоги сказанному*, мы должны отмѣтить, что ростъ политическаго сознанія въ средѣ земской оппозиціи, хотя и наблюдается, но несомнѣнно отстаетъ отъ общаго хода событій, развивающихся все болѣе быстрымъ темпомъ.

Выступленіе земской оппозиціи со своими требованіями будетъ имѣть ту хорошую сторону, что вынудитъ «министерство пріятныхъ улыбокъ» рѣшительно высказаться. Это министерство такъ же пришло на перекрестокъ двухъ дорогъ и нерѣшительно топчется, не рѣшаясь взять ни вѣдро, ни вправо. Это министерство для многихъ, — какал то неопредѣленнаго свойства опухоль на государственномъ организмѣ Россіи. Резолюція земскаго съѣзда, предъявляемая черезъ Святополькъ-Мирскаго царю — есть какъ бы пробный проколъ этой опухоли. И въ этомъ — его большое агитаціонное значеніе. Пора же, наконецъ, прекратить это топтанье на одномъ мѣстѣ!

И «пробный опытъ» уже отчасти удался; теперь уже «Освобожденіе» рѣшительно говоритъ о «фіаско новаго курса»... Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ на эту министерскую «политику изгазовъ»... Князь Святополькъ самъ обратился къ негласному организаціонному бюро при московской земской управѣ, уже не разъ устраивавшему частныя земскія совѣщанія при Пле-

ве; онъ самъ предложилъ земцамъ собраться *массо*, но не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. Было ясно, что онъ боится, какъ бы негодующій на «новый курсъ» Сергій Ходынский не вывалитъ какого нибудь крупнаго скандала, такого скандала, отъ котораго, какъ отъ предательской мины, могла бы валеть на воздухъ вся политика княжеской доброты. Земцы не замедлили воспользоваться необдуманнѣмъ разрѣшеніемъ образоватъ малѣнкій частный «земскій соборъ», въ законахъ непредусмотрѣнный, но допущенный «съ высочайшаго соизволенія». Они соотвѣтственно расширили программу своихъ занятій, они стали подготавливать принятіе съѣздомъ конституционныхъ требованій — и князь совершенно растерялся. Перебѣгая отъ одного рѣшенія къ другому, отъ одного объясненія своего поведенія къ другому, онъ въ концѣ концовъ остался вѣрнѣ духу своей общей политики — политики проволокъ — и, не рѣшившись просто ~~запретить~~ земскій съездъ, ~~отложилъ~~ его до января. Когда же земцы почтительно, но твердо объяснили ему, что, собравшись, не могутъ принять предложеніе разойтись иначе, какъ за насмѣшку надъ ними, а потому всетаки соберутся такъ же, какъ собирались во времена Плеве, — новому министру ничего не осталось, какъ «сыграть назадъ»...

Итакъ — Zurück auf Plehve! но только безъ рѣшительности Плеве, безъ систематичности Плеве, съ половинчатыми мѣрами, съ растерянностью, съ политикой зигзаговъ, съ шатающимися, на подобіе маятника, отъ земскихъ людей къ «Московск. Вѣд.» и «Гражданину», къ Сергію Ходынскому и Побѣдоносцеву, вмѣшательству которыхъ приписываютъ новый поворотъ въ политикѣ и запрещеніе съѣзда...

И намъ невольно вспоминаются слова Герцена: «Оспсиди, какой жалкій и смѣшной видъ у этого грознаго правительства! Куда дѣлась его вахмистерская наружность, его «фельдфебельская выправка? Гдѣ его сипло-армейскій голосъ, которымъ оно столько десятилѣтій кричало: «въ гробъ заколочу Демосеена!» — Что, служивый, видно, не тѣ времена, да и не тѣ силы, широкъ тебѣ сталъ мундиръ, насунулась кака на глаза... Ступай, кавалеръ, въ болыницу, не то въ инвалиды!»

Но чѣмъ болѣе движется впередъ разложеніе самодержавія, чѣмъ болѣе является кругомъ претендентовъ на его наследство, тѣмъ становится неотложнѣе для рабочихъ, для социалистическихъ элементовъ консолидировать свои силы, составить прочный социалистическій *блокъ*, и въ этомъ единствѣ почерпнуть силы для рѣшающаго вмѣшательства въ ходъ событий.

Задачи наши крайне важны и сложны. Мы должны своимъ вмѣшательствомъ ускорить надвигающуюся, неминуемую гибель самодержавія; мы должны удвоить, утроить свою энергию; мы должны координировать наши силы для одновременнаго, согласованнаго натиска на боевой механизмъ правительства. Мы должны, даѣе, обезпечить себѣ возможность извлечь изъ будущаго переворота максимумъ выгодъ для рабочаго класса, возможный по условіямъ времени и мѣста.

Мы хотимъ полной демократіи, хотимъ всеобщаго избирательнаго права со всеми необходимыми гарантіями, хотимъ децентрализацию въ управленіи; мы не хотимъ, чтобы въ обновленной Россіи возникли политически-привилегированные слои, и мы должны быть готовы противостать всякимъ попыткамъ урѣзать долю народа въ политической побѣдѣ.

Мы глубоко понимаемъ всю невозможность и нелѣпость въ экономическомъ и истощенной, разстроеной, дезорганизованной Россіи переворота, ограничивающагося лишь правовыми, государственно-юридическими перестройками; мы хотимъ социальнаго возрожденія трудовой Россіи, хотимъ, чтобы во время переворота она завоевала себѣ болѣе укрѣпленные — не только политическія, но и экономическія — боевыя позиціи; и мы должны быть готовы углубить и расширить движеніе, направивъ его и въ область имущественныхъ отношеній — въ смыслѣ, указываемомъ нашею партійною программой.

Мы не хотимъ, чтобы новая, свободная Россія встрѣтила путь, засоренный тѣми національными распрями, треніемъ, враждой, которыя неизбежно возникаютъ при нарушеніи чьихъ либо національныхъ правъ. Мы знаемъ, какъ въ этихъ распряхъ, словно въ колющемъ чертополохѣ, легко можетъ заглохнуть, затеряться или дать лишь хилый всходъ сѣмена великихъ международныхъ идеаловъ современности; и вотъ почему мы должны быть готовы извлечь изъ грядущаго переворота все, что можно, не только для торжества принципа гражданскаго равноправія, но и равноправія національнаго, исключаящаго всякое распоряженіе судьбой какой бы то ни было національности помимо или противъ ея воли, и представляющаго каждой на-

циональности рѣшить — въ какихъ отношеніяхъ она будетъ жить съ другими, сосѣдними національностями.

Вотъ что необходимо, чтобы трудовая Россія, обновленная, окрѣпшая, полная силъ, вышла на широкую, столбовую дорожку международнаго прогресса, ведущую въ свѣтлое царство свободы и социализма. Вотъ почему теперь болѣе, чѣмъ когда либо, необходимо, насупно необходимо для всѣхъ революціонно-социалистическихъ элементовъ, сознающихъ лежащую на нихъ огромную историческую отвѣтственность и готовыхъ къ энергичному дѣйствію, сплотиться тѣснѣе, несмотря на раздѣляющие ихъ второстепенные отбѣнки или національныя отличія, и въ своемъ единствѣ почерпнуть достаточныя силы для того, чтобы не только ускорить паденіе самодержавія, но и побѣдоносно отразить всѣ попытки воспользоваться въ ущербъ рабочему классу плодами побѣды — съ чѣй бы стороны эти попытки ни исходили. И тотъ фактъ, что задача эта надрѣла, что голосъ жизни властно предъявляетъ ее во всемъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать — служить намъ залогомъ близости ея практическаго разрѣшенія.

А чѣмъ скорѣе и чѣмъ полнѣе мы достигнемъ этой цѣли, тѣмъ категоричнѣе и съ тѣмъ болѣшимъ вѣсомъ сможемъ мы поставить передъ всѣмъ недостаточнѣе устойчивыми, недостаточно опредѣленными и промежуточными общественными элементами дилемму: *съ царемъ или съ народомъ?*

РЕЗОЛЮЦІЯ.

принятая на съѣздѣ земскихъ дѣятелей, происходившемъ 6, 7 и 8 ноября въ СПб. и подписанная 102 его участниками.

§ 1. Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала 80-хъ гг., заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

§ 2. Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасенія развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія, къ опека надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учреждений въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

§ 3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждого и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

§ 4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

§ 5. Для устраненія возможности административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частныхъ жилищъ. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергнутъ взысканію или ограниченію въ правахъ. Для этого необходимо еще установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушенія закона, который обезпечивалъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

§ 6. Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія своихъ нуждъ, для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія необходимы обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свобода слова и печати, а также свобода собраній и союзовъ.

§ 7. Личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны.

§ 8. Самодѣятельность общества является условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни государства. Такъ какъ большинство населенія принадлежитъ къ крестьянству, то слѣдуетъ поставить его въ положеніе, благоприятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ кореннаго измѣненія нынѣшняго не полноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Для этого необходимо: а) освободить отъ

административной опеки сельское население во всех проявляющихся его личной и общественной жизни и б) оградить его авиальной формой суда.

§ 9. Земские и городские учреждения, в которых по преимуществу сосредоточивается местная общественная жизнь, должны быть поставлены в такие условия, при которых они могли бы с успехом выполнять обязанности, присущие правильным и широко поставленным органам местного самоуправления. Для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословных началах и обмы к участию в земском и городском самоуправлении или привлечены по возможности все наличные силы местного населения, б) чтобы земские учреждения были приближены к населению путем создания мелких земских единиц, начальных, обеспечивающих их действительную самостоятельность, в) чтобы круг ведомства земских и городских учреждений простирался на всю область местных пользы и нужд; г) чтобы названным учреждениям были предоставлены должная устойчивость и самостоятельность, при наличии которых только и возможно правильное развитие их деятельности и создание необходимого взаимодействия правильных и общественных учреждений.)

§ 10. Но для создания и сохранения всегда живого и тесного общения государственной власти с обществом на основе вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участие народного представительства, а именно: а) особое выборное учреждение (в законодательстве — мнѣе меньшинства — 27 гол.) в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле над законностью действий администрации (мнѣе большинства — 71 голость).

§ 11. Ввиду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, частное совещание выражает надежду, что верховная власть призывает свободных избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа.

Делегатами для представления резолюции через министра зн. дѣл Николаю II избраны:

Графъ Гейденъ П. А., князь Львовъ Г. Е., Петрункевичъ И. И., Родзянко М. В., Шиповъ Д. Н.

РЕЗОЛЮЦИЮ ПОДПИСАЛИ: Бар. Стуртъ, предс. Бессараб. губ. упр., Петровъ С. А. предс. Владим. губ. упр., Смирновъ Г. А. чл. губ. упр., Еремьевъ А. К. предс. Вологод. губ. упр., Кудрявскій В. А. чл. упр., Березинъ Д. А. чл. губ. упр., Урсулъ предс. Воронежск. упр., Бар. Зубергъ предс. Валуис. уезд. упр., Родзянко, предс. Екатеринбургск. упр., Карышевъ Н. А., Масленниковъ, Герюевъ, предс. Казанск. губ. упр., Марковичъ, б. предс. Барятинскій, предс. двор. Казанск. упр., Десля, предс. Калужск. губ. упр., Соколовъ, предс. Костромск. губ. упр., Раевскій предс. Курск. губ. упр., кн. Долгоруковъ П. Д., Загорскій, е. Рудень, Якушкинъ, Ширковъ, Головинъ, предс. Можковск. губ. упр., Артыновъ, Гучковъ, Кокошкинъ, Рихтеръ, предс. Моск. у. упр., Хмѣлевъ, Чалюковъ, Мейенъ, Шиповъ, Савельевъ, предс. Нижегородск. губ. упр., Горинъ, Килевейнъ, Прокофьевъ, предс. Новогород. г. у., Березинъ, предс. Тихвин. у. упр., Коллякинъ, Масловъ, предс. Орловск. г. у., Полновъ, Стаховичъ А. А., Гатариновъ предс. Орлов. у. у., Ковалевскій, б. предс. Пермск. г. у., Атрыганьевъ, предс. Пензенск. г. у., Ладыженскій, Лязогубъ, предс. Полтавск. губ. упр., Горбуновъ, предс. Псковск. г. у., графъ Гейденъ, Яманъ, предс. Рязанск. г. у., кн. Волконскій, Ушаковъ, предс. Самарской г. у., Племянниковъ, Шашковъ, Костромитинъ, Алаковъ, чл. С.-Петерб. г. у., Арсеньевъ К. К., Гвоздевъ, Кашкаровъ, кн. Баратаевъ, предс. Симбирск. г. у., Садовскій, предс. Смоленск. г. у., Вороновскій, Полуэтовъ, Хомяковъ Н. А., Юматовъ, предс. Саратов. г. у., Котляревскій, Львовъ, Масленниковъ, Павловъ, Харченко, предс. Тавричск. г. у., Колобовъ, предс. Тамбовск. г. у., Брюхатовъ, Вернадскій, Измайловъ, Новосильцевъ Г., Тверской губ.: фонъ-Дервизъ, Кузьминъ-Караваевъ, Милоновъ, Петрункевичъ М. И. и И. И., Родичевъ, кн. Львовъ, предс. Тульск. г. у., кн. Голицынъ, Писаревъ, Корочинскій, предс. Уфимск. г. у., Жуковский, Колокольцевъ предс. Харьковск. г. у., Лантваревъ, Сайгинъ, предс. Черниговск. г. у., Хвильковъ, Ярославск. г. у., кн. Шаховской, Глѣбовъ, Калитинъ, предс. Холмск. у. у., Протопоповъ, Самарск. губ. гл. УКЛОНИЛИСЬ ОТЪ ПОДПИСИ: гр. Стенбокъ-Ферморъ, предс. Херсонск. г. у. и Марковъ, предс. Петерб. губ. управы.

Частное совещание земскихъ дѣателей въ засѣданіи 9 нояб.

*) Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи.

1904 г., обсудивъ вопросъ о положеніи народнаго образованія въ Россіи пришло къ слѣдующему заключенію:

1. Несоответствующее потребностямъ страны положеніе народнаго образованія во всѣхъ его отрасляхъ и степеняхъ по мнѣнію совѣщанія объясняется отстоящимъ въ связи съ общей бюрократической системой отрицательнымъ отношеніемъ правительственныхъ сферъ къ мыслямъ о пользѣ и значеніи всесторонняго умственнаго развитія народа для правильнаго теченія общественной и государственной жизни.

2. Широкое развитіе умственныхъ силъ страны необходимо требуетъ полнаго устраненія преградъ и стѣсненій, которыми нынѣ обставлено дѣло народнаго образованія.

3. Совѣщаніе высказываетъ пожеланіе, чтобы на предстоящихъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ были подвергнуты всестороннему разсмотрѣнію вопросъ о положеніи дѣла народнаго образованія на мѣстахъ.

Совѣщаніе, полагая, что положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 14-го августа 1881 г. является однимъ изъ главныхъ условий, создающихъ почву для административнаго произвола и общественнаго неудовольствія и тѣмъ препятствующихъ взаимному довірью и единенію правительства и населенія, признаетъ желательнымъ немедленную отмѣну названнаго положенія. Кроме того, мнѣя въ виду, что основанная на вышеупомянутомъ положеніи система административной репрессіи примѣнявшаяся въ последнее время съ особенной силой, имѣла своимъ послѣдствіемъ множество жертвъ административнаго произвола, подвергшихся различнымъ карамъ и ограниченіямъ правъ, — совѣщаніе считаетъ долгомъ высказаться за необходимость полнаго освобожденія ихъ отъ взысканій, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ. Вместе съ симъ совѣщаніе выражаетъ надежду, что актомъ помилованія по отношенію къ лицамъ, подвергшимся наказаніямъ по политическимъ дѣламъ, верховная власть внесетъ въ страну умиротвореніе.

ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ НИКОЛАЯ ВТОРОГО.

(1894 — 1904 г. г.)

«Государи, благодаря окружающей ихъ дворцовой атмосферѣ, воспитываются во лжи, приводящей ихъ къ основной ошибкѣ; эгоизмъ всей ихъ обстановки заставляетъ ихъ сердца противъ естественныхъ симпатій; они постепенно вырабатываются въ тирановъ, благодаря подчиненности, проявляющейся во всѣхъ умѣхъ, съ которыми они соприкасаются, и они поощряются къ деспотизму той рабской уступчивостью, которая поддерживаетъ ихъ шаги къ власти и злоупотребленію ею. Какъ вѣрно то, что коршунъ высматривается своей матерью, изъ своего яйца, въ своемъ зашитомъ кровью гнѣздѣ, — такъ вѣрно то, что прихлебатель-придворный является во дворцѣ законнымъ воспитателемъ тираніи».

H. Brougham.

Кто не помнитъ, какія надежды расцвѣли въ сердцахъ многихъ обывателей при вступленіи, въ 1894 г., на престолъ «молодого монарха»? Мрачное царствованіе Александра III, нависшее болѣе 10 лѣтъ свинцовой тучею надъ страной, кончилось. Не было извѣстно, что собою представляетъ новый царь. Не всѣмъ казалось, что во всякомъ случаѣ онъ будетъ лучше своего предшественника. Тотъ вступалъ на престолъ въ зловѣщее время, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ трагической смерти отца; тотъ долженъ былъ отсиживать въ Гатчинѣ отъ народовольцевъ, откладывать коронацію, изъ страха, чтобы Царь-Динамитъ не разметалъ все торжество; тотъ долженъ былъ уединяться въ финляндскихъ шхерахъ и въ эмигрантской утѣсти въ Даніи и выторговывать для коронаціи проходное свидѣтельство у Исполнительнаго Комитета Народной Воли; тотъ, подобно травленному волку, долго копилъ сосредоточенную озлобленность и съ ненормальной концентраціей мыслей на одномъ предметѣ дрожалъ за свою власть, вырабатывая изъ себя маньяка самодержавной идеи. Николай II былъ свободенъ отъ этихъ угнетающихъ впечатлѣній; онъ могъ дѣйствовать съ развязанными руками; передъ нимъ было достаточно спокойнаго, свободнаго отъ политическихъ бурь времени, чтобы снискать популярность въ обществѣ, заранее настроенномъ въ его пользу. Къ тому же общество было весьма нетребовательнымъ: послѣ такого царя, какъ Александръ III, немногого было бы достаточно, чтобы показаться добрымъ и симпатичнымъ... Digitized by Google

Къ Александру III было особенно приложимо французское изрѣченіе: quand il a peur, il est terrible (когда его охватываетъ страхъ, онъ становится ужасенъ). Заурядный, упрямый «культурный дикарь», не выдающийся ничѣмъ, онъ былъ игрушкой и моральной жертвой своего положенія. Исторія сдѣлала его средоточіемъ всѣхъ ужасовъ самодержавнаго режима, который пережилъ себя и оказался въ непримиримомъ противорѣчій съ самыми жизненными потребностями страны. И всѣ результаты этого противорѣчія, этого столкновения — всѣ слезы, стоны, вся кровь и муки, неразлучные съ огромной тюрьмой, въ которую была превращена Россія, — съ годами все сильнѣе и сильнѣе концентрировались въ фигурѣ этого человѣка. Побѣда его надъ врагами, передъ которыми ему такъ долго приходилось трепетать, — сообщила ему ту уравновѣшенность, ту удовлетворенность маньяка, которая была непроницаемой броней, охранявшей его отъ впечатлѣній живой жизни — а эти впечатлѣнія должны были заставить содрогнуться и мало чувствительное сердце. Но, будучи отъ природы человѣкомъ съ пониженной чувствительностью и восприимчивостью, онъ приобрѣлъ ту зачестивость, которая плотной корой закупорила его сердце для жизни — и онъ шелъ черезъ лужи крови и грязи, черезъ моря слезъ и трудового пота народнаго, механически и нечувствительно, все болѣе и болѣе принимая образъ какого то нечеловѣческаго, неестественнаго выхода изъ другого міра — какой то злобѣйшей статуи Командора, «тяжелымъ пожатіемъ каменной своей десницы» захватившаго несчастную страну и тянущаго ее назадъ, къ мраку дореформенныхъ порядковъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставался совершенно обыкновеннымъ, ограниченнымъ и достаточно невѣжественнымъ человѣкомъ — по натурѣ онъ вовсе не былъ тѣмъ ядовитымъ [гаршинскимъ «краснымъ цвѣткомъ», который впиталъ въ себя все зло, всю жестокость, всю извращенность и всѣ черты звѣрства, сохранившійся въ человечествѣ; нѣтъ, то была лишь тѣнь, отбрасываемая на него ненормальностью режима, средоточіемъ котораго пришлось быть ему.

Общественное мнѣніе не дооцѣнило значеніе той желѣзной логики положенія, которая своими зубьями захватила заурядную личность Александра III. Общественное мнѣніе переоцѣнило значеніе тѣхъ особыхъ условий, подъ впечатлѣніемъ которыхъ Александръ III занялъ мѣсто своего отца. Лишенное сколько нибудь глубокаго политическаго воспитанія, наше культурное общество не понимало, какое фатальное наслѣдство оставилъ Александръ III своему сыну — и устремило на послѣдняго свои взоры, полные надеждъ и ожиданій...

Говорили, что самая молодость царя дѣлаетъ его умъ и сердце болѣе открытыми новымъ мыслямъ и вѣяніямъ, болѣе восприимчивымъ къ потребностямъ и запросамъ жизни; говорили, что онъ образованіе отца, что онъ проникнутъ болѣе современными духомъ. Забывали, что это еще очень немногое — быть образованіемъ того законеннаго «Топтыгина III», образъ котораго такъ мастераки нарисовалъ Щедринъ; забывали, что молодость, — доступность вліяніямъ — палка о двухъ концахъ, и что въ атмосферѣ придворнаго преклоненія молодой, неумный, не самостоятельный, но унаслѣдовавшій упрямство отца юноша, вознесенный на сверхчеловѣческую высоту, увѣренный, что онъ — помазанникъ Божій, чудеснымъ образомъ воспріявшій особое наитіе свыше — тѣмъ легче можетъ выработаться въ тупого, самоувѣреннаго, заскоружаго невѣжду, незаметно пляшущаго по чей угодно лудкѣ и въ то же время воображающаго себя орудіемъ непогрѣшимаго божественнаго разума. Забывали, что такой человѣкъ можетъ лучше всего совмѣстить трепещущую душу съ упорнымъ отстаиваніемъ своего самодурства, полное незнакомство съ бытомъ и потребностями подвластнаго народа, съ отсутствіемъ всякаго желанія поучиться, прислѣдаться, узнать его — ибо «даръ духа святаго» замѣняетъ это все, и, получивъ его при помазаніи на царство, «аки древле Саулъ», царь уже «не учась ученъ, коль прійдетъ въ восхищеніе». Забывали... и нужно было, чтобы царя осѣнило нѣсколько первыхъ «восхищеній»: только тогда общество было выведено нѣсколькими грубыми толчками изъ радужныхъ сновидній, опомнилось и вернулось къ чувству дѣйствительности. А дѣйствительностью было — все то же роковое проклятіе, фатально тяготящее надъ самодержцами всѣхъ временъ и народовъ...

Окружающіе Николая II характеризуютъ его, какъ человѣка слабого, безвольнаго, но временами крайне упрямаго. Онъ по

складу своему фантазеръ, мечтатель, не чуждъ сентиментальности. Тираническая воля его отца, не терпѣвшаго въ семьѣ никакихъ противорѣчій, съ дѣтства ломала и гнула нѣсколько женственную и слабую натуру Николая. Немногіе свободные порывы сердца душились и вырывались съ горнемъ. Такъ, передъ бракомъ съ Алисой Гессенской, онъ, тогда еще наслѣдникъ, вздумалъ было распорядиться со своимъ сердцемъ самъ, не справляясь съ этикетомъ, — и долженъ былъ отправиться лечиться отъ этой болѣзни въ то несчастное путешествіе, въ теченіе котораго онъ получилъ въ Японіи сабельную рану фанатика-полицейскаго. Эта сабельная рана была какъ бы прообразомъ той, еще болѣе жестокой, сабельной раны, которую русскій царизмъ получаетъ въ настоящее время отъ той же Японіи. — Царствованіе Николая II вообще было богато такими пророческими эпизодами...

Сентиментальныя фантазіи Николая II, проникавшіе въ общество слухи о его кратковременныхъ и слабыхъ «бунтахъ» противъ придворнаго этикета, опутывающаго съ ногъ до головы каждую изъ жертвъ Зимняго Дворца, и были причиною тѣхъ упований и надеждъ, которая возлагались на него въ культурно-либеральныхъ сферахъ. Къ тому же земцы сохраняли довольно благоприятное воспоминаніе о немъ изъ тѣхъ временъ, когда, въ качествѣ наслѣдника, онъ предводительствовалъ въ «Особомъ благотворительномъ Комитетѣ» во время голодовки 1891-1892 г. г. Насколько беспокоили эти черты его личнаго характера придворную клику? Это трудно сказать; повидимому, однако, не очень. Было слишкомъ легко дать простой выходъ его фантазіямъ. Не имѣя представленія о реальной жизни народа, Николай былъ лишенъ всякаго чувства мѣры и перспективы, и ему ничего не стоило принять за великую милость, за облагодѣтельство всей страны самую жалкую побрякушку. Ему предоставляли сколько угодно писать «утѣшительно» и «одобрительно» на губернаторскихъ и министерскихъ докладахъ о мнимыхъ успѣхахъ культуры и образованія въ Россіи, — а прессѣ запретили царскія отиѣтки комментировать; ему предоставляли съ помпой ознаменовывать вступленіе на царство указомъ объ ассигновкѣ 50000 рублей на вспомошествованіе нуждающимся литераторамъ и ученымъ — сумма, порядокъ употребленія которой легко могъ превратить ее въ литературный «фондъ пресмыкающихся». Впослѣдствіи къ этимъ и другимъ подобнымъ мелочамъ прибавилась еще болѣе грандіозная комедія — шутка въ одномъ дѣйствіи — Гаагская конференція мира, которая должна была облагодѣтельствовать не только Россію, но и все человечество. На этомъ послѣднемъ примѣрѣ особенно рельефно видно, до какой степени развился для царя міръ сентиментальной фантазіи и реальной дѣйствительности. Всенародная мирная конференція — и провоцирующая политика захватовъ на Дальнемъ Востокѣ, приводящая къ кровавымъ гекатомбамъ; «утѣшительно» на докладахъ о ростѣ школъ — и законъ о предѣльномъ обложеніи, кастрирующий культурно-просвѣтельную дѣятельность земства; первая милость, адресованная литераторамъ и ученымъ — и преслѣдованія литераторовъ, науки и ихъ представителей, не знающихъ себѣ ничего подобнаго въ прошлой исторіи... Дѣятели показныя мѣры преисполняютъ царя чувствомъ умиленія передъ дѣлами рукъ своихъ, и онъ уже мечтаетъ о дружномъ хорѣ благодаренія, ему уже рисуются картины, какъ подвластные ему народы устремляютъ къ нему сердца, и «собравшись къ его престолу, и, кроткииъ внявъ законѣмъ гласъ, по желтосумглымъ лицамъ доудляютъ токи слезъ изъ глазъ». И вдругъ — черная неблагодарность... Сердце царя вспыхиваетъ гнѣвомъ. «Вотъ черни судъ! Ищи жъ ея любви!» И онъ идетъ слушать краткій катехизисъ государственной мудрости самодержавія, доказывающій, что страной можно управлять только бичами и скорпіонами...

Несчастная, жалкая фигура! Жертва своего положенія! Сздай его случай не потомкомъ царской «амалии, а обыкновеннымъ смертнымъ, онъ безмятежно провелъ бы жизнь мирнымъ обывателемъ, немного легкомысленнымъ, съ добрымъ, хотя и трепачнымъ сердцемъ, — былъ бы отличнымъ семьяниномъ, питалъ бы сентиментальную нѣжность къ женѣ и дѣтямъ, на досугъ не безъ удовольствія слушалъ бы странника, который рассказывалъ бы ему и его женѣ, какъ хорошо было бы улагодворить весь міръ, давши «тебѣ кусокъ, мнѣ кусокъ и всѣмъ прочимъ также по куску»; повздыхавши объ этомъ, шелъ бы въ губернское правленіе или играть бы съ сосѣдомъ въ преферансъ или винтъ — и такъ тихо и мирно протекла бы его незамѣтная жизнь... И вотъ, капризомъ судьбы эту обыва-

тельскую фигурку вознесло на самую вершину грандиозной общественной пирамиды, — въ его дрожавшія руки попали бразды управления внутренней и внешней политики, — ему внушили, что нѣтъ Божіе, что почившая на немъ благодать ставить его, какъ царя, превыше законовъ естества... Онъ вознесенъ на такую высоту, что его слабая голова совершенно закружилась и отъ него отлетѣло всякое чужье реальности. Удивительно ли, что волна реакціи подхватила его и закружила, какъ ничтожную щепку?

Вотъ какими чертами рисуетъ его одинъ изъ сенаторовъ, имѣвшій достаточно случаевъ познакомиться съ его личностью и характеромъ:

«Онъ — тупъ, совершенно необразованъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, и даже, въ частности, что творится въ Россіи. Онъ любитъ семейную жизнь, дѣтей. Въ то время, какъ Россія переживаетъ серьезный кризисъ, онъ преспокойно предается патриархальной семейной идилліи. Утромъ они всѣ вмѣстѣ пьютъ чай или кофе, потомъ Александра Федоровна сама наскоро собираетъ со стола, и они вдвоемъ садятся играть въ карты. Если въ это время придетъ какой нибудь министръ съ докладомъ, то ужъ лажетъ, чтобы подслужиться, проситъ обожать или прийти въ другой разъ, такъ какъ «Его Величество заняты и принять не могутъ». Доклады онъ подписываетъ, не читая; онъ даже (sic!) «Новаго Времени» въ руки не беретъ! Правда, Александръ III былъ тоже не уменъ, но тотъ хоть любилъ военное дѣло, а этотъ и здѣсь ничего не смыслилъ... Изъ министровъ онъ слушается того, кто съ нимъ грубъ, кричитъ на него — Николай очень трусливъ и его легко запугать... Витте былъ съ нимъ развязенъ и безцеремоненъ, и Николай долго его слушался; но еще грубѣе былъ Плеве, которому легко удалось вытѣснить Витте и превратить Николая въ послушнаго школьника...»

Такова характеристика, въ которой сходятся всѣ, знающіе Николая.

«Ахъ, да развѣ онъ что нибудь понимаетъ?» съ досадой говоритъ о немъ наслѣдникъ — нынѣ «бывшій» наслѣдникъ — Михаилъ. — «Вѣдникъ, запуганный молодой человекъ» — говоритъ про него Левъ Толстой. — «Утѣшенье въ нашу страну — истинная пытка для этого робкаго, боязливаго и меланхолическаго существа» писалъ во время франко-русскихъ торжествъ enfant terrible реакціи, Дрюмонъ. — Но не иное впечатлѣніе производилъ онъ и на простонародье. «А царь-то нашъ скучный-прескучный» — говоритъ одесская баба. «Пришелъ винъ такой совѣстливый, ажъ глаза потупивъ» — вторитъ ей курскій мужикъ — «та и говоритъ: потерпите, молъ, ребята»...

И вотъ, такое то «существо» — именно «существо», а не человекъ — брошено въ водоворотъ политическихъ интригъ, гдѣ то и дѣло приходится, подобно Бурданову ослу, останавливаться въ недоумѣніи, какъ передъ двумя стогами сѣна, передъ такими величинами, какъ Витте и Плеве... Что дѣлать? Однажды, бывшій Иркутскій генералъ-губернаторъ при личномъ докладѣ царю (въ началѣ 1899 г.) началъ почтительно докладывать, что сибирскія школы не слѣдуетъ передавать духовному вѣдомству. Николай слушалъ, вникалъ и вдругъ... расплакался. — «Что же мнѣ дѣлать?» — нервно заговорилъ онъ сквозь слезы. «Вы вотъ говорите — не слѣдуетъ, а Константинъ Петровичъ (т. е. Побѣдоносцевъ) говоритъ, что необходимо передать... Хоть бы вы меня то пожалѣли!» Царь, отвѣчающій всхлипываніями на вопросы жизни — такихъ персонажей исторія не долбилываетъ и неизмѣнно приводитъ ихъ къ трагическому концу. И вся ихъ жизнь становится какимъ то сложнымъ переплетомъ трагическаго и комическаго.

Извѣстенъ слѣдующій характерный эпизодъ. Глухою осенью 1894 г., днемъ, по Невскому проспекту, шелъ молодой офицеръ, съ задумчивыми печальными глазами. Офицеръ шелъ, не привлекая ничего вниманія, и благополучно миновалъ уже Милютинныя ряды, какъ вдругъ передъ нимъ выросла фигура градоначальника фонъ-Валя. Онъ бѣшено мчался въ своемъ экипажѣ по направленію отъ Зимняго дворца, зорко осматривая прохожихъ по Невскому. Увидѣвъ офицера, онъ выскочилъ изъ экипажа и, въ упоръ глядя своими красными воспаленными глазами (было болѣе 3 ч. дня и фонъ-Валь съ этого момента бывалъ совершенно пьянъ) на смущеннаго офицера, тихо сказалъ ему:

— Это невозможно, Ваше Величество!

— Но, генералъ...

— Это невозможно, Ваше Величество, и я Васъ умоляю вернуться во дворецъ...

Моментально вокругъ государя — офицеръ съ печальными глазами былъ, дѣйствительно, ни кто иной, какъ Николай II, самодержецъ всероссійскій — и фонъ-Валь собралась толпа. Царь продолжалъ идти по троттуару; фонъ-Валь шелъ по проѣзду, почтительно изогнувшись.

— Но, генералъ, я вышелъ погулять...

— Это невозможно, Ваше Величество...

На этотъ разъ послѣдняя фраза была услышана толпой; слова «царь! царь!» переходили изъ устъ въ уста; раздалось громкое «ура»; полетѣли вверхъ шапки: тогда Николай II былъ еще очень популяренъ, на него возлагали большія надежды, и появленіе царя безъ свиты и охраны еще болѣе наэлектризовало толпу... А въ это время изъ Зимняго же дворца прискакали адъютанты, окружили плотной цѣпью царя и повели его въ Анчиковъ дворецъ къ вдовствующей императрицѣ (или, какъ ее здѣсь называютъ, къ «покойной» императрицѣ). «Мальчикъ» получилъ большой выговоръ, и съ тѣхъ поръ его заперли окончательно подъ замокъ.

Конечно, на этомъ сентиментальныя фантазіи царя не прекратились. Извѣстно, что во время своего перваго вѣзда въ столицу царь привелъ въ ужасъ полицію, приказавъ снять всѣ охранительные посты и кордоны войскъ. Затѣмъ, послѣдовали какіе то слабыя, неясные симптомы чего то вроде ослабленія царствовавшей при Александрѣ III національной нетерпимости. Это были какіе то туманные, самому Николаю неясные порывы безпредметной благожелательности, стремленія внести что-то свое, кому-то пріятное, чтобы его благодарили, любили, благословляли. Все это было въ высшей степени мелочно, лишено серьезнаго содержанія, наивно; въ концѣ концовъ изъ этого выработалось только то, что царь заявилъ свое желаніе быть «любяльнымъ» — и эта «любяльность» долго прославлялась повсюду. Въ чемъ же состояла эта пресловутая «любяльность»? А въ томъ, что Николай, видите ли, не желаетъ быть деспотомъ, не желаетъ никому навязывать своей личной воли; а потому... а потому онъ не хочетъ ставить во что бы то ни стало своего мнѣнія выше мнѣнія своихъ министровъ, ибо они люди, и онъ человекъ; онъ тоже можетъ ошибаться; а потому онъ готовъ подчиняться большинству... своихъ придворныхъ любимцевъ. Такъ разрѣшилось пути царя пойти на встрѣчу симпатіямъ общества... Онъ нашелъ политическую формулу, которая санкціонировала и прикрывала его полную личную беспомощность и абсолютную неспособность вершить государственные дѣла огромной страны — задача, разрѣшеніе которой, впрочемъ, пришлось бы не по плечу и во сто разъ болѣе способному и сильному человеку...

Извѣстно также, что, по общимъ отзывамъ, совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности не было поднесено Николаю ни однимъ изъ министровъ, а учреждено по его личному желанію. Лишь впоследствии къ этому желанію пристроились, его облѣпивъ со всѣхъ сторонъ определенныя закулисныя и придворныя интриги, и оно послужило — какъ впрочемъ, всѣ блага пожеланія всѣхъ деспотовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ — средствомъ выдвинуться для однихъ, средствомъ подчитать своихъ враговъ — для другихъ. Русскому обществу памятные помпезныя слова «Государь хочетъ знать всю правду», которыми была открыта организація совѣщаній. А въ результатѣ получилось, что охранное отдѣленіе занесло въ книгу живота болѣе откровенныхъ либераловъ, чтобы съ ними расправиться, узнавъ лучше изъ ихъ собственныхъ устъ «всю правду» объ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ... И самъ царь, узнавъ эту «правду», вознегодовалъ противъ либераловъ и одобрилъ «мѣры пресѣченія».

Еще болѣе характерны попытки царя нѣкоторыми совершенно экстраординарными путями «узнать всю правду», подробно разсказанныя въ «Освобожденіи».*) Дѣло происходило какъ разъ въ ту эпоху, когда молодой царь переживалъ какой то кризисъ — если только слово «кризисъ» подходит къ такой неглубокой и мелочной натурѣ; лучше сказать, переживалъ подобіе нѣкотораго кризиса, сопровождающее превращеніе болѣе или менѣе беззаботнаго насчетъ взглядовъ молодого человека въ особу, какъ будто обязанную имѣть свои взгляды

*) «Суррогаты гласности для Высочайшаго употребленія», «Осв.» 1903 г., № 16.

ды на все, происходящее въ огромномъ государствѣ, и какъ будто тяготящаяся слишкомъ безперемонной опекой окружающихъ. Николай, въ концѣ концовъ, покорно исполнять все, что отъ него хотѣли, но... какъ будто немного капризничалъ.

И вотъ, въ качествѣ одного изъ такихъ капризовъ, произошелъ любопытный эпизодъ. Царь далъ, съ помощью одного изъ великихъ князей, аудіенцію съ глазу на глазъ накому то скромному титулярному совѣтнику Клопову. Аудіенція имѣла совершенно частный, почти конспиративный характеръ — такъ сказать, маленькая шаюсть монарха внѣ обычного этикета и надзора. Что еще характернѣе, Клоповъ говорилъ какія то туманные, но пламенные рѣчи противъ бюрократіи; за общеніе царя непосредственно съ жизнью, съ «землей»... Правда, подъ этими громкими словами для самаго Клопова по существу не таилось ничего реальнаго, кромѣ его совершенно частнаго интереса — правда, интереса фанатическаго, переходящаго почти въ манию, къ... положенію мукомольнаго дѣла. Когда-то ему было поручено изслѣдованіе этого дѣла въ какомъ-то районѣ; увлекшись этимъ дѣломъ, онъ потомъ осаждалъ всевозможными проектами и докладными записками и земства, и министерства; отъ него отдѣлывались подачками; иногда, чтобы отвязаться, давали какія то общины; не видя исполненія ихъ, фанатикъ нуждъ мукомольной промышленности сдѣлался яростнымъ обличителемъ бюрократіи, которой онъ приписывалъ всѣ свои неудачи; и вотъ этотъ оригиналъ, заинтересовавшій одного изъ великихъ князей, предсталъ, въ качествѣ выходца изъ какого то другого, таинственнаго міра, передъ лицомъ царя, и, нагруденный какими то картограммами и статистическими таблицами, заполненными героическими, не менѣе загадочными и таинственными для царя, чѣмъ и самъ Клоповъ, сталъ «глаголомъ жечь» сердце монарха, говоря о его великомъ предназначеніи освободить Россію отъ бюрократіи, непосредственно узнать правду о Россіи, и прежде всего о мукомольномъ дѣлѣ, о его связи съ урожаемъ и неурожаями, съ положеніемъ земледѣлія, и т. д., и т. д. Многие въ этихъ рѣчахъ, конечно, осталось для Николая непонятнымъ и загадочнымъ, но тѣмъ болѣе они ласкали его слухъ; недаромъ еще греки воевывали алтари «невѣдомому богу». Да и самъ Клоповъ, внѣ предѣловъ своего мукомольнаго дѣла, не представлялъ себѣ ничего конкретно о формахъ связи съ народомъ монарха, освобожденнаго отъ бюрократическаго плѣна. И вотъ, Клоповъ получаетъ отъ самаго государя особый открытый листъ за подписью коменданта дворца, съ порученіемъ «по высочайшему повелѣнію произвести частное изслѣдованіе въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ». А еще немного опустя поводую пошелъ и слуги о таинственной миссіи титулярнаго совѣтника, посланнаго царемъ, чтобы узнать «всю правду»; Клопова стали посѣщать и земцы, обличавшіе губернаторовъ, и чуткіе бюрократы, почуявшіе что то необычайное, и такіе же неудачники-проектеры, какъ Клоповъ, и просто всевозможные дѣльцы, хамелеоны и проходимыи, якобы «потерѣвшіе за правду». Нѣкоторые исправники, по завѣреніямъ кн. Мещерскаго, телеграфировали губернаторамъ, что «въ уѣздѣ проявился гонодинъ, требующій настоящую, а не губернаторскую правду». Посыпались жалобы; несчастный Клоповъ, вынужденный неожиданно для себя самаго быть пародіей на маркиза Позу, все болѣе и болѣе походилъ на галопирующую, осѣдланную кавалерійскимъ сѣдломъ корову; надъ «титулярнымъ совѣтникомъ Правдинымъ» зло издѣвались реакціонныя газеты, какъ надъ новоявленнымъ спаиотелемъ всей Россіи путемъ трехъ средствъ: «открытаго листа, подъемныхъ денегъ и фигуры, выражающей жажду къ правдѣ»; царская конспирація при помощи фанатика мукомольнаго дѣла, все болѣе выяснялась, какъ смѣшной фарсъ... А царь, которому запрещенный плодъ былъ сладокъ, все продолжалъ ждать чего то отъ секретныхъ аудіенцій, въ которыхъ титулярный Поза ничего не могъ сообщить такого, что бы не было извѣстно въ печати, и тщетно старался выдавить изъ себя какое нибудь «вѣщее слово». Но «слова» не находилось; царю же въ концѣ концовъ становилось скучно. Ни тотъ, ни другой не могли сказать другъ другу, что имъ собственно нужно; одинъ, подобно сказочному королю, могъ бы сказать: «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Другой же могъ посоветоваться туда-сюда по бѣлу свѣту и принести... пустое мѣсто. Черезъ нѣкоторое время, Клоповъ на этотъ разъ, повидимому, исполнѣ «понятый» и «оцѣненный» ловкими людьми изъ правящихъ сферъ, совершенно успокоился и прекратилъ на милость прежній гнѣвъ противъ бюрократіи, которую

онъ раньше обличалъ, а потому затѣялъ направо и налѣво, что «Вячеславъ Константиновичъ Плехе ошуделъ самыхъ лучшихъ намѣреніями». Такъ успокоилась эта митущаяся душа, такъ «узналъ всю правду» Николай такъ произошло единеніе царя съ землей и освобожденіе отъ бюрократическаго плѣна, такъ закончилась вся эта нелѣпая, пустая и смѣшная комедія между этими «игрушечнаго дѣла людьми»...

Выли у царя и другіе временныя «маркизы Поза», столь же нелѣпые, столь же достойные своего жалкаго и нелѣпаго повелителя. Въ качествѣ такого же царскаго каприза, нелѣпный сверхъ-патріотъ, чудакъ и коллекціонеръ, князь Эперъ Ухтомскій-Азіатскій, издавалъ съ помощью либерально и даже радикально мыслящихъ людей газету, пытавшуюся стать выше всѣхъ бюрократическихъ вліяній, слышную одно время за личный органъ царя; князь Эперъ призывалъ царя въ одно и то же время вывести всѣ злоупотребленія на Русь и объединить весь Китай и всю Азію подъ своей порфирой; потомъ явился самоучка-самородокъ метеорологъ Демчинскій изъ Новаго Времени, съ претензіями предсказывать и политическую погоду, много лѣстившій царю и много толковавшій о правдѣ и неправдѣ, великомъ призваніи царя облагодѣтельствовать Россію и т. п.; въ результатѣ и этотъ авантюристъ «получилъ» кругленькую сумму на свою «метеорологию»; и всѣ эти мѣнявшіеся вдохновители царя проходили нестрымъ калейдоскопомъ; метеорологія смѣнялась мукомольнымъ дѣломъ, мукомольное дѣло — проектомъ основанія пакизатской монархіи; неизмѣнными оставались лишь рѣчи о великомъ предзнаменованіи царя, о его миссіи, о томъ, что только отъ него вся Россія ждетъ окончательнаго ея облагодѣльствованія. И, въ концѣ концовъ, царь, вѣроятно, и не почувствовалъ особенной разницы, когда на мѣсто титулярнаго совѣтника Правдина явился князь Мещерскій, тоже недоложный бюрократіей, тоже предлагающій царю черезъ его посредство «узнать всю правду», познать свое предназначеніе, понять — помимо бюрократическихъ канцелярій — истинныя, живыя потребности страны... И се — произошло великое событіе, о которомъ повѣдалъ своимъ читателямъ въ «Гражданинѣ» этотъ «Содомскій князь и гражданинъ Гоморры»: онъ «вышелъ изъ царскаго кабинета съ душою не только укрѣпленною, но и горѣвшею»; отнынѣ онъ вступилъ въ непосредственное «общеніе съ духовнымъ міромъ царя»...

Стоитъ, пожалуй, отмѣтить и еще одинъ эпизодъ: узнавъ о Кишиневскомъ погромѣ, Николай пожалалъ было послать собственнаго флигель-адъютанта для разслѣдованія дѣла, — но, узнавъ, что Плехе уже послалъ туда для этой же цѣли Лопухина, обрадовался и удовольствовался этимъ — тѣмъ болѣе, что Іоаннъ Кронштадтскій, высказавшійся сначала противъ погромщиковъ, понялъ свою неловкость и поправился, заявивъ, что евреи сами виноваты.

А еще черезъ нѣсколько времени царь уже входилъ — во время Саратовскихъ торжествъ — въ непосредственное общеніе съ землею: его встрѣчали группы подобранныхъ, молодецъ къ молодцу, красавица къ красавицѣ, пейзажи и пейзажи въ живописныхъ группахъ; собственноручно принималъ онъ отъ бабъ, въ яркихъ бытовыхъ костюмахъ, жбанъ съ яйцами; лично разспрашивалъ у старшинъ, георіевскихъ кавалеровъ, хорошо ли имъ живется и т. п. — и радовался, какъ ребенокъ, окружавшей его атмосферѣ благоговѣнія, почитанія, любви и... страха.

Но въ это время, при всѣхъ этихъ радостяхъ «общенія съ народомъ», онъ уже не снималъ ни кордоновъ, ни пикетовъ, ни стражи на всемъ пути слѣдованія. За это время уже много воды утекло... и еслибы только одна вода текла это время!

Неблагодарная страна роптала; вѣрные слуги царя падали жертвами злодѣйскихъ покушеній. Недаромъ, очевидно, запугивали его опытные люди, отговаривая отъ пародій на Гарунъ-аль-Рашидовскія замашки. Ихъ предостереженія, сначала казавшіяся ему пустыми словами, оказывались, очевидно, пророческими. Методъ запугиванья, объектомъ котораго онъ былъ съ начала царствованія, оказался дѣйствительнымъ, зловѣщія реальныя событія пришли къ нему на помощь и блестяще его подтвердили.

По существу дѣла, конечно, старые волки реакціи были правы, если даже порою и фальшивили. Пусть иногда имъ случалось преувеличивать, радоваться тѣмъ или инымъ событіямъ, чтобы напугать Николая и склонить его къ безпощаднымъ мѣрамъ. Въдѣ все равно — рано или поздно, онъ самъ бы кон-

члѣтъ тѣмъ же. Колоссальное историческое противорѣчіе между царизмомъ и ростомъ самосознанія великой страны не замалешь и не устранишь пріятными улыбкамі. Придворная среда не можетъ воспитать царя, который бы рѣшился на политическое самоуправіе — а только такое самоуправіе, только отказъ отъ самодержавія, или реакція à outrance — можетъ вывести самодержца изъ фальшиваго, двусмысленнаго положенія. И вотъ почему всѣ цари, въ эпохи, когда самодержавіе отживаетъ свой вѣкъ, фатально кончаютъ тѣмъ, что ударяются въ реакцію, лишь ослабляя ее время отъ времени колебаніями, нерѣшительностью, которыя только будятъ и раздражаютъ общественные аппетиты, — а жгучую ненависть къ коронованному воплощенію произвола осложняютъ презрѣніемъ къ слабости, дряхлости и рыхлости «послѣднейшей» когда то грознаго принца.

Не оставалось безъ вліянія здѣсь и то, что вообще — даже и въ личной жизни — Николай оставался долго на рѣдкость неудачникомъ. Уже одно десятилѣтнее ожиданіе сына-наслѣдника, и каждый разъ — разочарованіе, достаточно угнетало его. Но эта, казалось бы, совершенно интимная сторона жизни, благодаря безобразной нелѣпницѣ самодержавныхъ порядковъ, неминуемо выплывала наружу, и хотя въ тѣшечномъ ожиданіи сына по существу не заключалось ничего смѣшнаго, но политическое значеніе этого событія и обстановки его придавала ему комическій колоритъ. Съ этимъ связывалась вопросъ, перейдетъ ли престолонаслѣдіе къ Михаилу и его ливніи, а на этой почвѣ поднималось каждый разъ взбаламученное море интригъ, закулисныхъ пружинъ и расчетовъ. Семейныя неудачи царя принимали общественное значеніе, сосредоточивали на себѣ вниманіе, знаменовали тѣ или другія общаго характера послѣдствія. Но еслибы общество само относилось къ этому равнодушно, то, какъ всегда, не въ мѣру усердная цензура позаботилась бы о томъ, чтобы сдѣлать царя смѣшнымъ нелѣпыми предупредительными мѣрами по ограниченію его «престижа».

Въ «Народной Волѣ» былъ какъ то разсказанъ слѣдующій анекдотъ. Мимо Аничковскаго дворца проходятъ два господина въ жаркомъ спорѣ о чемъ то или о комъ то. «Помишу — говоритъ одинъ изъ нихъ другому — давѣдъ онъ же просто дуракъ!» Какъ вдругъ говорящій ощущаетъ на своемъ плечѣ тяжелую руку «блюстителя порядка» и слышитъ суровый возгласъ: «пожалуйте въ участокъ!» — «Какъ, за что?» — «Нечего-съ, нечего-съ разговаривать; *знаете вы, кто это дуракъ*, пожалуйста въ участокъ, тамъ разберутъ». Догадливый полиціеменъ сообразилъ, что произошло оскорбленіе величества; окомъ бы, въ самомъ дѣлѣ, такъ говоритъ прохожимъ? Но такъ же точно оберегался и «престижъ» Николая II. Наши читатели еще помнятъ, вѣроятно, какъ въ Нижнемъ Новгородѣ полиціа отбирала календарь, на первомъ листѣ котораго была изображена особа женскаго пола, несущая въ корзинѣ четырехъ маленькихъ поросятъ, — въ этомъ почему то усмотрѣли намекъ на четырехъ царскихъ дочерей; съ другой стороны, послѣ выкидыша у царицы, цензура ухитрилась и это ни мало не смѣшное событіе обратить въ смѣхъ, приказавъ исключить изъ фееріи «царь Сатанъ» слова: «родила царица въ ночь не то сына, не то дочь, не собаку, не лягушку, такъ — невѣдому звѣрюшку»...

Дѣйствительно, Николай оказался неудачникомъ на рѣдкость, и его царствованіе, зловѣще начавшееся Ходынской катастрофой, очевидно, зародилось подъ несчастливой звѣздой. По мѣрѣ того, какъ всюду росло къ нему неуваженіе, презрѣніе, ненависть, онъ, осыпавый насмѣшками всего міра, все больше и больше ударялся въ мрачный мистицизмъ. Не весела была и вообще его жизнь. Вѣчно на чеку, онъ жилъ, напримѣръ, въ Ливадіи въ своемъ замкѣ, словно въ крѣпости, ждущей непріятельскаго приступа. Населенію было строго запрещено приближаться къ этому замку; всюду кордоны и пикеты, войска и полиція, явная и тайная, въ формѣ и безъ формы. А переѣзды его по Россіи? Цѣлыя солдаты вдоль лѣній, постоянныя рекогносцировки, въ городкахъ — заколачиваніе чердаковъ и подвальныхъ этажей, ревизія водопроводовъ, допускъ къ окнамъ и балконамъ не иначе, какъ по особому разрѣшенію, билетика на право стоянія на улицахъ при проѣздѣ царской кареты... Не весело все это, особенно когда время отъ времени приходять извѣстія о томъ, что карающая рука революціи опускается на одного, на другого, на третьяго изъ «вѣрнѣйшихъ слугъ» самодержавія... Характерно, какъ описывалъ рядовой изъ дворцовой стражи въ письмѣ на родину настроеніе и поведение Николая послѣ смерти Си-

пиагина... «Въ четвергъ министра хоронили, а бѣдный государь пріѣхалъ только на выносы, тоже страшно боится, провожать не пошетъ. Жистъ хуже нашего, государь все опасается, и сидитъ больше въ своемъ Зимнемъ дворцѣ, все одно что арестованный; только и развлечения — играютъ со своими собаками; выпустить когда штукъ пять, а когда восемь, они такъ на него и прыгаютъ, и бѣгаетъ съ ними по саду, а вѣдать только изъ Морского Адмиралтейства; а то бѣгаетъ по крышѣ или же играетъ съ Братомъ въ лапту; вотъ какое тяжкое положеніе ихъ»...

Конечно, образъ этого Митрофанушки, гоняющаго по крышамъ или забавляющагося въ лапту, и здѣсь болѣе смѣшное, чѣмъ жалокъ. Но себѣ самому царь, конечно, не смѣшное, и въ немъ должна накапливаться злоба, и тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще онъ начинаетъ замѣчать, что его несчастья служатъ посмѣшищемъ для другихъ. А не замѣчать этого совсѣмъ, при сложныхъ интригахъ двора, гдѣ борются столько честолюбій и гдѣ такъ вибрируютъ доносы другъ на друга — также нельзя. Свой слѣдъ должны были, наконецъ, оставить и эти интриги, которыя доходили одно время до плановъ установленія регентства. Наконецъ, и у мягкаго человѣка въ такія условія можетъ явиться охота «показать себя»... И мы видимъ, что царь начинаетъ «показывать себя» все болѣе и болѣе, все чувствительнѣе и чувствительнѣе...

Въ иностранной прессѣ не разъ сообщалось, что первое время камарилья не брезговала даже грубѣйшими подлогами, вродѣ неожиданныхъ появленій въ кабинетъ царя, какъ съ неба свалившихся, угрожающихъ писемъ — разумѣется, якобы революционныхъ. Вѣрно ли это — неизвѣстно. Но и безъ того были причины нервничать. Неудивительно, если разстроенная мнимыми страхами фантазія царя населяла окружающую среду всевозможными призраками. Вокругъ него вырасталъ цѣлый фантастическій міръ невидимыхъ, злобныхъ враговъ. Слабая, больная голова царя не могла противопоставить этому наплыву гнетущихъ впечатлѣній никакого серьезнаго сопротивленія. Къ этому прибавилась болѣзнь. Ударъ японской сабли оставилъ надолго слѣдъ, и въ 1897 г. у Николая стали въ угрожающихъ размѣрахъ уониваться головныя боли, повергавшія его въ состояніе полной душевной депрессіи. Припадки апатіи граничили съ душевными разстройствомъ. Это были форменныя галлюцинаціи: царь всюду видѣлъ паутину, смеялъ ее и признаывалъ дѣлать тоже приближенными. Не началось ли это съ того, что онъ видѣлъ себя опутаннымъ сѣтями революционныхъ заговоровъ? Вѣрно лишь одно: онъ не выдалъ вокругъ себя другой, дѣйствительно вездѣсущей въ дворцовыхъ палатахъ паутины, безвозвратно опутывавшей всѣхъ коронованныхъ особъ — паутины придворной клики, существующей волею тирановъ, приспособленной окружать тирановъ и воспитывающей тирановъ.

И вотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе изъ этой заурядной фигуры, скорѣе наклонной къ магкости и благодущію, чѣмъ къ жестокому самодурству, начинается въ силу желѣзной логики положенія, развиваться типичный тираль, въ одно и то же время жалкій и озабоченный, слабохарактерный и закоренѣлый. Постояннымъ гостемъ въ его дворцѣ оказывается скоро Іоаннъ Крошталтскій; изъ устъ этого обаятельнаго въ ризы Іудушки льются потоки лампадной философіи, и царь вливаетъ въ себя новыя откровенія о сущности боговнушенныхъ задачъ царской власти... Онъ общается, между прочимъ, что, пока въ Россіи останется самодержавіе, въ нее не придетъ антихристъ. Православнаго шамана скоро смѣняетъ фокусникъ болѣе moderner style, спиритъ, претидикъ-таторъ и оккультистъ Фидиппъ — вывезенный въ Петербургъ великой княжной Милицей Николаевной, идущъ вызываніе духовъ, и Николай входитъ, чрезъ посредство этого довкаго авантюриста, въ непосредственныя сношенія съ загробнымъ міромъ, получая отъ своихъ предшественниковъ на тронѣ еще болѣе практическія совѣты и указанія... Такъ, одинъ изъ духовъ, болѣе интересующійся житейскою прозой, рекомендуетъ отдать концессіи на городскую желѣзную дорогу Балнскому и комп.; а другой, болѣе занятый государственными дѣлами, требуетъ военнаго суда надъ Каурой...

Когда Николай вошелъ на престолъ, русская либеральная пресса разумѣется, хоромъ стала воспѣвать будущія, чаемыя отъ «молодого монарха» великія и богатыя милости. Это — тотъ испытанный методъ, который «оппозиція Его Величества» издавна противопоставляетъ методу придворной камарильи. Та запугиваетъ; эта, напротивъ, доказываетъ, что все

«добро зѣло». Та лстыть, внушаетъ своему «барину» голову-кружательную мысль о его всемогуществѣ и непогрѣшимости; эта тоже лстыть, стремясь перетолковать въ либеральномъ смыслѣ всякаго чиханье «августѣйшаго», расхваливая его за этотъ либерализмъ и уповая дохвалить до настоящихъ либеральныхъ реформъ. И получаетъ за это въ награду бичи и скорпионы.

Всеподданнѣйшіе адреса, которыми либеральныя земства привѣтствовали наследника Топтыгина III, были болѣе чѣмъ скромны, и, собственно говоря, слѣда конституціональных стремлений въ нихъ пришлось бы искать днемъ съ огнемъ. Въ они на разные лады перепѣвали одинъ и тотъ же мотивъ: «пусть голосъ нашъ, голосъ земщины, дойдетъ до высоты престола», нуженъ «открытый доступъ голосовъ земства къ престолу».

Либеральный авторъ С. Мирный собравшій и издавшій заграницей всѣ эти земскіе адреса, съ комментаріями, выясняющими ихъ политическій смыслъ («Адреса земствъ 1894-95 г. и ихъ политическая программа») совершенно справедливо указалъ, что «мысль, выразившаяся въ адресахъ, идеалъ, который въ нихъ оказался, есть безспорно отрицаніе абсолютизма канцелярій, но и въра въ истину самодержавія, въра, что самодержавный государь можетъ явиться оплотомъ свободы жизни и правъ личности». Какъ видите, идея довольно невинная. Точно также хотя бы и «Освобожденіе» справедливо замѣчаетъ, что «это было не умаленіе — это была идеализація самодержавія». И нужно было достаточно ненормальное и раздраженное настроеніе духа, чтобы въ отвѣтъ на такіа вѣрноподанически-либеральствующія рѣчи бросить тотъ грубый окрикъ о «бесмысленныхъ мечтаніяхъ», которымъ разрышился «молодой монархъ» на торжественномъ пріемѣ. Какъ видно, онъ уже видѣлъ въ земскихъ Макавели поднимающую голову ги-дру революціи... Его прямо забрасываютъ депутаты отъ сословій складнями, дарчиками, образами, серебряными блюдами, солонками — но онъ съ подозрительностью маніака уже высматриваетъ въ глазахъ земцевъ робкія надежды на градуцію перемѣны и спѣшитъ пресѣчь зло въ корнѣ, заявивъ, что «твердо и неуклонно» будетъ идти «по стопамъ родителя»...

Характерно описаніе очевидцами этой исторической сцены. Въ немъ, какъ живой, встаетъ этотъ «робкій, заикающійся, краснѣющій молодой человѣкъ», который производилъ свой первый опытъ выступленія въ роли разгнѣваннаго коронованнаго громовержца. «Передъ своею рѣчью царь выступилъ три шага впередъ и началъ говорить напряженно и ненатурально. Голосъ его, начавшійся съ нервной ноты, подымался все выше и закончился крикомъ. Чувствовалась сразу фальшь и сознаніе фальши и ораторомъ, и аудиторіей. Это была рѣчь, лишенная не только величія, но и простого достоинства. Это были полустереческія выкрикиванія застѣнчиваго человѣка, который, очертя голову, кидается напроломъ въ исполненіе чужого и чуждаго ему предписанія... Это былъ манекенъ царя, автоматъ, загипнотизированный вліяніемъ высшей бюрократіи. Впечатлѣніе было болѣзненно и сильно именно этой жалкой истеричностью и автоматизмомъ... Рассказываютъ, что въ это время молодая царица, еще плохо понимавшая русскую рѣчь, наклонилась къ одной изъ великихъ княгинь и спросила по французски: «Qu'est ce qu'il leur explique?» («Что это онъ имъ объясняетъ?») — «Il leur explique — отвѣчала спрощенная—qu'il sont des imbeciles». («Онъ объясняетъ имъ, что они — идиоты.»*)

Та же раздраженная запуганость неоднократно повторяется дальше, все чаще и чаще вызывая Николая на грубыя и нетактичныя выходки. Призракъ революціи не даетъ ему спать. Въ Ярославлѣ въ 1895 г. войско разгоняетъ стачечниковъ и даетъ залпъ по толпѣ, уже обращающейся въ бѣгство, убиваетъ и ранитъ многихъ, причемъ большинство жертвъ оказывается пораженными съ тыла. И царь надписываетъ на докладѣ: «весьма доволенъ спокойнымъ и стойкимъ поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ беспорядковъ», а командующій войсками округа, Костанда, сообщаетъ о милостивыхъ словахъ царя, передаетъ «спасибо молодцамъ-фанаторіицамъ» и офицерамъ — «искреннюю благодарность за умѣлое и своевременное употребленіе оружія»...

*) Не такъ давно, впрочемъ, царь повторилъ этотъ урокъ, отаѣтивъ на славянофильскія изліянія насчетъ единенія самодержавнаго царя съ земщиной, что это выводитъ изъ круга вѣдѣнія земскихъ учрежденій, а потому онъ «повѣсть соизволилъ, чтобы случая, подобнаго настоящему, впредь не повторялся».

Послѣ знаменитой бойни на Казанской площади, вызвавшей взрывъ возмущенія даже въ людяхъ, самыхъ благонамѣренныхъ, царь передалъ въ рѣзкой формѣ свое личное неудовольствіе кн. Вяземскому, пытавшемуся остановить полицейскія звѣрства, — а палочникъ Клейгельсъ, совзавши 26 іюня всѣ чины полиціи, заявилъ имъ: «я счастливъ передать вамъ, что государь императоръ повелѣлъ благодарить всѣхъ полицейскихъ чиновъ за дѣйствія по прекращенію беспорядковъ — начиная съ весны нынѣшняго года»...

Мяснику Оболенскому за его «дѣянія» Плеве на торжественномъ обѣдѣ передаетъ отъ царя — орденъ и *пожалуй*...

Затѣмъ слѣдуетъ жандармскій съѣздъ, послѣ котораго царь лично объявляетъ шефу отдѣльнаго корпуса жандармовъ свою надежду, что «отнынѣ тѣсный союзъ, установившійся между нами (жандармеріей и престоломъ), будетъ крѣпнуть все болѣе и болѣе»...

Такимъ же точно образомъ, когда реформированная Бобрковымъ финляндская полиція, за рядъ незаконныхъ дѣяній, подверглась преслѣдованію стоявшихъ на стражѣ закона финляндскихъ судовъ, царь приказываетъ передать отъ своего лица Гельсингфорскому полицейскому корпусу «понынѣшнее благоволеніе и большое спасибо за разумное, энергичное поведение», и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, «что они и впредь будутъ служить царю и отечеству съ такимъ же рвеніемъ».

Какъ извѣстно, мать С. В. Балмашева послѣ смертнаго приговора подала на имя царя прошеніе о помилованіи сына. Царь категорически заявилъ, что о помилованіи могла бы идти рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если бы самъ «преступникъ» принесъ покаяніе и просилъ о монаршемъ прощеніи... Впрочемъ, онъ еще раньше не менѣе категорически заявилъ: «за Сипягина не помилую».

Когда царю напентали, что Ванновскій идетъ слишкомъ далеко, и что онъ можетъ слишкомъ раздражить аппетиты прежде столь смирной либеральной оппозиціи, царь въ припадкѣ свойственнаго ему испуганнаго раздраженія пишетъ старику собственноручно крайне грубое, неudelikatное и рѣзкое письмо, весьма недвуоуслышенно предлагая ему удалиться на покой. Мало того — даже при послѣднемъ пріемѣ опальнаго министра онъ постарался показать ему, насколько ему противны всякія «либеральныя» затѣи. Когда удаляющійся «на покой» старикъ сталъ высказывать свои «послѣднія» соображенія о положеніи дѣлъ съ образовательной реформой, Николай сталъ высказывать явные признаки нетерпѣнія и демонстративно глядѣть то и дѣло на часы... На вопросъ разстроеннаго Ванновскаго, не торопится ли куда нибудь «Его Величество», тотъ отвѣтилъ: «Да, дядя Дмитрій Константиновичъ обѣщалъ мнѣ нынче показать двухъ жеребцовъ... я и тороплюсь». Старикъ, не кончивъ своего «политическаго записанія», вылетѣлъ бомбой изъ кабинета и разрыдался, какъ ребенокъ... А какой нибудь годъ спустя и С. Ю. Витте, недавній фактическій самодержецъ, вынужденъ былъ оставлять свой портфель, горько жалуясь, что «человѣка, который прослужилъ болѣе десяти лѣтъ министромъ, прогоняютъ, какъ лакея»...

Какъ извѣстно, Плеве увѣрялъ Явжула, что въ правительствѣ наибольшій антисемитъ — самъ царь. Извѣстенъ также эпизодъ со скрипачемъ Падеревскимъ. Николай выразилъ ему послѣ концерта въ Зимнемъ дворцѣ свое восхищеніе и удовольствие по поводу того, что такое впечатлѣніе на него произвела *мра русская*. «Простите, Ваше Величество — отвѣтилъ Падеревскій — но я полякъ». Этотъ отвѣтъ вызвалъ взрывъ злобы Николая, и обошелся Падеревскому высылкой въ 24 часа изъ Петербурга съ запретомъ въ него возвращаться.

Нѣтъ сомнѣнія, что иногда подобныя выходки являются прямыми результатомъ какихъ-то болѣзненныхъ вспышекъ. Это очевидно. По временамъ царь изнемогаетъ подъ бременемъ кроваваго наслѣдства предковъ, удаляется и запирается по пѣлымъ днямъ въ своемъ кабинетѣ, болѣзненно реагируетъ на всѣ впечатлѣнія и особенно податливъ ко всѣмъ возможнымъ напечтываніямъ. Когда 10-го мая 1902 года по приказанію Сипягина раздались первые выстрѣлы въ безоружную рабочую толпу, Николай явился въ государственный совѣтъ испуганный и удрученный, мрачный, какъ ночь. Стоя, въ молчаніи выслушалъ царь рѣчь Михаила Николаевича, и, вмѣсто отвѣтной привѣтственной рѣчи съ объявленіемъ награды и милостей, — повернулся и ушелъ, оказавъ небывалое невниманіе, неуваженіе, оскорбленіе «маститымъ» членамъ государственнаго совѣта... Характерна эта психологія «послѣднша

самодержавия, предчувствующаго надвигающийся конец и видящий на яву страшные сны...

Наконец, личность царя время от времени дает себя чувствовать въ некоторыхъ общихъ вопросахъ.

Въ апрѣлѣ 1902 года Государственный совѣтъ, при обсужденіи проекта объ управленіи дѣлами инородцевъ въ Сибирѣ, отвергъ статью о правѣ крестьянскихъ начальниковъ наказывать розгами и, кстати, *своимъ* постановилъ «принести къ стопамъ государя просьбу объ уничтоженіи тѣлеснаго наказания въ Россіи вообще». Николай приказалъ «пересмотрѣть вопросъ». Государственный совѣтъ повторялъ то же рѣшеніе. На соответственную «меморію» царь положилъ краткую резолюцію: «Когда захочу, тогда отмишу».

Такъ, даже, когда Государственный Совѣтъ отклонилъ большинствомъ проектъ Бобрікова-Куропаткина объ измѣненіяхъ въ военномъ законѣ Финляндіи, царь нисколько не поколебался изъять законопроектъ изъ обсужденія совѣта и передать въ особое секретное совѣщаніе, которое и приняло свое, чреватое тяжкими послѣдствіями, рѣшеніе...

Наконецъ, какъ извѣстно, личная воля царя сыграла свою роль и въ началѣ русско-японской войны. Онъ упрямо повторялъ, что Японія не рѣшится воевать, и не менѣе упрямо поддерживалъ людей вродѣ Алексѣева, проводившихъ по отношенію къ Японіи самую неуступчивую и вызывающую политику. Витте даже въ эпоху своего могущества ничего не могъ поддѣлать съ этими симпатіями «молодого монарха», и съ раздраженіемъ, совершенно безцеремонно называлъ всю нашу политику на Дальнемъ Востоку *«la politique d'un jeune homme»*. Кто знаетъ, насколько вліяло при этомъ на царя непріятное воспоминаніе объ эпизодѣ, когда обнужренное имъ — еще насѣдникомъ — неуважительнаго отношенія къ японскимъ святынямъ, навлекло на его легкомысленную голову саблезный ударъ японскаго флота... Вѣрно лишь то, что въ этомъ вопросѣ царь и теперь снова кладетъ на чашку вѣсовъ свою личную волю, свое личное упорство и законченность. Пародируя Александра I, онъ заявляетъ принцу Батенбергскому, что не прекратитъ войны, пока у него останется хотя одинъ солдатъ и хотя одинъ рубль въ государственной казнѣ. Во что бы то ни стало, ему нуженъ кровавый реваншъ надъ Японіей; его авантюра уже стоила Россіи неисчислимыя затраты и неисчислимыя жертвы людьми; искупленіе этой авантюры можетъ стоить вдвое, втрое больше; но — *regarde* Россія, *flat* удовлетвореніе царскаго самолюбія!

И въ послѣднее время, какъ сообщаютъ намъ, этотъ уже достаточно отшлифованный азіатскій деспотъ даетъ о себѣ все больше и больше чувствовать при направленіи политики. Такъ, — пишутъ намъ — «замѣчаемая колебанія Миракаго въ «новомъ курсѣ» объясняются непрочностью положенія новаго министра и личнымъ поведеніемъ Николая Последняго, который отъ времени до времени и совершенно неожиданно для власти имущихъ вдругъ начинаетъ упрямо упираться. Оказывается, что онъ теперь никому не вѣритъ и никого къ себѣ близко не подпускаетъ, разсматривая въ то же время всѣ теперешнія несчастья и новшества, какъ временныя испытанія, ниспосылаемыя на него свыше за грѣхи предковъ. Слово «конституція» приводитъ его въ самое дурное расположеніе духа...»

Все это не гармонируетъ съ обычнымъ взглядомъ, будто Николай дѣлаетъ лишь то, что ему подскажутъ. Этотъ обычный взглядъ вѣренъ только въ нѣвѣстныхъ предѣлахъ. Понятно, что при общей невѣжественности, слабохарактерности и легкомысліи онъ не можетъ обойтись безъ какой нибудь «твердой руки». Но есть пункты, достаточно элементарные, чтобы царская голова ихъ могла охватить, — и въ нихъ у Николая оказывается чрезвычайное упорство и настойчивость. И сущность самодержавнаго режима, которая дѣлаетъ не случайностью, а общимъ правиломъ вліаніе случайностей и мимолетныхъ капризовъ, которымъ подвержена случайная личность самодержка, даетъ полный просторъ проявленію все болѣе усваиваемыхъ царемъ замашекъ турецкаго султана, плюющаго на всѣхъ и на вся: «да развѣ я не самодержецъ?»

Куда дѣвалась былая робость, застѣнчивость, неловкость юноши-царя! Все это оказалось результатомъ невправьки, когда ему «шапка мономаха» была еще вновь... Говоря словами одного изъ персонажей Островскаго, очевидно, «это отъ малодушества — со временемъ проходитъ»...

Такова была личность царя, такова была естественная исторія ея развитія въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ ей пришлось принять тяжелое политическое наслѣдство дома Романовыхъ.

Спустимся теперь съ верховъ общественной пирамиды въ ея средніе и нижніе ярусы — и посмотримъ, что творилось тамъ, на что приходилось опираться вершицѣй этой пирамиды, какъ на свое основаніе, какъ на оной фундаментъ.

Перипетіи личной жизни послѣдыша дома Романовыхъ являлись лишь слабой, поверхностной рябью, совершенно не касавшейся глубинъ этого огромнаго человѣческаго моря, гдѣ дѣйствовали совершенно особыя теченія, гдѣ дѣла шли себѣ своимъ порядкомъ.

Отъ Александра III сынъ его унаслѣдовалъ совершенно сложившуюся политику, опирающуюся на совершенно опредѣленные общественные интересы и не менѣе опредѣленные общественныя группы. Николаю II выпало лишь несчастье присутствовать при томъ моментѣ въ развитіи этой политики, когда она, развинувшись логически до самыхъ послѣднихъ крайностей, привела себя къ абсурду.

Великорусское торгово-промышленное сословіе — такова была новая сила, которую подготовило царствованіе Александра II, которой расчистили почву «великія реформы 60-хъ гг.», и которая особенно выдвинулась, какъ политическая сила, при Александрѣ III, этомъ царѣ-протекціонистѣ по преимуществу. Мы подчеркиваемъ, что это было *великорусское* торгово-промышленное сословіе — ибо характернымъ для него являлся антагонизмъ съ фабричными слоями Польши, Остзейскихъ провинцій и т. п. Оно даже приравнивало эти послѣдніе къ «иностраннымъ» промышленности и требовало одно время противъ нихъ боевыхъ пошлякъ. Дѣйствительно, между ними существовалъ крупный антагонизмъ. Фабрики Польши и Остзейскаго края набросились на американскій хлопокъ и перерабатывали иностранные полуфабрикаты, часто работали и иностраннымъ углемъ; то, другое и третье они имѣли изъ первыхъ рукъ. Имъ была нужна свобода торговли. Центральныя великорусскія промышленныя районы, работая Уральскимъ и Донецкимъ углемъ, Кавказской нечотью, имѣли близко среднеазиатскій хлопокъ, наоборотъ, былъ бы при свободной торговлѣ въ невыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ болѣе культурными окраинами. Наоборотъ, при протекціонизмѣ, при пошлякахъ на иностранный хлопокъ, уголь, полуфабрикаты онъ сразу выдвигался, приобреталъ огромныя преимущества, побивалъ рекордъ, имѣя изъ первыхъ рукъ домашніе сырые матеріалы, топливо, полуфабрикаты. Наши текстильные короли, желѣзодѣлатели Урала, горнопромышленники Донецкаго бассейна, съ своимъ торговымъ центромъ — Нижегородской ярмаркой выступили, какъ ревнители чисто-русскихъ, національныхъ интересовъ. Антагонизму производственныхъ интересовъ соответствовало и культурное развитіе. Промышленники западныхъ окраинъ, тяготѣя къ сосѣднимъ европейскимъ странамъ, связанные съ ними и отношеніями экономическими, и культурно-національнымъ родствомъ, были болѣе склонны къ прогрессу; ихъ рабочіе требовали лучшей заработной платы, и норму прибыли имъ приходилось преимущественно повышать техническими улучшеніями; промышленники центра и юга пользовались дешевыми рабочими руками, налегали на болѣе длинный рабочій день, были менѣе культурно развиты. Первые были настроены болѣе либерально, стояли за сближеніе съ Европой, были непрочъ отъ фабричнаго законодательства, которое принудило бы и центральныхъ фабрикантовъ уменьшать рабочій день, и тѣмъ сравняло бы въ этой области шансы обоихъ антагонистовъ; вторые стояли за таможенную войну съ Европой, стремились всячески отгородиться отъ нея, не желали вмѣшательства въ «патріархальныя» отношенія ихъ съ рабочими, тяготѣли къ Азіи, къ азіатскому сырью, азіатскимъ рынкамъ и азіатскимъ порядкамъ. Великорусское торгово-промышленное сословіе хотѣло обширныхъ и защищенныхъ отъ иностранной конкуренціи рынковъ. Для быта и для безпрепятственнаго черпанія сырья имъ были нужны широкія, политически-подчиненныя, включенныя внутрь російской таможенной стѣны территоріи. Они горькимъ опытомъ убѣдились въ затруднительности, почти невозможности конкурировать съ европейской промышленностью на нейтральныхъ рынкахъ. Отсюда и ихъ политическій идеалъ: «Россія должна представлять собой не только мировую державу, но и самостоятельное мировое хозяйство, охватывающее всѣ климатическія зоны, производящее всѣ зем-

иные продукты, замкнутое для вторжения извне, само удовлетворяющее себя изнутри!»*)

На примѣрѣ великорусской буржуазіи видно, что въ классовой борьбѣ численность далеко не играетъ рѣшающей роли; наоборотъ, энергія, подвижность и организованность являются огромной силой. Политика, которой требовали интересы великорусской буржуазіи, предполагала искусственный подъемъ цѣны товаровъ на внутреннемъ рынкѣ; она предполагала, что сельское хозяйство, земледѣліе, огромная масса крестьянства и крайне сильный землевладѣльческій классъ будутъ покупать сельско-хозяйственные орудія и машины, удобрение, сталь, желѣзо, продукты обрабатывающей промышленности на крайне невыгодныхъ для себя условіяхъ; она предполагала затрату крупныхъ денежных средствъ — за счетъ, конечно, податныхъ сословій — на осуществленіе конкретной программы азиатской политики міровой державы**); она предполагала искусственное подавленіе промышленности окраинъ. Тѣмъ самымъ политика эта рисковала вызвать оппозицію огромнаго большинства населения. Великорусская буржуазія, такимъ образомъ, имѣла передъ собой грандіозную задачу: сдѣлать такъ, чтобы ея интересы на политической чашкѣ вѣсовъ перевѣсили интересы по крайней мѣрѣ 85 процентовъ всей націи. И она разрѣшила эту задачу.

На помощь великорусской буржуазіи пришли два фактора. Это было, во первыхъ, извѣстная солидарность ея интересовъ съ интересами бюрократически-самодержавнаго строя. Состояніе государственныхъ финансовъ, при задолженности Россіи, при усиленномъ перетеканіи золота за границу, требовало искусственныхъ мѣръ къ поощренію вывоза и затрудненію ввоза, съ цѣлью оплаты заграницъ золотомъ избытка нашего вывоза надъ ввозомъ. Это побуждало нашихъ государственныхъ людей, съ ихъ грезами о выгодномъ торговомъ балансѣ, рѣшительно пойти по дорогѣ протекціонизма, который въ то же время представлялъ для казны и прямую статью дохода. Вторымъ же факторомъ побѣды великорусской буржуазіи было ея умѣнье обилѣять дѣло съ властью имущими, во время зайдя съ задняго крыльца. Представитель французской буржуазіи, Сіейсъ, говоритъ: «что такое третье сословіе? — Ничто. — Чѣмъ оно должно быть? — Всѣмъ». Въ отношеніи отъ него русскій буржуй, самодовольно похлопывая себя по туго набитому карману, изрекаетъ знаменитую фразу изъ статьи, воспроизведенной биржевымъ комитетомъ одной газеты: «Всероссійское купечество — *есть* *могущество*!»***)

Чрезвычайно важнымъ обстоятельствомъ при этомъ было умѣнье внести раздѣленіе въ лагерь противниковъ. Покровительство промышленности произошло за счетъ сел.-хоз. хозяйства. Оставалось въ лагерѣ сельскихъ хозяевъ выдѣлать многочисленные элементы стародворянскаго, крѣпостническаго пошиба; неприкосновенные къ новымъ, пореформеннымъ условіямъ, элементы эти изъ рукъ вонъ плохо вели хозяйство и еще хуже разбирались въ своихъ хозяйственныхъ, производственныхъ интересахъ. Низкое состояніе техники хозяйства дѣлало для нихъ маловажнымъ возвышеніе цѣны даже на с.-хоз. машины, искусственное удобрение и т. д. За этотъ ущербъ ихъ было не трудно удовлетворить прямыми и грубыми сословными подачками. Итакъ, сохраненіе сословнаго дворянскаго строя, привилегіи по доступу дворянъ въ ряды бюрократіи, дворянскій банкъ, податныя льготы, неоспособленіе, созданіе чисто-сословныхъ синекуръ, вродѣ должностей земскихъ начальниковъ, вообще восстановленіе ихъ власти надъ крестьянами — таково была система мѣръ, которыми къ союзу бюрократіи съ великорусской буржуазіей былъ привлеченъ еще и третій общественный слой — дворяне-аграріи.

Внѣ союза остались: во первыхъ — окраинная буржуазія, перешедшая съ оппозицію и усвоившая мѣстами сепаратистскія тенденціи; но именно осложненіе хозяйственнаго антагонизма національнымъ усиливало позицію нашего «тройственного союза», давая обильную пищу патріотической демагогіи. Во вто-

рыхъ, внѣ союза осталась болѣе культурная часть землевладѣльцевъ, брезговавшая положеніемъ «государственныхъ нахлѣбниковъ» и развившая оппозицію въ земствахъ;*) но разгромъ «Народной Воли» заставилъ земско-либеральную оппозицію примириться; тѣмъ не менѣе началось рѣшительное урѣзываніе земства и выкуриваніе изъ него оппозиціи. Что касается мужика — объ немъ не думали ничего, кромѣ того, что «онъ достанется». Фабричный рабочій еще не выступалъ на политическую арену, революционная интеллигенція еще не успѣла внести въ этотъ новосложившійся классъ революціонно-соціалистическіе дрожжи.

Благодаря этому, интересы ничтожнаго меньшинства могли диктовать свою волю всей странѣ. Само собой разумѣется, что великорусская буржуазія при такихъ условіяхъ должна была являться въ политической области діаметральной противоположностью буржуазіи передовыхъ странъ запада: факторомъ не освободительнымъ, не либеральнымъ, тѣмъ паче не революціоннымъ, а реакціоннымъ. Совершенно естественно и неизбежно создались охарактеризованный выше тройственный союзъ наиболѣе эксплуатирующихъ и паразитическихъ классовъ; самодержавіе явилось только определенной формой *изъ* господства, именно *диктаторской* формой. Данная форма имѣетъ то неудобство, что, какъ извѣстно, диктаторъ, въ интересахъ своей партіи, можетъ очень деспотически и безцеремонно обращаться съ отдѣльными ея членами; но при извѣстныхъ условіяхъ диктаторская, а не свободно-демократическая форма господства является не только наиболѣе соответствующей интересамъ данной группы, но и единственной почти гарантіей ея интересамъ.**)

Такимъ образомъ сложилась, какъ единое, органически связанное цѣлое, сѣдующая политическая программа: самодержавіе; бюрократическая централизація; протекціонизмъ; сословность; ограниченіе самоуправленія; подавленіе окраинъ; поддержаніе безправія и невѣжественности деревни; колоссальный ростъ бюджета, главнымъ образомъ, военнаго; агрессивная политика азиатской міровой державы.

Николаю II пришлось пассивно, помимо собственнаго пониманія и воли, только довести до логическихъ послѣдствій эту политическую систему. Историческаго смысла своего царствованія — привести эту систему къ абсурду — этотъ коронованный микроцефалъ, разумѣется, никогда не сознавалъ и даже не подозревалъ. Про все, что имъ — или, лучше сказать, при немъ — въ этомъ отношеніи было сдѣлано, онъ могъ бы, такимъ образомъ, сказать словами одной вулгарной пѣсенки: «безъ меня меня женили — меня дома не было». Въ области финансово-хозяйственной главнымъ творцомъ этой системы былъ Витте;***) въ области политической — Плеве; въ области «идеологической» — Побѣдоносцевъ.

Какъ бы то ни было, но передъ нами въ царствованіе Николая развернулись крайніе плоды господства этой системы. Гнилость, продажность, негодность оставшагося безъ общественнаго контроля бюрократическаго механизма; истощеніе деревни, низкое состояніе земледѣльческой техники, бѣдность крестьянскихъ массъ, ростъ ихъ недовольства, прогрессирующее выкуриваніе ими изъ деревень нелюбимыхъ помѣщиковъ, стихійная попытка аграрной революціи въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ; концентрированная, но угрожаемая кризи-

*) Ср. жалобы „Русскаго патріота“ (Б. Чичерина) въ книгѣ „Россія наканунѣ XX ст.“ стр. 50-52.

**) Шульце-Геверницъ довольно мѣтко замѣчаетъ: «Переворотъ, опрокинувшій въ 70 гг. господствовавшее при Александрѣ II эрцгерцеровское направленіе... является побѣдой, одержанной центромъ надъ окраинами, побѣдой Москвы надъ Петербургомъ». Столь характерный для Петербурга эпохи Александра II либерализмъ, обращавшій свои взоры на западъ, отступилъ подъ напоромъ союза, образовавшагося между промышленными интересами центральныхъ областей Россіи и славянофильскимъ направленіемъ. Этотъ переворотъ проявился себя въ 80 гг. въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ какъ въ внутренней, такъ въ вѣшной политикѣ. «Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему самоуправленіе терпало подъ собою почву съ начала 70 годовъ. Всякое представительство земельныхъ интересовъ подчеркиваетъ количественную слабость представителей промышленныхъ интересовъ. И въ этомъ случаѣ славянофильская теорія является идеологическою оболочкой интересовъ промышленности». Авторъ ошибается лишь въ томъ, что односторонне выдвигаетъ изъ интересовъ всего «тройственного союза» интересы лишь одной изъ составныхъ его частей. Бюрократическій сановный Петербургъ есть союзникъ промышленности Москвы.

***) См. превосходную характеристику этой системы у А. В. Пѣшихонова: «Централизація экономической власти» въ сборникѣ „На очередные темы“ (СПб., 1904 г.).

*) Шульце-Геверницъ, «Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи», т. II, стр. 219.

**) Ср. Alfred Rambaud, «Histoire de la Russie», 5-e ed., Ch. XL (Nicolas II) pp. 861, 863-864.

***) О первыхъ политическихъ притязаніяхъ русской буржуазіи, въ смыслѣ образованія при минист. финансовъ совѣтательнаго учрежденія изъ выборныхъ представителей торгово-промышленнаго класса и объ уничтоженной цензурой брошюрѣ Менделѣева и Шнейдера въ этомъ духѣ см. L. Tikhomiroff, «La Russie politique et sociale», p. 203.

сомъ промышленность, рабочее движеніе, уже нашедшее ощупью дорогу къ могучему пролетарскому средству борьбы— всеобщей стачкѣ; военная авантюра на Дальнемъ Востоку и сбывшееся предсказаніе Энгельса, что запоздавшія вступить на путь капиталистическаго развитія страны могутъ себѣ найти только такіе рынки, гдѣ въ изобиліи окажутся лишь лихорадки и коматушки...

Это — банкротство системы. Это — поставленная исторіей задача: ликвидація политики внутри-російскаго «трійственнаго союза».

Политика эта являлась, однако, органически-единнымъ цѣлымъ. Ликвидация ея должна быть произведена по всей линіи. На очереди стоять великая историческая задача: установленіе полной демократіи и проведеніе принципа децентрализациі, истребленіе съ корнемъ сословности; уничтоженіе китайской протекціонной стѣны; возрожденіе трудовой Россіи, и въ особенности возрожденіе земледѣлія деревни, немыслимое безъ самыхъ радикальныхъ мѣръ; возрожденіе и просторъ національнаго развитія такъ называемыхъ «окраинъ»; уничтоженіе милитаризма, агрессивной политики, и, въ особенности, полная ликвидація политики захватовъ на Дальнемъ Востоку.

Совершенно ясно, что само самодержавіе этой задачи никогда не захочетъ и не сможетъ совершить. Только освободившіяся революціонно-разрушительныя и революціонно-творческія силы самаго рабочаго народа это могутъ сдѣлать — и должны это сдѣлать.

Правительство Николая II, конечно, наталкивалось время отъ времени то на одну, то на другую частность изъ этой огромной и нераздѣльно-единой проблемы. Оно, по свойственнымъ царю-упадочнику неустойчивости и малодушію, время отъ времени дѣлало видъ, что хочетъ пойти навстрѣчу потребностямъ жизни, желаніямъ общества; иногда показывало ту или иную приманку... Наивные люди устремлялись на эту приманку — и горько платились за свою наивность.

Такъ провоцировало правительство земцевъ высказывать «всю правду» въ сельскохоз. комитетахъ — и неосторожно повѣрившіе приглашенію попали въ западню, въ ловушку, и были наказаны. Сами виноваты — зачѣмъ устремились на царскій зовъ!

Такъ Зубатовъ и независимцы втолковали рабочимъ, что чисто экономическая борьба, безъ примѣси политики, не только допускается, но и поощряется — и одесскіе рабочіе валомъ повалили на обманчивый миражъ возможности улучшить свое положеніе при самодержавіи и съ помощью самодержавія— пока Одесская всеобщая стачка не была прекращена ружейными залпами, избіеніями, кровью...

Такъ подтавско-харьковскіе крестьяне — впрочемъ, безъ всякаго приглашенія, по чистому недоразумѣнію — повѣрили, что царь, какъ любящій отецъ своего народа, ничего не имѣетъ противъ перехода земель къ трудящимся — и валомъ повалили на обманчивый миражъ улучшенія своего положенія при самодержавіи — и снова вытѣкли, кровь, избіенія, насилие были имъ тяжелымъ урокомъ.

И всѣ эти жертвы, всѣ эти разочарованія, купленные дорогой цѣной, эти расплаты за вѣру въ царскія милости, въ царскую приманку — напоминаютъ мнѣ все ту же пророческую картину, все тотъ же прообразъ царствованія Николая— Ходынскую катастрофу.

Взгляните на это описаніе современника — и судите сами:

«Пируетъ русскій царь, пируетъ, окруженный всѣми отживающими силами стараго міра, — доморощенными холопами въ ризахъ и мундирахъ, чужестранными послами, представителями буржуазіи и милитаризма. Всюду блескъ, роскошь, азиатское великолѣпіе и витѣшнй европейскій лоскъ. Приглашенъ участвовать въ этомъ династическомъ весельи и онъ, темный, изголодавшійся, изстрадавшійся народъ: для него царскіе слуги припасли дешевыхъ пряниковъ и орѣховъ, кумачныхъ платковъ и оловянныхъ кружекъ съ двуглавыми орлами. И народъ тронулся, какъ трогается всякая стихійная сила... Но тутъ оказалось, что никому и въ голову не пришло заровнять ямы и овраги, закрыть, какъ слѣдуетъ, колоды въ полѣ; за то деревянныя проходы на дорогѣ къ баракамъ съ лакомствами были придуманы словно для настоящей охоты на народъ, въ видѣ съуживающихся воронокъ, или, какъ народъ называлъ ихъ псабѣ, «западенъ». А тутъ еще, говорятъ, власти нарочно распустили слухъ въ народѣ о томъ, что задача угощеній началась, надѣясь вызвать усиленную давку и тѣмъ замаскировать скудость припасовъ... Цѣлый океанъ че-

ловѣческихъ головъ пошелъ на приступъ бараковъ, и эти живыя волны чувствующихъ, страдающихъ существъ перекатывались, раздавливая тѣхъ, кто нечаянно попалъ въ яму, кто ослабѣлъ, взнемогъ и падалъ. Трупы, словно остатки отъ кораблекрушенія, взмывали то тамъ, то здѣсь на поверхности этого моря искаженныхъ лицъ, безсильно всплскивающихъ рукъ, сжатыхъ кулаковъ, среди стоновъ, проклятій и криковъ умирающихъ. Инымъ приходилось цѣлыми часами быть прикованными къ мертвецамъ, не имѣя возможности освободиться отъ этихъ ужасныхъ сосѣдей, которые отъ тѣсноты не могли даже упасть на землю... А наверху сіяло равнодушное солнце, и туманъ отъ этой дымящейся толпы поднимался къ лазурному небу, словно жертвенный фиміамъ молоху самодержавія...

Развѣ это — не живая картина того, что, въ колоссально-огромныхъ размѣрахъ, происходитъ по всему лицу земли русской? Развѣ весь нашъ существующій строй — не одинъ огромный пиръ кучки царскихъ прихлебателей въ военныхъ и дворянскихъ мундирахъ, поповскихъ рясахъ и купеческихъ сюртукахъ? Развѣ для изголодавшагося рабочаго народа на этомъ пиру приготовлено что-нибудь, кромѣ обманчиваго миража «царскихъ гостинцевъ» — царской «милости», «довѣрія» и «сердечнаго попеченія»? И развѣ путь къ реальному пользованію обѣщанными благами не ведетъ къ такому же «съуживающимся воронкамъ», предательскимъ ямамъ, ловушкамъ и западнямъ, какъ и тѣ, въ которыхъ гибли люди на Ходынскомъ полѣ? И развѣ народъ, развѣ вся страна, пока она валомъ валитъ на эти обманчивые миражи, не представляетъ собою того же моря человѣческихъ головъ, сбитыхъ въ нуждѣ, тѣснотѣ, яростно ведущихъ междоусобную борьбу за существованіе, толкающихъ другъ друга, давящихъ всѣхъ, кто изнемогъ и упалъ? И развѣ живые люди, желающие выбиться на просторную дорогу развитія, не бываютъ прикованы въ этомъ всероссійскомъ человѣческомъ морѣ къ живымъ трупамъ, въ той общей давкѣ, гдѣ le mort saisit le vif — мертвый душитъ живаго? И развѣ всѣ эти страданія, стоны, проклятія, бессмысленное терзаніе другъ друга обезумѣвшими людьми въ стихійныхъ взрывахъ холерныхъ беспорядковъ или антирейскихъ погромахъ, — не есть зловѣщій фиміамъ Молоху самодержавія?

А между тѣмъ, присмотритесь поближе къ этому Молоху, который издали выглядитъ грознымъ богомъ, требующимъ человѣческихъ жертвъ — какъ онъ жалокъ, какъ онъ ничтоженъ! Какъ омерзительны и низки его прислужники и прихлебатели! Какъ сказывается на нихъ справедливость словъ французскаго поэта, гласящихъ, что «сильные и великіе міра только до тѣхъ поръ и потому кажутся намъ великими, что мы пали ницъ передъ ними — поднимемся же!»

Когда же поднимешься ты, русскій рабочій народъ? Когда, уставъ сгибать спину подъ рабскимъ ярмомъ и колѣнями скользя въ пыли и грязи, ты поймешь, наконецъ, весь ужасъ своего теперешняго положенія? Когда ты ужаснешься самого себя — и тѣмъ самымъ проникнешься мужествомъ, двигающимъ на возстаніе? Когда ты отвѣтишь грознымъ проклятіемъ на царскія милости такъ же, какъ и на царскія угрозы, и положишь конецъ Валтасару пиру послѣдшаго дома Романовыхъ и тѣснящихся у его трона твоихъ вѣковыхъ враговъ?

«Ей, гряди, Господи! ей, гряди скоро!»

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Мы получили слѣдующую декларацію объ основаніи въ Финляндіи новой революціонной партіи:

«Принимая во вниманіе:

1. что самодержавный режимъ былъ введенъ въ Финляндію обнародованіемъ и примѣненіемъ манифеста 15 февраля 1899 г., и что этотъ режимъ съ того времени осуществлялся русскимъ правительствомъ съ помощью финляндскаго сената посредствомъ серіи деспотическихъ и насильственныхъ мѣръ, которыя нарушали наши законы, оскорбляли наши національныя чувства и человѣческое достоинство;

2. что, вслѣдствіе установленія самодержавнаго режима, граждане съ своей стороны освобождены отъ своихъ обязательствъ по отношенію къ монарху, переставшему быть конституціоннымъ, и, кромѣ того, что, принимая во вниманіе сущность и стремленія самодержавной власти, они обязаны работать всѣми имѣющимися у нихъ средствами для сверже-

ния этой власти и восстановления конституционного режима;

3. что чисто пассивное сопротивление совершенно недостаточно и

4. что, по нашему убеждению, путем соглашений Финляндия может получить необходимые и достаточные гарантии своей автономии и свободного развития своих общественных учреждений в демократическом духе только от России, управляемой самим народом, — известное число граждан различных провинций страны соединились под именем «Финляндской Партии Активного Сопротивления» для того, чтобы энергично и в сотрудничестве с различными оппозиционными элементами русского государства стремиться к свержению самодержавного режима в Финляндии и помогать усилиям упомянутых выше оппозиционных элементов замкнуть самодержавную систему в России свободным и демократическим режимом».

От всей души приветствуем этот новый важный шаг на пути общественно-политического развития Финляндии. Наши читатели знают, насколько грубое вмешательство царского деспотизма встряхнуло политически мирную и лояльную Финляндию, до того времени не мало гордившуюся своим мирным характером и своей лояльностью. С нарушением конституционных прав Финляндии потеряли значение прежние фракционные группировки, и образовалась общая «финляндская оппозиция», составленная из самых разнообразных элементов. По существу, оппозиция эта носила коалиционный характер. Она была, собственно говоря, не столько единой партией, сколько лигой, коалицией различных партийных и фракционных элементов для достижения общей конкретной цели — ототавления нарушенных государственно-политических прав финляндской нации. Но омыванный характер этой оппозиции не преловлял возможности принять такую единую для всех ее составных элементов тактику, которая бы позволила вполне развернуть все потенциальные силы финляндской оппозиции. Соглашавшееся действие всех элементов этой оппозиции было, очевидно, необходимо; но не менее необходимо было и более тесное, чисто партийное объединение более родственных элементов внутри разнообразной оппозиции. Этой потребности и удовлетворяет новая партия, отличительным признаком которой будет переход от пассивной оппозиции к активному сопротивлению.

Еще у многих финляндцев чувствуется, как пережиток прошлого, — боязнь выступить решительно против русского самодержавия в союз с теми враждебными ему силами. Создается юридическая фикция, что вопрос о русском самодержавии есть для финляндцев вопрос не внутренней, а внешней политики. Самодержавие существует в России, а Финляндия — особое государство, в котором есть ограниченный, конституционный великий князь. И вот — говорить еще до сих пор многие финляндцы — мы не имеем права вмешиваться в дела другой страны; мы добиваемся лишь восстановления нашей поправной конституции; борьба же против русского самодержавия есть дело, для Финляндии, так сказать, заграничное, иностранное, ее не касающееся.

С точки зрения абстрактного права, эта постановка вопроса безукоризненно правильна. Но ведь мы говорим не о юридической доктрине, а о реальной, практической политике. Только доктринеры могут, закрывая глаза на действительность, обосновывать свою программу и тактику на *букве* поправной противников хартии. Это значит только добровольно связывать себя руки, совершать операцию политического самооскопления. Фактически существование в России самодержавия и необеспеченности национальных прав Финляндии — две стороны одной и той же медали, различия лишь в абстракции. Принимать эту абстракцию за действительность — значит отрывать от жизни и витать в облаках, а не идти твердым и уверенным шагом по земле.

Точно также совершенно ясно, что с одним пассивным сопротивлением, с одним платоническим непризнанием совершившихся актов произвола далеко не уйдешь. Насилие, не встречая отпора силой, только радуется своей безнаказанности и пользуется ею. Все уступки и колебания правительства, как бы жалки они ни были, вынуждали лишь силу. Выстрел Карповича положил начало политик «сердечного попечения», бомба Сазонова привела к «министерству приятных улыбок», выстрел Шаумана заставил мясника Оболенского фигурировать в новой для него роли мягкого и благодушного дипломата. Конечно, отдельные парти-

занские акты самоотверженной борьбы оказывали при этом такое сильное влияние лишь потому, что они были выражением общего настроения, и потому — грозным предостережением, предтечами еще более активного массового напора. Замерзая, застывая на политик пассивной оппозиции значило бы лишь обнадёживать правительство и убеждать его в возможности спокойно распорядиться с первыми пионерами вооруженной борьбы, в твердой уверенности, что за ними идти и никогда не будет *революционной силы*.

Новая финляндская партия, видимо, поняла эту мораль событий — и постольку ей принадлежит будущее, постольку ей принадлежат симпатии всех живых общественных сил, наличие которых является залогом близкого социально-политического обновления России.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Варшава. 12 ноября. До сих пор в Польшу мобилизовано всего 19 уэдов. Это был, так сказать, «пробный шар», чтобы знать приступать ли к мобилизации Варшавы и других городов и уэдов Польши, и на этот пробный шар царское правительство получило вынужденный ответ со стороны Польской Социалистической Партии (Polskiej Partii Socjalistycznej) — ответ, подданный сочувствием всего населения. Вслед за указом о мобилизации, Центральным Комитетом Партии была выпущена общая прокламация, из которой привожу наиболее яркие для русского читателя места.

Царский указ о мобилизации разразился над Польшей приговором ее искоренения! Приговор этот тем ужаснее, что он явился одновременно с усиленным набором. Потому только, что угнетающее нашу родину грабительское правительство впустило, благодаря своей подлой и неразумной политик, в кровопролитную войну, — мы, жертвы его угнетения, — мы, придавленные массой вновь и вновь поторяющиеся его злодеяний, должны идти мучить японцев, которые перед нами ни в чем не виноваты. Потому только, что царизм, этот вампир, высасывающий человеческую кровь, пошатнулся в своем деспотическом могуществе, благодаря военным поражениям, — мы, жертвы его тирании, должны идти на бродяжническое и мучительное житье в далеких, чуждых нам краях и погибнуть там ради удовлетворения гордости наших палачей и мучителей!...

В стране нужда и голод; их навел на нас царизм. В стране угнетение и неволя, навязанные нам тем же царизмом. Тюрма стала нашим домом, а царский куток — правом. У матерей отбирают их сыновей; у жен их мужей; у детей — отцов, а несчастных сограждан наших, словно военнопленных, силой увозят от всего, что им дорого и близко, на кровавое побоище с тем, чтобы там стать жертвенным костром, на котором царизм сожигает нашу свободу, наше право на жизнь, наше достоинство и честь.

Товарищи и граждане! В столь страшную минуту нам невозможно оставаться в мертвой покорности... Только протестующая демонстрация может смыть пятно беззавия, какое мобилизация запечатлела на наших лбах, только демонстрация протеста произведет впечатление на варварское правительство: да будет ему известно, что быть его солдатами мы не хотим, что мы не защитники трона и царизма, но враги их. Серьезная демонстрация протеста может остановить наших мучителей от дальнейших актов мобилизации.

Уже из факта опубликования этой прокламации видно, что П. П. С., предпринимавшая устройство демонстраций собственными силами, не извещая о ней Бунд и Социалдемократию Литвы и Польши, заранее отказалась от строгой кооперативности в этом деле. Действительно, о том, что она будет, знали все, — стало быть и начальство, и так как Чертков издал приказ по войскам, вмывавший им в обязанность стрелять в толпу, то все ждало кровопролития. О месте и времени демонстрации Варшавский Комитет Партии извещал выпуском накануне карточек, которыми то и другое назначалось на Грибной площади (plac Grzybowski) в первое же воскресенье, в полдень. В то же время издано было партийное воззвание к молодежи, приглашающее ее принять участие в демонстрации.

13 числа, к 12 часам начали стекаться на Грибную площадь группы рабочих. В костел Войска Святых шло богослужение. Полиция занимала плац довольно густой массой и протянула кордон перед церковью. Видны были конные жандармы и улань. К половине первого, когда окончилось богослужение и бывшая там публика хлынула наружу, толпа на площади выросла до огромных размеров. Подкряпленные бывшей в костел публикой, демонстранты сформировались, под руководством организаторов, и в среди

толпы возникло красное знамя с надписью, на одной стороне: «Не хотим быть царскими солдатами», а на другой: «Польская Социалистическая Партия.»*) Тотчас же полиция, обнажив шашки, атаковала демонстрантов, но, к величайшему своему смущению, была встрячена революционными залпами. Залпы давались очень развѣренно и правильно, и послѣ второго залпа полиція бѣжала, оставив на мѣстѣ нѣсколькихъ раненыхъ. Нѣсколько оправившихся, полицейскіе вернулись, пустили въ холъ револьверы, но демонстранты отвѣчали тѣмъ же. Минутъ 15—20 длилась такимъ образомъ перестрѣлка, пока не напалъ на демонстрантовъ эскадронъ жандармовъ и эскадронъ уланъ съ развернутымъ знаменемъ. Усилиями конницы демонстранты были согнаны съ Грибной площади, но сохранили знамя. Всѣ улицы, выходящія на площадь, были заперты сильными нарядами полиціи, но это не помѣшало демонстраціи разлиться вширь. Въ каждой улицѣ образовалось громадная толпа. На Маршалковской, напр., сформировалась процессія рабочихъ съ тремя знаменами. На Вержбовой демонстрировали студенты и интеллигенція. По свѣдѣтельству очевидцевъ, они держали себя такъ же мужественно, какъ и рабочіе. Въ Давальную улицу пришла процессія рабочихъ-евреевъ, но ей не удалось пробиться на площадь. И т. д., и т. д. Всѣ эти колонны демонстрантовъ были атакуемы полиціей, казаками и регулярной кавалеріей, но храбро защищались револьверными залпами, а въ рукопашныхъ схваткахъ пожами и палками. Стрѣляли и съ балконовъ. Въ свою очередь полиція и войска давали залпы по окнамъ и даже стрѣляли въ одну изъ проѣзжающихъ конокъ. Такъ продолжалось до 6 час. вечера. Убитые и раненые увозились «Скорой Помощью». Число жертвъ пока не выяснено, но уже извѣстно, что 10 труповъ со стороны рабочихъ и столько же со стороны полиціи. Тяжело раненыхъ съ обѣихъ сторонъ болѣе 50-ти. Какъ видите, дѣло было серьезное. Демонстранты выпустили не менѣе 200 зарядовъ. Несмотря на жертвы, демонстрація вызвала въ городѣ прямо энтузіазмъ. Всѣ довольны и торжествуютъ, такъ какъ чувствуютъ, что данъ достойный отвѣтъ на набѣденіе демонстрантовъ 27 октября на улицѣ Лешно (ихъ рубили шашками) и выражень рѣшительный протестъ противъ мобилизаціи.

Почти одновременно съ выступленіемъ П. П. С. на почву открытой борьбы въ Варшавѣ, имѣлъ мѣсто другой фактъ того же характера въ Ченстоховѣ. 1 ноября тамъ состоялась демонстрація на Рыночной площади противъ мобилизаціи. Мѣстный полиціймейстеръ Нерскихъ вывелъ противъ безоружныхъ демонстрантовъ войска и по его командѣ въ мирную толпу дано было 6 залповъ. Не потрудились даже предупредить ихъ о предстоящемъ разстрѣлѣ и не дали, какъ того требуютъ даже императорскія правила, перваго залпа холостыми зарядами. Двое рабочихъ были убиты на повалъ и не менѣе десятка переранено.

12 ноября, въ субботу, въ 11 ч. утра, на улицѣ Долядъ, какъ разъ противъ гостиницы «Англія» виновника оффиціальныхъ убійствъ постигла достойная кара: онъ былъ смертельно раненъ кинжаломъ. Мстители скрылись. Въ прокламація, выпущенной по этому поводу 16 ноября рабочимъ комитетомъ П. П. С., между прочимъ сказано: «Товарищи, на насіаіе мы должны отвѣчать силой, мы не можемъ оставлять убійцъ безнаказанными, пусть каждое правительство насіаіе встрѣтитъ соотвѣтственный отвѣтъ съ нашей стороны. Будемте защищаться!»

Москва. 15 октября (ст. ст.) изъ Москвы отправляли на войну человекъ 8—10 прапорщиковъ запаса. Такъ какъ всѣ они бывшіе студенты, то на вокзалъ собралось довольно много учащихся высшихъ учебныхъ заведеній, какъ курсистокъ, такъ и студентовъ, съ цѣлью устроить имъ проводы. Собравшихся провожать было человекъ 150 (80 студ. и 70 курс.). За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда однимъ изъ отъѣзжавшихъ прапорщиковъ былъ произнесенъ тостъ за скорѣйшее окончаніе войны. Въ отвѣтъ ему одинъ изъ провожавшихъ произнесъ горячую, революціонную рѣчь. Молодой ораторъ говорилъ, что война начата русскими правительствомъ, преслѣдовавшимъ узкія, своекорыстныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ пользами и нуждами страны; что неблагопріятный исходъ ея можетъ повлечь за собой паденіе самодержавія, страстно ожидаемое всѣми лучшими сынами страны. Рѣчь была встрѣчена революціонными возгласами, послѣ ко-

лорыхъ послѣдовало пѣніе Марсельезы. Все это происходило въ залѣ 1-го класса при многочисленной публикѣ. При этомъ на всѣ возгласы и пѣсню полиція какъ будто не обращала ни малѣйшаго вниманія, что показалося многимъ довольно страннымъ. Послѣ этого вся публика вышѣлъ съ провожавшими вышла на платформу. Здѣсь около вагона, въ которомъ отправлялись прапорщики, начались опять революціонныя пѣсни и возгласы, продолжавшіяся *беспрестанно* до самаго отхода поѣзда. Впечатлѣніе было сильное; уѣзжавшихъ провожали слезами, дѣло доходило до обмороковъ. Проводивъ поѣздъ, толпа отправилась обратно въ вокзалъ, чтобы черезъ него выбраться наружу. Ничего большаго, какъ передаютъ, и не предполагалось. Но окончилось все это не такъ, какъ, казалось, должно было окончиться. По всей платформѣ, съ обѣихъ сторонъ, сомкнутыми рядомъ стояли носильщики со значками и въ бѣлыхъ фартукахъ. Когда большая часть демонстрантовъ уже проникла въ залъ перваго класса и на платформѣ осталась только небольшая кучка, раздались крики: «шпіонъ, шпіонъ». Кто то изъ студентовъ не сдержался и ударилъ по лицу разоблаченнаго согладателя. Въ это мгновеніе двери, ведущія на платформу, захлопнулись, такъ что толпа была раздѣлена на двѣ части. Произошло волненіе. Демонстранты не знали, что дѣлать. Но не долго они находились въ недоумѣніи. Изъ этого состоянія они были выведены носильщиками, которые съ крикомъ, гамомъ ворвались въ вокзалъ и напоромъ своихъ тѣлъ буквально выдавили демонстрантовъ на дворъ. Тѣ изъ демонстрантовъ, которые шли послѣдними, утверждаютъ, что въ это время имъ досталось очень плохо: они были сброшены съ крыльца на мостовую ударами въ шею и спину. Тутъ-то и разыгралось то болѣе, которое произвело большое впечатлѣніе на жителей Москвы. Были, какъ попало и во что попало, били безжалостно, съ ослѣпленіемъ. Большинство попадало въ шею и спину, у нѣкоторыхъ разбиты губы, подбиты глаза. Видѣли нѣкоторые лежащими безъ памяти. Нужно замѣтить, что, когда демонстрантовъ вытѣснили изъ вокзала при помощи носильщиковъ, то на дворѣ и по всей площади также было разставлено огромное количество «носильщиковъ». Такъ что все это болѣе, какъ утверждаютъ, могло саркастично называться *организованностью*. Одавіе носильщиковъ прикрывало обычныхъ полицейскихъ, предпочитавшихъ почему то дѣйствовать «многократно». Побитая и искалѣченная учащаяся молодежь искала спасенія въ бѣгствѣ. Арестовъ при этомъ не было. Взяли двухъ студентовъ, но они къ 12 час. ночи были выпущены. Объ оставшихся на платформѣ одни говорятъ, что ихъ также били и разгоняли, а другіе утверждаютъ, что они были задержаны начальникомъ станціи и затѣмъ выпущены имъ на всѣ четыре стороны. Но это не все. На слѣдующій день 16 октября собралась сходка въ аудиторію у Ключевского и когда былъ разсказанъ во всеуслышаніе инцидентъ, произошедшій на Ярославскомъ вокзалѣ, онъ такъ возмутилъ студентовъ, что они, несмотря на малочисленность (ихъ было только человекъ 300), рѣшили устроить тотчасъ же вторую демонстрацію. Вышли они на Никитскую улицу, изъ тротуа и куска красной матеріи быстро смастерили импровизированное знамя и заплѣли марсельезу. Все шло благополучно. Прошли Никитскую, свернули на Тверскую бульваръ, пересѣкли его, вышли на Малую Бронную. Тутъ появился еще одинъ флагъ бѣлаго цвѣта съ надписью: «Долой войну». Иногда толпа останавливалась и кто-нибудь изъ студентовъ произносилъ рѣчь, выисывая собравшейся вокругъ демонстрантовъ публикѣ (число присоединившихся было около 100) цѣль демонстраціи и говоря о происшествіи 15 октября. Публики собралось все больше и больше, но студенты начали расходиться, изъ 300 чел. оставалось чел. 100. Демонстранты прошли уже довольно большое разстояніе и надѣялись достигнуть какой-то фабрики, ожидая присоединенія рабочихъ. Но надежды ихъ не оправдались. Свернувъ въ Чухинскій пер. и продолжая идти дальше, они вдругъ замѣтили, что отдѣлены уже отъ публики цѣпью городовыхъ. Схватившись, они повернули назадъ, прорвали цѣпь городовыхъ и опять соединились съ публикой. Но тутъ началось избиеніе, очень напоминающее избиеніе 15 октября. Были какъ попало и чѣмъ попало. Нѣкоторые были окровавлены, получали раны въ голову отъ ударовъ шашки въ лобъ. Набѣжало страшно много полиціи, такъ что ей легко было расправиться съ неорганизованной кучкой студентовъ, которые, истощивъ послѣднія усилія, обратились въ бѣгство. Задержано было человекъ двѣнадцать студентовъ. Взяты были тѣ, которые не могли сами добраться до дому и

*) Само собою разумѣется, что обѣ надписи были на польскомъ языкѣ.

которыхъ въ обморочномъ состояніи приходилось отвозить въ участокъ.

Москва. Не успѣло еще улесть въ груди всѣхъ честныхъ людей чувство возмущенія, вызванное избиеніемъ полиціей студентовъ на Ярославскомъ вокзалѣ и Живодеркѣ, какъ мы слышимъ о новыхъ жертвахъ царскаго и правительственнаго произвола. Вотъ что говорятъ факты, сообщенные намъ запасными, пострадавшими на этотъ разъ. 25 октября, въ 4 часа утра на товарную станцію Казанской ж. д. привезли 1300 человѣкъ запасныхъ изъ крестьянъ Вологодской губ. Въ 10 часовъ утра ихъ послали обѣдать. Въмѣсто обѣда, по ихъ словамъ, дали имъ горячей воды съ капустой, а когда они заявили о своемъ недовольствѣ, имъ отвѣтили: «Вѣдь не каждый день такой обѣдъ; одинъ разъ можно и такъ поѣсть». Такой отвѣтъ мало утѣшилъ запасныхъ, такъ какъ они не видали горячей пищи съ самой Вологды, т. е. дней пять... Идя обратно къ поѣзду, запасные заходили въ винную лавку, въ колбасную, въ булочную, брали товаръ и уходили безъ расплаты, говоря: «мы идемъ умирать: намъ ѣсть надо»...

Придя на станцію, они обратились съ требованіемъ объ обѣдѣ къ сопровождавшему ихъ офицеру. Офицеръ ничего не отвѣчалъ имъ, а когда они стали ругать его и подступать къ нему съ кулаками, то онъ выстрѣлилъ изъ револьвера и убилъ одного изъ запасныхъ. За это его закидали камнями и палками. Въ то же время запасные отдѣльными кучками ходили по улицамъ, брали изъ лавокъ товаръ, били стекла и т. д.

Оберъ-полиціймейстеръ Треповъ, пріѣхавъ на станцію, выдалъ пять ротъ солдатъ, двѣ сотни казаковъ и взводъ жаппармовъ. Когда это войско собралось, Треповъ потребовалъ, чтобы запасные шли въ вагоны. На это они отвѣтили руганью, криками: «давай обѣдъ», свистомъ. Когда же войска схватили ихъ отгнѣснять въ товарный дворъ, то часть ихъ остановилась въ воротахъ, а часть влѣзла на крыши лабазовъ и, вооружившись камнями и палками, отбивалась отъ солдатъ, отказываясь идти въ вагоны.

Тогда по распоряженію Трепова были даны два холостыхъ и два боевыхъ залпа, убившіе 6 человѣкъ на мостовой и двухъ на крышѣ и ранившіе болѣе 50 человѣкъ. Послѣ выстрѣловъ запасные разбѣжались.

Размѣстившись въ вагонахъ они сильно возмущались, крича: «у насъ нѣтъ оружія, а когда намъ дадутъ его, то мы покажемъ себя... Купцы патентъ имѣютъ: они могутъ грабить насъ, а у насъ нѣтъ патента, такъ насъ стрѣляютъ»...

Часть запасныхъ прорвалась въ городъ и была изловлена патрулями. До восьми часовъ, времени отхода поѣзда, никто изъ полиціи и солдатъ не могъ подойти на платформѣ къ поѣзду, такъ какъ запасные швыряли во всѣхъ камнями и дротиками.

Одесса. 17 сент. Одесса встрѣчала царя. Царь проѣхалъ по почти пустымъ улицамъ и остался доволенъ образцовымъ порядкомъ. Дѣйствительно г. Нейдгартъ постарался. Были розданы билеты на право смотрѣть царя, стоять должны были по 10 человѣкъ у каждого дома, по улицамъ были протянуты веревки... Однако въ двухъ или трехъ мѣстахъ, раздавъ при приближеніи царской коляски рѣзкій свистъ, правда, соло и не произведшіи особаго впечатлѣнія. «Уру» кричали очень жидко. Многие не снимали шапокъ.

Рабочая организація П. С. Р. рассчитывала сначала организовать дѣло такъ, чтобы царь при проѣздѣ былъ освистанъ, какъ слѣдуетъ. Но экстренный предосторожности, которыми было обставлено допущеніе на улицы, по которымъ царь проѣзжалъ, помѣшали выполнению этого плана.

На этой недѣлѣ дѣйсъ было два вооруженныхъ сопротивленія рабочихъ при арестѣ. 28-го сентября къ дворнику дома № 15 по Большой Арнаутской улицѣ, въ 2 1/2 часа дня явился шпионъ и квартальный надзиратель. Они хотѣли войти въ дворницкую, но были встрѣчены выстрѣлами, которыми на повалъ былъ убитъ шпионъ и легко раненъ квартальный: послѣдній выбѣжалъ на улицу за подмогой; ворвались городские и послѣ упорнаго сопротивленія (кинжалами) связали двухъ дворниковъ и находившагося у нихъ рабочаго. (Одного изъ нихъ зовутъ Евтихий Ильинъ. Пріѣхавъ жандармскій полковникъ. У дома собралась толпа. Въ городѣ говорили, что взята типографія соц.-рев. но слухи эти совершенно ложны. 3-го сентября вечеромъ на квартиру по Старопортофранковской улицѣ явилась полиція; тамъ находилось 4 человѣка рабочихъ и одна интеллигентка. Въ вошедшаго надзирателя —

Янцеловскаго—одного изъ рабочихъ выстрѣлили изъ револьвера въ упоръ: тотъ, тяжело раненный сбѣжалъ съ лѣстницы и упалъ *).

Характерный разговоръ происходилъ между стрѣлявшимъ въ градоначальника рабочимъ Поляковымъ и самимъ Нейдгартомъ, посѣтившимъ его въ тюрьмѣ.

«Долго я думалъ о твоёмъ преступленіи... сказалъ ему Нейдгартъ, «заболелъ на тебя, но наконецъ сознаю, что прежде всего я христанинъ. Спаситель сказалъ: кто ударитъ тебя въ правую щеку, подавай ему лѣвую. И вотъ, простивъ тебя въ душѣ своей, я и пришелъ къ тебѣ. Я понимаю, почему ты стрѣлялъ въ меня. Ты не былъ просвѣщенъ свѣтомъ христового ученія, ты голодалъ, ты не имѣлъ работы, ты не видѣлъ выхода, ты человѣкъ темный, ты озлобился; злые люди воспользовались этимъ и подстрекнули тебя. Признай свой грѣхъ, раскаяйся; я обращусь къ неизрѣченному милосердію возлюбленнаго монарха, и тебя выпустятъ. Я тебѣ дамъ мѣсто рублей въ 25 — 30, у себя или у кого другого. Подумай». На это Поляковъ отвѣтилъ: «во первыхъ, вы ошибаетесь, считая себя христаниномъ, вы просто Иуда-христопродавецъ; а во вторыхъ, я не желаю съ вами разговаривать».

Взбѣшенный помпадуръ выскочилъ изъ подвала, въ коемъ содержался Поляковъ, какъ бомба.

Держали его сначала въ подвалѣ, при казармѣ на углу Еврейской и Карантинной *); сначала неотлучно при немъ находились два шпиона, сопровождавшие его даже въ отхожее мѣсто. Гулять не выпускали, книгъ не давали; на столѣ только лежали письменныя принадлежности и листъ бумаги въ надеждѣ, что узникъ падетъ духомъ и начнетъ писать исповѣдь. Надежды тюремщиковъ, что юноша не выдержитъ и начнетъ оговаривать, въпрочемъ не оправдались, и тѣ слухи, согласно которымъ арестъ рабочаго ювелира, оказавшаго вооруженное сопротивленіе на Б. Арнаутской и убившаго шпиона былъ вызванъ оговорами Полякова, оказались по проверкѣ совершенно ложными.

24-го ноября въ воскресенье въ университетѣ защищалась диссертация по фармакологіи. Собралось много молодежи и посторонней публики. Послѣ первыхъ же словъ оппонента Влауберга въ аудиторіи начался шумъ и одинъ изъ студентовъ, вставши, заявилъ: «Извиняемся передъ г. магистрантомъ и профессорами, мы хотимъ воспользоваться случаемъ, чтобы поговорить совмѣстно съ присутствующей публикой о текущихъ дѣлахъ, такъ какъ у насъ теперь нѣтъ никакой возможности собраться въ другомъ мѣстѣ». На кафедрѣ вскочилъ деканъ медицинскаго факультета Подвысоцкій (не смотря на свои ученые заслуги, не брезгающій полицейскими обязанностями) и сталъ призывать къ порядку, просить не нарушать свободы науки, грозить полиціей; послышались оглушительные свистки, шумъ, крики: «долой!», «вонъ!», «приглашаемъ профессоровъ, принимающихъ куратуру, убраться!» Нѣсколько профессоровъ осталось, но Подвысоцкій вернулся и утащилъ ихъ за собой. Одинъ студентъ началъ говорить относительно новыхъ университетскихъ стѣсненій и по поводу «новаго курса». Съ трехъ сторонъ посыпались прокламаціи «интернационала». Въдѣствіе отсутствія организаціи сходку провести не удалось, ораторовъ перебывало, шумѣли... Было около 2-хъ час., когда вся находившаяся въ аудиторіи толпа (до 600 чел.) направилась къ выходу. На лѣстницѣ раздалась крики «долой самодержавіе!», «долой войну!», посыпалась Варшавянка. Затѣмъ толпа прошла 3 или 4 квартала по Херсонской улицѣ съ криками «долой самодержавіе!», разбрасывая листки. Опять таки въдѣствіе отсутствія организаціи всѣ въ нерѣшительности остановились на углу Конной и постепенно разошлись, не встрѣтивъ ни одного городского. Какъ оказалось послѣ, полиція только къ этому времени спохватилась, и на Дерибасовскую улицу былъ приведенъ отрядъ городскихъ и спрятавъ во дворѣ одного дома.

Сегодня 27-го въ университетѣ была сходка, въ физической аудиторіи. Было всего человѣкъ 50. Ректоръ вызвалъ полицію и заперъ аудиторію на ключъ. Студенты разошлись,

*) Янцеловскій, по словамъ корреспондентки помѣщенной на дняхъ въ кишиневской газетѣ «Бессарабецъ», умеръ отъ раны въ больницѣ. Въ мѣстныхъ газетахъ объ этомъ событіи ничего не сообщалось.

**) Эта казарма (кажется таможенной стражи) очищена отъ солдатъ и служитъ для заключенія арестованныхъ во время уличныхъ безпорядковъ или на такъ называемыхъ массовыхъ. Одно время тамъ сидѣло около 150 человѣкъ, выпущенныхъ по случаю рожденія наследника.

выбивъ окна, встрѣченъ былъ полиціей, но много не былъ арестованъ.

Недавно, какъ вамъ извѣстно изъ газетъ, здѣсь въ городскомъ паркѣ произошелъ взрывъ; на мѣстѣ найдены были челоуѣкъ, сильно изуродованный, съ оторванной рукой. Полиція хотѣла сначала придать дѣлу политическій характеръ. Поэтому первые дни въ газетахъ ничего не было, потомъ выяснилось, что взорвалась сигнальная ракета, которую пострадавшій, машинистъ парохода «В. К. Алексій», взялъ съ этого послѣдняго. Тѣмъ не менѣе у него и у его товарища (который былъ арестованъ) были произведены обыскъ и найдена литература, что послужило какъ бы подтвержденіемъ политическаго характера происшествія. Характерно вотъ что. Капитанъ парохода на допросѣ заявилъ: «Онъ увѣренъ, что ракету машинистъ взялъ исключительно изъ озорства. Въ томъ же, что у него найдена литература, ничего удивительнаго нѣтъ. Сдѣлайте обыскъ на всѣхъ пароходахъ, вездѣ найдете ее. Всѣ матросы читаютъ запрещенныя изданія».

Дѣло прекратили.

Севастополь. 3 ноября въ Севастополѣ разыгрался бунтъ солдатъ-матросовъ. Здѣсь скопилось до 3000 запасныхъ матросовъ и новобранцевъ. Настроenie запасныхъ было безпечное и потому адмиралъ Чухнинъ распорядился не пускать ихъ въ городъ (боялся буйства), и вотъ часа въ 4-5 утра начался въ казармахъ погромъ: разнесли варабезги офицерскіе флаги, затѣмъ казармы 28, 30 и 31 экипажей. Отъ 28 экипажа остались только стѣны, въ немъ же подожгли первый этажъ, а сами двинулись всей толпой въ городъ. Дорогу загородилъ Врестскій полкъ. Стрѣляли, но больше холостыми и въ воздухъ. Солдаты или очень неохотно. Тѣмъ не менѣе матросовъ загнали обратно въ казармы. Здѣсь стрѣльба продолжалась до 8 час. вечера. Были залпы и отдѣльные выстрѣлы. Стрѣляли и матросы. Учебная команда, стрѣляя по приказанію начальства, кричала: «не бойтесь, братцы, мы на воздухъ!..» Всего отдано было до 20 залповъ: двое раненыхъ, изъ которыхъ одинъ умеръ. Одинъ офицеръ тяжело раненъ камнемъ въ голову.

4-го ноября всѣ бунтовщики посажены были на суда, гдѣ съ ними легче справиться. Матросы держатся вызывающе. Когда имъ пригрозили, что посадятъ на суда, одинъ сказалъ: «на судахъ можно открыть кинстоны» (т. е. потопить ихъ). Другіе открыто говорятъ, что если имъ не уступятъ, или если будутъ строгія наказанія, то тогда они покажутъ «нимъ». Въ пѣхотѣ тоже неспокойно; матросы увѣряютъ, что Брестскій полкъ тоже на-дняхъ вбунтуется. Въ порту тоже очень неспокойно. У ялччиновъ недавно была стычка съ полиціей, дошедшая до выстрѣловъ. Босняки, грузинки и пр. жаждутъ только удобнаго момента. Но во всемъ этомъ 0,99 египтянина. Брошюрки и прокламаціи попадаютъ, но въ очень небольшомъ количествѣ... Нужны люди и литература!..

Изъ семей офицеровъ никого не тронули, но имущество все уничтожили. Всѣ переселились въ городъ и слышать не хотятъ о возвращеніи на казенныя квартиры.

Ялта. Какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, наше дѣло здѣсь страдаетъ отъ недостатка интеллигенціи и лежитъ главнымъ образомъ на плечахъ самихъ рабочихъ. Между прочимъ и здѣсь наблюдаются интересныя примѣры пропаганды «снизу вверхъ»: пропаганда рабочими с.-р. идей среди интеллигентной молодежи, устройствъ рабочими кружковъ изъ гимназистовъ и даже гимназистокъ... Приводимъ характерное «открытое письмо» рабочаго с.-р. къ окончившимъ курсъ въ гимназій и отправляющимся въ университетъ. —

Друзья! Помните, настаетъ время для васъ работать на великомъ поприщѣ народнаго блага; друзья! настаетъ для васъ время забывать скромныя политическія собранія. Друзья! помните, что мы дали слово честное другъ другу, для всемірнаго общественнаго блага, любить пролетарія всей душой. Друзья! прошу васъ можетъ быть въ послѣдній разъ — любите простой русскій народъ, какъ самихъ себя; передавайте ему свои знанія, открывайте ему неправду, гнетущаго насъ режима, вселяйте ему ненависть къ нашимъ деспотамъ, варварамъ народа и, при первой удобной встрѣчѣ съ сознательными рабочими, братски и первые протягивайте имъ свои трудовыя руки, подавая примѣръ истинной любви другъ къ другу. Если вы будете идти къ рабочему съ братскою любовью, съ истинной простотою, то онъ сразу пойметъ васъ, пойметъ, что вы его истинные друзья и тогда онъ будетъ готовъ за васъ и за святое дѣло самоотверженно умереть каждую минуту; а если каждый рабочій нашего братскаго союза будетъ готовъ такъ умереть, то наши деспоты и варвары народа порабожденнаго поймутъ, что настала часъ имъ разлагаться; тогда вдохновеннымъ величїемъ момента и предстоящаго намъ дѣла, мы крикнемъ зовъ другъ

другу: Къ оружію! Настала часъ расправы съ веработанными народомъ... съ крикомъ: бей народныхъ тирановъ, бей деспота Россіи, да здравствуетъ истинная политическая свобода и равенство! Друзья! если вамъ придется быть участниками демонстрацій, то подавайте своимъ друзьямъ примѣръ мужества и самоотверженности; громите пламенными рѣчами проклятый режимъ и его охранителей. Итакъ, отстаивайте грудою другъ друга, не давайте въ обиду другъ друга, при арестахъ выручайте своей отвагой друзей, подавая имъ живой примѣръ самоотверженности, безкорыстной любви. Друзья мои, вотъ и всѣ мои пожеланія, которыя я передаю вамъ отъ всей души; теперь, друзья мои, позвольте мнѣ спросить васъ — общаете ли вы мнѣ исполнить все это?

Вашъ другъ Рабочій.

Петербургъ. Кю дню похоронъ, (14 окт.) покойившаго самоубійствомъ въ «Крестѣ» студ. Малышева, громадная толпа собралась около тюрьмы, желая проводить его тѣло на кладбище. На громкіе возгласы пришедшихъ, градоначальникъ Фуломъ неспросивъ публики «на минуту» перестать шумѣть и прочелъ письмо самоубійцы, въ которомъ говорится, что въ его смерти виновата не тюрьма, а измѣнившія ему силы. Затѣмъ, когда публика стала требовать выноса тѣла, градоначальникъ отвѣтилъ, что по просьбѣ отца умершаго, Малышевъ былъ похороненъ почью, во дворѣ тюремной церкви.

Раздались, конечно, обычные возгласы: «Долой убійцу! Долой самодержавіе», послѣ чего толпа съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень, разошлась по домамъ. Въ этотъ же день по Питеру произошла масса арестовъ. Между учащимися процѣло извѣстіе, что въ воскресенье, 18 окт., въ 12 ч. дня, въ Казанскомъ Соборѣ, будетъ отслужена панихида по скончавшемся Малышевѣ. Но на другой день уже распространились прокламаціи о томъ, чтобы не ходили въ Соборъ, ибо полиція предупреждена.

Въ воскресенье къ 12 часамъ многотысячная толпа собралась въ Соборъ и около него. Лишь только вышелъ на службу старикъ-священникъ — разомъ раздались какой то страшный гулъ и крики «Долой убійцу» и т. д. Старикъ-священникъ моментально удалился и публика, тѣснимая полиціей, двинулась на площадь.

Въ одинъ мигъ толпа была окружена гарнизономъ жандармовъ и градоначальникъ снова держалъ рѣчь, въ которой высказалъ свое сожалѣніе о томъ, что его слова не приняты къ свѣденію, и опять повторилъ, что въ смерти Малышева никто не повиненъ. Затѣмъ онъ предложилъ толпѣ разойтись, причемъ челоуѣкъ 50 было окружено жандармами и отведены въ церковный дворъ Казанскаго Собора (угловой домъ Казанской ул. и Невскаго). Жандармы и полиція начали тѣснить и разогнать толпу, но Фуломъ крикнулъ: «Полиція, не мѣшать! Дать свободно расходиться!» А на требованіе толпы выпустить арестованныхъ, онъ жалостливымъ тономъ проговорилъ: «Господи! Я не могу! Увѣряю васъ, что всѣ они будутъ выпущены завтра же на свободу, за исключеніемъ тѣхъ, кого я найду вредными для общества. Они производили шумъ въ церкви, и такимъ образомъ виноваты и въ нарушеніи спокойствія и тишины, а также въ оскорбленіи и неуваженіи къ святынямъ. Но я даю вамъ слово, что невинные завтра уже будутъ выпущены на свободу!»

За симъ онъ удалился, и толпа разошлась. До поздней ночи, противъ воротъ церковнаго двора, останавливались прохожіе, но заключенныхъ не выводили. Пока еще никто не выпущенъ.

Петербургъ. Нѣсколько закулисныхъ свѣдѣній изъ бюрократическихъ сферъ, при всѣхъ ихъ мелочности, недурно освѣщаютъ одну сторону настоящаго историческаго момента.

Назначеніе Святопола-Мирскаго не было результатомъ стремленія къ какой нибудь новой системѣ: искали лишь новаго челоуѣка, новой личности, отъ которой можно ожидать нѣсколько иного курса. Назначеніе было сдѣлано по соглашенію между вдовствующей императрицей и Витте, вопреки желаніямъ Сергѣя «Ходынскаго» и Шереметева.

Самъ Святополкъ не знаетъ хорошенько, въ чемъ долженъ состоять его «новый курсъ» и престо взялся лишь «испробовать». Теперь его отъ утра до вечера осаждаютъ всевозможные люди просьбами, планами и предложеніями. Такъ, на примѣръ, недавно одинъ адвокатъ, уѣхавшій за границу отъ безмысленныхъ преслѣдованій Плеве, спросилъ у Святопола письмо, можетъ ли онъ безопасно пріѣхать для личнаго свиданія съ министромъ и затѣмъ безпрепятственно вновь оставить Россію? Получивъ положительный отвѣтъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ аудіенціи съ Мирскимъ старался убѣдить послѣдняго, что необходимо отворить двери Шлиссельбурга. Министръ отвѣтилъ: «Я ужъ вы-

пустилъ Лопатина». «Нѣтъ, это невѣрно», замѣтилъ его собесѣдникъ, «Лопатинъ не выпущенъ». Святополкъ справился въ записной книжкѣ и согласился, что собесѣдникъ правъ, — что не Лопатинъ, а другіе выпущены. Затѣмъ на дальнѣйшее ходатайство объ остающихся еще заключенныхъ, онъ отвѣтилъ: «нужно подождать, теперь нельзя». «Ну, такъ сдѣлайте для нихъ хотя какое нибудь облегченіе въ режимѣ», замѣтилъ проситель, «дозвольте получать и читать газеты». Святополкъ снова вынулъ записную книжку, что-то въ ней записалъ и сказалъ: «хорошо, я сдѣлаю, что можно».

Общее впечатлѣніе отъ возвращенія изъ ссылки лицъ, разгромленныхъ Плеве, получается такое, что возвращаются только людей видныхъ, извѣстныхъ, или шумящихъ, а объ общей амнистии и рѣчи нѣтъ.

Въ цензурная дѣла Святополкъ, повидимому, дѣятельно не вмѣшивается; чувствуется нѣкоторое облегченіе свиноводной цензурной десницы, но оно касается далеко не всѣхъ изданій. «Русское Богатство», напримѣръ, остается подъ прежнимъ суровымъ режимомъ.

Витте упорно уклоняется отъ всякихъ отвѣтственныхъ постовъ и положеній и готовится къ болѣе интересному моменту. Свѣдущіе люди говорятъ, что помѣщики осаждаютъ его жалобами на невозможность жить въ деревнѣ, откуда крестьяне выкуриваютъ ихъ «своими средствами». Говорятъ также, что въ солидно-либеральныхъ сферахъ идетъ организационная работа. Увѣряютъ, будто Шиповъ, умудренный горькимъ опытомъ, сталъ настоящимъ конституціоналистомъ. Поживемъ — увидимъ.

Замѣчаемая колебанія Мирскаго «въ новомъ курорѣ» объясняются людьми, стоящими близко къ двору, непрочною положеніемъ новаго министра и личнымъ поведеніемъ Николая Послѣдняго, который, отъ времени до времени и совершенно неожиданно для власти имущихъ, вдругъ начинаетъ упираться. Оказывается, что онъ теперь никому не вѣритъ и никого къ себѣ близко не подпускаетъ, рассматривая въ то же время всѣ теперешнія несчастья и новшества, какъ временныя испытанія, непослѣдствія на него свыше за грѣхи предковъ. Слово «конституція» приводитъ его въ самое дурное расположеніе духа. Словомъ, все болѣе и болѣе выясняется, что князя Святополка пускаютъ гулять на очень короткой веревчкѣ... пока еще пускаютъ.

С-Петербургъ. Сообщаю вамъ мелкіе, но не лишеныя характеристичности факты.

Электрическимъ оборудованіемъ отправляющейся на Дальній Востокъ второй тихоокеанской эскадры заведывалъ инженеръ-электрикъ Вышковскій, представитель отъ фирмы «Union». Въ серединѣ іюля онъ вдругъ исчезаетъ. Ищетъ его адмиралтейство, ищетъ его фирма, ищутъ его родственники... Какъ въ воду канулъ. Черезъ недѣлю только выяснилось, что онъ попалъ въ облаву, устроенную Плеве незадолго до смерти (говорятъ, все искалъ динамитъ), и былъ 11 іюля арестованъ на улицѣ... Пришлось искать другого специалиста, которого нашли только заграничій. На это ушло двѣ недѣли.

Между тѣмъ подоспѣла другая задержка. Въ машинный втулки злополучнаго «Орла» (который уже тонулъ разъ) оказались насыпанными песокъ или желѣзныя опилки. На ремонтъ ушло еще двѣ недѣли.

Одинъ инженеръ подалъ записку, въ которой (въ серьезъ) предложилъ, чтобы не броненосцы тащили транспорты на буксирѣ, а наоборотъ, сами тагнулись транспортомъ. Хороша была-бы эта боевая эскадра, влекомая къ мѣсту своей гибели «утольщиками».

Пока же судовые комиссары (завѣдующіе хозяйствомъ) спѣшно набиваютъ свои карманы. Одинъ мой знакомый видалъ на вокзалѣ такую сценку.

Въ буфетѣ безобразничаетъ еле стоящій на ногахъ военный. Бросаетъ булечку 50 руб. и не желаетъ взять сдачу, которую ему, наконецъ, вручаютъ насильно. Мой знакомый заинтересовался, подошелъ къ этому субъекту и заговорилъ. Оказалось, что это комиссаръ одного изъ броненосцевъ. Спьяну разоткровенничался.

— Да, хорошія времена... Женѣ 60 тысячъ оставилъ, ну и съ собой, конечно, возмю... А вы что? На желѣзной дорогѣ служите? Крадете?... Дураче!... Вотъ у насъ какъ...

Вытаскиваетъ изъ кармана пачку пустыхъ бланковъ для счетовъ, снабженныхъ однако надписью, что «заказъ выполненъ» и скрѣпленныхъ подписью адмирала.

— Вотъ!... что захочу, то и впишу...

Каждый наживается, конечно, по своему.

Въ Лужскомъ уездѣ С. Петербургской губерніи числилось 900 человекъ запасныхъ артиллеристовъ. По послѣдней же мобилизаціи было назначено къ призыву 250. Военскій начальникъ прямо открылъ лавочку. Мнѣ известна одна деревня, гдѣ изъ 6 человекъ взяли троихъ. Оставшіеся трое нисколько не скрываютъ, что они заплатили: одинъ—40 руб., другой 50, третій (опоздалъ) — 150 руб.

Нѣкоторые наживаются даже свыше своего желанія.

Нѣкто Протопоповъ, имѣющій суконную фабрику въ Самарской губерніи, предложилъ интендантству, что онъ доставитъ 1 миллионъ аршинъ солдатскаго сукна по 1 руб. 24 коп. за аршинъ. Недавно онъ получаетъ отъ интендантства предложеніе принять поставку 400.000 аршинъ по 1 руб. 29 коп. Что касается вашего предложенія отъ такого то числа, — говорится въ той же бумагѣ, — то оно, «въ виду невыясненности цѣнъ» приобщено къ дѣлу.

Кіевъ. Военное министерство по части секретныхъ циркуляровъ не уступитъ теперь министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ нашемъ округѣ также принялись строже «наблюдать за нижними чинами». Еще въ августѣ мѣсяцѣ, въ бытность солдатъ въ лагеряхъ, вышло приказаніе отпускать нижнихъ чиновъ въ городъ только партиями, подъ командой унтеръ-офицера. Дѣлалось это, главнымъ образомъ, съ цѣлью наиболѣе затруднить и, если возможно, вовсе не допускать сношенія «военныхъ» съ гражданскимъ элементомъ. Теперь же командирамъ полковъ приказано «принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы нижніе чины не читали книгъ свободнаго содержанія». Въ виду этого предписано «разъяснить нижнимъ чинамъ, что покупка книгъ какъ въ городѣ, такъ и у разносчиковъ воспрещена, кромѣ Евангелій и книгъ духовно нравственнаго содержанія; если же таковыя (т. е. «свободныя», конечно) обнаружатся, уничтожать и налагать взысканіе за нарушеніе такого приказанія». Даже пѣсенники запрещено имѣть, ибо ихъ можно достать въ ротной библіотекѣ, которая «вполнѣ удовлетворяетъ» познаніямъ солдатъ. При этомъ предлагается разъяснить нижнимъ чинамъ, что это дѣлается для ихъ же пользы, такъ какъ за послѣднее время замѣтно стало, что у нижнихъ чиновъ не хватаетъ необходимыхъ вещей (ваксы, цетокъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе деньги тратятся на книги, которыя совсѣмъ имъ не нужны.

Однако, чтобы это приказаніе не являлось лишь пустымъ звукомъ, велѣно также возможно чаще осматривать солдатскія вещи и сундуки, извлекая оттуда все контробандное.

Не смотря на всѣ припимаемыя мѣры, въ каждой ротѣ есть читающіе литературу солдаты, а въ нѣкоторыхъ полкахъ существуютъ даже цѣлыя кружки.

Тамбовъ. Занимаемъ изъ доставленнаго намъ частнаго письма мѣста, интересныя для характеристики современнаго настроенія. «... Васъ поражаетъ то количество недовольства, которое теперь здѣсь господствуетъ. Недовольны рѣшительно всѣ: начиная съ рабочихъ и крестьянъ и кончая мѣщанствомъ; причѣмъ это недовольство даже не стараются скрыть. О правительствѣ, о военныхъ порядкахъ — особенно послѣднихъ — говорятъ громко на улицахъ, въ вагонахъ. Около выѣзженныхъ на улицахъ телеграммъ можно услышать самыя неслестные отзывы о нашихъ войскахъ, вродѣ: «Куда ихъ претъ? Ужъ видать, что буютъ — заключили бы миръ, а то буютъ, буютъ и конца-края этому нѣтъ...» Илм: «Вѣдные солдатники! Имъ то хорошо тамъ наживаться, а солдатъ то — сколько побил!» Революционеры, бывшіе прежде секретомъ для большинства русской публики, теперь извѣстны всѣмъ, и въ каждомъ проявленіи народнаго недовольства видятъ ихъ смѣлую руку. Когда прошелъ слухъ, что самарскимъ полкомъ были убиты генералъ и 2 офицера по дорогѣ на Д. Востокъ, одинъ старикашка-сторожъ замѣтилъ: «Это, навѣрно, социалисты. Не кто, какъ они: они и министра убили, они и солдатъ подговорили генерала убить». Это, конечно, все мелочи, но, когда эти мелочи встрѣчаются на каждомъ шагѣ, то говорятъ многое. Масса начинаетъ пробуждаться и оформливать свое недовольство, — и тутъ чувствуется страшный недостатокъ въ людяхъ».

Съ Кавказа. «Армянская Революционная Федерация» уведомляетъ телеграммой заграничные социалистическіе органы о новомъ актѣ произвола русскаго правительства по отношенію къ Армянамъ.

Въ предѣлахъ русскаго Закавказья въ настоящее время находится около 80 тысячъ армянъ, переселившихся изъ Турціи вслѣдствіе курдскихъ и турецкихъ звѣрствъ. Это трудо-

любимое население успѣло ость въ Закавказь и превратитъ многие глухія и невоздѣланные углы въ пѣвущія нивы и сады. И вотъ русское правительство — въ закрѣпленіе союза русскаго султана съ турецкимъ императоромъ — предъявило всѣмъ этимъ армянамъ общій приказъ: или выселиться изъ предѣловъ Россіи, или же принять русское подданство, при чемъ имъ предстоитъ *переселеніе въ Вологодскую губернію*.... Для несчастныхъ жертвъ турецко-русскихъ преслѣдованій это означаетъ болѣе, чѣмъ разореніе: ихъ семьи, съ женщинами, дѣтьми и стариками, выросшими въ тепломъ климатѣ Кавказа, осуждены на болѣзни и усиленную смертность въ непривычной для нихъ, холодной и негостеприимной природѣ сѣвера Россіи... Можно думать, что эти жертвы — «цѣна крови», которая будетъ заплачена Турціи за пропускъ черезъ Дарданеллы, подъ видомъ купеческихъ кораблей, судовъ добровольнаго флота, наполненныхъ военными припасами и оружіемъ и превращающихся по ту сторону Дарданеллъ въ военные крейсера. Но, не правда ли, какъ гармонируютъ эти жестокія замаскированные убійства армянъ съ рѣчами о «добротѣ» Святополка-Мирскаго, въ министерство котораго принята эта неслыханная мѣра, которая сдѣлала бы честь даже садическимъ фантазіямъ покойнаго Пасея?

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ГОРОДАХЪ И ДЕРЕВНЯХЪ.

Изъ впечатлѣній пропагандиста (Изъ Саратовской губ.) О настроеніи народа отчасти по собственнымъ наблюденіямъ, а, главнымъ образомъ, изъ разсказовъ исполнѣ или отчасти сознательныхъ крестьянъ, могу сообщить вотъ что: господствуетъ всеобщая увѣренность, что дальше такъ идти не можеть и должны наступить коренныя перемены въ положеніи народа. Эта увѣренность въ неизбежной близости «чернаго передѣла» всеобщая и замѣчательно твердая. Земля отойдетъ отъ помѣщиковъ и кулаковъ и перейдетъ къ труженикамъ-крестьянамъ въ поравнительное пользованіе. Ожиданіе напряженное, страстное. Все меньше и меньше становится часть крестьянъ, которая связываетъ это съ царскимъ манифестомъ. Народъ сочувственно относится къ мыслямъ о томъ, чтобы отобрать землю самому, собственными силами. Способъ, рекомендуемый социалистами, по словамъ крестьянъ, работавшихъ среди своихъ собратьевъ, рѣдко вызываетъ возраженіе по существу. На социалистовъ или «студентовъ» сильно надѣются и очень многіе, что открывается изъ интимныхъ разговоровъ крестьянъ-пропагандистовъ съ собратьями. Озлобленія накопилось страшно много, и оно прорывается въ массѣ мелкихъ случаевъ, направляющихся на полицію, помѣщиковъ и поповъ. О всѣхъ этихъ господахъ отзываются не иначе, какъ съ презрѣніемъ и жадуютъ мести. О «студентахъ и студенческихъ книжкахъ и листкахъ» знаютъ поголовно всѣ «въ этой округѣ» и мужики и бабы, и старые и малые и отзываются о нихъ не иначе, какъ съ благодарностью. Услышать ругательства по ихъ адресу — рѣдкость. Если случается кому нибудь высказать порицаніе этимъ книгамъ публично, на него набрасываются и доказываютъ, что ругать студентовъ не за что, что они за насъ гибнутъ, о насъ заботятся. «Дай, господи, имъ здоровья!» Книжки и листки поглощаются съ немовѣрной жадностью, — только на одно жалуются — мало; только, говорятъ, дразнить, а какъ слѣдуетъ то начаться и не даютъ. Только все еще хоронятся другъ отъ дружки, не довѣряютъ своимъ думъ и симпатій. «Ни разу — говорятъ мнѣ сознательные крестьяне — не случались намъ, чтобы кто противился, только не довѣряютъ сперва, а какъ разговоришься по душамъ съ мужиками —мотришь и онъ либо читалъ, либо слышалъ и одобряетъ, что въ нихъ написано. Про содержаніе книжекъ, особенно касающихся земли всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: «Что правда, то правда, вотъ это по божьему, такъ и надо слѣлать». Характерно, что мы съ нашей социализаціей земли угодили въ самую точку, крестьяне безъ всякаго труда усваиваютъ себѣ эту идею. Вѣдь, въ сущности, она не такъ далека отъ ихъ завѣтной мечты «чернаго передѣла». Въ данномъ случаѣ весь трудъ пропагандиста состоитъ въ томъ, чтобы доказать: если раздѣлитъ всю землю поровну, какъ представляется крестьянамъ черныи передѣлъ, то толку никакого не выйдетъ и облегченіе будетъ только временное и что поэтому, чтобы вышелъ толкъ, нужно пользоваться землею сообща, общинами, а въ частномъ владѣніи никому (ни крестьянину, ни дворянину) не

держатъ; когда съ теченіемъ времени участки станутъ мелки и пользоваться землею поравнительно будетъ нельзя, то землю и обрабатывать нужно всѣмъ миромъ. Крестьяне (правда, затронутые пропагандой), слушая эти доказательства, не находятъ въ нихъ, кажется, для себя ничего особенно новаго и видятъ въ нихъ только уясненіе того, «какъ произвести черныи передѣлъ, чтобы онъ пошелъ въ прокъ». Относительно соц.-дем. «отрѣзковъ» говорятъ, что это канитель одна — не изъ чего и рукъ марать. «Нѣтъ, намъ волю бы только взять, такъ мы ужъ купцамъ да господамъ ни клочка не оставимъ, будетъ!» А относительно пролетаризаціи крестьянъ и того, что крестьяне сейчасъ социальнаго ученія понять не могутъ, они говорятъ: «Какъ же мы то понимаемъ? т. е. все до чиста въ вашихъ книжкахъ понимаемъ». Одинъ развитой крестьянинъ такъ отозвался о книгѣ Ленина: «Есть кое что и дѣло пишутъ, а все таки отрѣзки намъ не идутъ, да еще и постепенно ужъ больно хотятъ произвести то». Подъ «студентами» разумѣютъ социалистовъ-революціонеровъ, такъ какъ соц.-демократическую литературу тамъ не выдали и самое названіе для нихъ ново, хотя въ общемъ не прививается благодаря своей длиннотѣ и мудрености. Изъ книжекъ особеннымъ успѣхомъ пользовалась «Сказка о несправедливомъ царѣ». Многимъ она глаза открыла. Побольше бы такихъ талантливыхъ книжекъ. «Главное — отзываются о ней крестьяне — просто, занято и понятно». Про нее говорятъ: она у насъ не прошла, а пролетѣла... верстъ за 80 ушла — просто изъ рукъ рвутъ. Очень нужна книга «Бесѣды о землѣ», затѣмъ «За вѣру, царя и отечество», «Хитрая механика», а также просятъ сильно Русскую исторію. Спрашивали не вышла ли 3-я часть. Лучше всего читаются книги въ формѣ разсказа или сказки — самое простое, понятное изложеніе, доступное для всей массы крестьянъ. Какъ общій недостатокъ листковъ слѣдуетъ указать на то, что они недостаточно улавливаютъ настроеніе массы въ данный моментъ, недостаточно просто написаны и часто не выясняютъ самой основы ученія и нѣрѣдко не указываютъ, что же дѣлать народу, а оттого и не производятъ того дѣйствія, какое должны. Уловить психологию даннаго момента да еще въ данномъ районѣ можно только тогда, когда побудешь въ средѣ самого народа. Хорошо бы печатать прокламаціи поближе и букучи хорошо освѣдомленнымъ въ положеніи дѣла на мѣстѣ. При этомъ условіи онѣ не запаздывали бы такъ, какъ теперь, часто появляются онѣ ужъ тогда, когда горячій моментъ прошелъ и это тогда, когда есть и пропагандисты и можно бы доставить литературу. Лучшую прокламацію, мнѣ кажется, можетъ написать самъ крестьянинъ, конечно, болѣе или менѣе развитой, какихъ теперь не такъ ужъ мало.

Пришлось мнѣ говорить съ почти сознательными крестьянами по поводу дѣла 15-го іюля и о Боевой Организациі. Исполнѣ одобряютъ тактику П. С.-Р. и боевой дружины, и о ея дѣйствіяхъ отзываются съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Террористическіе акты необходимы, говорятъ, потому что иначе нѣтъ средствъ смѣстить грабителей и изверговъ-министровъ. «Вотъ теперь поди сунься на мѣсто Плевако, ность и наколешь. Теперь всякій поопасается, зная, что есть кому и судить и казнить». Задачу настоящаго момента понимаютъ совершенно правильно: земля и воля. Относительно будущаго строя говорятъ, что всѣхъ нужно на отчетъ посадить, какъ волостного, не исключая и самаго главнаго — президента. «Намъ только бы медвѣдей то повыгнать изъ берлоги, а ужъ тамъ мы справились бы, какъ нельзя лучше». О томъ, что «студенты» для себя стараются — нѣтъ и рѣчи. Идеалъ «студента», насколько мнѣ удалось наблюдать, рисуется въ видѣ святого-подвижника безстрашно стоящаго за правду. Критика цензуры очень здравая: если студенты неправду пишутъ, докажи, что не правду, а если правду, то стало быть начальство боится правды. А если боится, — то значитъ дѣло его нечисто, его нужно вывести на свѣжую воду. И далѣе: зачѣмъ студентовъ хватаютъ, они за народъ, добра ему хотятъ, стало быть начальство боится ихъ и не хочетъ народу добра. «Что — спросилъ я одного изъ довольно сознательныхъ крестьянъ — если я, студентъ, пойду въ незнакомую деревню и стану тамъ говорить или читать книжку, какъ меня примутъ?» «Еще какъ примутъ то: вѣдь, вы знаете у всѣхъ у насъ, у народа, въ душѣ одно: только скрываются все, боятся, а пораскопай: всѣ ждуть не дождутся, когда это будетъ. Вотъ какъ слушать будутъ — въ церковь не пойдутъ. Теперь всѣ за одно — настрадались. И какъ, значитъ, поднимется гдѣ народъ, ту и крышка: нинте за господъ!

за полицию не станет. А чтобы выдать полицию, так этого в нашей округе почти что невозможно ожидать. Может быть многие не покажут из трусости, что за вас, а в душе то оно так».

Многие читавшие книжки и сильно сочувствующие «студентам» с нетерпением говорят: «Эх, пора бы уже трахать, смотри, как народ возбужден... и чего это студенты-то жутят?» От «студентов» ждут инициативы восстания. Коль они признают, чего же первые не покажут пример. При этом мы вспомнили наши раздоры с социалом. Не провозвращаем ли мы, из-за фракционной борьбы возможность овладеть стихийно вытекающим из условий жизни революционным взрывом и не будем ли виноваты в той лишней массе кровопролития, которое явится результатом этой стихийности? Как воспользуемся этой враждой враги народа и какую услугу окажут с.-д. буржуазии, доставив ей большую долю влияния в революционный период и в новом обществе?

Теперь еще остается сказать о войне. Сначала относились к войне, как к неизбежному бедствию, которое нужно нести безропотно. Но чем дальше шло время, тем больше и больше росло сознание бессмысленности и бесполезности этой войны. Весной сильно повалили разбросанные листки: «Кому нужна война». Теперь общее недовольство войной и полнейшая уверенность, что крестьянам воевать не из чего и не за чем, что война нужна богачам и начальству. Листки о войне жадно читаются. Мобилизация (8 авг.) еще сильнее подбуживала, только и слышится, что дѣла, дескать, наши никуда не годятся: ложись, да помирай. Царя и начальство с войной пудят на чем свет стоит. Жаль, упустили удобный случай в данном районе — мобилизацию — не было под руками листков на эту тему. Все убеждены, что кроме горя и новых тягот войны ничего не несет. Одним словом здѣшний район (а он не мал) производит впечатление революционизированного и заставляет думать, что близок день расплаты.

Все выше написанное почерпнуто из большого опыта сознательных крестьян-пропагандистов, наблюдавших окружающее, прекрасно осведомленных и имеющих возможность проникать вполне в среду крестьян.

Вашаковский уезд. В с. Аркадак, в одно воскресенье, когда было нанявшихся на сельско-хозяйственные работы около 3 тысяч рабочих, вышло серьезное столкновение между послѣдними и полицией. Поводом к этому послужило вмешательство полиции в наемку. Дѣло в том, что рабочие согласились между собою не соглашаться идти на работу ниже известной платы. По общему свидетельству держались они уговора замѣчательно дружно. Приказчик и землевладелец странно негодовали, возмущались и усердно угрозовали рабочим обидеть цѣны. Но рабочие не поддавались. Видя это, приказчик киян Вяземского договорился, наконец, с одной партией рабочих по назначенной послѣдними платѣ. Это не понравилось остальным нанимателям и они обратились с жалобой к приставу. Послѣдний с обычной услужливостью предъ богатыми людьми, набросился на названного приказчика, «Ах ты пьяная рожа... ты тут мутить народ... вводишь в соблазн» и т. д. Для вразумления пристава арестовал приказчика и договаривавшихся крестьян. Этот факт быстро облетѣл всю наемку и вызвал общее негодование рабочих. «Какое дѣло полиция вмешиваться в наши дѣла с нанимателями? Это дѣло полюбовное: хотим — наймемся, не хотим — не наймемся!... Пусть она слѣдит за порядком, а по какой цѣнѣ мы нанямаемся — ей нѣтъ никакого дѣла!»... Вот общій голос наемни. Тем не менѣе до схватки дѣло не дошло. Но через нѣкоторое время, в чайной один из стражников как то ушиб мальчика. Послѣдній закричал... Этого было достаточно, чтобы все взволновалось. «Наших бьют!» раздалось в окно и двери чайной крикъ крестьян. Крикъ облетѣл всю наемку. Набросились на стражника. К послѣднему на выручку явились урядники, становой — их также стали бить. Раздались воюду свистки полицейских, на зов коих явились казаки (около 40 чел.). Они стали хлестать направо и налево нагайками, топтать лошадыми. Крестьяне били, чем попало: камнями, кирпичами, оглоблями и т. п. У одного старика было куплено много кручевок для кося и крестьяне обратились к нему с разрешением воспользоваться ими. «Верите, берите, братья... жертвую, народ православный, на общую пользу!» Кре-

стьяне дѣйствовали настолько дружно, что разогнали казаков по дворам и огородам (попратались, кто гдѣ мог). Побѣда надъ врагами была полная, так что полиция не могла даже кого либо арестовать. Аресты производили уже черезъ два — три какъ въ Аркадакѣ, такъ и по окрестнымъ селеніямъ. Брали того, на кого указывалъ какой нибудь «крючокъ». Всего арестовано 45 человекъ.

Москва, 25 сентября. Уже издавна Москва славилась своей отсталостью в исторіи революціоннаго движенія. Если вообще условія революціонной работы в большихъ городахъ обставлены громадными трудностями, то въ Москвѣ ея специфическія особенности давали себя знать особенно сильно. Нигдѣ такимъ пышнымъ цвѣтомъ не расцвѣтала провокація и нигдѣ зубатовская школа не дѣйствовала такъ успѣшно, какъ именно въ Москвѣ. Провалы слѣдовали одинъ за другимъ, и организаціи отцвѣтали, не успѣвъ расцвѣсти. Поэтому въ революціонной борьбѣ совсѣмъ не устанавливались традиціи, связи прерывались, и новымъ рабочимъ, заступавшимъ мѣсто выбывшихъ изъ строя, приходилось зачастую начинать работу съ начала. Съ другой стороны, революціонный матеріалъ, необходимый для организаціи, имѣлся всегда въ достаточномъ количествѣ — поэтому чисто организаціонная работа всегда была для Москвы злобой дня и самой насущной, требующей обязательнаго рѣшенія, задачей. Закрѣпить организаціонныя связи и отношенія, пустить прочныя корни въ рабочую массу — вотъ что было девизомъ партійной работы въ Москвѣ.

Относительно богатая духовная жизнь столицы, прогрессивная окраска московскаго студенчества и, что самое главное, достаточная политическая и классовая сознательность рабочихъ массъ — давали достаточно гарантіи для успѣшной работы. И здѣсь необходимо слѣдуетъ правильную оцѣнку значенія зубатовскихъ рабочихъ организацій, которыя въ свое время играли такую большую роль въ жизни московскихъ рабочихъ. Что Зубатовъ принесъ извѣстную пользу революціонному рабочему движенію — это несомнѣнно. Зубатовская эпопея расширила умственные горизонты рабочихъ, выдвинула на разрѣшеніе много общихъ вопросовъ, не укладывавшихся въ рамки будничной оѣры жизни рабочаго, съ наглядностью доказала московскимъ рабочимъ необходимость профессиональнаго движенія и преимущества организованности передъ неорганизованностью. Политическія условія русской жизни помогли уже рабочему разобратся и въ болѣе сложныхъ вопросахъ объ отношеніяхъ между экономикой и политикой и толкнули мысль рабочаго дальше: не нужно быть гениемъ, чтобы отъ необходимости профессиональной борьбы перейти къ необходимости борьбы политической, разъ чисто профессиональное движеніе совершается въ невозможной атмосферѣ полицейскаго произвола и насилія. То треніе, которое было необходимо при этомъ и тѣ волшебныя перемѣны, которыя происходили въ зубатовской политикѣ каждый разъ, когда рабочее движеніе вступало въ конфликты съ властью предрекающей, помогли рабочимъ разобратся въ характерѣ зубатовскихъ организацій и вѣрно оцѣнить ихъ тенденцію. И рабочие прекрасно поняли подпольныя мысли Зубатова. Среди московскихъ организованныхъ политическіи рабочихъ немало теперь можно встрѣтить рабочихъ, прошедшихъ черезъ зубатовскія организаціи. Эти послѣднія влечать въ настоящее время жалкое существованіе, число ихъ членовъ упало до незначительнаго — сравнительно съ временами расцвѣта — количества, и только неопытные рабочие ходятъ еще въ эти оргнализационныя западни, гдѣ Слѣповы, Афанасьевы и Красивскіе разставляютъ свои сѣти. Самъ Зубатовъ уподобился тому магу, который не могъ справиться съ вызваннымъ имъ духомъ, и съ почетнаго мѣста чуть ли не оберъ-шпіона всей Россійской имперіи опустился до положенія высланнаго и надзираемаго: административнымъ порядкомъ онъ былъ высланъ подъ надзоръ во Владиміръ, гдѣ въ настоящее время и обрѣтается.

Начало болѣе правильной работѣ и организаціи московскихъ рабочихъ было положено еще весной текущаго года. До того работа хотя и велась — временами даже очень успѣшно, — но имѣла скорѣе кустарный характеръ, и отсутствіе прочной и центральной организаціи сказывалось на каждомъ шагѣ въ повседневной революціонной жизни и при каждомъ частичномъ провалѣ. Связей было завязано много, но концентрировались онѣ скорѣе благодаря тѣмъ необходимымъ сношеніямъ, въ которыя вступали другъ съ другомъ лица, ведшія среди рабочихъ пропаганду, чѣмъ благодаря организаціи. Толь-

ко весной удалось поставить более правильно работу, когда и был основан Московский Рабочий Союз Партии Социалистов-Революционеров. По своей идее это есть чисто рабочая организация, примыкающая к Московскому Комитету и берущая на себя задачи организационные, агитационные и пропагандистские. Согласно выработанному уставу Союзом управляет Совет Представителей, избранных рабочими из своей среды от разных цехов, производств, фабрик и заводов. При Союзе имеется касса, предназначенная на боевые цели движения и образованная из членских взносов в размере 3% месячного заработка каждого рабочего, и две библиотеки — легальная и нелегальная.

Основанный весной, закрывший и расширивший свою организационную жизнь за лето, Союз осенью текущего года начал функционировать более правильно. Самая идея Союза встретила со стороны рабочих горячее сочувствие и содействие, а выпущенная в последнее время от имени Московского Рабочего Союза П. С. Р. прокламация известила об основании Рабочего Союза и его задачах широкие массы рабочего населения. И самая постановка дела, и то сочувствие, которое Союз встречает со стороны рабочих, служат достаточной гарантией того, что Союз отвечает действительным потребностям московских рабочих и имеет шансы на развитие в будущем.

Нам доставлен следующий «Устав» Московского Рабочего Союза Партии Социалистов-Революционеров:

1. Исходя из того положения, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, Московский Рабочий Союз Партии Социалистов-Революционеров ставит своей целью объединение московских рабочих для борьбы за политическое и экономическое освобождение трудовой России.

2. Московский Рабочий Союз примыкает к Партии Социалистов-Революционеров и руководится в борьбе программой и тактикой Партии.

3. Всеми делами Союза управляет Совет Представителей, выбранных самими рабочими от отдельных рабочих цехов, фабрик, заводов и пр.

4. При Рабочем Союзе существует касса: она составляется из обязательных взносов всех членов Союза в размере трех процентов месячного заработка каждого из них. Средства кассы могут быть употреблены на помощь только тем товарищам, которые пострадали в борьбе с правительством и хозяевами, т. е. были уволены с фабрик полицией или фабричной администрацией за стачки, демонстрации, раздачу прокламаций и пр., а также в случае арестов и высылки.

5. Союз имеет две библиотеки — легальную и нелегальную.

6. В члены Союза могут быть приняты только те сознательные рабочие, которые согласны с программой и тактикой Партии и на следующих условиях: каждый новый член должен быть рекомендован не менее, как тремя членами Союза, принять по единогласному решению Совета Представителей и может быть членом Союза при условии аккуратной уплаты взносов в кассу Союза.

ОТЧЕТ Кассы МОСКОВСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА П. С. Р.
(За сентябрь 1904 г.)

Взносы (в рубль): фабрика № 1, члены — № 1 — 0.50; № 2 — 0.50; № 3 — 0.75; № 4 — 0.60; № 5 — 0.51; № 6 — 0.57; № 7 0.45; № 8 — 0.27. Пожертвования № 4 — 0.06, № 5 — 0.01, Московский Комитет П. С. Р. — 20.00, сочувствующий — 5.00. Итого: 29.21.

Петербург. Рабочие Обуховского завода хотели ответить демонстрацией на те «милости» правительства, которые были дарованы народу по случаю рождения наследника, и который должны были объявить в день его крещения. Об этом узнала полиция, накануне дня крещения были прекращены работы на Обуховском заводе, тогда как на остальных он продолжался. В ночь же нагрянула полиция и, учинив обыск, арестовала 30 человек рабочих, из них несколько агитаторов. Взяты были заготовленные раньше листки и револьверы и два гектографа.

Вообще, настроение теперь на Обуховском заводе повышенное. Дело в том, что среди рабочих много запасных, которые не хотят идти добровольно на войну, и ищут бо́льшую кутерьму, так как власти терпят, не зная, что предпринять относительно этих непокорных.

Рабочий.

Елизаветградский уезд. За последнее время в нашем уезде замечается среди крестьян сильное брожение. Так, в 6-ти деревнях, известных нам близко, с населением в 3-4 тысячи человек, почти в каждой семье встретились затронутые движением; молодежь почти вся принимает участие, много стариков относится сочувственно. Имеется много литературы. Она читается всеми открыто, с увлечением. Крестьяне сами развозят литературу на 60-70

верст в окрестности. Устраиваются сходки в 15-20 чел., была даже сходка в 40 человек. Рѣшили устроить кассу, для помощи арестованным и их семьям и для приобретения нелегальной литературы, и библиотеку легальных книг. Для обсуждения дела собирались в стени крестьяне из разных деревень и рѣшили выбрать заведующего библиотекой, кассира и представителей из трех разных мест для заведывания общими делами, при чем был поднят вопрос о том, должны ли их выбрать сами крестьяне или, в видах конспирации, они должны быть назначены одним лицом, работавшим в то время среди крестьян.

Агитация ведется главным образом по поводу войны, и отношение к войне крайне отрицательное. Особенно сильно было возбуждение во время мобилизации. Открыто собирались на улицах и выражали свой протест. Говорили, что не пойдут на войну, что лучше быть разстрелянным на родине, чем убитым на чужбине. Раздавались громкие крики: «долой царя! долой кровопийцу! Нам нужна мир и свобода!» Крики эти поддерживались громким «ура» всей толпы, со старостой во главе. Но, несмотря на такое настроение, сопротивления не оказали. По отношению к помещикам господствует страшное озлобление; очень часты случаи поджогов. Крестьяне отличаются большой конспиративностью: несмотря на то, что постоянно наезжают жандармы и полиция, они не могут напасть на след. До сих пор работа велась без участия интеллигентов. Пропандой занимался один рабочий, и лишь последнее время они начинают принимать участие, когда крестьяне сами стали требовать их для решения накопившихся вопросов.

Двинск. С прошлой зимы начала у нас появляться литература Партии С.-Р., и рабочие всех направлений могли познакомиться так образом с программой и тактикой Партии. Действовавшие до того времени в рабочей среде пропагандисты не удовлетворяли многих запросов, не давали определенных, жизненных ответов на возникавшие у нас вопросы программы и тактики. Репрессии, усиливавшиеся постоянно, избия по участкам арестованных, все это вызвало на отпор, но интеллигенция, к которой мы обращались за советом и помощью, решительно отказывала нам в этом. Но вот попали к нам издания социалистов-революционеров, и многое, на что безуспешно искали ответа, стало сразу ясно и понятно. От представителей Бунда мы слышали, что эта партия «только террористическая». Теперь, познакомившись с ней, мы увидели, что это неправда, а из брошюры «Ко всему крестьянству», «Ко всем работникам революционного социализма», из № 2 «Рабочего Листка», изд. Бѣлостокской Организации с.-р. — мы узнали, что с.-р. обращаются со своей пропагандой не только к пролетариату, но и к его родному брату — крестьянину. Тут мы уже смогли сознательно выбрать себе направление. Единомышленники соединились и начали работать в духе партии с.-р. Сначала у нас мало было литературы и не было связей с другими организациями, нам приходилось работать в очень узком кругу и это связывало нам руки. Через некоторое время нам удалось завязать связи с соседней организацией, а затем мы узнали, что образовалась Сѣв.-Зап. Областная Организация, и вступили в нее. Это дало нам нужную для расширения работы средства. Нам были распространены: перво-майская прокламация, изд. Витебской группы — 300 экз., «Ко всем», изд. Областного Ком. — 500, «Ко всем гражданам», изд. Минского Ком. — 300, «15 июля», изд. Областного К. — 600, «К товарищам», по поводу убийства Плеве, изд. Бѣлосток. Орг. — 400, №№ 1, 2 и 3 Бѣлостокского Рабочего Листка, «Государственный строй в России» — 100. Даются для чтения все издания Партии. Спрос на литературу очень большой.

Рабочий.

Баку. (О наших делах). Положение Иеринга — «право есть защищенный интерес» — как нельзя лучше можно применить к нашим делам в Баку, тем делам, которые являются злобой дня, которая с одинаковым успехом волнует и рабочего и местного капиталиста.

«Сила» рабочего в прошлом году была настолько значительна, что она принудила капиталиста послѣ лѣтней стачки дать рабочему классу ряд уступок.

Рабочий взял этой силой и нормировку рабочего дня, взял подешевую плату, взял праздничные дни и др., включая сюда и три сѣны для многочисленного за себя разряда рабочих,

главным образом из туземцев персов тартальщиков, и т. д.

Но бакинскій рабочий, одержавъ временную побѣду надъ капиталистами, не сумѣлъ «защитить» своихъ интересовъ, сохранивъ за собой отвоєванные было права.

Фактическая сторона положенія дѣлъ въ данное время такова. —

Со времени знаменитой прошлогодней бакинской забастовки не прошло и 15 мѣсяцевъ, времени очень и очень непродолжительнаго, какъ отъ тѣхъ благихъ результатовъ и преобразованій не осталось почти и слѣда. Я говорю — «почти», ибо кое-что, конечно, осталось, имѣется налицо и посейчасъ; однако, судя по многимъ даннымъ, по самому настроенію, преобладающему среди промышленниковъ, приходится сказать, что и этимъ ничтожнымъ, еще уцѣлѣвшимъ, остаткамъ грозить уничтоженіе. Капиталисты — это самое главное — рѣшились наложить свою длань на всѣ завоеванія, отвоєвать ихъ и тѣмъ самымъ какъ бы доказать, что «мы все можемъ», что интересъ свой въ данномъ случаѣ они сумѣютъ защитить.

Нельзя сказать, чтобы капиталисты начали свою кампанію со вчерашняго дня. Ничуть не бывало. Наступательныя дѣйствія эти господа повели прямо таки на другой же день послѣ окончанія стачки. Доказать это можно было бы ссылкой на то, что на многихъ промыслахъ (Тифлисское т-во и др.) напр. не вводили совершенно вмѣсто прежнихъ двухъ смѣнъ для тартальщиковъ — трехъ. Но это еще были цѣвѣтчики, а ягоды стали появляться лишь въ послѣдніе 3-4 мѣсяца, и самое большее — вскорѣ послѣ начала русско-японской войны, когда въ печать проникли слухи о томъ, что въ торгово-промышленномъ дѣлѣ во многихъ мѣстахъ Россіи замѣчается застой.

Борьба капиталистовъ съ рабочими за уничтоженіе «какихъ-то» вновь пріобрѣтенныхъ послѣдними въ прошлогодніе дѣтніе дни «правъ» велась и ведется не натискомъ, не сразу, не по принципу «одинъ за всѣхъ, а всѣ за одного», а въ розницу, въ одиночку.

Но это лишь съ чисто внѣшней стороны, ибо въ дѣйствительности каждый изъ предпринимателей прекрасно сознаетъ, что онъ «гнетъ лишь туда, куда и другіе».

Но за то борьба идетъ систематическая и въ данное время отъ такихъ вещей, какъ поденная, а не сдѣльная плата, практиковавшаяся прежде, три смѣны для несчастныхъ тартальщиковъ, праздники — остались лишь одни воспоминанія.

Капиталисты успѣли все это «не спѣша, помянутому», но послѣдовательно — прибрать къ рукамъ. Что же касается до средствъ, къ какимъ г. г. нефтопромышленники для этой цѣли прибѣгали, то тутъ дѣло не обходилось и безъ «пегодныхъ».

Такъ, на заводѣ «Молотъ», желая отнять поденную плату, уменьшили ее, а когда рабочіе запротестовали, имъ предложили подать заявленіе о томъ, что они хотятъ перейти къ сдѣльной...

Послѣдніе же нѣсколько дней въ жизни рабочихъ въ Баку отмѣнены упорнымъ стремленіемъ капиталистовъ ввести старую систему расплаты за работу въ праздничные дни. Доблестный примѣръ въ этомъ начинаніи подавъ фирмой Ротшильда. Позавчера на дверяхъ конторы появилось краткое объявленіе, гласившее, что вмѣсто работы по праздникамъ до полудня и съ перерывомъ — вводится работа безъ перерывовъ для завтрака, при чемъ это время будетъ считаться не за цѣлый рабочий день, какъ то начало было съ лѣта 1903 г., а лишь за 3/4 дня, что будетъ съ сентября 1904 г. И такъ всюду и во всемъ.

Такова фактическая сторона положенія дѣлъ въ нашемъ городѣ.

Къ этому надо для полноты картины прибавить еще уже начавшіяся на мѣстныхъ заводахъ и промыслахъ то отдѣльные, то массовые случаи увольненія рабочихъ. Такъ, съ машино-строительнаго завода Хатисова, говорятъ, сразу уволено до 30 человѣкъ.

Для пониманія послѣдняго рода фактовъ не надо забывать, что у насъ сейчасъ идетъ война, и капиталисты искусно пользуются ею, какъ «уважительной» причиною для расчета рабочихъ. «Заминка въ дѣлахъ! — говоритъ тузъ — съ нефтью дѣла плохи». Но это не болѣе, какъ «видимость» — прекрасно освѣдомленные о громадной безработицѣ повсюду, капиталисты увѣрены, что бакинскій рабочий рынокъ всегда дастъ нужные для нихъ силы.

Мысли же о солидарности бакинскихъ рабочихъ съ тѣми,

которые могутъ прибыть въ случаѣ нужды, они, повидимому, совершенно не допускаютъ.

Такъ рѣзко измѣнилось у насъ положеніе дѣлъ сравнительно съ тѣмъ, какое, казалось, наступило послѣ прошлогодней битвы, данной рабочимъ классомъ классу капиталистовъ. Тогда, угрожаемые рабочими, не ожидая ниоткуда притока незанятыхъ рукъ, видя, какъ бьютъ фонтаны, какъ вода заливаетъ нефтяныя скважины — эти владыки, въ видѣ тѣхъ же Ротшильдовъ, Мантасовыхъ, сами пытались пойти навстрѣчу рабочимъ требованіямъ, пытались предлагать чуть ли не 8-часовой рабочий день, когда видныя лица изъ міра промышленниковъ и заводчиковъ держали вмѣсто всякихъ «комитетчиковъ» чуть не закигательныхъ рѣчи, обѣщая все и вся!...

Это было всего лишь въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ небольшая сравнительно кучка представителей капитала питасть надежды довести успѣшно до конца начатую кампанію противъ 40-тысячной арміи рабочаго класса и воочію доказать ему, всѣми и повсюду эксплуатируемому пролетариату, что «пока что», пока устои самодержавія еще прочно стоятъ, — «права» могутъ быть лишь у нихъ, капиталистовъ-работодателей, но не у рабочихъ, ихъ наемниковъ.

Но врядъ ли «разсчетовъ» г. г. предпринимателей увѣняются тѣмъ успѣхомъ, въ какомъ они почти уже увѣрены, врядъ ли удастся имъ отстоять свои старыя позиціи, или сдѣлать хоть нѣсколько шаговъ впередъ.

Бакинскій рабочий слишкомъ озлобленъ, слишкомъ ясно видитъ теперь ту пружину, которая незамѣтно выплываетъ изъ его рукъ всѣ его пріобрѣтенія, поіобрѣтенія, которыя — при всей своей незначительности — достаются и доставались ему съ такими жертвами, съ такими трудами. И онъ сумѣетъ направить свой ударъ на то, чтобы сломить силу сопротивленія этой главной пружины, закусившее дѣйствіе которой становится съ каждымъ днемъ яснѣе все для болѣе массы рабочаго класса. Онъ сумѣетъ не только на время отвоєвать себѣ «права», но и «защитить» отвоєванное.

Изъ партійной дѣятельности.

Въ общепартійной тайной типографіи въ Россіи выпущенъ большой сборникъ «Исторія одного преступленія» (по поводу процесса по дѣлу о Кишиневскомъ погромѣ) съ посвященіемъ «Позорной памяти Плеве». Содержаніе сборника составляютъ: передовица о Кишиневскомъ погромѣ, о другихъ преступленіяхъ Плеве и о его казни; проносецъ; нѣсколько статей, перепечатанныхъ изъ «Рев. Россіи» и «Освобожденія» съ данными объ участіи властей въ организаціи погромовъ; заключительная статья редакціи сборника. Сборникъ (величиною въ 160 стр.) снабженъ нѣсколькими хорошо исполненными иллюстраціями (жертвы Киш. погрома, видъ опустошенныхъ домовъ и т. п.) Горько поздравляемъ товарищей съ такой постановкой печатнаго дѣла, представляющей блестящую побѣду надъ полицейскими условіями.

Московский Комитетъ П. С.-Р. выпустилъ за сентябрь и октябрь мѣсяцы слѣдующія прокламаціи: «Къ учащейся молодежи» въ которой, указывая на огромную важность переживаемого нами момента, онъ призываетъ всю честную, искреннюю молодежь «въ ряды борцовъ за великое дѣло освобожденія и за святыя идеалы трудового народа»; 2 прокламаціи по поводу студенческой демонстраціи и избіенія студентовъ на Ярославскомъ вокзалѣ и Живодекѣ. Перепечатана въ количествѣ 700 экз. партійная прокламація «Къ русскимъ солдатамъ».

Саратовскій Комитетъ 13 сентября выпустилъ прокламацію о сентябрьской драмѣ въ саратовской тюрьмѣ.

Смоленскій Комитетъ и Витебская Группа выпустили № 1 «Рабочаго Листка» (одного содержанія) въ количествѣ 700 экз. каждый (печ.).

Одесскій Комитетъ издалъ прокламацію «Къ учащейся молодежи» (октябрь). Прокламація заканчивается слѣдующимъ призывомъ:

«Современный, крайне острый историческій моментъ предъявляетъ запросъ на всѣ живыя силы страны. Вы ли окажетесь мертвыми? Самоуничтоженіе, этотъ дикій згвѣрь, неспосто терзавшій недавно страну когтями Плеве, дававшій и угнетающій ее постоянно, раненъ, — то ропаются же добывать его! Самодержавіе ослаблено и позорной войной, и всѣмъ революционнымъ движеніемъ вообще, и актомъ 15 іюля въ частности. Въ лицѣ Святополка-Мирскаго оно ищетъ теперь примиренія съ частью общества, конечно, до поры до времени, пока не наберетъ силъ для новаго натиска, и политическій кретинизмъ части русскихъ либераловъ можетъ расположить ихъ къ поддержкѣ прави-

тельства, въ ожиданіи будущихъ благъ. Но намъ, учащаяся молодежь, этотъ крестинизмъ, символъ полной политической дряблости и безпринципности, не можетъ не быть глубоко противенъ.

Другіи же на врага и пусть не будетъ ему пошадъ!

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ социализмъ!

Калужской Группой с.-р. переиздана на гектографѣ прокламація Московскаго Комитета «Къ учащейся молодежи», по поводу войны.

Тульская Группа выпустила 2 прокламаціи «Къ новобранцамъ», въ кол. 200 и 500 экз. (гект.).

Красноярская Группа выпустила на гектографѣ «Къ рабочимъ депо», въ количествѣ 45 экз., прокламацію, призывающую къ стачкѣ.

Тифлисская Группа выпустила 2 прокламаціи «Къ мюльканамъ, баптистамъ, египтистамъ, дубоборамъ и другимъ христіанамъ свободной церкви» (мимеогр.) и «Къ запаснымъ» (печати).

Ванінская Группа въ сентябрѣ выпустила слѣд. прокламаціи: «Послѣднія вѣсти изъ Якутской области», «О царскомъ манифестѣ» — 1000 экз. и «Кто главный виновникъ войны» — 1000 экз. Обѣ послѣднія перепечатаны съ прокламаціей Одесскаго Ком. Въ октябрѣ была отпечатана брошюра въ 16 стр. «Наши задачи», въ которой излагается популярнымъ языкомъ отличіе нашей программы и тактики отъ с.-д. (Перепечатка изъ № 1 Листка Бѣлостокской Организациі С.-Р., издана въ 3000 экз.). Раньше группой были переизданы брошюра «Социализмъ и первое мая» (1200 экз.), отчетъ о профессѣ Гершуни изъ «Р. Р.» (1200 экз.), съ приложеніемъ портрета обвиняемаго, «Проектъ программы», изъ № 46 «Р. Р.», прокламація Боевой Организациі по поводу убійства Плеве (2000) и издана самостоятельная прокламація «Убійство Плеве» (1000 экз.).

Въ предыдущихъ №№, между прочимъ, не были отмѣчены слѣдующія вышедшія въ разное время прокламаціи: Харьковского Комитета П. С.-Р.: «Къ рабочимъ паровозостроительнаго завода», «Ко всѣмъ», «Къ отцамъ и матерямъ»; Харьковского Союза Рабочихъ С.-Р.: «Отказывайтесь отъ устройства судо-охранительной кассы» и «Ко всѣмъ трудящимся»; Пензенскаго Комитета — По поводу гибели Плеве; Николаевской Рабочей Организациі С.-Р.: «Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Николаева».

Р. С. Редакция проситъ Комитеты и Группы Партии аккуратно высылать ей издаваемые прокламаціи, не забывая на каждомъ экземпляре приписывать перечню ранее выходившихъ прокламацій и количество экз., въ которыхъ онѣ были изданы, что безусловно необходимо для полноты и точности регистраціи.

I. ПИСЬМО ТОВАРИЩА ВЕЙЦЕНФЕЛЬДА.*)

Когда объявили слѣд обвиненіе въ принадлежности къ Боевой Организациі, слѣдователь павно или нахально обратился ко мнѣ съ вопросомъ: дѣйствительно ли такъ жестоко обращаются съ политическими и со мною, какъ описывается въ брошюрѣ «Свободѣ». Да, надо сознаться, что въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ въ Петропавловской крѣпости и въ Домѣ предварительнаго заключенія, не такъ издѣваются надъ политическими и уголовными, какъ въ Москвѣ. Стыдъ и позоръ, что мы еще терпимъ такая вещи... Во главѣ такой громадной тюрьмы, какъ Пересыльная Центральная тюрьма, стоитъ не человѣкъ, а какой то дикій, жестокий, необузданный звѣрь, дающій полную волю языку и рукамъ; а, подражая ему, помощники и надзиратели такъ же гадко ругаются, оскорбляютъ издѣваются, звѣрски избиваютъ, бьютъ «по мордамъ» вездѣ и всѣхъ: политическихъ, срочныхъ, ссыльнонагоржныхъ обоого пода. Я не стану подробно описывать, какъ надо мною съ первой минуты прибытія въ тюрьму начальникъ и его помощникъ издѣвались, оскорбляли грубо, пахально «тыкали», учили, какъ держать руки и ноги въ ихъ присутствіи... И все это, несмотря на то, что не было ни малѣйшаго намѣренія оскорблять кого бы то не было. Только за то, что я пріислѣ въживлю, прилично помощника, чтобы вставили стекла въ той клѣткѣ, въ которой меня держатъ одиноко, потому что тогда въ маѣ было холодно очень, — онъ съ на-

хальнымъ, самодовольнымъ и злобнымъ выраженіемъ на лицѣ процѣдилъ сквозъ зубы; «т-т-тебѣ не вставятъ стеклы», и на мою сдержанную просьбу не такъ оскорбительно тыкать онъ отправилъ меня въ безчеловѣчный, темный, сырой, холодный и грязный карцеръ, гдѣ я простоялъ 48 часовъ на погахъ безъ пищи. Послѣ всѣхъ откорбленій и издѣвательствъ и оскорбительныхъ, смѣшныхъ объясненій начальника, что прокурорамъ выгодно говорить мнѣ «Вы», а администраціи «тыкать», я долженъ перейти къ описанію того жестокаго преступленія, которое совершено на дняхъ надъ моими товарищами и мною. 9-го іюля въ 4 часа дня со всѣхъ оконъ тюрьмы блѣдныя, дрожащія негодваніемъ лица ссыльнонагоржныхъ были обращены къ окну моей клѣтки, и, перебивая другъ друга знаками, криками, глубокими вздохами возмущенія и жалости, сообщали мнѣ, что политическіе Сѣверной башни сейчасъ были звѣрски избиты надзирателями и что еще бьютъ ихъ въ карцерахъ, откуда слышны раздирающіе душу крики; эти возмущенныя лица грозили начальству, клялись, что напишутъ заявленія и вызовутся къ прокурору въ качествѣ свидѣтелей. Между прочимъ, я самъ, вслѣдствіе того, что начальство поставило меня въ невозможныя условія, уже 5 дней не принималъ горячей пищи, (т. е. обѣда и кнѣткы). Я тотчасъ же, какъ только узналъ объ этомъ преступленіи надъ товарищами, позвонилъ и просился къ начальству, такъ какъ я былъ уйрѣнъ, что Егоровъ, помощникъ, въ конторѣ или на верху, — я его самъ видѣлъ да и воѣ его видѣли. Надзиратель отказался доложить и велѣлъ мнѣ ждать до... проверки. Тогда мнѣ осталось безпрестанно звонить и стучать въ двери, что и сдѣлалъ. Надзиратели сейчасъ доложили, что я бунтую, и меня вызвалъ помощникъ Егоровъ (онъ почему-то особенно ненавидитъ меня и преслѣдуетъ, не знаю за что). Онъ: «Что угодно?» Я: «Я узналъ, что звѣрски избивли людей и бросили ихъ въ безчеловѣчный карцеръ». Онъ (пронически): «Съ кѣмъ имѣю честь говорить?» Я: «Хотя съ ссыльнонагоржнымъ, но съ человѣкомъ». Онъ: «Чѣмъ могу служить?» Я: «Я требую освобожденія товарищей изъ безчеловѣчнаго карцера». Онъ велѣлъ меня отвести въ одну изъ нижнихъ этажей Сѣверной башни, и черезъ 10 минутъ меня еще разъ вызвали въ контору, и на этотъ разъ меня встрѣтилъ самъ начальникъ со словами: «Ты что бунишь?» Я: «Я не бунишь, но избивли людей... и я не хочу отъ васъ терпѣть «ты». Онъ (къ надзирателямъ): «Отведите-ка его въ карцеръ». Я: «Я голодаю буду — и требую къ себѣ прокурора»... Тутъ онъ набросился на меня съ разными гадкими ругательствами. Я (все еще сдержано): «Не хочу терпѣть «ты»...» Не успѣлъ я еще кончить, какъ онъ, какъ дикій звѣрь, съ ругательствами «скотина, негодяй» въбѣгнулъ въ мое лѣвое плечо и сильно ущипнулъ, и я извѣстия отъ побоевъ только благодаря тому, что помощники захватили его руки, а надзиратели выхватили меня изъ его рукъ и повели въ карцеръ. Не успѣлъ я еще очнуться отъ всего этого въ корридорѣ, какъ я слышу, какъ за мною кричатъ: «шляпу снимите съ него» — и надзиратели сорвали съ меня шляпу. Это кричалъ помощникъ Егоровъ. Я былъ страшно возмущенъ и просто физически не могъ стоять на одномъ мѣстѣ, а Егоровъ кричалъ на меня: «Стои смирно»; Я ему разъясняю, что если бы и хотѣлъ стоять смирно, то я физически не въ состояніи это выполнить. Тогда онъ велѣлъ надѣть на меня какую то смиренную рубашку (не надѣли), и самъ повелъ меня въ карцеръ, гдѣ послѣ тщательнаго обыска втолкнули меня въ карцеръ. Оттого, что я сильно былъ уже истощенъ, возмущенъ, а въ карцерѣ невыносимо волило, и нечѣмъ было дышать, я сильно закашлялся и слезы отъ жгучей обиды и стыда за людей ползли по рукамъ. Но скоро я пересталъ плакать: стоны избитыхъ товарищей остановили мои слезы. Звѣрски ихъ били въ камерахъ, на дворѣ и въ карцерѣ. У одного подбить глазъ, у другого синяки на тѣлѣ, у остальныхъ шишки на головахъ, исцарапаны руки, ноги, лицо, поматы бока... Они просили доктора къ себѣ, но отказали въ этомъ. Я узналъ отъ нихъ что положеніе ихъ въ башнѣ ужасно. Обѣдъ подають въ древянныхъ бакахъ (ведрахъ); библиотеки нѣтъ тамъ и т. д. Только потому, что они напѣвали тихо себѣ отъ нечего дѣлаютъ въ ихъ страшно маленькихъ одиночкахъ, имъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ грозили карцеромъ и т. д. Ихъ было 5 человѣкъ, послѣдственныхъ: Троянскій, Мазуринъ, Бибииковъ, Мякишевъ, Чураевъ. Мы требовали къ себѣ начальника, чтобы попросить, потребовать медицинскій помощи и прокурора. Онъ на другой день явился въ сопровожденіи помощника и пьяныхъ надзирателей. Ми

*) Осужденъ по дѣлу Г. А. Гершуни на 4 г. каторжныхъ работъ; еврей-рабочій, принимавшій участіе въ Екатеринбургскомъ Комитетѣ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Исправляемъ орфографію подлинника (письмо писано по русски, а тов. Вейценфельдъ плохо владѣетъ русскимъ языкомъ).

тотчас же поняли, что в этой сырой могиле он собирается еще раз злѣрски избить насъ. Когда Чураевъ вызвался, начальник тотчасъ закричалъ на него: «Стой, смирно! Ты солдатъ». Тотъ понялъ, что его будутъ бить, и, не успѣвъ сказать то, что хотѣлъ, поспѣшилъ обратно въ карцеръ, потому что онъ еще не успѣлъ отдохнуть отъ первыхъ побоевъ. Тогда начальникъ сильно ударилъ его и закричалъ надзира-телямъ: «Бейте его въ морду». И повалили его, и били, подбили глазъ и разбили голову. Начальникъ заявилъ, что онъ продержитъ насъ трое сутокъ (мы отказались всѣ отъ пищи), а потомъ придетъ прокуроръ. И обѣщалъ прислать вечеромъ доктора, но не прислалъ, а только на третій день прислалъ фельдшера. Насъ, измученныхъ, освободили 12-го передъ вечеромъ. Сегодня, 13-го, прокуроръ еще не приходилъ. Больные товарищи голодаютъ — и будутъ голодать до его прихода; и только тогда перестанутъ голодать, если онъ имъ дастъ письменное обѣщаніе, что разсѣдуетъ дѣло объ ихъ избіеніи и передастъ его судебной палатѣ, удовлетворитъ нѣкоторые необходимые требованія, оградитъ ихъ и меня отъ дальнѣйшихъ оскорбленій и т. д... Меня, голоднаго, измученнаго, какъ только выпустили изъ карцера, тотчасъ же закопали въ кандалы. Здоровье мое нуждается въ сильной поддержкѣ. Но не смотря на то, что у меня есть деньги, я раньше и теперь особенно лишенъ возможности выписывать себѣ молоко, обѣды и т. дал., потому что начальникъ не хочетъ, не мотивируя этого ничѣмъ. И я теперь, закованный въ кандалы, лежу еще разъ въ клѣткѣ за желѣзной рѣшетчатой дверью и вѣншей деревянной, и такъ же торчитъ передъ носомъ параша, и такъ же лишенъ возможности прислуживать себѣ, какъ всѣ ссыльнокаторжные, и каждую минуту можете нагрянуть Егоровъ и начальникъ и оскорблять, и издѣваться надо мною и потомъ послать меня въ безчеловѣчный карцеръ. — Но, братья, тужить нечего! Да здравствуетъ политическая свобода и братство! Да здравствуетъ жизнь! Миръ чудесен! Въ мирѣ есть добро и мудрость! Въ этомъ чудномъ мирѣ мы жертвуемъ и боремся за добро. Что же значить страданіе! Вы только, братья, пока вы еще свободны, побольше дѣлайте добра во имя добра, побольше отрывайте, уничтожайте, что мѣшаетъ осуществленію добра! Въ этомъ сознаніи, что бороться за добро есть добро, торжествуетъ и по-сторжествуетъ все мое утѣшеніе! Привѣтъ вамъ, братья!

Братъ Вашъ ссыльнокаторжный Вейценфельдъ.

К. Н. Ивановъ.
(Некрологъ).

Еще одна жертва, еще потеря одного изъ лучшихъ труженниковъ революціоннаго дѣла. 19 августа с. г. въ Якутской больницы умеръ отъ брюшнаго тифа Константинъ Николаевичъ Ивановъ. К. Н. всею душою былъ преданъ революціонному дѣлу, дѣлу борьбы за счастье трудящейся массы. Онъ не бросалъ громкихъ фразъ, но каждый его поступокъ, каждый его шагъ показывалъ, что народное благо, служение этому благу — было единственною цѣлью его жизни. Для этой цѣли онъ жертвовалъ всѣмъ и страшно тяготился, когда условія жизни мѣшали ему работать на благо родины...

К. Н. родился въ Костромѣ въ одной изъ тѣхъ счастливыхъ семей, гдѣ лучшія качества дѣтей не только не заглушаются, но, напротивъ, развиваются и укрѣпляются. Его отецъ и мать развили въ немъ любовь къ самостоятельности и труду. Кончивъ курсъ въ костромскомъ реальномъ училищѣ, К. Н. поступилъ въ СПб. технологическій институтъ, гдѣ скоро сошелся съ членомъ народвольческаго кружка и примкнулъ къ нему. Въ 95 году онъ былъ арестованъ, просидѣвъ годъ въ Петропавловкѣ и затѣмъ былъ высланъ въ Вятку на 8 лѣтъ. Съ первыми же днями приѣзда въ Вятку К. Н. рѣшилъ бѣжать изъ ссылки: «Кто можетъ, тотъ долженъ бѣжать въ Россію и работать тамъ. Теперь тамъ очень нужны люди», — говорилъ онъ. И всѣ его помыслы были направлены въ эту сторону. Онъ страшно тяготился первой неудачей. Но вотъ черезъ 4 года ему удалось возвратиться въ Россію (уѣзжать за границу онъ считалъ почти преступленіемъ). Здѣсь ему пришлось пережить очень много невзгодъ: данный ему адресъ оказался бесполезнымъ, ибо адресатъ уѣхалъ за границу. Оставшись безъ средствъ и съ плохимъ паспортомъ, не имѣя связей, онъ поступилъ въ одну изъ слесарныхъ мастерскихъ слесаремъ. Затѣмъ перѣхалъ на югъ, годъ тоже работалъ въ качествѣ слесаря. Завелъ сношенія съ партіей с.-р., исполняя отвѣтственные роли и живя нелегально. Въ 1901 г. онъ былъ снова арестованъ въ Нижнѣмъ, куда имѣлъ порученіе отъ организаціи. (Тамъ была арестована большая типографія «Раб. Знаменія»). Снова просидѣвъ годъ въ Петропавловкѣ, К. Н. былъ вторично высланъ въ Вост. Сибирь на 8 лѣтъ. Мысль о побѣдѣ не покидала его. Но не такъ то легко было сдѣлать это теперь. Хотя теперешняя ссылка не такъ тяжела, тѣмъ не менѣе тратить на нее время — было слишкомъ большою жертвою для К. Н. Самъ онъ, вѣроятно, не замѣчалъ того, какое значеніе имѣло его присутствіе для товарищей ссыльных. Въ минуты

упадка духа, въ минуты отчаянія многие изъ молодыхъ товарищей находили у него дружескій откликъ, привѣтъ и ободреніе. Болро, возвращаясь къ нимъ, отчаяніе исчезало. Не показнымъ красноречіемъ и не блескомъ аргументацій привлекалъ онъ къ себѣ юныхъ ссыльных, а своей задумчивостью, своимъ поведеніемъ, своею скромностью. Сколько свѣта и теплоты было въ его отношеніяхъ къ людям! Онъ прежде всего былъ благороднымъ человекомъ и искреннимъ революціонеромъ... Въ концѣ 1903 года онъ снова бѣжалъ изъ ссылки по на этотъ разъ путь его былъ слишкомъ труденъ, ему пришлось много перенести невзгодъ подлѣ открытыя небомъ, подлѣ дождя, организмъ его не вынесъ... Миръ тебѣ, дорогой другъ и товарищъ: Всякій, знавшій тебя, съ любовью будетъ вспоминать о тебѣ, память о тебѣ ободритъ многихъ юныхъ товарищей.

ОТЧЕТЪ КАССЫ ЗАГРАНИЧНАГО КОМИТЕТА П. С. Р. За сентябрь 1904 г.

Приходъ (во франкахъ): Остатокъ съ августа — 1215.95, изъ Америки — 659.20, двое на бібліотеку — 11, свѣтская дам — 500, санюлоты — 15.50, Ноліве — 1750, добрал дама — 132.50, индивидуалистъ на народную лит. — 300, съ реферат на итал. стач. — 15, ближній — 100, ссыльная учительница на народную лит. — 25, крахмальный — 1, сочувствующій — 810 преданный — 132.50, вѣрный — 530, Жеванки — 300, «во таки» — 500, не свои — 600, изъ Льежа отъ предпріятія — 28.80, не журналистъ — 450, К. Д. — 100, Цюрихъ: пожертвовано — 2, Г. г. на Р. Р. — 9, отъ предпріятія — 19.40 членскіе взносы — 95; за литературу: сѣверяне — 18, подпички — 10, Реп. — 10, изъ магазина — 177.10, Беатенберг — 14.75, изъ Гертенштейнъ — 8.10, Женева — 25.90, Льеж — 9.20, изъ М. за лит. — 5.50, изъ А. 3.70, Цюрихъ — 30.8' изъ Ростова — 26.50. Итого — 8641.40.

Расходъ — 7489.70. На октябрь остается въ кассѣ — 1151.70

За октябрь 1904 года.

(Во франкахъ). Остатокъ отъ сентября — 1151.70, Акимусъ — 500 отъ Казани — 100, изъ Петербурга черезъ нѣм. сапожника — 57.80 (22 р.), изъ Карсруа — 92.20, Набоицкая душа — 300, Ричардъ — 79.50, математикъ — 147.60, «Все таки» — 1130, возвр. долги — 50 и 280, на изданіе «Нар. Воли» — 50, изъ Берлина — 17.50, сборъ въ Женовѣ — 17, отъ Ив. на Р. Р. — 20, идеалистъ — 1600, Почт. бон. — 5, Ближній — 100, изъ Цюриха — 25, съ реф. въ Лозаннѣ — 55.20, черезъ Н. Н. — 132.50, черезъ математика изъ Н. — 62, К. Д. — 40, Рум. депутатъ — 5, изъ Льежа: возвр. долгъ — 10, за велосипедъ — 10, по парт. листу — 10.35, раешникъ — 6.70, на жарг. лит. — 6.75, карточки — 9.85, предпріятіе — 0.60. Съ реф. въ Бернѣ — 16.70, Цюрихъ: предпріятіе — 8.75, съ реф. — 20.85. Членскіе взносы — 126.50. За литературу: Парижъ — 51.90, Льежъ — 33.80, Антверпенъ — 39.60, Брюссель — 8, за Летучій Листокъ — 16, Бернъ — 9, Д. — 30.50, отъ Жюль. — 17.75, Вос. Прага — 6, Цюрихъ — 39.05 и 36.05. В. — 13.50, К. — 22.50, Ф. — 72, Лозанна (и долгъ) — 75.50, Парижъ — 11.35, Фрибургъ — 5.50, Интерлангенъ — 6, Д. — 16.55, Женева — 35.60, изъ Россіи — 26.50. Черезъ Центральный Комитетъ — 1500. Итого — 8316.75. Расходъ — 4854.15. На ноябрь въ кассѣ остается — 3462.60.

ОТЧЕТЪ ЭМИГРАНТСКОЙ КАССЫ П. С.-Р.

(Съ октября 1903 по ноябрь 1904 г.)

(Во франкахъ). Съ 1-го октября 1903 по 1 июля 1904 г. поступило 1219.75; израсходовано 1148.05. За это время ежемѣсячныя пособія выданы 6 лицамъ, одновременно — 24, замѣообразно — 3. Къ 1 июля находилось въ кассѣ 70.95. Съ 1 июля по 1 ноября 1904 г. поступило: партійныхъ отчисленій 274.90, членскихъ взносов 131.25, единовременныхъ взносов 181.75, по листу (№ 21 — 10, № 5 — 5, № 52 — 20,) 35, по листу на рефератъ 9.45, изъ Ниццы 100, Гейдельберга 162.35, Цюриха 31.50, Льежа 75.25, Антверпена 10, Фрибурга 10, пожертвовано въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцѣ 47, отъ проживающей 265, отъ S. F. of R. F. 125, для Д. 50, черезъ Н. Н. 132.50, черезъ В. С. 122.50, на пальто 25, возвращено долгу 25. Итого — 1884.40.

Расходъ: на эмигрантскую квартиру 100, различные расходы на эмигрантскую квартиру 49.35, на эмигрантскую столовую 278.25, единовременныхъ пособій 14 лицамъ 188.50, ежемѣсяч. пособій 9 лицамъ 663, на одно предпріятіе въ пользу эмигр. 170, замѣообразно 4 лицамъ 77, почтовыхъ расходовъ 1. Итого — 1527. Осталось въ кассѣ къ 1 ноября 357.40.

Съ 1 октября 1903 г. по 1 ноября 1904 г. поступило въ эмигрант. кассу 3120.60. израсходовано 2763.20.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

САРАТ. ДРУЗЬЯМЪ. Большая присылка получена. А. А. Два письма получены. Почему не уѣзжаете? ТОВАРИЩУ-ДРУГУ. Письмо получено. Отвѣтъ почтой. МІРСКОМУ. Изъ мѣста назначенія атакують письмами. Если не вы, то другой долженъ туда явиться.

Получено на памятникъ Полянова: отъ тронхъ — 15 и 25; отъ М. и В. Г. — 100; для «Рев. Рос.» отъ тронхъ — сто рублей.

Отъ банкира 200 руб. Ц. К.-томы получены.

Ст. И. Левицкаго «Жалкіе изоброты Искры» пойдетъ въ свѣд. №.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.